

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Дневники. Лев Николаевич Толстой

17 марта. [Казань.] Вот уже шесть дней, как я поступил в клинику, и вот шесть дней, как я почти доволен собою. [...] Здесь я совершенно один, мне никто не мешает, здесь у меня нет услуги, мне никто не помогает следовательно, на рассудок и память ничто постороннее не имеет влияния, и деятельность моя необходимо должна развиваться. Главная же польза состоит в том, что я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимают за следствие молодости, есть не что иное, как следствие раннего разврата души.

Уединение равно полезно для человека, живущего в обществе, как общественность для человека, не живущего в оном. Отделись человек от общества, взойди он сам в себя, и как скоро скинет с него рассудок очки, которые показывали ему все в превратном виде, и как уяснится взгляд его на вещи, так что даже непонятно будет ему, как не видал он всего того прежде. Оставь действовать разум, он укажет тебе на твое назначение, он даст тебе правила, с которыми смело иди в общество. Все, что сообразно с первенствующею способностью человека – разумом, будет равно сообразно со всем, что существует; разум отдельного человека есть часть всего существующего, а часть не может расстроить порядок целого. Целое же может убить часть. Для этого образуй твой разум так, чтобы он был сообразен с целым, с источником всего, а не с частью, с обществом людей; тогда твой разум сольется в одно с этим целым, и тогда общество, как часть, не будет иметь влияния на тебя.

Легче написать десять томов философии, чем приложить какое-нибудь одно начало к практике.

18 марта. Я читал "Наказ" Екатерины, и, так как дал себе вообще правило, читая всякое сурьезное сочинение, обдумывать его и выписывать из него замечательные мысли, я пишу здесь мое мнение о первых шести главах этого замечательного произведения.

[...] Понятия о свободе под правлением монархическим суть следующие: свобода, говорит она, есть возможность человека делать все то, что он должен делать, и не быть принужденным делать то, что не должно делать. Я бы желал звать, что понимает она под словом должно и не должно; ежели она разумеет под словом, что должно делать, естественное право, то из этого ясно следует, что свобода может только существовать в том государстве, в законодательстве которого право естественное ни в чем не разнится с правом положительным мысль совершенно верная. [...]

19 марта. Во мне начинает проявляться страсть к наукам; хотя из страстей человека эта есть благороднейшая, но не менее того я никогда не предамся ей односторонне, т. е. совершенно убив чувство и не занимаясь приложением, единственно стремясь к образованию ума и наполнению памяти. Односторонность есть главная причина несчастий человека. [...]

21 марта. В X главе излагаются основные правила и опаснейшие ошибки, касающиеся до уголовного судопроизводства.

В начале этой главы она задает себе вопрос. Откуда происходят наказания и откуда происходит право наказывать? На первый вопрос она отвечает: "Наказания происходят от необходимости охранения законов". На второй отвечает тоже весьма остроумно. Она говорит: "Право наказывать принадлежит одним законам, а делать законы может только монарх, как представитель всего государства". Во всем этом "Наказе" представляются нам постоянно два разнородные элемента, которые Екатерина постоянно хотела согласить: именно, сознание необходимости конституционного правления и самолюбие, то есть желание быть неограниченной властительницей России. Например, говоря, что в монархическом правлении только монарх может иметь законодательную власть, она принимает существование этой власти за аксиому, не упоминая происхождения ее. Низшее правительство не может накладывать наказаний, ибо оно есть часть целого, а монарх имеет это право, ибо он есть представитель всех граждан, говорит Екатерина. Но разве представительство государем народа в неограниченных монархиях есть выражение совокупности частных, свободных волей граждан? Нет, выражение общей воли в

неограниченных монархиях есть следующее: я терплю зло меньшее, ибо если бы не терпел его, подвергнулся бы злу большему.

24 марта. Я много переменялся; но все еще не достиг той степени совершенства (в занятиях), которого бы мне хотелось достигнуть. Я не исполняю того, что себе предписываю; что исполняю, то исполняю не хорошо, не изодряю памяти. Для этого пишу здесь некоторые правила, которые, как мне кажется, много мне помогут, ежели я буду им следовать. 1) Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что. 2) Что исполняешь, исполняй хорошо. 3) Никогда не справляйся в книге, ежели что-нибудь забыл, а старайся сам припомнить. 4) Заставь постоянно ум твой действовать со всею ему возможною силою. 5) Читай и думай всегда громко. 6) Не стыдись говорить людям, которые тебе мешают, что они мешают; сначала дай почувствовать, а ежели он не понимает, то извинись и скажи ему это. Сообразно с вторым правилом, я хочу непременно кончить комментировать весь наказ Екатерины.

[...] В главе XIII говорится о рукоделиях и торговле. Справедливо замечает Екатерина, что земледелие есть начало всякой торговли и что в той земле, где люди не имеют своей собственности, земледелие процветать не может; ибо люди обыкновенно больше пекутся о вещах, им принадлежащих, чем о вещах, которые от них могут быть всегда отняты. Вот причина, по которой в нашем отечестве земледелие и торговля процветать не могут до тех пор, пока будет существовать рабство; ибо человек, подвластный другому, не только не может быть уверен постоянно владеть своею собственностью, но даже не может быть уверен в своей собственной участи. Потом: "Искусным земледельцам и ремесленникам должно давать премии". По моему мнению, в государстве равно необходимо наказывать зло, как вознаграждать добро.

25 марта. Недостаточно отвращать людей от зла, нужно еще их поощрять к добру. Далее она говорит, что тех народов, которые по климату ленивы, надо приучать к деятельности отнятием у них всех способов пропитания, исключая труда; замечает тоже, что эти народы обыкновенно бывают склонны к гордости, и что самая эта гордость может служить орудием к истреблению лени. Народы, по климату ленивые, всегда бывают одарены пылкими чувствами, и ежели бы они были деятельны, то государство было бы несчастнее. Лучше бы сделала Екатерина, ежели бы сказала: люди, а не народы. И в самом деле, прикладывая ее замечания к частным лицам, мы найдем, что они чрезвычайно справедливы.

Потом она говорит, что в многонаселенных странах машины, заменяющие руки работников, часто не нужны и пагубны, а что для вывозимых рукоделий чрезвычайно нужно употреблять машины, ибо те народы, которым мы продаем их, могут купить такие же товары у соседственных народов.

Я думаю совершенно напротив, машины для рукоделий, внутри государства обращающихся, бесконечно полезнее машин для рукоделий вывозимых товаров. Ибо машины для рукоделий общепользны, сделав эти рукоделия много дешевле, улучшили бы состояние граждан вообще; между тем как вывозимые товары приносят выгоды только одним частным лицам. Мне кажется, что причина бедности низшего класса в Англии есть та, что: во-первых, он не имеет поземельной собственности, и, во-вторых, потому, что там все внимание исключительно устремлено на торговлю внешнюю.

Весьма справедливо говорит Екатерина, что великое зло для торговли суть монополии. По моему мнению, монополия есть зло и притеснение торговле, купечеству и самим гражданам. Для торговли это есть зло потому, что ежели бы монополии не существовало, то вместо одного лица или компании, занимающейся этой частью торговли, занимались бы ею большее число торгующих. Для купечества потому, что оно лишено участия в этой части торговли. И для граждан потому, что каждый монопол дает как бы свои законы гражданам. К несчастью, это зло в нашем отечестве пустило глубокие корни.

Далее Екатерина говорит о том, что весьма бы было полезно устроить банк; но, чтобы граждане не сомневались в неприкосновенности этого банка, нужно, чтобы он был учрежден при каком-нибудь благотворительном заведении.

Чрезвычайно странны многие мысли Екатерины; она постоянно хочет доказать, что, хотя монарх не ограничен ничем внешним, он ограничен своей совестью; но ежели монарх признал себя, вопреки всем естественным законам, неограниченным, то уже у него нет совести, и он ограничивает себя тем, чего у него нет. Потом Екатерина

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
старается доказать, что ни монарх, ни благородные не должны заниматься торговлею. Что монарх не должен заниматься торговлею, это ясно, ибо ему не нужно бы было даже торговать, чтоб завладеть всем в своем государстве, ежели бы он этого хотел.

Но почему же благородные в России не должны торговать? Ежели бы у нас была аристократия, которая бы ограничивала монарха, то в самом деле ей бы и без торговли было бы много дела. Но у нас нет ее. Наша аристократия рода исчезает и уже почти исчезла по причине бедности; а бедность произошла оттого, что благородные стыдились заниматься торговлею. Дай бог, чтобы в наше время благородные поняли свое высокое назначение, которое состоит единственно в том, чтобы усилиться. Чем поддерживается деспотизм? Или недостатком просвещения в народе, или недостатком сил со стороны угнетенной части народа.

[...] в XV главе говорится о дворянстве. Здесь Екатерина определяет, что есть дворянство и какая обязанность его; именно, обязанностью его она полагает защищение отечества и чинение в оном правосудия. Основными правилами же его она полагает добродетель и честь. Montesquieu признавал только одну честь основанием (principe) всего монархического правления, она же прибавляет к ней еще добродетель; в самом деле, добродетель может быть принята за основание монархического правления. Но история доказывает нам, что этого еще никогда не было. Замечательна ее мысль о том, что никто лишит права дворянства не может дворянина, ежели он достоин этого звания. В заключении о дворянстве она говорит, что пользоваться славой и почестями имеют право те, которых предки достойны были славы и почестей. После басни Крылова о гусях против этой ложной мысли ничего больше сказать нельзя. [...]

26 марта. В XX главе содержатся разные статьи, требующие объяснения. Сначала говорится о преступлении в оскорблении Величества. Именно – это преступление есть совокупление слов с действием, стремящееся ко вреду монарха или монархии. Например, когда гражданин выходит на площадь и возбуждает народ словами, то он наказывается, но не за слова, а за действие, которого началом или следствием были эти слова. Речи же, против правительства клонящиеся, по причине трудности доказать это преступление, не должны быть наказываемы смертью, как вообще все преступления против Величества, а просто исправительными наказаниями. Письма же такого рода должны быть наказываемы смертью. Это постановление доказывает ясно, что в деспотическом правлении монарх не может надеяться на верность граждан. Почему? Потому что, так как в деспотии нет договора, посредством которого одно лицо имело бы право, а граждане обязанность, и наоборот, а властью этой завладело одно лицо посредством силы, то и говорю я: так как такого договора в деспотии не существовало, то и обязанности со стороны граждан существовать не может.

[...] Вообще о "Наказе" императрицы Екатерины можно сказать следующее. В нем, как я уже прежде сказал, везде мы находим два противоположных начала дух революционный, под влиянием которого находилась тогда вся Европа, и дух деспотизма, от которого тщеславие ее заставляло ее не отказываться. Хотя она создала превосходство первого, не менее того в ее "Наказе" преобладает последний. Она республиканские идеи, заимствованные большей частью от Montesquieu (как справедливо замечает Мейер), употребляла как средство для оправдания деспотизма, но большей частью неудачно. От этого-то в ее "Наказе" нам часто встречаются мысли, нуждающиеся в доказательствах, без оных, мысли республиканские рядом с мыслями самыми деспотическими и, наконец, часто выводы, совершенно антилогические.

При первом взгляде на этот "Наказ" мы узнаем, что это был плод ума женщины, которая, несмотря на свой великий ум, на свои возвышенные чувства, на свою любовь к истине, не могла подавить своего мелочного тщеславия, которое помрачает ее великие достоинства. Вообще мы находим в этом произведении более мелочности, чем основательности, более остроумия, чем разума, более тщеславия, чем любви к истине, и, наконец, более себялюбия, чем любви к народу. Это последнее направление проявляется во всем "Наказе", в котором мы находим только одни постановления, касающиеся публичного права, то есть отношений государства (ее собственных отношений, как представительницы оно), чем гражданского, то есть отношений частных граждан. В заключение скажу, что "Наказ" этот принес больше славы Екатерине, чем пользы России.

([7] апреля. 8 часов утра.) я никогда не имел дневника, потому что не видал

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
никакой пользы от него. Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития. В дневнике должна находиться таблица правил, и в дневнике должны быть тоже определены мои будущие деяния. Через неделю ровно я еду в деревню. Что же делать эту неделю? Заниматься английским и латинским языком, римским правом и правилами. Именно: прочесть "vicar of wakefield", изучив все незнакомые слова, и пройти 1-ю часть грамматики; прочесть как с пользой для языка, так и для римского права первую часть институций, и окончить правила внутреннего образования, и отыграть потерянное лане в шахматы.

(5 апреля. 6 часов утра.) Надежда есть зло для счастливого и добро для несчастного.

Хотя я уже много приобрел с тех пор, как начал заниматься собою, однако еще все я весьма недоволен собою. Чем далее подвигаешься в усовершенствовании самого себя, тем более видишь в себе недостатков, и правду сказал Сократ, что высшая степень совершенства человека есть знать то, что он ничего не знает.

9 апреля (6 часов утра). Я совершенно доволен собою за вчерашний день. Я начинаю приобретать волю телесную; но умственная еще очень слаба. Терпение и прилежание, и я уверен, что я достигну всего, что я хочу.

17 апреля. Все это время я вел себя не так, как я желал себя вести. Причиной тому было, во-первых, мой переход из клиники домой; а во-вторых, общество, с которым я стал иметь больше сношений. Из этого я заключил, что при всякой перемене положения надо очень основательно подумать о том, какие внешние обстоятельства будут иметь влияние на меня при новом положении и каким образом можно устранить это влияние. Ежели мой переход из клиники домой мог произвести на меня такое влияние, какое же влияние произведет на меня мой переход от жизни студенческой к жизни помещичьей?

Перемена в образе жизни должна произойти. Но нужно, чтобы эта перемена не была произведением внешних обстоятельств, но произведением души. Здесь мне представляется вопрос: какая цель жизни человека? Какая бы ни была точка исхода моего рассуждения, что бы я ни принимал за источник онога, я прихожу всегда к одному заключению: цель жизни человека есть всевозможное способствование к всестороннему развитию всего существующего. Начну ли я рассуждать, глядя на природу, я вижу, что все в ней постоянно развивается и что каждая составная часть ее способствует бессознательно к развитию других частей; человек же, так как он есть такая же часть природы, но одаренная сознанием, должен так же, как и другие части, но сознательно употребляя свои душевные способности, стремиться к развитию всего существующего. Стану ли я рассуждать, глядя на историю, я вижу, что весь род человеческий постоянно стремился к достижению этой цели. Стану ли рассуждать рационально, то есть рассматривая одни душевные способности человека, то в душе каждого человека нахожу это бессознательное стремление, которое составляет необходимую потребность его души. Стану ли рассуждать, глядя на историю философии, найду, что везде и всегда люди приходили к тому заключению, что цель жизни человека есть всестороннее развитие человечества. Стану ли рассуждать, глядя на богословие, найду, что у всех почти народов признается существо совершенное, стремиться к достижению которого признается целью всех людей. И так я, кажется, без ошибки за цель моей жизни могу принять сознательное стремление к всестороннему развитию всего существующего.

Я бы был несчастливейший из людей, ежели бы я не нашел цели для моей жизни - цели общей и полезной, полезной потому, что бессмертная душа, развившись, естественно перейдет в существо высшее и соответствующее ей. Теперь же жизнь моя будет вся стремлением деятельным и постоянным к этой одной цели.

Теперь я спрашиваю. Какая будет цель моей жизни в деревне в продолжение двух лет? 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5) Изучить историю, географию и статистику. 6) Изучить математику, гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила. 10) Получить некоторые познания в естественных науках. 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать.

18 апреля. Я написал вдруг много правил и хотел им всем следовать; но силы мои были слишком слабы для этого. Теперь же я хочу дать себе одно только правило и прибавить к нему другое тогда только, когда я уже привыкну следовать одному. Первое правило, которое я назначаю, есть следующее No 1. Исполни все то, что ты определил быть исполнену. Не исполнил правила.

19 апреля. Встал чрезвычайно поздно и только в 2 часа определил, что делать в продолжение дня.

14 июня. [Ясная Поляна.] Почти через два месяца берусь я за перо, чтобы продолжать свой дневник. Ах, трудно человеку развить из самого себя хорошее под влиянием одного только дурного. Пускай не было бы хорошего влияния, но не было бы и дурного, и тогда бы в каждом существе дух взял бы верх над материей; но дух развивается различно. Или развитие его в каждом существе отдельно составляет часть всеобщего развития. Или упадок его в отдельных существах усиливает его развитие во всеобщем.

16 июня. Дойду ли я когда-нибудь до того, чтобы не зависеть ни от каких посторонних обстоятельств? По моему мнению, это есть огромное совершенство; ибо в человеке, который не зависит ни от какого постороннего влияния, дух необходимо по своей потребности превзойдет материю, и тогда человек достигнет своего назначения. Я начинаю привыкать к 1-му правилу, которое я себе назначил, и нынче назначаю себе другое, именно следующее: смотри на общество женщин как на необходимую неприятность жизни общественной и, сколько можно, удаляйся от них. В самом деле, от кого получаем мы сластолюбие, изнеженность, легкомыслие во всем и множество других пороков, как не от женщин? Кто виноват тому, что мы лишаемся врожденных в нас чувств; смелости, твердости, рассудительности, справедливости и др., как не женщины? Женщина восприимчивее мужчины, поэтому в века добродетели женщины были лучше нас, в теперешний же развратный, порочный век они хуже нас.

[ПРАВИЛА]

Март - май 1847 г.]

Правила внутренние или в отношении к самому себе разделяются на правила образования нравственного и правила образования телесного. Задачей первых есть: развить волю, умственные способности (обдуманность и деятельность). Воля бывает на различных ступенях развития, смотря по тому, над какой частью человека она преобладает. Три главные момента ее владычества суть: преобладание над телом, преобладание над чувствами и над разумом. В каждый момент ее преобладания она сливается в одно с той частью человека, над которой она преобладает, так что уже не существует более этой части самостоятельно, а существует только воля, одаренная способностями этой части человека.

Ежели воля преобладает над телом, что есть низшая ступень ее развития, то тело перестает существовать самостоятельно, а существует одна воля телесная. Ежели она преобладает над чувствами, то ни тело, ни чувства более не существуют самостоятельно, а существует одна воля телесная и чувственная; ежели же воля преобладает над разумом, то разум перестает существовать самостоятельно, а существует одна воля телесная, чувственная и разумная. Ибо когда воля преобладает над какой бы то ни было из этих частей человека, то она может отречься от требований каждой этой части человека. Ежели же она может отречься, то она может и выбирать; ежели же она выбирает, то она и определяет деяния каждой из этих частей человека; ежели же она определяет все деяния человека, следовательно, ни тело, ни чувства, ни разум не могут действовать самостоятельно, и одна только воля может заставить их делать то или другое.

Низшее преобладание воли есть преобладание ее над телом. Эту ступень развития воли мы находим почти у всех людей, она есть необходимое условие существования человека, хотя и есть немногочисленные исключения: младенчество, дряхлость и болезни, как телесные, так и духовные (апатия, анемия). Воля телесная хотя и самостоятельна, но, однако, подлежит влиянию чувства и разума. Вторая степень преобладания воли - преобладание ее над чувствами, или воля чувственная, встречается реже. Хотя воля чувственная выше воли телесной, не менее того на нее имеет влияние высшая способность духа - разум.

Высшая же степень преобладания воли есть преобладание ее над разумом. Когда воля преобладает над разумом, то ни тело, ни чувства не существуют более

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

самостоятельно, а существует одна воля разумная. Эта степень преобладания есть высшая степень развития духа человека; в этом положении дух совершенно отделяется от тела, он более не связан им. Эту степень развития воли мы весьма редко встречаем. В этом состоянии воля повелевает разуму мыслить, и мыслить об том только, что разумно. В этом положении души тело, чувства и разум перестают существовать самостоятельно, существует одна воля, одаренная телесными, чувственными и разумными способностями человека; в этом положении дух человека восходит на высшую степень своего развития и совершенно отделяется от всего вещественного и чувственного; в этом положении души разум мыслит только потому, что воля хочет, чтобы он мыслил, и мыслит о том, а не о другом, потому что именно этот предмет мышления избрала воля. На такую степень воли ничто не имеет влияния.

Для того, чтобы развить волю вообще и дойти до высшей ступени ее развития, надо необходимо пройти и низшие ступени. Сообразно с этим делением воли, я и правила нравственные, имеющие предметом развить волю, делю на три отдела: на 1) правила для развития воли телесной, 2) правила для развития воли чувственной, 3) правила для развития воли разумной.

ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВОЛИ ТЕЛЕСНОЙ

Правило общее. Все деяния должны быть определениями воли, а не бессознательным исполнением телесных потребностей. Так как мы уже сказали, что на волю телесную имеют влияние чувства и разум, то эти две способности должны определить правила, по которым бы могла действовать воля телесная для своего развития. Чувства дают ей направление и указывают цель ее, разум же дает способы, которыми телесная воля может достигнуть этой цели.

Правило 1) Каждое утро назначай себе все, что ты должен делать в продолжение целого дня, и исполняй все назначенное даже в том случае, ежели исполнение назначенного влекло за собою какой-нибудь вред. Кроме развития воли, это правило разовьет и ум, который будет обдуманнее определять деяния воли. Правило 2) Спи как можно меньше (сон, по моему мнению, есть такое положение человека, в котором совершенно отсутствует воля). Правило 3) Все телесные неприятности переноси, не выражая их наружно. 4) Будь верен своему слову. 5) Ежели ты начал какое бы то ни было дело, то не бросай его, не окончив. 6) Имей всегда таблицу, в которой бы были определены все самые мелочные обстоятельства твоей жизни, даже сколько трубок курить в день. 7) Ежели ты что-нибудь делаешь, то напрягай все свои телесные способности на тот предмет, который ты делаешь. Ежели же переменяется твой образ жизни, то переменяй и эти правила.

ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВОЛИ ЧУВСТВЕННОЙ

(Чувства сами назначают себе цель.)

Источник всех чувств есть любовь вообще, которая разделяется на два рода любви: любовь к самому себе, или самолюбие, и любовь к всему нас окружающему. (Я не признаю любви к богу; потому что нельзя называть одним именем чувство, которое мы имеем к себе подобным или низшим существам, и чувство к высшему, не ограниченному ни в пространстве, ни в времени, ни в силе, и непостижимому существу.) Эти два основные чувства действуют взаимно одно на другое. Общее правило: все чувственные деяния не должны быть бессознательным исполнением потребностей чувства, но определением воли. Все чувства, имеющие источником любовь ко всему миру, хороши, все чувства, имеющие источником самолюбие, дурны. Рассмотрим каждый разряд чувств порознь. Какие чувства происходят от самолюбия? 1) Славолюбие, 2) корыстолюбие, 3) и любовь (между мужчиной и женщиной).

Теперь посмотрим, какие должны быть правила для преобладания воли над каждым из этих чувств.

Правила для подчинения воле чувства самолюбия

Правило 8) Не заботься о одобрении людей, которых ты или не знаешь, или презираешь. Правило 9) Занимайся более сам с собою, чем мнением других. 10) Будь хорош и старайся, чтобы никто не знал, что ты хорош. (Славолюбие бывает полезно другим, но не самому себе.) 11) Ищи в других людях всегда хорошую сторону, а не дурную. Всегда говори правду. Ежели, действуя для себя, деяния твои кажутся странными, то не оправдывай свои деяния ни перед кем. К правилам для подчинения

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
чувств воле нужно прибавить еще одно следующее. 12) Никогда не выражай своих чувств наружно.

Правила для подчинения воле чувства корыстолюбия

Правило 13) Живи всегда хуже, чем ты бы мог жить. 14) Не переменяй образа жизни, ежели бы даже ты сделался в десять раз богаче. 15) Всякое приращение к твоему имени употребляй не для себя, а для общества.

Правила для подчинения воле чувства любви

Правило 1-е. Отдаляйся от женщин. 2-е. Убивай трудами свои похоти.

Чувства, происшедшие от любви, суть: 1) любовь ко всему существующему, 2) любовь к отечеству, 3) любовь к известным лицам.

Правила для подчинения воле чувства всеобщей любви

Правило 16. Жертвуй всеми прочими чувствами любви любви всеобщей, тогда воля будет требовать одного исполнения потребностей любви всеобщей и будет преобладать над нею. Правило 17-е). Жертвуй десятую долю всего того, чем ты можешь располагать, для блага других.

Люби себя равно с другими и помогай более тем, которые несчастнее и тебе удобнее помогать.

Правила для подчинения воле чувства любви отечества любви известных лиц

18) Эти все чувства подчиняются одно другому в том самом порядке, в котором они здесь стоят.

ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВОЛИ РАЗУМНОЙ

Правило 19) Определяй с начала дня все твои умственные занятия. 20) Когда ты занимаешься, старайся, чтобы все умственные способности были устремлены на этот предмет. 21) Чтобы ничто внешнее, телесное или чувственное не имело влияния на направление твоей мысли, но чтобы мысль определяла сама себя. 22) Чтобы никакая боль, как телесная, так и чувственная, не имела влияния на ум.

Какое бы ты ни начал умственное занятие, не бросай его до тех пор, покуда ты его не кончишь. Так как это правило может повести к большим злоупотреблениям, то здесь нужно его ограничить следующим правилом: имей цель для всей жизни, цель для известной эпохи твоей жизни, цель для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня и для часу и для минуты, жертвуя низшие цели высшим.

ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ

Правило 23) Составляй конспект из всего, чем занимаешься, и учи его наизусть. 24) Каждый день учить стихи на таком языке, который ты слабо знаешь. 25) Повторяй вечером все то, что узнал в продолжение дня. Каждую неделю, каждый месяц и каждый год экзаменуй себя во всем том, чем занимался, ежели же найдешь, что забыл, то начинай сначала.

ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Деятельность бывает трех родов. Деятельность телесная, чувственная и умственная. Сообразно с этим и правила для развития деятельности разделяются на правила для развития деятельности телесной, чувственной и умственной.

а) Правила для развития деятельности телесной

Правило 26) Придумывай себе как можно больше занятий. 27) Не имей прислуги. 28) Не требуй помощников в том деле, которое ты можешь кончить один.

Правила для развития деятельности чувственной

Как уже сказано, что все чувства, происходящие от самолюбия, дурны, то, следовательно, здесь нам следует только дать правила, по которым могла бы

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
развиться деятельность чувств, происходящих от любви вообще. Правило 29), относящееся к любви вообще. Чтоб каждый день любовь твоя ко всему роду человеческому выражалась бы чем-нибудь. Правило 30), относящееся к любви к отечеству. Будь полезен, сколько ты можешь, отечеству. 31), относящееся к любви к известным лицам. Старайся как можно больше находить людей, которых бы ты мог любить больше, чем всех ближних. 32), относящееся к любви к родственникам.

Правила для развития деятельности умственной

Правило 32) Не делай chateaux en Espagne [воздушных замков (фр.)]. 33) Старайся дать уму как можно больше пищи.

ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Мы имеем пять главных умственных способностей. Способность представления, способность памяти, способность сравнения, способность делать выводы из этих сравнений и, наконец, способность приводить выводы эти в порядок.

Правила для развития способности представления

34) Очень полезны для развития этой способности все игры, требующие соображения.

О правилах для развития способности памяти я уже говорил.

Правила для развития способности сравнения

35) Изучай хорошо те предметы, которые ты сравниваешь. 36) Всякую новую тебе встретившуюся мысль сравнивай с теми мыслями, которые тебе известны. Все отвлеченные мысли оправдывай примерами.

Правила для развития способности делать выводы

36) Занимайся математикой. 37) Занимайся философией. 38) Всякое философическое сочинение читай с критическими замечаниями.

Правила для развития способности приводить выводы в порядок

39) Изучи систему своего существа. 40) Все твои сведения по одной какой-нибудь отрасли знания приведи к одному общему выводу. 41) Все выводы сравни между собою, и чтобы ни один вывод не противоречил другому. 42) Пиши сочинения не мелкие, но ученые.

ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧУВСТВ ВЫСОКИХ И УНИЧТОЖЕНИЯ ЧУВСТВ НИЗКИХ, ИЛИ ИНАЧЕ:

ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧУВСТВА ЛЮБВИ И УНИЧТОЖЕНИЯ ЧУВСТВА САМОЛЮБИЯ

Правило общее: чем более исполняешь ты какую-нибудь из твоих потребностей, тем более она усиливается, и чем менее исполняешь ты ее, тем менее она действует. 42) Любя всех равно, не исклю 543 чай и самого себя из этой любви. 43) Каждого ближнего люби так же, как и самого себя, но двух ближних люби более, нежели самого себя.

ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОБДУМАННОСТИ

Всякий предмет осматривай со всех сторон. Всякое деяние осматривай со стороны его вреда и его пользы. При всяком деянии рассматривай, сколькими способами оно может быть сделано и который из этих способов лучший. Рассматривай причины всякого явления и могущие быть от него следствия.

Дневник - 1850

14 июня 1850. [Ясная Поляна.] Опять принялся я за дневник и опять с новым рвением и с новою целью. который уж это раз? Не помню. Все равно, может, опять брошу; зато приятное занятие и приятно будет перечесть, так же как приятно было перечесть старые. Мало ли бывает в голове мыслей, и которые кажутся весьма замечательными; а как рассмотришь, выйдет пустошь; иные же точно дельные - вот для этого-то и нужен дневник. По дневнику весьма удобно судить о самом себе.

Потом, так как я нахожу необходимым определять все занятия вперед, то для этого

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

тоже необходим дневник. Хотелось бы привыкнуть определять свой образ жизни вперед, не на один день, а на год, на несколько лет, на всю жизнь даже; слишком трудно, почти невозможно; однако попробую, сначала на день, потом на два дни – сколько дней я буду верен определениям, на столько дней буду задавать себе вперед. Под определениями этими я разумею не моральные правила, не зависящие ни от времени, ни от места, правила, которые никогда не изменяются и которые я составляю особенно, а именно определения временные и местные: где и сколько пробыть, когда и чем заниматься.

Представляются случаи, в которых эти определения могут быть изменяемы; но в том только случае я допускаю такого рода отступления, когда они определены правилами; поэтому – то в случае отступлений я в дневнике буду объяснять причины оных.

[...] Последние три года, проведенные мною так беспутно, иногда кажутся мне очень занимательными, поэтическими и частью полезными; постараюсь пооткровеннее и поподробнее вспомнить и написать их. Вот еще третье назначение для дневника.

17 июня. Встал в 8-м часу, до 10 ничего не делал, от 10 до 12 читал и дневник, 12 до 6 завтрак, отдых, некоторые мысли о музыке и обед, 6-8 музыка, 8-10 хозяйство.

Когда бываю в апатическом расположении, то я заметил, что очень возбуждает меня к деятельности всякое философическое сочинение, – теперь читаю Montesquieu. Мне кажется, что я стал лениться оттого, что много слишком начал, поэтому вперед не буду переходить к другому занятию, покуда не выполню назначенного. Для того, чтобы я не мог отговариваться тем, что не успел составить систему, буду вписывать в дневник как правила общие, так и правила по части музыки и хозяйства.

Из правил общих. То, что предположил себе делать, не откладывая под предлогом рассеянности или развлечения; но тотчас, хотя наружно, принимайся за дело. Мысли придут. Например, ежели предположил писать правила, то вынь тетрадь, сядь за стол и до тех пор не вставай, пока не начнешь и не кончишь.

Правила по части музыки. Ежедневно играть: 1) все 24 гаммы, 2) все аккорды, арпеджио на две октавы, 3) все обращения, 4) хроматическую гамму. Учить одну пьесу и до тех пор не идти далее, пока не будет места, где будешь останавливаться. Все встречающиеся *cadenza* переключать во все тоны и учить. Ежедневно, по крайней мере, четыре страницы музыки разыгрывать, и не идти, пока не найдешь настоящий *doigte* [расстановка пальцев (фр.)].

По части хозяйства. Всякое приказание обдумать со стороны его пользы и вреда. Ежедневно лично осмотреть всякую часть хозяйства. Приказывать, бранить и наказывать не торопиться, помнить, что в хозяйстве, больше чем в чем-нибудь, нужно терпение. Всякое данное приказание, хотя бы оно оказалось и вредным, отменять только по своему усмотрению и в крайней необходимости.

Записки. Зимой третьего года я жил в Москве, жил очень безалаберно, без службы, без занятий, без цели; и жил так не потому, что, как говорят и пишут многие, в Москве все так живут, а просто потому, что такого рода жизнь мне нравилась. Частью же располагает к лени и положение молодого человека в московском свете. Я говорю: молодого человека, соединяющего в себе некоторые условия; а именно, образование, хорошее имя и тысяч десять или двадцать дохода. Молодого человека, соединяющего эти условия, жизнь самая приятная и совершенно беспечная, ежели он не служит (то есть серьезно), а просто числится и любит полениться. Все гостиные открыты для него, на каждую невесту он имеет право иметь виды; нет ни одного молодого человека, который бы в общем мнении света стоял выше его. Приезжай же тот же барин в Петербург, его будет мучить, отчего С. и Г. Горчаковы были при дворе, а я не был; как бы попасть и вечера к баронессе З., на рауту к графине А. и т. д., и не попадет, только ежели может взойти в салоны эти, опираясь на какую-нибудь графиню. И ежели он не вырос там, или ежели не умеет переносить унижения, пользоваться всяким случаем, и проползти хотя с трудом, но без чести.

18 июня. Встал в семь с половиной, до 11 ничего, 11-12 музыка, 2-5 хозяйство, 6-8 о музыке, 8-11 наряд, музыка и чтение.

19 июня. Вчерашний прошел довольно хорошо, исполнил почти все; недоволен одним

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

только: не могу преодолеть сладострастия, тем более, что эта страсть слилась у меня с привычкой. Теперь, исполнив два дня, делаю распределение на два дня: 19 июня. 5–8 хозяйство и мысли о музыке, 8–10 чтение, 10–12 писать мысли о музыке, 12–6 отдых, 6–8 музыка, 8–10 хозяйство. – 20 июня. 5–10 хозяйство и дневник, 10–12 музыка, 12–6 отдых, 6–10 хозяйство.

Из правил общих. Случается, что вспомнишь что-нибудь неприятное и не обдумаешь хорошенько этого неприятного, надолго испортишь юмор.

Всякую неприятную мысль обсудить: во-первых, не может ли она иметь следствий; ежели может иметь, то как отвратить их. Ежели же нельзя отвратить, и обстоятельство такое уже прошло, то, обдумав хорошенько, стараться забыть или привыкнуть к оному.

1850. 8 декабря. [Москва.] Пять дней писал я дневник, а пять месяцев в руки не брал. Постараюсь вспомнить, что я делал в это время и почему я так отстал видимо от занятий. Большой переворот сделался во мне в это время; спокойная жизнь в деревне, прежние глупости и необходимость заниматься своими делами принесли свой плод. Перестал я делать испанские замки и планы, для исполнения которых не достанет никаких сил человеческих. Главное же и самое благоприятное для этой перемены убеждений то, что я не надеюсь больше одним своим рассудком дойти до чего-либо и не презираю больше форм, принятых всеми людьми. Прежде все, что обыкновенно, мне казалось недостойным меня; теперь же, напротив, я почти никакого убеждения не признаю хорошим и справедливым до тех пор, пока не вижу приложения и исполнения на деле оно и приложения многими. Странно, как мог я пренебрегать тем, что составляет главное преимущество человека, – способностью понимать убеждения других и видеть на других исполнения на деле. Как мог я дать ход своему рассудку без всякой поверки, без всякого приложения? Одним словом, и самым простым, я перебесился и постарел.

Много содействовало этой перемене мое самолюбие. Пустившись в жизнь разгульную, я заметил, что люди, стоявшие ниже меня всем, в этой сфере были гораздо выше меня; мне стало больно, и я убедился, что это не мое назначение. Может быть, содействовали этому тоже два толчка. Первое – проигрыш Огареву, который приводил мои дела в совершенное расстройство, так что даже, казалось, не было кадежды поправить их; и после этого пожар, который заставил невольно меня действовать. Отыгрыш дал же более веселый цвет этим действиям. Одно мне кажется, что я стал уже слишком холоден. Только изредка, в особенности когда я ложусь спать, находят на меня минуты, где чувство просится наружу; то же в минуты пьянства; но я дал себе слово не напиваться. Записки свои продолжать теперь не буду, потому что занят делами в Москве, ежели же будет свободное время, напишу повесть из цыганского быта.

Заметил в себе я еще важную перемену: я стал более уверен в себе, то есть перестал конфузиться; я полагаю, что это оттого, что имею одну цель в виду (интерес), и, стремясь к ней, я мог себя оценивать и приобрел сознание своего достоинства, которое так много облегчает отношения людей. [...]

Правила для общества. Избирать положения трудные, стараться владеть всегда разговором, говорить громко, тихо и отчетливо, стараться самому начинать и самому кончать разговор. Искать общества с людьми, стоящими в свете выше, чем сам. С такого рода людьми, прежде чем видишь их, приготовить себя, в каких с ними быть отношениях. Не затрудняться говорить при посторонних. Не менять беспрестанно разговора с французского на русский и с русского на французский. Помнить, что нужно принудить [себя], главное, сначала, когда находится в обществе, в котором затрудняешься. На бале приглашать танцевать дам самых важных. Ежели сконфузился, то не теряться, а продолжать. Быть сколь можно холоднее и никакого впечатления не выказывать.

Занятия на нынешний день. 11. Сидеть дома, читать, вечером написать правила для общества и конспект повести. Занятия на 8 декабря. С утра читать, потом до обеда дневник и расписание на воскресенье дел и визитов. После обеда читать и баня, вечером, ежели не устану очень, повесть. Утром, тотчас после кофе, письма в контору, тетушке и Перфильев[у].

13 декабря.] 12 декабря, хотя я и не выписал в дневник, провел я хорошо, т. е. не в праздности. Поездил к властям и в клубы, вследствие чего убедился: первое, что в обществе с теперешним направлением я успею; а что играть, кажется, вовсе

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

перестану. Кажется, что страсти у меня к игре больше нет, впрочем, не отвечаю: нужно попробовать на деле. Случая искать не буду, но выгодного не пропущу. Занятия на 13 декабря: переговорить с Петром о прощении на высочайшее имя и о том, могу ли я перейти служить в Москву? Писать письма тетушке и Перфильевым, ехать к князю Сергею Дмитриевичу и к Крюкову, читать, сделать покупки (камелии) и книги о музыке, обедать, читать и заняться сочинением музыки или повести.

[14 декабря.] Недоволен я собой за вчерашний день; первое, за то, что слушал все ругательства графини на Васеньку, которого я люблю, и второе – что от глупой деликатности вечер вчера пропал у меня туною.

Нужно нынче велеть написать прошение, съездить к Васеньке, обедать у Горчакова и вечером сделать что-нибудь из начатого; а главное, написать письма.

15 декабря. Недоволен очень я вчерашним днем. Первое, что ничего не сделал касательно Опекунского совета; второе, что ничего не писал, и третье – начал ослабевать в убеждениях и стал поддаваться влиянию людей.

Встать очень рано, с утра почитать, потом заняться дневником, писаньем и письмами, в 12 часов ехать в Совет, к Евреинову, к Крюкову, к Аникеевой и к Львову; обедать дома и писать еще; потом в театр и опять заниматься дома.

Правила для общества. Не переменять названия, а всегда называть одним и тем же манером.

Ни малейшей неприятности или колкости не пропускать никому, не отплативши вдвое.

16 декабря. Исполнил все, исключая писанья. Всегда вставать рано. С утра писать письма и повесть, съездить на Калымажный двор и в баню, послать в Совет и ко Львову, обедать дома и вечером у князя Андрея Ивановича играть и волочиться за княгиней. Купить сукна и нот после обеда.

17 декабря встать рано и заняться письмом Дьякову и повестью, в 10 часов ехать к обеду в Зачатьевский монастырь и к Анне Петровне, к Яковлевой. Оттуда заехать к Колошину, послать за нотами, приготовить письмо в контору, обедать дома, заняться музыкой и правилами, вечером к девкам и в клуб. 18-го быть в Совете, у Львова, у Евреинова, у князя Андрея Ивановича и просить о месте.

Правила общие. Ложиться, когда ничего нужное не задерживает, в 12 часов и вставать в 8, каждый день 4 часа заниматься музыкой серьезно.

18 декабря. Встать в 9 1/2, до 10 1/2 читать, до 12 писать и принять Волконского, 12 до 2 саа шляться, писать и писать до вечера. Обедать дома.

19 декабря исполнил то, что назначено 18.

20 декабря в 10 к Волконскому, в 11 до 2-х письма и повесть. До 3 1/4 музыка, до 9 у Дьяковых, дома писать о музыке. Вот уже 11 часов вечера, и я ничего не писал, и недоволен собою за то, что конфузился у Дьяковых.

21 декабря с 8 до 10 писать, с 10 до 2-х достать денег и фехтовать. С 2 до 6 обедать где-нибудь, с 6 до ночи дома писать и никого не принимать. У Львова узнать о службе Сережи. К графине Авдотье Максимовне.

Не читать романов.

22 декабря до 12 писать о музыке и анализировать, съездить к графине и обедать; ежели не получу денег, написать Либину и Петру Евстратову. Писать 1-е письмо.

24 декабря встать в 12, писать письма в контору. Велеть прислать расчет. Обедать дома с Лаптевым, до обеда съездить к мощам, вечером учить генерал бас и сонату, ежели в духе, писать 1-е письмо.

Правила. В карты играть только в крайних случаях. Как можно меньше про себя рассказывать. Говорить громко и отчетливо.

Правила. Каждый день делать моцион. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

28 декабря. Очень собою недоволен; главное же потому, что был не здоров; нынче же последовать следующему правилу: ежели болен, то можно не исполнить предположенного, но и другого не делать. Съездить к Горчаковым, перечитать дневник и исполнить неисполненное. В Нескучный ехать и волочиться за княгиней. К вечеру с Николаем Горчаковым ехать к цыганам и укладываться.

29. Живу совершенно скотски; хотя и не совсем беспутно, занятия свои почти все оставил и духом очень упал. Встать рано, до 2 часов никого не принимать и не выезжать, в 2 ехать к Чулкову, к Дьяковым и обедать, к князю, просить о месте. Обдумывать на просторе о будущих действиях во всяком новом месте. Утром писать повесть, читать и играть, или писать о музыке, вечером правила или цыгане.

30 декабря. Правило. Искать положений трудных. Встать рано. Укладываться, все приготовить, вписать в дневник свое пребывание в Москве, просить Колошина узнать о месте и в 3 часа ехать.

[31 декабря. Покровское.] 31 декабря был в дороге – виделся с Щербатовым и решил взять станцию, был у почтмейстера, но не довольно основательно переговорил с Щербатовым.

Дневник – 1851

[1 января. Ясная Поляна.] 1 января 1851 был в Покровском, виделся с Николенькой, он не переменялся, я же очень много и мог иметь на него влияние, ежели бы он не был столько странен; он или ничего не замечает и не любит меня, или старается делать, как будто он не замечает и не любит.

2-е января. Крестины пробыть с своими, ехать к Дьяковым и в ночь в Тулу. Заключить там с Щербатовым условие, воротиться в ночь 3-го в Ясную, пробыть до вечера, и 4-го в ночь ехать в Москву. В Туле оставить доверенность и прошение, быть у председателя.

12 января. Москва. Встать в 8, ехать к Иверской, перечитать все касательно станции, передумать, записать и ехать к Татищеву.

13 января. Станцию сдал – характер не выдержал. Обоз пришел. Николая отпустил. Вел себя дурно.

Правило – делать копии со всех писем и иметь их у себя в порядке.

14 января. Угрызения совести, денег почти нет, к Сергею Дмитриевичу Горчакову, к Колошиным.

17 января. 1851. С 14-го вел я себя неудовлетворительно. К Столыпиным на бал не поехал; денег займа дал и поэтому сижу без гроша; а все оттого, что ослабел характером. Правило. Менее, как по 25 к. сер., в ералаш не играть. Денег у меня вовсе нет; за многие же векселя срок уже прошел платить; тоже начинаю замечать, что ни в каком отношении пребывание мое в Москве не приносит мне пользы, а проживаю я далеко свыше моих доходов.

Правило. Называть вещи по имени. С людьми, которые о денежных делах говорят поверхностно, скрывать положение своих дел и, напротив, стараться останавливать их и наводить на этот предмет.

Чтобы поправить свои дела, из трех представившихся мне средств я почти все упустил, именно: 1) Попасть в круг игроков и, при деньгах, играть. 2) Попасть в высокий свет и, при известных условиях, жениться. 3) Найти место выгодное для службы. Теперь представляется еще четвертое средство, именно – занять денег у Киреевского. Ни одно из всех четырех вещей не противоречит одно другому, и нужно действовать. Написать в деревню, чтобы выслали скорее 150 р. сер., ехать к Озерову и предложить лошадь, велеть напечатать в газетах еще. Съездить к графине и выждать, узнать о приглашениях на бал Закревских, заказать новый фрак. Перед балом много думать и писать. Ехать к князю Сергею Дмитриевичу и поговорить о месте, к князю Андрею Ивановичу и просить о месте. Заложить часы.

Узнать у Евреинова, где живет Киреевский, и ехать к нему. В 1 1/2 к Евреинову, а оттуда, какого рода ни был бы ответ, ехать к Николаю Васильевичу.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

18 [января]. Вел себя ни хорошо, ни дурно. Мало упругости. На 19 – место. Занятия: быть в манеже, у Чертовой, у Горчаковых, у князя Николая Михайловича. К вечеру банк. Писать историю дня.

25 января. Влюбился или вообразил себе, что влюбился, был на вечеринке и сбился с толку. Купил лошадь, которой вовсе не нужно. Правила. Не предлагать никакой цены за вещь не нужную. Какходишь на бал, тотчас звать танцевать и сделать тур вальса или польки. Нынче вечером обдумать средства поправить дела. Быть дома.

28 февраля. Много пропустил я времени. Сначала завлекся удовольствиями светскими, потом опять стало в душе пусто; и от занятий отстал, то есть от занятий, имеющих предметом свою собственную личность. Мучало меня долго то, что нет у меня ни одной задушевной мысли или чувства, которое бы обуславливало все направление жизни – все так, как придется; теперь же, кажется мне, нашел я задушевную идею и постоянную цель, это – развитие воли, цель, к которой я давно уж стремлюсь; но которую я только теперь сознал не просто как идею, но как идею, сроднившуюся с моей душой.

Программа завтрашнего дня. Встать в 9 часов. Заниматься энциклопедией и написать конспект. Идти на похороны, потом на гимнастику, обедать и с 6 до 12 заниматься одному или с Колошиным. Не курить. Помнить, что исполнение предположенного составляет все счастье моей жизни и наоборот.

1-е марта. Правило: Действовать в затруднительных случаях всегда по первому впечатлению. Встать в 8 1/2, заниматься до 12. От 12 до 1 музыка, от 1 – до 2 занятия, от 2 1/2 до 6 отдых. Не искать знакомых, вечер дома, занятия.

2-е марта. Немного стал я ослабевать, оттого, главное, что мне начинало казаться, что сколько я над собой ни работаю, ничего из меня не выйдет. Эта же мысль пришла мне потому, что я исключительно занимался напряжением воли, не заботясь о форме, в которой она проявлялась. Постараюсь исправить эту ошибку. Теперь я хочу приготовиться к кандидатскому экзамену; следовательно, вот форма, в которой должна проявиться воля; но недостаточно взять тетрадь и читать, нужно приготовить себя для этого, нужно заниматься систематически; нужно достать себе вопросы по всем предметам и по ним составить конспекты. Нужно приискать студента, который бы мог давать наставления и толкования.

Завтра утром читать "Энциклопедию" сначала с справками по Неволину, от 8 часов до 12-ти; в 12-ть идти и отыскать студента; в 2 в гимнастику; от 6-ти до ночи заниматься "Энциклопедией" или чем другим, и час для музыки. Правило. Помнить при всяком деле, что первое и единственное условие, от которого зависит успех, есть терпение и что более всего мешает всякому делу и что особенно мне много повредило – есть торопливость.

7-го марта. Нахожу для дневника, кроме определения будущих действий, полезную цель – отчет каждого дня, с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться.

Нынче. Утром долго не вставал, ужимался, как-то себя обманывал. Читал романы, когда было другое дело; говорил себе: надо же выпить кофею, как будто нельзя ничем заниматься, пока пьешь кофею. С Колошиным не называю вещи по имени, хотя мы оба чувствуем, что приготовление к экзамену есть пух, я ему этого ясно не высказал, Пуаре принял слишком фамильярно и дал над собою влияние: незнакомству, присутствию Колошина и grand-seigneurству [барственности (фр.)] неуместному. Гимнастику делал торопясь. К Горчаковым не достучался от *fausse honte* [ложного стыда (фр.)]. У Колошиных скверно вышел из гостиной, слишком торопился и хотел сказать что-нибудь очень любезное – не вышло. В манеже поддался *mauvaise humeur* [плохому настроению (фр.)] и по случаю барыни забыл о деле. У Бегичева хотел себя выказать и, к стыду, хотел подражать Горчакову. *Fausse honte*. Ухтомскому не напомнил о деньгах. Дома бросался от рояля к книге и от книги к трубке и еде. О мужиках не обдумал. Не помню, лгал ли? Должно быть. К Перфильевым и Панину не поехал от необдуманности. Все ошибки нынешнего дня можно отнести к следующим наклонностям:

1) Нерешительность, недостаток энергии. 2) Обман самого себя, то есть предчувствуя в вещи дурное, не обдумываешь ее. 3) Торопливость. 4) *Fausse honte*, то есть боязнь сделать что-либо неприличное, происходящая от одностороннего взгляда на вещи. 5) Дурное расположение духа, происходящее большей частью 1) от

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
торопливости, 2) от поверхностного взгляда на вещи. 6) Сбивчивость, то есть склонность забывать близкие и полезные цели для того, чтоб казаться чем-либо. 7) Подражание. 8) Непостоянство. 9) Необдуманность. [...]

8 марта. Опять долго не очнулся, однако преодолел. Николеньке написал письмо (необдуманно и торопливо). В контору – тою же, мною принятою глупою формою (обман себя). Гимнастику делал неосновательно, т. е. слишком мало соображаясь с своими силами, эту слабость я вообще назову: заносчивость, отступление от действительности.

Смотрелся часто в зеркало. Это глупое, физическое себялюбие, из которого кроме дурного и смешного ничего выйти не может. С Пуаре опять конфузился (обман себя). На коннозаводстве действовал слабо, первый поклонился Голицыну и прошел не прямо, куда нужно. Рассеянность. На гимнастике хвалился (самохвальство). Хотел Кобылину дать о себе настоящее мнение (мелочное тщеславие). Много слишком ел за обедом (обжорство). Поехал к Волконскому, не кончив дела (недостаток последовательности). Наелся сладостей, засиделся. Лгал.

Занятия на 9-ое. С 8–10 счет долгам. Письма: тетушке и Ферзену. 10 до 11 гимнастика. Музыка с 11 до 12. С 12 до 3 к Панину, Перфильевым, Беер, Аникеева, Бегичев и делец [?]. О деньгах. Обедать у Горчаковых, о месте. Дома читать и писать, что в голову придет, конспект читанного или даже выписывать. Составить журнал для слабостей. (Франклиновский.)

9 марта. Долго не вставал (недостаток энергии). Иславину письмо (невнимательность). Выехал в скверных перчатках и без шубы (необдуманность и торопливость). Панину рассказывал про свою постройку (желание выказать). У Оливье и Беер (нерешительность и трусость). У Горчаковых – ложный стыд и желание выказать. Поехал к Киреевской (неосновательность) так (трусость). Занятия на 10. Встать в 8. От 8 до 9 письма, от 9 до 11 музыка, 11 до 1 фехтованье. 1 – до 2 1/2 Аникеевы и гулять, гимнастика, обедать к Львову. Вечер читать и дневник.

10 марта. Долго не вставал. С Озеровым говорил дурно и навязывал лошадь. Низость. Пуаре. Обман и торопливость. Бегичеву солгал, что знаю сибирских Горчаковых. Шубы не взял, торопливость и неосновательность. В совете трусость. В гимнастике тщеславие. У Львова – самонадеянность и аффектация. Выписок не делал, лень. Журнал пишу торопливо и неотчетливо.

Занятия на 11-е марта. Распоряжения касательно фуфайки и лошадей, дневник, франклиновский журнал и писать до 10, с 10 до 11 гимнастика, с 11 до 12 музыка. Гулять и обедать до 6. С 6 выписки и читать.

11 марта. Писал письмо хорошо, немного торопливо, гимнастику делал торопливо. У Исленьева мало *dignite* [достоинства (фр.)] и в манеже тоже (рассеянность). Обедать ждал, трусость. С Бегичевым откровенен, хотел выказать. С Михалковым трусость, желание выказать и неисполнение правил. Занятия на 12-е. С 10 до 11 распоряжения касательно лошадей и Пуаре. С 11 до 3 – концерт. Волконский. Обед. Вечером выписки и читать. Концерт и читать. Рано ложиться спать.

12 марта. Скверно, скверно и скверно весь день провел, завтра объясню; все оттого, что вчера лег в 3 часа и зашел зубков. Занятия. С 8 до 9 дневник, с 9 до 10 гимнастика, с 10 до 12 читать и выписки. С 12 до 2 Беер, Муромцев и Дьяковы. С 2 до 4 гимнастика – обед, с 6 до 10 читать и писать. Или зубков.

Вчера. Был целый день не свой 1) оттого, что не выспался, 2) желудок расстроил. Когда дойду я до того, чтобы сознавать свои силы, то есть вперед знать, что я перенесу и что нет. Правило. Когда что-нибудь захочется, как физически, так и морально, то обдумать, представляет ли исполнение одного более трудностей, чем выгод; ежели нет, то можно приводить в действие.

Встал, фехтовал, распорядился, попал к Беер, не поговорил о деле, трусость, поторопился, не познакомился с Булгаковым, трусость, уехал от Беер без цели, ожидая чего-то особенного, и стал играть, слишком надеясь на себя. У Волконского спал, слабость. Домой поехал без шубы, необдуманность. Из концерта к Шевалье. Ожидал чего-то особенного. В концерте не подошел к Перфильевой, когда хотелось.

Способность весьма важная в жизни есть способность быстро переносить свое внимание с одного предмета на другой; в особенности же я заметил это после

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
сильного ощущения радости или горя.

Правило – Как только обстоятельство, которое тебя занимало, не требует твоей деятельности, старайся устремить все твое внимание на другой предмет или занятие.

13 марта. Утром забыл написать Зубкову и ленился делать выписки. Лень. Приехал Жданов, и я поехал к Исленьеву, когда были другие дела. Трусость и рассеянность.

На гимнастике боролся с Билье, мало гордости, fierte. Заехал в лавочку, обжорство. Дома ленился выписывать. С Иславиным хотел себя выказать, тоже и у Беер, и притом трусость.

Занятия на 14. С 8 до 9 распоряжения, читать и выписки, с 9 до 10 гимнастика, с 10 до 11 Пуаре, с 11 до 12 писать. С 12 до 3-х к Муромцеву, Дьякову и коннозаводство. С 3 до 5 обед. С 5 до вечера читать и писать. Зубков или концерт. Читать о фехтовании.

20 марта. [...] Две главные страсти, которые я в себе заметил, это страсть к игре и тщеславие, которое тем более опасно, что принимает бесчисленное множество различных форм, как-то: желание выказать, необдуманность, рассеянность и т. д. Вечером перечитать дневник со дня приезда в Москву, сделать общие замечания и поверить денежные издержки и долги в Москве.

Приехал я в Москву с тремя целями. 1) Играть. 2) Жениться. 3) Получить место. Первое скверно и низко, и я, слава богу, осмотрев положение своих дел и отрешившись от предрассудков, решил поправить и привести в порядок дела продажей части имения. Второе, благодаря умным советам брата Николеньки, оставил до тех пор, пока принудит к тому или любовь, или рассудок, или даже судьба, которой нельзя во всем противодействовать. Последнее невозможно до двух лет службы в губернии, да и по правде, хотя и хочется, но хочется много других вещей несовместных; поэтому погожу, чтобы сама судьба поставила в такое положение.

Много слабостей имел я в это время. Главное, мало обращал внимания на правила нравственные, увлекаясь правилами, нужными для успеха. Потом, имел слишком тесный взгляд на вещи; например, давал себе много правил, которые все можно было привести к одному – не иметь тщеславия. Забывал, что условием, необходимым для успеха, есть уверенность в себе, презрение к мелочам, которое не может иначе произойти, как от моральной возвышенности.

[21 марта.] 20. Утром занимался писанием и чтением, писал мало, был не в духе и боялся поправить. Правило. Лучше попробовать и испортить (вещь, которую можно переделать), чем ничего не делать. [...]

22 марта.] 21. Занимался довольно хорошо, исключая недостатка твердости и с желанием выказать. Обедал дома. О деньгах ничего не сделал и не придумал. Обман себя. Писал выписки, замечания и дневник, слишком торопясь. Хорошую можно написать книгу: жизнь Татьяны Александровны.

[Занятия на 23.] Встать в 8. С 8 до 10 читать и писать. С 10 до 11 гимнастика. С 11 до 2 распоряжения о деньгах, в коннозаводство, в совет. Верхом до 4. Обедать дома. Дневник и замечания начать раньше. Вечером могу куда-нибудь поехать часа на два. Необходима гимнастика для развития всех способностей. Гимнастика памяти. Каждый день учить что-нибудь наизусть. Английский язык.

23 [марта]. Встал в 8 1/2. Читал и писал, не поправил писанья. Обман себя. Гимнастику ленился. У Колошина трусил, явно говорил свое мнение у Беер. Говорил о своем образе жизни, желание выказать. С Волконским обедал и много рассказывал про себя, желание выказать. Вечером читал без системы, необдуманность. В концерте не подошел к Закревской – трусость. Ухтомскому поклонился, трусость. Не мог поклониться Львовой, трусость. Дома засиделся за 12 с Костенькой, мало твердости.

Правило. Стараться формировать слог: 1) в разговоре, 2) в письме. [...]

24 [марта]. Встал немного поздно и читал, но писать не успел. Приехал Пуаре, стал фехтовать, его не отправил (лень и трусость). Пришел Иванов, с ним слишком долго разговаривал (трусость). Колошин (Сергей) пришел пить водку, его не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
спровадил (трусость). У Озерова спорил о глупости (привычка спорить) и не говорил о том, что нужно, трусость. У Беклемишева не был (слабость энергии). На гимнастике не прошел по переплету (трусость) и не сделал одной штуки оттого, что больно (нежничество). У Горчакова солгал, ложь. В Новотроицком трактире (мало fierte). Дома не занимался английским языком (недостаток твердости). У Волконских был неестествен и рассеян и засиделся до часу (рассеянность, желание выказать и слабость характера).

[Занятия на] 25. С 10 до 11 дневник вчерашнего дня и читать. С 11 до 12 гимнастика. С 12 до 1 английский язык. Беклемишев и Беер с 1 до 2. С 2 до 4 верхом. С 4 до 6 обед. С 6 до 8 читать. С 8 до 10 писать. Переводить что-нибудь с иностранного языка на русский для развития памяти и слога. Написать нынешний день со всеми впечатлениями и мыслями, которые он породит.

31 [марта]. Читал, не писавши дневника, и поздно. До 12 считался. С 12 до 2 говорил с Бегичевым слишком откровенно, тщеславно и обманывая себя. С 2 до 4 гимнастика, мало твердости и терпения. С 4 до 6 обедал и покупки сделал ненужные. Дома не писал, лень. Долго не решался ехать к Волконским. У них говорил слабо, трусость. Вел себя плохо. Трусость, тщеславие, необдуманность, слабость, лень.

[5 апреля. Пирогово.] Утром занимался хорошо, порхал на охоту и в Пирогово, неосновательно. У Сережи лгал, тщеславился и трусил.

[Занятия на] 6. С 5 до 10 писать. С 10 до 11 обедня. С 12 до 4 обед. С 4 до 6 читать. 6 до 10 писать.

6 [апреля]. Ничего не исполнил. Лгал и много тщеславия, говел неосновательно и рассеянно. Сбивает меня очень мысль об истории с Гельке, нынче после обеда опишу ее. Хочу писать проповеди.

17 [апреля]. Ничего не писал – лень одолела!! Нынче хочу начать историю охотничьего дня. Долго разговаривал с тетенькой. Она очень добра и очень высокой души, но очень односторонняя. У нее есть одна колея, в которой она чувствует и мыслит, дальше же этой колеи ничего. [...]

Ничем лучше нельзя узнать, идешь ли вперед в чем бы то ни было, – как попробовать себя в прежнем образе действий. Чтобы узнать, вырос или нет, надо стать под старую мерку. После четырех месяцев отсутствия я опять в той же рамке. В отношении лени я почти тот же. Сладострастие то же. Уменье обращаться с подданными – немного лучше. Но в чем я пошел вперед, это в расположении духа.

19 [апреля]. Приехали Николенька, Валерьян и Маша. Завтра поеду в Тулу, решусь насчет службы и Воротынку отдам за шестнадцать тысяч ассигнациями. Я стал религиозен еще более в деревне.

[20 мая. В дороге из Саратова в Астрахань]. 20 апреля я уже не писал дневника и до 20 мая. Я вспомню, однако, день за день этот месяц. Он очень интересен.

Последнее время, проведенное мною в Москве, интересно тем направлением и презрением к обществу и беспрестанной борьбой внутренней. Приезд в деревню. Тула. Щербатов казался добрым и милым. Арсеньев болен. В Ясной к обедне. В Пирогове Маша. Сережа падает морально. Говение, проповеди. Пасха в Ясную, в Тулу: Исленьев, Чулков, Перфильев, [1 неразобр.], Арсеньев. Гартунг, вечером в Покровское. Несколько дней, Валерьян, Маша. В Тулу, назад. В Ясном. В Тулу. Исленьев. Селезнев. Москва. Костенька. Зубков. Николенька. Путешествие. В Казани. Шуваловы. Зыбин, Загоскина, Оголин, Юшковы. В Саратов. Майор. Немцы. Виды. Шторм. Рыбаки. Немцы.

[30 мая. Старогладковская]. Пишу 30 июня в 10 часов ночи в Старогладковской станице. Как я сюда попал? Не знаю. Зачем? Тоже. Хотел бы писать много: о езде из Астрахани в станицу, о казаках, о трусости татар, о степи, но офицеры и Николенька идут к Алексееву ужинать, пойду и я. Я расположен любить капитана, но отдаляться от других. Может быть, скверные.

[Март – май 1851 г.] [...] Есть люди, которые все разумное понимают быстро, всему изящному сочувствуют живо и все хорошее чувствуют, но которые в жизни, в приложении, не умны, не изящны и не добры. Отчего бы это? Или есть две

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

способности: восприимчивости и воспроизведения – или недостает той способности, которую называют гением или талантом, или, наконец, натуры слишком чистые всегда слабы и апатичны, и потому способности не развиты.

[...] что натуры богатые ленивы и мало развиваются, это, во-первых, мы видим в действительности, во-вторых, ясно, что несовершенные натуры стремятся раскрыть мрак, который покрывает для них многие вопросы, и достигают усовершенствования и приобретают привычку работать. Потом: труды, предстоящие натуре богатой, чтобы идти вперед, гораздо больше и не пропорциональны с трудами натуры несовершенной в дальнейшем развитии.

Ламартин говорит, что писатели упускают из виду литературу народную, что число читателей больше в среде народной, что все, кто пишут, пишут для того круга, в котором живут, а народ, в среде которого есть лица, жаждущие просвещения, не имеет литературы и не будет иметь до тех пор, пока не начнут писать для народа.

Я не буду говорить о тех книгах, которые пишутся с целью найти много читателей, – это не сочинения, это произведения авторского ремесла, ни о тех ученых и учебных книгах, которые не входят в область поэзии.

(Где границы между прозой и поэзией, я никогда не пойму; хотя есть вопрос об этом предмете в словесности; но ответа нельзя понять. Поэзия – стихи. Проза – не стихи; или поэзия – все, исключая деловых бумаг и учебных книг.) Все сочинения, чтобы быть хорошими, должны, как говорит Гоголь о своей прощальной повести (она выпелась из души моей), выпеться из души сочинителя. Что же доступного для народа может выпеться из души сочинителей, большей частью стоящих на высшей точке развития, народ не поймет. Ежели даже сочинитель будет стараться сойти на ступень народную, народ не так поймет. Так же как когда мальчик шестнадцати лет читает сцену насильствования героини романа, это не возбуждает в нем чувства негодования, он не ставит себя на место несчастной, но невольно переносится в роль соблазнителя и наслаждается чувством сладострастия, – так и народ поймет совсем другое из того, что вы захотите сказать ему. Разве "Антон Горемыку", "Geneviève" поймет народ? Слова доступны, как выражения мысли, но мысли недоступны. У народа есть своя литература – прекрасная, неподражаемая; но она не подделка, она выпевается из среды самого народа. Нет потребности в высшей литературе и нет ее. Попробуйте стать совершенно на уровень с народом, он станет презирать вас.

Пускай идет вперед высший круг, и народ не отстанет; он не сольется с высшим кругом, но он тоже подвинется. Pourquoi dire des subtilites, quand il y a encore tant de grosses verites a dire [к чему говорить о мелочах, когда еще остается сказать о многих важных истинах (фр.)]. Искали философальный камень, нашли много химических соединений. Ищут добродетели с точки зрения социализма, то есть отсутствия пороков, найдут много полезных моральных истин.

[...] Как меняется взгляд на жизнь, когда живешь не для себя, а для других! Жизнь перестает быть целью и делается средством. Несчастье делает добродетельным – добродетель делает счастливым – счастье делает порочным.

Есть два рода счастья: счастье людей добродетельных и счастье людей тщеславных. Первое происходит от добродетели, второе от судьбы. Нужно, чтобы добродетель глубоко пустила корни, чтобы последнее не имело вредное влияние на первое. Счастье, основанное на тщеславии, разрушается им же: слава злоречием, богатство – обманом. Основанное на добродетели счастье – ничем.

[...] Говорить, что жизнь есть испытания, что смерть есть благо, отчуждая нас от всех горестей, – не должно. Это не есть ни утешение в потерях близких людей, ни нравственное поучение. Сочувствовать этому невозможно иначе, как в отчаянии, а отчаяние есть слабость веры и надежды в бога. Как нравственное поучение, эта мысль слишком тяжела для души молодой, чтобы не поколебать веру в добродетель. Ежели человек лишился существа, которое он любил, он может любить другое; ежели же нет, то оттого, что он слишком горд. Начало зла в душе каждого.

[...] Старухи тетушки и старики дядюшки считают себя обязанными за право иметь племянников платить наставлениями, как бы они ни были бесполезны. Им даже неприятно, когда племянники такого поведения, что их советы неуместны; им кажется, что они лишены должного.

Нет ничего тяжелее, как видеть жертвы, которые для тебя делают люди, с которыми ты связан и должен жить; особенно же жертвы, которых не требуешь, и от людей, которых не любишь. Самая обидная форма эгоизма – это самопожертвование.

[...] Все описывают слабости людские и смешную сторону людей, перенося их на вымышленные личности, иногда удачно, смотря по таланту писателя, большей частью неестественно. Отчего? Оттого, что слабости людские мы знаем по себе, и чтобы выказать их верно, надо их выказать на себе, потому что известная слабость идет только известной личности. У редких достает силы сделать это. Личность, на которую переносят собственные слабости, стараются сколько можно исказить, чтобы не узнать самих себя. Не лучше ли говорить прямо: "Вот каков я. Вам не нравится, очень жалею: но меня бог таким сделал". Никто не хочет сделать первого шага, чтобы не сказали, например: "Вы думаете, что ежели вы дурны и смешны, то и мы все тоже". От этого все молчат. Это похоже, как в провинции на бал ездят: все боятся приехать первыми, от этого все приезжают поздно. Покажи всякий себя, каков есть, то, что было прежде смешным и слабостью, перестанет быть таким. Разве это не огромное благо избавиться, хотя немного, от ужасного ига – боязни смешного. Сколько, сколько истинных наслаждений теряем мы от этого глупого страха. [...]

2 июня 1851. Ах, боже мой, боже мой, какие бывают тяжелые, грустные дни! И отчего грустно так? Нет, не столько грустно, сколько больно сознание того, что грустно и не знаешь, о чем грустишь. Я думал прежде – это от бездействия, праздности. Нет, не от праздности, а от этого положения я делать ничего не могу. Главное, я ничего похожего на ту грусть, которую испытываю, не нахожу нигде: ни в описаниях, ни даже в своем воображении. Я представляю себе, что можно грустить о потере какой-нибудь, о разлуке, о обманутой надежде. Понимаю я, что можно разочароваться: все надоест, так часто будешь обманут в ожиданиях, что ничего ждать не будешь. Понимаю я, когда таятся в душе: любовь ко всему прекрасному, к человеку, к природе, когда готов все это высказать, попросить сочувствия, и везде найдешь холодность и насмешку, скрытую злобу на людей, и оттого грусть. Понимаю я грусть человека, когда положение его горько, а тяжелое, ядовитое чувство зависти давит его. Все это я понимаю, и в каждой такого рода грусти есть что-то хорошее с одной стороны.

Свою же грусть я чувствую, но понять и представить себе не могу. Жалеть мне нечего, желать мне тоже почти нечего, сердиться на судьбу не за что. Я понимаю, как славно можно бы жить воображением; но нет. Воображение мне ничего не рисует – мечты нет. Презирать людей – тоже есть какое-то пасмурное наслаждение, – но и этого я не могу, я о них совсем не думаю; то кажется: у этого есть душа, добрая, простая, то кажется: нет, лучше не искать, зачем ошибаться! Разочарованности тоже нет, меня забавляет все; но в том горе, что я слишком рано взялся за вещи серьезные в жизни, взялся я за них, когда еще не был зрел для них, а чувствовал и понимал; так сильной веры в дружбу, в любовь, в красоту нет у меня, и разочаровался я в вещах, важных в жизни; а в мелочах еще ребенок.

Сейчас я думаю, вспоминая о всех неприятных минутах моей жизни, которые в тоску одни и лезут в голову, – нет, слишком мало наслаждений, слишком много желаний, слишком способен человек представлять себе счастье, и слишком часто, так ни за что, судьба бьет нас, больно, больно задевает за нежные струны, чтобы любить жизнь; и потом что-то особенно сладкое и великое есть в равнодушии к жизни, и я наслаждаюсь этим чувством. Как силен кажусь я себе против всего с твердым убеждением, что ждать нечего здесь, кроме смерти; и сейчас же я думаю с наслаждением о том, что у меня заказано седло, на котором я буду ездить в черкеске, и как я буду волочиться за казачками, и приходиться в отчаяние, что у меня левый ус хуже правого, и я два часа расправляю его перед зеркалом. Писать тоже не могу, судя по этому – глупо.

Et puis cette horrible necessite de traduire par des mots et aligner en pattes de mouches des pensees ardentes, vives, mobiles, comme des rayons de soleil teignant les nuages de l'air. Ou fuir le metier. Grand Dieu! [А потом эта ужасная необходимость выражать в словах и выводить каракулями горячие, живые и подвижные мысли, подобные лучам солнца, озаряющим воздушные облака куда бежать от ремесла! Великий боже! (фр.)]

8 июня. [Старый Юрт.] Любовь и религия – вот два чувства – чистые, высокие. Не знаю, что называют любовью. Ежели любовь то, что я про нее читал и слышал, то я ее никогда не испытывал. Я видал прежде Зинаиду институточкой, она мне

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

нравилась; но я мало знал ее (фу! какая грубая вещь слово! – как площадно, глупо выходят переданные чувства). Я жил в Казани неделю. Ежели бы у меня спросили, зачем я жил в Казани, что мне было приятно, отчего я был так счастлив? Я не сказал бы, что это потому, что я влюблен. Я не знал этого. Мне кажется, что это – то незнание и есть главная черта любви и составляет всю прелесть ее. Как морально легко мне было в это время. Я не чувствовал этой тяжести всех мелочных страстей, которая портит все наслаждения жизни. Я ни слова не сказал ей о любви, но я так уверен, что она знает мои чувства, что ежели она меня любит, то я приписываю это только тому, что она меня поняла. Все порывы души чисты, возвышенны в своем начале. Действительность уничтожает невинность и прелесть всех порывов. Мои отношения с Зинаидой остались на ступени чистого стремления двух душ друг к другу. Но, может быть, ты сомневаешься, что я тебя люблю, Зинаида, прости меня, ежели это так, я виновен, одним словом мог бы и тебя уверить.

Неужели никогда я не увижу ее? Неужели узнаю когда-нибудь, что она вышла замуж за какого-нибудь Бекетова? Или, что еще жалче, увижу ее в чепце веселенькой и с тем же умным, открытым, веселым и влюбленным глазом. Я не оставляю своих планов, чтобы ехать жениться на ней, я не довольно убежден, что она может составить мое счастье; но все-таки я влюблен. Иначе что же эти отрадные воспоминания, которые оживляют меня, что этот взгляд, в который я всегда смотрю, когда только я вижу, чувствую что-нибудь прекрасное. Не написать ли ей письмо? Не знаю ее отчества и от этого, может быть, лишусь счастья. Смешно. Забыли взять рубашку со складками, от этого я не служу в военной службе. Ежели бы забыли взять фуражку, я бы не думал являться к Воронцову и служить в Тифлисе. В папахе нельзя же! Теперь бог знает, что меня ждет. Предаюсь в волю его. Я сам не знаю, что нужно для моего счастья и что такое счастье. Помнишь Архирейский сад, Зинаида, боковую дорожку. На языке висело у меня признание, и у тебя тоже. Мое дело было начать; но, знаешь, отчего, мне кажется, я ничего не сказал. Я был так счастлив, что мне нечего было желать, я боялся испортить свое... не свое, а наше счастье. Лучшие воспоминания в жизни останутся навсегда это милое время. А какое пустое и тщеславное создание человек. Когда у меня спрашивают про время, проведенное мною в Казани, я небрежным тоном отвечаю: "Да, для губернского города очень порядочное общество, и я довольно весело провел несколько дней там". Подлец! Все осмеяли люди. Смеются над тем, что с милым рай и в шалаше, и говорят, что это неправда. Разумеется, правда; не только в шалаше, в Крапивне, в Старом Юрте, везде. С милым рай и в шалаше, и это правда, правда, сто раз правда.

(11 июня 1851. Кавказ. Старый Юрт, лагерь. Ночь.) Уже дней пять я живу здесь и одержим уже давно забытой мною ленью. Дневник вовсе бросил. Природа, на которую я больше всего надеялся, имея намерение ехать на Кавказ, не представляет до сих пор ничего завлекательного. Лихость, которая, я думал, развернется во мне здесь, тоже не оказывается.

Ночь ясная, свежий ветерок продувает палатку и колеблет свет нагоревшей свечи. Слышен отдаленный лай собак в ауле, переключка часовых. Пахнет засыхающими дубовыми и чинаровыми плетями, из которых сложен балаган. Я сижу на барабане в балагане, который с каждой стороны примыкает к палатке, одна закрытая, в которой спит Кноринг (неприятный офицер), другая открытая и совершенно мрачная, исключая одной полосы света, падающей на конец постели брата. Передо мною ярко освещенная сторона балагана, на которой висит пистолет, шашки, кинжал и подштанники. Тихо. Слышно – дунет ветер, пролетит букашка, покружит около огня, и всхлипнет и охнет около солдат.

Спать не хочется; а писать – чернил нету. До завтра. По мере впечатлений дня буду писать и письма. [Занятия на 12.] С 5 до 8 писать. С 8 до 10 купаться и рисовать. С 10 до 12 читать. С 12 до 4 отдых. С 4 до 8 перевод с английского. С 8 до вечера писать. Продолжать делать гимнастику. Счетную книгу и Франклиновскую.

[12 июня.] 11 июня. Встал поздно, разбудил меня Николенька приходом с охоты. Я ищу все какого-то расположения духа, взгляда на вещи, образа жизни, которого я ни найти, ни определить не умею. Хотелось бы мне больше порядка в умственной деятельности, больше самой деятельности, больше вместе с тем свободы и непринужденности. Вчера я почти всю ночь не спал, пописавши дневник, я стал молиться богу. Сладость чувства, которое испытал я на молитве, передать невозможно. Я прочел молитвы, которые обыкновенно творю: Отче, Богородицу, Троицу, Милосердия Двери, воззвание к ангелу-хранителю и потом остался еще на

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

молитве. Ежели определяют молитву просьбою или благодарностью, то я не молился. Я желал чего-то высокого и хорошего; но чего, я передать не могу; хотя и ясно сознавал, чего я желаю. Мне хотелось слиться с существом всеобъемлющим. Я просил его простить преступления мои; но нет, я не просил этого, ибо я чувствовал, что ежели оно дало мне эту блаженную минуту, то оно простило меня. Я просил и вместе с тем чувствовал, что мне нечего просить и что я не могу и не умею просить. Я благодарил, да, но не словами, не мыслями. Я в одном чувстве соединял все, и мольбу и благодарность. Чувство страха совершенно исчезло. Ни одного из чувств веры, надежды и любви я не мог бы отделить от общего чувства. Нет, вот оно чувство, которое испытал я вчера это любовь к богу. Любовь высокую, соединяющую в себе все хорошее, отрицающую все дурное.

Как страшно было мне смотреть на всю мелочную – порочную сторону жизни. Я не мог постигнуть, как она могла завлекать меня. Как от чистого сердца просил я бога принять меня в лоно свое. Я не чувствовал плоти, я был – один дух. Но нет! плотская – мелочная сторона опять взяла свое, и не прошло часу, я почти сознательно слышал голос порока, тщеславия, пустой стороны жизни; знал, откуда этот голос, знал, что он погубит мое блаженство, боролся и поддался ему. Я заснул, мечтая о славе, о женщинах; но я не виноват, я не мог.

Вечное блаженство здесь невозможно. Страдания необходимы. Зачем? не знаю. И как я смею говорить: не знаю. Как смел я думать, что можно знать пути провидения. Оно источник разума, и разум хочет постигнуть... Ум теряется в этих безднах премудрости, а чувство боится оскорбить его. Благодарю его за минуту блаженства, которая показала мне ничтожность и величие мое. Хочу молиться; но не умею; хочу постигнуть; но не смею – предаюсь в волю твою! Зачем писал я все это? Как плоско, вяло, даже бессмысленно выразились чувства мои; а были так высоки!!

Утро я провел довольно хорошо, немного ленился, солгал, но безгрешно. Завтра напишу письмо Загоскиной, хотя черновое. Рисовал не тщательно. Вечером любовался облаками. Славные были при захождении солнца облака. Запад краснел, но солнце было еще на расстоянии сажени от горизонта. Над ним вились массивные, серо-пунцовые облака. Они неловко как-то соединялись. Я поговорил с кем-то и оглянулся: по горизонту тянулась серо-красная темная полоса, оканчивавшаяся бесконечно разнообразными фигурами: то склонявшимися одна к другой, то расходившимися, с светло-красными концами.

Человек сотворен для уединения – уединения не в фактическом отношении, но в моральном. Есть некоторые чувства, которые поверять никому не надо. Будь они прекрасные, возвышенные чувства, теряешь во мнении того человека, которому их поверяешь, или даже дашь возможность о них догадываться. Поверяя их, человек не сознает их вполне, а только выражает свои стремления. Неизвестность привлекает более всего. Мы живем теперь с братом между такими людьми, с которыми нам нельзя не сознать взаимное превосходство над другими; но мы мало говорим между собой, как будто боимся, сказав одно, дать догадаться о том, что мы хотим от всех скрывать. Мы слишком хорошо знаем друг друга.

Меня поразили три вещи: 1) разговоры офицеров о храбрости. Как заговорят о ком-нибудь. Храбр он? Да, так. Все храбры. Такого рода понятия о храбрости можно объяснить вот как: храбрость есть такое состояние души, при котором силы душевные действуют одинаково при каких бы то ни было обстоятельствах. Или напряжение деятельности, лишаящее сознания опасностей. Или есть два рода храбрости: моральная и физическая. Моральная храбрость, которая происходит от сознания долга и вообще от моральных влечений, а не от сознания опасности. Физическая та, которая происходит от физической необходимости, не лишая сознания опасности, и та, которая лишает этого сознания. Примеры первой человек, добровольно жертвующий собой для спасения отечества или лица. 2) Офицер, служащий для выгод. 3) В турецкой кампании бросились в руки неприятеля, чтобы только выпить, русские солдаты. Здесь только пример с нашей стороны храбрости физической и потому все.

13 июня. Я продолжаю лениться, хотя собою доволен, исключая сладострастия. Несколько раз, когда при мне офицеры говорили о картах, мне хотелось показать им, что я люблю играть. Но удерживаюсь. Надеюсь, что даже ежели меня пригласят, то я откажусь.

3 июля. Вот что писал я 13-го июня, и все это время потерял оттого, что в тот же день завлекся и проиграл своих 200, Николенькиных 150 и в долг 500, итого 850.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Теперь удерживаюсь и живу сознательно. [...] Был в набеге. Тоже действовал нехорошо: бессознательно, и трусил Бярятинского. Впрочем, я так слаб, так порочен, так мало сделал путного, что я должен поддаваться влиянию всякого Бярятинского... Завтра буду писать роман, переводить и скажу Кнорингу подождать и постараюсь достать денег. В среду поеду в Грозное.

[...] Сейчас лежал я за лагерем. Чудная ночь! Луна только что выбиралась из-за бугра и освещала две маленькие, тонкие, низкие тучки; за мной свистел свою заунывную, непрерывную песнь сверчок; вдали слышна лягушка, и около аула то раздаётся крик татар, то лай собаки; и опять все затихнет, и опять слышен один только свист сверчка и катится легенькая, прозрачная тучка мимо дальних и ближних звезд.

Я подумал: пойду опишу я, что вижу. Но как написать это. Надо пойти, сесть за закапанный чернилами стол, взять серую бумагу, чернила; пачкать пальцы и чертить по бумаге буквы. Буквы составят слова, слова – фразы; но разве можно передать чувство. Нельзя ли как-нибудь перелить в другого свой взгляд при виде природы? Описание недостаточно. Зачем так тесно связана поэзия с прозой, счастье с несчастьем? Как надо жить? Стараться ли соединить вдруг поэзию с прозой, или насладиться одною и потом пуститься жить на произвол другой?

В мечте есть сторона, которая лучше действительности; в действительности есть сторона, которая лучше мечты. Полное счастье было бы соединение того и другого.

4 июля. Я собою почти доволен; исключая того, что я это время как-то пуст. Нет мыслей; ежели и есть, то они мне кажутся до того ничтожными, что не хочется их писать. Не знаю, отчего это? Подвинулся ли я в критическом отношении, или упал в творческом. Завтра поеду в аул и в Грозное. Поговорю с братом о деньгах и решу о поездке в Дагестан Решительно ничего писать не могу, хотя есть личности стоящие.

Как ничтожно проходят дни! Вот нынешний. Как, ни одного воспоминания, ни одного сильного впечатления. Встал я поздно с тем неприятным чувством при пробуждении, которое всегда действует на меня: я дурно сделал, проспал. Я, когда просыпаюсь, испытываю то, что трусливая собака перед хозяином, когда виновата. Потом подумал я о том, как свежи моральные силы человека при пробуждении и почему не могу я удержать их всегда в таком положении. Всегда буду говорить, что сознание есть величайшее моральное зло, которое только может постигнуть человека. Больно, очень больно знать вперед, что я через час, хотя буду тот же человек, те же образы будут в моей памяти, но взгляд мой независимо от меня переменится, и вместе с тем сознательно. Я читал "Hogase". Правду сказал брат, что эта личность похожа на меня. Главная черта: благородство характера, возвышенность понятий, любовь к славе, – и совершенная неспособность ко всякому труду. Неспособность эта происходит от непривычки, а непривычка – от воспитания и тщеславия.

[...] Обедали втроем, как и обыкновенно: я, брат и Кноринг. Попробую набросать портрет Кноринга. Мне кажется, что описать человека собственно нельзя; но можно описать, как он на меня подействовал. Говорить про человека: он человек оригинальный, добрый, умный, глупый, последовательный и т. д.... слова, которые не дают никакого понятия о человеке, а имеют претензию обрисовать человека, тогда как часто только сбивают с толку. Я знал, что брат жил с ним где-то, что вместе с ним приехал на Кавказ и что был с ним хорош. Я знал, что он дорогой вел расходы общие; стало быть, был человек аккуратный; и что был должен брату, стало быть, был человек неосновательный. По тому, что он был дружен с братом, я заключал, что он был человек несветский, и по тому, что брат про него мало рассказывал, я заключал, что он не отличался умом. Раз утром брат сказал мне: "Нынче будет сюда Кноринг, как я рад его видеть". "Посмотрим этого франта", – подумал я. За палаткой я услышал радостные восклицания свидания брата и голос, который отвечал на их столь же радостно: "Здравствуй, морда". Это человек непорядочный, подумал я, и не понимающий вещей. Никакие отношения не могут дать прелести такому нарицанию. Брат, по своей привычке, отрекомендовал меня ему; я, бывши уже настроен с невыгодной стороны, поклонился холодно и продолжал читать лежа.

Кноринг – человек высокий, хорошо сложенный, но без прелести. Я признаю в сложении такое же, ежели не больше выражения, чем в лице: есть люди приятно и неприятно сложенные. Лицо, широкое, с выдавшимися скулами, имеющие на себе какую-то мягкость, то, что в лошадях называется "мясистая голова". Глаза карие, большие, имеющие только два изменения: смех и нормальное положение. При смехе

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

они останавливаются и имеют выражение тупой бессмысленности. Остальное в лице по паспорту. Он при мне, как я заметил, удерживался. Когда первые минуты свидания прошли, когда повторились несколько раз вопросы, после молчаний: "Ну, что ты?" и ответы: "Да вот, как видишь", он обратился ко мне с вопросом: "Надолго ли-с, граф, сюда?" Я опять отвечал холодно. Я имею особенность узнавать сразу людей, которые любят иметь влияние на других. Должно быть оттого, что я сам люблю это. Он из таких людей. На брата он имеет наружное влияние. Например, подзывает его к себе. Желал бы я знать, может ли быть, чтобы человек сознательно старался приобрести влияние на других. Мне это кажется так же невозможным, как казалось невозможным разыгрывать *a livre ouvert* [с листа (фр.)]; впрочем, я пробовал это; так почему людям последовательным посредством практики не дойти до этого. Таковые люди при всяком поступке имеют такого рода заднюю мысль. Мыслей так много может вмещаться в одно время, особенно в пустой голове.

10 августа 1851. [Старогладковская.] Третьего дня ночь была славная, я сидел в Старогладковской у окошка своей хаты и всеми чувствами, исключая осязания, наслаждался природой. Месяц еще не всходил, но на юго-востоке уже начинали краснеть ночные тучки, легкий ветерок приносил запах свежести. Лягушки и сверчки сливались в один неопределенный, однообразный ночной звук. Небосклон был чист и засян звездами. Я люблю всматриваться ночью в покрытый звездами небосклон; можно рассмотреть за большими ясными звездами маленькие, сливающиеся в белые места. Рассмотрись, любуешься ими, и вдруг опять все скроется, кажется - звезды стали ближе. Мне нравится этот обман зрения.

Не знаю, как мечтают другие, сколько я ни слышал и ни читал, то совсем не так, как я. Говорят, что, смотря на красивую природу, приходят мысли о величии бога, о ничтожности человека; влюбленные видят в воде образ возлюбленной. Другие говорят, что горы, казалось, говорили то-то, а листочки то-то, а деревья звали туда-то. Как может прийти такая мысль? Надо стараться, чтобы вбить в голову такую нелепицу. Чем больше я живу, тем более мирюсь с различными натянутостями (*affectation*) в жизни, разговоре и т. д.; но к этой натянутости, несмотря на все мои усилия, [привыкнуть] не могу. Когда я занимаюсь тем, что называют мечтать, я никогда не могу найти в голове моей ни одной путной мысли; напротив, все мысли, которые перебегают в моем воображении, всегда самые пошлые - такие, на которых не может остановиться внимание. И когда попадешь на такую мысль, которая ведет за собою ряд других, то это приятное положение моральной лени, которая составляет мое мечтание, исчезает, и я начинаю думать.

Не знаю, каким ходом забрели в мое гуляющее воображение воспоминания о ночах цыганерства. Катины песни, глаза, улыбки, груди и нежные слова еще свежи в моей памяти, зачем их выписывать; ведь я хочу рассказать историю совсем не про то. Я замечаю, что у меня дурная привычка к отступлениям; и именно, что эта привычка, а не обильность мыслей, как я прежде думал, часто мешает мне писать и заставляет меня встать от письменного стола и задуматься совсем о другом, чем то, что я писал. Пагубная привычка. Несмотря на огромный талант рассказывать и умно болтать моего любимого писателя Стерна, отступления тяжелы даже и у него. Кто водился с цыганами, тот не может не иметь привычки напевать цыганские песни, дурно ли, хорошо ли, но всегда это доставляет удовольствие; потому что живо напоминает. Одна характеристическая черта воспроизводит для нас много воспоминаний о случаях, связанных с этой чертою. В цыганском пенье эту черту определить трудно; она состоит в выговоре слов, в особом роде украшений (*фиоритур*) и ударений.

Я пел у окна одну, хотя не из любимых моих песен "Скажи, зачем", - но песню, которую говорила мне Катя, сидя у меня на коленях в тот самый вечер, когда она рассказывала мне, что она меня любит и что оказывает расположение другим только потому, что хор того требует, но что никому не позволяет, кроме меня, вольностей, которые должны быть закрыты завесою скромности. Я в этот вечер от души верил во всю ее пронырливую цыганскую болтовню, был хорошо расположен, никакой гость не расстроил меня. За то и вечер, и песню эту люблю. Я пел с большим одушевлением, застенчивость не сдерживала моего голоса и не путала переходов, я с большим удовольствием слушал самого себя. Тщеславие, как всегда, прокралось в мою душу, и я думал: "Мне очень приятно себя слушать, но еще приятнее, должно быть, слушать меня посторонним"; я даже завидовал их удовольствию, которого я лишен был, как вдруг, переводя дух и прислушиваясь к звукам ночи, чтобы еще с большим чувством пропеть следующий куплет, я услышал шорох под своим окошком. "кто тут?" - "это я-с", - отвечал мне голос, которого я не узнал, несмотря на уверенность его, что ответ этот был совершенно

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
удовлетворителен. "кто я?" - спросил [я], раздосадованный тем, что расстроено мое мечтание и пение каким-то профаном. "Я домой шел-с, да остановился, слушал". - "А, Марка?" - "Так точно-с. Это вы, кажется, ваше сиятельство, извольте калмыцкие песни петь?" - "какие калмыцкие песни?" - "Да я слышал, продолжал он, не замечая моего огорчения и обиды, - что голос схож с ихними рейладами". - "Да, калмыцкие". Нужно было этому хромому Марке глупым своим разговором испортить мое удовольствие; теперь уж кончено, я не мог продолжать ни мечтать, ни петь. Сейчас пришла мне мысль, что я пою очень дурно, что смех, который я слышал на соседнем дворе, был произведен моим пением. Я очнулся под неприятным впечатлением. Заниматься я тоже не мог, спать мне не хотелось; притом же Марка, как видно было, был в хорошем расположении духа и был совершенно невинным орудием разочарования. Я изъясил ему свое удивленно, что он еще не спит, он сказал мне весьма вычурными и непонятными словами, что у него бессонница. У нас завелся разговор. Узнав, что не хочу спать, он попросил позволения взойти ко мне, на что я согласился, и Марка уселся с своими костылями против моей постели.

Личность Марки, которого зовут, однако. Лукою, так интересна и такая типическая казачья личность, что ею стоит заняться. Мой хозяин, старик ермоловских времен, казак, плут и шутник Япишка, назвал его Маркой на том основании, что, как он говорит, есть три апостола: Лука, Марка и Никита Мученик; и что один, что другой, все равно. Поэтому Лукашку он прозвал Маркой, и пошло по всей станице ему название: Марка.

Марка - человек лет двадцати пяти, маленький ростом и убогий; у него одна нога несоответственно мала сравнительно с туловищем, а другая несоответственно мала и крива сравнительно с первой ногой; несмотря на это, или скорее поэтому, он ходит довольно скоро, чтобы не потерять равновесие, с костылями и даже без костылей, опираясь одной ногой почти на половину ступни, а другою на самую цыпочку. Когда он сидит, вы скажете, что это среднего роста мужчина и хорошо сложенный. Замечательно, что ноги у него всегда достают до пола, на каком бы высоком стуле он ни сидел. Эта особенность в его посадке всегда поражала меня; сначала я приписывал это способности вытягивания ног; но, изучив подробно, я нашел причину в необыкновенной гибкости спинного хребта и способности задней части принимать всевозможные формы. Спереди казалось, что он не сидит на стуле, а только прислоняется и выгибается, чтобы закинуть руку за спинку стула (это его любимая поза); но, обойдя сзади, я, к удивлению моему, нашел, что он совершенно удовлетворяет требованиям положения сидящего.

Лицо у него некрасивое; маленькая, по-казацки гладко остриженная голова, довольно крутой умный лоб, из-под которого выглядывают плутовские, серые, не лишённые огня глаза, нос, загнутый концом вниз, выдавшиеся толстые губы и обросший козлиной рыженькой бородкой подбородок - вот отдельно черты его лица. Общее же выражение всего лица: веселость, самодовольство, ум и робость. Морально описать я его не могу, но сколько он выразился в следующем разговоре - передам. Еще прежде у нас с ним бывали отношения и разговоры. В тот же самый день он пришел ко мне, когда я укладывал вещи для завтрашней поездки. У меня сидел Япишка, которого он боится, весьма справедливо полагая, что Япишка будет завидовать всему тому, что я дам Марке. Марку я выбрал своим учителем по-кумыцки. "У меня до вас, ваше сиятельство, можно сказать (он любит употреблять это вставочное предложение), будет просьбица". - "Что такое?" "После позвольте сказать; а впрочем, - сказал он, одумавшись и теперь, улыбаясь, взглянув на Япишку, - ежели бы карандаш и бумажка, я мог [бы] письменно..." я ему показал все нужное для письма на столе; он взял бумажку, сложил ноги и костыли в какую-то одну неопределенную кучу, уселся на полу, нагнул голову набок, мусолил беспрестанно карандаш, улыбался и с большим трудом выводил на колене какие-то каракули; через пять минут я получил следующее послание, разумеется криво и кругло написанное, которое он подал мне и, обратившись к Япишке, сказал: "Вот, дядя, тут сидишь, да не знаешь, что писано". - "Да, грамотей!" - отвечал тот насмешливо. "Осмелюсь просить вас, ваше сиятельство, что ежели милость ваша будет, то есть насчет дорожного самовара, и вперед готов вам служить, ежели он старенькой и к надобности не требуется" Улыбку, с которой я ему сказал: "Хорошо, возьми", - он, верно, принял за одобрительную его литературному таланту; потому что ответил тою же самодовольною и хитрою улыбкой, с которой и прежде обращался к Япишке. - Вот и все.

Ночью же разговор у нас завязался следующий. "Вы еще отдыхать не изволите?" - "Нет, не спится; а ты где был?" - "Тоже, признаться сказать, спать не хотелось - по станице прогулялся, зашел кой-куда, да вот и домой шел". Надо заметить, что я

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

имел, позвав его [к] себе и начав разговор, тайную цель может ли он быть моим Меркурием и возьмется ли за это дело, которое, хотя я и знал, что он очень любит, не мог назвать прямо по имени. У меня есть та особенность, что вещи, которые я делаю не увлекаясь, а обдуманно, я все-таки не могу решиться назвать по имени и прямо приступить к ним. В его же разговоре есть та особенность, что у него их два: один обыкновенный, который он употребляет в случаях, не представляющих ничего особенного и особенно приятного; при такого рода обстоятельствах он держит себя очень просто и прилично; ежели же речь коснется чего-нибудь выходящего из колеи его привычек, то он начинает говорить вычурными и непонятными, не столько словами, сколько периодами; при этом даже и наружность его совершенно изменяется: глаза получают необыкновенный блеск, нетвердая улыбка искривляет уста, приходит всем телом в движение и сам не свой. Разговор и рассказ Марки очень забавен, особенно его ходатайство для К. Л..., который был к нему "очень привержен" и который, добившись желаемой цели, по слабости здоровья не мог воспользоваться трудами Марки.

22 августа. 28 мое рождение, мне будет 23 года; хочется мне начать с этого дня жить сообразно с целью, которую сам себе поставил. Обдумаю завтра все хорошенько, теперь же принимаюсь опять за дневник с будущим расписанием занятий и сокращенной франклиновской таблицей. Я полагаю, что это педантство, которое вредит мне; но недостаток не в том, а стеснить размашистых движений души никакой таблицей нельзя. Ежели таблица эта могла подействовать на меня, то только полезно, укрепляя характер и приучая к деятельности; поэтому продолжаю тот же порядок.

С восхода солнца заняться приведением в порядок бумаг, счетов, книг и занятий; потом привести в порядок мысли и начать переписывать первую главу романа. После обеда (мало есть) татарский язык, рисование, стрельба, моцион и чтение.

4 сентября. Ко мне приехал брат с Балтою 27 числа. 28-го минуло мне 23 года. Много рассчитывал я на эту эпоху, но, к несчастью, я остаюсь все тем же, в несколько дней я успел переделать все то, чего не оправдываю. Резкие перевороты невозможны. Имел женщин, оказался слаб во многих случаях - в простых отношениях с людьми, в опасности, в карточной игре, и все так же одержим ложным стыдом. Много врал. Ездил бог знает зачем в Грозную; не подъехал к Барятинскому. Проиграл сверх того, что было в кармане, и, приехавши назад, целый день не спросил у Алексеева денег, как того хотел. Ленился очень много; и теперь не могу собрать мыслей и пишу, а писать не хочется.

1851. 29 ноября. Тифлис. Я никогда не был влюблен в женщин. Одно сильное чувство, похожее на любовь, я испытал только, когда мне было 13 или 14 лет; но мне [не] хочется верить, чтобы это была любовь; потому что предмет была толстая горничная (правда, очень хорошенькое личико), притом же от 13 до 15 лет - время самое безалаберное для мальчика (отрочество): не знаешь, на что кинуться, и сладострастие в эту эпоху действует с необыкновенною силою.

В мужчин я очень часто влюблялся, первой любовью были два Пушкина, потом 2-й - Сабуров, потом 3-ей - Зыбин и Дьяков, 4 - Оболенский, Блосфельд, Иславин, еще Готье и многие другие. Из всех этих людей я продолжаю любить только Дьякова. Для меня главный признак любви есть страх оскорбить или не понравиться любимому предмету, просто страх. [...] Все люди, которых я любил, чувствовали это, и я замечал, им тяжело было смотреть на меня. Часто, не находя тех моральных условий, которых рассудок требовал в любимом предмете, или после какой-нибудь с ним неприятности, я чувствовал к ним неприязнь; но неприязнь эта была основана на любви. К братьям я никогда не чувствовал такого рода любви. Я ревновал очень часто к женщинам. Я понимаю идеал любви совершенное жертвование собою любимому предмету е44 у. И именно это я испытывал. Я всегда любил таких людей, которые ко мне были хладнокровны и только ценили меня. Чем я делаюсь старше, тем реже испытываю это чувство.

[...] Живопись действует на способность воображать природу, и ее область пространство. Музыка действует на способность воображать ваши чувства. И ее область - гармония и время. Поэзия действует на способность воображать как то, так другое, то есть действительность или отношения наших чувств к природе. Переход от живописи к музыке есть танцы. От музыки к поэзии - песни. Отчего музыке древние называли подражательною? Отчего к каждому переходу не присоединить какое-нибудь чувство? Отчего музыка действует на нас, как воспоминание? Отчего, смотря по возрасту и воспитанию, вкусы к музыке различны?

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Почему живопись есть подражание природе, очень ясно (хотя оно не полно); но почему музыка есть подражание нашим чувствам и какое сродство каждой перемены звука с каким-нибудь чувством? Нельзя сказать. Природа подлежит нашим пяти чувствам, а чувства, как: отчаяние, любовь, восторг и т. д. и их оттенки, не только не подлежат нашим пяти чувствам, но даже не подлежат и рассудку. Музыка имеет даже перед поэзией то преимущество, что подражание чувствам музыки полнее подражания поэзии, но не имеет той ясности, которая составляет принадлежность поэзии.

Свобода состоит в отсутствии принуждения делать зло; ежели таким образом понимать свободу, то понятно, что она имеет это качество. Совершенной свободы нет, но более или менее происходит от большей или меньшей власти и искушения в обратном отношении.

Я допускаю власть рока только в том, что не имеет отношения к добру и злу (внутреннему). Никакое положение человека не может заставить быть добрым или злым.

Властью рока я выражаю - чему быть, тому не миновать и - "да будет воля твоя".

Все атомы имеют сферическую форму и обращаются вокруг своей оси. Закон тяготения есть закон - центробежной и центростремительной силы. Чувство осязания происходит от трения обращающихся атомов. Осязание было бы даже тогда, если бы не было давления. Чем меньше давление, тем яснее чувство осязания.

22 декабря 1851. Видел странный сон о Митеньке. 21 декабря того же года в 12 часов ночи мне было что-то, вроде откровения. Мне ясно было существование души, бессмертие ее - (вечность) - двойственность нашего существования и сущность воли. Свобода сравнительна: в отношении материи человек свободен, в отношении бога - нет.

Нынче 22 декабря меня разбудил страшный сон - труп Митеньки. Это был один из тех снов, которые не забываются. Неужели это что-нибудь значит? Я много плакал после. Чувства вернее во сне, чем наяву. Ложное рассуждение возбуждает поэтическое чувство.

Дневник - 1852

1852. Генваря 2. Когда я искал счастья, я впадал в пороки; когда я понял, что достаточно в этой жизни быть только не несчастным, то меньше стало порочных искушений на моем пути - и я убежден, что можно быть добродетельным и не несчастливым.

Когда я искал удовольствия, оно бежало от меня, а я впадал в тяжелое положение скуки - состояние, из которого можно перейти ко всему - хорошему и дурному; и скорее к последнему. Теперь, когда я только стараюсь избегать скуки, я во всем нахожу удовольствие.

Чтобы быть счастливым, нужно избегать несчастий, чтобы было весело, нужно избегать скуки.

Tout vient a point a celui qui sait attendre [Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать (фр.)].

Платон говорит, что добродетель составляют три качества: справедливость, умеренность и храбрость. Справедливость есть, мне кажется, моральная умеренность. Следовать в физическом мире правилу - ничего лишнего - будет умеренность, в моральном - справедливость. Третье качество Платона есть только средство сообразоваться с правилом - ничего лишнего - Сила.

У всех молодых людей есть время, в которое они не имеют никаких твердых понятий о вещах - правил, и составляют как то, так и другое. В это время обыкновенно они чуждаются интересов практических и живут в мире моральном. Эту переходную эпоху я называю - юность. У иных людей юность продолжается больше, у других меньше. Даже есть люди, которые всегда остаются юны, а другие, которые не были юными. От чего зависит продолжительность этой эпохи? Казалось бы, так как, я сказал, в это время молодые люди занимаются составлением твердых понятий о вещах и правил, то

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

чем умнее молодой человек, тем скорее должна пройти эта эпоха: он составит себе правила и будет жить по ним. Но в действительности совершенно напротив. Практическая сторона жизни, чем дальше мыдвигаемся в ней, больше и больше требует нашего внимания; но чем больше имеет человек склонности к размышлению (и поэтому находит в нем наслаждение моральное), тем больше старается он удалить от себя срок этого перехода; а чтобы составить верные понятия о вещах и верные правила для жизни, недостаточно целого века размышления; хотя он на пути этом и идет вперед, но необходимость требует перестать составлять правила, но действовать по каким бы то ни было уже составленным. Поэтому все мы, входя в практическую жизнь, начинаем действовать, основываясь на тех несовершенных и недоконченных правилах и понятиях, на которых застала нас необходимость.

Продолжительность этого периода доказывает ум, но не способствует успехам в практической жизни. Легче действовать на основании простых, несложных и хотя и неверных, но согласных между собой правил, которые я принял, не разбирая их, чем на основании правил, которые, может быть, и верны, но недостаточно объяснены и приведены к единству. От этого и успевают в свете дураки больше, чем люди умные.

Два замечания для писателя belles-lettres [беллетриста (фр.)]. – Тень, ежели и ложится на воде, то очень редко ее можно видеть, и когда видишь, то она нисколько не поражает.

Всякий писатель для своего сочинения имеет в виду особенный разряд идеальных читателей. Нужно ясно определить себе требования этих идеальных читателей, и ежели в действительности есть хотя во всем мире два таких читателя – писать только для них. Описывая типы или пейзажи, необыкновенные для большинства читателей, никогда не выпускать из виду типы и пейзажи обыкновенные – взять их за основание и, сравнивая с ними необыкновенные, описывать их.

5 февраля 1852 (Николаевка – еду в отряде). Я равнодушен к жизни, в которой слишком мало испытал счастья, чтобы любить ее; поэтому не боюсь смерти. Не боюсь и страданий; но боюсь, что не сумею хорошо перенести страданий и смерти. Я не совершенно спокоен; и замечаю это потому, что перехожу от одного расположения духа и взгляда на многие положения к другому. Странно, что мой детский взгляд – молодечество – на войну для меня самый покойный. Во многом я возвращаюсь к детскому взгляду на вещи.

1852 года февраля 28. В отряде (около Тепликичу). Никогда в действительности не оправдывал я для себя самого ожиданий своего воображения.

Я желал, чтобы судьба ставила меня в положения трудные, для которых нужны сила души и добродетель. Воображение мое любило представлять мне эти положения, а внутреннее чувство говорило, что у меня достанет для них силы и добродетели. Самолюбие мое и уверенность в силе своей души росли, не находя опровержений. Случаи, в которых я мог оправдать свою уверенность, но не оправдывал ее, я извинял тем, что мне представлялось слишком мало трудностей и я не употреблял всех сил своей души.

Я был горд, но гордость моя не опиралась на дела, но на твердой надежде, что я способен на все. От этого наружная гордость моя не имела уверенности, твердости и постоянства, я из крайней надменности переходил в излишнюю скромность.

Состояние мое во время опасности открыло мне глаза. Я любил воображать себя совершенно хладнокровным и спокойным в опасности. Но в делах 17 и 18 числа я не был таким. Отговорки, которую я обыкновенно употреблял, что опасность не была такой великой, какую я воображал, нет у меня. Это был единственный случай показать всю силу своей души. И я был слаб и поэтому собою недоволен.

Я только теперь понял, что обманчива уверенность в будущие дела, что можно рассчитывать на себя только в том, что уже испытал. Что уверенность эта уничтожает самую силу и что надо ни один случай не считать ничтожным для того, чтобы приложить в нем все силы.

Одним словом, не откладывать до завтра, что можно сделать сегодня.

Как ни просто это правило, как ни часто я его слышал, я понял и сознал его истину только теперь.

Есть только один известный путь, по которому мысль может перейти в убеждение.

20 марта 1852. Старогладковская. Сейчас перечел я свой старый дневник с июля 1851 года и кое-что написанное в этой книге. Удовольствие, которое доставило мне это чтение, заставляет меня продолжать дневник, чтобы на будущее время приготовить себе такое же удовольствие. Некоторые мысли, написанные в этой книге, поразили меня иные своей оригинальностью, иные своей верностью. Мне кажется, что я уже потерял способность писать и думать так бойко и смело; правда, смелость эта часто соединена с парадоксальностью; но зато и больше уверенности [Теперь мне стало лень думать и убеждать себя в чем-нибудь. Однако я не меньше, чем прежде, ни верю, ни сомневаюсь. Во всем равновесие. Мне стало лень убеждаться, зато я также устал и разуверяться и храню с заботливостью те верования, которые хлопотливый ум мой оставил в покое, и боюсь разочароваться в них, даже думать о них. (Примеч. Л. Н. Толстого.)].

Надо признаться, что одно из главных стремлений моей жизни – было увериться в чем-нибудь – твердо и неизменно. Неужели с годами рождаются и сомнения? В дневнике я нашел много приятных воспоминаний – приятных только потому, что они воспоминания. Все время, которое я вел дневник, я был очень дурен, направление мое было самое ложное; от этого из всего этого времени нет ни одной минуты, которую бы я желал возвратить такую, какую она была; и все перемены, которые бы я желал сделать, я бы желал их сделать в самом себе.

Лучшие воспоминания мои относятся к милой Волконской.

Во всем дневнике видна одна главная идея и желание: это избавиться от тщеславия, которое подавляло собой и портило все наслаждения, и отыскивание средств избавиться от него.

Я перестал писать дневник почти уже семь месяцев.

Сентябрь провел я в Старогладковской, то в поездках в Грозную и Старый Юрт; ездил на охоту, волочился за казачками, пил, немного писал и переводил, В октябре месяце я с братом поехал в Тифлис для определения на службу. В Тифлисе провел месяц в нерешительности: что делать, и с глупыми тщеславными планами в голове. С ноября месяца я лечился, сидел целых два месяца, то есть до нового года, дома; это время я провел хотя и скучно, но спокойно и полезно – написал всю первую часть.

Генварь я провел частью в дороге, частью в Старогладковской, писал, отделявал первую часть, готовился к походу и был спокоен и хорош. Февраль провел в походе – собою был доволен. Начало марта говел, скучаю и ленюсь. Отправляясь в поход, я до такой степени приготовил себя к смерти, что не только бросил, но и забыл про свои прежние занятия, так что теперь мне труднее, чем когда-нибудь, снова приняться за них.

Хотя все это время я о себе очень мало думал, но мысль о том, что я стал гораздо лучше прежнего, как-то закралась в мою душу – и даже сделалась убеждением. Действительно ли я стал лучше? Или это только такая же надменная уверенность в своем исправлении, которую я всегда имел, когда вперед определял себе будущий образ жизни?

Сколько я мог изучить себя, мне кажется, что во мне преобладают три дурные страсти: игра, сладострастие и тщеславие. Я уже давно убедился в том, что добродетель, даже в высшей степени, есть отсутствие дурных страстей; поэтому, ежели действительно я уничтожил в себе хотя сколько-нибудь преобладающие страсти, я смело могу сказать, что я стал лучше.

Рассмотрю каждую из этих трех страстей. Страсть к игре проистекает из страсти к деньгам, но большей частью (особенно те люди, которые больше проигрывают, чем выигрывают), раз начавши играть от нечего делать, из подражания и из желания выиграть, не имеют страсти к выигрышу, но получают новую страсть к самой игре – к ощущениям. Источник этой страсти, следовательно, в одной привычке; и средство уничтожить страсть – уничтожить привычку. Я так и сделал. Последний раз я играл в конце августа следовательно, с лишком шесть месяцев, и теперь не чувствую никакого позова к игре. В Тифлисе я стал играть с маркером на партии и проиграл ему что-то около тысячи партий; в эту минуту я мог бы проиграть все. Следовательно, уже раз усвоив эту привычку, она легко может возобновиться; и

поэтому, хотя я не чувствую желания играть, но я всегда должен избегать случая играть, что я и делаю, не чувствуя никакого лишения.

Сладострастие имеет совершенно противоположное основание: чем больше воздерживаешься, тем сильнее желание. Есть две причины этой страсти: тело и воображение. Телу легко противостоять, воображению же, которое действует и на тело, очень трудно. Средство против как той, так и другой причины есть труд и занятия, как физические – гимнастика, так и моральные – сочинения. Впрочем, нет. Так как это влечение естественное и которому удовлетворять я нахожу дурным только по тому неестественному положению, в котором нахожусь (холостым в 23 года), ничто не поможет, исключая силы воли и молитвы к богу – избавить от искушения. [...]

Тщеславие есть страсть непонятная – одно из тех зол, которыми, как повальными болезнями – голодом, саранчой, войной – провидение казнит людей. Источников этой страсти нельзя открыть; но причины, развивающие ее, суть: бездействие, роскошь, отсутствие забот и лишений.

Это какая-то моральная болезнь вроде проказы, – она не разрушает одной части, но уродует все, – она понемногу и незаметно закрадывается и потом развивается во всем организме; нет ни одного проявления, которое бы она не заразила, – она как венерическая: ежели изгоняется из одной части, с большей силой проявляется в другой. Тщеславный человек не знает ни истинной радости, ни горя, ни любви, ни страха, ни отчаяния, ни ненависти – все неестественно, насильственно. Тщеславие есть какая-то незрелая любовь к славе, какое-то самолюбие, перенесенное в мнение других – он любит себя не таким, каким он есть, а каким он показывается другим. Эта страсть чрезвычайно развита в наш век, над ней смеются; но ее не осуждают; потому что она не вредна для других. Но зато для человека, одержимого ей, она хуже всех других страстей она отравляет все существование. Исключительная черта этой страсти, общая проказе, есть чрезвычайная прилипчивость. Мне кажется, однако, что, рассуждая об этом, я открыл источник этой страсти – это любовь к славе.

Я много пострадал от этой страсти – она испортила мне лучшие года моей жизни и навек унесла от меня всю свежесть, смелость, веселость и предприимчивость молодости.

Не знаю как, но я подавил ее и даже впал в противоположную крайность: я остерегаюсь всякого проявления, обдумываю вперед, боясь впасть в прежний недостаток. Не знаю, случай или провидение сделали так, что страсть эта редко удовлетворялась, так что я испытывал только одни страдания, которые она доставляет; или влияние брата, который почти не понимает, что такое тщеславие, или отдаление от тщеславного круга и образ жизни, который заставил меня смотреть с серьезной точки на свое положение, только я уничтожил совершенно эту страсть во время моей болезни в Тифлисе. Не могу сказать, чтобы страсть эта была совершенно уничтожена; потому что часто я жалею о наслаждениях, которые она мне доставляла, но, по крайней мере, я понял жизнь без нее и приобрел привычку удалять ее. Я только недавно испытал в первый раз после детства чистые наслаждения молитвы и любви. Еще по дневнику по моему прошлой зимой видно, что я хотел истребить эту страсть; но я напал только на те проявления, которые были мне неприятны, не поняв того, что ее нужно выдернуть с корнем, чтоб от нее избавиться. Мне кажется, что теперь я это сделал; но еще имею склонность к ней и поэтому должен остерегаться новой заразы.

20 марта. Встал в 9-ом часу. Очень болели зубы перед рассветом. Частью от лени, частью от болезни не пошел на ученье. Читал старый дневник и писал новый до обеда. Алексеев все так же скучен – те же бесконечные рассказы о вещах, которые никого занимать не могут; то же неумение слушать и робкий, нетвердый взгляд. Должно быть, мой взгляд на него действует, и от этого мне как-то совестно на него смотреть, – (Юнкер Махин.) После обеда писал, пришел Дурда, помешал мне; но мне совестно было его выгнать, потому что прежде я его принимал хорошо. Он должен быть хитрый плут, рассказывал мне про стычку Хаджи-Мюрата с Арслан-Ханом за мечеть. Интересно бы было их посмотреть. Дурда стал отчего-то очень добреньким и хорошего мнения о русских; а прошлого года с гордостью рассказывал, как он бил казаков.

Странно, что ни один из пропасти чеченцев, которые трутся около русских, не показал тех дорог, которые показал Бота; а они все очень корыстолюбивы. Когда я

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

спрашивал об этом Дурду, он мне сказал, что, верно, Бота очень рассердился. С какой стати я рассказывал Дурде, что я сам видел, как Бота струсил от гранаты, когда я не видал этого? После Дурды я пошел к Яновичу; но умысел другой тут был. С тех пор как я встретил Помчишку (должно быть, не нечаянно с ее стороны), она мне часто лезет в голову, а мне труднее стало удерживаться. У Яновича был юнкер; но он мне так не понравился, что я, увидав, не взшел в комнату. Когда мы пошли с Яновичем, я чему-то смеялся и мне хотелось, как говорит Николенька, поиграть в голышку. Дай бог, чтобы почаще приходило это расположение духа. Я давно не был так весел, как сегодня, это потому, что занимался. Сколько выгод, кажется, в труде; а в лени ни пользы, ни удовольствия, и все-таки она большей частью берет верх.

Янович так мне нравится своей добродушной, откровенной скромностью, что в несколько дней привык к нему, как к старому знакомому. Я с ним играл в шахматы рассеянно и торопливо, делал гимнастику, при чем присутствовал и Сулимовский. Потом, не знаю с какой стати, я позвал Дмитрия и смеялся над ним. Это было глупо. Еще сыграл несколько партий так же дурно в шахматы, и Янович пошел ужинать, а я сел писать письма Валерьяну и Андрею. Я сочинил эти письма в то время, когда получил письмо Андрея; тогда я был сердит и мне казалось очень хорошо; теперь же, напротив, был в хорошем расположении духа; и из этого соединения двух расположений вышли письма, которые мне не нравятся. Досада и выражения совершенно женские. Читал Тьера и ложусь спать 1/2 12-го.

Завтра встану пораньше и постараюсь провести день как можно полнее. Проклятая лень! Какой бы я был славный человек, коли бы она мне не мешала. Я беспокоюсь и скучаю о брате – мне все лезут скверные мысли на этот счет в голову.

21 марта. Я встал в 8-м часу, прочел главу Тьера во время чаю; потом пошел с Дмитрием и с собаками походить. Что было с моей стороны довольно глупо; потому что лучше было идти на учение, а еще лучше совсем не ходить; потому что я опять простудил зубы. Ничего не затравил, пришел домой и переводил до обеда; за обедом говорил о пожарах с Хилковским и довольно хорошо. Славный старик! Прост (в хорошем значении слова) и храбр. В этих двух качествах я уверен; и притом его наружность не исключает, как наружность Сулимовского, все хорошее. Алексеев увлекся сеном, и взгляд его был тверд. Я совершенно убежден, что тщеславие происходит от физического и морального бездействия. После обеда переписывал 1-ую часть и работал без всякого принуждения. Дай бог, чтобы это всегда так было. Приехал Султанов, в восторге от того, что получил собак. Замечательная и оригинальная личность. Ежели бы у него не было страсти к собакам, он бы был отъявленный мерзавец. Эта страсть более всего согласна с его натурой.

Приехал брат, я рассказывал ему, как мне неприятно было написать неправду в отзыве, который от меня требовали, надеясь, что он меня совершенно успокоит на этот счет, сказав, что это пустяки; напротив, он находит, что я сделал скверно. Странно, как он с своими рыцарскими правилами чести, которым он всегда верен, может уживаться и даже находит удовольствие с здешними офицерами. Отчего нам с ним как-то неловко с тех пор, как я приехал из Тифлиса? Не оттого ли, что мы слишком полюбили, идеализировали друг друга заочно; и ожидали друг от друга слишком много?

Порядок занятий, который я принял, то есть утром перевод, после обеда корректура и вечером повесть – очень хорош. Не знаю только, когда гимнастику; а это непременно нужно – какое-нибудь упражнение каждый день. Теперь 11-й час, я ужинаю и сейчас лягу спать.

Когда занимаешься, то время идет так скоро, что хотелось бы остановить его. В праздности оно идет так тихо, что хотелось бы гнать его. Что приятнее? Трудно решить. Знаю только то, что в воспоминаниях один день, проведенный в занятиях, равняется трем праздным. По этому расчету в праздные дни время должно бы было идти скорее, а выходит наоборот.

22 марта. Встал в 10-м часу, потому что ночью болели зубы – так сильно, что я впросонках охал и вскрикивал. Выпил два стакана кофе, чтобы противодействовать камфаре, которой я много поглотил по случаю зубной боли, и после этого потел целое утро. Пришел брат и Янович; они мне немного помешали, но я продолжал переводить. Обедал дома; после обеда немного заленился; хотя и работал, но не так усердно, как вчера. [...] корректур сделал не так много, как вчера, и не так чисто; а это главное, чтобы не надоел труд. Проиграл Яновичу две партии в

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
шахматы – без царицы; и в этом видно, как он скромн. Не продолжал повесть частью оттого, что не успел, а частью оттого, что я сильно начинаю сомневаться в достоинстве первой части. Мне кажется слишком подробно, растянуто и мало жизни. Подумаю об этом. [...]

27 марта, утро. [...] Читал "Отечественные записки" за февраль. "Проселочные дороги" очень хороши, но жаль, что подражание. Нынче буду делать корректуры, может быть, и писать.

27 марта, 12 ч. ночи. Хотя не совсем здоровилось, я делал корректуры до 11 часов, – и делал корректуры не совсем чисто и отчетливо; обедал, почитал и продолжал ту же работу, пришел брат, я ему читал писанное в Тифлисе. По его мнению, не так хорошо, как прежде, а по-моему, ни к черту не годится. Хотел облегчить свой труд; но писаря переписывать не могут; следовательно, нужно работать одному.

По случаю одной статьи А. Дюма о музыке я вспомнил, какого огромного наслаждения я лишен здесь. Почти все мечты счастья разрушены действительностью в моем воображении, исключая счастья артиста. Я хотя в очень несовершенном виде, но испытал его в деревне, в 1850 году.

Завтра буду переписывать, писать письмо Сереже и обдумаю 2-й день: можно ли его исправить или нужно совсем бросить?

Нужно без жалости уничтожать все места неясные, растянутые, неуместные одним словом, неудовлетворяющие, хотя бы они были хороши сами по себе.

Постоянство и решительность – вот два качества, которые обеспечивают успех во всяком деле. Ложусь спать, 1/2 первого.

29 марта. [...] С некоторого времени меня сильно начинает мучать раскаяние в утрате лучших годов жизни. И это с тех пор, как я начал чувствовать, что я бы мог сделать что-нибудь хорошее. Интересно бы было описать ход своего морального развития; но не только слова, но мысль даже недостаточна для этого.

Нет границ великой мысли, но уже давно писатели дошли до непреступной границы их выражения. Играл в шашки, ужинал, ложусь спать. Меня мучит мелочность моей жизни – я чувствую, что это потому, что я сам мелочен; а все-таки имею силу презирать и себя, и свою жизнь. Есть во мне что-то, что заставляет меня верить, что я рожден не для того, чтобы быть таким, как все. Но отчего это происходит? Несогласие ли – отсутствие гармонии в моих способностях, или действительно я чем-нибудь стою выше людей обыкновенных? Я стар – пора развития или прошла, или проходит; а все меня мучат жажды... не славы – славы я не хочу и презираю ее; а принимать большое влияние в счастья и пользе людей.

Неужели я так и сгасну с этим безнадежным желанием? Есть мысли, которые я сам себе не говорю; а так дорожу ими, что без них не было бы для меня ничего. Я писал повесть с охотой; но теперь презираю и самый труд, и себя, и тех, которые будут читать ее; ежели я не бросаю этот труд, то только в надежде прогнать скуку, получить навык к работе и сделать удовольствие Татьяне Александровне. Ежели примешивается тут тщеславная мысль, то она так невинна, что я извиняю ее в себе, и приносит пользу – деятельность.

Тщеславия я так боялся и так презираю, что не надеюсь, чтобы удовлетворение его доставило мне какое-нибудь удовольствие. А надо надеяться на это, потому что иначе что останется – из чего двигаться? Любовь, дружба! Невольно и эти два чувства я принимаю за увлечение, обман молодого воображения. Разве они доставляли мне счастье? А может быть, я только был несчастлив. Одна эта надежда поддерживает желание жить и стараться. Ежели возможно счастье, полезная деятельность и я испытываю их, по крайней мере, я буду в состоянии пользоваться ими. Господи, помилуй.

30 [марта]. День Пасхи. Спал хорошо и встал поздно, в 10 часов. [...]

Я в первый раз после трех дней вышел, ходил по двору до 11 часов; в 11 пришли ко мне все офицеры под хмельком, и с ними Бароневской, в нем нет ничего замечательного, но как новое лицо, которое – я это чувствовал, обращающее на меня напряженное внимание, он смутил меня.

Я отобедал очень дурно дома; потому что от Алексеева ни к обеду, ни к ужину меня не приходили звать. Я к Алексееву больше не хожу ни обедать, ни ужинать. Потом поехал верхом к брату – у него компания, пьянствующая. Поездил за зайцами, видел одного – поделал гимнастику, напился чаю и пошел к брату, узнав от Буюмского, что там все уже неблагопристойно пьяны. Известие было верно. Я застал их тащивших какого-то старика в хату. Ладыженский пьяный так же глуп и смешон, как и трезвый. [...]

Николенька насилу говорит и смотрит на меня глазами, которые говорят: я с тобой согласен, что это скверно и что я жалок; но мне это нравится. Он пьяны и чрезвычайно похож на пьяного Арсеньева. Предсказание Ермолова сбывается на нем, к несчастью. Ермолов забыл сказать: или с ума сойдет. Мне кажется, что я от скуки рехнусь. Презираю все страсти и жизнь, а увлекаюсь страстишками и тешусь жизнью. Я этого не могу иначе объяснить, как привычкою увлекаться и жить. Глупые привычки!

До обеда, часов в 11, и до заката солнца, часов в 6, надо уставать.

Нужно работать поусерднее; а то я начинаю лениться. Ложусь спать 1/2 12-го.

31 марта. Просыпался в 6 часов, перебудил всех; но от лени не встал и проспал до 9. Пил чай, читал; пришел Алексеев и помешал мне заниматься до обеда. [...] После охоты я болтал с Балтой до ужина; он мне рассказал драматическую и занимательную историю семейства Джеми. Вот сюжет для Кавказского рассказа. [...]

1-е апреля. Опять просыпался в 8-м, но заснул и проспал до 10-ти. Читал "Современник", в котором все очень дурно. Странно, что дурные книги мне больше указывают на мои недостатки, чем хорошие. Хорошие заставляют меня терять надежду. Писал главу о молитве, шло вяло. [...] Писал, писал, наконец, стал замечать, что рассуждение о молитве имеет претензию на логичность и глубину мыслей; а не последовательно. Решился закончить чем-нибудь, не вставая с места, и сейчас сжег половину – в повесть не помешу; но сохраню как памятник. [...]

3-е апреля. Встал в 12-ом часу; только что успел напиться чаю, позвали обедать. Без Алексеева совсем не так скучно; притом же нынче я был в духе. После обеда пришел Николенька, я предлагал ему читать 16 главу, он меня оскорбил холодностью. Писал немного, поехал верхом, был у Михаила Сехина, сделал выстрел, который очень польстил моему самолюбию, проехался полем и вернулся пить чай. Приехал Султанов, и пришли все офицеры. Завтра еду на охоту. Слушал очень занимательные рассказы Хилковского о казачей линии в Южной Сибири.

За ужином был простодушно весел. Работа с Ванюшкой подвигается. Я меньше конфужусь. 1-я глава, стихи, написана, но я не составил о ней никакого мнения – скорее дурна, чем хороша; ежели я в нерешительности. 1/2 1 ложусь с намерением встать завтра со светом.

4 апреля. Меня разбудил в 8-м часу Хилковский, скоро подошли и другие. Ветер был так силен, что мы принуждены были вернуться с Хилковским. Брат поехал с Султановым в Шелковую. Он страстный охотник; но не молодец-охотник, и имеет пристрастие к наружным признакам и словам охотничьим, и злоупотребляет ими.

Я трусил сначала, когда ехал домой, – стыдно. Обедал дома; читал и проспал два часа; потом еще читал и пошел ходить по станице с дурными замыслами. Энергия ослабевает, страсть увеличивается. У меня нет постоянной энергии; но она почти периодически возбуждается и потом ослабевает.

От чего возбуждается и падает энергия? От рода ли занятий, или людей, которых я вижу; или от физических причин? Не знаю; а это интересно и полезно бы было знать.

Нужно перевести некоторых собак. Завтра распорядюсь. Павлычу не буду отдавать.

За ужином встретил Баумгартена и Вержбицкого. Не очень конфузился, но впал в другую крайность – много говорил. Глупо, что присутствие самого ничтожного человека заставляет меня переменяться; главное, замечать за собой эту перемену и стараться, чтобы ее не было – но не могу иначе. Должно быть, это пройдет само собой и должно принести мне пользу. Ложусь без 10 минут 12.

5 апреля. Встал в 10-м часу, читал до обеда. Писал очень мало, поехал на охоту и в баню. Читал, ходил ужинать. Алексеев до того глуп, что я больше к нему ни ногой. Скучно, беспрестанно remettre a sa place [ставить на свое место (фр.)]. С дураком ничего не сделаешь. Лучше, кроме служебных, никаких отношений с ним не иметь. [...] Получил от Татьяны Александровны письмо и 100 рублей. Напряженной деятельностью и энергией могу я только выкупить эту эскападу. Ложусь спать 1/4 12. Завтра встаю с светом и кончаю 1-й день и пересматриваю его.

6 апреля. Встал в 6 часов и был этим очень доволен. Писал до обеда. Обедал дома. Еще писал, но не тщательно; потому что клонил сон. Чтобы разгуляться, в 5 часов поехал верхом, вернулся в 7-м и дописал 1-й день; хотя не тщательно; но слог, кажется, чист, и прибавления не дурны.

У меня Япишка, послушаю его, поужинаю и лягу спать.

Всем днем доволен. Без 5 минут 11.

7-е апреля. 11 часов ночи. Хотя просыпался в 7-м часу, я не мог преодолеть лени и встал только в 9. Перечел и сделал окончательные поправки в первом дне. Я решительно убежден, что он никуда не годится. Слог слишком небрежен и слишком мало мыслей, чтобы можно было простить пустоту содержания. Однако я решился докончить корректуры всей первой части и завтра примусь за второй день. Пошлю ли я, или нет это сочинение? Я не решил. Мнение Николенки решит это дело. Я об нем очень беспокоюсь, и мне на душе как-то тяжело и жутко. Очень хочется мне начать коротенькую Кавказскую повесть; но я не позволяю себе этого сделать - не окончив начатого труда.

Обедал дома. Читал прекрасные статьи Бюффона о домашних животных. Его чрезвычайная подробность и полнота в изложении несколько не тяжела. В 6 часов ездил верхом и глупо рассердился на собак. Читал "Старый дом", о поездках на Алеутские острова. Довольно интересно, хотя дурно написано.

8 апреля. Встал в 7-м часу и читал "Старый дом". День был так хорош, что я поехал в поле; и ездил до 12 часов. Обедал, принялся писать, но был не в духе; поэтому, написав две страницы, бросил. До вечера читал. Очень беспокоился за брата; наконец, он приехал с какой-то сальной компанией, которая, с присоединением Япишки, надоедала мне до 12-го часу. Ушли, я ужинаю и ложусь спать.

Утром получил грубую и глупую записку Алексеева об учении. Он окончательно решился доказать мне, что он имеет возможность мне надоедать. Утром перевел одну главу Стерна.

Увижусь завтра с Алексеевым и переговорю об учении.

Меня очень подмывает ехать на море; но не на чем и не кончено начатое дело.

10 апреля. Встал в 8-м часу. Поленился - учился; потом принялся за роман; но, написав две страницы, остановился; потому что мне пришла мысль, что второй день не может быть хорош без интересу и что весь роман похож на драму. Не жалею, отброшу завтра все лишнее. [...]

14 апреля. [Кизляр.] Проснулся в 7 часов, поехал охотиться, ничего не затравил, в 12 часов приехал в Кизляр. [...] Читал Стерна. Восхитительно. [...] Читал "Histoire d'Angleterre", и не без удовольствия. Я начинаю любить историю и понимать ее пользу. Это в 24 года; вот что значит дурное воспитание! Боюсь, что это будет ненадолго. Ложусь спать, 9 часов.

16 апреля. Встал в 9. Читал "вечного жида", Ермака и предание о Петре Великом. Есть какое-то особенное удовольствие читать глупые книги; но удовольствие апатическое. [...]

17 апреля. Встал поздно - читал до обеда и после обеда до 2 часов разные глупости. Писал новую главу "Ивины"; но вышло дурно. [...]

19 апреля. Встал в 9, читал какую-то глупость, немного писал, ходил стрелять ворон, обедал, опять читал (больше для процесса чтения). Написал большое письмо

Митеньке в ответ на его, которое получил нынче. Писал немного. зуб болит. Здоровье не хорошо, не дурно.

Есть особенный разряд скучных людей, которые вечно находятся в страхе, чтобы в их отношении не забылись. Человек, который всегда говорит правду, не может быть болтуном. Получая письмо от человека, которого любишь, меньше желаешь знать: что случилось, чем то, как смотрит этот человек на то, что случилось. Я вспомнил эпизоды Эсташевского сада и жалею, что не поместил их в повести.

[21 апреля, Орешинка.] 21 апреля. Собрался ехать рано; но не мог выехать прежде 11. Притом же задержал Перепелицын. Зазвал к себе, чтобы показать свое щегольство, и поехал со мною, чтобы приобрести сверх своих хороших приятелей еще приятеля графа. Дмитрий пропал, Перепелицын обеспокоился, и мы разъехались, чему я очень рад. Ничего не затравил. Ежели завтра будет то же, то уничтожу борзых. Убил зайца и, кажется, начинаю любить ружейную охоту. Писал; но писанье мне кажется плохо.

Не знаю, хорошо ли я сделал для здоровья, что поехал, но для удовольствия очень хорошо. Целый день я был на воздухе и в движенье. Весна и время проходит; а болезни никогда не пройдут. Будь у меня деньги, купил бы здесь именье, и уверен, что сумел бы - не так, как в России, - хозяйничать выгодно. Орешинка.

22 апреля. Шандраковская пристань. Встал очень рано, и ежели ничего не затравил, то наслаждался прелестным утром. Собаки и скажут и нет; поэтому не знаю, на что решиться. В Большой Орешевке говорил с умным мужиком. Они довольны своим житьем, но недовольны армянским владычеством. После обеда и отдыха ходил стрелять и думал о рабстве. На свободе подумаю хорошенько выйдет ли брошюрка из моих мыслей об этом предмете. [...]

24 апреля. [Кизляр.] Встал рано, чувствовал себя очень слабым и поехал до Кизляра. Дорогой потерял Улачина, убедился, что собаки не скажут, и выслушал в Серебряковке от крестьянина патетическую и натянутую историю, от которой, однако, слезы навернулись мне на глаза, о том, как он после 40 лет хотел видиться в России с родными. "Не чувствую. Вот просто как дерево, только сердце так и бьется, как голубь. Тут всплеснула вот так руками и повалилась "матушка родимая, встань да проспись, прилетела к тебе граничная кукушочка"; а тут обморок меня и накрыл". Доехал до Кизляра в 11 часов, без приключений. Досадовал, морально расстроен, здоровье в том же положении, ежели не лучше. Завтра еду домой. [...]

10 мая. [Старогладковская.] [...] Завтра принимаюсь за продолжение "детства" и, может быть, за новый роман. Ложусь, 2 часа. С завтрашнего дня встаю рано.

11 мая. Встал рано, но не могу отвыкнуть от привычки читать. Писал немного, без всякого самолюбия и очень легко. Мне пришло на мысль, что я очень был похож в своем литературном направлении этот год на известных людей (в особенности барышень), которые во всем хотят видеть какую-то особенную тонкость и замысловатость. Спал долго после обеда, читал, рассердился на Ванюшку за тарантас. [...]

[16 мая. Пятигорск.] 15, 16 мая. Ехал ночью, поэтому не писал; впрочем, и особенного ничего не случилось и не придумалось, исключая того, что Бумеский так же забавен, и я так же скучен, но менее раздражителен. В Пятигорске музыка, гуляющие, и все эти, бывало, бессмысленно-привлекательные предметы не произвели никакого впечатления. Одно - юнкерство, одежда и делание фрунта в продолжение получаса нелепо, беспокоило меня. Не надо забывать, что главная цель моего приезда сюда - лечение; поэтому завтра посылаю за доктором и нанимаю квартиру, один, на слободке.

18 мая. Встал рано, писал "детство", оно мне опротивело до крайности, но буду продолжать. [...] Писал "письмо с Кавказа", кажется, порядочно, но не хорошо. Буду продолжать: 1) занятие, 2) привычки работать, 3) усовершенствованно слога. Ложусь спать. 11 часов.

22 мая. Встал в 1/4 5, пил воды, купался, разболелась голова и очень ослабел. Ничего не писал, а болтал с Бумеским о математике и рассказывал ему банкет Платона, который забыл. Очень бы я желал повторить математику; не знаю только, способен ли я теперь на это. Бумеский меньше стал пикироваться и начинает

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
слушаться. Обедал, спал, пил воды, переписывал письмо, за второй частью которого придется подумать. Перечитывал главу "Горе" и от души заплакал. Действительно, есть места прекрасные; но есть и очень плохие. Я становлюсь чрезвычайно небрежен во всем. Надо себя принудить. Ложусь, 11 часов.

23 мая. Тот же образ жизни, чувствую и веду себя довольно хорошо. С Буюмским в ладу. Был Пяткин, которому я, неизвестно почему, очень обрадовался и изъясил ее. Закончил письмо довольно хорошо; написал Андрею о книге и проекте. "Детство" кажется мне не совсем скверным. Ежели бы достало терпенья переписать его четвертый раз, вышло бы даже хорошо. Ложусь, без 1/4 12.

26 мая. Встал в 6. Шел дождь. Купался и потом пил воду. Был доктор, и был в Александровской галерее. Кончаю последнюю главу. Чувствую себя довольно хорошо, но начинают побаливать ноги и зубы. Галерея очень забавна, вранье офицеров, щегольство франтов и знакомства, которые там делаются. Морально чувствую себя хорошо. Завтра кончаю "Детство", пишу письма и начинаю окончательно пересматривать. Ложусь. 11 часов.

Встал в 1/2 5. 27 мая. Обыкновенный образ жизни, утром окончил "Детство" и целый день ничего не мог делать. Начало, которое я перечитываю, очень плохо; но все-таки велю переписать и тотчас же пошлю. Сажусь за ужин 1/4 11 и сейчас после лягу. Написал холодное и небрежное письмо Николеньке.

29 мая. Встал в 5-м часу. Обыкновенный образ жизни, здоровье нехорошо, горло болит. Ничего не писал. Хлопочу о фортепиано. Мечтал целое утро о покорении Кавказа. Хотя я знаю, что вредно для обычных занятий заноситься, не могу отвыкнуть. Мы ценим время только тогда, когда его мало осталось. И главное, рассчитываем на него тем больше, чем меньше его впереди. 20 минут 11-го, сажусь ужинать.

30 мая. Обыкновенный образ жизни; написал письмо Татьяне Александровне, которое не послал и которым недоволен. Ничего не делаю и подумываю о хозяйке. Есть ли у меня талант сравнительно с новыми русскими литераторами? Положительно нету. Сажусь ужинать 1/2 11.

31 мая. Встал рано, пил воды, купался, пил чай и до обеда ничего не делал. Не спал; а писал о храбрости. Мысли хороши; но от лени и дурной привычки слог не обработан. Пил воды, был в веселом расположении духа. Был у меня писарь, отдал и прочел ему первую главу. Она решительно никуда не годится. Завтра переделываю вторую и, по мере того как буду переписывать, буду переделывать. [...]

1 июня. Встал в 1/2 5, пил воду, купался, пил чай, читал и опять ничего не делал до обеда. Толковал про всякие глупости с Буюмским и имел глупость прочесть ему несколько глав из "Детства". Я вижу, что ему не понравилось; и не говорю, чтобы это было потому, что он не понимает, – просто дурно. Писец переписал 1-ю главу порядочно; а я был так ленив, что даже не приготовил в целый день следующей. Завтра переправляю с утра столько глав, сколько успею... Не спал днем; поэтому ложусь сейчас, 10 минут 10-го.

2 июня. [...] Вечером читал, думал, пил дома воду, но ничего не делал. Хотя в "Детстве" будут орфографические ошибки – оно еще будет сносно. Все, что я про него думаю, это – то, что есть повести хуже; однако я еще не убежден, что у меня нет таланта. У меня, мне кажется, нет терпения, навыка и отчетливости, тоже нет ничего великого ни в слоге, ни в чувствах, ни в мыслях. В последнем я еще сомневаюсь, однако. Ложусь.

10 минут 10-го.

3 июня. Встал рано, пил дома воду, вел обыкновенный образ жизни. За обедом слишком много ел, ничего не делаю, и ежели что делаю, то дурно.

[...] Замечаю в себе признак старости. Я чувствую и сожалею о своем невежестве и от души говорю фразу, которую часто слышал от пожилых людей и которая всегда меня удивляла: "Теперь и жалею, что не учился, но уже поздно!" Грустно знать, что ум мой необразован, неточен и слаб (хотя и гибок), что чувства мои не имеют постоянства и силы, что воля моя так шатка, что от малейшего обстоятельства все добрые мои намерения разрушаются, – и знать и чувствовать, что зародыши всех этих качеств во мне есть или были и им недоставало только развития. Сколько

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
времени я стараюсь образовать себя! Но много ли я улучшился? Пора бы отчаяться; но я еще надеюсь и рассчитываю на случай, иногда на провидение. Надеюсь, что что-нибудь возбудит во мне еще энергию и не навсегда я погрязну с высокими и благородными мечтами о славе, пользе, любви в бесцветном омуте мелочной, бесцельной жизни. Ложусь. 10 минут 10-го.

4 июня. Обыкновенный образ жизни, писал письмо с Кавказа мало, но хорошо. Чувствую себя хорошо. Я увлекался сначала в генерализацию, потом в мелочность, теперь, ежели не нашел середины, по крайней мере, понимаю ее необходимость и желаю найти ее. Читал "часы благоговения", перевод с немецкого – книга, которую бы я прочел без внимания, или увлекся бы ей, или с насмешкой; теперь же она подействовала на меня. Она подтвердила мои мысли насчет средств к поправлению моих дел и прекращению ссор. И я твердо решил при первой возможности ехать в Россию, и soule que soule [во что бы то ни стало (фр.)] продать часть имения и заплатить долги, и при первой встрече окончить миролюбно – без тщеславия, все начатые неприязненности и впредь стараться добротой, скромностью и благосклонным взглядом на людей подавлять тщеславие. Может быть, это лучшее средство, чтоб избавиться от моего неумения иметь отношения с людьми. Ложусь. 40 минут 10-го. Писарь задержал. Один пьян, другой не умеет писать. Несчастье.

5 июня. [...] Известно, что в целом лесу не найти двух листов, похожих один на другого. Мы узнаем несходство этих листов, не измеряя их, а по неуловимым чертам, которые бросаются нам в глаза. Несходство между людьми, как существами более сложными, еще более, и узнаем мы его точно так же по какой-то способности соединять в одно представление все черты его, как моральные, так и физические. Эта способность составляет основание любви. Из собрания недостатков составляется иногда такой неуловимый, но чарующий характер, что он внушает любовь – тоже в известных лицах. [...]

7 июня. Встал в 1/2 6, принял ванну, пил воду, был спокоен и здоров, переписывал и поправлял до 6 вечера, пил воду и читал апрельский "Современник", который гадок до крайности. Чувствую себя гордым, не знаю чем? Однако доволен собой морально. [...]

11 июня. Мне лучше. Встал в 8, несмотря на слабость и пот, писал и поправлял. Обедал, читал "Историю" Гума Карла I. Лучшее выражение философии есть история. Ложусь, 11-й час. Собою доволен.

15 июня. Несмотря на ветер, был в ванне. Писал. Кончил вторую часть, перечел ее и опять очень недоволен, однако буду продолжать. После обеда не писал. Купил фуражку, рахат-лукуму и спичек. Все ненужное. О пачпорте не спросил. Спрошу завтра и поговорю с хозяйкой о своем корме. Ложусь, без пяти минут 11.

16 июня. Встал рано, был в ваннах, и что-то стало грустно смотреть на порядочных людей. Мне приходит в голову, что я был им. Глупое тщеславие! Я теперь порядочнее, чем когда-нибудь. [...]

20 июня. Встал в восемь, пил воды, потом писал. Прибавил описание уборки порядочно. Ванюшка плох. Доктор был, я его не застал, он привез "Современник", в котором повесть М. Михайлова "Кружевница", очень хороша, особенно по чистоте русского языка – слово распуколка. [...]

22 июня. Встал рано, пил воды, купался. Я замечаю, что разговор начинает иметь для меня много прелести – даже глупый. Болтал с гусаром – он веневский, и с штатским, которому солгал вчера. Написал недурную главу игры, назвал ее к Дроздову. Обедал, спал, пил воды, был у Еремеева и Дроздова. Был застенчив, но приличен. Собою доволен. Начинаю чувствовать необходимость и желание в третий раз переписать "Детство". Может выйти хорошо.

Г-жа Дроздова, должно быть, зла, и забавно смотреть, как она боится, чтобы ее не приняли за провинциалку. Еремеев так же глуп и безалаберен, как был всегда. Забавен тем, что знает московских высших чиновников и т. д., и тем, что здешние г-да обыгрывают его, и тем, что у него есть не свои деньги и глупая жена, а я мог ему завидовать! Зинаида выходит за Тиле. Мне досадно, и еще более то, что это мало встревожило меня. Записался. Ложусь. 12.

26 июня. Не спал всю ночь от зубной боли. Утром весь разнемогся и немножко трухнул. Получил письмо от Татьяны Александровны, которое огорчило меня.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Приготовил два письма: ей и Сереже; надо написать Беерше, Николеньке и о программах. Мечтал о своем возвращении в Россию. Уже не так радостны эти мечты, как бывали прежде.

27 июня. Встал в 8. Здоровье лучше. Писал письма Алексееву и Иславину (порядочно), отправил тетеньке и Сереже. Завтра надо написать тетушке Юшковой и Беерше. Читал Нуме, писал "Детство", читал Rousseau. Были хорошие мысли, но все улетели. [...]

29 июня. Встал в 9. Был доктор. Он посылает на Железноводск. Переписал последние главы. Обедал, писал, пил воды, купался и пришел домой очень слабый. Прочел "Profession de foi du Vicaire Savoyard". Она наполнена противоречиями, неясными - отвлеченными местами и необыкновенными красотами. Все, что я почерпнул из нее, это убеждение в бессмертии души. Ежели для понятия о бессмертии необходимо понятие воспоминания о предыдущей жизни, то мы не были бессмертны. А ум мой отказывается понять бесконечность с одной стороны. Кто-то сказал, что признак правды есть ясность. Хотя можно спорить против этого, все-таки ясность останется лучшим признаком, и всегда нужно поверять им свои суждения.

Совесть есть лучший и вернейший наш путеводитель, но где признаки, отличающие этот голос от других голосов?.. Голос тщеславия говорит так же сильно. Пример - неотомщенная обида. Тот человек, которого цель есть собственное счастье, дурен; тот, которого цель есть мнение других, слаб; тот, которого цель есть счастье других, добродетелен; тот, которого цель - бог, велик. Но разве тот, которого цель бог, находит в том счастье? как глупо! А казалось, какие были прекрасные мысли. Я верю в добро и люблю его, но что указывает мне его, не знаю. Не отсутствие ли личной пользы есть признак добра. Но я люблю добро; потому что оно приятно, следовательно, оно полезно. То, что мне полезно, полезно для чего-нибудь и хорошо только потому, что хорошо, сообразно со мной. Вот и признак, отличающий голос совести от других голосов. А разве это тонкое различие - что хорошо и полезно (а куда я дену приятное), имеет признак правды - ясность? Нет. Лучше делать добро, не зная, почему я его знаю, и не думать о нем. Невольно скажешь, что величайшая мудрость есть знание того, что ее нет.

Дурно для меня то, что дурно для других. Хорошо для меня то, что хорошо для других. Вот что всегда говорит совесть. Желание или действие? Совесть упрекает меня в поступках, сделанных с добрым намерением, но имевших дурные следствия. Цель жизни есть добро. Это чувство присуще душе нашей. Средство к доброй жизни есть знание добра и зла. Но достаточно ли для этого целой жизни? И ежели всю жизнь посвятить на это, разве мы не будем ошибаться и невольно делать зло? Мы будем добры тогда, когда все силы наши постоянно будут устремлены к этой цели. Можно делать добро, не имея полного знания того, что есть добро и зло. Но какая ближайшая цель: изучение или действия? Отсутствие зла есть ли добро? Наклонности и судьба указывают на путь, который мы должны избрать, но мы должны всегда трудиться с целью доброю. Неужели всякое развлечение, удовольствие, не приносящее пользы другим, есть зло? Совесть меня не упрекает в них; напротив, она одобряет. Это не голос совести. Совесть рано или поздно упрекает во всякой минуте, употребленной без пользы (хотя бы и без вреда). Разнообразие труда есть удовольствие. Ложусь, без 1/4 11.

30 июня. Встал в 8, купался, пил воды дома, размышлял, обедал.

[...] Всякое добро, исключая добра, состоящего в довольстве совести, то есть в делании добра ближнему, условно, непостоянно и независимо от меня. Все три условия эти соединяет добро в добре ближнему. Удовлетворение собственных потребностей есть добро только в той мере, в которой оно может способствовать к добру ближнего? Оно есть средство. В чем состоит добро ближнего? Оно не безусловно как личное добро. Или добро то, что я нахожу таким по моим понятиям и наклонностям. Поэтому наклонности и мера разума не имеют влияния на достоинство человека. Сребролюбец добр, ежели он дает денег; мудрый добр, ежели он поучает; ленивый добр, ежели он трудится для других. Но взгляд этот подлежит сомнению, потому что он объективен. Облегчать страдания людей есть добро субъективное. Но где граница между страданием и трудом? Страдание физическое ясно, и то условно от привычек. Хочется мне сказать, что делать добро - давать возможность другим делать то же, устранять все препятствия к этому - лишения, невежество и разврат. Но опять нет ясности.

Вчера меня останавливал вопрос, неужели удовольствия без пользы дурны; нынче я

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

утверждаю это. Человек, который поймет истинное добро, не будет желать другого. Притом не терять ни одной минуты власти для познания делания добра есть совершенство. Не искать пользы ближнего и жертвовать ею для себя есть зло. Между тем и другим – большей или меньшей мерой деятельности – есть огромное пространство, в котором поставил творец люден и дал им власть избирать. Ложусь. 11 часов.

1 июля. Встал поздно, погода дурная, ездил на почту, получил деньги и письмо, в котором пишет о поданных векселях Копылова. Напишу письмо завтра Андрею и Сереженьке. Я могу лишиться Ясной, и, несмотря ни на какую философию, это будет для меня ужасный удар. Обедал, писал мало и дурно, ничего не сделал доброго. Завтра кончу "Детство" и решу его судьбу. Ложусь, 1/2 12.

2 июля. Встал в 5. Ходил гулять, окончил "Детство" и поправлял его. Обедал, читал "Nouvelle Heloise" и написал черновое письмо редактору. Справедливость есть крайняя мера добродетели, к которой обязан всякий. Выше ее – ступени к совершенству, ниже – порок. [...]

4 июля. Ванюшка разбудил меня в 5-м часу. Встал, окончил поправлять и написал письма: Федуркину (хорошо), Копылову (порядочно), Татьяне Александровне (все хорошо), Беерше (умно, но небрежно). Написал доверенность и прошение и все отправил на почте довольно аккуратно. Обедал и ничего не делал, пил воды; с слишком большим удовольствием смотрел на Крюкову и злословил. Имел неосторожность выпить бутылку кислых щей и вследствие этого распрыгался и теперь потею.

Цель, найденная мною в жизни, не так уж занимает меня. Неужели это не истинное, твердое правило, а одна из тех мыслей, которые под влиянием самолюбия, тщеславия и гордости так же скоро рождаются, как исчезают? Нет, это правило истинно. Моя совесть говорит мне это. Я хочу, чтобы вследствие одного этого умозрения вся жизнь моя пошла бы лучше и легче. Нет, правило это нужно подтверждать действиями, и тогда действия оправдаются правилом. Нужно трудиться.

Написать письмо Николеньке и Дьякову. Сначала писать "Письмо с Кавказа". [...]

6 июля. [Железноводск.] Встал в 6. Зубы все разболелись, однако поехал в Железноводск и, несмотря на ужасные страдания, не стонал и не сердился. Спал, болтал с [Бuemским] и играл в шахматы. Я говорил с ним о цели, которую я нашел в жизни. Жалею, что я это сделал. Видно, я уже не так дорожу этой мыслью, коли решаюсь рассказывать и доказывать ее другим; а впрочем, это лучшее из всего, что я думал или читал. Это – правда. Ложусь. 12-й час.

7 июля. [Железноводск.] Встал в 6, зубы болели, и чувствовал большую слабость, пил воду. Лес очень хорош. Написал письмо к Татьяне Александровне, которое не пошлю, и письмо Николеньке. Надо торопиться скорее окончить сатиру моего "Письма с Кавказа", а то сатира не в моем характере. Пил воду, купался, опять простудил зубы, и теперь болят. Лягу в 11.

8 июля. Встал в 8. Пил воду и купался, писал "Письмо с Кавказа" порядочно. Зубы болели, читал с большим удовольствием "Confessions". Приехал Хилковский и Алифер. С первым рассуждал о моих артиллерийских планах, он сказал дельное опровержение – негоризонтальное положение колес. Подумаю об этом. Буемский вступился в разговор, и я оскорбил его. Ложусь с страшной зубной болью. 11-й час.

10 июля. Встал поздно и в самом дурном расположении духа. [...] Две мысли прелестные и возможные, но слишком хорошие, чтобы сбыться. Жить втроем: Николенька, Маша и я. Валерьян, разумеется, будет мешать; но эти три лица так хороши, что они и его бы сделали хорошим. 2-я) Отдать Ясную Николеньке и получать ежегодно 600 рублей серебром. Ежели я останусь служить здесь, то сделаю это. Ложусь. 11 часов.

15 июля. Встал в 6. Нагрубил Буемскому. Обыкновенный образ жизни здоровье и состояние души. "Письмо с Кавказа" лежит на столе, и я не принимаюсь за него. Читаю Руссо и чувствую, насколько в образовании и таланте он стоит выше меня, а в уважении к самому себе, твердости и рассудке – ниже. [...]

18 июля. Вчера не мог долго заснуть от ревматизмов и лунного света, сидел у окна

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
и думал много хорошего. Встал поздно. Пил воду, купался, знакомился, гулял, болтал и ровно ничего не делал. Обдумываю план русского помещичьего романа с целью.

Я молюсь так: боже, избави меня от зла, то есть избави меня от искушения творить зло, и даруй мне добро, то есть возможность творить добро. Буду ли я испытывать зло или добро? – да будет воля твоя! – Неужели я никогда не выведу понятие о боге так же ясно, как понятие о добродетели? Это теперь мое сильнейшее желание.

Наказание есть несправедливость. Возмездие не может определять человек, он слишком ограничен, – он сам человек. Наказание, как угроза, несправедливо, потому что человек жертвует верным злом сомнительному добру. Устранение – даже смерть – справедливы. Смерть не есть зло, ибо это есть несомненный закон бога. Понятие о боге проистекает из сознания слабости человека.

Ложусь. 1/2 10. Мне кажется, что все время моего пребывания в Железноводске в голове моей перерабатывается и готовится много хорошего (дельного, полезного), не знаю, что выйдет из этого.

20 июля. Ночь не спал, встал в 6, пил воду дома, был у Рожера. Перешел в 8-й No. Здоровье как будто лучше; но все ничего не делаю. Не курю с нынешнего дня. Завтра начинаю переделывать "Письмо с Кавказа" и себя заменяю волонтером. Ложусь. 1/2 10.

3 августа. [Пятигорск.] Встал рано. [...] Хилковский уехал. Расположение духа прекрасное, провел целый день в саду. Читал "Politique". В романе своем я изложу зло правления русского, и ежели найду его удовлетворительным, то посвящу остальную жизнь на составление плана аристократического избирательного, соединенного с монархическим, правления, на основании существующих выборов. Вот цель для добродетельной жизни. Благодарю тебя, господи, дай мне силы.

6 августа. [Галюгай.] Дорога: мечты, мелкие досады, безалаберщина. Думаю и передумываю о походе и все ни на что не решился. Обдумаю с братом и когда узнаю все хорошенько. Будущность занимает нас больше действительности. Эта склонность хороша, ежели мы думаем о будущности того мира. Жить в настоящем, то есть поступать наилучшим образом в настоящем – вот мудрость. В Галюгае. Познакомился с армейским капитаном и поеду к нему в К.

11 [августа]. Встал рано, гулял, обедал дома, спал, гулял. Нет ни воздержания, ни деятельности, ни последовательности. Даже и думать ни о чем не хочется. Упрекнуть, однако, себя не в чем; и то хорошо. Можно поглупеть со здешним образом жизни. Пример – Николенька.

Примусь за старую методу: вперед определять занятия. Охота, дома письмо Сереже, читать Contrat Social. После обеда – обдумывать план помещичьего романа и гулять верхом.

15 [августа]. Дурное утро. Был на ученьи, ездил верхом. Болтал с Алексеевым, Хилковским. [...] Простота вот качество, которое я желаю приобрести больше всех других. Завтра будет бригадный, и я назначен дежурным.

16 [августа]. Был дежурным. Провел весь день в безалаберной деятельности. Очень устал и многое узнал, хотя ненужное, но новое.

17 августа. [Старогладковская.] Был на смотре. Лучшее, что я могу ожидать от службы, это то, чтобы выйти в отставку. Придя с смотра, спал до 9 часов. Голова очень свежа. Причины упадка литературы: чтение легких сочинений сделалось привычкой, а сочинение сделалось занятием. Написать в жизни одну хорошую книгу слишком достаточно. И прочесть тоже.

Дисциплина необходима только для завоевателей. Для каждого человека существует один особенный путь, по которому каждое положение делается для него истинным. Ничто не убедило меня в существовании бога и наших отношений к нему, как мысль, что способности всем животным даны сообразно с потребностями, которым они должны удовлетворять. Ни больше, ни меньше. Для чего же дана человеку способность постигать причину, вечность, бесконечность, всемогущество? Положение это (о существовании бога) – гипотеза, подтвержденная признаками. Вера, смотря по степени развития человека, дополняет ее правдивость.

18 августа. Вот четыре правила, которыми руководствуются люди: 1) Жить для своего счастья. 2) Жить для своего счастья, делая как можно меньше зла другим. 3) Делать для других то, что желал бы, чтобы другие делали для меня. 4) Жить для счастья других. Целый день был на службе или с братом и офицерами. План романа начинает обозначаться.

25 [августа]. Убил бекаса. Два раза на ученье. Нельзя требовать возможности совершенной невинности от самого себя. Как часто весь род человеческий отступал от справедливости! Надо работать умственно. Я знаю, что был бы счастливее, не зная этой работы. Но бог поставил меня на этот путь: надо идти по нем.

28 августа 1852. Мне 24 года; а я еще ничего не сделал. Я чувствую, что недаром вот уже восемь лет, что я борюсь с сомнением и страстями. Но на что я назначен? Это откроет будущность. Убил трех бекасов.

29 [августа]. Ходил с Николенькой на охоту; убил фазана и зайца. Спал, получил письмо из Петербурга от Иславина (гадкое письмо, на которое я отвечу вместо колкостей, как я было хотел это сделать, истинным презрением молчанием) и от редактора, которое обрадовало меня до глупости. О деньгах ни слова. Завтра писать письма: Некрасову, Буюмскому – и сочинять.

2 сентября. Конное ученье. Вечером убил трех фазанов. Какая прелесть "Давид Коперфильд".

3 сентября. Видел месяц с левой стороны. Влечение души есть: добро ближним. Влечение плоти есть: добро личное. В таинственной связи души и тела заключается разгадка противоречащих стремлений. Я, должно быть, недоспал и, придя с ученья, был очень не в духе. Употреблю все время, которое принужден буду остаться здесь, на то, чтобы быть лучше и приготовить себя к той жизни, которую я избрал.

5 сентября. Целый день был дома. Горло болит. Написал письмо к Некрасову. Леню писать, а хочется.

19 сентября. Охотился. План моего романа, кажется, достаточно созрел. Ежели теперь я не примусь за него, то, значит, я неисправимо ленив.

22 сентября. Зубы перестали болеть, и я сел было писать, но приехал Цезархан и помешал мне. Ходил с Сулимовским на охоту, убил трех фазанов. Читал "Историю войны 13 года". Только лентяй или ни на что не способный человек может говорить, что не нашел занятия. Составить истинную, правдивую историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь. Есть мало эпох в истории, столь поучительных, как эта, и столь мало обсужденных – обсужденных беспристрастно и верно, так, как мы обсуживаем теперь историю Египта и Рима. Богатство, свежесть источников и беспристрастие историческое, невиданное – совершенство. Перед тем, как я задумал писать, мне пришло в голову еще условие красоты, о котором и не думал, – резкость, ясность характеров.

24 сентября. Писал лениво, и хотя не слишком скверно, но насколько хуже того, как я думал! Нет сходства. Надо писать и писать. Одно средство выработать манеру и слог.

27 сентября. Я почти убедился, что представление мое не пойдет; напишу в Питер, чтобы окончательно убедиться в этом. Здоровье хорошо, писал немного, болтал с Николенькой и провел день хорошо. В числе вопросов, которые я стараюсь решить в моем романе, вопрос об оскорблениях занимает и сильно затрудняет меня. Или я слишком горд, или действительно я был слаб в тех случаях, только когда я вспоминаю о них, я чувствую что-то вроде раскаяния.

29 сентября. [...] Читал новый "Современник". Одна хорошая повесть, похожая на мое "Детство", но неосновательная.

30 сентября. Нездоровится, нога и скулы ломят. Писал немного, ездил на охоту. Получил письмо от Некрасова – похвалы, но не деньги.

1 октября. Отпустил шкалика, порядочно. Ежели я каждый день буду писать по столько, то в год напишу хороший роман. Скучно без Николеньки, хотя устроил порядок.

2 октября. Встал рано, дома читал, пришел Николенька. Я пошел к нему до обеда. После обеда спал, походил, написал письмо Татьяне Александровне, любовался на Япишку. Япишка, сафагильды, казачьи хоромы с песнями и стрельбой, шакалки и славная звездная ночь – славно. Особенный характер. Написал пол-листа хорошо. Мне с Николенькой бывает иногда неловко. Лучшее средство не стесняться. Ежели неприятно с ним быть – не быть с ним.

4 октября. Разрешил вопрос о заключении романа: после описи имения, неудачной службы в столице, полуувлечения светскостью, желанья найти подругу и разочарования в выборах, сестра Сухонина остановит его. Он поймет, что увлечения его не дурны, но вредны, что можно делать добро и быть счастливым, перенося зло.

Убил четырех фазанов, был в бане. У Алексеева, который уволил меня от дежурств.

5 октября. [...] Мне кажется, что я здесь, на Кавказе, не в состоянии описать крестьянский быт. Это смущает меня.

8 октября. Был весь день до вечера в странном положении непреодолимой апатии: ни читать – ни писать. Читал какую-то дрянью, потом написал 1 1/2 листа. Надо навсегда отбросить мысль писать без поправок. Три, четыре раза это еще мало. Вчера посылал Ванюшку в казармы за грубость. Я больше, чем когда-нибудь, решился выйти в отставку; на каких бы то ни было условиях. Служба мешает двум призваниям, которые единственно я сознал в себе, особенно лучшему, благороднейшему, главному, и в том, в котором я более уверен найти успокоение и счастье. Все решится тем, представил или нет меня Бриммер. Ежели представил, то я жду писать в Петербург, и ежели нет, то я тотчас же подаю в отставку.

13 октября. Почта мучает меня ожиданием. Ходил с Николенькой и один, убил двух фазанов, много писал, [...] Хочу писать кавказские очерки для образования слога и денег.

19 октября. Простота есть главное условие красоты моральной. Чтобы читатели сочувствовали герою, нужно, чтобы они узнавали в нем столько же свои слабости, сколько и добродетели, добродетели – возможные, слабости необходимые. Мне пришла мысль заниматься музыкой, Тем или другим, но надеюсь, что с завтрашнего дня начну работать неусыпно. Мысль романа счастлива – он может быть не совершенство, но он всегда будет полезной и доброй книгой. Поэтому надо за ним работать и работать, не переставая.

Ежели письмо от редактора побудит меня писать очерки Кавказа, то вот программа их: 1) Нравы народа: а) История Сал., б) Рассказ Балты, с) Поездка в Мамакай-Юрт. 2) Поездка на море: а) История немца, б) Армянское управление, с) Странствование кормилицы. 3) Война: а) Переход, б) Движение, с) Что такое храбрость?

Основания "Романа русского помещика". Герой ищет осуществления идеала счастья и справедливости в деревенском быту. Не находя его, он, разочарованный, хочет искать его в семейном. Друг его, она, наводит его на мысль, что счастье состоит не в идеале, а [в] постоянном, жизненном труде, имеющем целью – счастье других. [...]

21 октября. Писал мало (3/4 листа). Вообще был целый день не в духе; после обеда помешал Япишка. Но рассказы его удивительны. Очерки Кавказа: 4) Рассказы Япишки: а) об охоте, б) о старом житье казаков, с) о его похождениях в горах.

28 октября. С нынешнего дня нужно снова считать время своего изгнания. Бумаги мои возвратили: стало быть, раньше половины, то есть июля месяца 1854 года, я не могу надеяться ехать в Россию, а выйти в отставку раньше 1855 года. Мне будет 27 лет. Ох, много! Еще три года службы. Надо употребить их с пользой. Приучить себя к труду. Написать что-нибудь хорошее и приготовиться, то есть составить правила для жизни в деревне. Боже, помоги мне. Писал очень мало, ездил на охоту и болтал у Николеньки. Он эгоист.

29 октября. Последнее слово подтвердилось нынче. Впрочем, я сам глуп, что принял к сердцу его замечание о том, что у него у самого мало денег. Написал письмо Татьяне Александровне – грустное письмо... Ездил с собаками... Николенька пришел ко мне и читал мне свои записки об охоте. У него много таланта. Но форма

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

нехороша. Пусть он бросит рассказы об охоте, а обратит больше внимания на описания природы и нравов; они разнообразнее и очень хороши у него. Ничего не писал, не читал.

31 октября. Вчера и нынче писал немного. Зуб болит. Прочел свою повесть, изуродованную до крайности.

8 ноября. Открыл тетрадь, но ничего не написал. Написал письмо редактору, которое успокоило меня, но которое не пошлю. Ходил на охоту, в баню, к брату и, кажется, простудился.

13 ноября. Выпил стакан и поехал с собаками, ездил до ночи, еще выпил чихиря, зашел к Хилковскому отдать деньги и просидел часа два. Николенька очень огорчает; он не любит и не понимает меня. В нем страннее всего то, что большой ум и доброе сердце не произвели ничего доброго. Недостает какой-то связи между этими двумя качествами. Прекрасно сказал Япишка, что я какой-то нелюбимой. Именно так я чувствую, что не могу никому быть приятен и все тяжело для меня. Я невольно, говоря о чем бы то ни было, говорю глазами такие вещи, которые никому не приятно слышать, и мне самому совестно, что я говорю их.

17 ноября. Целый день был дома, писал немного. Все, что написано, слишком небрежно подмалевано, много придется переделывать. Завтра еду в Шелковую. Еще раз писал письма Дьякову и редактору, которые опять не пошлю. Редактору слишком жестко, а Дьяков не поймет меня. Надо привыкнуть, что никто никогда не поймет меня. Эта участь, должно быть, общая всем людям, слишком трудным.

[25 ноября. Старогладковская.] 20, 21, 22, 23, 24, 25 охотился очень скверно, в Паробоче и Шелковой, но был хорош и не скучал. Как-то говорил с Николенькой, частью открыл ему отчасти план своей жизни и говорил о метафизике Н. С. Метафизика – наука о мыслях, не подлежащих выражению слов. Нынче приехал домой и был глупый Сверидов; вчера писал немного, порядочно. Прочел критику о своей повести с необыкновенной радостью и рассказал Оголину.

26 ноября. Был с Оголиным на охоте, сидел у брата.

После обеда начал писать хорошо и получил письмо от Некрасова. Мне дают 50 р. сер. за лист, и я хочу, не отлагая, писать рассказы о Кавказе. Начал сегодня. Я слишком самолюбив, чтобы написать дурно, а написать еще хорошую вещь едва ли меня хватит. [...]

28 ноября. Видел ужасный сон про Татьяну Александровну. Ездил с Епишкой, ничего не замордовал. Был у брата, пробовал писать, нейдет. Видно, прошло время для меня переливать из пустого в порожнее. Писать без цели и надежды на пользу решительно не могу. [...]

29 ноября. Ездил за дудаками, был в бане и у Николеньки. Получил письмо из Ясной и 100 р. Примусь за отделку описания войны и за "Отрочество". Книга пойдет своим чередом.

30 ноября. Много думал, но ничего не делал. Завтра утром примусь за переделку описания войны, а вечером за "Отрочество", которое окончательно решил продолжать. Четыре эпохи жизни составят мой роман до Тифлиса. Я могу писать про него, потому что он далек от меня. И как роман человека умного, чувствительного и заблудившегося, он будет поучителен, хотя не догматический. Роман же русского помещика будет догматический. [...]

1 декабря. Писал целый день описание войны. Все сатирическое не нравится мне, а так как все было в сатирическом духе, то все нужно переделывать. [...]

3 декабря. Писал много. Кажется, будет хорошо. И без сатиры. Какое-то внутреннее чувство сильно говорит против сатиры. Мне даже неприятно описывать дурные стороны целого класса людей, не только личности. [...]

4 [декабря]. Написал пол-листа. Я с каким-то страхом пишу этот рассказ. Был на охоте, отослал собак. Был Абилез, и я поручил ему выучить ястреба. Не знаю зачем.

5 [декабря]. Ездил с офицерами на рыбальство. Писал пол-листа. Рассказ будет

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
порядочный. Получил милое письмо от Сережи, - на которое отвечал.

7 [декабря]. Встал поздно. Ездил на дурацкую станичную охоту с Сулимовским. Он был у меня. Не мог писать больше четверти листа. Мне кажется, что все написанное очень скверно. Ежели я еще буду переделывать, то выйдет лучше, но совсем не то, что я сначала задумал.

8 [декабря]. Был на охоте, стрелял три раза по оленю. Писал немного, без всякой охоты. Решительно так плохо, что я постараюсь завтра кончить, чтобы приняться за другое.

9 [декабря]. Ходил на охоту. Снег. Писал листа два. Надеюсь завтра кончить.

10 [декабря]. Целый день был дома, докончил рассказ. Еще раз придется переделывать его.

11 декабря. Был на смотре у Левина. Ездил верхом. Решительно совестно мне заниматься такими глупостями, как мои рассказы, когда у меня начата такая чудная вещь, как "Роман помещика". Зачем деньги, дурацкая литературная известность. Лучше с убеждением и увлечением писать хорошую и полезную вещь. За такой работой никогда не устанешь. А когда кончу - только была бы жизнь и добродетель - дело найдется.

24 декабря. Сочельник. Окончил рассказ. Он не дурен.

26 декабря. Читаю Лермонтова третий день. Был у Николеньки. Алексеева видел, и мы с ним начинаем мириться; но я конфузился. Когда я буду всегда и во всех обстоятельствах совершенно свободен! Ничего не писал; но завтра начну непременно. Встретил поздно обнявшегося казака с казачками и с удовольствием вспомнил о кутежах с женщинами. Особенно утро, когда выходишь. Отослал с Сулимовским рассказ и рассказал ему.

27 декабря. Долго спал, стал было писать роман. Офицеры помешали мне. Ездил верхом и, приехавши, читал и писал стихи. Идет довольно легко. Я думаю, что это мне будет очень полезно для образования слога. Я не могу не работать. Слава богу; но литература пустяки; и мне хотелось бы писать здесь устав и план хозяйства.

Дневник - 1853

[1 января. Червленая?] 1) Выступил с дивизионом: весел и здоров.

6 [января. Грозная]. Был дурацкий парад. Все - особенно брат - пьют, и мне это очень неприятно. Война такое несправедливое и дурное дело, что те, которые воюют, стараются заглушить в себе голос совести. Хорошо ли я делаю? Боже, настави меня и прости, ежели я делаю дурно.

12 [января]. [...] Задумал - очерк: "Бал и бордель". Горло болит, но в духе.

21 января. Писал немного, но так неаккуратно, неосновательно и мало, что ни на что не похоже. Умственные способности до того притупляются от этой бесцельной и беспорядочной жизни и общества людей, которые не хотят и не могут понимать ничего немного серьезного или благородного. Я без гроша денег, и это положение заставляет меня бояться, чтобы не подумали обо мне дурно, что и доказывает, что я мог бы сделать дурное. В карты не хочу больше играть, не знаю, как поможет бог. Какую же хваленую пользу делает мне Кавказ, когда я веду здесь такую жизнь? Приехав в Тулу, я невольно вступлю опять в колею Куликовских, Гаш и Лютиковых. Нет, баста!

20 февраля. [Лагерь на Качкальковском хребте.] Выступили из Грозной в Куринское без дела. Стояли там недели две, потом стали лагерем на Качкальковском хребте. Было 16 числа артиллерийское дело ночью и 17 днем. Я вел себя хорошо. Был во все это время в выигрыше, но теперь без гроша, хотя мне и должны. Не выдержал в этом отношении характера, однако вел себя вообще хорошо. Нынче Оголин сказал мне, что я получу крест. Дай бог - и только для Тулы.

10 марта. [Лагерь у реки Гудермеса.] Креста не получил, а на пикете сидел по милости Олифера. Следовательно, кавказская служба ничего не принесла мне, кроме

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
трудов, праздности, дурных знакомств... Надо скорей кончить. [...]

16 апреля. [Старогладковская.] Давно не писал. Приехав около 1-го апреля в Старогладковскую, я продолжал жить так же, как жил в походе. Как игрок, который боится счесть то, что за ним записано. Проиграл, шутя, Сулимовскому 100 р. сер. Ездил безуспешно в Червленную для получения свидетельства о болезни. Хотел выходить в отставку; но ложный стыд – вернуться юнкером в Россию, решительно удерживает меня. Подожду производства, которое едва ли будет – я уж привык ко всевозможным неудачам. В Новоградковской, ежели не согрешил в страстной вторник, так только потому, что бог спас меня. Хочется взойти в старую колею уединения, порядка, добрых и хороших мыслей и занятий. Помогите мне боже. Я теперь испытываю в первый раз чувство чрезвычайно грустное и тяжелое – сожаление о пропащей без пользы и наслаждения молодости. А чувствую, что молодость прошла. Пора с нею проститься.

17 апреля. Встал рано, хотел писать; но поленился, да и начатый рассказ не увлекает меня. В нем нет лица благородного, которое бы я любил; однако мыслей больше. Перечитывал свое "детство". [...]

18 апреля. Встал рано, читал вещь Авдеева "Летучий змей", писал недурно. План рассказа только теперь начинает обозначаться с ясностью. Кажется, что рассказ может быть хорош, ежели сумею искусно обойти грубую сторону его. Все-таки провел много праздного времени от непривычки работать. [...]

28 апреля. Встал рано, ничего не мог написать, целый день нездоровилось. Кунаки и команда моя надоедали, играл с ними. Получил книгу со своим рассказом, приведенным в самое жалкое положение. Это расстроило меня; брат, Жукевич и Янович уехали. Получил отпуск, которым не намерен воспользоваться.

29 апреля. Написал очень мало, а был в духе. Нет привычки работать. Николенька едет завтра и был особенно мил.

30 апреля. Ходил на охоту, которая была неудачна. Ничего не писал. Сулимовский при мне сказал Оксане, что я ее люблю. Я убежал и совсем потерялся... Надо подумать о моих долгах. Написать Копылову. Завтра напишу. Меня сильно беспокоит то, что Барятинский узнает себя в рассказе "Набег".

[7 мая.] 4, 5, 6, 7. Ничего особенного. Деньги 40 р. за рассказ получены на почте. Нынче писал довольно много, изменил, сократил кое-что и придал окончательную форму рассказу. [...]

8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 мая. В эти семь дней ничего не сделал. [...] Получил письма от Некрасова, Сережи и Маши – все о моем литературстве, льстящее самолюбию. Рассказ "Святочная ночь" совершенно обдумал. Хочу приняться и вступить опять в колею порядочной жизни – чтение, писание, порядок и воздержание. Из-за девок, которых не имею, и креста, которого не получу, живу здесь и убиваю лучшие года своей жизни. Глупо! Господи, дай мне счастья.

15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22 мая. [...] Бросил рассказ и пишу "Отрочество" с такой же охотой, как писал "детство". Надеюсь, что будет так же хорошо. Долги мои все заплачены. Литературное поприще открыто мне блестящее; чин должен получить. Молод и умен. Чего, кажется, желать. Надо трудиться и воздерживаться, и я могу быть еще очень счастлив.

22, 23, 24, 25, 26, 27 [мая]. Ровно ничего особенного. Писал мало, зато окончательно обдумал "Отрочество", "Юность", "Молодость", которые надеюсь кончить. Нынче прислал мне Алексеев бумагу, по которой Бриммер обещает уволить меня в отставку с штатским чином. Как вспомню о своей службе, то невольно выхожу из себя. Я еще не решился, хотя по теперешнему моему взгляду на жизнь, удержавшемуся от того, который я составил себе в Пятигорске, мне не следует задумываться. Подумаю хорошенько. Все не могу привыкнуть к пунктуальности и порядку, хотя стараюсь.

[29 мая.] Я ошибся: вчера было 28-е. Нынче 29-е. Писал и обдумывал свое сочинение, которое начинает ясно и хорошо складываться в моем воображении. Решился, посмотрев 56 статью, выходить в отставку и просил об этом Алексеева. [...]

30 [мая]. Писал довольно много и легко. Мне пришла мысль о моих оставшихся долгах и сильно беспокоила меня. Надо будет копить деньги, чтобы все заплатить их. Это необходимо для моего морального спокойствия.

31 мая. Ничего не писал целый день. История Карла Ивановича затрудняет меня, играл с мальчишками, которые становятся дерзки – я слишком избаловал их. Ужинал у Б. и в этом ложном положении вел себя хорошо.

23 июня. Почти месяц не писал ничего. В это время ездил с кунаками в Воздвиженскую. Играл в карты и проиграл Султана. Едва не попался в плен, но в этом случае вел себя хорошо, хотя и слишком чувствительно. Приехав домой, решил пробыть здесь месяц, чтобы закончить "Отрочество", но вел себя целую неделю так безалаберно, что мне стало очень тяжело и грустно, как всегда бывает, когда недоволен собою. Вчера Гришка рассказывал, что я был бледен, после того как меня ловили чеченцы, и что я не смею бить казака, который ударил бабу, что он мне сдачи даст. Все это так меня расстроило, что я весьма живо видел очень тяжелый сон и, поздно проснувшись, читал о том, как Обри перенес свое несчастье и как Шекспир говорит, что человек познается в несчастье. Мне вдруг непонятно стало, как мог я все это время так дурно вести себя. Ежели я буду ожидать обстоятельств, в которых я легко буду добродетелен и счастлив, я никогда не дождусь: в этом я убежден. [...]

25 июня. Нынче получил от Сережи письмо, в котором он пишет мне, что князь Горчаков хотел писать обо мне Воронцову, и бумагу о отставке. Не знаю, чем все это кончится; но я намерен на днях ехать в Пятигорск. Ни в чем у меня нет последовательности и постоянства. От этого-то в это последнее время, что я стал обращать внимание на самого себя, я стал сам себе невыносимо гадок. Будь у меня последовательность в тщеславном направлении, с которым я приехал сюда, я бы успел в службе и имел повод быть довольным собою; будь я последователен в добродетельном направлении, в котором я находился в Тифлисе, я бы мог презирать свои неудачи и опять был бы доволен собою. С малого и до большого этот недостаток разрушает счастье моей жизни. Будь я последователен в своей страстности к женщинам, я бы имел успех и воспоминания; будь я последователен в своем воздержании, я бы был гордо-спокоен. Этот проклятый отряд совершенно сбил меня с настоящей колеи добра, в которую я так хорошо вошел было и в которую опять желаю войти, несмотря ни на что; потому что она лучшая. Господи, научи, настави меня.

Не могу писать. Я пишу слишком вяло и дурно. А что мне делать, кроме писанья? Сейчас обдумывал свое положение. В голове вертелась такая куча разнородных мыслей, что я долго не мог понять ничего, кроме того, что я дурен и несчастен. После этого времени тяжелого раздумья в голове моей образовались следующие мысли: цель моей жизни известна – добро, которым я обязан своим подданным и своим соотечественникам; первым – я обязан тем, что владею ими, вторым – тем, что владею талантом и умом. Последнюю обязанность я в состоянии исполнять теперь, а чтобы исполнять первую, я должен употребить все зависящие от меня средства.

Первою мыслью моею было составить для себя правила в жизни, и теперь я невольно возвращаюсь к ней. Но сколько времени я потерял даром! Может быть, бог устроил жизнь мою так, с целью дать мне больше опыта. Едва ли бы я так хорошо понял свою цель, ежели бы я был счастлив в удовлетворении своих страстей. Вперед определять свои действия и проверять исполнение их было благою мыслью, и я возвращаюсь к ней. С нынешнего вечера, в каких бы я ни был обстоятельствах, я даю себе слово каждый вечер исполнять это. Часто препятствовал мне в этом ложный стыд. Даю себе слово сколь возможно преодолевать его. Будь прям, хотя и резок, но откровенен со всеми, но не детски откровенен без необходимости. Воздерживайся от вина и женщин. Наслаждение так мало, неясно, а раскаяние так велико! – Каждому делу, которое делаешь, предавайся вполне. При каждом сильном ощущении воздерживайся от движений, а обдумав раз, хотя бы и ошибочно, действуй решительно.

[...] Завтра. Встать рано, писать "Отрочество" до обеда – после обеда пойти к хохлам и поискать случая сделать доброе дело, потом писать "Дневник кавказского офицера" или "Беглец" – до чаю. Побегать. Писать "Отрочество" или "Правила в жизни".

27 июня. Встал поздно. Писал утром довольно хорошо "Отрочество". У Алексеева не спросил денег. После обеда до самого вечера читал и обдумывал "Записки

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
кавказского офицера". Был легкомысленен с ребятами. Не ходил от дождя искать доброго дела, и непоседлив на счет Саламанды. Япишка, кажется, надует меня. Завтра. Встать рано и писать "Отрочество" как можно тише, старательнее. За обедом спросить денег; после обеда, что бы ни было, пойти искать доброе дело и о Саламанде. Вечером писать "Записки кавказского офицера" или, ежели будет мало мыслей, то продолжать "Отрочество".

28 [июня]. Утром писал хорошо. Мальчишки помешали перед обедом, спросил денег, добрых дел не нашел. Япишки нет. После обеда ничего не делал. Утром неосновательно сказал Барашкину, что пойду на охоту, и вечером из ложного стыда не отказался и потерял дорогое время и хорошее расположение; после ужина у Алексева.

Писал немного "Дневник кавказского офицера" и "Рубку леса" и обдумал. Когда во время писания придут так много неясных мыслей, что захочется встать, не позволять этого себе. Завтра с утра писать "Отрочество" до обеда. После обеда до вечера писать "Дневник кавказского офицера".

29 [июня]. Утро вел себя хорошо, но после обеда ничего не делал. Так хорошо обдуманный план "Записок кавказского офицера" показался мне нехорошим, и я провел все после обеда с мальчишками и Япишкой. Бросил Гришку и Ваську в воду. Нехорошо. Хорошо ли или дурно, всегда надо писать. Ежели пишешь, то привыкаешь к труду и образовываешь слог, хотя и без прямой пользы. Ежели же не пишешь, увлекаешься и делаешь глупости. Натощак пишется лучше. [...]

8 июля. Встал поздно. Начал было писать, но нейдет. Я слишком недоволен своей бесцельной, беспорядочной жизнью. Читал "Profession de foi du Vicaire Savoyard", и, как и всегда при этом чтении, во мне родилось пропасть дельных и благородных мыслей. Да, главное мое несчастье – большой ум. Спал после обеда, играл немного с мальчишками и сделал очень дурно, что не только не остановил, но подал повод срамить Япишку.

Не могу доказать себе существования бога, не нахожу ни одного дельного доказательства и нахожу, что понятие не необходимо. Легче и проще понять вечное существование всего мира с его непостижимо прекрасным порядком, чем существо, сотворившее его. Влечение плоти и души человека к счастью есть единственный путь к понятию тайн жизни. Когда влечение души приходит в столкновение с влечением плоти, то первое должно брать верх, ибо душа бессмертна, так же как и счастье, которое она приобретает. Достижение счастья есть ход развития ее. Пороки души суть испорченные благородные стремления. Тщеславие – желание быть довольным собой. Корыстолюбие – желание делать более добра. Не понимаю необходимости существования бога, а верю в него и прошу помочь мне понять его.

9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 июля. [Пятигорск.] Уехал из Старогладковской без малейшего сожаления. Дорогой Арслан-Хан опротивел мне до смерти. Приехав в Пятигорск, нашел Машу, пустившуюся в здешний свет. Мне было больно видеть это – не думаю, чтобы от зависти, но неприятно было расстаться с убеждением, что она исключительно мать семейства. Впрочем, она так наивно мила, что в скверном здешнем обществе остается благородной. Послал письма: Барятинскому – хорошее, Бриммеру – порядочное и Моору – скверное. Валерьян благоразумен и честен, но нет в нем того тонкого чувства благородства, которое для меня необходимо, чтобы сойтись с человеком. Барон хороший человек. Как недостает у Валерьяна и Николеньки такта, чтобы не смеяться над наружностью и манерами людей, когда сами они так плохи в этих отношениях. Вообще мне было тяжело и грустно. Этого чувства я не испытываю, я уверен, свидевшись с Сережей, а еще более с Татьяной Александровной. [...]

18 [июля]. Встал поздно, думал прекрасно, писал хорошо, но мало. Пришел Николенька. Я читал ему написанное. И кажется, хорошо. Обедал у Маши, спал там, ходил гулять и ужинать к Найтаки. Провел время без пользы и скучно. Холодность ко мне моих родных мучает меня. [...] Завтра встать рано и писать, писать до вечера, чтобы кончить "Отрочество".

18 [июля]. Встал поздно. Николенька помешал. Только начал писать, как пошел к Маше и пробыл целый день: был в концерте Кристиани. Плохо. Отчего никто не любит меня? Я не дурак, не урод, не дурной человек, не невежда. Непостижимо. Или я не для этого круга? Маша так мила, что невольно жалеешь, что некому понять ее прелести. Дрянь, как чемпионы, нравится ей. Жалко. Завтра обедать в Бештау и

писать, писать.

19 [июля]. Ничего не писал утром, а вечер провел у Маши безалаберно. Только вечером приятно поболтал с бароном о интересующем меня хозяйстве. Теперь 11 часов. Завтра буду писать, только вечером пойду к Маше.

23 июля. Переписал первую главу порядочно. Был у Маши недолго. Труд, труд! Как я чувствую себя счастливым, когда тружусь.

24 июля. Встал в 8, переправил 1-ую главу и ничего не писал целый день, читал "Claude Genoux". Ходил к Маше, у которой очень скучно. Булька пропал. Получил письмо от Мооро: Бриммер задержал мою отставку.

Встать рано и писать, не останавливаясь на том, что кажется слабо, только чтобы было дельно и гладко. Поправить можно, а потерянное без пользы время не воротишь.

25 июля. Исключая часов трех, проведенных на бульваре, занимался целый день; но переписал только 1 1/2 главы. "Новый взгляд" натянуто, но "Гроза" превосходно. [...]

27 [июля]. [...] Читал "Записки охотника" Тургенева, и как-то трудно писать после него. Целый день писать.

26 [августа. железноводск]. Ничего не делал. Решился бросить "Отрочество", а продолжать роман и писать рассказы Кавказские. Причина моей лени та, что я не могу писать с увлечением. Я ожидаю какого-то счастья в этом месяце и вообще с 26 года моего возраста. Хочу принудить себя быть таким, каким, по моим понятиям, должен быть человек. Молодость прошла. Теперь время труда. [...]

28 [августа. пятигорск]. [...] Утром начал казачью повесть, потом для приезда Николенки и отъезда Теодорины и своего рождения ходил в тир, ездил в колонию и водил Машу на бульвар. Весело не было. Труд только может доставить мне удовольствие и пользу. Ложусь спать, буду читать.

10 сентября. [Пятигорск.] Ничего не делал, болтал с Машей, делал планы о жизни всем вместе в Москве. Лень и сознание лени страшно мучают меня. Завтра буду работать хоть гадость; но только чтобы быть довольным собой, а то жизнь с постоянным раскаянием – мука!

11 сентября. Валерьян и Маша уехали. Я писал утром и вечером, но мало. Не могу одолеть лень. Придумал в присест писать по главе и не вставать, не окончив. Спал долго после обеда. Теперь часа 4.

12 сентября. Встал поздно. Окончил Историю Карла Ивановича до обеда. После обеда шлялся, был в церкви, где испытал весьма тяжелое чувство, потом на бульваре ходил с Клунниковым и увел его с собой. Целый вечер пропал. Завтра утром пойду в парк, обдумаю главу Беглеца. Напишу ее до обеда. После обеда полежу и обдумаю главу "Отрочества" – непременно.

13 сентября. Утром была тоска страшная. [...] Потом пришла мысль "Записок маркера", удивительно хорошо. Писал, ходил смотреть собрание и опять писал "Записки маркера". Мне кажется, что теперь только я пишу по вдохновению, от этого хорошо.

14 сентября. Окончил начерно и вечером написал лист набело. Пишу с таким увлечением, что мне тяжело даже: сердце замирает. С трепетом берусь за тетрадь. Завтра приедут Валерьян и Маша. [...]

18, 19 [сентября]. Ничего не делал, нынче начал было писать, но лень одолела, вечером был у Смышляева и писал стихи.

Юмор может быть только в том случае, когда человек убежден, что недосказанные и странно сказанные мысли его будут поняты. Он зависит от расположения и еще более от слушателей или от инстинктивного мнения о слушателях.

[28 сентября.] 27, 28. Ничего не делал. Не пишется. Перечитывал свой роман Валерьяну. Решительно все надо изменить, но самая мысль всегда останется

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
необыкновенною. Вечером вздумал писать стихи и не пишу. Валерьян притворялся, что у него зубы болят, – или дурно переносил боль. Начинаю подумывать о Турецком походе. Напрасно. Надо быть последовательным, в особенности в том благородном, прекрасном намерении, которое я принял, – т. е. быть довольным настоящим.

29 [сентября]. Утром написал главу "Отрочества" хорошо. После обеда ездил верхом с 6 до 8 часов. Был у Аксиньи. Она хороша, но не так нравится мне, как прежде. Предлагал ей взять ее. Она, кажется, согласится. В "Смерть бабушки" придумал характерную черту религиозности и вместе непростения обид.

[1 октября.] 30. 1 октября. Вчера и нынче написал по главе, но не тщательно. Вчера поссорился с Машей и намерен написать ей откровенное письмо.

2 [октября]. Писал главу "Отрочества", встал в 5 часов. Всё "отрочество" представляется мне в новом свете, и я хочу заново переделать его. Валерьян и Маша едут. Хочу писать письмо князю Андрею Ивановичу и Сергею Дмитриевичу.

[3 октября.] Нынче, 3-го, ничего не делал; приехал Арслан-Хан.

[6 октября.] 4, 5, 6. Пришла мысль о переводе. Писал письма и докладную записку. Провожал Валерьяна и Машу. [...] Ужасно грустно! Постараюсь завтра прогнать эту грусть деятельностью.

7 [октября]. Утро, ходил к Принцу, который опять наговорил мне неприятностей, которые часа на четыре расстроили меня. За обедом читал "Profession de foi" и вспомнил единственное средство быть счастливым. После обеда начал было писать "Девичью", но так неаккуратно, что бросил – нужно пересматривать сначала. Был у Дроздовых, ездил с ними верхом и провел вечер.

13 [октября. Старогладковская]. Был на охоте, написал письма Маслову и Барашкину. Убил двух фазанов. Читал нынче литературную характеристику гения, и это сочинение разбудило во мне уверенность в том, что я замечательный по способностям человек, и рвение к труду. С нынешнего дня примусь. Утро писать "Отрочество" и "Беглец" после обеда и вечером. Мысли о счастье.

[14 октября.] Ничего не делал того, что предположил, а ленился, читал. Написал четверть листа "Девичьей". Хочу принять за правило, начав одно дело, не позволять себе заниматься ничем другим, а для того, чтобы не пропадали мысли, которые будут приходиться, записывать их аккуратно в книгу с следующим подразделением: 1) Правила, 2) Познания, 3) Наблюдения. Нынче, например, наблюдения: над пением, Япишкой; Познания: о миссиях в Осетии Северной и Грузии, и Правила: не позволять себе ничем отвлекаться до окончания начатого труда.

15 [октября]. Утром писал мало, читал Головнина с удовольствием. Обедал, играл в карты, чем потерял часа три времени. Докончил "Девичью", ужинал, написал длинное письмо Николеньке и несколько наблюдений, правил и сведений.

16 [октября]. Встал рано, читал Головнина, писал Университет Володи, который и кончил, обедал у Алексеева, читал Головнина, писал. [...] Играл в преферанс после ужина и слишком торопливо написал наблюдения, сведения, мысли и правила.

18 октября. Встал поздно. Был Аиб, Аверьянов и Япишка. Написал пол-листа, после обеда написал еще главу. Вечер весь играл в карты. Это скверная привычка. [...]

19 октября. Записал Наблюдения, Сведения, Мысли и Правила. Ходил с Громаном в сады, убил зайца. Обедал один с Громаном. [...] Написал главу "Отрочества". Ужинал, дописал нынешнего дня Сведения, Наблюдения, Мысли и Правила и ложусь. Благодаря бога, я доволен собой, но странное я испытываю чувство беспокойства, когда я бываю внешне и внутренне спокоен, как будто кто-то говорит мне: вот ты хорош теперь, а никто кроме тебя этого не знает.

20 октября. Арслан-Хан, приехав во время обеда, остановился у меня и тем помешал мне заниматься вчера. [...] До обеда читал превосходный роман Самуэля Варрена. После обеда спал, а проснувшись, переправил, и то плохо, одну главу до ужина. После ужина прочел "Инвалида" и часа два по атласу занимался географией. Кажется, война будет. Алексеев сказал мне, что пехотных юнкеров уже потребовали к экзамену. Говорят, что у Шамяля 40000 в сборе и он собирается напасть на князя Воронцова.

22 октября. Встал поздно, до обеда писал немного, после обеда был у Громана, к которому приехал офицер Самурского полка и рассказывал много занимательного о деле в Закаталах. Писал потом, несмотря на присутствие мальчишек, и после ужина играл в карты.

"Отрочество" опротивело мне до последней степени. Завтра надеюсь кончить. Идея писать по разным книгам свои мысли, наблюдения и правила весьма странная. Гораздо лучше писать все в дневнике, который стараться вести регулярно и чисто, так чтобы он составлял для меня литературный труд, а для других мог составить приятное чтение. В конце каждого месяца, пересматривая его, я могу выбирать и разносить из него все, что найдется замечательного, для легкости же на отдельном листе буду составлять краткое оглавление каждого дня.

23 октября. Проснулся я нынче очень поздно и с тем недовольным расположением духа. [...] Дурное расположение духа и беспокойство помешали мне заниматься. Я прочел "Наденьку", повесть Жуковой. Прежде мне довольно было знать, что автор повести – женщина, чтобы не читать ее. Оттого что ничего не может быть смешнее взгляда женщины на жизнь мужчины, которую они часто берутся описывать; напротив же, в сфере женской автор-женщина имеет огромное преимущество перед нами. Наденька очень хорошо обставлена; но лицо ее самой слишком легко и неопределенно набросано; видно, что автора не руководила одна мысль.

Я берусь за свою тетрадь "Отрочества" с каким-то безнадежным отвращением, как работник, принужденный трудиться над вещью, которая, по его мнению, бесполезна и никуда не годна. Работа идет неаккуратно, вяло и лениво.

Докончив последнюю главу, нужно будет пересмотреть все сначала и сделать отметки и начерно окончательные перемены. Переменять придется много; характер я вял, действие растянуто и слишком последовательно во времени, а непоследовательно в мысли. Например, прием в середине действия описывать для ясности и выпуклости рассказа прошедшие события, с моим разделением глав, совсем упущен. Во все время обеда и после я не мог, да и не находил надобности – преодолеть апатическую тоску, которая овладела мною.

Докончив "Наденьку", я снова сел за отвратительное "Отрочество", но Илияс помешал мне; так что я, не желая прогнать его и терять время даром, пошел на охоту. Опять поработал над "Отрочеством", кое-как дописал одну главу и пошел ужинать, а после играл в карты.

С охоты, подходя к дому с северной стороны, я полюбовался видом серых гор из-за камышовых крыш домов и черной, тесовой, увенчанной крестом крыши часовни.

Два рекрута разговаривали на площади, и один из них, в то время как хотел слегка засмеяться шутке своего товарища, издал звук вроде кашля или перхоты, что часто бывает с людьми, ведущими неправильный образ жизни.

"Довольствоваться настоящим!" Это правило, прочитанное мною нынче, чрезвычайно поразило меня. Я живо припомнил все случаи в моей жизни, в которой я не следовал ему, и очень удивительно показалось, что я не следовал ему. Например, в ближайшем ко мне по времени случае в моей службе я хотел быть юнкером-графом, богачом, с связями, замечательным человеком, тогда как самое полезное и удобное для меня было бы быть юнкером-солдатом. Как много интересного я тогда мог бы узнать в это время и как много неприятного избежал.

Но тогда положение мое было ближе ко мне; поэтому-то я не так ясно видел его. Затронутые страсти (гордость, тщеславие, лень) давали другой вид положению и подсказывали уму другие размышления.

Верь рассудку только тогда, когда убедишься, что никакая страсть не говорит в тебе.

В бесстрастном состоянии рассудок руководит человеком, но когда страсти обладают им, они руководят и его разумом, придавая только больше пагубной смелости в дурных поступках.

24 октября. Встал раньше вчерашнего и сел писать последнюю главу. Мыслей набралось много; но какое-то непреодолимое отвращение помешало мне окончить ее.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Как во всей жизни, так и в сочинении прошедшее обуславливает будущее запущенное сочинение трудно продолжать. с увлечением и, следовательно, хорошо. Обдумывал перемены в "Отрочестве", но не сделал никаких. Надо на легкую руку набросать заметки и просто начать переписывать снова.

До обеда читал критику описания войны 1799 года России с Францией, а после обеда без всякой охоты пошел стрелять в цель с Громаном. Прекрасная погода соблазнила меня, и я пошел на охоту, на которой убил зайца и пробежал за чакалой до поздней ночи. После ужина играл в карты до 12 часов. Как легко делаются дурные привычки! Я уж привык играть после ужина.

Читая сочинение, в особенности, чисто литературное, - главный интерес составляет характер автора, выражающийся в сочинении. Но бывают и такие сочинения, в которых автор аффектирует свой взгляд или несколько раз изменяет его. Самые приятные суть те, в которых автор как будто старается скрыть свой личный взгляд и вместе с тем остается постоянно верен ему везде, где он обнаруживается. Самые же бесцветные те, в которых взгляд изменяется так часто, что совершенно теряется. [...]

25 октября. С утра пересмотрел "Отрочество" и решился переписывать его снова и насчет изменений, перемещений и прибавлений, которые нужно в нем сделать. Часов в 10 пошел на охоту и проходил до ночи. Читал новый, весьма плохой "Современник". Ужинал и теперь ложусь спать. Нынче целый день был для меня моральным отдыхом, необходимость которого так часто бессознательно сознаешь в себе.

[...] я начинаю жалеть, что слишком поспешно послал "Записки маркера". По содержанию едва ли я много бы нашел изменить или прибавить в них. Но форма не совсем тщательно отделана.

26 октября. Встал не рано и с ломотой усталости во всех членах. С утра работал порядочно над перепиской и приведением в порядок "Отрочества", но скоро позвали обедать, а после обеда, почитав немного и посидев с Алексеевым, который приходил ко мне, сделал очень мало.

[...] Описание борьбы добра со злом в человеке, покушающемся или только что сделавшем дурной поступок, всегда казалось мне неестественным. Зло делается легко и незаметно, и только гораздо после человек ужасается и удивляется тому, что он сделал.

Простой народ так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишений жизнью, что как-то нехорошо нашему брату искать и описывать в нем дурное. Оно есть в нем, но лучше бы говорить про него (как про мертвого) одно хорошее. Это достоинство Тургенева и недостаток Григоровича и его "Рыбаков". Кого могут занять пороки этого жалкого и достойного класса? В нем больше доброго, чем дурного; поэтому естественнее и благороднее искать причины первого, чем второго.

В старину я думал, что, взяв себе за правило быть основательным и аккуратным в своих занятиях, я могу следовать ему; потом часто повторяемые и никогда в точности не исполняемые такие правила начали убеждать меня в том, что они бесполезны; теперь же я убеждаюсь, что эти припадки, постоянно ослабевающие и снова возобновляющиеся, составляют нормальное состояние периодической к самому себе внимательности.

Надо привыкать всегда и во всем писать четко и ясно, а то часто бессознательно неясность или неверность мысли скрадываешь от самого себя неестественными оборотами, помарушками и размахами. [...]

28, 29, 30 октября, 31 октября и 1-е ноября. [Хасав-Юрт.] 28 и 29. Провел в том сознательном тяжелом бездействии, которое происходит от постоянно занимающей неприятной мысли. [...] Ходил 29 целый день на охоте, болтал с Епишкой, играл в карты и читал биографию Шиллера, написанную его свояченицей. Чрезвычайно заметен в ней поверхностный взгляд на великого человека сентиментальной женщины и лица, слишком близкого поэту, поэтому находящегося под влиянием мелочных домашних недостатков, утратившего должное уважение [к] поэту.

31 [октября]. [...] я читал "Капитанскую дочку", и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара - не слогом, - но манерой изложения. Теперь

справедливо – в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий. Повести Пушкина голы как-то. Вот мысли, которые приходили мне в эти четыре дня и которые я успел отметить для памяти в маленькой книжке.

Невозможно следовать определениям разумной воли только вследствие ее выражения. Необходимо употреблять хитрости против своих страстей. Добро приятно делать для каждого; но страсти часто заставляют нас видеть его в превратном свете. А рассудок, действуя непосредственно, бессилен против страсти, он должен стараться действовать одной на другую. В этом заключается мудрость.

[...] Шиллер совершенно справедливо находил, что никакой гений не может развиваться в одиночестве, что внешние возбуждения – хорошая книга, разговор подвигают больше в размышлении, чем годы уединенного труда. Мысль должна рождаться в обществе, а обработка и выражение ее происходит в уединении.

[...] Одна из главных причин ошибок нашего богатого класса состоит в том, что мы не скоро привыкаем к мысли, что мы большие. Вся наша жизнь до 25 иногда и больше лет противоречит этой мысли; совершенно наоборот того, что бывает в крестьянском классе, где 15 лет малый женится и становится полным хозяином. Меня часто поражала эта самостоятельность и уверенность крестьянского парня, который, будь он умнейшим мальчиком, в нашем классе был бы нулем.

Странно, что все мы таим, что одной из главных пружин нашей жизни деньги. Как будто это стыдно. Возьмите романы, биографии, повести: везде стараются обойти денежные вопросы, тогда как в них главный интерес (ежели не главный, то самый постоянный) жизни и лучше всего выражается характер человека.

Есть разряд милых, благородных (хотя большей частью несчастных в жизни и неуважаемых), которые как будто живут только для того, чтобы выждать случая пожертвовать собой для другого или для чести, и которые живут только с той поры, с которой начинается это жертвование.

Часто случалось мне удивляться и завидовать основательному и точному взгляду людей, читавших мало.

Всякое оконченное начерно сочинение пересматривать, вымарывая все лишнее и не прибавляя ничего. Это первый процесс.

Читая рассказ какой-то английской барыни, меня поразила непринужденность ее приемов, которой у меня нет и для приобретения которой мне надо трудиться и замечать.

[...] Бывают лица, к числу которых принадлежит и мое и каким я хочу вырастить героя "Романа русского помещика", которые чувствуют, что они должны казаться гордыми, и чем более стараются выказать на своем лице выражение равнодушия, тем более кажутся надменными.

Часто в сочинении меня останавливают рутинные, не совсем правильные, основательные и поэтические способы выражения; но привычка встречать их часто заставляет писать их. Эти-то необдуманные, обычные приемы в авторе [?], недостаток которых чувствуешь, но прощаешь от частого употребления, для потомства будут служить доказательством дурного вкуса. Мириться с этими приемами – значит идти за веком, исправлять их – значит идти вперед его.

2, 3 ноября. [...] Вчера завязался между мной и несколькими офицерами спор о ценности жалованных титулов; причем Зуев высказал без всякой последовательности свою зависть к моему титулу. В ту минуту мысль, что он считает меня тщеславным своим титулом, кольнула мое самолюбие; теперь же я от души радуюсь, что он дал подметить в себе эту слабость. Как опасно верить мыслям, являющимся в жару спора.

Всегда жить одному: дорогое правило, которое я постараюсь соблюдать.

Почти всякий раз при встрече с новым человеком я испытываю тяжелое чувство разочарования. Воображаю себе его таким, каков я, и изучаю его, прикидывая на эту мерку. Раз навсегда надо привыкнуть к мысли, что я исключение, что или я обогнал свой век, или – одна из тех несообразных неуживчивых натур, которые никогда не бывают довольны. Нужно взять другую мерку (ниже моей) и на нее мерять

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
людей. Я реже буду ошибаться.

Долго я обманывал себя, воображая, что у меня есть друзья, люди, которые понимают меня. Вздор! Ни одного человека еще я не встречал, который бы морально был так хорош, как я, который бы верил тому, что не помню в жизни случая, в котором бы я не увлекся добром, не готов был пожертвовать для него всем.

От этого я не знаю общества, в котором бы мне было легко. Всегда я чувствую, что выражение моих задушевных мыслей примут за ложь и что не могут сочувствовать интересам личным.

Вчера перешел на квартиру. Ежели я буду принужден прожить здесь месяц, я уверен, что употреблю его с пользой. Уже вчера вечером я почувствовал то расположение к истинной пользе, под влиянием которого находился в Тифлисе, в Пятигорске. Нет худа без добра. [...]

4 ноября. Вчера провел весь день, ничего не делая. Болтал с посетителями и перечитывал какой-то старый "Современник". [...]

Не дорожить мнением, которого ты не уважаешь. Я хотел сказать: не дорожить мнением людей, которых не уважаешь; но это было бы неправильно, потому что даже те люди, которых ты презираешь, могут в некоторых случаях быть основательными судьями. Ошибка, которой я хочу избегнуть, состоит только в том, чтобы не стараться (как часто это случается с людьми тщеславными) выказывать себя таким, каким бы не уважал другого. [...]

5 ноября. Зубы разболелись у меня утром так, что я не мог заснуть и встал рано. Начал пересматривать "Отрочество"; но, кроме вымарок, ничего не сделал.

[...] я совершенно убежден, что я должен приобрести славу; даже от этого я тружусь так мало: я убежден, что стоит мне только захотеть разработать материалы, которые я чувствую в самом себе. [...]

7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 [ноября. Старогладковская]. Оставил Акршевскому почти половину "Отрочества" для переписки. Проиграл Соковнину 42 рубля и уехал из Хасав-Юрта, оставшись должен около 10 р. Посетители не давали мне там минуты покоя, так что совершенно сбили с толку.

[...] Я никогда не открывался в любви, но, вспоминая ту страшную гиль, которую я врал с особами, мне нравившимися, с тонкой замысловатой улыбкой, я краснею от одного воспоминания. Разговоры, которые читаешь в наших великосветских романах pour tout de bon [всерьез (фр.)], – две капли воды похожи на них. Нужно убедиться в том, что праздность и беспорядочная жизнь (то есть без порядка) не только вредна в житейском деле, но может быть причиной самых ужасных пороков и поступков с моей стороны, как я испытал это нынче. Я так слаб! Нужно бояться праздности и беспорядочности так же, как я боюсь карт.

В разговорах с Епишкой меня поразили следующие вещи.

Как Минька – кривой – колдун бил зверей потных, которых черти ему с гор пригоняли; как он, встретившись с чеченцами, превратил себя и Ивана Иваныча в два лоховых куста, и как потом его посадили в передний угол, обсели кругом и стали увещевать, как старики говорили ему: – Это скверно, Минька, брось это, и т. д.

Еще восклицание в родительном падеже: "какого горя!"

И еще два рассказа о том, как Епишка ездил из Аксяя с кунаком гулять на свадьбу к чеченцам, и как он трусил, несмотря на покровительство зятя, и как удивлялся ему: "Хехехе, казакишь! казакишь!" И о том, как он убил ночью на охоте холопа Ильина, как он побежал за своими товарищами и звал их присутствовать при том, как он будет просить у него прощенья, как он умер дорогой на одре (брусья арбы), на который его с трудом положили, как потом он, перевернув свое ружье снастью от себя, подал его Василию Гавриловичу и упал ему в ноги, как потом, придя домой, он застал у жены бал, и как только что он сказал про свое горе, все бабы разбежались.

[16 ноября.] 15. встал рано, принялся писать; но, несмотря на обилие мыслей и
Страница 51

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
аккуратность писания, написал весьма мало.

[...] Было время, что сознание развилось во мне до такой степени, что заглушало рассудок, так что я не мог ничего думать, кроме о том: о чем я думаю?

Меня часто поражало, как могут люди внутренне наслаждаться своими фразами без мыслей, – одними словами. Может быть, что на известной степени развития ум точно так же сочувствует словам, как на высшей степени – он сочувствует мыслям. Епишка говорит, что, чтобы умно сказать, надо сперва постоять у венника, то есть отвернуться в угол и подумать.

17, 18 ноября. Вчера встал рано; но писал мало. Две главы "девичья" и "Отрочество", которые я так долго не могу окончательно обработать, задерживали меня. Обедал, играл в шахматы дурно и еще хвастался.

[...] Взял историю Карамзина и читал ее отрывками. Слог очень хорош. Предисловие вызвало во мне пропасть хороших мыслей. Нынче прибил Алешку. Хотя он и был виноват, я недоволен собой за то, что разгорячился.

[...] Казаки говорят: эта ружье, и бедный употребляется в смысле ласкательном, – соблезно-ласкательном. Екатерининского времени люди называли служащих матушкиными детьми.

Есть собственные имена, названия вещей, животных и лиц, которые обрисовывают быт известного круга лучше, чем описания. Например: бык Алексеич, ящик – бабушкина шкатулка.

Япишка объяснил мне, наконец, мнимое увеличение Терека; он был уже и глубже; теперь же, отклоняясь от гор, переменяя ложе и находя дно более упругое, он становится шире.

Хороша тоже песня, которую он сказал мне:

"Во славном во городе во Киеве, У славного была у князя Владимира, Жила-была девица, душа красная, Согрешила та девица богу тяжкий грех, Породила девица млада юношу, Того была Александра Македонского. Со того стыда красна девица С граду вон ушла; Она шла-прошла не стежкой, не дорожкой, А шла-прошла тропиною звериною. Навстречу красной девице доброй молодец, Доброй молодец, Илья Муромец. Как и стал он красну девицу крепко спрашивать, Чьего ты, красна девица, роду-племени. Да я рода-то девица не простого. Красна девица богатырского".

[...] Случается, что вдруг чувствуешь, что на мне осталась по забывчивости удивленная физиономия там, где уже нет более причины удивляться (В главу "Концерт").

Кто-то рассказывал Епишке, что будто я отдал человека в солдаты за то, что он задушил мою собаку. Такая ужасная клевета всегда поддерживает меня в благородных мыслях, что делать добро есть единственное средство быть счастливым. Ежели только смотреть с другой точки зрения на жизнь – с какой бы то ни было, – такая одна клевета разрушает все счастье жизни.

Некоторые люди как будто сами себя обманывают, стараясь о своем образе жизни говорить в прошедшем или в будущем, но не в настоящем.

Ничто столько не препятствует истинному счастью (состоящему в добродетельной жизни), как привычка ждать чего-то от будущего. Между тем как для истинного счастья, состоящего во внутреннем самодовольстве, будущее ничего не может дать, а все дает прошедшее.

Чем моложе человек, тем меньше он верит в добро, несмотря на то, что он легковвернее на зло. [...]

19, 20, 21, 22 [ноября]. Я, кажется, обчелся числами, потому что решительно не могу припомнить, что я делал эти четыре дня.

[...] Один из главных и более всего неприятных для меня моих пороков есть ложь. Побудительная причина большей частью – хвастовство, желание выказать себя с выгодной точки. Поэтому, чтобы не допускать себя до той степени развития

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

тщеславия, в которой уж нет времени одуматься и остановиться, даю себе правило: как только почувствуешь щекотание самолюбия, предшествующее желанию рассказать что-нибудь о себе, одумайся. Молчи и помни, что никакая выдумка не даст тебе в глазах других больше веса, как истина, которая для всех имеет осязательный и убедительный характер. Всякий раз, когда почувствуешь досаду и злобу, остерегайся всякого отношения с людьми, особенно с зависящими от тебя. Избегать общества людей, любящих пьянство, и не пить ни вина, ни водки. [...]

В русском простом народе есть убеждение, что черный (брюнет) не может быть хорош собой, и даже черный есть почти синоним дурной: "как цыган".

Музыка – есть искусство посредством тройного сочетания звуков – в пространстве, времени и силе, воспроизводить в воображении различные состояния души.

Большая часть мужчин требуют от своих жен достоинств, которых сами они не стоят. [...]

В простом народе существует убеждение, что присутствие зрителей при кончине мучительно для умирающего, что душе тяжело выходить из тела (то же и при родах).

На мне всегда невольно отражается тон человека, с которым я говорю: он говорит напыщенно, и я тоже, он мямлит, и я тоже, он глуп, и я тоже, он говорит дурно по-французски, и я тоже.

С 23 октября по 1 декабря. Несколько раз был на охоте, бил зайцев и фазанов. Почти ничего не читал и не писал все эти дни. Ожидание перемены жизни беспокоит меня, а серая шинель до того противна, что мне больно (морально) надевать ее, чего не было прежде. Вчера заезжал Султанов. Получил третьего дня от Арслан-Хана письмо и шашку. Данным правилам – именно, не пить – изменял каждый день.

Несмотря на то, что Япишка человек не старого века и что он бывал в прикосновении с образованием, от уединенной ли его жизни, или от других причин трудно встретить человека более старинного характера, особенно речь его.

[...] Часто скромность принимается за слабость и нерешительность; но когда опыт докажет людям, что они ошиблись, то скромность придает новую прелесть, силу и уважение характеру.

(Шиллер) Для некоторых людей огонь вдохновения превращается в рабочий светильник. Литературный успех, удовлетворяющий самому себе, приобретает только посредством всесторонней обработки предмета. Но и предмет должен быть высокий, для того чтобы труд всегда был приятен.

Чем больше человек привыкает к приятному и изящному, тем более он себе готовит лишений в жизни. Из всех этих привычек лишение привычки иметь отношения только с изящными видами ума – самое тяжелое.

Владимир мог обратить свой народ в принятую им веру потому только, что он стоял на одной степени образования с ним, хотя и выше его в общественном значении. Народ верил ему. Ни один владетель образованного государства не в состоянии сделать того же.

Несколькими словами в одном из своих рассказов Епишка превосходно выразил мнение казаков о значении женщин. "Ты, жена, – холопка, – работай, – говорит муж жене, – а я загулял".

Хорош тоже подслушанный разговор о зиме: А. Нынче зима с моря идет. В. Да, крылом.

Казак – по-татарски значит бобыль. [...]

2 декабря. Встал охотно, хотел приняться за "Отрочество", но без предыдущих тетрадей нашел неудобным; на новое же ни на что еще не решился. Привел в порядок свои бумаги и письма, обедал дома, читал "Отечественные записки". После обеда говорил и играл в шахматы с несносным Олифером, читал и с таким же сильным насморком ложусь спать.

Правило от лени – порядок в жизни, порядок в умственных и физических занятиях.

Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека, – быть полезным и иметь спокойную совесть.

Тщеславие – происходит и усиливается от морального беспорядка в душе человека. Я прежде только инстинктивно понимал, предчувствовал необходимость порядка во всем; теперь только я понимаю ее.

[...] Я решился, окончив "Отрочество", писать теперь небольшие рассказы, настолько короткие, чтобы я сразу мог обдумать их, и настолько высокого и полезного содержания, чтобы они не могли наскучить и опротиветь мне. Кроме того, по вечерам буду письменно составлять план большого романа и набрасывать некоторые сцены из него. [...]

3 декабря. Встал рано, но ничего не мог начать. Казачий рассказ и нравится и не нравится мне.

[...] У меня есть большой недостаток – неумение просто и легко рассказывать обстоятельства романа, связывающие поэтические сцены.

[...] Я был в нерешительности насчет выбора из четырех мыслей рассказов. 1) "Дневник кавказского офицера", 2) Казачья поэма, 3) Венгерка, 4) "Пропащий человек". Все четыре мысли хороши. Начну с самой, по-видимому, несложной, легкой и первой по времени – "Дневник кавказского офицера".

11, 12, 12, 14, 15, 16 [декабря]. Насморк и горловая боль не прекращаются. Два раза имел неосновательность ходить на охоту (с Сулимовским). Третьего дня приехал Алексеев. Начал вчера "Записки фейерверкера", но нынче ничего не писал, кончил "Историю" Карамзина.

[...] Читал рассказ Писемского "Леший". Что за вычурный язык и неправдоподобная канва!

[...] Сулимовский с обыкновенной своей грубостью рассказал мне, как Пистолькорс ругает меня за Розенкранца; это сильно огорчило меня и охладило к литературным занятиям, но объявление "Современника" на 1854 год снова возбудило меня к ним.

17 декабря. [...] Целый день читал "Историю".

[...] Устрялов свойствами русского народа называет. преданность к вере, храбрость, убеждение в своем превосходстве перед другими народами, как будто это не общие свойства всех народов? – и будто нет у русского народа отличительных свойств?

[...] Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений.

Эпиграф к истории я бы написал: "Ничего не утаю". Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно – умалчивая. [...]

19, 20 декабря. Вчера, хотя и чувствовал себя лучше, не писал ничего.

[...] Одно, чем, как мне кажется, вознаградилось месячное бездействие, в котором я нахожусь, это – тем, что план "Романа русского помещика" ясно обозначился. Прежде, предугадывая богатство содержания и красоту мысли, я писал наудачу. Не знал, что выбрать из толпы мыслей и картин, относящихся к этому предмету.

[...] Читая философское предисловие Карамзина к журналу "Утренний свет", который он издавал в 1777 году и в котором он говорит, что цель журналу состоит в любомудрии, в развитии человеческого ума, воли и чувства, направляя их к добродетели, я удивлялся тому, как могли мы до такой степени утратить понятие о единственной цели литературы – нравственной, что заговорите теперь о необходимости нравоучения в литературе, никто не поймет вас. А право, не худо бы, как в баснях, при каждом литературном сочинении писать нравоучение – цель его. В "Утреннем свете" помещались рассуждения о бессмертии души, о назначении человека, "Федон", жизнь Сократа и т. д. Может быть, в этом была и крайность, но теперь впали в худшую.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Вот цель благородная и для меня посильная – издавать журнал, целью которого было бы единственно распространение полезных (морально) сочинений. В который принимались бы сочинения только с условием, чтобы при них было нравоучение, печатание или непечатание которого зависело бы от воли автора. Кроме того, что без исключения из журнала этого была бы исключена полемика и насмешка над чем бы то ни было, по самому направлению своему он не сталкивался бы с другими журналами.

[...] Кто-то сказал, что знание живописи необходимо поэту. Читая нынче славную статью о выставке, я понял это.

Чтоб сочинение было увлекательно, мало того, чтобы одна мысль руководила им; нужно, чтобы все оно было проникнуто и одним чувством. Чего у меня не было в "Отрочестве".

21 декабря. Здоровье несколько лучше, но не могу еще успокоиться. Завтра поеду в Кизляр, ежели только не пройдет совершенно. Получил письмо от Зуева и Акршевского, он не переписал и не прислал мне "Отрочества". Это меня бесит. "Отрочество" из рук вон слабо – мало единства и язык дурен. Ничего даже не читал. Приехал Султанов и променял собак. [...]

22 декабря. Здоровье, как кажется, лучше; но тоска неодолимая. Утром писал предисловие романа. Вечером спал до ужина, потом писал письмо Николеньке и болтал с Епишкой. [...]

Два выражения в Епишкине рассказе понравились мне. Баба воеет: "Где горе не ходило и на нас, бедных" – ...и, уговаривая его уступить, другая говорит: "уж пять-то рублей тебя не родили!.."

24 декабря. Встал поздно и до позднего вечера провел день на охоте. Убил зайца и фазана. Здоровье моральное и физическое еще не совсем хороши. [...]

Мне пришла мысль пересмотреть все мои правила, привести их в порядок и приучать себя к исполнению их. По несколько месяцев каждого. До тех пор не задавать себе нового, пока месяц ни разу не изменю тому, которое задал.

25, 26 декабря. Вчера встал поздно, был с визитом у Алексеева, который тотчас же отдал его мне, и целый день ничего не делал. Нынче все время, исключая того, в которое меня отрывали разные гости, работал над приведением в порядок правил. После ужина писал грустное письмо тетеньке Татьяне Александровне.

Взял себе четыре правила: по одному из каждого разряда. Сам еще не знаю, хороша ли, или нет, эта метода.

[28 декабря.] 27, 28 декабря. Вчера был на охоте, убил зайца и двух фазанов. Алешка не уехал, чему я очень рад, потому что письмо к тетеньке было несообразно с первым правилом – оно огорчило бы ее.

Нынче писал утром "Роман русского помещика", хотя и мало, но хорошо, после обеда прочел "Инвалиды" и начал было писать "Записки фейерверкера", но глупое требование Алексеева послать Алешку в Старый Юрт и ужин развлекли меня. После ужина болтал с Епишкой до петухов.

29, 30, 31 декабря. 29-го был на охоте целый день и ничего не убил. Вчера. Писал утром "Роман русского помещика", вечером угорел и спал. Нынче писал утром "Роман русского помещика", вечером на охоте и в бане. После ужина написал письма Валерьяну и Татьяне Александровне.

Встретил Новый год за письмами и потом помолился. Алешка уехал. Получил письмо от Валерьяна и Маши, которое изменило мои чувства к ней.

Манера, принятая мною с самого начала, писать маленькими главами, самая удобная.

Каждая глава должна выражать одну только мысль или одно только чувство.

ПРАВИЛА

1853. 15 октября.

1) Иметь при себе всегда карандаш и тетрадку, в которой записывать все замечательные сведения, наблюдения, мысли и правила, которые приходится приобретать во время чтения, разговора или размышления, и вечером записывать их по отделам в особой книге.

2) Не начинать не только нового сочинения, совершенно не окончив старого, но даже чтения, не окончив начатого.

16 октября. 3) Позволять себе физический труд (охоту, гимнастику), с целью дать отдых уму, только тогда, когда ум действительно много работал. А то апатию, леность ума, которые уничтожить лучшее средство состоит в том, чтобы работать, часто принимаешь за усталость. Усталость может быть только после труда; а трудом можно назвать только то, что выразилось внешне.

4) Перечитывая и поправляя сочинение, не думать о том, что нужно прибавить (как бы хороши ни были проходящие мысли), если только не видишь неясности или недосказанности главной мысли, а думать о том, как бы выкинуть из него как можно больше, не нарушая мысли сочинения (как бы ни были хороши эти лишние места).

18 октября. 5) Из ложного стыда или деликатности не переставать спрашивать о незнакомом предмете до тех пор, пока ясно не увидишь, что человек, которого ты спрашиваешь, сам не знает его, или до тех пор, пока ты не поймешь его с такой ясностью, что в состоянии сам объяснить его другому.

6) Не позволять себе обдумывать предмета, за который по другим занятиям ты не можешь приняться.

7) Не составляй себе мнения о человеке до тех пор, пока твой первый взгляд на него не изменится.

8) На всякое свое сочинение, критикуя его, не забывать смотреть с точки зрения самого ограниченного читателя, ищущего в книге только занимательности.

9) Не гадать ни об чем.

10) Всегда иметь вместе с другими работами одну такую, которая бы не допускала поправок и тем приучала бы к обдуманному, аккуратному, сосредоточенному труду.

22 октября. 11) Когда приходят мысли о изменении образа жизни, то обдумывать, откровенно ли внушает такую мысль рассудок, или по внушениям дурных наклонностей, – лени, непостоянства. 12) Записать все замечательное, случившееся со мной и виденное на Кавказе, и продолжать вести такого рода записки в дневнике, где бы я ни находился.

МЫСЛИ

16 октября 1853. 1) Испытываемое иногда непреодолимое желание заменить умственные занятия физическим трудом не есть признак непостоянства или лености, но необходимая потребность отдыха.

2) На охоте отдыхает ум и трудится тело; совершенно наоборот тому, что бывает в кабинетных занятиях, и поэтому – то она так и приятна столько же увлечением, сколько и этим совершенным отсутствием чувств и мыслей.

3) Не может быть, чтобы лекаря и колдуны не верили сами в свою силу. Они бессознательно стараются заглушить здравый смысл надеждой на случай и стараются говорить и действовать как можно необдуманнее, надеясь, что инстинкт откроет и покажет им истину.

4) Искусство писать хорошо для человека чувствительного и умного состоит не в том, чтобы знать, что писать, но в том, чтобы знать то, чего не нужно писать. Никакие гениальные прибавления не могут улучшить сочинения так много, как могут улучшить его вымарки.

5) Японцы справедливо думают, что сношения с иностранцами и должностные последовать от них заимствования вредны для народа, не умеющего отличать блестящего от полезного. Народу нужно пройти по трудной дороге открытия, чтобы

уметь ценить его и пользоваться им.

[...] 7) Пробный камень ясного понимания предмета состоит в том, чтобы быть в состоянии передать его на простонародном языке необразованному человеку..

8) Так называемые порядочные люди, gens comme il faut, ставя себя весьма высоко в собственном мнении, как скоро выходят из своей сферы и входят в сферу, в которой не ценятся условные достоинства порядочности, падают гораздо ниже людей непорядочных, которые, не гордясь ничем, стараются приобретать хорошее. Первые смотрят сверху и бездействуют, поэтому падают; вторые смотрят снизу и трудятся, поэтому влезают.

9) Мнение, которое мы получаем при первом взгляде на человека, обыкновенно изменяется более или менее скоро, и до тех пор, пока не произошло этой перемены, всегда будешь или слишком хорошо, или слишком дурно судить о человеке. Как о предмете, до тех пор, пока не привел его в движение.

10) Интерес "Отрочества" должен состоять в постепенном развращении мальчика после детства и потом в исправлении его перед юностью.

11) Притом внутренняя история его должна для разнообразия уступать место внешней истории лиц его окружающих, так чтобы внимание читателя не постоянно было устремлено на один предмет.

НАБЛЮДЕНИЯ

16 октября [1853 г.].

2) Малое расстояние между глаз (особенно с приподнятыми краями) есть один из малых несомненных физиогномических признаков, это есть признак глупости.

3) Зверчик, рассказывая мне про одного своего больного, сказал с удивительной уверенностью, что у этого человека болезнь ветряная - ветер поднялся, ну его и душить.

17 октября. 18 октября. 4) Часто отталкивающая нас холодность в людях происходит от сосредоточенности человека на одном занятии или от резкого различия сферы, которой он живет, а мы принимаем эту холодность за гордость или мизантропию.

5) Народы мало образованные известны большей частью другим народам под названием, не имеющим ничего общего с настоящим именем, которым народ сам называет себя и корень которого доискаться весьма трудно. [...]

6) Я видел во сне девушку, в которую был влюблен, и при этом с такой верностью воображение воспроизвело не ее, а меня, в том чудном состоянии души, когда человек бывает искренно влюблен, что я проснулся влюбленным. Когда душа человека во сне - не была развлеченной внешними предметами, и вступает в то состояние души, в котором находилась прежде (что случается и наяву, когда нам кажется, что какой-нибудь факт повторялся уже несколько раз), она воспроизводит все предметы, в то время отражавшиеся в ней. Это одна из причин сновидений. [...]

7) В склонности простого русского народа перевернуть названия есть какое-то основание. Никогда я не встречал, чтобы перевернутое название было неблагозвучно и кроме того не имело бы русского названия и еще отношения к месту или лицу, которому оно принадлежит. Аргун - Варгунай, Невинномысская Безвинка и так далее.

8) Один из замечательнейших признаков гибкости русского языка заметен в изменении повторяемого стиха в песнях, например, ни одной песни нет, особенно веселой, лихой, в которой этот refrain не изменялся бы иногда 3, 4 манерами, например:

По горенке милый ходит,

Тяжело вздыхает (тяжко воздыхает, тяжко он вздыхает, плачет, воздыхает).

И надо заметить, что эти изменения невольно бессознательны, когда он поет с увлечением.

9) Часто я замечал, как простой народ, в припадке учтивости, относит учтивые выражения к себе, или к животному, а тому, кому бы они, казалось, назначены, говорит ты.

[...] 12) Мне часто случается вдруг испытывать необъяснимое беспокойство, тоску тяжелую и вместе приятную. Это признак рождения высокой мысли, - так сказать, моральные потуги.

12) У писателей, описывающих известный класс народа, невольно к слогу прививается характер выражения этого класса. Желание передать свою мысль выражается даже в образе выражения. При изустном рассказе это еще более заметно. Епишка, рассказывая про что-нибудь, из своего лица представляет неодушевленные предметы.

[...] 14) Часто бессознательно обманываешь сам себя в важности приходящих мыслей. Стараешься не уяснять их себе, для того чтобы, уяснив и тем более выразив их, не увидеть всю их пустоту.

15) На человека находит душевное затмение - т. е. такое положение, в котором он теряет способность различать хорошее от дурного и забывает свои обдуманные намерения. Такое положение бывает следствием или страсти, или, напротив, апатии, и есть переходная ступень от добра к пороку.

16) Отличное морское выражение: Якорь забрал.

ПРАВИЛА И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

декабрь 1853 г. - январь 1854 г.

[...] 1) Не обдумав поступок, будь нерешителен, обдумав, будь решителен.

2) Каждому делу предавайся вполне, стараясь сделать его наилучшим образом.

3) Всегда трудись.

4) Не лги.

5) Не тщеславься.

6) Не гадай.

7) Не мечтай.

8) Чем хуже положение, тем более усиливай деятельность.

9) Блуди порядок в физических и умственных занятиях.

10) В удовлетворении каждого чувства физического и морального будь воздержан.

Основные правила

1) Целью каждого поступка должно быть счастье ближнего.

2) Довольствоваться настоящим.

3) Искать случаев сделать добро.

Правила исправления

[...] 3) В тяжелом положении старайся чаще думать, что оно могло быть еще хуже.

4) Бойся праздности и беспорядка.

5) Ничего не ожидай от будущего.

6) Бойся лжи и тщеславия, которое производит ее.

7) В минуты сильных ощущений старайся принудить себя к бездействию.

- 8) Блуди порядок в физических и умственных занятиях.
- 9) Чем хуже положение, тем более усиливай деятельность.
- 10) Бойся тщеславия.
- 11) Преодолевай тоску трудом, а не развлечением.
- 12) Верь рассудку только тогда, когда убедишься, что никакая страсть не говорит в тебе.

Правила практические

- 1) Запоминать и записывать все полезные сведения и мысли.
- 2) Не начинать ни нового чтения, ни нового сочинения, не окончив старого. Исключая "Роман русского помещика".
- 3) Стараться делать движение как можно регулярнее.
- 4) Не составляй себе мнения о человеке до тех пор, пока твой первый взгляд не изменится.
- 5) Поступки людей объясняй не своими чувствами, а теми, которые ты в них предполагаешь.
- 6) Не гадай.
- 7) Дурно ли, хорошо - всегда работать.
- 8) Вставать рано - до солнца.
- 9) По субботам пересматривать все сделанное в продолжение недели.
- 10) Писать всегда и все четко и ясно.
- 11) Быть воздержанным в питье и пище.
- 12) Не давать и не занимать денег.
- 13) Начатое, даже дурное дело не оставлять, не окончив.
- 14) С утра определять занятия на день и стараться исполнять их.
- 15) Не верить мыслям, родившимся в споре.
- 16) Жить всегда одному.
- 17) Не повторять чужих мыслей.
- 18) Не брать карт в руки.
- 19) Стараться сделать приятной жизнь людей, связанных со мною.
- 20) Избегать б..... и пьяниц.
- 21) Записывать приход и расход.
- 22) Верить первому побуждению.
- 23) Каждый день перечитывать все правила.
- 24) Каждый месяц из дневника выписывать правила.

Правила литературные

- 1) Цель всякого сочинения должна быть польза - добродетель.

- 2) Предмет сочинения должен быть высокий.
- 3) Избегать рутинных приемов.
- 4) Окончив сочинение начерно, пересматривай его, исключая из него все лишнее, но не прибавляя ничего. [...]

Предположения

- 1) Издавать нравственный журнал.
- 2) Составить религиозное руководство простому народу в проповедях.
- 3) Написать русскую историю с Михаила Романова до Александра Благословенного, объясняя человечески все исторические события.
- 4) Исправить молитвы.
- 5) Составить для памяти выписку из русской истории.
- 6) Написать правила для жизни в деревне.
- 7) Написать общие правила для жизни.
- 8) Время изгнания употребить на усовершенствование характера.
- 9) Написать "Роман русского помещика"
- 10) Писать мелкие полезные рассказы.

Вписывать в дневник только правила и замечания, относящиеся до предположенных работ.

Стараться запоминать преступления правил и записывать их.

Отдавать приказания только тогда, когда спокоен.

Не следовать безусловно правилу, не испытай его.

Избегать противоречия вообще, тем более с людьми близкими.

Как только мысль с трудом вклеивается в рассказ, записывай ее в примечаниях и, не останавливаясь на ней, иди дальше.

Ежедневно делай движение на воздухе.

Блуди порядок в одежде: он даст спокойствие в приемах.

Избегай осуждений и пересказов.

Избегай каждого движения и выражения, могущего оскорбить другого.

Пиши 1) начерно, не обдумывая места и правильности выражения мыслей; 2) раз переписывай, исключая все лишнее и давая настоящее место каждой мысли, и 3) раз переписывай, исправляя неправильности выражений.

С 9-го по 17-е.

- 1) Сочинение кажется гораздо лучше, когда его читаешь, чем когда его пишешь.
- 2) Начинать готовить успех с низших ступеней - в судах с писарей.
- 3) Не позволять себе расходов, делаемых для тщеславия.
- 4) Плотские страсти находят удовлетворение в настоящем, душевные страсти честолюбие, корысть - в будущем, совесть - только в прошедшем.

Дневник - 1854

2 января. [Старогладковская.] Встал не рано, писал целое утро третью главу "Его прошедшее", кажется хорошо, по крайней мере, писал с увлечением.

[...] Вписывать в дневник только мысли, сведения или примечания, относящиеся до предполагаемых работ. Начиная каждую работу, пересматривать дневник и выписывать из него все к ней относящееся на особую тетрадку. Правила выписывать из дневника каждый месяц. Запоминать и записывать карандашом каждый день все преступления правил и вписывать в дневник.

3 января. Предположено было писать утром "Роман русского помещика", что и исполнил, хотя мало. Вечером - "Записки фейерверкера", что и исполнил, хотя принял поздно, потому что после обеда валялся и перечитывал письма Татьяны Александровны.

[...] После Бородина священники по одному убеждению долга сами принимали на себя обязанность хоронить тела, лежавшие без погребения до отступления Наполеона и распространявшие заразу. Такие и военные подвиги оставались не только без награды, но и неизвестными, так как совершавшие их избегали говорить о них, боясь наказания за противозаконные поступки, в которые они их вовлекали. Например, священник, дравшийся с французами, не думал о награде, а только боялся наказания.

Не назначать себе правила, не испытывай его. [...]

4 января. Предположено было утром писать "Роман русского помещика", вечером "Записки фейерверкера", пойти на охоту, ежели хороша погода, и спросить денег. Все утро писал "Роман русского помещика", но так мало и неудовлетворительно, что продолжал с сумерек до ужина, но только сделал вымарки. После же обеда читал "Инвалиды". Разговор с Воейковым не дается мне. [...]

5 января. Утром писать "Роман русского помещика". Не только утро, но и после обеда усердно бился над четвертой главой и только при огне написал ее, хотя и не остался совершенно доволен.

[...] Часто в сочинении задерживает желание вклеить хорошую или хорошо выраженную мысль; поэтому, как только мысль с трудом вклеивается, вписывать ее в дневник, не останавливаясь на желании поместить ее именно там-то. Мысль сама найдет себе место. [...]

6 января. Утром "Роман русского помещика". Выписывал утром из старой тетради пятую главу "Иван Чуриш", но под предлогом холода ленился. Гулять до обеда. Только что вышел, позвали обедать; после обеда гулял, пил кофе и играл с мальчишками. Писать "Записки фейерверкера". Раскрыл тетрадь, но ничего не написал, а до ужина болтал с Чекатовским о солдатиках. За ужином завязался метафизический разговор. После ужина весело болтал с Епишкой.

Бесстрастие, то есть всегда одинаковый, хладнокровный взгляд, составляет мудрость стариков.

Солдат Жданов дает бедным рекрутам деньги и рубашки. Теперешний фейерверкер Рубин, бывши рекрутом и получив от него помощь и наставления, сказал ему: когда же я вам отдам, дяденька? - Что ж, коли не умру, отдашь, а умру, все равно останется, отвечал он ему.

Я встретил безногого угрюмого солдата и спросил, отчего у него нет креста. Кресты дают тому, кто лошадей хорошо чистит, сказал он, отворачиваясь. И кто кашу сладко варит, подхватили, смеясь, мальчишки, шедшие за ним.

Спевак, строевой ефрейтор, получил от Рубина на сохранение 9 р. сер. Он пошел гулять и вынул их с своими деньгами. Ночью у него украли их; и, несмотря на то, что Рубин не упрекал его, он не переставая плакал, убивался от своего несчастья. Рекрут Захаров просил Рубина успокоить его, предлагая свой единственный целковый. Взвод сделал складчину и выплатил долг. [...]

7 января. Предположил утром быть на охоте. Встал довольно рано, но написал письмо, прежде чем пойти на охоту. Пороша была дурная, поэтому не убил ничего и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
вернулся к обеду. Громан приехал и едет в Тифлис. Он добрый и честный малый. После обеда писать "Записки фейерверкера". После ухода офицеров заснул и спал до чая. Пришел Чекатовский и снова помешал мне. После ужина сидел у Жукевича и теперь, ничего не сделав в целый день, ложусь.

Русский – или вообще простой – человек в минуту опасности любит показывать, что чувствует, или действительно чувствует больше страха потерять порученные ему или собственные вещи, чем жизнь.

[...] Епишка с Гичиком на вечерней заре отправлялись в буруны и ехали до петухов. Чтобы узнать, где есть аулы и табуны, Епишка выл по-волчьи. Когда собаки откликнулись, они подъезжали к аулу, ловили лошадей и гнали их к дому. Но часто блудили – а до зари не вернуться домой, беда! – тогда Епишка слезал с коня и пускал его вперед, сказав, что он убьет его, ежели он обманет. Конь выводил к станицам. Тогда, привязав сначала коней в тернах, Гичик переправлял Епишку, и этот последний гнал коней в горы, продавал за 1/10 цены, прятал бумажки в заправы и возвращался. [...]

8 генваря. Утром "Роман русского помещика". Писанье не шло как-то. Нужно следовать правилу исключать, не прибавляя. Обедали рано. Гулять. Гулял после обеда.

Вечером писать "Записки фейерверкера". Писал довольно много, но принялся поздно, от холоду. Часа два в сумерках лежал на печке. Быть одному. Никто и не приходил. Страшный холод второй день много мешает мне.

Нужно писать начерно, не обдумывая места и правильности выражения мыслей. Второй раз переписывать, исключая все лишнее и давая настоящее место каждой мысли. Третий раз переписывать, обрабатывая правильность выражения.

Избегай осуждения и пересказов.

Солдаты носят суконные нагрудники.

Избегай каждого движения или выражения, могущего оскорбить другого. [...]

9 генваря. Выписывать правила. Исполнил только вечером, и то не в книгу, а в тетрадку. Вообще я не решился насчет правил. Хотя знаю, что они полезны, не знаю, как воспользоваться ими. Кажется, что я их разделю на испытанные и неиспытанные. Пересмотреть написанное. Тоже исполнил, только поздно вечером и почти ничего не переправил. Гулять. Гулял до обеда. Спросить у Алексеева о представлении. Исполнил, когда он был у меня.

Холод страшный, и притом у меня насморк, что вместе побудило меня провести весь день без мыслей и без дела. Писать "Записки фейерверкера", ежели успею. Не успел вечером, хотя был в духе.

Отступления: 1) Встал поздно. 2) Разгорячился, прибил Алешку. 3) Ленился. 4) Был беспорядочен. 5) Был грустен. [...]

[11 января.] 10 и 11 генваря. 10-го утром – "Роман русского помещика". Встал очень поздно и от холода ничего не мог делать. Притом же Жукевич, Епишка и ногойцы мешали мне. Гулять и переписать письмо Пелагее Ильинишне. Вышел гулять, но от холода тотчас же вернулся. Письмо кое-как переписал. Вписать мысли и правила. Не сделал. Вечером "Записки фейерверкера". От холода после обеда ушел к Жукевичу и безалаберно провел весь вечер и ночь.

1) Валялся. 2) Падал духом. 3) Злился – ударил кошку и 4) вообще забыл о правилах. 5) Гадал. [...]

11 [января]. Утром пришел домой, но Жукевич и разные посетители не позволили ничем заняться. После обеда пришли Оголин, Жукевич, кунаки из Старого Юрта и до сумерек не давали мне покою. Во время чая пришел Чекатовский. Я жаловался ему на свои несчастья и только 1/4 страницы успел написать "Записок фейерверкера". Узнал, что Кноринг убит.

1) Осуждал, 2) ленился, 3) не имел решительности и 4) вообще упал духом. 5) Гадал. [...]

12 января. Утром гулять и "Роман русского помещика". Встал очень поздно. Пригрелся – почти угорел против печки, а насморк увеличился. Притом же пришел Оголин, и я ничего не писал. Гулять. Исполнил. После обеда. Мысли и правила. Придя домой, лег на кровать и заснул. Проснувшись, открыл тетрадь и обдумал, но не написал основную мысль. Вечером "Записки фейерверкера". Тоже раскрыл тетрадь, но вместо дела мечтал о Турецкой войне и Калафате. За ужином узнал, что переведен в 12 бригаду, и решил заехать домой. [...]

13 января. Утром писать "Отрочество". Утром встал поздно, ходил в канцелярию, к Жукевичу и Кирке. Написал только письмо Сулимовскому. Вечером "Записки фейерверкера". Вечер провел то с офицерами, то с юнкерами. Только немного переписал "Песни лебедя" и пересмотрел старое. Узнать о шубе. Исполнил. Спросить денег. Не исполнил. После ужина написал дерзкое письмо редактору.

1) ленился, 2) был нерешителен, 3) солгал, что был знаком с Сухотиным. [...]

14 января. Утром и вечером писать "Отрочество". Хотя встал не рано и не слишком усердно, но принял за дело, когда пришли офицеры, и я имел слабость не только не удалить их, но и выпить с ними лишнее. [...] До ужина написал листа два. Да после ужина – один. [...]

16 января. [...] Меня поразила нынче поэтической красотой зимняя погода. На небе поднявшийся туман, сквозь который только белеется солнышко. На дороге начинающий оттаивать навоз, и в воздухе влажная сырость. [...]

[17 января.] События. Смерть Кноринга и мои перевод. Занятия. Пересмотрел "Отрочество". Четыре мысли к правилам и одна к рассказам. Главные отступления: лень, нерешительность, беспорядочность и тоска. Расходов 12–10. Вообще недоволен итогами всей недели.

Пересмотрел.

19 января [Щедринская] (вторник). Докончить "Отрочество" и уехать. Исполнил. Встал рано и до самого отъезда писал или хлопотал. Отслужил молебен – из тщеславия. Алексеев очень мило простился со мной. Он и Жукевич прослезились. Доехал до Щедринской. Перечел "Отрочество" и решил не смотреть его до приезда домой, а дорогой писать кавказские "Записки фейерверкера".

Вчера очень поразило меня то, что правила, которые я с таким трудом составляю, все и гораздо лучше, чем у меня, написаны в азбучке. Так что мне кажутся – не правила, а записыванье их – пустяками. Франклиновский журнал другое дело. Выписывать главные пороки и стараться избегать их. И писать мысли. Стало быть, в моем образе занятий только та перемена, что заменяется только тетрадка правил тетрадкой Франклиновской.

Нынче, думая о том, что я полюбил людей, которых не уважал прежде, товарищей, я вспомнил, как мне странно казалась привязанность к ним Николеньки. И перемену своего взгляда я объяснял тем, что в кавказской службе и во многих других тесных кружках человек учится – не выбирать людей, а в дурных даже людях видеть хорошее.

Казачка сказала мне, что, говорят, Турцию распустили.

В "Отрочестве" я решил сделать следующие поправки.

1) Укоротить главу "Поездка на долгих". 2) "Грозу" – упростить выражения и исключить повторения. 3) "Машу" сделать приличней. 4) Соединить "Единицу" с "Дробью". 5) "Ключик" – прибавить то, что найдено в портфеле. 6) "Мечты о матери" изменить. 7) Приискать заглавие "Перемелется, мука будет". 8) "Дубков и Нехлюдов" – переменить начало и добавить описание нас самих и нашего положения во время беседы. [...]

20 [января. Старый Юрт]. Встал рано. Приехал в Николаевскую и Старый Юрт. Известие о том, что мне не вышло креста, очень огорчило меня; но странно через час я успокоился. Сулимовский достал мне оказию, и еду завтра, не останавливаясь. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

21 января. [Галюгаевская.] [...] Вот факт, который надо вспоминать почаще. Теккерей 30 лет собирался написать свой первый роман, а Александр Дюма пишет по два в неделю.

Никому не нужно показывать, до напечатания, своих сочинений. Больше услышишь суждений вредных, чем дельных советов. [...]

22, 23, 24, 25, 26, 27 января. Был в дороге. 24-го в Белогородцевской, 100 верст от Черкаска, плутал целую ночь. И мне пришла мысль написать рассказ "Метель". [...]

Ничто так не порадовало меня и не напомнило мне Россию дорогой, как обозная лошадь, которая, сложив уши, несмотря на раскаты саней, галопом старалась обогнать мои сани. [...]

28, 29, 30, 31 января. 1, 2 февраля. [Ясная Поляна. Ровно две недели был в дороге. Поразительного случилось со мной только метель. Вел же я себя довольно хорошо. Ошибки мои были: 1) Слабость с проезжающими. 2) ложь. 3) Трусость. 4) Рассердился раза два.

Николеньки и Сережи нет, а мне столько хочется подумать, поделаться и почувствовать, что писать буду мало в дневник.

2 февраля. Проснулся поздно, поговорил с старостой и Осипом, нашел все в лучшем порядке, чем ожидал. Обошел хозяйство. Нездоровится. Приехал Валерьян. [...]

[3 февраля.] 3 января. Проснулся рано, горло болит, несмотря на что поехал на мельницу и осмотрел место для конного двора. Болтал все больше о хозяйстве, послал письмо Щелину. Говорят, я произведен. [...]

4 февраля. Встал рано, после тяжелой, беспокойной и бессонной ночи. Написал письмо Готье, съездил в церковь, отобедал, написал приказания и встретил тетеньку. Очень нездоровится.

[...] Главный недостаток моего характера и особенность его состоит в том, что я слишком долго был морально молод и только теперь, 25 лет, начинаю приобретать тот самостоятельный взгляд на вещи – мужа, который другие приобретают гораздо раньше 20 лет. [...]

6 февраля. Встал рано, распорядился кое-чем, взял с собой деньги 600 р. в Совет и поехал в Тулу. Видел Гелке и кончил с ним дело, хотя и не совсем хорошо, но удовлетворительно.

[...] Происшествия с 17 [января] по 6 [февраля]. Выехал 19-го в Старый Юрт, узнал неудачу о кресте. Ехал дурно и плутал одну памятную ночь. 2-го февраля приехал в Ясную, усталый и нездоровый, нашел дела в порядке, а себя отставшим, исправившимся и устарелым. Братья уехали в Москву. Арсеньев умер, Черкасский и Нератов зарезались. 6-го был в Туле, кончил дело с Гелке и узнал о своем производстве.

Занятия. Докончил "Отрочество". Решился уничтожить записывание и приведение в порядок правил. Придумал три правила, необходимые для успеха в жизни. Сделал много распоряжений, написал несколько писем, но вообще немного отстал от порядка и деятельности. [...]

8 февраля. [Покровское.] В 12 часов мы выехали и в 9 приехали. Я вел себя дорогой не совсем хорошо. Маша и тетенька очень милы, и я не видал, как прошел день. [...]

10 февраля. Встал часов в 9, пошел во флигель, там написал письмо Алексееву, был у баронессы и хотя был неловок, но не стыдлив. После обеда написал завещание и болтал. [...]

13 февраля. [Ясная Поляна.] 11 кончил дело с завещанием и выехал в 10, приятно болтал дорогой с Вергани, дома застал всех братьев и Перфильевых. Митенька огорчил, Сережа порадовал меня. Получил письмо от Некрасова, он недоволен "Рассказом маркера". Ничего не делал оба дня. Но провел их очень приятно, несмотря на горловую боль. [...]

16, 17, 18 февраля. [Москва.] Ничего не помню, исключая того, что приехал в Москву. Беспорядочен физически и морально и сделал слишком много расходов. [...]

14 марта 1854 года. Букарест. Начинаю новую тетрадь дневника после почти месячного промежутка, во время которого я так много переиспытал, перечувствовал, что мне не было времени думать и еще меньше записывать. С Кавказа я приехал в Тулу, видел теток, сестру, Валерьяна и узнал о своем производстве. Все три брата и Перфильевы приехали ко мне и увезли меня в Москву. Из Москвы я проехал в Покровское, там простился с тетушкой Пелагеей Ильиничной, Валерьяном, с Машей и Сережей. Эти два прощанья – особенно последнее – были одни из счастливейших минут в моей жизни. Оттуда поехал к Митеньке, который почти по моему совету бросил Москву, – и через Полтаву, Кишинев и т. д. третьего дня приехал в Букарест. Я был счастлив все это время!

Служебное положение мое здесь неопределенно, и я уже с неделю снова сомнительно болен. Неужели снова начнется для меня пора испытаний?

Впрочем, я сам виноват, счастье избаловало меня: я опустил и во многом имею упрекнуть себя со дня выезда моего из Курска и до сей минуты. Грустно убедиться, что я не умел переносить счастья так же, как и не умел переносить несчастья. Нынче пойду к командиру дивизии в корпусной штаб, сделаю кой-какие покупки, погуляю и приду домой писать письма и обедать. После обеда займусь чем-нибудь и перед вечером поеду в баню. Вечер просижу дома и займусь "Отрочеством".

15 июня. Ровно три месяца промежутка. Три месяца праздности и жизни, которой я не могу быть доволен. Недели три я был у шейдемана и жалею, что не остался. С офицерами бы я ладил и с батарейным командиром умел бы устроиться. Зато дурное общество и затаенная злоба от своего неблестящего положения хорошо бы подействовали на меня. Я сердился бы, скучал, старался бы подняться морально над своим положением и стал бы лучше – работал бы.

Откомандирование меня в штаб пришло в то самое время, когда я поссорился с батарейным командиром, и польстило моему тщеславию. Болезнь моя, во время которой я не мог даже вернуться на старую колею занятий и честного труда с одной целью добра, доказала мне, до какой степени я испортился. Чем выше я становлюсь в общественном мнении, тем ниже я становлюсь в собственном. Я имел несколько раз женщин, лгал, тщеславился и, что всего ужаснее, под огнем вел себя не так, как надеялся от самого себя.

[...] В последний раз говорю себе:

Ежели пройдет три дня, во время которых я ничего не сделаю для пользы людей, я убью себя.

Помоги мне, господи.

До обеда пишу письма: Сереже и теткам, Волконской, ежели успею. После обеда продолжаю "Записки фейерверкера".

23 июня. Во время перехода от Силистрии к Маю я ездил в Букарест. Я играл и принужден был занимать деньги. Положение, унижительное для каждого, и для меня в особенности. Написал письма: тетеньке, Мите, Некрасову и Оське. Все еще не знаю, за что приняться, и поэтому ничего не делаю. Кажется, что лучше всего работать за "Романом русского помещика".

24 июня. С утра сел за работу; но ничего не сделал и рад был, когда мне пришел помешать Горчаков. После обеда у генерала читал Беранже, ездил к доктору, который объявил мне, что мне должно делать операцию и лечиться месяца полтора, и болтал до ночи с Шубиным о нашем русском рабстве. Правда, что рабство есть зло, но зло чрезвычайно милое.

2 июля. Читал Gilbert и Gilberte. Здоровье все status quo [в прежнем положении (лат.)]. "Записки фейерверкера" все более определяются, нынче, 3 июля, кажется, займусь.

3-го июля. Целый день читал, работа никак не хочет идти. Вечером болтал с Прушинским, Олхиным и Андроповым. Проиграл глупо Прушинскому porte-feuille

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Поленькин и, несмотря на его отговорки, отдал ему.

Невольно, как только я остаюсь один и обдумываю самого себя, я возвращаюсь к прежней мысли – мысли об усовершенствовании; но главная моя ошибка причина, по которой я не мог спокойно идти по этой дороге, – та, что я усовершенствование смешивал с совершенством. Надо прежде понять хорошенько себя и свои недостатки и стараться исправлять их, а не давать себе задачей совершенство, которого не только невозможно достигнуть с той низкой точки, на которой я стою, но при понимании которого пропадает надежда на возможность достижения. То же, что было со мной в хозяйстве, в ученье, в литературе, в жизни. В хозяйстве я хотел достигнуть совершенства и забывал, что прежде нужно было исправить несовершенства, которых слишком много, хотел правильного разделения полей, когда мне нечем было их удабривать и сеять.

Нужно взять себя таким, каким есть, и исправимые недостатки стараться исправить, хорошая же натура поведет меня к добру без книжки, которая столько времени была моим кошмаром. Я один из тех характеров, которые, желая, отыскивая и готовые на все прекрасное, не способны именно поэтому к постоянно хорошему.

4 июля. Главные мои недостатки. 1) Неосновательность (под этим я разумею: нерешительность, непостоянство и непоследовательность). 2) Неприятный тяжелый характер, раздражительность, излишнее самолюбие, тщеславие. 3) Привычка к праздности. Буду стараться постоянно наблюдать за этими тремя основными пороками и записывать всякий раз, что буду впадать в них. [...]

5 июля. Читал во время чаю, обеда и десерта, утро же все писал одно письмо тетеньке, которое пошлю, несмотря на то, что французский слог его мне очень не нравится. Мне со дня на день становится труднее объясняться и писать по-французски, надо же эту глупую манеру писать и говорить на языке, который плохо знаешь! А сколько хлопот, потерянного времени, неясности в мыслях и нечистоты в природном языке из-за этой манеры, а необходимо!

Вечером написал с главу "Записок фейерверкера" с увлечением и порядочно. Олхин два раза был у меня, чего мне совершенно не нужно записывать, потому что чудесные выражения глупости, которые вырывались у него, я не запомню от того, что запишу их. Поел фруктов, несмотря на понос, и поручил Олхину нанять фортепьяно, вот две ошибки против основательности. Главный мой недостаток состоит в недостатке терпимости к себе и другим. Это не правило, а мысль, которую почему не записать сюда. Она напомнит через несколько времени то моральное состояние, в котором я находился 5-го июля 1854 года.

6 июля. Целый день читал то Лермонтова, то Гете, то Alphonse Karr'a и не мог приняться за дело. [...]

7 июля. Скромности у меня нет! вот мой большой недостаток.

Что я такое? Один из четырех сыновей отставного подполковника, оставшийся с 7-летнего возраста без родителей под опекой женщин и посторонних, не получивший ни светского, ни ученого образования и вышедший на волю 17-ти лет, без большого состояния, без всякого общественного положения и, главное, без правил; человек, расстроивший свои дела до последней крайности, без цели и наслаждения проведший лучшие года своей жизни, наконец изгнавший себя на Кавказ, чтоб бежать от долгов и, главное, привычек, а оттуда, придравшись к каким-то связям, существовавшим между его отцом и командующим армией, перешедший в Дунайскую армию 26 лет, прапорщиком, почти без средств, кроме жалованья (потому что те средства, которые у него есть, он должен употребить на уплату оставшихся долгов), без покровителей, без умения жить в свете, без знания службы, без практических способностей; но – с огромным самолюбием! Да, вот мое общественное положение. Посмотрим, что такое моя личность.

Я дурен собой, неловок, нечистоплотен и светски необразован. Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим (intolerant) и стыдлив, как ребенок. Я почти невежда. Что я знаю, тому я выучился кое-как сам, урывками, без связи, без толку и то так мало. Я невоздержан, нерешителен, непостоянен, глупо тщеславен и пылок, как все бесхарактерные люди. Я не храбр. Я неаккуратен в жизни и так ленив, что праздность сделалась для меня почти неодолимой привычкой. Я умен, но ум мой еще никогда ни на чем не был основательно испытан. У меня нет ни ума практического, ни ума светского, ни ума делового. Я честен, то есть я люблю

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

добро, сделал привычку любить его; и когда отклоняюсь от него, бываю недоволен собой и возвращаюсь к нему с удовольствием; но есть вещи, которые я люблю больше добра, – славу. Я так честолюбив и так мало чувствую это было удовлетворено, что часто, боюсь, я могу выбрать между славой и добродетелью первую, ежели бы мне пришлось выбирать из них.

Да, я нескромен; оттого-то я горд в самом себе, а стыдлив и робок в свете.

Утром писал эту страницу и читал "Louis Philipp'a". После обеда уже очень поздно начал писать "Записки фейерверкера" и до вечера написал довольно много, несмотря на то, что у меня были Олхин и Андропов. После ухода Андропова я облокотился на балкон и глядел на свой любимый фонарь, который так славно светит сквозь дерево. Притом же после нескольких грозовых туч, которые проходили и мочили нынче землю, осталась одна большая, закрывавшая всю южную часть неба, и какая-то приятная легкость и влажность в воздухе.

Хозяйская хорошенькая дочка так же, как я, лежала в своем окне, облокотившись на локти. По улице прошла шарманка, и когда звуки доброго старинного вальса, удаляясь все больше и больше, стихли совершенно, девочка до глубины души вздохнула, приподнялась и быстро отошла от окошка. Мне стало так грустно-хорошо, что я невольно улыбнулся и долго еще смотрел на свой фонарь, свет которого заслоняли иногда качаемые ветром ветви дерева, на дерево, на забор, на небо, и все это мне казалось еще лучше, чем прежде. [...]

8 июля. Утром читал и писал немного. Вечером побольше, но все не только без увлечения, но с какою-то непреодолимой ленью. Решился не брать фортепьян и ответил Олхину, что у меня денег нет, чем он, верно, обиделся, тем более, что я подписал просто "весь ваш". Открыл я нынче еще поэтическую вещь в Лермонтове и Пушкине; в первом "Умиравший гладиатор" (эта предсмертная мечта о доме удивительно хороша) и во втором Янко Марнавич, который убил нечаянно своего друга. Помолившись усердно и долго в церкви, он пришел домой и лег на постель. Потом он спросил у жены, не видит ли она чего-нибудь в окне, она отвечала, что нет. Он еще раз спросил, тогда жена сказала, что видит за рекой огонек; когда он в третий раз спросил, жена сказала, что видит – огонек стал побольше и приближается. Он умер. Это восхитительно! А отчего? Подите объясните после этого поэтическое чувство.

9 июля. Утро и целый день провел, то пиша "Записки фейерверкера", которые, между прочим, кончил, но которыми так недоволен, что едва ли не придется переделать все заново или вовсе бросить, но бросить не одни "Записки фейерверкера", но бросить все литературство; потому что ежели вещь, казавшаяся превосходною в мысли, – выходит ничтожна на деле, то тот, который взялся за нее, не имеет таланта. То читал Гете, Лермонтова и Пушкина. Первого я плохо понимаю, да и не могу, как ни стараюсь, перестать видеть смешное (*du ridicule*) в немецком языке. Во втором я нашел начало "Измаил-Бея" весьма хорошим. Может быть, это показалось мне более потому, что я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно, хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи война и свобода. В Пушкине же меня поразили "цыгане", которых, странно, я не понимал до сих пор.

Девизом моего дневника должно быть "Non ad probandum, sed ad narrandum" [Не для доказательства, а для рассказа (лат.)].

11 июля. Перечитывал "Героя нашего времени", читал Гете и только перед вечером написал очень мало. Почему? Лень, нерешительность и страсть смотреть свои усы и фистулы. За что и делаю себе два упрека. Нынче Боборыкину, который был тут и едет к генералу, поручил свой рапорт о переводе. Еще упрек за то, что посмеялся над Олхиным при Боборыкине.

11 июля. Утром Олхин пришел мне объявить, что он едет в Леово, и хотел поручить своих лошадей и вещи, от чего я невольно отделался, сказав ему, что у меня нет денег. В самом деле, я опять в самом затруднительном денежном положении: ни копейки, по крайней мере, до половины августа, не предвидится ниоткуда, исключая фуражных, и должен доктору. Не предвидится, я говорю, потому что нынче получил "Современник" и убежден, что рукописи мои сидят где-нибудь в таможене. Это дело я разъясню, как выдворю. Вечером я имел случай испытать воображаемость своего перерождения к веселой жизни. Хозяйская прехорошенькая замужняя дочь, которая без памяти глупо кокетничала со мной, подействовала на меня – как я ни принуждал

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
себя – как и в старину, то есть я страдал ужасно от стыдливости.

Нынче в разговоре с доктором исчез глупый и несправедливый взгляд, который я имел на валахов, – взгляд, общий всей армии и заимствованный мной от дураков, с которыми я до сих пор водился. Судьба этого народа мила и печальна. Читал я нынче и Гете и Лермонтова драму, в которой нашел много нового, хорошего, и "Холодный дом" Диккенса. Вот уже второй день, что я покушаюсь сочинять стихи. Посмотрим, что из этого выйдет.

Упрекнуть должен себя нынче только за лень, хотя писал и обдумал вперед много хорошего, но слишком мало и лениво.

12 июля. С утра чувствовал в голове тяжесть и не мог преодолеть себя, чтобы заниматься. Весь день читал "Современник". [...]

14 июля. Утром, кроме обыкновенного чтения Гете и подвертывавшихся книжонок, написал Жданова, но насчет личности Веленчука все еще не решился. [...]

Может быть, я не переработаю свой характер, а сделаю только одну и важную глупость из желания переработать его. Есть ли нерешительность капитальный недостаток – такой, от которого нужно исправляться? Не есть ли два рода характеров одинаково достойные: одни решительные, другие обдуманные? Не принадлежу [ли] я к последним? И желание мое исправиться не есть ли желание быть тем, чем я не есмь, как говорит А. Karr? Мне кажется, что это правда. Есть недостатки более положительные (абсолютные), как-то лень, ложь, раздражительность, эгоизм, которые всегда недостатки.

15 июля. Рано нынче разбудил меня доктор, и, благодаря этому случаю, я написал в утро довольно много – все переделывал старое – описание солдат. Вечером тоже пописал немного и читал "Verschwörung von Fiesko". Я начинаю понимать драму вообще. Хотя в этом я иду совершенно противоположным путем большинству, я доволен этим как средством, дающим мне новое поэтическое наслаждение. [...]

[20 июля. Маро-домняско.] 19, 20 июля. Вчера утро читал и собирался к отъезду. Вечером выехал самым безалаберным и нерешительным образом с Малышевым в Мара-домняска, где и пробыл нынешний день. За эти оба дня упрекаю себя 1) за нерешительность при выезде, 2) за раздражительность вчера утром с Алешкой и 3) немножко за лень вчера.

21 июля. [Синешти.] Рано утром меня разбудили и повезли в Синешти. Вообще недоволен я сегодняшним днем. [...] Вчера забыл записать удовольствие, которое мне доставил Шиллер своим "Рудольфом Габсбургским" и некоторыми мелкими философскими стихотворениями. Прелестна простота, картинность и правдоподобная тихая поэзия в первом. Во втором же поразила меня, записалась в душе, как говорит Бартоломей, мысль, что, чтобы сделать что-нибудь великое, нужно все силы души устремить на одну точку. [...]

22 июля. Опять переход, несмотря на который я бы был доволен сегодняшним днем, ежели бы не глупое требование Крыжановского, чтобы я ехал в Леово. Я ходил к нему утром и имел слабость и глупость не разбудить его; потом заснул, пообедал и написал немного. Здоровье хорошо, и завтра являюсь к обоим начальникам и подаю оба рапорта. Упрек за нерешительность с Крыжановским.

23 июля. Нынче с утра ходил объясняться и являться к начальству. Вышло, что Крыжановский сказал, чтобы я ехал в батарею. Тишкевич насплетничал мне это, и я шел к Крыжановскому с дрожащими губами. Но несмотря на всю злобу, я был слаб и позволил замаслить это дело. Остальное время дня читал хорошенькую повесть Бернара и написал письмо Валерьяну. Меньше, чем когда, я со дня своего выздоровления чувствую себя способным к общежитию и равнодушно-веселому взгляду на жизнь. Подал другой рапорт о переводе.

Упрекаю себя за лень. В целый день ровно ничего не сделал.

24 июля. [Курешти.] Утром Новережский с подтянутой мордой принес мне назад мой рапорт с надписью Крыжановского. Все эти мелкие неприятности так меня расстроили, что я решительно целый день был сам не свой, ленив, апатичен, не в состоянии ни за что приняться, с людьми молчалив, стыдлив до поту. Я это испытал у Боборыкина, сначала с Зыбиным, Фриде и Балюзек, а вечером с Крыжановским и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Столыпиным. Я слишком честен для отношений с этими людьми.

Странно, что только теперь я заметил один из своих важных недостатков: оскорбительную и возбуждающую в других зависть – склонность выставлять все своей преимущества. Чтобы внушить любовь к себе, напротив, нужно скрывать все то, чем выходишь из общего разряда. Поздно я понял это. Не буду подавать рапорта, пока не буду в состоянии завести лошадей, и употреблю все средства для этого. Пока не буду ни с кем иметь других отношений, как по службе. Упрекаю себя за лень.

29 июля. Исправление мое идет прекрасно. Я чувствую, как отношения мои становятся приятны и легки с людьми всякого рода, с тех пор как я решил быть скромным и убедился в том, что казаться всегда величественным и непогрешным вовсе не есть необходимость. Я очень весел. И дай бог, как мне кажется, чтобы веселье это происходило от самого меня; от желаний всем быть приятным, скромности, необходимости и внимательности за вспышками. Тогда бы я всегда был весел и почти всегда счастлив. [...]

30 июля. [Рымник.] Сделал верхом переход до Рымника. [...] Старик все не кланяется мне. Обе вещи эти злят меня. С встречавшимися башибузуками вел себя хорошо. Объяснился с Крыжановским. Он, не знаю зачем, советует мне прикомандироваться к казачьей батарее; совет, которому я не последую. Желчно спорил вечером с Фриде и Боборыкиным, ругал Сержпутовскому и ничего не сделал, вот три упрека, которые делаю себе за нынешний день.

31 июля. [Фокшаны.] Еще переход до Фокшан, во время которого я ехал с Монго. Человек пустой, но с твердыми, хотя и ложными убеждениями. [...] Отношения мои с товарищами становятся так приятны, что мне жалко бросить штаб. Здоровье кажется лучше.

1 августа. Встал поздно и все утро читал Шиллера, но без удовольствия и увлечения. После обеда, хотя и был в расположении заниматься, от лени написал чрезвычайно мало. [...]

12 августа. Утро начал хорошо, поработал, но вечер! Боже, неужели никогда я не исправлюсь. Проиграл остальные деньги и проиграл то, чего заплатить не мог. – 3 тысячи рублей. Завтра продаю лошадь. [...]

13 августа. Проснулся не поздно и утро работал хорошо, но после обеда зато, исключая – прекрасной комедии "Свои люди сочтемся", целый вечер шалопутничал. [...]

15 августа. Встал рано и ездил в Одобешти. Прогулка эта как-то не удалась мне. Немного написал и очень плохо, спал, ездил на скачку и вечер провел дома. Повторяю то, что было уже мною написано: у меня три главные недостатка: 1) бесхарактерность, 2) раздражительность и 3) лень, от которых я должен исправляться. Буду со всевозможным вниманием следить за этими тремя пороками и записывать. Уже после, ежели я исправлюсь от этих, примусь за исполнение двух правил довольства и снискивай и я любви. Не и теперь буду стараться не упускать их из вида.

17 августа. [Текуча.] Переход от Фокшан до Текучи, во время которого я как-то съехался с генералом и Столыпиным, проехал время приятно, ежели бы не завтрак, во время которого я был нерешительно-стыдлив. В полдень выспался, прочел чудную комедию "Бедность не порок", погулял и написал несколько страниц. [...]

20 августа. Окончил "Рубку леса". Schwach [плохо (нем.)]. Обедал у Столыпина, был слишком резок с Крыжановским. [...]

24 августа. [Васлуй.] Дневка в Аслуе. Я испытал нынче два сильных, приятных и полезных впечатления. 1) Получил лестное об "Отрочестве" письмо от Некрасова, которое, как и всегда, подняло мой дух и поощрило к продолжению занятий, и 2) прочел З. Т. Как странно, что только теперь я убеждаюсь в том, что чем выше стараешься показывать себя людям, тем ниже становишься в их мнении.

[...] Все истины – парадоксы. Прямые выводы разума ошибочны, нелепые выводы опыта – безошибочны. Я осудил нынче Столыпина, гордился письмом Некрасова и ленился. 3) Важнее всего для меня исправление от бесхарактерности, раздражительности и лени.

6 сентября. [Скуляны.] Важнее всего для меня в жизни исправление от лени, раздражительности и бесхарактерности. Любовь ко всем и презрение к себе!

11, 12, 13, 14, 15, 16 сентября. [Кишинев.] Ездил в Летичев. Много нового и интересного. Болел зубами. [...] Высадка около Севастополя мучит меня. Самонадеянность и изнеженность: вот главные печальные черты нашей армии общие всем армиям слишком больших и сильных государств.

[...] Получил "детство" и "набег". В первом нашел много слабого. Временная - при теперешних обстоятельствах - цель моей жизни - исправление характера, поправление дел и делание как литературной, так и служебной карьеры.

17 сентября. Вел себя дурно. Ничего не делал, вечер бегал за девками, против предположения выходил со двора. План составления общества сильно занимает меня. [...]

23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 сентября, 1, 2, 3, 4, 5 октября. План общества перешел в план журнала - для большей части 7-ых, но не для меня и для Фриде. По случаю журнала я не еду, и журнал подвигается слабо; я мало работаю и веду себя дурно. Завтра приезжают князя. Пускай это будет для меня эпохой. Мне необходимо написать статью в пробный листок. [...]

21 октября. Много прожил я жизни в эти дни. Дела в Севастополе всё висят на волоске. Пробный листок нынче будет готов, и я опять мечтаю ехать. Столыпин, Сержпутовский, Шубин, Боборыкин едут и уехали. [...]

2 ноября 1854. Одесса. Со времени десанта англо-французских войск у нас было с ними три дела. Первое, Алминское, 8 сентября, в котором атаковал неприятель и разбил нас; второе дело Липранди 13 сентября, в котором атаковали мы и остались победителями, и третье, ужасное дело Даненбсрга, в котором снова атаковали мы и снова были разбиты. Дело предательское, возмутительное. 10 и 11 дивизия атаковали левый фланг неприятеля, опрокинули его и заклепали 37 орудий. Тогда неприятель выставил 6000 штуцеров, только 6000 против 30 [тысяч]. И мы отступили, потеряв около 6000 храбрых. И мы должны были отступить, ибо при половине наших войск по непроходимости дорог не было артиллерии и, бог знает почему, не было стрелковых батальонов. Ужасное убийство. Оно ляжет на душе многих! Господи, прости им. Известие об этом деле произвело впечатление. Я видел стариков, которые плакали навзрыд, молодых, которые клялись убить Даненберга. Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства.

В числе бесполезных жертв этого несчастного дела убиты Соймонов и Камстадиус. Про первого говорят, что он был один из немногих честных и мыслящих генералов русской армии; второго же я знал довольно близко; он был членом нашего общества и будущим издателем журнала. Его смерть более всего побудила меня проситься в Севастополь. Мне как будто стало совестно перед ним.

Английские пароходы продолжают блокировать Одессу. Море, к несчастью, тихо. Говорят, что 27 было дело опять без результатов и что 3 будет приступ. Я не успею приехать раньше 5-го, но мне чудится, что я еще не опоздаю.

[3 ноября.] 2 октября. В Одессе рассказывали мне трогательный случай. Адъютант дежурного генерала приехал в N-ский госпиталь, где лежат раненые 4-го корпуса из Крыма. Главнокомандующий князь Горчаков, сказал он им, приказал благодарить вас за храбрую вашу службу и узнать... Урра! - раздались слабые и недружные голоса со всех коек. Славная, великая награда Горчакову за его труды. Лучшее портрета на шею.

На перевозе в Николаеве лоцман рассказывал мне, что 26-го было дело, на котором отличился Хомутов, взял будто пропасть пленных и орудий, но что 26-го из 8000 наших воротились только 2 тысячи. В Николаеве [?] офицер подтвердил эти слухи. Нахимов и Липранди, говорят, ранены. Неприятель получил подвоз войск и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

располагается на зимовые квартиры. Бог знает, что правда. Еще рассказывал мне лоцман анекдот про казака, который поймал арканом и вел аглицкого князька и вел к Менчикову. Князек выпалил в казака из пистоля. Ей, не стреляй, сказал казак. Князек еще раз выпалил и опять не попал. Ей, не балуй, сказал казак. Князек в третий раз (всегда до трех раз) промахнулся. Казак начал его лупить плетью. Когда князек пожаловался Менчикову, что казак его бил, казак сказал, что он его учил стрелять, коли он начальник, да не умеет палить, что же его казаки вовсе не будут знать. Менчиков рассмеялся. Вообще в народе больше слышно о англичанах, чем о французах.

5 ноября.] 4, 5 октября. [В пути из Одессы в Севастополь.] В Николаеве не мог ничего видеть. Слухи же не пишу, потому что оказались все нелепы: после 24, исключая осадных работ, ничего предпринимать не было.

От Херсона до Олешко везли меня на лодке. Лоцман рассказывал про перевоз солдат: как солдат в проливной дождь лег на мокрое дно лодки и заснул. Как офицер прибил солдата за то, что он почесался, и как солдат на перевозе застрелился от страха, что просрочил два дня, и как его бросили без похорон. Теперь лодочники пугают друг друга, проезжая речкой мимо того места, где брошен солдат. "Какой роты?" - кричат они.

[...] Видел французских и английских пленных, но не успел разговориться с ними. Один вид и походка этих людей почему-то внушили в меня грустное убеждение, что они гораздо выше стоят нашего войска. Впрочем, для сравнения у меня были фурштаты, провожавшие их.

Ямщик, привезший меня сюда, рассказывал, что 24 мы бы совсем забрали англичан, коли бы не измена. Грустно и смешно. "Онадысь, говорит, провезли шестериком железную карету, должно, под Менчикова". Встретил и своих раненых, славный народ, жалеют начальство и говорят, что они несколько раз ходили на приступ, но не могли удержаться, потому что обходил левый фланок; они рады придрататься к одному непонятному, следовательно для них многозначительному, слову, чтобы им объяснять неудачу. Им слишком бы грустно было верить в измену.

11 ноября. [Севастополь.] Я приехал 7-го, все слухи, мучившие меня дорогой, оказались враньем. Я прикомандирован к 3 легкой и живу в самом городе. Все укрепления наши видел издали и некоторые вблизи. Взять Севастополь нет никакой возможности - в этом убежден, кажется, и неприятель - по моему мнению, он прикрывает отступление. Буря 2-го ноября выкинула до 30 судов - 1 корабль и 3 парохода.

Общество артиллерийских офицеров в этой бригаде, как и везде. Есть один, очень похожий на Луизу Волконскую, - я знаю, что он скоро надоест мне; поэтому стараюсь видеться с ним реже, чтобы продлить это впечатление. Из начальников порядочными людьми оказываются здесь - Нахимов, Тотлебен, Истомина. Меншиков кажется мне хорошим главнокомандующим, но несчастно начавшим свое военное поприще с меньшими силами против втрое сильнейших и лучше вооруженных. Обе стороны были войска необстрелянные; поэтому преимущество численное было в 10 раз ощутительнее. Необстрелянные войска не могут отступать, они бегут.

20 ноября.

Когда же, когда, наконец, перестану
Без цели и страсти свой век проводить
И в сердце глубокую чувствовать рану
И средства не знать, как ее заживить.
Кто сделал ту рану, лишь ведает бог,
Но мучат меня от рожденья,
Грядущей ничтожности горький залог
Томящая грусть и сомненья.
Симферополь.

23 ноября. [Эски-Орда.] 16-го я выехал из Севастополя на позицию. В поездке этой я больше, чем прежде, убедился, что Россия или должна пасть, или совершенно вреображаться. Все идет на выворот, неприятелю не мешают укреплять своего лагеря, тогда как это было бы чрезвычайно легко, сами же мы с меньшими силами, ниоткуда не ожидая помощи, с генералами, как Горчаков, потерявшими и ум, и чувство, и энергию, не укрепляясь, стоим против неприятеля и ожидаем бурь и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
непогод, которые пошлет Николай Чудотворец, чтобы изгнать неприятеля. Казаки хотят грабить, но не драться, гусары и уланы полагают военное достоинство в пьянстве и разврате, пехота в воровстве и наживании денег. Грустное положение и войска и государства.

Я часа два провел, болтая с ранеными французами и англичанами. Каждый солдат горд своим положением и ценит себя; ибо чувствует себя действительной пружиной в войске. Хорошее оружие, искусство действовать им, молодость, общие понятия о политике и искусствах дают ему сознание своего достоинства. У нас бессмысленные ученья о носках и хватках, бесполезное оружие, забитость, старость, необразование, дурное содержание и пища убивают в нем последнюю искру гордости и даже дают ему слишком высокое понятие о враге.

В Симферополе я проиграл последние деньги в карты, а теперь живу с батареей в татарской деревне и испытывая только теперь неудобства жизни.

26 ноября. Живу совершенно беспечно, не принуждая и не останавливая себя ни в чем: хожу на охоту, слушаю, наблюдаю, спорю. Одно скверно: я начинаю становиться, или желать становиться, выше товарищей и не так уже нравлюсь. Вот почти верные известия из Севастополя. 13 числа была вылазка в неприятельские траншеи, против 3, 4 и 5 бастионов. Екатеринбургский полк против 4-го бастиона занял траншею врасплох, выгнал и перебил неприятеля и отступил с потерей трех - ранеными. Офицер, командовавший этой частью, был представляем в. к. Николаю Николаевичу. "Так вы герой этого дела? - сказал ему князь, - расскажите, как было дело". - "Когда я пошел с бастиона и стал подходить к траншее, солдаты остановились и не хотели идти". - "Ну что вы говорите..." - сказал князь, отходя от него. "Как вам не совестно", - заметил ему философ. "Ступайте прочь", - заключил Меншиков. Я уверен, что офицер не врал, и жалею, что он не зубаст.

Вылазка с 3-го бастиона была неудачна. Офицер, увидав часовых, вернулся за приказаниями к адмиралу и дал время приготовиться. О вылазке с 5 бастиона подробностей не знаю. Вообще эти известия еще не совсем достоверны, хотя и более вероятны, чем дикие слухи о взятии каких-то 30 орудий.

Липранди назначен командующим войска в Севастополе. Слава богу! Исключая успехов, которые он имел в этой кампании, он любим и популярен не [...], а распорядительностью и умом. К добру или не к добру, но к сильной досаде, безденежье удерживает меня дома; а то я бы был уже на южном берегу в Евпатории или вернулся бы в Севастополь.

7 декабря. 5 был в Севастополе, со взводом людей - за орудиями. Много нового. И все новое утешительное. Присутствие Сакена видно во всем. И не столько присутствие Сакена, сколько присутствие нового главнокомандующего, не уставшего, не передумавшего слишком много, не запутавшегося еще в предположениях и ожиданиях. Сакен побуждает, сколько может, войска к вылазкам. (Я говорю - сколько может, ибо побуждать действительно может только Меншиков, давая тотчас награды - чего он не делает. Представления, выходящие через три месяца, действительно ничего не значат для человека, всякую минуту ожидающего смерти. А уж человек так глупо устроен, что, ожидая смерти, он ожидает и любит награду.) Сакен сделал траншею перед бастионами. Но бог знает, хороша ли эта мера, хотя он а86 а и доказывает энергию. Говорят, одну такую траншею из восьми человек сняли [...], но главное, чтоб вынести днем из траншей этих раненых, надо другим рисковать быть ранеными. Траншеи эти без связи с бастионами, отдалены от них больше, чем от работ неприятеля. Сакен завел порядок для отнесу раненых и перевязочные пункты на всех бастионах. Сакен заставил играть музыку.

Чудо, как хорош Севастополь. Мне третьего дня чрезвычайно грустно было. Я часа два провел в палате раненых союзников. Большая часть выписана, - умерли и выздоровели, остальные поправляются. Я их нашел человек пять, около железной печки, французы, англичане и русские болтали, смеялись и играли в карты, болтали каждый на своем языке, только сторожа принаравливались к иностранному языку, говоря на каком-то странном наречии - гай да, знаком. Англичан кричит - у у ка а, русский кричит - ой, и т. д. Когда я вышел на берег, солнце уже садилось за английскими батареями, кое-где подымались облачка дыму и слышались выстрелы, море было тихо, мимо огромных масс кораблей неслись ялики и шлюпки, на Графской играла музыка и долетали звуки труб какого-то знакомого мотива, Голицын и еще какие-то господа, облокотясь на перила, стояли около набережной. Славно!

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Из новостей о вылазках вот что справедливо. Вылазок было много, не столько кровопролитных, сколько жестоких. Из них замечательны две. Одна, в конце прошлого месяца, в которой взято три мортиры (и одна брошена между бастионом и их работами), пленный французский офицер, раненный зубом [1 неразобр.], и много ружей; другая, в которой лейтенант Титов выходил с двумя горными единорожками и ночью стрелял вдоль их траншеи. Говорят, в траншее был стон такой, что слышно было на 3-м и 5-м. Похоже на то, что скоро я отправлюсь. Не могу сказать, желаю я этого или нет.

Дневник - 1855

23 января 1855. [Позиция на реке Бельбек.] Я прожил больше месяца в Эски-Орда под Симферополем. Казалось скучно, а теперь с сожалением вспоминаю о той жизни. Впрочем, есть отчего пожалеть о 14 бригаде, попав в 11-ую. Лучше 1-ой и хуже 2-ой я не видел в артиллерии. Филимонов, в чьей я батарее, самое сальное создание, которое можно себе представить. Одаховский, старший офицер, гнусный и подлый полячишка, остальные офицеры под их влиянием и без направления. И я связан и даже завишу от этих людей! Был в Севастополе, получил деньги, говорил с Тотлебенем, ходил на 4-й бастион и играл в карты. Собой очень недоволен. Завтра следует пойти в баню. Переписать проект о штуцерных батальонах и написать докладную записку.

28 января. Два дня и две ночи играл в штосе. Результат понятный - проигрыш всего - яснополянского дома. Кажется, нечего писать - я себе до того гадок, что желал бы забыть про свое существование. Говорят, Персия объявила войну Турции, и мир должен состояться.

3, 4, 5 февраля. Был в Севастополе. Показывал Кашинскому проект. Он как будто недоволен. Не удалось быть у Краснокуцкого, который был у меня и не застал. Флот в сборе, что-то предпринимают. В Евпатории дела - просился туда, но тщетно.

6, 7, 8 февраля. Опять играл в карты и проиграл еще 200 р. сер. Не могу дать себе слово перестать, хочется отыгаться, а вместе могу страшно запутаться. Отыграть желаю я все 2000. Невозможно, а проиграть еще 400 ничего не может быть легче; а тогда что? Ужасно плохо. Не говоря уже о потере здоровья и времени. Предложу завтра Одаховскому сыгаться, и это будет последний раз. Переводил балладу Гейне и читал "Горе от ума". Завтра непременно писать и много.

12 февраля. Опять проиграл 75 р. Бог еще милует меня, что не было неприятностей; но что будет дальше? Одна надежда на него! В Евпатории было дурное дело, отбитая атака, которую называют рекогносцировкой. Время, время, молодость, мечты, мысли, все пропадает, не оставляя следа. Не живу, а проживаю век. Проигрыш заставляет меня немного опомниться.

14 февраля. 5 февраля Хрулев подвел 120 легких орудий на 100 и 300 сажен и открыл огонь по городу. Неприятель отвечал слабо. Батальон греков и Азовского пошел на штурм. Его подпустили в упор и тогда только грянули по нем картечью и батальным огнем из ружей. Потери, как говорят, от 5 до 8 сот человек.

Отряд отступил, и войска расположились по квартирам. В Севастополе с 11 на 12 февраля полк зуавов атаковал новый редут и был отбит. Довольно этого, чтобы сказать "дело было выгодно для нас". Нашу потерю определяют от 2 до 5 сот человек. Мысль об отставке или военной академии все чаще и чаще приходит мне. Я писал Столыпину, чтобы он выхлопотал меня в Кишинев. Оттуда уже устрою одно из этих двух.

[16 февраля.] 15, 16. Проиграл еще 80 р. сер. Начал писать "Характеры", и кажется, что эта мысль очень хороша, и как мысль и как практика. Еще раз хочу испытать счастья в карты.

[19 февраля.] 17, 18, 19. Проиграл вчера еще 20 р. сер. и больше играть не - буду.

20 февраля. Не совсем достойные вероятия люди рассказывали мне нынче много новостей. Редут, против которого была отбита атака Селенгинским и Минским полком, построен по назначению и воле государя. Меншиков будто уехал в Петербург, и место его должен заступить Горчаков. Пруссия будто объявила войну Австрии. Послезавтра еду в Севастополь и узнаю все подробно.

Нынче писал и завтра буду писать проект с тем, чтобы показать его Сакену.

1-е марта. Анненков назначен продовольственным обеих армий. Горчаков на место Меншикова. Слава богу! 18 февраля скончался государь, и нынче мы принимали присягу новому императору. Великие перемены ожидают Россию. Нужно трудиться и мужаться, чтобы участвовать в этих важных минутах в жизни России.

2, 3, 4 марта. В эти дни я два раза по несколько часов писал свой проект о реформировании армии. Подвигается туго, но я не оставляю этой мысли. Нынче я причащался. Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта - основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему, и когда-нибудь фанатизм или разум приведут ее в исполнение. Действовать сознательно к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня.

6,7, 8, 9, 10, 11 марта. Я еще проиграл 200 р. Одаховскому, так что запутан до последней крайности. Горчаков приехал со всем штабом, я был у него, был принят хорошо, но о переводе в штаб, которого весьма желаю, ничего не знаю. Просить не буду, но буду дожидаться, что он сам это сделает, или письма тетки. Имел слабость позволить Столыпину увлечь меня на вылазку, хотя теперь не только рад этому, но жалею, что не пошел с штурмовавшей колонной. Вообще поездка эта с 9 до 11 наполнена интересными событиями. Броневский один из милейших людей, которых я встречал когда-либо. Военная карьера не моя, и чем раньше я из нее выберусь, чтобы вполне предаться литературной, тем будет лучше.

12 марта. Утром написал около листа "Юности", потом играл в бабки и болтал с Броневским. У нас составился план основать пансион. Он вполне разделяет эту добрую мысль.

13 марта. Писал "Юность" и письмо Татьяне Александровне. План пансиона зреет. Мне так много не удавалось, что для достижения этого я буду работать пристально, деятельно и осмозрительно.

14, 15, 16 марта. Вчера писал "Юность", но нынче в целый день ничего не сделал. Отчасти оттого, что вчера Лугинин задержал меня и я поздно [вернулся], отчасти оттого, что был утро на параде.

17 марта. Написал около листа "Юности" хорошо, но мог бы написать больше и лучше. И лег поздно.

18 марта. Я перечел страницы дневника, в которых я рассматриваю себя и ищу пути или методы к усовершенствованию. С самого начала я принял методу самую логическую и научную, но меньше всего возможную - разумом познать лучшие и полезнейшие добродетели и достигать их. Потом я постиг, что добродетель есть только отрицание порока, ибо человек добр, и я хотел исправиться от пороков. Но их было слишком много, и исправление по духовным началам возможно бы было для духовного существа, но человек имеет два существа, две воли. Тогда я понял, что нужна постепенность в исправлении. Но и то невозможно. Нужно разумом подготавливать положение, в котором возможно усовершенствование, в котором наиболее сходятся воля плотская с волей духовной, нужны известные приемы для исправления. И на один из этих приемов я напал случайно, я нашел мерило положений, в которых легко или трудно добро. Человек вообще стремится к жизни духовной, и для достижения целей духовных нужно такое положение, в котором удовлетворение плотских стремлений не противоречит или совпадает с удовлетворением стремлений духовных. Честолюбие, любовь к женщине, любовь к природе, к искусствам, к поэзии.

Итак, вот мое новое правило, кроме тех, которые я давно поставил себе, быть деятельным, рассудительным и скромным. Быть деятельным всегда к цели духовной, обдумывать все свои поступки на том основании, что те хороши, которые стремятся к целям духовным. Быть скромным так, чтобы наслаждение довольства собой не переходило в наслаждение возбуждать в других похвалы или удивления. Хотел я тоже

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

часто систематически работать для своего матерьяльного благосостояния, но цель эта была слишком многообразна, и притом я делал ту ошибку, что хотел образовать его независимо от обстоятельств. С своим же теперешним правилом буду работать для улучшения своего благосостояния в той мере, в которой оно будет доставлять мне средства к жизни духовной, и буду работать так, чтобы только не препятствовать обстоятельствам. Назначение мое, сколько мог я понять из 10-летнего опыта, не есть практическая деятельность; поэтому хозяйство более всего несообразно с моим направлением. Нынче мне пришла мысль отдать свое именье в аренду зятю. Я этим способом достигну трех целей, развяжусь с заботами хозяйства и привычками молодости, ограничу себя и развяжусь с долгами. Написал нынче около листа "Юности".

20 марта. Два дня не писал ничего ровно, исключая брюльона письма Валерьяну и двух писем Некрасову. Одно – ответ на полученное от него нынче, в котором он просит меня присылать ему статьи военные. Приходится писать мне одному. Напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта.

21 марта. Ничего не делал. Получил восхитительное письмо от Маши, в котором она описывает мне свое знакомство с Тургеневым. Милое, славное письмо, возвысившее меня в собственном мнении и побуждающее к деятельности. Но нынче я целый день был морально и физически болен. 24-го идем в Севастополь.

27 марта. Первый день пасхи. Третьего дня был в Севастополе, поездка эта как-то особенно приятно удалась мне. У всех наших Южных я видел искреннее удовольствие видеть меня – даже до Башибузука и Крыжановского. Приятнее же всего было мне прочесть отзывы журналов о "Записках маркера", отзывы самые лестные. Радостно и полезно тем, что, поджигая к самолюбию, побуждает к деятельности. Последнего, к несчастью, еще не вижу – дней пять я строчки не написал "Юности", хотя написал, начал "Севастополь днем и ночью", и не принимался еще отвечать на милые письма два Некрасова, одно Валерьяна, Маши, Николеньки, тетки. Предлагали мне чрез Неверевского место старшего адъютанта, и я, обдумав хорошенько, принял его – не знаю, что выйдет. Правду говорит Тургенев, что нашему брату литераторам надо одним чем-нибудь заниматься, а в этой должности я буду более в состоянии заниматься литературой, чем в какой-либо. Подавлю тщеславие – желание чинов, крестов, это самое глупое тщеславие, особенно для человека, уже открывшего свою карьеру. Я нынче ничего не делал и поэтому, должно быть, в каком-то странном холодно-зломном настроении духа. В Севастополь идем мы не 24, а 1-го апреля.

28 марта. Утром написал страницы четыре "Юности", но вечер, исключая нескольких слов "Севастополя", ничего не делал, отчасти оттого, что много гостей было, отчасти оттого, что нездоровится.

29 марта. Написал страниц восемь "Юности" и не дурно, но не написал писем. Завтра еду в Севастополь квартирьером нашей батареи. Узнаю положительно, что значит постоянный огонь, который слышен уж третий день оттуда, говорят о отбитом штурме на 5-м бастионе, на Чоргуне и о сильном бомбардировании.

[1 апреля. Севастополь.] 30, 31 марта и 1 апреля. Бомбардирование и больше ничего. Вот уж 6-й день, а я в Севастополе 4-й. Насчет перехода моего не удалось, потому что, говорят, я только подпоручик. Досадно. Пороху нет!

2 апреля. Вчера пришла батарея. Я живу в Севастополе Потерь у нас уже до пяти тысяч, но держимся мы не только хорошо, но так, что защита эта должна очевидно доказать неприятелю [невозможность] когда бы то ни было взять Севастополь. Написал вечером две страницы "Севастополя".

3, 4, 5, 6, 7-е утром. Все дни эти так занят был самыми событиями и отчасти службой, что ничего, исключая одной нескладной странички "Юности", не успел написать еще. Бомбардирование с 4-го числа стало легче, но все продолжается. Третьего дня ночевал на 4-м бастионе. Изредка стреляет какой-то пароход по городу. Вчера ядро упало около мальчика и девочки, которые по улице играли в лошадки: они обнялись и упали вместе. Девочка – дочь матроски. Каждый день ходит на квартиру под ядра и бомбы. Насморк такой ужасный, что я ни за что приняться не могу.

11 апреля. 4-ый бастион. Очень, очень мало написал в эти дни "Юности" и "Севастополя"; насморк и лихорадочное состояние были тому причиной. Кроме того, меня злит – особенно теперь, когда я болен, – то, что никому в голову не придет,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

что из меня может выйти что-нибудь, кроме chair a canon [пушечное мясо (фр.)] и самой бесполезной. Хочу еще влюбиться в сестру милосердия, которую видел на перевязочном пункте.

12 апреля. 4-й бастион. Писал "Севастополь днем и ночью" и, кажется, недурно и надеюсь кончить его завтра. Какой славный дух у матросов! Как много выше они наших солдат! Солдатики мои тоже милы, и мне весело с ними. Вчера взорван еще горн 5-й, стрельба, как кажется, увеличилась с нашей стороны и уменьшилась с ихней.

13 апреля. Тот же 4-й бастион, который мне начинает очень нравиться, я пишу довольно много. Нынче окончил "Севастополь днем и ночью" и немного написал "Юности". Постоянная прелесть опасности, наблюдения над солдатами, с которыми живу, моряками и самым образом войны так приятны, что мне не хочется уходить отсюда, тем более что хотелось бы быть при штурме, ежели он будет.

14 апреля. Тот же 4-й бастион, на котором мне превосходно. Вчера дописал главу "Юности" и очень не дурно. Вообще работа "Юности" уже теперь будет завлекать меня самой прелестью начатой и доведенной почти до половины работы. Хочу нынче написать главу "Сенокос", начать отделять "Севастополь" и начать рассказ солдата о том, как его убило. [...]

21 апреля. Семь дней, в которые я решительно ничего не сделал, исключая двух перебеленных листов "Севастополя" и проекта адреса. Третьего дня у нас отбиты ложменты против 5 бастиона, отбиты со срамом. Дух упадает ежедневно, и мысль о возможности взятия Севастополя начинает проявляться во многом.

24 апреля. 4-й бастион. Я получил из дома 300 р., отдал Мещерскому и Богаевичу, но остальные не отдаю, потому что хочется поиграть. Получил письмо от тетки, которое передал, для передачи князю, Ковалевскому. Эти две приятные вещи, я думаю, больше всего оттолкнули меня от работы, так что я в каком-то ужасно холодном практическом расположении и духа и в два дня на бастионе отделал только несколько листочков "Севастополя".

8 мая. Вчера заступил на бастион. Ровно ничего не делал все время, но приятно, очень приятно провел это время. Из письма Пелагеи Ильиничны ничего не вышло. Должно быть, к лучшему. Послал "Севастополь" и получил вещи и "Записки фейерверкера" кончу на днях.

19 мая. [Позиция на реке Бельбек.] 15 мая я назначен командовать горным взводом и выступил в лагерь на Бельбек в 20 верстах от Севастополя. Хлопот много, хочу сам продовольствовать и вижу, как легко красть, так легка, что нельзя не красть. У меня насчет этого воровства планов много, но что выйдет, не знаю. Природа - восхитительна, но жарко. Все время ничего не делал.

11 июня. Утром занимался легко и с большим удовольствием, но начал поздно и не повторил вечером. Кроме того, бесхарактерен был два раза в прижигании лаписом и в том, что ел вишни. Итого три.

Смешно, 15-ти лет начавши писать правила, около 30 все еще делать их, не поверив и не последовав ни одному, а все почему-то верится и хочется. Правила должны быть моральные и практические. Вот практическое, без которого не может быть счастья, умеренность и приобретение. - Деньги.

12, 13, 14, 15 [июня]. Два дня делал ученья, вчера был в Бахчисарае и получил письмо и статью от Панаева. Меня польстило, что ее читали государю. Служба моя в России начинает меня бесить так же, как и на Кавказе. [...]

16 июня. Целый день работал, и несмотря на то, что здоровье хуже, я доволен своим днем и ни в чем не имею упрекнуть себя. Ура. Окончил "Записки юнкера", нечетко и нехорошо, но послать можно.

17 июня. Встал поздно, здоровье нехорошо, работал все над "Записками юнкера". [...]

18 июня. Утром кончил "Записки юнкера", написал письмо и послал. После обеда поленился читать Пена. Но делал ученье, вечером написал проспектус маленькой "10 мая". [...]

19 июня. Утро занят был бумагой Крыжановского о квитанции и хозяйством. Только читал. После обеда пописал немного "10 мая", но очень мало. [...]

20 июня. Встал поздно, читал, хозяйничал и написал немного "10 мая". После обеда же ужасно, непростительно ленился, все читал Пендениса. Здоровье хуже. [...]

21 июня. Встал поздно, читал, написал письмо Маше. После обеда ленился, но зато после чаю написал много и с удовольствием. Здоровье лучше.

22 июня. Каково! В целый день ни в чем не могу упрекнуть себя. Писал много "10 мая" и написал письмо Татьяне Александровне. [...]

23 июня. Целый день писал. Окончил начерно и вечером лист набело переписал. Тщеславился ужасно перед Столыпиным, 1. Не выдержал характера – не написал письма. 2. Впрочем, это извиняется. Лучше пишется, когда скоро. На завтра. Пересмотреть всю "Весеннюю ночь" с точки зрения цензуры и сделать изменения и variantes.

24 июня. Беру себе за правило для писанья составлять программу, писать начерно и перебеливать, не отделявая окончательно каждого периода. Сам судишь неверно, невыгодно, ежели часто читаешь, прелесть интереса новизны, неожиданности исчезает, и часто вымарываешь то, что хорошо и кажется дурным от частого повторения. Главное же, что с этой методой есть увлечение в работе. Целый день работал и ни в чем не могу упрекнуть себя. Ура!

25 июня. [...] завести две тетрадки 1) Правила и 2) На завтра; во второй вымарывать по мере исполнения и просматривать первые числа. Или лучше 4 отдела дневника: 1) Правила, 2) На завтра, 3) Мысли, 4) Факты. [...]

26 июня. Кончил "Весеннюю ночь", уж не так хорошо кажется, как прежде. Упрекать себя не могу ни в чем.

27 июня. [Бахчисарай.] Был в Бахчисарае, читал Ковалевскому "Весеннюю ночь", которой он остался очень доволен. Еще польстило моему самолюбию и рассердило против Крыжановского то, что я узнал от Ковалевского, что я давно приглашен участвовать в Брюссельском журнале. [...]

[30 июня. Позиция на реке Бельбек.] 28 июня. Употребление дня. Утром рано выехал из Бахчисарая, приехал к себе, поел, распорядился, написал немного дневника и поехал в Севастополь. На Инкермане отдал деньги Ельчанинову, заехал к штабным, которые более и более мне становятся противны, и наконец в Севастополь. Первая встреча была бомба, которую разорвало между Николаевской и Графской (на другой день около библиотеки – пули). Вторая – было известие о смертельной ране Нахимова. Броневский, Мещерский, Калошин – все меня любят и милы. На возвратном пути на другой день, 29 июня, которое утром провел частью у офицеров батареи, частью у Мещерского, я на Инкермане, Нашел барона Ферзена и был рад ужасно. Действительно, я, кажется, начинаю приобретать репутацию в Петербурге. "Севастополь в декабре" государь приказал перевести по-французски.

Факты. Есть люди, по своей храбрости похожие на заводских жеребцов, которые ужасно страшны на выводке и коровы под седлом. 2) Покойный Тертюковский был, говорят, чисто русский хорошенький молодой офицерик. Стоя на батарее, похлопывая ногой и в ладони, кричал, бывало: первое, второе, третье... 3) В Волынском редуте, перед приступом, одна бомба падала за другой. Никто не приходил и не выходил, мертвых раскачивали за ноги и за руки и бросали за бруствер. 4) Интересный весь рассказ Никифорова о беганье. 5) При контузии человеку кажется, что он летит кверху. [...]

30 июня. Приехал домой, был в самом гадком расположении духа, написал два письма – Валерьяну и Пелагее Ильиничне, читал, распоряжался. Должен сделать себе сильный упрек за раздражительность. Завтра примусь за "Юность".

5 июля. Начинаю сильно лениться. Теперь только настало для меня время истинных искушений тщеславия. Я много бы мог выиграть в жизни, ежели бы захотел писать не по убеждению.

Факты: Солдаты, сидя верхом, ужасно любят петь. Лен, лен, лен.

6 июля. Надеюсь, что нынче последний день праздности, в которой я провел всю неделю. Нынче целый день читал какой-то нелепый роман Бальзака и только теперь взял перо в руки. Мысли: Писать дневник офицера в Севастополе различные стороны, фазы и моменты военной жизни. И печатать его в какой-нибудь газете Я думаю остановиться на этой мысли, хотя главное мое занятие должно быть "Юность" и "Молодость", но это для денег, практики слога и разнообразия Упреки 1) Лень; 2) раздражительность.

8 июля. Здоровье очень худо, и не могу работать. Ровно ничего не делал. Мне нужно собирать деньги, 1) чтоб заплатить долги, 2) чтоб выкупить имение и иметь возможность отпустить на волю крестьян. [...]

12 июля. Целый день не писал ничего, читал Бальзака, занимался только ящиком новым. И решил, что денег казенных у меня ничего не останется. Даже удивляюсь, как могла мне приходить мысль взять даже совершенно лишние. Я очень рад, что выдумал ящики, которые будут стоить целковых 100 с лишком. Вечером проиграл в ералаш 8 р. 1) лень, 2) лень, 3) лень, раздражительность два раза, итого четыре. Завтра пишу "Юность" с утра.

17 июля. Здоровье хуже. Ничего не делал. Три правила: 1) быть, чем есть: а) по способностям - литератором, б) по рождению - аристократом. 2) Никогда ни про кого не говорить дурно, и 3) расчетливым в деньгах. [...]

19, 20 июля. Сегодня получил письмо от Панаева, "Записками юнкера" довольны, напечатают в VIII книжке. [...]

24, 25 июля. Вчера начал писать "Юность", но ленился. Написал только 1/2 листа, нынче целый день раскладывал пасьянс. 1) Правило. Каждый день написать из головы, по крайней мере, лист и переделать столько же. До этого не ложиться спать. 2) Правило. К каждому делу, необходимому, но к которому чувствуешь отвращение, приступать как можно быстрее.

Не знаю, каким ходом мыслей или просто воспоминаньем вернулся я нынче, говоря с Хонзини [?], к прежнему взгляду на жизнь, цель которой есть благо и идеалом добродетель. Мне возвращение это было чрезвычайно приятно, и я ужаснулся, как далек я от этого взгляда, как практичны и дурны были мои последние мысли и правила. Они, однако, будут мне полезны. Для жизни добра нужна известная степень успеха, которая достигается этими правилами. Да, на мне отразилось военное общество и выпачкало меня. Завтра выпишу все правила. Конец месяца. Нынче получил два письма из деревни и одно от Алексеева. Для "Юности": Гроза в доме, как затворяют окна. Лень, лень сильная.

[2? августа.] Сегодня, разговаривая с Столыпиным о рабстве в России, мне еще ясней, чем прежде, пришла мысль, сделать мои четыре эпохи истории русского помещика, и сам я буду этим героем в Хабаровке. Главная мысль романа должна быть невозможность жизни правильной помргоикя образованного нашего века с рабством. Все нищеты его должны быть выставлены и средства исправить указаны.

8 августа. Был в Бахчисарае, но не удалось ехать в Симферополь с большой компанией, которая звала меня. Столыпины нагоняют на меня тоску. Написал письмо Панаеву, Сереже и Валерьяну. Здоровье хорошо. Написал рапорты о лафете и экстренных суммах. Не успел заняться "Юностью", завтра. Вечером мог бы сделать кой-что - лень. [...]

25 августа. Сейчас глядел на небо. Славная ночь. Боже, помилуй меня. Я дурен. Дай мне быть хорошим и счастливым. Господи, помилуй. Звезды на небе. В Севастополе бомбардировка, в лагере музыка. Добра никакого не сделал, напротив, обыграл Корсакова. Был в Симферополе.

2 сентября. Неделю не писал дневник. Проиграл 1500 рублей чистыми. Севастополь отдан, я был там в самое мое рождение. Нынче ра ф61 ботал над составлением описанья хорошо. Должен Розену 300 рублей и лгал ему.

17 сентября. Вчера получил известие, что "Ночь" изуродована и напечатана. Я, кажется, сильно на примете у синих. За свои статьи. Желаю, впрочем, чтобы всегда Россия имела таких нравственных писателей; но сладеньким уж я никак не могу быть, и тоже писать из пустого в порожнее - без мысли и, главное, без цели.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Несмотря на первую минуту злости, в которую я обещался не брать пера в руки, все-таки единственное, главное и преобладающее над всеми другими наклонностями и занятиями должна быть литература. Моя цель - литературная слава. Добро, которое я могу сделать своими сочиненьями. Завтра еду в Королес и прошу в отставку, а утро пишу "Юность". [...]

21 сентября. Я пропаду, ежели не исправлюсь. С теми данными характера, воспитанья, обстоятельств и способностей для меня нет середины, или блестящая, или жалкая будущность. Все силы моего характера на исправление. Главные пороки. 1) Бесхарактерность - неисполнение предначертаний. Средство исправления 1) знать общую цель и 2) обдумывать и записывать будущие деяния и исполнять их, хотя бы они были дурны. Цель моя 1) добро ближнего и 2) образование себя в такой степени, чтобы я был способен делать его. Вторая в настоящую минуту важнее первой, поэтому и помни все сделанные предначертания, хотя бы они были противны первой общей цели. Назначать вперед деяния, сначала как можно меньшие и легкие и, главное, не противоречащие одни другим.

Моя главная цель в жизни есть добро ближнего, и цели условные - слава литературная, основанная на пользе, добре ближнему. 1) Богатство, основанное на трудах, полезных для ближнего, оборотах и игре, и направленное для добра. 2) Слава служебная, основанная на пользе отечества. В дневнике буду разбирать, что я сделал каждый день для достижения сих четырех целей и 2) сколько раз не исполнил предназначенного.

Завтра для первой пишу письма теткам и брату Дмитрию, узнаю о пище, здоровье и помещении людей, для второй составляю план статьи и пишу ее (или "Юность") и "Юность", для третьей делаю счета и пишу старосте, для четвертой узнаю местность.

23 сентября. Написал письмо тетке Пелагее Ильиничне, советовал и обещал грекам помощь, которую подам. Для 2) составил план "Севастополя в августе", для 3) написал старосте, для 4-й ездил на позицию. Не писал "Юности", не позаботился о людях и не делал счетов. [...]

1-ое октября. Все эти три дня был в беспрестанных хлопотах и передвижениях; вчера даже выпустил две карточные гранаты. Не умывался, не раздевался и вел себя безалаберно. Совершенно забыл свои цели. Для 1) в это время ровно ничего не сделал; ни в чем себя не принудил и не удержал, для 2) просил о наградах солдатам, для 3) ничего, для 4) ничего не мог сделать, для 5) стрелял и хлопотал довольно много.

Для 1) завтра пишу "Юность" и "Севастополь в августе" во что бы то ни стало, для 2) пишу брату Николеньке и Крыжановскому, для 3) пишу счета и письмо Валерьяну, для 4) пишу "Юность" и "Севастополь в августе", для 5) еду к Тетеревникову и прошу что-нибудь сделать.

10 октября. Нахожусь в лениво-апатически-безысходном, недовольном положении уже давно. Выиграл еще 130 р. в карты. Купил лошадь и узду за 150. Какой вздор! моя карьера литература - писать и писать! С завтра работаю всю жизнь или бросаю все, правила, религию, приличия - все.

21 ноября. Я в Петербурге у Тургенева. Проиграл перед отъездом 2800 и 600 р. перевел с греком пополам на своих должников. Взял в деревне 875 р. Мне нужнее всего держать себя хорошо здесь. Для этого нужно главное 1) осторожно и смело обращаться с людьми, могущими мне вредить, 2) обдуманно вести расходы и 3) работать. Завтра пишу "Юность" и отрывок дневника.

Дневник - 1856

9, 10 января 1856 года. Я в Орле. Брат Дмитрий при смерти. Как дурные мысли, приходившие мне, бывало, насчет него, уничтожились в прах. Маша и Т. А. ходят за ним. Валериан опять не нравится мне. Мне ужасно тяжело. Я не могу ничего делать, но задумываю драму.

2-е февраля. Я в Петербурге. Брат Дмитрий умер, я нынче узнал это. Хочу дни свои проводить с завтра так, чтобы приятно было вспоминать о них. Завтра привожу в порядок бумаги, пишу письма Пелагее Ильиничне и старосте и набело "Метель",

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
обедаю в шахматном клубе и все пишу еще "Метель" и вечером захожу к Тургеневу, утром час гуляю. Прочел страницу дневника, очень дельную, в которой говорю, что не надо смешивать совершенства с усвершенствованием и стремиться ко второму отрицательно. Мои главные недостатки, привычки к праздности, беспорядочность, сладострастие и страсть к игре. Буду работать против них.

[5 февраля.] 5) Благодаря богу веду себя хорошо второй день.

[...] История десятского. Староста продал хлеб помещика на семь тысяч и, отлучившись по делам, велел десятскому их караулить. Десятский взял деньги и бежал в Одессу, где разжился. Но чтобы бежать, он дал две тысячи помещику, который дал ему фальшивую вольную. Через десять лет десятский стосковался по родине. Он взял с собой тысяч десять из двухсот ассигнациями, которые нажил, и приехал в деревню. Встретившись с дядей, он просил его проводить к братьям и не утерпел – открыл ему себя, дав ему две тысячи и обещая братьям по столько же. Дядя ввел его в деревню, но, когда они въехали, он схватил его за шиворот и закричал: караул. Десятского схватили и посадили в острог. Дядя ничего не согласился взять в награду от помещика и возвратил ему две тысячи.

Сцена пьяного. Выходя на Вознесенский проспект, заметил толпу. Два господина в чуйках выводили пьяного, маленького старичка без шапки, в нанковом сюртуке, и сажали на извозчика, который, главное, требовал, чтобы его подрядили, и закрывал полость. Господа в чуйках были в азарте. Сверху проспекта показался городской в замшевых перчатках; он шел, поправляя их ладонями. Старичок весь сморщился. Господа в чуйках отошли от извозчика и повели старичка на тротуар. Городовой: что? буянит, и длинная история, которую городской не слушает. Веди. Его повели. Городовой, поправляя перчатки, пошел за ними, как будто гуляя по тротуару, но, подойдя к старичку, он огромным кулаком ударил его в спину и снова стал поправлять перчатки, раз, другой – и опять перчатки. Публика стала расходиться. Вишь, публику собрали.

История любви Б. и К. Старый ярыга и выросшая из сугроба Т. барышня встретились на железной дороге; в один час, сидя рядом, они были на ты. Б. нашел, что он не хочет ничем жертвовать понапрасну. Она писала, что требует величайших доказательств любви – 10 р., чтобы подкупить горничную и в 2 часа ночи прийти к нему. Слишком трогательно и хорошо, чтобы описать.

Никогда не будировать, а когда что-нибудь случится такое, что ведет к этому, то сейчас сказать, что это заставит нас будировать.

Уважение к женщинам. Есть три рода отношений к женщинам. Одних уважаешь почему-нибудь – иногда по пустякам, за связи, к стыду – выше себя – несчастье. Иногда любишь, ценишь, но третируешь ребенком – несчастье. Иногда уважаешь так, что больно несогласие в мнениях и хочется спорить, – хорошо.

7 февраля. Поссорился с Тургеневым. [...]

13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 февраля. Ничего не делал. Нынче ходил и радовался толпе у балаганов и изучал характер русской толпы, слушающей оратора. Обедал у Тургенева, мы снова сходимся. [...] Пишу прежде всего Епишку или "Беглеца". Потом комедию, потом "Юность".

12 марта 1856. Давно ничего не записывал и нахожусь уже недели три в тумане. Притом нездоров. План комедии томит меня. Мир заключен. С Тургеневым я, кажется, окончательно разошелся. Приезжала Сазонова, внушила невыразимое отвращение. Задумал "Отца и сына".

21 марта. Третьего дня нечаянно прочел письмо Лонгинова и послал ему вызов. Что будет, бог знает; но я буду тверд и решителен. Вообще это имело на меня благое влияние. Я решаюсь ехать в деревню, поскорей жениться и не писать более под своим именем. А главное – всегда и со всеми быть сдержанным и осторожным в разговоре.

Деятельность, чистосердечие, довольство настоящим и снискивание любви. Главная моя ошибка в жизни состояла в том, что я позволял уму становиться на место чувства, и то, что совесть называла дурным, гибким умом, переходить на то, что совесть называла хорошим. Отчего любовь, находящаяся в душе, не находит удовлетворения при столкновении с человеком, который возбуждает ее. Самолюбие

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
уничтожает ее. Скромность есть главное условие sine qua non [необходимое условие (лат.)] для взаимной любви.

4 апреля. Одно из главных зол, с веками нарастающих во всевозможных проявлениях, есть вера в прошедшее. Перевороты геологические, исторические необходимы. Для чего строят дом в 1856 году с греческими колоннами, ничего не поддерживающими?

19 апреля. Кончил даже поправки "Отца и сына", которых, по совету Некрасова, назвал "два гусара" – лучше. Привел в порядок бумаги и хочу приняться за серьезную работу "О военных наказаниях". [...]

22 апреля. Ничего не пишу. Мое отношение к крепостным начинает сильно тревожить меня. Чувствую потребность учиться, учиться и учиться.

23 апреля. Утро был у Медема. Обедал у Блудова. Вечер у Кавелина. Прелестный ум и натура. Вопрос о крепостных уясняется. Приехал от него веселый, надежный, счастливый. Поеду в деревню с готовым писанным проектом.

24 апреля. Набросал конспекты проектов. Слушал прелестный проект Кавелина. Был у Кутлера и видел славную девочку, его belle-sœur [невестку, свояченицу (фр.)].

25 апреля. Утром пришел Горбунов. Приятно для самолюбия видеть его улучшение. Потом пошли к Милютину, который объяснил мне многое и дал проект о крепостном праве, который я читал за обедом. Написал для себя проект проекта и докладной записки. Был у Тургенева с удовольствием. Завтра надо занять его обедом.

5 мая. Был обед Тургенева, в котором я, глупо оскорбленный стихом Некрасова, всем наговорил неприятного. Тургенев уехал. Мне грустно тем более, что я ничего не пишу.

8 мая. Вчера узнал, что отпуск мой выйдет очень не скоро. Обедал у Блудова. Скучно. Ездил на острова с Шович. Приятно. Вечером сидел у Оболенского с Аксаковым, И. Киреевским и другими славянофилами. Заметно, что они ищут врага, которого нет. Их взгляд слишком тесен и не задевающий за живое, чтобы найти отпор. Он не нужен. Цель их, как и всякого соединения умственной деятельности людей совещаниями и полемикой, значительно изменилась, расширилась и в основании стали серьезные истины, как семейный быт, община, православие. Но они роняют их той злобой, как бы ожидающей возражений, с которой они их высказывают. Выгоднее бы было более спокойствия и *würde* [достоинства (нем.)]. Особенно касательно православия, во-первых, потому, что, признавая справедливость их мнения о важности участия сего элемента в народной жизни, нельзя не признать, с более высокой точки зрения, уродливости его выражения и несостоятельности исторической, во-вторых, потому, что цензура сжимает рот их противникам.

Третьего дня был у Милютина Николая. Он обещал вести меня к Левшину.

11 мая. Вчера утром написал письмо Татьяне Александровне и докладную записку. В 2 часа был в Министерстве внутренних дел. Левшин сухо меня принял. За что не возьмешься теперь в России, все переделывают, а для переделки люди старые и потому неспособные. Обедал у Шевич, написал у Некрасова проект и послал. [...]

12 мая. С утра пришел Михаил Иславин, потом Соковнин и Тим. Тим просил писать текст в листке. Я очень рад. Обедал у Некрасова. Фет – душа и славный талант. Мне было весело. Вечер пробыл у Толстых, читал "Гусаров". Там есть Мальцева, милая и почему-то ужасно смешная женщина – наивность какая-то 35-летняя, непритворная, и старушечьи морщинки и пукли. Вернувшись домой, нашел записку от Васьки и Аполочки и ужасно обрадовался, как влюбленный. Как-то все светло стало. Да, лучшее средство к истинному счастью в жизни это: без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда все, что попало, и старушку, и ребенка, и женщину, и квартального.

13 мая. Встал в 9. Пошел на гимнастику. Без друзей скучно. Читал "Морской сборник". Погодина с наслаждением прибил бы по щекам. Подлая лесь, приправленная славянофильством. Новая штучка. Все празднества московские какая нерусская черта. Левшин сказал, что докладывал министру; но все-таки дал ответ *evasif* [уклончивый (фр.)]. Буду писать проект, несмотря на то. Обедал у Кокорева. Ци, варенец, шампанское, золотая солонка на русский манер. Дичь, безвкусице, неясность. Статья Кокорева умна, но безобразна, он перебирает все

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
раны экономические слегка. Зашел к М. Г. Ничего, ничего, молчание. Тургеневых не было дома. Опять провел вечер у Толстой. Опять старушка Мальцева.

15 мая. Встал поздно, привел в порядок бумаги, написал письмо Тургеневу. Была Александра Николаевна. Пошел к Фету, с ним на биржу, оттуда к Дюссо обедать с Макаровым, Мещерским, Горбуновым, Долгоруков[ым]. Оттуда в театр.

[...] Нынче встал в 3. Пришел Королев, Горбунов и Долгоруков. Первый неглупый и милый малый. Повел его обедать к Некрасову. Он плох, но я его начинаю любить. Оттуда поехал в штаб. Отпуск выйдет завтра. [...]

16 мая. Встал поздно, пришел Фет и Трузсон. Последний прелестно сказал, что второй гусар писан без любви. Ездил к Константинову, обедал у Некрасова, они мне очень льстили. [...]

17 мая. Утром пришли Горбунов и Долгоруков, Прац и Колбасин 2-й, последнему отдал из 10 процентов издание "детства" и "Отрочества". Поехал в 12 часов, было скучно дорогой. Сначала с А. Ланским, а потом с австрийским каким-то дипломатом. Читал "Лишнего человека". Ужасно приторно, кокетливо, умно и игриво.

18 мая. [Москва.] Приехал в 10 прямо к Перфильевым. Два толстые бутуса. Васенька все-таки хорош, и очень. Ездил обедать к старым Перфильевым. Вареньки не было; но не было скучно. Приезжал какой-то игрок с разлитой желчью, из армян, с Владимиром на шее и хорошенькой женой, урожденной графиней Паниной. Избитый тип и отношения в литературе, но который мне первый раз привелось видеть. После обеда ездил в Кунцево. Застал пустую дачу прехорошенькую, книги, сигары, стакан воды, запотевший от льду, который в нем растаял. Дружинина первого встретил в саду, потом Боткина, вечером пришел Григорьев, и мы болтали до 12-ти весьма приятно. Одни говорят, что ругают, другие говорят, больше литераторы. что "Гусаров" хвалят.

19 мая. [Сергиев посад.] Боткин довез меня в 8 часов до конторы, и я поехал в Троицу с кривым старичком, худощавым молодым человеком и смешливым, рыжим, красным офицером. Было очень скучно, да и голова разболелась так, что я с тетенькой был сух. Она все та же. Тщеславие, маленькая, красивая чувствительность и доброта. В церкви раут: Мальцева, Горчаковы, Талызина, простой народ расталкивают солдаты. Вечером поболтали с тетенькой, в 12 часов пошел посидел еще часик у Горчаковых. Я был весел.

20 мая. [Сергиев посад. – Москва.] Проснулся поздно, почитал какое-то житие, записал две, три штуки и пошел в церковь. Опять оно на меня нашло, то же расположение духа, игривое. Был в ризнице. Точно раек показывают и тут же прикладывается, а старушка-зрительница так и воеет от радости. Евмений утащил к себе, я его просил писать в Ясную. Наскоро простился с тетенькой, обещая ее взять в деревню, и уехал.

Барыни со мной ехали, одна учительша прелестная, загорелая от ходьбы. У Перфильевых пробыл вечер с Костенькой. Юрий Оболенский приезжал. Поедем с ним обедать к С. Аксакову.

21 мая. Утром были Калошины и Загоскин. Обедал у Аксакова. Познакомился с Хомяковым. Остроумный человек. Спорил с Константином о сельском чтении, которое он считает невозможным. Вечером у Горчаковых с Сергеем Дмитриевичем спорил о совершенно противном; Сергей Дмитриевич уверял, что самый развратный класс крестьяне. Разумеется, я из западника сделался жестоким славянофилом.

22 мая. Обедал у Дьяковой. Не узнал Александрин Оболенскую, так она переменялась. Я не ожидал ее видеть, поэтому чувство, которое она возбудила во мне, было ужасно сильно. От них ездил к Аксаковым, слушал 4-й отрывок. Хорош, но старика захвалили. Вернулся к Дьяковым, танцевал немного и выехал оттуда, с Александром Сухотиным, страстно влюбленным человеком.

Да и теперь мне ужасно больно вспомнить о том счастье, которое могло быть мое и которое досталось отличному человеку Андрею Оболенскому. Сухотину рассказал свое чувство, он понял его тем более, что его, кажется, разделяет.

28 мая. [Ясная Поляна.] В дороге. M-11e Vergani, самая ошутительная деспотка, которую я видел когда-либо, как всегда бывает это с нерусскими. Заезжал в

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Судаково, славная там жизнь. В Ясном грустно, приятно, ни несообразно как-то с моим духом. Впрочем, примеривая себя к прежнему ясненскому воспоминаниям, я чувствую, как много я переменялся в либеральном смысле. Татьяна Александровна даже мне неприятна. Ей в 100 лет не вобьешь в голову несправедливость крепости. Дорогой сочинял стихи, кажется, плохи. Нынче делаю сходку и говорю. Что бог даст. Был на сходке. Дело идет хорошо. Мужики радостно понимают. И видят во мне афериста, потому верят. Я, по счастью, ничего слишком не соврал и говорил ясно. Ужинал и болтал с тетенькой. Написал страниц пять "Дневника помещика". 2-й час, ложусь спать.

29 мая. Вставал в 6, но заснул и спал до 12. Посидев с тетенькой до 1 1/2 - пошел в церковь полями. Очень приятно. Потом на Грумант, выбрал деревья, выкупался и выпил молока. Домой приехал верхом, обедал, болтал с тетенькой и Наташей, написал три письма двум братьям и Васеньке и пошел на сходку. Совсем было расстроилось, но теперь идет на лад. 12 часов, поужинал, еду к Маше.

30 мая. [Покровское.] Приехал в Покровское в 10-м часу. С Валерьяном было неловко. Я все еще не понимаю его. Маша, дети ужасно милы. [...] Ходил в купальню, завтракал, спал, написал письмо Тургеневу. Проснулся в 6, выкупался, играл с детьми, объяснился с Валерьяном, ужинал и ложусь спать. Мне что-то неловко здесь, и я чувствую, что не я в этом виноват.

31 мая. [Спасское - Покровское.] В 5-м часу утра поехал верхом к Тургеневу. Приехал в 7, его не было дома, болтал с Порфирьем и дописал в памятной книжке. Дом его показал мне его корни и много объяснил, поэтому примирил с ним. Он приехал, я позавтракал, погулял, поболтал с ним очень приятно и лег спать. Разбудили меня к обеду. Семейство его дяди плохо. Бледные - моральные немки, поэтому, наверно, дурные в этой обстановке помещичьей. Рассказывали дело убийства управляющим мужика, и за обедом был доктор, который дал свидетельство, что мужик не убит. Поехали домой, приятно болтали, равно и дома, где разные смешливые барышни. Хочется писать историю лошади.

1 июня. [Покровское.] Встал в десять, шлялся то с детьми, то с Валерьяном, то с Тургеневым, с которым купался, то с Машей. Потом катались на плоту, музицировали немного. Отношения Маши с Тургеневым мне приятны. С ним мы хороши, но не знаю, оттого ли, что он или я другой. [...]

2 июня. Встал в 11-м часу, пошел к Маше и детям. Очень хорошо болтал с Тургеневым, играли "Дон-Жуана". После завтрака пошли кататься по реке, потом обедали и разъехались. Маша с Валерьяном поехали провожать меня. [...]

3 июня. [Ясная Поляна.] Троицын день. Приехал в 5-м часу и, пройдя сквозь насквозь провоненный дом, испытал огромное наслаждение у окна на сад. Прочел "Дон-Жуана" Пушкина. Восхитительно. Правда и сила, мною никогда не предвиденная в Пушкине. [...] Вечером сходки не было. Но узнал от Василья, что мужики подозревают обман, что в коронацию всем будет свобода, а я хочу их связать контрактом. Что это сделка, как он выразился.

4 июня. Встал в 5, гулял, признаюсь, с ужасно эротическими мыслями. Читал первые стихотворения Пушкина. Потом разбирал свои старые тетради, непонятная, но милая дичь. Решил писать "Дневник помещика", "Казака" и комедию. За первое примусь за "Казака". Завтракал, спал, обедал, гулял, купался в Воронке, читал Пушкина и пошел к мужикам. Не хотят свободу.

7 июня. Проспал до 11 часов и проснулся свежий. [...] Читал Пушкина 2 и 3 часть; "Цыгане" прелестны, как и в первый раз, остальные поэмы, исключая "Онегина", ужасная дрянь. Вечером беседовал с некоторыми мужиками, и их упорство доводило меня до злобы, которую я с трудом мог удерживать.

9 июня. Встал в 9, поясница болит хуже. Читаю биографию Пушкина с наслаждением. Все обдумывается роман помещика. Не могу быть весел. Тетенька осаживает меня, нынче она говорила про наследство покойного Митеньки, про интриги и как странен Николенька [?]. Он промолчал, "ничего не сказал". Довольно тяжело. Пришло в голову письмо Блудову о крепостных, которое набросал. Ездил к Гимбуту, не застал дома. Обратился к объездчику об деле. И в бане к Алешке.

Вечером делал расчет рабочих дней; что за нелепые отношения! Всех дней строгой половиной без праздников мужицких 10500. Нужно же для обработки полей самым

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

большим числом 5000; а всегда поголовная. Летом приходится от мая до октября как раз на бумаге ровно с положением, а зимой нечего делать мужикам и уйти они не могут. Два сильных человека связаны острой цепью, обоим больно, как кто зашевелится, и как один зашевелится, невольно режет другого, и обоим простора нет работать.

10 июня. Встал в 9. Боль в пояснице все усиливается. Читал биографию Пушкина и кончил. Гулял по Заказу, кое-что придумал. Главное, что "Юность" надо писать предпочтительно, не оставляя других: "Записок русского помещика", "Казака" и комедии, особенно для последней главная тема окружающий разврат в деревне. Барыня с лакеем. Брат с сестрой. Незаконный сын отца с его женой et cetera. *. Обьездчик приходил и не застал, потом уж было поздно. Написал было записку Дуровой [?], но, боюсь, слишком нежно. Вечером была сходка. Окончательно отказались от подписки. Об оброке речь осенью. И я буду осень в деревне. Теперь же свободен.

13 июня. Встал в 5, ловил рыбу, шлялся. [...] Читал прелестнейший рассказ "чеченка" Николеньки. Вот эпический талант громадный. [...] Говорил нынче с Агафьей Михайловной, она рассказала про слепого мужика, который все-таки работает, вертит какую-то машину. С завтрашнего дня пойду по всем мужикам; узнаю о их нуждах и буду отдельно уговаривать в обязанные.

14 июня. Встал в 9. Шлялся. Поехал с Натальей Петровной к Гимбуту и к Арсеньеву. [...] Читал Николенькин рассказ, опять заплакал. Рассказывая казачью песнь - тоже. Начинаю любить эпически легендарный характер. Попробую из казачьей песни сделать стихотворение.

15 июня. Встал в 10. Шлялись с Дьяковым, много советовал мне дельного, о устройстве флигеля, а главное, советовал жениться на Валерии. Слушая его, мне кажется тоже, что это лучшее, что я могу сделать. Неужели деньги останавливают меня. Нет, случай. [...]

18 июня. Приехал Дьяков, и уговорил его ехать вместе к Арсеньевым. Валерия болтала про наряды и коронацию. Фривольность есть у нее, кажется, не преходящая, но постоянная страсть. Приезд мой с Дьяковым был неловок, как будто обещал им что-то.

22 июня. Целый день один с тетенькой дома, в праздности, урывками играя и читая "Ньюкомов". Вечером долго не мог заснуть, был в мечтательном расположении духа и составил ясно не на бумаге, а в голове план "Юности". С 18 июня я не записывал, и один день у меня пропал как-то. Начинается сильное сердцебиение.

23 июня. Совсем нездоров, сердцебиение мешает ходить, зубная боль. Утром дописал дневник и заметки. Целый день дома, на рыбной ловле, читая "Ньюкомов"...

24 июня. Были у Арсеньевых с тетушками. Валерия была ужасно плоха, и совсем я успокоился.

26 июня. Встал в 9-м, читал "Ньюкомов", переписал заметки, перечел "Юность", хотел писать, но так и остановился. Мужика убрали. Делал гимнастику, ел постный обед дома и поехал с Натальей Петровной к Арсеньевым. Встретил еще на дороге посланного. У них Тарасов. Валерия в белом платье. Очень мила. Провел один из самых приятных дней в жизни. Люблю ли я ее серьезно? И может ли она любить долго? вот два вопроса, которые я желал бы и не умею решить себе. Уезжая оттуда, Наталья Петровна страшно болтала. Мне стало противно. Вчера получил письма от Колбасина, Некрасова, Перфильева и Тургенева. Надо писать.

28 июня. Встал в 10, отдал первую главу "Юности" с большим удовольствием. Зубы разболелись хуже, после обеда поехал к Арсеньевым. Валерия ужасно дурно воспитана, невежественна, ежели не глупа. [...]

30 июня. Встал в десять, дочел "Ньюкомов". Написал страничку "Юности", играл симфонию пятую. Приехали Арсеньевы. Валерия славная девочка, но решительно мне не нравится. А ежели этак часто видется, как раз женишься. Оно бы и не беда, да не нужно и не желается, а я убедился, что все, что не нужно и не желается, - вредно. [...]

1 июля. Проснулся в 12-м часу, играл много, написал странички две "Юности".

[...] Провел весь день с Валерией. Она была в белом платье с открытыми руками, которые у ней нехороши. Это меня расстроило. Я стал щипать ее морально и до того жестоко, что она улыбалась недоконченно. В улыбке слезы. Потом она играла. Мне было хорошо, но она уже была расстроена. Все это я узнаю.

2 июля. Написал письма Некрасову о "Современнике" и злости, Розену и Корсакову, пообедал и поехал к Арсеньевым. Валерия писала в темной комнате опять в гадком франтовском капоте. Она была холодна и самостоятельна, показала мне письмо сестре, в котором говорит, что я эгоист и т. д. Потом пришла М. Vergani и начались шутливо, а потом серьезно рекриминации, которые мне были больны и тяжелы. Я сделал ей серьезно больно вчера, но она откровенно высказалась, и после маленькой грусти, которую я испытал, все прошло. Она несколько раз говорила, что теперь: пусть по-старому. Очень мила.

3 июля. [Покровское.] Играл. Писал немного "Юность" и в 2 после обеда поехал. Неделикатно сказал при тетушке Полине, которой дал деньги, что у меня денег нет. Ехал приятно, кой-что придумал приехал в 12-ть поболтался и лег спать.

4 июля. Дождь обложный, поездка в Мценск сложена. Послано к Тургеневу. День провел с детьми и музицируя

5 июля. Проснулся рано, купался. Девчонка прибежала, но я был хорошо расположен и прогнал ее. Играл с детьми, обедал, музицировал. Приехал Тургенев. Он решительно несообразный, холодный и тяжелый человек, и мне жалко его. Я никогда с ним не сойду. [...]

7 июля. [Спасское.] [...] Поехали к Тургеневу и там теперь. Дорогой испытал религиозное чувство до слез.

8 июля. [Покровское.] Встал поздно, приехал. Сережа, Маша и Валерьян гадко поступили. Сереже неприятно, им тем паче. Провел день безалаберно. Тургенев глупо устроил себе жизнь. Нельзя устроить необыкновенно. У него вся жизнь притворство простоты. И он мне решительно неприятен. Вечером ловил рыбу, и поболтали славно с Сережей. Он хочет ехать за границу. Славные делали планы. Страшно, что планы.

10 июля. [Ясная Поляна.] Лег спать, проснулся в 12. Играл, обедал, поехал к Арсеньевым. Там были гости. Валерия очень мила, и наши отношения легки и приятны. Что ежели бы они могли остаться всегда такие.

11 июля. Хотел ехать к имениннице Лазаревич, но простудился - ревматизм, и горло болит. Целый день дома играл, мечтал и был счастлив. Что за прелесть тетенька Татьяна Александровна, что за любовь!

12 июля. Встал поздно с горловой болью. Ничего не делал. Приехали судаковские. Валерия была лучше, чем когда-нибудь, но фривольность и отсутствие внимания ко всему серьезному - ужасающи. Я боюсь, это такой характер, который даже детей не может любить. Провел день, однако, очень приятно.

13 июля. Встал рано, горло лучше, но спина все болит. Поехал верхом, на овсы, через Бабурино в Мясоедово. Они выморочные, вольные. Дворовые сели на землю. Я долго говорил с одним. В кабак ходят больше, фруктовые сады вырубил. Некоторые живут хуже, но все говорят, как будто лестно, что слободные, на травке лежи, сколько хочешь. Хочу ехать к Арсеньевым и поговорить с Vergani.

С Vergani не говорил. Застал там Завальевского, а потом Спечинского. Добрый малый, кажется. Валерию дразнили коронацией до слез. Она ни в чем не виновата; но мне стало неприятно, и я долго туда не поеду. Или, может, это оттого, что она слишком много мне показывала дружбы. Страшно и женитьба и подлость - то есть забава ею. А жениться - много надо переделать; а мне еще над собой надо работать. Приехал поздно.

16 июля. Дождь. Был у Брандта. Придумал фантастический рассказ.

25 июля. Встал в 12, читал "Мертвые души" с наслаждением, много своих мыслей, ничего не писал. Погода хороша. За обедом, посредством спора, расшевелил Машу, и потом приятно поговорили с ней. После обеда поехал с Натальей Петровной к Валерии. В первый раз застал ее без платьев, как говорит Сережа. Она в 10 раз

лучше, – главное, естественна. Закладывала волосы за уши, поняв, что это мне нравится. Сердилась на меня. Кажется, она деятельно любящая натура. Провел вечер счастливо.

27 июля. Встал поздно, празднично с помощью фортепьян. Писал немного "Юность" и с большим удовольствием. Непременно, с моей привычкой передумыванья, мне надо привыкнуть писать сразу. За обедом поспорил желчно с Машей. Тетенька вступилась за нее. Она сказала, что Тургенев говорит, со мной нельзя спорить. Неужели у меня дурной характер? Надо удерживаться, а причиной всему гордость, правду сказала Валерия. После обеда ездил верхом и в баню. Ничего не делал.

30 июля. Проснулся поздно. Писал главу "Экзамен", написал листочка два. [...]

31 июля. Встал поздно, пришла тетенька Татьяна Александровна. Она прелесть доброты. Писал главу экзаменов. [...]

1 августа. Встал поздно. [...] Просыпался рано и в пробуждении пробовал придумывать свои лица. Воображение ужасно живо. Успел представить себе отца отлично. Дописал экзамены. Приехали Арсеньевы. Валерия была в конфузном состоянии духа и жестоко аффектирована и глупа. Думаю вечером писать. Не писал.

9 августа. 7 августа не помню. Знаю только, что в эти дни писал каждый день часа по два и был у Арсеньевых, и Валерия возбуждала во мне все одно чувство любознательности и признательности. Впрочем, вспомнил. 8-го они были у нас, и Валерия глумилась над собой, я дразнил ее. 8-го и 9-го я сидел дома, потому что переврала Наталья Петровна.

10 августа. Я писал утро, вечером поехал к ним. Они собирались в баню. Мы с Валерией говорили о женитьбе, она не глупа и необыкновенно добра.

12 августа в десять поехал к Арсеньевым провожать. Она была необыкновенно проста и мила. Желал бы я знать, влюблен ли или нет. Приехал домой, пописал немного.

13 августа. Писал до двух, пришли гости из Засеки и надоедали до восьми. Написал письмо с поправками "Детства" и "Отрочества" Колбасину.

22 августа. Кончил начерно "Юность", первую половину, и придумал "Отъездное поле", мысль которого приводит меня в восторг. Молчание Валерии огорчает меня. Нынче протравил русака, которого отукнул.

23 августа. Утром был Гимбут, я объяснился с ним, хотел поправлять, но не приступил. Начал "Отъездное поле".

29 августа. Утром дописал главу понимания. Ездил на охоту, затравил двух, вечером ничего не делал, читал Берга. Как ни презренно *сomme il faut* [?][Здесь в смысле: аристократизм, светскость (фр.)], а без него мне противен писатель, р. л.

1 сентября. Погода гадкая, снег. Диктовал и написал "Юность", с удовольствием до слез. Целый день дома.

4 сентября. Продиктовал три главы, и последняя очень хороша. Ездил на охоту, ничего не нашел. Здоровье нехорошо, все болит, сон гадкий. О Валерии думаю очень приятно.

6 сентября. Встал с колотьем в боку, но поехал на охоту и в Судаково. Ничего не нашел. В Судакове с величайшим удовольствием вспоминал о Валерии. Приехав домой, совсем разболелся, послал за доктором, поставил пиявки и отказал Офросимову, который присылал, но продиктовал, и порядочно, главу: "Кутеж".

[22 сентября.] 21, 22. Здоровье все плохо, переделывал "Юность" порядочно, кажется. Получил от Дружинина письмо и отвечал ему, посылая "Юность".

23 [сентября]. Здоровье поправилось, приезжал Троицкий. Поправил "Юность". Вторая половина очень плоха.

24 [сентября]. Здоровье лучше и лучше. Приезжала m-lle Vergani, по ее рассказам Валерия мне противна. Кончил "Юность", плохо, послал ее.

25 [сентября]. Утром хозяйственные мысли, ничего не делал, ездил к Арсеньевым. Валерия мила, но, увы, просто глупа, и это был жмуший башмачок.

26 сентября. Была Валерия, мила, но ограничена и фютильна невозможно.

29 сентября. [Судаково.] Проснулся в 9 злой. Валерия не способна ни к практической, ни к умственной жизни. Я сказал ей только неприятную часть того, что хотел сказать, и поэтому оно не подействовало на нее. Я злился. Навели разговор на Мортье, и оказалось, что она влюблена в него. Странно, это оскорбило меня, мне стыдно стало за себя и за нее, но в первый раз я испытал к ней что-то вроде чувства. Читал "Вертера". Восхитительно. Тетенька не прислала за мной, и я ночевал еще.

1 октября. [Ясная поляна.] Проснулся все не в духе. Часу в 1-м опять заболел бок без всякой видимой причины. Ничего не делал, но, слава богу, меньше думал о Валерии. Я не влюблен, но эта связь будет навсегда играть большую роль в моей жизни. А что, ежели я не знал еще любви, тогда, судя по тому маленькому началу, которое я чувствую теперь, я испытаю с ужасной силой, не дай бог, чтоб это было к Валерии. Она страшно пуста, без правил и холодна, как лед, оттого беспрестанно увлекается. Написал письмо Ковалевскому и отставку вчера.

7 октября. Дома празднично и не в духе.

8 октября. Поехал к Арсеньевым. Не могу не колотить Валерию. Это уж привычка, но не чувство. Она только для меня неприятное воспоминание. Затеял было писать комедию. Может, возьмусь.

11 октября. [Лапотково.] Проснулся в 9-м, поехал охотой к Маше. Приехал в Лапотково в 5, затравив одного. Прочел "Bourgeois Gentil'homme" и много думал о комедии из Оленькиной жизни. В двух действиях. Кажется, может быть порядочно. Перечел весь этот дневник. Чрезвычайно приятно.

14 октября. [Покровское.] Встал рано. Порфирий с наслаждением ругал меня часа два Николая Николаевича Тургенева. И Тургенев кругом виноват. Никакая художническая струя не увольняет от участия в общественной жизни. Что лучше, увидав зарезанного, с отвращением отойти от него или дать ему хоть неловкое пособие.

Ничего не делал целый день, получил вчера письмо от Ивана Тургенева, которое мне не понравилось. Вечером приехал Валерьян. Мне не хочется ехать в Москву. Читал "Пиквикский клуб", а дорогой Molier'a.

25 октября. Встал в 8-м, немного пописал. Написал начало комедии и письмо Тургеневу, получил письмо от Дружинина. Хвалит "Юность", но не слишком. Мне приятно с Машей, много болтал о своих планах об "Отъезде поле". Завтра, кажется, пороша.

19 октября. [Судаково.] Поехал в Тулу, заехал к Арсеньевым на минутку. Получил письма от Сережи, Панаева и расписки от майоров. [...] Вечер у Арсеньевых и ночевал. Смотрел спокойнее на Валерию, она растолстела ужасно, и я решительно не имею к ней никакого, дал ей понять, что нужно объяснение, она рада, но рассеянно. Ольга умна. Ночевал у них.

20 октября. [Ясная поляна.] Поехал с ними в санях в Ясную. Не скучно было. Но сердит на себя за то, что не решился ей объяснить всего.

[22 октября. Судаково.] Утро провел дома, читая; тетенька все дуется. Я не выдержал этого и поехал к Арсеньевым. Сначала по своему полю ничего не нашел. У них был Павлов, поэтому не мог найти случая рассказать историю Храповицкого и для этого остался ночевать. Немножко поговорили, обещался утром рассказать.

23 [октября]. Еще Валерия не встала, как приехали Гимбуты и опять помешали рассказать историю. После обеда было очень весело. Когда Гимбуты уехали, за ужином затеялся милый разговор четвером, и я рассказал m-lle Vergani историю Храповицкого в кабинете, а она рассказала ее Валерии. Напрасно я не сказал сам. Я заснул почти спокойный, но далеко не влюбленный, - у них.

24 октября. [Ясная поляна.] Валерия пришла смущенная, но довольная. Мне было

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
радостно и совестно. Я уехал. Дома помирились с тетенькой.

Поехал на бал. Валерия была прелестна. Я почти влюблен в нее.

25 октября. Был у них, говорил с ней. Очень хорошо. Чувствовал даже слезливое расположение духа.

27 октября. Утро болен, гулял, писать ничего не могу. Приехала Валерия. Не слишком мне нравилась, но она милая, милая девушка, честно и откровенно она сказала, что хочет поветь после истории Мортье, я показал ей этот дневник, 25 число кончалось фразой: я ее люблю. Она вырвала этот листок.

28 октября. С собаками доехал до Гимбута, у него обедал, утром написал письмо Дарагану, Арсеньеву и поехал к Валерии. Она была для меня в какой-то ужасной прическе и порфире. Мне было больно, стыдно, и день провел грустно, беседа не шла. Однако я совершенно невольно сделался что-то вроде жениха. Это меня злит. Застал Сережу. Прочел у них "Фауста" Тургенева. Прелестно.

29 октября. С Сережей болтал целое утро. С ним поехал к Арсеньевым. Она была проста, мила, болтали в уголку.

[30 октября. Судаково.] Ездил на охоту, поймал двух на логовах, одного застрелил, нашел m-lle Vergani и с ней поехал к Арсеньевым. Нечего с ней говорить. Ее ограниченность страшит меня. И злит невольность моего положения. Много думал на охоте. Надо больше жить жизнью. Совершенства нет. Хорошо, ежели нет худа.

[31 октября. Тула.] Ночевал у них. Она не хороша. Невольность моя злит меня больше и больше. Поехал на бал, и опять была очень мила. Болезненный голос и желание компрометироваться и чем-нибудь пожертвовать для меня. С ними поехали в номера, они меня проводили, я был почти влюблен.

1 ноября. [Москва.] В дороге думал только о Валерии, не совсем здоров, приехал в Москву ночью, остановился у Шевальдышева.

2 ноября. Написал Валерии длинное письмо. Поехал к Маше, она мила и здорова. Рассказывал ей про Валерию, она на ее стороне. Вечером был у Боткина, очень приятно, и у Островского, он грязен и, хотя добрый человек, холодный самолюбец. Страшная мигрень.

3 ноября. Утром письмо тетеньке, у Машеньки, катался с детьми, обедал у Боткина. Григорьев и Островский, я старался оскорбить их убеждения. Зачем? не знаю. Вечером у Маши и Волконского, очень приятно.

4 ноября. Дочел "Полярную звезду". Очень хорошо, записал дневник. [...]

5 ноября. Утром писал немного, обедал опять у Маши, в театре "Горе от ума" - отлично. [...]

7 ноября. [Петербург.] Приехал, был у Константинова, он славный, великий князь знает про песню. Ездил объясняться с Екимихом молодцом, гимнастика, обедал дома один, вечером Дружинин и Анненков, немного тяжело с первым.

8 ноября. Утром написал злое письмо Валерии, одно не послал, другое послал. Был у Дружинина и Панаева, редакция "Современника" противна. Гимнастика. Обедали с Гончаровым и Дружининым у Клее, вечером сидели у меня и Ковалевский. Поехали к Краевскому, чему я очень рад.

10 ноября. Встал в 11-м. Ничего не успел написать, как пришел Балюзек, поехал смотреть квартиру к Колбасину и на гимнастику. Успел тоже написать Сереже, Маше и Константинову. Купил книгу, обедал дома, прочел все повести Тургенева. Плохо. Диктовал немного. С Дружининым поехал к Ольге Тургеневой. Дружинин стыдится за меня. Ольга Тургенева, право, не считая красоты, хуже Валерии. Много о ней думаю. Нашел квартиру. Завтра переехать и в Правоведение. Видел во сне вальс с Валерией и странный случай.

11 ноября. С утра переезжал, читал дрянь, льстился на службу, но удержался. Пошел к Давыдову, прочел рецензию на "Севастополь в августе" и "Метель", умно и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

дельно, поехал на квартиру. Оставили меня без сапог, злился. Написал крошечное письмо Валерии, думаю о ней очень. Продиктовал часа 1 1/2. Поехал к Гардееву. С Трузсоном приехал домой, он отсоветывает жениться, славный человек. Завтра к Константинову, Гончарову, в Правоведение, в штаб, приготовить для переписки "Роман русского помещика".

13 ноября. Встал в 11-м, писал второе явление комедии, на гимнастику, там мальчик-аристократ, в 4-м часу к Дружинину, там Гончаров, Анненков, все мне противны, особенно Дружинин, и противны за то, что мне хочется любить, дружбы, а они не в состоянии. [...] Перечел переписанный "Роман русского помещика", может выйти хорошая вещь. Чуть-чуть подиктовал "Разжалованного" и дописал письмо Валерии - очень холодно.

14 ноября. Встал рано, писал утром немного "Разжалованного". К Панаеву, нагнал тоску. Я страшно восприимчив к похвале и порицанию. Гимнастика весело. Дома Нечаев, обедал, спал, ездил зачем-то к Ухтомскому, дописал начерно "Разжалованного". Завтра написать Некрасову и объяснить цену за "Юность" и предложить Давыдову.

15 ноября. Ничего не сделал из назначенного. С утра встал и поправил "Разжалованного", читал "Генриха IV" и злился на "Современник". Гимнастика, обедал у Боткина. История с "Современником", я высказал отчасти свое мнение. Читал "Разжалованного", приняли холодно, оттуда поехали с Дружининым к Анненкову и застали его играющим на органе, поехали к Безобразову. Собрание литераторов и ученых противно, и без женщин не выйдет. Потом ужинали с Анненковым и много толковали, он очень умен и человек хороший.

17 ноября. С утра переправлял "Роман русского помещика", растянуто жестоко. Гимнастика, обедал дома и опять то же работал до 9 часов. Поехал к Боткину, застал там Дружинина, приятно провел вечер, я был добр и скромн, и от этого хорошо было. Спорили с Боткиным о том, представляет ли себе поэт читателя, или нет. Он склонен к туманности. Дружинин был добродушен. Получил 100 р. от Колбасина.

18 ноября. Переправлял "Разжалованного", поехал к Боткину обедать. Читал "Роман русского помещика". Он дал хорошие советы, говорит - порядочно, приятно болтали, был у доктора от боли в ляжке; приехав домой, поставил банки, прочел статью Дружинина, приехал Трузсон, сначала было скучно, потом разболтались до двух.

19 ноября. С утра ленился приняться. Немного написал "Роман русского помещика". Получил письмо от Валерии недурное, но странно - под влиянием работы я к ней хладнокровен. Гимнастика, дома обедал, от пива спать захотелось, написал Валерии среднее письмо и от 9 до 2 работал. Больше половины сделано.

20 ноября. Встал в 10, написал немного. Гимнастика, обедал у Дружинина. Там Писемский, который, очевидно, меня не любит, и мне это больно. Дружинин отказался слушать меня, и это меня покорило, дома нашел письмо от Валерии. Ничего нового в письмах, неразвита любящая натура. Отвечал ей, лег в 3.

21 ноября. Встал в 1. Пришел Майков. Гимнастика, обедал у Столыпина, неучтив был с его женой. У Боткина весь вечер, прочел "Роман русского помещика", решительно плохо, но напечатаю. Надо вымарывать. [...]

22 ноября. Встал в 11. Хотел писать, не шло. Гимнастика. Обедал у Панаева. Потом у Краевского до вечера. Литературная подкладка противна мне до того, как ничто никогда противно не было. Написал Валерии письмо. Очень думал об ней. Может, оттого, что не видал в это время женщин.

23 ноября. Встал в 1. Тишкевич помешал, поправил немного, обедал дома. Поправлял. Получил милое письмо от Валерии, отвечал ей. [...] Как хочется поскорее отделаться с журналами, чтобы писать так, как я теперь начинаю думать об искусстве, ужасно высоко и чисто.

25 ноября. Встал в 9, дурно спал опять. Поехал в зверинец, рано. К Ковалевскому, он был мил. В университете дрянь играли. Государь читал "Детство". В зверинце барыня со сладострастными глазами. Поработал утром и перед обедом. Обедал дома, был милый Анненков и несносный Бакунин. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

26 ноября. Встал в 10, писал, гимнастика, дома обедал, диктовал "Утро помещика" хорошо, приехал Балюзек, потом Дружинин, легко и приятно. Получил глупо-кроткое письмо от Валерии, поехал к Ольге Тургеневой, там мне неловко, но наслаждался прелестным трио. Заехал к Панаеву, он нагнал на меня тоску.

27 ноября. Встал в 10. Получил письмо глупое от Валерии. Она сама себя надувает, и я это вижу – насквозь, вот что скучно. Ежели бы узнать так друг друга, что не прямо воспринимать чужую мысль, а так, что видеть ее филиацию в другом. [...]

29 ноября. Пропустил и не помню, что делал. Корректуры немного. Да, кончил "Утро помещика" и сам отвез к Краевскому, там был в духе, спор с консерватором. Каменский. Дудышкин и Гончаров слегка похвалили "Утро помещика". О Валерии мало и неприятно думаю.

30 ноября. Зачем-то с утра взял карету, поехал к Константинову. Штатское платье еще нельзя, в магазины, книги купил, заказал платье, гимнастика, все болит, обедал дома, корректура "Разжалованного", который плох. Опоздал к Анненкову и к Дружинину и к Щербатову. [...] Получил страховое и милое письмо от Валерии. [...]

7 декабря. Встал в 11, записал день и играл до гимнастики. Рука очень болела, обедал дома, дочел Carmen – слабо, французско, получил письмо от Тургенева и послал ему. Заснул, пришел Полонский, смешон, Боткин, с ним в "Гугенотов", просто нехорошо. Написал письмо Валерии, хорошее, ни тепло, ни холодно, и письмо Каткову. Завтра написать письма тетеньке, Николеньке, Сереже, съездить к Шевич, к Оболенскому и к Столыпину.

2 декабря. "Разжалованного" не пропускают. Поехал в университет. Симфония прелестна. К Столыпину, он скучен. К Боткину, к Дюссо обедать. Вечер сидел с Боткиным, Дружининым и Анненковым. Приятно, денег издержал много, к Шевич написал.

3 декабря. Ничего не пишу – читал Мериме – хорошо, думаю комедию. Гимнастика, хорошо не болит. Обедал дома, заснул, был у Шевич, скучно, играл. У Боткина, Панаев хвалит "Юность" очень. Приятно, поправил корректуры "Разжалованного". [...]

5 декабря. Утро читал "Обыкновенную историю", которую послал Валерии. Написал Сереже и тетеньке. Поправил "Разжалованного", гимнастика, у Шевич слушал дурной рассказ, у Дружинина приятно, объяснился с Панаевым. [...]

7 декабря. Встал поздно, написал письмо Валерии, гимнастика, обедал дома, прочел "Бедную невесту", просто слабо. Хороша его любовница. Был в цирке, ужинал неизвестно зачем у Дюссо. Прочел вторую статью Дружинина. Его слабость, что он никогда не усомнится, не вздор ли это все.

11 декабря. Читал "Лири", мало подействовало, гимнастика, обедал дома. К Боткину – там застал Анненкова и Дружинина, ужинал. Мне очень грустно.

16 декабря. Встал в 1/2 3-го, свеж, пошел к Ковалевскому, взял материал для истории, обделал дело Б-й Зубкова [?], к Боткину, у него продержал корректуры и приятно болтал, к Дружинину, от него к А. Толстому. Прутковщина. Его мать добродушно-лихая, славная госпожа.

17 декабря, проснулся в 11, стал поправлять третью тетрадь, принесли перемаранные корректуры духовной цензурой. Пошел на гимнастику, очень был в духе. Упал. У Боткина обедал, не похвалил его статью, он злился. Потом к Тургеневу. Лир прелестен. Но с Ольгой Александровной мне все неловко, виноват Ванечка. Завтра ехать к Иоанну и написать Николеньке, тетеньке и Валерии.

18 декабря. Разбудили меня в 11. Поехал к отцу Иоанну, стерва! К Панаеву, там Чернышевский, мил. На гимнастике плохо. У Панаева обедал, Боткин в восхищенье от "Юности", у меня Столыпин, Полонский, Дружинин, Анненков, Боткин, Панаев, Жемчужников, Толстой. [...]

28 декабря. Встал поздно. Все думал о комедии. Вздор. Гимнастика. Получил свидетельство. Обедал у Шевич. Блюдов стерва. Вяземский запретил последнюю главу. От Некрасова письмо. Неожиданно поехал к Дружинину. Не кончил корректуру,

пришли наряженные.

29 декабря. Встал поздно, получил длинное письмо от Валерии, это мне было неприятно. Гимнастика. Злился дома. Обедал у Боткина. Нелепость и невежество цензуры ужасны. Был у Лажечникова, он жалок. Дома музыка. Безобразов, Бакунин, Столыпин, Боткин, Дружинин, Анненков. Хорошо было. Нервы мои убиты до сих пор.

ДНЕВНИК ПОМЕЩИКА

28 мая [1856 г.]. В 8 часов вечера я позвал к себе старосту Василия молодого красивого мужика из богатых ямщиков, который ходит в синем казакине и говорит красноречиво, путая господские обороты с крестьянской речью, и Осипа Наумова, мужа моей кормилицы, бывшего старосту, известного за колдуна, хозяина и пчеловода. Осипу Наумову лет 60, но на вид не более 40. Он приземист, очень белокур, глаза всегда смеются. Он умен, речист и гордится тем, что знает солнечные часы и планы, что не мешает ему быть вполне народным как в жизни, речах, так и приемах. Я объявил им, что намерен отпустить всех крестьян по оброку, и созвал сходку для того, чтобы узнать, согласен ли будет мир на оброчное положение при следующих двух условиях: 1) чтоб крестьянские земли все отмежеваны были к одному краю, и 2) чтоб дело я имел не с каждым отдельным крестьянином, а с обществом, причем общество за недоимки обязано выставлять по урочной плате нужное число рабочих.

Василий сказал, что размежевку земли составить слишком затруднительно, на что я ответил, что затруднения не остановят меня. Осип сказал, что иметь дело с обществом невозможно, потому что найдется слишком много лежебоков. Он не понял меня. Когда я объяснился лучше, он замолк. Я перешел к сходке. Здравствуйте (я не знал, сказать ли "ребята", или "друзья", или "мир", и промывал что-то), сказал я и спросил, нет ли жалоб и довольны ли начальниками. Все молчали, я смотрел на Матвея Егорова, богатого ямщика. "Так довольны", повторил я. "Что ж..." - сказал кто-то. "Стало быть, довольны", - повторил я опять после долгого молчания и перешел к изложению моего предложения. Когда я сказал, что даю еще по полдесятины на душу, двое поклонились. Я сказал, что дело не в благодарности (они перестали тотчас же), а в том, чтобы ответили мне на два вопроса. Когда объяснял, как я понимаю мои отношения к обществу, многие изъявили одобрение. Когда я говорил о перемеревке, Василий объяснил, что та самая отходящая земля, 25 десятин, приступит к крестьянскому полю. Я ничего не понял и выразил ему это, но один из мужиков понял, что то была речь о земле барской в крестьянском клине, которая поступит в число 1/4 десятины на душу.

Предоставив решить дело между собой, я ушел домой. Часа через 1 1/2; пришли Василий и Осип и объявил Василий, что насчет общества согласны, чтоб я положил сумму на всех и сказал, какую еще землю даю, чтобы они знали, сколько мне платить могут. Общинное начало не удивило их, они еще развили его. Насчет размежевки земли же они изъявляли свое несогласие, предполагая, что вся крестьянская земля будет переделаться между ними и между мной; причем Осип прибавил, что ежели я у них за С. верхом землю отмежую, то они без хлеба останутся. Они, видимо, предполагали во мне умысел обобрать их. Когда я объяснил, что перемеревки не будет, исключая невозможного сосредоточения в одно всей моей земли, они согласились. При этом я показал это, как я понимаю, на плане. Осип старался не столько понимать, что я говорил, сколько уколоть Василия его незнанием плана. О цене же я сказал, что прежде назначения ее хочу определить все условия, и что тогда пусть сами скажут, что могут дать. Я купец, они покупатели. Это понравилось Осипу. Еще я сказал им передать миру, чтобы определили справочные цены работ, весьма неудачно объяснив необходимость не набавлять цены тем, что я не буду брать их по высоким ценам зарабатывать оброк, и приказал старосте поговорить с владельцами всех долженствующих перемереваться земель о их требованиях.

Они ушли, но я не вытерпел и в темноте подошел к забору, от которого мог слышать их речи. Объяснение перемеревки понравилось, говорили все вместе. Свеженавозные земли были одним затруднением; кто-то один сказал, что коли у кого отойдет навозная земля, то миром навозить ее, и все согласились. Владельцами перемеревывающихся земель оказались все, и все согласились. Насчет справочных цен почти единогласно чрезвычайно умеренно назначили цены: пахоту 1 р. сер., косьбу крюком 50 к. с. и т. д. Доводом к тому, чтобы не набавляли лишнего, было то, что коли дорого назначить - будут работать чужие и своим придется брать дешевле. Как они меня поправили!

Я подошел к ним; сняли шапки и замолкли. Говорили только староста, Осип и Резун, бездомовник, умный плотник, говорун, лет 60, но на вид 40, худощавый, остроносый, с бородой. Я требовал, чтобы надели шапки, говоря, что с шапками голос пропал. Дружелюбно смеялись: цель сходки нравилась. Резун предложил взять земли на мальчиков. Осип нетерпеливо поддернул плечом и отвернулся. Я сказал, что земли даю только те, которые находятся в владении. Поняли, что Резун бил на нечистое дело.

Я предложил вопрос о том, сколько хотят сенокоса в одном месте, чтобы ни мне, ни миру обидно не было. Резун сказал, что половину дать им. Я ответил, что он судит скоро, чтоб подумал: цена оброка будет зависеть от того, сколько у них будет земли. Замолчали, и звуки одобрения. Я простился и пошел, они тоже пошли, громко разговаривая. Завтра дадут ответ о сенокосе.

29 мая. В 9 часов мне сказали, что собралась сходка. Я пошел к ним и предложил вопрос о сенокосе. Вообще заметно было уныние, непохожее на вчерашнее расположение духа. О сенокосе мне сказали, что у них сена слишком мало и желали бы иметь больше, именно Арковский верх и т. д. Я пошел с Осипом посмотреть на плане. Он многозначительно поводит пальцем и растолковал мне. Мы решили определить так, что я отдаю все покосы, исключая некоторых. Я вышел снова к ним из конторы и предложил вопрос так: хотите взять по вольному контракту или нет и какую назначите цену? Осип сказал: рублей 20, – как будто не понимая, в чем дело – предложил то есть 1/3 настоящей цены. Я снова ушел в контору, посоветовав им совещаться. Я с глазу на глаз объявил Василию цену, за которую я хочу отпустить. Он нашел цену небольшою. Сообщил ему мысль приобщить дворовых к общине. Он понял так, что крестьяне будут нанимать у дворовых. Сообщил тоже Осину о дворовых, ему понравилось. Осип сказал вдруг, что о сенокосе несогласны, не зная цены. Вышел к ним, объяснил о дворовых всем, обращаясь преимущественно к Резуну. Он вдруг сказал, что вообще отвечать общиной не согласны. Мы разошлись совсем. Они сказали, что с барщиной много довольны и жить хорошо, ежели бы я прибавил сенокоса и земли. Снова я спросил, как могут быть не согласны, не зная цены. Просили открыть цену. Я сказал. Молчание. Резун сказал: нельзя. Какой-то дерзкий голос, с желанием уколоть меня, как мне показалось; оброком нас всех разорите. Много голосов, все из бедных и бездомовных: за что общество будет отвечать за неимущих и полтора оброка платить? Я доказывал, что заработают барщиной, одной поденной работой в 1 1/2 раза больше. Умолкли. Я предложил советоваться и ушел. Вызвал старосту, прося его убедить их. Он обещал, как дело весьма для него легкое. Снова я пошел к ним. Уже толковали о том, сколько платить старикам без земли. Просили прибавить земли на мальчиков и убавить цены, я назначил каждый день сходки и ответ в троицын день через пять дней.

3 июня. Троицын [день]. Сходки не было, потому что я не приказал старосте, а только сказал мужикам на сходке. Василий, однако, утром сказал мне, что мужики решительно не согласны, что Осип сказал, что и 10 р. не заплатить, а Резун один согласен. Вечером на Груманте встретил Кирилу, Анисимова брата, в лесу и заговорил с ним; он сказал, что нынешний год тяжел падежом лошадей, и поэтому оброк невозможен. Потом подъехал к Осипу: он с сдержанной улыбкой умного человека, который проник, что его хотят надуть, и не поддастся, сказал, что придется платить по 150 рублей за нищих, что оброк велик и что староста угнетатель.

Встретил Резуна, тот сказал, что он не понимает упорства других, что он согласен и что надо поговорить еще. Потом подъехал к Даниле (богатый семейный мужик, из ямщиков, худой, бледный, неподобострастный, но добродушный и очень умный). Он подошел ко мне, когда я заговорил об оброке, с лицом, выражающим стыд за меня, что я притворяюсь и лгу. Он отделался общими местами, говоря, что и за мной жить хорошо, что при папеньке моем за ними оброк тоже не стоял. Часов в 10 я пошел ходить с Васильем и рассказал ему весь свой план. Василий понял, не удивился и сказал, что он как пред богом, так и передо мной объяснит, что они имеют в разуме, что я хочу сделку сделать, теперь обязательство взять, так как знаю, что в коронацию всем будет свобода, и главное от этого не соглашаются. Они и не знали, что я намерен пересадить на оброк с осени. Но трудно будет разуверить в том, что я их обманываю. Завтра открою им свою мысль и допущу оброк хотя нескольких, ежели не захотят обществом.

5 июня. Нынче была сходка. Когда я спросил: желают ли на оброк обществом, долго все молчали и потом стали говорить, что дорого и что некоторые пойдут, может.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Сказали только, что не согласны, когда я спросил: не согласны? Говорили, что хлеба нет и придется платить по 92 рубля, что некоторые пойдут. Я объяснил, что все дело решится только осенью. Молчание... Я вошел в контору и из окна начал говорить: что цель моя в том, чтобы они откупились. Молчание. Что произойти это не может раньше выкупа из Совета, 24 лет. Яков, белобрысый бойкий мужик, сказал, что никто не доживет до этого срока. Звуки одобрения. Сказали, что оброк велик и что и так жить хорошо. Я предложил идти на оброк тем, которые хотят, и составить общество. Звуки одобрения; но когда я сказал, что остальные пусть вместе с другими сделают условие – контракт, послышались испуганно-недовольные возражения, что может сделаться болезнь и из всего общества 10 человек останется. Я сказал (необдуманно), что контракт нельзя сделать иначе, как когда все пойдут, а потом сказал, что можно и совсем, вообще изложил неясно.

Сначала напали бедняки, и из первых Яков, на то, что оброчным нечего ходить, ежели не все. Я объяснил, что каждый свободен; потом возразили, что пусть лучше останется на прежнем положении, а то кормить в голод некому будет, и выйдя из оброка, я не приму его. Возвратились к оброку, просили отсрочку до осени; когда я сказал, что нужно мои поля бросить, они предлагали нанять их. Я сказал им пункты условия, все изъявили неудовольствие и к подписке выражали страх. Потом я замечал, что ежели свобода будет дана общая, то условия контракта моего пусть будут недействительны. С ужасом восстанавливали на всякое поползновение к подписке и обращались к оброку. Я сказал, что подписка для того, чтобы связать наследников. Они сказали, что им все равно и у Морсочникова жить. Даже те, которые были за оброк, замолкли. Стали льстить и врать официально. "Вы наши отцы, нам хорошо".

Резун вдруг предложил отдать им всю землю. Я предложил ему отдать мне свой армяк и сапоги. Засмеялись. Я возвратился к подписке. Оскорбление говорили, что никак нельзя, как можно, отцы не делали, и дети пусть служат, как будто я предлагал им дать подписку в том, что каждый будет осквернять святыню. Данило, к которому я приступил, требуя объяснения отказа и объясняя его надеждой воли без выкупа, божился мошеннически, и все одобрительно подтверждал его слова, что они ничего не знают. Он сказал, что дети пусть тоже служат барину. Да, я сказал, разве им не лучше будет? Нет, – ответил он, и все подхватили, вольным жить хуже. И опять начали не то льстить; видно, они испугались чего-то, чего – еще я не понял. Я сказал, что все-таки пусть потолкуют, согласны ли на контракт и кто согласен на оброк? Голос из толпы, что на оброк никто не пойдет, и все одобрительно молчали. Я отошел в сад и минут через пять вернулся. Никого уже не было. Все разошлись молча, плотники толковали с старостой о сваях. Как будто нынешние мои слова были уже так глупы, что не стоило никакого внимания. Староста, с которым я после заговорил об этом деле, сообщил мне, что когда он начал говорить им, они и слушать не стали и разошлись молча. Староста, который на мою сторону клонит и, как богатый мужик, должен желать свободы, объяснял их несогласие, действительно, тем, что свободным хуже. Он подтверждал это примерами. Завтра напишу черновое условие и дам им.

6 июня. Вот черновой договор, который дал старосте и который он одобрил, с тем чтобы дать его читать крестьянам. Староста объяснил мне, что они, действительно, ожидают вольной в коронацию и что они боятся, [что] я их надую.

7 июня. Я велел собрать стариков. Староста же сделал весьма неудачный выбор. Влас, болезненный, развратный старик. Мороз, добродушный плут, который отвечал мне, что он глух. Владимир, добрый, но тупой мужик Резун, Осип и Данило. Староста им прочел еще прежде меня, я прочел снова. Резун говорил, что понимает, когда же я приступил с вопросами: хотят или нет? сказали, что лучше по-старому, что мы готовы, – одним словом, не отвечали на вопрос. Осип сказал, что хуже бы не было от того, что три дня; я доказывал нелепость его слов. Он сказал, что он стар, – с молодыми поговорите. Потом сказал, что начальства будет много. Данило, злобный плутовской брюнет. Ямщик. Косится на других, когда говорит. Говорил, что они глупы, не понимают. Лучше служить по-старому, и что они не доживут воли. Наконец, когда я напал на их недоверие и скрытность, Резун, которому, между прочим, нужно от меня лошадь, сказал, что он скажет все: надеется свободы, а я их свяжу подпиской. Я прочел последний пункт, опять толковал, просил об одном, чтобы со мной советовались. Стали сговорчивей и обещались подумать. Воскресенье велел созвать общую сходку. На этой сходке Резун снова, как будто обещая согласиться, просил прибавить земель, и все подтверждали.

Черновое письмо гр. Блудову.

Ваше сиятельство!

Граф Дмитрий Николаевич!

Уезжая из Петербурга, я, кажется, имел честь сообщать вам цель моей поездки в деревню. Я хотел разрешить для себя, в частности, вопрос об освобождении крестьян, занимавший меня вообще. Перед отъездом моим я даже подавал докладную записку товарищу министра внутренних дел, в которой излагал те основания, не совсем подходящие к законам о вольных хлебопашцах и обязанных крестьянах, на которых я намерен был сделать это. Г-н министр передал мне словесно через своего товарища, что он одобряет мой план, рассмотрит и постарается утвердить подробный проект, который я обещал прислать из деревни.

Приехав в деревню, я предложил крестьянам идти вместо барщины на оброк вдвое меньший, чем оброк в соседних деревнях. Сходка отвечала, что оброк велик и они не в состоянии будут уплатить его. Я предлагал заработка несогласие. Я предложил им выйти в обязанные крестьяне работой по три дня в неделю, с прибавками земли, с тем чтобы, по истечении 24 лет, срока выкупа имения из залога, они получили вольную с полной собственностью на землю. К удивлению моему, они отказались и еще, как бы подтрунивая, спрашивали, не отдам ли я им еще всю и свою землю. Я не отчаивался и продолжал почти месяц каждый день беседовать на сходках и отдельно. Наконец, я узнал причину отказа, прежде для меня непостижимого. Крестьяне, по своей всегдашней привычке к лжи, обману и лицемерию, внушенным многолетним попечительным управлением помещиков, говоря, что они за мной счастливы, в моих словах и предложениях видели одно желание обмануть, обокрасть их. Именно: они твердо убеждены, что в коронацию все крепостные получат свободу, и смутно воображают, что с землей, может быть, даже и со всей – помещичьей: в моем предложении они видят желание связать их подпиской, которая будет действительна даже и на время свободы.

Все это я пишу для того только, чтобы сообщить вам два факта, чрезвычайно важные и опасные: 1) что убеждение в том, что в коронацию последует общее освобождение, твердо вкоренилось во всем народе, даже в самых глухих местах, и 2) главное, что вопрос о том, чья собственность – помещичья земля, населенная крестьянами, чрезвычайно запутан в народе и большей частью решается в пользу крестьян, и даже со всей землею помещичьего. Мы ваши, а земля наша. Деспотизм всегда рождает деспотизм рабства. Деспотизм королевской власти породил деспотизм власти черни. Деспотизм помещиков породил уже деспотизм крестьян: когда мне говорили на сходке, чтобы отдать им всю землю, и я говорил, что тогда я останусь без рубашки, они посмеивались, и нельзя обвинять их: так должно было быть. Виновато правительство, обходя везде вопрос, первый стоящий на очереди. Оно теряет свое достоинство (dignite) и порождает те деспотические толкования народа, которые теперь укоренились. Инвентари. Пускай только правительство скажет, кому принадлежит земля. Я не говорю, чтобы непременно должно было признать эту собственность за помещиком (хотя того требует историческая справедливость), пускай признают ее часть за крестьянами или всю даже. Теперь не время думать о исторической справедливости и выгодах класса, нужно спасать все здание от пожара, который с минуту на минуту обнимет [его]. Для меня ясно, что вопрос помещикам теперь уже поставлен так: жизнь или земля. И признаюсь, я никогда не понимал, почему невозможно определение собственности земли за помещиком и освобождение крестьянина без земли? Пролетариат! Да разве теперь он не хуже, когда пролетарий спрятан и умирает с голоду на своей земле, которая его не прокормит, да и которую ему обработать нечем, а не имеет возможности кричать и плакать на площади: дайте мне хлеба и работы. У нас почему-то все радуются, что мы будто доросли до мысли, что освобождение без земли невозможно и что история Европы показала нам пагубные примеры, которым мы не последуем. Еще те явления истории, которые произвел пролетариат, произведший революции и наполеонов, не сказал свое последнее слово, и мы не можем судить о нем как о законченном историческом явлении. (Бог знает, не основа ли он возрождения мира к миру и свободе.) Но главное, в Европе не могли иначе обойти вопроса, исключая Пруссии, где он был подготовлен. У нас же надо печалиться тому общему убеждению, хотя и вполне справедливому, что освобождение необходимо с землей. Печалиться потому, что с землей оно никогда не решится. Кто ответит на эти вопросы, необходимые для решения общего вопроса: по сколько земли? или какую часть земли помещичьей? Чем вознаградить помещика? в какое время? Кто вознаградит его? Это вопросы неразрешимые или разрешимые 10-летними трудами и изысканиями по обширной России.

А время не терпит, не терпит потому, что оно пришло исторически, политически и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

случайно. Прекрасные, истинные слова государя, сказанные в Москве, облетели все государство, все слои, и запомнились в еѠс сем, во-первых, потому что они сказаны были не о параде и живых картинах, а о деле, близком сердцу каждого, во-вторых, что они откровенно-прямо-истинны. Невозможно отречься от них, опять потому, что они истинны, или надо уронить в грязь prestige [престиж (фр.)] трона, нельзя откладывать их исполнения, потому что его дожидаются люди страдающие.

Пусть только объявят ясно, внятно, законом обнародованным: кому принадлежит земля, находящаяся в владении крепостных, и пусть объявят всех вольными, с условием оставаться в продолжение шести месяцев на прежних условиях, и пусть под надзором чиновников, назначенных для этого, прикажут составить условия, на которых останутся отношения крестьян с помещиками, пусть допустят даже свободное переселение с земель и определят по губерниям минимум его. Нет другого выхода, а выход необходим. Ежели в шесть месяцев крепостные не будут свободны - пожар. Все уже готово к нему, недостает изменнической руки, которая бы подложила огонь бунта, и тогда пожар везде. Мы все говорили: это много труда, обдумыванья, времени. Нет! время пришло. Есть три выхода: деньги! Их нет. Расчет уплатой - время нет. И третий - без земли. Можно после утвердить. Первая приготовительная мера - объявление, нечего скрывать, все знают.

10 июня. Была окончательная общая сходка. Долго молчали на мой вопрос: согласны ли? Наконец один маленький плюгавый бедняк заговорил за всех и объявил, что не согласны. Общее мычанье подтвердило. Резун объяснил причины, будто бы 1) что я не даю сенокоса, и 2) что мальчики будут подрастать, земли понадобятся и неоткуда их будет взять, и 3) что по 24 лет им одних своих земель мало. Я отвечал, что сенокосы дам и земли будут давать по требованию. Опять жалобы на недостаток хлеба, сенокосов и поголовную работу, которая их разорила совершенно. (По журналу не выходит 130 дней на тягло.) Я сказал, что одно средство - подписка. Вопль, что мы не противичали, как служили, так и будем, не было бы хуже, за больных отвечать. Я решил, что дело прямо невозможно, и предоставил один оброк, осенью решится дело.

Опять является смутное понятие о их собственности на всю землю. Потом я предложил земли; никто не хотел брать, говоря, что для этого нужно принуждать: очевидное противоречие с вторым доводом Резуна.

Мир, как правила детской игры, competent в решении дел о сенокосах, но перенесите его в другую сферу, дайте ему другую задачу, задачу о выходе из помещичьей власти, он не только не решает, но сам уничтожается, и остаются невежественные бессмысленные единицы. Контракт с ними невозможен, я решил одно - оброк, для того завести своих рабочих. Когда все будут на оброке, еще раз предложу контракт.

Дневник - 1857

1 января. [Петербург.] Всю ночь спал дурно. Эти дни слишком много слушал музыки. Проснулся в 12-м часу, получил сухое, но милое письмо от Тургенева. Написал письмо Валерии, короткое и сухое, и Некрасову, которое посылать мне отсоветовали. Перевел сказочку Андерсена. За обедом у Боткина прочел ее, она не понравилась. От Некрасова получил письмо Боткин, он лестно вспоминает обо мне. Болтали приятно, я пошел к Ольге Тургеневой и у нее пробыл до 12-го часа. Она мне больше всех раз понравилась. Едва удержался, чтобы не ехать в маскарад.

2 января. Встал поздно, пошел на гимнастику, оттуда обедать к Боткину, от него с Анненковым к Дружинину, и у него написали проект фонда. Утром читал Белинского, и он начинает мне нравиться. Страшная головная боль.

3 января. Очень поздно встал, прочел прелестную статью о Пушкине и поехал к Блудовой и Шевич, первую не застал, вторая почти отказала участие в театре. Гимнастика. Обедал у Боткина. От него к Толстому. Он милая, детски мелкопоэтическая натура. [...]

4 января. Встал во 2-м часу. Статья о Пушкине - чудо. Я только теперь понял Пушкина. Гимнастика. Обедал у Боткина с одним Панаевым, он читал мне Пушкина, я пошел в комнату Боткина и там написал письмо Тургеневу, потом сел на диван и зарыдал беспричинными, но блаженными, поэтическими слезами. Я решительно

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

счастлив все это время. Упиваюсь быстротой морального движенья вперед и вперед. Вечером был у Дружинина, у Писемского и, против чаяния, провел вечер приятно, его жена славная женщина, должно быть.

6 января. Встал в 12-м часу с головной болью, у меня сидел Бакунин, играл с ним и с ним и с Колбасиным пошел к Боткину. Известие о освобождении крестьян. [...]

7 января. Встал почему-то в 7 часов и до 2-х ничего не писал, хотя и намеревался, только читал и разыгрывал. На гимнастике торжество майора, стоившее мне пять рублей, не удалось. Толки об указе вздор, но в народе волнение. Обедал дома хорошо. Спал. У Столыпина, не расположен был слушать музыку, нервы тупы. История Кизиветтера подмывает меня.

8 января. Помянут мое слово, что через 2 года крестьяне поднимутся, ежели умно не освободят их до этого времени. Проснулся, славная погода, первое лицо встретил Кизиветтера. После гимнастики поехал к Альбрехту и за скрипкой. Застал Дружинина в дыму, больше никто не пришел обедать. Удивительно, что мне с ним тяжело с глазу на глаз. Пришел Кизиветтер. Он умен, гениален и здрав. Он гениальный юродивый. Играл прелестно. [...]

11 января. Опоздал на чугунку, разбудил колбасина, пришел Чернышевский, умен и горяч. Гимнастика, один обедал дома. Спал. Разбудил Кавелин, к которому я заезжал. Пылк и благороден, но туп. Потом Колбасин и Давыдов, у которого я взял 800 р. Она не пришла, и мне это грустно.

12 января. [По дороге в Москву.] [...] Три поэта. 1) Жемчужников есть сила выражения, искра мала, пьет из других. 2) Кизиветтер, огонь и нет силы. 3) Художник ценит и того и другого и говорит, что сгорел.

[...] Писать не останавливаясь, каждый день: 1) "Отъезжее поле", 2) "Юность" вторую половину, 3) "Беглеца", 4) "Казака", 5) "Пропащего", 6) Роман женщины - "тогда орехи, когда зубов у белки нет". Любит и чувствует себя вправе тогда, когда уже дает слишком мало. 7) Комедия. "Практический человек", Жоржзандовская женщина и Гамлет нашего века, вопиющий больной протест против всего; но безличие.

[...] Повесть Григоровича дрянь.

13 января. [Москва.] Спал до 2-х. Поехал к Маше. Она грустна, одинока. Полина - тщеславная 60-тилетняя девочка. Поехал в клуб, спорил о Грановском с Черкасским, сухой диалектик.

20, 21, 22, 23, 24, 25 января. Чтение у С. Т. Аксакова. "Детство" прелестно! Бал у Нарышкиных, танцевали две кадрили, скучно. Бал у Воейковых. Муромцева чахоточна - приятно. Островского "Доходное место" лучшее его произведение и удовлетворенная потребность выражения взяточного мира. Самолюбие невозможное. Менгден замечательная женщина. Вечер у Сушковых. Тютчева мила.

29 января. [В дороге.] Утро дома, визит к Аксаковым, к [1 неразобр.], обед у Шевалье. Поехал, гадко сидеть, спутники французы и поляк. Я не довольно самостоятелен, однако обдумал много "Пропащего". Едем 30, 31.

3 февраля. Indigestion [Расстройство желудка (фр.)], холод, скука, моральная усталость. Кажется, что "Пропащий" совсем готов. Вспомнил постыдную нерешительность насчет бумаг к Герцену, которые принес мне присланный по письму Колбасина Касаткин. Я сказал об этом Чичерину, и он как будто презирал меня. [...]

21 нового стиля. [Париж.] Все время в дороге. Путаница в голове и в записках. Нынче приехал в Париж. Я один - без человека, сам все делаю, новый город, образ жизни, отсутствие связей и весеннее солнышко, которое я понюхал. Непременно эпоха. Аккуратность и прежде всего каждый день хотя четыре часа уединения и труда. Не мог сойтись с Тургеневым и Некрасовым. Много издержал денег, ничего ровно не видал. [...] Тургенев мнителен и слаб до грустного. Некрасов мрачен.

[11/23 февраля.] 15/23. Встал поздно, копался долго, дома с порядком, поехал к банкиру, взял 800 франков, сделал покупки и перешел. Был у Львова, она мила - русская. Читал речь Наполеона с неописанным отвращением. Дома начал немного

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
путешествие и обедал. Бойкая госпожа, замер от конфуза. Театр "Precieuses ridicules" и "Avare" – отлично. "Vers de Vergile" невыносимая мерзость.

19/3 марта. Утро дома до 2. Получил письмо от Валерии. У Garnier философ, последователь Декарта. Шлялся до 5. Обедал дома. Противный англичанин. С Тургеневым в концерт, прелестный трио и Виардо. Delsarte. Поднял на улице... У Тургенева грустно.

[24 февраля/8 марта.] 25 ф./8 м. Утром зашел Тургенев, и я поехал с ним. Он добр и слаб ужасно. Замок Fontainebleau. Лес. Вечер писал слишком смело. Я с ним смотрю за собой. Полезно. Хотя чуть-чуть вредно чувствовать всегда на себе взгляд чужой и острый, свой деятельнее.

[25 февраля/9 марта. Париж – Дижон.] 26 ф./9 м. Дурно спал. В 8 поехали, дорогой играли. Тургенев ни во что не верит, вот его беда, не любит, а любит любить. Пошел в баню – мерзость. Несмотря на этот комфорт, пропасть своего рода лишений для нашего брата русского. Обедал. Кафе. Писал и плохо и хорошо. Больше первое. Слишком смело и небрежно.

[26 февраля/10 марта. Дижон.] 26/10. Спал отлично. Утром написал главу славно. Ходил с Тургеневым по церквам. Обедал. В кафе играл в шахматы. Тщеславие Тургенева, как привычка умного человека, мило. За обедом сказал ему, чего он не думал, что я считаю его выше себя. Театр Etoile du Nord. Sakinkers [?]. Вечером написал главу порядочно.

1/13 марта. Встал поздно. Тургенев скучен. Хочется в Париж, он один не может быть. Увы! он никого никогда не любил. Прочел ему "Пропащего". Он остался холоден. Чуть ссорились. Целый день ничего не делал.

4/16 марта. [Париж.] Встал поздно. Поехал в hotel des invalides. Обогащение злодея, ужасно. Солдаты, ученые звери, чтобы кусать всех. Им надо умирать с голоду. Оторванные ноги поделом. Notre dame. Дижонская лучше. Fontainebleau. Грустно ужасно. Издержал пропасть денег. Опоздал обедать к Трубецким. Княжна разнравилась. Ничего и сделал и не сделал. Надо попробовать самому. Зашел к Тургеневу. Он дурной человек, по холодности и бесполезности, но очень художественно-умный и никому не вредящий. Получил депешу от Сережи, ответил ему. Грустно ужасно. Деятельность единственное средство.

5/17 марта. Встал в 12, убрал кое-как портфель, пошел с Орловым в Лувр. Все лучше и лучше. [...] Зашел к Тургеневу. Нет, я бегаю от него. Довольно я отдал дань его заслугам и забегал со всех сторон, чтобы сойтись с ним, невозможно.

6/18 марта. Встал в 1. Одевшись, пошел на биржу и сделал кое-какие покупки. Биржа – ужас. Обедал, дома противно от земляка. Пошел в "Bouffes Parisiens". Истинно французское дело. Смешно. Комизм до того добродушный и без рефлексии, что ему все позволительно. [...]

7/19 марта. Вчера ночью мучило меня вдруг пришедшее сомнение во всем. И теперь, хотя оно не мучит меня, оно сидит во мне. Зачем? и что я такое? Не раз уж мне казалось, что я решаю эти вопросы; но нет, я их не закрепил жизнью. Встал раньше, усердно работал по-итальянски. Пошел ходить на Colonne Vendome [Вандомская колонна (фр.)] и по бульварам. В 5 зашел Тургенев, как будто виноватый; что делать, я уважаю, ценю, даже, пожалуй, люблю его, но симпатии к нему нету, и это взаимно. [...]

15/27 марта. Встал поздно. Поехал в Версаль. Чувствую недостаток знаний. [...] Пошел в Folies Nouvelles – мерзость. "Diable d'argent" тоже. Император с гусарами. У Тургенева. Шлялся с Рюминым, великанша, песни диких. Ездил смотреть Pere-Lachaise.

4 апреля. Встал в 12. Начал писать довольно лениво. Читал Бальзака. Пустили Брикона, я вышел, чтобы от него отделаться, и вернулся в 5. Читал "Myrrha" по-итальянски, обедал наверху. Пошел смотреть Ristori – одно поэтическое движение стоит лжи пяти актов. Драма Расина и т. п. поэтическая рана Европы, слава богу, что ее нет и не будет у нас. Дома написал листок. Ложусь во 2-м часу.

6 апреля. Больной встал в 7 час. и поехал смотреть экзекуцию. Толстая, белая,
Страница 97

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

здоровая шея и грудь. Целовал Евангелие и потом – смерть, что за бессмыслица! Сильное и недаром прошедшее впечатление. Я не политический человек. Мораль и искусство. Я знаю, люблю и могу. Нездоров, грустно, еду обедать к Трубецким. Написал глупое письмо Боткину. Читал лежа и дремал. Пошел к Трубецким, пр. [?] смущал меня. Там Hartmann, Тургенев. Долго слишком остался, и надоело. Пошел к Тургеневу. Он уже не говорит, а болтает; не верит в ум, в людей, ни во что. Но мне было приятно. Гильотина долго не давала спать и заставляла оглядываться.

7 апреля. Встал поздно, нездоровый, читал, и вдруг пришла простая и дельная мысль, уехать из Парижа. Пришли Тургенев и Орлов, с ними зашел к последнему, шлялся, укладывался, обедал с Тургеневым и навязавшимся Крюднером у Дюрана, оттуда на минутку зашел к Тургеневу, он к Виардо, я к Львовым. Княжна была. Она мне очень нравится, и кажется, я дурак, что не попробую жениться на ней. Ежели бы она вышла замуж за очень хорошего человека и они бы были очень счастливы, я могу прийти в отчаяние. Поболтал потом с честной и милой институткой и пошел спать спокойнее, чем вчера.

8 апреля. [Париж – Амберье.] Проснулся в 8, заехал к Тургеневу. Оба раза, прощаясь с ним, я, уйдя от него, плакал о чем-то. Я его очень люблю. Он сделал и делает из меня другого человека. Поехал в 11. Скучно в железной дороге. Но зато, пересев в дилижанс ночью, полная луна, на банкете. Все выскочило, залило любовью и радостью. В первый раз после долгого времени искренне опять благодарил бога за то, что живу.

10 апреля. [Женева.] Проснулся рано, чувствую себя здоровым и почти веселым, ежели бы не гадкая погода. Поехал в церковь, не застал службы, опоздал говеть, сделал покупки, был у Толстых. Александрин Толстая вдалась в религиозность, да и все они, кажется. Восаге – прелесть. Целый день читал "Cousine Bette", но был аккуратен в жизни. Написал пять заглавий. В 28 лет глупый мальчуган.

15 апреля. Встал поздно – баня. Читал там предисловие "Comedie humaine", мелко и самонадеянно; читал немного историю революции и "Liberte" Emile Girardin – пусто, хотя честно. Ничего не написал, но вновь передумал. Буду писать наикратчайшим образом самое дело. Выходит страшно неморально.

16 апреля. Написал письмецо Тургеневу в ответ на милое, полученное от него. Был два раза у службы церковной. Читал "Liberte" Girardin. Хорошо, но безвыводно. Немного писал. Много передумал. Надо делать мне три вещи: 1) образовывать себя, 2) работать в поэзии и 3) делать добро. И поверять эти три дела ежедневно.

17 апреля. Кажется, окончательно обдумал "Беглеца". Ходил к доктору, делал заказы, ванны, площаница. Мария хорошо сложена. Читал "Liberte", исповедовался. Хорошее дело, во всяком случае. Получил письмо от тетеньки.

19 апреля. Дурно спал, все как будто боялся опоздать куда-то. В 9 пошел в ванну, дома читал историю Франции. Был на проповеди Martin. Умно, но холодно ужасно. Написал конспект. Поскорее отобедал и пошел с Пушиными к Толстым. Встретил два раза Марию, недурна, но уже высокомерно учтива. Пушины прелесть добродушия. Мещерский может мне быть полезен, пойду к нему. Был страшным демократом, напрасно. Тоже напрасно кокетничал с англичанкой.

20 апреля. Встал рано, ванна. Читал "Dames aux perles". Талант, но грунт, на котором он работает, ужасен. Деpravация Бальзака – цветочки перед этим. Церковь. Мне было весело. Начал "Беглеца", пошло хорошо, но ленился. Обедал дома, катался на лодке, продолжал читать и укладывался. Так что в целый день, для образования себя и для добра, ничего не сделал.

[21 апреля. Женева-Кларан.] Встал в пять, ванна, уложился, на пароход. Дурная погода. Не видал, как прошло время, с милою Толстою. Путаница. Обед у Пушиных. [...]

[22 апреля. Кларан.] Встал в восемь, пописал немного "Казака". Началась беготня, все поехали в Риги. Очень приятно, беззаботно весело, вернулись в восемь, поехали к Мещерским. Хорошие люди. Ничего не делал, но очень, очень приятно, веет каким-то добром, особенно Лизавета Карамзина – славная.

24 апреля. Толстая уехала, несмотря на гадкую погоду. Мне хоть совестно было, но я не поехал провожать ее. Обедал гадко в Vevey. Лизавета Карамзина хорошая, но

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
выработанная, поэтому тяжелая особа. Чай пил с батюшкой у Пушиных. Вечером у Карамзиной. Мещерские отвратительные, тупые, уверенные в своей доброте, озлобленные консерваторы.

26 апреля. Нездоровится. Немного пописал "Казака". Получил письма от Некрасова, Тургенева и А. Толстой. Читал историю революции. Гордость. В начале бе слово. Вечером сидел Пушин и хвастался изо всех сил.

30 апреля. [Кларан.] Встал рано, походил, читал отвратительные дела англичан с Китаем и спорил о том с стариком англичанином. Написал немного поэтического "Казака"; который мне показался лучше, не знаю, что выбрать. Целый день читал историю революции.

5 мая. Встал поздно. Буквально целый день ничего не делал. Утром ходил в Montreux, в ванну. Прелестная, голубоглазая швейцарка. Написал ответ на полученное от Тургенева письмо. Англичане морально голые люди и ходят так без стыда. [...]

11 мая. [Женева.] [...] к Толстым, весело, с ними на Салев. Очень весело. Как я готов влюбиться, что это ужасно. Ежели бы Александрин была 10-ю годами моложе. Славная натура. [...]

14 мая. [Кларан.] Встал в 5 1/2, гулял до 8 1/2. Писал "Поврежденного" листа три. Костя прелесть. Вечером пришла Карамзина с племянницей. Славная девочка. Доброта и простота.

12/24 мая. Встал в 8, целый день читал Sarrut. Мыслей, особенно из романа русской женщины, бездна, художественно счастливых мыслей. [...]

15/27 мая. [...] Проводил милейших Пушиных. Я их душевно люблю. Мария Яковлевна готовность добра бесконечная. [...]

7 июня. Встал в 8, болит губа. Утром писал славно дневник путешествия, после обеда немного "Казака", купался, прошел до милого Бассе, и немного еще "Поврежденного". Славно.

8 июня. Встал в 8, нездоровится. Писал "Поврежденного" один лист и письмо Некрасову и Карамзиной. Купаюсь два раза в день, катался на лодке. Получил письма от Тургенева, Некрасова, Боткина и Дружинина. Приехали чистоплотные, дурносопые англичанки.

9 июня. Очень тяжело спал, нездоровится, встал в 7, выкупался, снес письма на почту. Писал "Отъезжее поле" мало, но идет порядочно. Припадок деятельности начинает ослабевать. [...]

9 июня. Я как-то ошибся днем. Туман как будто, это дождь шел целый день. Славно написал первую главу "Юности", и написал бы больше, но хочется скорее сделать полный круг. После обеда писал дневник путешествия. Написал маленьких листочков девять, но не кончил. [...]

10 июня. Проснулся в 6, ясно. Пошел в Веде, для векселя. Ничего не сделал. Был у Зыбиных. [...] Написал листа четыре или больше "Путевых записок". Отлично обдумал "Беглого казака" и опробовал написанное.

11 июня. Разбил зеркало. Только этого предсказания недоставало. Имел слабость загадать в лексиконе, вышло: подметки, вода, катар, могила. Целое утро читал "Соседей". Плохо как произведение искусства, но милого, симпатического таланта и поэзии много. Целый день не выходил. Написал больше после чаю пять листков "Беглого казака".

[31 мая/12 июня. Кларан - Женева.] 12 июня. Утром сходил в Блоне. Прелесть. Овальная новейшая фонтан и величественные старинные террасы, треснувшие каштаны и преющие лавочки. Поехал в Женеву. [...]

17 июня. [турин - Сен-Мартен.] Проснулся рано, выкупался, сбегал в Atheneum. Чувство зависти к этой молодой, сильной свободной жизни. Пошли в кафе. Везде можно жить и хорошо. Поехали с Владимиром Боткиным в Chivasso. [...]

19 июня. [Грессонэ.] [...] Писал листочка два "Казака". Читал восхитительного Гете, "Прощанье и встреча". Ходил в Trinite. Лощина вроде Гриндельвальда, хороша. Вл. Боткин милый русский малый.

24 июня. Встал в 6, выкупался. Читал Боткину "Поврежденного". Действительно, это плохо. "Казак" ему понравился. Болтали, поехал в Vevey, там шлялся. Дома поболтали. Ровно ничего, исключая успеха "Казака".

4 июля. [Женева – Берн.] Проснулся в 9, торопясь собрался на пароход. Толпа такая, какой я не видал никогда. Молоденький курчавый швейцарчик, чисто говорит по-французски, лжет, путает, но все складно. Руссо был фармасон. Разные типы: 1) Немцы угловатые, широкоскулые, с брошкой на боку манишки. 2) Французы, тоненькие парижане. 3) Толстые здоровяки-швейцарцы. Железная дорога. Крики, венки, приемы, путешествующему владыке-народу. Обед с курьером. Путешествующая школа девочек и мальчиков, с румяным, потным, скуластым регентом. Французы в другом вагоне, везде хотят faire la pose [ухаживать (фр.)]. Восхитительная лунная ночь; пьяные крики, толпа, пыль не расстраивают прелести; сырая, светлая на месяце поляна, оттуда кричат коростели и лягушки, и туда, туда тянет что-то. А приди туда, еще больше будет тянуть вдаль. Не наслаждением отзывается в моей душе красота природы, а какой-то сладкой болью. Хорошо было до Берна, в вагоне спали, я глядел в окошко и был в том счастливом расположении духа, в котором я знаю, что не могу быть лучше. Нашел квартиру в "Couronne". Вход стрелков с музыкой был мне жалок.

7 июля. [Люцерн.] Проснулся в 9, пошел ходить в пансион и на памятник Льва. Дома открыл тетрадь, но ничего не писалось. "Отъездное поле" – бросил. Обед тупоумно-скучный. Ходил в privathaus [частный дом (нем.)]. Возвращаясь оттуда, ночью – пасмурно – луна прорывается, слышно несколько славных голосов, две колокольни на широкой улице, крошечный человек поет тирольские песни с гитарой и отлично. Я дал ему и пригласил спеть против Швейцархофа – ничего, он стыдливо пошел прочь, бормоча что-то, толпа, смеясь, за ним. А прежде толпа и на балконе толпились и молчали. Я догнал его, позвал в Швейцархоф пить. Нас провели в другую залу. Артист пошляк, но трогательный. Мы пили, лакей засмеялся, и швейцар сел. Это меня взорвало – я их обругал и взволновался ужасно. Ночь чудо. Чего хочется, страстно желается? не знаю, только не благ мира сего. И не верить в бессмертие души! – когда чувствуешь в душе такое неизмеримое величие. Взглянул в окно. Черно, разорванно и светло. Хоть умереть.

Боже мой! Боже мой! Что я? и куда? и где я?

8 июля. Здоровье нехорошо, ревматизм в ноге, р. Погулял чуть-чуть. Написал письмо тетеньке. Передумал "Отъездное поле" и начал иначе. Не пишется. [...]

9 июля. Встал рано, хорошо себя чувствую. Выкупался, не нарадуюсь на квартиру, писал "Люцерн", написал письмо Боткину до обеда. Взял Фрейтага "Soll und Haben" и Андерсена "Импровизатора" и читал, ездил на лодке и ходил в монастырь. Робею в пансионе ужасно, много хорошеньких. Я сижу с немцем. Хитрый купец, воспитавший детей лучше себя. Старик глухой, трогательная история соблазненной дочери.

10 июля. Здоров, в 8 выкупался, писал "Люцерн" порядочно до обеда. Дочел Фрейтага, плох. Невозможна поэзия аккуратности. [...]

11 июля. [Люцерн – Зарнен.] Встал в 7, выкупался. Дописал до обеда "Люцерн". Хорошо. Надо быть смелым, а то ничего не скажешь, кроме грациозного, а мне много нужно сказать нового и дельного. [...]

16 июля. Встал в 7, собака разбудила, я упустил ее. Немного пописал, пошел к Саше. Что нам делать? Скучно. Жара утомительная. После обеда пописал, сколько мог, несмотря на жару, читал "Вильгельм Мейстера" и "Miss Bronte". Третьего дня получил письмо от Тургенева, милое, спокойное. От Боткина недовольное. Нынче ответил им, но не пошло. Вечером шлялся, кретинка. Возвращаясь, ночь – из окна пансиона Мендельсон. Неужели слезы Sehnsucht [Страстное желание, тоска (нем.)], которыми я часто плачу, пропадут с годами. Я боюсь замечать это за собой. Надо понатужиться к характерной, порядочной жизни.

22 июля. [Шафгаузен – Фридрихсхафен.] Шафгаузен. Встал в 6, выкупался. Собаки все нет – злился. Чуть-чуть пописал "Казака", пошел к водопаду. Ненормальное, ничего не говорящее зрелище. [...]

23 июля. [Фридрихсхафен – Штутгарт.] Встал в 7; купался. Пошел в летний дворец. Милая бедность и отвратительная чопорность и придворность. [...] Отлично думается, читая. Совсем другое казак – дик, свеж, как библейское предание, и "Отъезжее поле" – комизм живейший, концентрировать – типы и все резкие.

Увидал месяц отлично справа. Главное – сильно, явно пришло мне в голову завести у себя школу в деревне для всего околота и целая деятельность в этом роде. Главное, вечная деятельность. [...]

30 июля. Лечение будто, праздная жизнь. Вечер с барышнями опять в Obersteinschlo?. Неловко. Дрянь народ. А больше всего сам дрянь.

31 июля. [Баден-Баден.] Утро то же. Приехал Тургенев. Нам славно с ним. Вечер у Смирновой, смешно и гадко. Лег поздно, нездоровится.

1 августа. Такой же пошлый день, взял у Тургенева деньги и проиграл. Давно так ничто не грызло меня. Получил письма от Сережи. Маша разъехалась с Валерьяном. Эта новость задушила меня. Ванечка мил. И мне стыдно перед ним.

5 августа. [Эйзенах – Дрезден.] В 9 приехал. Нездоров. Город мил. Поехал в ванну, иду оттуда – Пушин. Он потерял много прелести, вне Швейцарии. Сбегал в галерею. Мадонна сразу сильно тронула меня. Спал до 4. Театр, комедия Гуцкова. Немецкая сосредоточенность. [...]

6 августа. [Дрезден.] Здоровье еще хуже. Пошел по книжным и музыкальным лавкам, глаза разбегаются. Выбрал нот и книг, опять в галерею, остался холоден ко всему, исключая мадонны. [...]

31-е июля нашего. [Петергоф.] Встал рано, здоровье плохо. Утро сизое [?], росистое, с березами, русское, славно. С Некрасовым неловко. Поехали к Ратаеву. Он напоил. Некрасов дорогой говорил про себя. Он очень хорош. Дай бог ему спокойствия. Шапулинский напугал. Я остаюсь. Дружинин приехал. Я почти не воспользовался им. Пиявки. Авдотья стерва, жаль и Панаева и Некрасова.

1-е августа. [Петербург.] Здоровье скверно. Прочел им "Люцерн". Подействовало на них. [...]

2 августа. Дома, читаю. Салтыков талант, серьезный. Здоровье плохо.

6 августа. Решился выехать. Все, худо ли, хорошо, обделал. Выехал в 9. Противна Россия. Просто ее не люблю. Здоровье лучше.

8 августа. [Ясная Поляна.] Встал в 4. Лошади до 5 не приезжали. Поехал. На полдороге встретил Василья. Приехал в Ясную в 11. Приветствую тебя, мой... Прелесть Ясная. Хорошо и грустно, но Россия противна, и чувствую, как эта грубая, лживая жизнь со всех сторон обступает меня. Зорина прибили на станции, я хотел заступиться, но Василий объяснил мне, что для этого надо подкупить доктора. И много такого он говорил мне. Бьет, сечет. Вот как дорогой я ограничил свое назначенье: главное, литературные труды, потом семейные обязанности, потом хозяйство – но хозяйство я должен оставить на руках старосты, сколько возможно смягчать его, улучшать и пользоваться только 2-мя тысячами, остальное употреблять для крестьян. Главный мой камень преткновенья есть тщеславие либерализма. А как Тит – для себя по доброму делу в день, и довольно.

9 августа. [Пирогово.] Встал в 9, здоровье нехорошо. Староста глубоко презирает меня, и мне трудно с ним что-нибудь сделать. [...] Поехал в Пирогово. Бедность людей и страдания животных ужасны. [...]

10 августа. Целый день болтовня и чувство разочарованья в счастье, которое я ожидал. За обедом желчный спор Сережи с Машей.

11 августа. [Пирогово – Ясная поляна.] Здоровье получше. Монах, гувернантки и даже тетенька расстраивают наш кружок. Маша рассказала про Тургенева. Я боюсь их обоих. Сережа трогателен с своим недоумением. Уехал домой. Меня вез Теншинов, погоревший четыре дня тому назад, 70 лет, завирается, добр и плут. Сел со мной. Разъяренный чиновник исколотил его за то, что зацепил. Я хотел дать 25 р., и подлое сомненье лишило меня этого удовольствия. Письмо от Pegot-Ogier.

12 августа. В 9-м, горло лучше. Похозяйничал недурно, пересмотрел книги, почитал Bronto; написал Ogier, Колбасину и Некрасову. Фортепьяно отнимает время. Написал вечером легко листочек "казака". Был в бане. Холод, дождь. Надо усилия теперь против праздности и против излишнего рвения.

13 августа. С подрядчиком утром, отправлял старосту. Ленюсь ужасно и впадаю в старую колею. Ездил с собаками, здоровье хорошо. Немного читал Bronte, написал письмо Тургеневу. Приступил к отпуску с выкупом дворовых.

14 августа. Встал в 9. Здоровье лучше. Дождь целый день. Отправил в Тулу деньги Некрасову и в Пирогово за деньгами. Чуть-чуть пописал, играл, читал Bronte. Вечер И. И. мешал. Лень ужасная.

15 августа. [Ясная поляна.] Целый день ничего. Читал "Илиаду". Вот оно! чудо! Написал Рябинину. Переделывать надо всю "Кавказскую повесть". Мужики мало идут на оброк, получил письмо от Зейде.

16 августа. Утро Василий Давыдкин. Дал ему 3 р. "Илиада". Хорошо; но не больше. Пошел гулять вокруг мельницы, думал о хозяйстве. Князь Енгальчев. Хитрый, глупый, необразованный и добродушный. Поехал и затравил зайца. Дома хозяйничал. Написал писульку тетеньке, прибавил жалованье старосте. [...] Опять лень, тоска и грусть. Все кажется вздор. Идеал недостижим, уж я погубил себя. Работа, маленькая репутация, деньги. К чему? Матерьяльное наслаждение тоже к чему? Скоро ночь вечная. Мне все кажется, что я скоро умру. Лень писать с подробностями, хотелось бы все писать огненными чертами. Любовь. Думаю о таком романе.

17 августа. Только читал "Илиаду" и отрывками хозяйничал. Был на охоте и у Енгальчевых. Грустно и мрачно в этом доме, никаких воспоминаний. Вернулся в 1. "Илиада" заставляет меня совсем передумывать "Беглеца".

18 августа. Встал поздно, здоровье совсем хорошо; но утром я рассердился и бранился болваном. Беда! Не заметишь, как опять погибнешь. Читал "Илиаду". Был Сережа, мы с ним приятно болтали. "Отъезжее поле" совсем обдумалось, а "Кавказской" я совсем недоволен. Не могу писать без мысли. А мысль, что добро - добро во всякой сфере, что те же страсти везде, что дикое состояние хорошо, - недостаточны. Еще хорошо бы, ежели бы я проникнулся последним. Один выход.

21 августа. Совсем опять болен. Утром проводил Машу, почитал чуть-чуть "Илиаду", начал писать "Записки мужа" из дна. Ходил гулять с детьми. Вообще целый день лучше, чем другие дни.

22 августа. Получил корректуры, переправил кое-как. Ужасно взбалмошно. Послал, пообедал, пошел гулять. Позанявшись утром, был свеж и доволен.

23 августа. Ложусь рано, чувствую себя свежим. Ничего не делаю. Привезли лекарство. Собак я не куплю. Лука приезжал, говорит, что мы все пропускаемся через машину. Здоровье опять хорошо.

24 августа. Немного попробовал пописать, но не то. Читал Гомера. Прелестно. Ездил на охоту, затравил одного. Написал холодное письмо Машеньке. Здоровье хорошо.

25 августа. [Пирогово - Ясная поляна.] Встал поздно, вчера объелся. Здоровье нехорошо. Читал восхитительную "Илиаду". Гефест и его работы. Сережа желчен, оскорбил тетеньку. Я радуюсь, что понемногу вхожу в роль примирителя. Дай бог мне силы самоотвержения и деятельности, и я буду счастлив. Поехал с собаками в Ясную. Затравил одного, Злобный в одиночку. Коротенькое письмо от Тургенева.

26 августа. Здоровье так и сяк. С утра хозяйство. Плохо во всех отношениях, а больше всего, что вновь втягивает меня в крепостную колею. Не хочется мучиться, чтобы заводить новое. Решил купить землю в Бабурине. После обеда замолотье. Зябрев отказался; читал Кольцова. Прелесть и сила необъятная. Дал пять вольных. Что будет - бог знает, а делать людям лучше, хотя и не пользуясь нисколько благодарностью, все-таки дело и в душе что-то остается. Завтра еду чем свет.

28 августа. 29 лет. Встал в 7, Машенька ездила в Спасское. Это злило меня: в одиночку. Свиделись мы с ней таки холодно. Права тетенька, что она не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
виновата во вкусе к этой среде; но вкус есть к этой отвратительной среде.

Сереза уехал. Мы с ним больше и больше сходимся. Главное, найти струнку, по которой играть на человеке, и свою струнку дать ему. Приехали спасские. Скучны! Дети милы! Тетенька прелесть. Все советы ее золото правды, под какой бы странной, пошлой формой ни были. Только умеи их разобрать. Морелька плоха. Читал вторую часть "Мертвых душ", аляповато. "Отъезжее поле" надо одно писать. И тетеньку туда. Завтра еду к Горчаковым.

29 августа. [По дороге из Пирогова в Верхоустье.] Выехал в 6. Затравил одного, славно из-под стада. Рассердился, не найдя тарантаса. Дочел невообразимо прелестный конец "Илиады". Все мысли о писанье разбегаются, и "казак", и "Отъезжее поле", и "Юность", и "Любовь [?]" . Хочется последнее, вздор. На эти три есть серьезные материалы. Ложусь в 9. Завтра в Верхоустье, Ник. и к Горчакову. Читал Евангелие, чего давно не делал. После "Илиады". Как мог Гомер не знать, что добро - любовь! Откровение. Нет лучшего объяснения. [...]

1 сентября. [Пирогово.] Встал в 9, разломан и горло болит. Читал Козлова и "Думы", хорошо. Удаль форсирована, вот его большой недостаток. Целый день шлялся с детьми и ничего не делал. [...]

2 сентября. Встал рано, попробовал писать, нейдет "казак". Читал глупый французский роман. Ездил верхом после обеда. Здоров совсем. Машенька эгоистическая натура, и избалованная, и ограниченная. Написал братьям.

3 сентября. [Ясная Поляна.] Написал Валерьяну и в Женеву. [...] Поехал в Ясную, ничего не нашел. Продажа начинается леса. Денег нет. Прошла молодость! Это я говорю с хорошей стороны. Я спокоен, ничего не хочу. Даже пишу с спокойствием. Только теперь я понял, что не жизнь вокруг себя надо устроить симметрично, как хочется, а самого надо разломать, разгибчить, чтоб подходить под всякую жизнь.

6 сентября. Опять хозяйство, которое сильно втянуло меня. Поехал с собаками и ничего не нашел, да и скучно. Один обедал, попробовал читать Gasklander, скверно, и mal fait [плохо написано (фр.)] и бесталанно. О своем писанье решил, что мой главный порок - робость. Надо дерзать. Вечером написал два листочка "погибшего". [...]

8 сентября. Воскресенье. Послал по мужикам. Юхан 55 лет. Все испуганно на меня смотрели, а добрые. Макарычев рассказывал про воровство и клятвопреступление брата. Обедал один. Поехал верхом. Гимбут мошенничает. Пописал немного, и хотелось писать. Послал ответ колбасину. Читал полученные письма Гоголя. Он просто был дрянь человек. Ужасная дрянь.

24 сентября. Встал поздно. Злой. Якова бранил. Скверно! Чудная погода, пописал немного. Я распустился страшно во всех отношениях. Сколько нерешенных вопросов. О тяглах: прибавлять или нет? и т. д. [...]

8, 9, 10, 11 октября. [Ясная Поляна.] Был в Ясном, хозяйничал довольно успешно, изредка писал. [...] Меня обругали "Петербургские ведомости".

19 октября. [Москва.] Хлопотал утро. Обедал в клубе, скучно, да и нездоровится. Вечер у Аксаковых. Отвратительная литературная подкладка.

20 октября. Пришел Фет, добродушный. Перенятая литераторская вычурность. [...]

21 октября. Утро решил о квартире, ходил, обедал у Фета. И он самолюбив и беден. С ним у Аксаковых. В театр к Арсеньевым. Вчера был у Берса. Любочка ужасна, плешива и слаба. Со всех сторон несчастья. И боже, как я стар. Все мне скучно, ничто не противно, даже сам себе ничего, но ко всему холоден. Ничего не желаю, а готов тянуть, сколько могу, нерадостную лямку жизни. Только зачем, не знаю. [...]

22 октября. [Петербург.] Поехал в Петербург, чуть не опоздал. Арсеньевы и Талызин там. Не очень он мне нравится. Утро к министру, видел Зеленаго и почему-то смутился. К Некрасову, тяжел. К Анненкову, мил. Обедал в клубе с Ковалевским, вечером у Толстых. Прелесть Александрин, отрада, утешенье. И не видал я ни одной женщины, доходящей ей до колена. Александра Петровна вечером; поздно, у ней морщинки.

25 октября. У Блудовой утром. Обедал у Толстых и вечер у Салтыкова.

29 октября. Застал министра. Плохо успел поговорить о деле. Обедал у Шостак. История Перовского. Прелесть Александрии. У них вечер.

30 октября. [Москва.] Поговорил с колбасиным и поехал. "Смерть Пазухина" невозможная мерзость. Юшков. Деспот и дурак. Долгоруков, стареющий светский человек и бедняжка Мещерский из Парижа на Кавказ. Известие о свадьбе Орлова с Трубецкой возбудило во мне грусть и зависть. Приехал усталый и с жестоким насморком и гриппом. Машенька все рассказывала про себя, про меня не спросила слова. И приласкала меня. Ничего. Спал днем. Прочел книгу Н. С. Толстого. Славно. И Севастополь Ершова хорошо. Хочу сидеть дома и писать. Петербург сначала огорчил, а потом совсем оправил меня. Репутация моя пала или чуть скрипит. И я внутренне сильно огорчился; но теперь я спокойнее, я знаю, что у меня есть что сказать и силы сказать сильно; а там, что хочет, говори публика. Но надо работать добросовестно, положить все свои силы, тогда пусть плюет на алтарь.

7 ноября. Ничего не мог писать, от Серези пошел в Совет, прочел "Nord". К Арсеньевым, не застал. Дома обедал с тетужкой Полиной. Вечером читал "Дон-Кихота" и ездил в баню.

8 ноября. Встал раньше, написал письмо Валерии. Приятно сказал себе, что это хорошо. Поехал на гимнастику с Серезей, он остается. Обедали одни, немного почитали. Тетушка собралась в театр. "Жених из ножовой линии" ловкая пьеса. Садовский прекрасен, ежели бы не самоуверенная небрежность. Поехал к Сухотиным. Со всеми неловко, исключая с Александрой Алексеевной. Отличная. Вернулся во 2-ом.

11 ноября. Пошел в Совет, к Островскому. Он х ff5 олоден. Гимнастика. Фет обедал. Прочел "Антония и Клеопатру" и разговором разжег меня к искусству. Надо начать драмой в "Казаке". Не могу спать.

13 ноября. Утром писал немного. Гимнастика. Дома обедал. У Фета вечер очень приятно.

14 ноября. Эврика! для "казаков" - обоих убили. [...]

17 ноября. Ездил с Серезей, дома обедал. Вечер у Аксаковых, гордость страшная. Спорил о Гоголе напрасно.

23 ноября. Писал утро. С тетенькой приятно говорили у меня. Вечером писал и поехал к Аксаковым. Кажется понравилось старику.

24 ноября. Писал "Погибшего". Был у Тютчев[ой?]. Ужасно неловко почему-то. Славный обед дома. Дописал "Сон" недурно. [...]

25 ноября. Встал рано, пересматривал "Погибшего". Гимнастика немного подвигается. После обеда еще пересматривал и кончил. Вся вторая половина слаба.

27 ноября. Читал "Мертвое озеро", дрянь. Заехал Фет. [...]

28 ноября. Не помню утро у Киреевой. Обедал дома. Вечер у Сушковых, приятно в кабинете - Раевский интересен. Стихи Тютчева плохи. Известие о циркуляре вчера. В клубе, глупо спорил в умной комнате.

1 декабря. В час поехали с Машенькой в концерт. Впечатление слабо. Киреева, Сухотина, Оболенская, Щербатова хорошенькая. Н. С. Толстой обедал и сначала хорошо, а потом убил скукой. Вечер у Дьяковых. Чудные сестры. Александрин держит меня на ниточке, и я благодарен ей за то. Однако по вечерам я страстно влюблен в нее и возвращаюсь домой полон чем-то - счастьем или грустью - не знаю.

3 декабря. Немного писал. Обедал у Фета. Все что-то не то. "Антоний и Клеопатра". Перевод дурен. Театр, все время с Александрии. К ним чай пить, говорил ей о моем тумане. Она любит мой туман. Прения с Михаилом Михайловичем о социализме.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

5 декабря. Проснулся в час, походил, у Берса. Дома обедал, не в духе, голова болит. С Машенькой к Аксаковым. Они меня милостиво поучают. Иван Аксаков надрачивается. Дома спорил с братьями.

6 декабря. Гимнастика плохо. Писал немного. Театр, пьеса мерзость. К Сушковым. Тютчева, выговор за диалектику. К Рюминым – не то. Щербатова не дурна очень.

9 декабря. Утром Арсеньев. В Ясной. Хозяйство скверно. Сходка хорошо.

10 декабря. Вернулся в Москву.

11, 12, 13... до 26-го декабря. Несколько балов невеселых. Несколько надинских вечеров приятных, но неясных. Последнее время скучных. Переправка "Музыканта". Напечатаю. Два раза у цыган.

26 декабря. В 12 встал, хотел позаняться, как пришел Островский, потом Сергеус с цыганами, широкие натуры – ералаш. Потом Аксаковы. Толк об обеде. Обедали дома, тетенька доказывала пользу пытки; оттого что детей перепугали. Константин Аксаков. Николенька был с ним плох. У Сушковых очень приятно.

28 декабря. Крюков и Бахметев. Визиты. Сухотина мила очень. Олсуфьевы много говорили обо мне. Досадно. Обед на кончике; речи пошлые все, исключая Павловской. Аксаков Константин мил и добр очень. У Сушковых В. была очень мила, но равна. Раевский был отвратителен.

29, 30, 31 декабря. Бал у Бобринских, Тютчева начинает спокойно нравиться мне. Писал Николенькин сон. Никто не согласен, а я знаю, что хорошо.

Дневник – ОТРЫВОК ДНЕВНИКА 1857 ГОДА

[Путевые записки по Швейцарии]

15/27 мая. Нынче утром уезжали мои соотечественники и сожители в Кларанском пансионе Кетерера. Я давно уже собирался идти пешком по Швейцарии, и, кроме того, мне слишком бы грустно было оставаться одному в этом милом Кларане, в котором я нашел таких дорогих друзей; я решил пуститься в путь нынче же, проводив их.

С утра в трех наших квартирах происходила возня укладки. Впрочем, наши хозяева поняли нас, русских, и, несмотря на то, что мы все хвастались друг перед другом своей практичностью, укладывали за нас трудолюбивые муравьи Кетереры.

Долго я пытался достигнуть аккуратности немецкой, но теперь уж махнул рукой, утешая себя тем, что ежели у меня и пропадают и пачкаются и мнутся вещи больше, чем у прусского генерала, который укладывался два дня не переставая, зато уж и никому так равнодушно не обойтись без пропащей вещи и не носить испачканного или измятого платья. Это тоже русская практичность в своем роде.

В 8 часов мы все в последний раз сошлись за кетереровским чаем, в маленьком Salon, с ситцевыми гардинками и портретами Наполеона в Берлине и Фридриха с кривым носом. Все были такие же чистенькие, общительные, жизнерадостные, как и каждый день в продолжение двух месяцев.

В конце чая в Salon вошла наша соотечественница с своими детьми. Она искала квартиру. Старшему, 11-тилетнему мальчику ее ужасно хотелось идти в горы, а так как мне всегда казалось, что ходить по Швейцарии с очень молодым мальчиком, для которого "еще новы все впечатленья бытия", должно быть вдвое приятнее, я предложил матери отпустить его со мной. Мать согласилась, и мальчик рысью, раскрасневшись и от радости задирая ноги чуть не выше головы, побежал укладываться.

В 10 часов мы все были в известном положении укладывающихся людей, то есть ходили без всякого дела кругом комнаты и растерянными глазами оглядывали лежащие на полу чемоданы и стены комнат, все что-то вспоминая. В это время приехали из Montreux русские барышни с только что приехавшей из России матерью и еще с каким-то господином, тоже русским; потом приехали русские из Basset, тоже нынче уезжающие. Благодарный Кетерер за подарки, которые сделал ему наш кружок, приготовил завтрак. Не было одной комнаты свободной, везде чемоданы, отворенные

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

двери, все комнаты сделались ничьи. Гости переходили из одной в другую. Било одно время, что как будто никто не знал, кто у кого и зачем, и кто куда едет, и с кем прощаться. Я знал только то, что расстраивается наш мирный милый кружок, в котором я не видал, как прожил два месяца, и эти два месяца, я чувствовал, останутся навсегда дорогим воспоминанием моему сердцу. Это чувствовали, кажется, и все.

В 12 часов все тронулись провожать первых отъезжающих, мужа с женой Пушиных. Я надел свой ранец, взял в руки Alpenstock [альпийская палка (нем.)], подарок прусского 95-летнего генерала, и все тронулись пешком до парохода. Нас было человек десять; правда, что большая часть из этих людей были редко встречающиеся превосходные люди, особенно женщины, но на всем нашем обществе в это утро лежала одинаковая общая всем печать какого-то трогательного чувства благодушия, простоты и любви (как ни странно это выражение), я чувствовал, что все были настроены на один тон; это доказывали и ровные, мягкие походки, и нежно искательные звуки голосов, и слова тихой приязни, которые слышались со всех сторон. Удивительно спокойно гармоническое и христианское влияние здешней природы.

Погода была ясная, голубой, ярко-синий Леман, с белыми и черными точками парусов и лодок, почти с трех сторон сиял перед глазами; около Женевы в дали яркого озера дрожал и темнел жаркий воздух, на противоположном берегу круто поднимались зеленые савойские горы, с белыми домиками у подошвы, - с расселинами скалы, имеющими вид громадной белой женщины в старинном костюме. Налево, отчетливо и близко над рыжими виноградниками, в темно-зеленой гуще фруктовых садов, виднелись Монрё с своей прилепившейся на полускате грациозной церковью, Вильнев на самом берегу, с ярко блестящим на полуденном солнце железом домов, таинственное ущелье Вале с нагроможденными друг на друга горами, белый холодный Шильон над самой водой и воспетый островок, выдуманно, но все-таки прекрасно торчащий против Вильнева. Озеро чуть рябило, солнце прямо сверху ударяло на его голубую поверхность, и распущенные по озеру паруса, казалось, не двигались.

Удивительное дело, я два месяца прожил в Clarens, но всякий раз, когда я утром или особенно перед вечером, после обеда, отворял ставни окна, на которое уже зашла тень, и взглядывал на озеро и на зеленые и далью синие горы, отражавшиеся в нем, красота ослепляла меня и мгновенно, с силой неожиданного, действовала на меня. Тотчас же мне хотелось любить, я даже чувствовал в себе любовь к себе, и жалел о прошедшем, надеялся на будущее, и жить мне становилось радостно, хотелось жить долго-долго, и мысль о смерти получала детский поэтический ужас. Иногда даже, сидя один в тенистом садике и глядя, все глядя на эти берега и это озеро, я чувствовал, как будто физическое впечатление, как красота через глаза вливалась мне в душу.

Подойдя к Берне, маленькой деревушке, где пристает пароход, мы нашли в лавочках под высокими раинами, как всегда и везде в Швейцарии, семейство чистоплотных англичан, пастора в белом галстуке, старуху с корзинкой и двух молодых швейцарок в шляпках, с багровым румянцем и певучими голосками. Все дожидались парохода. Я не умею говорить перед прощаньем с людьми, которых я люблю. Сказать, что я их люблю, - совестно, отчего я этого не сказал прежде? говорить о пустяках тоже совестно. Я пошел на берег делать камушками рикошеты и занимался этим до самого того времени, как лодочник сказал, что пора садиться в лодку и выезжать к пароходу. Сапоги и башмаки застучали по полу лодки, и два большие весла стали толкать лодку. Мы подъехали под самый пароход так близко, что пена забрызгала нас. Покуда нам бросали канат, с парохода празднично смотрели на нас пассажиры; опершись на решетку, знакомый капитан, с французской бородкой, кланяясь, встретил у трапа чету Пушиных; пустили веревку, синяя, как распущенная лазурь, вода забурлила около ярко-красных колес, и как будто мы побежали прочь от парохода. Пассажиры передвинулись к корме, замахали платками, и наши друзья очутились уж совсем далеко от нас и в чужой незнакомой среде людей, которые их окружали.

Там тоже махали другие платками и совсем не нам, а краснощекой швейцарке, которая, не обращая на нас никакого внимания, тоже махала батистовым платком. На суше, у поворота в Монрё, я простился еще с дорогими друзьями и с уже менее мне близкими людьми пошел в гору в Монрё за своим молодым спутником. Наш милый кружок был расстроен, и, верно, навсегда; дамы, с которыми я шел, говорили о своих частных делах, я почувствовал себя вдруг одиноким, и мне это показалось так грустно, как будто это случалось со мной в первый раз.

Вместе с земляками в два часа мы пошли обедать в пансион Вотье. Несмотря на самые разнообразные личности, соединяющиеся в пансионах, ничто не может быть однообразнее вообще пансиона.

Мы вошли в низкую длинную комнату с длинным накрытым столом. На верхнем конце сидел тот самый седой чисто выбритый англичанин, который бывает везде, потом еще несколько островитян мужского и женского пола, потом скромные, пытающиеся быть общительными немцы и развязные русские и молчаливые неизвестные. За столом служили румяные миловидные швейцарки, с длинными костлявыми руками, и m-me Votier в черном чепце, с протестантской кроткой улыбочкой, нагибаясь, спрашивала, что кому будет угодно. Те же, как и во всех пансионах, пять кушаний с повторениями, и те же разговоры на английском, немецком и ломаном французском языках, о прогулках, о дорогах, о гостиницах. В начале весны обитатели пансионеров еще дичатся друг с другом, в середине лета сближаются и под конец делаются врагами; тот шумел прошлую ночь и не давал спать, тот прежде берет кушанье, тот не ответил на поклон. Особенно немки по своей обидчивости и англичане по своей важности бывают зачинщиками раздоров...

В 4 часа, напившись кофею, я зашел за своим спутником. После радостной торопливой беготни, которая продолжалась 1/4 часа, он был готов и с мешком через плечо и длинной палкой в руках прощался с матерью, сестрой и братом. От Монтрё мы стали подниматься по лесенке, выложенной в виноградниках, прямо вверх в гору. Ранец мой так тянул мне плечи и было так жарко, что я только храбрился перед своим товарищем, а думал, что вовсе не в состоянии буду ходить с этой ношей. Но вид озера, который все уже и уже и вместе с тем блестящее и картиннее открывался перед нами, и заботы о том, чтобы Саша (мой спутник) не мучился бы напрасно, подпрыгивая по ступенькам и не оборвался бы под 10 и кое-где 20-тиаршинную стену виноградника, развлекали меня, и, пройдя с полчаса, я уже начинал забывать об усталости. Уж мальчик мне был чрезвычайно полезен одним тем, что избавлял меня от мысли о себе и тем самым придавал мне силы, веселости и моральной гармоничности, ежели можно так выразиться.

Я убежден, что в человека вложена бесконечная не только моральная, но даже физическая бесконечная сила, но вместе с тем на эту силу положен ужасный тормоз – любовь к себе, или скорее память о себе, которая производит бессилие. Но как только человек вырвется из этого тормоза, он получает всемогущество. Хотелось бы мне сказать, что лучшее средство вырваться есть любовь к другим, но, к несчастью, это было бы несправедливо. Всемогущество есть бессознательность, бессилие – память о себе. Спасаться от этой памяти о себе можно посредством любви к другим, посредством сна, пьянства, труда и т. д.; но вся жизнь людей проходит в искания этого забвения. Отчего происходит сила ясновидящих, лунатиков, горячечных или людей, находящихся под влиянием страсти? Матерей, людей и животных, защищающих своих детей? Отчего вы не в состоянии произнести правильно слова, ежели вы только будете думать о том, как бы его произнести правильно? Отчего самое ужасное наказание, которое выдумали люди, есть – вечное заточение? (Смерть как наказание выдумали не люди, они при этом слепое орудие провиденья.) Заточение, в котором человек лишается всего, что может его заставить забыть себя, и остается с вечной памятью о себе. И чем человек спасается от этой муки? Он для паука, для дырки в стене хоть на секунду забывает себя. Правда, что лучшее, самое сообразное с общечеловеческой жизнью спасенье от памяти о себе есть спасенье посредством любви к другим; но не легко приобрести это счастье.

.....
Я намерен был через гору Жапан идти на Фрейбург.

В Avants, 1 1/2 часа от Монтрё, мы хотели ночевать нынче. Когда мы вышли на большую дорогу, высеченную, как все горные дороги, фута на два в каменном грунте, идти стало легче. Мы поднялись уже так высоко, что около нас не видать было желто-кофейных плешин виноградников, воздух как будто стал свежее, и с левой стороны, с которой заходило солнце, сочнолиственные, темно-зеленые лесные, а не фруктовые, деревья закрывали нас своей тенью. Направо виднелся глубокий зеленый овраг с быстрым потоком; через него торчал на горе Rigi Vaudais пансион, составляющий казенную partie [прогулку (фр.)] англичанок и немок, а оглянувшись назад, виднелось уже значительно сужившееся синее озеро, с белыми парусами и с дорожками, которые по разным направлениям бежали по нем. Вале в синей дали с

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
руслом Роны далеко и глубоко расстился перед нами, направо снеговые горы Савойи обозначались чище и яснее.

Чем выше мы поднимались, тем реже встречали швейцарцев с корзинками за плечами и с певучими "bonsoir, monsieur" [Добрый вечер, господин (фр.)], которыми они приветствовали нас, лес становился гуще и чернее, дорога становилась грязнее, глинистее и колеистее. Может быть, это оттого, что я русский, но я люблю, просто люблю, глинистые, чуть засыхающие, еще мягкие желтые колеи дороги, особенно когда они в тени и на них есть следы копыт. Мы присели в тени на камне около желобка воды, из которого чуть слышно лилась струйка прозрачной воды, я достал фляжку и накапал рому в стаканчик. Мы выпили с наслаждением, над нами заливались лесные птицы, которых не слышишь над озером, пахло сыростью, лесом и рубленой елью. Было так хорошо идти, что нам жалко было проходить скоро.

Вдруг нас поразил необыкновенный, счастливый, белый весенний запах. Саша побежал в лес и сорвал вишневых цветов, но они почти не пахли; с обеих сторон были видны зеленые деревья и кусты без цвета. Сладкий одуряющий запах все усиливался и усиливался. Пройдя сотню шагов, с правой стороны кусты открылись, и покатаая, огромная, бело-зеленая долина с несколькими разбросанными на ней домиками открылась перед нами.

Саша побежал на луг рвать обеими руками белые нарциссы и принес мне огромный, невыносимо пахучий букет, но, с свойственной детям разрушительной жадностью, побежал еще топтать и рвать чудные молодые сочные цветы, которые так нравились ему.

<Странная грустная вещь – всегда несогласуемое противоречие во всех стремлениях человека, но жизнь как-то странно по-своему соединяет все эти стремления, и из всего этого выходит что-то такое неоконченное, не то дурное, не то хорошее, грустное, жизненное. Всегда полезное противоположно прекрасному. Цивилизация исключает поэзию. Полей с нарциссами уже остается мало, потому что скотина не любит их в сене.>

Avants состоит из десятка швейцарских домиков, разбросанных у подошвы Jaman, перед началом глубокого заросшего оврага, который идет до самого Монтрé, на широкой просторной зеленой поляне, буквально усеянной нарциссами. Кругом темные дубовые и сосновые рощи, вверху скалистый зуб Жаманский, внизу открывается дом Риги, несколько шале и уголок синего далекого озера и лощины, с исполосанной дорогами, изгородями и Роной долиной Вале. Несколько потоков шумят около домов.

Нам указали гостиницу: это скромный, еще необитаемый пансион. Швейцарка с зобом отнесла наши котомки в две чистенькие комнатки, дала кисленького вина и накрыла чай на террасе. Мальчишки стреляли в цель из арбалета, странствующий итальянец чинил посуду перед одним из домиков. Здоровые швейцарцы, с голыми по подмышки грязными руками, укладывали вонючий сыр, другая старая старушка, с зобом, сидя на бревне, вязала чулок перед домом, около которого было два чахлах кусточка розанов, – вот все, что мы видели, пройдясь по деревне. Уединенно, бедно, скромно, и над этим всем непоколебимая красота зеленых лесистых гор, синей дали, с клочком блестящего озера и прозрачного неба, на котором белым облачком стоял матовый молодой месяц.

Саша побегал по деревне, завел знакомство с итальянцем, узнал, сколько у него детей и хорошо ли жить в Милане, придержал пальцем фонтан около дома и, запыхавшись, вернулся на террасу. Мы напились чаю и разошлись в свои комнатки. Я сел было писать, но, вспомнив о друзьях, с которыми расстался, мне стало так грустно, что я бросил и из окна перелез на террасу. Все уже было черно кругом, месяц светил на просторную поляну, потоки, не нарушаемые дневным шумом, равномерно гудели в глубине оврага, белый запах нарциссов одуряюще был разлит в воздухе, сосны и скалы отчетливо рисовались на светлом месячном горизонте.

Хозяйка мне сказала, что поля с нарциссами – скверные луга для скотины [1 неразобр.] переводят. Неужели такой закон природы, что полезное противоречит прекрасному, цивилизация – поэзии? – пришло мне в голову. – Зачем же эта путаница? Зачем несогласуемые противоречия во всех стремлениях человека? думал я, чувствуя в то же время какое-то сладкое чувство красоты, наполнявшее мне душу. И в себе я чувствовал противоречие. Впрочем, все эти кажущиеся несогласуемыми явления жизни как-то странно по-своему соединяет их. И из всего этого выходит что-то такое неоконченное, не то дурное, не то хорошее, за

которое человек сам не знает, благодарить или жаловаться. Видно, покаместа так надобно.

В молодости я решал и выбирал между двумя противоречиями; теперь я довольствуюсь гармоническим колебанием. Это единственное справедливое жизненное чувство. Красота природы всегда порождает его во мне, это чувство не то радости, не то грусти, не то надежды, не то отчаяния, не то боли, не то наслаждения. И когда я дойду до этого чувства, я останавливаюсь. Я уже знаю его, не пытаюсь развязать узла, а довольствуюсь этим колебанием.

Я опять перелез в окно и скоро спокойно заснул в своей маленькой чистенькой комнатке, в которую до половины пола проникали лучи месяца.

16/28 мая. Я проснулся в 4. В окно уже виднелся бледный свет утра. Башмаки мои не были принесены, дверь заперта снаружи, я отворил окно, перелез в него на террасу.

Свежий воздух охватил меня, и дрожь пробежала по телу. Потоки, так же как и вчера, уединенно и равномерно шумели внизу темного сырого оврага, над голубым озером далеко тянулись туманные белью тучки, Жаманский скалистый зуб наверху с снегом, прилепившимся к нему, отчетливо виднелся на золотисто-голубом горизонте, разбросанные по горам шале казались ближе, на траве и по дороге серебрилась морозная роса. Где-то недалеко уж звонили бубенчиками пасущиеся коровы. Я постучался к хозяйке. Костлявая, с длинными руками, девушка отворила мне дверь, из которой пахло спаньем, и дала башмаки и платье. Я разбудил Сашу, он укусил себя за мизинец, чтобы совсем проснуться, и через 1/4 часа мы были готовы, заплатили хозяйке что-то 4 франка за постели, чай и вино и пустились в дорогу.

Широкая вытесанная дорога, извиваясь, шла в гору. Справа и слева все глуше и мрачно становился елопый и сосновый лес. Кое-где попадались как бы болотца с бледной растительностью, от недавно стаявшего снега, попадались изгороди, отделявшие одну горную пастьбу от другой, и небольшие полянки на полугорьях, ка которых, позванивая подвешенными под горло бубенчиками, паслись некрупные, но сбитые, красивые швейцарские коровы и грациозные козочки. Даже повернувшись назад, не было видно веселого блестящего озера, все было серьезно, уныло, но не мрачно и мягко.

С полчаса от Avants мы подошли к загородке с затворенными воротами. Опять большая поляна над оврагом, и на поляне длинный шале, в котором делают сыр, с фонтаном и колодой. Проходя мимо шале, мы услышали в нем звонки и топот копыт поворачивающихся коров и голоса.

- Здравствуйте, кто там? - спросил я, перегнувшись через заборы в темные конюшни.

- Jae! - откликнулся оттуда заспанный грубый голос, - qui est la? [кто там? (фр.)]

- Иностранцы. Нет ли молока? - спросили мы. К нам вышел малый лет 16-ти с лилово-желтыми засученными руками и ногами и таким же лицом, с тупым удивленным выражением. Другой, старый голос слышен был из конюшни; он на своем грубом ratois [местном наречии (фр.)] сказал что-то малому. Малый указал нам на плоский чан с молоком, положил в него деревянное орудие вроде лопаты без ручки и, сказав "voilà" [вот вам (фр.)], скрылся в конюшне.

- Ну что, хотите? - сказал я Саше, предлагая ему деревянное орудие и указывая на желтоватое с синим [молоко], все усыпанное сверху плавающим сором.

Саша расхохотался только, мы напились воды и пошли дальше.

- И он думает, что это пить можно. Хорошо угощение! - говорил Саша, подсмеиваясь над швейцарским сырником.

У детей, как и у простолюдинов, есть одинаковое счастливое свойство насмешливости над привычками и обычаями, которые не похожи на ихние. Сколько раз я видал, как наши солдаты помирали со смеху над французами, оттого что они не понимали по-русски, и над татарами, которые снимали башмаки, входя в комнату. И Саша никак не мог понять, что ему в горной сырне не подается молоко, как в

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

пансионе Вотье, и помирал со смеху над этим. Больше уже до самой вершины Жапан мы не встречали жилищ; только то над головами в кустах, то внизу над самым оврагом слышали равномерное побрякивание бубенчиков пасущегося стада. Раз даже целое стадо, в главе которого бежала веселенькая красная коровка с маленькой головкой и на тоненьких прямых ножках, наткнулось на нас. Саша посторонился с уважением от коров, но поймал маленькую козочку за рога и с хохотом любовался ворочаньем ее коротенького черненького хвостика.

- Ну еще, вот так, ну еще, - приговаривал он.

Правду мне говорили, что, чем выше идешь в горы, тем легче идти; мы шли уже с час, и оба не чувствовали ни тяжести мешков, ни усталости. Хотя мы еще не видели солнца, но оно через нас, задевая несколько утесов и сосен на горизонте, бросало свои лучи на возвышенье напротив; потоки все слышны были внизу, около нас только сочилась снеговая вода, и на поворотах дороги мы снова стали видеть озеро и Вале на ужасной глубине под нами. Низ Савойских гор был совершенно синий, как озеро, только темнее его, верх, освещенный солнцем, совершенно бело-розовый. Снеговых гор было больше, они казались выше и разнообразнее. Паруса и лодки, как чуть заметные точки, были видны на озере.

Это было что-то красивое, даже необыкновенно красивое, но это не природа, а что-то такое хорошее. Я не люблю этих так называемых величественных знаменитых видов - они холодны как-то. Саша, кажется, разделял мое мнение. Даль этого вида только интересовала его, но не нравилась очень. Через последний поток, который нам надо было перейти, нам пришлось снова спускаться на несколько сот шагов в глубокий овраг на мостик. Этот вид больше поразил нас.

Внизу - крутой шумный поток по камням, через который переброшен мостик из нетесаных елей; с нашей стороны, между черными, все густеющими книзу елями вьется вниз каменистая дорога, и по другой стороне, по каменистому уступистому косоугору, поднимается вверх. По крутому течению все гуще и гуще ели; кое-где повываны и переброшены на камни красные стволы, и корни виднеются на серебристой пене, и рядом с пеной симметрическая верхушка другой сосны, растущей в обрыве; и книзу все гуще и гуще, круче и круче идет поток, перемешиваясь с темно-зелеными верхушками, и, наконец, на самом низу его закрывает от глаз облако, кое-где прорванное кажущимися совершенно черными ветвями сосен.

Перейдя мостик, Dent de Жапан казалась уже совершенно над нами, мы различали ее расселины и снег и кусты около нее; но идти еще было тяжело и далеко. Саша мой все старался идти прямее, по диагоналям, забегал вперед и отдыхал, и от этого уставал еще больше. Он уже отказывался идти, и мне становилось тяжело; но, зная по опыту, что надо не верить первому моменту усталости, я, еле-еле передвигая ногу за ногу, все шел вперед по зигзагам дороги, которая поднималась по редкому бору.

Солнце еще не выбралось из-за скал. Везде пусто, сыро, никого не видно и не слышно, с обеих сторон голые стволы деревьев и бедная растительность. Чем выше мы поднимались, становилось грязнее и грязнее от таявшего снега, ноги скользили, и мешок страшно тянул мне спину, и я уже думал, что вовсе не так приятно ходить пешком по Швейцарии, как все говорят, когда вдруг все переменялось. Выше меня послышались бубенчики, [и] сильный, свежий мужской голос, который пел эту вечную швейцарскую песню с гортанными переливами; пройдя маленький зигзаг, мы очутились на маленькой сырой полянке, с которой открылся еще шире, дальше и блестящее вид на озеро; солнце большей половиной выкатилось из-за скалы и ослепительно заблестело по голым красным стволам сосен и по сырой траве поляны.

Взглянув вверх, над самой головой, я увидел черную навьюченную лошадку, которая, опустив голову вниз, как бы обнюхивая дорогу, по самой окраине спускалась вниз, осторожно поджимая задние ноги. Сзади скорыми шагами с палкой в руке шел швейцарец, молодой красивый малый в соломенной шляпе. Увидав нас, он перестал петь и только весело покрикивал на лошадку. "Bonjour, monsieur", - сказал он весело, заигрывающе ударяя на последнем слоге, когда мы сошлись с ним. "Bonjour, далеко ли до Alieres?" - "Два маленьких часика, отвечал он, - и - хуп, хуп", - закричал он и взялся за хвост лошади, которая, приложив уши, с каким-то шутовски веселым выражением, побрякивая бубенчиками, быстро спускалась по самому краю дороги. Пока мы входили, до самого верха горы, мы всё видели внизу [у] себя под ногами, то там, то сям, по извилинам дороги, черную лошадку с вьюком и слышали песню швейцарца.

Странная вещь – из духа ли противоречия, или вкусы мои противоположны вкусам большинства, но в жизни моей ни одна знаменито-прекрасная вещь мне не нравилась. Я остался совершенно холоден к виду этой холодной дали с Жаманской горы; мне даже и в голову не пришло остановиться на минуту полюбоваться. Я люблю природу, когда она со всех сторон окружает меня и потом развивается бесконечно вдаль, но когда я нахожусь в ней. Я люблю, когда со всех сторон окружает меня жаркий воздух, и этот же воздух, клубясь, уходит в бесконечную даль, когда эти самые сочные листья травы, которые я раздавил, сидя на них, делают зелень бесконечных лугов, когда те самые листья, которые, шевелясь от ветра, двигают тень по моему лицу, составляют линию далекого леса, когда тот самый воздух, которым вы дышите, делает глубокую голубизну бесконечного неба; когда вы не одни ликуете и радуетесь природой; когда около вас жужжат и вьются мириады насекомых, сцепившись, ползут коровки, везде кругом заливаются птицы. А это – голая холодная пустынная сырая площадка, и где-то там красивое что-то, подернутое дымкой дали. Но это что-то так далеко, что я не чувствую главного наслаждения природы, не чувствую себя частью этого всего бесконечного и прекрасного целого. Мне дела нет до этой дали. Жаманский вид для англичан. Им, должно быть, приятно сказать, что они видели с Жаман озеро и Вале и т. д.

Кроме того, на горе недавно стоял снег, было сыро, я устал поднимаясь, хотел пить, а тут воды нигде не было. Два шале, которые мы нашли тут почти на самой вершине, были пустые. Саша побегал было к снегу, которого за хребтом горы было много, но снег был грязен. Вид по ту сторону Жамана несравненно гармоничнее: это до самого горизонта глубокое суживающееся мрачное, поросшее хвойным лесом ущелье. В отверстие ущелья выставляется другой хребет гор, того же строгого и величественного характера; в глуби и на полускатах ущелий виднелись дымки, которые одни оживляли картину; домов и шале нигде не было видно. На вершинах почти везде клочьями лежал снег. Спуск по ту сторону – по маленькой, едва проторенной каменистой тропинке. Тропинка эта так мала, что мы даже сомневались, на настоящей ли мы дороге.

Первый дым, который нами был виден и где надеялись спросить о дороге, остался вправо. Около часу мы все круто спускались, никого не встречая, и чем дальше мы шли, тем дорога становилась хуже. Видно было, что вблизи выше рубили лес, и на самой дороге попадались иногда сложенные сажени, а иногда просто сброшенные сверху деревья, заграждавшие дорогу.

Я сомневался, не сбился ли я, и, признаюсь, серьезно беспокоился, но Саша, которому я сообщил свои опасения, помирал со смеху от мысли, что мы заблудились. Я тоже смеялся, и не оттого, чтобы мне смешно было, но оттого, что мы, спускаясь, устали еще больше, чем поднимаясь, нас распарило, и как это часто бывает в подобных случаях, на Сашу нашел смехун и сообщился мне отчасти.

Скажу я: "Фу, в какую мы труппу зашли", – и Саша спотыкался и падал от смеха и только повторял: "В труппу зашли"; и мне почему-то становилось ужасно смешно.

– А вон, слышите, рубят дрова, – сказал я, – надо будет спросить у этого господина.

– Я вижу и господина, – сказал Саша, помирая со смеху, и, путаясь ногами, побегал вперед к господину.

Это был высокий, худой, рябой мужчина, ужасно грязно одетый и изнуренный, что весьма часто встречается в Швейцарии. Он, засучив рукава над своими худыми жилистыми руками, рубил дрова около дороги. На все вопросы Саши по-французски, как пройти в Альер? далеко ли? – он отвечал таким непонятным фляфляванием, как будто у него был полон рот каши, и с таким диким испуганным выражением смотрел на мальчика, что Саша начал пятиться от него. Предполагая, что он из немецкой Швейцарии и говорит на своем *patois*, я спросил его по-немецки; но, кроме каких-то непонятных слюнявых звуков и тех же растерянных взглядов, я ничего не мог от него добиться. Не итальянец ли он? Саша спросил его по-итальянски. Он только пожал плечами и сделал такую комическую рожу, что Саша лопнул, расхохотался и побегал прочь. Я не мог удержаться и сделал то же. Я нигде не встречал такой уродливой идиотической старости рабочего класса, как в Швейцарии.

Пройдя несколько шагов, мы встретили других дровосеков ниже дороги, Саша сбегал к ним, и эти поняли его и сказали, что мы идем хорошо и через маленький полчаса

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
будем в Альере. Действительно, скоро уже дорога пошла ровно вдоль потока, между обсаженными каменными изгородями; стали попадаться стада, рассыпанные по полугорам, освещенным солнцем, и скоро около самой деревни мы нашли фонтан, которого нам так хотелось.

Alieres в том же роде, как и Avants, – десятка полтора хорошеньких домиков, на довольно далекое расстояние друг от друга рассыпанных по зеленой долине. Тот же овраг внизу, те же потоки, те же душистые нарциссы в лугах, только больше коров и скотины виднеется в лугах и на полянах лесов. Справа и слева неумолкаемо слышались эти бубенчики, которые так идут как-то к утренним косым лучам солнца, к росистой зелени и к запаху цветов, росы и стада.

Саша с одной стороны вбежал в большой дом, мимо которого мы проходили, чтобы узнать, не это ли гостиница, а я с другой уж нашел вывеску, изображающую медведя, с надписью кругом: "Hotel de L'ours, a la confiance" [Гостиница Медведь: доверьтесь (фр.)]. Служанка, к которой мы обратились по-французски, пожала плечами в знак сожаления, что не понимает, что, разумеется, нас очень обрадовало, дав возможность показать свои знания по-немецки.

Это был уже кантон Фрибурга.

Нас провели в залу с голыми столами и лавками и дали славного свежего хлеба и молока. Кофей, который мы заказали, мы слышали как жарился и терся. Но мы рады были отдохнуть, и на нас снова нашел смехун, вследствие наслаждения отдыха, хотя и под предлогом надписей на чашках и тарелках, которые нам подали. На моей чашке было написано просто: "Par l'amitie" [дружески (фр.)] в лавровом венке, но у Саши надпись была длиннее: "Mon c?ur est tout attriste, je pleure en realite" [Сердце мое весьма опечалено, я плачу настоящими слезами (фр.)]. Но лучше всего была тарелка с синими разводами, с изображением якоря и с немецкой надписью внизу: "Komm her und kusse mich" [Приди и поцелуй меня (нем.)]. Видно, здесь уже и в людях и в предметах боролись немецкий и французский элементы. Однако кофей был недурен, дешев чрезвычайно и подан скоро, так что еще не было жарко, когда мы пустились в путь дальше до Montbovon, где мы намеревались дневать и обедать.

Дорога шла, извиваясь между лугами и лесами, то в гору, то под гору. Под самым Альером мы нагнали женщину уже лет за 40, которая несла за спиной пустую корзинку. Она шла ровным охотничьим шагом, мы шли скорее, и, признаюсь, не без гордости подумал, как я легко обгонял горную женщину, и что она, глядя на нас, подумает, может быть: молодцы, хорошо идут. Услышав за собой наши шаги, она посторонилась и произнесла этот певучий: "Bonjour, monsieur", к которому так привыкаешь на Лемане. Слово за слово, мы разговорились, кто, куда и откуда? и, признаюсь, мне стыдно стало, когда я узнал, что она, которую я хотел удивить, нынче вышла из Монтрё и, пройдя в одно утро то же самое, что мы в два дня, была впереди нас. Мало этого, она прибавила так, к слову, что вот сейчас здесь наложит 36 фунтов холстины в корзину и вернется нынче же в Монтрё.

Мы с Сашей только переглянулись. Вот так молодец баба! Когда она, пожелав нам счастливого пути, повернула в сторону, я внимательно осмотрел ее фигуру. Ничего особенного, тот обыкновенный тип рабочих женщин, которых с шляпами в виде бутылок встречаешь в виноградниках Cote и у большей части которых висит зоб под подбородком, плоская спина и грудь, костлявые длинные руки, вывернутые ноги и кислая сморщенная улыбка.

На половине дороги встретили мы с удовольствием такого же туриста, как мы, только гораздо менее навьюченного: у него была крошечная сумочка, а я тащил на себе, я думаю, больше пуда, и теперь, пройдя по горам около 20 верст, начинал серьезно уставать. Притом дорога однообразно идет по еловому лесу; кое-где ручьи, потоки или полянка с шале и фонтаном; но зато беспрестанные встречи: то дальние немцы-швейцарцы с большими палками и фарфоровыми трубочками, то из-под горы седой старик тянет корову за рога, а за ним идет хорошенькая румяная швейцарочка с длинной хворостиной и, потупив глазки, здоровается с иностранцами, то два мальчика, в вздернутых набок на одной помочке штанишках, вперед себя гонят куда-то коз и беспрестанно забегают в лес, выгоняя оттуда свое непослушное стадо, то две уродливые старухи вытаскивают за хвост красную свинью из оврага. Эту последнюю встречу мы сделали под самой деревней. Свинья пронзительно визжала, одна баба тащила ее за хвост, другая, худая, костлявая, с зобом и с каким-то странным тиком во рту, дававшим ей ужасно злобный вид, колотила ее палкой.

Саше моему так смешно показалось это зрелище, что насилу я мог удержать его, чтобы он не прыснул прямо в нос уродливой бабе, с которой мы столкнулись нос с носом на дороге. Зато уже после он дал себе волю, хрипел, пыхтел, фыркал, и смехун продолжался до самой гостиницы.

Montbovon живописно открылся нам под горой, на довольно большой речке, с большим городского фасада домом гостиницы, католической церковью и большой дорогой шоссе, которую я, признаюсь, увидал не без удовольствия, после дороги, по которой мы шли нынешнее утро.

Не дошли мы до гостиницы, как особенности католического края тотчас же выказались: грязные оборванные дети, большой крест на перекрестке перед деревней, надписи на домах, уродливо вымазанная статуэтка мадонны над колодцем, и один опухлый старик и мальчик в аглицкой болезни попросили у меня милостыню. Гостиница была чистая, просторная, на большую ногу и совершенно пустая; нам служили отлично. Бывшая хорошенькая горничная из Берна, принарядившись и напмадившись для нашего приезда, усиливалась говорить с нами по-французски и без надобности забегала в нашу комнату. Желательно бы было, чтобы к нам не переходил в Россию обычай иметь женскую прислугу в гостиницах. Я не гадлив, по мне лучше есть с тарелки, которую, может быть, облизал половой, чем с тарелки, которую подает помаженная плешивящая горничная, с впальми глазами и масляными мягкими пальцами. Госпожу эту звали Элиза, но Саша, смотревши на картинки в зале, изображавшие историю Женевьевы, брошенной в лес и вскормленной ланью, назвал ее Женевьевкой, потом Женевесткой, потом Женеверткой, и слово Женевертка заставляло его смеяться до упаду. Кроме того, с этого дня Женевертка стала для нас словом, означющим вообще трактирную служанку.

Я закрыл ставни и лег спать до обеда, Саша пошел удить рыбу на речку. Проснувшись, я порадовался по карте, как далеко мы отошли от Монтрё, и мне пришла мысль, что, так как мы стоим на дороге, ведущей из Фрибурга в Интерлакен, идти лучше любоваться горной природой в Оберланд, чем по пыльному шоссе идти в Фрибург, где я мог слушать знаменитый орган на возвратном пути. Перед выступлением я прошелся по деревне. Дома большей частью были большие, красивые, в каждом жило по несколько семейств; но одежда и вид народа ужасно бедны. На нескольких домах я прочел надписи вроде следующей: "Cette maison a ete batie par un tel, mais ce n'est rien en comparaison de cel le que nous reserve le Seigneur. Oh mortel! mon ombre passe avec vitesse et ma fin approche avec rapidite!" [Дом сей построен имяреком, но он есть ничто в сравнении с тем жилищем, которое уготовил нам господь. О, смертный! тень моя проходит поспешно, и конец мой близится стремительно! (фр.)] - и еще раз "Oh mortel" [О, смертный (фр.)]. Что за нелепое соединение невежественной гордости, христианства, мистицизма и тщеславной напыщенной болтовни.

.....

Саша ничего не поймал, проект мой ему очень понравился, и в 5-м часу мы пустились в путь совсем в противоположную сторону от той, в которую думали идти.

Дорога до Chateau d'Oex, где мы хотели ночевать, идет, редко где поднимаясь и опускаясь, по берегу большого быстрого потока. Поток этот называется Sarine. Несмотря на то, что он далеко не был в полном разливе, шум его был слышен за версту, и по нем в многих местах плыли и в других, зацепившись за камни, стояли еловые бревна, которые таким образом перевозят с места на место. Иногда через месяц хозяева леса, дожидаясь воды, приходят к плотинам и находят свой лес, который они узнают по клеймам. По ровному гладкому шоссе нам казалось так легко идти после прежней дороги, что мы прошли час и почти не устали, только мешки тянули нам плечи.

Мы приостановились на мосту, положив мешки на перила, чтобы они [не] тянули нам спины, и долго любовались Саринной, которая в этом месте через большие нагроможденные друг на друга камни довольно крутым уступом спускается вниз. Саша очень любит всякую воду, даже не может пропустить ни одного желобка с водой, чтоб не заткнуть его рукой, и лужицы, чтоб не поболтать в ней концом палки, поэтому водопады приводят его в восхищение; но для меня водопад, слишком далекий и не окруженный зеленью, такое же холодное зрелище, как декорация или знаменитые виды с высоких гор. Этот водопад, однако, шумел в прелестной рамке. С обеих сторон кривые, разной величины, темные сосны, и между ними эта стремительно

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
движущаяся и однообразно возобновляющаяся белая пена, и широкие серебристые струи, и неподвижные, непрерывно одинаково обливаемые то сверху, то с боков белые камни, бревна елей, живописно, всегда живописно столкнувшихся и зацепившихся, и этот одуряющий шум; так что вы не знаете, что вода и что камни.

Этот водопад был прекрасен. За шумом воды мы и не слышали, как нас нагнала шагом ехавшая на одной вороной лошади немецкая открытая бричка с мучными мешками. На бричке спереди сидел красивый малый и сзади старушка.

- Попросите к ним мешка положить, - сказал Саша.

- Разве вы устали?

Но Саша уже таким заискивающим голосом сказал: "Bonjour, madame", - и так выразительно поглядел на старушку, что она посторонилась и показала ему подле себя место: "Садитесь, коли вы устали", - сказала она. Саша тотчас же вскочил к ней рядом, я тоже положил свой мешок и предложил швейцарцу выпить вместе бутылку вина в первом трактире.

- Oh, ce n'est pas ca [О, не в этом дело (фр.)], - сказал, покраснев, миловидный румяный швейцарец, - venez aussi [Садитесь и вы (фр.)], - прибавил он, давая мне место, - мы рысью поедem. Но я отказался, сказав, что догоню их. И мой Саша с новыми знакомцами, что-то руками рассуждая с старушкой, затрясся от меня рысью вперед по дороге.

Я их догнал у харчевни, подле которой молодой мельник остановил свою лошадь. Он тоже заказал себе пива, но я попросил его выпить вина со мною. Мельник принадлежал к тому милому и поэтическому красивому типу швейцарцев, который довольно часто встречается в кантонах Vaud, Женевы, Нешателя и Фрибурга. Громадно широкие плечи и грудь, чрезвычайно развитые мышцы ног и рук, небольшая белокурая голова, румянец во всю щеку и благодушная, кроткая, немного глуповатая улыбка. От трактира, по настоящему приглашению, я сел с ним рядом на телегу, и мы разговорились. Он сирота, мельник, получает 4 франка, целковый, в неделю, но служит потому, что не записался в граждане и вовсе не находит это записыванье нужным.

- А что, вы не женаты? - спросил я.

- Молод еще, - отвечал он.

- Что же, веселитесь так с молодыми девками?

Он покраснел и оглянулся на старушку, которая сидела сзади.

- Oh non! - сказал [он]. - Я не подхожу к девкам. Sa me gene [О нет! это меня стесняет (фр.)], - прибавил [он], с недоумением пожимая плечами.

- От этого он так и здоров, - подхватила старуха.

- Что, вы его мать? - спросил я у нее.

- Нет, он так меня довозит; я из Россиньера, вот эта деревня на горе, там и большой пансион есть, много иностранцев приезжают.

- А о чем вы говорили с молодым человеком? - спросил я ее.

- О! он меня забавлял, - отвечала старуха, - рассказывал, что он был в четырнадцати государствах и восемь языков знает.

Я оглянулся на Сашу, он отворачивался, и уши его были красны.

Мельник немного не довез нас до нашего ночлега, повернул на свою мельницу. Подходя к Chateau d'x, мы встречали на каждом шагу пьяных солдат, которые буйными развратными толпами шли по дороге, и около самой деревни нас догнал дилижанс, то есть колясочка на одной лошади, в которой ехал один пассажир, и в синих мундирных фраках с красными обшлагами, почтовый лакей и кучер. Мы решили ехать нынче ночью дальше, кучер [сказал], что переменит лошадей и подождет нас в

деревне.

Деревня большая, богатая, с высокими домами и такими же надписями, как в Montbovon, с лавками и замком на возвышении. На площади, перед большим домом, на котором было написано: "hotel de ville" и из которого раздавались отвратительные фальшивые звуки роговой военной музыки, были толпы военных все пьяные, развращенные и грубые. Нигде, как в Швейцарии, не заметно так резко пагубное влияние мундира. Действительно, вся военная обстановка как будто выдумана для того, чтобы из разумного и доброго создания – человека сделать бессмысленного злого зверя. Утром вы видите швейцарца в своем коричневом фраке и соломенной шляпе на винограднике, на дороге с ношей или на озере в лодке; он добродушен, учтив, как-то протестантски искренне кроток. Он с радушием здоровается с вами, готов услужить, лицо выражает ум и доброту. В полдень вы встречаете того же человека, который с товарищами возвращается из военного сбора. Он наверно пьян (ежели даже не пьян, то притворяется пьяным): я в три месяца, каждый день выдав много швейцарцев в мундирах, никогда не видал трезвых. Он пьян, он груб, лицо его выражает какую-то бессмысленную гордость или, скорее, наглость. Он хочет казаться молодцом, раскачивается, махает руками, и все это выходит неловко, уродливо. Он кричит пьяным голосом какую-нибудь похабную песню и готов оскорбить встретившуюся женщину или сбить с ног ребенка. А все это только оттого, что на него надели пеструю куртку, шапку и бьют в барабан впереди.

Я не без страха прошел через эту толпу с Сашей до дилижанса, он сел впереди, я сел с баринном, и мы поехали. Какой-то мертвецки пьяный солдат непременно хотел ехать с нами и отвратительно ругался, ужасная музыка, не переставая, играла какой-то марш, до того невыносимо фальшиво, что буквально больно ушам было. Со всех сторон развращенные, пьяные, грязные нищие.

Зато с каким наслаждением, когда мы выехали из города, я увидел при ясном закате прелестную Занскую долину, по которой мы ехали, с вечными звучащими живописными стадами коров и коз. Господин, с которым я сидел, был одет, как одеваются магазинщики в Париже, имел новенькое чистенькое porte-manteau [чемодан для одежды (фр.)], плед и зонтик. На носу у него были золотые очки, на пальце перстень, черные волосы старательно причесаны, борода гладко выбрита, в лице неприятное напущенное чопорное спокойствие, которое сохранялось только на то время, как он молчал. Говорил он по-французски с женеvским акцентом, видимо, поддельваясь под французский. Мне казалось, что это женеvский или водский bourgeois [буржуа (фр.)]. Это безжизненная, притворная, нелепо подражающая французам, презирующая рабочий класс швейцарцев и отвратительно корыстно-мелочная порода людей. После его презрительной манеры говорить с нашим молодым кучером, который все заговаривал с нами, и условий, которые он мне предложил для поездки в наемной карете вместе в Интерлакен, я уже не сомневался. Он расчел как-то так, что мы с Сашей, у которых вовсе не было клади, платили за карету чуть не вдвое против его, у которого с собой было три тяжелых чемодана. И он настойчиво уверял, что это стоило бы мне гораздо дешевле, чем в дилижансе.

Мало того, он еще рассердился на меня за то, что я отказался, и когда мы приехали, он как-то озлобленно сказал кондуктору, что он пойдет брать себе место в дилижансе une fois que monsieur (это я) ne veut pas aller [раз господин не хочет ехать со мною (фр.)], и сердито махнул на меня рукой так энергично, что мне без шуток показалось, что я виноват перед ним. Мне совестно уже было с ним встретиться, и я подождал его, чтобы пойти брать место в Post-bureau [почтовая контора (фр.)].

Я подошел к затворенной двери, на которой была надпись. Около двери сидело три человека, которые даже не посмотрели на меня. Я отворил дверь в пост-бюро. Это была грязная низкая комната, с грязной кроватью, с кадушками и развешанными платьями. Я вышел назад и спросил у сидевших у дверей, это ли пост-бюро. Это, – сказал мне один из сидевших грубым голосом, – идите туда, что ходите? Я вошел. Действительно, в крайнем углу стояла конторка и лежали бумаги. Никого, кроме больной женщины с грудным ребенком, не было в почти уже темной комнате. Через минуту тот самый человек в сертуке, который велел мне войти, размахивая руками и всей спиной, с фуражкой набекрень, вошел в комнату. Я поздоровался с ним, он захлопнул дверь и не взглянул на меня; сначала я думал, что он чужой и чем-нибудь очень занятой или огорченный человек, но, всмотревшись ближе, и особенно, когда он прошел за конторку, я убедился, что все его движения, физиономия, походка, все это было сделано для оскорбления меня или для внушения мне уважения. Он был высок ростом, широк в плечах, но худощав; длинноног,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
белокур и ряб. На нем был сертук, широкие штаны и фуражка. Вообще вся рожа его была отвратительна или так показалась мне.

Я самым учтивым манером спросил его о местах. Как будто бы это я во сне видел, что я говорю, – никакого внимания. Я стал вспоминать, не оскорбил ли я его чем-нибудь входя, не полагает ли он почему-нибудь, что я хочу гордиться. Я снял шляпу и в коротенькую фразу, которой я спрашивал его, сколько верст до Туна, я три раза поместил monsieur – это тоже не подействовало. Я подал ему деньги, он писал что-то и молча оттолкнул мою руку. Я начинал сердиться, и пускай меня обвиняют варваром, но у меня руки так и чесались, чтобы сгрести его за шиворот и разбить в кровь его рябую фигуру. По счастью для меня, он скоро бросил мне на стол два билета, так же швырнул сдачу, что, ежели бы я не удержал, она бы скатилась на пол, и он бы, верно, не поднял. Потом, размахивая так же спиной и руками и еще как-то сардонически чуть заметно улыбаясь, он вышел на улицу.

Нет, подобной бесчеловечной грубости я не только никогда не видал в России между колодниками, но я представить себе не мог ничего подобного.

Когда я вернулся домой и не выдержал, стал жаловаться кучеру, который принес мне наверх мои вещи. Он пожал плечами, улыбнулся (он был молодой веселый малый и в наступающую минуту ожидал на водку). "Vous dites que c'est le buraliste qui est comme ça?" [Вы говорите, что это кассир был таков? (фр.)] – "да". – "Que voulez-vous, monsieur – ils sont republicains, ils sont tous comme ça. Et puis il est buraliste, il est fier de ça" [Что вы хотите, мосье, – они республиканцы, они все таковы. Да кроме того, ведь он кассир, он этим и гордится (фр.)].

Я, ложась спать, все не мог забыть бюралиста и твердил про него. А Саша хохотал. "Так задал вам страху бюралист? – все спрашивал он. – А Женевертка вычистит нам башмаки завтра?" – И он заливался хохотом. Кончилось тем, что и я расхохотался и, перебирая весь день, заснул все-таки с веселыми мыслями.

Дневник – 1858

1858. 1 января. [Москва.] Визиты, дома, писал. Вечер у Сушковых. Катя очень мила.

2, 3, 4, 5 [января]. Хлопоты о музыкальном обществе. Катя слабее, но тихой ненависти нет. Необъяснимое впечатление омерзения кокыревской речи.

6 января. К Аксаковым. Спор с стариком. Аристократическое чувство много значит. Но главное. Я чувствую себя гражданином, и ежели у нас есть уж власть, то я хочу власть в уважаемых руках. Дома обедал. Тетенька радуется на Николеньку. С детьми, бобом занимались. Поехал в отличном духе на бал, но его не было.

7 января. [...] Дома славно. Андерсен прелесть. И scherzo Бетховена. Бал маленький, грязный, уроды, и мне славно, грустно сделалось. Тютчева вздор!

8 января. Нет, не вздор. Потихоньку, но захватывает меня серьезно и всего.

9, 10, 11, 12, 13, 14 января. Был раз у них от Аксаковского чтения. Раут. Глупо. Александрин Толстая постарела и перестала быть для меня женщина. Трубецкие. Карамзины прелесть, особенно он. Дома много сидел. Машенька тяжела.

15 января. [Соголево.] Проводил Александрин до Клина, заехал к княжне, неправдиво немного. Хорошо начал писать "Смерть".

18 января. [Соголево – Москва.] Вчера немного поправил вечером. Встал в 7-м. Болтали хорошо, читал, обедал. Поехал с тем, чтобы встретиться в Вышнем Волочке, но разъехался. Самарин рассказывал про обед. Глупо. Скучно ехал. Дома Сережа. Просто неприятно с ним. Как мне с Тургеневым. [...]

19 января. [Москва.] Тютчева. Занимает меня неотступно. Досадно даже, тем более что это не любовь, не имеет ее прелести. Встал в 8. Написал письма, прочел главу. Николенька советует дерево оставить. Пошел ходить с Николенькой. Толпа. Кремль, Берсы. Дома с Чичериным. Философия вся и его – враг жизни и поэзии. Чем справедливее, тем общее, и тем холоднее, чем ложнее, тем слаще [?]. Я не политический человек, раз говорю себе. В театр. "Жизнь за царя", хор прекрасен.

В клуб. "Ася" дрянь.

20 января. Встал рано. Думал, передумывал "Три смерти" и написал "Дерево". Не вышло сразу. Пошел на гимнастику. Ничего. М. Сухотину с язвительностью говорил про К. Тютчеву. И не перестаю, думаю о ней. Что за дрянь! Все-таки я знаю, что я только страстно желаю ее любви, а жалости к ней нет. Машенька едет в маскарад. Я озлобленно спорил с ней и сказал, что уеду. С Сережей опять пошло лучше. Пробежал нынче свой дневник. Как я заметно падаю.

21 января. Встал в 8-м. Написал письмо Василью. Дневник, Евангелие прочел и думал и переписывал "Дерево". [...]

23 января. Писал утро, хотя и встал поздно. Нигде не был. Дописывал после обеда и прочел тетеньке, с слезами. К Свербеевым. Яшевский злобно напал на Аксакова. Хомяков вилял передо мной весьма слабо. Зашел к нему. Старая кокетка!

24 января. Встал поздно. Докончил "Три смерти". Гимнастика. Дома спор с Машенькой. Приехал Чичерин. Слишком умный. Ругал желчно славянофилов. Поехал с ним к Коршу. Спокойно и высоко умен.

25 января. Встал в 10. Читал утро. Гулял много. Обедал дома. Тетенька говорила о Машеньке. Она права. К фету. Завидно и радостно смотреть на его семейное счастье. Вечер музыкальный прелесть! Вебер прелесть. Тютчева, Свербеева, Щербатова, Чичерина, Олсуфьева, Ребиндер, я во всех был влюблен. Машеньку мне стало жалко, и я заснуть не мог от счастья до 4 часов.

30 января. фету, Чичерину и Коршу читал. Хотят поглубже. Вздор! [...]

13, 14, 15 февраля. [Ясная Поляна.] Провел ночь у Шевалье перед отъездом. Половину говорил с Чичериным славно. Другую не видал, как провел с цыганами до утра и в Горячем. Поехал в Тулу. Зубы все вываливаются. Вчера работал над "Погибшим". Начинает выходить. Любви - нет.

16 февраля. Вчера приехал Сережа. Что за чудо, что моя любовь к мысли становится преградой между мной и старыми друзьями. Хорошо устроено, что в 30 лет женятся. Все мои слишком знают меня, чтобы любить. Опять работал над "Погибшим". Как будто кончил, но еще переделаю. [...]

17, 18 февраля. Немного переделал "Альберта". И набросал мысли о наказаниях. Дальше читал. Читал "Атений". "Revue des deux Mondes". Montegut умница. "Ніросондіас" славная штука. Режет по целому. "Midsummer-night's Dream" ["Сон в летнюю ночь" (англ.)] по-английски и по-русски. Григорьев хорош. Брандт был и надоедал. Все голова болит. Мысли о приближающейся старости мучают меня. Смотрюсь в зеркало по целым дням. Работаю лениво. И в физическом и умственном труде нужно зубы стиснуть.

19, 20, 21, 22, 23, 24 февраля. [Москва.] Еще три дня в деревне, очень хорошо провел. Старое начало "казаков" хорошо, продолжал немного. Сережа, убит, смирен. Оникеев, юмор. Черемушкин, уверенность по случаю капитала. В Туле, славная Маша. Играл за Сережу, заигрался. Карнович, Завальевский. Я эманципатор!!!! По метели в Москву. Гимнастика. Баня. Объялся.

25 февраля. Встал рано, почитал журналы; о лорде Грее. Некрасова плохая вещь. Варгин, тетенька и споры. Я смирился. Пошел ходить. Не в духе. Обедал без братьев. Прочел Чичерина о эманципации и Корша о реформе. Первая нехорошо. Написал листок "казаков". Играл фантазию, глупо, а приятно. Спать в 11.

26 февраля. Встал рано. Писал рассказ Епишки о переселении с Гребня. Нехорошо. Пришел Чичерин, Васенька, я потею и нездоровится. Гимнастика. Обед в клубе. Все это мне скучно, я вырос немножко большой. Дома Машенька получше. Я бирючусь немного. Пошел к себе, написал Алексею о песнях и Некрасову ответ на циркуляр. Пересматривал еще "Музыканта". Надо всего переписать или так отдать. Писал "Ерошку". Чихачева. Умная кокетка. Нездоровится.

1, 2, 3, 4 марта. Утром читал, кажется, Чичерину и Коршу. Ничего. Нашли, что ничего. Ходил оба дни. Вечер, концерт. Глупости наговорил Львовой, зачем она ездит [к] Олсуфьевой, подтрунивая над дядей, и Бахметьевой оплеушил Аксакова. Работал немного, переделывал еще "Музыканта". Вчера мигрень. Григорович приехал.

8, 9, 10 марта. Был у Тютчевой, ни то ни се, она дичится. В концерте видел Щербатову и говорил с ней. Она мила, но меньше. Доканчивал "Музыканта". Чичерин элин, но хорош.

14 [марта. Петербург]. Утром пришел Шеншин. Не ко мне, а Чичерину, и это рассердило меня. У Толстых Пушины и Трубецкой. В эрмитаже Ruïsdal – хорош Рубенса "Блудный сын" с грубым затылком и "Снятие с креста". Мурильо не очень. Штеен прелесть композиции. Обед у Кавелина. Это все настраиванье себя. Мне с ним делать нечего. Зашел к Колбасиным. Они больны, и у меня флюс.

17 марта. [Петербург – Москва.] Салтыков, читал. "Идеалист" хорош. Он здоровый талант. Поехал. Орлов с женой, Корсакова, Болычев. Не скучно. Зубы болели.

20 марта. Немного писал, но отбивает продолжающаяся зубная боль. Читал Чичерина статью о промышленности Англии. Страшно интересно. С некоторого времени всякий вопрос для меня принимает громадные размеры. Много я обязан Чичерину. Теперь при каждом новом предмете и обстоятельстве я, кроме условий самого предмета и обстоятельства, невольно ищу его место в вечном и бесконечном, в истории. Ходил до 4 часов. У Машеньки писал и прочел 1/2 "L'oiseau", "L'insecte" Michelet ["птиц", "Насекомых" Мишле (фр.)]. Ужасно глубоко местами и местами дрянно.

21 марта. Зубы мучительно болят. Прочитал Michelet. Написал словечко Тургеневу. Пошел ходить. Купил барометр, обои. Обедал. Пописал немного. Я весь увлекся "Казаками". Политическое исключает художественное, ибо первое, чтобы доказать, должно быть односторонне. У Щепкина видел Кетчера. Ничего. Машенька спокойна и мила. Сейчас прочел суд Le [?]. Старик бессмысленный перед английским судом и адвокат. Будущая революция будет революция против законов разума и общественности.

24 марта. Поздно встал больнешенек. Куча управляющих. К. Р. бывший волонтер в уланском полку. Благодаря бога, водки не пьет. Дочел "L'insecte". Приторно и притворно. В "Literarisches Centralblatt". Поэма в будущем, о соединении Германии, Эмерсон, о Шекспире и Гете, в "Athenaeum'e" спор о литературном фонде Диккенса. Осада Лукнова. Бесчеловечность Англии. В 7 обедал, суп. Приехала тетенька. Написал Александрин Толстой и читал "Lachapelle Voyage" ["Путешествие ла-Шапеля" (фр.)]. Montluc "Commentaires". Молодец гасконец. Здоровье получше.

27 марта. Разбудили Островский и Горбунов, Островский несносен. Чичерин, фет. Спор о Христе. Дома читал геологию. Поехал к Маше. Она лучше и лучше. Читал американскую повесть. Писал "Светлое Христово воскресенье".

28 марта. Островский, Аксаков, Сухотин. Праздность совершенная. Вечер у Сушковых. Увы, холоден к Тютчевой. Все другое даже вовсе противно.

1-е апреля. В 10 встал. Чичерин, неловко с ним. Христос не приказал, а открыл нравственный закон, который навсегда останется мерилем хорошего и дурного. Поехал к Никулину. Сатин. Они, западники, дичатся меня. [...]

9 апреля. [Москва – Ясная Поляна.] Выехали чем свет, весна. Новые радости, как выедешь из города. Потом болели зубы. В ночь приехали в Ясную.

10 апреля. [Ясная Поляна.] Проснулся в 12. Милые феты, проводил их, занялся хозяйством.

11 апреля. Тревожно спал, кошмар и философская теория бессознательности. Встал в 9. Читал "Centralblatt" и разбирал бумаги и книги. Походил, беспорядок в лошадях, обедал один, читал "Journal des Debats". Rigault – умница. Религии нет, да и была ли та, которой он требует. Распекал, ездил верхом. Уже начал торопиться в решениях и робеть... Играл немного. Написал письма Чичерину, Николеньке, Иславину и Меринскому. Писал с увлечением письмо офицера о тревоге.

12 апреля. Встал, пошел ходить. Обругал Якова и было настрашал становым. Скверно, что все это больше от зуб. Дома прочел Wisman о папах Льве 12 и Пие 8. Немного пописал. За обедом читал "Scenes de la vie americaine". Интересно бы критику написать вообще французского романа. Писал с богатством содержания, но неаккуратно. Бегство в горы не выходит. Ездил верхом. Хозяйство так-сяк. Надо привыкнуть, что так-сяк. Играл довольно много, но неаккуратно.

13 апреля. Скверная погода. Читал "Athenaeum". О папах. "Revue des deux Mondes" – дрянные повестишки. Заколodило на бегстве в горы. Оттого писал мало. Ходил и ездил верхом, безалаберно играл. Написал письма Николеньке и Чичерину. Проезжая через прешпект, нахлынули воспоминания молодости.

14 апреля. Сейчас написал нелепое письмо А. Толстой. Прочел "Debats". Ходил немного. Вообще ничего не делал. Зато уяснил себе конец романа. Офицер должен разлюбить ее.

20 апреля. Прелестный день, прет зелень – и тает последнее. Грустил и наслаждался. Сова пролетела, через раз хлопая крыло о крыло, потом чаще и села.

21 апреля. Чудный день. Бабы в саду и на копани. Я угорелый... Письмо от Чичерина. Что-то не то. Petit, mon Prince [Мелко, князь (фр.)]. Лил в него все накипевшие чувства, через него скорей.

25 апреля. О! Гимбуд, о! злодей. С 9 до 11 1/2 лгал, ломался и говорил про свое следствие. И это весной. Я страдал ужасно.

С утра покопался в хозяйстве, перечитывал военные рассказы. Последние плохи. Получил письма от Алексеева, Николеньки, Дружинина о журнале, Колбасина и Alexandrine. (Начинает мне надоедать ее сладость придворно-христианская.) Писал конец письма. Небрежно, но идет. Теперь все переделать надо в лето.

26 апреля. Выехал рано в поле, рассердился. Перечитывал все и переделывал. Ездил по зову солдата напрасно. Обедал, спал, ходил в поле. Поотделал "Кордон", много новых мыслей. Христианское воззрение. Играл часа три сикстами три аккорда под соловьев и наслаждался. Получил письмо от Александрии о "Трех смертях".

27, 28, 29, 30 апреля. Все был дома. Засечный солдат замучил меня. Вчера ездил в Судаково и к Гимбуту. Грустны судаковские перемены, но я не жалею. Енгальчев хороший человек, завидую ему. Его как раз достает на содержание своей жизни. Надежда Николаевна была одна. Она сердита на меня, а улыбка милая. Ежели бы не павлиньи руки.

Читал эти дни Маколея и газеты. Нет, история холодна для меня. Перечитывал вчера кавказский дневник. Напрасно я воображал, что я такой милый там мальчик. Напротив, а все-таки, как прошедшее, очень хорошо. Много напомнило для кавказского романа. В романе дошел до второй части, но так запутано, что надо начинать все сначала или писать вторую часть,

1 мая. Погода гадкая. Ничего не писал, но нашел значительную перемену. Марьяна должна быть бедная, так же как и Кирка. Отчего это так, бог знает. [...]

3 мая. Болел язык, голова. Ничего не писал оба дня. Прочел 1-й том Маколея. [...] Еще обдумал "Казакон". Марьяна Соболька. Хочу попробовать последние главы, а то не сойдется.

4, 5, 6, 7, 8 мая. Приехал Сережа. Славно болтали до 2-х часов. На другой день приехали все наши. Машеньку известие об отсутствии Тургенева ударило. Вот те и шуточки. Поделом ему скверно. [...] Ничего не писал и не читал все это время, но занимался понемногу хозяйством. Нынче они уехали, мы одни с тетенькой. [...]

9 мая. Немного невнимательно пописал "Возвращение Кирки". Ездил верхом, затравил двух. Живем с тетенькой по-старому славно. Получил письмо от Фета. Ждем напрасно. Палочка вынута. Сходка не уладилась о лесах.

10, 11, 12, 13 мая. Чудный троицын день. Вянущая черемуха в корявых рабочих руках; захлебывающийся голос Василия Давыдкина. Видел мельком Аксинью. Очень хороша. Все эти дни ждал тщетно. Нынче в большом старом лесу, сноха, я дурак. Скотина. Красный загар шеи. Был у Гимбута. Я влюблен, как никогда в жизни. Нет другой мысли. Мучаюсь. Завтра все силы.

Почти месяц не писал. Нынче 12 июня. Все это время ничего не писал. Занимался хозяйством, но больше беготней... Был в Пирогове. Фет. Николенька пробыл день. Отставил Василья. Вчера приехал Тургенев. Судя по нем, я возмужал, мне легко с ним. Прочел "Три смерти", слабо. Хочу работать, и, главное, порядок.

14 июня. Целый день в поле. Ночь удивительная. Росистый белый туман. На нем деревья. Луна за березами и коростель; соловьев нет больше.

С 16 июня по 19 июля. Не пишу, не читаю, не думаю. Весь в хозяйстве. Сражение в полном разгаре. Мужики пробуют, упираются. Грумантские пасмурны, но молчат. Я боюсь самого себя. Прежде незнакомое мне чувство мести начинает говорить во мне; и мсть к миру. Боюсь несправедливости... Талант мой зависть. Получил письмо от фета с статьей "Continental Review" и письмо Чичерина. Нынче еду в Тулу!

20, 21, 22 июля. В Туле уладил дело с Копыловым, но рабочих нет. Безносые, гордые солдаты. Жничиха хорошенькая, около нее мужики. Спор о том, можно ли быть на барщине. На барщину 5, к мужику 4. Иван Иванович страстный и славный садовник. Дома сходка. Записываются косить, о мальчиках крик. На другой день косьба. Вчера Гаврила Болхин разбивал рабочих, я призывал его и велел работать до покрова. Анисим просил прощенья.

Приходит мысль описать нынешнее лето. Какая форма выйдет.

4 сентября Убрался хорошо... Varis [Расширение вен (лат.)] увеличивался. Ездил к Николеньке и Тургеневу: первый мил очень дома, второй тяжел невыносимо фет милашка. Были выборы. Я сделался врагом нашего уезда. Компания Черкасского дрянь такая же, как и их опозиторы, но дрянь с французским языком. Ездил в Алексин, купил лошадей. Тургенев скверно поступает с Машенькой Дрянь Играл в карты. Остался f60 в выигрыше. Хочется работать. Мне 30 лет.

15 сентября. Москва. Я страшно постарел, устал жить в это лето. Часто с ужасом случается мне спрашивать себя: что я люблю? Ничего. Положительно ничего. Такое положение бедно. Нет возможности жизненного счастья; но зато легче быть вполне человеком-духом, "жителем земли, но чуждым физических потребностей". Я в Москве. Дело задержит меня с неделю. Виделся с Коршем и Тютчевой. Я почти бы готов без любви спокойно жениться на ней; но она старательно холодно приняла меня. Правду сказала племянница Тургенева. Трудно встретить безобразнейшее существо. Болезнь морально мучает меня. Обещал Коршу описание лета, но узость задачи претит мне. Вчера у Корша Арапетов, Лонгинов, мелкое злословие. Я ушел.

15 сентября. Москва. В Совете ничего нельзя сделать. [...] Вечер сидел у Яковлевой с тетенькой. Людей нельзя не любить: они все, мы все, так жалки. Ужасно жалки. Описание лета не пойдет. Завтра поеду домой.

17 сентября. С тоской в душе шлялся утро. Обедал у Берса. Милые девочки! [...]

19 сентября. [Москва - Ясная Поляна] Убирался. Был на гимнастике. Сильно посвежел. Поехал. Наслаждался. Решил, что надо любить и трудиться, и все. Уж сколько раз! Дорогой любил.

20 сентября. [Ясная Поляна.] Приехал. Устал. Не любил и не трудился.

30 октября. Видел Валерию - даже не жалко своего чувства. С Машенькой опять пошло на лад. С детьми - прекрасно. Был в Туле. Черкасский не глуп, но узенькая головка. Все славянофилы не понимают музыки. Переписывал "Казака". Надо еще раз. Денег нет, хозяйство плохо.

27 ноября. Нет, я так попустился, что это невозможно. Грубое занятие хозяйством. Нынче Резун лгал, я взбесился и по мерзкой привычке сказал: высечь. Я ждал, что он придет. Послал остановить, его не догнали. Буду просить прощенья. Никогда не буду выговаривать, как после 2-х часов. Просил прощенья, дал 3 рубля, но мучило. Вечер писал отлично "Секрет" и вижу в будущем все хорошо. Тетенька говорит, что Сережа переменялся со времени проигрыша. Верно, его так испугало. По-своему понимает, а правда.

6 декабря. Привел в порядок бумаги. До обеда буду переделывать начало "Казака", а после обеда займусь маленькими.

7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 декабря. [Москва.] Немного занимался; но хозяйственная колея, втягивая меня, слишком отвлекала меня. Нынче 13, я в Москве. Литература, которую я вчера понюхал у фета, мне противна. То есть я думаю, что, начав литературное поприще при самых лестных условиях общей, два года сдержанной

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
похвалы и почти первого места, без этих условий я не хочу знать литературы, то есть внешней, и слава богу. Надо писать тихо, спокойно, без цели печатать. Написал записку о дворянском вопросе и, никому не показывая, сжег ее.

23 декабря. Приехал в Москву с детьми. Перезалог не удался. Деньги повсюду нужны. Поехал на охоту за медведем, 21 убил одного; 22 меня погрыз. Денег промотал пропасть.

Дневник - 1859

1 января. [Москва.] Все это время занимался и нынче тоже. Голова еще болит. Надо жениться в нынешнем году - или никогда. Первый день прошел слишком тихо. Никого ровно не видал. Работал невидную работу.

16 февраля. Все это время работал над романом и много успел, хотя не на бумаге. Все переменял. Поэма. Я очень доволен тем, что в голове. Фабула вся неизменно готова. Почти никуда не ездил. Вчера был с первым визитом у князя Львова. Третьего дня провел с ним вечер у Гагарина и пришел домой влюбленный в обеих. Ночью не спал, и С. осталась одна. Вчера тоже пять часов не мог заснуть. Нынче спокоен. Работаю. Здоровье мое нехорошо: и желудок и нервы. Видел один сон - клубника, аллея, она, сразу узнанная, хотя никогда не виданная, и Чапыж в свежих дубовых листьях без единой сухой ветки и листика.

19 февраля. Еще третьего дня прошло. Опять не то. Я никому не говорил однако. И в жизни и в искусстве нужно это сосредоточенье в одном себе. [...]

9 апреля. Москва. Ездил на охоту и в Петербург. В Петербурге десять дней счастливейших. В Москве опять два раза видел Львову. Поднялось, но не с такой силой. Было бы очень хорошо, ежели бы не здоровье. Получил деньги, продул на китайском бильярде. Работал. Кончил "Анну", но нехорошо. [...]

9 мая. [Ясная Поляна.] Неделю уже в деревне. Хозяйство идет плохо и опостыло. Получил "Семейное счастье". Это постыдная мерзость. Я ко всему оказываюсь отвратительно холоден. О Аксинье вспоминаю только с отвращением, о плечах. Feuillet огромный талант. Мне грустно на самого себя. Сердце мое так молчит нынешний год на все. Даже грусти нет. Одна потребность работать и забывать - что? Нечего. Забывать, что живу. Молился нынче и хочу принуждать себя регулярно работать и делать хоть немного добра. Надо написать письма Александрин, Боткину и "Вестнику".

28 мая. Вчера остригся, и даже это мне кажется признаком возрождения. Я недоволен собой. Порядок моей жизни разладился. Аксинья уходила к Троице. Сейчас ее видел. У меня была раз, были феты, дом перестраивали. Утин все стоит. Сейчас хочу пописать "Казака".

1859. 2-е октября. лето в хозяйстве, хандре, беспорядочности, желчности, лени. Маша построила дом и переехала.

1859. октябрь 9. с 28 мая и по нынешний день я был в деревне. Беспорядочен, желчен, скучлив, безнадежен и ленив. Занимался хозяйством, но дурно и мало. Аксинью продолжаю видеть исключительно. Маша переехала от меня в свой дом, я с ней чуть не поссорился совсем. Я ударил два раза человека в это лето. 6 августа я ездил в Москву и стал мечтать о ботанике. Разумеется, мечта, ребячество. Был у Львовых; и как вспомню этот визит - вою. Я решил было, что это последняя попытка женитьбы; но и то ребячество. [...] и вот я дома и почему-то спокоен и уверен в своих планах тихого морального совершенствования. что бог даст.

Нынче надо осмотреть хозяйство, решить судьбу управляющего, написать письма и заняться романом вечерком.

11 октября. С каждым днем хуже и хуже моральное состояние, и уже почти вошел в летнюю колею. Буду пытаться восстать. Читал "Adam Bede". Сильно трагично, хотя и неверно и полно одной мысли. Этого нет во мне. Лошади хуже и хуже. Рассердился на Лукьяна.

Дневник - 1860

1 февраля 1860. [Ясная Поляна.] Вчера была бессонница до 5 часов утра. Читал о "degenerescence de l'espece humaine" [вырождении человеческого рода (фр.)] и о том, как есть физическая высшая степень развития ума. Я в этой степени. Машинально вспомнил молитву. Молиться кому? Что такое бог, представляемый себе так ясно, что можно просить его, общаться с ним? Ежели я и представляю себе такого, то он теряет для меня всякое величие. Бог, которого можно просить и которому можно служить, есть выражение слабости ума. Тем-то он бог, что все его существо я не могу представить себе. Да он и не существо, он закон и сила. Пусть останется эта страничка памятником моего убеждения в силе ума.

1 февраля, 60. Тип русского, слишком чистого от неприкосновения к жизни.

16 февраля. Вчера сделал кое-какие перемены по хозяйству. Читал и учил немного. Нынче. Писать "казаков" утром, пройдясь по хозяйству. Зайти к мальчишкам, окатиться, обедать. Вздремнуть. Писать "казаков" или о книгопечатании до чаю и вечером письма Борисову, Фету и братьям о машинах и лечебнике и Дружинину и Подчаскому.

22 мая. 1860. Троицын день. Дождь. Читал Ауэрбаха и "Reineke-Fuchs" ["Рейнеке-лис" (нем.)]. Перечел записку - дельно. Пропустил все веселье грустно. Нужно любить всех, и Филата, и Ивана, и быть с ними проще. Обругал старосту и Матвея.

26 мая. Видел необычайный сон - мысли: странная религия моя и религия нашего времени, религия прогресса. Кто сказал одному человеку, что прогресс хорошо. Это только отсутствие верования и потребность сознанный деятельности, облеченная в верование. Человеку нужен порыв, Spannung [напряжение (нем.)] да.

Встал в 5, сам распорядился, и все хорошо - весело. Ее нигде нет - искал. Уж не чувство оленя, а мужа к жене. Странно, стараюсь возобновить бывшее чувство пресыщенья и не могу. Равнодушие трудовое, непреодолимое - больше всего возбуждает это чувство. Вечером рассердился было на навозе, слез и начал работать до 7 потов, все стало хорошо и полюбил их всех. Странно будет, ежели даром пройдет это мое обожание труда. Не мог заснуть, и нездоровилось, написал Машеньке.

2 августа. [Киссинген.]. Два месяца почти не писал. Нынче 20 июля. Я в Киссингене. Постараюсь возвратиться назад с нынешнего дня, до отъезда.

Вчера 19 июля. Читал историю педагогики. Лютер велик. Ходил гулять. Поденщики работают меньше, чем вдвое меньше наших баб и 20 к. в день. Невежество, нищета, лень, слабость. Вчера же был у американского пастора о школах. Все от правительства и убили своими достоинствами всю частную конкуренцию. Преподавание религии - одна Библия без толкований и сокращений.

18 июля. Гулял с Ауэрбахами. Читал Raumer'a.

17 июля. Был в школе. Ужасно. Молитва за короля, побои, все наизусть, испуганные, изуродованные дети.

16 июля. Был в школе малых детей - также плохо. Lautiermethode [звуковой метод (нем.)]. Познакомился с немцем, вольнодумным стариком. Был в поле. Knecht [Слуга (нем.)].

3 августа нового стиля. Читал историю педагогики. Франц Бако. Основатель матерьялизма. Лютер реформатор в религии - к источникам. Бако в естествоведении. Риль в политике. Познакомился с Фрёбелем. Аристократ либерал. Риль болтун. Искусство не может ничего дать, когда сознательно.

4 августа. Риль читал и Герцена - разметающийся ум - большое самолюбие, но ширина, ловкость и доброта, изящество - русские. Ходил на охоту. Писал к своим.

5 августа. Montaigne первый ясно выразил мысль о свободе воспитания. В воспитании опять - главное равенство и свобода.

6 августа. Читал Риль "Kulturgeschichte" ["Историю культуры" (нем.)]. Каламбур ученый преобладает. Он забывает искусство. Volkskunde [Этнография (нем.)]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
состоит из множества отдельных наук. А искусство помощник, но самостоятельный. Риль же не художник и хочет сделать из своей Volkskunde мешанину искусства и науки. Приехал Сережа. Сон в руку. Самые дурные известия. Он продулся. Николеньке хуже.

7 августа. Немного успел почитать Рилья о календарях. Он прав; о органическом значении народных старых календарей и вообще народной из народа литературы. Но где же место Ауэрбаха? Intermediaire [Посредник (фр.)] между народом и образованным классом. Мечтал о уничтожении рулеток. Гулял вечером. Болтал с мужиками. Мысль повести. Работник из всех одолел девку или бабу. формы еще не знаю.

8 августа. Сережа хочет общества, блеск аристократизма действует на него. Гулял один. форма повести: смотреть с точки мужика – уважение к богатству мужицкому, консерватизм. Насмешка и презрение к праздности. Не сам живет, а бог водит.

10 августа. Знакомство с Фрëбелем. Либеральный болтун. Ауэрбахи 3-го уехали, и накануне мы славно болтали о литературе. Я предлагал ему аренду. Получил письмо из дому. Неприятно перенесло меня во все дрызги хозяйства.

11 августа. Ходил в Гариц, знакомство с молодым школьным учителем, которого занимает вопрос, по двум или по одной линейке писать. Старик рутинер. Нанимал работников, косил.

12 августа. Положение Николеньки ужасно. Страшно умен, ясен. И желание жить. А энергии жизни нет. Ездил в Героде. Ауэрбахи, даже она, – чрезвычайно милы.

13 августа. Николенька уехал. Я не знаю, что делать. Машеньке плохо и ему. А я ни к чему. После обеда все с Фрëбелем. Он меня стал уважать. Вечер с Ландауером.

14, 15, 16 августа. Ближе сошелся с Фрëбелем. Политика истощила его всего. Познакомился с Блумом и Экономом. Мало умных людей. Мысль о опытной педагогике привела меня в волнение, но не удержался, сообщил и ослабил ее. Писал. Ауэрбахи приехали. Скопин остался. От Николеньки получил письмо.

23 августа. Видел во сне, что я оделся мужиком, и мать не признает меня. Господин von из Мекленбурга – "старый порядок хорош, новый принесет бедность". Щеголяю. Как будто образуется форма романа.

24 августа. Читал Рилья. Консерватизм невозможен. Нужны более общие идеи, чем идеи организмов государства – идея поэзии, и ее не уловишь в Америке и в образующейся новой Европе. Целый день боялся за свою грудь.

29 августа. [Соден – Франкфурт.] Встал в 1/2 8. Не так здоров. Болтал с Шнейдером о 48 г. и порядках. [...] Дорогой пришла мысль о простоте рассказа, – живо представляя слушателя – Андрея. Николенька весел. Пора перестать ждать неожиданных подарков от жизни, а самому делать жизнь.

13/25 октября. Иер. Скоро месяц, что Николенька умер. Страшно оторвало меня от жизни это событие. Опять вопрос: зачем? Уж недалеко до отправления туда. Куда? Никуда. Пытаюсь писать, принуждаю себя, и не идет только оттого, что не могу приписывать работе того значения, какое нужно приписывать для того, чтобы иметь силу и терпенье работать. Во время самых похорон пришла мне мысль написать матерьялистическое Евангелие, жизнь Христа–матерьялиста. Поездка из Содена ничем не замечательна. В Женеве College. Под диктовку историю и один складывает. Пьяный учитель. Изуродованные дети в salle d'asile [в приютах (фр.)]. Глупый Тургенев. Николенькина смерть самое сильное впечатление в моей жизни. Marseille. Школа не в школах, а в журналах и кафе.

28 октября. Воскресенье. Одно средство жить – работать. Чтобы работать, надо любить работу. Чтобы любить работу, надо, чтобы работа была увлекательна. Чтобы она была увлекательна, надо, чтобы она была до половины сделана и хороша. Cercle vicieux [заколдованный круг (фр.)]; но что же делать. Гаданье карт, нерешительность, праздность, тоска, мысль о смерти. Надо выйти и 8b5 з этого. Одно средство. Усилие над собой, чтоб работать. Теперь час, я еще ничего не делал. Дописать первую главу с обеда. После обеда письма.

Утро писал – помешали semaineville и зов обедать. Написал не больше половины

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
главы. Писем не писал. Завтра до завтрака писать письма и закончить главу и 3-ю, ежели успею. Обедал у Шангирея. Морель спорил о музыке, не может понять вне оперы. Perkennes - дура. С княгиней и Катенькой весело. У Машеньки. Она притворяется больной.

10 Ноября. Лет десять не было у меня такого богатства образов и мыслей, как эти три дня. Не пишу от изобилия.

12 Ноября. Умер в мученьях мальчик 13 лет от чахотки. За что? Единственное объяснение дает вера в возмездие будущей жизни. Ежели ее нет, то нет и справедливости, и не нужно справедливости, и потребность справедливости есть суеверие.

13 Ноября. Справедливость составляет существенную потребность человека к человеку. То же отношение человек ищет в своем отношении к миру. Без будущей жизни его нет. Целесообразность! единственный неизменный закон природы, скажут естественники. Ее нет в явлениях души человека - любви, поэзии, в лучших явлениях. Ее нет. Все это было и умерло, часто не выразившись. Природа далеко переступила свою цель, давши человеку потребность поэзии и любви, ежели один закон ее целесообразность.

Дневник - 1861

1/13 апреля. [Веймар.] Что прошло в эти четыре месяца, трудно записать теперь - Италия, Ницца, Флоренция, Ливурно. Попытка писанья Аксиньи. Неаполь. Первое живое впечатление природы и древности - Рим - возвращенье к искусству Гиер - Париж - сближение с Тургеневым - Лондон - ничего - отвращение к цивилизации. Брюссель - кроткое чувство семейности, письмо о Катеньке к Машеньке. Ейзенах - дорога - мысли о боге и бессмертии. Бог восстановлен надежда и бессмертие. Первая и вторая ночь в Ейзенахе, крик больного ребенка часы - лепечут. Веймар - одна девка - *Liebes gutes kind, sie sind irre* [Милое дитя, вы ошибаетесь (нем.)]. Landmann [Земляк (нем.)] учителя. Trobst. Герцог.

15 апреля. Иена. Бессонница с вечера. Воспитание и образование не разрешаю, но спокойнее смотрю на германское образование; в 10 на Аполду и пешком приятно и легко в Иену. Стоя жена ерыга, его писанье - ловкая болтовня и дерзкая. Ценкер пьяная, грубая скотина, одобряющая палку. Шефер, математик характером - тип. Thibaut u Elkund, Zeiss. И с ним беседа о педагогии. Мы начинаем сначала на новых основаниях. Опять бессонница и беспокойство до часу. Книги Ценкера и Стоя. Германия одна выработала педагогию из философии. Реформация философии. Англия, Франция, Америка подражали.

16 апреля. (Веймар.) Schullehrerseminar [Учительская семинария (нем.)]. Прекрасно. Rechnen [Счет (нем.)] палочками и с переводом в числа - география с порученьями измерения. (Язык нехорошо, с напрасным трудом определения определенного.) Цветен. Глупейшая школа, доказывающая, до чего доводят учреждения сверху. Теория без практики. Grignon - образец. Пошел пешком. На горе в лесу, упивался природой просто и счастливо. [...] Думал дорогой, кидая камешки, и об искусстве. Можно ли целью одной иметь положенья, а не характеры? Кажется, можно, я то и делал, в чем имел успех. Только это не всеобщая задача, а моя.

17 апреля. Встал в 8. В Kindergarten [детский сад (нем.)]. Геометрическое рисованье и плетенье пустяки. Законы развития ребенка не уловишь. Они учат наизусть, где только не по-ихнему, а ихнее не поймешь. Рисует палки, а ему смутно представляется круг. И приучить к последовательности нельзя тогда, когда все ново. Последовательность есть сила отрицанья всего не того, чем хочешь быть занят. Бидерман не глуп, но ученый и литератор, которого часть уже сидит в книге его, а не в нем. Я, кроме "Детства", еще весь в себе, и потому я так свободно сверху смотрю на них. Потом Трѣбст и Келер с его матерью. Увидав ее, я понял, что ответственность я на себя беру, увозя его. А у него шея длинная. Нынче я свободнее думаю о его деятельности, ибо школа определилась переход от практики жизни к теории. Готовое из жизни привести в систему. Во всех науках и особенно в естественных. Ходил гулять в хорошенький Тифорт - с Бек, Трѣбстом и Кодером. Пустая болтовня. Герцогиня - глупо неловка. "Zauberflote" - восторг, особенно дуэт. Келер, кажется, напрасно.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[9/21 апреля. Берлин.] 21 апреля. Встал в 5. Всю дорогу здоров и весел. Один vis-a-vis поэт, другой мекленбургский помещик с вещами и перстнем, третий рейнский разгильдяй. Рот. Молодость не всё цветы. Ауэрбах!!!!!!!!!!!!!! Прелестнейший человек! Ein Licht mir aufgegangen [луч света мне блеснул (нем.)]. Его рассказы о присяжном, о первом впечатлении природы "Versohnungs Abend'a", о Клаузере, пасторе христианства. Как дух человечества, выше которого нет ничего. Читает стихи восхитительно. О музыке, как pflichtloser Genuss [необязывающем наслаждении (нем.)]. Поворот, по его мнению, к развращению. Рассказ из "Schatzkastlein". Ему 49 лет, он прям, молод, верущ. Не поэт отрицания.

[12/24 апреля.] 12 апреля. Граница. Здоров, весел, впечатление России незаметно.

14/26 апреля. [Петербург.] Ковалевский, Аксаков. Мне легче с ними. Толстые хорошо, но немного фальшиво. Обедал у них. Вечером у Анненкова, он нашел, что я умирэн.

22 [апреля. Петербург - Москва]. Дорога - Погодин - суета.

25 апреля. [Москва.] У меня Дмитриев, умен и спокоен. Жемчужников несчастен от самолюбия и бездарностью. Дома обедал. Катков настолько ограничен, что как раз годится для публики. Флюс хуже. Зачем-нибудь да это делается.

6 мая. [Ясная Поляна.] Не писал дней десять. Ехал с m-me фет, скучал. В Туле Ауэрбахи, Головачев, Воейков для хаоса. Тетенька грустна и постарела, Сережа - хорош во всех отношениях, только празден. Меня назначили мировым посредником, я принял. Поехал в Тулу, много болтал и начинаю гордиться и потому глуп. Марков отказался от соредакторства в журнале. И вообще мысль журнала слабеет. В Пирогове хаос, и с Сережей ничего не сделал. Забыл день у Берсов приятный, но на Лизе не смею жениться.

Завтра с утра "Поликушка" и читать положения. Вечером приготовить программу школы и лекцию.

7 мая. С мужиками почитал положенья и больше ничего. Лень обхватывает меня. Ермил вздохнул: господи, помилуй! Иван Деев: тайную полицию. Немец напрасно. Лошади противно.

8 мая. До 12-ти приготавливал историческую лекцию. Читал и записывал ее до обеда, после обеда проехался. Втянулся в хозяйственный гнев. Опять школа прекрасно и дома два часа праздно.

9 мая. У обедни, пригласил священника читать. Их объяснение обрядов еще глупее, чем то, которое дает им священник. Господа из гимназии. Совещание. Я их пригласил в журнал. Совещание с мужиками. Макарыч, грубое выражение их мысли. Расстался дружески.

10 мая. Сережа, разговор о разделе. Лекция физики превосходная.

11 мая. Лекция историческая хороша, но мне нездоровилось. Поехал в Тулу. Договорились до того, что книжки научные невозможны.

12 мая. Подал прошение о школе. Я - приходский учитель. Гимнастикой замучал. Славные лекции в саду. Приехал домой и забирает писать "Казака". [...]

13 мая. Встал рано, нездоровилось. Урок словесности, который не записал, и больше ничего.

25 июня. Замечательная ссора с Тургеневым; окончательная - он подлец совершенный, но я думаю, что со временем не выдержу и прощу его. Посредничество дало мало матерьялов, а поссорило меня со всеми помещиками окончательно и расстроило здоровье, кажется, тоже окончательно. В школе идет порядок, но, боюсь, безжизненный. Я не хожу от болезни. Написал программу.

22 сентября. Москва. Я в Москве. О Тургеневе справедливо. Я уже хотел и почему-то не написал ему письма, в котором хотел просить прощения. Дела очень много впереди. Я держусь за него. Лиза Берс искушает меня; но это не будет. Один расчет недостаточен, а чувства нет.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

23 сентября. Написал письмо Тургеневу. Был у Рачинского. Застал сборище молодых профессоров. "Мы, умные, тоже, мол, можем просто веселиться". Чичерин гордится, чему я очень рад. Перечел письмо ему. Лучше, что не послал. Пикулин будет смотреть нынче. Не ужинаю и почти здоров. Чахотка есть, но я к ней привыкаю. Скучаю, что слишком ограничен мой кружок. Нет ли там ее – там, где меня нет.

[8] октября. Ясная Поляна. Вчера получил письмо от Тургенева, в котором он обвиняет меня в том, что я рассказываю, что он трус, и распространяю копии с письма моего. Написал ему, что это вздор, и послал сверх того письмо: вы называете мой поступок бесчестным, вы прежде хотели мне дать в рожу, а я считаю себя виноватым, прошу извинения и от вызова отказываюсь.

У меня два студента, школа идет хуже. Я начинаю разочаровываться в журнале.

28 октября. Дела по школам и посредничеству идут хорошо, по журналу не начинались. Писать хочется. Вчера открыл третью школу, которая бсф не пойдет. Написал Чичерину о студентах.

5 ноября. Был в церкви с певчими. Учителя плохи. Алексей Иванович глуп. Александр Павлович нравственно нездоров. Иван Ильич надежнее всех. С старостой поссорился, дневник ясенский хорошо начал писать. Помешали гимназисты. Плебейское негодование Чернова на Ауэрбаха. У учителей какие-то противные тайны. Ежели это бабы, то хорошо. Эксперименты Келера – интересны и хороши. Он мил и полезный малый. Мне хорошо и пишется. Не знаю, что будет завтра. Общее ли это хорошее настроение по времени, или только правильность переработки желчи.

6 ноября. С утра писал дневник, порядочно. Матерьяла бездна. В школе занимался, анализ – ощупыванье.

Петр Васильевич пьянствовал. Гимнастика. Прочел Перевлесского – не то. После обеда напрасно пел. Вечером писанье не шло. Работается еще – что дальше будет.

Дневник – 1862

Мая 20. На пароходе. как будто опять возрождаюсь к жизни и к сознанию ее.

Вспоминаю с Москвы. Мысль о нелепости прогресса преследует. С умным и глупым, с стариком и ребенком беседую об одном. Написал в этом духе статью в 6-й No "Ясной Поляны". [...]

23 августа. [Москва.] В Москве. Не ел два дня, мучился зубами, ночевал у Берсов. Ребенок! Похоже! А путаница большая. О, коли бы выбраться на ясное и честное кресло! Надо писать две статьи: о Маркове и о Комитете грамотности и Р. Подал письмо государю. Любовался маневрами. Отлично – драгун запутался, а царь скачет. Я боюсь себя, что ежели и это – желанье любви, а не любовь. Я стараюсь глядеть только на ее слабые стороны, и все-таки оно. Ребенок! Похоже.

24 августа. Встал здоров с особенно светлой головой, писалось хорошо, но содержанье бедно. Потом так грустно, как давно не было. Нет у меня друзей, нет! Я один. Были друзья, когда я служил мамону, и нет, когда служу правде. Пошел к тетеньке. Старушки живут и тоже не просто, а кипит сложная со всеми тонкостями жизнь. У Крыжановского, старался показать, что он не забывается в величии. А кабы он знал, как я его величие считаю ему в упрек. Орлов, вот простая дура! В театре не мог высидеть балета, а царь каждый день. К Каткову. Кислый Бабст. Тоже судят все о благе России. Жена Каткова – они за нее стыдятся, а она умнее их всех, она мать. О Соне меньше думаю, но когда думаю, то хорошо.

25 августа. Дома тоска. Писал статью. Пошел ходить и ездить. Краснокуцкие (скверные мысли). Плещеев (бедная натура). Погодин – славная старость и жизнь. Чудная ночь.

26 августа. Пошел к Берсам пешком, покойно, уютно. Девичий хохот. Соня нехороша, вульгарна была, но занимает. Дала прочесть повесть. Что за энергия правды и простоты. Ее мучает неясность. Все я читал без замиранья, без признака ревности или зависти, но "необычайно непривлекательной наружности" и "переменчивость суждений" задело славно. Я успокоился. Все это не про меня. Труд и только удовлетворение потребности.

27 августа. Смущена нехорошо, но крепко сидит где-то. У Мертваго. Оттого и здоровы, что ограничены в мысли. Студенты вечером. Отличный 6-ой No. Статья Маркову складывается глубокая.

28 августа. Мне 34 года. Встал с привычкой грусти. Придумал общество для учеников мастерствам. Пако с букетом писем и цветов. Сердобольский. Суворин. Попов. Поработал, написал напрасно буквами Соне. Обедал напрасно у Печкина, дома вздремнул. К Сушковым (соврал о). Приятный вечер у Тютчевых. Сладкая успокоительная ночь. Скверная рожа, не думай о браке, твое призванье другое, и дано зато много.

29 августа. [...] Писал плохо. Обходишь сущность, и выходит болтовня. Обедал дома. Пошел к Берсу, с ним в Покровское. Ничего, ничего, молчание... Не любовь, как прежде, не ревность, не сожаление даже, а похоже, а что-то сладкое - немножко надежда (которой не должно быть). Свинья. Немножко, как сожаленье и грусть. Но чудная ночь и хорошее, сладкое чувство. Заставила разбирать письмо. Я смутился. Она тоже. У них была сцена. Все неестественно. Попов необычайно умен и приятен. Грустно, но хорошо. Машенька говорит: ты все ждешь. Как не ждать.

30 августа. Утро работал. Помешал Тимирязев. Разозлил Гиляров. Дома обедал, заснул и потом к Берс. Соню к П. не ревную; мне не верится, что не я. Как будто пора, а ночь. Она говорит тоже: грустно и спокойно. Гуляли, беседка, дома за ужином - глаза, а ночь!.. Дурак, не про тебя писано, а все-таки влюблен, как в Сонечку Колошину и в А. только. Ночевал у них, не спалось, и все она. "Вы не любили", - она говорит, и мне так смешно и радостно.

31 августа. И утром то же сладкое чувство и полнота любовной жизни. Писал. Два дурака - Плещеев и Якушкин помешали, - предисловие и вставки к "Магомету". К Тютчевым, закорузлые синие чулки. Как мне на них гадко. Кто-то заговорил, и мне показался ее голос. Крепко сидит 3-я и последняя. Не про тебя, старый черт - пиши критические статьи! Начал ей писать - помешали - и хорошо. Я не могу уехать теперь - вот что. Кохановская - стерва, и все стервы, засохли в кринолине.

3 сентября. У них, сначала ничего, потом прогулка. "Он дурен, вы здоровый", лорнет, "приходите, пожалуйста". Я спокоен! Ехал и думал: либо все нечаянно, либо необычайно тонко чувствует, либо пошлейшее кокетство, нынче один, завтра другой и, главное, к чему отъезжающий, либо и нечаянно, и тонко, и кокетливо. Но вообще, ничего, ничего, молчание. Никогда так ясно, радостно и спокойно не представлялось мне будущее с женой. Вечер у Перфильевых. Скучные старики. Знаю, Васюк, знаю твои грехи. Как пошло тихое обманывание друг друга - счеты. А может, и мне судьба тоже. Memento [Помни (лат.)], Дублицкий, старый черт, дядя Лявон. А чувствуешь: "Mein schönes Herz" [Мое прекрасное сердце (нем.)]. Главное, кажется, так бы просто, в пору, ни страсти, ни страху, ни секунды раскаянья.

7 сентября. Сказал Васеньке и стал спокойнее. Васенька жалок; так мелко, старо, параллельно чувствуется ему. Нынче один дома и как-то просторно обдумывается собственное положение. Надо ждать. Дублицкий, не суйся там, где молодость, поэзия, красота, любовь - там, брат, кадеты. Нажрался с Васенькой нынче, и сопели, лежа друг против друга, это твое. Вздор - монастырь, труд, вот твое дело, с высоты которого можешь спокойно и радостно смотреть на чужую любовь и счастье, - и я был в этом монастыре и опять вернулся. Да.

Неискренен дневник. Arriere-pensee [Задняя мысль (фр.)], что она у меня, подле меня будет сидеть и читать и..... и это для нее.

8 сентября 1862 г. Утром Ауэрбах с статьей жены. Васенька, Суворин. Саша Берс. Пошел-таки к Берсам к обеду. Андрей Евстафьевич в своей комнате, как будто я что украл. Танечка серьезно строга. Соня отворила, как будто похудела. Ничего нет в ней для меня того, что всегда было и есть в других, - условно поэтического и привлекательного, а неотразимо тянет. (С Сашей зашел в деревню - девка, крестьянская кокетка, увы, заинтересовало.) Лиза как будто спокойно владеет мной. Боже мой! Как бы она была красиво несчастлива, ежели бы была моей женой. Вечером она долго не давала мне нот. Во мне все кипело. Соня напустила на себя Берсеин татьянин, и это мне казалось обнадеживающим признаком. Ночью гуляли.

9 сентября. Она краснеет и волнуется. О Дублицкий, не мечтай. Пришел Пако и с Сашей, обедал, спал. Начал работать и не могу. Вместо работы написал ей письмо,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
которое не пошло. Уехать из Москвы не могу, не могу. Пишу без задней мысли для себя и никаких планов стараюсь не делать. Мне кажется, что я в Москве уже год.

До 3-х часов не спал. Как 16-летний мальчик мечтал и мучился.

[10 сентября.] Проснулся 10 сентября в 10, усталый от ночного волнения. Работал лениво и, как школьник ждет воскресенья, ждал вечера. Пошел ходить. К Перфильевым. Дурища Прасковья Федоровна. На Кузнецкий мост и в Кремль. Ее не было. Она у молодых Горскиных. Приехала строгая, серьезная. И я ушел опять обезнадёженный и влюбленный больше, чем прежде. Au fond [в глубине (фр.)] сидит надежда. Надо, необходимо надо разрубить этот узел. Лизу я начинаю ненавидеть вместе с жалостью. Господи! помоги мне, научи меня. Опять бессонная и мучительная ночь, я чувствую, я, который смеюсь над страданиями влюбленных. Чему посмеешься, тому и послужишь. Сколько планов я делал сказать ей, Танечке, и все напрасно. Я начинаю всей душой ненавидеть Лизу. Господи, помоги мне, научи меня. Мать божия, помоги мне.

11 сентября. С утра писал хорошо. Чувство так же сильно. Целый день, как и вчера.

Не смел идти к ним. Много ходил, был у Яковлевой. Говорил Васе. Никто не может помочь мне, кроме бога. Прошу его. Вечер у Перфильевых. Хорошенькие Мент. Для меня нет никого. Устал. Какое-то физическое волнение.

12 сентября. Целый день шлялся и на гимнастике. Обедал в клубе. Я влюблен, как не верил, чтобы можно было любить, Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится. Был у них вечер. Она прелестна во всех отношениях. А я отвратительный дублицкий. Надо было прежде беречься. Теперь уже я не могу остановиться. Дублицкий, пускай, но я прекрасен любовью. Да. Завтра пойду к ним утром. Были минуты, но я не пользовался ими. Я робел, надо было просто сказать. Так и хочется сейчас идти назад и сказать все и при всех. Господи, помоги мне.

13 сентября. Ничего не было. Хотя и Сережа приехал. Каждый день я думаю, что нельзя больше страдать и вместе быть счастливым, и каждый день я становлюсь безумнее. Опять вышел с тоской, раскаянием и счастьем в душе. Завтра пойду, как встану, и все скажу или застрелюсь.

[14 сентября.] 4-й час ночи. Я написал ей письмо, отдам завтра, то есть нынче 14. Боже мой, как я боюсь умереть. Счастье, и такое, мне кажется невозможно. Боже мой, помоги мне.

[15 сентября.] 14 сентября. Спал только полтора часа, но свеж и нервозен страшно. Утром то же чувство. Пошел к Сереже, смеялись там о бессмертии души. В Кремль. К стервам Тютчевым и к ним. Положение объяснилось, кажется. Она странная... не могу писать для себя одного. Мне так кажется, я уверен, что скоро у меня уже не будет тайн для одного, а тайны для двух, она будет все читать. Были у Перфильевых. Усталый нервно, лег спать. Но спал мало, 6 часов. Вчера - 14 - уже я был спокойнее, нынче еще спокойнее. Что-то будет.

15 сентября. Не сказал, но сказал, что есть, что сказать. Рассказал Васеньке смерть Николеньки, плакал слезами ребенка. Завтра.

16 сентября. Сказал. Она - да. Она как птица подстреленная. Нечего писать. Это все не забудется и не напишется.

17 сентября. Жених, подарки, шампанское. Лиза жалка и тяжела, она должна бы меня ненавидеть. Целует.

18 сентября. Утром работал, потом у ней. Ольга Зайковская. Встретился с Сережей. Растрепанная. Обед без Лизы. Объяснение с Андреем Евстафьевичем. Поливанов. Она не просто целует, тяжело.

19 сентября. Я спокойнее. Утро проспал. Чичерин, скука. Шлянье без цели, 5 1/2 у них. Она тревожилась. Лиза лучше, вечер, она говорит, что любит.

20, 21, 22, 23, 24 сентября. [Москва - Ясная Поляна.] Непонятно, как прошла неделя. Я ничего не помню; только поцелуй у фортепьяно и появление сатаны, потом ревность к прошедшему, сомненья в ее любви и мысль, что она себя обманывает.

Хорошие известия о статье и продаже сочинений. Вдень свадьбы страх, недоверие и желанье бегства. Торжество обряда. Она заплаканная. В карете. Она все знает и просто. В Бирюлеве. Ее напуганность. Болезненное что-то. Ясная Поляна. Сережа разнежен, тетенька уже готовит страданья. Ночь, тяжелый сон. Не она.

25 сентября. В Ясной. Утро кофе – неловко. Студенты озадачены. Гулял с ней и Сережей. Обед. Она слишком рассмелилась. После обеда спал, она писала. Неимоверное счастье. И опять она пишет подле меня. Не может быть, чтобы это все кончилось только жизнью.

26, 27, 28, 29, 30 сентября. В Ясной. Я себя не узнаю. Все мои ошибки мне ясны. Ее люблю все так же, ежели не больше. Работать не могу. Нынче была сцена. Мне грустно было, что у нас все, как у других. Сказал ей, она оскорбила меня в моем чувстве к ней, я заплакал. Она прелесть. Я люблю ее еще больше. Но нет ли фальши.

1-го октября. Сдержали слово. Отличное утро. Хлопоты по хозяйству. Рассердился на Игнатьева за банк. Василий Ермилович приехал. После обеда писал письма. Она придворным тетушкам не хочет писать – все чуёт. С студентами и с народом распростился.

15 октября. Все это время я занимаюсь теми делами, которые называются практическими, только 9еЗ. Но мне становится тяжела эта праздность. Я себя не могу уважать. И потому собой не доволен и не ясен в отношениях с другими. Журнал решил кончить, школы тоже – кажется. Мне все досадно и на мою жизнь, и даже на нее. Необходимо работать...

19 декабря. Еще месяц счастья. Дурное только Стелловский, моя ошибка в отношении его. Теперь период спокойствия в отношении моего чувства к ней. Я пристально работаю и, кажется, пустяки. Кончил "Казаков" первую часть.

Черты теперешней жизни – полнота, отсутствие мечтаний, надежд, самосознания, зато страх, раскаяние в эгоизме. Студенты уезжают, и мне их жалко. У тетеньки сделалось новое старческое выражение, которое трогает меня.

22 декабря. Странное состояние сна, как говорит жена, однако энергии много – не курю. Студенты сердятся за то, что должны и виноваты передо мной. А мне жалко этого элемента вне всех условий.

27 декабря. [Москва.] Мы в Москве. Как всегда, я отдал дань нездоровьем и дурным расположением. Я очень был недоволен ей, сравнивал ее с другими, чуть не раскаивался, но знал, что это временно, и выжидал, и прошло. Было объяснение за куклу, ей хотелось пощеголять своей простотой ко мне. Теперь мы пережили. Были в театре, ничего не вышло и ей. Отца боюсь. Любовь Александровна мила. В Таню все вглядываюсь. Литераторов, кроме Фета, не видал и не увижу.

30 декабря. Пропать мысли, так и хочется писать. Я вырос ужасно большой. Не завидую ли я? Как не сделаться старым. Глупый вечер у Берсов. Лаборд Таня чувственность. Соня трогает боязнью. Одно различие [?] мне больно. Я всегда буду ее любить.

Дневник – 1863

3 января. [Москва.] Только нынче стала немного отпускать зубная боль. Она говорит о ревности: уважать надо, – уверенность, что это фразы, а все боишься и боишься. Эпический род мне становится один естественен. Присутствие Поливанова неприятно мне: надо его перенести наилучше. Мы одиноки в Москве, надо сделать авансы; а вдруг будет горе и хуже, а теперь так хорошо. Она целовала меня, пока я писал. Я чувствовал, что было не шутя, оглянулся – она плачет. Татьяна надоедает. Меня удивляет, как мне никого не нужно, и одиночество поражает меня, но не стесняет; а ей все кажется, что даром проходит время.

5 января. Счастье семейное поглощает меня всего, а ничего не делать нельзя. За мной стоит журнал. Часто мне приходит в голову, что счастье и все особенные черты его уходят, а никто его не знает и не будет знать, а такого не было и не будет ни у кого, и я сознаю его. "Поликушка" мне не нравится. Я читал его у

Берсов.

Люблю я ее, когда ночью или утром я проснусь и вижу – она смотрит на меня и любит. И никто – главное, я – не мешаю ей любить, как она знает, по-своему. Люблю я, когда она сидит близко ко мне, и мы знаем, что любим друг друга, как можем, и она скажет: Левочка, – и остановится, – отчего трубы в камине проведены прямо, или лошади не умирают долго и т. п. Люблю, когда мы долго одни и я говорю: что нам делать? Соня, что нам делать? Она смеется. Люблю, когда она рассердится на меня и вдруг, в мгновение ока, у ней и мысль и слово иногда резкое: оставь, скучно; через минуту она уже робко улыбается мне. Люблю я, когда она меня не видит и не знает, и я ее люблю по-своему. Люблю, когда она девочка в желтом платье и выставит нижнюю челюсть и язык, люблю, когда я вижу ее голову, закинутую назад, и серьезное и испуганное, и детское, и страстное лицо, люблю, когда...

8 января. С утра платье. Она вызывала меня на то, чтоб сказать против, я и был против, я сказал – слезы, пошлые объяснения. Саша Кузминский милый юноша, а ему плохо, слишком слабо, молодо, и в среде искушений. Мы замазали кое-как. Я всегда собой недоволен в этих случаях, особенно поцелуями, это ложная замазка.

[...] За обедом замазка соскочила, слезы, истерика. Лучший признак, что я люблю ее, я не сердился, мне было тяжело, ужасно тяжело и грустно. Я уехал, чтобы забыть и развлечься. Аксаков тот же самодовольный герой честности и красноречивого ума. Глупенький чахоточный Раевский. Дома мне с ней тяжело. Верно, незаметно много накопело на душе; я чувствую, что ей тяжело, но мне еще тяжелее, и я ничего не могу сказать ей – да и нечего. Я просто холоден и с жаром хватаюсь за всякое дело. Она меня разлюбит. Я почти уверен в этом. Одно, что меня может спасти, ежели она не полюбит никого другого, и я не буду виноват в этом. Она говорит: я добр. Я не люблю этого слышать, она за это-то и разлюбит меня. [...]

1863. 15 января. Москва. Новый дневник: а нового ничего нет. Я все тот же. Так же недоволен часто собой и так же твердо верю в себя и жду от себя... Еще бы я не был счастлив! Все условия счастья совпали для меня. Одного часто мне недостает (все это время) – сознания, что я сделал все, что должен был, для того, чтобы вполне наслаждаться тем, что мне дано, и отдать другим, всему, своим трудом за то, что они мне дали.

Встал поздно, мы дружны. Последний раздор оставил маленькие следы (незаметные) или может быть – время. Каждый такой раздор, как ни ничтожен, есть надрез – любви. Минутное чувство увлечения, досады, самолюбия, гордости пройдет, а хоть маленький надрез останется навсегда и в лучшем, что есть на свете, в любви. Я это буду знать и беречь наше счастье, и ты это знаешь. Поправлял корректуры.

Таня с Сашей увлекли к Тулинову. [...] За обедом весело. Мама. Таня – прелесть наивности эгоизма и чутья. Как она отнимет у Любви Александровны чай или повалит ее. Люблю и не боюсь. [...]

23 января. Правду сказал мне кто-то, что я дурно делаю, пропуская время писать. Давно я не помню в себе такого сильного желания и спокойно самоуверенного желания писать. Сюжетов нет, то есть никакой не просится особо, но, заблуждение или нет, кажется, что всякий сумел бы сделать. Тип профессора-западника, взявшего себе усидчивой работой в молодости диплом на умственную праздность и глупость, с разных сторон приходит мне; в противоположность человеку, до зрелости удержавшему в себе смелость мысли и нераздельность мысли, чувства и дела. Еще положение: любви мужа, строгой к себе, все поглощающей, сделавшейся делом всей жизни, в столкновении с увлечением вальса, блеска, тщеславия и поэзии минуты. "Поленька Сакс" и, пожалуй, нынешняя драма: "Грех да беда". Я никогда не испытывал более сильного и ни одной фальшивой нотой не нарушенного впечатления. Поправлял "казаков" страшно слабо. Верно, публика поэтому будет довольна. Была лихорадка, все праздность, и все тягочусь ею. С женой самые лучшие отношения. Приливы и отливы не удивляют и не пугают меня. Изредка и нынче все страх, что она молода и многого не понимает и не любит во мне и что много в себе она задушает для меня и все эти жертвы инстинктивно заносит мне на счет. Нынче день деятельности, был у тетеньки и Горчаковых (Элен славная), у фета (и он с женой). Главная перемена во мне за это время, что я начинаю любить слегка людей. Прежде всё или ничего, а теперь настоящее место любви занято, и отношения проща. В театре знакомые. Мне радостно, она всем нравится.

25 января. Утро.

Вчера была ссора будто бы из-за большой комнаты, в сущности, оттого, что мы переж..., и оттого, что мы оба праздны. Прежде я думал и теперь, женатый, еще больше убеждаюсь, что в жизни, во всех отношениях людских, основа всему работа - драма чувства, а рассуждение, мысль не только не руководит чувством и делом, а подделывается под чувство. Даже обстоятельства не руководят чувствами, а чувство руководит обстоятельствами, то есть дает выбор из тысячи фактов...

8 февраля. [Ясная Поляна.] Мы в Ясной. Исленьев и Сережа помешали, а все-таки мне так хорошо, так хорошо, я так ее люблю. Хозяйство и дела журнала хороши. Студенты только тяготят неестественностью отношений и невольной завистью, в которой я их не упрекаю. Как мне все ясно теперь. Это было увлечение молодости - фарсерство почти, которое я не могу продолжать, выросши большой. Все она. Она не знает и не поймет, как она преобразовывает меня, без сравнения больше, чем я ее. Только не сознательно. Сознательно и я и она бессильны.

Дорогой мне пришло в голову, что открытие законов в науке есть только открытие нового способа воззрения, при котором то, что прежде было неправильным, кажется правильным и последовательным, вследствие которого (нового воззрения) другие стороны становятся темнее. Мне понятно, что железо холодно, шуба тепла, солнце всходит, заходит, тело умрет, душа бессмертна. С новой же точки зрения я должен забыть про шубы и железо и не понимать, что такое шуба и железо, а видеть атомы, отталкивающие и притягивающие, так расположенные, что они делаются хороши и дурными проводниками чего-то такого, называемого тепло, или забыть, что солнце все-таки всходит и заходит, и заря, и облака, и вообразить себе, что земля ходит и я с нею. (Многое я объясню на известном пути таким воззрением, но воззрение это не истина, оно односторонне.) В химии еще более. Или я забудь, что во мне душа и тело, а помни, что во мне тело с нервами. Для медицины - успех, для психологии напротив.

23 февраля. Отослал свою статью - хороша, хотя и небрежна. Начал писать. Не то. Перебирал бумаги - рой мыслей и возвращение или попытка возвращенья к лиризму. Он хорош. Не могу писать - кажется - без заданной мысли и увлеченья. "Miserables" ["Отверженные" (фр.)] - сильно. [...]

1 марта. Пироговский поп тихим голосом говорит: мы ее распетрушили, Сергей Николаевич. Сережа говорит: еду за границу. Теперь игры нет, а может, и выиграю. Прокофий дворовый говорит: кабы мы были люди натуральные. [...] Мы недавно почувствовали, что страшно наше счастье. Смерть, и все кончено. Неужели кончено? Бог. Мы молились. Мне хотелось чувствовать, что счастье это не случай, а Мое.

3-го марта. Два раза чуть не ссорились по вечерам. Но чуть. Нынче ей скучно, тесно. Безумный ищет бури - молодой, а не безумный. А я боюсь этого настроения больше всего на свете. Я целый день был погружен в хозяйство. "Мерин" не пишется - фальшиво. А изменить не умею. Все, все, что делают люди, - делают по требованиям всей природы. А ум только подделывает под каждый поступок свои мнимые причины, которые для одного человека называют - убеждения - вера и для народов (в истории) называют идеи. Это одна из самых старых и вредных ошибок. Шахматная игра ума идет независимо от жизни, а жизнь от нее. Единственное влияние есть только склад, который от такого упражнения получает натура. Воспитывать можно только физически. Математика есть физическое воспитание. Так называемое самоотвержение, добродетель есть только удовлетворение одной болезненно развитой склонности. Идеал есть гармония. Одно искусство чувствует это. И только то настоящее, которое берет себе девизом: нет в мире виноватых. Кто счастлив, тот прав! Человек самоотверженный слепее и жесточе других. В "Мерине" все пойдет, кроме сцены с кучером сеченым и бега.

24 марта. Я ее все больше и больше люблю. Нынче 7-й месяц, и я испытываю давно не испытанное сначала чувство уничтожения перед ней. Она так невозможно чиста и хороша и цельна для меня. В эти минуты я чувствую, что я не владею ею, несмотря на то, что она вся отдается мне. Я не владею ею потому, что не смею, не чувствую себя достойным. Я нервно раздражен и потому не вполне счастлив. Что-то мучает меня. Ревность к тому человеку, который вполне стоил бы ее. Я не стою.

1 апреля. Я нынче сел у тетеньки, она спала. Стал вспоминать бывший разговор с Сердобольским, совсем другая пасха нынешнего года, свои скучные хозяйственные

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
соображения; и мне на себя стало гадко. Я эгоист распушенный. А я счастлив. Тут и надо работать над собой. И немного нужно, чтоб закрепить это счастье: 1) порядок, 2) деятельность, 3) решительность, 4) постоянство, 5) желание и делание добра всякому. Буду в этих отношениях следить за собой.

2 июня. Все это время было тяжелое для меня время физического и оттого ли, или самого собой, нравственного тяжелого и безнадежного сна. Я думал и то, что нет у меня сильных интереса или страсти (как не быть? отчего не быть?). Я думал, и что стареюсь, и что умираю, думал, что страшно, что я не люблю. Я ужасался над собой, что интересы мои – деньги или пошлое благосостояние. Это было периодическое засыпание. Я проснулся, мне кажется. Люблю ее, и будущее, и себя, и свою жизнь. Ничего не сделаешь против сложившегося. В чем кажется слабость, в том может быть источник силы. Читаю Гете, и роятся мысли.

18 июня. Где я, тот я, которого я сам любил и знал, который выйдет иногда наружу весь и меня самого радует и пугает. Я маленький и ничтожный. И я такой с тех пор, как женился на женщине, которую люблю. Все писанное в этой книжке почти вранье – фальшь. Мысль, что она и тут читает из-за плеча, уменьшает и портит мою правду. Нынче ее видимое удовольствие болтать и обратить на себя внимание Эрленвейна и безумная ночь вдруг подняли меня на старую высоту правды и силы. Стоит это прочесть и сказать: да, знаю – ревность, и еще успокоить меня и еще что-нибудь сделать, чтобы успокоить меня, чтобы скинуть меня опять во всю, с юности ненавистную, пошлость жизни. А я живу в ней девять месяцев. Ужасно. Я игрок и пьяница. Я в запое хозяйства погубил невозвратимые девять месяцев, которые могли бы быть лучшими, а которые я сделал чуть ли не из худших в жизни. Чего мне надо? жить счастливо – то есть быть любимым ею и собою, а я ненавижу себя за это время. Сколько раз я писал: нынче кончено. Теперь не пишу. Боже мой, помоги мне. Дай мне жить всегда в этом сознании тебя и своей силы. Безумная ночь. Я тебя ищу, чем бы обидеть невольно. Это скверно и пройдет, но не сердись, я не могу не не любить тебя.

Должен приписать, для нее – она будет читать – а для нее я пишу не то, что не правда, но выбирая из многого то, что для себя одного я не стал бы писать. То, что ей может другой человек, и самый ничтожный, быть приятен – понятно для меня и не должно казаться несправедливым для меня, как ни невыносимо, потому что я за эти девять месяцев самый ничтожный, слабый, бессмысленный и пошлый человек.

Нынче луна подняла меня кверху, но как, этого никто не знает. Недаром я думал нынче, что такой же закон тяготенья, как материи к земле, существует для того, что мы называем духом, к духовному солнцу. Пчела летает только на солнце. Матка работает и оплодотворяет в темноте, и совокупляется и играет (то, что мы зовем праздностью) на солнце. Завтра пишу.

Опять в третий раз сажусь писать. Ужасно, страшно, бессмысленно связывать свое счастье с материальными условиями – жена, дети, здоровье, богатство. Юродивый прав. Могут быть жена, дети, здоровье и др., но не в том. Господи, помилуй и помоги мне.

5 августа. Я пишу теперь не для себя одного, как прежде, не для нас двух, как недавно, а для него. 27 июня, ночью, мы оба были особенно взволнованы. У нее болел живот, она металась, мы думали только, что это последствия ягод. Утром ей стало хуже, в 5 часов мы проснулись, еще с вечера решившись мне ехать навстречу к нашим. Она была разгорячена, в халате, и вскрикивала, потом проходило, и она улыбалась и говорила: ничего. Я послал за Анной, больше для того, чтобы сделать, что можно, но не верил. Я был взволнован и спокоен, занят мелочами, как бывает перед сражением или в минуту близкой смерти. Мне досадно было на себя, что я мало чувствую. Мне хотелось ехать в Тулу и все сделать поаккуратнее.

Мы ехали с Таней и Сашей, нам было неестественно. Я был спокоен и не позволял себе этого. В Туле мне странно было, что Копылов хочет, как всегда, говорить о политике, аптекари запечатывают коробочки. Мы поехали с Марьей Ивановной (акушерка Сережи). Дома подъехали, никого нет. Тетенька, которая сначала не хотела, чтобы я ехал, и боялась, вышла ко мне расстроенная, оживленная, испуганная, с добрыми глазами. Ну что? – как ты мил, mon cher [мой милый (фр.)], что приехал! Были схватки. Я вошел. Милая, как она была серьезно, честно, трогательно и сильно хороша. Она была в халате, распахнутом, кофточка с прошивками, черные волосы спутаны, – разгоряченное, шероховато-красное лицо, горящие большие глаза, она ходила, посмотрела на меня. Привез? Да. Что? Ужасно

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

сильные схватки. Анны Петровны нет, тут Аксинья. Она просто, спокойно поцеловала меня. Пока копошились, с ней сделалась еще. Она схватилась за меня. Как и утром, я целовал ее, но она про меня не думала, и серьезное, строгое было в ней. Марья Ивановна ушла с ней в спальню и вышла, роды начались, сказала она тихо торжественно и с скрываемой радостью, какая бывает у бенефицианта, когда занавес поднялся. Она все ходила, она хлопотала около шкапов, приготавливала себе, приседала, и глаза все горели спокойно и торжественно. Было еще несколько схваток, и всякий раз я держал ее и чувствовал, как тело ее дрожало, вытягивалось и ужималось; и впечатление ее тела на меня было совсем, совсем другое, чем прежде и до [и] во время замужества. В промежутках я бегал, хлопотал уставляя диван, на котором я родился, в ее комнату и др., и во мне было все то же чувство равнодушия, укоризны за него и раздражения. Все хотелось поскорей, побольше и получше обдумать и сделать. Ее положили, она сама придумывала... (я не dokonчил этого и не могу писать дальше о настоящем мучительном.)

Ее характер портится с каждым днем, я узнаю в ней и Поленьку и Машеньку с ворчаньем и озлобленными колокольчиками. Правда, что это бывает в то время, как ей ed3 хуже; но несправедливость и спокойный эгоизм пугают и мучают меня. Она же слышала от кого-то и затвердила, что мужья не любят больных жен, и вследствие этого ускокоилась в своей правоте. Или она никогда не любила меня, а обманывалась. Я пересмотрел ее дневник – затаенная злоба на меня дышит из-под слов нежности. В жизни часто то же. Если это так и все это с ее стороны ошибка – то это ужасно. Отдать все – не холостую кутежную жизнь у Дюссо и метресок, как другие женившиеся, а всю поэзию любви, мысли и деятельности народной променять на поэзию семейного очага, эгоизма ко всему, кроме к своей семье, и на место всего получить заботы кабака, детской присыпки, варенья, с ворчаньем и без всего, что освещает семейную жизнь, без любви и семейного тихого и гордого счастья. А только порывы нежности, поцелуев и т. д. Мне ужасно тяжело, я еще не верю, но тогда бы я не болен, не расстроен был целый день – напротив.

С утра я прихожу счастливый, веселый, и вижу графиню, которая гневается и которой девка Душка расчесывает волосики, и мне представляется Машенька в ее дурное время, и все падает, и я, как ошпаренный, боюсь всего и вижу, что только там, где я один, мне хорошо и поэтично. Мне дают поцелуи, по привычке нежные, и начинается придиранье к Душке, к тетеньке, к Тане, ко мне, ко всем, и я не могу переносить этого спокойно, потому что все это не просто дурно, но ужасно, в сравнении с тем, что я желаю. Я не знаю, чего бы я не сделал для нашего счастья, а сумеют обмельчить, опакостить отношения так, что я как будто жалею дать лошадь или персик. Объяснять нечего. Нечего объяснять... А малейший проблеск понимания и чувства, и я опять весь счастлив и верю, что она понимает вещи, как и я. Верится тому, чего сильно желаешь. И я доволен тем, что только меня мучают. И та же черта, как у Машеньки, какой-то болезненной и капризной самоуверенности и покорности своей мнимой несчастной судьбе.

Уже час ночи, я не могу спать, еще меньше идти спать в ее комнату с тем чувством, которое давит меня, а она постонет, когда ее слышат, а теперь спокойно, храпит. Проснется и в полной уверенности, что я несправедлив и что она несчастная жертва моих переменчивых фантазий, – кормить, ходить за ребенком. Даже родитель того же мнения. Я не дал ей читать своего дневника, но не пишу всего. Ужаснее всего то, что я должен молчать и будировать, как я ни ненавижу и ни презираю такого состояния. Говорить с ней теперь нельзя, а может быть, еще все бы объяснилось. Нет, она не любила и не любит меня. Мне это мало жалко теперь, но за что было меня так больно обманывать.

6 октября. Все это прошло и все неправда. Я ею счастлив: но я собой недоволен страшно. Я качусь, качусь под гору смерти и едва чувствую в себе силы остановиться. А я не хочу смерти, я хочу и люблю бессмертие. Выбирать незачем. Выбор давно сделан. Литература – искусство, педагогика и семья. Непоследовательность, робость, лень, слабость, вот мои враги.

[1863, 3... 16 августа.] Соня, прости меня, я теперь только знаю, что я виноват и как я виноват! Бывают дни, когда живешь как будто не нашей волей, а подчиняешься какому-то внешнему непреодолимому закону. Такой я был эти дни насчет тебя. И кто же [1 неразобр.] я. А я думал всегда, что у меня много недостатков и есть одна десятая часть чувства и великодушия. Я был горд и жесток и к кому же? – К одному существу, которое дало мне лучшее счастье жизни и которое одно любит меня. Соня, я знаю, что это не забывается и не прощается; но я больше тебя знаю и понимаю всю подлость свою. Соня, голубчик, я виноват, но я

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
гадок [1 неразобр.], во мне есть отличный человек, который иногда спит. Ты его люби и не укоряй, Соня.

Дневник - 1864

16 сентября. [Ясная Поляна.] Скоро год, как я не писал в эту книгу. И год хороший. Отношения наши с Соней утвердились, упрочились. Мы любим, то есть дороже друг для друга всех других людей на свете, и мы ясно смотрим друг на друга. Нет тайн, и ни за что не совестно. Я начал с тех пор роман, написал листов десять печатных, но теперь нахожусь в периоде поправления и переделывания. Мучительно. Педагогические интересы ушли далеко. Сын очень мало близок мне. На днях вспомнил начатый материнский дневник о Соне, и надо его дописать для детей.

К роману.

- 1) любит мучить того, кого любит - все тербит.
- 2) Отец с сыном ненавидят друг друга. В глазах неловко.

Дневник - 1865

1865 года, марта 7-го. [Ясная Поляна.] Здоровье ни то ни се. Третий день держусь не спуская и не натягивая слишком воли. Пишу, переделываю. Все ясно, но количество предстоящей работы ужасает. Хорошо определить будущую работу. Тогда, ввиду предстоящих сильных вещей, не настаиваешь и не переделываешь мелочей до бесконечности. Соня была больна. Сережа очень болен, кашляет. Я его начинаю очень любить. Совсем новое чувство. Хозяйство хорошо.

9 марта. Оба дня писал, поправлял. Нынче не мог после чая. С Соней мы холодны что-то. Я жду спокойно, что пройдет. "Фауст" Гете читал. Поэзия мысли и поэзия, имеющая предметом то, что не может выразить никакое другое искусство. А мы перебиваем, отрывая от действительности живописи, психологии т. д.

17 марта. Был в Туле. На похоронах у Сережи. Даже для печали человек должен иметь проложенные рельсы, по которым идти, - вой, панихида и т. д. Вчера увидел в снегу на непродавленном следе человека продавленный след собаки. Зачем у ней точка опоры мала? Чтоб она съела зайцев не всех, а ровно сколько нужно. Это премудрость бога; но это не премудрость, не ум. Это инстинкт божества. Этот инстинкт есть в нас. А ум наш есть способность отклоняться от инстинкта и соображать эти отклонения. С страшной ясностью, силой и наслаждением пришли мне эти мысли. Нынче был у Пашковых. Дети больны, и Соня тоже. Дня четыре не писал. Нынче писал. Раз рассердился на немца и долго не мог простить. Читаю Memento Ragusa. Очень мне полезно.

19 марта. Я зачитался историей Наполеона и Александра. Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона. Вся подлость, вся фраза, все безумие, все противоречие людей, их окружавших, и их самих. Наполеон, как человек, путается и готов отречься 18 брюмера перед собранием. *De nos jours les peuples sont trop éclairés pour produire quelque chose de grand* [В наше время народы слишком просвещены, чтобы можно было создать что-нибудь великое (фр.)]. Александр Македонский называл себя сыном Юпитера, ему верили. Вся египетская экспедиция - французское тщеславное злодейство. Ложь всех bulletins [реляций (фр.)], сознательная. Пресбургский мир escamote [достигнут обманом (фр.)]. На Аркольском мосту упал в лужу, вместо знамя. Плохой ездок. В итальянской войне увозит картины, статуи. Любит ездить по полю битвы. Трупы и раненые - радость. Брак с Жозефиной - успех в свете. Три раза поправлял реляцию сраженья Риволи - все лгал. Еще человек первое время и сильный своей односторонностью - потом нерешителен - чтоб было! а как? Вы простые люди, а я вижу в небесах мою звезду. Он не интересен, а толпы, окружающие его и на которые он действует. Сначала односторонность и beau jeu [благоприятные условия (фр.)] в сравнении с Маратами и Барасами, потом ошутью - самонадеянность и счастье, и потом сумасшествие - *faire entrer dans son lit la fille des Césars* [разделить ложе с дочерью цезарей (фр.)]. Полное сумасшествие, расслабление и ничтожество на св. Элене. Ложь и величие потому только, что велик объем, а мало стало поприще, и стало

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
ничтожество. И позорная смерть!

Александр, умный, милый, чувствительный, ищущий с высоты величия объема, ищущий высоты человеческой. Отрекающийся от престола и дающий одобрение, не мешающий убийству Павла (не может быть). Планы возрождения Европы. Аустерлиц, слезы, раненые. Нарышкина изменяет. Сперанский, освобождение крестьян. Тильзит - одурманение величием. Эрфурт. Промежуток до 12 года не знаю. Величие человека, колебания. Победа, торжество, величие, grandeur, пугающие его самого, и отыскивания величия человека - души. Путаница во внешнем, а в душе ясность. А солдатская косточка - маневры, строгости. Путаница наружная, прояснение в душе. Смерть. Ежели убийство, то лучше всего.

Надо написать свой роман и работать для этого.

20 марта. Погода чудная. Здоров. Ездил в Тулу верхом. Крупные мысли! План истории Наполеона и Александра не ослабел. Поэма, героем которой был бы по праву человек, около которого все группируется, и герой - этот человек. Читал - Marmont'a. В. А. Перовского плен. Даву - казнить. Критика Маркова - плохо. Дорожит мыслью и сердится. Сам-то ты что сделаешь? А силы, силы страшные! Языков сказал, что объясняю речи - длинно, - правда. Короче, короче.

21 марта. Погода чудная. Соня больна. Я досаую, что она слаба в боли. Сережа мучает меня болезнью. Хозяйство скотное веселит и хорошо. Ragus'a все читаю с отметками. Вечером писал сцену моста - плохо.

23 марта 1865. Погода чудная. [...] Писал вечером мало, но порядочно. Могу. А то все это время мысли нового, более важного, и недовольство старым. Надо непременно каждый день писать не столько для успеха работы, сколько для того, чтобы не выходить из колеи. Больше пропускать. Завтра попробую характеристику Билибина.

24 марта. Сережа у нас. Писал немного Билибина. Вчера был в Туле. Коли б были бог поэзии и искренности, кому бы досталось царство небесное Константину или Владимиру Черкасскому. Одна из главных струн писанья контраст поэзию чувствующего и нет.

19 сентября 1865. [Никольское-Вяземское.] Я неспокоен. Я не знаю, болен ли я и от болезни не могу думать правильно и работать, или я распустился так, что не могу работать. Ежели бы я мог правильно трудиться, как бы я мог быть счастлив. [...]

20 сентября. Утро не мог писать. Спал дурно. Гулял немного. Все то же лихорадочное состояние. Читал Merimee "Chronique de Charles IX". Странная его умственная связь с Пушкиным. Очень умен и чуток, а таланта нет. Написал письмо Владимиру Федоровичу и тетеньке. Вечером обдумывал и немного переправлял. Под конец даже охотно.

23 сентября. [Черемoshня.] Лежал целый день. Ванна оживила. Читал "Consuelo". Что за превратная дичь с фразами науки, философии, искусства и морали. Пирог с затхлым тестом и на гнилом масле с трюфелями, стерлядями и ананасами.

24 сентября. Лучше. Читал свое. Их не занимает. Но мне показалось настолько недурно, что не стоит переделывать. Nicolas надо придать любовь к жизни и страх смерти на мосту. А Андрею воспоминания сраженья в Брюнне.

26 сентября. [Ясная поляна.] Я стал делать гимнастику. Мне очень хорошо, вернулись с Соней домой. Мы так счастливы вдвоем, как, верно, счастливы один из миллиона людей.

По случаю ученья милой Маши думал много о своих педагогических началах. Я обязан написать все, что знаю об этом деле.

29 сентября. Здоровье нехорошо - утин. Написал Сереже и Дьяковым. Целый день писал "Сраженье" - плохо. Неидет - не то. Читал Тролопа. Коли бы не diffuseness [Расплывчатость, многословность (англ.)], хорошо.

30 сентября. Рано поехал на порошу, приятно убил зайца. Написал Андрею Евстафьевичу. Читал Тролопа хорошо. Есть поэзия романиста: 1) в интересе

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
сочетания событий – Braddon, мои "казаки", будущее; 2) в картине нравов, построенных на историческом событии, – "Одиссея", "Илиада", "1805 год"; 3) в красоте и веселости положений – "Пиквик" – "Отъезжее поле", и 4) в характерах людей – "Гамлет" – мои будущие; Аполлон Григорьев – распущенность, Чичерин тупой ум, Сухотин – ограниченность успеха, Николенька – лень и Столыпин, Ланской, Строганов – честность тупоумия.

1 октября. Все делаю гимнастику, записываю дни и не пишу. Ездил на охоту ничего. Поэзия труда и успеха нигде и никем не тронута. Читаю "Bertrams" славно.

2 октября. Здоровье хорошо. Ездил напрасно на охоту. Писал. Но я отчаиваюсь в себе. Тролоп убивает меня своим мастерством. Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое. Знать свое – или, скорее, что не мое, вот главное искусство. Надо мне работать, как пианист.

3 октября. Вчера и нынче поработал с напряжением, хотя бесплодно, и уже нынче у меня болит печень и мрачно на душе. Это меня отчаивает. Надо ограничивать свою volupte [наслаждение (фр.)] читанья с мечтами. Эти силы употреблять на писанье, перемежая с физической работой. Опять ездил вокруг своих лесов, и ничего. Кончил Тролопа. Условного слишком много.

8 октября. [Покровское.] В дороге. Машенька очень мила и дети.

9 октября. У нее. Писал "Отъезжее поле". Выходит неожиданно.

12 октября. [Ясная Поляна.] Поехали и приехали в Ясную. Приятно, но смутный страх заботы.

15 октября. Желчь, злился на охотника Охота скверная. Две главы совсем обдумал. Брыков и Долохов не выходят. Мало работаю. С Соней вчера объяснение. Ни к чему – она беременна.

16 октября. Убил двух беляков. Читал Гизо–Вит доказательства религии и написал первую статейку по мысли, данной мне Montaigne.

17 октября. До обеда на неудачной охоте. Писать не хотелось очень. A se battre les flancs [лезть из кожи зон (фр.)] ни за что не хочу. Для Долохова видел на охоте местность, и ясно.

20 октября. Я истощаю силы охотой. Перечитывал, переправлял. Идет дело. Долохова сцену набросал. С Соней очень дружны.

21 октября. То же, что вчера. К вечеру обдумывал Долохова. Читал Диккенса. Белла – Таня.

1 ноября. Та же строгая гигиена. Совершенно здоров, как бываю редко. Писал довольно много. Окончательно отделал Билибина и доволен. Читаю Maistr'a.

Мысль о свободной отдаче власти.

2 ноября. [...] Дописал Билибина. Исленевы уехали. С наслаждением перечитал "Казаков" и "Ясную Поляну".

5 ноября. Зубная боль. Та же диета. По утрам язык. Писал по-новому – так, чтобы не переделывать. Думаю о комедии. Вообще надо попробовать новое без переделок. Ужинал, кажется, напрасно.

8, 9 ноября. Слабее диета вчера. Нынче опять строго. Здоровье – особенно головы, хорошо. Вчера избыток и сила мысли. Написал предшествующее сражению и уяснил все будущее. Нынче взял важное решение не печатать до окончания всего романа.

10, 11, 12 [ноября]. Пишу, здоровье хорошо, и не наблюдаю. Кончаю 3-ю часть. Много уясняется хорошо. Убил в 1/2 часа двух зайцев.

1865 г. Августа 13-го. Ясная Поляна. Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
"La propriete c'est le vol" ["Собственность - кража" (фр.)] останется больше истиной, чем истина английской конституции, до тех пор, пока будет существовать род людской. Это истина абсолютная, но есть и вытекающие из нее истины относительные - приложения. Первая из этих относительных истин есть воззрение русского народа на собственность. Русский народ отрицает собственность самую прочную, самую независимую от труда, и собственность, более всякой другой стесняющую право приобретения собственности другими людьми, собственность поземельную. Эта истина не есть мечта - она факт выразившийся в общинах крестьян, в общинах казаков. Эту истину понимает одинаково ученый русский и мужик - который говорит: пусть запишут нас в казаки и земля будет вольная. Эта идея имеет будущность. Русская революция только на ней может быть основана. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности. Она скажет: с меня, с человека, бери и дери, что хочешь, а землю оставь всю нам. Самодержавие не мешает, а способствует этому порядку вещей. - (Все это видел во сне 13 августа.)

28 августа 1865 г.

Ребенок блажит и плачет. Ему спать хочется, или есть, или нездоровится. (То же самое с большими; только на ребенке виднее.) Самое дурное средство сказать ему: ты не в духе - молчи. То же самое и с большим. Большому не надо ни противоречить, ни сказать ему: не верь себе: ты не в духе. Надо пытаться вывести его из этого состояния и потом сказать: ты был не в духе и не прав. Этому приему с большими научила меня няня и мать. Они, так поступая с ребенком, успевают. В ребенке все в меньшем размере и потому нам понятнее, а отношение сил то же. Так же чувство дурного расположения духа сильнее рассудка. Я не в духе; мне это скажут. Я еще хуже.

Люди кажутся друг другу глупы преимущественно оттого, что они хотят казаться умнее. Как часто, долго два сходящиеся человека ломаются друг перед другом, полагая друг для друга делать уступки, и противны один другому, до тех пор, пока третий или случай не выведет их, какими они есть; и тогда как оба рады, узнавая разряженных, новых для себя и тех же людей.

Есть по обращению два сорта людей: одни - с тобою очевидно такие же, какие они со всеми. Приятны они или нет, это дело вкуса, но они не опасны; другие боятся тебя оскорбить, огорчить, беспокоить или даже обласкать. Они говорят без увлечения, очень внимательны к тебе, часто льстят. Эти люди большей частью приятны. Бойся их. С этими людьми происходят самые необыкновенные превращения и большей частью превращения в противоположности - из учтвого делается грубый, из льстивого - оскорбительный, из доброго - злой.

Вся премудрость людей заключается не в мысли - еще менее в деле, - а в слове. Человек может быть совершенно прав только тогда, когда он говорит исключительно о себе. Искусство публичных речей, парламентских и судебных - в особенности, английских, - состоит в этом приеме. Они не говорят: обман есть преступление, или принудительное образование вредно и т. п., а они говорят: на мои глаза или по понятию наших отцов - обман есть преступление, - или: ежели принудительное образование есть зло, то... и т. д. Они, выражая свою мысль, облачают ее в форму факта или предположения, для того чтобы побеждать возражения. В общем же, когда слышишь и читаешь их речи, замечаешь, что у них две цели: одна - выразить свою мысль, другая - говорить так, чтобы никто не мог дать мне *dementi* *. Вторая цель большей частью преобладает. Так что очень часто вся речь наполнена только оговорками и заборчиками, ограждающими оратора от нареkania в том, что он сказал неправду.

И как певец или скрипач, который будет бояться фальшивой ноты, никогда не произведет в слушателях поэтического волнения, так писатель или оратор не даст новой мысли и чувства, когда он будет бояться недоказанного и неоговоренного положения.

То, известное каждому чувство, испытываемое в сновидении, чувство сознания бессилия и вместе сознания возможности силы, когда во сне хочешь бежать или ударить, и ноги подгибаются, и бьется бессильно и мягко, - это чувство плененности (как я лучше не умею назвать его), это чувство ни на мгновение не оставляет и наяву лучших из нас. В самые сильные, счастливые и поэтические минуты, в минуты счастливой, удовлетворенной любви, еще сильнее чувствуется, как недостает чего-то многого, и как подкашиваются и не бегут мои ноги и мягки и не

цепки мои удары.

Совершенное возможно в воображении, как вечное движение возможно без трения и тяготения. Самое увлечение красотой и истиной мешает осуществлению красоты и истины.

Человек живет двумя сторонами: воображением и на другой стороне деятельностью всех своих других способностей.

Человек, который жил бы только деятельно, не знал бы, что хорошо и что дурно (мужики); человек, который жил опровержение бы одним воображением, слишком хорошо знал бы, что хорошо и что дурно, но не имел бы ни силы, ни умения сделать то, что хорошо, и удержаться от того, что дурно.

Чем мудрее люди, тем они слабее. Чем глупее, тем тверже.

Хочешь узнать очень близко человека – снять с него ореол, который тебе видится над ним, посмотри на ноготь большого пальца его руки – плоть. А у Кесаря был большой ноготь.

Мы судим животных с точки зрения ума. "Заяц умен, что делает сметки". Он нерешителен. Заяц судил бы нас с точки зрения трусости: "Человек выдумал железные дороги, чтобы скорее бежать".

Дневник – 1870

1870. 2 февраля. [Ясная Поляна.] Я слышу критиков: "Катанье на святках, атака Багратиона, охота, обед, пляска – это хорошо; но его историческая теория, философия – плохо, ни вкуса, ни радости".

Один повар готовил обед. Нечистоты, кости, кровь он бросал и выливал на двор. Собаки стояли у двери кухни и бросались на то, что бросал повар. Когда он убил курицу, теленка и выбросил кровь и кишки, когда он бросил кости, собаки были довольны и говорили: он хорошо готовил обед. Он хороший повар. Но когда повар стал чистить яйца, каштаны, артишоки и выбрасывать скорлупу на двор, собаки бросились, понюхали и отвернули носы и сказали: прежде он хорошо готовил обед, а теперь испортился, он дурной повар. Но повар продолжал готовить обед, и обед съели те, для которых он был приготовлен.

Сколько бы ни говорили о том, что в драме должно преобладать действие над разговором, для того, чтобы драма не была балет, нужно, чтобы лица высказывали себя речами.

Тот же, кто хорошо говорит, плохо действует, и потому выразить самому себе герою словами нельзя. Чем больше он будет говорить, тем меньше ему будут верить. Если же будут говорить другие, а не он, то и внимание будет устремлено на них, а не на него.

Комедия – герой смешного – возможен, но трагедия, при психологическом развитии нашего времени, страшно трудна. Оттого только в учебниках можно говорить об "Ифигении", "Эгмонте", "Генрихе IV", "Кориолане" и т. д. Но ни читать, ни давать их нет возможности. Оттого бездарные подражатели могут подражать подражанию (слабому) Пушкина, "Борису Годунову". Оттого белый стих, о котором останется несомненной истиной то, что на будущего себя сказал Пушкин:

Послушай, дедушка, мне всякий раз,

Когда взгляну на этот замок Ретлер,

Приходит в голову, что если это проза,

Да и дурная.

Взятие Корсуни Владимира – эпопея.

Меншиков женит Петра II на дочери, его изгнание и смерть – драма.

3 февраля. 1870. Система, философская система, кроме ошибок мышления, несет в себе ошибки системы.

В какую форму ни укладывай свои мысли, для того, кто действительно поймет их, мысли эти будут выражением только нового мирозерцания философа.

Для того, чтобы сказать понятно то, что имеешь сказать, говори искренно, а чтобы говорить искренно, говори так, как мысль приходила тебе.

Даже у больших мыслителей, оставивших системы, читатель, для того чтобы ассимилировать себе существенное писателя, с трудом разрывает систему и разорванные куски, относя их к человеку, берет себе.

Таков Платон, Декарт, Спиноза, Кант. Шопенгауэр говорит, что его система есть круг (он говорит свод), чтобы понять который надо пройти его несколько раз.

У слабых мыслителей, Гегель, Cousin, разорвав систему, приходишь в непосредственное сношение с пустым человеком, от которого нечего взять.

Толпа же любит систему. Толпа хочет поймать всю истину, и так как не может понять ее, то охотно верит.

Гете говорит: истина противна, заблуждение привлекательно, потому что истина представляет нас самим себе ограниченными, а заблуждение всемогущими. Кроме того, истина противна, потому что она отрывочна, непонятна, а заблуждение – связно и последовательно.

Русская драматическая литература имеет два образца одного из многих и многих родов драмы: одного, самого мелкого, слабого рода, сатирического, "Горе от ума" и "Ревизор". Остальное огромное поле – не сатиры, но поэзии – еще не тронуто.

1870, 14 февраля. Одним из лучших образцов того, каким образом очевидные для нас причины людских действий (для них самих кажущихся таковыми) не суть причины, ибо не совпадают с последствиями, а имеют другие причины, совпадающие с последствиями, есть мода. Причина вечной перемены одежды для людей есть желание богатейших отличиться от беднейших. Но ясно, что цель бессмысленна, ибо отличий много, кроме моды, и цель не достигается, ибо тотчас все переменяют. Но цель, не видная для действующих, достигается: брошенные платья одевают все бедное население Лондона, Парижа – больших городов. И это не случайно, очевидно из того, что там, где большое скопление народа, пролетариат, там и быстрые перемены мод, отдающие неизношенные материи дешево бедным. И где меньше пролетариата, там медленнее движение мод, где больше, там быстрее.

4 апреля. Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, правед, грубость, глупость, неумение ничего сделать. Правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени. Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России.

Но как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство?

Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю.

Но кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную, кто сделал, что Богдан Хмельницкий передался России, а не Турции и Польше?

Народ живет, и в числе отправлений народной жизни есть необходимость людей разоряющих, грабящих, роскошествующих и куражащихся. И это правители несчастные, долженствующие отречься от всего человеческого.

5 апреля. История хочет описать жизнь народа – миллионов людей. Но тот, кто не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

только сам описывал даже жизнь одного человека, но хотя бы понял период жизни не только народа, но человека, из описания, тот знает, как много для этого нужно. Нужно знание всех подробностей жизни, нужно искусство – дар художественности, нужна любовь. Кроме того, при величайшем искусстве нужно много и много написать, чтобы вполне мы поняли одного человека. Как же в 400-х печатных листах (самое многотомное историческое сочинение) описать жизнь 20 миллионов людей в продолжение лет, т. е. 20000000x1000? Не придется буквы на описание года жизни человека.

Но и это не вся еще беда.

Искусства нет и не нужно, говорят, нужна наука.

Не только подробностей всех о человеке нет, но из миллионов людей об одном есть несколько недостоверных строчек, и то противоречивых.

Любви нет и не нужно, говорят. Напротив, нужно доказывать прогресс, что прежде все было хуже.

Как же тут быть? А надо писать историю. Такие истории писали и пишут, а такие истории называются: наука.

Как же тут быть?!

Остается одно: в необъятной, неизмеримой скале явлений прошедшей жизни не останавливаться ни на чем, а от тех редких, на необъятном пространстве отстоящих друг от друга памятниках – вехах протягивать искусственным, ничего не выражающим языком воздушные, воображаемые линии, не прерывающиеся и на вехах.

На это дело тоже нужно искусство. Но искусство это состоит только во внешнем: в употреблении бесцветного языка и в сглаживании тех различий, которые существуют между живыми памятниками и своими вымыслами. Надо уничтожить живость редких памятников, доведя их до безличности своих предпол 65d ожений. Чтобы все было ровно и гладко, и чтобы никто не заметил, что под этой гладью ничего нет.

Что делать истории?

Быть добросовестной.

Браться описывать то, что она может описать, и то, что она знает – знает посредством искусства. Ибо история, долженствующая говорить необъятное, есть высшее искусство.

Как всякое искусство, первым условием истории должна быть ясность, простота, утвердительность, а не предположительность. Но зато история-искусство не имеет той связанности и невыполнимой цели, которую имеет история-наука. История-искусство, как и всякое искусство, идет не вширь, а вглубь, и предмет ее может быть описание жизни всей Европы и описание месяца жизни одного мужика в XVI веке.

Дневник – 1871

1871. 26 ноября. Есть литература литературы – когда предмет литературы есть не сама жизнь, а литература жизни, и литература литературы 999/1000 всего пишущегося. Есть политика политики – когда предмет политики не есть государство, а прежняя современная политика, 999/1000 всей деятельности палат. Есть поэзия поэзии, и в музыке, и в живописи, и ваянии, и в письме, – когда предмет поэзии есть не жизнь, а прежняя поэзия, 999/1000 всего творящегося. Есть наука науки – когда предмет не есть жизнь, а прежние положения науки Линней, Кювье, Дарвин. Есть или нет видов? Есть или нет понятия справедливости? Есть или нет тяготения? Есть философия философии, когда предмет не мысль, а системы. Первое легко и безгранично, второе трудно и редко.

Естественные науки – это стремление найти общее в жизни внешнего мира с жизнью человека. Человек рождается из оплодотворенного яйца. Давай отыскивать яйцо в полипе и оплодотворение в папоротнике.

Дневник - 1873

1873, ноября 5. [Ясная Поляна.] Художник звука, линий, цвета, слова, даже мысли в страшном положении, когда не верит в значительность выражения своей мысли, От чего это зависит? Не любовь к мысли. Любовь тревожна. А эта вера спокойная. И она бывает и не бывает у меня. Отчего это? Тайна.

Ноября 6. Еду на порошу. Я смолоду стал преждевременно анализировать все и немилостиво разрушать. Я часто боялся, думал - у меня ничего не останется целого; но вот я стареюсь, а у меня целого и невредимого много, больше, чем у других людей. Орудие ли анализа у меня было крепко, или выбор верен, но уже давно я более не разрушаю; а целыми остались у меня непоколеблены - любовь к одной женщине, дети и всякое отношение к ним, наука, искусство - настоящие, без соображений величия, а с соображением настоящности наивного, охоты - к деревне, порою к северу... и все? Это ужасно много. У моих сверстников, веривших во все, когда я все разрушал, нет и 1/100 того.

Montaigne. La pointe a la sauce [Монтень. Острота в соусе (фр.)].

Ноября 17. Разговор о земстве с Свербеевым. Администрация чувствует, что власть одна [?], а троицын день - березки.

Читал Верна. Движение без тяготенья невысказано. Движение есть тепло. Тепло без тяготенья невысказано. [...]

28 декабря. Если человек думает, что его жизнь есть только преходящее явление - звук лиры Платона, то это происходит оттого, что жизнь всех других людей представляется ему только звуком лиры, но если он любим или любит, значение своей жизни станет для него глуже.

Дневник - 1878

1878, 17 апреля. [Ясная Поляна.] После 13 лет хочу продолжать свой дневник. Вчера был у заутрени (пасха). Утром читал записки Веневитинова. Ходил гулять с Василием Ивановичем. Говорили о его деле. Вечером все с детьми на тягу в Заказ. Читал Болотова. Дневник Бочарова. Кажется, все ясно для начала. Нынче встал в 10, читал, собирался писать, но - насморк и слабость духовная и физическая. Вышел гулять, но холодно, - вернулся. Соня говорила с Лизаветой Александровной и рада, что сделала ей пользу. Катают яйца. Стану писать письма.

5 мая. Вчера не помог старушке телятинской. Празднословил с Василием Ивановичем. Тщеславился мыслью и горячился с Соней. Нынче сердился на Алексея и старосту, за то, что дурно окопали яблони. Читал утром записки фон-Визиной. Преданность богу - правда и опасно.

22 мая. Пережил важные и тяжелые мысли и чувства вследствие разговора с Василием Ивановичем о Сереже. [...] Все мерзости моей юности ужасом и болью раскаяния жгли мне сердце. Долго мучился. Ездил в Тулу с Сережей и говорил с ним. Стал вставать рано и пытаюсь писать, но нейдет. Неидет оттого больше, что нездоровилось. Но кажется, что я полон по края, и добром. Окончил Болотова. Читал Парфения. Раскол наводит меня сильнее и сильнее на важность мысли о том, что признак истинности церкви есть единство ее (всеобщее единство), но что единство это не может быть достигнуто тем, что я, А или В, обратит всех других к своему взгляду на веру (так делалось до сих пор, и все расколы, папство, лютеранство и др. - плод этого), но только тем, что каждый, встречаясь с несогласными, откидывая в себе все причины несогласия, отыскивает в другом те основы, в которых они согласны. Осьмиконечный или четырехконечный крест, и пресуществление вина или воспоминание, разве не то же ли самое.

Был у обедни в воскресенье. Подо все в службе я могу подвести объяснение, меня удовлетворяющее. Но многая лета и одоление на врагов есть кощунство. Христианин должен молиться за врагов, а не против их.

Читал Евангелие. Везде Христос говорит, что все временное ложно, одно вечное, то есть настоящее. "Птицы небесные..." и др. И на религию смотреть исторически есть разрушение религии.

Дети: Илья и Таня рассказывали секреты, влюблены. Как страшны, скверны и милы.

Начал писать "свою жизнь".

1 июня. Летние гости: Машенька, Варенька, Таня, Свербеевы, Исленьев, Иславин, Бобринский, Урусов, все это кипит и расстраивает. Кроме того, Андрюша болен. Строю избу в Чепыже. Все время это не брал пера в руки. Правда, письма написал. Читаю Парфения.

3 июня. Был Бобринский. Измучил меня своими разговорами о религии, о Слове. Его страсть говорить! Самообольщение удивительное. Для меня он важен был тем, что на нем с ужасной очевидностью ясно заблуждение основания веры на слове, на одном слове. Вчера писал довольно много в маленькую книжку, сам не знаю зачем? – о вере.

Дневник – 1879

28 октября 1879.

Есть люди мира, тяжелые, без крыл. Они внизу возятся. Есть из них сильные – Наполеоны пробивают страшные следы между людьми, делают сумятицы в людях, но всё по земле. Есть люди, равномерно отращивающие себе крылья и медленно поднимающиеся и взлетающие. Монахи. Есть легкие люди, воскрыленные, поднимающиеся слегка от тесноты и опять спускающиеся – хорошие идеалисты. Есть с большими, сильными крыльями, для похоти спускающиеся в толпу и ломающие крылья. Таков я. Потом бьется с сломанным крылом, вспорхнет сильно и упадет. Заживут крылья, воспарит высоко. [...]

язык

Не исполняется приказанье, надо письмо подновить.

Побирушка, помирушка.

Железные дороги какие леса потушили.

я не уйду. Нечто за ноги выволокут.

Посыкнулись было купцы вновь отстроить, да не выстроили.

От приседания хвоста глаза смутились.

Всяк живот смерти боится.

Цвет темно-зеленый – крапивный.

Из пеленок вывалялся.

Лазоревый – яхонт. Лазоревый не ярко-зеленый ли?

"Произвел сына в грамоту". Мы смеемся сами, взяв у народа слово "произвел" и неточно употребляя его в смысле произвели в генералы.

Народ заворачивается. Завируха.

Похлебствовал тому-то.

По угодникам шел.

Белужина – земля. Вяжковатый.

Земля матушка.

Обесхлебели, обезлошадели в конец.

В дуростях спускать не обык.

Особист.

Бомбы садить.

За тепло, за лето успею кончить.

Еще мне за сердце щепя влезла.

У татарина два коня, третья душа.

Одноворец замужичел.

Москва обсадилась козаками.

Вечную не кликнул.

По пояс в грязи лежит, а говорит - не брызжи. Свое дело справляй.

Трое союзников одной державы (о мосте).

Живот радуется.

Оборка будет.

Чужой чужим и пахнет.

Приплавная колода.

Чернозем, ног не выволочешь, облепит.

Углажены монастыри.

Старинушка!

Посягнул на дело.

Кнутом стегануть.

Стрельбы две или три.

Господь ходил по земле, так он нами не гребовал.

Кремняет.

Нога назад отдает.

Вперед не чухайся.

Народ мляв.

Тармасит.

Тес колоний толщиной 9 вершков. Не узнаешь, что комель, что макуша.

На руку скор. Сабачут.

Почерябали бороной.

Язык помягче - пока не стар.

Закис - овес.

Овес косматый - за горой.

Денег - куб. сажень.

Лопаточка - скована.

[...] привягает чужников.

С покрепочкой.

Отбросился от дома, дом упадает.

Без каши внучек ни на час.

К дому не рачит.

Распутная – всё по дворам.

Сяду перед ней на конник, не станет ли прощенья просить, – нет.

К дому не рачит.

Это его раденье.

Вызволяет мужичков.

Федор Алексеевич просит маму перекрестить.

Обнимает мать мальчик.

Обыкли, приобыкли.

Идучи за солому цепляется.

К тому делу приличился.

За косы, за ноги выволоку.

Выбили из дома вон.

По нем наровить. Чинит понаровку.

Жесток, а стал мякнуть.

Плоть играет. 4 года отстала.

Изба запустовала.

Душу отвести нечем.

Коровенки нету.

Обрящи бог виноватого, оправдай бог правого.

Ах ты, ахрян!

Мулявишь, мулявишь, зубов нет.

Перевоз. Добору нет.

Авось бог даст, я отдохну.

Ногу пересадило.

Стрельцы лоском лежали.

Холостую не обратаешь. А то взять с задницей с одной.

Улуча время. Не в Иванову версту.

Способ к чему-нибудь.

Припало жениться.

Одна дыхнуть.

Заведни разве переделаешь.

Щунял.

ГРАММАТИКА

Грамматика. 1) Предлоги приставные к глаголам, под них подведи глаголы.

1) на, 2) при, 3) за, 4) у, 5) с, 6) под, 7) от, 8) раз, 9) об, 10) вз, 11) до, 12) в, 13) из, 14) вы, 15) пере, 16) про, 17) по, 18) о. Вести подходит под всё.

2) Одна, двою, трою и т. д.

3) А есть бывает высока, то лестницу подставляю.

А высоко бывало было, подставлял лестницу.

А буде высоко, подставляю лестницу.

А есть бывает спит, то не бужу.

А спит (бывало), я не будил.

– А будет спит, я не разбужу.

[...] 4) Хорошо ты делаешь. Много ты смыслишь. Большой твой капитал. Велика свиные честь. Нужно тебе было. Обратный смысл, как только эпитет первым словом.

5) Быть было в тебе ножу. Пропасть тебе как червю. Пропадать мне пришло. Пропасть было. Пропадать было. Пить до дна, не видать добра. Пить умереть. Особое время условное, будущее.

6) Купивши ружье, рассмотрев, бросил.

Рассмотревши, купив, не бросил.

Бросивши, не купив, не рассмотрел.

Севши, задремав, заснул.

Купивши (давнопрошедшее), купив (прошедшее), покупая (настоящее).

Взявшись за гуж да поплевав в пясть [1 неразобр.] затягивает. (Деепричастие настоящее без дополнения.)

7) А что он на меня клевет, ей (вместо то) облыжно.

8) А идти навстречу, спину знобит. (Если время неизвестное.)

А дожидаться их отъезду, не опоздать бы.

А сделать грех, навеки на сердце ляжет.

[...] 9) Много (у меня) хожено, видено, сижено, граблено, выпито. Plusquamperfectum.

А заехано, обвенчано, нагрешено-то.

10) Ноне – даве – ходя, живя – часом. Нонче, давеча, ходячи, живучи...

11) И велел ехать с осторожкой, и ты-де чист приедешь.

ОБОРОТЫ

1) Письмом подновить приказ.

- 2) Не выйду, нешто за ноги выволокут.
- 3) Чугунки да пароходы какие леса потушили. Разбои потушили.
- 4) От приседания хвоста глаза смутились.
- 5) Крапивный цвет – темно-зеленый.
- 6) Из пеленок вывалялся.
- 7) Лазоревый яхонт.
- 8) Произведи сына в дело.
- 9) По угодникам шел от Пензы до Киева.
- 10) Обесхлебел, обезлошадел, обезлесел, обессилил, обвздомил ты меня, себя.
- 11) Я к седлу привык, приобык. Я ученью навывк. Я спать обык после обеда, приобык или отвык. Я с женою свывкся. Баловаться повывк?
- 12) Садит в город бомбы. Ногу пересадило. Кол засадило. Засади тебя. Москва отсадилась казаками.
- 13) За лето, за день успею кончить. Летом, днем сделаю. По лету приезжал. В лето всего успеешь.
- 14) Однодворец замужичел.
- 15) По родителю кликнула вечную.
- 16) В мосту трое союзников одной державы.
- 17) Живот радуется, болит.
- 18) на руку ерзок был.
- 19) С покрепочкой, с окоротой, с задержкой, с опаской.
- 20) Старинушко. Хозяинушко.
- 21) Ты хочешь вперед попнуться, а нога сама назад отдает.
- 22) Коровенки нет – нечем и душу отвести. Хлеб приелся.
- 23) Придет зима, отдохнем. Думали, помрет, а отдох. Пыл отдох.
- 24) Девку не обрастаешь. Он обротал его и насел.
- 25) Она ему не верста. Не в Иванову версту. Кого сверстал. Никого себе в версту не ставит. Безмерный человек.
- 26) Улуча время, час, вошел.
- 27) Способа не найду. От него способа не жди.
- 28) Припало жениться, учиться, уйти богу молиться.
- 29) лаял матерно. Облаял меня ни за что. Взлаивает по-собачьи.
- 30) Отбросишься от дома, дом упадет.
- 31) А она (он) не по дворам.
- 32) выволокут за ноги, за косы.
- 33) Выбивают из дома вона. Сбился с ног. Добивают до шпенту. Отбивается от рук.

С похвее сбились.

- 34) У бабы купил за 10 к. спичечницу. Совсем с повалом.
- 35) Брат в отделе. В откладах дело проходит. Как цены на овес? Торгом.
- 36) Надо окороту дать (останову).
- 37) Полсема аршина – 6 1/2.
- 38) Надо опаску иметь. Тут опаска нужна. Без обсылки не узнаешь. Мне без посылки нельзя.
- 39) Астраханцам голову отсеки, и тебе того ж хочется.
- 40) Нам и вода (сидни) (хлеб)... в честь.
- 41) Ты у меня по лестнице головой все ступеньки сочтешь.
- 42) Бей теперь во! Ты намерялся вчерась.
- 43) Давно ли ты от кнута да от плахи.
- 44) Какой ты князь. Я твоих родных в холопах найду.
- 45) Насилу цел уволокся. Только выволокся в Москву.
- 46) У тебя пьяная искра в лице, в глазах. От соплей ус мокрый.
- 47) Оходы вырежу. Налив бельмы, об угол ударишься. Ты бы своего отца за бороду поймал. Пойди к брату, он гостинцы с тобой поделит.
- 48) Добр подьячий, а язык высуня пишет. Зашод сзади, по голове ударя, язык бы пришиб.
- 49) Бахарь такой, что заслушаешься.
- 50) Притча – случай. Со мной всякие притчи бывали.
- 51) Лихо. Бойся лихого человека. Лихо – зло неисправимое.
- 52) Человек нравный. Лошадь с норовом. Не по нраву. К его нраву не подладишь (не примеряешься) (применишься) (привесишься). Нрав – то, что нравится и не нравится. Уже, чем характер, то, что остается от характера, обычай, чтобы выразить характер – нрав и обычай. Вполне характер – склад.
- 53) смышлен – intelligent – умен, разумен. Он не смышлен, да умен. Вымышленник. Он смыслит.
- 54) ловкой, хлесткой, устрый, шустрый, стремой. Проворный.
- 55) Склонен к пьянству. Падок до денег, лаком до женского полу. Лих, добр до
- 56) напрасно на меня наносишь покор.
- 57) На нем порока, покора нет.
- 58) (Всем телом неключим нравом). От лени окоростовел.
- 59) Опился. Спился. Допился. Испился. Запил. Подпил. Перепил. Опили его. Распил ее.
- 60) Пришедши, доложась пойду.
- 61) животом, грудью, головой скорблю.
- 62) ко псу приравнял.

- 63) Исступила (ума). Выступила из ума. Отступила ума. Исступление.
- 64) Нате разделите по себе жемчуг.
- 65) Умей затевать, умей и распутывать.
- 66) Мы тебя отсюда опростаем (выпростаем).
- 67) С давних лет повелось.
- 68) Всех воевод повывел. Дураков не выведешь.
- 69) Ходит около дела.
- 70) Дорогу перенял.
- 71) Каяться. Не закаивался. Пора покаяться. Перед смертью вспокаялся. На своего глядя накаешься. Докайся до того, что еду в грех ставил.
- 72) Стигнуть. Пристигла святая. Застигла погода. Настигла зайца. Состигает зайца.
- 73) Ступать. Ступаться. Наступил на него. Приступил к делу, к человеку. Не знает, как приступиться. Он его заступил. Заступил его место. За него заступился. Уступай жене. Соступил с своей чести. Подступился к ней с лестью. Расступилась земля. Исступил ума (выступил). Проступился раз, одного прости, другой проступится. Отступился обступился.
- 74) Всё из купли – покупное.
- 75) У бар бояр спесь на сердце нарастает. До свадьбы зарастет. Земля урастает. Срослись. Доросли, что женить. Михайло порос.
- 76) Поститься. Напостился вволю. Запостился вот 2-й год совсем. Отпостился уж я. Допостился до того, что как тряпка. Испостился в нитку.
- 77) метать. Наметьвает горшки. Заметьвал мережки. Подметки.
- 78) Пора тут – там.
- 79) Проварили бабу.
- 80) Литься. Налил бельма. Налился. Прилило счастье. Залило водой. Улило совсем. Водой разлились. Залился слезами.
- 81) никого не щити. Ощитил постель. Защитил себе дом. Ищитился так, что его не найдешь.
- 82) С глушинкой, слепинкой, дуринкой.
- 83) Невразумительно, непонятно, путано говорит.
- 84) Вечор, заутро. Вчерась. Завтра наране... Позавтра. Завчера. Позавчера.
- 85) Катыши – крутячки, шарики.
- 86) Худобы (дурна) худого не было. Худость моя – мое недостоинство.
- 87) Прилика к нему. На него улики. Его облика такая. Разлика есть. По чем различить.
- 88) нагульный скот. Загульная баба. Пригульные дни.
- 89) Силою, умом, деньгами легонек.
- 90) Свежина. Свежа сердцем.
- 91) Манка (Марья). Мосяга (Моисей). Исачка (Исай). Ивашка. Симонка. Орька.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Орютка. Оринка. Пелагейка. Васильюшко. Николаюшко. Иванушко. Пелагеюшка.
Софьюшка. Татьянушка. Янко. Якуш. Яшка. Яша. Лукаш.

- 92) Объявилось на виду у...
- 93) Он по отцу-матери, по хлебе-соли кроет.
- 94) Он его лошадей поклепал.
- 95) Блюдясь опалы. Блюдись греха, грязи. Покошу от людей не ублюдешься. Наблюдай без меня коня. Ублюдай лошадь. Поблюдай с хорошим кобелем. Поблудя Ивану.
Приблюдай к дому.
- 96) Поставить с очей на очи.
- 97) Сигать. Руки не достают. Посягнул на дело.
- 98) Принес вино, просьбу. Повинился в чем-нибудь.
- 99) молчит во всем. Он ей молчит.
- 100) Добр, лих, до чего...
- 101) Невдолге, вскоре.
- 102) Затеять не умеет. Затеял на кого...
- 103) Ехать. Заехал в ухо. Наехал след и съехал. Изъехал до конца. Переехал путь.
- 104) Наутро. Заутро. Поутру, с утра, под утро.

СЛОВА

- 1) поликушко! будешь ужинать? матушка, побирушке щей поставить ли? даром.
- 2) Посыкнулся было купец вновь отстроить.
- 3) Народ заворошился. Заваруха.
- 4) А не похлебствуй он куму, неправде его давно было оказаться.
- 5) Земля белужина.
- 6) Земля вязковатая.
- 7) из себя особист.
- 8) Молодость не без глупости, старость не без дурости.
- 9) оборка скотины летось была, да и по весне опять.
- 10) Собачуга был управляющий.
- 11) Почерябать бороной, очерябать стеклом руку.
- 12) За горбом поле. На горбу пашня, полоса.
- 13) Привитает чужников.
- 14) Монастыри углажены. Изуглажены.
- 15) Посягнуть на дело. На какое ты дело посягаешь?
- 16) я и не высок, да кремняст.
- 17) Ты и не чухайся (суйся).
- 18) Нынче народ стал мляв.

- 19) Слышу, что-то в коробке тормосит.
- 20) Все примерли, и изба запустовала.
- 21) И видать, что мужик ахреян.
- 22) Без зубов сухой хлеб мулявишь, мулявишь.
- 23) К перевозу додору нет.
- 24) Стрельцы лоском лежали. В лоск положили. Лоском уложили.
- 25) Злыдни все не переделаешь. Из злыдней не выдерешься.
- 26) Батюшка пощунял, да и все.
- 27) К дому не рачит.
- 28) Это его раченье.
- 29) Вызовь меня из беды.
- 30) Личить. Он к тому делу приличился, В том деле уличился.
- 31) Он жесток для мужика. Он мягок для, до нас.
- 32) Плоть играет. Плоть отстала играть.
- 33) Тростить. Бревно, воду стростить, веревку, бревно в канат затростить, к канату пристрастить, натростить. Две веревки перетростить, подтростить к ней еще.
- 34) Наровит по ком-нибудь. Или: ты ему понарови. Понарови, пока он доходит, к нему принарови. Понаровку ему дай, сделай. Снаровку знает.
- 35) никак не объегоришь рубленую пуньку.
- 36) Одолен, плакун-трава.
- 37) Полоник. Полоничком снял.
- 38) Барина пластали. Умрет неравно. Станут пластать.
- 39) Принесут попам блинков, а ребята поповы околузывают.
- 40) Дума, думка - воображение.
- 41) У нас лугами, водой, лесом скудно. Дает рука, не оскудеет. Паскудная девчонка все бегаёт. Прокудливей кошки. Прокудит.
- 42) У часов бой с перечасьем. Вперебой идет лошадь. Перететивье.
- 43) Опрясла забора. Колокольня в опрясел.
- 44) Колокол в подголос. Подъездок. Подручный.
- 45) Ознаменка - рисованье.
- 46) Чулан - спальня.
- 47) Клин - треугольник.
- 48) Мишень - плоскость.
- 49) Подызголовье - большая подушка. У него на постели 2 подызголовья да подушка.
- 50) Гривна и цена и вес. В гривну воску. На гривну воску.

- 51) Прокладки и пронизки в четках.
- 52) Женщина пригожая – гожая, угожая. В лесу угодые.
- 53) Небылишные, позорные слова.
- 54) Не царевич, а псаревич – псарев внук.
- 55) В уме заплелся. Душа займетя.
- 56) Чего приспеешь своей душе, то тебе и будет на том свете.
- 57) А лучится ехать мимо, заезжай. Как прилучится. И случилось, он с ним в лавке.
- 58) Бахмат. Аргамак, маштак.
- 59) Он и стар, а все борзится.
- 60) От убоя (ушиба) лежит, лечится.
- 61) Страдник ты, мужик пахатный.
- 62) Оходы – кишки, внутренности. Оходы собакам.
- 63) Бедро. Стегно, голень, лодыга (козанок) (бабка), плюсня.
- 64) Плечи, мышки (мышцы), локти, лытки, олокотни (цевки), запястье. Пясть (кисть).
- 65) неключимый раб. Пять лет неключим лежал. Неключима баба.
- 66) Черная немочь, недуг. Недужится. Неможетя.
- 67) я те ослопом.
- 68) ни шкни. Шикать. Шикнуть. Пошикнуть.
- 69) Не своим изволом (изволением) (произволением) делаю, враг наущает.
- 70) Знаю свою худость. Моя худость при мне, и твоя доброта перед тобой.
- 71) Оглашенство, оглашенный.
- 72) дурна бы не делали. Дурном не заслужишь.
- 73) Кляпом заляпал рот (пушку) цепь. Раскляпать.
- 74) Вымыслы. Выдумки.
- 75) Стрельба, бой в притин. Тин, полтина.
- 76) Одобрели двоих. Облиховали одного.
- 77) Шатость стала в народе.
- 78) в молодости. В глупости не волен, а за дурость не хвалят.
- 79) На своих проторях.
- 80) Охулки, помешки, сморжки, порухи, оплошки, промашки, затяжки... не делай.
- 81) Сосуд проутинился, изутинился. Утини дом.
- 82) А ты не костыляй, как заяц.
- 83) Шаркнул кольцами по пруту. Кура шаркает. Так его шаркнул, что с ног долой. Шаркнул рогачом.

- 84) Разметки, выметки не было.
- 85) Обморохом остался. Заморух.
- 86) я потазаю, а бить не бью.
- 87) Зависть к дому. Завистен работать.
- 88) Благочесливый, склонный, поклонный, уклонный, приклонный – радушный.
- 89) Простота (щедрость) хуже воровства. Простина (отсутствие лжи). За простину бог любит.
- 90) У мясников топор тупик тяжеле. Обидной топор шире. Секач уже.
- 91) Стяговец – на чем стяги вешают.
- 92) Пяло – на чем распяливают.
- 93) Бескишочный?
- 94) Мадеет. Измадел совсем.
- 95) Почему красава и одежда лучше, чем красавица и одежда? Потому что одежонка и красавушка, а одеждинка и красавинька – нельзя.
- 96) ичетыги червлены.
- 97) Прохлада (прохолодь, прозелень). Прохладная жизнь, прохлажаться. Удовольствия тоже есть прохладушка, но нет удовольствица.
- 98) Слетва новь. Новые новины, primeurs.
- 99) Игрицы. Песенницы.
- 100) испынять – taquiner.
- 101) Вихлянье спин. Идет, спиной вихляет.
- 102) Печка дрочит. Дроченое детище.
- 103) Даве – ноне – ина-че.
- 104) Тафья.
- 105) Безмерный человек. Безмерство, в версту себе никого не ставит. Божевольный.
- 106) Поновиться, поновление – говеть.
- 107) Кошуля – шуба легкая.
- 108) Быстрень поймет луга.
- 109) Косы северные кривуши, наши литовки.
- 110) А ты не дуруй. Не делай дурна.
- 111) Говори прямое (настоящее) дело. Прямое ли золото?
- 112) Шесток, ошесток печи. Девицы по ошесткам спят.
- 113) Знатно – очевидно.
- 114) Горе, печаль, кручина, скорбь, зазноба, тоска, скука. Горе злосчастье. Горе – судьба горькая. Духовное, скорбь физическое. Печаль о других. Кручина временная от других. Тоска – недовольство собой. Скука небольшое горе, отсутствие забот сердечных. Зазноба – физическое – кила? любовь.

115) Мануть. Тромпер. Поманул меня жалованьем, да не отдал. Обманул совсем. Проманул меня до поста. Сманул с места. Заманул к себе. Переманул от NN, выманул у нас, взманул его, подманул, отманул.

116) Малоумен, глуп, дурковат. Дурашен, несмышлен, простоват.

117) Щипком дерется.

118) Достоканец вина.

ПОСЛОВИЦЫ, ПОВЕРЬЯ

1) Всяк живот смерти боится.

2) За сердце щепка влезла.

3) У татарина 2 коня, 3-я душа.

4) По пояс в грязи, а кричит - не брызжи.

5) Чужой чужим и пахнет.

6) Припывная колода.

7) Сам господь по земле ходил и то нами не гребовал.

8) Обрящи бог виноватого, справь невинного.

9) Замуж взять, прости господи, не из-за задницы одной.

10) Дите без каши ни на час.

11) Идучи за солому цепляется.

12) Мятый лапоть из мятого лыка (пропускает сквозь колодочку) - как уха.

13) Оба (сына) детища равны.

14) Ухватка держит.

15) Суши кости останутся - чахотка.

16) В запас не берем.

17) дай бог водить, не дай бог за ней ходить.

18) Не все поповым ребятам Митрева суббота.

19) Думка за горами, смерть за плечами.

20) Ночная кукушка (жена) денную перекукует.

21) Не стало у меня родимой матушки. На кого ты меня с сиротами оставила? Заставила век кукушкой куковать. Выйду на задворочек Нет моей родимой матушки.

22) лаптем шти хлебать.

23) Пес на свою блевотину ворочается.

24) Как свеча богу на жертву

25) Мучьтесь за Христа хорошенько. Не оглядывайтесь назад. Не тужите о безделицах мира сего. Побоярил (поцарствовал), надо попасть и в небесное боярство (царство).

26) Одинаково над тобой и мною распростерто небо, одинаково и тебе и мне вся тварь служит, тебе ни больше и мне ни меньше.

- 27) честь (добро) (счастье) перелетает.
 - 28) Третины, девятины, полусорочины, сорочины.
 - 29) Похвальное слово – пагуба.
 - 30) Одна свеча другие зажжет, а сама в своем свете не умалится.
 - 31) Не говори правды, не теряй дружбы.
 - 32) Запальный порох выходит от заговора.
 - 33) Сам заработаю, сам и пропью. Не твои холсты или паневу.
 - 34) Сядешь ужинать, руки ко рту не донесешь, так закостенеют.
 - 35) Проварили бабу. Лицом к ставцу поставили.
 - 35) Не малина, не опанет.
 - 36) Бог по душу сослал.
 - 37) Поклониться – голова не отвалится.
 - 38) Добудешь так, что и домой не будешь.
 - 39) Палачи отрошники – отца матери отреклись – кого хочешь брать будут.
 - 40) Дитятко – сестрица – кумушка милая.
 - 41) Чем тебя бог известит.
 - 42) Судом божьим осталась сиротою.
 - 43) Вешника шерсть: волосень на паневы, выволочка на сукно – кафтан.
 - 44) Не у браги увечья добыл, ни с печи убился.
 - 45) Подле казани, где пьяных вязали, 8 полтей тараканьих да 7 стягов комарьих, 40 кадушек соленых лягушек, 40 шестов собачьих хвостов.
 - 46) Передом сечет, задом волочет.
 - 47) Шуба соболья да шуба сомовья.
 - 48) Кот, да кошка, да поп Тимошка.
 - 49) У мужей к женам сердце отнимает. На соль и на мыло наговаривает. Сжигает ворот рубахи и пепел в след сыплет.
 - 50) Мыло сколь борзо смоеется, и какова рубаха на теле бела, таков и муж был бы светел.
 - 51) Жабу во рту уговаривает. Горшки наметывает на брюхо. Кто болит, оmyвает. Ангел-хранитель, утиши в младенце боль.
 - 52) У кого товар заляжет, велит наговорным медом умываться. А наговаривает на мед: как пчелы ярые роятся да осегаются – так купцы скорые. Сколь скоро плотно мыло прильнет, столь бы муж прилюбил. На чеснок, на вино, на уксус. Утиши сам Христос, Увар христов мученик, Иван-креститель, Тихон святой. На кого наклеплет, она глянет на сердце, узнает. Как старой женке детей не рожать, так и грыжи не было. На медвежий ноготь, на громовую стрелу. Сучит свечи с волосами и жжет.
- Посыкнулись сваты.
- Обезлошаделся.

В дуростях спускаться.

Мне за сердце щепы влезла.

Живот радуется.

Собачуга и на руку ерзок стал.

Мать [?] я скажу, у меня язык помягче.

С покрепочкой жил Петр.

Чужой чужим и пахнет.

Приплывная колода.

Как я посягну на такое дело?

Не гребую. Милый старик.

Душу отвести чайком.

Кровинки нет, урежь кровь.

Не пойду. Оплошка. Ахраян. Озорник. Никак не обротаешь.

Улучи времячко. Лаает матерно, дом упадает. К дому не рачит.

Идучи, за солому цепляет.

Я один примечаю, на тебя припека нет.

Плоть играет. Мягкий лапоть, как уха.

В уме зашелся. Для опаски посижу.

После сорочин. Бахарь известный.

Сунуть, волоочь, метать, переть, драть, смолить. От убоя. Ты не щити ее.

С глушинкой. Устрая девчонка.

Бескишочный. В косы увяз руками. Прохладная жесточь.

Блюдись его греха. Засыпка была. Принеси вину.

В ворота рубахи пепла насигает.

Какова рубаха на теле бела, так бы и муж был светел.

Она тянет – узнает. Малоумна, малогласна. Сучит свечу с волосами. Тоскует перед смертью.

Дурна.

Пора дурости оставить.

Пристигла. Ума выступил.

Об жену цепинку сломал.

Как ветошка стал.

Его куры загребут.

Костыляет – лукавит. Всё из купли. Разметку сделаю.

Шаркну рогачом.

Лаком до женского полу.

Порок наносишь. От лени окоростелись. Оболгали.

Разве житье у меня? Животина скорбит.

Широк ты здесь. А это разделит по себе.

Оглашенство. Изыскная химия.

Перемогнись еще мол [?]

Понаровки не делай. Дощупался правды.

Напорно спроси. С прижимкой.

Распалился. Кости мои не дергай.

Гладеха. До осела догоняют.

Стоит на руках помереть.

Мотыга. Не залетай.

Пузырил, пузырил.

Заведешь мысль, ровно слышишь.

Поважковатей стала пазуха.

Широко – ветер ходит. Как литая.

Донюшка – дочь. Валяешь глазами.

В питье не запью, в еде не заем, во сне не засплю.

Ясotka моя.

Человек во плоти живет. Не ухватиста как-то.

Кривье. Живот замирает. Крыльями лезет.

Красик. Жируха.

Притомяна [?]

Мысленный глазок. Оморок надить. Живомужняя вдова.

Леща дам.

Очеретнел.

Терта, перетерта, куда ни пошли.

Из потрясучего кобеля не идет.

Чистяк. Красик. Исключим.

Прокудит.

Он бусор такой.

Ключил меня.

Переплакать.

В сухую щепку засушить.

Живот не надышу.

Под время. Красотничает мачеха.

Посылка была.

Обмерк на пути. Лопастый тебя задави. Светик.

Голубка моя белая.

Лядваги-то порастрясешь.

Вздивячится в нем бес.

Надо мной за посмех делает.

Засухотил, зачиврел.

Изукладил его [1 неразобр.]. Зацепила.

Какая есть. Располохну весь дом. [1 неразобр.]

Ее любит, жалкует. от бою и собака бежит.

Нукася вопрутся. Языка терзать не буду.

Лытки [1 неразобр.]. Немой затылок стал. Стебанул.

Не два века жить будем.

Оглушить. Подыскивать.

В версту подбирает. Забыл бы затевать.

В любовь пришла тебе, и люби [?] Запсинел.

Неразволочная.

Не ухвалится. Всю... измызгала. Остробучился.

В животе буравцом вертит.

На сердце огнем жжет.

Что мечешься, через голову?

Сестрицы милые. За беду стал.

Раздробил подробно. Бог на себя прибрал. В лутошку... сошлась.

Теперь расправилась. Поело [?] лежит. Пыху сбавит.

С избы крышу роет. Загвоздит память. Дери вас горой.

Ноги соплетаются.

Такая часина. Бог наречет.

Сноп не перекотишь.

Висяга бытущая.

1879 г.

1) избы новгородские крыли встарь колонным тесом.

2) в бревне 20 аршин, не знать, где комель, где макуша.

- 3) Язык-то у меня в молодые годы помягче был. Теперь груб стал.
- 4) Овес закис в земле, не пыхнул.
- 5) Денег кубическая сажень.
- 6) Овес косматый.
- 7) Кровь под скамью льет, пока не свалится.
- 8) Лопаточка у нас скована была железная - людей бить.
- 9) Соредняя упряжка жизни 1-я упряжка до женитьбы, 2-я до внуков, 3-я до смерти.
- 10) Чернозем облепит, ног не выволочешь.
- 11) Стрельбы две или три от дома.
- 12) Как кнутом стегануть - прямо.
- 13) Его пехота на горе, как мураши, высыпали.
- 14) Цвета: 1) алый, 2) красный, 3) червленьый, 4) малиновый, 5) брусничный, 6) вишневый, 7) голубой (голубь), 8) лазоревый, 9) дымчатый, 10) карий, 11) бурый, 12) желтый, 13) песочный, 14) рудо-желтый, 15) зеленый, 16) крапивный, 17) осиновый, 18) янтарный (пшеничный), 19) стальной, 20) серый, 21) яичный, 22) (льняной) железный.
- 15) Белье держали в кипарисном сундуке (коробе).
- 16) Гребень (расческа) прорезной.
- 17) Эпитеты.
Бело тело, белы груди, руки.
Мать сыра земля.
Ясны очи. Красно солнце. Сине море. Белый камень. Ярый воск, ярая пчела. Серый заяц, волк. Черный ворон. Ясный сокол. Шелкова трава. Буйная голова. Могучи плечи. Сироты горьки; крутые. Родимые матушка, батюшка [1 неразобр.]. Святая милостыня. Смерть, рожь, земля - матушка.
- 18) Мать твоя его любила.
- 19) А ты знай дядю своего, Оску палача, орлений кнут да липовую плаху.
- 20) Час, другой полежит, встанет, поклонов отбросает и сядет.
- 21) Никона блевотину подлизывает. Как пес на свою блевотину ворочается.
- 22) Некого четками постегать. Не на кого поглядеть, как на лошадке поедет, некого по головке погладить. Нет миленького сударика. В последний поглядел на него, как причастил.
- 23) Пишут Спасов образ; лицо одутловатое, волосы кудрявые, уста червленые, руки, мышцы, бедра толстые, как немчин.
- 24) Как свинью на убой кормит.
- 25) Развяжи меня. Развязал бы мне руки.
- 26) Широко ты здесь.
- 27) Раки перешепчутся - поснут.
- 28) Рыба иссиделась в садках, досиделась, осиделась.

- 29) Запалом порох выходит.
- 30) О жену цепинку сломал.
- 31) Как ветошка стал. Париться пошел, так кости торчат, промеж ребер палец пройдет.
- 32) Куры загребут.
- 33) Как ты огруз, уж не покидать ли нас хочешь.
- 34) Куль в 9 пудов на плечи вздымал.
- 35) Полуименем не назовет, а по имени да по отчеству.
- 36) В косы увяз руками, насили отняла.
- 37) В чем душа велась.
- 38) С мужем не жила, свежая ходила.
- 39) Размахается, расшатается, до ночи не дойдет, упанет, и я за ним.
- 40) Два года нога прела. Только полынь завел.
- 41) Сосцы голые, на головах нет ничего – простоволосая.
- 42) Тоскованья перед смертью не было.

Дневник – 1881

81. 17 апреля. [Ясная Поляна.] Разговор с Сережей о непротивлении злу.

Странник Полтавской губ., родом из Тобольской. Высокий, длинноволосый, красивый старик. Все с ним есть: ножик, ножницы, крючки, иглы, чай березовый, кирпичный. Рассказы о том, как ходил с мелким товаром. По 6 пудов 100 верст носил. 16 душ похоронил. Секли за сына, 60 розог. Ему 62 года. До 57 лет можно сечь. В конторе по 3 р. за розгу, в деревне по 5. Правды нет. Каторжным в сенях молоко, пирог, харч. Зимой в баню.

18 апреля. Уничтожить университеты, т. е. все свежее, правдивое и образованное.

Собаки заели овцу. Одна издохла, ягнята пали. Эту заели – плачет.

Константина родила жена девчонку. Крестить в церкви дешевле. Дьякона не поить. Об богоносах. В грязь вымазался. Смешлив, держится и фыркает. Кормил скотину, в Кочки набирает, доволен. Хлеб дошел. Не тужу. Лошадь дали, доволен, счастлив.

Александр Козлов. В Самару ехать. Главное дело полегче работу. Дома еще ничего, а в людях поневоле трудно. Мать соборовали. Похороны вперед рассчитывает на 8 р.

Матвей Егоров. Как заговорит о сыне, плачет. Внучек похужал. Кто хорош? Кто мил? Кто хозяин? И перестал говорить я. Сноха сбивает второго сына. Я в кухарках, ты в кучерах.

Щекинский мужик. Чахотка. Чох с кровью, пот. Уже 20 лет кровь бросает. Гречиху косил, тянулся за мужиками. Родники. Рубаха мокрая. Пьет, что из носу потечет.

Над женой подшучено. Порчь. Кричит. Облокотами на печку, зимой. Сестре надо пахать. Пашу, борозд 5 пройду, отдыхаю. Кошу. Кабы бог прибрал, и к стороне.

А не верит, что умрет.

Егора безрукого сноха. Приходила на лошадь просить. Ваша рука легкая. Старшина 20 к., лавочник солонины дал.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

После обеда Онисим. В мешочке борода. Что делать? Простить? Как вы скажете. Ссора вышла из-за воды. Иван прорыл канаву, спуskal на двор к Онисиму. Потом в сарай пустил. Яшуткин малый внук стал перечить. Лопату сломал. Старик вышел: "Тебя-то мне и надо". Скудо болит, всю неделю хлеба не ел.

19 апреля. Приходили бабуринские - на подати, - у меня нет денег, отказал.

Два странника - солдаты.

Все пропашие люди - солдаты или калеки.

Щекинский мужик, жестокий, робкий, откровенный, низенький, просил денег отказал.

Бабуринский мужик с мальчиком. Пьяный мужик затесывал вязок, разрубил нос. Лечили в больнице 22 дня, залежал 5 р. 50 к. Не мог отдать. "Пойдем в полицейское управление". Пошел, ввели в комнату, заперли: "Когда принесешь, тогда выпустим". Хлебушка оставил. Саламасовский Никита, просил вообще на бедность, дал 3 р.

20 [апреля]. Смоленский солдат. Два тульских солдата. Щекинский и дальний.

Иван Емельянов щекинский на лошадь, очень беден. Избу купил.

Синявинский мужик по подозрению в воровстве пшеницы сидел в остроге, дожидаясь суда 4 месяца. Просил на овес. Отец с сыном украли пшеницы 17 мер (за неустойку камня), посажены еще на 6 месяцев.

Мальчик колпенский, 12 лет. Старший, меньшим 9 и 6. Отец и мать умерли. Бабушка ходила, хлебы ставила. Теперь хлеб доели. Дядя взял землю. Старшина говорит: куда-нибудь вас пристроим. Богородицкого уезда - солдат с сыном.

22 апреля. Из Бабурина мужик, отдал сына в больницу от глаз. Просил 20 к.

Солдат из Щекина в лихорадке. Мальчик. Богоявленского исключили из университета. Харинский - лошадь - 9 рублей, 5 душ кормит. Погорелый Иван Колчанов. Головенский - лошадь. Солдат Черниговской губернии.

23 апреля. Ходил на деревню. Лохмачена недуг портит, как иголками. Баба кроет с Дмитрием Макарычем и Иваном. Никто не пошел. "По своей бедности, знаю". В кабаке солдат просит милостыню. Василий вынес пол-ломтя. "Никто не покушает".

У Матвея Егорова попы в избе. На задворках у ворот воют в шесть голосов. Хозяин мальчик сидит на нарах. Ситники на сдвинутых, накрытых столах.

Сергей: "Поспели к жатве - волосы седые".

Солдат Козлов просит места на заводе: хлуд обрстет - оборыш обрстет. Снял шапку, не сговоришь.

Баба из Судакова. Погорели. Выскочила, как была. Сын в огонь лезет. Мне все одно пропадать. Лошади нет. Лошадь взяли судейские. За то, что он вел чужую.

Мужик крыльцовский. Маленький, жалкий. Издохла лошадь. Не дал.

Осип Наумыч. Урядник велел вынести пчел из огорода, а они облетались. У Карпа тоже.

Три солдата - просили милостыню. [...]

25 [апреля]. Вчера разговоры с Сережей и Урусовым. Нынче нищая казначеевская, пьяная. Грумантская вдова. Мальчик будет пахать. Лошадь просила. Не дал.

Головенский кривой старик, скатан кафтан через плечо. На лошадь 7 р. Плачет. Не обижать людей, бога помнить. Понял. Помилуй, господи.

Константин прислал записку с девочкой. Крепко уморился, пахал, нет куска хлеба. Дети дали. Три странницы.

26 апреля. Мясоедовская женщина, маленькая. Издалека стала на колени, "ручку". Тотчас же ушла.

Щекинская баба старуха. За двумя мужьями была. Все примерли. Ходит, побирается. Шутит. "Вот я стара, уж меня не откормишь".

Побирушка пьяная – дворянка с дочерью.

Городенский чахоточный с сыном, шел целый день до меня.

Посеять овсяную десятину. На коленях елозал. От декогу справил.

Щекинский шальной, о мельнице, "скажем" – не понял, что нужно.

Прошение крыльцовской бабы о вырубке солдата из службы.

27 апреля. Вологодский юноша, больной, с образками и просвиркой. Предлагает купить.

Солдат тверской, новоторжский, слышал про Шевалино, что народ милостивый. Старуха оборванная, одоевская. Старуха мясоедовская.

Вчера Маша сама дала 20 к., никто не видел.

Без меня погорелый – жена сгорела. Старуха колпенская. Я укорил, у сына восемь человек детей, хлеба нет. Заплакала.

Ходил на Деготну. На кладбище старик солдат оправлял могилку старухи. Вот год ходит, ищет пособия. "Не смотрели бы мои глаза, как в деревню входить". Святую ходил с образами. Ночевали. Старухи всю ночь богу молятся, свечи горят. – Как секли Пармена. Крал деньги, ситника и пива покупать в кабаке. – Ходит год – ищет пособия. Свидетельство дали, но на шесть лет ошиблись в годах. "Не я один, много ходят". Один бросил, другой помер нынче зимой, ходючи.

28 апреля. Судаковский погорелый, здоровый, умный мужик.

Щекинская больная с девочкой три дня шла до меня (3x1/2)

Городенский Карп Пузанов, маленький, худой. У Гиля работал, тяжело стало. Ходы дальние. Лошади нет, Семенов нету.

Старуха переволокская. Сын помер. Двоюродный племянник согнал. Ходит, побирается. Была богата.

Пять странников. Потерял билет.

Соловьев удавился оттого, что много долгов. Набожный старик. Когда Базунов оставил ему наследство, ему завидовали. Кого он убегал? Что поправлял?

Газета, в Тунисе – беременным не выпускать кишки.

29 апреля. 15-летний мальчик бьет камень. Школа Петра Васильевича. Маленький Хохлов читает и рассказывает. Вдова Якова Матвеева. Марка 60 к.

Два семирновских мужика просить денег на посев. Один сладко улыбающийся, другой – новый, бледный, дикий – как волк. Дмитрий Федорович на крестины – 3 р. [...]

6 мая. Старик рудаковский. Улыбающиеся глаза и беззубый, милый рот. Поговорили о богатстве. Недаром пословица – деньги – ад. Ходил спаситель с учениками. "Идите по дороге, придут кресты, налево не ходите – там ад". Посмотрим, какой ад. Пошли. Куча золота лежит. "Вот сказал – ад, а мы нашли клад". На себе не унесешь. Пошли добывать подводу. Разошлись и думают: делить надо. Один нож отточил, другой пышку с ядом спек. Сошлись, один пырнул ножом, убил, у него пышка выскочила – он съел. Оба пропали. [...]

8 мая. Погорелая женщина, мещанка, с ребенком, "мальчик сгорел, муж обгорел". Певчим голосом – причитает, чисто одета, босиком. С лица чиста. [...]

9 мая. Рабочие-новосильцы 28 человек. Пришли выпить, поют песню. Подрядчик нанял постом. Из 700 дворов 100 едят свой хлеб. Земли 1/2 десятины на душу. Грамотных два. [...]

11 мая. Две бабы. Одна солдатка. Деменская, другая пировская - острожная вдова. Молодая, тусклая, нечистая солдатка. Осталась одна с ребенком, потому что некого кормить. Золовка с ребенком. Муж плачет в остроге. [...]

12 мая. Два солдата. Женщина из Переволоков. Ищет наследство по муже. Другая из Кучина, вдова в синем, нечистая, плачет, две девочки, сын незаконный землю отняли. Сын нигде не приписан.

Щецинская вдова с двумя детьми, жалкая, оборванная, мутноглазая. Мальчик, подслеповатый, косовский. Он женат, был в работниках, сошел. Отец выпивал и побирался. Как запомнит, не было скотины. Мать померла на пасху (5 р. стало), отец плел плетень, закололо в боку, на пятый день, вчера, помер. Ничего нет, нечем похоронить.

Был в Туле. В остроге второй месяц сидят 16 человек калужских мужиков за бесписьменность. Их бы надо переслать в Калугу и по местам. Второй месяц не посылают под предлогом, что в калужском замке завозно. [...]

15 мая. Вчера Сухотин и Свечин, Сухотин засох. Свечин еще жив. Поехали в Тулу. Шатилов доказывает несправедливость мужиков, судьи и всех. Он при освобождении оттянул у мужиков 120 десятин. Отдавал их по 4 р. с тем, чтобы они выкупали подворно, - обиделся на них после 20 лет и дал другим. Они ночью вспахали. Взрыв в Туле, солдаты ходят, патронами играют, дети. Острог. Пашет один весело. Смотритель на своей земле. Партию готовят. Бритые в кандалах.

Воробьевский муж распутной жены. Старик 67 лет, злобно, "за поджог", больной, чуть живой. Хромой мальчик. За бесписьменность 114 человек. "Костюм плох, и высылают". Есть по три месяца. Есть развращенные, есть простые, милые. Старик слабый вышел из больницы. Огромная вошь на щеке. Ссылаемые обществами. Ни в чем не судимы, два - ссылаются. Один по жалобе жены - на 1500 руб. именья. Маленьким был в сумасшедшем доме, кривой, в припадках. При нас упал и стал биться. Высокий солдат сидит шестой год. Год судился, 1 1/2 года присужден, 1 год 3 месяца набавка за то, что сказался мастеровым. Общество отказалось, и с тех пор ожидает партии 2 года. Каторжных двое за драку, не убийство. "Ни за что пропадаем", плачет. Доброе лицо.

Вонь ужасная.

На возвратном пути старушка беззубая. У нее тринка да у меня. Я говорю: и у меня. Она: вам и надо много. А наше дело привычное - к бедности.

Вечером Писарев и Самарин. Самарин с улыбочкой: надо их вешать. Хотел смолчать и не знать его, хотел вытолкать в шею. Высказал. Государство. "Да мне все равно, в какие игрушки вы играете, только чтобы из-за игры зла не было". [...]

16 мая. Костюшкина жена пришла, ела один щавель, брюхо болит. Головеньский старик погорелый. 20 дворов сгорело. 2-й раз в 2 года.

Городенская Михайловна. Гиль [?] дал 4 четверти ржи, 4 овса, 2 десятины убрать и 30 дней - росту. "Вяжутся женихи". "Льготно".

Иван Иванович Рычагов. Боцманмант. 76 лет. Просят ведро вина мир, чтобы дать приговор. "Одному так-то дали, а он не поставил. Дай вперед".

Мещанин 67 лет, трясется от холода.

Почетный гражданин в пальто, с мешочком.

Григорий Болхин. Парень в острог ездит. В 24-й камере сидит Костомаров солдат. Обещал лошадь показать. "Заушил" лошадь.

Никифор Печников телятинский просил на иструб.

17 мая. Бабы городенские о переселении. Федотова жена о корове.

Солдатка из Воробьевки. Сынишка в поносе кровавом. Молока нет. Хлеб и квас.
Мужик глухой, жалкий из Головенки, погорелый.

18 мая. Чурюкина старуха, приемыш. Слезы каплют на пыль.

Александр Петрович. У Дмитрия Федоровича пища. "Не пышный стол".

Вечером у Василия Ивановича. Маликов и Соколов. Разговор с Соколовым. Он хотел бы, чтобы на земле было царство небесное. Горячий, честный малый. Домой пришел. Утром Сережа вывел меня из себя, и Соня напала непонятно и жестоко. Сережа говорит: учение Христа все известно, но трудно. Я говорю: нельзя сказать "трудно" бежать из горящей комнаты в единственную дверь. "Трудно".

Вечером рассказал, что Маликов делает больше для правительства, чем округ жандармов. С пеной у рта начали ругать Маликова – подлыми приемами, я замолчал. Начали разговор. Вешать – надо, сечь – надо, бить по зубам без свидетелей и слабых – надо, народ как бы не взбунтовался – страшно. Но жидов бить – не худо. Потом вперемешку разговор о блюде – с удовольствием.

Кто-нибудь сумасшедший – они или я. [...]

21 мая. Два головенские погорелые. У одного брат больной, вынесли, помер на другой день. Телятинская, большак сын попался в четвертый раз. Отнял мешки у знакомого мужика. Хоть бы сослали его с женой. У ней сын 15 лет незаконный. Странник-писец в синем, рыжий, беззубый. Кормится. Мужик из Иконок пьяненький. Нажил по откупам 30 десятин. Не хочу греха таить. Николаю помогал.

Спор – Таня, Сережа, Иван Михайлович: "Добро условно". То есть нет добра. Одни инстинкты.

22 мая. Продолжение разговора об условности добра. Добро, про которое я говорю, есть то, которое считает хорошим для себя и для всех.

Григорий Болхин, оборванная немецкая поддевка. Руки отваливаются от работы. Хлеба нет. Картошек нет. Девять душ семьи. Десять лет бьюсь хлебом. Пудов 90 купляю. Исполу посеял овес. Колеса не возвращают, все забывает становой. Статистические сведения.

Баба из Скуратова. Муж за порубку четыре месяца в остроге. Четверо детей ни хлеба, ни картофеля.

(Вчера) подвез пьяненький бывший старшина, моложавый мужик, умный, гребенщик. Едут с ярманки. Гордится своим баринком и знанием порядков.

Вдова с Груманта просила лошади посеять огород. Картошек нет.

23 мая. Монах-шатун. Александр Копылов – хворосту. Крестник шестипалый слег. Пошел гулять. На пашне – бороны, хомуты, у края спят ничком мужик и мальчик. Собака черная в кусте. На дороге крыльцовская баба идет в Тулу "хлеба нет, сын обещал сбиться на пудик мучицы". Рассказ о Сергее телятинском, как он ехал телега на телеге, встретил мужика пьяного с мукой, завернул лошадь, вынул мешки и потянул кафтан, разбудил. Тот проснулся, замахнулся напарником и скребанул по телеге – метку сделал. По телеге на телеге и метке и мешки нашли.

На мосту, бритый, в усах, рыжий, красный солдат. "Откуда?" – "Из Федоровки". – "Куда?" – "Камень бить". – "какой волости?" – "Федоровской". "Такой нет. Ты в беде?" – "в большой беде". Не доверял, потом сел со мной. Был унтер-офицер в карауле. Солдаты были в Плоцке, подкопали дверь, ушли. Судили и отдали в Мценск под присмотр полиции. Идет повидаться с родными. Они дадут билет на проход назад. Здесь десятник спросит, я скажу есть. Мало говорил, жалко. Но очень радостно. Человек – больше, чем Самарин. [...]

25 мая. Зять Михайловны, сапожник. Глаза болят. Лошади нет, а взялся работать у Гиля. Таких три.

Лапотковская баба с теткой. Нельзя ли спасти? Платье сняли с мужика и оставили у

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
станового, тот отдал пострадавшему. Не могут добиться толку. Послал к Ушакову.

Пошел гулять. На горке сидят бабы, старики и ребята с лопатами. Человек 100. Выгнали чинить дорогу. Молодой мужик с бородой бурой с рыжиной, как ордынская овца. На мой вопрос: Зачем? "нельзя, начальству повиноваться надо. Нынче не праздник. И так бога забыли, в церковь не ходят". Враждебно. И два принципа - начальству повиноваться, в церковь ходить. И он страшен.

Мостовский молодой мужик, отец отпихнул без раздела, остался с средним братом.

27 мая. Щекинский просил на лошадь. Улыбка зубастая. "Сказывали, что в мае выдавать будут". Продал корову, купил лошадь.

Телятинская Елисеева, плачет, просит хворосту. Сын в Крапивне в замке.

Вахтер просится в Самару. Смотритель не выдает деньги вахтерам. Не держит комплекта, ему остаются деньги. Держит свиней. Огород.

Христинья поправила руку Урусову.

Статья К. Аксакова. Земля, сироты и государство - правительство. Земля отдает власть - Рюрик. Можно сказать, что этого желает народ. Но если этого желает, то и не делает величия государства и отдаст также охотно туркам. Правительство-то кто такие? Нехристи. И как отделить правителей от земцев ноздри рвать?

В Старой Колпне на пожаре старуха бросилась за холстами в чулан, но попала в чулан и сгорела. Вытащили после.

28 мая. Мужик из Спасского посоветоваться о брате. Целый день фет.

29 мая. Дочь молочной сестры, умильная, маленькая. Ни хлеба, ни избы.

[...] Разговор с фетом и женой. Христианское учение неисполнимо. Так оно глупости? Нет, но неисполнимо. Да вы пробовали ли исполнять? Нет, но неисполнимо. [...]

31 мая. Мать лапотковского, что в Сибирь ссылают. Плачет. Малый хорош. То жалко. Если сошлют, куда же нам идти.

Разговор с Таней о Василии Ивановиче. Мирские не понимают божиих. Нравственность будущей жизни Лизы и безнравственность жизни Тани.

3 июня. Кучер Хомякова, отец, сын и мать. Идут в Москву. Две погорелые старухи, головенские (коротко подоткнуты). Бибиков с Сережей и Кривцовым едут к царю с иконой в 700 р. Сережа читал дело о земле. Надо выписать. "Слушали, признав: земле - справка; приказали".

Ходил гулять, беседа с Иваном Андреичем.

4 июня. Солдат в поддевке с медалями, кривой, просит дочь выдать замуж. В ноги.

Анисья Морозова - лошадь обезножела.

Жаров. Злой, нахрапом лезет.

Дмитрий Федорович. Ошибся: Зорину. Тоже нет хлеба.

И у самого нет хлеба.

Мостовский остаток человека - старик, получил приговор о бедности. Идет в Крапивну. Александр Петрович написал ему прошение.

5 июня. Вчера уныл и гадок я был. Злился на Жарова и Одоевского.

Баба городенская. Муж больной. Она вышла за вдовца первого. От того два мальчика. Потом за другого. Пасынок отделился. Сына записали. Кормится кусочками и сама по миру ходит. Желтая, запухшая. Сбилась совсем.

8 [июня]. Кочетков из острога просит о том, что его переводят в полуроту Архангельской губернии.

Копылова мать. Давно уже не пекли хлеба. Кусочки не продают.

Из Бабурина на деревяшке, лугов просил.

Странник, разбитый параличом, еле говорит. Тамбовский, рассказывает, сколько раз причащался.

Две погорелые бабы из Головенок. Одна с ребенком.

Ходил гулять. Плотники одоевские. Рассказ о переселении из имения Красовского Бабошино. Не хотели брать по 60 р. на двор. Согнали с четырех волостей 700 мужиков с топорами, ломами, вилами, велели ломать. "Грех". - "Что же делать, велят. Не станешь, прибьют". - "Пускай прибьют, на них, а не на тебе грех будет. Бог велел терпеть". - "Оно так. Я, положим, не ломал". Расставили по слободам, принялись - ломать. Кто крышу роет, стропила. Косяки, окна косят. Печи ломают. Мужики, человек сорок, ушли на гору, смотрят. Старшина сам перевез. Другие, как начали ломать, сами взялись, чтобы не дуром ломали. В одном доме баба только в ночь родила, да еще двойню. Оставили дом. Начальство было: 1) член, 2) исправник, 3) становой, 4) урядники. Пуще всех урядники, так и спуют - ломай. И старшины.

9 июня. Вчера встретил мужика молодого новосильского из острога за подгребание муки. Пухлый, сладострастный, с красными пятнами, вшивый. Просидел три месяца. Расслаб.

Константин - хлеба нет. Картофель посадил. Дочь прислал.

Дворовый с женой, противный. Дурачок из Пирова. Жену ищет.

Из Щекина погорелый солдат с дочерью.

17 июня. [В дороге.] Деревни Кучинки Чернопятовой. Анна Максимова мальчик Алексей Макаров. Хозяин избил и оклеветал в покраже меди и железа. [...]

22 июня. Соня сердится, я снес легко. Урусов мил. Разговор о том, что книга действует, потому что это один чистый дух.

"Отечественные записки". Статьи о сектантах. Шалопуты и странники.

23 июня. Михайловна городенская плачет, вспоминая, как она призрела детей. Мужик рыжий, вдовый. Старшая девочка 15-й год. Проработает два дня, принесет ковригу хлеба. Отец бросил. Дети одни. Девочке 9, мальчику 7-й. Михайловнин сын возил навоз, привез мальчишку, четыре дня не ел. Дала хлебца, теста, уж он отощал, не ест, сердечный. Сестренка взяла на руки, и он спит. Научили походить по деревне. [...]

25 июня. Десять человек странников. Старик 68 лет, слепой, со старухой. Высокий, тонкий, живой. Похож на слепого Болхина. Жалуется на мужиков - отняли землю, дом (чтобы похоронить его) и долю в проданном лесе. Рассказы про хохлов. От деревни до деревни 40, 30 и 20 верст обыкновенно. Через улицу кричат. Заходи ночевать. Напоят, накормят и постелят. И на дорогу дадут. Продавать кусочки некому. Наши набрали слепые, да раздвинули коноплю и бросили. У нас нищеты страсть. Некому подавать. Я не продаю - сирот кормлю, не в похвалу сказать. Даром отдавать - жалко. Продай. Не продаю, вчера не ели, и нынче дело к ужину. Плачет. Давай безмен! Денег не взял. Рассказ про хохла. Узнал, что я темный, снял Пантелеймона. На колени, сам плачет. Целуй в глаза.

Два из Сибири. Один слесарем был, тяпнул. Идет откапывать деньги. Другой у купца 16 лет выжил по 100 р. на год.

Кузминский удивлен, что не одобряют Муравьева. "Он делал это по убеждению". Он грабит на дороге по убеждению.

[27 июня.] 26, 27. Очень много бедного народа. Я больнешенек. Не спал и не ел сухого шесть суток. Старался чувствовать себя счастливым. Трудно, но можно.

Познал движение к этому.

[28 июня.] 28. С Сережей разговор, продолжение вчерашнего о божестве. Он и они думают, что сказать: я не знаю этого, это нельзя доказать, это мне не нужно, что это признак ума и образования. Тогда как это-то признак невежества. "Я не знаю никаких планет, ни оси, на которой вертится земля, ни эклиптик каких-то непонятных, и не хочу это брать на веру, а вижу, ходит солнце и звезды как-то ходят". Да ведь доказать вращение земли и путь ее, и мутацию, и предвращение равноденствий очень трудно, и остается еще много неясного и, главное, трудно вообразимого, но преимущество то, что все сведено к единству. Так же в области нравственной и духовной – свести к единству вопросы: что делать, что знать, чего надеяться? Над сведением их к единству бьется все человечество. И вдруг разъединить все, сведенное к единству, представляется людям заслугой, которой они хвастают. – Кто виноват? – Учим их старательно обрядам и закону божию, зная вперед, что это не выдержит зрелости, и учим множеству знаний, ничем не связанных. И остаются все без единства, с разрозненными знаниями и думают, что это приобретение.

Сережа признал, что он любит плотскую жизнь и верит в нее. Я рад ясной постановке вопроса.

Пошел к Константину. Он неделю болен, бок, кашель. Теперь разлилась желчь. Курносенков был в желчи. Кондратий умер желчью. Бедняки умирают желчью! "От скуки" умирают.

У бабы грудница есть, три девочки есть, а хлеба нет. В 4-м часу еще не ели. Девочки пошли за ягодами, поели. Печь топлена, чтоб не пусто было и грудная не икала. Константин повез последнюю овцу.

Дома ждет городенский косоый больной мужик. Его довез сосед. Стоит на прищепке.

У нас обед огромный с шампанским. Тани наряжены. Пояса пятирублевые на всех детях. Обедают, а уже телега едет на пикник промежду мужицких телег, везущих измученный работой народ. [...]

29 июня. Старичок, кроткий, зажиточный (плачет сейчас), просит строиться. Вперед готов заплатить штраф мировому. Странники. Побирושка из Городны пришла на балкон и легла в ноги в середине двери.

Разговор с Юрьевым, ему не нравится, что землю хотят мужикам, а во всем либерален.

3 июля. Я с болезни не могу справиться. Слабость, лень и грусть. Необходима деятельность, цель – просвещение, исправление и соединение. Просвещение я могу направлять на других. Исправление – на себя. Соединение с просвещенными и исправляющимися. [...]

6 июля. Немец в падучей, голый. Сергей просил ему блузу.

Надежда Константинова пришла с грудницей, страшно жалкая.

Разговор с Кузминским, Василием Ивановичем и Иваном Михайловичем. Революция экономическая не то, что может быть. А не может не быть. Удивительно, что ее нет.

[10 июля. Спасское-лутовиново.] 9, 10 июля. У Тургенева. Милый Полонский, спокойно занятый живописью и писаньем, неосуждающий и – бедный – спокойный. Тургенев боится имени бога, а признает его. Но тоже наивно спокойный, в роскоши и праздности жизни.

Дорогой, в военном кителе старик помещик с бородой. "Переселенье". – "Нет, отобрать землю". – "Опять будет неровно". Дочь помещика: опять переделит. Только и сказала.

11 июля. [Ясная Поляна.] Приехал домой: дворянин белесый, пальто без пуговиц.

Две бабы – солдатки деменские. Одна весело просит на хлеб пяти детям и хворосту.

Соня в припадке. Я перенес лучше, но еще плохо. Надо понимать, что ей дурно, и жалеть, но нельзя не отворачиваться от зла.

С Таней разговор о воспитанье занял до утра. Они не люди. [...]

13 июля. [По дороге в Самарское имение.] Выехали. Жалко Соню. Миташа. Его отдали под суд за то, что он добрый и тщеславный. Сидел с нами в 3-м классе хорошо и пошел в царские вагоны к Николаю Николаевичу младшему.

На всех станциях и в народе волнение – царек едет. Ура кричат.

В Скопине толпа давит. Народ на крышах. То же в Ряжске. [...]

15 июля. Оренбургская дорога. Солдат с артелью идет кирпич бить, 57 лет. Один с женой кормится. До 60 лет добыю, способе получать стану. Как кормиться. Корсунского уезда. За 70 верст пришли, до парохода, проехали до Самары. Старики подбивали идти пеши, чтобы проездные деньги остались. Был спор об 38 копейках. Настаивали, чтобы лишних 30 верст пройти за 38 копеек. [...]

Самарский хутор. Приехали домой.

16 июля. Ходил и ездил смотреть лошадей.

Несносная забота. Праздность. Стыд.

22 [июля]. Мужики антоновские, побыли на четырех десятинах, 220 р. Не сговорились. Молокане. Я читал свое. Горячо слушают. Толкование 6 главы прекрасно. Чудо Хананеянки, беснующаяся, заблудшая. Истиной исцелял. [...]

[8 августа.] Пропустил до 8 августа.

Переселения по маршруту, по указу. Драка с самовольной Ивановкой за покосы, на другую сторону пошли. Убил из ружья. Только хутора молоканские. Кантонные начальники – богачи из башкир и из русских потом.

Приехали, сели на землю в повозках. [...]

13 [августа. По дороге в Ясную Поляну]. Выехал домой. У Власовых молотилка. Зависть племянника к дяде. Начальник станции: "Как на скотном дворе".

14 [августа]. В Самаре. Пругавин. Слезы Василия Ивановича.

15 [августа]. В Моршанске рабочие-татары. Больной. Записка. "Получено сполна – вези, куда им надо". Высадили, двойной платеж.

16 [августа]. В Ряжске: убит машиной. Каждый месяц – человек. Все машины к черту, если человек. (Добрый семьянин и милый Громов.)

17 [августа]. Ясная Поляна. Дома. Инженер делает мне честь в 3-м классе. Старик приказчик Михаила Юрьевича. Артельщик. Узнал Оболенского: они меня отдали, за чужую волость. (Как легко сделать зло.)

Поправил либеральный рассказ о въезде государя в Москву. Менгдены. Полон дом. Лихо за свои гроши. Дрожишь за Таню.

22 [августа]. Тургенев, Самарин. Самарин тронул. Антипатия – дурное воспитание. Тургенев сапсап. Грустно.

Встреча народа на дороге радостная.

23 [августа]. Кузминский говорил. Я редко был так тронут. Он стал другой человек.

[27 августа.] 24, 25, 26, 27. Ничего не помню. Соня в Москве. Покупки. Делать то, что не нужно, – грех. Разбранить человека за портрет государя навыворот и гостиную купить одинаково безумно и ведет к злу.

28 [августа]. Не мог удержаться от грусти, что никто не вспомнил.

29 [августа]. Морозова просит, чтобы отсрочили – дочь выдать, а потом в замок на 2 месяца. Об этом не толкую, а 60 р. Зайцева со свахой приезжали. "Надо пожалеть". "Нет, я мужа утопила: зачем худо делает. Мировой судья добрый, но не знает греха".

30 [августа]. Пытаюсь работать сначала – тяжело. Нездоров.

31 [августа. Пирогово]. В Тулу. Деньги Сереже. Он вечно в том состоянии, в которое я приходил на мгновение в Самаре.

Гагарин наивно высказывает, что он гнет мужика, потому что может.

2 [сентября]. Вернулся из Пирогова. Умереть часто хочется. Работа не забирает.

3 сентября. Ходил на сходку об Александре. Резуновы кричат. Из окна волоком высунулась старшинская бывшая. "Осторожная. Каторжная". Нелюбви много в народе. [...]

1881, 5 октября. [Москва.] Прошел месяц – самый мучительный в моей жизни. Переезд в Москву. Всё устраиваются. Когда же начнут жить? Все не для того, чтобы жить, а для того, что так люди. Несчастные! И нет жизни.

Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманить у них назад награбленное. Мужики на это ловчее. Бабы дома, мужики трут полы и тела в банях, возят извозчиками.

Николай Федорыч – святой. Каморка. Исполнять! Это само собой разумеется. Не хочет жалованья. Нет белья, нет постели.

Соловьев бедный, не разобрав христианство, осудил его и хочет выдумать лучше. Болтовня, болтовня без конца.

Был в Торжке у Сютеева, утешенье.

[1881.] Жить в Ясной. Самарский доход отдать на бедных и школы в Самаре по распоряжению и наблюдению самих плательщиков. Никольский доход (передав землю мужикам) точно так же. Себе, то есть нам с женой и малыши детьми, оставить пока доход Ясной Поляны, от 2-х до 3-х тысяч. (Оставить на время, но с единственным желанием отдать и его весь другим, а самим удовлетворять самим себе, то есть ограничить как можно свои потребности и больше давать, чем брать, к чему и направлять все силы и в чем видеть цель и радость жизни.) Взрослым троим предоставить на волю: брать себе от бедных следующую часть самарских или Никольских денег, или, живя там, содействовать тому, чтобы деньги эти шли на добро, или живя с нами, помогать нам. Меньших воспитывать так, чтобы они привыкли меньше требовать от жизни. Учить их тому, к чему у них охота, но не одним наукам, а наукам и работе. Прислуги держать только столько, сколько нужно, чтобы помочь нам переделать и научить нас и то на время, приучаясь обходиться без них. Жить всем вместе, мужчинам в одной, женщинам и девочкам в другой комнате. Комната, чтоб была библиотека для умственных занятий, и комната рабочая, общая. По баловству нашему и комната отдельная для слабых. Кроме кормления себя и детей и учения, работа, хозяйство, помощь хлебом, лечением, учением. По воскресениям обеды для нищих и бедных и чтение и беседы. Жизнь, пища, одежда все самое простое. Все лишнее: фортепьяно, мебель, экипажи – продать, раздать. Наукой и искусством заниматься только такими, которыми бы можно делиться со всеми. Обращение со всеми, от губернатора до нищего, одинаковое. Цель одна – счастье, свое и семьи – зная, что счастье это в том, чтобы довольствоваться малым и делать добро другим.

ЗАПИСКИ ХРИСТИАНИНА

Знаю, что за это заглавие меня осудят. Одни – большая часть – скажут: пора уж эти глупости оставить. Нынче все понимают, что христианская вера – одна из религий. А все религии – суеверия, то самое зло, которое больше всех мешает развитию человечества. Другие скажут: как христианина? Кто может сказать про себя: я христианин? Настоящий христианин прежде всего смиренен и не дерзает

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
называть себя и печатно объявлять христианином. Пускай судят, я все-таки
выставляю это заглавие. Я не боюсь осуждения в отсталости потому, что не только
не считаю религию суеверием, но напротив, [считаю], что религиозная истина есть
единственная истина, доступная человеку, христианское же учение считаю такой
истиной, которая – хотят или не хотят признавать это люди – лежит в основе всех
людских знаний, и не боюсь осуждения в гордости названия себя христианином,
потому что я понимаю слова: я христианин – иначе, чем они обычно понимаются.

Слова: я христианин – обыкновенно понимаются или так: я крещен, следовательно, я
христианин, или если тот, кто крещен, говорит, я христианин, то слова эти
понимают так, что он как будто говорит то, что он, кроме крещения, чем-то
особенно христианин, и будто хвастается, что он исполнил учение, и
действительно, говорит или бессвязные, или безумно-гордые слова. Но я понимаю
слова: я христианин – иначе. Я был крещен и прожил жизнь язычником и потому не
считаю христианином того, кто крещен, и говоря: я христианин, я не говорю ни то,
что я исполнил учение, ни то, что я лучше других, я говорю только то, что смысл
человеческой жизни есть учение Христа, радость жизни есть стремление к
исполнению этого учения, и потому все, что согласно с учением, мне любезно и
радостно, все, что противно, мне гадко и больно

И я пишу это заглавие, потому что оно вполне выражает смысл моих записок.

Я прожил на свете 52 года и за исключением 14-ти, 15-ти детских, почти
бессознательных, 35 лет я прожил ни христианином, ни магометанином, ни
буддистом, а нигилистом в самом прямом и настоящем значении этого слова, то есть
без всякой веры.

Два года тому назад я стал христианином. И вот с тех пор все, что я слышу, вижу,
испытываю, все представляется мне в таком новом свете, что мне кажется, этот
новый взгляд мой на жизнь, происходящий оттого, что я стал христианином, должен
быть занимателен, а может быть, и поучителен, и потому я пишу эти записки. О
том, как я сделался из нигилиста христианином, я написал длинную книгу. В книге
этой я подробно описал то, как я больше 30 лет прожил, пользуясь всеобщим
уважением, даже похвалами за мои сочинения, совершеннейшим нигилистом. Слово
нигилист у нас принято теперь употреблять в смысле социал-революционера; но я
употребляю его в его настоящем значении – неверия ни во что, кроме мамона. Там,
в этой книге, я описываю, как я таким нигилистом прожил 35 лет, как я написал в
поучение русских людей 11-ть томов сочинений, за которые, кроме всякого рода
восхвалений, получил тысяч полтораста денег, как я убедился, что не только
ничему не могу учить людей, но решительно сам не имею ни малейшего понятия о
том, что я такое, что хорошо, что дурно. И как, убедившись в своем незнании, не
видя из него выхода, я пришел в отчаяние и чуть было не повесился, и как потом
различными мучительными и сложными путями пришел к вере в христианское учение, и
как я понял это учение. Книги этой, как мне говорили, напечатать нельзя. Если я
хочу описывать, как дама одна полюбила одного офицера, это я могу; если я хочу
писать о величии России и воспевать войны, я очень могу; если я хочу доказывать
необходимость народности, православия и самодержавия, я очень и очень могу. Если
хочу доказывать то, что человек есть животное и что, кроме того, что он ощущает,
в жизни ничего нет, я могу; если хочу говорить о духе, начале, основах, об
объекте и субъекте, о синтезе, о силе и материи, и, в особенности, так, чтобы
никто ничего не мог понять, я могу. Но этой книги, в которой я рассказывал, что
я пережил и передумал, я никак не могу и думать печатать в России, как мне
сказал один опытный и умный старый редактор журнала. Он прочел начало моей
книги, ему понравилось. Так как он просил моего сотрудничества, я сказал: "Так
вот, напечатайте". Он поднял руки и воскликнул: "Батюшка! Да за это и журнал мой
сожгут, да и меня с ним". Так я и не печатаю.

Я знаю, что мысль, если она настоящая, не пропадет, и потому книгу я отложил: и
знаю, что если там есть настоящая мысль, то правда со дна моря выплывает; и труд
мой, если в нем правда, не пропадет.

Но пока это будет, мне кажется, что, сообщивши столько дребедени – и боюсь, что
вредной и соблазнительной дребедени, – русским читателям, мне следует сообщить
им и тот мой новый взгляд на мир, который дали мне мои христианские убеждения;
тем более, что взгляд этот, мне кажется по тем беседам, какие мне случалось
вести в эти два, три года, не очень распространен и бесполезен другим.

Записки мои будут именно записки, почти дневник тех событий, которые совершаются
Страница 169

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

в моей уединённой деревенской жизни. Я буду писать только то, что было, ничего не прибавляя и не придумывая, буду писать так, как будто ожидаю, что все, что я пишу, будет проверяться и исследоваться. Время, место, имена, лица – все будет настоящее. Не буду выбирать событий и дней, а буду писать подряд то, что случается, по мере того как я буду успевать записывать.

8 апреля. Это я написал утром, не зная, что я буду писать под этим днем, и вот нынче, 9-го апреля, я описываю то, что было вчера. Вчера я, по обыкновению, после моих занятий в 5-м часу вышел на крыльцо. В 5-м часу те, кому нужно, знают, что я свободен, и ждут меня.

Так было и вчера. Выходя, я увидел мальчика старшего Ларивонова, он сидел на столбике ворот и, очевидно, ждал меня. И еще за дверь кто-то стоял. Видна была тень от палки, на которую опирался кто-то. Ларивонов мальчик – это старший из пяти сирот, оставшихся после мужика-солдата, кучера, нынче осенью умершего в остроге. Он ждал, чтобы попросить у меня 10 коп. на лапти.

Ларивон и его сироты вот что. 20 лет тому назад я был посредником. Не помню, как и через кого попал ко мне кучером только что вышедший в бессрочные артиллерист Ларивон, из деревни Троены, за восемь верст от меня. Тогда я воображал, что освобождение крестьян есть очень важное дело, и я весь был поглощен им, и Ларивон, которого я подолгу во время наших переездов видал перед собой на козлах, мало занимал меня. Помню, молодцеватый высокий парень-щеголь. Он завел себе шляпу с павлиньими перьями, красную рубаху и безрукавку. И помню, едем мы раз, встречаем баб, и они что-то сказали. Ларивон обернулся ко мне и, улыбаясь, говорит: "Вишь, говорят, не на барина смотреть, а на кучера". Помню я его тщеславную добродушную улыбку, помню всегдашнюю расторопность, исправность, веселость и, хоть и привычную нам, но в Ларивоне поражавшую смелость. Была пристяжная кавказская, гнедая, злая лошадь. Завизжит, бывало, и бьет нарочно в человека, когда попадает постромка за ногу или вожжа под хвост. Ларивон подходил к заду и, как с теленком, обращался с ней. Так он и отслужил у меня, пока я не уехал. И осталось у меня воспоминание славного, доброго, веселого и хорошего парня. Такой он и был.

В нынешнем году осенью пришла Тита Борискина (наш мужик) баба. Старушка старого завета, тихая, кроткая, ласковая, иссохшая в щепку, все желтое лицо в морщинках, морщинах и буграх между морщинами. "Что скажешь?" – "Да об своей горькой вдове – Ларивоновой. Дочь она мне, за Ларивоном была, кучером жил у вас". Я вспомнил с трудом Ларивона.

– Умер он.

– Давно ли? Отчего помер?

– Бог его знает, сказывали, чахотка со скуки напала.

– Какая же скука, отчего?

– Как же, второй год в замке.

– За что? Ведь он, кажется, хороший был малый.

– Малый такой, что на редкость, одно – выпивал, – оно, вино, и сгубило. А теперь дочь осталась, а ее деверь гонит, дочь мою. А куда она сама пята пойдет? Самой двоих еще прокормить, а пятерых где ж прокормить. А наше дело тоже бедное.

Я стал расспрашивать, и вот что мне рассказала старуха. Ларивон после меня женился на ее дочери, завелся хозяйством с братом и жил хорошо. Но человек, уже оторванный от своей прежней жизни, изломанный солдатством, он дома уже был не жилец, и его опять тянуло в должность, чисто ходить, сытней есть, чай пить. Брат отпустил его, и он поступил в кучера к очень хорошему человеку, мировому судье. Опять, как со мной, он стал ездить, щеголять в безрукавке. И мировой судья был им доволен. Случилось раз, отправил мировой судья лошадей домой и велел покормить дорогой на постоялом. Ларивон покормил, но на четверку овса показал, а не скормил и выпил на эти деньги. Узнал это мировой судья. Как поучить человека, чтоб он таких дел не делал? Прежде были розги, теперь суд. Мировой судья подал товарищу прошение. Мировой судья надел цепь, вызвал свидетелей, привел к присяге кого следует, предоставил право защите, встал и по указу его императорского

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
величества приговорил к меньшей мере наказания, пожалел человека, на два месяца в острог в г. Крапивну.

Я был в этом остроге и знаю его. Знаю запах этого острога, знаю пухлые, бледные лица, вшивые оборванные рубахи, параши в палатах, знаю, что такое для рабочих людей праздность взаперти день, два, три, каждый день с 24 часами, четыре, 5 – сотни дней, которые просиживают там несчастные, только думая о том и слушая о том, как отомстить тем, которые им отомстили. Туда попал Ларивон и снял поддевку, красную рубаху, надел вшивую рубаху и халат и попал в рабство к смотрителю. Зная тщеславие, самолюбие Ларивона, я могу догадываться, что с ним сделалось. Теща его говорила, что он и прежде пивал, но с тех пор ослаб. Несмотря на то, что он ослаб, мировой судья взял его опять к себе, и он продолжал жить у него, но стал больше пить и меньше подавать домой брату. Случилось ему отпроситься на престольный праздник. Он напился. Подрались мужики и одного прибили больно. Опять пошло дело к мировому судье. Опять цепь, опять присяга, опять по указу его императорского величества. И Ларивона посадили на 1 год и 2 месяца. После этого он вышел, уже вовсе ослабел. Стал пить. Прежде и выпьет – разума не теряет, а теперь стакан выпьет и пьян – не стали его уж и держать в кучерах. От работы отбился. Работал с братом через пень колоду. И только и норовил, чтобы где выпить.

Старуха рассказывала, как в последнее она видела его на воле.

– Пришла я к дочери. У них свадьба была у соседа. Пришли со свадьбы, легли. Ларивон просил 20 копеек на выпивку, ему не дали. Лег он на лавке. Старуха рассказывала. – Только стал свет брезжить, слышу, Ларивон встал, заскрипели половицы, пошел в дверь. Я еще окликнула его: куда, мол. Голоса не отдал и ушел. Только мы полежали, поднялась я. Слышу, на улице крик – вышла. Идет Ларивон и на спине борону несет, а вдовая дьячиха за ним гонит, кричит караул, замок в клетки сломал, борону украл. А уж белый свет. Собрался народ, староста, взяли, связали, отправили в стан. Потом уж и дьячиха тужила, не знала, что будет за борону. Не взяла бы, говорит, греха на душу.

Повели Ларивона в острог. Суда дождался шесть месяцев, вшей кормил, потом опять присяга, свидетели, права – и по указу его императорского величества посадили Ларивона в арестантские роты на 3 года. Там он не дожил трех лет, помер чахоткой.

Я вышел. Костентин. Костентин – невысокий, скуластый мужик лет 35, с маленькой рыжеватой бородкой, большими глазами, ноздрями и губами. Костентин в нашей деревне хоть не самый бедный, есть беднее, но, на мой взгляд, самый жалкий мужик. Но жалок он только на мой взгляд. Сам же он никогда не признавал себя жалким. Только нынешний год в первый раз нужда сломала его. И он, всегда бодрый, чудной шутник, ослабел и нынче зимой, когда я, перебивая его шутки, допрашивал его подробное об его положении, я видел на его круглых, больших, чудацких глазах – слезы. Но это было только раз. Он и теперь шутит.

– Что, Константин?

– Да лошадь ободрал.

И он пытливо смотрит на меня, понимаю ли я его, понимаю ли, что для него возможны только два отношения к этому делу: зубоскалить, – это он готов, или дело – дать ему денег сейчас же, завтра на базаре, в чистый четверг, пока еще не запахали мужики, купить лошадь.

– Да вот, принес вам жизнь свою, на гулянках списал, – и он из кармана полушубка достал свернутую в трубку исписанную бумагу. Я просил его написать мне свою жизнь.

Вот это описание его жизни.

ЖИЗНЬ ДИРИВЕНСКОГО МУЖИКА АДИНОКАВА КАСТЮШКИ БЕДНЯКА

Жил я с младости и ни видал себе радости. Прожил я, Кастюша, тридцать пять лет, и пиринес нужды, и ни недостатков, и бет. Конца нет. Атец у меня прапал, как славна в глыбокою озера на дно упал, тичение таму времю прашло двадцать пять лет. Абнем ни писим и ни слуху никакова нет. А остался я с дедушкой жить.

Ну, дедушка мой так был крепка сирдит, что с ним никаким манерам нельзя было жить. Я ему хачю как нибудь угодить. А он меня схватить за волоса и давай мене как собаку калатить. Ну, тем больше я бегством спасался летнию парой у роще начевать, но дви ночи бросался: после етава дамой приду. Ежели брань начюю, то и еще начюю.

вот задумал мой дедушка мене Атделить, девять чистой себе Аоставил. А дисятую часть, панамарскую мне Атдал и совсем мене и здому прогнал, и ската дал лошадь и карову. А издених Хоть-ба один грош паганай на дорогу, у нас денех было многа. А и спастройки ни избы и ни двора и ни Аднаво кола, дедушка мне Атказал и слова ни сказал.

Я, Кастюша, подумал себя: дело моее дрянъ, и гдежа Я буду жить? Ну всетаки, я, Кастюша, придумал, надо мне волосное правление к старшине ходить на своево дедушку попросить, что-ба сваи Абиды придоставить. А мене без последствия ни оставить, ну старшина в скарам время в деревню явился и к маму дедушки и под явился, все права придоставил, чтобы мене дедушка избу с двором поставил. Ну-ть построит, ни посреди диревни. А на самом краю. Тольки я, Кастюша, и знаю летом чужую скатину отганяю. А зимой каждый день снег от гребая, савсем занесло, что никак в избу не пралеэишь. А вот прашло мне двадцать лет - стала мать камне приставать. Кастюшка тебе надомна женица. А Я матери говорю. На что мене женица, чтобы совсем разорица. Ну всё таки на том мать настояла. Жинился, жену себе узял нивиличка А круглоличка, толькя ужасна едовита, и ктомужа плодовита: каждый гот ражая, ну за то никаво ни Абижая. А остались дитей у нас только двоя, ну она и по етих каждый день воя, что галодная судьба на нас настала, что у нас хлеба куска ни достала вот те-та года. Я, Кастюша, проживал нужды и горя крепка нивидал. А - теперя Абносился кажный день. А буваю лапти разбиты, А галавашки полны снегом набиты, кажнюю ночь тирпеть мене насила вмочь: кашляю - перхаю. А у ног своих угману ни знаю: так ломают, что ноги мои крепка простужены. Живу так богата, что ни дай бог никому: босаты имею и нагаты навешаны полны шосты. А холоду и голоду полны А-нбары. ну буду помнить семидесятый год: даже нечевапаложить в рот, чють нисчиво проглядишь, то день и два ни емши сидишь. А исче у стале хлеба ни чюишь, то ни ужинамши начюешь.

Так он шутит всегда. И так он бедствует всегда. Мы давно с ним знакомы. Еще в 61 году он ходил в мою школу. Он был старше всех ребят, знал грамоте по-церковному, и потому с презрением относился к нашему учению, и ходил редко, и скоро совсем бросил. Это было в то самое время, когда дед его с матерью отпихнул от себя и не выделил ему части. Отец его правда что пропал. Отец его, Николай, тоже мене хорошо известный мужик, был старшим сыном деда Костюшки Осипа Наумыча. Это был здоровенный, ухватистый и смиренный мужик. Он в доме отца ворочал больше всех. Вздорный старик всячески терзал его и любил меньшого сына Петра. Когда Петр подрос, Николай рад был уйти на заработки. И жил в Москве и Питере лет 10, подавая все отцу, и изредка приходил домой. Николай был смиренный, сильный, честный работник, и хозяева наперерыв звали его к себе и набавляли цены. Он в те времена, за 30 лет, присылал отцу по 70 р. В последнее служил он в царском саду в Гатчине, дорожки делал. Потом на весну видели его на кораблях. Он грузил пароходы и по рублю в день обгонял и высылал отцу. И потом пропал. Говорили, что помер, говорили, что в Америку уехал. Так вот лет 5 после того, как пропал Николай, старик дед отпихнул от себя сноху с сыном и не дал им никакой части из скотины и из денег. Во времена моей школы Костентин, 16-17 лет, обзаводился домом. И с тех пор жил так, как он описал в своей жизни.

После того, как я его часто видал в школе и говорил с ним, я лет через 15 в первый раз поговорил с ним - лет 5 тому назад. Я ездил верхом на лошади, чтобы не запотеть и не устать, купать свое тело в реке, в нарочно устроенной для этого купальне и возвращался домой. По дороге лесом я объезжал воза с сеном. Мужики везли на мое гумно скошенное, высушенное и собранное ими сено. И им не только не казалось странно отвезти ко мне и уложить хорошо мене в стога половину того сена, которое вырастил бог и за котормым они с своими бабами и с недоедающими детьми от зари до зари потели дней 15; но они даже с особенной радостью везли это сено, зная, что после этого им можно будет свезти и свое. И, судя по выражению их лиц и по тому, как они здоровались со мной, видно было, что им нисколько не противно смотреть на мою гладкую, сытую лошадь и на мое толстое брюхо, но что они даже с удовольствием встречают меня. И мене тогда было это не стыдно, а от их добродушных приветов стало весело. Лошадь моя пожалась от кустов и надавила на воз и на мужика, прижавшегося к возу.

- Здравствуй, Лев Николаич.

- А, Константин!

Рыжая бородка, усики, слабо растущие, как всегда у недоедающих людей, мало изменили его лицо. Те же чудные, играющие глаза, тот же широкий рот и толстый мослак скул, колен, локтей, лопаток, и развалистая походка.

- Давно мы не видались. Как поживаешь, Костентин?

- Ничего, живем, хлеб жуем.

- Что же, дети у тебя?

- Как же, трое.

Я знал, что он одинокий, и мне хотелось узнать, подросли ли уже помощники. Лошадь уже проходила мимо воза. Чтоб спросить скорее, я сказал: что ж, подсобляют? Я уже обжег его лошадь, так что только он мог успеть дать только один короткий ответ.

- Оба пола крашки подсобляют, - крикнул он мне своим чудным, громким голосом.

У него были три девочки: 8, 6 и 3 лет. Так он шутил и до сих пор шутит. Но последнее время шутка осталась та же, но к шутке примешалась горечь.

В нынешний год он шутит так же, но видно, что нужда подъела его, что только ухватка держит его. Он трещит. Он знает, что он слаб, и боится, как бы не ослабеть.

- Ну что, как ты живешь? - спросил я, когда вышел на крыльцо.

- Да плохо, Лев Николаич.

Я нынче зимою часто видал Костентина и знал, что он доел свой хлеб до рождества и пробивался кусочками, которые он скупал, когда были деньги, у нищих, знал, что и корм скотине от дождей осенних и от мышей, переживших у нас всю солому, дошел у него на второй неделе, и он бился из корму, занимая и покупая, чтобы прокормить корову, лошадь и двух овчонок, знал и то, что ему, как и многим одиноким мужикам, в нынешнюю зиму было хуже всего то, что пешей работы не было. Лошадь без корма еле жива, не возит, а пешей работы не было. Если и есть какая, то надо далеко от дома уйти, а дома некому скотину кормить, снег отгрести. Я знал это и на днях видел, что на шоссе бьют камень. Одного из таких же одиноких бедняков, Чирюкина, я вчера видел на камне. Он тоже безлошадный, зиму сидел без дела, и как только открылась работа, взялся за нее. Я вчера видел его, как он сумерками уже по воде шел домой с камня. Он шел веселый. Все-таки кончилась скука - сидеть без дела. Обгоняет он на камне, смотря какой попадет камень, от 30 до 40 копеек, работая без отдыха с утра до вечера. Дома у него с старухой пять душ. Своего хлеба давно нет. Картошек нет. Коровы нет. Последнее молоко, то, которое было в грудях жены Чирюкина, увезли в Харьков в кормилицы сыну товарища прокурора судебной палаты. Благодаря тому, что продали это молоко товарищу прокурора судебной палаты и променяли на хлеб, семья еще жива. А то, если бы пяти душам дать вволю хлеба, то они съедят 12 1/2 фунтов. 12 1/2 фунтов стоят 40 копеек. Стало быть, теперь он не заработает на хлеб; что ж бы было, когда не было работы? Но он все-таки идет домой веселый, все-таки делает все, что можно делать, чтоб кормиться. Я спрашивал у мужиков вчера: весь ли роздан камень. Мне сказали, что выкременный жид, который занимается этим делом от земства, не весь еще роздал. И потому вчера еще я подумал о Костентине и, по старой нигилистической привычке мысли, в душе попрекнул Костентина, что он не работает на камне. И теперь, когда он сказал, что плохо, подумал, что дело в недостатке хлеба, и сказал ему: а что, я узнал, камень не весь роздан, что ты не пойдешь?

- Куда я пойду? Мне уж не то от скотины, от бабы нельзя отойти. С часу на час ходит. Да и вдобавок того ослепла.

- Как ослепла?

- А бог ее знает. Вовсе не видит. На двор вывожу. Я молчал.

- Вдобавок того лошадь последняя околела.

- Что ты, когда?

- Да вот третьего дня ободрал. - Он шутливо перекошил рот. Но с тех пор, как он раз при мне упустил слезы, я уж знал, что значит эта шутка - надо шутить. Если не шутить, то надо или красть, или повеситься, или раскиснуть и реветь, как баба, говорил его взгляд, - а тошно.

- Что ж, плохо твое дело.

- Да уж так плохо, что и не знаю, что делать, добро бы с осени, я бы и говорить не стал. А то зиму кормил. У себя, у детей урывал, посыпал. - И он начал рассказывать, как у ней кострец сшиблен, болел, и как до нутра пропрела, так и корм перестала есть, повалилась, и пар вон.

Хотя после разговора с Константином еще были другие события, которые нужно описать, а я только вечером пошел к Константину, я теперь же расскажу все относящееся к Константину, чтобы уже покончить с ним.

Вечером, часов в 7, я пошел к Константину. Он живет на самом конце деревни. Деревня улицей. Он живет на той стороне деревни, которая дальше выдалась в поле, так что против него никого нет. Рядом с ним избушка без двора. В ней живет слепой Резунов с дурочкой-женой и двумя сиротами Шинтяковыми. Мальчик водит слепого. Девочка печку топит, печет, варит. Соседи нищие, но они-то вывозяют чаще всего Костюшку. За ними дворовые, тоже 9 человек один старик лакей на 9 р. жалования кормит, да сын, самоварщик, больной, второй год в больнице - ноги болят. Третий двор Курносенкова, 12 душ, 2 работника, редко печеный хлеб едят, а то все из сумы. Четвертый двор Шинтякова. Стоит разломанный и пустой. За этими идут мужики исправные: Бочаровы, Осип Наумыч, Матвей Егоров. Но тут с края подряд пять дворов бедноты и на самом краю Костюшка. Во всех дворах был свет, только темно было в заброшенном Шинтяковском да в Костюшкином. Что в Костюшкиной избе не было огня, меня не удивило. Это всегда так было, почти всю зиму, и я знал отчего.

Избу дед ему поставил старую. Теперь прошло 20 лет, она сопрела на отделку. Нынче по зиме из дверной стены выпрело в углах берно и вывалилось. И всю стену отозвало в сени, и потолочина завалилась, чуть не убило. Костюшка забил дыры досками. И прежде изба не держала тепла, а после этого уж вовсе выстывать стала. Они всю зиму по два раза топили. И света не жгли. Как вечер, уберутся, так на печь под кафтаны и шубы. Так было и нынче. Хотя в избе и тепло было, потому что на дворе тепло; но уж они так привыкли. Да и керосин незачем жечь, прясть, ткать нечего. Я осмотрел и ощупал палкой дорожку через осевшие сугробы и подошел к окну. В избе говорил что-то женский голос. Что-то об бабушке какой-то. Я не разобрал и постучал в окно. От снега и звезд было светло. Кто-то из них поглядел в окно и, видно, узнал меня. Сейчас. Я подошел к двери и ждал. Ждал я долго, пока они не зажгли огонь. Потом вышел Константин, босиком, в рубахе, и впустил меня. Я вошел, поздоровался и сел к лицевой стене между окон, об угол стола. Костюшка сел к дверной стене у торца стола. На столе, чисто сметенном и соскребенном, горела лампочка без стекла. Направо передо мной две девочки лежали ничком на печи, облокотившись головами на руки, глядя на меня. Надежда, Костюшкика жена, стояла налево от меня в отворенной двери чулана у устья печи.

Надежда - женщина мелкая, складная и миловидная, когда она порожня. Несмотря на то, что всегда я видал ее в грязной черной рубахе и в одной и той же отрепанной кубовой куртушечке, она, когда порожня, не жалка, а баба как баба, но на брюхатую на нее жалко смотреть. Брюхо у нее большое, и видно, что она самка хорошая. Она ходит легко, бережет свое брюхо. Все питание, все силы организма идут, очевидно, туда, в брюхо, зато уж все остальное платится за это. Особенно лицо. Лицо худое, вытянутое, с морщинами продольными около рта и желтое, как мокрый песок. В губах тоже что-то необыкновенное, как будто губы усохли, а зубы выросли, как у белки, длинные, острые, узкие. Что-то смертно-страшное и жалкое было и прежде. Но теперь и глаз нет. Глаза мутны, глядят и не видят. Я так долго ждал, вероятно, потому что она надевала свою ту же синюю куртушку и платок на голову.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

И когда она стояла вдалеке, то казалась баба как баба. Она в то время стояла в чулане и только после, когда разговор наш оживился, вышла, ощупывая косяк двери и нечку, к хорам и стала поближе к нам у печки, под детьми. Константин с своей обычной развихляйной развязностью сидел у стола, положив на него оба локтя, и то почесывал руками в голове, то делал обычные жесты.

Сперва мы завели разговор о лошади.

- Кабы с осени издохла, и знал бы не кормил, а теперь что будешь делать? Работать не на чем. Люди поедут пахать, что станешь делать?

- Да она стара была?

- Года небольшие. Я ее выменил, только окраинки вырезала. Вдобавок лошадь хороша. Это у меня девятая лошадь с тех пор, как меня дед отделил. И против нее не было ни одной. И возить, и пахать, и ухватка, и мягка, и вдобавок смирна. Девчонку пошлешь, и та, бывало, обротает, приведет. А это по нашему делу дорогого стоит. Что станешь делать? Кабы было с чего потянуть? А то весь тут. Как сшибешься, уж не выдерешься. Спасибо деду, отделил. Вон хоромы какие построил. Скопил таракана да жуковицы, а посуды крест да пуговицы. Кажется, помрет, и понесут, и не остановлю перед двором. Бог с ними. Одному сыну 700 рублей в банку положил, а мне ничего. Бог с ним. Псалтырь позовут читать над ним - не пойду. Разве мой отец не наживал? Больше всех ворочал. Вот и наградил.

Надежда вступилась.

- Обидно. Терпишь, терпишь, да и согрешишь. Только господь не велел зло помнить, а то правду что помянуть не стоит. Бог с ним, не разжился деньгами-то. Дядя Петр и так 587 говорит: пора издыхать давно.

- Не может быть.

- До двух раз мне говорил. Тоже житье и старику нехоршее, - заговорила Надежда.
- Намедни пришел хлеба просить. Что же, дедушка, или дома не кормят? - Не кормят, друг. Что же, садись, дедушка, хлебушка есть, съел кусочек такой-то с солью. Их не разберешь.

Я переменял разговор и спросил Надежду об ее глазах

- Что же это с тобой сделалось?

- Глазунки потеряла, свету не вижу. Вот хоть палкой в глаз ткни - не вижу.

Дневник - 1882

1882. Декабря 22. Опять в Москве. Опять пережил муки душевные ужасные. Больше месяца. Но не бесплодные.

Если любишь бога, добро (кажется, я начинаю любить его), любишь, то есть живешь им - счастье в нем, жизнь в нем видишь, то видишь и то, что тело мешает добру истинному - не добру самому, но тому, чтобы видеть его, плоды его. Станешь смотреть на плоды добра - перестанешь его делать, мало того - тем, что смотришь, портишь его, тщеславишься, унываешь. Только тогда то, что ты сделал, будет истинным добром, когда тебя не будет, чтобы портить его. Но заготовляй его больше. Сей, сей, зная, что не ты, человек, пожнешь. Один сеет, другой жнет. Ты, человек, Лев Николаевич, не сожнешь. Если станешь не только жать, но полоть - испортишь пшеницу. Сей, сей. И если сеешь божье, то не может быть сомненья, что оно вырастет. То, что прежде казалось жестоким, то, что мне не дано видеть плодов, теперь ясно, что не только не жестоко, но благо и разумно. Как бы я узнал истинное благо - божие - от неистинного, если б я, человек плотский, мог пользоваться его плодами?

Теперь же ясно: то, что ты делаешь, не видя награды, и делаешь любя, то наверно божие. Сей и сей, и бог возрастит, и пожнешь не ты, человек, - а то, что в тебе сеет.

Дневник - 1883

1883. 1 января. [Москва.] Когда только проснусь, часто мне приходят мысли, уяснения того, что прежде было запутано, так что я радуюсь - чувствую, что продвинулось.

Так на днях - собственность. Я все не мог себе уяснить, что она. Собственность, как она теперь - зло. Л собственность сама по себе - радость на то, что тем, что я сделал, добро. И мне стало ясно. Не было ложки, было полено, - я выдумал, потрудился и вырезал ложку. Какое же сомнение, что она моя? Как гнездо этой птицы ее гнездо. Она хочет им пользоваться, как хочет. Но собственность, ограждаемая насилием - городским с пистолетом, - это зло. Сделай ложку и ешь ею, но пока она другому не нужна. Это ясно. Вопрос трудный в том, что я сделал костыль для моего хромого, а пьяница берет костыль, чтобы ломать им двери. Просить пьяницу оставить костыль. Одно. Чем больше будет людей, которые будут просить, тем вернее костыль останется у того, кому нужнее.

Нынче. Гудович умерла. Умерла совсем, - а я и мы все умерли на год, на день, на час. Мы живем, значит, мы умираем. Хорошо жить, значит, хорошо умирать. Новый год! Желаю себе и всем хорошо умереть.

Дневник - 1884

[Март. Москва.] Мужик вышел вечером за двор и видит: вспыхнул огонек под застрехой. Он крикнул. Человек побежал прочь от застрехи. Мужик узнал своего соседа-врага и побежал за ним. Пока он бегал - крыша занялась, и двор и деревня сгорели.

[...] я сейчас перечел среднюю и новую историю по краткому учебнику.

Есть ли в мире более ужасное чтение? Есть ли книга, которая могла бы быть вреднее для чтения юношей? И ее-то учат. Я прочел и долго не мог очнуться от тоски. Убийства, мучения, обманы, грабежи, прелюбодеяния, и больше ничего.

Говорят - нужно, чтобы человек знал, откуда он вышел. Да разве каждый из нас вышел оттуда? То, откуда я и каждый из нас вышел с своим мирозерцанием, того нет в этой истории. И учить тому меня нечего.

Так же как я ношу в себе все физические черты всех моих предков, так я ношу в себе всю ту работу мысли (настоящую историю) всех моих предков. Я и каждый из нас всегда знает ее. Она вся во мне, через газ, телеграф, газету, спички, разговор, вид города и деревни. В сознание привести это знание? - да, но для этого нужна история мысли - независимая совсем от той истории. Та история есть грубое отражение настоящей. Реформация есть грубое, случайное отражение работы мысли, освобождающей человечество от мрака. Лютер со всеми войнами и Варфоломеевскими ночами не имеют никакого места между Эразмами, Boetie, Rousseau и т. п.

[6 марта. Москва.] Переводил Лаоцы. Не выходит то, что я думал. Был Озмидов. Он бодро и бедно живет в деревне с семьей. Делал по деревне складчину для бедняка в параличе с семьей.

Не спал ночь. Лег перед обедом. После пошел походить и к Усову. Здоровый, простой и сильный человек. Пятна на нем есть, а не в нем. Он поддержал мое отвращение к обществу формальному, к которому приглашает письмо Щепкина. Потом ходил по переулку. Приехали фортуналовы Юрьев, Лопатины. Бесполезно и недостойно провел вечер. Вечер читал Сальяс о Кудрявцеве - прекрасно. Грехи. Праздно и сластолюбиво весь проведенный день. Антипатия к Ф. Письма: от Щепкина - неясно и нехорошо по мотивам. От дамы, имевшей видения. От Ковалевского, харьковского психиатра.

[9 марта.] Проспал до 12-го. Пришел Гуревич, эмигрант. Еврей. Хочет найти общее соединительное евреев и русских. Оно давно найдено. Иногда я грущу, что дрова не горят. Точно если бы они загорелись при мне, это бы не было явным признаком, что горят не дрова, а поджожи, и они не занялись. Почитал о Китае и поехал верхом по городу. Все работают, кроме меня. Вечер слабость. Сапожник не пришел, был в бане и читал Лаоцы. Перевести можно, но цельного нет. [...]

[10 марта.] Встал рано, убрал комнату. Андрюша пролил чернила. Я стал упрекать. И, верно, у меня было злое лицо. [...]

Читал Эразма. Что за глупое явление реформация Лютера. Вот торжество ограниченности и глупости. Спасение от первородного греха верою и тщета добрых дел стоят всех суеверий католичества. Учение (ужасное по нелепости) об отношениях церкви и государства могло только вытечь из глупости. Так оно и вытекло из лютеранства. [...]

[11 марта.] Встал рано, убрал комнату. Дети сами прибежали. Читал Эразма, кончил. [...]

Учение середины Конфуция – удивительно. Все то же, что и Лаоцы, исполнение законов природы – это мудрость, это сила, это жизнь. И исполнение этого закона не имеет звука и запаха. Оно тогда – оно, когда оно просто, незаметно, без усилия, и тогда оно могущественно. Не знаю, что будет из этого моего занятия, но мне оно сделало много добра. Признак его есть искренность единство, не двойственность. Он говорит: небо всегда действует искренно. [...]

[12 марта.] Встал поздно. Комната не убрана. Мы с детьми убрали. Уже не совестно выносить. [...] Споры Тургенева с Урусовым и Михайловского с Чертковым, в которых последние без усилия, с состраданием оставались победителями. После обеда (воздержного) пошел за колодками и товаром. Начал шить один, пришел Усов и просидел до 3 1/2 часов. Я очень устал. Знания, ум огромные, но как ложно направлены. Точно злой дух отчертил от него всю плодотворную область мысли и запретил ее. [...]

15 марта. Проснулся в 8, хотел заснуть и заснул до 11. книжка Голохвастова против Энгельгарта. Кое-что хорошо, но как ужасна полемическая злость. Это урок для меня, и мне противна злость моей последней. Надо бы написать тоже понятно и кротко. Мое хорошее нравственно состояние я приписываю тоже чтению Конфуция и, главное, Лаоцы. Надо себе составить круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаоцы, Будда, Паскаль, Евангелие. Это и для всех бы нужно. [...]

[16 марта.] Встал поздно. [...] После обеда сходил к сапожнику. Как светло и нравственно изящно в его грязном, темном угле. Он с мальчиком работает, жена кормит. Пошел к Сереже, брату. Там не дослушал Костеньку, раздражил его. (1). С Таней шел домой и молчал. Тяжело мне было молчание. Так далека она от меня. И говорить я еще не умею. Да, за обедом Сережа грубо, сердито заговорил, я сказал ему с иронией (2). Вечер начал шить, пришел сапожник, потом пришли Маликов и Орфано. Я бы мог быть лучше. Надо было молчать. Как это просто и трудно. Пришел Сережа, брат. С ним хорошо говорили. Письмо прекрасное от Черткова. Да, в разговоре с Орфано я сказал: вы не знаете моего бога, а я знаю вашего, это оскорбило (3).

[17 марта.] Уборка становится приятной и привычной. Пришел Александр Петрович. Я был очень рад, и хорошо. Он говорит, что перенес много нужды в самое тяжелое время зимой, и что же? Он бодр, здоров и узнал, общаясь с ними, добрых людей, узнал самое важное, то, что есть добро в людях. Читал Агасфера. Плохо. На мысль хорошую, но не новую нанизан поэтический набор. Поехал верхом. Очень не в духе был за обедом, но держался. Стал шить, все сломал, и пришел Орлов. Рассказ его о смерти Ишутина и Успенского. Ишутина приговорили к смерти. Надели мешок, петлю, и потом он очнулся (он говорит) у Христа в объятиях. Христос снял с него петлю и взял его к себе. Он прожил 20 лет на каторге (все раздавая другим) и все жил с Христом и умер. Он говорил, умирая: я перемену платье. [...]

[19 марта.] Поздно встал. Читал Конфуция и записывал. Религиозное разумное объяснение власти и учение о нем китайское было для меня откровением. Если богу угодно, я буду полезен людям, исполнив это. Во мне все больше и больше уясняется то в этом, что было неясно. Власть может быть не насилие, когда она признается как нравственно и разумно высшее. Власть как насилие возникает только тогда, когда мы признаем высшим то, что не есть высшее по требованиям нашего сердца и разума. Как только человек подчинился тому – будь то отец, или царь, или законодательное собрание, – что он не уважает вполне, так явилось насилие. [...]

20 марта. Поехал верхом к Мансурову. Обедали одни. Лег. Пришла Дмоховская. Она очень возбуждена. Принесла статью о центральной тюрьме. Потом Карпович.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Купчиха-болтуня. Пережила весь обман жизни. И не видит нужды в этом. Потом Анна Михайловна с дочерью. Хорошо беседовал с ними. Я говорил о значении обхождения: уважения к хорошему и презрения к дурному, в самом широком смысле. И сам уяснил себе обязанность исполнения этого больше, чем прежде. Главное без компромиссов. [...]

[21 марта.] Поздно читал конфуция по переводу Ледж. Почти все важно и глубоко. Вышел поздно купить парусину и зашел к фету. Хорошее стихотворение о смерти. Соловьева статья только отрицает народничество. Я слаб. Согрешил, не взяв статью Соловьева. Заснул после обеда. Очень дурно себя чувствовал; читал английскую шутку, скучную, на 350 страницах. Сережа, брат, сидел, горячился, я не ошибся. Поехал за Таней. Не взошел к Капнистам, ходил по набережной. Кучера стоят по пять часов и ругают, а они от скуки смеются над драмой и поэзией. Не досадовал. Это хорошо. Но желал похвастаться и чтоб меня ругали. Это (2). Писем нет. Не спал ночь.

[23 марта.] Утро как всегда. Сел за перевод Урусова. Неровен. Часто очень нехорошо. Не знаю что, текст или перевод? Вероятнее, текст. Надо писать, т. е. выражать мысли так, чтобы было хорошо на всех языках. [...]

[24 марта.] Утро как всегда. Поправлял перевод. Чтение подняло меня. Мне нужно читать и это, свое. И еще нужнее из этого выбрать существенное для себя и для всех, как и говорит Чертков. Приехал Ге. Едет в Петербург выручать племянницу. Он ушел еще дальше на добром пути. Прекрасный человек. Сын его интересен. [...]

[26 марта.] Как всегда. С старшими детьми говорил за кофе. Еле, еле хорошо. Докончил перевод. Иду отнести книги. Чувствую необходимость большей последовательности и освобождения от лжи - юродство - да. В библиотеке Николай Федорович как будто чего-то хочет от меня. Мне спокойно с ним. Зашел к Дмоховской.

[...] Пришли Златовратский и Маракуев. Златовратский программу народничества. Надменность, путаница и плачевность мысли поразительна. Я сказал довольно правдиво свое мнение, но не совсем (2). Потом о его сочинениях просто солгал, что читал (3). Вечером набрел на девушку 15 лет, пьяную, распутную. И не знал, что делать (4). Читал Кривенко: "Физический труд". Превосходно.

Был у Урусовых. Не ясны совсем, но хороши.

[27 марта.] Утро, как всегда. Александр Петрович рассказал про умершую у них женщину с голода. Приехал Юрьев. Надо еще решительнее избегать болтовни (1). Пошел в полицию. Сказали, что девки часто моложе 15 лет. Колокола звонят, и палят из ружей, учатся убивать людей, а опять солнце греет, светит, ручьи текут, земля отходит, опять бог говорит: живите счастливо. Оттуда пошел в Ржанов дом к мертвой, был смущен, не знал, что сказать (2). Встретил Бугаева и позвал к себе. Тщеславие - чтобы он понял меня. А выйдет праздная, полусумасшедшая болтовня (3). Был раздражен и навязывал не причастным людям свое отчаяние (4). Надо самому делать, а не плакаться. Нездоровится, лихорадка и зубы. Заснул после обеда. Приехали мертвецы Шидловские. Надо ухаживать (5). Написал письма Страхову, Урусову, Черткову. От него хорошее письмо.

[28 марта.] Всю ночь напролет не спал, встал в 6-м утра. Убрал комнату, не неприятно все-таки. Шил сапоги, ходил к Лопатину и на почту. Дремал, читал Кривенко. (Как русским дороги основы нравственности, без сделок.) И дюма болтовню. Письмо от Черткова, и написал ему. Фет пришел заказывать сапоги. Я слушал его и прекращал попытки своего разговора. Была минута, что мне его жалко было, как больного. Вот кабы чаще. Несмотря на бессонницу и зубную боль, безвредно спал. Сколько в голове и сердце, но повеления бога определенного не слышу.

[29 марта.] Встал в 7. Пошел к школьникам. Пил кофе. Читал "Похождения Ярослава". Неправда, чтобы книги в народе Пресновых и др. были дурны. Они лучше тех, которые им делают. Поехал верхом. Дома не дружелюбно; и то радость. Читал Конфуция. Все глубже и лучше. Без него и Лаоцы Евангелие не полно. И он ничего без Евангелия. Пошел в школу и на Никольскую, купил книг. Побеседовал с Маковскими.

[...] Две вещи мне вчера стали ясны: одна неважная, другая важная. Неважная: я

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

боялся говорить и думать, что все 99/100 сумасшедшие. Но не только бояться нечего, но нельзя не говорить и не думать этого. Если люди действуют безумно (жизнь в городе, воспитание, роскошь, праздность), то наверно они будут говорить безумное. Так и ходишь между сумасшедшими, стараясь не раздражать их и вылечить, если можно. 2) Важная: Если точно я живу (отчасти) по воле бога, то безумный, больной мир не может одобрять меня за это. И если бы они одобрили, я перестал бы жить по воле бога, а стал бы жить по воле мира, я перестал бы видеть и искать волю бога. Таково было твое благоволение. Чертков огорчил меня, но ненадолго (1).

[30 марта.] Лег в 11 и встал опять рано. Ходил на чулочную фабрику. Свистки значат то, что в 5 мальчик становится за станок и стоит до 8. В 8 пьет чай и становится до 12, в час становится и до 4. В 4 1/2 становится и до 8. И так каждый день. Вот что значат свистки, которые мы слышим в постели.

[...] Пришли в голову "Записки несумасшедшего". Как живо я их пережил что будет? Г-жа Бер прислала свой перевод - прекрасный, - читал. Тщеславие, сказал Леониду, что был болен от смерти женщины (2). Как удивительно, что гнева - нет за месяц почти.

[31 марта.] Не спал до 2-го, но встал в 7. Пошел в слесарную школу. Лучшее заведение в России. Если бы не вмешательство правительства и церкви. Читал "Отечественные записки". Болтовня Щедрина. Статья о сумасшествии героев. Инерция - психологический закон. Всякое нововведение больно. Вывод ясен. Два закона: инерции и движения. Сумасшествие, то есть ненормальность, есть одно из двух - равнодействующая из двух его нормальность.

Лишнее говорил о преподавании математики директору школы (1). Читал немецкий перевод. Очень хорош. Пошел к Леониду. Там Дьяков с дочерью. Мне очень грустно. Дома обед с Костенькой очень тяжелый. Лег, заснул. Пришел Стахович. Шил башмак. Чай пить. Остался один с ней. Разговор. Я имел несчастье и жестокость затронуть ее самолюбие, и началось. Я не замолчал. Оказалось, что я раздражил ее еще третьего дня утром, когда она приходила мешать мне. Она очень тяжело душевно больна. И пункт это беременность (2). И большой, большой грех и позор. Почитал Конфуция и ложусь поздно. [...]

2 апреля. Встал поздно. Комната уже была убрана. Говорил с Урусовым до 4. Она еще мягче - болезненная и смиренная. Пошел к Вольфу. Обедал. Пришел Сережа сначала раздраженный, потом мягкий и добрый. Шил сапоги. За чаем поговорили тихо и лег в 12 1/2. Дурно то, что ничего не делал. Она забыла про свою злость и рада была, что я простил. И то лучше. Безумная жизнь страшно жалка.

[3 апреля.] Встал в 10. Читал "Архив психиатрии". Молитва - обычное сумасшествие. История богатого воспитанника пажеского корпуса. Coit'us, 13 лет разврат. Милая, нежная натура и ее падение и гибель.

Пришел Озмидов. Глаза у него болят. Он немного ослабел. Не знаю, хорошо ли, что слишком откровенно говорил ему о своем положении.

[...] Лома Репин. С ним очень хорошо говорил, за работой. Пришел Сережа из бани. Не дал спать, но хорошо, мягко говорил. Не оскорблялся.

[4 апреля.] Встал поздно. Зубы болят и лихорадка. Не могу работать головой. И не надо. Почитал и стал шить. В 3-м поехал в музей. Стороженко встретил, он помнит работу. На Кузнецкий мост. Жандармы ограждают покупателей. Оттуда на Дмитровку. Репина картина не там. Дома лежал. Зубы и лихорадка. Вечер работал до второго часа сапоги.

Очень тяжело в семье. Тяжело, что не могу сочувствовать им. Все их радости, экзамен, успехи света, музыка, обстановка, покупки, все это считаю несчастьем и злом для них и не могу этого сказать им. Я могу, я и говорю, но мои слова не захватывают никого. Они как будто знают не смысл моих слов, а то, что я имею дурную привычку это говорить. В слабые минуты - теперь такая - я удивляюсь их безжалостности. Как они не видят, что я не то что страдаю, а лишен жизни вот уже три года. Мне придана роль ворчливого старика, и я не могу в их глазах выйти из нее: прими я участие в их жизни - я отрекаюсь от истины, и они первые будут тыкать мне в глаза этим отречением. Смотри я, как теперь, грустно на их безумство - я ворчливый старик, как все старики.

Из разговора с Олсуфьевым вышел следующий остаток: если верить в то, что цель и обязанность человека есть служение ближнему, то надо и доходить до того, как служить ближнему, – надо выработать правила, как нам, в нашем положении, служить? А чтобы нам, в нашем положении, служить, надо прежде всего перестать требовать службы от ближних. Странно кажется, но первое, что нам надо делать, – это прежде всего служить себе. Топить печи, приносить воду, варить обед, мыть посуду и т. п. Мы этим начнем служить другим.

[5 апреля.] Встал поздно – вял. Та же грусть. Теперь особенно, при виде всех дома. Полотеры чистят, мы пачкали. Я опустил и стал менее строг к себе. Не замечаю своих грехов. Подбодрись. Вчера письмо от Черткова. Репин говорил, что и Крамской назвал его сумасшедшим. Читал "Психиатрию", о помещике Я., жившем с своей дворней. Письма от Мирского и стихи. Поразительно. Он христианин. Стихи прекрасны по содержанию и 13-тилетнего мальчика по форме. Пришел Страхов. Он похудел. Та же узость и мертвенность. А мог бы проснуться. Пошел погулять. Обед. Целый обед, кроме покупок и недовольства теми, которые нам служат, – ничего. Все тяжелее и тяжелее. Слепота их удивительна. После обеда, пришел Ронжев – скучно. Чертков. Еще тверже и глубже запахал. Он ест с людьми, но люди у него служащие. Потом пришел Страхов и пришла Таня отвратительно. С Страховым разговоре том, что нельзя следовать правилу, – то есть нет правил. Вмешательство безумное, бестолковое в разговор, и нельзя даже показать этого безумия. Если показать, гнев и обвинение в личной злобе. Если не показывать, то уверенность, что так и надо, и падение все глубже и глубже. Жду выхода.

[7 апреля.] Поздно. Лихорадка. Читал драму Северной. Прекрасное знание народа и языка и углубление в самую жизнь, но психологически слабо. Иду на выставку. Прекрасно Крамского. Репина – не вышло. Говорил с Третьяковым порядочно. Дома. Страхов. Пошел к Дмоховской. Высказал, что надо. Толпы бегут к заутрене. Да, когда будут бегать хоть не так, но в 1/100 к делу жизни! Тогда не могу представить жизни. Переставлять это – задача – радостное дело жизни. Страшно трудно – невозможно, и одно только возможно. С Страховым разговор о дарвинизме. Мне скучно и совестно. Он – бедный – серьезно, разумно опровергает – бред сумасшедших. Напрасно и бесконечная работа. Напрасно потому, что они безумны тем, что не верят разумным доводам, и бесконечная работа потому, что сумасшествиям нет конца. [...]

[9 апреля.] Поздно читал Страхова статью. Праздно, на все глупости не надоедаешь. А анализировать приемы науки не нужно, кто любит науку, тот их знает, как знает законы равновесия человек, который ходит. Начал Менгце. Очень важно и хорошо. "Менгце учил, как гесовер [снова обрести (англ.)], найти потерянное сердце". Прелесть.

Очень важно. Стал выговаривать Тане, и злость. И как раз Миша стоял в больших дверях и вопросительно смотрел на меня. Кабы он всегда был передо мной! Большая вина, вторая за месяц. Все ходил около Тани, желая попросить прощения, и не решился. Не знаю, хорошо или дурно.

Пошел к Фету. Прекрасно говорили. Я высказал ему все, что говорю про него, и дружно провели вечер. Вечером Адам Васильевич. Играли в винт. Глупо. Опять захватывает поганая, праздная жизнь.

Письмо от Черткова – прекрасное.

[10 апреля.] Поздно. Даже не помню утра, – так оно неважно. Да, утром зашел узнать адрес. За обедом Кислинский. После обеда ушел к Армфельд. На Петровке почувствовал страшную слабость. Это смерть, и дурная. Вспомнил. Я писал письмо Черткову, и пришел Третьяков. Он спрашивал о значении искусства, о милостыне, о свободе женщин. Ему трудно понимать. Все у него узко, но честно. Я спрашивал его о многом, но не спорил о главном, о его вере. Она все определила бы. У нас катали яйца, пошел за адресом к Дмоховской. Обедали, потом к Армфельд. У ней сидел, как шальной, от слабости. Дома Анна Михайловна, Страхов, Кислинский. Разговор Страхова интересный. Я его понял. Читал до 4 процесс Армфельд.

[11 апреля.] Поздно. Читал переписку Натальи Армфельд. Высокого строя. Тип легкомысленный, честный, веселый, даровитый и добрый. Нельзя запрещать людям высказывать друг другу свои мысли о том, как лучше устроиться. А это одно, до бомб, делали наши революционеры. Мы так одурели, что это выражение своих мыслей

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
нам кажется преступлением. Утром же ходил к Страхову. Хорошо говорил с ним и фетом. Пришел Соловьев. Мне он не нужен, и тяжел, и жалок. За обедом два шурина. Петя противен, Саша сносно. Ушел к Сереже. Опять слабость смертная. Дома шил сапоги. Но вышел пить чай и присел к столу, и до 2 часов. Стыдно, гадко. Страшное уныние. Весь полон слабости. Надо как во сне беречь себя, чтобы во сне не испортить нужного наяву. Затягивает и затягивает меня илом, и бесполезны мои содрогания. Только бы не без протеста меня затянуло. Злобы не было. Тщеславия тоже мало, или не было. Но слабости, смертной слабости полны эти дни. Хочется смерти настоящей. Отчаяния нет. Но хотелось бы жить, а не караулить свою жизнь.

[12 апреля.] Поздно. Та же слабость, и тот же победоносный ил затягивает и затягивает. Почитал Менциуса и записал за два дня. Бродят опять мысли о "Записках несумасшедшего". [...]

[14 апреля.] Не спал ночь. Орлов "подмахнул" без меня комнату, другие вычистили. С детьми играли. Орлов говорит: неужели не может быть счастливой жизни? Я ставлю? Я не знаю. Надо в несчастной быть счастливым. Надо это несчастье сделать целью своей. И я могу это, когда я силен духом. Надо быть сильным или спать. Пришел Алчевский. Потом я пошел к Вольфу. Приказчик обижается, что я не снимаю шапки. А у меня зубы болят. Я не извинился (1). Пошел к Алчевской. Умная, дельная баба. Зачем бархат и на птицу похожа? Я напрасно умилился (2). Дома тяжело. Заснул после обеда. Пошел к Армфельд. У нее Орлов В. И. и учительница. Живые люди, хорошо говорили. К Машеньке трифоновской. Ее надо лечить от душевной болезни. Дома упреки. Но я промолчал. Бессонница. Да еще С. И. сообщила приятное.

Только бы люди перестали бороться силой. Смешно и трогательно, что революционеры наши (кроме бомб), борющиеся законным вечным оружием света истины, сами на себя наклепывают, что они хотят бороться палкой. А они и не могут этого по своим убеждениям.

[15 апреля.] Встал поздно, убрал. С детьми. Миша рассказал. Это художник. Почитал книгу Алчевской. Прекрасно. Леонид зашел. Нынче назвались профессора и А. М. Иду к Ге, Мамонтову и Пряничникову. Не застал Ге. С Пряничниковым хорошо беседовал. Сказал ему неприятную правду. Дома обедал – тихо. Пошел на балаганы. Хороводы, горелки. Жалкий фабричный народ – заморыши. Научи меня, боже, как служить им. Я не вижу другого, как нести свет без всяких соображений. Пришли Усов, Сухотин, Хомяков. Усов говорил интересное до 3-го часа. Таня больна, значит, не лучше.

[16 апреля.] Поздно. Все нездоровится. Ничего не могу делать. Написал Урусову. [...] Дома Сережа – сердитый. Они меня с Соней называли сумасшедшим, и я чуть было не рассердился. Пошел в баню. Сидел за чаем – тяжело. Лег спать раньше. Попытки не курить – глупы. Бороться не надо. Надо очищать, освящать ум. Все бродит мысль о программе жизни. Не для загадывания будущего, которого нет и не может быть, а для того, чтобы показать, что возможна и человеческая жизнь. [...]

[17 апреля.] Раньше встал, написал письмо Толстой. Прощение с высочайшими священными особами, отношения с высочествами уже невозможны для меня. Просить священную особу, чтобы она перестала мучить женщину!

[...] Дома, пришла Дмоховская. Принесла кучу матерьяла. Я поехал верхом, читал рукописи Дмоховской. Стихотворения Бардиной тронули до слез. Все это мне становится ясно. [...]

[18 апреля.] Поздно. Перечитывал рукописи, потом свою рукопись о переписи. Хочу ее напечатать в пользу несчастных. Я сомневался, нужно ли помогать политическим заключенным. Мне не хотелось, но теперь я понял, что я не имею права отказывать. Рука протянута ко мне. "И в темнице посети".

[...] Обедал мирно, заснул. Пошел ходить. Львов рассказывал о Блавацкой, переселении душ, силах духа, белом слоне, присяге новой вере. Как не сойти с ума при таких впечатлениях? Шил сапоги, напился чаю, пошел к Сереже до 2-х часов. Незначительная, но мирная и грязная беседа. Письмо от Черткова, и ответил ему на правдивое признание.

Я ослабел в прямоте – признак, что я ослабел в нравственной жизни.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[21 апреля.] Поздно. Нашел статью (была черновая). Немного поправил. И понес в типографию. Я сам не верю в эту статью. Встретил Самарина. Был холоден, но недостаточно (1). Дурная привычка – ценить в шляпах и колясках дороже. Самарин для меня тоже меньше, чем Петр-лакей. Петра-лакея я не знаю, а Петра Самарина уже знаю. Также и с Захарьиным, я доехал с ним до Тверского бульвара (2). Дома обед. Ужасно то, что веселость их, особенно Тани веселость, наступающая не после труда – его нет, – а после злости, веселость незаконная, – это мне больно. Пришел фет и слабо болтал до 1/2 9. Поехал к Армфельд. Дочь писала, что просьбы за нее оскорбляют ее. Это так и должно быть. Там Успенская. Об "Отечественных записках", что хорошо. [...]

[22 апреля.] Поздно. Выспался. И как будто проснулся. Я спал больше месяца. Опять все ясно и твердо. Вспоминаю, не сделал ли дурного во сне? Немного. Взясся за статью. Поправил немного, но дальше описание дома не идет. Надо перескочить к выводу. Все не верю в эту работу. А казалось бы, хорошо. Веселье детей – жалко. Иду ходить без цели. Тянет к Ржановке. [...]

[23 апреля.] Очень поздно. Живо убрался. Читал газету. Потом сел за работу – не идет. Пошел к Урусовым. Племянница – интеллигентная консерваторка. Как не противиться злу? Все то же. Хочется знать истину и осуждать других, но делать ее не хочется. Дома обед. Решительно нельзя говорить с моими. Но слушают. Им неинтересно. Они все знают. Книга араба от Сухотина. С большим усилием прочел ее. Кое-что выписал – против троицы. Пошел к Дмоховской, к колодочнику и Сухотину. У колодочника трое на одной постели. Как далеко нам до них. От Черткова телеграмма – отец умер. Шил сапоги весь вечер. Дмоховские решительно хотят революционировать меня. Как жалко, поздно, 3-й час, ложусь спать.

[24 апреля.] Поздно. Письмо от Энгельмана очень хорошее. Попробовал писать. Не могу. Поехал верхом к Юрьеву. Он очень свеж. Мне внушал мое учение о Христе, но прекрасно. Говорит: надо пойти проповедовать Христа. Мне пришла в голову мысль об издании "нагорной проповеди". Оттуда на Николаевский вокзал. Чертков, Писарев, Голицын. Чертков так же тверд и спокоен. Сказал, что он мало огорчен. Говорили хорошо. Писарев близок (боюсь, что заблуждаюсь), но как бы я желал! Приехал, дома все в сборе, веселы. Шил сапоги. Лег поздно. [...]

[27 апреля.] Раньше. Пытался продолжать статью. Не идет. Должно быть, фальшиво. Хочу начать и кончить новое. Либо смерть судьи, либо "Записки несумасшедшего". [...]

[29 апреля.] Поздно. Не могу писать. С Орловым говорил. Пришел Александр Петрович. Я выговаривал ему без сердца. Все до обеда ходил около Ржанова дома. Совсем не жалко. Заходил в квартиры. Моят бабы ужасные и ругаются. Сидят на бревнах оборвыши. [...]

30 апреля. Утром барышня от Ге принесла письмо молодого Николая к брату. Письмо удивительное. Это счастье большое для меня. Пробовал писать – нейдет. "Смерть Ивана Ильича" достал – хорошо и скорее могу.

[...] Вечер хотел шить, пришла Дмоховская и потом Полонский. Вот дитя бедное и старое, безнадежное. Ему надо верить, что подбирать рифмы – серьезное дело. Как много таких.

[7 мая.] Раньше. Стал поправлять "Ивана Ильича" и хорошо работал. Вероятно, мне нужен отдых от той работы, и эта, художественная, такая. [...]

[3 мая.] Встал тяжело. Почитал вздор, то есть проснувшись спал. Искал письмо Памятки и нашел письмо жены. Бедная, как она ненавидит меня. Господи, помоги мне. Крест бы, так крест, чтобы давил, раздавил меня. А это дерганье души – ужасно, не только тяжело, больно, но трудно. Помогите же мне! Попытки тщетные писать. То ту, то другую статью. О переписи важно, но не готово в душе. Пошел в музей. Николай Федорович добр и мил. Походил с ним, потом купил табуку (1) и к Урусовым. У них был обыск. Дома тихо. Один шил. За чаем дети, Кислинский, разговор о брезгливости. Злоба. Ушел к Усову. Хороший разговор о городе и деревне. Можно говорить о выгодах города, как выгоды, но как только поставить вопрос, что нравственнее, так все кончено. [...]

[4 мая.] Взясся за работу. И опять с одной статьи перескакивал на другую. И бросил. Пошел к Давыдову и Захарьину. Прокуратура Давыдова невыносимо

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
отвратительно мне. Я вижу, что в этих компромиссах все зло. Я не сказал ему (1). Он рассказывал невероятные гадости и глупости их службы и отношения с губернатором. [...]

[5 мая.] Во сне видел, что жена меня любит. Как мне легко, ясно все стало! Ничего похожего наяву. И это-то губит мою жизнь. И не пытаюсь писать. Хорошо умереть. [...]

[6 мая.] Поздно. Неожиданно уяснилась статья о переписи, и работал утро. Потом пошел к Олсуфьевым. Рассказ о Поливанове, сидящем в дыре и получающем хлеб сверху. Христиане! Платят в Сибири 50 рублей за живого и 25 рублей за мертвого беглого. Христиане! [...]

[7 мая.] Поздно. Сел за работу. Медленно подвигалось. Пришел Чупров. Тоже очень хорошее впечатление. Пробежался до обеда. После обеда поехал верхом. Встретил Барановского. Как мне трудно мое положение известного писателя. Только с мужиками я вполне простой, то есть настоящий человек. [...]

[8 мая.] Очень поздно. Письмо от Озмидова с Наумом. Ему нечем мать похоронить. Сначала было неприятно. Напомнило ясенскую раздачу денег. Что-то не то. Хотел собирать. Но тут случились Олсуфьев и Морозова, дали по 5, Сеурон рубль, няня 20 копеек, и собрали 18 рублей. Я сказал, что надо отдать бедным. Очень хорошо. Может быть, так надо. Мои все ухом не повели. Точно моя жизнь на счет их. Чем я живее, тем они мертвее. Илья как будто прислушивается. Хоть бы один человек в семье воскрес! Александр Петрович стал рассказывать. Они обедают в кухне, пришел нищий. Говорит, вши заели. Лиза не верит. Лукьян встал и дал рубаху. Александр Петрович заплакал, говоря это. Вот и чудо! Живу в семье, и ближе всех мне золоторотец Александр Петрович и Лукьян-кучер. Пошел к Усову за книгой. Ключ к Усову: тщеславие и большой, здоровый ум. Он похож на Тургенева. Менее изящен, но гораздо умнее. Оттуда к Лазареву. Добрый, нежный старичок. Очень любовен. Был рад мне. Дома все то же - ничего. Пошел к Сереже, - Костенька, Машенька, Элен. Оттуда странствие по необыкновенному дождю. Читал о Кравкове в "Историческом вестнике". Важно.

[12 мая. Ясная Поляна.] Рано. Пытался не курить. Подвигаюсь. Но хорошо видеть свою дрянность. Ехал спокойно. Я ни с кем не говорил. Читал Михайловского о себе в "Отечественных записках" 75 года.

Очень испортил меня город. Тщеславие стало опять поднимать голову. Хорошо в Ясной - тихо, но, слава богу, нет желания наслаждаться, а требование от себя.

Эмерсон хорош. Довольно тихо прошла дорога.

[13 мая.] В 10-м комната убрана. Я сказал, чтобы не убирали. Стал поправлять статью. Не идет. Читал Эмерсона. Глубок, смол, но часто капризен и спутан. Все попытки сердиться.

Не говорить, не курить, не разжигаться.

Пришла вдова Анна крыльцовская, сама пята. День не евши, а два дня так. Среди разбиранья наших вещей она стояла перед крыльцом с мальчиком. Есть нечего. Надо поехать к ней и помочь.

Пошел ходить. И хожу, гуляю скверно. Зашел в деревню. Беседовал с Евдокимом и Сергеем Резуновым. Я пытался предложить общую работу с тем, чтобы излишек шел на бедных. Как слово "бедных" и "для бога", так презрение и равнодушие. [...]

[18 мая.] Очень поздно. Нужно вставать к детскому кофе. Работа не идет. Но я не могу отстать от нее. Духом - плотью спокоен. Ездил с Таней верхом. Письмо от переводчицы на немецкий. Ходил к Павлу сапожнику. Читаю Нуратиа. Бездарно. Интересно, как он решает религиозный вопрос. Завтра приезжает Татьяна.

[19 мая.] [...] Нечем помянуть - месяц. Ничего не сделал. Попытки и начало работы тогда только можно счесть за дело, когда кончу. Одно, что дурного знаю - не было. Если было к семье, то и то меньше, и еще то, что мысль Бугаева зашла мне в голову и придает мне силы. Я становлюсь надежен. Еще сознание того, что надо только делать добро около себя, радовать людей вокруг себя без всякой цели, и это великая цель.

[20 мая.] Опять волнение души. Страдаю я ужасно. Тупость, мертвенность души, это можно переносить, но при этом дерзость, самоуверенность. Надо и это уметь снести, если не с любовью, то с жалостью. Я раздражителен, мрачен с утра. Я плох. Встал раньше. Пил кофе с детьми. Читал "Нуратия". Получил письмо Черткова. Луч света в мрак, еще сгустившийся с приездом Тани. Просители: Кубышкин плачет. Лошадь его продали за 1 1/2 рубля. Он плачет. Нет прав. Баба-вдова, сама пята, отбирают землю. Тарас и Константин подрались с Осипом. Старшина их хочет сечь. Михеев жалуется, что его обделили. И Николай Ермишкин на сходке кулаки сучит - пьяный. Няня говорит, что сколько ни помогай родным, под старость никто добра не вспомнит - выгонят. Попадья говорит, что нынче не возьмут замуж без денег. Кузминские говорят про моды и деньги, которые для этого нужны. Как тут жить, как прорывать этот засыпающийся песок? Буду рыть. Курил и неприятным тоном заговорил за чаем (2).

[21 мая.] Раньше. С детьми кофе. Читал "Нуратия". Пропать просителей. Обделенные землю вдовы, нищие. Как это мне тяжело, потому что ложно. Я ничего не могу им делать. Я их не знаю. И их слишком много. И стена между мной и ими. Разговор за чаем с женою, опять злоба. Попытался писать, - нейдет. Поехал в Тулу. Дорогой мать с дочерью. Ее зять, каменщик, повез мужика за Сергиевское. Его соблазнило богатство мужика (он хвастал, что берет 2000 за невестой), и он в долу стал убивать его взятым с собою топором. Тот вырвал топор. Этот просил прощенья. Тот выдал его в деревне. Ведь это ужасно! Резунова старуха приносила выдранную Тарасом косу в платочке. Как помочь этому? Как светить светом, когда еще сам полон слабостей, преодолеть которые не в силах? В Туле, не слезая с лошади, все сделал. Вернулся в 6. Почитал и шил сапоги. Долго говорил с Таней. Говорить нельзя. Они не понимают. И молчать нельзя. Курил и невоздержан (2).

[22 мая.] Поздно. Говорил с детьми, как жить - самим себе служить. Верочка говорит: Ну хорошо неделю, но ведь так нельзя жить. И мы доводим до этого детей! Пробовал писать - тщетно. Слабость и праздность. Пойду ходить.

Хорошо думал, гуляя, о своей жизни - как все дурное в себе, т. е. там, откуда его можно вынуть. О хозяйстве - лошадях заботился и распорядился. Пришел домой, стоит в кусту раздетый золоторотец ярославец из учительской семинарии. Я хорошо с ним поговорил по душе, но дал мало и не оставил его у себя (1). В воспоминании о нем раскаяние. После обеда поехал верхом - праздно (2). Дома был мрачен, потом сидел с своими и шил сапоги. Не знаю, долбит ли моя капля, а неволью капля все падает. Нынче думал: родись духом одна из наших женщин - Соня или Таня, что бы это была за сила. Это вспыхнул бы огонь, который теплился. Решил на гулянье, что главная причина моего дурного: невоздержание - пищи, плотское, куренье.

[23 мая.] Встал поздно, бодро. Проситель, щекинский мужик, очевидно, только выпросить что-нибудь, и учитель буржуазно-глупый - боится, что у него авторский талант, а он зароет его. Мягко, но ясно сказал ему, чтобы он бросил. Сажусь писать. Ничего не вышло. Пошел ходить, как шальной, в Чепыж. Оттуда в Засеку. Много думал о жене. Надо любить, а не сердиться, надо ее заставить любить себя. Так и сделаю. Почти не курил. Вечер ездил с Машей и шил сапоги весело.

[24 мая.] Рано. Голова болит. И не пытался писать. Покосил. Пошел на пчельник. День прелестный. В такие дни сидят по городам и невольные мученики в крепостях. Отравляет. Нынче телятинская баба. Сама пята. Мужа мировой судья посадил на 8 месяцев. Читал Августина. Есть хоршее.

[25 мая.] Раньше. Покосил. Просители. Опять бабы посаженных мужьев. Четыре - таких. Две телятинские за воровство, две щекинские за сопротивление власти. Ходил с девочками, собирали цветы. После обеда - тоска. Пошли было на Козловку. Муж ушел от Маши. Она, бедная, расплакалась. Вечером немного ожил. Не мог быть любовен, как хотел. Очень я плох. Письма от Озмидова - нужда. Он не свободен. И от переводчицы. Да, забыл - утром пошел было, вернулся и писал.

[26 мая.] Я ужасно плох. Две крайности - порывы духа и власть плоти. Миша Кузминский какой неиспорченный еще мальчик. И его будут искусственно портить во имя нас. Ходил по заказу. Мучительная борьба. И я не владею собой. Ищу причины: табак, невоздержание, отсутствие работы воображения. Все пустяки. Причина одна - отсутствие любимой и любящей жены. Началось с той поры, 14 лет, как лопнула струна и я сознал свое одиночество. Это все не резон. Надо найти жену в ней же. И должно, и можно, и я найду. Господи, помоги мне.

Ездил верхом в Ясенки. Разговор с Таней, дочерью, хороший.

[27 мая.] Раньше. Читаю Августина. Ходил по шоссе. Вдруг совершенно спокоен.

[...] Два дня хорошо. После обеда поехал навстречу Кузминскому. У них ненависть. Потом я пошел один на Козловку к мальчикам. Чудная ночь. Мне так было ясно, что жизнь наша есть исполнение возложенного на нас долга. И все сделано для того, чтобы исполнение это было радостно. Все залито радостью. Страдания, потери, смерть – все это добро. Страдания производят счастье и радость, как труд, отдых, боль, сознание здоровья, смерть близких – сознание долга, потому что это одно утешение. Своя смерть – успокоение. Но обратного нельзя сказать; отдых не производит усталости, здоровье боли, сознание долга смерти. Все радость, как только сознание долга. Жизнь человека, известная нам – волна, одетая вся блеском и радостью.

Кузминский тяжел. Очень мертв. Дети, Илья и Леля, приехали – полны жизни и соблазнов, против которых я почти ничего не могу.

[28 мая.] Рано. Нездоровится, желчь, дурно спал, и все-таки хорошо. Неужели это так и пойдет? Кузминские ссорятся. Я ей говорил. Милой няне говорил. Покосил. Перечел свою статью – хорошо может быть. Вчера письмо от Урусова – очень хорошее. Прекрасно его сомнение о словах. Поднялось было тщеславие о печатании своей книги и, слава богу, пало. Только бы быть в исполнении своей обязанности. Как бы был счастлив.

Написал кучу, писал Толстой, Армфельд, Озмидову, Урусову, Бахмотеву. Пытаюсь быть ясен и счастлив, но очень, очень тяжело. Все, что я делаю, дурно, и я страдаю от этого дурного ужасно. Точно я один не сумасшедший живу в доме сумасшедших, управляемом сумасшедшими.

[29 мая.] Рано. Все нездоровится. Читаю, даже не пытаюсь писать. Кошу. После обеда пошел с девочками гулять к Бибикову. Там дети увязались за нами. Очень весело с детьми. Ужасно то, что все зло – роскошь, разврат жизни, в которых я живу, я сам сделал. И сам испорчен и не могу поправиться. Могу сказать, что поправляюсь, но так медленно. Не могу бросить куренье, не могу найти обращения с женой, такого, чтобы не оскорблять ее и не потакать ей. Ищу. Стараюсь. Приехал Сережа. Тоже нехорош я с ним. Точно так же, как с женой. Они не видят и не знают моих страданий.

[30 мая.] Рано. Все так же нездоровится. Читал роман Вендрих. Новые требования жизни прекрасно описаны. Жить не для себя, а для других, для идеи. Прекрасно. Косил. Слаб. Просители. Судятся. Надо прямо отсылать таких. Вчера славные два золоторотца. Я накормил их. И как было хорошо!

Отчуждение с женой все растет. И она не видит и не хочет видеть. Поеду в Телятинки по делу посаженных в острог. Ездил в Телятинки и Ясенки, письмо Урусову. Два старика: кривой староста и печник. Оба мохом обрастают. Дома попытки разговора – бесполезные.

[31 мая.] Рано. Не помню. Знаю, что не работал. Кажется, просмотрел написанное. Дальше не могу идти. А доволен. И очень сильно и "к делу" дальнейшее. Ничего не помню. Только дурного не было. Ездил к мировому. Его сын юрист. – Зачем сажают в острог? – "Для нравственного исправления", а сам смеется. А отец сажает. Он разрешил выпустить. Дома играют в винт. Неприятно. Вечером она говорит: голова свежа. Я счел себя обязанным говорить. Сказал, и все тот же бессмысленный, тупой отпор. Не спал всю ночь.

[3 июня.] Рано. Ночь не спал, и отвратительно. Попытался писать. Пошел на суд. Заведение для порчи народа. И очень испорчен. Расчесывают болячки – вот суд. Молчал. Баба, жена убитого – бедная, добрая. Обед. Она нехорошо кричала. Больно, что не знаю, что надо делать. Молчал. Пошел к Резуновым, читал Евангелие. Дома чай и беседа с Сережей и Кузминским – хорошо. Сережа говорит: тщетно делать. Кузминский говорит: скептицизм.

[4 июня.] Поздно. Esprit de l'escalier [Задним умом крепок (фр.)]. Думал о вчерашнем разговоре, и как раз утром Кузминский и Сережа одни сошлись со мной за кофе. Я сказал Саше, что скептицизм ведет к несчастью, если человек живет в

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

разладе с своими идеалами: чем дальше он пойдет по этому пути, тем тяжелее ему будет. И для него надо желать, чтобы жизнь его была хуже. Чем хуже, тем лучше. Он согласился. Сереже я сказал, что всем надо везти тяжесть, и все его рассуждения, как и многих других, – отвиливания: "Повезу, когда другие". "Повезу, когда оно тронется". "Оно само пойдет". Только бы не везти. Тогда он сказал: я не вижу, чтоб кто-нибудь вез. И про меня, что я не везу. Я только говорю. Это оскорбило больно меня. Такой же, как мать, злой и нечувствующий. Очень больно было. Хотелось сейчас уйти. Но все это слабость. Не для людей, а для бога. Делай, как знаешь, для себя, а не для того, чтобы доказать. Но ужасно больно. Разумеется, я виноват, если мне больно. Борюсь, тушу поднявшийся огонь, но чувствую, что это сильно погнуло весы. И в самом деле, на что я им нужен? На что все мои мученья? И как бы ни были тяжелы (да они легки) условия бродяги, там не может быть ничего, подобного этой боли сердца.

Переписанный отрывок прочел и чуть подправил. Пойду косить и шить. С завтрашнего дня встаю в 5. Но не курить и не берусь еще.

Косил долго. Обедали. Сейчас же пошел шить и шил до позднего вечера. Не курил. Вокруг меня идет то же дармоедство.

[5 июня.] Встал в 5. Разбудил мальчиков. Прошел к Павлу и сел работать. Работал довольно тяжело. Не курил. В 12 пошел завтракать и встретил все ту же злобу и несправедливость. Вчера Сережа покачул весы, нынче она. Только бы мне быть уверенным в себе, а я не могу продолжать эту дикую жизнь. Даже для них это будет польза. Они одумаются, если у них есть что-нибудь похожее на сердце.

Косил. Шил сапоги. Не помню. Девочки меня любят. Маша цепка. Письмо Черткова и офицера.

[7 июня.] В 5. Шил две упряжки, третью косил. Пришел Штанге революционер. Четвертую с ним ходил, и девочки выехали за мной. Хорошо, но устал.

[10 июня.] Проснулся в 8, усталый. Походил, обдумывая. Читал "Отечественные записки". Русский рабочий на фабрике в пять раз получает менее, и праздников меньше. Обдумывал свою статью. Кажется, ложно начато. Надо бросить.

[11 июня.] Встал с усилием в 6. Построчил, поехал в Тулу на почту. Устал. Ничего не мог делать. Пошел купаться. Я спокойнее, сильнее духом. Вечером жестокий разговор о самарских деньгах. Стараюсь сделать, как бы я сделал перед богом, и не могу избежать злобы. Это должно кончиться.

Думал о своих неудачных попытках романа из народного быта. Что за нелепость?! Задаться мыслью написать сочинение, в котором первое место бы занимала любовь, а действующие лица были бы мужики, то есть люди, у которых любовь занимает не только не первое место, но у которых и нет той похотливой любви, о которой требуется писать. Хочется писать, и много есть работы; но теперь перемена образа жизни лишает ясности мысли.

[13 июня.] Рано. Сходил к Федоту. Страшная нищета. Как мы выработали в себе приемы жестокости. Ведь, собственно, надо было остаться там и не уйти, пока не сравнял его с собою.

[...] После обеда пошел в Ясенки. Бьют камень – мальчик шестнадцати лет, взрослый и старик шестидесяти лет. Выбивают на харчи. Камень крепок. Работа каторжная с раннего утра до позднего вечера. Петр Осипов выразил сочувствие революционерам. Говорит: "И прислуга-то ваша замолена у бога. Я думаю, говорит, им уж так много заслужили предки".

[14 июня.] Рано. Скосил. За кофе говорил с Марьей Ивановной, Алсидом и Lake о работниках на камне. Говорил хорошо, но слушали скверно. Продолжал статью – чуть двигается.

[...] Главное несчастье наше – это то, что мы потребляем больше, чем работаем, и потому путаемся в жизни. Работать больше, чем потреблять, но может быть вредно. Это высший закон.

[18 июня.] Позже, в 7. Убрался, после кофе я шлялся без причалу – елку срубил, с Митрофаном о садах. Позволил оставить задаток. Все это гадко. Пошел к Штанге.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Встретил детей. Девочку – простая, ясная. Она дочь прислуги ведется, как все. У них мальчики. Пришли крестьянские, они как с гостем, не учтиво только, но естественно, добро. Штанге пошел провожать меня. Рассказывал свою логику. Очень хорошо. Он хороший человек. Дома все отобедали. Приехал брат Сережа. И две бабы – жены острожных, и две вдовы-солдатки. Ждали. Я устал и засуетился с ними, и Штанге, и Сережей. Тяжелое, суетливое состояние. Скверно наскоро пообедали. Пишу все это к тому, чтобы объяснить последующее.

Вечером покосил у дома, пришел мужик об усадьбе. Пошел купаться. Вернулся бодрый, веселый, и вдруг начались со стороны жены бессмысленные упреки за лошадей, которых мне не нужно и от которых я только хочу избавиться. Я ничего не сказал, но мне стало ужасно тяжело. Я ушел и хотел уйти совсем, но ее беременность заставила меня вернуться с половины дороги в Тулу. Дома играют в винт бородатые мужики – молодые мои два сына. "Она на крокете, ты не видал", говорит Таня, сестра. "И не хочу видеть". И пошел к себе, спать на диване; но не мог от горя. Ах, как тяжело! Все-таки мне жалко ее. И все-таки не могу поверить тому, что она совсем деревянная. Только что заснул в 3-м часу, она пришла, разбудила меня: "Прости меня, я рожаю, может быть, умру". Пошли наверх. Начались роды, – то, что есть самого радостного, счастливого в семье, прошло как что-то ненужное и тяжелое. Кормилица приставлена кормить.

Если кто управляет делами нашей жизни, то мне хочется упрекнуть его. Это слишком трудно и безжалостно. Безжалостно относительно ее. Я вижу, что она с усиливающейся быстротой идет к гибели и к страданиям душевным ужасным. Заснул в 8. В 12 проснулся. Сколько помнится, сел писать. Когда приехал из Тулы брат, я в первый раз в жизни сказал ему всю тяжесть своего положения. Не помню, как прошел вечер. Купался. Опять винт, и я невольно засиделся с ними, смотря в карты.

[Июнь. Повторение.] Переделывал свои привычки. Вставал рано. Работал физически больше. И невольно говорил и говорил всем окружающим. Разрыв с женою уже нельзя сказать, что больше, но полный.

Вина совсем не пью, чай вприкуску и мяса не ем. Курю еще, но меньше.

[19 июня.] Встал в 8-м. Убрал комнату при Сереже.

[...] Мужик Григорий Болхин, Кастер-мастер и Павел, сапожник, косят сад. Я около 11 часов ввязался в их работу и прокосил с ними до вечера. Дети – Илья и Леля и Алсид – косили же. Очень было радостно. Вечером пошли купаться.

Опять винт.

[20 июня.] В 7-м, не убирая комнаты, пошел к косцам и натошак до обеда тянулся за ними и вытянул. Приходил один Леля. Позавтракал и заснул на полчаса. Теперь пишу это. Вечер хочу съездить в Ясенки.

Был в Ясенках. Лошадь наступила на ногу.

[21 июня.] Бабы работали, мои – нет. Я работал с мужиками весь день, кроме последних копен. Вечером у Маши в комнате заговорили о том, как каждый провел день. Это не игрушка. Я бы ввел этот обычай. Разумеется, не нужно принуждать. Кто хочет, рассказывает.

[23 июня.] В 7, не дожидаясь народа, работал с Блохиным. Он говорит: "Это будет очень затруднительно. Крестьяне это все должны исправить. Для развлечения времени – можно". Шел по саду, и ему понравилось в аллеях, захохотал. "Нда! Прекрасно для разгулки". Без всяких шуток, чем он более сумасшедший, чем все наши семейные. Вызывал Таню. Она возила с граблями. Она мягка тоже, но очень уж испорчена. А хорошая, очень хорошая бы могла быть женщина. Я не переставая работал и очень устал. Не мог спать – руки ныли, но очень хорошо и телесно, и душевно. Мне дали копну, то есть воз большой. Не ждал я, что на старости можно так учиться и исправляться. Тяжела возка и уборка. Жена очень спокойна и довольна и не видит всего разрыва. Стараюсь сделать, как надо. А как надо, не знаю. Надо сделать – как надо, всякую минуту, и выйдет, как надо все.

[24 июня.] Встал не так рано, усталый. Пошел на Козловку. Письмо Урусова. Мечтал о том, как бы я поехал во Францию – везде можно одинаково хорошо жить.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Теоретически можно. Попробовал продолжать писанье – не мог. После обеда с Таней ездили в Ясенки. Она напугала нас на Султানে. Больше ничего не помню. Многого я очень требую от моих близких. В них шевелится совесть, в лучших, и то хорошо. Александр Михайлович очень таков [?]

Перечитывал дневник тех дней, когда отыскивал причину соблазнов. Все вздор, одна – отсутствие физической напряженной работы. Я недостаточно ценю счастье свободы от соблазнов после работы. Это счастье дешево купить усталостью и болью мускулов.

[25 июня.] Встал рано. Оpozдал против мужиков на пять рядов, но выставил свое. Работал весь день. Не обедал. Приходила тульская нищая. Я ничего не мог, а больно отказывать. И из Каменки Акулина. Чуть было и к ней не отнесся недоброжелательно. Послал Таню узнать и дать деньги. На покосе были Алсид и Илья, но скоро бросили и еще хуже. Вечером из Тулы письмо Черткова. Ему страшно отказаться от собственности. Он не знает, как достаются 20 тысяч. Напрасно. Я знаю – насилием над замученными работой людьми. Надо написать ему. В комнате жены собрались рассказывать день. И я первый Маше сказал обидно. Потому что мне вся их жизнь жалка, а она сказала свой первый образчик.

[26 июня.] Встал измученный и больной в 7 и пошел на работу: косил целый день без перерыва. Пришла с кофеем Таня. Приятно. Сережа косил. Он невозможен своей самоуверенностью и эгоизмом. Приходили мужики – покупатели мясоедовского имения. Им надо купить, чтоб избавиться от злодея-соседа и иметь землю, но они зарываются. Беседовали с мужиками о Турции и земле там. Как много они знают, и как поучительна беседа с ними, особенно в сравнении с бедностью наших интересов. [...]

[28 июня.] Рано. Нездоровилось, но пошел после завтрака. Они много скосили, но я догонял. Нет, они трясли и гребли. Я начал работать с ними. Помешал дождь. Вечер косили. Дома праздность, обжорство и злость.

[29 июня.] Петров день. Встал рано. И косил один. Все то же.

[30 июня.] Косил с ними, только опоздал, с утра до 7. Был дождь. Я утром не ел до обеда и очень ослабел. [...] Саша Кузминский положительно добр и хорош. Вечером он пришел и пошел купаться, принес мне белье. Так просто, добро. Разговор с ним о честолюбии. Честолюбие и вообще vanité [тщеславие (фр.)] занимает пустое место, не занятое – мирозерцанием. Полнеет содержание мирозерцания, уничтожается vanité. Читал Эмерсона Наполеона – представитель жадного буржуа-эгоиста – прекрасно. [...]

[3 июля.] Встал в 6. Они уже по четыре ряда прошли. Я косил с страшным напряжением. Маша принесла кофе и ушла. Рано пошел обедать. Заснул. Соня все привередничает и говорит о себе. Это ужасное ее мученье.

Пошел на покос. Косили, и копнили, и опять косили. Очень устал. "Тимофей, голубчик, загони мою корову: у меня ребенок". Он – пустой, недобрый малый уморился и все-таки бежит. Вот условия нравственные. "Анютка, беги, милая, загони овец". И семилетняя девочка летит босиком по скошенной траве. Вот условия. "Мальчик, принеси кружку напиток". Летит пятилетний и в минуту приносит. И понял, и сделал. Пришел страшно измученный. Маша принесла мне бульон и снесла федоту. Вчера с Сашей говорили обо мне, нынче с братом.

Вот именно: чем все это кончится.

[4 июля.] Спал крепко. Встал в семь. Пошел к брату Сергею. Он едет занимать деньги. Он все решил и меня осудил. И я сдуру натошак разговорился с ним. И было ужасно мучительно. Легче страшный физический труд. Дмитрий Федорович принес переписанное. Я прочел – хорошо. Работа моя на покосе отстала – совестно.

Пришел с купанья. Сидят на крокете. Илюша все слышал и рассказал Тане. Констанция тут же. Меня задирают. Я начал говорить. И они как будто взволнованы, и им что-то нужно. Пошел на покос. Илья пошел косить. Скоро бросил. Я работал много. Вечером усталый сидел, хотел идти спать. Да, еще прежде жена стала говорить. И как будто хорошо. Хотя трудно сдерживалось раздражение. Говорит: надо жить в деревне, но как только разговор о жизни, так элюдируют [уклоняются (от фр. éluder)]. Потом уже вечером, когда я хотел идти спать, начался разговор.

Таня как будто поддерживала меня. Сережа брат сочувственно молчал. До двух часов говорили. Я измучился страшно и чувствовал, что праздно. (Так и вышло.)

[6 июля.] Дурной день. Встал в 8-м, убрался, хотел идти в Тулу, но почувствовал себя столь слабым, что поехал верхом. Перед отъездом приехал Артемов об земле. Я ему грубо и зло сказал: завидушие глаза. И поехал убитый. В Туле духота. В банках чистенькие, щелкают счетами и, моча о губку, считают, постукивая, бумажки; а по дороге бабы навивают, мужики косят, скородят. Нищие и странники слабые, голодные идут. Приехал растертый и измученный, послал деньги на почту. Дорогой я ехал и мечтал о том, что, устроив правильно жизнь, то есть отдавая другим хоть какую-нибудь долю, я должен прежде всего взяться за хозяйство. Я надеюсь, что мог бы теперь делать, не увлекаясь и всегда зная, что отношения с человеком дороже всего. В Туле Урусов. Очень много разговора. Дома попытки отношений – как будто мы все разрешили и, вместе с тем, ничего изменять не надо.

[7 июля.] Встал в 7. Напился кофе, поговорил с m-me Seuron. Она рассказала, что Таня прибила Устюшу. Пошел к Артемову просить прощения. Но, к счастью или несчастью, – не застал его. Вернулся домой и имел несчастье сказать о неугасаемом чае. Сцена. Я ушел. Она начинает плотски соблазнять меня. Я хотел бы удержаться, но чувствую, что не удержусь в настоящих условиях. А сожитие с чужой по духу женщиной, то есть с ней – ужасно гадко.

[...] Только что я написал это, она пришла ко мне и начала истерическую сцену, – смысл тот, что ничего переменить нельзя, и она несчастна, и ей надо куда-то убежать. Мне было жалко ее; но вместе с тем я сознавал, что безнадежно. Она до моей смерти останется жерновом на шее моей и детей. Должно быть, так надо. Выучиться не тонуть с жерновом на шее. Но дети? Это, видно, должно быть. И мне больно только потому, что я близорук. Я успокоил, как больную. Приехали Урусов и Обамелик. Урусов очень слаб. Обамелик – дикий человек, научившийся всей внешности цивилизации. Не мог пойти работать.

[12 июля.] Встаю все-таки не позже 8. Читаю Meadows и по-еврейски Евангелие. Все нездоров и слаб, слаб во всех отношениях. Целый день прошел без событий. Разговоры и интерес к ним затихли. Объявил, что пойду в Киев. Ночью вошел наверх. Объяснение. Не понимаю, как избавить себя от страданий, а ее от гибели, в которую она с стремительностью летит. [...]

[14 июля.] Пропустил несколько дней и записывал на память в среду. Кажется, что в этот день я звал жену, и она, с холодной злостью и желанием сделать больно, отказала. Я не спал всю ночь. И ночью собрался уехать, уложился и пошел разбудить ее. Не знаю, что со мной было: желчь, похоть, нравственная измученность, но я страдал ужасно. Она встала, я все ей высказал, высказал, что она перестала быть женой. Помощница мужу? Она уже давно не помогает, а мешает. Мать детей? Она не хочет ею быть. Кормилица? Она не хочет. Подруга ночей. И из этого она делает заманку и игрушку. Ужасно тяжело было, и я чувствовал, что праздно и слабо. Напрасно я не уехал. Кажется, этого не миную. Хотя ужасно жаль детей. Я все больше и больше люблю и жалею их.

[15 июля.] Проснулся в десять. Разговор с Сережей. Он без причины сделал грубость. Я огорчился и выговорил ему все. И буржуазность, и тупость, и злость, и самодовольство. Он вдруг заговорил о том, что его не любят, и заплакал. Боже, как мне больно стало. Целый день ходил и после обеда поймал Сережу и сказал ему: "Мне совестно..." Он вдруг зарыдал, стал целовать и говорить: "Прости, прости меня". Давно я не испытывал ничего подобного. Вот счастье.

[17 июля.] Встал поздно. Но кофе с детьми. Все поправляю по утрам немецкий перевод и читаю с удивлением о том, как не трогает это людей. Вечером пошел с детьми за грибами и остался с бабуринскими косцами косить. Они пьяные. Мне хорошо было с ними. Дома отношения опять натягиваются и натягиваются только с женою. Те все любят меня.

[18 июля.] Встал в восемь. Утро работал над переводом с m-me Seuron. После завтрака пошел с Андрюшей за грибами. Он очень мил. Какие бы вышли люди, если бы их не портили! Целый день хочу спать. Письмо от Ге. Книги от Черткова. Теперь поеду к Леониду и в Никольское. Как будто еще натянутое.

[24 июля.] Первый день выпался. Приехал Ге. Письма прекрасные от Черткова. Написал ему длинейшее письмо. Ге очень хорош, ощущение, что слишком уже мы

понимаем друг друга.

[25 июля.] С Ге пошел в Тулу к Урусову. Там Борисов. Тип жуира, окрасившегося социализмом 70-х годов. Вернулись домой с Ге. Прелестное, чистое существо. [...]

[27 июля.] Нынче встал поздно, свежо. Говорил наверху о Ге. О том, что у нравственного человека семейные отношения сложны, у безнравственного все гладко.

[...] Еще думал о книге для народа, опять в форме признания - хорошо. Покосил немного. Пошел потом к Павлу и учителю. Поздно приехали Любовь Александровна с Вячеславом.

6 августа. Опять три дня прошло, и не помню. Нынче поздно встал. Лихорадочное состояние. И тревога, и заботы и о переводе, и о лошадях, и даже о прогулке за грибами. Желаю умереть, и когда физически плохо, и еще больше, когда в душе сумбур. Перечел опять статью о переписи. Все не хочется бросить, поправил кое-что. Странно, что невольно выступает то, что неожиданно я нашел их лучше себя. Должно быть, так. Утром разговор с Таней. И я себе уяснил, что в числе ряда дел, наполняющих жизнь, есть дела настоящие и пустые. Знать настоящие и пустые - в этом все знание жизни. Вечером глупая шарада и потом почтовый ящик. Стихи Сони тронули Таню. Они втроем - две Маши и она заплакали. Сознание своего ложного положения проникает в детей. Вячеслав спорил с Сережей, и Сережа говорил моими словами.

[9 августа.] Утром начали разговор и горячо, но хорошо. Я сказал, что должно. Приехал Армфельд. Я целый день болтался и болтал с ним. Произведения науки, как учреждение вроде церкви, пустая важность. И умен, и знающ, но пуст. Пришел домой, Соня помирилась. Как я был рад. Именно, если бы она взялась быть хорошей, она была бы очень хороша.

[17 августа.] Верочка Кузминская решила, что ходить без mademoiselle в гимназию нельзя, потому что все засмеют. И я понял в первый раз всю страшную силу влияния среды. Все можно сделать в школе, и потому как же строго надо относиться к тому, что делаешь в школе.

[21 августа.] Грибы и готовящееся нездоровье. Перечел статью, и вдруг вся выяснилась. Я лгал, выставя себя. Только перестать лгать, и все выйдет. [...]

[22 августа.] Именины жены. Почтовый ящик. Шаховской. Я написал о больных Яснополянского госпиталя. Хорошо было. Что-то трогает как-то их. Я не знаю как.

[25 августа.] Приехал Сережа, Шаховской, Ге. Много народа, не помню подробно. Слушаю: спорят за картами: "Я видел туза". - "Нет, вы не могли видеть" и т. д. Им тяжело и другим тяжело, зачем они это делают? Я думаю, что скоро выучатся этого не делать, то есть не настаивать на том, что я прав.

Не помню, нынче или вчера говорил с Шаховским и весь дрожал, показывая ему правду: что, делая дела дьявола - войну, суд, присягу, нельзя говорить о Христе. Уже нездоровится.

[28 августа.] Мне 2x28 лет. Наши уехали в Тулу провожать Веру Шидловскую. Я рад, что один, читал о древних персах Michelet. Хорошие мысли. Нездоровится. Приятно, дружно с женой. Говорил ей истины неприятные, и она не сердилась. Вечером читал Maupassant. Забирает мастерство красок; но нечего ему, бедному, писать.

[29 августа.] Две недели пропустил. Последнюю неделю я всю нездоров.

[...] Встал поздно, ночью жар. Соня убрала мою комнату, а потом гадко кричала на Власа. Я приучаюсь не негодовать и видеть в этом нравственный горб, который надо признать фактом и действовать при его существовании. Ходил по солнцу. Пропасть мыслей, просящихся на бумагу.

[31 августа.] Читал Michelet немного; проводил жену. Ходил за грибами. Хорошо думалось: умереть? Ну что ж. Износить свою личность так, что она не нужна, т. е. неразумна. Мне противно неразумно, стало быть - противна моя жизнь. Мне нужно и радостно разумное, стало быть, нужна и радостна смерть. [...]

[1 сентября.] Встал поздно, почитал Michelet. Геркулес - обоготворение труда,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
подвига. Разговор с Таней о том, что женщины никогда или редко любят т. е. отдают свое мирозерцание любимому человеку. Они всегда холодны. Она истинно сконфузилась, что я подсмотрел их trus [уловку (фр.)].

Пошел за грибами и целый день ходил. Рыжики – пахнут еловым молоком нежные. Пришел поздно – князь. Я шил сапоги и засиделся. Приезжали просить кольев три воза от Марьи Ивановны, и я отказал. Я стараюсь объяснить, что я хорошо сделал; но, судя по тому, как это отозвалось во мне, я сделал дурно.

[2 сентября.] Встал пораньше. Я здоров. Убрал все, походил и пил со всеми чай.

Разговор: сила женщин – лесть – что они любят. Мы так уверены, что мы стоим любви, что мы верим. Напрасно я свожу это на Соню. Мысль общая и очень для меня новая и важная. Приятно прошел день. Говорил с Таней очень хорошо. Она согласилась, что надо жить хорошо.

[3 сентября.] Ходил за грибами. Тосковал. Шил. Читаю Michelet.

[4 сентября.] Целый день шил и работал муштуки и липы рубил. Был в бане и ждал Соню. Она приехала. Я устал.

[5 сентября.] Утром разговор и неожиданная злость. Потом сошла ко мне и пилила до тех пор, пока вывела из себя. Я ничего не сказал, не сделал, но мне было тяжело. Она убежала в истерике. Я бегал за ней. Измучен страшно.

[8 сентября.] Кажется, немного поработал.

[9 сентября.] Был Урусов. Я хотел писать и не мог.

[10 сентября.] Буддизм и еврейское. Очень много читал. Писать не мог. И ездил в Колпенку к бедному. Проехал всеми полями. Очень хорошо. Слушал чтение – пустяков.

[12 сентября.] Читал буддизм – учение. Удивительно. Все то же учение. Ошибка только в том, чтобы спастись от жизни – совсем. Будда не спасается, а спасает людей. Это он забыл. Если бы некого было спасать – не было бы жизни. Учение о том, что вопросы о вечности не даны, – прелестны. Сравнение с раненым стрелой, который не хочет лечиться прежде, чем не узнал, кто его ранил.

Рубил. Гулял с Соней по лесу. После обеда гулял со всеми, шил сапоги плохо. Читал с детьми, вместо дрянного "Пасынкова" – "Полесье". И успех.

[13 сентября.] Опять прошло больше недели, и я не писал. Нынче был эксес... Мне стыдно. Утром девочки пришли делать задачи. Было очень весело. Потом читал Некрасова, чтоб читать детям. Пошел гулять со всем народом. Зашел к Федоту. Он – умирающий изнурительной болезнью – ест огурцы и грибы. Нельзя так жить.

Заснул после обеда. Читал с детьми Некрасова, Щедрина и Тургенева "Полесье". Все прекрасно. Приехал Леля, веселый. Письмо от Черткова и Маликова.

Дневник – 1885

1885. Кажется, 5 апреля. Все занятие моей жизни есть (к сожалению моему, потому что это скользкий обманчивый путь жизни) сознание и выражение истины. Часто мне приходят ясно выраженные мысли, радостные и полезные для меня, но, не найдя им места, я забываю их. Буду записывать. Кому-нибудь пригодятся.

Нынче. Думал о своем несчастном семействе: жене, сыновьях, дочери, которые живут рядом со мной и старательно ставят между мной и собой ширмы, чтобы не видеть истины и блага, которое обличит ложь их жизни, но и избавит их от страданий.

Хоть бы они-то поняли, что их праздная, трудами других поддерживаемая жизнь, только одно может иметь оправдание: то, что употребить свой досуг на то, чтобы одуматься, чтоб думать. Они же старательно наполняют этот досуг суетой, так что им еще меньше времени одуматься, чем задавленным работой.

Еще думал: об Усове, о профессорах: отчего они, такие умные и иногда хорошие

люди, так глупо и дурно живут? От власти на них женщин. Они отдаются течению жизни, потому что этого хотят их жены или любовницы. Все дело решается ночью. Виноваты они только в том, что подчиняют свое сознание своей слабости.

Еще думал: творить волю пославшего меня – это моя пища. Какое глубокое и простое значение. Спокойным, всегда удовлетворенным можно быть только, когда целью своей ставишь не что-либо внешнее, но исполнение воли пославшего. Я не хочу печатать своего портрета в сочинениях, – мне противно, неприятно. Но если я буду делать свою волю, я не соглашусь, оскорблю, огорчу. Если же я исполню не свою волю, я попрошу не делать этого. А если сделают, буду спокоен, потому что исполнил волю пославшего.

Еще какое ясное выражение: это – моя пища. Большинство людей делают для себя только то, что нужно для тела: пищу, и половое, и забавы, а то все для людей. Так вот про всю ту область, которую люди делают не для себя, а для славы людской, Христос говорит, что в ней надо работать, исполняя волю пославшего – не для людей. И про эту-то деятельность он говорит, что она для него, как пища, также необходима и не зависима от мнения людского. Творить волю пославшего так же, как есть и пить, не для людей, а для своего удовлетворения. Вот это-то и нужно, и это-то и можно, и это-то единственный путь жизни, дающий благо всегда, везде.

Дневник – 1886

1886. 19 июня. Мир живет. В мире жизнь. Жизнь – тайна для всех людей. Одни называют ее бог, другие – сила. Все равно – она тайна. Жизнь разлита во всем. Все живет вместе, и все живет – отдельно: живет человек, живет червь. (Эту отдельную жизнь наука называет организмами.) Это глупое слово – неясное. То, что они называют организмом, есть сила жизни, обособленная местом и временем и неразумно заявляющая требования жизни общей для своей обособленности. Это обособление жизни само в себе носит противоречие. Оно исключает все другое. Все другое исключает его. Оно, кроме того, исключает самого себя. Своим стремлением к жизни оно уничтожает себя: всякий шаг, всякий акт жизни есть умирание.

Противоречие это было бы неразрешимо, если бы в мире не было разума. Но разум есть в человеке. Он-то и уничтожает это противоречие. Один человек съел бы другого, если бы у него не было разума, показывающего ему, что его благо: ему лучше быть в любви с этим другим человеком и вместе с ним убивать зверей для пищи. Этот же разум показал ему, что ему лучше не убивать зверей, а быть в любви с ними и питаться их произведениями. Этот же разум покажет и дальше в этом направлении и уничтожит противоречие эгоизма. [...]

Задача человека в этой жизни отречься от всего противоречивого в самом себе, т. е. личного, эгоистического, для возможности служения разуму, для уничтожения внутреннего противоречия жизни, в чем одном он находит полное удовлетворение, безопасность, бесстрашие и спокойствие перед смертью. Если он не исполняет этой задачи, он остается в внутреннем противоречии личной жизни и уничтожает себя, как уничтожает себя всякое противоречие. [...]

1886. 28 августа. Главное заблуждение жизни людей то, что каждому отдельно кажется, что руководитель его жизни есть стремление к наслаждениям и отвращение от страданий. И человек один, без руководства, отдается этому руководителю, – он ищет наслаждений и избегает страданий и в этом полагает цель и смысл жизни. Но человек никогда не может жить, наслаждаясь, и не может избежать страданий. Стало быть, не в этом цель жизни. А если бы была, то – что за нелепость: цель – наслаждения, и их нет и не может быть. А если бы они и были, – конец жизни, смерть, всегда сопряженная с страданием. Если бы моряк решил бы, что цель его – миновать подъемы волн, – куда бы он заехал? Цель жизни вне наслаждений и страданий. Она достигается, проходя через них.

Наслаждения, страдания это дыхание жизни: вдыхание и выдыхание, пища и отдача ее. Положить свою цель в наслаждении и избегании страданий – это значит потерять путь, пересекающий их.

Цель жизни общая или духовная. Единение. Только.

Не знаю дальше, устал.

Дневник - 1887

1887. Февраля 3-го. Человек употребляет свой разум на то, чтобы спрашивать: зачем и отчего? - прилагая эти вопросы к жизни своей и жизни мира. И разум же показывает ему, что ответов нет. Делается что-то вроде дурноты, головокружения при этих вопросах. Индейцы на вопрос отчего? говорят: Майя соблазнила Брама, существовавшего в себе, чтобы он сотворил мир, а на вопрос зачем? не придумывают даже и такого глупого ответа. Никакая религия не придумала, да и ум человека не может придумать ответов на эти вопросы. Что ж это значит?

А то, что разум человеку не дан на то, чтобы отвечать на эти вопросы, что самое задание таких вопросов означает заблуждение разума. Разум решает только основной вопрос как. И для того, чтобы знать как, он решает в пределах конечности вопросы отчего и зачем?

Что же как? Как жить? Как же жить? Блаженно. Этого нужно всему живущему и мне. И возможность этого дана всему живущему и мне. И это решение исключает вопросы отчего и зачем.

Но отчего и зачем не сразу находится блаженство? Опять ошибка разума. Блаженство есть делание своего блаженства, другого нет.

Дневник - 1888

23 ноября 1888. Москва. На днях была девушка, спрашивая (такой знакомый фальшивый вопрос!), что мне делать, чтоб быть полезной? И, разговорившись с ней, я сам себе уяснил: великое горе, от которого страдают миллионы, это не столько то, что люди живут дурно, а то, что люди живут не по совести, не по своей совести. Люди возьмут себе за совесть чью-нибудь другую, высшую против своей, совесть (например, Христову - самое обыкновенное) и, очевидно, не в силах будучи жить по чужой совести, живут не по ней и не по своей, и живут без совести. Я барышню эту убеждал, чтобы она жила не по моей, чего она хотела, а по своей совести. А она, бедняжка, и не знает, есть ли у нее какая-нибудь своя совесть. Это великое зло. И самое нужное людям - это выработать, выяснить себе свою совесть, а потом и жить по ней, а не так, как все - выбрать себе за совесть совсем чужую, недоступную и потом жить без совести и лгать, лгать, лгать, чтобы иметь вид живущего по избранной чужой совести. Потому-то я, истинно, предпочитаю кутилу-весельчака, не рассуждающего и отталкивающего всякие рассуждения, умствователю, живущему по чужой совести, то есть без нее. У первого может выработаться совесть, у второго никогда, до тех пор пока не вернется к состоянию первого.

Все не пишу - нет потребности такой, которая притиснула бы к столу, а нарочно не могу. Состояние спокойствия - того, что не делаю против совести, дает тихую радость и готовность к смерти, то есть жизнь всю. Вчера вечером сидел Евгений Попов, ему 24 года, и он в том же состоянии, как и я. С женой тяжелые отношения, распутать которые может только смиренная жизнь, как узел только покорное следование всем клубком за ниткой.

24 ноября. Начал писать письма Ге и Семенову - не мог. Читал, ходил на Софийку. Да, утром хотел писать "Номер газеты". Уже давно эта мысль приходит мне: написать обзор одного номера с определением значения каждой статьи. Это было бы нечто ужасающее. Прошел пассажем - страшно, как посещение сифилитической больницы. Устал, после обеда задремал, читал St. Veuve, потом шил сапоги; пришел Дарго. Это один из тех людей, которые только занимают место и проходят во времени, но которых нет; по крайней мере, для меня, хотя я и пытаюсь найти должествующего быть человека. Да, письмо длинное от "христианки" об "О жизни". Редко встречал такую терпимость истинную, только два раза - у англичанина из Австралии и у ней. Вечером сидели со мною дети. С Левоной поговорил. Я рад.

Думал: жизнь не моя, но жизнь мира с тем nouveau [пробуждением (фр.)] христианства со всех сторон выступающая, как весна, и в деревьях, и в траве, и в воде, становится до невозможности интересна. В этом одном весь интерес и моей жизни; а вместе с тем моя жизнь земная кончилась. Точно читал, читал книгу, которая становилась все интереснее и интереснее, и вдруг на самом интересном

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
месте кончилась книга, и оказывается, что это только первый том неизвестно сколь многотомного сочинения и достать продолжения здесь нельзя. Только за границей на иностранном языке можно будет прочесть его. А наверно прочтешь.

Сейчас учитель Андриюши, кандидат, только что кончивший филолог, рассказывал, что Андриюша плохо учится, потому что не умеет словами объяснить, написать арифметическую задачу. Я сказал, что требования объяснения есть требования бессмысленного заучивания, – мальчик понял, но слов не умеет еще находить. Он согласился и сказал: да, мы, учителя, обязаны формы даже давать заучивать. Например, мы учим тому, что рассуждение о задаче должно начинаться со слов: если. Если бы мне сказали, что так учили в Японии лет тому назад, я бы с трудом поверил, а это делается у нас свежими плодами университета.

25 ноября. Нездоровилось. Дурно спал. Приехала Hargood. Hargood: Отчего не пишете? [Я:] Пустое занятие. Hargood. Отчего? [Я:] книг слишком много, и теперь какие бы книги ни написали, мир пойдет все так же. Если бы Христос пришел и отдал в печать Евангелия, дамы постарались бы получить его автографы, и больше ничего. Нам надо перестать писать, читать, говорить, надо делать. "Century" читал: траписты в Америке. Ведь каждый из этих 200 братии, пошедший на молчание и труд, в раз больше философ, чем, не говорю уж Гроты и Лесевичи, а чем Канты, Шопенгауэры и Cousin'ы! Суждения о русском правительстве Kennan'a поучительны: Мне стыдно бы было быть царем в таком государстве, где для моей безопасности нет другого средства, как ссылать в Сибирь тысячи, и в том числе 16-летних девушек. [...]

26 ноября. Утро до 12 уж прошло, только думаю. Читал "Century". Отметил, что выписать. Если бы делать выписки, составились бы текниги, которые нужны. Был Покровский, привез свою статью. Очень уж дурно написано, и опять тот же общий недостаток всех научных знаний, обращенных к массам: или ничего не говорить (вода – мокрая), или не может говорить, потому что на разных языках говорим, разной жизнью живем. Пошел к Сытину.

[...] читал остальной вечер лескова "На краю света".

27 ноября. Мало спал. Желчь поднялась, надо ее успокоить духовным орудием. Илья приехал, я поговорил с ним. Тезисы Грота. Зачем это? Читал. Пришел Джунковский, пошел с ним и Машей к Сытину. Заперто. Он не может устроить свою жизнь. Все это от желания жить не по своей совести; от желания делать перед людьми, а не перед богом. Письмо от Черткова, о том же, о деньгах: о том, как быть с ними. У одного их нет, у другого лишние. Джунковский хочет служить и копить, чтобы купить землю, дом и кормиться с земли. Какой очевидный самообман. (Он не ужился на земле с Хилковым.) Ведь нужны ему не деньги, и земля, и дом, а ему нужно самому быть земледельцем и по любви и по привычкам. Если он в себе устроит земледельца, то он попадет на землю, а если нет, то никакие приспособления не сделают его им. Задача всех нас одна: из своего положения богатства, больших требований и отсутствия полезного труда для людей, выучиться жить с меньшими требованиями и не желать больших и выучиться долу наверно полезному людям. И к этому надо спускаться понемногу, то есть по мере достижения того и другого. Вечер говорил с Джунковским и больше ничего.

28 ноября. Дурно спал, с дурными мыслями. Поздно встал, кончил чтение Покровского. Очень плохо, научно наивно и бестактно. Очень слаб, апатичен. Отче! помоги мне творить волю твою. [...]

29-го ноября. Та же апатия, письмо от Бутурлиной, иду к ней. А все-таки хорошо. Если готов умереть, то хорошо, а я хочу быть готов.

[...] Посидел у Левы, поговорили, пошел в вечернюю школу, не решился войти, два часа ходил, в 11-м зашел и познакомился с учителями; пойду в четверг. Утром и потом стала все чаще и чаще просветляться одна точка в писании. Может быть, нынче начну, что – сам не знаю, но о чем – знаю. Да, получил еще прекрасное письмо от Blake.

30 ноября. Встал рано, Лева все так же нездоров, затопил печку и вот собираюсь писать. Ничего не писал, кроме письма Лисицину и выписки того, что у меня начато. Я все гадаю по картам (пасьянсам), что писать. [...] Так все утро гадал, спрашивал себя, что прежде писать, и решил кончать начатое, оказалось всего десять штук. Пошел гулять. Обедал Грот и Костенька. Книга Столыпина "Две

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
философии" и его премии. Это поразительно по своей неясности, бессмысленности и претензии. И, в сущности, от Грота до него только градации. Вечером только сходил к сапожнику спросить о калошах.

1 декабря. Чтение газет и романов есть нечто вроде табаку – средство забвения. Тоже и разговор праздный. Стоит не делать этого, чтобы вместо этого: сидеть смиренно и думать, или играть с ребенком, утешая его, или говорить по душе с человеком, помогая ему, или главное – работать руками. Утром приехал Стахович-старший и Флеров – оба алкоголиконикотинцы; жалкие. Очень холодно везде. Постараюсь не читать и не гадать. Чтобы не читать, главное не надо бояться оставаться без дела, если нет настоящего дела, следуя правилу лучше ничего не делать, чем делать ничего. Тогда лучше труд, настоящий труд и отдых, а не всегдашнее ни то ни се нашего мира. [...]

1 декабря, продолжение. [...] Вечером был в школе. Поразила глупость и вялость, и дисциплина механического ученья, и тусклые без света глаза учеников: фабрика, табак, бессонница, вино. А нынче мальчики раздетые, из которых два ехали на конке, а два бежали за нею, без шапки. От заведенья слесарного, у Арбатских ворот, они бежали в полпивную на Плющиху. Все курят. Получил письмо от Броневского – раскаивается, но зато письмо ясно. Помогите ему бог.

3 декабря. Встал рано, сходил, купил колун, наколол и затопил печи, иду завтракать. Читал, был Шенбель, умный старик. Привез статью о дешевом хлебе. [...] Прошелся. И во время обеда пришел Аркадий Егорыч Алехин. В мужицком платье. Начал с своей истории. История страшная по грубости, дикости среды – и наша не лучше – но главное то, что во время рассказа он так освещал свою историю, такое тщеславие, эгоизм, самоуверенность что пока он досказал ее, я потерял к ней интерес. [...]

4 декабря 88. Встал поздно, скоро пошел к Алехину, застал его у брата читающим. Брат очень трогательный ученый. Пошел ходить к Орфано. Дорогой раздразнился. Он говорит: отчего вы раздражаетесь, и мне стало стыдно. Говорить с ним нельзя, от болезненного самолюбия, но много хорошего. Дорогой, расставшись, думал: как бы приучить себя, встречаясь с людьми, ожидать и желать от них (для испытания себя, для уничтожения своей поганой личности), желать от них унижения, оскорбления и превратного о тебе мнения (юрродство). Дома обедал, шил калоши. Приехали Сережа брат, милый, и потом Олсуфьев.

5 декабря. Преступно спал. Встал поздно, пошел купить подметки Сереже брату. Встретил доктора, и неприятно. А надо, чтоб приятно было. Утро шил калоши. Ходил без цели гулять. После обеда Шенбель, сидел весь вечер. Он преимущественно из экономических, по его словам, видов не отдавал детей в гимназию и приучил их работать; теперь у него четыре сына работают и четыре дочери. Боюсь, что он крутой самовольный человек, но умен, т. е. есть свои мысли. Его мысль о дешевом хлебе, о том, что не надо ничего делать свыше – т. е. от правительства – для установления правильных отношений между людьми, а только не мешать ходу вещей, – гораздо значительнее, чем его статья. Он говорит, что дешевый хлеб сделает то, что люди откажутся от земельной собственности и ею спекулировать нельзя будет, а можно будет только ею кормиться, – то, что сделал Иосиф, то разделяется. Оно и разделяется сейчас. Дешевый хлеб и множество потребностей богачей отпускает один винт. Только уничтожь подати, и полная свобода.

6 декабря 88. Так же поздно. Приехал брат Марьи Александровны. Ничего не достал в Петербурге. Говорил с Сережей, с ним. Потом колол дрова, топил печку, шил, ходил без цели. Машенька, Сережа. Немного помогает мне правило: желать, сходясь с людьми, чтобы они тебя унизили, оскорбили, поставили в неловкое положение, а ты бы был добр к ним. Только один раз вышло.

7 декабря 88. Поздно. Миша заболел. Соня послала еще за другим доктором. Когда это поймут ту простую вещь, что если бы доктора десятирублевые спасали, то каково же бы было положение бедных. И как бы тогда обвинять тех, которые бы убили старика, чтобы, ограбив на десять рублей, нанять доктора и спасти молодого сына. Вчера думал: служить людям? но как, чем служить? Не деньгами, не услугами телесными даже: расчистить каток, сшить сапоги, вымыть белье, посидеть ночь за больным. Все это и хорошо, может быть, и лучше, чем делать это для себя, но, может быть, и дурно и, в сущности, бесполезно. Одно полезно, одно нужно – это научить его жить добро. А как это сделать? Одно средство: самому жить хорошо.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[...] Всё не уживаются люди: Джунковский с Хилковым, Черткове Озмидовым и Залюбовским, Спенглеры муж с женой, Марья Александровна с Чертковым, Новоселов с Первовым. Одна причина, что все преграды приличий, законов, которые облегчали сожитие, устранены, но этого мало; утешаться можно этим, но это неправда. Это ужасное доказательство того, что люди, считающие себя столь лучшими других (из которых первый я), оказываются, когда дело доходит до проверки, до экзамена, ни на волос не лучше. "Я с ним не могу жить". "А с ним не можешь жить, так и не живи вовсе – тебе именно с ним и надо жить". "Я хочу пахать, только не это поле" (то первое, которое довелось пахать). "Похоже, что ты только хвалился, а не хочешь пахать". (Так было у меня со многими и многими и, особенно, с Сергеем Сытиным.) "Я не могу с ним жить, разойдусь, тогда будет лучше". Да что же может быть лучше, когда сделал хуже всего, что только можно сделать. Все, бедность жизни, воздержание, труд, смирение даже, все это нужно только для того, чтобы уметь жить с людьми, жить, то есть любить их. А коли нет любви, так и это все ничего не стоит. Вся пахота нужна, чтоб посев взошел, а коли топчешь посев, незачем было и пахать.

Был Кольчугин, попечитель училища – хочет советоваться с училищным советом. Что будет.

9 декабря 88. Преступно спал. Утром дошивал, походил и сейчас сажусь обедать. Письмо вчера от Ге. Странное дело: жизнь, точно, как будто пустая; а я спокоен совершенно. Все дурное только во мне, в недостатке любви. Но поправляется, и оттого не тяжело, а радостно. Заснул. Встал, американки – две сестры, одна через Атлантический, другая через Тихий океан и съехались и опять едут, все видели, и меня видели, но не поумнели. Она спросила: странно вам, что они так ездят? Я попытался сказать, что надо жить так, чтобы быть useful [полезным (англ.)] другим; она сказала, что она так и ожидала, что я это скажу, но о том: правда ли это, или нет, она уже не может думать. Все ушли спать. Я сидел один тихо. И хорошо.

11 декабря 88. Москва. Наколот дров, привез воды, 20 градусов мороза. Читал, походил, приехал Стахович. Он рассказывал об обществе поощрения борзых собак с Николаем Николаевичем – младшим, и по этому случаю напиваются. Вечером Теличев с женой и гж. Корниловой, прогнанной мужем. М. В. Теличев редкое религиозное существо. Она мне сказала, что мне лучше теперь при жизни ничего не печатать. Как я ей благодарен за поддержку.

12 декабря. Наколот дров, топлю печку. Все дни живу бесцветно, но прозрачно, всех люблю естественно, без усилия. Читал. Пошел ходить. Женщина, припадающая на одну ногу, но сильная. Дома братья Берсы и их родные. Мне и с ними было хорошо. Маша приходила прощаться; скучает. Атмосфера дома дурная, тяжелая, надо тем больше держаться. А Таня, бедная, хочет замуж во что бы то ни стало, выбор все-таки лучше, чем мог бы быть. Маша сказала, что и Марья Александровна то же сказала, что и Теличева. А я так плох, что в душе не согласен. Да, это настоящее дело. Как легко сказать и как трудно чувствовать так, чтобы делать то, что говоришь.

Да, вчера или третьего дня был у фета. Он рассказывал о споре с Страховым. Он, фет, говорит, что безнравственно воздерживаться в чем-нибудь, что доставляет удовольствие. И рад, что он сказал это. Зачем? Тут же пришел Грот и недоволен диссертацией Гилярова. Тоже зачем? Зачем Гилярову защищать себялюбие? Зачем Гроту защищать любовь?

Да, еще вчера с женой чуть не начал спор о том, почему я не учу своих детей. Я не вспомнил в то время, что хорошо быть униженным. Да: есть совесть. Люди живут либо выше совести, либо ниже совести. Первое мучительно для себя, второе противно. Лучше то, чтобы жить по растущей совести всегда немного выше ее, так, чтобы она дорастала то, что взято выше ее. Я живу выше, выше совести, и она не догоняет: и в том, что оскорбляюсь и все чувствен и тщеславен, что не хочется не печатать до смерти.

13 декабря 88. Москва. Наколот дров, убрал, затопил, записал 12 и иду завтракать. Читал, ничего не делаю. Пошел ходить. Думал: мы в жизни замерзшие, закупоренные сосудики, задача которых в том, чтобы откупориться и разлиться, установить общение с прошедшим и будущим, сделаться каналом и участником жизни общей. Смерть плотская не делает этого. Она как бы только вновь переливает и опять в закупоренные сосуды. Был у Сытина.

Он купил журнал "Сотрудник". Прошли сутки, и я все в сомнениях, что делать. Можно ли принять участие. [...]

15 декабря 88. Москва. Утром думал о журнале – возможно. Надо старое с выбором по всем отраслям. О Григорианском и Юлианском календаре. О соске. Вчера читал о смертности детей статью Португалова. Наколот дров, истопил, сейчас иду за дровами и к Богоявленскому. [...]

16 декабря 88. Москва. Спал дурно. Поколот дров, истопил и ничего не делал до 3. Иду гулять. Получил письмо хорошее от Вл. Ф. Орлова. О соске надо. Не писал. Пошел гулять. Дома Эртель – дитя, Тихомирова, Матильда. [...]

18 декабря 88. [Москва.] Девочки уехали в Тулу. Что-то уж очень глупо (спал дурно), колот дрова, убрал, иду завтракать. [...] Читал Forum – очень плохо, пошел к Hargood и с ними к Сытину. Дома после обеда Богоявленский, такой милый! И Полушин в журнале. Боюсь, что ничего не выйдет. Письмо от Поши ко мне и Маше. [Вымарано почти две строки.] Нет радости при этом, и от этого мне кажется, что это не хорошо. А это неправда. Радость только бывает при ложном добре. А это как роды, как рост. Это не радость, а добро.

Да еще был Грот, долго сидел, рассказывал свою философию. Поразительно! обо всем житейском он говорит и думает, как антифилософ, а о теории мысли, чувства он философ. Строит карточные, мысленные домики. И даже некрасивые и неоригинальные, а так, только похоже на философию. Да еще девочки уехали и не простившись. Я буду плакать, как прадедушка.

19 декабря. Москва. 88. Рано встал. Колот дрова, топлю, иду завтракать. Думал: правительства защищают интересы людей и взыскивают деньги, блюдут за исполнением контрактов денежных. Почему они (правительства) не блюдают за исполнением условий, хоть бы семейных, а главное, условий трудовых. Трудовыми условиями я называю вот что: мы согласились – ты Б. мне носи дрова и хлеб, а я буду тебя учить. Нельзя правительствам – они окажутся виноваты. Но мы можем и должны позвать их к ответу на основании того самого принципа, который они выставили и который поддерживают. Ходил к Hargood и к Сытину. Опоздал. Насморк. Вечер читал. Статья Чернышевского о Дарвине прекрасна. Сила и ясность. [...]

20 декабря 88. Москва. Встал, наколот, топлю, иду завтракать. Мысли ярче мелькают. Прекрасное письмо Тане от американки. Да, надо записывать две вещи: 1) весь ужас настоящего, 2) признаки сознания этого ужаса. И брать отовсюду. Впрочем, дела пропасть, и журнал, начатое, и нет желанья, и я не каюсь. Читал Эпиктета. Превосходно. Еще статью Д. Ж. в "Неделе". Ходил к Гр. Колокольцеву за книгами и Костеньке за почтой. Озяб и насморк. Вечер читал.

22 декабря 88. Москва. Всю ночь не спал от боли печени. Недаром апатия умственная. Встал в 11. Читаю Лескова "Колыванский муж", хорошо. А "При детях" прекрасно. Целый день боли, и всю ночь не спал. Приехали девочки, привыкаю к мысли.

26 декабря. 88. [Москва.] Письмо от Хилкова, как и всегда, замечательное. Днем читал. Обедали Лизанька и дети. Вечером Мамоновы и др. Тоска началась, раскаянье в своей дурной жизни. Только вечером разговор слевой, Таней и Машами о жизни – о гордости – отсутствии смирения.

27 декабря. 88. [Москва.] Встал раньше. Читал статью о календарях. Неужели я вышел весь – не пишется. Походил по Арбату, заснул до обеда. Потом гости Дьяков, Фет, потом Алехин Васильич. Этот лучше. Мы хорошо говорили. Иду спать.

28 декабря. 88. [Москва.] Приехал Поша. Он мне объявил, что они поцеловались. Все больше и больше привыкаю. Как им хорошо: стоять на прямом пути и, по всем вероятностям, столько впереди. Как далеко они могут и должны уйти. b3d Хотел писать о соске, но заснул, и целый день слабость. Немного походил. После обеда Дунаев, какие-то барышни. [Вымарана одна строка.] Одни люди себя строго судят и других прощают. Другие себя прощают и других судят.

29 декабря. 88. [Москва.] Очень поздно встал, нездоровилось ночью. Письмо от Джунковского с женой – очень хорошее. Надо писать им. Написал им. Походил. Дома читал и ходил в баню. Хорошо слевой. Сережа, как волк, как виноватый. Почти

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

жалко его. Но не недоброжелателен. Был Богоявленский. Хорошо с ним беседовал. Письмо Черткова, вызывающее на изложение веры. Отвечу.

30 декабря 88. Москва. Ужасно дурно спал. Начал писать письмо Хилкову. Мысли бродят, хочется писать. Думал: простая любовь ко всем – это площадка на спуске. Отдых. А еще. Все добрые дела обо..... То есть злые дела прикрыты добрыми именами. Чтоб начать добрые дела, нельзя взять куклы добрых дел и из них переделать настоящие, нельзя из вех переделать живые деревья, а надо выкинуть вехи и посадить живое, и вместо дерева семечко, надо все начинать сначала. Целый день дома, в упадке духа. К обеду приехал Стахович, сконфуженный – та же грубая шутка, но мне словно жалко было его, и я его полюбил. Был еще Грот. Я с ним разговорился о происхождении государства и о том, что нельзя оставить старого, а надо все сначала.

Вечером Соня напала на Бирюкова с Машей и как-то они договорились. Но мне грустно. Потом пришел Немолодышев. [...] Он живет в постоянном ужасе смерти. На нем поразительно ясно то, что с ним, с Сережей и с кучей людей. В университете товарищеская самая либеральная нравственность – фрондировать, никому не кланяться, уважать науку (ну, целый кодекс), нравственность чужая, наклеяная. И с ней живется не дурно сначала и как будто подъем. Но проходит время, приложений ее нет, напротив, а самомнение остается то же, и погибель. Немолодышев страдает тем, что у него нет сознания своих вин. И все они так же снисходительны к себе, и строгость к другим.

Дневник – 1889

1 января 89. Москва. Вчера был у Богоявленского, не застал. Все слабость и уныние. Вечером пришли два врача земские – Рожественский и Долгополов. Революционеры прежние, и та же самоуверенная ограниченность, но очень добрые. Я было погорячился, потом хорошо беседовали. Тимковский – очень маленький. Еще Страхов с Клопским. Ужинали, дружно, любовно. Встал поздно, дописал письмо Хилкову, пойду погулять. Ходил с Пошей к Гольцеву. Добродушный и честный человек. Обед, как всегда, тяжелый. Хотел писать о соске, но не удалось. Начали читать лесковского "Златокузнец" при светских барышнях: Мамонова, Самарина. Только эстетические суждения, только эту сторону считают важной. Подумал: ну, пусть соберется вся сила изящных искусств, какую только я могу вообразить, и выразит жизненную нравственную истину такую, которая обязывает, не такую, на которую можно только смотреть или слушать, а такую, которая осуждает жизнь прежнюю и требует нового. Пусть будет такое произведение, оно не шевельнет даже Мамоновых, Самариных и им подобных. Неужели им не мучительно скучно? Как они не перевешаются – не понимаю. Приехали ряженные – это были Пряничников (умный) и философов. Еще скучнее стало. И все надеюсь, что это поправится, сидел до 3-го часа. Голова болит, нервы расстроены.

2 января 89. Москва. Уныло начал новый год. Читал "Robert Elsmere" хорошо, тонко. Маша с Пошей расстроены. Трудно становится. И просвета нет. Чаше манит смерть. [...]

4 января 89. Москва. Поздно встал, читал "Advance Thought" и думал. Кажется, уяснил себе, что должен я написать "пришествие царствия" и, если потянет, то могу писать начатое и другое. Привез воды и поколот дров. Гулял. Обед, Миша Олсуфьев. Купцы, фабрикант Каверин, дикий православный и Федор Федорович, освободившийся. Потом Машенька, сестра, Леонид Оболенский, Маша Колокольцева, читали Лескова. Много лишнего, так что не от всей души.

5 января 89. Москва. Очень поздно. Миша болен, стонет. С Пошей объяснился. Все больше и больше люблю его. Письмо от Черткова хорошее. Читал о Рёскине. Неважно. Да, вчера был у Янжула, он дал и сообщил много хороших книг, Кеннана, об анархистах и социализме.

Поздно прошелся к Готье. Дома читал Кеннана и страшное негодование и ужас при чтении о Петропавловской крепости. Будь в деревне, чувство это родило бы плод; здесь в городе пришел Грот с Зверевым и еще Лопатиным: папиросы, юбилеи, сборники, обеды с вином и при этом по призванию философская болтовня. Зверев ужасен своим сумасшествием. Ното homini lupus [человек человеку волк (лат.)], бога нет, нравственных принципов нет – одно течение. Страшные лицемеры, книжники и вредные.

7-го января 89. Москва. Тяжелое что-то, нездоровье готовилось. Вечером Янжул, Стороженко, Грот, Лопатин, Мачтет. Стороженко и Янжул лучше всех - без запросов. Но тяжело. Дьяков обедал и читал Чехова.

9 января 89. Москва. Писал с утра статью, потом пошел к Гольцеву. У него встретил Муромцеву. Вечером были Шарапов и Александров, мешали. Полушин. Элен и Маша работают хорошо.

10 января. Москва. 89. Встал рано и до завтрака продолжал писать статью "12 января". Пришел Гольцев. Прочел ему, он одобрил. Докончил и пошел в редакцию (Философовы довели). Великолепие необычайное. Книжники - лицемеры. После обеда написал Поше, погулял и, вернувшись, застал редактора. Потом Дунаев. Переправил статью, потом слевой и Дунаевым пошли гулять в типографию.

11 января. Москва. 89. Встал позднее; ночью заболел Ваня, и Соня напугалась, и я. Утром Фомич одобрил статью. [...] Сейчас пообедал и хочу записать пропущенные дни. Записал кое-как. Читал и "Мормонскую библию" и "Жизнь Смита" и ужасался. Да, религия, собственно религия, есть произведение обмана. Лжи для доброй цели. Иллюстрация этого очевидная, крайняя в обмане: "Жизнь Смита"; но и другие религии (собственно религии) тоже, только в разных степенях. В прошедшие дни, кажется вчера, написал Поше. Вчера от него было хорошее, доброе, чистое письмо Маше. Ходил гулять к Янжулу и Фету с Андрюшей.

12 января. Москва, 89. Поздно. Письма сочувственные и посещения. Ершов с книгой. Читал и вчера и нынче книгу об американском социализме: о двух партиях: интернациональной и социалистической. Анархисты совсем правы, только не в насилии. Удивительное затмение. Впрочем, об этом предмете мне думается, как думалось, бывало, о вопросах религии, то есть представляется необходимым и возможным решить, но решения еще нет. [...]

13 января. Москва. 89. Поздно. Был Воейков, все яснее его проект возможен. Хочется писать. [...] Читал мормонов, понял всю историю. Да, тут с очевидностью выступает тот умышленный обман, который составляет часть всякую религию. Даже, думается - не есть ли исключительный признак того, что называется религией, именно этот элемент - сознательной выдумки - не холодной, но поэтической, восторженной полуверы в нее, - выдумки? Выдумка эта есть в Магомете и Павле. Ее нет у Христа. На него наклепали ее. Да из него и не сделалось бы религии, если бы не выдумка воскресения, а главный выдумщик Павел.

14 января. Москва. 89. Раньше. Истопил, читал, записал и хочу писать предисловие Ершову. Писал очень усердно. Но слабо. И не выйдет так. Колол дрова, ходил, встретил Николая Федоровича не ним беседовал. У него, вроде как у Урусова, в жизни и книгах не то, что есть, а то, что ему хочется. И интонации уверенности удивительные. Всегда эти интонации в обратном отношении с истиною. [...] Потом жалкий Фет с своим юбилеем. Это ужасно! Дитя, но глупое и злое. [...]

17 января. Москва. 89. Раньше, привез воды, поколол, истопил и, не садясь за работу, пошел к Златовратскому; там видел Никифорова, поручил ему работу и зашел к Мамоновым. Устал, нездоровится. [...]

18 января. 89. Москва. Рано, колол дрова. Пришел молоканин из Богородского. Читал наверху, пришел Теличев с другим господином просить ходатайства за высылаемую гувернантку. Скверно себя вел с ними. Без любви к ним и с нетерпением и болтовней. До этого еще прочел в "Русской мысли" в статье Шелгунова о себе и позорно печалился. Да, да, да, необходимо бросить всякие затеи писать и что-то для себя делать, а блюсти одно: готовность к оскорблению и унижению - смирение и заботу одну о возможности добра другим. [...]

21 января. 89. [Москва.] Раньше, поработал, читал Марка Подвижника - много хорошего, пошел к Покровскому. Разговор с нею о спиритизме, вере и о ее несчастье - потере сына. Встретил Самарину - она хрипит и говорит грустно: *c'est le commencement de la fin* [это - начало конца (фр.)]. Дома хорошо. Давыдов обедал. Он добрый - прокурор, но нравственно неожиданно движется. Потом Семенов. Очень мил - растет. Ясен, спокоен и тверд. Потом Хабаров, массажист. Как будто интересуется вопросами жизни. Потом Анненкова милая с двумя девицами, потом Брашнин, потом Алехин. Лева все сидит с нами - он растет.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

22 января. 89. [Москва.] Получил издание о всемирном мире. Messia's kingdom - хорошо и к стати. Приходила трогательная женщина с четырьмя детьми и матерью - муж университетского образования, алкоголик, бьет, выгоняет, спрашивала, что с ним делать? Да, одно из двух: принять в семью и губить детей, или выгнать в шею. Одного же, что нужно, - лечения с любовью - нету. Да и то не знаю, так ли? Да, кажется, по-божью надо принять его. Все ничего не делаю. Ванечка хворает очень. Пошел к Алехину и Самарину. С обоими был плох. С Алехиным ненужные разговоры, а с Самариным и ненужные и раздраженные, о правительстве и Менгден. В разговоре с Алехиным уяснилась следующая притча. Поручил помещик именье приказчику; приказчик пригласил всех своих родственников, кроме того старосту и выборных, и составил сложное управление на образец лутовиновского (И. Тургенев). 1) Управляющий (2000), 2) помощник его (1000), 3) Бухгалтер, 4) Управляющий конторой, 5) Его помощник, 6) Врач телесный, 7) Врач духовный, 8) Цензор, 9) Умиритель, 10) Соединитель и т. п. Все с именья шло на них. Неужели найдутся такие люди, которые скажут, что для улучшения именья нужно внушить управителям добросовестность в исполнении их обязанностей. Такие найдутся только из участников управления. Свежему же человеку ясно, что надо прежде всего всех уничтожить, а потом установить уж только [?] тех, которые окажутся нужны.

После обеда пошел к Машеньке, там тихо посидел до 11-го и пришел домой. Дома хорошо, только болезни.

24 января. Москва. 89. Очень поздно проспал. Пришла бедная измученная Соня и сказала мне больное - я сумел принять хорошо. Да, вчера все вспоминал о Денисенко и страдал. Начинаю привыкать. Да, надо, чтобы ничто не могло нарушить радостно любовного состояния.

В чистоте и с любовью исполнять свое призвание служения.

Вчера вечером был Морокин. Я слишком горячо спорил с ним о войне, но кончилось дружелюбно. Сейчас пришел Страхов. Что будет?

С Страховым говорил хорошо. Он разочарован в Клобском и лучше с матерью. Пошел за портретом, но не дошел. Встретил Орлова. Он рассказывал про смерть отца, генерала. Он впал в детство, то есть остался для него только "я". Перед этим был Покровский. По признакам, у Ванечки туберкулы и смерть. Очень жаль Соню. К нему странное чувство "ай" благоговейного ужаса перед этой душой, зародышем чистой души в этом крошечном больном теле. Обмакнулась только душа в плоть. Мне скорее кажется, что умрет.

Со мной стало делаться недавно странное и очень радостное - я стал чувствовать возможность всегдашней радости любви. Прежде я так был завален, задушен злом, окружающим и наполняющим меня, что я только рассуждал о любви, воображал ее, но теперь я стал чувствовать благодать ее. Как будто из-под наваленных сырых дров изредка стали проскакивать струйки света и тепла; и я верю, знаю, чувствую любовь и благодать ее. Чувствую то, что мешает, затемняет ее. Теперь я совсем по-новому сознаю свое недоброжелательство к кому-нибудь к Тане было вчера, - я пугаюсь, чувствуя, что заслоняю себе тепло и свет. Кроме того, часто чувствую такую теплоту, что чувствую то, что, любя, жалея, не может прерваться состояние тихой радости жизни истинной. [...]

25 января. 89. Москва. Проснулся рано. Думал, не только думал, но чувствовал, что могу любить и люблю заблудших, так называемых злых людей.

[...] Были доктора. Старались сделать ясным и определенным то, что неясно и неопределенно. Почти приговорили. Я пошел с левой к Олсуфьевым. После обеда читал "Esmere" и полученные письма и журналы. Пришел Дунаев, потом Семенов и Анненкова. Какая религиозная женщина! Спал у детей. Ваня как будто лучше.

Да, письмо от Черткова о допросе жандармами Макара и прославление имени бога.

26 января. 89. [Москва.] Рано проснулся, работал, топил. Потом читал. Пришел Дьяков, душевный разговор, о том, что ему жить нечем, незачем, неизбежное впадение в детство. А хорошо говорил. Ванечке лучше. С Таней далеки стали. Мне больно.

Пошел за дровами. После обеда читал письма: одно бестолково враждебное, "зачем я говорю, отдай именье, а не отдаю". Все-таки было неприятно, но не столько

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

неприятность, сколько путаница. Ванечке как будто лучше, но я чувствую, что плохо. Был Тимковский. Статья о Лондоне – не дурно. Сухотин. Вел себя порядочно – помнил, что они люди.

Лег рано. Письма из Америки о трезвости.

27 января. Москва. 89. Встал рано, наколол, затопил и, лежа в постели, думал. Да, вся беда в преждевременности, в уверенности в том, что сделал то, чего не сделал. Это с христианством вообще, это, в частности, с рабством. Уничтожили рабов – бумаги на владение рабами, но все-таки не только меняли каждый день белье, делали ванны, ездили в экипажах, обедали пять кушаний, живем в десяти комнатах и т. п., – все вещи, которых нельзя делать без рабов. Удивительно ясно, а никто не видит. [...]

28 января. Москва. 89. Рано. Поработал. Маша и Леночка работали веселые. Потом венки 30 рублей. Лошадь. Видеть не могу без грусти. [...]

29 января. Москва. 89. Встал рано, нездоровится. Убрал, пошел к фету. Все глупости людские ясны только до тех пор, пока сам не вступил в них. А как вступил, так кажется, что иначе и быть не может. [...]

30 января. Москва. 89. Встал очень рано. Вода не вожена, я был рад поработать больше. Теперь 11-й час. Пойду завтракать. Что-то хорошо думал, проснувшись, забыл. Одно думал это то, что Соня так страстно болезненно любит своих детей оттого, что это одно настоящее у нее в жизни. От любви, ухода, жертвы для ребенка она прямо переходит к юбилею фета, балу не только пустому, но дурному. Бирюков брат был. Вот он – никто бы слова не сказал за платье и чин [?].

Заснул и пошел ходить. После обеда Попов-стихотворец, юноша. Удивил его, сказав, что это самое подлое занятие. Пошел к фету. Там обед. Ужасно все глупы. Наелись, напились и поют. Даже гадко. И думать нечего прошибить. А может быть, дурно, что поддаешься. Это respect human [уважение к человеку (фр.)]. [...]

1 февраля. Москва. 89. Встал в 8. Много работал, записал, иду завтракать. Сейчас после завтрака заболел живот. Очень болел, но прожил не хуже здоровых дней. Читал "Задига" – много хорошего. Да, прогресс в увеличении света, а свет все тот же есть. Не выходил. Заснул, потом вечером пришли Дунаев и Семенов. Ох, болтовни много! Потом англичанин, кавалерийский офицер, охотник до horseflesh [конины (англ.)]. Дикий вполне англичанин. На все у него готовы evasiv'ные [уклончивые (фр.)] шутки и слова. Лига мира? – "The friends of peace fight between themselves" ["Друзья мира сражаются между собой" (англ.)]. Насчет веры: все лицемеры, а я люблю Библию, и мои верования для меня, а говорить про них незачем. Потом люблю мотать деньги, а потом I will rough it [я буду обходиться без удобств (англ.)] в Австралии. Красота тела есть душа. Whitman [Уитмен (англ.)] ему сказал это. Это его поэт. Да, написал вчера утром четыре письма: Василию Ивановичу, Суворину, Попову и Ге. Машу травили за вегетарианство. Удивительно! Да был еще вчера юноша Шашалов, кажется, купчик. Хочет жить по-божьи, принес Евангелие и хочет списать.

3 февраля. 89. [Москва.] Встал рано, пошел неохотно работать, и напрасно. Все ноет под ложечкой. Записал два дня и иду чай пить. Целое утро поправлял Покровского до пяти. После обеда пришел Семенов и Теличьева. Получил от Черткова повести Семенова и его, Черткова, о воспитании. Все – недурно. Тяжело было. Но не обидел, кажется, никого. Поздно лег. Нездоров.

4 февраля. Москва. 89. Встал очень рано. Очень много работал. И потом кончил Покровского, хорошо. И теперь иду к Сытину. Подъем большой сил физических и умственных. Приятно скромно, безлично работать. Приходила женщина просить помочь больным скарлатиной детям. Не помню, куда ходил утром. После обеда. Обедал фет и Писаренко. Фету противны стихи со смыслом. [...]

7 февраля. 89. [Москва.] Опять рано, работал, записал, иду завтракать. Александр Петрович запил и погиб. Жалко. Надо помочь. Собрали 160; но он не ушел. Ничего не делал, уныл и слаб. Пошел ходить, в музей. Николай Федорович, Корш. Мне легче с ними. [...] Дома Маша уехала. Вечером хотел повозить воду, а потом заняться с Леночкой. Не успел заняться, пришел Попов, потом офицер Алмазов. Сын литератора, желает быть знаком с литераторами и беседах об умных предметах, до которых дела нет. Я говорил от души. Страшно легко и охотно говорится, когда собеседник не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
принимает к сердцу. Пробовал писать предисловие - не пошло. Читаю Ben Hur.
Плохо.

8 февраля. 89. [Москва.] Встал позднее. Дурно. Работал много, убрал, записал, иду завтракать. После завтрака приехал Бедекер с Щербининым. Проповедник кальвинист Пашковский. Он сказал, что следит за мной, говорил с пафосом и слезами. Но холодно и неправдиво. А добрый человек. Его погубило проповедничество. Он прямо сказал, что всякий - миссионер, и настаивал и приводил тексты в подтверждение того, что надо проповедовать, и что недостаточно "светить" добрыми делами перед людьми. Я все время трогался до слез. Отчего, не знаю. Пошел к Свербеевой, умная, добрая. Я глупо говорил (из эгоизма) об общем дурном мнении о ее брате, которое я не разделяю.

После обеда переводил с Леночкой, за исключением времени, проведенного с учительницей Абрамовой и другими, и с Касаткиным, милым, чистым художником. Да, Александр Петрович ушел. Я виноват, что не занялся им. Все хочется умереть. Да, мне кажется, что я дожил до того, что, думая о будущем, отыскивая впереди цели, к которым стремишься в будущем, я знаю и вижу одну крайнюю цель в этой жизни - выход из нее, и стремлюсь к ней почти радостно, по крайней мере, уже наверно без противления. Благодарен за это. Хорошо.

9 февраля. Москва. 89. Спал дурно. Встал поздно, опять усиленно работал. Все утро читал и задремал, иду гулять.

Да, становится ясно, что "с словом надо обращаться честно", то есть что если говорить, то надо говорить так ясно, как только можешь, а не с хитростями, умолчанием и подразумеванием, с которыми пишут все, и я писал. Постараюсь этого не делать. [...]

10 февраля. Москва. 89. Встал позднее, но все-таки до сильного пота поработал. [...] Написал предисловие - начерно. Пошел ходить. После обеда переводил усердно. Пришли О. А. Мамонова, Дунаев. Читал "Le sens de la vie". Там страницы о войне и государстве поразительные. Надо, надо писать и воззвание и роман, то есть высказывать свои мысли, отдаваясь течению жизни.

11 февраля. Москва. 89. Рано. До сильного пота работал и вот записал, иду завтракать. Читал прелестного Rod. Есть места: о войне, о дилетантизме, удивительные.

Пытался писать, не шло. Пошел в метель ходить. Был у Готье. После обеда начал переводить, как пришла учащаяся на акушерских курсах, нервная, измученная, дочь помещика. "Зачем вы сюда приехали? Ведь бабки не учатся и принимают у 9/10 рожающих женщин". Жалкая. Потом Попов, потом три студента, потом Архангельский, потом Тулинов, потом милый Касаткин. Студенты ужасны. Молодое сумасшествие еще бродящее. Фразы, слова, отсутствие живого чувства, ложь на лжи - ужасно. Я волновался, а надо было жалеть. Прошел за Таней.

13 февраля. Москва. 89. Позднее, много работал, пришла Цветкова, принесла книгу ("что читать народу?"). Записал и иду завтракать. [...]

20 февраля. Москва. 89. Спал дурно. Позднее встал, работал, читал Mathew Arnold. Предисловие. Удивительно тожественно. Только он забрал в свой круг того, что он возвышает, и Ветхий завет. И это давит и тянет к земле.

Утром приходил Васильев и заведующий библейской лавкой. У них посадили книгоношу Казанского за статью "О деньгах". Наивность вопроса заведующего, почему можно отрицать правительственные распоряжения, поразительна. Я хорошо, сильно отвечал ему. И после него была почти потребность писать и начальные слова были. Но я забыл их. Что-то подобное этому: не могу больше молчать. Я должен сказать то, что знаю, то, что жжет мое сердце. А то я стар и нынче и завтра умру, не сказав того, что вложено в меня богом. Я знаю, что богом вложено. [...]

[26 февраля.] 23, 24, 25, 26 февраля. Москва. 89. Утром 23 встал от боли раньше, пошел работать, но все хуже и хуже и целый день провел тяжелый, с сильными болями. Не мог быть радостен, не мог найти того расположения, при котором все хорошо. Но к смерти был готов, только было нетерпение от страданий, хотелось, чтобы поскорее. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

25. Почти то же. Утром лучше. Читал того же Arnold'a и "Revue", Princesse Arabe. Думал: у нас царство разврата и женщин. Женщины движут всем. И это ложь, и оттого такое раздраженное отстаивание. Попробуйте коснуться этого. Нет предмета, который бы озлобил более людей. А поддерживайте это, и вам все простится. Принес некто статью, о чем, трудно сказать; сочувствует моему осуждению науки, осуждает договор Римского права, но отстаивает дарвинизм и тут же царскую власть. Кажется, Добровольского. Как быть с путаными головами? Письмо Лебединского. Надо выработать отношение. Да, отношение то, чтобы не скорбеть о мнении, которое о тебе составят. Как говорит Эпиктет: если ты не решаешься прослыть за дурака, ты далек от (философии) мудрости. Читал Вольтера с Варенькой, хохотали.

26. Еще лучше. Но очевидно воспаление, жар и боль. Утром были Всеволожская и еще кто-то. Читал об Америке "Disc de Noailles". Взгляды самые дикие, но в связи с статьей Добровольского описание несправедливостей демократии заставило думать: ну, хорошо, ну, не будет договора, не будет правительство поддерживать прав, что ж будет? Люди или по привычке будут стремиться к установлению этих прав насилием, или просто будут делать то, что они делают и делали, отстаивать насилием свои выгоды, продолжительность исключительного владения (собственность) и будут придумывать для нее оправдания. Будет хуже. Правда. Но эта неправда правительственная, состоящая в том, чтобы утверждать обязанности по отношению земли одной десятой из десяти тысяч владельцев так же строго, как обязанность исполнить обещанную работу и т. п., не сделается правдой. Договор и собственность есть ложь. Но как освободиться от нее? Постепенными шагами, подоходным налогом, уничтожением наследства и т. п. Пожалуй, но сознавая, что это не то, что должно, а только приближение. Самая беда это компромисс, принимаемый за принцип. А вот это-то всегда в правительственных делах.

Политического изменения социального строя не может быть. Изменение только одно нравственное, внутреннее человека. Но каким путем пойдет это изменение? Никто не может знать для всех, для себя мы все знаем. И как раз все озабочены в нашем мире этим изменением для всех, а только не для себя.

Вечером были Марья Александровна и Ольга Алексеевна, а потом пришел фет. Я не сумел в радость перенести его. А можно бы. Радость ведь не в том, что фет, а что я делаю волю бога по отношению к фету.

27 февраля. 89. Москва, рано встал, все болит. Вчера написал два письма Лебединскому и Файнерману. Нынче еще два Шихматову и Анненковой. Боль есть, но голова давно не была так свежа. Очень благодарен за эту болезнь. Теперь 12. Читал Leroi Volieу, Fonctions de l'etat, и думал две вещи: 1) о том, как бы найти критерий не истины, но того состояния умов, при котором их общение может быть плодотворно, или скорее - такое состояние и отношение умов, при котором общение плодотворное невозможно. Как бы найти те условия, при которых винт может держаться, и те, при которых он не держит. Дело, главное, в том, чтобы найти признаки праздноболтовни, баловства словом, которые ужасны для меня, как и для всех искренних работников слова. Как же - я из глубины души достаю с болью и страшным трудом мысль, и вдруг эта мысль замешивается [?] в миллионы таких же мыслей и среди этой массы теряет свое значение. Мысли же эти не мысли, а подобие их и добываются совсем не из глубины и совсем иначе и очень легко. Вот найти признак их. Об этом допишу после.

2-е думал: о том, что есть компромисс, напишу об этом Черткову. Еще о издании своих сочинений только после смерти. Была Марья Александровна. Она едет на Кавказ с своей бывшей начальницей. Рассказывала о Черткове. Все бы хорошо, кабы только они (женщины) были на своем месте, т. е. смиренны. Стахович отец. Тяжело. Потом Свешникова милая. Потом Дунаев, хорошо поговорил с ним. [Вымарано 3-4 слова.] Держусь изо всех сил. Можно, коли помнить. [Вымарано 3-4 слова.]

28 февраля. Москва. 89. Встал рано, убрал комнату, записал, иду кофе пить. Объялся кофеем. Читал Leroi Volieу. [...] Вчера думал: многописание есть бедствие. Чтобы избавиться от него, надо установить обычай, чтобы позорно было печататься при жизни - только после смерти. Сколько бы осадку село и какая бы пошла чистая вода! [...]

1 марта. 89. Москва. Встал рано разбитый, слабый. Долго так сидел, с усилием записал. [...] Был Гольцев. Я ему продиктовал теорию искусства. Был Альсид. Ужасно трудно во взрослые годы понимать степень ребячества молодых людей. Лег в 12.

3 марта. 89. Москва. Встал в 8, убрался. [...] Поправлял об искусстве вышло лучше. Начал было писать о фрее – не пошло. Снес Гольцеву и зашел к Вере Александровне. [...]

4 марта. Москва. 89. Встал позднее, записал, работать нечего, пойду пройдуся. Читал М. Arnold. Слабо. Софизмы о церкви, которая ему зачем-то нужна. Спал. Пошел в библиейскую лавку, заперто. Дома много народа своего. Хорошо все было до приезда Сережи и его все одних и тех же разговоров, осуждающих все, отчаянных и оправдывающих себя. Я более горячо говорил, чем надо. Лева огорчает меня своей папиросочной плохостью. Ел лишнее, живот ноет. Потом пришел Касаткин, Архангельский, Янжул и Трирогова. Хорошо говорили. Письма два из Америки. Одно Панина, лекция обо мне, другое известие о свободоземельном движении в Колорадо. Лег очень поздно.

7 марта. 89. Москва. Встал рано. С Сережей хорошо говорил, возил воду, записал и иду завтракать. От Ге вчера письмо хорошее. [Вымарано около 4 строк.]

Пришел художник лепить для группы, потом пришел Касаткин с книжкой "В чем моя вера", взволнованный, раздраженный, с слезами на глазах и, как я понял, с соблезнованием к себе и раздражением ко мне: за что нарушил мое спокойствие, указал то, что должен делать и не могу делать. "Ты не делаешь". "Ты обманщик". Так он и сказал мне: "Это обман". Я не стану описывать. Я понимаю это раздражение, оно благородно-эгоистическое, любующееся на себя. Я вел себя хорошо: не стесняясь Клодтом, старался смягчить. [...]

11 марта. Москва. 89. Вчера писал предисловие, порядочно. Пришел Штанге, я с ним пошел ходить. [...] Потом Фет. Тщеславие, роскошь, поэзия, все это обворожительно, когда полно энергии молодости, но без молодости и энергии, а с скукой старости, просвечивающей сквозь все, – гадко. Потом пришла Оболенская. Я не помог ей, обошелся не по-божьи. Потом Богоявленский, Бибикив и Еропкин. Сказал то, что думаю об общинах, что для освобождения себя от пользования правом чужого труда неразумно и опасно собирать себе деньги (орудие угнетения) и на эти деньги покупать несправедливейшую собственность – земельную. Он согласился. Мы хорошо говорили. Орфано все хочет опровергать. Я рад, что мне точно стало жалко его. Какая тревога и страх. Лег поздно. Спал, думая. Проснулся на том, что кому-то говорил: не говорите о нужде бедных материально и о помощи им. Нужда и страдания не от материальных причин. Если помогать, то только духовными дарами, нужными одинаково и бедным и богатым. Посмотрите на жизнь среднего сословия. Мужья с отвращением, напряжением, тоской наживают деньги противными для них самих средствами, а жены неизбежно с недовольством, с завистью к другим, с тоскою проживают все, и им мало, и в воображении утешаются надеждой на выигрыш билета, если не в 200, то в 50 тысяч; читал "Учение XII Апостолов" Соловьева. Как праздны рассуждения ученые.

Думал: в науке неправильно одно значение, которое ей придается. Они, ученые (профессора), делают некоторое определенное дело и нужное, они собирают, сличают, компилируют все однородное. Они, каждый из них, справочная контора, а их труды справочные книги. Например, в ??????? [Учении (греч.)] собрано все касающееся этого, и это полезно, но выводы не полезны и глупы. То же у Янжула, у математика, у Стороженко. Catalogue raisonne [Толковый указатель (фр.)] и экстракты из книг – полезны, но их воображение, что этими компиляциями, собраниями, каталогами они увеличивают знание, в этом комическое заблуждение. Как только они выходят из области компиляций, они всегда врут и путают добрых людей.

Все утро читал Рёскина. Об искусстве хорошо. Наука, говорит, знает, искусство творит. Наука – утверждает факт, искусство – проявления. Это наоборот. Искусство имеет дело с фактами, наука – с внешними законами. Искусство говорит: солнце, свет, тепло, жизнь; наука говорит: солнце в 111 раз больше земли. Иду обедать. [...]

14 марта. 89. Москва. Встал рано. Работал, читал о Китае прекрасную книгу. [...]

Переправил еще об искусстве. Прочел вчера свое предисловие Суворину. Оно совсем не хорошо. Пошел к Третьякову. Хорошая картина Ярошенко "Голуби".

Хорошая, но и она, и особенно все эти рам и полотен, с такой важностью

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
развешанные. Зачем это? Стоит искреннему человеку пройти по залам, чтобы наверно сказать, что тут какая-то грубая ошибка и что это совсем не то и не нужно. Дома после обеда только что хотел идти с Александром Петровичем, как пришла Ольга Алексеевна с Озерецкой (какая симпатичная женщина), а потом Шихаев. С ним пошел в трактиры Ржановки, одевать Александра Петровича. Часовщик спившийся: "Я гений!" Дитя курящее. Пьяные женщины. Половые пьют. Половой говорит, что тут нельзя быть не выпивши. Шихаев еще тщеславно добродетелен, но думаю, что искренний. Просил его свезти Александра Петровича. А ко мне пришли философов, Пряничников и Коровин. Пустое болтанье. Тяжело. Очень поздно лег.

15 марта 1889. Москва. Встал так же рано, работал много. Читал Quental'a.

Хорошо. Он говорит, что узнал, что, несмотря ни на какие неопровержимые доказательства (детерминизма) зависимости жизни от внешних причин, свобода есть - но она есть только для святого. Для святого мир перестает быть тюрьмой. Напротив, он (святой) становится господином мира, потому что он высший истолкователь его. "Только через него и знает мир, зачем он существует. Только он осуществляет цель мира". Хорошо. Засну.

Заболел живот, провалялся до обеда. Почти не обедал. К Тане пришла куча барышень и Дунаев. Я читаю хорошенькие вещицы Чехова. Он любит детей и женщин, но этого мало. Не выходил.

17 марта. 89. Москва. Встал рано, колот дрова. С просителем обошелся вполне хорошо. Соня добрее. Помогли, господи. Читал Чехова. Нехорошо ничтожно. Прочел Элснера о Пене, Пошино об астрономии и Черткова о Будде. Все хорошо, особенно о Пене и Будде. Очень хорошо. Теперь обед, а я не выходил. Весь вечер сидел один, читал Чехова. Способность любить до художественного прозрения, но пока незачем. Потом М. Стахович. Я рад, что дружелюбно [?]. Поздно лег. Дурно.

[18 марта.] 17 марта. Москва. 89. Рано встал, много работал, дочитал Чехова, иду за Диксоном и узнать о дороге. Очень низкий уровень духовной жизни. Встретил Соловьева. С ним посидел: он признает церковь только как зачаток. Но почему известная ему римская, или какая бы ни было другая, есть этот зачаток? Поехал до Грота. [...]

[20 марта.] 19 марта. Москва. 89. Встал рано, только убрал, поправил хорошую статью Do1'a и поправлял об искусство.

[...] Да, еще читал "De la vie" по-французски. Очень показалось плохо искусственно, хотя и не лживо.

20 марта. Москва. 1889. У меня, кажется, пропал день. Нынче 21. Встал очень рано, не выспавшись. Спал хорошо. Но оказывается, я этим оскорбляю. Господи, научи и настави меня. Встал и, не одеваясь, сел за поправку об искусстве и сидел три часа, перемарал все и не знаю, стоит ли работы. Кажется, нет.

Сейчас сказал Соне то, что давно хотел, что не могу ей сочувствовать в издании. Она очень рассердилась и сказала: ты меня всячески ненавидишь. Она страдает и болит мне, как зуб, и как помочь ей, не знаю, но ишу. Помогли...

Сидела христианка. Я устал резать эту воду. После обеда точно такой же разговор с книгопродавцем из библейской лавки. Устал. Потом Андреев. Пошел к Гроту. Что за каша в голове. Даже нет понятия о различии между ясными и неясными мыслями. Мне стыдно, что я говорил. Дома Рахманов, Хохлов, Бутурлин. Хохлов покидает техническое училище, дом и идет в деревню. Жутко, знаю, что не выйдет то, чего он жаждет, но стремление к чистоте, отречение - хороши и должны принести плоды. Бутурлин путается в своей личной жизни. Спал дурно.

23 марта. Спасское у Урусова. Спал прекрасно, встал в 9, поговорил с Урусовым, записал и пойду гулять до обеда. Писать не могу.

Все то же печальное запустение, та же фарисейская внешность, даже не внешность, а описание внешности, не имеющее ничего общего с действительностью, и потому заброшенная совсем действительность. 1-е, приходско-церковная школа. Ребята в деревне, пропасть ребят, все ребята без дела и грамоты. К попу не ходят - заставляют дрова пилить и плохо учит. 2-е. Девки на фабрике. "А замуж?" - "Ну ее - хомут-то натер шею". 3-е. Идут гуськом одиннадцать мужиков. "Куда ходили?" -

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

"Гоняли к старшине об оброке, теперь гонят к становому". 4-е. Трактир великолепный. Подразумевается, что есть школы, народ платит подати. Соблюдаются браки и искореняется пьянство. Урусов губит себя объединением, вином и табаком. Поша уехал. Я спал, готовилась боль.

25 марта, Спасское. 89. Встал в 9, убрал, погулял, нищий собирает на табак и водку. Устал я, и не хочется писать. И не надо.

[...] Ходил в деревню Лычево: семья нераздельная, три брата, старуха вдова, не пьет водки. Поговорили о войне и еще в караулке у церкви. Начал поправлять "Исхитрилась". Вечер говорил с Урусовым. Рано - в 11-м часу заснул и спал хорошо.

27 марта. Спасское. 89. Не спал до 5 часов. Бессонница. Спокоен был, молился. Встал в 9. Пошел ходить в Зубцево, оттуда в Лычево и домой. Встретил Степана. Он согласен в Общество трезвости, и еще покупатель сена. Я объяснял Степану о фабрике. Миткаль обходится дешево, потому что не считают людей, сколько портится и до веку не доживают. Если бы на почтовых станциях не считать, сколько лошадей попортится, тоже дешева бы была езда. А положи людей в цену, хоть в лошадиную, и тогда увидишь, во что выйдет аршин миткалю. Дело в том, что люди свою жизнь задешево, не по стоимости продают. Работают пятнадцать часов. И выходит из-за станка - глаза помутивши, как шальной; и это каждый день. [...]

28 марта. Спасское. 89. Проснулся в 8. Иду кофе пить. Занимался, писал комедию (плохо!). После обеда пошел в Новенькой завод с 3000 рабочих женщин, за десять верст. [...] Пьяный дикий народ в трактире, 3000 женщин, вставая в 4 и сходя с работы в 8, и развращаясь, и сокращая жизнь, и уродуя свое поколение, бедствуют (среди соблазнов) в этом заводе для того, чтобы никому не нужный миткаль был дешев и Кноп имел бы еще деньги, когда он озабочен тем, что не знает, куда деть те, которые есть. Устраивают управление, улучшают его. Для чего? Для того, чтобы эта гибель людей, и гибель в других видах, могли бы успешно и беспрепятственно продолжаться. Удивительно! [...]

[30 марта. Спасское.] Ночью разбудил Урусов с телеграммой о приезде трех американцев. Долго не мог заснуть. Встал в обычное время. Написал конец 3-го действия. Все очень плохо. Сели обедать, приехали американцы. Два пастора, один literary man [ученый (англ.)]. Они бы издержали только доллар на покупку моих книг "what to do" и "Life" ["Так что же нам делать?" и "О жизни" (англ.)], и только два дня на прочтение их и узнали бы меня, то есть то, что есть во мне, много лучше.

[...] Целый вечер поправлял статейку об искусстве, очень не понравилась мне при чтении Урусову. И не послал.

1 апреля. Спасское. 89. Также рано. Написал 4-й акт очень плохо. [...] Вечером читал Урусову комедию, он хохотал, и мне показалось сносно. Лег поздно и спал долго.

3 апреля. Спасское. 89. Хотел писать новое, но перечел только все начала и остановился на "Крейцеровой сонате". На тэму не могу писать. [...]

Если жив буду 4 апреля. Спасское. 89. Встал рано. Начал "Крейцерову сонату" поправлять. После обеда пошел на шоссе. Далеко. Все робею один в новом месте. Возвращаясь, остановился на мосту и долго смотрел. Дурно. С Урусовым приятно. Читал Щедрина. И хорошо, да старо, нового нет. Мне точно жалко его, жалко пропавшую силу.

5 апреля. Спасское. 89. Встал в семь. Очень много и не дурно писал "Крейцерову сонату". Пошел в Владимирскую губ. через лес, через овраги по кладкам, и жутко было, но не так, как прежде. Та же земля и тот же бог в лесу и в постели, а жутко. В Новоселках милая грамотная девочка и мальчишки читали. Испорченный вином мужик с перехватом. Потом Швейцария. Мамачиха мельница, заробел идти по кладкам. Потом славная семья в Охотине и мальчик милый. Потом снег и поход в Еремино и оттуда опять с мальчиками через огромный лес в Ратово и усталый пришел домой в восемь. Поел и вот у постели. Второй день не ем сахара, масла и белого хлеба. И очень хорошо.

6 апреля. [...] Да, Урусов прекрасно объяснил свое понятие о любви. Любовь не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

чувство, а лицо. Это лицо берет за руки меня, "я" и ближнего и связывает меня с ним. [...] Встал рано. Долго не писалось, а потом опять писал "Крейцерову сонату". После обеда читал ее Урусову. Немного нога болит. Урусову очень нравится. Да и правда, что ново и сильно. Не выходил никуда. Герасим болен. Мне хорошо очень. Получил письма от Сони, и Тани, и Мики, и Поши, все хорошие. Не удастся идти, надо ехать.

[8 апреля. Москва.] Жив, в Москве, но не совсем. Встал очень рано, уложился, простился с Урусовым и поехал. На станции и дорогой пропагандировал общество трезвости. [...]

9 апреля. Москва. 89. Встал в 6. Немного слаб нервами, приводил в порядок письма и читал их. Читал эпизод о защите казненного солдата.

Написано дурно, но эпизод ужасен в простоте описания – контраста развращенных полковника и офицеров, командующих и завязывающих глаза, и баб и народа, служащего панифиды и кладущего деньги. [...]

11 апреля. Москва. 89. Встал в 7. Убрался и сел за статью об искусстве. Хотя и дурно расположен был, все ясно и кое-что сделал: уяснил и расположил. Письма от Эллидина, от священника с проповедями. Пошел к Озмидову. Унылость. Он умственно больной, но хороший. Самолюбие еще не тронулось в нем, как лед на реке. Дома оргия на двадцать пять человек. Еда, питье. Дьяков милый, кроткий и фет жалкий, безнадежно заблудший. Я немножко погорячился с ним, когда он уверял, что не знает, что значит безнравственно. У государя ручку целует, Полонский с лентой. Гадко. Пророки с ключом и лентой целуют без надобности ручку. Вечером ничего не делал. Рано лег. С Соней хорошо, тихо.

13 апреля. Москва. 89. Встал в семь. Опять бился над статьей об искусстве. Хотя не запутался, но и не кончил. Не выпался и слаб. Главное же, переел. Читал шекеров. Все думаю, и вопрос остается вопросом. Иду завтракать. Получил брошюру, проповедь DoI'a. Ничто, как такие хорошие, но пресные книги, не указывает на тщету писаний, рассуждений, построений. Тоже прочел Лопатина реферате свободе воли. Да, лаконизм, если не молчание.

Собрался идти, пришел Брашнин. Прошелся с ним. Он прямо ищет наставления, как жить. Поговорил, посоветовал о книгах против пьянства, чайную и проще и ближе быть. Потом подле музея выставки Семирадского встретил Богданова. Они хвалят картину. Потом в библейскую лавку. Хорошо поговорил с Никольсоном? (кажется). Я попросил простить. И о пьянстве. Потом к Маракуеву, не застал и домой. Дома Голохвастов, Грот и Дунаев. Потом Овсянников, о статье (защита солдата). "Ваше сиятельство". Как тут быть? Потом Касиров и Александров. Письмо от Аристовой и Леонтьева. Ужасен этот зуд, заставляющий их писать. Не слушать, как токующий тетерев, а токовать. Потом, вместо молчания и лаконизма, с Касировым, задирающим о вере, говорил много лишнего. Столько же лишнего говорил и с Гротом о свободе воли. [...]

15 апреля. 89. Москва. Встал в 7. Но писалось. Читал роман Роёу – даже задремал, записал вчерашний день. Иду завтракать.

Пришел Шаховской. Сделался казненным либералом: свободу ему нужно как-то "делать". Я ходил с ним до Маракуева и говорил с добротой, стараясь быть ему полезным. Трудно. Обедала Лиза. И с ней хорошо. Жалко ее стало. Она лечится у Рика, по 40 рублей за сеанс, и слуга философовой рассказывал чудеса про барыню. Читаю роман Роёу: страшна сознательная деморализация. Не страшно, но созрело очень сознание: должно разрешиться. Картина Репина невозможна – все выдуманно. Ге хорош очень.

18 апреля. 89. Москва. Встал в 9-м. Начал поправлять об искусстве очень хорошо, но надобно ехать навстречу Толстой. Поехал с Таней. Очень хорошо с ней было. Потом к Юнге. И там было очень хорошо. Потом Таню проводил и вот к 5 часам вернулся домой. Куча писем, которые буду читать после обеда.

Помешал Танеев. Читал ему об искусстве. Он совершенно невежественный человек, усвоивший бывшее новым тридцать лет тому назад эстетическое воззрение и воображающий, что он находится в обладании последнего слова человеческой мудрости. Например: чувственность – это хорошо. Христианство – это католические догмы и обряды и потому глупость. Греческое мирозозерцание – это высшее и т. п.

Приехал Горбунов.

И я не мог с ним поговорить. Танеев надоел. Лег поздно.

19 апреля. Москва. 89. Встал поздно, в 9-м. Побеседовал с Горбуновым, проводил его и, после напрасных попыток писать об искусстве, пошел сначала с Рахмановым к его студенческой матери, а потом в детскую больницу. [...] Прочел прелестное сказание об Ормузде и Аримане (вымышленное). После обеда начал читать. [...] Читал "World Advance Thought" и "Universal Republic". Созревает в мире новое мирозерцание и движение, и как будто от меня требуется участие, провозглашение его. Точно я только для этого нарочно сделан тем, что я семь с моей репутацией - сделан колоколом. [...]

20 апреля. Москва. 1889. Встал в 8. Пытался писать об искусстве и убедился, что даром трачу время. Надо оставить, тем более, что Оболенский пишет, что готов ждать. Не пишется оттого, что неясно. Когда будет ясно, напишу сразу. Я себя обманывал, что ясно. Я как будто в пику писал, а не для дела. Теперь 3. Приехал Соловьев.

Поговорил с ним ничтожно, пошел к Нелидовой. Отвратительная дама, затаенная, обтянутая, жирная, точно голая. Писательница. Вел себя порядочно. Ушел. После обеда тотчас же ушел, снес рукопись Губкиной и "Неделю" Дмоховской. Встретил Озмидова. Он шел ко мне с четырьмя пунктами: 1) что если хочешь дурное, то надо его делать, иначе - фарисейство. Непостижимый вздор, если не знать, что эта теория нужна ему, чтобы оправдывать свое курение, револьвер, то есть деля дурное, думать, что я делаю, что должно, 2) что я несправедливо сказал, что если человеку нужны деньги, то это не значит, что ему нужны деньги, а значит, что нужно исправление того ложного положения, в котором он находится. Непостижимое непонимание, если не знать, что не понимать этого ему необходимо для того, чтобы не считать свое положение неправильным, 3) что неверно я сказал, что разрешение экономических затруднений для отдельного человека состоит в том, чтобы быть нужным, тоже непостижимое несогласие, если не знать, что он считает себя нужным людям, несмотря на то, что люди не понимают своей нужды. Наконец, 4-е) тоже записанное в книжечке; на этом четвертом я так ясно убедился, что все эти якобы разъяснения недоразумений суть не что иное, как умственные хитрости для оправдания своего положения (для довольства собой, исключая движение вперед), что я перестал возражать и мне истинно стало жалко его. Думаю, что это мое молчание более полезно могло действовать на него, чем возражение. 4-е состояло в том, что человек может убить себя. Может ли человек убить себя? спросил он. Думаю, что нет, отвечал я. А как же, когда я, защищая другого, подставляю себя? Да, разумеется, сказал я, удивляясь, к чему эта высота самоотвержения. "А стало быть, и морфин хорошо?" Я понял, что морфин, который он вспрыскивает и который есть слабость, он объясняет тем, что он делает это для того. чтобы быть в состоянии работать и потом кормить семью, следовательно, убивает себя для других. Никогда так ясно не было мне искривление суждений людских для оправдания себя, для избавления себя от покаяния и потому от движения вперед. Это нравственный морфин. Таковы все изуверы, все теоретики. Да, вот что нужно записать на ногте: не спорить с такими. Спор с такими - страшный обман, это драться обнаженному с покрытым латами (нехорошо сравнение). Лег в 12-м.

22 апреля. Москва. 89. Проснулся в 6, встал в 8. Читал Ноеса об общинах. Читая шекеров, приходишь в ужас от однообразия мертвенного и суеверий: пляски и невидимые посетители и подарки - очки, фрукты и т. п. Думал: удаление в общину, образование общины, поддержание ее в чистоте - все это грех - ошибка. Нельзя очиститься одному или одним; чиститься, так вместе; отделить себя, чтобы не грязниться, есть величайшая нечистота, вроде дамской чистоты, добываемой трудами других. Это все равно, как чистить или копать с края, где уж чисто. Нет, кто хочет работать, тот залезет в самую середину, где грязь, если не залезет, то, по крайней мере, не уйдет из середины, если попал туда. [...]

23 апреля. Москва. 89. Встал очень рано. Усталый. И не пытался писать. Читал сен-симонизм, фурьеризм и общины и никуда не выходил. Думал: страшно подумать, как заброшен мир, как парализована в нем деятельность лучших представителей человечества организациями церкви, государства, педагогической науки, искусства, прессы, монастырей, общин: все силы, которые могли бы служить человечеству примером и прямым делом, становятся в исключительное положение, такое, при котором простое житье, воздержание от пороков, слабостей, глупостей, роскоши

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
становится необязательным, простительным, даже нужным (нельзя же архиерею, министру, ученому не иметь прислуги, удобоваримого обеда, рюмки вина), и не остается никого для делания простого, прямого дела жизни. Еще хорошо, что церковь, государство, наука, литература, искусство не чисто выбирают, а остаются люди рядовые. Но все-таки это отступление лучших по силам людей от дела жизни - губительно. St. Simon говорит: что, если бы уничтожить 3000 лучших ученых? Он думает, что все погибло бы. Я думаю - нет. Важнее уничтожение, изъятие лучших нравственно людей. Это и делается. И все-таки мир не погибает. Но хорошо бы уяснить это.

После обеда, во время которого был молчалив от дурного расположения духа, пошел к Дмоховской. Зашел к Златовратскому. Там фабричный сочиняющий. Убеждал его бросить и сочинительство и вино; первое вреднее. Болело под ложечкой. Приехала бедная Таня. Жалка она мне очень.

25 апреля. Москва. 89. Встал поздно. Писал об искусстве недурно. Приехал Поша. Я говорил ему, что надо ждать. Он огорчился; но с христианином всегда ясно и хорошо. Снес книги Янжулу и в музей. Дома ждут своих. Толки о Сереевой свадьбе. Все глупо, ничтожно и недоброжелательно.

[...] Приехала Маша. Большая у меня нежность к ней. К ней одной. Она как бы выкупает остальных. Потом приехал Илья с Соней, потом Сережа с Александром Михайловичем. Я устал очень и лег поздно.

27 апреля. Москва. 89. Рано встал, нездоровится. Написал только письмо юноше. Об искусстве ясно на словах, а не выписывается. Надо, кажется, отложить. 2-й час, пойду к Илье.

У него Бобринский, философов. Незачем сходитьсь. Возвращаясь, встретил Голованова и пригласил его с собой ходить. Он тонкий и чуткий. Рассказывал о впечатлении, произведенном мною на него. Поучительно. Дома крестьянин, наивный и слабый стихотворец. Говорил с ним по душе. Конаков пришел, жаловался на В. Ф. Орлова и на хозяина бывшего. Нехорошее впечатление, как и сначала. Это человек, не вышедший из первобытного эгоизма. Пошел к Дьякову. На Смоленском играл в шашки и мне заперли 13. Смешно, что было неприятно. У Дьякова посидел. Дома толпа праздная, жрущая и притворяющаяся. И все хорошие люди. И всем мучительно. Как разрушить? Кто разрушит? [...]

28 апреля. Москва, 89. Встал в 8. Сел у Тани писать об искусстве сначала, потом пришел Грот. Прочел ему. Так недурно. Читал Грота "О чувстве". Страшная дребедень: ни содержанья, ни ясности, ни искренности. [...]

29 апреля. Москва. 89. Встал позднее. Решил не переделывать вперед, а писать сразу. Это можно, но надо выработать приемы, которых еще нет: именно обдумать яснее тезисы рассуждений и потом уж распространять.

Попробовал так писать об искусстве и не мог. Опять запутался. [...]

30 апреля. Москва. 89. Встал в 8. Ничего не писал, только просмотрел вчерашнее. Пошел к солдатам. [...] Думал: вот семь пунктов обвинительного акта против правительства: 1) Церковь, обман суеверия, траты. 2) Войско, разврат, жестокость, траты. 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза. 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города. 5) фабрики - убийство жизни. 6) Пьянство. 7) Проституция.

Когда подходил к войскам, попы с образами пошли на меня. Я, чтоб не снимать шапки, пошел прочь от них. И совестно было убежать, а идти на них робел и стыдно стало. Вернулся домой, читал и записал это. Решил об искусстве написать тезисы, то есть кратко положения. [...]

2 мая. Москва. 89. Встал в 6, убрался в дорогу скоро и весело, но не добро. В 10 пришел Попов, и мы выехали за заставу. Шли до Сырова, четыре версты не доходя Подольска, где и ночевали. Дорогой пили чай. Муж пьет, женщина работает, восьмилетняя девочка моет полы и делает папиросы на один рубль в неделю. Двадцать копеек за стекло отдали при мне. С Поповым идти хорошо и легко.

5 мая 89, в дороге. [Село Богучарово?] Везде бедствие вино: читали "Винокура". Баба воронежская покупала книжку, от мужа-пьяницы. Холод страшный. Зябли, и даже

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

зарабел. Отдыхали против станowego, не входя, и потом в трактире. У отца девочки. Я дал книжки. Пришли ночевать в Богородицк, 34 версты от Тулы. Много народа: старый и молодой солдат, бабы, ребята-слесаря. Я говорил о войне. Поняли. Спал хорошо. Выходим дальше.

6 мая 89. В дороге. Шли бодро без останову 16 верст. Обедали в трактире Серюковки, где я очень уговаривал о пьянстве. Добрый старик трактирщик, жена и сын. Писарь при церкви ухарь, пил и читал и дал мне 5 копеек за книгу "Пора опомниться". Бывший старшина, в упадок пришедший, шел с нами. Дошли до Тулы. И зашли к Свербееву. Немного стеснительно, но он добродушен вполне. Пошел к Раевским, встретил юношей из Академии художеств. Кажется, хорошие. [...]

10 мая. Ясная Поляна. 89. Проснулся поздно, тоже слабость. Начал писать об искусстве, не пошло. Пошел в леса с записной книжкой. Пробовал выразить тезисами - не мог ясно формулировать. [...]

[13 мая. Протасова.] Еще жив. Встал в 4, собрался, простился с Поповым и поехал на Козловку, где ждал около часа.

[...] Пошел в самый жар и разморился. Пришел, выбежала милая Маша, готовая на все доброе, и такая же с нею готовая славная мать Соня. Илья ниже ее гораздо, как мужчина. Он зарывается в мелочах, и, кроме того, роскошь и отсутствие духовной жизни. Он добрый, но очень слабый человек. Поел, отдохнул, напился чая. Походил по лесу и вот записываю. 6-й час. Вечер посидели, легли рано. Мне нездоровится.

14 мая. 89. Протасово [и Ясная Поляна]. Встал очень рано, пошел ходить по лесу. Записал мысли об Илюше. Хотелось обличить, молясь за него, и целый день искал случая и не нашел. Сказал урывками, было тяжело. И, главное, он не хочет слушать и не послушает. Все читал Успенского. Одно: "При своем деле" - сносно, остальное невозможно плохо.

Потом на лугу читал "чем люди живы" сидоровским ребятам. Это было лучшее. Поехали в 6. Дорогой пробовал говорить. Главное, он несчастлив совсем. Как для паука уж дождь, когда только начинается сырость, так для меня он уже несчастлив так, как он будет через двадцать лет. В вагоне дочь священника, узнавшая меня, рассказывала о заводе Мальцовском, ставшем на артельном начале, и Песочном, затевающем то же. Маша дорогого стоит, серьезна, умна, добра. Упрек ей делают, что она не имеет привязанностей исключительных. А это-то и показывает ее истинную любовь. Она любит всех и заставляет всех себя любить не так же, но больше, чем любящие исключительно своих. Приехали в 12. Все наши уж приехали. Долго возились.

16 мая. Ясная Поляна. Спал дурно. Встал в 8. Опять кружусь в колесе об искусстве. Должно быть, слишком важный таинственный это предмет...

Приехали вещи, раскладывали, суета. Читал о Lamenaïs статью Janet. Много хорошего. [...]

17 мая 89. Ясная Поляна. Встал рано. Утро перечитывал и поправлял "Крейцерову сонату". Никуда не ходил, теперь 5-й час. После обеда хотел ехать верхом с Таней, гроза помешала. Пришел Буткевич Анатолий с невестой. Говорил с ним хорошо. [...]

18 мая 89. Ясная Поляна. Встал позднее. Горбунов здесь. Я был рад его видеть. Потом писал "Крейцерову сонату" о целомудрии - недурно. Пришли мужики с Козловки за книжечками. Они уже выпили, 2-й час. Пришли на Козловку с Горбуновым. Он слишком согласен. Он молод очень душою. Тяжело дома. Упадок нравственный во всех большой. Усталость и признание своей неправды. Лег поздно.

20 мая. Ясная Поляна. 89. Рано. Письма, от Левы доброе и от Черткова хорошее. Сел за работы, но нейдет пока. Вчера говорил об искусстве, и опять поднялись дрожжи. Ходил с Горбуновым и говорил об искусстве, и записывал, и, кажется, уяснил себе кое-что. Очень чувствую себя слабым. Читал Лекки об эстетическом развитии искусства... Да, искусство, чтобы быть уважаемым, должно производить доброе. А чтобы знать доброе, надо иметь миросозерцание, веру. Доброе есть признак истинного искусства. Признак искусства вообще, - новое, ясное и искреннее. Признак истинного искусства - новое, ясное и искреннее доброе. [...]

21 мая. Ясная Поляна. 89. Встал в шесть. Ходил гулять. После кофе пописал немного "Крейцерову сонату". Иду завтракать. Читал проповедь в американской газете о невинных страданиях, увеличивающих сострадание. Неверно. Безвестные страдания. Связь есть, но она не видна нам.

Пришел Мотовилов юноша из лица, живущий в поденной работе у Гиля. Образованный, умный, но очень легкомысленный. Ходил по засеке, записал мысли об искусстве и к "Крейцеровой сонате". [...]

23 мая. Ясная Поляна. 89. Вчера было очень тяжело слушать жалобы Сони на труды с именьями. Накупила, бедная, сама не знает зачем и не знает, что делать. Встал очень поздно и пошел рубить слуги ясснецкому мужику. Очень было приятно. [...]

25 мая. Ясная Поляна. 89. [...] Во сне видел, что я взят в солдаты и подчиняюсь одежде, вставанию и т. п., но чувствую, что сейчас потребуют присяги и я откажусь, и тут же думаю, что должен отказаться и от учения. И внутренняя борьба. И борьба, в которой верх взяла совесть.

С утра взялся писать в книжечке воззвание. Чувствую, что жить недолго, а сказать еще, кажется, многое нужно. [...]

27 мая. Ясная Поляна. 89. Встал рано. Все еще болит под ложечкой. Читал "Русскую мысль". Vudget. Всякий вздор. Ходил на деревню. Семен Резунов сказал чудную поговорку по случаю моего уговора не ругаться и не пить: "Ослабевает человек, слабой воды; окрепнет, крепче камня". И угрожающая и поощряющая поговорка. Обедал, теперь 8-й час. Все нездоровится, болит. Что-то хорошее было записать. Все забыл.

Вечером скучная довольно Толстая. Но разговорился о целомудрии хорошо. Лег поздно.

28 мая. Ясная Поляна. 89. Здоровье хуже. Ходил утром. Читал о Жан Поле Рихтере. Чистота его нравов и платонизм поразительны. Прекрасные тоже изречения. Это хорошего сорта писатель. Рядом с эгоистом Гете. Хороша сказка об отце, воспитавшем детей под землей. Им надо умереть, чтобы выйти на свет. И они страшно желали умереть. Надо исследовать, почитав Жан Поля. [...]

29 мая. Ясная Поляна. 89. Встал рано, походил. Ребята за книжками. Письмо от Поши, с письмом Сони. Все хорошо. И Маша приняла хорошо. 12-й час. Все так же нездоров. Ходил по лесу, встретил Таню и Машу Кузминскую. Утром говорил с Толстой о вере: странно кажется, но нельзя иначе сказать, как то, что греко-русская вера есть одна из самых суеверных и вредных ересей. Еще ходя по лесу, где я преследовал и без жалости добивал раненого зайца, подумал о том, как невинны должны быть убийцы. Они думают о другом и убивают без борьбы. Но стоит опомниться. Как хороша могла бы быть история об убийце, раскаявшемся на незащищенной женщине. Столько хочется и нужно писать, и нет сил. [...]

30 мая. Ясная Поляна. 89. Вчера болело вечером и непреодолимая мрачность. Лег поздно. Приехал А. Берс и Илюша. Встал в восемь не выспавшись. Также нездоров. Ходил на Козловку, и думалось много. Думал: по случаю Ильи, который опять занят постройкой. Люди, не воскресшие к жизни, заняты всегда и все только приготовлениями к жизни, а жизни нет. Заняты едой, сном, ученьем, отдыхом, продолжением рода, воспитаньем. Одного нет - жизни, роста своей жизни. Да, дело наше, как дело няньки - возрастать порученное нам - нашу жизнь. И пусть не говорят столь любимую пошлость, что растить свою жизнь эгоизм. [...]

31 мая. Ясная Поляна. 89. Встал рано, ходил на Козловку.

[...] Страхов привез "Сеть веры" и говорил еще о Готлибе Арнольде. История ереси, в которой он истинную струю признает в ересях. С Ильей не мог поговорить. Надо бы написать. К вечеру стало немного лучше. Спал дурно.

3 июня. Ясная Поляна. 89. Встал поздно. Видел во сне: Вопрос. Вы признаете, что любовь радостное чувство? Ответ. Да. Вопрос. Признаете, что могут быть условия, увеличивающие и уменьшающие ее? Ответ. Да. Вопрос. Какое действие на возможность любви производит забота о себе? Ответ. Уменьшающее. Вопрос. А обратное, самоотречение? Ответ. Увеличивающее. - Давайте так и делать. Но, может быть,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
заботы о себе дают больше радости, чем любовь? Надо взвесить. Вспомнил заботу Сони о Леве, о всех детях, заботу внешнюю, но такую, какую одну она может понять, и полюбил ее. Как бы вызывать перед себя все хорошие черты человека, когда имеешь дело с ним. 12 часов. Ходил читал.

После обеда ходил гулять с Страховым и девочками. Меньше, чем прежде, устаю от Страхова. Мне очень приятно с ним. Лег поздно.

[6 июня.] Пришли монашек и актер просить, дал им денег и книжечек жалкие. Потом юноша, студент киевский. Говорит, что расстроен нервами и хочет жить по Христу. Вроде Броневского. Говорил с ним по душе.

Вчера, обдумывая воззвание, нашел форму обращения к ближнему, сестре или брату. Кто бы ты ни был, брат мой, вот наше положение и вот что мы знаем и можем знать... и т. д.

Человек не бывает лучше другого, как не бывает место одной реки глубже или чище места другой реки. Человек течет, как река. И человек между 15 и 16 годами, и другой между 25, 30, и третий между 40, 50, и четвертый между 4 и 5-м часом на последнем году своей жизни и т. д. - все несоизмеримые величины. И нельзя сказать: этот лучше или хуже. [...]

7 июня. Ясная Поляна. 89. Читал "New Christianity". Удивительные мысли радующие, возбуждающие, о том, что близко, при дверях. Надо выписывать и собирать все, что поражает в двух направлениях. 1) Обвинительный акт и 2) наступление царства божия. [...]

10 июня. Ясная Поляна. 89. Получил известие о критике *Uber das Leben*. Приятно. [...] Писал "Крейцерову сонату" и рубил колья, с Страховым приятно. Был у Евдокима Володкина. Страхов мне жалок. 5 часов. Иду обедать.

После обеда ходил рубить колья. И лежал. Очень слаб. Грешен - хочется смерти. Лег поздно.

12 июня. Ясная Поляна. 89. Все то же. Не работается ни руками, ни головой. Читал *De Quinsey*, говорил с Страховым. Все то же.

13 июня. Ясная Поляна. 89. То же утро. Получил письмо от Хилкова о Любиче и ездил в Тулу. Не нашел. У нас Давыдов и куча девочек. Всем им бестолково. И я не помтаю, не умею. Страхов рассказывал воскресенье Вагнера оперы: Вотан, Валгала, Валкирия, Сигмунд, Сигфрид и т. п. Ужасно слушать, до какого полного безумия дошли люди. Надо писать об искусстве. [...]

14 июня. Ясная Поляна. 89. Встал поздно, мало походил. Хорошо говорил за завтраком, записал много. Хочу писать. Теперь 2-й час.

Ничего не писал. Беседовал с Страховым. Играли в лапту - стыдно мне. Страхов говорил о плане своего сочинения о пределах познания. Познание бывает только формальное, но есть еще постижение содержания. Это область нравственности, любви и искусства. Он неясен. Читал критику на него Тимирязева и ужаснулся. "Дурак, ты сам дурак". В области той, которая избрана перед всеми другими по своей достоверности, область, в которой все основывается на столь любимых фактах, оказывается столь сомнительной, что можно утверждать два противоположные мнения. Поздно лег спать и спал дурно.

15 июня. Ясная Поляна. 89. Все то же. Те же тщетные попытки писать. Впрочем, перестая пытаться. [...] Страшный пример тщеты науки и искусства это споры о дарвинизме (да и многом другом) и вагнеровщина. А ведь жрецы-то науки и искусства не дожидаят решения, а давно решили, что черный народ должен им служить. А кауфер театральный купил именье, и ему в ноги падают мужики.

[...] Нынче читал прекрасную переделку из "L'homme qui rit" и подумал: описывается все, как жизнь отдают герои другим, но все это вздор. Надо от места отказаться, как семеновский дворник, или еще труднее, от каши, когда голоден.

В писании своем за это время как будто уяснил кое-что. Надо обдумать теперь и не поправлять потом. Так я обдумал теперь "Об искусстве". И "Крейцерову сонату" и о "вине". Теперь 4. [...]

20 июня. Ясная Поляна. 89. Встал в шесть и пошел пахать. Очень приятно. Торопился, чтобы вернуться вовремя и к завтраку, и к обеду, но не миновал злобы. О, господи, помоги мне [вымарана одна строка] любить, обличать любя и молясь. Читал Adin Ballou Non-resistance. Дал Леве переводить. Превосходно. Вечером лег рано.

21 июня. Ясная Поляна. 89. Встал в шесть. Пошел пахать в 8 и в 10 вернулся. [Вымарано две с половиной строки.] Да еще вчера мальчики пришли в 6. Поразительно неразвиты. Как исправить грех.

Вечер пахал весело. [...]

23 июня. Ясная Поляна. 89. Встал в семь. Писал письма целый день, кроме отдыха днем. [...] За обедом обиделся на Соню за приставанье об еде. Спасибо, что тотчас же после обеда пошел извиниться. Образец женских рассуждений: Я: Какие чудные статьи о Non-resistance [непротивлении (фр.)]. Она. Да, только разговоры. Все знают, и никто не делает, потому что невыгодно. Я: Да оттого, что не внушают. Она: Сколько ни внушай, не будут делать. Я: Отчего ж, если бы впутали, хоть так, как внушается святость причастия. Ведь никто не выплюнет причастия, хотя бы под угрозой казни это велели. Она: Да, это-то пустяки, легко, это всякий сделает, а того нет. Я (озадаченный): Да ведь я говорю, что несмотря на то, что это пустяки, и не сделают. Ты не понимаешь. Она: Что ж тут понимать? Я и дальше-то все поняла. Это ты только все одно и то же размазываешь.

24 июня. Ясная Поляна. 89. Встал рано, погулял, почитал статью Тимирязева о Страхове. Он не прав, но все-таки ужасно и жалко пропустить, не воспользовавшись. Потом писал "Крейцерову сонату". Подвинулся немного. Заснул. Теперь 3. Буду писать дальше.

Писал. Довольно подвинул. После обеда ослабел, полежал и потом ходил на Козловку. Лег поздно.

25 июня. Ясная Поляна. 89. Встал поздно, убрался, выпил воду и пошел ходить по лесу. Прежде всего увидел - Миша покупает у жамошницы карамельки. Андрюша кричит: валя папильон! Грустно. За что портятся дети. А между тем подумал: привитая оспа избавляет ли от настоящей - неизвестно, но привитые соблазны не то что спасают наверное, но необходимы, чтобы избавиться от них. И легче отстать от соблазна, привитого в детстве, чем от привитого после, например, роскошь, прислуга, сладкая еда. [...] Потом думал о повести о человеке, всю жизнь искавшего доброй жизни и в науке, и в семье, и в монастыре, и в труде, и в юродстве и умирающего с сознанием погубленной, пустой, неудавшейся жизни. Он-то святой. [...]

30 июня. Ясная Поляна. 89. Встал в 7. Спал лучше. Нанял за себя на покос и начинаю бродить. Теперь час. Кое-что надо было записать. Забыл.

Целый день читал всякий вздор и еще "Looking backward". Очень замечательная вещь; надо бы перевести.

2 июля. Ясная Поляна. 89. Немного лучше. Гапгуды уехали. Я ходил на деревню и на покос. Все не ладится. Все ссорятся. Писал "Крейцерову сонату". Недурно. Кончил все. Но надо все теперь сначала поправить. Запрещение рожать надо сделать центральным местом. Она без детей доведена до необходимости пасть. Еще про эгоизм матери. Самопожертвование матери ни хорошо, ни дурно, так же как труд. И то и другое хорошо только, когда разумно любовно. А труд для себя и самопожертвование для своих исключительно детей - дурно. Лег рано.

4 июля. Ясная Поляна. 89. Встал в 6. Косил, теперь 1/2 12, устал. Утром и вчера вечером много и ясно думал о "Крейцеровой сонате". Соня переписывает, ее волнует, и она вчера ночью говорит о разочаровании молодой женщины, о чувственности мужчин, сначала чуждой, о несочувствии к детям. Она несправедлива, потому что хочет оправдываться, а чтобы понять и сказать истину, надо каяться. Вся драма повести, все время не выходившая у меня, теперь ясна в голове. Он воспитал ее чувственность. Доктора запретили рожать. Она напитана, наряжена, и все соблазны искусства. Как же ей не пасть. Он должен чувствовать, что он сам довел ее до этого, что он убил ее прежде, когда возненавидел, что он искал предлога и рад был ему. [...]

6 июля. Ясная Поляна. 1889. Встал очень рано, пошел на Прудиче. Там косил с Фомичом и Андреем. К завтраку пришел домой. Опять косил. Дома все нездоровье Вани. Лег спать. Разбудил Илья с Трескиным. Разговор за завтраком о том, кто говорит и не делает. Какая тут путаница! Человек, как Соня, говорит; другие говорят, но не делают. А я не говорю и не делаю. Это честнее. Что за вздор! Да ты знаешь ли, что нужно делать? Знаю. Ну, так уж лучше говорить. Говоренье хоть что-нибудь – обязывает. К обеду приехал Свербеев. Я поспорил с ним об обществе трезвости. Очень устал, копнил сено.

Но, несмотря на усталость, нынче 7 июля. Ясная Поляна. 89 встал в 6-м и косил, и вот теперь 7, записываю, пришел завтракать. Письмо от Поши. Маша больна. Косил и целый день. Маша вышла работать. Приезжал лесничий Булыгина. По рассказам, они живут все так же хорошо. Идет та же внутренняя работа. Он хочет подать в суд на брагинских.

Думал: к "Крейцеровой сонате". 1) Различие настроений жены – две женщины. 2) Соблазнитель-музыкант своим долгом считает соблазнить. Притом же: не в бордель же мне ездить, еще можно заразиться. Еще поразила меня, не помню все, деликатность Прокофия, подумал: ум, дарованья даны не всякому и неравномерно, но понимание чувств людей, улыбки, нахмуренья дано всем, и малоумным, и детям, больше чем другим.

8 июля. Ясная Поляна. 89. Встал в 6. Косил. Вернувшись, застал Ругина. Очень мил. Рассказал много хорошего. С ним косил. Потом приехал Обомелик и Гагуды севой. Я немного горячо доказывал Обомелику глупость вспрыскивания в кровь эссенции сушеных яиц свинок Браун Секара. Поразительна глупость. Многое хочется писать. Думал к комедии. Один из мужиков остряк. 8 часов, иду пить чай и спать. Думал дурно. [...]

11 июля. Не встал рано от дождя. Пошел в 7. Уже косят. Отбил косу Ругину и целый день косил очень напряженно. Скосил все. Было весело. Дьяков приехал, а прежде его Урусов. Урусов все делает свои вычисления. Это возможно только при табаке. Очевидно, ему ничего не нужно, кроме упражнения своих сил. А приложение их правильное потеряно. Полудновали, я предложил кончившему есть и перекрестившемуся Степану картофеля с маслом. Он отказался, сказав, что сыт, и что через силу есть – грех. Кабы все знали это?! Лег в 11, и нынче 12 июля. Ясная Поляна. 1889. Встал в 8-м, проводил Дьякова. От файнермана письмо, которое прочла Соня и которое очень огорчило ее. Он пишет о моем кресте, предвидя мои мучения в том, что я живу в таких условиях, которые мне противны и которые я хочу и колеблюсь изломать. Противны да, но колебаний в том, чтоб изломать, нет, потому что я знаю, что это как болезнь, старость, смерть, благие условия жизни моей, а потому и противность не болезненная, а крест, значение которого он не понимает. Крест значит неприятное, болезненное, тяжелое, несомое как неизбежное, необходимое, от бога посланное и потому уж не неприятное, не болезненное, не тяжелое, а такое, без которого бы было неприятно, неловко и неестественно. Это то же, что получить на спину неожиданную, непризнаваемую необходимой тяжесть, скажем, в пуд (ведь это мука) или несение мешка с пудом муки для пищи своей и детей. 12-й час. Хотел пахать, но едва ли пойду.

Не пахал. Не помню, как провел вечер.

15 июля. Ясная Поляна. 1889. Встал в 7-м, проводил гостей, свез их на Козловку.

[...] Затеяли вечный, один и тот же разговор о хозяйстве – унывая, отчаиваясь, осуждая друг друга и всех людей. Я попытался сказать им, что все дело не за морями, а тут под носом, что надо потрудиться узнать, испытать и тогда судить. Лева начал спорить. Началось с яблочного сада. С упорством и дерзостью спорили, говоря: с тобой говорить нельзя, ты сейчас сердисься и т. п. Мне было очень больно. Разумеется, Соня тотчас же набросилась на меня, терзая измученное сердце. Было очень больно. Сидел до часа, пошел спать больной.

16 июля. Ясная Поляна. 89. Еще вчера вечером Лева, сознав, что нехорошо, хотел просить прощенья; но нынче поговорил о том, что он виноват, с большой развязностью. Кто кается, тот любит унижение, а не боится его. Я очень болел сердцем все утро. Ходил купаться. Взятся было за работу, "Крейцерову сонату", не идет. Спать тоже не мог: все думал. Как бы надо поступить? И все не то. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Думал: какое удивительное дело – неуважение детей к родителям и старшим во всех сословиях, повальное! Это важный признак времени; уважение и повиновение из-за страха кончилось, отжило, выступила свобода. И на свободе должно вырасти любовное отношение, включающее в себя все то, что давал страх, но без страха. Так у меня с одной Машей. Боюсь говорить и писать это. Чтобы не сглазить, т. е. не разочароваться. Теперь 3-й час, пойду гулять. С Урусовым хорошо беседуем с глазу на глаз. [...]

18 июля. Ясная Поляна. 89. Встал поздно. Читал варианты об искусстве и прочел то, что начато. Начал поправлять, потом начал "Крейцерову сонату". И не мог продолжать ни того, ни другого. Получил письма и выписку из газет: The world has of Tolstoi, as much as it can digest [Мир имеет от Толстого столько, сколько он может переварить (англ.)]. Лестно. То-то и скверно, что прислушиваешься к этому. Урусов очень мил, украшает жизнь. Просила Катерина косить. Пойду в обед.

Косил целый день, приходил обедать. Очень устал. Маша жала и выезжала за мной.

20 июля. Ясная Поляна. 89. Ильин день. Я рад отдохнуть. Ездил купаться. Сейчас в 11-м часу неприятно говорил с Таней. Она промолчала. Ходил на деревню, устроить поправку плотины. Читал Brunetier'a о Disciple. Смешной страх, как бы они не сказали того, что я готовлюсь сказать. О! Только бы сказали! И сказали бы лучше моего, затмив меня, но возбудив сердца! Разумеется, да.

Шел мимо всегдашнего покоса Тита покойника и подумал ясно, что тело его в земле и жизни его здесь нет больше, то самое, что вот-вот со мной будет, и тут злиться, гордиться, печалиться, беречь что бы то ни было, кроме своей души. В Америке казнят – не публично и без боли (электричеством). Если же не для угрозы и не для страданий, то зачем же? Изъять из жизни. Да кто же взял на себя решение вопроса о том, кто подлежит изъятию из жизни? Иду завтракать.

После завтрака читал. Обедал тяжело. Ходил на Козловку. Хотел ехать к Булыгину. Ужасно слаб и уныл. Ночь плохо спал.

21 июля. 89. Ясная Поляна. [...] Читал Revue и лежал. Пробовал писать – не мог. После обеда Соня объяснялась, что она была верна и что она одинока. Я сказал: надо всегда быть тихим, кротким, внимательным. Больше ничего не мог сказать. И жалею. Теперь 8-й и ждут Стаховичей. Лева приехал, мне все тяжело с ним.

Приехали чуждые и тяжелые Стаховичи.

22 июля. Ясная Поляна. 1889. Встал поздно. Утро болтовня бесполезная – не дали заниматься. После завтрака пошел косить. Все уже убрано, только слепого полоска. Я скопил до обеда. Обед у Кузминских, обжорство грустное и гнусное. Как жалки. Я не могу им помочь. Впрочем, ходи я по миру, я еще меньше бы мог помочь им, чем теперь. Соня заперла Бульку, которая кусала собак, и из этого вышла неразрешимая путаница: выпустить? Оставить взаперти? Убить? Le non agir [Неделание (фр.)]. Лаотцы. Вечер в лапу и скука.

24 июля. 89. Ясная Поляна. Встал в 9. Получил от Страхова книги Арнольда 1720 года история церкви настоящая. Сколько, сколько ученой умственной работы. Хоть бы одной компиляции всего правдивого истинного, и никто не делает. Стаховичи вернулись и помешали мне заниматься. Я начал "Крейцерову сонату".

Думал: 1) Я пишу "Крейцерову сонату" и даже "Об искусстве", и то и другое отрицательное, злое, а хочется писать доброе, а 2-е то, что в древности у греков был один идеал красоты. Христианство же, выставив идеал добра, устранило, сдвинуло этот идеал и сделало из него условие добра. Истина? Я чувствую, что в сопоставлении, замене одного из этих идеалов другим вся история эстетики, но как это? не могу обдумать. Мешает мне и образ нашей жизни, и нездоровье думать. Что ж делать – только бы растить свою душу в чистоте, смирении и любви. Не было ни того, ни другого, ни третьего. Помогите мне, господа.

Спал днем. Поработал над "Крейцеровой сонатой". Кончил начерно. Понял, как всю надо преобразовать, внеся любовь и сострадание к ней. Ходил купаться. Стаховичи, Урусов. Много лишнего. Низкого уровня мысли. Праздность. Слабость большая телесная в спине и ногах. Лег в 12.

27 июля. Ясная Поляна. 1889. Встал в 8-м, пошел купаться, хорошо думал, именно:

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

для Маши было большое счастье то, что мать не любила ее. Таня не только не имела тех побудительных причин искать блага на указываемом мною пути, но ее прямо соблазняли любовью и баловством.

[...] Земледелие, заменяющее кочевое состояние, которое я выжил в Самаре, есть первый шаг богатства, насилий, роскоши, разврата, страданий. На первом шаге видно. Надо сознательно вернуться к простоте вкусов того времени. Это невинность мира детская. История самарского переселения – хорошо бы. Немного пописал "Крейцерову сонату". Пошел за грибами, вернулся поздно. После обеда читал газеты. Требования социалистов о вмешательстве государственной власти в часы работы с возвышенной платой, в работу женщин и детей и т. п., то есть требуются привилегии рабочему классу и вроде майоратов стеснения. И не думают о том, что власть не может помешать людям продавать себя. Нужно, чтоб люди поняли, что нельзя покупать и продавать людей. А для этого нужно – свобода от вмешательства правительства и, главное, свобода, даваемая воздержанием. О ней-то никто не говорит. Урусов страшно ест. Ужасный пример. Лег поздно, спал дурно.

28 июля. Ясная Поляна. 89. Встал в 8-м, ходил купаться, писал до завтрака "Крейцерову сонату", теперь сон клонит, хочется работать хорошо. Ходил за грибами. Какая-то тихая радость. Так хорошо. Чувство счастья. Только немного чего-то недостает. Вечером играл в шахматы с Таней. Ночь всю плохо спал, видел во сне, чувствовал, думал во сне о том, что надо соблюсти любовь к людям: всё разные положения видел во сне, в которых отступал от любви и поправлял себя. Это очень радостно: значит, я это точно чувствую и начинаю вводить в жизнь. Так я и жил.

30 июля. 1889. Ясная Поляна. Встал позднее. Ходил купаться.

[...] Еще подумал об Урусове: что бы было с ним, если б его лишили средств жизни, если бы была установлена справедливость? – он и Костенька и подобные им погибли бы ужасно. Надо, чтоб они сами выучились жить не паразитами. А пока они паразиты, есть и питающие этих паразитов. Христиане не могли бы кормить, поить их, поставлять им табак, вино и т. п. Все делается с двух сторон: уничтожается и возможность и способность.

Лева сказал, на меня глядя: грибы – это та же охота. Тоже жалко грибочков маленьких, как и дупелей, только маленькая разница. Я промолчал, а потом думал: да, маленькая разница; но как Брюллов говорил, на то, что вот он, поправляя, чуть-чуть изменил, а все стало другое, что искусство только тогда, когда дело в "чуть-чуть", так и еще с большей справедливостью можно сказать, что добрая жизнь начинается там, где чуть-чуть.

Писал лучше всех дней "Крейцерову сонату". Потом пошел косить к Осипу. Косил до 5. Обедал, заснул. И сейчас 9, проснулся, пишу. Соня разбудила меня. Я неохотно говорил с ней. Нашло сомнение, зачем Маша ездит второй день на Грумы. Надо сказать ей. Если буду жив завтра.

31 июля. Ясная Поляна. 89.

[31 июля.] Жив. Дурно спал. Встал рано, не выспался и слаб. Ходил купаться. Дома читал Keats, английского поэта. [...]

1 августа. Ясная Поляна. 89. Встал поздно, ходил купаться. Записал кое-что к "Крейцеровой сонате". Дома взялся было за комедию, но противно и совестно. Нездоровится. Дождь. Почти не выходил. Не успел оглянуться, как попался на праздное занятие шахматами – задачи и игра. Все думаю об искусстве и читаю о нем. [...]

Еще получил письмо от Алехина с известием о том, что у них был обыск и отобрали все мои писанья и их письма.

9 августа. Ясная Поляна. 89. Проводили Урусова и Леву. Я очень ослаб. Постыдное невоздержание в пище. Читал Платона об искусстве и думал об искусстве. Платон соединяет красоту и добро – неправильно. В "Республике" говорит о без- или нечестности поэтов и потому отрицает их. В то время, как и теперь, поэты стояли ниже уровня Платона и были потеха. Чувствую, что чего-то недостает в моих мыслях об искусстве и что я найду недостающее.

Ходил за грибами и купаться и ничего не делал. Теперь 8-й час. Вечер как обычно.

10 августа. 89. Ясная Поляна. Утро читал. В обед поехал пахать и пахал до поздней ночи. Очень устал.

11 августа. 89. Ясная Поляна. Читал о страдании и антисептическом методе для перевязочных пунктов и родильных домов. Устроят сражения и родильные дома, а потом средства, чтобы сделать их безвредными. Целый день ничего не делал. Ходил за грибами и думал о "Крейцеровой сонате" и об искусстве. "Крейцера соната" - надо сделать бред умирающей, просящей прощение и не верящей тому, что убил он. Приехала целая куча юношей. И пришли ко мне Золотарев и Хохлов. Чудные ребята.

14 августа. 89. Ясная Поляна. Встал раньше, пошел купаться. Думал: 1) Как в организме боль указывает на нарушение закона - предупреждает, так и в обществе людском страдание от враждебности указывает на нарушение закона единения, предупреждает. Если, делая дело, которое считаешь добрым, испытываешь страдание враждебности или заставляешь других испытывать враждебность к себе, тотчас остановись: значит, ты не умеешь еще делать то дело, за которое взялся.

[...] Вчера получил письмо Дунаева, плохое, ненатуральное, и прекрасное Черткова. Читал эстетику Шопенгауэра: что за легкомысленность и неясность. Мне же, ходя за грибами (я проводил своих гостей к Булыгину и сам целое утро ходил за грибами), пришло в голову, что искусство есть одно из орудий выражения (через не подражание таких же чувств, как зевотой) нового содержания. Пустое же искусство нашего времени есть вызывание таких же чувств, как и испытываемые художником, не для того, чтобы выразить что-нибудь, а просто так: как Петрушка читал книгу для процесса чтения. [...]

16 августа. 89. Ясная Поляна. Целый день ничего не делал, если не считать чтение Шопенгауэра об искусстве. Что за легкомыслие и дребедень. Но правду сказал мне кто-то, что царствующая эстетическая теория - его.

Ходил за грибами, обедали вместе. Я очень опустился. Дурного не делал.

18 августа. Ясная Поляна. 89. Думал о военной службе, я обязан писать об этом. [...]

19 августа. Съездил посмотреть посев, и после завтрака пошли с Золотаревым подсеять. Очень устал.

[...] Думал к "Крейцеровой сонате". Блудник есть не ругательство, но состояние (думаю, то же и блудница), состояние беспокойства, любопытства и потребности новизны, происходящее от общения ради удовольствия не с одной, а с многими. Как пьяница. Можно воздерживаться, но пьяница - пьяница и блудник блудник, при первом послаблении внимания - падет. Я блудник.

22 августа. Ясная Поляна. 89. Встал в 9-м. После кофе сел писать, пришел Дужкин-еврей. Очень умный и хороший, но мне помешали, может быть. Думал: я жалею, что не дописываю, а может быть, это-то и нужно, только бы все силы уходили на служение. Подошел к окну Маши. Николай Николаевич с девочками разговаривает о Леве - грустно.

Да: об искусстве. 1) Труды людей, занятия, приписывающие себе важность под знаменем деятельностей научной и художественной, загромождают мир. Требования к людям предъявляются огромные, и деятельность граничит часто с безумием и развратом: (по науке) классицизм, реализм, дарвинизм, гипнотизм, бактерии, (по искусству) развратные картины, статуи, театры, балеты, романсы, песни и др. Оперы Вагнера. Необходимо разобраться и проверить справедливость требований уважения к себе людей, запятых этими десятилетиями.

Какое объяснение этих деятельностей? Наука движет вперед человечество, содействует его благу. Искусство приводит в сознание человечества его самого. Такое обычное всеобщее. Найти его можно не в писаниях эстетиков, а в общественном мнении. Это совершенно несправедливо по отношению к науке теперешней: благо матерьяльное - опытом, а не теорией, благо же духовной жизни - почти отрицается. Приведение же в сознание совсем не нужно. Что ж, неужели все это вздор и обман? Сравнение с церковью. Молебен казанской божьей матери в

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
христианской церкви. Неужели все христианство от этого вздор? Нет, но дегенерация, отклонение, извращение. Точно то же и с наукой и искусством. Посмотрим же, что это. Это передача людьми друг другу своего внутреннего содержания. Передача внутреннего содержания для единения есть самое важное и святое. В передаче важно передача доброго – признак ведущего к единению. Разделения на науку и искусство в действительности нет, есть два рода передачи.

Характер первого рода есть логический довод, второго рода есть воздействие на свойство подражания (зевота).

Теперь передача тем или другим способом нужного для единения есть важное дело, и передача эта совершается только при соблюдении 3-х условий, чтобы было ново, было хорошо ясно и было правдиво. Так оно всегда и было и будет. Всегда это было делом религии; но всем злоупотребляют, и вот является передача не важного и нужного, а только нового, красивого и правдивого, и вот являются псевдонаука и псевдоискусство, в области которых является и прямо ложная наука и ложное искусство, не соблюдающее даже 3-х условий. Не ново, или не ясно (красиво), или не правдиво. Но бывают и соблюдающие все три, но не передающие важного – софисты в науке и софисты, или скорее эстеты в искусстве, является в избыточествующих классах забава псевдонаукой и псевдоискусством. Наука для науки, искусство для искусства. Чтение Петрушки Гоголя для процесса чтения. И догмат о том, что всякое открытие науки на что-нибудь да пригодится и всякое проявление художества что-то производит хорошее. Подстраиваются теории. Теория Шопенгауэра и Конта для наук.

Как же должно быть? Передавать важно и том и другим способом только то, что содействует истинному благу, ведет к единению, и то важно. Баловать же, как Петрушка книгой для процесса чтения, и знаниями, не зная зачем, а также искусством – вредно и гадко. Dixi [Я сказал (лат.)]. [...]

27 августа. 89. Ясная Поляна. Спал дурно. Виноват сам. Читал вчера присланную американскую газету "Dawn" и "Nationalist", обе газеты христианского социализма. Программа: национализация промышленности и установление братства человечества. Программа "Nationalist'a". Замена принципа борьбы, соревнования и индивидуализма артельностью и установление сыновности богу и братства людей – программа (вкратце) "Dawn'a". Все это прекрасно. Но средства, предлагаемые ими для этого, неопределенны, неясны и не могут быть иными. Они предлагают проповедь всех родов и приложение к торговым делам и к жизни принципа братства, а не борьбы соревнования. Но как прилагать эти принципы в мире борьбы? Если жизнь каждого основана теперь на борьбе с другими, то борьба эта ведется до конца со всеми, как мы и видим, – борьба с ребенком, женщиной, заставляя их работать сверх сил. Как только нет этого, нет обеспеченности. Другой поборет меня, и я погибну. Как же прилагать в этом мире? Одно средство – отдавать себя и всю жизнь свою. Не противиться злу, а гибнуть самому во имя истины. Вот это-то не договаривается. Хотелось бы написать это им. Вечер провел все так же, как и все дни.

28 августа. 89. Ясная Поляна. Встал рано и сейчас же сел за работу и часа четыре писал "Крейцерову сонату". Кончил. Казалось, что хорошо, но пошел за грибами и опять недоволен – не то. [...]

29 августа. 89. Ясная Поляна. Встал рано, не выспавшись. Немного поправил до завтрака.

[...] 3) думал о том, что я вожусь с своим писаньем "Крейцеровой сонаты" из-за тщеславия; не хочется перед публикой явиться не вполне отделанным, несладким, даже плохим. И это скверно. Если что есть полезного, нужного людям, люди возьмут это из плохого. В совершенстве отделанная повесть не сделает доводы мои убедительнее. Надо быть юродивым и в писании. [...]

31 августа. Ясная Поляна. 89. Встал очень поздно, вялость мысли – читал Эртеля. Очень недурно. Но старо и ненужно. Взялся за сапоги после обеда. Ездил на Козловку. Вечером читал всем "Крейцерову сонату". Подняло всех. Это очень нужно. Решил печатать в "Неделе". Лева слушал, и ему нужно.

Нынче 1 сентября. Ясная Поляна. 89. Проснулся рано, несмотря на то, что поздно лег, рано проснулся и думал о Лева, о том, что я грешу, не говоря ему, мое или, скорее, их несчастье, что они все тугоузды, а я напротив, и мои движения они не чувствуют, а дергать не могу. [...]

Не помню, что делал днем. Вечером читал Николаю Николаевичу и Леве, который уезжает завтра, "Крейцерову сонату". На всех и больше всего на меня произвело большое впечатление: все это очень важно и нужно. Расстроил себя. Очень взволновало, лег в 2. [...]

2 сентября, 1889. Ясная Поляна. Встал поздно, писал в книжечку манифест, и написал кое-что, но нельзя начинать с общего, а надо с частного случая. Хоть начать с необходимости вина на войне. Попытаюсь. [...]

[4 сентября. Ясная Поляна.] В это же утро, как я и ожидал, я стал говорить Сереже о том, что он раздражителен, что я, кроме любви, ничего к нему не имею, и он огорчает меня, и все это говорил я дурно, с слезами в голосе и жалея себя, следовательно, без истинной доброты. Поехали. Дорогой они все смотрели на копны в поле. Это и пшеница поразительно. Он купил дурную пшеницу и посеял, а хорошую отказал. Теперь он занят (это занимает его время) тем, чтобы доказывать себе, особенно в присутствии других, что он не ошибся. То же делается беспрестанно ошибающимися – церковники. Дома Соня бранит Ге за то, что она была с ним нехороша. Письмо от Черткова хорошее. Она очень больна. Поздно лег.

7 сентября. Ясная Поляна. 89. Встал рано. Убрался. Хотел писать об искусстве, только обдумал.

[...] Вчера Соня читала вслух "Крейцерову сонату", и Таня сделала верные замечания: 1) что ее не жалко, 2) что она не будет раскаиваться и просить о прощенье. Ее грех так мал в сравнении с казнью. [...]

11 сентября. Ясная Поляна. 89. Все еще нездоров. С утра писал вступление об искусстве – нехорошо. В ночь была страшная буря. Ходил смотреть бурелом. Вечером не помню. Одно помню радостно, это то, что сознание жизни в возвращении таланта сделалось моим. И беспрестанно вспоминаю это. И всякий раз радостно разрешается всякое затруднение. Как будто зацепит, растопырившись, и тотчас же опять примет настоящий размер и проходит везде не цепляясь. Соня все поговаривает о переезде в Москву, чего ей страшно хочется – нужно. Опять станет обидно, жалко потерять уединение, жалко детей – зацепит: вспомнишь о том, что мое дело – моя душа, и все ясно и опять расцепилось и прошло. Занятие моей душой не значит, что я соглашусь ехать – нисколько, – очень может быть, что это, напротив, заставит не ехать; но интерес переносится с того, что не в моей власти (по Эпиктету) и мне не нужно и не важно (по христианскому учению), на то, что мне нужно и важно, и потому в моей власти.

12 сентября. Ясная Поляна. 89. [...] Писал немного об искусстве – отступил немного от правила, – поправлял из кокетства авторского. Зато писал только до тех пор, пока писалось. Приехала Соня и Рачинская [?]. Я пилил лес в источке, Севастьян, Семен и Прокофий. Было хорошо. Вечером отдыхал, читал и проводил Таню. Приехал Лева. Лег поздно.

15 сентября. Ясная Поляна. 89. Поздно встал. Опять об искусстве. Опять мало и плохо. Пошел ходить. Читал о калмыках, о том, что им мало нужно и они не мучают себя работой, как европейцы, приучившие себя к тысячам прихотей и потом отдающие всю жизнь на удовлетворение их. Думал: Радоваться! Радоваться! Дело жизни, назначение ее – радость. Радуйся на небо, на солнце, на звезды, на траву, на деревья, на животных, на людей. И блюди за тем, чтобы радость эта ничем не нарушалась. Нарушается эта радость, значит, ты ошибся где-нибудь ищи эту ошибку и исправляй. Нарушается эта радость чаще всего корыстью, честолюбием, и то и другое удовлетворяется трудом. Избегай труда для себя, мучительного, тяжелого труда. Деятельность для другого не есть труд. Будьте как дети – радуйтесь всегда. Какое страшное заблуждение нашего мира, по которому работа, труд есть добродетель. Ни то, ни другое, но скорее уж порок. Христос не трудился. Это надо разъяснить. Ходил в баню с И. А. Он рассказывал свою историю. Он очень добрый.

21 сентября. Ясная Поляна. 89. Поздно. Ночью кошмар: сумасшедшая, беснующаяся, которую держат сзади. Читал и писал немного. Окончательно решил переделать, не надо убийства. Пошел пилить с В. и мужиком грумантским. Маша хороша. Одна радуется. Приехал Бестужев и Раевский. Зачем я им? После обеда, при них опять мучительный разговор о том, что "у меня" печать. И опять я не могу жалеть слепого, а сержусь на него. Уехали Бестужев и Раевский. Записал и посижу, читая.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[21 сентября.] Да, хочется умереть, виноват. Я был в упадке духа, главное, от того, что как будто забыл свое дело жизни: спасти, блюсти душу.

Сегодня, 21, думал: славянофильство это любовь к народу, признание истины в его формах жизни. У нас это произошло оттого, что благодаря Петру русское высшее сословие усвоило себе все, что сделал Запад, стало на тот путь, где видно, что идти дальше некуда, стало на эту точку зрения тогда, когда народ еще не вышел из старого республиканского склада жизни. И вот это высшее сословие видит, что не надо идти за ними, а надо попытаться удержать старые справедливые формы - сознательно.

23 сентября. Был жив и 22. Встал бодр и весел. Даже ночью один сам с собой улыбался. Не брался за работу до отъезда Тани. Поработал, проводил и только что хотел сесть за работу, как пришел Пастухов и Шамраевский. Пастухов поступил в учителя. Тоже и Долнер. Буткевич Андрей едет в Москву. Получил хорошее письмо от Черткова. Я посадил их читать, а сам стал заниматься "Крейцеровой сонатой", которая уж совсем не "Крейцера соната". Все клонит к тому, чтобы убийство было просто из-за ссоры. Прочел историю убившегося мужа и жены, убившей детей, и это еще больше подтвердило. Потом пилил с молодыми людьми, обедал и пошел провожать их к Туле. Приятно прошелся, встретил двух Маш, и с ними весело приехали домой. Статьи шекеров прекрасные две

24 сентября. Ясная Поляна. 89. Встал рано. Не помню почему не писал. Да, вчера получил посылки из Тулы и в том числе письма Аполлова - замечательные. Он бросает священство. Он пишет: я не приставал к вам, боялся, что Толстой оставляет что-нибудь из ненавистной мне богословской системы. Теперь я присоединяюсь, чтоб посвятить жизнь на борьбу с этим обманом. И разные резкие сильные выражения. Хороша его сказка, задуманная, об уловке Мары, чтоб бороться против света Будды. В самом деле, как же бороться с христианством, как не прикинувшись учеником? Превосходная книга из Тихона Задонского. Не может же все это не произвести последствий. Мне кажется иногда, что я присутствую при зажигании поджожек. Они загорелись, так что наверно загорится все. Дрова еще совсем холодны и нетронуты, но они несомненно загорятся все. Приехали дети и Илья. После завтрака читал "Тихона" и потом пошел в лес пилить. После обеда написал письма незнакомым. За обедом Соня говорила о том, как ей, глядя на подходящий поезд, хотелось броситься под него. И она очень жалка мне стала. Главное, я знаю, как я виноват. [...]

28 сентября. Ясная Поляна. 89. Дурно спал. Был спокоен, а потом ослабел. Читал роман Эртеля, очень хорошо. Немного пописал, шил сапоги. Пилы не было, и потому пошел по лесу.

[...] Лег поздно, зачитался "Гардениными". Прекрасно, широко, верно, благородно. Приехал Лева.

[2 октября.] Теперь 2-го вспоминаю, что было 30-го, и не могу вспомнить, чувствую, что ничего не было, "a blank" [пусто (англ.)]. Вспоминаю, что это были феты. Он, на мои грешные глаза, непохороненный труп. И неправда. В нем есть жизнь. Бьется эта жилка где-то в глубине. [...]

6 октября. Ясная Поляна. 89. Утром писал новый вариант "Крейцеровой сонаты". Не дурно, но лениво. Делаю для людей, и потому так трудно. [...]

9 октября. 89. Ясная Поляна. Встал рано, постыдно шипел на Фомича и говорил ему неприятности. Много поправил, неясно.

[...] Пошел попил с Рахмановым и Данилой, потом шил и читали "Обломова". Хорош идеал его.

10 октября. 89. Ясная Поляна. Встал позднее. Понемногу лучше. Пересматривал и поправлял все сначала. Испытываю отвращение от всего этого сочинения. Упадок духа большой. Работал до 4 и спал. После обеда шил и опять "Обломова". История любви и описание прелестей Ольги невозможно пошло. Лег поздно.

16 октября. Ясная Поляна. 89. Унылость, грусть, раскаяние, только бы не вредить себе и другим. Много писал, поправляя "Крейцерову сонату". Давно не испытывал такого подавленного состояния.

17 октября. Ясная Поляна. 89. То же самое. Только стал выходить. Соня уехала. Я с ней дружен, добр естественно. Писал письма Спенглер, Майнову и еще кому-то.

18 октября. Ясная Поляна. 89. Все так же, поправлял, и не без пользы, "Крейцерову сонату". Ездил в Ясенки, получил 6 писем, все пустые и требующие ответов. [...]

19 октября. Ясная Поляна. 89. Вчера поздно ночью приехал Попов. Я рад ему. Лег поздно, встал рано. Приехала барыня из Орла: "Хочу жить лучше, иметь занятия, хочу в деревню. Я думала, что вы можете меня устроить. Ну, я ошиблась". Все это с злостью, с эгоизмом. И жалкая до невозможности. И теперь сидит в кабинете. Кое-как многократными попытками добился того, что она сказала, что у ней нет денег и она хотела убится. И умиротворилась, поела и поехала.

Я занимался под сводами, услышал голоса. Это И. Горбунов и Чистяков от Черткова, не очень был им рад. Много вдруг. Да и Горбунов почему-то мне каким-то подниманием плеч, походкой неприятен, хотя все в нем хорошо. Чистяков мелкий, но ясный, умный, простой. Ходил с ним. Обедал. Я не в духе. Учительницу отвезли, привезли Жебунева. Я еще не спал.

20 октября. Ясная Поляна. 89. Все нездоровится и уныние. Машу Кузминскую проводил. Я ей говорил, чтоб она не слишком возлагала надежды. Написал напрасно письмо Соне о том, что мне тяжелы посетители. Разговор с Жебуневым. Я сначала задираю, он не задирается, я вызвал-таки на спор, стал "иронизировать", как он выразился, и сделал ему больно. Вечером, опять говоря с ним, узнал, что он в ссылке, в тюрьме был, измучен нравственно так, что в ссылке отвык читать и теперь не читает и страдает апатией. Кроме того, говорил с любовью большой о Буланже, показывая тем, что он сам добр. Он добрый, больной, страдающий, измученный, искалеченный; а я-то с хвастовством, с ухарством наскокиваю на него и перед галереей показываю, какой я молодец. Так стыдно стало и жалко, что я заплакал, прощаясь с ним.

21 октября. Ясная Поляна. 89. Разговор с Чистяковым о его женитьбе. Что-то ненатурально в роли учителя и советчика, которую они заставляют меня играть. Разговор спорный, тоже с иронией, с Новиковым. Только что осрамился, пристыдился, опять делаю то же. Что, если бы я то же говорил с любовью. Как далеко мне до этого.

Чистяков и Горбунов уехали. Я очень усердно до 5 часов поправлял последнюю часть "Крейцеровой сонаты". Недурно. Обедали. Вечером опять разговор с Новиковым, опять без жалости и любви. Надо достигать. Все время чувствую усталость жизни.

27 октября. Ясная Поляна. 89. Встал раньше, хотел дурно спать. Гадко. Приехал Ругин, худой, больной. Рассказывал про то, что Лесков, Оболенский, все находят, что определилось в правительстве и обществе отношение к нам отношение утверждения хоть православия в отпор разрушительному анархическому учению, они говорят, Толстого, а надо говорить Христа. О дай-то бог! Это не худо, не хорошо, но это рост. Это большая определенность. Дитрихс рассказывал и показывал донос архиерея Воронежского о Черткове. [...] 2) Читал опять присланного мне Walt Whitman'a. Много напыщенного, пустого; но кое-что уже я нашел хорошего, например, "Биография писателя". Биограф знает писателя и описывает его! Да я сам не знаю себя, понятия не имею. Во всю длинную жизнь свою только изредка, изредка кое-что из меня виднелось мне. 3) Вспоминал, как я молодым человеком жил во имя идеалов прошедшего, быть похожим на отца, на деда, жить так, как они жили. Мои дети, Миша мой живет инстинктами моими 40-х годов. Не подражает же он теперешнему мне, которого он видит, а мне прошедшему, 40-х годов. Что это такое? Не происходит ли это оттого, что я думал прежде, что ребенок живет не весь тут, а часть его еще там, откуда он пришел, в низшей ступени развития; я же уж живу там, куда я иду, в высшей ступени развития; но там я теперь отсталый, ребенок. Очень это наивно. Но никак не могу сделать, чтобы не признавать этого. [...]

28 октября. Ясная Поляна. 89. Пришел одеваться, в дверь идет Алехин. Силен, здоров и тверд.

[...] Думал: 1) к роману или драме: "Духовное рождение". Ему открылась ложь его жизни и истина истинной, и он избирает первый попавшийся путь: отдавать нищим, ходить за больными, учредить общину, проповедовать - и ошибается. И вот все в восторге нападают на него и на истину. [...]

31 октября. Ясная Поляна. 89. Встал рано. Грустно. Да, вчера не записал того, что рассердился на Фомича за то, что он выпил кофе, который мне хотелось, и язвил его и, еще хуже, желал, чтобы Алехин не слышал этого. Какая мелочность и гадость, надо помнить ее. Да, вчера получил длинное письмо от Черткова. Он критикует "Крейцерову сонату" очень верно, желал бы последовать его совету, да нет охоты. Апатия, грусть, уныние. Но недурно мне. Впереди смерть, то есть жизнь, как же не радоваться? По этому самому, по тому, что чувствую уменьшение интереса, не говорю уже к своей личности, к своим радостям (это, слава богу, отпето и похоронено), а к благу людей: к благу народа, чтобы образовались, не пили, не бедствовали, охлаждение даже к благу всеобщему, к установлению царства божия на земле, по случаю этого охлаждения думал:

Человек переживает три фазиса, и я переживаю из них теперь третий. Первый фазис: человек живет только для своих страстей, еда, питье, веселье, охота, женщины, тщеславие, гордость и жизнь полна. Так у меня было лет до тридцати, до седых волос (у многих это раньше гораздо), потом начался интерес блага людей, всех людей, человечества (началось это резко с деятельности школ, хотя стремление это проявлялось, кое-где вплетаясь в жизнь личную, и прежде). Интерес этот затих было в первое время семейной жизни, но потом опять возник с новой и страшной силой при сознании тщеты личной жизни. Все религиозное сознание мое сосредоточивалось в стремлении к благу людей, в деятельности для осуществления царства божия. И стремление это было так же сильно, так же наполняло всю жизнь, как и стремление к личному благу. Теперь же я чувствую ослабление этого стремления: оно не наполняет мою жизнь, оно не влечет меня непосредственно; я должен рассудить, что это деятельность хорошая, деятельность помощи людям материальной, борьбы с пьянством, с суевериями правительства и церкви. Во мне, я чувствую, вырастает новая основа жизни, - не вырастает, а выделяется, высвобождается из своих покровов, новая основа, которая заменит, включив в себя стремление к благу людей, так же как стремление к благу людей включило в себя стремление к благу личному. Эта основа есть служение богу, исполнение его воли по отношению к той его сущности, которая поручена мне. [...]

1 ноября. Ясная Поляна. 89. Встаю поздно, хожу, думаю. Писал письма Поше, Василию Ивановичу, Майнову, Лева. [...] Читал Disciple. Какая гадость! [...]

2 ноября. Ясная Поляна. 89. Встал поздно и застал в кабинете посланного от литографа Пашкова с глупым письмом, я ответил и поговорил с юношей. Написал еще два письма и пошел на Козловку. [...] Получил письмо от Тани, сестры, о чтении "Крейцеровой сонаты". Производит впечатление. Хорошо, и мне радостно.

Читал журнал Грота. И грешил, сердился на Трубецкого. Философия, имеющая целью доказать иверскую. Решение уравнений со многими x , y , z , когда придано произвольно x самое нарочно нелепое решение. Ведь сколько труда! Да и весь журнал - подбор статей без мысли и ясности выражения. [...]

5 ноября. Ясная Поляна. 89. Спал лучше, но все с сновиденьями. Все утро читал роман "Revue des deux Mondes". [...] Хочу начать в новой тетради писать статьи без поправок. Беспapiersочная тетрадь. Хотел еще написать к Татьянинному дню статью о том, чтобы празднующие отпраздновали бы учреждением общества трезвости с забранием в свои руки кабаков и трактиров, как в Швеции. Теперь 3.

Ходил на Козловку. Вечер дома, нездоровилось.

7 ноября. Ясная Поляна. 89. Получил письмо от Черткова, что они хотят жить в Туле. Очень рад. Ездил на Козловку, а после завтрака в Тулу. Приятно проехался, но все это какое-то увеселение себя жалкое. Дочел "Обломова". Как бедно! Получаю известия, что "Крейцера соната" действует, и радуюсь. Это нехорошо.

Нынче в Туле, глядя на всю суету и глупость и гадость жизни, думал: не надо, как я прежде, бывало, негодовать на глупость жизни, отчаиваться. Все это признаки неверия. Теперь у меня больше веры. Я знаю, что все это кипит в котле и варится или закисает и сварится и закиснет. Так чего же я хочу? Чтоб не двигалось? Чтобы люди не ошибались и не страдали? Да ведь это одно средство познания своих ошибок и исправления пути. Одни сами себя исправляют, другие других, третьи... Все делают дело божье, хотят или нет. И как хорошо хотеть. Пишу так, и на меня находит сомнение - нет ли тут преувеличения, сентиментальничанья, философски христианского - *cant'a* [лицемерия (англ.)] нет ли. Опасаюсь этого. Нет ничего

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
ужаснее, как пересолить хорошее, пережарить. Вот где именно "чуть-чуть"
брюлловское. Теперь 9, иду наверх.

Наверху говорил с Алексеем Митрофановичем. Он возражает мне о том, что наука может указать нравственный закон, что электричество как-то указывает на необходимость взаимности. Он читает все это время "О жизни". Читает это и не видит, что он говорит то самое (только дурно), что я высказал хорошо и старательно опроверг в этой книге, именно, чтобы, отвернувшись от предмета, по тени, бросаемой им, изучать его. Да, невозможно ничего доказывать людям, то есть невозможно собственно опровергать заблуждения людей: у каждого из заблуждающихся есть свое особенное заблуждение. И когда ты хочешь опровергнуть их, ты собираешь в одно типическое заблуждение все, но у каждого свое, и потому, что у него свое особенное заблуждение, он считает, что ты не опроверг его. Ему кажется, что ты о другом. Да и в самом деле, как поспеть за всеми! И потому опровергать, полемизировать никогда не надо. Художественно только можно действовать на тех, которые заблуждаются, делать то, что хочешь делать полемикой. Художеством его, заблуждающегося, захватишь совсем с потрохами и увлечешь куда надо. Излагать новые выводы мысли, рассуждая логически – можно, но спорить, опровергать нельзя, надо увлекать. [...]

8 ноября. Ясная Поляна. 89. Встал поздно. Пытался писать об искусстве, не идет. Делаю пасьянсы – вроде сумасшествия. Читал. Думал по случаю разговора с детьми о прислуге и письма Левы и всей нашей жизни: нам кажется естественной наша жизнь с закабаленными рабочими для наших удобств, с прислужкой... Нам даже кажется, как дети сказали: ведь его никто не заставляет, он сам пошел в лакеи, и как учитель сказал: что если человек не чувствует унижения выносить за мной, то я не унижаю его, нам кажется, что мы совсем либеральны и правы. А между тем все это положение есть нечто столь противное человеческому свойству, что нельзя бы было не только устроить, но и вообразить такое положение, если бы оно не было последствием очень определенного нам известного зла, которое мы все знаем и которое, мы уверяем себя, уже давно прошло. Не было бы рабства, ничего подобного нельзя бы было выдумать. Все это есть не только последствие рабства, но само оно, только в иной форме. Источник этого есть убийство. И не может быть иначе. Лег поздно. Все те же болезни. И та же тревога, и та же моя апатия.

9 ноября. Ясная Поляна. 89. Встал раньше. То же. Ходил на Козловку. Письма от Лебединского, Дунаева, Анненковой хорошее. [...]

За чаем много говорили с No1zarfele о религии. Он добрый. Хорошо говорил, смягчился я. Теперь 12-й час, ложусь спать.

[10 ноября.] Жив еще; но плох, плох до низости. Опять злюсь, опять желаю. Утром рубил акацию и до завтрака и перед обедом.

После обеда неожиданно стал писать историю Фредерикса. [...]

14 ноября. Ясная Поляна. 89. Письмо прекрасное от Марьи Александровны и Ольги Алексеевны и Озерецкой.

[...] Все ходит и тревожит мысль о том, что рабство, стоящее за нами, губит нашу жизнь, извращает наше сознание жизни. Писал довольно много. Пошел работать и зашиб глаз. Ходил к Домашке больной. Думал: ищешь, как лучше обойтись с человеком (прибавлю), как обойти трудность? Прикидываешь и так и этак, и все не выходит. А есть одно средство: быть готовым на унижение ради бога и с любовью к этому человеку или вообще к людям... Еще думал: людям необходимо чувствовать себя правыми перед самими собой; без этого им нельзя жить, и потому, если жизнь их дурна, они не могут мыслить правильно (вот где губит нашу мысль инерция рабства), и от этого та путаница в головах. Главное правило для жизни – это натягивать ровно с обоих концов построку совершенствования (движение вперед), и мысленного совершенствования и жизненного, чтоб одно не отставало от другого и не перегоняло. Как у нас впереди идеалы высокие, а жизнь подлая, и у народа жизнь высокая, а идеалы подлые.

[19 ноября.] Жив и очень даже. Целое утро писал, кончил кое-как Фридрихса. Вечером читал "Комедию любви" Ибзена. Как плохо! Немецкое мудростроумие скверно.

Не записал, вчера Соня обиделась, что ее не подождали читать. Оказалось, что это
Страница 223

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

у ней накопившее оскорбление от Тани, ушедшей от ее музыки. Она говорит: я одинока совсем в семье. Может быть, я виноват. Очень жалко, любя жалко стало ее. Как хорошо, что я не обиделся, а сказал ей, что было правда, что у меня заболело сердце. И она смягчилась и меня пожалела. Ходил гулял утром и думал о ней, о том, чтобы письмо ей написать, которое бы она прочла после моей смерти. Сказать ей хочу, что ей надо искать, искать веры, основы духовной жизни, а нельзя жить, как она, инстинктами (которые у ней все [дурны], нет, не все, материнские хорошие) и тем, что другие делают. Другие сами не знают, потому что то, на чем они стоят, проваливается.

20 ноября. Ясная Поляна. 89. Встал поздно, порубил, потом сначала переделывал, поправлял Фридрихса. Очень хорошо работалось. Ездил в Дворики, и дорогой еще больше уяснилось: 1) характер тещи vulgar [вульгарный (англ.)], лгунья, дарит и говорит про дареное и 2) его второй долг, который бы мог утаить, платит и что-нибудь либеральное по отношению мужиков.

Соня уехала в Тулу, не ворочалась. 5 часов. Иду обедать.

Нынче утром читал газету о том, как император германский Мольтке юбилей pour le mérite [за заслугу (фр.)] праздновал, так живо представилось: сопоставить - отказ от воинской службы замарашки Хохлова, которого признают сумасшедшим, и праздник артиллерии, речь императора, маневры и т. д. Когда я в самоуверенном духе, то думается, что мои темы писаний, как бутылки с кефиром, одна пьется - пишется, а другие закисают. Дай-то бог, чтоб эти две темы - о прислуге и рабстве и о войне и отказе созрели и чтоб я написал их. Как будто закисают.

22 ноября. Ясная Поляна. 89. Прочел "Latude", прелестный психологический этюд - правда. И главное: статья вогюе о выставке и о войне - надо выписать: оставим, мол, болтунов толковать о том, что блага человечество достигнет наукой, трудом, общением и наступит золотой век, который если бы наступил, то был бы мерзостью. Нужна кровь и т. д. Очень хотелось писать об этом. [...]

[26 ноября.] День пропустил. Нынче 26. Встал рано, пошел, рубить. Потом заснул, а потом писал о науке и искусстве. Проснувшись, очень ясно думал об этом. Писал недурно. Письмо от Суворина. Читал Лескова. Фальшиво. Дурно. [...]

28 ноября. Ясная Поляна. 89. Сейчас утро, после работы и кофею сидел и думал за пасьянсом: нынче пришел странник, я дал ему 15 копеек, он стал просить панталоны, я отказал, а у меня были. Думал о том, что вчера читал в книге Эванса, что жизнь есть любовь, и когда жизнь любовь, то она радость, благо. Да, стало быть, все, что нужно, одно, что нужно, - это любить, уметь, привыкнуть любить всех всегда, отвыкнуть не любить кого бы то ни было в глаза и за глаза. Думал; ведь я знаю это, ведь я писал об этом, ведь я как будто верю в это. Отчего ж я не делаю этого? не живу только этим? Вся та жизнь, которую я веду, ведь только tatonnement [нащупывание (фр.)], а надо твердо поставить всю жизнь на это: искать, желать, делать одно - доброе людям любить и увеличивать в них любовь, уменьшать в них нелюбовь.

Доброе людям? Что доброе? Одно: любовь. Я это по себе знаю и потому одного этого желаю людям, для одного этого работаю. Не нащупывая, а смело жить этим значит то, чтобы забыть то, что ты русский, что ты барин, что ты мужик, что ты женат, отец и т. п., а помнить одно: вот пред тобой живой человек, пока ты жив, ты можешь сделать то, что даст тебе и ему благо и исполнит волю бога, того, кто послал тебя в мир, можешь связать себя с ним любовью. То, что в сказочке я писал, только лучше.

Думал так очень ясно и взшел вверх с мыслью там приложить это. Постоял в столовой - дети, случая нет, вошел в гостиную: Таня лежит, и Новиков читает ей вслух, неловко, нехорошо мне показалось, и вместо приложения я повернулся и ушел. Но я не отчаиваюсь, я здесь внизу в себе работаю, чтобы понять и желать и любить их. Да, это, это одно нужно. Теперь 1-й час. Едва ли буду писать.

[1 декабря.] Так и не писал. Не помню точно, что делал, не только это 28, но и 29 и 30. Нынче 1-е декабря 89. Ясная Поляна. Да, третьего дня, на другой день после того, что я писал, дьявол напал на меня - напал на меня прежде всего в виде самолюбивого задора, желания того, чтобы все сейчас разделяли мои взгляды, стал 29-го вечером спорить с Новиковым опять о науке, о прислуге, спорил с злостью. На другой день утром, 30, спал дурно. Так мерзко было, как после

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
преступления. [...] Все это после того, что записано 28-го. Вижу, разумом вижу, что это так, что нет другой жизни, кроме любви, но не могу вызвать ее в себе. Не могу ее вызвать, но зато ненависть, нелюбовь могу вырывать из сердца, даже не вырывать, а сметать с сердца по мере того, как она налетает на него и хочет загрязнить его. Хорошо пока хоть и это, помоги мне, господи.

Получил хорошее письмо от Бирюкова. Читал прекрасно написанный роман Мопассана, хотя и грязная тема. Нынче утром подумал о Домашке: что же, мы лечим ее тело, а не думаем о ее душе, просто не утешаем ее, сколько можем. И стал думать. Вот тут-то являются утешения Армии спасения, утешения, состоящие в том, чтобы, действуя на нервы пением, торжественной речью и тоном, поднять дух, вызвать загробную надежду. Я понимаю, как они успевают и как это им самим кажется важным, когда умирающий подбадривается и проводит в экстазе свои последние минуты. Но хорошо ли это? Мне чувствуется, что нехорошо. Я не мог бы это делать. Сделавши это, я умер бы от стыда. Но ведь оттого, что я не верю. Они же верят. Этого я не могу делать; но что-то я могу и должен делать то, что я желал бы, чтобы мне делали; желал бы, чтобы не оставили меня умирать, как собаку, одного, с моим горем покидания света, а чтобы приняли участие в моем горе, объяснили мне, что знают об этом моем положении. Так мне и надо делать, и я пошел к ней. Она сидит, опухла – жалка и просто – говорит. Мать ткет, отец возится с девочкой, одевая ее. Я долго сидел, не зная как начать, наконец спросил, боится ли она смерти, не хочет ли? Она сказала просто: да. Мать стала, смеясь, говорить, что девочка двенадцати лет, сестра, говорит, что поставит семитную свечку, когда Домашка умрет. Отчего? Наряды, говорит, мне останутся. А я говорю, я тебя работой замучаю, ты за нее работай. Я, говорит, что хочешь буду работать, только бы наряды мне остались. Я стал говорить, что тебе там хорошо будет, что не надо бояться смерти, что бог худого не сделает нам ни в жизни, ни в смерти. Говорил дурно, холодно, а лгать и напускать пафос нельзя. Тут сидит мать, ткет, и отец слушает. А сам я знаю, сейчас только сердился за то, что вид сада, который я не считаю своим, для меня испортили. [...]

После обеда играл в шахматы, стыдно и скучно, потом пошел шить сапоги. Пришли мальчики. С ними хорошо было, потом пришла Маша. С ней еще лучше. Серьезная, умная, тихая, добрая. Потом пошел вверх, пил чай. Все бы хорошо, но Соня получила письмо от Менгден с просьбой от Вогюе перевести "Крейцерову сонату". Я сказал, что не надо. Она стала говорить, что ее подозревают в корыстолюбии, а она напротив. Я что-то сказал. Она стала язвить, и я рассердился опять, забыл, что она по-своему права, что ей надо быть правой, и сказал, что пойду спать вниз. Она совсем готова была на страшную сцену, и яд, и все. Я опомнился, вернулся, просил успокоиться, она не успокоилась, и я пошел ходить по саду.

Ходил и думал: как ужасно то, что я забываю, именно забываю главное, то, что если не смотреть на свою жизнь, как на послание, то нет жизни, а ад. Я это давно знаю, давно писал в дневнике и в письмах (нынче прочел это в письмах у Маши), и могу забывать, а забыв, страдаю и грешу, как нынче. [...]

4 декабря. Приехали Эртель, Чистяков и Переплетчиков. Я много говорил и горячо об искусстве. Теперь 12. Пойду вверх, помня.

Пошел после завтрака работать – пилить с Чистяковым и Переплетчиковым и до обеда. Вечером говорили. Вяло. Переплетчиков свежий человек. Начал было писать воззвание, но не пошло. [...]

5 декабря. Ясная Поляна. 89. Немного лучше. Погулял. Был у Домашки, ей, бедняжке, лучше. Потом сел за "Крейцерову сонату" и не разгибаясь писал, т. е. поправлял до обеда. После обеда тоже. Только немножко занялся сапогами. Я решил отдать в Юрьевский сборник, и Соня довольна. Она с Таней ездили в Тулу. Спал очень мало.

6 декабря. Ясная Поляна. 89. Встал в 7 и тотчас за работу, прошелся перед завтраком и опять за работу и до самого обеда. Просмотрел, вычеркнул, поправил, прибавил "Крейцерову сонату" всю. Она страшно надоела мне. Главное тем, что художественно неправильно, фальшиво. Мысли о коневском рассказе все ярче и ярче приходят в голову. Вообще нахожусь в состоянии вдохновения второй день. Что выйдет – не знаю. Да, кроме того, завтра, вероятно, кончится, как всегда бывало после бессонницы. Читал Лесевича и Гольцева. Что за жалкая скудоумная чепуха! [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

10 декабря. Ясная Поляна. 89. Вчера получил письмо от Эртеля и Гайдобурова о том, что "Крейцерову сонату" не пропустят. Только приятно. Еще переводы Ганзена и "Paris illustre" с статьей о Бондареве. Заставила думать: вкривь и вкось толкуют. Надо бы коротко и ясно изложить, что я думаю; именно: неучастие в насилии правительственном, военном, судебском, 2) Половое воздержание, 3) Воздержание дурманов, алкоголя, табаку, 4) Работа. Все без красноречия, а коротко и ясно. Еще письмо от Черткова. И письмо Аполлова, который, бедняга, от всего отрекся. Вот будет страдать! Теперь 2 часа – болит живот.

Провел дурной день, то есть мало умственно работал.

12 декабря. Ясная Поляна. 89. Все та же боль. Читаю новый журнал американский и борюсь с болью – успешно. Был Булыгин и Бибииков. Очень слаб еще Булыгин. Вчера Алексей Митрофанович восхищался моей комедией. Мне неприятно даже вспомнить. 12-й час, иду наверх.

13, 14, 15, 16, 17 декабря. Ясная Поляна. 89. Пять дней ничего не писал и не делал. Только читал и терпел боль. Пробовал поправлять комедию, остановился на середине 1-го акта. Читал "Revue des deux Mondes" и Слепцова. В "Revue" очень замечательный роман "Chante-pleure", замечательный описанием бедности и унижения бедности по деревням. Эйфелева башня и это. [...] Получил письмо приятное от Суворина о "Крейцеровой сонате" и тяжелое от Хохлова, отца, с упреками о гибели сыновей через меня. Смутно набираются данные для изложения учения и для поповской повести. Хочется часто писать, и с радостью думаю об этом. Письмо от Черткова и Эртеля. Нынче 17, мне лучше. Утром хотел писать, но не очень и потому шил сапоги. К обеду приехали Давыдов, Раевский. Лева приехал еще третьего дня. Мне больно было видеть, как он, придя с охоты, велел с себя снимать сапоги и еще бранил малого, что не так снимает. [...]

[19? декабря.] Читал Слепцова "Трудное время". Да, требования были другие в 60-х годах. И оттого, что с требованиями этими связалось убийство 1-го марта, люди вообразили, что требования эти неправильны. Напрасно. Они будут до тех пор, пока не будут исполнены.

[22 декабря.] Жив. Нынче 22 вечер. Все три дня поправлял комедию. Кончил. Плохо. Приехало много народу, ставят сцену. Мне это иногда тяжело и стыдно, но мысль о том, чтобы не мешать проявлению в себе божественного, помогает. [...]

[27 декабря.] Жив. Не писал с 22 по 27. Нынче 27, вечером. Дети все уехали в Тулу репетировать. Я хотел по дороге с ними, вернулся, посидел с Соней и теперь 12-й час, записываю. Нынче 27. Писал немного коневскую повесть. Тяжело от лжи жизни, окружающей меня, и того, что я не могу найти приема, указать им, не оскорбив, их заблуждения. Играют мою пьесу, и, право, мне кажется, что она действует на них и что в глубине души им всем совестно и оттого скучно. Мне же все время стыдно, стыдно за эту безумную трату среди нищеты.

Нынче, гуляя, думал: те, которые утверждают, что здешний мир юдоль плача, место испытания и т. п., а тот мир есть мир блаженства, как будто утверждают, что весь бесконечный мир божий прекрасен или во всем мире божьем жизнь прекрасна, кроме как только в одном месте и времени, а именно в том, в котором мы живем.

Странная бы была случайность!

Вчера 26. Утром неожиданно стал писать коневскую повесть и, кажется, недурно. Вчера была репетиция, пропасть народа, всем тяжело. Вера разревелась, и я пошел утешать ее и, утешая ее, говорил: мне понравилось оттого, что очень просто и понятно. А именно: жить для себя одного нельзя. Это смерть. Жизнь только тогда, когда живешь для других или хоть готовишь себя к тому, чтобы быть способным жить для других. Но как? Другим я не нужен, не нужна. В том-то и дело, что когда живешь для себя, то ищешь общения с людьми, которые тебе могут быть полезны – это все люди богатые, сильные, довольные, и потому, когда живешь для себя, оглянешься вдруг, отыскивая, кому бы я мог быть полезен, кажется, что никому я не могу быть нужен. Но если понял, что жизнь в служении другим, то будешь искать общения с бедными, больными, недовольными, и тогда не поспеешь служить всем, кому будет хотеться служить.

Третьего дня 25. Писал письма Черткову, Буланже, Анненковой, Семенову, Машеньке, Алексею и еще кому-то. Мне стало вдруг стыдно и гадко, что я усвоил тон

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
поучений в письмах. Это надо прекратить.

24. Тоже писал письма, может быть, и сделал поправки к комедии и читал.

То, что думал еще 23 и что показалось мне очень важным, вот что: грубая философская ошибка – это признание трех духовных начал: 1) истина, 2) добро, 3) красота. Таких никаких начал нет. Есть только то, что если деятельность человека освящена истиной, то последствия такой деятельности добро (добро и себе и другим); проявление же добра всегда прекрасно. Так что добро есть следствие истины, красота же – следствие добра. Истина, не имеющая последствием добро, как, например, теория чисел, воображаемая геометрия, туманные пятна при нахождении мира и т. п., так же как добро, не имеющее в основе своей истину, как, например, милостыня набранными, скопленными деньгами и т. п. Также красота, не имеющая в основании своем добро, как, например, красота цветов, форм, женщины не суть ни истина, ни добро, ни красота, но только подобие их.

Да, монашеская жизнь имеет много хорошего: главное то, что устранены соблазны и занято время безвредными молитвами. Это прекрасно, но отчего бы не занять время трудом прокормления себя и других, свойственным человеку. [...]

29, 30, 31 декабря. Ясная Поляна. 89. В эти дни пробовал писать коневскую повесть. Немного поправил, но вперед не пошел. Все время были репетиции, спектакль, суета, бездна народа, и все время мне стыдно. Пьеса, может быть, недурна, но все-таки стыдно. Получил письмо еще от Черткова. Главное же впечатление этих дней: 1) Таню жалко. Она кокетничает даже с Цингером, и она несчастна. 2) "Крейцерову сонату" читали третьего дня, и я слушал. Да, страшное впечатление. Стахович ничего не понимает. А Илья понимает. 3) Чтение книги Минского. Замечательно сильно начало, отрицание, но положительное ужасно. Это даже не бред, а сумасшествие. Нужно найти смысл жизни, и вдруг вместо этого неопределенный экстаз перед меонами. Нынче болела голова; читал и спал. Теперь 8-й час вечера; хочу написать письмо и, если успею, поправлять комедию.

Дневник – 1890

Нынче 3 января 1890. Ясная Поляна. Первого целый день поправлял комедию, недурно. В этот же день приехали тульские и танцевали. Второго. Целый день был не свой, потому что не спал накануне. Пришел Пастухов с евреем Прониным, кажется. А вечером Раевский с сыном. Дети пели и играли. Читал превосходно написанную книгу Минского с ужасным плохим концом.

[...] Пророк, настоящий пророк, или, еще лучше, поэт ????? (элающий), это человек, который вперед думает и понимает, что люди и сам он будет чувствовать. Я сам для себя такой пророк. Я всегда думаю то, что еще не чувствую, например, несправедливость жизни богатых, потребность труда и т. п., и потом очень скоро начинаю чувствовать это самое. [...]

[10 января.] Прошло и 5, и 6, и 7, и 8, и 9. Заболел живот, и потом очень сильная головная боль. Это было 6 и 7. Тут же приезжали Дунаев с Алмазовым. Оставили хорошее впечатление. Особенно Дунаев. После них два дня возился с комедией – все вписывал то, что приходило в голову. Странно художественным увлечен. Вчера получил письма от Рутин, Черткова и письмо революционеров о избии их. Непохоже на правду. А если правда, то лживо выражена. [...]

[15 января.] 10, 11, 12, 13, 14, 15 января. Ясная Поляна. 1890. Шесть дней не писал, и трудно вспомнить. Вчера 14. Были Янжул, Стороженко, Самарины, Давыдов, Раевская. Я им читал комедию. И ничего не делал. Разговоры с Янжулом о христианском социализме. Много можно сказать и говорил; но не знаю так его. Странное равнодушие у меня стало последнее время к высказыванью истины о жизни – неудобоприняема она. 13. Были мальчики Раевские, и меня сердила Таня. Я поправлял комедию. 12 тоже были мальчики Раевские, я ходил в школу топить. 11-го. Опять комедию и школа.

[...] Думал: по тому случаю, как некоторые люди относятся к "Крейцеровой сонате": Самарин, Стороженко и много других, Лопатин. Им кажется, что это нечто особенный человек, а во мне, мол, нет ничего подобного. Неужели ничего не могут найти? Нет раскаяния – потому что нет движения вперед, или нет движения вперед, потому что нет раскаяния. Раскаяние это как пролом яйца или зерна, вследствие

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
которого зародыш и начинает расти и подвергается воздействию воздуха и света, или это последствие роста, от которого пробивается яйцо. Да, тоже важное и самое существенное деление людей: люди с раскаянием и люди без него.

18 января. Ясная Поляна. 1890. Дурно спал. Вчера переписывал комедию, а нынче взялся опять исправлять. Она плоха. Работу перервал Буткевич, приехавший из деревни. Говорил с ним. Он рассказывал, что многие ненавидят "Крейцерову сонату", говоря, что это описание полового маньяка. Меня это в первую минуту огорчило, но потом приятно, что, во всяком случае, это разворочало то, что нужно. Разумеется, можно бы лучше; но как умел. От Черткова телеграмма. Все угрожает живот, но держусь, воздерживаясь от пищи.

21 января. Ясная Поляна. 90. Поправлял комедию, читал. Катался с ребятами на скамейках. Соня очень все взволнована, суетлива.

Странное дело эта забота о совершенстве формы. Недаром она. Но недаром тогда, когда содержание доброе. Напиши Гоголь свою комедию грубо, слабо, ее бы не читали и одна миллионная тех, которые читали ее теперь. Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить и значит сделать ее совершенной художественно – тогда она пройдет через равнодушие и повторением возьмет свое. [...]

22 января. Ясная Поляна. 90. Встал рано, поправлял все утро комедию. Надеюсь, что кончил. Ходил в школу. Маша хворает, написала хорошее письмо Поше. Таня хороша, проста, бодр, добра. Читал прежде еще книгу изречений индийской мудрости. Много хорошего и общего. Очень я, благодаря комедии и игре "Власти тьмы" в Петербурге и Берлине, стал поддаваться удовольствию похвал. Хотел ехать к Сереже. Не успею. Теперь 10 часов.

[27 января.] Нынче 27 января. Вчера 26 января. Уезжал Лесков, и я, чувствуя, что не в состоянии буду работать, проводил его – поехал сам кучером в Тулу. Сделал поручение с Чертковым, и потом у Давыдова обедали. Много говорили. Девочки нас встретили.

Третьего дня 25. Утром поговорил с Чертковым и Лесковым, гуляя. Зашел в школу. Потом я поправлял, сколько помнится, комедию, 4-ый акт. Вечер разговаривали, и я прочел комедию. Всё тщеславие. Чертков так же, еще более близок мне. Четвертого дня 24. Утро поправлял комедию всю сначала. До самого обеда не кончил. Поехал в Тулу за Чертковым и Лесковым и разъехался с ними. Вечером провожал Соню в Москву. 23-го – не помню, что утром делал. Кажется, пытался коневскую повесть, но ничего не написал.

Итак, нынче 27-е. Встал поздно. Поговорил с Чертковым очень хорошо об искусстве и смерти и пошел гулять. Об искусстве то, что: все, что мы имеем духовно, есть последствие передачи; но из всей массы передаваемого выделяется то, что мы называем наукой и искусством. Что это? Это-то не то, чего нельзя не знать, что само собой передается, – искусство ходить, говорить, одеваться и т. п., и это не то, чего можно не знать, специальное дело – кузнечное, сапожное; а то, что должно знать всякому человеку.

28 января. Ясная Поляна. 90. Приехал Ге-старший, привез рисунок картины очень хорошо. Все время проходит в беседах с Чертковым. Он рассказывал про свое душевное состояние. Как страшно.

29, 30 января. Ясная Поляна. 90. Вчера то же. Приехала Соня. В самом хорошем духе. Нынче проводил, свез Черткова с Ге в Тулу. Было очень хорошо, если бы не страх за возбужденное состояние Черткова. Нынче утром почувствовал, что мне не хочется передавать ему мои мысли именно потому, что он их принимает так жадно. Боязно. Я-то плох. Мне самому нужно питаться ими. Все эти дни тщетно пытался писать послесловие к "Крейцеровой сонате". Теперь 12-й час болит живот.

1 февраля. Ясная Поляна. 90. Встал бодро, пошел ходить, вернулся с намерением заняться – Никифоров с студентом. Ничего не делал – читал. Досадовал на студента, на то, что он глуп – стыдно. Получил письмо от Воробьева, о бале.

2 февраля. Ясная Поляна. 90. Написал ответ. И еще письма. Приехал Долгов о токологии, написал предисловие. И поехали с Таней в Пирогово. Хорошо доехали, Сережи и Веры нет. Вечером скучно было.

3 февраля. Пирогово. 90. Встал рано, пришла ясная мысль о послесловии, но не написалось. Пошел в школу – нету. У кабака побеседовал. Теперь 11 часов, хочу писать, но слаб, спать хочется.

Заснул на часок. Писал послесловие. Мысли верные, но нет энергии писать. Хохотал с добродушной Марьей Михайловной и рассказывал ей историю жития и музыкальной учительницы. Хорошо бы написать. Купеческая дочь больная соблазнительна своей болезнью – и преступлением – убивает. Духовник Ел. Серг. грубый мужик. От нас все к тебе ездят. Она все собиралась. А она, как ты святой был, была святее тебя. Все не то делаю.

Ходил в Царево. Пьяный роет, бабы пьяные надо мной смеялись и кнутом ударили.

4 февраля. Пирогово. 90. Проснулся позднее. Много хорошего думалось к послесловию. Записал в книжечке. Пил кофе, лег и думал много хорошего, но забыл.

[...] Поехали домой. Прекрасно доехали. Люблю детей; но я одинок уже.

5 февраля. Ясная Поляна. 90. Хотел дурно спать; все утро бился с послесловием. Начал с того, что колот дрова и был у Тани в школе. После кофе задремал. Надо попробовать писать утром натошак. После обеда читал и думал, хочется писать, но нет энергии. Думал к драме о жизни: отчаяние человека, увидевшего свет, вносящего этот свет в мрак жизни с надеждой, уверенность освещения этого мрака; и вдруг мрак еще темнее. [...]

11 февраля. Ясная Поляна. 90. Странно – сладострастный сон. Мало сплю. Слабость. А писать хочется, но нет силы. Нынче думал: к письму, которое я начал писать Колечке о том, что главный соблазн в моем положении тот, что жизнь в ненормальных условиях роскоши, допущенная сначала из того, чтоб не нарушить любви, потом захватывает своим соблазном, и не знаешь, живешь так из страха нарушить любовь или из подчинения соблазну. Признак того, что первое, то есть что допускаешь соблазн только из страха нарушить любовь – тот, что не только не ослабляются прежние требования совести, но появляются новые.

Еще думал о том, что послесловие "Крейцеровой сонаты" писать не нужно. Не нужно потому, что убедить рассуждениями людей, думающих иначе, нельзя. Надо прежде сдвинуть их чувство, предоставив им рассуждать о том, что они правы. Они будут чувствовать себя неправыми, а все-таки будут рассуждать, что правы. Это не то, что нужно людям, а без этого не могут жить люди. Рассудок – фонарь, привешенный к груди каждого человека. Человек не может идти – жить иначе как при свете этого фонаря. Фонарь всегда освещает ему вперед его дорогу – путь, по которому он идет. И рассуждения о том, что освещает мне мой фонарь на моем пути, когда путь мой другой (хотя бы путь мой был истинный, а его ложный), никак не может заставить его видеть другое или не видеть того, что он видит по тому пути, по которому идет. Нужно сдвинуть его с дороги. А это дело не рассуждения, а чувства. Даже сдвинувшись с ложной дороги и уж идя по истинному направлению, он долго будет видеть то, что освещает его фонарь на ложном пути.

Гуляя, очень много думал о коневской повести. Ясно все и прекрасно. 1) Он не хотел обладать ею, но сделал это потому, что так надо – ему кажется. Она прелестна в его воображении. Он улыбается, и ему хочется плакать. 2) Поездка в церковь, темнота, белое платье, поцелуй. 3) Старая горничная берет деньги, но смотрит грустно. 4) Старая горничная фаталистка, Катюша одинока. 5) Она, увидав его при проезде, хочет под поезд, но садится и слышит ребенка в чреве. 6) Он спрашивает у тетки, где она. У помещика в горничных. Дурно живет, в связи с лакеем. И ей нельзя не быть в связи: в ней разбужена чувственность. 7) Он в волнении и спрашивает: и вы прогнали? И очень она плакала? И я виноват? и т. д. 8) Пробовал ambition [честолюбие (фр.)] – скверно, не по характеру, за границу – Париж – разврат – скверно. Остались чтение, изящество, охота, карты, примеры. Волоса седеют – тоска.

16 февраля. Ясная Поляна. 90. [...] Я рад, что в самые дурные минуты я не падаю до озлобления на людей и до сомнения в истинной жизни. Только поползновение к этому.

[...] Писал коневскую повесть недурно. Получил замечательную книгу английский магазинчик "Rising Star". Статья Eider Evans о столетии американской республики,

замечательная.

18 февраля. Прочел о Кублинской в Варшаве. И писал обвинительный акт: правительству, церкви и общественному мнению – нехорошо. Приехал Буткевич с братом. (Все это было 17.) Я их проводил и пришел больной. Целый день болел животом.

19 февраля. Ясная Поляна. 90. Дурно спал. Все болит. Был в школе, читал "Исторический вестник" о декабристах. Приезжал Давыдов. Ленъ умственная. Слава богу, нет зла. [...]

25 февраля. Ясная Поляна. 90. Встал рано, и, после вчерашней бури и метели, прекрасная погода. Разбудил девочек – Таня, Маша, Вера. Собрались и поехали в 10. Хорошо, весело и приятно ехали. Покормили в Крапивне и в 7 приехали в Одоев. Ночуем на прекрасном постоялом дворе. Я это записываю. Нет работы мысли. Получил письмо от Ге.

27 февраля. 90. Оптина. Приехали рано. [...] В Оптиной Машенька только и говорила про Амвросия, и все, что говорит, ужасно. Подтверждается то, что я видел в Киеве – молодые послушники – святые, с ними бог, старцы не то, с ними дьявол. Вчера был у Амвросия, говорил о разных верах. Я говорю: где мы в боге, то есть в истине, там все вместе, где в дьяволе, то есть лжи, там все врозь. Борис умилил меня. Амвросий, напротив – жалок, жалок своими соблазнами до невозможности. По затылку бьет, учит, что не надо огорчаться о том, что она зла с прислугой, и не видит, что ей нужно. По ней видно, что монастырь духовное сибаритство. Борис говорил, что цель мира и человечества пополнение ангелов.

28 февраля. 90. Оптина. Во сне видел, что говорю с священником о пьянстве, о терпимости и о чем-то еще, что забыл. О терпимости: не презирать ни жида, ни татарина, любить. А мне: православного. Мне кажется, я достиг этого в этот приезд третий в Оптину. Помоги мне бог. Горе их, что они живут чужим трудом. Это святые, воспитанные рабством. Теперь 10 часов, пойду к Леонтьеву.

Был у Леонтьева. Прекрасно беседовали. Он сказал: вы безнадежны. Я сказал ему: а вы надежны. Это выражает вполне наше отношение к вере. Потом поехали. Весело ехали до Мишнева, сорок верст от Оптиной. Ночевали в избе. [...]

1 марта. Ясная Поляна. 90. Рано встал, ехали целый день. Замучились лошади, приехали в 2-м часу. Соня радостно, весело встретила.

2 марта. Ясная Поляна. 90. Дурно спал, встал поздно. Ге и Губкина. С обоими приятно. Ге рассказывал про храм в память Александра II. Как все украли. Неприятно слушать. Губкина говорила о Евангелии. Письмо от Маши. Нынче ответил. Интересно письмо девицы. Пишет: кто взялся меня готовить, устроить, и потом вышло, что это насмешка.

9 марта. [...] Читаю все Лескова. Нехорошо, потому что неправдиво. Думал еще за эти дни. 4 марта. Сережа говорит: надо быть занятым. Это ничего не говорит. Надо знать, чем быть заняту. А чтобы знать это, одно средство: делать то, что тебе нужно, то, что ты сам потребляешь, или то, к чему влечет неудержимо призвание. [...]

Нынче думал: самое ужасное страдание: знать, что я страдаю и лишаюсь не от завала горы, не от бактерии, а от людей, от братьев, которые должны бы любить и которые, вот, ненавидят меня, если заставляют страдать. Это вот когда вели на казнь декабристов, это заключенные – несчастные в Каре и др. Ужасно!

Вчера 8 марта. Слабость, боль, желтуха. Читал Лескова, письма. Много о "Крейцеровой сонате". Спрашивают: что же следует? Надо послесловие, а не могу. [...]

10 марта. Ясная Поляна. 90. Все нездоров – слабость и лихорадка и желтуха. Не мешает думать, а главное, хорошо жить. Все думаю о любви и прилагаю. Всегда везде можно extirper [искоренить (фр.)] из души все недоброжелательное, слушая разговор, читая, думая. Приезжал Давыдов. Комедия опять, кажется, нравится людям. Удивительно! Раевские тут, Бергеры. Несколько раз поднималось беспокойство – следовательно, недобр..., подавлял. Читаю Лескова. Жалко, что неправдив. Как сказать это.

11 марта. Ясная, Поляна. 90. Немного лучше. Получил статью Янжула, читал. Главное, по-ихнему, надо не изменять жизни, не трогать учреждений, но поправлять жизнь. Жизнь не плоха от дурных учреждений. Хотелось бы написать про это в связи с "Christian business". Думал о послесловии в форме ответа на письмо Прохорова. [...]

[15 марта.] 13, 14, 15. Ничего не делал и медленно поправлялся. Приехал Василий Иванович – милый и файнерман. Хорошо с файнерманом, и то, что он говорит об общинниках, хорошо; но об общинах плохо. Начинают чувствовать неправду. Пропасть писем о "Крейцеровой сонате". Всё недоумения и вопросы.

[15 марта.] 16 марта. Ясная Поляна. 90. Проснулся и прочел покаянное письмо Сережи и ревел от радости. Утром попытался писать предисловие, не пошло. Вечером написал письма Дужкину, Черткову, Соловьеву, Хилкову, бугурусланскому инспектору и Сереже. С Соней был разговор нелюбовный, сейчас же перешел в умиление. Да, можно победить мир любовью. Много мыслей не выписано из книжечки.

17 марта. Жив, и даже два дня, потому что, означив 17, ошибся на день. Вчера было 16. Все так же провел день. Спал очень дурно, ничего не мог писать, ни работать. Говорил с Василием Ивановичем и думал. С вечера заболело, но не сильно. Нынче выспался хорошо, но все-таки слаб умом. За это время не записано следующее: Два типа: один критически относится не только к поступкам, но и к положению – например, не может взять место чиновника правительства, не может собирать и держать деньги, брать проценты и т. п., и вследствие этого всегда в нужде, в бедности, не может прокормить ни семью, ни даже себя и по своей слабости становится в унижительное для себя и тяжелое для других положение просить; другой же относится критически только к своим поступкам, но положения принимает, не критикуя, и, поставив себя раз в положение чиновника, богатого человека, с избытком кормит себя, семью и помогает другим и никому не в тягость (незаметно, по крайней мере). – Кто лучше? – Оба. Но никак не последний. [...]

18 марта. Ясная Поляна. 90. Вчера приехал Илья. Запылился, заскорюз и состарился без употребления. Ничего не делал. Все болит печень. Должно быть, смертная болезнь. Мне это ни страшно, ни неприятно. Только не привык. Все хочется по-старому работать. Ездил в Ясенки. Заболело дорогой. Пытался писать. Не идет. Вечером читал Сенкевича. Очень блестящ. Соня пришла и стала говорить о продаже сочинений новых, и мне стало досадно. Стыдно мне.

19 марта. Ясная Поляна. 90. Встал рано, походил. Напилился кофею, заболело. Писать не могу, хотя кажутся ясными мысли, пока думаю: нет памяти, бойкости. Приехал инспектор. Я не принял его, напрасно. Инспектор был что-то вроде жандарма, допрашивал. Маша насилу отделялась. Закроют школу, и мне жалко за девочек. Илья тут, и я все не могу поговорить с ним. Очень хотелось, но не умел подступить, тем более, что он удаляется. Он весь, его разговоры, шуточки это точно приправа к кушанью, которого нет. Это часто бывает, что жизнь, деятельность, разговоры, в особенности, веселье и шутки, – это приправы к тому существенному, чего нет.

Нынче 25 [марта]. Утром написал письмо Вагнеру, огорчившемуся на "Плоды просвещения", и потом докончил "Послесловие". Кажется, слабо. Вчера 24-го получил письма: от Вагнера. Утром писал мало. Вечер ездил верхом в Ясенки и Козловку. Третьего дня 23. Соня вернулась. Я много спал. Ничего не делал. Мы читали "Некуда", и я один читал. Хуже стало. Приехал Лева. Хорош. Хочет продолжать на филологическом. Я поговорил с ним. [...]

28 марта. Ясная Поляна. 90. Все болит во время обеда живот. Спал, потом поправлял послесловие. Сейчас получил о том же письмо Оболенского. [...] Начал писать ответ Оболенскому. Вероятно, не напишу ему.

29 марта. Если буду жив.

Нынче 7 апреля. Жив еще. Пойду назад. Вчера 6 апреля. Утром дописывал, поправлял послесловие. Только что расписался и вполне уяснил себе. Проводил Ганзена. Вечером хорошо ходил, молился. С Сережей легче. Слава богу, служение любви успокаивает, радуется, украшает жизнь. Письмо от Колечки, все то же, задорное. Грустно. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

8 апреля. Спал дурно. Нездоровится. Не мог писать. А много нужно. Письмо от Черткова. Написал несколько плохих писем. Читая Левино сочинение, пришло в голову: воспитанье детей, то есть губление их, эгоизм родителей и лицемерие. Повесть вроде "Ивана Ильича". Да, думал: нехорошо прийти и накурить людям. Но разве лучше прийти к веселым, счастливым людям с мрачным лицом и испортить им удовольствие.

10 апреля. Ходил гулял, много думал, вчера и нынче, а именно: 1) Одно из самых дерзких неповиновений Христу это богослужение, общая молитва в храмах и название отцами духовенство, тогда как Мф. III, 5-15, Иоанна IV, 20, 21 и Мф. XXIII, 8.

2) Выразить словом то, что понимаешь, так, чтобы другой понял тебя, как ты сам - дело самое трудное; и всегда чувствуешь, что далеко, далеко не достиг того, что должно и можно. И тут взять и задать себе еще задачу ставить слова в известном порядке размера и окончаний. Разве это не сумасшествие. Но они готовы уверять, что слова сами собой складываются в "волнует кровь... и любовь". А d'autres! [Другим! (фр.)]

3) Социалисты говорят: не нам, пользующимся благами цивилизации и культуры, надо лишаться этих благ и спускаться к грубой толпе, а людей, обделенных благами земными, надо поднять до нас и сделать их участниками благ цивилизации и культуры. Средство для этого наука. Она научает нас побеждать природу, она до бесконечности может увеличить производительность, она может заставить работать электричеством Ниагарский водопад, реки, ветра. Солнце будет работать. И всего всем будет довольно.

Теперь только малая часть, часть людей, имеющая власть, пользуется благами цивилизации, а большая лишена этих благ. Увеличить блага, и тогда всем достанет. Но дело в том, что люди, имеющие власть, уже давно пользуются не тем, что им нужно, а тем, что им не нужно, всем, чем могут. И потому как бы ни увеличились блага, то, которые стоят наверху, употребят их все для себя. Употребить нужного нельзя больше известного количества, но для роскоши нет пределов. Можно тысячи четвертей хлеба скормить лошадям, собакам, миллионы десятин превратить в парки и т. п. Как оно и делается. Так что никакое увеличение производительности и богатств ни на волос не увеличит блага низших классов до тех пор, [пока] высшие имеют и власть и охоту потреблять на роскошь избыток богатств. Даже напротив, увеличение производства, большее и большее овладение силами природы дает большую силу высшим классам, тем, которые во власти, силу удерживать все блага и ту власть над низшими рабочими классами. И всякое поползновение со стороны низших классов заставить богатых поделиться с собой (революции, стачки) вызывают борьбу; борьба же - бесполезную трату богатств. "Никому пускай не достается, коли не мне", - говорят борющиеся.

Покорение природы и увеличение производства благ земных для того, чтобы переполнить благами мир, так, чтобы всем достало (такое же неразумное действие, как то, чтобы увеличивать количество дров и кидание их в печи для того, чтобы увеличить тепло в доме, в котором печи не закрываются. Сколько ни топи, холодный воздух будет нагреваться и подниматься вверх, а новый холодный тотчас же заступать место поднявшегося, и равномерного распределения тепла, а потому и самого тепла не будет. До тех пор будет доступ холодному воздуху и выход теплоте, имеющему свойство подниматься вверх. Будет так до тех пор, пока тяга будет снизу вверх.

До сих пор против этого придумано три средства, из которых трудно решить, которое глупее: так они глупы все три. Одно, первое, средство революционеров, состоит в том, чтобы уничтожить то высшее сословие, через которое уходят все богатства. Это вроде того, что бы сделал человек, если бы сломал дымовую трубу, через которую уходит тепло, полагая, что, когда не будет трубы, тепло не будет уходить. Но тепло будет уходить в дыру так же, как и в трубу, если тяга будет та же, точно так же, как богатства все будут уходить опять к тем людям, которые будут иметь власть, до тех пор, пока будет власть.

Другое средство состоит в том, чтобы делать то, что делает теперь Вильгельм II. Не изменяя существующего порядка, от высших сословий, имеющих богатство и власть, отбирать маленькую долю этих богатств и бросать их в бездонную пропасть нищеты. Устроить сверху вытягивающей тепло трубы, там, где проходит тепло, - опахала и этими опахалами махать на тепло, гоня его книзу, в холодные слои. Занятие, очевидно, праздное и бесполезное, потому что, когда тяга идет снизу

вверх, то как бы много ни нагоняли тепла вниз (а много нагнать невозможно), оно все тотчас же уйдет, и труды пропадут даром.

И, наконец, третье средство, которое с особенной силой проповедуется теперь в Америке. Средство состоит в том, чтобы заменить соревновательное, индивидуалистическое начало экономической жизни началом общинным, артельным, кооперативным. Средство, как это и высказано в "Down" и "Nationalist", то, чтобы проповедовать и словом и делом кооперацию – внушить, растолковать людям, что соревнование, индивидуализм, борьба губит много сил и потому богатств, а что гораздо выгоднее кооперативное начало, то есть каждому работать для общей пользы, получая потом свою долю общего богатства. Что так выгоднее будет для всех. Все это прекрасно, но горе в том, что, во-первых, никто не знает, какая порция достанется на каждого, если всем будет поровну. Главное же то, что какая бы ни была эта порция, она покажется недостаточна людям, живущим, как они теперь живут, для своего блага. "Всем будет хорошо, и тебе будет, как всем". Да я не хочу жить, как все, а лучше. Я жил всегда лучше, чем могут жить все, и привык так. А я жил долго хуже, чем все могут жить, и хочу жить, как жили другие. Средство это глупее всех, потому что оно предполагает, что при существующей тяге снизу вверх, то есть при мотиве стремления к наилучшему, можно уговорить частицы воздуха не подниматься выше по мере нагревания.

Средство одно – показать людям их истинное благо и то, что богатство не только не есть благо, но отвлекает их, скрывая от них их истинное.

Одно средство: заткнуть дыру мирских желаний. Только это одно даст равномерное тепло. И это – то и есть самое противоположное тому, что говорят и делают социалисты, стараясь увеличить производительность и потому общую массу богатств.

Теперь 2 часа. Здесь Стахович. Я с ним неласков был. Напрасно.

11, 12, 13 апреля. 90. Ясная Поляна. Третьего дня писал опять о наркотиках. Недурно. Вчера. Прекрасно думал утром и записал в книжке, но писать не мог. Пошел после обеда в Тулу и был на репетиции. Очень скучно, комедия плоха – дребедень. Третьего дня, говоря с Стаховичем, ругал царя за то, что возобновилась смертная казнь. Нынче поздно встал, не мог писать, дошил сапоги. Вечером гулял. Лева грустен. Таня мила. Теперь 1-й час. Думал: [...] 2) Говорят: благодаря роскоши жизни высших классов, их досугу, происходящему от неравенства состояний, являются выдающиеся люди – равнодушные к благам мира, с одними духовными интересами. Это все равно, что сказать, что на поле, вытоптанном скотиной, оставшиеся колосья особенно хороши. Ведь это неизбежное вознаграждение, которое есть во всяком зле, а потому нельзя этим оправдывать делание зла.

3) Орлов да и многие говорят: я верю, как мужик. Но то, что он говорит это, показывает, что он верит не как мужик. Мужик говорит: я верю, как ученые господа, как архиерей.

[18 апреля.] Жив и здоров и прожил с тех пор 4 дня. Нынче 18 апреля. Встал поздно, выпался, сел за работу послесловия. Думал много, написал мало. Сережа уехал, Лева и Стахович в Оптину. Ходил после обеда на Грумант с Новиковым. Письмо хорошее от шекера Holister'a. Думал в ответ на письмо Кудрявцева, в котором он пишет, что половой союз есть священный акт, так как продолжает род, думал, что как человек вместе со всеми животными подчиняется закону борьбы за существование, так он подчиняется как животное и закону полового размножения, но человек как человек находит в себе другой закон, противный борьбе – закон любви, и противный половому общению для размножения – закон целомудрия.

Думал для будущей драмы, как мужики притворяются, что верят, для господ, а господа притворяются для мужиков.

Вчера 17-го. Письмо прекрасное от Черткова и от Кудрявцева глупое, хотя и печатное. Ходил провожать Рахманова. Были Зиновьевы, и суета. 3-го дня. Был Давыдов. Тяжело с ним. Рахманов был и получил письмо от своих, где про меня сказано: "получил письмо от Толстого. Он пишет о собственности, но Михаил не будет отвечать, так как Толстой все равно не поймет". Это мне очень здорово. Кажется, не разлюбил их. 15. Я провозал всех в театр. Пришел Рахманов. Есть гордость и не то. Но еще больше не того в наших. Очень тяжел праздный сумбур. Все время писал послесловие. Теперь 12.

[24 апреля.] Опять прошло пять дней. Вчера 23 вечером был Грот и чех-профессор. Я был нехорош, нелюбовен. Утром много поправлял "Послесловие". Гостит Горбунов. Он хотел ехать 22. Вечером я сеял. 22. Воскресенье. Вечером пахал. Утром писал "Послесловие". 21. Суббота, после обеда пахал. Утро писал. Горбунов. 20. Пахал и писал. Много писем.

[30 апреля.] 25, 26, 27, 28, 29, 30 апреля. Ясная Поляна. 90. Нынче пришел Золотарев. Очень милый, серьезный и даровитый человек. Он написал замечательную статью о "Крейцеровой сонате".

[...] Думал за это время: 1) к повести Фридрихса. Перед самоубийством раздвоение: хочу я или не хочу? Не хочу, вижу весь ужас, и вдруг она в красной паневе, и все забыто. Кто хочет, кто не хочет? Где я? Страдание в раздвоении, и от этого отчаяние и самоубийство.

[...] К послесловию. Если же пал или пала, то знать, что искупления этого греха нет иного, как 1) освободиться вместе от соблазна похоти и 2) воспитать детей слуг божу. [...]

[5 мая. Пирогово.] Писал письма, сеял и пахал. 2-го. Писал статью о пьянстве и кончил. Очень устал, вечером пахал, очень устал, лихорадочное состояние. 3-го поправил статью и поехал с Машей в Пирогово. Поздно приехали. Опять лихорадка. 4-го. Дурно спал и ничего не делал. Вечером ходил до Ржавы и назад. Очень нездоровится. [...]

9-го мая 1890 г. Пирогово. Все болен. Идет не лучше. Нынче думал: 1) Многие из тех мыслей, которые я высказывал последнее время, принадлежат не мне, а людям, чувствующим родство со мною и обращающимся ко мне с своими вопросами, недоумениями, мыслями, планами. Так, основная мысль, скорее сказать, чувство "Крейцеровой сонаты" принадлежит одной женщине, славянке, писавшей мне комическое по языку письмо, но замечательное по содержанию об угнетении женщин половыми требованиями. Потом она была у меня и оставила сильное впечатление. Мысль о том, что стих Матфея: если взглянешь на женщину с вожделением и т. д. - относится не только к чужим женам, но и к своей, передана мне англичанином, писавшим это. И так много других. [...]

11 мая. Пирогово. 90. Если буду жив. Было время, что я начал думать: не умираю ли? и никакого страха, слава божу. Только страх: как бы не умереть дурно. Диета строгая нужна всем. Об еде - книга нужна.

18-го мая. Ясная Поляна. 80. За это время поправил корректуры начала комедии, написал письмо Страхову и начал поправлять предисловие о пьянстве.

[...] 10) Мы пишем наши романы, хотя и не так грубо, как бывало: злодей только злодей и Добротворов - добротворов, но все-таки ужасно грубо, одноцветно. Люди ведь все точно такие же, как я, то есть пегие - дурные и хорошие вместе, а не такие хорошие, как я хочу, чтоб меня считали, не такие дурные, какими мне кажутся люди, на которых я сержусь или которые меня обидели. [...]

[29 мая.] Думал одно: мы едим соусы, мясо, сахар, конфеты - объедаемся, и нам кажется ничего. В голову даже не приходит, что это дурно. А вот катар желудка повальная болезнь нашего быта. Разве не то же самая сладкая эстетическая пища - поэмы, романы, сонаты, оперы, романсы, картины, статуи. Тот же катар мозга. Неспособность переваривать и даже принимать здоровую пищу, и смерть. [...]

[25 мая.] Нынче 25. Все так же медленно поправляюсь. Нынче ходил, гулял, немного поправлял о дурмане и начал письмо ответ еврею. Был Руднев. Вчера 24. Вечером был Давыдов. Днем ничего не делал. 23. Был Чистяков. Написал письмо Черткову и немного предисловие. 22. Та же слабость. Предисловие. Приехал Чистяков. Все о дневниках. Он, Чертков, боится, что я умру и дневники пропадут. Не может пропасть ничего. А нельзя послать - обидеть. Маша списала то, что я отметил. Есть порядочное. [...]

26 мая. Ясная Поляна. 90, если буду жив.

[26 мая.] Жив. Утром нашел Н. Ге старшего. Он едет в Петербург о своей картине. Говорил с ним, читал, дописал письмо Гецу. Слаб. Письма от Рахманова и Поши.

27 мая. Ясная Поляна. 90. Все то же. Ходил подальше. Вернувшись, застал Попова. Поговорил с ним. Он жалуется на периоды упадка духа. Теперь 5-й час. Ничего не писал, и не хочется.

28 мая. Ясная Поляна. 90. Лучше себя чувствую. Поправлял статью о пьянстве. Не помню. Ге уехал. Неприятное столкновение с Соней, но, слава богу, сейчас же стало ее жалко.

29 мая. Ясная Поляна. 90. Ходил далеко. Встретил Машу. Телеграмма от Чичерина. Немного пописал. Очень слаб. Приехал Чичерин. Алкоголик. Неподвижный, озлобленный, самодовольный. Что-то я очень от всех удалился.

30 мая. Ясная Поляна. 90. Опять Чичерин. Он уехал. Я сел писать, пришел Пастухов. Мне хотелось кончать, но потом пришел из Риги латыш-семинарист. Физически поправляюсь, но умственно сплю. Теперь 9-й час. Нынче письмо от Геца и протест.

2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 июня. Ясная Поляна. 90. Прошла целая неделя. В очень дурном, мрачном духе. Нынче приехал Ге. Я немного поправлял уж поправленное и начал пить кумыс. Вчера 7. Была Анненкова и уехала. Рано утром приехала Соня. [...] Начал "Отца Сергия" и вдумался в него. Весь интерес - психологические стадии, которые он проходит. [...]

9, 10, 11, 12 июнь. Ясная Поляна. 90. Опять три дня пропустил. Вчера 11. Я писал письма: Третьякову, Поше, Черткову, Горбунову, и приехал Страхов. Лучше живу, но очень праздно физически. 10. Воскресенье был милый Дунаев и Стахович немилый. Лева уехал, кроткий, читал статью и понял. Вчера прекрасное письмо от Буткевича. Я поправлял. 10. Много поправлял. Картина Ге прекрасна. 9. Не помню. Ничего не записал.

[...] Маша писала Бирюкову и одобрила мое письмо ему. Поразительно грустно было нынче то, что сказал Андрюша. Я сказал ему, что дурно пить кофе крепкий. Он с тем знакомым мне презрением детей ко мне отвернулся. Ге стал говорить ему, что это для его пользы. Он сказал: не о кофе, а обо всем, да разве можно делать все то, что говорит папа. Он сказал все то, что думают все дети. Ужасно жалко их. Я ослабляю для них то, что говорит их мать. Мать ослабляет то, что говорю я. Чей грех? Мой. Теперь 11 часов утра, хочу писать коневскую.

Попробовал писать, не пошло. Ходил и пил кумыс с вторым Николаем Николаевичем. Папиросочник Николай Николаевич тяжел. Если бы он не объедался и не курил, он был бы сила. Дурно спал.

14 июня. Ясная Поляна. 90. Немного пописал коневскую. Она не притягивает меня. Поправил корректуры комедии. Здоров. Поработал, рубил и пилил.

[17 июня.] Чуть-чуть писал. Понадобились материалы и обдумать. Неумеренно пил кумыс. Говорил с Страховым. Он пьяный почти всегда. Много и часто думаю эти дни, молясь о том, что думал сотни, тысячи раз, но иначе, именно: что мне хочется так-то именно, распространением его истины не словом, но делом, жертвой, примером жертвы служить богу; и не выходит. Он не велит. Вместо этого я живу, пришитый к юбкам жены, подчиняясь ей и ведя сам и со всеми детьми грязную подлую жизнь, которую лживо оправдываю тем, что я не могу нарушить любви. Вместо жертвы, примера победительного, скверная, подлая, фарисейская, отталкивающая от учения Христа жизнь. [...]

[18 июня.] Обдумал на работе то, что надо коневскую начать с сессии суда; а на другой день еще прибавил то, что надо тут же высказать всю бессмыслицу суда. Здоровье лучше. Приехал Дьяков.

18 июня. Ясная Поляна. 90. Дурно спал. И не пытался писать. Косил. Приехал Олсуфьев Митя. Очень беден умственно. От Сережи письмо с просьбой денег. Соню одолевают просьбами денег сыновья. Будет еще хуже. Разве не лучше бы было, если бы она отказалась хоть от собственности литературной. Как бы покойно ей, и как бы нравственно здорово сыновьям, и как мне радостно, и людям на пользу и богу угодно. Страхов.

22 июня. Ясная Поляна. 90. Прошло много дней, пять, кажется. Кажется, ничего не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
писал за это время. Постараюсь вспомнить. Вчера, 21, никого не было. Уехал Олсуфьев. Косил с Севастьяном. 20. Уехали дети и Сикорский. Косил много. И разговоры с Сикорским. Его поразительное легкомыслие. Как ученый измерял трату кислорода днем и замену ночью и как через неделю все вышло. И потому надо воскресенье отдыхать. И что это было наука, но забыта. И еще о том, что образуются в зародыше центры в разные периоды. И если мать больна в эти периоды, то отсутствие этих центров и сумасшествие. И будто то же количество сумасшедших теперь и прежде. А добрый, но – испорченный.

19. Он приехал вечером, и куча народа. Языкова, Офросимова с балалайкой и Олсуфьев. Я косил с потлётом.

18. Тоже косил. Страхов, и я тяготился им. Я очень опустил. Не в умственном смысле – это ничего – не опущение, а в сердечном, любовном. Я не в духе и злюсь. Сижу и злюсь и на присутствующих и на отсутствующих. Всякое слово, мысль вызывает не проникновение и сочувствие тому, кто ее высказывает, а желание заявить свою правду перед ним. Скверно. Очень скверно.

[...] На работе, покосе, уяснил себе внешнюю форму коневского рассказа. Надо начать с заседания. И тут же юридическая ложь и потребность его правдивости. А еще: о государстве: рассказ переселенцев.

Опять много работал, косил. Получил прекрасное письмо wilson'a к Черткову и Черткова письмо. Еще письма менее интересные. Вечером приехал верхом американец Stevens, объехавший мир на велосипеде и бывший в Африке за Станлеем. В соблюдении любви помнил и провел день хорошо.

24 июня. Ясная Поляна. Работал. Не писал. Приехал Бестужев, потом Зюсерман. Гости – бедствие нашей жизни. Косил. Сдерживался с Страховым. Зла меньше.

Вчера читал "Без догмата". Очень тонко описана любовь к женщине – нежно, гораздо тоньше, чем у французов, где чувственно, у англичан, где фарисейно, и у немцев – напыщенно, и думал: написать роман любви целомудренной, влюбленной, как к Сонечке Калошиной, такой, для которой невозможен переход в чувственность, которая служит лучшим защитником от чувственности. Да не это ли единственное спасение от чувственности? Да, да, оно и есть. Затем и сотворен человек мужчиной и женщиной. Только с женщиной, можно потерять целомудрие, только с нею и можно соблюсти его. Нецеломудрие начинается при перемене. Хорошо написать это. [...]

25 июня. Ясная Поляна. 90, Еще думал: надо бы написать книгу "Жрание". Валтасаров пир, архиереи, цари, трактиры. Свиданья, прощанья, юбилеи. Люди думают, что заняты разными важными делами, они заняты только жранием. А то, что за кулисами делается? Как готовятся к этому?

Вчера уехал Голцапфель. Дети вскочили раньше обыкновенного, и Андрюша пошел на деревню, я спрашиваю зачем. Яйца покупать. Зачем? Мама велела. И я подумал: воспитание их ведется кем? женщиной без убеждений, слабой, доброй, но journaliere [непостоянной (фр.)], переменчивой и измученной взятыми на себя ненужными заботами. Она мучается, и они на моих глазах портятся, наживают страдания, жернова на шею. Прав ли я, допуская это, не вступая в борьбу? [...]

[26? июня.] Думал еще: одно из обычных заблуждений людей то, что они делают то, что делается само собою, что они везут то, на чем сами едут. Государь правит государством, министр министерством, хозяйка домом и т. п. Они делают только то, что им велит делать предание и окружающие, и участвуют в общем движении.

Еще думал, лежа в лесу и глядя на дальний лес и небо: не нужна мне, бесполезна мне красота природы, как и красота искусства, гораздо низшая. Другое нужно и радует. А это только развлекает, отвлекает. Но зачем же это? Зачем? Да, пчеле надо любить все это, чтобы был мед, перга, летва; пчеле, липе надо любить землю, воздух, влагу, чтобы была липа; всем животным, всему нужно это, чтобы размножаться, как и мне нужно это было для низшей животной жизни. Теперь нужно нечто другое, не имеющее выражения в материальном мире и ищущее этого выражения вне его, там, за гробом. Я могу себе представить существа, которым те проявления добра, которые влекут меня к себе, так же не нужны станут, как мне проявления красоты.

Косил и работал много. Вечером приехал Оболенский и Раевский с Цингером. У меня

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
сделалось головокружение, и я испугался. И стал думать о смерти. И я увидел, как я уж испортился, отошел далеко назад к плотской мерзости от того состояния, в котором я был во время болезни. Очень дурно спал.

26 июня. Встал поздно. И вот написал это. Теперь 1-й час. Косил вечером, очень устал.

7-го июля. Ясная Поляна. 90. Опять писал письма Балу, Анненковой, Горбунову, Черткову. Плохо.

[...] Думал еще: Катерина умирает во время покоса. Событие ничтожное с точки зрения покосников. Покос убрали прекрасно. Какой важности это событие с точки зрения умирающей и умершей Катерины.

Еще думал: хорошо бы написать историю человека доброго, нежного, кроткого, милого, образованного, умного, но живущего по-господски, то есть журущего и с..... и потому требующего, чтоб для него резали цыплят, не спали кучера, рабочие и чистили нужники. Нельзя быть добрым человеку, неправильно живущему.

[2 июля.] Приехала Гельбиг с дочерью. У ней тот недостаток, про который я пишу Анненковой, желание быть выдающейся, прекрасной. Она все говорит, что ей ничего не нужно. Этого не надо говорить, а надо делать. [...]

3 июля. Ясная Поляна. 90. Ушел спать вниз. Встал поздно. Тяжело, скучно, праздность, жир, тщета разговоров. Точно жиром заплыли, засорены зубья колес и не цепляются. То не идут колеса от недостатка мази, а то не идут от набитого в них сала. Писать для этих людей? Зачем? Странная неохота писать. [...]

4 июля. Ясная Поляна. 90. Встал поздно. Пью лишний кумыс. Ничего не писал. Косил целый день. Одно спасенье. Статьи и письма все о "Послесловии" и "Крейцеровой сонате". Поразительно, какое пренебрежение к слову, какое злоупотребление им!

[...] Страдаю оттого, что окружен такими людьми с искривленными мозгами, такими самоуверенными, с такими готовыми теориями, что для них писать что-либо тщетно: их ничем не поберешь. [...]

5 июля. Ясная Поляна. 90. Встал бодро, хотя мало спал. Застил m-ше Гельбиг с Страховым в разговоре о том, можно ли очистить все любовью, не изменяя своей жизни. Я вступился и горячо говорил, тем более, что пришла молодежь. Но, разумеется, никого не убедил. Слишком больно то место, в которое я мечу, и потому они старательно и поспешно и своевременно защищают его, как глаз веком.

Думал: "Rauber'y" ["Разбойники" (нем.)] Шиллера оттого мне так нравились, что они глубоко истинны и верны. Человек, отнимающий, как вор или разбойник, труд другого, знает, что он делает дурно; а тот, кто отнимает этот труд признаваемыми обществом законными способами, не признает своей жизни дурной, и потому этот честный гражданин несравненно нравственно хуже, ниже разбойника. Теперь 2-й час. Писать не могу - пойду косить. [...]

6 июля. Ясная Поляна. 90. Ходил смотреть уборку ржи. Вечером пойду косить рожь. Утром опять спорил с Гельбиг об искусстве. Кое-что сам себе уяснил в этом споре.

1) Искусство - одно из средств различения доброго от злого - одно из средств узнавания хорошего.

2) Это одно из духовных отправлений человечества, как кормление, пути сообщения и т. п. суть физические отправления.

3) Как же может быть, чтобы это отправление надо было отыскивать назад за 5000 и за 500 лет, а у нас бы его не было.

4) Очевидно, это происходит от тупости судящих, не могущих видеть около себя новое проявление, а видящих только трупы старого. [...]

11 июля. Ясная Поляна. 90. Встал поздно. Обижаю Страхова.

[...] Чувствовал себя очень слабым, лежал. Вяземский - путешественник, математик, микрокефал, но серьезный. После обеда ходил купаться. Вечером с

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Страховым спор о русском. "Одно из двух: славянофильство или Евангелие". Мы переживаем то ужасное время, о котором говорил Герцен. Чингис-хан уже не с телеграфами, а с телефонами и бездымным порохом. Конституция, известные формы свободы печати, собраний, исповеданий, все это тормоза на увеличение власти вследствие телефонов и т. п. Без этого происходит нечто ужасное и то, что есть только в России. Спал лучше.

13 июля. Ясная Поляна. 90. Хорошо выспался. После кофе писал "Отца Сергия". Недурно. Но не то. Надо начать с поездки блудницы. Потом шил сапоги. Пошел ходить и купаться. Вечером опять шил. Корректуры статьи от Гольцева. Надо прибавить. Думал: надо написать об отговорке – добывать хлеб не прямо, косвенным путем – то, что всякое добывание есть поедание людей или подличанье и прислуживанье людям, поедающим людей.

14 июля. Ясная Поляна. 90. Встал позднее. Сны всю ночь. Выпил кумысу, походил. Сажусь за статью. Хочется и начать "Отца Сергия" сначала. [...]

Нынче 24-е. Приехал Лёвенфельд, пишет биографию. Неприятная щекотка. Ходил, гулял и думал и молился.

Вчера 23. Вечером Стаховичи – тяжело. Косил с Осипом. До обеда писал немного о церкви. Все расширяется.

22. Машины Кузминской именины. Фейерверк. Алексей Митрофанович осуждает. Мне неприятно это. Косил поздно овес. Обед у Кузминских.

До обеда писал о церкви.

21-го. Дурно спал, писал письма. И косил.

Теперь 4-й час, иду к Стаховичам и Лёвенфельду.

[...] Думал о своих дневниках старых, о том, как я гадок в них представляюсь, и о том, как не хочется, чтобы их знали, то есть забочусь о славе людской и после смерти. Как страшно трудно отрешиться от славы людской, не заботиться совсем о ней. Не страдать о том, чтобы прослыть за негодяя. Трудно, но как хорошо! Как радостно, когда отбросишь заботу о славе людской, как сразу попадаешь в руки богу, и как легко и твердо. Вроде как тот мальчик, который попал в колодезь и висел на руках, страдая, а стоило только перестать держаться, и он стал бы на материк, который тут же, под ногами, попал бы в руки богу. [...]

28 июля. Ясная Поляна. 90. Встал поздно. Ходил купаться с Пастуховым. Поправил перевод Гарисона и Балу и написал краткое предисловие, так, чтобы в таком виде можно было передать людям. [...]

3 августа. Ясная Поляна. 90. Встал рано. Утро как всегда, хорошо думал и молился. Никого не было. Только перед обедом зашел уходящий от Булыгина Виктор Николаевич. Писал немного "Отца Сергия". Ясно обдумывалось.

[...] Думал еще: как грубо я ошибаюсь, вступая в разговоры о христианстве с православным, или говорю о христианстве по случаю деятельности священников, монахов, синода и т. п. Православие и христианство имеют общего только название. Если церковники – христиане, то я не христианин, и наоборот.

Теперь 8 часов, пойду, как вчера, гулять до 1/2 10-го.

4 августа. 90, Ясная Поляна. Если буду жив.

[4 августа.] Жив. Встал рано, купался. Молился. Думал хорошо об "Отце Сергии", записал и потерял записную книжку. Читал статью Урусова, переводил с Таней, чинил сапоги, поехали на пожар в Колпну. Вечером заснул, ездил на Козловку. [...]

[5 августа.] Утро чувствовал себя больным, лежал и читал роман датский, "Sin". Плохо. Пошел купаться, за обедом увидели пожар в Ясной. Сгорели пять дворов. Удалось работать недурно. Только и было до поздней ночи.

6 августа. Ясная Поляна. 90. Пошел купаться, оттуда на пожар: приехали с

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
мельницы. Я стал утешать Андриана, утешая, подошел к Морозову и сам раскис. Соня там с деньгами. Очень радостно было.

Думал: чем люди безнравственнее, тем выше предъявляемые ими требования. Помню, редактор журнала говорил о том, что, хотя и трудно и бесславно жить городской барской жизнью, надо нести это. Что за высота! Не могу даже представить себе исполнения этого; а он просто требует.

Еще думал: чтобы победить заботу о людской славе, надо заботиться о худой славе – не минуешь юродства. Я хотел сделать это нынче утром, сказать, что мне дела нет до погорелых; но не выдержал и сделал напротив – расхвастался.

Нашел записную книжку.

Было записано к "Отцу Сергию". Она объясняет свой приезд, говорит чепуху, и он верит потому, что она – красота. Она в охоте.

Он не видит подвига, а напротив, ему стыдно, что он поддался. Уже после она идет в монастырь. Он не красавец, а просто лицо, щиплет себе бороду, но глаза... и это-то разжигает ее.

Вчера вечером приехала Калмыкова. Теперь 2 часа. Хочу писать. Получил письма, пять – от Зюнова, Вяземского, Воронова, Мотовиловой и Долгова. Все надо отвечать.

Поправил корректуру "Одурманиваться". Заснул в поле. После обеда пошли гулять по Засеке. Калмыкова малоинтересна.

7 августа. Ясная Поляна. 90. Встал поздно, вчера засиделись. Все то же. Письмо от Ге и Марьи Александровны. Она живет прекрасно. Он рад, что картина куплена и уехала. Вчера погорелые обедали у Кузминских. Нынче был у них. Надо строиться. Вечером рубил колья; Мне целый день грустно, тяжело от дурной праздной жизни своей и всех окружающих. Молюсь много раз в день. И хорошо. [...]

10 августа. Ясная Поляна. 90. Утро с Страховым и Стаховичем. Проводил их и стал писать предисловие.

[...] к "Отцу Сергию". Описать новое состояние счастья – свободы, твердости человека, потерявшего все и не могущего упереться ни на что, кроме бога. Он узнает впервые твердость этой опоры.

[11 августа.] Жив. Встал рано. Тяжелое, мучительное чувство от присутствия гостей. Им тяжело, и мне мучительно. Я поговорил с Ругиным. Они хотят уходить к Булыгину и вот сидят; хотя 11 часов. А я вместо того, чтобы сказать, злюсь. Ходил купаться, не купался. Думал.

к "Отцу Сергию". Он предался гордости святости в монастыре – и пал с генералом и игумном. В затворе он кается и высок в то время, как приезжает блудница. [...]

[13 августа.] 14 августа. Ясная Поляна. 90. Встал особенно рано, ходил очень много по Засеке, купался, вернулся в 12.

[...] к "Отцу Сергию". Когда он падает, он видит рожи. Пухлые рожи, и ему думается, что это черти. [...]

[15 августа.] Я жив и записал вчера лишнее число. То, что написано 14-го, было 13. 14 же было следующее: я встал очень поздно. Сходил купаться. Молился и думал. Пил кофе и говорил с Соней едва ли не в первый раз после многих лет по душе. Она говорила о молитве искренно и умно. Именно о том, что молитва должна быть в делах, а не так, как говорят: господи, господи. И вспомнила о Ругине. Очень было радостно. Утром же во время гулянья было еще более радостно, когда я почувствовал возможность забыть себя настолько, чтобы не думать о будущей своей жизни, а только делать дело божие, участвовать в нем.

[...] Начал поправлять заключение к непротивлению, и казалось, что сделал хорошо, но вышло нехорошо. После обеда с детьми пошел рубить. Приехали Философовы Николай Алексеевич и Наташа. Очень милы. Вечером вернулись наши, ездившие смотреть дом старый яснополянский, потом приехала Вера и Варя и Лева, и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
засиделись до 2-го часа. Ссора Кузминских. Соня добра.

15 августа. Ясная Поляна. 90. Да, вчера статья о "Крейцеровой сонате". Скандал в Америке и ругательства Никанора. Мне было не неприятно. Встал поздно. Юноша, епифанский мещанин, с стихами и просьбой о помощи. Потом Золотарев милый, тихий, вдумчивый. Ходил с ним купаться. С трудом молился. Разговор о картине Ге. Надо бы много мягче и предоставить думать, что я вру. Начал писать, не мог, съездил в Колпну на новый, пятый пожар. Дома обедал, вздремнул, порубил дрова и вот записал. 10-й час. Иду пить чай и спать.

[17 августа.] Думал: отчего мы так рады обвинять и так злобно несправедливо обвиняем? Оттого, что обвинение кругом снимает с нас ответственность. Нам кажется, что нам дурно не оттого, что мы дурны, а оттого, что другие виноваты.

[...] Вчера, то есть 16, получил письмо о смерти дорогого Vallou и 17, нынче письмо от Чичерина – ужасное. Для сообщения мне сведений о том, как утонченные тамбовцы относились к кропостным, он пишет мне свою речь мужикам на празднике с водкой, на котором опился один мужик до смерти. Это ужасно. Это такая пучина холодного эгоизма и подлой тупости, возможности существования которой я уже переставал верить.

[18 августа.] жив. Утро по обыкновению. Очень сонный.

К "Отцу Сергию". Подробность, долженствующая дать уровень реальности. Адвокат на морозе втягивает сопли. И от него пахнет духами, табаком и ртом.

Все глубже и глубже забирает эта история. Соблазн славы людской и прославления, – то есть обман, чтоб скрыть веру.

Начал разбирать письма, да бросил. Вечером приехал Эрдели, проводил Золотарева. Сам свез – тоже прекрасное чувство к нему – спокойно дружелюбное. Дурно спал.

20 августа. 90. Пирогово. Встал поздно, слаб, читал Ибсена "wilde Ente". Нехорошо. Сережа волнуется убытками. Уехал верхом в 6. Прекрасно ехал. Радостно молился. Думаю, что укрепляет меня. [...]

21 августа. Ясная Поляна. 90. Встал рано, убрал, купался, поправил заключение. Читал Ибсена "Росмер"... Недурно пока. Теперь 3-й час, пойду отдохнуть.

После обеда рубил один. Тоскую очень о несообразности жизни.

22 августа. Ясная Поляна. 90. Рано, все то же. Молитва утешает. Письмо от Чертковых хорошее. Ругин пришел. Очень хорошо поговорили с ним. Соня проснулась и было приняла хладнокровно, но потом Илья расстроил ее, сказал, что не может быть при нем. Соня прекрасно вела себя. Сделала не то, что нужно, но с любовью стремилась сделать наилучшее. И как мне дорого это. И как радостно. Мне было тяжело. Она сказала ему. Он хорошо, по крестьянски-христиански принял и ушел. Эгоизм и распушенность жизни нашей, всех наших с гостями ужасают. Мне кажется, все идет, усиливаясь. Должен быть скоро конец. Вечером приехали Стаховичи и Зиновьевы.

Думал самое простое: накануне вечером хорошо разговаривал с Алексеем Митрофановичем. Он рассказал мне таблицу Менделеева. А я ему говорил, что он очень осуждает. По этому случаю думал самое простое: судить о других совсем не нужно, если это не нужно для дела божия.

23 августа. Ясная Поляна. 90. Все та же томительная жара. Молитва все не оставляет меня. И мне так радостно это. Вчера написал три письма пустые Чертковым, Ге и еще кому-то. Суета все та же, та же жестокость жизни, та же тупость. Соблазн ужасный, огромный, опутавший их. Я думал, что он разрешится чем-нибудь. Так нельзя. [...]

26 августа. Ясная Поляна. 90. Дурно спал. Поздно встал. Пошел купаться, думал: 1) Осуждение остроумное, это под соусом труп. Без соуса отвратился бы, а под соусом не заметишь, как проглотишь.

2) Любить это переноситься в душу другого, жить его желаниями. Я не могу этого. Учись. Ты не мог и сыграть чижика, а теперь читаешь ноты presto [очень быстро

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

(ит.)]. Как же ты хочешь без упражнения. Бывает врожденное, так же как и музыка: один в деле любви деликатен, чует за другого от природы, и в деле музыки слышит, помнит, находит, а другой не чует и не слышит. Но и тому и другому надо учиться. Надо учиться, упражняться любить, т. е. чувствовать за другого, а мы не только не учимся, но часто учимся противоположному; учимся не чувствовать за другого, тушить в себе эту чуткость: в делах, в игре, на охоте, на войне. [...]

27 августа. Ясная Поляна. 90. Встал поздно. Первое впечатление – мужики из Кутьмы. На мировом съезде утвердили решение судьи о заключении двух женщин в острог за подол травы. Ужасно сильно меня тронуло. Это шайка разбойников судьи, министры, цари, чтоб получать деньги, губят людей. И без совести. Тут же получил 20 "Century", анархистский журнал – прекрасно. Надо что-то сделать. Помогите, господа. С молитвой, которая не оставляет меня. Ходил рубить с стариком. Приехали Стаховичи с рассказами об Амвросии и Оптиной пустыни. Теперь 5 часов. Иду обедать. Надо держаться всеми силами. Это экзамен. Любить их, переноситься в них, но любить и блюсти истину выше всего. Приехал Лева. Письма: одно – переписаны слова обо мне Зосей, другое из Америки, вроде Оболенского упрек за "Крейцерову сонату".

Весь вечер с Стаховичами. Не только скучно, но совестно – так они далеки от меня; но зато, слава богу, не сорвался ни разу, несмотря на чепуху М. Стаховича и других. Лева приехал, рассказывал про назревающее столкновение Сережи и Ильи. Матерьялизм. Вот именно восьмидесятники.

28 августа. Ясная Поляна. 90. 63-й год мне. И совестно, что то, что 1890:63=30, и что 28 лет моей женитьбе, что эти цифры представлялись мне чем-то значительным, и я ждал этого года как знаменательного. Встал поздно. Первое впечатление тяжелое – бабы, пришедшей за лошадью, которую опять отняли у нее для кумыса. Но я несправедлив был, зол. Вчера сказали, что сгорел Булыгин. Я поехал к нему. Дорогой молился и отчасти смирился. Молитва укрепляет и имеет все время неослабляющееся значение. Булыгин не сгорел, но четырнадцать дворов в Хатунке. Вернулся. И не могу очистить себя от зла на детей. Все было во мне. А между мною и ими точно что случилось. Почитал Биернсона – хорошо, очень трагично. Заснул.

Теперь 5 часов, иду обедать.

Думал: Маша рассказывала, как Лева с Стаховичем говорили о том, что не надо смешивать благотворительность с хозяйством: в "хозяйстве справедливость, а благотворительность – совсем другое". Так говорят с уверенностью, что это умно и мило, а в сущности, это не что иное, как отмежевание себе произвольной области, в которой вперед уж освобождаешь себя от всякого человеческого чувства, в которой разрешаешь себе быть жестоким. Так говорят про службу, дисциплину, государство. Какое прекрасное художественное произведение возможно на эту тему. И как нужно! И как мне хочется!

Еще думал: большинство добрых чувств, мыслей – не чувства, мысли. А то, что тебя взволнует что-либо доброе: сострадание ли, сознание ли неправды и желание помочь уяснить, и это доброе стремление переходит или в негодование, злобу, осуждение, или в тщеславное перед людьми выставляемое рассуждение болтовню, и сила его уходит, ничего не сделав. Надо не выпускать, запереть это чувство, как пар, как воду, и пускать его уж только в поршень и на колесо.

Кто-то едет. Помогите, отец!..

Это была коляска с письмами из Тулы. Письмо ругательное из Америки. Зачем я написал это, браня докторов? Невесело мне с старшими детьми. Заботы о деньгах, об устройстве, и самоуверенность и довольство собой полное. Мало во мне любви к ним. И не могу вызвать больше. Ходили гулять на Козловку. Соня жаловалась на сыновей.

[31 августа.] Теперь 1-й час. Вечером проводил Анненкову. Я поправил заключение. Читал Слепцова.

[3 сентября.] Пропущено три дня. 1, 2, 3 сентября. Ясная Поляна. 90. Начну с нынешнего 3 сентября. Встал поздно, ходил. Не пью кумыс. Недоброе чувство к Сереже. Не могу заглушить. Надо бы говорить. Да что говорить. Только могу осуждать, а он самодоволен до последней степени. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Нынче думал: я сержусь на нравственную тупость детей кроме Маши. Но кто же они? Мои дети, мое произведение со всех сторон, с плотской и духовной. Я их сделал, какими они есть. Это мои грехи – всегда передо мной. И мне уходить от них некуда и нельзя. Надо их просвещать, а я этого не умею, я сам плох.

Я часто говорил себе: если бы не жена, дети, я бы жил святой жизнью, я упрекал их в том, что они мешают мне, а ведь они – моя цель, как говорят мужики. Во многом мы поступаем так: наделаем худого; худое что стоит перед нами, мешает нам, а мы говорим себе, что я хорош, я бы все сделал хорошо, да вот передо мной помеха. А помеха-то я сам.

Сел писать заключение. Ничего не мог. Оно все разрастается. [...]

6 сентября. Ясная Поляна. 90. Все то же. Болит под ложечкой – апатия. Сплю. И дурные мысли. Но держусь и молюсь. Рубил, гулял поздно, снес письмо Соне на Козловку. Теперь 11-й час, иду чай пить. Вчера читал "Emil'a" Руссо. Да, дурно я повел свою семейную жизнь. И грех этот на мне и вокруг меня. Утром позвали на сходку. Я ходил и старался мирить. Похоже, что не напрасно. [...]

13 сентября. Ясная Поляна. 90. Встал рано, пошел пилить и рубить с Машей. Очень устал. Дома сел было и тотчас же опять сознал свое бессилие. Грустно, и грустно, что грустно. Если бы помнил: смирение, покорность и любовь, не было бы грустно. Болело под ложечкой все утро. Читал Coleridge'a. Очень симпатичный мне писатель – точный, ясный, но, к сожалению, робкий – англичанин англиканская церковь и искупление. Не может.

[...] Вчера думал: иду по деревне и смотрю – копают разные мужики. Каждый для себя картофельную яму, и каждый для себя кроет, и многое другое подобное. Сколько лишней работы! Что, если бы все это делать вместе и делить. Казалось бы, не трудно: пчелы и муравьи, бобры делают же это. А очень трудно. Очень далеко до этого человеку, именно потому, что он разумное, сознательное существо. Человеку приходится делать сознательно то, что животные делают бессознательно. Человеку прежде еще общины пчелиной и муравьиной надо сознательно дойти до скота, от которого он еще так далек: не драться (воевать) из-за вздоров, не обжираться, не блудить, а потом уж придется сознательно доходить до пчел и муравьев, как это начинают в общинах. Сначала семья, потом община, потом государство, потом человечество, потом все живое, потом весь мир, как бог. [...]

[14 сентября.] Жив. Все то же тяжелое настроение. Не мог работать. Павел Борискин с Алексеем накладывали черемуху. Я немного подсобил им. Читал Coleridge'a. Много прекрасного. Но у него английская болезнь. Ясно, что он может ясно, свободно и сильно думать; но, как только он касается того, что уважается в Англии, так он, сам не замечая того, делается софистом. Читал девочкам. Ходил после обеда. Приехал Сережа. Вечером было почему-то ужасно грустно.

15 сентября. Ясная Поляна. 90. Все то же. Не брался писать. Утром сказали, что Павел умер. Лег в клетки у Алексея на прелую солому и умер. Хорошо. Пасьянс. Хочется писать с эпитафией: "Я пришел огонь свести на землю и как желал бы, чтоб он возгорелся". Теперь 8 часов, иду наверх.

19 сентября. Ясная Поляна. 90. Нездоровится. Читал. Рубил. Ругин пришел. Я ходил к нему. Как недоступны учению истины мужики. Так полны они своими интересами и привычками. Кто же доступен? Тот, кого привлечет отец – тайна. Читал Presence. Какое ничтожество! Ничего.

[...] Теперь 12 часов. Хочется по вечерам писать роман *longue baleine* [большого дыхания (фр.)].

[22 сентября.] Жив. Спал мало, но встал с ясной головой. Ге приехал. После прогулки и разговора с ним и сестрой Таней сел за работу. Поправил сначала декларацию и Балу. И хочу оставить старое заключение. А о том, что церковники не христиане, писать отдельно.

[...] Думал все о тех же двух кладовых и мастерской. Одна горница кладовая, где матерьял, другая – мастерская, куда беру из матерьяльной кладовой и над ней работаю, и третья кладовая, куда складываю отделанную работу. Дорого не набирать слишком много, не по силам матерьялу, который портится, пылится, вянет, но не работает; потом важно то, чтобы работать над тем, что взято в мастерскую, и,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
наконец, важно не тратить время на любованье работой оконченной, считая это делом. [...]

Различие людей в различном их отношении к этим делам и еще важное различие, за которое чаще всего люди осуждают друг друга, это то, что у каждого человека разные вещи взяты на верстак – в рабочую. Обвиняешь, зачем он не делает того, что ему надо бы, а не замечаешь того, что у него взято в мастерскую, на верстак, другое, и он не может оторваться, не кончив. [...]

23 сентября. Ясная Поляна. 90. Если буду жив.

[4 октября.] Могло бы случиться, что угадал. 23-го не помню, но 24 в ночь заболел и проболел сильно с разными переменами до нынешнего дня. 4 октября. Все то же: при страдании, в умирании невозможна деятельность мысли. Еле-еле можешь лениво молиться, проводя мысль по пробитой колее.

От неосторожности ли, что поел сухарей, или так должно было быть, но остановившаяся боль возвратилась с новой силой.

Нынче 4 октября. Ясная Поляна. 1890. Лучше, но твердого не ем и слаб. Здесь Мамоновы, Л. И. Менгден и Миша Олсуфьев. Танино рождение. За это время читал статью отца Мамонова о славянофилах – прекрасно. Потом привезенную Левоу книгу Vroglie о Константине, очень полезна – ряд выписок сейчас сделаю, потом книгу Иванцова о ересьях и расколах. Научная болтовня. Потом полученную книгу Биорнсона "In God's way". Серьезно, with a purpose [с тенденцией (англ.)], талантливо очень местами и нескладно, много излишнего и не сшитого. Не умею, как сказать. [...]

6 октября. Ясная Поляна. 90. Проснулся рано, и радостно думать о необходимости написать всю трезвую правду о том, что считается верой, о том безумии, которое признается и повторяется: искупление, творение, таинства, церковь и т. п. Очень ясно представляется, но нет формы. Разумеется, художественная сильнее бы всего. Читал "Revue", хотел писать – не мог. Понемногу лучше. [...]

[8 октября.] 7-го и 8-го октября. 90. Ясная Поляна. Вчера с утра было оживление мысли, и кое-что записал в carnet [записную книжку (фр.)], но работать не мог. Ходил гулять. Очень слаб.

[...] Думал: 1) Обычное рассуждение о том, что рабочие классы свободны работать или нет, образовываться и подняться в высшие слои общества, напоминает мне вопрос той барыни, которая говорила, что у мужиков нет хлеба, так отчего они не едят пирожки? Такое же непонимание не только действительности, но того, о чем и в чем речь. [...]

14 октября. Ясная Поляна. 90. Шесть дней не записывал и не восстанавливаю, да и не стоит. Все время был слаб и ничего не записывал в carnet и не писал, хотя и пытался, кроме двух, даже трех, последних дней. Вчера писал заключение к Балу и нынче в первый раз с увлечением. Похоже, что теперь напишется. Третьего дня был доктор Богомолец, и я с ним переводил статью "Диана" о половом вопросе очень хорошую. Вчера ее изложил и нынче поправил во время сеанса с Ге. Вчера приехала девушка добрая. Сознает пустоты жизни, а не знает того, что без веры жить нельзя. Маша ее устраивает на время здесь, на деревне. Доброе письмо от Новоселова. Много надо ответить писем.

15 октября. 90. Ясная Поляна. Если б. ж. Вчера был Давыдов, как всегда тревожный и неясный. Страшно сказать – 23 октября. Восемь дней. Занятий в эти дни было только – изложение "Дианы", поправка статьи об охоте и рассказ Ги Мопассана – чудный, который перевел Алексей Митрофанович. Вчера писал "Сергия". Немного подвинулся. Вялость мысли. Нынче только записал на память. Ге все лепит. Соня уехала нынче к сыновьям. Нравственно низок. Писал письма Черткову, Дунаеву, Анненковой и Василию Ивановичу. О его женитьбе. Хочу ехать слушать дело в суде. Здоровье чуть держится при большом внимании. Скоро умру. [...]

24 октября. [...] Утром поправил и записал рассказы Ги Мопассана, позируя для Ге. Потом не мог писать. Вечером читал с девочками историю церкви. Не помню, записал ли: Мы не можем ничего знать о том, что есть, а можем знать верно только о том, что должно быть. Много знаний разных, но одно важнее и достовернее всех – знание того, как жить. И это-то знание пренебрегается и считается и неважным, и

недостовверным.

12 часов. Иду спать. Мне грустно. Радостно одно, что к Соне испытываю самую хорошую любовь. Характер ее только теперь уясняется мне.

26 октября. Ясная Поляна. 90. Рано встал. Опять поправлял Мопассана, и ничего не пришлось написать. Напрасно я похвалил третьего дня. Такое беспокойство, тревога, суета, что тяжело. Вообще в унылом духе я. С Левого радостно. Он борется с похотью и как будто готов сдаваться. Вечером читал драму Писемского "Горькая судьбина". Нехорошо.

Да, хорошо бы выразить учение жизни Христа, как я его понимаю теперь.

Три дня не писал. Сегодня 31 октября. Ясная Поляна. 90. Сегодня встал рано - раньше 7, как и все дни, ходил гулять. Молитва продолжает укреплять и двигать меня. Прибавляется, усложняется и уясняется. Потом писал - так как тетради заключенья были у Маши, то стал писать "Сергия", сначала. Кое-что поправил, но, главное, уяснил себе. Надо рассказать все, что было у него в душе: зачем и как он пошел в монахи. Большое самолюбие (Кузминский и Урусов), честолюбие и потребность безукоризненности. Заснул. Ходил гулять, опять молился. Продиктовал Тане письмо, читал "Trinksitten", и теперь 8 часов.

Вчера 30 октября. Ясная Поляна. 90. Встал рано, поспешно прошелся и сел писать. Много и хорошо писал "Заключенье" и поехал в Тулу. Давыдова нет. Суд пропустил. Сходил на почту и вернулся к обеду.

[...] Письмо от Черткова и Гайдебурова. Статья "Дианы" напечатана. Мне как-то жутко за нее. И это скверно. Доказательство, что я не вполне для других делал. [...]

7 ноября. 90. Ясная Поляна. Встал рано, ходил. Сильный мороз. Писал все так же плохо. Иногда думаю, что я лишился силы и способности выражать свои мысли так, как я их выражал прежде, и потому недоволен теперешним слабым выраженьем. И надо кончить. Это ничего. Мне не жалко. И очень хорошо так, как есть. (Молитва скрепляет и очищает, радует меня.) Но беспокоит сомнение: может быть, я должен писать. И потому я пытаюсь и буду пытаться служить этим, так как другим ничем не умею так же полезно служить. [...]

[12 ноября.] Опять прошло три дня, нынче 12-е. Нынче встал, как всегда, рано, здоровее прежних дней, ходил по глубокому снегу, радостно молился. Дома писал: сначала поправлял и пересматривал: очень медленно подвигаюсь, если подвигаюсь, но в голове ясно. Заснул до обеда. Статьи "Вопросов психологии". Скверно льстит тщеславию. У нас Софья Алексеевна и Наташа, и чужая Кудрявцева, которая нынче простилась.

Вчера 11. То же, что нынче. Так же гулял, молился и писал. Решил о церкви писать отдельно - в примечании. Утром заходил к Элпидифоровне. Она живет напряженно. Получил письма от Лескова, неприятно льстивое, и от Ге. Вечером Раевский.

10-го. То же. Ходил навстречу философам. Мало пишу. Чувствовал себя нехорошо.

9-го. То же. Таня принесла письма и от Гайдебурова с ругательными статьями, которые подействовали на меня. Как я далек еще от того, чтобы радоваться, как сказано в Евангелии, когда бранят вас. [...]

Думал за это время:

[...] 3) О Vogue и его фразах о войне. Он, бедный, думает, что он глубокомысленен, и не догадывается о том, что даже тот закон эволюции и подбора, который он приводит, исполнится только тогда, когда он. Vogue, и каждый из нас будет жить свойственно своей природе. Если бы все существующее не исполняло свойственное ему по закону природы, то как же бы совершался этот закон природы. А человеку свойственно искать блага соответственно указаниям своего разума. [...]

[16 ноября.] Три дня пропустил. Нынче 16. Рано встал, ходил. Сильный мороз. Так же молюсь. Писал нынче сначала. Начал с своих впечатлений вследствие издания "В чем моя вера". До сих пор идет складно.

[...] Вчера 15 ноября. Совершенно все то же самое. Только писанье шло хуже. Я писал дальше об угнетении. Думал:

К статье о противлении. Низшие рабочие классы всегда ненавидят и только ждут возможности выместить все накопившее, но верх теперь правящих классов. Они лежат на рабочих и не могут выпустить: если выпустят, им конец. Все остальное игра и комедия; сущность дела – это борьба на жизнь и смерть. Они, как разбойники, караулят добычу и защищают добычу от других. [...]

[18 ноября.] Это было вчера. Писал сначала о непротивлении злу. Кажется, что теперь форма найдена. Хотя и не очень хорошая, но такая, в которую можно уложить много хорошего. Постараюсь не изменить и не отступить. Писал порядочно; заболела голова. Спал очень дурно. И было ужасно тяжело. Ходил на Козловку. Письмо от Емельяна. Вечером читал Гомера девочкам.

[...] Думал о разврате газет: читаю в "Неделе" отчет о моей повести в "Fortnightly Review", где говорится, что юноша пошел с нею, и тем кончается, и что вся повесть написана на тему брачной жизни. Ведь это я знаю, что вранье, но ведь 0,99 известий, сообщений такое же вранье, которое никто не поправляет – некогда: завтра новые новости, а надо поспеть к сроку – месячному, недельному или суточному. Мыслить к сроку. Ведь это удивительно, как силен дьявол, то есть ретроградная сила. Мысль только тогда мысль и плодотворна, когда она ничем не связана: в этом ее сила в сравнении с другими плотскими делами. Так нет же. Взяли ее и заковали в условия времени, чтоб обессилить, обезличить ее. И именно эта-то форма обессиленная стремится поглотить все. Философы, мудрецы свои думы высказывают к 1-му числу месяца, и пророки тоже. [...]

19 ноября. Ясная Поляна. 90. Е. б. ж. к 18-му. Думаю с большой живостью о статье о непротивлении. Все яснее. Хочется тоже свободное художественное. Но не позволяю себе, пока не кончу этого.

Сегодня 21 ноября. Ясная Поляна. 90. Сейчас 12-й час ночи, Соня уехала в Москву. Я читал "Одиссею" с девочками. Перед этим писал письма: 1) Гецу, 2) Солодовниковой, 3) Емельяну, 4) Грибовскому, 5) Черткову, 6) Диллону.

Перед обедом заснул, ходил по шоссе, писал довольно много о религиозных критиках. Вчера 20. Вечером читал, валенки подшивал и очень устал. Утро гулял в контору, писал о светских критиках довольно много. 19 ноября, воскресенье, писал много, и голова заболела. [...]

22 ноября. Ясная Поляна. 90. Если б. жив.

Да, к статье: светские критики – нравственные кастраты, у которых вынут нравственный нерв, сознание творимости жизни своей силой.

И еще то, что церковь – это завеса, скрывшая дверь спасенья, открытую Христом. Люди, не видя ее, мечутся, как отчаянные.

23 ноября. Ясная Поляна. 90. Вчера и нынче, как заведенные часы, жил, и писал, и молился. Писал много. Перешел к церкви и подвигаюсь хорошо. Но вечером усталость мысли полная. [...]

Нынче 28. Встал поздно. Ге приехал вчера. Я утром свиделся с ним. Все хорошо рассказывает – немного осудителен. И тяжело. [...]

[...] Вчера 27 в Крапивне. Встал очень рано, пошел ходить, к полиции и потом – в острог. Опять убеждал подсудимых быть единогласными; напилсь кофе, и пошел в суд. Жара и стыдная комедия. Но я записывал то, что нужно было для природы. Потом поехали ночью. Метель, и было жутко. Доехали хорошо. [...]

Нынче 15 декабря. 11 дней не писал. Жил приблизительно так же: так же гулял и молился, так же медленно подвигался в писании своей статьи. Были 1) Русанов с Буланже. Очень радостное оставили впечатление. Потом Буткевич Анатолий и Андрей. Известие о том, что жандарм собирался ко мне по случаю отсылки Буткевичем гектографированных статей. Потом Анатолий Буткевич с женою. Очень хорошие, радостные. Перед ними еще старый человек, самарский каретник Панов, отрицатель православия, вольнодумный самобытный христианин. Слишком занят отрицанием. Потом

Диллон. Нынче только уехал. Мне было тяжело отчасти потому, что я чувствовал, что я для него матерьял для писания. Но умный и как будто с возникнувшим религиозным интересом. Сейчас проводил Булыгина. Надо помогать ему духовно, и я старался, как умел.

Нынче утром вышел, и меня встретил Илья Болхин с просьбой простить: их приговорили на шесть недель в острог. Очень стало тяжело, и целый день сжимает сердце. Молился и еще буду молиться и молюсь, чтобы бог помог мне не нарушить любви. Надо уйти. Забыл записать славного милого гостя - Пошу. Он очень хорош, ясен, открыт, правдив, чист, и такова же Маша, и мне радостно.

За это время думал: [...] 2) Благодаря цензуре вся наша литературная деятельность - праздное занятие. Единое что нужно, что оправдывает это занятие (литературой), вырезается, откидывается [цензурой]. Вроде того, как если бы позволяли столяру строгать только так, чтоб не было стружек. И напрасно думают писатели, что они обманут правительственную цензуру. Обмануть ее нельзя, как нельзя обмануть человека, которому бы потихоньку, без ведома его, хотели бы поставить горчичник. Как только начнет действовать, он сорвет его.

[...] Писал нынче - немного, но как будто подвигаясь. Начал вчера коневскую сначала. Очень весело ее писать. Теперь 10. Иду наверх. Помоги, отец, перед тобою, живя для твоей любви, развязать зло.

16 декабря. Ясная Поляна. 90. Если буду жив.

[16 декабря.] И точно, если буду жив. Вчера лег и не мог спать. Сердце сжималось, и, главное, мерзкая жалость к себе и злоба к ней. Удивительное состояние! При этом нервный подъем, ясность мысли. Я бы мог написать этими усилиями прекрасную вещь. Встал с постели в 2, пошел в залу ходить. Вышла она, и говорили до 5-го часа. То же, что бывало. Немного мягче с моей стороны. Кое-что высказал ей. Я думаю, что надо заявить правительству, что я не признаю собственности и прав, и предоставить им делать, как они хотят. [...]

[21 декабря.] Встал очень рано. Разбудила телеграмма. Соня родила сына. Писал - все о церкви, и все медленно движется вперед. Приехали Илья и философов и Таня. Все после обеда ничего не делал. Вялость мысли.

[25 декабря.] Нынче 25. Вечер, восемь часов. Сейчас делали елку. Я сидел внизу и читал Ренана. Замечательно умно. Перед обедом гулял, спал и у Левы просил прощения за то, что огорчил его. Начался во время чая при Дунаеве разговор об образе жизни, времени repas [принятия пищи] (фр.); он упрекал мать; а я сказал, что он с ней вместе. Он сказал, что они все говорят (и необыкновенно это), что нет никакой разницы между Машей, Чертковым и им, а я сказал, что он не понимает даже, в чем дело, сказал, что он не знает ни смирения, ни любви, принимает гигиенические заботы за нравственные. Он встал с слезами в глазах и ушел. Мне было очень больно и жалко его, и стыдно. И я полюбил его. Поговорил, но жалко, что было. Так что ничего не писал. Ночь плохо спал.

Вчера вечером приехал Дунаев. Утром я писал немного. С Сережей неловко и чуждо. Третьего дня приехала Маша Кузминская с Эрдели. Жаль их. Нехорошо. Все эти дни получал письма ругательные. Яснополянский тартюф. И больно и потом хорошо. Письма от шекеров хорошие. [...]

26 декабря. Встал рано. Просил Васю убрать комнату. И когда после кофе пришел и не убрано, позорно оскорбился, рассердился. Гордость! Гадость. Писал все то же о церкви. Как будто подвинулся. Но мало.

С утра записал: церковь, научая людей знать истину и не делать, атрофировала в людях нравственный нерв.

Читал о пари Паскаля S. Prudhomme. Теперь 12, ложусь спать. Хочется писать художественное. Лева скучен и серьезен, или мне кажется.

[27 декабря.] Писал немного, плохо. Вечером пляски. Дунаев уехал. Мне хорошо с ним. Неперестающий упадок духа.

28 декабря. Ясная Поляна. 90. Нынче дурно спал, болело под ложечкой. Был Раевский. Читал вечером "Церковь и государство". Все там сказано. Писал немного.

Теперь 11, иду наверх и потом спать.

[31 декабря.] Нынче 31. Вечер. 11 часов. Утром встал рано. Писал много. Пересматривал назади, три главы почти готовы, и все дело принимает вид. Ходил далеко гулять. Вечером прочли прекрасную статью Лескова. Письмо от Черткова и статьи об искусстве. Написал письма ему и Лескову.

Вчера 30. То же. Были Буткевич и Пастухов. Я им читал. Я очень нравственно и умственно опустился. Вчера ужасная тоска.

29. То же. Были Зиновьевы и Джульяни. Мне очень тяжело с Зиновьевым.

Ну-с. 1891. Январь 1. Если буду жив. Все ждал, что что-то случится в период, когда мне 63, содержащиеся 30 раз в 1890. Ничего не случилось. Точно я не знаю, что все, что может случиться извне, ничто в сравнении с тем, что может сделаться внутри.

Дневник - 1891

1 января. Ясная Поляна. Приехал Колечка. Все такой же. Еще лучше. Ничего не писал в этот день.

[5 января.] Вчера 4-е, писал довольно много. Подвигаюсь медленно. Вечером начал было писать об искусстве, но не запутался, а слишком глубоко запахал. Попробую еще. Говорил радостно с Колечкой. Целый день метель.

6-го января. Ничего особенного. Писал об искусстве. Остановился. Сил мало. Приехал Булыгин. Хорошо.

Нынче 15 января. Ясная Поляна. 91. Все эти дни, за исключением одного, писал. Подвинулся несколько. Клобский был. Он хорош. Я мог, должен бы быть лучше. Много думал об искусстве. В мыслях подвинулось, но не на бумаге. Думал: думать, что внешними условиями можно изменить свою жизнь, все равно, что думать, как я, бывало, маленький, что, севши на палку и взяв ее за концы, я могу поднять себя. [...]

Нынче 25 января 91. Ясная Поляна. Девять дней не писал. Все это время писал понемногу свою статью. Подвинулся. Шесть глав, могу сказать, кончены. Два раза брался за науку и искусство, и все перемарал, вновь написал и опять перемарал, и не могу сказать, чтобы подвинулся. Два дня, вчера и нынче, ничего не писал. Читал за это время журналы, а главное Renan'a. Самоуверенность ученого непогрешимого паразитерна. [...]

Писал письма кое-кому, между прочим Хилкову и Колечке. Был в Туле. Посетителей никого заметных не было. Сережа и Илюша. С Сережей все так же тяжело. Он все более и более удаляется с своей службой, которая представляется ему делом. Илья, которого я отвозил, сказал мне: за что ты так Сережу преследуешь? И эти слова его звучат мне беспрестанно укором, и я чувствую себя виноватым. [...] Все это последнее время нравственно отупел. Думал:

Кухаркин сын Кузька, ровесник Ванечки, пришел к нему. Ванечка так обрадовался, что стал целовать его руки. Так естественно радоваться всякому человеку при виде другого; естественно, увидав швейцара, отворившего дверь, так быть радым ему, чтобы целовать его руку.

Нынче, гуляя и думая о ворах, ясно представил себе, как вор, дожидаясь того, кого он хочет ограбить, и узнав, что он не поехал в этот день или поехал другой дорогой, сердится на него, считает себя им обиженным и с чувством сознания своей справедливости собирается за это отомстить ему. И, живо представив себе это, я стал думать о том, как бы я написал это, а потом стал думать, как бы хорошо писать роман de longue haleine [объемный, буквально: большого дыхания (фр.)], освещая его теперешним взглядом на вещи. И подумал, что я бы мог соединить в нем все свои замыслы, о неисполнении которых я жалею, все, за исключением Александра I и солдата: и разбойника, и коневскую, и "Отца Сергия", а даже переселенцев и "Крейцерову сонату", воспитание. И Миташу, и "Записки сумасшедшего", и нигилистов. И так мне весело, бодро стало. Но пришел домой, взялся за науку и искусство, помарал и запнулся. И целый день ничего не делал.

Теперь 8-й час, иду наверх.

26 января. Ясная Поляна. 91. Ес. б. ж. как бы я был счастлив, если бы записал завтра, что начал большую художественную работу. Да, начать теперь и написать роман имело бы такой смысл. Первые, прежние мои романы были бессознательное творчество. С "Анны Карениной", кажется, больше 10 лет, я расчленил, разделял, анализировал; теперь я знаю что что и могу все смешать опять и работать в этом смешанном. Помоги, отец.

[11 февраля.] Опять прошло 5 дней. Нынче 11. Вчера писал о науке и искусстве. Мало подвинулся; но все ясно. Нет энергии. За эти дни были все статьи в газетах ругательные. О "Послесловии" - Суворина. О "Плодах просвещения" в Берлине, что я враг науки. То же у Бекетова. И вчера *coup de grace* [последний удар (фр.)] - тем более, что я был не в духе (и как я рад этому!) в "Open Court" статья о Бутсе и обо мне, как об образцах фарисейства - говорить одно, а делать другое, - говорить, что отдать все нищим, а самому увеличивать именье продажей этой самой проповеди. И ссылаться на жену. Как Адам - жена дала мне, и я ел. Очень больно было, и теперь больно, когда пишу. Но не следует, чтоб было больно, и могу стать в то положение, чтоб не было больно; но очень трудно.

Я фарисей: но не в том, в чем они упрекают меня. В этом я чист. И это-то учит меня. Но в том, что я, думая и утверждая, что я живу перед богом, для добра, потому что добро - добро, живу славой людской, до такой степени засорил душу славой людской, что не могу добраться до бога. Я читаю газеты, журналы, отыскивая свое имя, я слышу разговор, жду, когда обо мне. Так засорил душу, что не могу докопаться до бога, до жизни добра для добра. А надо. Я говорю каждый день: не хочу жить для похоти личной теперь, для славы людской здесь, а хочу жить для любви всегда и везде; а живу для похоти теперь и для славы здесь.

Буду чистить душу. Чистил и докопал до материка - чую возможность жить для добра, без славы людской. Помоги мне, отец. Отец, помоги. Я знаю, что нет лица отца. Но эта форма свойственна выражению страстного желания. [...]

Опять неделя. Нынче 14 февраля. Ясная Поляна. 91. Кажется, в тот самый день, когда я писал последний дневник, опять стал читать дневник, который переписывает Соня. И стало больно. И я стал говорить ей раздражительно и заразил ее злобой. И она рассердилась и говорила жестокие вещи. Продолжалось не более часа. Я перестал считаться, стал думать о ней и любовно примирился. "Нагрели мы". Таня и Маша больны. Таня истерична - мила и жалка.

[...] Сейчас думаю про критиков:

Дело критики - толковать творения больших писателей, главное - выделять, из большого количества написанной всеми нами дребедени выделять - лучшее. И вместо этого что ж они делают? Вымучат из себя, а то большей частью из плохого, но популярного писателя выудят плоскую мыслишку и начинают на эту мыслишку, коверкая, извращая писателей, нанизывать их мысли. Так что под их руками большие писатели делают маленькими, глубокие - мелкими и мудрые глупыми. Это называется критика. И отчасти это отвечает требованию массы ограниченной массы - она рада, что хоть чем-нибудь, хоть глупостью, припилен большой писатель, и заметен, памятен ей; но это не есть критика, то есть уяснение писателя, а это затемнение его. [...]

читаю "Our destiny" Gronlund'a. Много хорошего; например, он говорит, что если бы люди были свободны волею совершенно, то это было бы величайшее бедствие. Человек не может украсть так же, как не может полететь. Хорошо тоже, что равенство, он говорит, должно быть экономическое а пользования, но не равенство в производстве. А при теперешнем порядке, напротив, устанавливается равенство в производстве - гениальный музыкант или поэт ткет на фабрике; а экономически два совершенно равные ничтожества разделены пучиной - один на вершину роскоши, другой на низу нищеты.

Хорошо тоже то, что я, кажется, давно уже где-то записал, что нелепо говорить об одинаковой обязательности условия, в котором на одной стороне выдача 0,00001 состояния (положим, поденная плата), с другой - целый весь день четырнадцатичасового труда, то есть вся жизнь дня. Я писал и говорил, что правительство, которое требует с обеих сторон одинакого исполнения и казнит

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
одинаково за неисполнение, прямо нарушает истинную справедливость, соблюдая внешнюю. [...]

[16 февраля.] Все та же усталость и равнодушие. Начал шить сапоги. Разговор с Павлом напомнил мне настоящую жизнь: его мальчик с мастером, выстоявший шесть пар сапог в неделю, для чего работает шесть дней по восемнадцати часам от 6 до 12. И это правда. А мы носим эти сапоги.

Сейчас, нынче 16 февраля. Ясная Поляна. 91, зашел к Василью - с разбитыми зубами, нечистота и ружья, и воздуха и холод - главное, вонь - поразили меня, хотя я знаю это давно. Да, на слова либерала, который скажет, что наука, свобода, культура исправит все это, можно отвечать только одно: "Устраивайте, а пока не устроено, мне тяжелее жить с теми, которые живут с избытком, чем с теми, которые живут лишениями. Устраивайте, да поскорее, я буду дожидаться внизу". Ох, ох! Ложь-то, ложь как въелась. Ведь что нужно, чтобы устроить это? Они думают - чтоб всего было много, и хлеба, и табаку, и школ. Но ведь этого мало. Серега, грамотный, украл деньги, чтобы съездить в Москву. Он б..... отец бьет. Константин ленится. Чтоб устроить, мало материально все переменить, увеличить, надо душу людей переделать, сделать их добрыми, нравственными. А это не скоро устроите, увеличивая материальные блага. Устройство одно сделать всех добрыми. А чтоб хоть не сделать это, а содействовать этому, едва ли не лучшее средство - уйти от празднующих и живущих потом и кровью братьев и пойти к тем замученным братьям? Не едва ли, а наверно.

Вчера думал:

[...] 2) читал "Review of Reviews" (отвратительно), но там статья против стачек; доказывается, что в Австралии капиталисты победили, стакнувшись. И в самом деле, как ясно, что против стачек стачки, и капиталисты, то есть те, кого защищает власть, сила, всегда будут сильнее. [...]

17 февраля. Ясная Поляна. 91. Собрался вчера было охотиться в Пирогово, да раздумал. Читал Montaigne и Эртеля. Первое старо, второе - плохо. Очень не в духе, но хорошо беседовал и с детьми и с Соней, несмотря на то, что она очень беспокойна. Сегодня приехал Ге с женой и картиной. Картина хороша. Что за необыкновенная вещь это раздражение - потребность противоречить жене. Теперь 12-й час. Не начинал еще писать. Хочу писать, не поправляя, до конца. С тем, чтобы потом все поправлять сначала. Едва ли выйдет. В "Русских ведомостях" статья Михайловского о вине и табаке. Удивительно, что им нужно. Но еще удивительнее, что меня в этом трогает и занимает. Помогите, отец, служить только тебе и ценить только твой суд.

26 февраля. Ясная Поляна. 91. Теперь 10 утра. Думал ночью и сейчас разговаривал с Горбуновым о науке и искусстве.

[...] Вчера прочел место Diderot о том, что люди будут счастливы только тогда, когда у них не будет царей, начальств, законов, моего и твоего. Теперь 11-й час.

[1 марта.] 27, 28 февраля - 1-е марта 91. Ясная Поляна. Третьего дня ездил верхом в Тулу за лекарством и вечером заевой, Таней и Мамоновой. Утром мало писал; но как будто уяснилось.

[...] Нынче - с утра, после дурной ночи, много и ясно писал о непротивлении злу. Подвигаюсь. Вечером спал и читал Ибсена и Гейне. [...]

5 марта. Ясная Поляна. 91. Встал рано, написал прошение Курзику. Ходил. Молюсь. Очень тяжело мне было нынче. Соня говорит о печатании, не понимая, как мне это тяжело. Да, это я особенно больно чувствую, потому что мне на душе тяжело. Тяжела дурная барская жизнь, в которой я участвую. Ничего не писал. И не принимался. Читаю Gronlund'a. Недурно, но старо, пошло.

Думал: я читал статью Козлова против меня, и мне не было несколько больно. И думаю, это оттого, что последнее время много мне было уроков, уколов в это место: притупилось, замозолилось, или, скорее, я немного исправился, стал менее тщеславен. И думаю, как же благодетельна не только физическая, но нравственная боль! Только она и учит. Всякая боль: раскаяние дурного дела как нужно; если не мне уж самому, то другим, кому я скажу. Так это со мной. Все страдания нравственные я хочу и могу сказать людям. Думал о себе, что для того, чтобы выйти из своего тяжелого положения участия в скверной жизни, самое лучшее и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
естественное написать то, что я пишу и хочу, и издать. Хочется пострадать.
Помоги, отец. Теперь 11. Иду наверх и спать.

Нынче 9 марта. Ясная Поляна. 91. Все три дня писал, хотя немного, но толково, и подвигаюсь. Кажется, кончаю четвертую главу. Лева был, уехал вчера. Накануне его отъезда был разговор о наследственности. Он настаивал, что она есть. Для меня признание того, что люди не равны в leur valeur intrinseque [своей внутренней ценности (фр.)], все равно, что для математика признать, что единицы не равны. Уничтожается вся наука о жизни. Все время грустно, уныло, стыдно.

[...] 2) Бросил щепку в водоворот ручья и смотрю, как она крутится. Пароход - только побольше немного - такая же щепка, земля - пылинка, лет, минута - все ничто, все материальное ничто, одно реальное, несомненное, закон, по которому все совершается, и малое и большое - воля божия. [...]

3) Читал прелестное определение Henry James (senior) [Генри Джемса (старшего) (англ.)] того, что есть истинный прогресс. Прогресс есть процесс, подобный образованию, высеканию статуи из мрамора, élimination [исключение (фр.)] всего лишнего. Мрамор, материал - ничто. Важно высекание, отделение лишнего.

[...] 6). Нынче думал о том, что все художественные произведения наши все-таки языческие (буду говорить о поэзии) - все герои, героини красивы, физически привлекательны. Красота впереди всего. Это могло бы служить основой целому большому художественному произведению.

Я нынче утром сказал Соне с трудом, с волнением, что я объявлю о праве всех печатать мои писанья. Она, я видел, огорчилась. Потом, когда я пришел, она, вся красная, раздраженная, стала говорить, что она напечатает... вообще что-то мне в пику. Я старался успокоить ее, хотя плохо, сам волновался и ушел. После обеда она подошла ко мне, стала целовать, говоря, что ничего не сделает против меня, и заплакала, Очень, очень было радостно. Помоги, отец. Забыл что-то важное. Теперь 9-й час вечера, иду наверх.

[13 марта.] Нынче 13, ночь. Сейчас уехала Соня в Москву с Давыдовым. Нынче утром уехал американец Creelman, от которого я очень устал. Поверхностный, умственно способный человек, республиканец, американский аристократ. Он приехал третьего дня. И поглотил оба дня. В эти дни был еще Никифоров, с которым было очень хорошо. И Вячеслав, приехавший 10-го. В этот день я немного работал и ездил в Тулу к Давыдову узнать о деле мужиков. Можно устроить. С Соней очень хорошо. Нынче, смотрю, она разложила карточки всех детей, кроме Ванечки, и гордится и любит. Трогательно. Нынче пересматривал писанье, поправлял. Все более и более уясняется. Думал многое и забыл. Одно записано:

Люди мало знают, оттого что они или думают о том, что не дано их пониманию, недоступно им: бог, вечность, дух и т. п., или о том, о чем не стоит думать: о том, как мерзнет вода, о теории чисел, о том, какие бактерии в какой болезни и т. п. То перехватят, то недохватят. Один узкий путь знаний, как и добра. Знать нужно только то, как жить.

Получил Diderot. Много хорошего. Что-то напечатано в "Review of Reviews". "Come to your senses, oh men!" [Опомнитесь, о люди! (англ.)]. Но знаю что.

Нынче 17 марта 91. Ясная Поляна. Напечатанное в "Review of Reviews" это "Н. Палкин". Все эти дни все в том же упадке духа. Ничего не писал. Только пересматривал. Соня была в Москве, нынче вернулась. Получил письмо и "Arena" с перепиской Vallou. очень хорошая. [...]

[18 марта.] Встал очень рано. Заснул. Не сказать, чтобы писал, а только перечитывал, поправляя. Поразительная слабость мысли - апатия. Искушение, как говорят монахи. Надо покориться мысли, что моя писательская карьера кончена: и быть радостным и без нее. Одно, что без нее жизнь моя в роскоши до того ненавистна мне, что не перестаю мучиться. Читал "Autobiography of a shaker" ["Автобиографию шекера" (англ.)]. Много прекрасного. Потом в "Arena" Abbot'a "What is christianity" ["что такое христианство" (англ.)], - прекрасно. Отчасти то, что я хотел сказать. Вот сейчас думаю взяться за писанье и неохота, апатия. А сколько хороших художественных задач.

Вчера получил от Черткова его статью - очень хорошо. Надо писать ему. Молюсь, но

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
ни умственного, ни художественного, ни духовного движения нет. [...]

Нынче 24 марта. Ясная Поляна. 91. Работал за это время, уяснил себе 3, 4 и 5-ю главу и дал переписывать. И взялся за 6-ю, которая тоже ясна в голове, но еще не написал. За это время думал: [...] 2) Во сне видел тип неясности, слабости: ходит, спустивши кисти рук, мотает ими, как кисточками.

[...] 6) Вчера, ехавши в Тулу, думал и сам не знаю, грех ли то, что думал, - думал, что я несу тяжелую жизнь. Живу я в условиях, обстановке жизни чувственной - похоти, тщеславия, и не живу в этой жизни, тягочусь всем этим: не ем, не пью, не роскошествую, не тщеславлюсь - или хотя ненавижу все это, и эта ненужная, чуждая мне обстановка лишает меня того, что составляет смысл и красоту жизни: общение с нищими, обмен душевный с ними. Не знаю и не знаю, хорошо ли делаю, покоряясь этому, портя детей. Не могу, боюсь зла. Помоги, отец.

7) Как легко мы говорим, что простили обиды. 3-го дня Ванечка ударил Кузьку. Я сказал, что он дурной мальчик. Он обиделся и был не в духе и стал избегать меня и говорить, что он не будет ходить со мной, не пустит меня в свою комнату. И что ж! Я оскорбился, во мне поднялось недоброе чувство к нему, желание сломить его. Я с видом игнорирования его нарочно прошел в его комнату, в которую он не пускал.

Нет, трудно нам, порченным гордецам, прощать обиду, забывать ее, любить врагов, даже таких, как милый 3-хлетний сын Ванечка.

8) Читаю письмо нынче еврея о своих гонениях, и он пишет: "Пора" оставить и т. д. Какой прекрасный, искренний оборот. Но стоит его высказать, и сейчас его подхватят и начнут употреблять неискренно, и пропала сила выражения. Прекрасно говорит Шопенгауэр: новое редко бывает хорошо, потому что хорошее недолго остается новым.

[...] 10) Путешествия, чтения, знакомства, приобретения впечатлений нужны до тех пор, пока эти впечатления перерабатываются жизнью, когда они отпечатываются на более или менее чистой поверхности; но как скоро их так много, что одни не переварились, как получают другие, то они вредны: делается безнадежное состояние поноса душевного - все, всякие впечатления проскакивают насквозь, не оставляя никакого следа. Таких я видал туристов-англичан, да и всяких. Таковы герцоги разные, короли, богачи.

[...] 12) Вчера читал Diderot о науках, о математике и естественных, физических, как он называет, науках, и о пределах их, определяемых только полезностью, - прекрасно. [...]

25 марта. Ясная Поляна. 1891. Дурно спал. Надо кончить. Встал очень рано. Ходил гулять и очень, как редко, живо представил - воспитание художественное. Лопухину. Мать. Вопрос матери. "Записки матери". Много хорошего художественно лезло и лезет в голову. Потом писал 6-ю главу и кое-как кончил; отнес определение жизнепонимания в 7-ю. Очень ясно все представляется. Теперь 12, иду завтракать. Наши все едут в Тулу.

Писал, гулял, спал. Вечером написал кучу писем: Страхову, Цертелеву, Гольцеву, Гроту.

26 марта. Ясная Поляна. 1891. Заснул поздно, встал рано, и не было охоты писать; только написал еще три письма Попову, Поше и Файнерману. Но зато уяснилось заключение статьи о том, что отрицать войну, то есть признавать закон неубийства, могут только признающие закон половой чистоты.

Мальчики приехали. Теперь 1-й час, иду завтракать. Приехала Соня с Ильей. И все вздорили из-за денег. Мне было очень грустно. Разговоры о лошадях, колясках, о деньгах, о продаже сочинений, XIII томе и еще неприятное. Я был уныл и жалел себя: скверно. По крайней мере, не осуждал других и уж видел свою вину.

27 марта. Ясная Поляна. 91. Писал немного. Подвигаюсь, уясняется; но очень медленно. Вчера Соня с Ильей помирились. Маша нездорова. Теперь скоро 3. Я все читал свои маленькие записки 70-х годов - картины природы. Очень хорошо. Утром, гуляя, думал о "Записках матери". Все яснее. Не знаю, что будет. Газеты и журналы раздражают меня. Хочу не читать их вовсе. Записывал для статьи о

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
непротивлению злу насилием.

Нынче 9 апреля. Ясная Поляна. 91. Ничего особенного. Соня все в Петербурге, меня иногда огорчает ее поездка, но нынче ночью проснулся, стал думать и досадовать, но сказал себе: это хорошо, мне хорошо, испытание. И сейчас же легче стало, исчезло лицо, а осталось дело – испытанье. И совсем легко стало, так легко, что заснул.

Вчера был Миташа с Исаковым, типа самоуверенного, высшего светского борова, распущенного, расслабленного и добродушного. Я был с ним нехорош, не достаточно помнил его пользу. Нынче приехал Попов. Письмо нынче хорошее от Исаака и от Анненковой женское. За это время был Лева. Очень приятен – растет. И было подряд два раздражающие и расслабляющие дела: статьи Рода и Страхова. Еще ругательства немцев. Это здорово, всегда здорово. Читал Diderot и кончил. Начал Guiyot. Плохо – неясность молодости. Записано ничего не было, кроме того, что к статье.

Вчера начал писать "Записки матери". Написал много, но годится только для того, чтобы убедиться, что так не нужно писать. Слишком бедно; надо писать от себя. Нынче целый день болит под ложечкой. Теперь 10 часов вечера.

Кажется, 18 апреля, 1891. Ясная Поляна. Соня приехала дня три тому назад. Было неприятно ее заискиванья у государя и рассказ ему о том, что у меня похищают рукописи. И я было не удержался, неприязненно говорил, но потом обошлось, тем более, что я из дурного чувства был рад ее приезду. Она стихийна, но добродушна ко мне, и если бы только помнил всегда, что это препятствие – оно, но не она, и что сердиться и желать, чтобы было иначе, нельзя. "Записки матери" писал другой раз, на другой день, но с тех пор оставил. Очень занят своей статьей, но, к несчастью, все опять переправляю, опять 3-ю и 4-ю главу. Приехали Илья с Цуриковым и Нарышкиным и Сережа и Лева, и они делились. Мне приходится отступить от прежнего намерения – не признавать свое право на собственность, приходится дать дарственную. Маша отказывается, разумеется, и ей неприятно, что ее отказ не принимают серьезно. Я ей говорю: им надо решить: хорошо или дурно иметь собственность, владеть землей от меня? Хорошо или дурно отказаться? И они знают, что хорошо. А если хорошо, то надо так поступить самим. Этого рассуждения они не делают. А на вопрос о том, хорошо или дурно отказаться? не отвечают, а говорят: "Она отказывается на словах, потому что молода и не понимает". Как мне тяготиться жизнью, когда у меня есть Маша! Лева и Таня тоже милы, но они лишены нравственно религиозного рычага, того, который ворочает. Алексей Митрофанович показывал мне дифференциальное счисление. Я понял, очень хорошо. Писем особенных нет. Все просят прислать запрещенные сочинения.

Записано: 1) Труд для других не тот, которым воспользуются другие, а только тот, цель которого служение другим. Только этот труд плодотворен, служит истинной жизни людей, тот, про который люди знают, что он по любви делается для них.

[...] 3) Лихтенберг говорит: люди – ученики, природа – учитель; ученики в состоянии понимать учителя, но они, вместо того чтобы слушать учителя, сдирают друг у друга, уродуя сдираемое ошибками. Прекрасно.

4) Разговаривал с Цуриковым о вере. Он повторяет ужасную фразу о том, что разуму нельзя доверять. Не верить разуму – все равно, что не верить обонянию и вкусу для пищи. Тот, кто, преподавая учение, говорит: принимайте его, не доверяя разуму, – делает то же, что говорит баба, подавая гнилой квас, говоря: не раскушивайте, т. е. не нюхивайтесь, не поверяйте вкусом. Разум, нужный на все, на проверку всех житейских дел, и который мы старательно употребляем для проверки качества покупаемого, продаваемого, самых неважных вещей, вдруг оставить, когда дело идет о всей жизни – по их понятиям даже и вечной жизни! Требование не доверять разуму может быть заявлено только теми, которые предлагают что-либо дурное, долженствующее быть отвергнуто разумом; так же как только квас гнилой баба советует не раскушивать. 5) Разум церковниками употребляется не на то, чтобы познавать истину, а чтобы то, что хочется считать истиной, выдать за таковую.

Теперь 11 час, иду вверх. На Козловку поехали за Дунаевым. Сейчас был в Бабурине у пьяного мунгнка и больной жены. Как не нужны деньги. [...]

Не писал десять дней. Нынче 2 мая. Ясная Поляна. 91. Все время писал. Кажется, все дни, кроме сегодняшнего. И только кончил 3-ю и 4-ю главу, которые соединил

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
из 5-й и 6-й. Становится яснее. Лева хочет выходить из университета, мне жалко его. Таня уехала в Москву. Здесь Илья. Грустно, как холодно с ним. Вчера был Давыдов с смотрителем приюта и Львовым. Тут же сходка и приезд господина Костерева, от Орлова. Господин, которому я не нужен и который мне не нужен. Тяжело, что не можешь обойтись любовно. Соня больна. Я молюсь. Читаю "Ethics of diet" ["Этику пищи" (англ.)], прекрасно, и читал Платона "Les lois" ["Законы" (фр.)]. Письма от Митрофана, хорошие, надо ответить, от Никифорова и Диллона. Надо ответить Рахманову. О постниках статьи вместе с "Ethics of diet", очень занимает об нашем обжорстве. Записано: 1) Тип самодовольный, искренно считающий себя нравственным – развратник, потому что соблюдает семейные обряды, декорум.

[...] 4) Разговаривал вчера о воспитанье. Зачем родители отдают от себя в гимназию? Мне вдруг ясно стало. Если бы родители держали его дома, они бы видели последствия своей безнравственной жизни на своих детях. Они видели бы себя, как в зеркале, в детях. Отец пьет вино за обедом с друзьями, а сын в кабаке. Отец на бале, а сын на вечеринке. Отец ничего не делает, и сын тоже. А отдай в гимназию, и завешено зеркало, в котором себя видят родители.

5) Иду по жесткой дороге, в стороне с бойкой песней идут с работы пестрые бабы. Промежуток между напевом, и слышен мерный стук моих ног о дорогу, и опять поднимается песня, и опять затихла и стук шагов. Хорошо. В молодости, бывало, без песни баб, внутри что-то всегда или часто пело. И все – и звук шагов, и свет солнца, и колебание висячих ветвей березы, и все, все как будто совершалось под песню.

Теперь 10-й час, иду наверх к Илюше. Александр Петрович уходит. Он очень мил.

Нынче 10 мая. Ясная Поляна. 1891. Подвигался, хотя и медленно, в работе за это время. Два дня, вчера и нынче, совсем пропали – грипп сильнейший. За это время были Урусовы – мать с двумя дочерьми. Мэри играет на фортепьяно прекрасно. Но совсем затуманенная искусством девушка. С нею сделано то самое, чего боялся ее отец. Она не замечает, что она, потратив столько жизни на искусстве, должна себя подстегивать, чтобы считать искусство чем-то возвышающим, небесным. И чем лучше, тем хуже – все заслонено. "Education des le berceau" ["Воспитание с колыбели" (фр.)] – книга Урусовой; в ней главное развивать эстетическое чувство. Она, Мэри, машина для произведения щекочущих звуков. Иллюзия в том, что, так как ее хвалят, она уверена, что то, что она делает, хорошо. Певцы. Мазини.

Вчера был сельский учитель из Калужского уезда – наивный и разумный. Ничего не читал, но понимает, что критики обманывают. Хорошее было письмо от Черткова, который осуждает за резкость в статье. Вчера отвечал ему и написал Митрофану и Рахманову.

Думал: 1) Когда человек умирает, то сознание отделяется от него и, как созревшее, отпавшее семя, ищет зацепиться за что, прижиться к чему-нибудь, к нужной ей почве, чтобы начать жить снова. Если бы зерно, засыхая и отпадая, чувствовало бы, оно чувствовало бы прекращение жизни. Разве не то же самое чувствует человек, умирая?

2) Верить в то, что человеку, а потому и человечеству, как собранию людей; стоит только захотеть, чтобы с корнем вырвать из себя зло.

3) Главная забота людей и главное занятие людей, это не кормиться кормиться не требует много труда, – а обжорство. Люди говорят о своих интересах, возвышенных целях, женщины о высоких чувствах, а об еде не говорят; но главная деятельность их направлена на еду. У богатых устроено так, чтобы это имело вид, что мы не заботимся, а это делается само собой. Все вообще, в среднем, едят, я думаю, по количеству втрое того, что нужно, и по ценности, по труду приобретения – в 10 раз больше того, что нужно. Это одна из главных перемен, которые предстоят людям. [...]

Нынче 22 мая. Ясная Поляна. 1891. Одиннадцать дней не писал. С тех пор вернулась из Москвы Соня с детьми, кажется, 13-го. Потом. У меня сделалось воспаление века. Три дня не выходил. Диктовал Тане начало "Записок матери". Много, но нехорошо. Надо писать от себя. А то стеснительно. 16 приехали Кузминские и Эрдели. Незаметно. [...]

Думал: [...] 8) Запутавшийся юноша жил у приятеля: денег нет, места нет,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

приятеля утруждать совестно. "Я несчастный!" Зачем жить. Продал пальто, пошел в баню, взял номер с ванной и отворил себе вены бритвой. Пришли, он без чувств. Перевязали раны, стали лечить. Остался жив, но слепой и без владения рук и ног. Теперь дрожит за свою жизнь, и все силы его посвящены на поддержание здоровья. Если бы человек убивал себя не сразу, а ступенями, ступенями десятью, и так, чтобы на каждой ступени, то есть отбавив жизни на известную долю, он мог бы спросить себя: продолжаешь ли хотеть умереть, то, я думаю, чем больше бы отбавлял себе человек жизни, тем больше дорожил бы остатком и в каких-то огромных степенях, так что человек никогда бы не убил себя. (Это неясно.)

9) К художественному: Я не то что ем или пью, а я занимаюсь искусством, играю на фортепьяно, рисую, пишу, читаю, учусь, а тут приходят бедные, оборванные, погорелые, вдовы, сироты, и нельзя в их присутствии продолжать, совестно. Что их нелегкая носит, держались бы своего места, - не мешали.

Такое явление среди еды, lawn tennis [лаун-теннис (англ.)] и занятий искусством и наукой доказывает больше всяких рассуждений.

Забыл записать, что один из этих последних дней я писал "Отца Сергия". Решил кончить все начатое. Написал дурно, но пригодится. От Давыдова получил очень хорошее дело для коневского рассказа. Теперь 11-й час, иду пить кофе.

2 июня. Ясная Поляна. 1891. Мало работал за это время; хотя подвинулся. Начинаю сомневаться в значении того, что пишу. Гостей было пропасть: Раевские, фесенко, Анненкова, ее муж и Нелюбов, Самарин, Бестужев. За все это время ничего не записано. Нынче утром что-то всплыло ясное и нужное - не к статье, но близкое, и забыл. Ходил в Тулу, был на бойне, но не видал убийства. В Туле же видел женщину; глаза близко и прямые брови, как будто готова плакать, но пухлая, милостивая, жалкая и возбуждающая чувственность. Такая должна быть купчиха, соблазнившая отца Сергия. [...]

Очень тяжело мне от Сони. Все эти заботы о деньгах, имени и это полное непонимание. Сейчас разговор о том, может ли человек пожертвовать жизнью скорее, чем сделать поступок, не вредящий никому, но противный богу. Она возражала, я ей нужное [?] - ругательства. У меня были скверные мысли уйти. Не надо. Надо терпеть. [...]

6 июня. Ясная Поляна. 91. Всё в очень дурном духе и мало писал. Почти ничего не делал - слабость. Завтра хочу идти в Тулу на бойню и к Симонсон в острог - получил о ней письмо от Дудченко. Было письмо от Поши хорошее. Отвечал длинное письмо Буткевичу о деньгах. Получил от Черткова и Джунковского с ответом Хилкова, который до сих пор не прочел. Очень неясно мне мое писание. Думал: 1) Женщина не верит разуму, не понимает, что нужно отвергнуться себя, что в этом жизнь; но когда надо отвергнуться себя - броситься в воду за утопающим, сделает это скорее мужчина.

2) Я скучаю, огорчен тем, что не пишется, что не произвожу ничего. Новое подтверждение того, что все, что огорчает, все, все на пользу. Неспособность писать исправляет заблуждение, что жизнь есть писание. [...]

[7 июня.] Вчера вечером вернулись Лева с Андрюшой. Приезжают все сыновья раздел. Очень тяжело и будет неприятно.

[...] Встал рано, поехал в Тулу с Петой Раевским по поезду. Был на бойце. Тащат за рога, винтят хвост, так что хрустят хрящи, не попадают сразу, а когда попадают, он бьется, а они режут горло, выпуская кровь в тазы, потом сдирают кожу с головы. Голова, обнаженная от кожи, с закушенным языком, обращена кверху, а живот и ноги бьются. Мясники сердятся на них, что они не скоро умирают. Прасола-мясники снуют около с озабоченными лицами, занятые своими расчетами.

Был в остроге - великолепные с резными украшениями дома смотрителя, контора; великолепные столы, чиновники, главный сам - пахнет вином изо рта. У Раевских был, на почте и у Щукиных. Не разберешь, в чем их интересы: кажется, ни в чем, кроме материального. Приехал домой. Машенька. Прочел корректуры Лёвенфельда - вспомнил. У Миши Кузминского боятся дифтерита. Ходил купаться. Домашние Сони неприятны.

8 июня. Ясная Поляна. 91. Е. б. ж.

[...] Приехали сыновья, и вечером разговор о дележе. "Завтрак у предводителя". И нехороши были. Не ссорились, но приписывают важность столь пустому. Читал книгу душеспасительную Машенькину. Недурно. Допускает, требует борьбы, говорит: когда уж возобладала страсть, все-таки не сдавайся.

[10 июня.] 9, 10 июня. Ясная Поляна. 91. Совсем лето. Иван-да-Марья, запах гнилого меда от ромашки, васильки, и в лесу тишина, только в макушках деревьев не переставая гудят пчелы, насекомые. Нынче косил. Хорошо. Работа письменная плохо идет. Толкусь на месте. А много художественных впечатлений. Нынче письмо от Черткова с записками мыслей – есть очень хорошие.

1) Есть два средства не чувствовать материальной нужды: одно – умерять свои потребности, другое – увеличивать доход. Первое само по себе всегда нравственно, второе само по себе всегда безнравственно: от трудов праведных не наживешь палат каменных.

2) К коневскому рассказу. Играют в горелки с Катюшей и за кустом целуются.

И к тому же рассказу: первая часть – поэзия материальной любви, вторая поэзия, красота настоящей.

[...] 5) к "Отцу Сергию". Он узнал, что значит полагаться на бога, только тогда, когда совсем безвозвратно погиб в глазах людей. Только тогда он узнал твердость, полную жизни. Явилось полное равнодушие к людям и их действиям. Его берут, судят, допрашивают, спасают – ему все равно. Два состояния: первое славы людской – тревога, второе – преданность воле божьей, полное спокойствие.

Теперь 12 часов ночи. Зиновьевы дамы тут. Иду спать.

[17 июня.] Нынче 18 июня. Ясная Поляна. 91. Вчера, 17, я вернулся из путешествия к Буткевичу. Вчера же я вышел от него рано утром с Хохловым и Роциным, которые провожали меня.

[...] В Крыльцове зашел в кабак. Кабачник, шурина его, жена и псаломщик пьют наливку и едят варенье с чаем. Они начинают только то, что мы кончаем. Телятинская баба, босиком, ходила раздобыться хлеба. Нет два дни, ребята просят.

Дома невесело – раздел. Вера побранилась с матерью, Таня с Машей поссорились, Марья Федоровна мешает. Не весело. [...]

[14 июня.] 16 июня. Ясная Поляна. 91. Хатунка. Утро провел один, думал писать, но не думалось. Потом пошли, блудили, устали; но хорошо. Лугом хороша дорога.

[13 июня.] 15 июня. 91. Ясная Поляна. Писал хорошо последнюю главу и решил идти с Алехиным и Хохловым, и пошли, и дошли весело до Булыгина. Булыгин читал "Сон смешного человека" Достоевского. Хорошо задумано, дурно исполнено.

[12 июня.] 14 июня. Ясная Поляна. 91. Беседовал с Алексеем Алехиным и Хохловым, читал им 4-ю главу.

[11 июня.] 13 июня. Ясная Поляна. 91. Вернулся с купанья, застал Алексея Алехина и Хохлова. Алексей Алехин очень хороший. Машенька здесь. 12 и 11. Особенного не помню. Думал: 1) Дети иногда дают бедным хлеб, сахар, деньги и сами довольны собой, умиляются на себя, думая, что они делают нечто доброе. Дети не знают и не могут знать, откуда хлеб, деньги. Но большим надо бы знать это и понимать то, что не может быть ничего доброго в том, чтобы отнять у одного и дать другому. Но многие большие не понимают этого, особенно женщины.

2) к "Отцу Сергию". После того как он убил, сидит в темноте и вдруг видит, что заря занимается, светлеет и будет день – свет. Ужас. [...]

[...] 4) в числе новостей, с которыми меня встретили дома, было то, что садовница опять родила, опять приехала старуха и увезла ребенка неизвестно куда. Все страшно возмущены. Употребление средств для нерождения – ничего, а за это нет достаточно осудительных слов. Нынче узналось, что бабка вернулась и привезла назад ребенка. Дорогой бабка съехала с другими, везшими таких же детей. Из этих детей одному дали слишком глубоко в рот рожок. Он втянул его в себя и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

задохся. В один день привезли в Москву двадцать пять детей. Из этих двадцати пяти девятерых не приняли, потому что законные или больные. Таня Андреевна ходила утром усовещивать садовницу. Садовница, горячо выгораживая своего мужа, говорила, что при их бедности и неопределенности жизни ей нельзя иметь детей. И грудь не берет. Одним словом, ей это неудобно. Перед самым же этим я на качелях качал трех детей заброшенных, и встретился мне еще мальчик, Васин племянник. Вообще кишит детвора. Родятся, растут, чтоб сделаться пьяницами, сифилитиками, дикарями. При этом толкуют о спасении жизни людей и детей и об уничтожении их. Да зачем плодить дикарей? Что тут хорошего? Не убивать их, не перестать плодить их надо, а надо все силы употреблять на то, чтобы из дикарей делать людей. Только это одно доброе дело. И дело это делается не одними словами, но примером жизни. Теперь 2-й час. Все, томясь скукой, уехали к Зиновьевым.

25 июня. Ясная Поляна. 91. 6 дней не писал дневник. Нынче рано утром уехал И. И. Горбунов. Мне очень хорошо с ним было. Вчера мы много говорили с ним, и я прочел ему начало 6-й главы, а предшествующие он сам читал. Вчера же был Илья. Все та же борьба с матерью. Я не возмущаюсь на их тупость. Как, живя в такой близости, не заразиться хоть немного. Ничего не писал.

23 июня. С утра началась суета. Странницы с чаем, потом гимназист с кондитером, потом Романов. Вечером Языковы – очень чуждые – и почтовый ящик. Интересные разговоры с Романовым. Ему кажется, что надо отдать бедным – нищим, землю мужикам, а не отстраняться только, самому освободиться от собственности. [...]

22 [июня]. Писал, привел в порядок начало 6-й главы. Утром приехала Рачинская, вечером гимназист 18 лет, Громан, идет в лаптях изучать народ, чтоб служить ему. Открытый, прямолинейный юноша, только что познавший красоту добра. Мы много говорили с ним. Я и Горбунов. Сошедшийся с ним в саду кондитер с костоедом в руке, скептик, но добрый и искренний, я дал им адреса до Ге.

21 [июня]. Писал утро. Вечером приехал Горбунов.

20-го. Тоже писал и, кажется, ездил в Тулу. Не добился Ростовцева, но виделся с Лопухиным и просил о делах. Хочется писать коневскую. Очень ясна в голове.

Нынче 25 [июня]. Встал в 8. Дождь, ливень. Один пил кофе. Все слабость хотя нынче немного лучше. Еще ночью думал о предисловии к вегетарианской книге, то есть о воздержании, и все утро писал недурно. Потом ходил гулять, купаться. Теперь 5 часов. Все слабость. Я дурно сплю. И я гадок себе до невозможности. Вот дьявол, которого наслал на меня бог, как говорил Павел. За эти дни читал Бьернсона. Бестолково, но много хорошего. Хорошо, как он пробежал мимо загипнотизированной им девушки, гонясь за ней, и она увидела его страшно зверское лицо. Montaigne. Думал: [...] 3) Все говорят о голоде, все заботятся о голодающих, хотят помогать им, спасать их. И как это противно!

Люди, не думавшие о других, о народе, вдруг почему-то возгораются желанием служить ему. Тут или тщеславие – высказаться, или страх; но добра нет.

[...] 4) нельзя начать по известному случаю делать добро нынче, если не делал его вчера. Добро делают, но не потому, что голод, а потому, что хорошо его делать.

27 июня. Ясная Поляна. 91. Встал поздно. Хорошо выспался. Говорил много с Вяземским и хорошо. Таня уехала. От 1 до 3 писал хорошо об обжорстве. Выясняется хорошо. После обеда грустно, гадко на нашу жизнь, стыдно. Кругом голодные, дикие, а мы... стыдно, виноват мучительно. Отче, помоги мне делать волю твою. После обеда прочел древнюю историю. Думал: 1) Ошибка о возможности христианской добродетели без воздержания происходит от представления о возможности любви без самоотречения. Теперь 11 час. Иду на террасу. Помоги мне любить.

[13 июля.] Нынче 13. Шестнадцать дней не писал. Приехал Репин и Гинзбург. За это время они меня лепят и пишут, а я написал статью об обжорстве и много подвинулся в большой статье. Лева уехал. Была Александра Андреевна. Соня уезжала в Москву и нынче приезжает. Теперь 12-й час, иду на террасу. Завтра запишу то, что записано. Пробовал работать, косить, но очень слаб. [...]

14 июля. Ясная Поляна. 91 г. Е. 6. ж. Сейчас еще 13 число, разговор с женой, все о том же, о том, чтобы отказаться от права собственности на сочинения; опять то

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
же непонимание меня: "Я обязана для детей..." Не понимает она, и не понимают дети, расходуя деньги, что каждый рубль, проживаемый ими и наживаемый книгами, есть страдание, позор мой. Позор пускай, но за что ослабление того действия, которое могла бы иметь проповедь истины. Видно, так надо. И без меня истина сделает свое дело.

1) Картина конца июня. Стрижи кружат после полдника, запах липы, пчела валит валом.

[...] 5) к будущей драме. Споры православными: "Не могу верить", и с либералами: "Не могу не верить".

6) Отчего успех Родстока в большом свете? Оттого, что не требуется изменения своей жизни, признания ее не правой, не требуется отречения от власти, собственности, князя мира сего.

7) к "Александрю I". Солдата убили вместо него, он тогда опомнился.

8) Вор не тот, кто взял необходимое себе, а тот, кто держит, не отдавая другим, ненужное себе, но необходимое другим.

Нынче 22 июля. Ясная Поляна. 91. За все это время развлекало меня присутствие Репина и Гинзбурга. Вчера уехал Гинзбург, и вчера же уехали Гельбиги. И вчера же был разговор с женой о напечатании письма в газетах об отказе от права авторской собственности. Трудно вспомнить, а главное, описать все, что тут было.

[Вымарано 19 строк.]

Начал же я разговор, потому что она сказала как-то вечером, когда мы уже засыпать собирались, что она согласна. Мне ее жалко. Злобы нет. Говорю себе, что это мне крест, который надо нести, а не тащить. И когда подумаю, что я могу обратить это в благо и поучение себе, - "Радуйтесь, когда поносят вас", то мне хорошо.

За это время пришла девушка Бооль от Дунаева, и в то же время приехал файнерман с другой, старой и очень милой девушкой Жаковской, которая хочет жить, как и Бооль, для успокоения своей совести, трудясь низким трудом и живя бедно. Уехали 3-го дня на юг, одна к Марье Александровне, другая в Полтаву. Я был дома, и мне было грустно, тяжело. Я думал, что таково мое отчасти физическое, отчасти душевное состояние; но я пришел к Жаковской у Игната, поговорил с ним, увидел эту нужду, труд, усталость, увидел нравственные побуждения этих женщин и не успел оглянуться, как мне стало бодро, весело. Хочется жаловаться на тяжесть креста. Разумеется, вздор - по силам и нужен мне. Тяжесть креста увеличивается еще тем, что Таня возненавидела Машу. Кажется, теперь проходит. Я говорил с ними про это.

Последнее время работаю все над статьей довольно успешно. Приближаюсь к концу. Вчера написал еще 6 или 7 писем, все плохих, был не в духе, как и теперь. Большая слабость.

Записано за это время много к статье, что уже и вписал, а еще записано только 3.

1. к "Отцу Сергию". Когда он пал с купеческой дочерью и мучается, ему приходит мысль о том, что если падать, то лучше бы ему пасть тогда с красавицей А., а не с этой гадостью. И опять гадость захватывает его. [...]

Нынче 31 июля. Ясная Поляна. 91. Только неделю не писал, а кажется, очень давно. За это время была Мамонова, мы ее встретили, идя в Тулу. Потом Страхов, который и теперь тут. С эгоизмом я ждал его осуждения о моем писании - он не осудил. [...]

1) Сюжет - впечатления и история человека, бывшего в золотой роте и попавшего в сад караульщиком около господского дома, в котором он видит близко господскую жизнь и даже принимает в ней участие.

2) Говорил с Хохловым: анархия и социализм, то есть отрицание собственности, это - христианство, но только с удержанием существующего порядка. Христианство есть отчасти социализм и анархия, но без насилия и с готовностью жертвы.

3) Очень важно: свобода воли есть сознание своей жизни. Свободен тот, кто сознает себя живущим. Сознать же себя живущим – значит сознавать закон своей жизни, значит стремиться к исполнению закона своей жизни. Теперь 10-й час, иду наверх. Боюсь себя за нынешнюю ночь. Отче, помоги.

Нынче 12 августа. Ясная Поляна. 91. Особенно важного ничего не было. Никого интересных посетителей: Штанге, Минин, американец Burton.

Писал все время по утрам, кроме двух дней, нынче и еще один день. Теперь остановился на 8-й главе и, кажется, обдумал ее сегодня. Вчера Соня ездила в концерт, мы прекрасно говорили с тетей Таней и девочками. За это время я опять написал было письмо в редакцию и опять встретил такое недоброжелательство, что оставил до времени.

27 августа. Ясная Поляна. 91 г. Две недели не писал. За эти две недели были два главные события: моя поездка к Сереже, брату – я прожил там неделю, и свадьба Маши Кузминской третьего дня. И то и другое было очень хорошо. 22-го я заболел и теперь еще не совсем поправился; голод мучает и едва держусь. Приехал Поша три дня тому назад. Очень хорошо с ним. Я два дня поправлял статью об обжорстве – порядочно; но придется еще поправить. [...]

Был жив, жив и нынче 13-го сентября. За это время писал довольно много. Подвинулся так, что близок к концу. Пишу VIII главу, которой и окончится. Были за это время все очень приятные посетители. Прежде Ваня Горбунов с Батерсби, поразившим меня чрезвычайно приятно. Совершенно свободный, религиозный, в жизни религиозный человек. Потом был Новоселов с Гастевым, тоже оба оставили очень приятное впечатление. В это же время уехали Соня с мальчиками в Москву и потом Лева. Уехала она, кажется, 3-го. Писал я ей вчера письмо, прося ее послать в редакцию мое письмо об отказе от прав авторских. Не знаю, что будет. Здоровье чуть держится. Все хочется физически работать и все не начинаю. Вчера читали милую вещицу с итальянского: "Красавица". За это время думал:

1) Еще человек и еще, и еще. И все новые, особенные, все кажется, что этот-то вот и будет новый, особенный, знающий того, чего не знают другие живущие, лучше, чем другие. И все то же, все те же слабости, все тот же низкий уровень мысли.

2) Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят.

[...] 5) Есть огромное преимущество в изложении мыслей вне всякого цельного сочинения. В сочинении мысль должна часто сжаться с одной стороны, выдаться с другой, как виноград, зреющий в плотной кисти; отдельно же выраженная, ее центр на месте, и она равномерно развивается во все стороны.

[...] 9) мольтке уверяет, что теперь народы хотят воевать, а не правительства. Раздразнили петухов, воспитали к тому, а потом говорят: это они сами. [...]

[18 сентября. Пирогово.] 15, 16, 17, 18. Вернулась Соня. Были накануне Бобринские. Мало интересного. Соня вернулась хорошо. Я мучился ее молчанием о письме: но оказалось, что она согласна. Письмо 16-го послал.

Был Львов, говорил о голоде. Ночь дурно спал и не спал до 4 часов, все думал о голоде. Кажется, что нужно предпринять столовые. И с этой целью поехал в Пирогово. В этот же день с Соней был разговор нехороший. Она начала, из желания, чтоб я не ехал, говорить совсем другое. Я разгорячился. А нынче с Сережей разгорячился. Он раздражен был вчера.

Из столовых до сих пор ничего не выходит. Боюсь, что я ошибся. Не надо искать, а только отвечать на требования. О деньгах думал. Можно так сказать: употребление денег – грех, когда нет несомненно нужды в употреблении их. Что же определит несомненность нужды? Во-первых, то, что в употреблении нет произвола, нет выбора, то, что деньги могут быть употреблены только на одно дело; во-вторых (забыл). Хочу сказать – то, что неупотребление денег в данном случае будет мучить совесть, но это неопределенно. Теперь 12 час. Я в Пирогове. И мне нехорошо и телом и духом.

[25 сентября. Клеточки.] 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25. Прошла целая неделя. 19-го

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

поехал с Таней и Верой верхом в Успенское. Очень добродушный Бибииков, уложил спать и на другой день повез в глубь уезда. Осматривали деревню Огаревку. Умный староста – перечислил все дворы. Бедность не так велика, потому что есть картофель. Я было успокоился. Но там стало хуже. Вложу листки из дневника о поездке по Богородицкому и Ефремовскому уездам. [...] 23-го решил ехать в Епифань. Таня проводила меня. В Оболенском захватил Машу. Писарев прекрасный тип земца – находящий смысл в служении людям. И жена милая, кроткая. 24-го ходили в деревню Мещерки. Опущенность народа страшная: разваленные дома – был пожар прошлого года, – ничего нет, и еще пьют. Как дети, попавшие в беду, смеются, так и они. К вечеру приехали Богоявленский и Раевский. Решил поселиться у Раевского. Хорошо бы, если Соня не воспротивится. Я даже оставил 90 р. на закупку картофеля и свеклы.

Нынче 8 октября. Ясная Поляна. 11 дней не писал. Попробую, идя назад, вспомнить. Нынче пытался вновь писать статью о голоде. Ничего не вышло. Вечером написал 8 писем и свез на Козловку. Только что писал Золотареву рецепт о том, как установить любовь к людям, с которыми живешь, и, взойдя наверх, поддался поддразниванию Софьи Андреевны, утверждавшей, что люди, пытающиеся жить нравственно, потеряли простоту. И рассердился, сдержался.

Вчера 7-го. То же писал утром, и не шло. Уехали Эрдели и Таня в Москву. 6-го и 5-го поправлял первые главы статьи о воинской повинности. 4-го и 3-го писал 8-ю главу и хорошо кончил, 3-го и 2-го и 1-го писал статью о голоде. Все это время работал, засыпал завалину. Были за это время Стаховичи, Полякова, Зиновьев и Давыдов с дочерьми. Особенно выдающихся писем не было. Нет, были: письма Хохлова и англичанина пастора, сочувственное. Отослал за это время, исправив ее, "Первую ступень".

Думал только две вещи: 1) То, что быть в нужде по отношению к пище и одежде и помещению есть наивыгоднейшее положение человека – не переест, не перегреться, не перепokoиться. Особенно первое: есть надо так, как будто не достанет на всех, и всегда оставлять другим.

2) То, что когда трудно, как мне теперь, безвыходно, кажется [1 перечеркнутое и неразобранное], надо думать, что это отличие мне. Мне задается урок трудный, потому что в меня верят, надеются на меня и любят меня. Надо быть благодарным. Теперь 12 ч. ночи.

Читал. Нынче 24 октября 1891. Ясная Поляна. Прошло пятнадцать дней. И много пережито. Вчера, 23, был нездоров, вроде инфлюэнцы, был Миташа Оболенский и Булыгин. Утром писал 4-ю главу. Вечером послал Гроту дополнение статьи о голоде. 22-го уехала Соня. Я уж нездоров. Перед отъездом она поговорила со мной так радостно, хорошо, что нельзя верить, чтоб это был тот же человек. Писал о голоде целый день, был Грот, и я устал очень головой. Вечером уехал Грот. 21. Поправлял по корректурам статью. Она мне нравится. Надо было глубже взять вопрос. Вечером читал и кончил "Долой оружие". Хорошо собрано. Видно горячее убеждение, но бездарно. [...]

[...] 3) Говорила Соня, что Соня-сноха нехорошая мать. Вот, говорит, она не делает того, что ты осуждаешь в "Крейцеровой сонате". Она не отравляет жизнь мужа детьми. А если любить детей и ходить за ними, то будешь неприятна. И мне подумалось: какая необходимая приправа ко всему доброта. Самые лучшие добродетели без доброты ничего не стоят; и самые худшие пороки с ней прощаются. Какой бы хороший художественный тип слабого, порочного человека и доброго... Кажется, уже бывали такие, но я такого по-новому чувствую.

4) Приходила баба просить защиты: за корчемство приговорили к 50 р. штрафа или к острогу на три месяца, а она вдова, у нее нет земли и четверо детей. Подумал, что делает тот, кто сажает ее. Наказывают эту нищую и ее детей за то, что она захотела участвовать в барышах казны на 25 р.

Попов еще здесь. Мы совсем собираемся ехать. Денег еще нет. Что будем делать, не знаю. Но, кажется, побуждение недурное. Уж примешивается проклятая слава людская. Но буду стараться делать для бога. Нынче, кажется, кончил 4-ю главу. И пересмотрел окончательно 6-ю и до половины 7-ю. Как бы хотелось кончить. Теперь 11 часов. Жду писем с Козловки.

Сегодня 1 ноября 91 г. Бегичевка, у Раевского. Мы здесь уже пятый день. Живем

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

хорошо. Есть дело. Написал статью: "Хватит ли хлеба?". Много есть, что записать, но теперь поздно. Лягу спать. Завтра постараюсь записать. Нынче что-то очень хорошее думал и забыл.

Сегодня 6-е, утро ноября. Бегичевка. 91. Устроены наши три столовые. Я написал в газету о том, есть ли хлеб, и начал рассказ: "кто прав?". Девочки хорошо заняты. Поправил еще 7-ю и 8-ю главы. Здоров. Письмо из Англии с предложением быть посредником помощи. Два письма от Сони. Мне не перестает быть грустно за нее и от нее.

[...] Вчера поправил присланную Гротом корректуру о голоде. Нынче думал к "Сергию".

Надо, чтобы он боролся с гордостью, чтоб попал в тот ложный круг, при котором смирение оказывается гордостью; чувствовал бы безвыходность своей гордости и только после падения и позора почувствовал бы, что он вырвался из этого ложного круга и может быть точно смиренен. И счастье вырваться из рук дьявола и почувствовать себя в объятиях бога.

Нынче 17 ноября. Бегичевка. 1891. Прошло двенадцать дней, полных событий, практической жизни, но как будто пустых в смысле духовной жизни. Ничего не записано в книжечке, кроме имен крестьян, просящихся в столовые, и т. п. Постараюсь восстановить приблизительно прошедшие дни. Впрочем, одно оказалось записанным, именно:

1) Все науки, искусства, все просвещение хорошо, только бы для приобретения плодов его не нужно было задавить, не дать жить, лишить блага, огорчить ни одного человека. А оно, все наше просвещение, построено на трупах задавленных людей.

Нынче 17. Встали рано, провожали Леву и Раевских в Москву. Потом писал статью маленькую в газету. Не кончил и не послал. Проводил Владимирова. Ходил в Гаи и к Мордвинову, тщетно ждал почту, читал Башкирцеву. Теперь 10-й час. [...]

13-го ездил в Грязновку с Машей.

12-го. Приезд Чистякова. 11-го писал статью о столовых. 11. Приезд Дубровина. 10-го. Приезд мальчиков Раевских с Бергером. 9-го. У Мордвиновых. Не помню остального. Здоров. Нет духовной жизни.

Большие пожертвования – более 10 тысяч. Дело идет равномерно. Но нет удовлетворения. Нет и стыда и раскаяния. Еще день полный был посвящен устройству столовых в Никитском и Пашкове, еще день в Горках. – Завтра, е. б. ж.

18 ноября. Бегичевка. 1891. Жив. Утром пробовал писать 8-ю главу. Ничего не шло. Тем более, что получены были письма, из которых вижу, что Соня очень страдает, и мне очень, очень ее жалко. Чувствую, что я не виноват перед нею, но она считает меня виноватым, и мне очень, очень жалко ее. Очень дурная погода, опять много денег, 3300. Я спал после обеда, потом ходил по стеклянной террасе, потом фзе писал статью о столовых. Мужики заявили желание отсылать лошадей. Это очень трогает меня. Теперь 12.

[24 ноября.] Прошло пять дней. Нынче 24 ноября 91. Бегичевка. Нынче писал 8-ю главу недурно. После обеда поехал верхом в Пашково и по четырем столовым, очень радостное впечатление. Мальчика-нищего пригласили ужинать. Ребята бегут. "Мы ужинать. Я тоже – вот и ложка". [...]

25 ноября. Бегичевка. 91. Ивану Ивановичу все хуже и хуже. Приехала Елена Павловна. Я немного писал статью о воинской повинности.

Нынче 26 ноября. Бегичевка. 91. Он умер в 3 часа, мне очень жаль его. Я очень любил его.

Нынче 18 – даже 19 декабря. Бегичевка 1891. Почти месяц не писал. За это время был в Москве. Радость отношения с Соней. Никогда не были так сердечны. Благодарю тебя, отец. Я просил об этом. Все, все, о чем я просил, – дано мне. Благодарю тебя. Дай мне ближе сливаться с волею твоей. Ничего не хочу, кроме того, что ты хочешь. Здесь работа идет большая. Загорается и в других местах России. Хороших

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
людей много. Благодарю тебя. С нами Новоселов, Гастев. Был Грот, Коншин, Келер. Статью все пишу и не могу кончить. Вполне здоров.

19 декабря 1891. Бегичевка. Как и все это время, с утра суета, народ. Потом приехали Усов и Рубцов. Я с ними ходил по столовым. Заснул. Немного болит живот, потом приехал Писарев. Мне с ним неловко. Положение мужика, у которого круг его кольца разорван, и он не мужик, не житель, а бобыль. Больше нечего делать - только пить. Надо с терпением выслушивать.

Нынче 23 декабря 1891. Бегичевка. Писал после, рано утром, статью. Все не кончил. Очень суеты много.

Вчера приехали Раевские, Петя и Гриша. Нынче уехали Новоселов, Гастев и Черняева. Вчера же была Вагнер. Поехала в Казань. Читал вслух письмо Сони при Богоявленском, и там нехорошие отзывы от Грота о Новоселове. От Сони письма хуже.

Нынче приехали два г-на: Протопопов и Оболянинов. Едут в Самару и Тамбов. Спорил сейчас с ними. Еще пришел Леонтьев. Вчера ездили с ним в Барятино открывать столовые. Много мыслей было, но все забыл. Непокойно, мало радостно на душе. Написал нынче письмо Леве и Трегубову. Жизнь как шаги ребенка, которого мать выпустила из объятий и опять примет. Завтра.

24 декабря. Бегичевка. 1891. Если буду ж.

27 декабря. Бегичевка. 1891. Не писал. Нынче встал рано записал, что делать без нас. Потом приехал Лебедев. Потом поехал верхом в Барятино. Леонтьева нет дома, поехал в Хованщину и Хованские хутора. Приехал домой, заснул, написал Ване инструкции и ложусь спать.

Вчера утром суета. Потом ездил в Пеньки, Прудки и Александровку. Метель, было жутко. Вечер один с Эленой Павловной и Михайловной и Алексеем Митрофановичем Третьего дня ездил к Новоселову. У них хорошо. Страшная нищета в Козлове. 4-го дня, кажется, был дома.

Не помню?

28 декабря. Бегичевка. 1891. Если б. ж.

Дневник - 1892

[Бегичевка.] Жив. Прошел месяц. Нынче 30 января 1892. Вспоминать день за днем - невозможно. Был в Москве, где пробыл три недели, и вот неделя, как опять тут. Главные черты и события этого месяца: недовольство на Леву и тяжелое чувство нелюбви к нему. Суета, праздность и роскошь, и тщеславие, и чувственность московской жизни. Был в театре. "Плоды просвещения". Писал все 8-ю главу. И все не кончил. Виделся с Соловьевым, с Алехиным, с Орловым, с этими тяжело - и радостно с Чертковым, Горбуновым, Трегубовым. Вернувшись сюда, нашел беспорядок, неясность. Раздача вещей и дров вызвала жадность. Почти все время мне нездоровится - желудком и чувствую ослабление общее. Все чаще и чаще думаю о смерти и больше и больше освобождаюсь от славы людской. Но еще очень далеко от полного освобождения. Хотел выписать записанное в книжки потерял, и вял и грустен и не хочется ни думать, ни делать. Отче, помоги мне всегда любить.

3 февраля 92. Бегичевка. Нынче уехала Соня. Мне жаль ее. Отношения к народу очень дурные, Я нынче понял, что это-то попрошайничество, зависть, обман, недовольство и стоящая за всем этим нужда и есть показатель особенности положения и того, что мы стоим в середине его. Утром был очень слаб. Спал днем. Пытался писать, не идет. Получил от Алехина письмо нехорошее. Все хочет сделать что-то необыкновенное, когда признак настоящего труда есть "обыкновенное". Не козелкать, а тянуть.

Носил, носил записочку с мыслями и потерял. Помню только, что записано было: 1) то, что когда видишь много людей новых, таких, каких никогда не видал, хоть где-нибудь в Африке, в Японии: человек, другой, трзтий, еще, еще, и конца нет, все новые, новые, такие, каких я никогда мог не видеть, никогда не увижу, а они живут такой же эгоистичной своей отдельной жизнью, как и я, то приходишь в ужас,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

недоумение, что это значит, зачем столько? Какое мое отношение к ним? Неужели я не видал их и они мне чужие? Не может быть. И один ответ: они и я одно. Одно и те, которые живут, и жили, и будут жить, одно со мною, и я живу ими, и они живут мною. [...]

Сегодня 24 февраля. Бегичевка. 1892. Нынче Таня уехала нездоровая в Москву. И нынче же уехали сбиравшиеся воскресные: Гастев, Алехин, Новоселов, Страхов, Поша с ними. И приехал Тулинов, Богоявленский очень болен. Был Репин, уехал нынче. Я два дня сряду ездил в Рожню и не мог доехать. Мы ездили на масленице в Богородицк, и я был у Сережи. Очень хорошо. Здесь работы много и тяжести. Что дальше жить, то мне труднее. Но труд этот не может не быть, и я не могу расстаться с ним.

Нынче 29 февраля 92. Бегичевка. Была страшная метель все эти дни. Вчера ездил опять в Рожню, опять не доехал. Был в Колодезях и Катараеве, о дровах и приютах. Приехали к нам 1) Бобринский, 2) швед Стадлин, 3) Высоцкий и четыре темных. Мне тяжело от них. Я очень устал. Днем было нехорошо. Теперь лучше, совсем хорошо. Все пишу и не могу кончить.

Третьего дня было поразительное: выхожу утром с горшком на крыльцо, большой, здоровый, легкий мужик, лет под 50, с 12-летним мальчиком, с красивыми, вьющимися, отворачивающимися кончиками русых волос. "Откуда?" - "Из Затворного". Это село, в котором крестьяне живут профессией нищенства. "Что ты?" - Как всегда, скучное: "к вашей милости". - "Что?" - "Да не дайте помереть голодной смертью. Все проели". - "Ты побираешься?" - "Да, довелось. Все проели, куска хлеба нет. Не ели два дня". Мне тяжело. Все знакомые слова и все заученные. Сейчас. И иду, чтобы вынести пятак и отделаться. Мужик продолжает говорить, описывая свое положение. Ни топки, ни хлеба. Ходили по миру, не подают. На дворе метель, холод. Иду, чтоб отделаться. Оглядываюсь на мальчика. Прекрасные глаза полны слез, и из одного уже стекают светлые, крупные слезы.

Да, огрубевашь от этого проклятого начальства и денег.

[3 апреля. Москва.] Нынче 3 апреля. Больше месяца не писал. Я в Москве. Приехали сюда, кажется, 14-го. Все время стараюсь кончить 8-ую главу и все дальше от конца. Отношение к своему занятию проводника пожертвований - страшно противно мне. Хочется написать всю перечувствованную правду, как перед богом.

Событий особенных - никаких. На душе - зла мало, любви к людям больше. Главное - чувствую радостный поворот - жизни своей личной не почти, а совсем нет. [...]

Нынче 26 мая 1892. Ясная Поляна. Третьего дня приехал из Бегичевки. Там время прошло, как день. Все то же. Тяжелое больше, чем когда-нибудь, отношение с темными, с Алехиным, Новоселовым, Скороходовым. Ребячество и тщеславие христианства и мало искренности. Дело все то же. Так же тяжело и так же нельзя уйти. Только начал там жить свободно, как приехал Евдоким и привез 8-ю главу, которая была в безобразном виде. Начал переделывать и месяц работал каждый день, переделывал и теперь еще переделываю. Кажется, что подвинулся к концу.

Явился швед Абрагам. Моя тень. Те же мысли, то же настроение, минус чуткость. Много хорошего говорит и пишет. Нынче поехал к нему с Таней, а он идет. [...]

Нынче 5 июля 92. Ясная Поляна. Полтора месяца почти не писал. Был в это время в Бегичевке и опять вернулся и теперь опять больше двух недель в Ясной. Остаюсь еще для раздела. Тяжело, мучительно ужасно. Молюсь, чтоб бог избавил меня. Как? Не как я хочу, а как хочет он. Только бы затушил он во мне нелюбовь. Вчера поразительный разговор детей. Таня и Лева внушают Маше, что она делает подлость, отказываясь от имения. Ее поступок заставляет их чувствовать неправду своего, а им надо быть правыми, и вот они стараются придумывать, почему поступок нехорош и подлость. Ужасно. Не могу писать. Уж я плакал, и опять плакать хочется. Они говорят: мы сами бы хотели это сделать, да это было бы дурно. Жена говорит им: оставьте у меня. Они молчат. Ужасно! Никогда не видал такой очевидности лжи и мотивов ее. Грустно, грустно, тяжело мучительно.

Здесь Поша и Страхов. Я было кончил, но на днях - верно, был в дурном духе - стал переделывать и опять далек от конца, теперь 9-10-я главы.

Уезжая из Бегичевки, меня поразила, как теперь часто поражают картины природы.

Утра 5 часов. Туман, на реке моют. Все в тумане. Мокрые листья блестят вблизи.

За это время думал:

[...] 2) когда проживешь долго – как я 45 лет сознательной жизни, то понимаешь, как ложны, невозможны всякие приспособления себя к жизни. Нет ничего stable [устойчивого (англ.)] в жизни. Все равно как приспособляться к текущей воде. Все – личности, семьи, общества, все изменяется, тает и переформируется, как облака. И не успеешь привыкнуть к одному состоянию общества, как уже его нет и оно перешло в другое. [...]

[6 августа.] Страшно думать: месяц прошел. Нынче 6-е августа. Опять был в Бегичевке. Там покончил дела. Буду продолжать отсюда. Апатия, слабость большая. 8-я глава кончена, но над 9-й и 10-й все вожусь. И начинаю думать, что толкусь на месте. Раздел кончен. Выписал Попова. Он живет у нас, переписывает и ждет. Страхов опять приехал. Я очень опустился нравственно. От сочинения, от мысли, что я делаю важное дело – писанье, хоть не освобождающее от обязанностей жизни, а такое, которое важнее других.

[...] Думал: 1) Только и помню теперь, что я сижу в бане, и мальчик-пастух вошел в сени. Я спросил: кто там? – Я. – Кто я? – Да я. – Кто ты? – Да я же. Ему, одному живущему на свете, так непонятно, чтобы кто-нибудь мог не знать того, что одно есть. И так всякий. Вспомню и напишу после другое.

[9 августа.] Были письма от файнермана и Алехина о том, чтобы собраться, собор. Какое ребячество! Написал им ответы. Забыл написать. Они хотят того, что есть последствия того, что дает единение, то есть чтобы мы делали бы дело божие и были бы все вместе, без того, что это производит – одинокой работы перед богом.

Нынче 9 августа. Ясная Поляна. 92. Вчера писал немного лучше. С собой так же недоволен: нет любви ни к чему. Правда, что меньше всего к себе, но все-таки нет ее. Вчера за обедом маленький эпизод о грибах, запрещение собирать их, больно огорчил меня. И это мне должно быть стыдно. Много думал, но ничего не записал и не помню. Вчера читал Боборыкина "Труп", очень хорошо. Лева приехал. С ним ничего. Нынче писал лучше, но мало. Ходил с Сашей за грибами. Очень приятно. Вчера написал письмо Диллону, по случаю письма Лескова. Пришли Попов и Буткевич. Вечером приехала Таня и еще куча народа. Теперь играют наверху со скрипкой. Прочел повесть какой-то барыни – плохая. [...]

Нынче 21 августа. Ясная Поляна. 92. Все так же вяло живу, весь поглощенный только своей статьей, которую все не кончаю.

[...] Я как будто подвигаюсь тем, что более ясна связь и, главное, что выкидываю красноречие. За это время думал:

1) О воспитании был разговор. Соня говорит, что она видит, что дурно воспитывает, что гибнут физически и нравственно. Но что же делать? Как будто говорят все: там, что хорошо или дурно – это все равно, а вот у меня есть одна жизнь, и у детей одна жизнь. И вот я эту одну жизнь погублю, уже не преминую.

[...] 5) Это не мысль, но 13 августа я записал, что мне не в минуту раздражения, а в самую тихую минуту, ясно стало, что можно – едва ли не должно уйти.

б) Говорил о музыке. Я опять говорю, что это наслаждение только немного выше сортом кушанья. Я не обидеть хочу музыку, а хочу ясности. И не могу признать того, что с такой неясностью и неопределенностью толкуют люди, что музыка как-то возвышает душу. Дело в том, что она не нравственное дело. Не безнравственная, как и еда, безразличное, но не нравственное. Я за это стою. А если она не нравственное дело, то совсем и другое к ней отношение.

Если б. ж. 22 августа. Ясная Поляна. 92. Был Поша, уехал в Бегичевку. Я все не могу осилить написать отчет.

Нынче 15 сентября 92. Ясная Поляна. Два дня, как я вернулся из Бегичевки, где пробыл три дня хорошо. Написал начерно отчет и заключение. Мучительно тяжелое впечатление произвел поезд администрации и войск, ехавших для усмирения. Все то время, что не писал в дневнике, жил так же. Сколько было сил, работал над 8, 9 и 10 главами и первые две кончил. Но 10-ю только смазал. Все нет настоящего

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
заклучения. Кажется, выясняется. [...]

За это время записано (много пропущено): 1) Говорил о музыке. Это наслаждение чувства, как чувства, как (sens [ощущения (фр.)]) вкуса, зрения, слуха. Я согласен, что оно выше, т. е. менее похотливо, чем вкус, еда, но я стою на том, что в нем нет ничего нравственного, как стараются нас уверить.

2) Соблазны не случайные явления, приключения, что живешь, живешь спокойно, и вдруг соблазн, а постоянно сопутствующее нравственной жизни условие. Идти в жизни всегда приходится среди соблазнов, по соблазнам, как по болоту, утопая в них и постоянно выдираясь.

3) Условия жизни, одежда, привычки, остающиеся на человеке – после того как он изменил жизнь, все равно как одежда на актере, когда он, среди спектакля, от пожара выбежал на улицу в костюме и рюмянах.

4) Мы постоянно гипнотизируем самих себя. Предписываем себе в будущем, не спрашивая уже дальнейших приказаний при известных условиях, в известное время сделать то-то и то-то; и делаем.

[22 сентября.] жена вчера уехала в Москву с мальчиками. 18-го она возвратилась и в воскресенье 20-го опять уехала. Жизнь моя все та же. Все не могу кончить 11-ю главу и заключение. [...]

7 октября. Ясная Поляна. 92. Все то же: то же упорство труда, то же медленное движение и то же недовольство собой. Впрочем, немного лучше. Нынче ездил на Козловку, думал в первый раз: как ни страшно это думать и сказать: цель жизни есть так же мало воспроизведение себе подобных, продолжение рода, как и служение людям, так же мало и служение богу. Воспроизводить себе подобных. Зачем? Служить людям. А тем, кому мы будем служить, тем что делать? Служить богу? Разве он не может без нас сделать, что ему нужно. Да ему не может быть ничего нужно. Если он и велит нам служить себе, то только для нашего блага. Жизнь не может иметь другой цели, как благо, как радость. Только эта цель – радость – вполне достойна жизни. Отречение, крест, отдать жизнь, все это для радости. И радость есть и может быть ничем ненарушимая и постоянная. И смерть переходит к новой, неизведанной, совсем новой, другой, большей радости. И есть источники радости, никогда не иссякающие: красота природы, животных, людей, никогда не отсутствующая. В тюрьме – красота луча, мухи, звуков. И главный источник: любовь – моя к людям и людей ко мне. Как бы хорошо было, если бы это была правда. Неужели мне открывается новое. Красота, радость, только как радость, независимо от добра, отвратительная. Я узнал это и бросил. Добро без красоты мучительно. Только соединение двух и не соединение, а красота, как венец добра. Кажется, что это похоже на правду. Читаю Amiel'a, недурно.

Нынче 7 октября. Ясная Поляна. 1892. Все то же. То же упорство труда и медленное движение. За это время были старшие сыновья. Хорошо, добро с ними. Но они очень слабы. С левой разговор. Он ближе других. Главное, он добр и любит добро (бога). Amiel очень хорош.

1) Нынче, рубя дрова, вдруг живо вспомнил какое-то прошедшее состояние, очень незначительное, малое, ничтожное, вроде того, что ловил рыбу и был беззаботен, и это прошедшее показалось таким значительным, важным, радостным, что как будто такого уже никогда не может быть, и вместе с тем это только жизнь. Так что все мое стремление к жизни есть только стремление к этому. Так что моя жизнь, цепкость к жизни, не есть ли это смутное сознание того, что пережито мною в прежней, скрытой от меня за рождением жизни... Это кажется неясным, но je m'entends [я понимаю, что хочу сказать (фр.)]. Я стремлюсь к такому же счастью в теперешней и будущей жизни, какое я знал в предшествующей.

2) К Amiel'у хотел бы написать предисловие, в котором бы высказать то, что он во многих местах говорит о том, что должно сложиться новое христианство, что в будущем должна быть религия. А между тем сам, частью стоицизмом, частью буддизмом, частью, главное, христианством, как он понимает его, он живет и с этим умирает. Он как bourgeois gentilhomme fait de la religion sans le savoir [Мещанин во дворянстве исповедует религию, сам того не зная (фр.)]. Едва ли это не самая лучшая. Он не имеет соблазна любоваться на нее.

3) Если бы мне дали выбирать: населить землю такими святыми, каких я только могу

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
вообразить себе, но только чтобы не было детей, или такими людьми, как теперь, но с постоянно прибывающими свежими от бога детьми, я бы выбрал последнее.

4) Тургеневское "Довольно" и "Гамлет и Дон-Кихот" – это отрицание жизни мирской и утверждение жизни христианской. Хорошую можно составить статью.

Получил от Черткова письмо и был очень рад. Получил письмо Митрофана Алехина и Бодянского. Пишу им. Они в остроге.

Почти месяц не писал. Сегодня 6 ноября. Все то же. Так же живет Попов, переписывает, а я по утрам пишу, выпускаю весь заряд и потом уж чуть брежусь. Иногда пишу письмо. За это время были письма от Хилкова. Работа идет над заключением. Приближаюсь к концу, но не конец.

Соня в Москве с детьми. Бывают дурные периоды. Один я пережил недели три тому назад, один недавно по отношению Попова. Возненавидел его. Но поборол, кажется. Его надо, должно любить, а я ненавижу. Лева в Петербурге. Я его все больше люблю. Девочек тоже. Отчет кончил. Думал за это время кое-что хорошее, которое забыл. Записано следующее:

1) Верочка подошла к шкапу, понюхала и говорит: как пахнет детством. Маша подошла: да, совершенно детство, и радость *d'is* но улыбается. Я подошел, понюхал – а у меня очень тонкое чутье – ничем не пахнет. Они чувствуют чуть заметный запах, потому что этот запах соединился с сильным сознанием радости жизни. Если бы этот запах был еще слабее, если бы он был доведен до бесконечно малого, но совпадал бы с сильным чувством жизни, он был бы слышен. Все то, что пленяет нас в этой жизни, красота, это то, что соединилось с сильным сознанием жизни до рождения. Некоторое – потому, что оно нужно вперед, некоторое потому, что оно прежде было. Впрочем, в истинной жизни нет ни прежде, ни после. Только то, что сильно чувствуешь, это какой-нибудь момент жизни. (Неясно.)

2) Что такое я (организм)? Я какой-то центр, в котором обменивается материя. Быстрота, энергия этого обмена материи совпадает с радостью жизни. Энергия эта все ослабевает, обмен все замедляется, замедляется и наконец прекращается, и центр переходит в другое место.

3) Если презирать человека, не будешь вполне добр к нему. Если ж очень уважать человека, тоже будешь слишком много требовать и не будешь вполне добр к человеку.

Для доброго отношения к человеку нужно презирать его, как слабое человеческое существо, и уважать его, как NN.

4) Злой человек! Негодяй, мерзавец, злодей! Преступник. Страшный! Люди слишком слабы и жалки, для того чтобы они могли быть злы. Все они хотят быть добры, только не умеют, не могут. Это неумение быть добрым и есть то, что мы называем злым.

От Страхова письмо о декадентах. Ведь это опять искусство для искусства. Опять узкие носки и панталоны после широких, но с оттенком нового времени. Нынешние декаденты, *vaudelaire*, говорят, что для поэзии нужны крайности добра и крайности зла. Что без этого нет поэзии. Что стремление к одному добру уничтожает контрасты и потому поэзию. Напрасно они беспокоятся. Зло так сильно – это весь фон – что оно всегда тут для контраста. Если же признавать его, то оно все затянет, будет одно зло, и не будет контраста. Даже и зла не будет будет ничего. Для того, чтобы был контраст и чтобы было зло, надо всеми силами стремиться к добру.

За это время был студент медицинской академии Соболевский, приехавший поправлять меня и внушить мне, что понятие о боге есть остаток варварства. Я постыдно горячился на его глупость и наговорил ему грубостей и огорчил его.

Если б. ж. 7 ноября. Ясная поляна. 1892. Вчера был Поша из Бегичевки. Нужда там велика.

Дневник – 1893

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[5 мая. Ясная Поляна.] Страшно подумать, не писал с 6 ноября 1892, то есть полгода без дня. Все это время был напряженно занят своей книгой: последней главой, и то еще не совсем кончил.

1893 г. Вчера 4 мая приехали в Ясную из Москвы, где жил с перерывом всю зиму. Благодаря напряженной работе (кажется, я ни одного дня не пропустил), я как будто опустился в своей физической жизни: именно в физической работе. Во многом же, в особенности в требованиях относительно неучастия в зле мира, утвердился. Много уяснилось за это время в продолжение работы: вопрос свободы воли: человек свободен в духовном, в том, что движет физическим.

Были за это время в Бегичевке. Равнодушие к пошлomu делу помощи и отвращение к лицемерию. Сочувствие, выраженное моей деятельностью, было радостью перехода осудителя лицемерия в участники его.

События за это время: возвращение Левы из Петербурга и его болезнь. Отношения мои к остальным членам семьи те же. Два мальчика, Андрюша и Миша, в особенности Андрюша, в самом дурном и далеком от меня настроении. Маша увлеклась и опомнилась. Теперь здесь Булыгин. Над ним и Раевым был суд, и они борются. Вообще мне кажется, что борьба христианства и язычества у нас начинается, еstate [разражается (фр.)]. Надо и знать и быть готовым. Нынче первый день, что я не пишу свою книгу. Что буду писать, еще не знаю. Много было мыслей за это время, которые пропадали. Вспоминаю:

1) Производство драматического искусства, очевиднее всего показывающего сущность всякого искусства, состоит в том, чтобы представить самых разнообразных по характерам и положениям людей и выдвинуть перед ними, поставить их всех в необходимость решения жизненного, не решенного еще людьми вопроса и заставить их действовать, посмотреть, чтобы узнать, как решится этот вопрос. Это опыт в лаборатории. Это мне хотелось бы сделать в предстоящей драме.

Теперь час дня. Иду обедать. Завтра писать.

14 мая. Ясная Поляна. 93. Пропустил неделю. Не видал, как прошла. Вчера отослал совсем. Плохо, так плохо. Я заболел, и это меня особенно побудило кончить: я свободен. Перечитываю начатое. Не знаю еще, за что возьмусь. Очень я нехорош все это время. Недоволен своим положением, мучаюсь. Хочу перемены внешней. А этого не надо.

15 мая и 16, кажется. Ясная Поляна. 93. Написал вчера письмо Велловs, Бодянскому. Нынче Хилкову и [в] Екатеринослав Кондратьеву. Нездоровится, дурно сплю. Перечитал написанное. Детский рассказ забрал меня за живое. Хочется кончить.

Думал: поразительно ограбление земли у нас в Херсонской, Самарской губернии и др. И великолепие Москвы, арки для встречи государя и иллюминация. Или в Чикаго выставка и обезлесение, омерщвление земли. И все это нам поправит наука искусственным дождем, производимым электричеством. Ужасно! Истребят 98% и восстановят 2. [...]

23 мая. 93. Бегичевка. За это время пробовал писать "Дети", не шло. Не совсем поправился. Писал письма: Черткову, Попову, Янжулу и двум французам: Dumas и Schroder.

Нынче написал Рыбакову о том, что есть, то разумно, по его мнению. Трогательно наивно. Был страшно не в духе дома. Приезжали Сопоцько и Линденберг. Решил с Таней ехать 21. Поехали. Дорогой разговор с менонитами. Вчера был в Татищеве. Бедность ужасна. Ужасен контраст. Ходил по тифозным и, к стыду – жутко.

У Вани естественнонаучные книги о почве, о пределах естествознания, о механическом анализе. Поразительно глупо то, что они говорят: например, Дюбуа Раймон говорит, что естествознанию недоступно только значение силы, материи и сознания. А узнать все причины образования всего существующего, сводя это к движению атомов, – можно. Только забыл, что все происходит в бесконечном пространстве и времени. Или Докучаев. Называет почву организмом. Или немец Mohl говорит о трех фазисах земли, забывая, что переход из первого во второй зависел от появления органических тел, а мы не знаем, как они появились. Стало быть, и не имеем права говорить о первом фазисе. Не говоря уже о разногласии постоянном

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

по всем вопросам. А какое страшное орудие затемнения нравственных требований. Я вижу это по Раевским. Чувствительные весы; анализ и т. п. Все это так важно, так же важно, как и евхаристия. Как надо написать про эту ложь. Думал за это время.

[...] 4) Только пробился лист на березах, и от теплого ветра пошла по ним веселая рябь. Вечер, смеркается после грозы. Лошади только пущены, жадно сгрызают траву, помахивая хвостами.

5) Вспоминал: что мне дал брак? Страшно сказать. Едва ли не всем то же.

6) Две условности одинаково сильны: для мужчины – снести пощечину без дуэли, для женщины – брак без церкви.

7) Не делайте вид, что меня судите, прощаете, смягчаете, угрожаете. Вы разбойники. Я в вашей власти, как Людовик XVI был во власти сапожников. Но с той разницей, что все, чем вы угрожаете мне, есть то самое, что мне желательно. Я живу только для исполнения воли бога, установления его царства; для установления его царства нужно гонение невинных. Чем больше гонения, тем очевидное его истина. И потому все, что вы мне сделаете дурного – до пыток и казни, полезно для дела божьего и радостно для меня.

Теперь 12 часов. Хочу ехать в Козловку. Буду писать завтра, если буду жив.

[27 мая. Ясная Поляна.] Не писал ни 25, ни 26. Пробыл там. Приехал Поша. Я был в Козловке, в Софьинке, в Бароновке и 26 приехал.

5 июня 93. Ясная Поляна. Все пытался писать послесловие, связав его с определением жизни, как движение от неразумного к разумному, но не подвинулся, от физических ли, умственных ли причин, не знаю. За это время пытался работать: колья рубить, ходил к Булыгину.

[...] Иду сейчас в Тулу. За это время думал:

1) Поразила меня мысль о том, что одна из главных причин враждебного чувства мужей и жен – это соперничество их в деле ведения семьи.

Жене нужно не признавать мужа разумным и практичным, потому что, если бы она признавала его таковым, ей бы надо было делать его волю, и наоборот. Если бы я теперь писал "Крейцерову сонату", я бы выдвинул это.

[...]3) Выставка Чикаго, как и все выставки, есть поразительный образчик дерзости и лицемерия: все делается для наживы и потехи: от скуки, а приписываются благие любвенародные цели. Оргии лучше.

[...] 6) Читал о статье Макса Нордау. Прекрасно говорит о том, что наша беллетристика должна сделаться скоро забавой женщин и детей, как танцы.

7) Все это искусство, музыка, хорошо, но очевидно занимает неподобающее ей место.

[...] 10) Иду домой от Булыгина, пройдя двадцать верст, устал. Идут навстречу с песнями бабы. – Откуда? – Из Крыльцова. – Где были? – У поручика (за 10 верст) работали. – Зачем так далеко? – Да мы разве бы пошли, за лошадой по два дня отработывали. Попались лошади в Засеке. Они прошли десять верст туда, идут десять верст назад, там целый день работали. – Что ж, я чай, поругали поручика? – За что ж его ругать. Ха-ха. – И запели песни.

Всем равно. Как нельзя в озере поднять в одном месте воду выше, чем в других, или спустить, так нельзя ни увеличить, ни уменьшить благо материальными средствами. (Сейчас еду в Тулу.)

10 июня. Ясная Поляна. 1898. Все это время ничего определенного не делал. Начиная послесловие, потом статьи о науке и искусстве, теперь о письме Зола и Дюма. Попов уехал, приехал Поша. Отношения с людьми все те же. За это время думал: 1) Люди признают, что наказания жестоки, но они говорят; это необходимо для поддержания существующего порядка. Но порядок-то существующий хорош ли? Нет, он дурен. Невозможен. Так что же его поддерживать?

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

2) Мой друг детства, потерянный человек, пьяный, обжора, несчастный, ленивый, лживый, всегда, когда речь идет о детях, о воспитанье, приводит в пример свое детство и свое воспитание, как бы подразумеваемая бесспорно то, что результат, который дало его воспитание, служит доказательством его успешности. И он делает это невольно и не видит комичности этого. Так сильна любовь, предилекция к себе всех людей.

3) Думал к статье о науке. Чтобы понять то, что есть наука, надо исследовать, что она дает тем, которые получают ее, и что она для тех, которые творят ее (плохо).

4) Решить вопрос о том, хорошо ли, добро ли то, что мы признаем наукой и искусством, не шутка. Все воспитание молодых поколений основывается на том, что мы признаем наукой и искусством. [...]

21 июня 1893. Ясная Поляна. Третьего дня отослал с Кузминским статью о письмах Зола и Дюма в "Revue de famille". Все это время развлекался мыслями между "Об искусстве", "Послесловием" и этой статьей. Пытался работать - слаб стал. Маша приехала. Я ей очень рад. Вчера - чего давно не было - был неприятный разговор с Соней, Они, бедные, страдают. Надо жалеть, а ты горячишься. Впрочем, даже так было тихо, что никому не заметно. Мне только больно очень.

Думал за это время.

1) У всех детей и отцов зубы портятся исключительно в одних условиях. Что же? Вы думаете, причину, или когда им укажут эту причину, устранят ее? Нет, несмотря на то, что они страшно дорожат зубами, они будут продолжать жить так же, пломбуя себе зубы за большие деньги платиной и золотом. Сифилис и больницы, преступления и наказания, война и красный крест и мн. др.

2) Всего меньше мы понимаем поступки друг друга те, которые вытекают из тщеславия: не угадаешь, чем и перед кем он тщеславится. [...]

[25 июня.] Вчера 24 июня 93. Ясная Поляна. Думал:

1) Представил себе людей, для полноты мужчину и женщину - мужа [и] жену, брата [и] сестру, отца [и] дочь, мать [и] сына - богатого класса, которые живо поняли грех жизни роскошной и праздной среди нищеты и задавленности трудом народа и ушли из города, отдали кому-нибудь, так или иначе избавились от своего излишка, оставили себе в бумагах, скажем, 150 р. в год на двоих, даже ничего не оставили, а зарабатывают это каким-либо мастерством - положим, рисованием на фарфоре, переводы хороших книг, и живут в деревне, в середине русской деревни, наняв или купив себе избу и своими руками обрабатывая свой огород, сад, ходят за пчелами, и вместе с тем подавая помощь сельчанам медицинскую, насколько они знают, и образовательную - учат детей, пишут письма, прошения и т. п. Казалось бы, чего лучше такой жизни. Но жизнь эта будет адом и сделается адом, если люди эти не будут лицемерить, лгать, если они будут искренни.

Ведь если люди эти отказались от тех выгод и радостей, украшений жизни, которые им давали и город и деньги, то сделали они это только потому, что они признают людей братьями, равными перед отцом - неравными по способностям, достоинствам, если хотите, но равными в своих правах на жизнь и все то, что она может дать им. Если возможно сомнение о равенстве людей, когда мы их рассматриваем взрослыми, с отдельным прошедшим каждого, то сомнения этого уже не может быть, когда мы видим детей. Почему этот ребенок будет иметь все заботы, всю помощь знания для своего физического и умственного развития, а этот прелестный ребенок, с теми же и еще лучшими задатками, сделается рахитиком, вырожденным, полуживотом от недостатка молока и останется безграмотным, диким, связанным суевериями человеком, только грубой рабочей силой? Ведь если люди эти уехали из города и поселились жить так, как они живут в деревне, то только потому, что они не на словах, но на деле верят в братство людей и хотят если не осуществить, то осуществлять его в своей жизни. И эта-то попытка осуществления должна, если только они искренни, должна привести их в ужасное, безвыходное положение. С своими с детства приобретенными привычками порядка, удобства, главное, чистоты, они, переехав в деревню и наняв или купив избу, очистили ее от насекомых, может быть, даже сами оклеили ее бумажками, привезли остатки мебели, не роскошной, а нужной: железную кровать, шкаф, письменный столик. И вот они живут. Сначала народ дичится их: ожидает, как и от всех богатых, насилием ограждения своих преимуществ, и потому не приступает

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

к ним с просьбами и требованиями. Но вот понемногу настроение новых жителей уясняется: сами они вызываются служить безвозмездно, и самые смелые, назойливые люди из народа опытом узнают, что новые люди эти не отказываются и можно поживиться около них. И вот начинаются заявления всякого рода требований, которых становится все больше и больше. Начинается как бы рассыпание и разравнивание возвышающегося над общим уровнем зерна до тех пор, пока не будет возвышения. Начинаются не только выпрашивания, но и естественные требования поделиться тем, что есть лишнего против других. И не только требования, но сами поселившиеся в деревне люди, войдя в близкое общение с народом, чувствуют неизбежную необходимость отдавать свои излишки там, где есть крайняя нужда. Но мало того, что они чувствуют необходимость отдавать свой излишек до тех пор, пока у них останется то, что должно быть у всех, то есть у среднего - определения этого среднего, того, что должно быть у всех, нет никакого, - и они не могут остановиться, потому что всегда вокруг них есть вопиющая нужда, а у них излишек против этой нужды.

Казалось бы, нужно удержать себе стакан молока, но у Матрены двое детей, грудной, не находящий молока в груди матери, и двухлетний, начинающий сохнуть. Казалось, подушки и одеяло можно бы удержать, чтобы заснуть в привычных условиях после трудового дня, но больной лежит на вшивом кафтане и зябнет ночью, покрываясь дерюжкой. Казалось, можно бы удержать чай, пищу, но ее пришлось отдать странникам, ослабевшим и старым. Казалось, можно бы удержать хоть чистоту в доме. Но пришли нищие мальчики, и их оставили ночевать, и они напустили вшей, которых они только что с трудом вычесали, придя от больного.

Нельзя остановиться, и где остановиться? Только те, которые не знают совсем того чувства сознания братства людей, вследствие которого эти люди приехали в деревню, или которые так привыкли лгать, что и не замечают разницу лжи от истины, скажут, что есть предел, на котором можно и должно остановиться. В том-то и дело, что предела этого нет, что то чувство, во имя которого делается это дело, таково, что предела ему нет, что если есть ему предел, то это значит только то, что этого чувства совсем не было, а было одно лицемерие.

Продолжаю себе представлять этих людей. Они целый день работали, вернулись домой. Кровати у них уже нет, подушки нет, они спят на соломе, которую достали, и вот, поев хлеба, легли спать. Осень; идет дождь с снегом. К ним стучатся. Могут ли не отпереть? Входит человек, мокрый и в жару. Что делать? Пустить ли его на сухую солому? Сухой больше нет. И вот приходится или прогнать больного и положить его мокрого на полу, или отдать свою солому и самому, потому что надо где-нибудь спать, лечь с ним.

Но и этого мало: приходит человек, которого вы знаете за пьяницу и развратника, которому вы несколько раз помогали и который всякий раз пропивал то, что вы ему давали, приходит теперь с дрожащими челюстями и просит дать ему 3 р., которые он украл и пропил и которые, если он не отдаст, его посадят в тюрьму. Вы говорите, что у вас только и есть 4 р. и они необходимы вам завтра для уплаты. Тогда пришедший говорит: "Да, это, значит, все только разговоры, а когда дело до дела, то вы такие же, как и все: пускай погибает тот, кого мы на словах считали братом, только бы мы были целы".

Как тут поступить? Что сделать? Положить лихорадочного больного на сыром полу, а самим лечь на сухое, еще хуже не заснешь. Положить его на свою постель и лечь с ним: заразиться и вшами и тифом. Дать просящему последние 3 рубля - значит остаться завтра без хлеба. Не дать, значит, как он и говорит: отречься от того, во имя чего живешь. Если можно остановиться здесь, то почему не остановиться было раньше. Почему было помогать людям? Зачем отдавать состояние, уходить из города? Где предел? Если есть предел тому делу, которое ты делаешь, то все дело не имеет смысла, или имеет только один ужасный смысл лицемерия.

Как тут быть? Что делать? Не остановиться, значит, погубить свою жизнь, завшиветь, зачахнуть, умереть, и без пользы как будто. Остановиться, значит, отречься от всего того, во имя чего делаешь то, что делаешь, во имя чего делал что-либо доброе. И отречься нельзя, потому что ведь это не выдуманно мною или Христом, что мы братья и должны служить друг другу: ведь это так. И нельзя вырвать этого сознания из сердца человека, когда оно вошло в него. Как же быть? Нет ли еще какого выхода? И вот представим себе, что люди эти, испугавшись того положения, в которое их ставила их необходимость жертвы, приводящей к неизбежной смерти, решили, что их положение происходит оттого, что средства, с которыми они

пришли на помощь народу, слишком малы и что этого не было бы и они принесли бы большую пользу, если бы у них было много денег.

И вот представим себе, что люди эти нашли источники помощи, собрали большие, огромные суммы денег и стали помогать. И не прошло бы недели, как случилось бы то же самое. Очень скоро все средства, как велики бы они ни были, разлились бы в углубления, которые образовала бедность, и положение осталось бы то же.

Но, может быть, есть еще третий выход. И есть люди, которые говорят, что он есть и состоит в том, чтобы содействовать просвещению людей, и тогда уничтожится это неравенство. Но выход этот слишком очевидно лицемерный. Нельзя просвещать население, которое всякую минуту находится на краю гибели от голода, а главное, неискренность людей, проповедующих этот выход, видна уже потому, что не может человек, стремящийся к установлению равенства хотя бы через науку, поддерживать это неравенство всей своей жизнью. Но есть еще четвертый выход, тот, чтобы содействовать уничтожению тех причин, которые производят неравенство, содействовать уничтожению насилия, производящему его. И выход этот не может не прийти в голову тем искренним людям, которые будут пытаться в жизни своей осуществлять свое сознание братства людей.

"Если мы не можем жить здесь, среди этих людей, в деревне, - должны будут сказать себе те люди, которых я представляю себе, - если мы поставлены в то ужасное положение, что мы неизбежно должны зачахнуть, завшиветь и умереть медленной смертью или отказаться от единственной нравственной основы нашей жизни, то это происходит оттого, что у одних скопление богатств, у других нищета; неравенство же это происходит от насилия, и потому, так как основа всего - это насилие, то надо бороться против него". Только уничтожение этого насилия и вытекающего из него рабства может сделать возможным такое служение людям, при котором не было бы неизбежности жертвы всей своей жизнью.

Но как уничтожить это насилие? Где оно? Оно в солдате, в полицейском, в старосте, в замке, которым запирают мою дверь. Как же мне бороться с ним? Где, в чем? И вот тут-то есть люди, все живущие насилием, и борющиеся с насилием, и насилием же борющиеся с ним. Но для человека искреннего это невозможно. Насилием бороться с насилием, значит, ставить новое насилие на место старого. Помогать просвещению, основанному на насилии, значит, делать то же самое. Собрать деньги, приобретенные насилием, и употребить их на помощь людям, обделенным насилием, значит, насилием лечить раны, произведенные насилием. Даже в том случае, который я представлял себе: не пустить больного к себе и на свою постель и не дать 3 рубля, потому что я силою могу удержать их, есть тоже насилие. И потому борьба с насилием не исключает необходимости в нашем обществе человеку, желающему жить по-братски, отдать свою жизнь, завшиветь и умереть, но при этом борясь с насилием: борясь проповедью ненасилия, обличением насилия и, главное, примером ненасилия и жертвы.

Как ни страшно и ни трудно положение человека, живущего христианской жизнью среди жизни насилия, ему нет другого выхода, как борьба и жертва жертва до конца. Надо видеть ту пучину, которая разделяет завшивевших, заморенных миллионы людей с перекормленными, в кружевах, другими людьми, и, чтобы заполнить ее, нужны жертвы, а не то лицемерие, которым мы теперь стараемся скрыть от себя глубину этой пропасти.

Человек может не найти в себе сил броситься в эту пропасть, но миновать ее нельзя ни одному человеку, ищущему жизни. Можно не идти в нее, но так и знать и говорить, а не обманывать себя, не лицемерить.

Да и нет, совсем не так страшна эта пучина. И если страшна, то страшнее те ужасы, которые предстоят нам на пути мирской жизни.

На днях были известия, справедливые ли, нет (в этих случаях любят выдумывать), что адмирал Тройон для соблюдения чести (честь флота, предназначенного на убийство), чести флота, отказался спастись и, как герой (скорее, как дурак), умер с своим кораблем. Ведь умереть от вшей, заразы, нужды, помогая людям и отдавая последнее, меньше шансов, чем умереть на маневрах, на войне.

Ведь эти вши, и черный хлеб, и нужда кажутся так страшны. Ведь дно нужды не глубоко, и мы часто, как тот мальчик, который с ужасом провисел целую ночь на руках в колодце, в который он упал, боимся воображаемой глубины и воды: под

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
мальчиком на пол-аршина ниже было сухое дно.

Но не надо надеяться на это дно, надо идти на смерть. Только та любовь, для которой нет конца жертвам до самой смерти.

Нынче 18 июля. Бегичевка. 1893. Ужасно давно не писал. За это время писал статью о письмах Золя и Дюма. Все еще не отослал. Поехал в Бегичевку 10-го. И хорошо здесь прожили. Заканчивал дело. Думал очень много и хорошего и забывал. Запишу кое-что.

[...] 4) Если бы кто сомневался в неразделимости мудрости и самоотречения, тот пусть посмотрит, как на другом конце всегда сходятся глупость и эгоизм.

5) Форма романа не только не вечна, но она проходит. Совесть писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо. [...]

19 июля. Продолжаю: 7) Есть две улыбки: одна радости, это хорошая, другая насмешливости: а) над другими, б) над собой, почти стыда; обе дурные.

[...] 11) Искусство, говорят, не терпит посредственности. Оно еще не терпит сознательности. Я певец, напоялся, надел фрак и галстуки и буду, стоя на эстраде, петь вам. И я весь похолодел, и мне противно. А кормилица с нянькой идут по саду и тихим голосом одна напевает, другая вторит народную песню. Кроме того, громко петь хорошо страшно трудно.

Нынче 16 августа 1893. Ясная Поляна. Почти месяц. И очень много пережил. Во-первых, кончил дело голодающих. Во-вторых, были Чертков, Поша. Кончил и отослал статью "Неделание" и по-французски и по-русски, и в-третьих, главное, появилась за границей выписка из этой книги об орловском деле, и началась суета, и воздействия, и ложные понимания, и клевета. Вчера Соня и Кузминские читали и указали мне на неточности: 1) то, что вешают в деревне, 2) что всегда секут, 3) обиды Зиновьеву. (Зиновьев прочел в Стокгольме и очень обижен, огорчен, озлоблен.) Нынче послали телеграммы, прося приостановить печатание всеми переводчиками. Кажется, поздно. Нынче ночью проснулся и стал мучительно думать. Так же мучительно думал и с вечера. И все хуже, хуже и был на границе нервного расстройства.

[...] думал: 1) Бывает, что человек вдруг с раздражением начинает защищать положение самое, на ваш взгляд, неважное. Вам кажется: это кирпич, и вся цена ему 3 к. Но для него этот кирпич есть замок свода, на котором построена вся его жизнь.

[...] 4) Не только всякое сумасшествие есть дошедший до последнего предела эгоизм, самодовольство, самовозвеличение (мания величия), но всякое ослабление духовной силы выражается увеличивающимся эгоизмом, самодовольством и самовозвеличением, исключительностью заботы о себе.

5) Разговор с социал-демократами (юноши и девицы). Они говорят: "Капиталистическое устройство перейдет в руки рабочих, и тогда не будет уже угнетения рабочих и неправильного распределения заработка". "Да кто же будет учреждать работы, управлять ими?" - спрашиваю я. "Само собой будет идти, сами рабочие будут распоряжаться". - "Да ведь капиталистическое устройство установилось только потому, что нужны для всякого практического дела распорядители с властью. Будет дело, будет руководство, будут распорядители с властью. А будет власть, будет злоупотребление ею, то самое, с чем вы теперь боретесь".

6) Что лучше мужчине и женщине: кокетничая, сходить на бале или над постелью тифозного больного? Первое лучше.

7) Никак нельзя сказать, не только полезна или бесполезна жизнь, которую ведет человек; но нельзя даже сказать, радостна она или нет. Это узнается только впоследствии, когда она вся видна будет. То же, что в работе. Спросите пахаря во время работы, радостна ли его жизнь. Он не знает и скорее думает, что радостна жизнь праздная богача, а спросите, когда он старик и вспоминает о своей жизни.

8) Августа 11, утро. Голубая дымка, роса как пришта на траве, на кустах и деревьях на сажень высоты. Яблони развисли от тяжести. Из шалаша пахучий дымок

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
свежего хвороста. А там, в ярко-желтом поле, уже высыхает роса на мелком овсяном жнивье и работа, вяжут, возят, косят, и на лиловом поле пашут. Везде по дорогам и на сучках деревьев зацепившиеся выдернутые, сломанные колосья. В росистом цветнике пестрые девочки, тихо напевая, полют, лакеи хлопочут в фартуках. Комнатная собака греется на солнце. Господа еще не вставали. [...]

23 августа 1893. Ясная Поляна. Пропустил пять дней. Был Страхов и Salomon. Беспокойство мое затихло. Но праздность не прекращается. Пытаюсь писать о религии, но не идет. Нынче был посланный от Кудрявцева за статьей. Я написал ему. Написал Дунаеву, Черткову, Лёвенфельду. С Страховым был неприятный разговор. Он говорит, что не видит необходимой связи между богатством богатых и нищетой бедных. Это удивительно. Нынче был в Овсянникове. Нет охоты писать, нет напряжения. А казалось бы, как много нужно и как много готово. Думал за это время:

[...] 3) Представлял себе, как прокурор или жандарм будет требовать от меня подписки не писать или чего подобного, говоря, что у меня на это высочайшее повеление. Не может быть высочайшее, потому что у меня высочайшее защищать братьев своих и обличать их гонителей. Есть только два средства заставить замолчать меня: или то, чтобы перестать делать то, что я обличаю, или убить меня, или запереть навеки; действительно только первое, и потому скажите тем, кто вас послал, чтобы они перестали делать то, что делают.

[...] 5) Противники христианства в жизни говорят: вы хотите уродства, разрушения всего. Посмотрите, как правильно и красиво идет наша жизнь. А послушаться вас, и будет разгром. Это все равно, что те люди, которые подштукатурят и подкрасят заваливающийся дом и, указывая на вырытые ямы для фундамента нового, скажут: вот, чего вы хотите.

6) С Страховым разговор: он хочет во всем находить хорошее и, по крайней мере, не пропускать его там, где оно есть. Но дело в том, что, как ни опасно пропустить хорошее, не оценив его, еще опаснее признать хорошим и удерживать то, что мы призваны всей нашей жизнью уничтожать и заменять. На ноже ходить.

7) Другой разговор с Страховым о том, что, как дошли люди теперь до обеспечения каждого человека от насилия, грабежа, убийства, от диких зверей, так теперь пора дойти до обеспечения каждого человека от голодной смерти. Это теперь предполагается только, но этого нет. Как скоро правительство берет в свое ведение человека, оно его кормит.

Теперь 9 часов вечера. Я устал очень, дурно спал. Нездоровится.

Страшно взглянуть на последнее число, записанное в дневнике, так давно я не писал: ровно месяц. Нынче 5 октября. Ясная Поляна. 93. Что было за это время? Лева все не поправляется. Борьба с Машей. Я написал Зандеру, он написал мне. Маша написала ему нехорошо. Это очень огорчило меня. Надо не мешать им жить, не мешать им ошибаться, не мешать им страдать и каяться и идти этим вперед. Таня уехала в Москву на смену Соне. Теперь Соня едет. Попов здесь. Мы с ним по немецкому Штраусу переводили Лаотзи. Как хорошо! Надо составить из него книжку. Все время писал статью о религии. Как будто кончил. Написал еще начерно статью о Мопассане. Вот и все. Мало думал и мало записывал. Вот что:

1) Наука - тюрьмоведение.

2) Есть два рода умов: один ум логический, эгоистический, узкий, длинный, и другой - чуткий, сочувствующий, широкий, короткий.

3) Есть два способа познания внешнего мира: один самый грубый и неизбежный способ познания пятью чувствами. Из этого способа познания не сложился бы в нас тот мир, который мы знаем, а был бы хаос, дающий нам различные ощущения. Другой способ состоит в том, чтобы, познав любовью к себе себя, познать потом любовью к другим существам эти существа; перенестись мыслью в другого человека, животное, растение, камень даже. Этим способом познаешь изнутри и образуешь весь мир, как мы знаем его. Этот способ есть то, что называют поэтическим даром, это же есть любовь. Это есть восстановление нарушенного как будто единения между существами. Выходишь из себя и входишь в другого. И можешь войти во все. Всё - слиться с богом, со Всем.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[...] 8) Говорят, одна ласточка не делает весны; но неужели оттого, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться. Так дожидаться надо тогда и всякой почке и травке, и весны не будет.

9) Да, добро только тогда, когда не знаешь, что его делаешь. Как только оглянулся, как в сказке о добывании живой воды, поющего дерева, так и пропало то, что добыл. Чтоб левая не знала, что делает правая – не предписание, а утверждение того, что когда левая знает, то это уже не добро.

[...] 15) Мужья ненавидят именно своих жен, как Лессинг сказал: была одна дурная женщина, и та моя жена. В этом виноваты сами женщины своей лживостью и комедиантством. Они все играют комедию перед другими, но не могут продолжать играть ее за кулисами перед мужем, и потому муж знает всех женщин разумными, добрыми, одну только свою знает не такой.

Вот и все. События были еще то, что "Revue des Revues" напечатала скверный перевод "Неделания", и это меня огорчило, и еще то, что я уже недели три совсем бросил чай, кофе, сахар и, главное, молоко и чувствую себя только бодрее. Вечер 10 ч.

Почти месяц не писал. Нынче 3 ноября 1893. Ясная Поляна. Мы живем одни с Машей уже вторую или третью неделю. Очень хорошо. Она совсем успокоилась. Лева едет за границу. Ему не лучше. "Le salut est en vous" ["Спасение в вас" (фр.)] вышло. Я кончил о религии. Написал "Тулон" и не посылаю. За это время мало думал, и если и думал, то не записал. Записано только следующее:

[...] 4) Жить до вечера и до веку. Жить так, как будто доживаешь последний час и можешь успеть сделать только самое важное. И вместе с тем так, как будто то дело, которое ты делаешь, ты будешь продолжать делать бесконечно.

5) Не думай никогда, что ты не любишь или что тебя не любят. Это только нарушена чем-то всегда существовавшая и существующая любовь между тобой и людьми, и тебе надо только постараться устранить то, что нарушает эту вечно связывающую между собой людей любовь – которая всегда есть.

Нынче 22 декабря 1893. И я уже более месяца в Москве. И ни разу не писал. Мне тяжело, гадко. Не могу преодолеть себя. Хочется подвига. Хочется остаток жизни отдать на служение богу. Но он не хочет меня. Или не туда, куда я хочу. И я ропщу. Эта роскошь. Эта продажа книг. Эта грязь нравственная. Эта суета. Не могу преодолеть тоски. Главное, хо сба чу страдать, хочу кричать истину, которая жжет меня.

За это время многое было. Первое то, что меня перетащили сюда. Соня так страдала, томилась, так видно это было по ее письмам, что я приехал. Другое, это то, что написал предисловие к Амиелю. Третье – это тяжелая, некончающаяся работа над "Тулоном", которую я не могу бросить. Написал еще притчи – не кончил. От Левы хорошие письма. Вот новая радость. Девочки ни то ни се. Маша медицина – Таня живопись. На днях был тут музыкант Шор. Мы с ним говорили о музыке, и мне в первый раз уяснилось истинное значение искусства, даже драматического. Это будет первое из того, что я думал за это время.

События были за это время еще: книга Sabbatier о франциске. Подняло во мне воспоминания о прежней страстности добра, полного, на деле, жизнью исполнения истины, потом Amiel, которого я перечитывал, и теперь новая книга Williams'a "True son of liberty" [Вильямса "Истинный сын свободы" (англ.)]. Прекрасно. Вызвало желание писать драму. Думаю иногда, что я вышел уже и не в силах писать. И мне грустно, точно как будто я и умирая буду писать и после смерти тоже. Недаром я записал в своей книжечке, скоро после приезда в Москву, что я забыл бога. Как страшно это забыть бога. А это делается незаметно. Дела для бога подменяются делами для людей, для славы, а потом для себя, для своего скверного себя. И когда ткнешься об эту скверность, хочется опять подняться.

1) Неясность определения искусств, музыки, например, происходит оттого, что мы хотим приписать им значение, соответственное тому несвойственному им высокому положению, в которое мы их поставили. Значение их: 1) помощь для передачи своих чувств и мыслей словом; вызывание настроения, соответствующего тому, что передается, и 2) безвредное и даже полезное, в сравнении со всеми другими, следовательно, полезнейшее из всех других удовольствий.

2) По свежезамерзшему льду можно пройти напросте, но если надо нести тяжесть, надо проломать лед до старого. Или, чтобы строить дом, надо выкопать. Не выходит эта притча.

[...] 7) Либералы у нас точно раскольники-старообрядцы. Все это кристаллизировало, окаменило их принципы. И они понимают только свое отношение к правительству; спор о перстах и т. п. Иное же отношение к тому, с чем они борются, кажется им не только чуждым, но враждебным. [...]

Дневник - 1894

Гриневка. Опять месяц и два дня, что не писал. Нынче 24 января 1894 года. Гриневка. У Илюши. Он за границей. Тяжело прожил этот месяц. Писал все только "Тулон". Немного подвинулся. Но вообще плохо. События за это время: 1) то, что недели три тому назад написал письмо государю о Хилкове и его детях. Ждал какого-нибудь ответа и радовался своей свободе. Письмо нехорошо. Больше сознания своей независимости, чем любви. 2) То, что, работая - воду возить перенатужился в мороз, и что-то сделалось в груди. И с тех пор слабость и близость смерти стала гораздо ощутительнее. 3) Глупое положение на съезде натуралистов, которое было мне очень неприятно. 4) Тяжесть от пустой, роскошной, лживой московской жизни и от тяжелых или, скорее, отсутствующих каких-либо отношений с женой особенно давила меня. Она не могла, потом не захотела понять, и этот грех ее мучает ее и меня, главное, ее. Девочки хороши. От них и от Левы радость. Последнее письмо от Левы. Он сердится на меня за то, что я допускаю эту безобразную жизнь, портящую подрастающих детей. Я чувствую, что я виноват. Но виноват был прежде. Теперь же уже ничего не могу сделать. Соня-сноха осталась одна, и мы решили ехать к ней. Опять то же дерганье, мучительство.

Господи, помоги мне. Научи меня, как нести этот крест. Я все готовлюсь к тому кресту, который знаю, к тюрьме, виселице, а тут совсем другой - новый, и про который я не знаю, как его нести. Главная особенность и новизна его та, что я поставлен в положение невольного, принужденного юродства, что я должен своей жизнью губить то, для чего одного я живу, должен этой жизнью отталкивать людей от той истины, уяснение которой дороже мне жизни. Должно быть, что я дрянь. Я не могу разорвать всех этих скверных паутинок, которые сковали меня. И не оттого, что нет сил, а оттого, что нравственно не могу, мне жалко тех пауков, которые ткали эти нити. Нет, главное, я дурен: нет истинной веры и любви к богу - к истине. А между тем, что же я люблю, если не бога - истину?

Познакомился с женой Хилкова. Та же женщина без нравственного двигателя. Еще с Волкенштейном и Меньшиковым: оба внешние, хорошие, добрые, умные последователи - особенно Меньшиков.

За это время думал:

1) Никак не отделаешься от иллюзии, что знакомство с новыми людьми дает новые знания, что чем больше людей, тем больше ума, доброты, как чем больше вместе углей горящих, тем больше тепла. С людьми ничего подобного: всё те же, везде те же. И прежние и теперешние, и в деревне и в городе, и свои и чужие, и русские, и исландцы, и китайцы. А чем больше их вместе, тем скорее тухнут эти уголья, тем меньше в них ума, доброты.

2) В книге Чичерина доказывается философски, что сущность христианства есть вочеловечение, искупление, воскресение. Нечто подобное же доказывается философски же в статье Александра Введенского. Это доказывает только то, что на философском жаргоне можно доказывать, что хотите, и потому ничего нельзя доказать.

[...] 5) Приехали к Илюше. С утра вижу, по метели ходят, ездят в лаптях мужики, возят Илюшиным лошадям, коровам корм, в дом дрова. В доме старик повар, ребенок-девочка работают на него и его семейство. И так ясно и ужасно мне стало это всеобщее обращение в рабство этого несчастного народа. И здесь, и у Илюши - недавно бывший ребенок, мальчик - и у него те же люди, обращенные в рабов, работают на него. Как разбить эти оковы. Господи! помоги мне, если ты открыл мне это так ясно и так нудишь меня. [...]

[9 февраля. Ясная Поляна.] Уехали от Сони Толстой 1-го. Мне было очень хорошо

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

там. Я полюбил ее. Приехав сюда, узнал, что тут Хохлов, и стало очень неприятно. Надо было бороться. Все эти дни здесь были посетители. Сначала Поша, который только радостен, потом М. Н. Чистяков с Тарабариним, мужиком рационалистом. Он был только день, и было только приятно; потом Емельян. Этот очень понравился всем нам. А мне был особенно интересен тем, что уяснил мне смысл сектантства. Он старший был и отказался. Все молокане, штундисты одинаково организованы и заимствуют свою организацию друг у друга. Та же внешняя обрядность и подчиненность власти, как и у православных, и потому то же подобие благочестия, т. е. лицемерие. Потом вчера приехал Ге старший. Он увлекается искусством.

Нынче 9 февраля 1894. Ясная Поляна. Все та же во мне слабость физическая и умственная. Работа "Тулона" идет все так же плохо. Много есть концов средних, но нет настоящего сильного. Может быть, оттого, что начало легкомысленно. Мне продолжает быть серьезно и значительно. Дрожжин умер, замученный правительством. От государя никакого ответа, и неизвестно, читал ли он. Чертков был нездоров, теперь поправился и пишет, но не приезжает уже. Думал за это время с ужасной силой о значении своей жизни, но высказать не могу и 1/100 того, что чувствовал! Думал:

[...] 3) Ясно пришла в голову мысль повести, в которой выставить бы двух человек: одного – распутного, запутавшегося, павшего до презрения только от доброты, другого – внешне чистого, почтенного, уважаемого от холодности, не любви. Очень вял и слаб.

[23 марта. Москва.] И я жив. Почти 1 1/2 месяца не писал в эту тетрадь. За все это время писал "Тулон" и дней пять тому назад кончил и решил не переводить и не печатать. И это облегчило меня. Поша вернулся. Была Хилкова. Письмо не имело никакого действия – скорее, вредное.

Событие и важное и тяжелое – это установившиеся у Тани отношения с -. Самые чистые, хорошие дружеские отношения, но исключительные. Это было скрытое влюбление. Она мне сказала, и я говорил с ним. Они решили откинуть все излишнее, исключительное. Он уехал. Во мне это возбуждает мучительное и скверное чувство – унижение за нее. Таня ездила к Лева в Париж, и вот с неделю как они приехали. Он хорош, нравственен, но болезнь все гнетет его. С Соней отношения хороши, но... Я собираюсь ехать к Черткову. Занимаюсь опять теорией искусства, по случаю предисловия к Мопассану. Предисловие тоже не выходит. Многие хочется писать, но как будто сил нет. Надо попробовать чисто художественное. Думал за это время:

[...] 2) Художественное произведение есть то, которое заражает людей, приводит их всех к одному настроению. Нет равного по силе воздействия и по подчинению всех людей к одному и тому же настроению, как дело жизни и, под конец, целая жизнь человеческая. Если бы столько людей понимали все значение и всю силу этого художественного произведения своей жизни! Если бы только они так же заботливо лелеяли ее, прилагали все силы на то, чтобы не испортить его чем-нибудь и произвести его во всей возможной красоте. А то мы лелеем отражение жизни, а самой жизнью пренебрегаем. А хотим ли мы, или не хотим того, она есть художественное произведение, потому что действует на других людей, созерцается ими.

3) Терять людей?! Мы говорим: я потерял жену, мужа, отца, когда они умерли. Но ведь часто и очень часто бывает, что мы теряем людей, которые не умирают; так расходимся с ними, что они хуже, чем умерли. А напротив, часто, когда люди умирают, мы тогда-то и находим их, сближаемся с ними.

[...] 5) Красотой мы называем теперь только то, что нравится нам. Для греков же это было нечто таинственное, божественное, только что открывавшееся.

[...] 7) Часто за это последнее время, ходя по городу и иногда слушая ужасные, жестокие и нелепые разговоры, приходишь в недоумение, не понимаешь, чего они хотят, что они делают, и спрашиваешь себя: где я? Очевидно, дом мой не здесь. [...]

21 апреля 1894. Москва. Почти месяц не писал. За это время были у Черткова с Машей. Прекрасная поездка. И у Чертковых и у Русановых. Отравило поездку распутывание Таниного тяжелого дела. Как они, бедные, слабы! (Так же, как и мы.) Читал их дневники. Мучительно было и хорошо. Это сблизило меня с Таней еще больше. Она мне импонировала своей привлекательностью и грацией. А она такая

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

маленькая, шаткая, слабая, но милая девочка. Они обе как-то опустились. Впрочем, так же, как и все мы. Мне все кажется, что мы все уяснили себе, свое положение, свое призвание, и приготовились к делу, к борьбе, к жертве, а борьбы и жертвы и усилий нет, и нам скучно. Правда, мы и сами виноваты тем, что не умели освободиться, не нарушая любви, от соблазнов, а от этого нам нет дела. Но мы или виноваты, или нет, дело в том, что нам нет дела, кроме желания распространения. А это не дело – это делается само собою. Надо ждать твердо, будучи готовым к тому часу, когда призвешься к действию. Полюбил и оценил Галю. Очень полюбил Русанову и ее детей.

Лева поправляется. С ним так же близки, но почему-то не так, иначе, чем с девочками. Был Сережа. С ним был разговор тяжелый очень. У него озлобление на меня и за девочек, за то, что они движутся, а он нет. Самоуверенный, с несоизмеримым знаменателем. Но зато какая бы радость, если бы он опомнился! Илюша – дитя, но старательно поддерживающий – к несчастью, до сих пор есть на это средства – в себе ошаление. С Соней хорошо. Вчера думал: наблюдая ее отношение к Андрюше и Мише. Какая это удивительная мать и жена в известном смысле. Пожалуй, что Фет прав, что у каждого та самая жена, какая нужна ему. Андрюша весел и добр, но глуп, подражателен и тщеславен. Миша был очень неприятен мне за эгоизм, теперь лучше.

За все это время писал предисловие к Мопассану, кажется, уяснилось вполне, и еще катехизис, который напрасно затеял, не окончив начатого. А тут еще статья об искусстве, которую мне дал Чертков и которую я одобрил, но теперь опять стал поправлять. "Тулон" решил послать переводчикам. Все одобряют.

За это время думал:

[...] 2) ужасно смотреть на то, что богатые люди делают с своими детьми. Когда он молод, и глуп, и страстен, его втянут в жизнь, которая ведется на шее других людей, приучат к этой жизни, а потом, когда он связан по рукам и по ногам соблазнами – не может жить иначе, как требуя для себя труда других, тогда откроют ему глаза (сами собой откроются глаза). И выбирайся, как знаешь: или стань мучеником, отказавшись от того, к чему привык и без чего не можешь жить, или будь лгуном. [...]

[3 мая. Ясная Поляна.] Читал вчера поразительную по своей наивности статью профессора Казанского университета Капустина о вкусовых веществах. Он хочет показать, что все, что люди употребляют: сахар, вино, табак, опиум даже, необходимо в физиологическом отношении. Эта глупая, наивная статья была мне в высшей степени полезна; она ясно показала мне, в чем лицемеры науки полагают дело науки. Не в том, в чем она должна быть: определении того, что должно быть, а в описании того, что есть. Совершенное извращение науки совершилось именно со времени экспериментальной опытной науки, то есть науки, которая описывает то, что есть, и потому не наука, потому что то, что есть, мы все так или иначе знаем и описание этого никому не нужно. Люди пьют вино, курят табак, и наука ставит себе задачей физиологически оправдать употребление вина и табаку. Люди убивают друг друга, наука ставит себе задачей оправдать это исторически. Люди обманывают друг друга, отнимают для малого числа землю или орудия труда у всех, и наука экономически оправдывает это. Люди верят в нелепицы, и теологическая наука оправдывает это.

Задачей науки должно быть познание того, что должно быть, а не того, что есть. Теперешняя же наука, напротив, ставит себе главной задачей отвлечь внимание людей от того, что должно быть, и привлечь его к тому, что есть и что поэтому никому знать не нужно.

Сегодня 3 мая 1894. Ясная Поляна. Приехали сюда с Машей. Провожали нас Соловьев и Ярошенко, с которым приятно сблизился. Я почувствовал себя нездоровым с первого дня. Маша на другой день слегла. Теперь ей лучше. Вчера приехали Таня, Вера и Ге. Я был непокоен о Тане. Все время ничего не мог писать. Нынче утром делал пасьянсы и думал. Все думал о катехизисе. Это гораздо – как всегда бывает – серьезнее, и важнее, и труднее, чем я думал. [...]

Нынче 15 мая. Ясная Поляна. 94. Целую неделю и больше нездоров. Началось это, мне кажется, с того дня, как меня расстроила печальная выходка Сони о Черткове. Все это понятно, но было очень тяжело. Тем более, что я отвык от этого и так радовался восстановившемуся – даже вновь установившемуся доброду, твердому,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

любовному чувству к ней. Я боялся, что оно разрушится. Но нет, оно прошло, и то же чувство восстановилось. Ее нет. Она приезжает послезавтра. Тут Таня, Лева, Маша, Саша, Ванечка. Все очень милы и радостны. Был американец Crosby. Не знаю, как определить его. Хороши книги Kenworthy. Написал ему глупое письмо и еще много писем. Прекрасная статья Адлера о четырех страданиях, которые все учительны и могут быть приняты, как благо: нужда, болезнь, горе и грех.

Ничего не писал. Слаб. Катехизис мало подвинулся, но, кажется, выйдет. Начал поправлять Лаотцы. Нынче художественное поэтично думал. За это время записано только одно:

1) Благо матерьяльное себе приобретается только в ущерб другим. Благо духовное – всегда через благо других.

Нынче 2 июня 1894. Ясная Поляна. Сейчас получил телеграмму о смерти Ге. Не пишутся слова: смерть Ге. Как все-таки мы слепы и видим только то, что нам кажется. Так, нам кажется, нужен был он с своими проектами и планами. Но нет. Я его очень – не хочу говорить: любил, очень люблю, но все-таки мне казалось, что он, хотя далеко не кончил в смысле художественном, далеко не кончил в смысле христианского развития движения. Страшно писать это. Но это казалось мне. Мне ужасно жалко его. Это был прелестный, гениальный старый ребенок. [...]

13 июня 1894. Ясная Поляна. Мне казалось, что прошло два дня, а прошло больше десяти дней. За это время ездил к Булыгину. Он очень силен. Ему прислала жена гостинцев. Он отослал назад, прося прислать только того, что можно поделить со всеми. Приехала Машенька, сестра, Вера, был Сережа. Самое важное событие – смерть Ге. Я никогда не думал, что я так сильно любил его. Работа моя не идет. Чувствовал себя очень дурно. Нынче получше. Написал все письма. [...]

14 июня 1894. Ясная Поляна. Писал изложение проекта Генри Джорджа. Не писал катехизиса, не идет. Чертков вчера был очень возбужден. Нынче к нему ездила Соня. Его не было дома. У Булыгина. Утром ходил за грибами, купался. Решил прекратить писание. Перечел все свои художественные начала. Все плохо. Если писать, все надо сначала, более правдиво, без выдумки. После обеда пошел к Марье Александровне. Встретил калеку, 40-летнюю женщину, была прачкой, простудилась и идет раздетая, разутая, убогая, голодная, без денег. У Марьи Александровны рассказал про Бекетова, который говорит, что так жить, работа на себя весь день (стирая), нельзя. Так кто же будет стирать? Та прачка. От колечки непонятное письмо. Десять лет его жизни была ошибка. Десять лет жизни без упрека в грехе, образовании этих прачек, поедании чужих жизней, ошибка! Удивительно. Думал по этому случаю:

1) Мы переживаем теперь тот неизбежный момент во всяком процессе отрезвления. Пена должна осесться, дым рассеяться, размах прекратиться для того, чтобы началось – настоящий твердый, неуправляемый рост. Будут и есть уже охлаждения, отпадения, отречения и даже предательства. Тем лучше. Прожигается все то, что может сгореть.

2) Смотрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат. В нагроможденных облаках просвет, и там, как красный неправильный уголь, солнце. Все это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем.

Нынче 25 июня 1894. Ясная Поляна. 11 дней не писал. За это время нового и поразительного только известие об обысках у Попова и Поши в Костроме. Боюсь, что мы слишком радуемся началу и подобию гонений и желаем их. Они оба очень просто и твердо держали себя. Но – рады. Страшно за них. Как бы не почувствовали страдание, когда их запрут и будут мучить. Совестно и обидно самому быть на воле. Стараюсь не желать и не искать.

[...] Тяжелое за это время: развращенность мальчишек, Андрюши и Миши, главное, Андрюши. Миша еще по годам цел; но при том баловстве и отсутствии нравственного авторитета будет то же. С неделю тому назад он (Андрюша) пропал до часу на хоровах, я сказал ему, что он будет Бибиков, и лучше ему уйти из дома и жить на деревне; вчера, без всяких хороходов, было то же самое: он ушел на деревню, и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

его до часа не было дома. Я очень мучился о нем; но победил личную досаду и, когда он пришел, вышел и сказал ему, чтобы он не думал, что мы спали, а знал бы, что мы ждали и мучились. Хочется кротко поговорить с ним. Положение наших детей очень дурно: нравственного авторитета нет никакого. Соня разрушает старательно мой, а на место его ставит свои комические требования приличия, выше которых им легко стать. Жалко и их и ее. Ее мне особенно жалко стало последнее время. Она видит, что все, что она делала, было не то и не привело ни к чему хорошему. Сознаться же в том, что она виновата в том, что не пошла за мной, ей невозможно почти. Это слишком ужасно бы было раскаяние.

Продолжаю думать об изложении учения, и мне кажется совершенно ясно, но все еще не пишется. За это время думал:

[...] 2) Говорят: искусство естественно, птица поет. На то она птица. А человек – человек – имеет высшие требования. Да и если он поет, как птица, то он прекрасно делает, но если он собирает сотни музыкантов, изуродованных людей, в своих консерваториях, которые в белых галстуках играют непонятную симфонию, то он не может уже отговариваться птицей: он тратит разум, данный ему для высших целей, на подражание – и неудачное – птице. [...]

26 июня 1894. Ясная Поляна. Писал день тому назад. Все слаб физически и умственно. А, напротив, духовно тверд, и потому радостно.

[...] Вчера Соня заболела и Ваня нынче. Теперь им лучше. Приехал Вячеслав с женой и Лиза с Сашей. Теперь 4-й час дня, иду пройтись до обеда. Пошел на песочные ямы. Там мужики, влезая в яму, работают с опасностью для жизни. За обедом сказал, что надо сделать карьер. Соня сначала говорит, что она не даст денег. Была минута раздраженья. Хочешь подставлять другую, когда ударят по одной, а когда представляется настоящий случай, как теперь, то хочешь не подставить, а отдать. После обеда пошел с Вячеславом, решил сделать карьер. Приехал Сережа. Мне тяжело, но я думаю, что я мало виноват. Пошел с Чертковым, говорил ему о его недоброте к Марье Александровне и Озмидову. Потом к рабочим. Слава богу, не забываю "единого на потребу". Вечером разговор слевой. Он упрекает, что я мало верю в его болезнь. Можно было мягче и добрее быть с ним.

Нынче 27 июня 1894. Ясная Поляна. Утро встал с дурными мыслями, ничего не писал. Читал Шопенгауэра. [...] Разговор с Владимиром Федоровичем о критике. Вспомнил знаменитое колечкино изречение, что критика – это когда глупые говорят об умных. Пробовал писать изложение учения – не могу, нет охоты. Все слабость, боль спины. Только бы, не переставая, делать дело божие – в себе. Помогите, господа, 12-й час дня.

29 июня 1894. Ясная Поляна. Утро. За эти два дня ничего интересного. Был Цингер Иван. Поползновения изменить жизнь, не глубокие. Девочки Толстых. Я вчера усердно косил. Пробовал писать. Не идет. [...]

Вернулись вчера Таня и Миша. Были два офицера: один старый, закурившийся, нервный, другой юноша. Оба ничего не читали. Едва ли не одно любопытство. Потерял странно часы. Все чаще и чаще и живее думаю о смерти, смерти только плотской. Той, которая ужасала меня прежде, уж не вижу теперь. Отчего бы не дожить до страстного любопытства? Но нет, нельзя, не дано. Лучше в этом отношении только готовность.

Читаю Шопенгауэра Parerga. У него странная ошибка: характер не изменен, всякая борьба бесполезна, а между тем характер есть следствие предшествующей жизни. Отчего же он стал таким, а не иным? Он изменился. Вот эти-то изменения и составляют задачу нашей жизни. Производятся они не рассуждением, не борьбой, но опытом, не средой, но любовью, но всем этим вместе. Отрицать что-либо из этого значит отрицать жизнь, одну из сторон жизни.

1 июля 94. Ясная Поляна. Утро. Оба дня довольно много для моих сил работал на покосе. Маша в большой артели. Вчера мне помогала Таня. Вчера утром встал очень свеж, и пришли ряд мыслей о слепоте людей, борющихся с анархизмом уничтожением анархистов, а не исправлением порядка жизни того самого, во имя безобразия которого борются анархисты.

Был прекрасный порыв мысли с ясностью и яркостью, сжатой последовательностью. Не стал писать прежде окончания начатого; а начатое было письмо Kenworthy и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
катехизис. Писал письмо Kenworthy. Порядочно. Шел на покос, ясно представилось и краткое исповедание веры, но забыл теперь. Вечером приехал Чертков, а потом Давыдов. Дурно спал. Записать нечего.

6 июля. Ясная Поляна. 94. Все эти дни работал на покосе. Здоров. Вчера только от жары заболела печень. Приехал Петр Ге. Рассказывал об отце и о брате. Было и письмо от Колечки. Не понимаю его. Сейчас хочу писать ему. Письмо было от Великанова. Неприятно перевозносит меня. Лева возбуждает во мне тяжелое чувство. Барство, проникающее его всего. Вчера был Озмидов. Жалок своей изуродованной жизнью. Я написал письмо Kenworthy. Вчера прибавил к нему. M-ss Welsh переводит. "Тулон" вышел по-английски.

Думал:

[...] 2) Июль 3. До обеда. Яркий, жаркий день. Около дома, в тени забора, мухи, не переставая, жужжат над навозом, а там в степи на солнце дрожит, блестит раскаленный воздух.

3) Вспомнил свою изломанность, испорченность. Я испорчен и ранней развращенностью, и роскошью, обжорством и праздностью. Если бы этого всего не было, я бы теперь, в 65 лет, был свеж и молод. Но разве эта испорченность пропала даром. Все мои нравственные требования выросли из этой испорченности. Теперь утро. Мне хочется спать. Не могу писать. Вечером был у Черткова, он болен.

8 июля. [...] Был на покосе, распорядился. Утром разговоры с Страховым и Лазурским.

[...] За эти дни думал много, но не записывал и позабыл. Помню следующее:

[...] 2) По случаю мерзкой книги Prïvost, который тоже в предисловии рассуждает о нравственности, думал (давно известно): что художник поучает не тому, чему хочет, а тому, чему может. То, что он победил в себе, что стало *überwundener Standpunkt* [преодоленной точкой зрения (нем.)], то он может обличить, то, что он не только считает хорошим, но то, что он страстно любит, то только он может заставить полюбить. А не то, что ему вздумается. Это лучше всего доказывает то, что художник действует не доводом, а мимичностью, вызывая подражательность.

3) Целей искусства две: одна – животная игра, плясать, как теленок, петь, как птица поет, развлекать сказками, как развлекали сказочники, и другая, человеческая – двигаться вперед и этим содействовать движению людей к установлению царства божия. И потому есть две точки зрения на искусство, которые обыкновенно смешиваются: животная и человеческая, и с животной точки зрения можно судить только про животное искусство, а с человеческой можно судить про то и другое. И с человеческой животное хорошо только тогда, когда оно содействует требованиям человека. Когда же оно не содействует, но и не противоречит, оно безразлично, когда же противодействует, оно дурно.

Из этого смешения происходят все недоразумения об искусстве; человек с животной точки зрения судит об искусстве человеческом или об искусстве, противодействующем человеческим целям, и т. п. в разных перемещениях. [...]

13 июля 94. Ясная Поляна. Пропустил вчерашний день. Третьего дня читал. Были Марья Александровна и Люстиг, вечером поехал к Черткову. Он в жару говорит с Страховым. Он передал мне выписки из моего дневника – очень хорошие. Мне неприятно, что он так хвалит. Здоровье лучше, но слаб. Вчера дурно спал, но здоровье лучше. Утром не мог работать, даже писать писем. Страхов читал мне свою статью. Недостаток ее тот, что она никому ни на что не нужна. Приехал Ваня Раевский. Я с ним не поговорил. Вечером поехал к Черткову, застал там Кунов. Все бесцветно, бесполезно. Ничего не вписал в книжку. Здоровье поправляется. Нынче тихо, приятно. Хочу писать письма, теперь 11 часов.

Нынче, кажется, 17 июля 94. Ясная Поляна. Вчера, 16, целый день ничего не делал, кроме чтения. Был вечером у Черткова. Он все болен.

15. Вечером диктовал Маше драму – "Петра Мытаря". Утром писал письмо Третьякову. 14. Утром много писал. Опять дурно спал, чувствовал себя очень слабым. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

19 июля 1894. Ясная Поляна. Вчера 18. Не писал. Все та же слабость. Нынче еще хуже. И спина болит. Вчера с утра просители, потом дама Пржевальская совсем бесполезная. Ни я ей, ни она мне не нужна. Утром немного пописал. Дидерихсы тяжелые. Все помню, что живу перед богом, но очень слаба жизнь. Чуть сочтется. Только бы сочилась чистая. Ничего не записал. Теперь скоро 12. Пропустил один день. Ездил утром с Касаткиным на Гилевские заводы. Мало интересного. Очень устал. Вечером ездил к Черткову. Вчера ходил купаться. Очень слаб. Страхов читал мои начала и поощряет меня к продолжению. Ездил с Соней к Черткову. Дорогой говорил немного о смысле жизни. Немного лучше говорим с нею. Вечером Андрюша опять пропадал на деревне. Тяжелый разговор с Соней. Он, Андрюша, ей рассказывал, что мужики на покосе рассказывали, что будто Тимофей мой сын. Жалко детей. Нет у них авторитета, под прикрытием которого они бы росли и окрепли. Вчера написал довольно много. Но плохо.

Вот никак бы не думал, что две недели не писал. Сегодня 9 августа 94. Ясная Поляна. Вечером, 10-й час. Ничего не случилось за это время. Нет, случилось. Лева уехал в Москву с Таней. Очень жаль его – жаль за его духовную слабость. Третьего дня уехала и Маша, чтобы отпустить Таню. Тут был Евгений Иванович. Я виделся с ним хорошо, но нет истинного сближения. Все время часто вижусь с Чертковым. Он физически болен; но духовно тверд. Пишем гора, которые я все еще не уменьшал. Все время, за исключением редких дней, как нынешний, пишу свой катехизис. Как будто все уясняется, но нет еще той формы, которая удовлетворила бы меня.

Была за это время Маккаган с сыном и привезла книги, от Генри Джорджа. Прочел вновь "Perplexed philosopher" ["Запутавшийся философ" (англ.)]. Прекрасная. Очень живо сознал вновь грех владения землей. Удивительно, как не видят его. Как нужно бы писать об этом – написать новый "Uncle Tom's Cabin" ["Хижину дяди Тома" (англ.)]. Вчера получил статью от Сергеева и статью из "Gegen den Storm" ["Против течения" (нем.)]. Сколько правды говорится со всех сторон, и как она не слышится людьми. Нужно что-то еще, что-то другое.

За это время думал: 1) неважное, то, что для согласия супругов надо, чтобы во взгляде на мир и жизнь, если они не совпадают, тот, кто менее думал, покорился бы тому, кто думал более. Как бы я счастлив был покориться Соне, да ведь это так же невозможно, как гусю влезть в свое яйцо. Надо бы ей, а она не хочет – нет разума, нет смирения и нет любви.

Сегодня 18 августа 94. Ясная Поляна. Вечер, 10 часов. Нынче утром писал письма: 1) Ждан, 2) Шмиту, 3) Алехину, 4) Кашкину, 5) Сергееву. Потом поехал к Булыгину. Колечки там не было. [...] О науке думал: мы говорим: наука, что бы она ни исследовала – спектр, Млечный Путь, года Марциана, бацилл и т. п., непременно будет полезна. А надо говорить так: то, что нужно на пользу людям, только такие знания мы можем назвать наукой.

Об анархистах: огромным всесторонним трудом мысли и слова разумение распространяется между людьми, усваивается ими в самых разнообразных формах, и, пользуясь самыми странными средствами, оно <начинает> захватывать людей: кто из моды, кто из хвастовства, под видом либерализма, науки, философии, религии, оно становится свойственным людям. Люди верят, что они братья, что нельзя угнетать братьев, что надо помогать прогрессу, образованию, бороться с суевериями; оно становится общественным мнением, и вдруг... террор, французская революция, 1-е марта, убийство Карно, и все труды пропадают даром. Точно набранная по капле плотинной вода одним ударом лопаты уходит и без пользы размывает поля и луга. Как могут не видеть вреда насилия анархисты? Как бы хотелось написать им об этом. Все так, все верно – то, что они рассуждают и делают, распространяя понятия о бесполезности, вреде государственного насилия. Только одно надо им заменить: насилие – убийство – не участием в насилиях и убийствах.

Ужасна та духовная стена, которая вырастает между людьми – иногда десятки лет живущими вместе и как будто близкими. Хочешь пробить ее и, как муха за стеклом или птичка, бьешься во все места стекла, и нигде нет прохода и возможности соединения. Думаешь иногда: может быть, и я такой же, представляю такую же стену для других. Но нет, я знаю, что я открыт, и зову, и ищу сближения, и радостно принимаю всякое обращение, всякий вызов откровенности. [...]

Вот уже никак не думал, что пропустил пять дней. Нынче 27 августа 94. Ясная Поляна. Уехал Маковицкий. Приехала Таня. Я написал несколько писем. Приехал Илья

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
- ребенок - испорченный. Я как будто добрее.

[...] Вчера Таня ездила в Овсянниково делать условие с мужиками. Мне это было больно. Я молчал. Она грустна. Я спросил, она сказала, что Овсянниково, и заплакала. Говорит: делать гадости, которые никому не нужны. Вот и радость. Подарок к рождению.

28 августа 94. Ясная Поляна. Вот и 66 лет. Вот и тот срок, который казался мне столь отдаленным; а работа катехизиса далеко не окончена, и никакой новой не начато. Оба дня, вчера и нынче, мне было очень грустно по вечерам. Вчера написал об этом письмо Леве и Маше. Нынче утром поработал над катехизисом. Казалось, что подвинулся, что увидел все целое. Но едва ли.

Говорил с Таней. Она только желает отделаться от собственности. Постараюсь наилучшим образом устроить ей это. [...]

Нынче 30 августа 1894. Ясная Поляна. Вчера не записал ничего. С утра выговаривал мальчикам за их распущенность. Мало, почти ничего не писал. Все верчусь на одном. Рубил лес с колпенским мужиком. Вечером ездил в Овсянниково, но ничего не говорил с мужиками. Пьяны.

[...] Романы кончаются тем, что герой и героиня женились. Надо начинать с этого, а кончать тем, что они разженились, то есть освободились. А то описывать жизнь людей так, чтобы обрывать описание на женитьбе, это все равно, что, описывая путешествие человека, оборвать описание на том месте, где путешественник попал к разбойникам.

1 сентября 1894. Ясная Поляна. Пропустил один день. Записывать нечего, ни в внешнем мире, ни во внутреннем. Тут Великанов. Очень умен и согласен, но неприятен. Тут же Михаил Максимыч. Табачная держава. Много говорит хорошего. Утром вчера много писал, казалось хорошо. Составил конспект весь. Но нынче стал перечитывать, все осудил и начал сначала и ничего почти не сделал. Слабость умственная. Ничего не записал, хотя было что. Получил вчера кучу писем.

6 сентября. Никак не ожидал, что пропустил четыре дня. Нынче 6 сентября 94. Ясная Поляна. Теперь 5-й час дня. Утром работал над катехизисом. Боюсь сказать, что подвигаюсь, потому что так незаметно, а между тем нет неудовлетворенности, и каждый день новое, и все уясняется. Утром в постели, после дурной ночи, продумал очень живой художественный рассказ о хозяине и работнике. После завтрака пилил с Андряном дубы.

Вчера, пятого, вечером был в Овсянникове и прекрасно покончил с мужиками. Будут платить по 425 р. на общественные потребности. Разъяснил им весь смысл дела. [...]

[8 сентября.] Пропустил один день. 8 сентября. 94. Ясная Поляна. Вечер. Вчера очень мало писал, но много думал. Все начал с начала. После завтрака рубил с Давыдовым, вечером читал. Приехала Маша. Все хорошо, но она скучная. Нынче утро все только читал и не садился за стол, ездил с девочками верхом в Овсянниково, утром с мужиками писал условие - кое-как. Я мало спал и потому ничего не писал. Вечером хорошо, ясно думал о том, что жить можно только дурно - похотями, и хорошо - только одним: добротой, желанием, усилием быть добрее и добрее.

Думал еще: то, что только с сильными, идеальными стремлениями люди могут низко падать нравственно. Только птица с крыльями может стремглав броситься вниз с дерева или крыши. Сознание силы подъема духовного - крыльев.

Пропустил. Нынче 10 сентября 94. Ясная Поляна. Вчера писал порядочно. Потом ездил в Тулу к нотариусу и Рудакову. У нотариуса было желание сделать известным поступок Тани. Это скверно. Встретил Евдокимова. Он живет с проституткой. Я старался внушить ему, что это дело и большое: оживить ее. Рудаков пришел к пессимизму в теории и к семейности в жизни. Устал вчера, и желудок неладен. И оттого нынче вял. Утром приехал Горбунов и Якубовский. Якубовский не нравится мне. Разумеется, оттого, что я гадок. Вчера утром, проснувшись, думал об ответе об анархизме, как быть без правительства, англичанину.

Читал прекрасную книжечку Guyard. У него есть: цель жизни - благо, средство к совершенствованию, орудие - любовь. Думал: На вопрос: как быть без государства,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

без судов, войска и. т. п. Ответ не может быть дан на вопрос, потому что он дурно поставлен. Вопрос не в том – устроить государство: по-нынешнему или по-новому. Я и никто из нас не приставлен к решению этого вопроса. А решению нашему подлежит, и не произвольно, а неизбежно, вопрос о том, как мне поступить в постоянно становящейся передо мною дилемме: подчинить ли свою совесть делам, совершающимся вокруг меня, признать ли себя солидарным с правительством, которое вешает заблудших людей, гонит на убийство солдат, развращает опиумом и водкой народ и т. п., или подчинить свои дела совести, то есть не участвовать в правительстве, дела которого противны моему сознанию? А что из этого выйдет, какое будет государство, этого я ничего не знаю, и не то, что не хочу, но не могу знать. Знаю только то, что из того, что я буду следовать вложенному в меня высшему моему свойству разума и любви или разумной любви, ничего дурного выйти не может. Как не может выйти ничего дурного из того, что пчела будет следовать вложенному ей высшему инстинкту, будет вылетать с роем из своего дома, казалось бы, на погибель. Но повторяю, я об этом судить не хочу и не могу. [...]

[14 сентября.] Я пропустил день и ошибся днем. Сегодня 14 сентября. Ясная Поляна, 94. Третьего дня ездил в кожуховку к погорелым. Был хороший день. Вечером хотел писать, но надо было проводить гостей. Вчера утром немного работал, потом поехал в Овсянниково решить вопрос о лесе и саде. Все очень хорошо устроилось. Вечером сел писать и написал рассказ о метели. Нехорошо. Писал до 12. Сегодня утром встал нездоровый, бок болит, и целое утро делал пасьянсы. Ничего не написал. Теперь завтракать. Надо не выходить.

Вчера был юноша технолог, читал критику на "Царство божие" и желал прочесть все. Не знаю, нужно ли ему. Как будто он слаб.

Нынче 16 сентября. 94. Ясная Поляна. Вчера писал немного, но хорошо обдумал и составил конспект до конца. Потом пошел рубить. Много работал. Чувствую себя вполне здоровым. Вечер читал письма и статьи с почты. Ничего особенно интересного. От Лебедевой. О бабистах. Третьего дня вечером измучил меня студент харьковский, просивший дать ему на дорогу 10 р. Нынче так же хорошо писалось, но не кончил и даже запутался. Неясен вопрос о боге. Бог-творец, бог-личность совершенно излишнее и произвольное представление. Записал только сравнение равнодушия лошади, идущей под ветками, и неравнодушия и страдания даже верхового на ней, которого по лицу бьют ветки, с равнодушием толпы, идущей навстречу известным, обычным для них условиям жизни, и неравнодушия о страданиях людей, которые выше многими головами толпы, не могут быть равнодушны от этих явлений и страдают от них.

Дети очень милы. И все хорошо очень, а мне грустно.

17 сентября. 94. Ясная Поляна. Е. б. ж.

[20 сентября.] Три дня не писал; сегодня 20. Вчера еще я ездил в Козловку, третьего дня много рубил и 4-го дня ходил с детьми в Ясенки. По утрам все дни писал. Нынче с утра или вчера с вечера начался очень сильный насморк и кашель. Надо употребить это нездоровье на пользу; не осуждать других, а самому перенести так, чтобы никого не беспокоить, никому не быть неприятным и, главное, продолжать служить.

В писании вышли две версии. Последняя (параллельная) кажется лучше. Надо только ввести понятие желанья блага, которое, не освещенное разумом, является себялюбием, и освещенное или освобожденное разумом, является любовью, более или менее истинной, по мере степени освещения разумом. [...]

23 сентября. Свадебный день, 32 года. Е. б. ж.

[24 сентября.] Вчера не записал. Утром очень хорошо писал. Подвигаюсь, Маша уехала в Москву. Я ездил в Овсянниково. Вечером отвозил Марию Александровну. Читал.

24 сентября 94. Ясная Поляна. Нынче тоже утром хорошо работалось. Таня мне все переписала. Странное дело, как только вспомню об Овсянникове, о том, что Таня отдала его мужикам, мне неприятно, неловко. Во 2-ом часу ходил с лопатой на Козловку и там чинил дорогу. Очень устал. Вернулся, ждали Соню, но она не приехала, будет завтра. Я с особенным нетерпением ее жду. Как бы удержать при ней то же доброе чувство, которое я имею к ней без нее.

Думал много о том, что я писал Цецилии Владимировне. Говорил про это с Марьей Александровной. Вот где настоящая эмансипация женщин: не считать никакого дела бабьим делом, таким, к которому совестно притронуться, и всеми силами, именно потому, что они физически слабей, помогать им, брать от них всю ту работу, которую можно взять на себя. Точно так же и в воспитании, именно в виду того, что, вероятно, придется родить и потому меньше будет досуга, именно в виду этого устраивать для них школы не хуже, но лучше мужских, чтобы они вперед набрали сил и знаний. А они на это способны. Вспомнил свое грубое в этом отношении эгоистическое отношение к жене. Я делал, как все, то есть делал скверно, жестоко. Предоставлял ей весь труд, так называемый бабий, а сам ездил на охоту. Мне радостно было сознать свою вину.

Еще думал: увидал Ваксу, собаку, изуродованного, безногого, и хотел прогнать его, но потом стыдно стало. Он болен, некрасив, уродлив, за это его гнать. Но красота влечет к себе, уродство отталкивает. Что же это значит? Значит ли то, что надо искать красоту и избегать уродства? Нет. Это значит то, что надо искать того, что дает своим последствием красоту, и избегать того, что дает своим последствием уродство: искать добра, помощи, служения существам и людям, избегать того, что делает зло существам и людям. А последствие будет красота. Если все будут добры, все будет красиво. Уродство есть указание греха, красота - указание безгрешности - природа, дети. От этого в искусстве поставление целью его красоты - ложно.

Маша недобра уехала. Неужели ревнует к Тане, с овсянниковской историей, избави бог. Надо написать ей.

Нынче 4 октября 94. Ясная Поляна. Иду назад. Сейчас 12-й час ночи. Сидел наверху с Сережей сыном, и - какая радость - ни малейшего прежнего недоброго чувства к нему, а, напротив, теплится - любовь. Благодарю тебя, отец любви любовь. Нынче рождение Тани. Ей 30 лет. Она грустна, тиха и, кажется, неспокойна сердцем. Помоги ей бог. Днем спал, утро писал. Перевязывал ногу. Вчера вечер сидел с Legras. Тоже и днем, утром писал. Нога болела. Третьего дня, 3-го, приехал из Пирогова с больной ногой. Застал Соню очень бодрою и доброю. Все становится лучше и лучше. Утром выехал из Пирогова, где очень дружелюбно провел 2-е и 1-е, 1-го ехал на Вятчике и так уморил его, что он стал. Написал письмо Маше и Трегубозу. Много думал дорогой и за эти дни и многое забыл. Все об изложении веры. [...]

Нынче 8 октября. Ясная Поляна. 1894. Нынче приехал Поша и Страхов. У Страхова был обыск, и ему объяснили, что Толстой теперь другой и опасен. Мне как будто не захотелось гонения. И стыдно стало за это на себя. Уж очень хорошо было дома с Соней. Нынче же целый день и вечером она постаралась опять сделать мне радостным гонение. Целый день: то яблоны украденные и острог бабе, то осуждения того, что мне дорого, то радость, что Новоселов перешел в православие, то толки о деньгах за "Плоды просвещения". Я ослабел, и мой светик любви, который так радостно освещал мою жизнь, начал затемняться. Не надо забывать, что не в делах этого мира жизнь, а только в этом свете. И я как будто вспомнил. [...]

9 октября. Болезнь и, вероятно, скорая смерть государя очень трогает меня. Очень жалко. Утром пришел Рудаков. Я стал работать, но уперся перед соблазнами. Подразделение и самое определение произвольны и нет точности. Обдумывал, но ни на что не решился. Ездил в Деменку, возил бандаж старику. Окунулся в нищету деревни. Как дурно, что давно уже не вступаю в нее. Жалеешь своего времени, хочешь все сказать, что имею сказать, а сил нет. И если сблизиться с деревней, то нет ровного настроения, которое, кажется, нужно для работы. Я говорю, кажется, нужно, потому что не уверен в том, что должно. Если бы работа в деревне, общение с народом шло ровно, естественно, без борьбы, а то, кроме чистой искусственности отношений, еще борьба в семье и - тяжело, не по силам.

Страхов очень приятен, он уехал в Москву. Соня нехороша, беспрестанно цепляет.

Сегодня 13 октября. 94. Ясная Поляна. Сегодня писал утром. Все движется, уясняется внутри, но излагается еще плохо.

[...] Вчера приехала утром Маша с Верой Северцевой. Маша хороша, спокойна. Лева возбуждает жалость, он и государь. Рубил дрова с Пошей. Вечером дочитывал: дружба Гете с Шиллером. Много думалось при чтении и об эстетике, и о своей

драме. Хочется писать. Может быть, и велит бог.

Третьего дня тоже писал, уехал Страхов, я рубил деревья с мужиком. 10-го приехал Поша с Страховым. Оба были мне очень приятны. Завтра Соня уезжает. Думал за это время:

1) Теперь люди носятся с теорией искусства – ставя идеалом его одни красоту, другие – полезность, третьи – игру. Вся путаница происходит оттого, что люди хотят продолжать считать идеалом то, что уже пережито и перестало быть им. Таковы – полезность и красота. Искусство есть умение изображать то, что должно быть, то, к чему должны стремиться все люди, то, что дает людям наибольшее благо. Изобразить это можно только образами. Таких идеалов человечество пережило два и теперь живет для третьего. Прежде всего полезность: и все полезное было произведением искусства, так оно и считалось; потом прекрасное и теперь доброе, хорошее, нравственное. Путаница происходит оттого, что хотят пережитое поставить опять идеалом, как бы взрослых заставить играть в куклы или лошадки. Надо бы сказать это ясно и кратко. [...]

Больше недели не писал. Нынче 21 октября. Ясная Поляна. 94. Соня уехала, Таня приехала. Ее состояние лучше. За это время все та же работа, и так же, еще медленнее подвигается. Нынче решил вновь писать народным, понятным всем языком. Здоровье не совсем хорошо. Нет энергии. Но душевное состояние прекрасное.

Дня три тому назад перечитывал свои дневники 84 года, и противно было на себя за свою недоброту и жестокость отзывов о Соне и Сереже. Пусть они знают, что я отрекаюсь от всего того недоброго, что я писал о них. Соню я все больше и больше ценю и люблю. Сережу понимаю и не имею к нему никакого иного чувства, кроме любви. [...]

[26 октября] Нынче 26, три дня не писал. За это время событие было то, что я написал Попову, прося его прекратить переписку с Таней. Она покорила. Она очень хороша. Нынче лежит, у нее кашель и насморк. Вчера ездил в Ясенки, утром писал письма к Розен и англичанину, а нынче тоже. Третьего дня тоже работа, проводил Ильюшу с Цуриковым. И испытал большую радость – не только не осуждал Ильюшу, но жалел и любил его. Такой он слабый и добрый.

Читаю "Morticoles" ["Помощники смерти" (фр.)], и думается, что и моего тут капля меду есть. Очень полезная и знаменательная книга. Нынче умер Павел, сапожник. Все спрашивал жену: Не заходили за мной? И все прислушивался к окнам. А ночью вскрикнул: Идут. Сейчас. И умер. Только старикам, как мне, заметна эта краткость, временность жизни. Это так ясно, когда один за другим вокруг тебя исчезают люди. Только удивляешься, что сам все еще держишься. И стоит ли того (хоть только с этой точки зрения), появившись на такой короткий промежуток времени, в этот короткий промежуток наврать, напутать и наделать глупости. Точно, как актер, у которого только одна короткая сцена, который долго готовился к этой сцене, одет, гримирован, и вдруг выйдет и соврет, осрамится сам и испортит всю пьесу.

Думал за это время две казавшиеся мне важными вещи:

1) То, что всякий человек, как бы он ни был порочен, преступен, неучен, неумен, какие бы он ни делал гадости и глупости, непременно считает себя совершенно правым. И сердиться на него за это нельзя и не надо: ему нельзя не считать себя правым. Если бы он не считал себя правым, он не мог бы жить так, как он живет.

Человек одаренный (праведный) и обремененный (грешный) разумом не может жить противно рассуждению. И потому, если он хочет жить противно разуму, он и придумывает такие рассуждения, которые не только оправдывают его, но доказывают ему, что именно так, а не иначе он и должен поступать.

Чтобы не считать себя правым – ему надо перестать жить, как он жил.

Человек может только двояко судить о себе: считать себя совсем правым или совсем виноватым. Считает себя совсем правым тот, кто не хочет изменять своей жизни и разум свой употребляет на оправдание того, что было, и считает себя совсем виноватым тот, кто хочет совершенствоваться и разум свой употребляет на познание того, что должно быть. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Пропустил один день. Сегодня 30 октября 94. Ясная Поляна. Все эти дни чувствую себя очень слабым умственно. Вчера еще проработал немного и вечером поправил письма, но нынче и не открывал тетради. И грустно, уныло все время, хотя ничто не тревожит, напротив, все очень хорошо. Девочки спокойны и милы. Письма хорошие. Вчера было письмо от Левы, которое тронуло меня.

Думал: 1) О присяге, о которой мы говорили вчера с Петром Цыганком. Велено присягать 12-летним. Неужели они думают связать этим детей? Разве не очевидно это самое требование показывает их вину и сознание ее. Хотят удержать и спасти тонущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие и само потонет еще скорее. [...]

Пропустил несколько дней. Нынче 2 ноября. Ясная Поляна. 94. Время летит с ускоряющейся быстротой, особенно заметной при той праздности, в которой я живу. Проходит осень, лучшее время года. А я ничего еще не сделал.

[...] Теперь 10 часов вечера. Завтра едем в Пирогово Нынче 4 ноября. Ясная Поляна. 94. В Пирогово не поехали. Девочки нашли в Козловке письмо от Сони, в котором она отчаивается. Вчера же вечером получил письмо, из которого видно, что все прошло. Я оба дня не брался за писанье. Не хочется писать и думать. Хочется работать руками, ездить. Нынче приехал Сережа. Мне с ним хорошо. Опять он чувствует, что я иду ему навстречу, и он приближается. Письмо от Гуревич, справедливо возмущенное всем бешенством подлости и дурачества, и от Соловьева очень ласковое. Теперь 10-й час.

Ничего уже не придется делать. Таня жалуется, что жизнь прошла - ее 30 лет - без пользы и что напортила себе. Это хорошо, что она так думает. Машу посылают за границу. Завтра.

Пять дней не писал. Сегодня 10 ноября. 94. Москва. Особенно во внешней жизни за это время ничего не случилось. Переехали в Москву, был у нас Булыгин, те же безумие и подлость по случаю смерти старого и восшествия нового царя. В Москве тяжело от множества людей. Внутренне то, что работа как будто подвигается и уясняется это Хорошее, а нехорошее то, что нет уже той свежести сознания присутствия бога и нет той любовности, которая была прежде. Это чувствую в отношениях с Соней и Левой.

Думал за это время все о своем писанье и, что думал, то вписал или впишу туда. Было записано на листе, и потерял. Помню только то, что шествие через Москву с гробом было очевидным лицедейством, которое должны были производить цари. Такое лицедейство они производят всю жизнь: в этом проходит вся их жизнь, А люди еще завидуют им. Было трогательное письмо от какого-то молодого человека из Петербурга, спрашивает: зачем жить? Я вчера написал ему.

Нынче 20 ноября. 1894. Москва. Как будто услышал мою молитву, и я чувствую - особенно нынче - во время прогулки чувствовал радость жизни. Нынче писал довольно успешно. Остальное время поправлял биографию Дрожжина. Вчера ночью было тяжелое столкновение. Слава богу, я все время помнил о боге, и все стало во благо. Вчера вечером набралась толпа гостей. Прежде всех приехал Богоявленский и Сопочко. Я начал читать Богоявленскому катехизис и прочел начало. Мне было интересно слушать. Все-таки лучше, чем я ожидал. Днем был у Страхова, ходил с Евгением Ивановичем. Все хорошо, писалось порядочно. Только один день был слаб. За это время написал предисловие к сказочке "Карма" и послал. Думал много за это время. Многого не записал и забыл, а вот что помню.

[...] 2) Иду по Кремлю мимо стен кремлевских и бойниц и думаю: было время, когда это было нужно; нужны были и пыточные приспособления, и орудия казни, и цензуры, а пришло время, и уже некоторые из этих предметов и для некоторых людей уже представляют только памятники древности. Так же придет время, когда так будут показывать пушки, сабли, крепости, мундиры, ордена. [...]

Нынче 25 декабря, вечер. Больше месяца не писал. Было за это время из событий то, что приходили студенты, я им написал письма в Петербург. Еще с Левой грустное столкновение. На днях радостный для меня приезд Чертковых. Писал учение блага. Я недавно, дней десять, оставил и сначала писал "Сон молодого царя", а потом "Хозяин и работник". И, кажется, кончу. Катехизис все так же люблю и думаю о нем беспрестанно. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Нынче 31 декабря. Прошло пять дней. Все это время писал рассказ "Хозяин и работник". Не знаю, хорошо ли. Довольно ничтожно. Был здесь Чертков. Вышло очень неприятное столкновение из-за портрета. Как всегда, Соня поступила решительно, но необдуманно и нехорошо. Прекрасная книга Lachman'a "Weder Dogma, noch Glaubensbekenntnis, sondern Religion" [Лакмана "Не догмат и не вероисповедание, а религия" (нем.)], надо написать ему. Приятная беседа с Еропкиным, - добрая.

1) Видел Веру Величкину, ее брата, приятеля и его сестру. Всех их продержали 1 1/2 месяца в доме предварительного заключения, и все четверо без исключения с радостью вспоминали о своем пребывании там. Я нарочно спрашивал подробно, не было ли жутко там хоть первое время. Оказывается, что Вера Величкина поправилась, окрепла нервами, отдохнула. Обращение мягкое. Уединение и беззаботное спокойствие.

2) Лева говорил, что они долго беседовали с Ваней Раевским о том, что молодые люди нашего времени чахнут и нервно болеют оттого, что нет поприща деятельности, и много другого, очень хитроумного говорили они между собой. А сводится все к религии горшка, как говорил дедушка, к тому, чтобы не заставлять других служить себе в самых первых простых вещах. Ведь вся христианская мораль в практическом ее приложении сводится к тому, чтобы считать всех братьями, со всеми быть равными - это сознание было главным переворотом 582 отом в моей жизни, а для того, чтобы исполнить это, надо прежде всего перестать заставлять других работать на себя, а при нашем устройстве мира - пользоваться как можно меньше работой, произведениями других, тем, что приобретается за деньги, как можно меньше тратить денег, жить как можно проще. А они - самые добрые из них, желающие быть согласными со мною, обходят это требование, называя его односторонностью, преувеличением, и нарушая первое, главное правило нравственности, хотят жить нравственно. Понятно, что у них ничего не выходит при этом. И они тоскуют и гибнут. [...]

Дневники 1895

3 января 1895. Никольское. Олсуфьевы. Поехали, как предполагалось, 1-го. Я до последнего часа работал над "Хозяином и работником". Стало порядочно по художественности, но по содержанию еще слабо. История с фотографией очень грустная. Все они оскорблены. Я написал письмо Черткову. Мне и перед этим нездоровилось, и поехал я нездоровый и слабый. Приехали прекрасно. На другой день и нынче ничего не делал - читал, гулял, спал. Вчера был оживленный спор о православии. Вся неясность понимания происходит оттого, что люди не признают того, что жизнь есть участие в совершенствовании себя и жизни. Быть лучше и улучшить жизнь. Ничего не записал за эти дни. Теперь 9-й час вечера сонливость.

Нынче 6 января 95. Никольское. Я совсем здоров и начал опять работать над "Катехизисом": вчера и нынче. Очень занимает и очень близко, но все не нахожу формы и недоволен. Третьего дня вечером читал свой рассказ. Нехорошо. Нет характера ни того, ни другого. Теперь знаю, что сделать. Два раза спорил с Дмитрием Адамовичем. Он пристроил себе практическое в славянофильском духе служение народу, то есть пуховик, на котором лежать, не работать. Все дело в том, что они признают жизнь неподвижною, а не текущею. Что-то очень важное думал вчера и забыл. Михаил Адамович явно боится Тани. И очень жаль. А она худа и бледна. Получил много приятных писем: от Kenworthy, от Сергеевко и Stadling'a. Думал.

Служба, торговля, хозяйство, даже филантропия не совпадают с делом жизни: служением царству божию, то есть содействию вечному прогрессу.

Жизнь истинная - в движении вперед, в улучшении себя и улучшении жизни мира через улучшение других людей. Все, что не ведет к этому, не жизнь, тем более то, что препятствует этому. Теперь 6 часов вечера. Пойду походить и на елку. Нынче был в больнице и присутствовал при операции.

29 января 95. Москва. Больше трех недель не писал.

Хорошо прожил у Олсуфьевых. Больше всего был занят рассказом. И все еще не кончил, хотя он в корректурах. Событие важное, которое, боюсь, для меня не останется без последствий, это дерзкая речь государя. Были на собрании Шаховского. Напрасно были. Все глупо, и очевидно, что организация только

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
парализует силы частных людей. Здесь тоже поправил по корректурам. Хорошие письма и статьи о "Патриотизме и христианстве". Кое-что записано, но теперь некогда, постараюсь записать вечером.

Нынче 7 февраля – утро 11 часов. Москва. 95. Не только не успел записать в тот же день вечером, но вот прошло больше недели. За это время написал маленькое предисловие к биографии Дрожжина и продолжал поправлять рассказ. Несчастный рассказ. Он был причиной вчера разразившейся страшной бури со стороны Сони. Она была нездорова, ослабла, измучилась после болезни милого Ванечки, и я был нездоров последние дни. Началось с того, что она начала переписывать с корректуры. Когда я спросил зачем...

Помоги не отходить от тебя, не забывать, кто я, что и зачем я? Помоги.

Думал за это время:

1) Сумасшествие это эгоизм, или наоборот: эгоизм, т. е. жизнь для себя, для одной своей личности, есть сумасшествие. (Хочется сказать, что другого сумасшествия нет, но еще не знаю, правда ли.) Человек так сотворен, что он не может жить один, так же как не могут жить одни пчелы; в него вложена потребность служения другим. Если вложена, т. е. естественна ему потребность служения, то положена и естественна потребность быть обслуживаемым, *eire servi*. Если человек лишится второй, т. е. потребности пользоваться услугами людей, он сумасшедший, паралич мозга, меланхолия; если он лишится первой потребности служить другим, он сумасшедший всех самых разнообразных сортов сумасшествий, из которых самый характерный мания величия.

Самое большое количество сумасшедших это сумасшедшие второго рода – те, которые лишились потребности служить другим – сумасшествие эгоизма, как я это и сказал сначала. [...] Такие сумасшедшие: все составители богатств, честолюбцы гражданские и военные.

[...] 4) Положение просвещенного истинным братолюбивым просвещением большинства людей, подавленных теперь обманом и хитростью насильников, заставляющих это большинство самим губить свою жизнь, положение это ужасно и кажется безвыходным. Представляются только два выхода, и оба закрыты: один в том, чтобы насилие разорвать насилием, террором, динамитными бомбами, кинжалами, как делали это наши нигилисты и анархисты, вне нас разбить этот заговор правительств против народов; или вступить в согласие с правительством, делая уступки ему, и, участвуя в нем, понемногу распутывать ту сеть, которая связывает народ и освобождает его. Оба выхода закрыты.

Динамит и кинжал, как нам показывает опыт, вызывают только реакцию, нарушают самую драгоценную силу, единственную, находящуюся в нашей власти общественное мнение; другой выход закрыт тем, что правительства уже извели, насколько можно допускать участие людей, желающих преобразовать его. Они допускают только то, что не нарушает существенного, и очень чутки насчет того, что для них вредно, чутки потому, что дело касается их существования. Допускают же они людей, несогласных с ними и желающих преобразовать правительства, не только для того, чтобы удовлетворить требованию этих людей, но для себя, для правительства. Правительствам опасны эти люди, если бы они оставались вне правительств и восставали бы против них, усиливали бы единственное сильнейшее правительств орудие – общественное мнение, – и потому им нужно обезопасить этих людей, привлечь их к себе посредством уступок, сделанных правительством, обезвредить их вроде культуры микробов – и потом их же употреблять на служение целям правительств, то есть угнетение и эксплуатирование народа.

Оба выхода плотно и непробивно закрыты. Что же остается? Насилием разорвать нельзя – увеличиваешь реакцию; вступать в ряды правительств тоже нельзя, становишься орудием правительства. Остается одно: бороться с правительством орудием мысли, слова, поступков жизни, не делая ему уступок, не вступая в его ряды, не увеличивая собой его силу. Это одно нужно и, наверно, будет успешно. [...]

15 февраля 1895. Бог помог мне; помог тем, что хотя слабо, но проявился во мне любовью, любовью к тем, которые делают нам зло. То есть единственной истинной любовью. И стоило только проявиться этому чувству, как сначала оно покорило, загло меня, а потом и близких мне, и все прошло, то есть прошло страдание.

Следующие дни было хуже. Она положительно близка была и к сумасшествию, и к самоубийству. Дети ходили, ездили за ней и возвращали ее домой. Она страдала ужасно. Это был бес ревности, безумной, ни на чем не основанной ревности. Стоило мне полюбить ее опять, и я понял ее мотивы, а поняв ее мотивы, не то что простил ее, а сделалось то, что нечего было прощать. Послал вчера в "Северный вестник", и здесь печатают у ней и в "Посреднике". Я написал и отдал три притчи.

15 февраля 1895. Москва. Утро, встал усталый и не мог ничего работать. Приходил Иван Иванович и Гольцев. Я отказал подписать петицию о законности в печати.

Нынче, кажется, 21 февраля 1895. Москва. Эти пять дней поправлял притчи, поправлял "Хозяина и работника" и обдумывал, не могу сказать, что писал "Катехизис". Здоровье Сони совсем установилось.

[...] Событие, за это время сильно поразившее меня, это пьянство и буйство петербургских студентов. Это ужасно. [...] Еще событие: отказ Шкарвана, требование присяги без клятвы от Алехина и других в Нальчике, штраф Поши, как мне кажется, начинающееся прямое столкновение с правительством. Очень хочется написать об этом, и несколько раз ясно представлялось. Ясно представлялось, как описать ложь, среди которой мы живем, чем она поддерживается, и тут же включить то простое мирозерцание, которое я выражаю в "Катехизисе".

Думал:

[...] 4) Еще в это время в разговоре с юношей Горюшиным, приятелем Павла Петровича, уяснилось о том, о чем не переставая думаю, - о государстве: мы дожили до того, что человек просто добрый и разумный не может быть участником государства, то есть быть солидарным, не говорю про нашу Россию, но быть солидарным в Англии с землевладением, эксплуатацией фабрикантов, капиталистов, с порядками в Индии - сечением, с торговлей опиумом, с истреблением народностей в Африке, с приготовлениями войн и войнами. И точка опоры, при которой человек говорит: я не знаю, что и как государство, и не хочу знать, но знаю, что я не могу жить противно совести, - эта точка зрения непоколебима, и на этой должны стоять люди нашего времени, чтобы двигать вперед жизнь. Я знаю, что мне велит совесть, а вы, люди, занятые государством, устраивайте, как вы хотите, государство так, чтобы оно было соответственно требованиям совести людей нашего времени. А между тем люди бросают эту непоколебимую точку опоры и становятся на точку зрения исправления, улучшения государственных форм и этим теряют свою точку опоры, признавая необходимость государства, и потому сходят с своей непоколебимой точки зрения. Неясно, но я думаю, что напишу на эту тему. Очень мне кажется важно. [...]

Нынче 26 - ночь. 1895. Москва. Похоронили Ванечку. Ужасное - нет, не ужасное, а великое душевное событие. Благодарю тебя, отец. Благодарю тебя.

Нынче 12 марта 95. Москва. Так много перечувствовано, передумано, пережито за это время, что не знаю, что писать. Смерть Ванечки была для меня, как смерть Николеньки, нет, в гораздо большей степени, проявление бога, привлечение к нему. И потому не только не могу сказать, чтобы это было грустное, тяжелое событие, но прямо говорю, что это (радостное) - не радостное, это дурное слово, но милосердное от бога, распутывающее ложь жизни, приближающее к нему событие.

Соня не может так смотреть на это. Для нее боль, почти физическая разрыва, скрывает духовную важность события. Но она поразила меня. Боль разрыва сразу освободила ее от всего того, что затемняло ее душу. Как будто раздвинулись двери и обнажилась та божественная сущность любви, которая составляет нашу душу. Она поражала меня первые дни своей удивительной любовностью: все, что только чем-нибудь нарушало любовь, что было осуждением кого-нибудь, чего-нибудь, даже недоброжелательством, все это оскорбляло, заставляло страдать ее, заставляло болезненно сжиматься обнажившийся росток любви. Но время проходит, и росток этот закрывается опять, и страдание ее перестает находить удовлетворение, vent в всеобщей любви, и становится неразрешимо мучительно. Она страдает в особенности потому, что предмет любви ее ушел от нее, и ей кажется, что благо ее было в этом предмете, а не в самой любви. Она не может отделить одно от другого; не может религиозно посмотреть на жизнь вообще и на свою. Не может ясно понять, почувствовать, что одно из двух: или смерть, висящая над всеми нами, властна над нами и может разлучать нас и лишать нас блага любви, или смерти нет, а есть ряд

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
изменений, совершающихся со всеми нами, в числе которых одно из самых
значительных есть смерть, и что изменения эти совершаются над всеми нами, -
различно сочетаясь одни прежде, другие после, - как волны.

Я стараюсь помочь ей, но вижу, что до сих пор не помог ей. Но я люблю ее, и мне
тяжело и хорошо быть с ней. Она еще физически слаба. [...] Таня, бедная и милая,
тоже очень слаба. Все мы очень близки друг к другу, как Д. хорошо сказал: как,
когда выбыл один листок, скорее и теснее сбиваются остальные. Я чувствую себя
очень физически слабым, ничего не могу писать. Немного работал над
"Катехизисом". Но только обдумывал. Написал письмо Шмиту с программой
международного "Посредника". За это время вышел "Хозяин и работник", и слышу со
всех сторон похвалы, а мне не нравится, и несмотря на то, чувство мелкого
тщеславного удовлетворения.

Нынче захотелось писать художественное. Вспоминал, что да что у меня не кончено.
Хорошо бы все докончить, именно:

1) Коневская. 2) "кто нрав". 3) "Отец Сергей". 4) "Дьявол в аду". 5) "купон". 6)
"Записки матери". 7) "Александр I". 8) Драма. 9) "Переселенцы и башкиры". Рядом
с этим кончать "Катехизис". И тут же, затеяв все это - работы лет на восемь по
крайней мере, завтра умереть. И это хорошо.

За это время думал:

[...] 3) Смерть детей с объективной точки зрения: природа пробует давать лучших
и, видя, что мир еще не готов для них, берет их назад. Но пробовать она должна,
чтобы идти вперед. Это запрос. Как ласточки, прилетающие слишком рано,
замерзают. Но им все-таки надо прилетать. Так Ванечка. Но это объективное
дурацкое рассуждение. Разумное же рассуждение то, что он сделал дело божие:
установление царства божия через увеличение любви - больше, чем многие,
прожившие полвека и больше.

[...] 6) Да, жить надо всегда так, как будто рядом в комнате умирает любимый
ребенок. Он и умирает всегда. Всегда умираю и я.

[...] 8) Несколько дней после смерти Ванечки, когда во мне стала ослабевать
любовь (то, что дал мне через Ванечкину жизнь и смерть бог, никогда не
уничтожится), я думал, что хорошо поддерживать в себе любовь тем, чтобы во всех
людях видеть детей - представлять их себе такими, какими они были [в] 7 лет. Я
могу делать это. И это хорошо.

9) Радость жизни без соблазна есть предмет искусства.

10) С особенной новой силой понял, что жизнь моя и всех только служение, а не
имеет цели в самой себе.

11) Читал дурную статью Соловьева против непротивления. Во всяком нравственном
практическом предписании есть возможность противоречия этого предписания с
другим предписанием, вытекающим из той же основы. Воздержание: что же, не есть и
сделаться неспособным служить людям? Не убивать животных, что же, дать им съесть
себя? Не пить вина. Что ж, не причащаться, не лечиться вином? Не противиться злу
насилием. Что же, дать убить человеку самого себя и других?

Отыскивание этих противоречий показывает только то, что человек, занятый этим,
хочет не следовать нравственному правилу. Все та же история: из-за одного
человека, которому нужно лечиться вином, не противиться пьянству. Из-за одного
воображаемого насильника - убивать, казнить, заточать.

Теперь 12 дня. [...]

Нынче 18. Утро. Прошло пять дней. Ничего не делал. По утрам думал над
"Катехизисом". Один раз немного пописал к "Отцу Сергию", но не хорошо. Маша
уехала к Илье. Сопя переходит с тяжелым страданием на новую ступень жизни.
Помоги ей, господи. Все это время болит голова и большая слабость. По вечерам
было много посетителей. И мне очень тяжело с ними.

Писательство, особенно художественное, прямо нравственно вредно мне. И я, когда
я писал "Хозяина и работника", поддавался желанию славы. И те похвалы и успех

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
служат верным показателем того, что это было дурное дело. Нынче я как будто
немного нравственно проснулся. Началось это пробуждение уже дня два тому назад.
[...]

Сегодня 27 марта 1895. Москва. Написал или, скорее, исправил письма Шмиту и
Кенворти за это время и кое-кому еще. И, кроме этого, к стыду моему, ничего не
делал. Письма к Кенворти и Шмиту с затеей европейского издания мне не нравятся.
Как будто в глубине души голос говорит, что это нехорошо. И я думаю, что
нехорошо. Ничего не писал; не недоволен собою. Любовь божия не покидает меня.

Мне с Сережей хорошо и легко. И не помню недоброго чувства к кому бы то ни было
за все это время. Так как я не слышу всех осуждений, а слышу одни похвалы за
"Хозяина и работника", то мне представляется большой шум и вспоминается анекдот
о проповеднике, который на взрыв рукоплесканий, покрывших одну его фразу,
остановился и спросил: или я сказал какую-нибудь глупость? Я чувствую то же и
знаю, что я сделал глупость: занявшись художественной обработкой пустого
рассказа. Самая же мысль не ясна и вымученна – не проста. Рассказ плохой. И мне
хотелось бы написать на него анонимную критику, если бы был досуг и это не было
бы заботой о том, что не стоит того.

За это время был в тюрьме у Изюмченки и в больнице у Хохлова. Изюмченко очень
прост и бодр. Хохлов жалок очень. Тоже надо бы написать о жестокости этого
насилия. Соня все так же страдает и не может подняться на религиозную высоту.
Должно быть, страданье это нужно ей и делает в ней свою работу. Жаль ее. Но
верю, что так надо.

[...] Вчера думал о завещании Лескова и подумал, что мне нужно написать такое
же. Я все откладываю, как будто еще далеко, а оно во всяком случае близко. Это
хорошо и нужно не только потому, что избавляет близких от сомнений и колебаний,
как поступить с трупом, но и потому, что голос из-за гроба бывает особенно
слышен. И хорошо сказать, если есть что, близким и всем в эти первые минуты.

Мое завещание приблизительно было бы такое. Пока я не написал другого, оно
вполне такое.

1) Похоронить меня там, где я умру, на самом дешевом кладбище, если это в
городе, и в самом дешевом гробу – как хоронят нищих. Цветов, венков не класть,
речей не говорить. Если можно, то без священника и отпеванья. Но если это
неприятно тем, кто будет хоронить, то пускай похоронят и как обыкновенно с
отпеванием, но как можно подешевле и попроще.

2) В газетах о смерти не печатать и некрологов не писать.

3) Бумаги мои все дать пересмотреть и разобрать моей жене, Черткову В. Г.,
Страхову, (и дочерям Тане и Маше) (что замарано, то замарал сам. Дочерям не надо
этим заниматься), тем из этих лиц, которые будут живы. Сыновей своих я исключаю
из этого поручения не потому, что я не любил их (я, слава богу, в последнее
время все больше и больше любил их), и знаю, что они любят меня, но они не
вполне знают мои мысли, не следили за их ходом и могут иметь свои особенные
взгляды на вещи, вследствие которых они могут сохранить то, что не нужно
сохранять, и отбросить то, что нужно сохранить. Дневники мои прежней холостой
жизни, выбрав из них то, что стоит того, я прошу уничтожить, точно так же и в
дневниках моей женатой жизни прошу уничтожить все то, обнаружение чего могло
бы быть неприятно кому-нибудь. Чертков обещал мне еще при жизни моей сделать
это. И при его незаслуженной мною большой любви ко мне и большой нравственной
чуткости, я уверен, что он сделает это прекрасно. Дневники моей холостой жизни я
прошу уничтожить не потому, что я хотел бы скрыть от людей свою дурную жизнь:
жизнь моя была обычная дрянная, с мирской точки зрения, жизнь беспринципных
молодых людей, – но потому, что эти дневники, в которых я записывал только то,
что мучало меня сознанием греха, производят ложно одностороннее впечатление и
представляют...

А впрочем, пускай остаются мои дневники, как они есть. Из них видно, по крайней
мере, то, что несмотря на всю пошлость и дрянность моей молодости, я все-таки не
был оставлен богом и хоть под старость стал хоть немного понимать и любить его.

Из остальных бумаг моих прошу тех, которые займутся разбором их, печатать не
все, а то только, что может быть полезно людям.

Все это пишу я не потому, чтобы приписывал большую или какую-либо важность моим бумагам, но потому, что вперед знаю, что в первое время после моей смерти будут печатать мои сочинения и рассуждать о них и приписывать им важность. Если уже это так сделалось, то пускай мои писанья не будут служить во вред людям.

4) Право на издание моих сочинений прежних: десяти томов и азбуки прошу моих наследников передать обществу, то есть отказаться от авторского права. Но только прошу об этом и никак не завещаю. Сделаете это – хорошо. Хорошо будет это и для вас, не сделаете – это ваше дело. Значит, вы не могли этого сделать. То, что сочинения мои продавались эти последние десять лет, было самым тяжелым для меня делом в жизни.

5) Еще и главное прошу всех и близких и дальних не хвалить меня (я знаю, что это будут делать, потому что делали и при жизни самым нехорошим образом), а если уж хотят заниматься моими писаниями, то вникнуть в те места из них, в которых, я знаю, говорила через меня божья сила, и воспользоваться ими для своей жизни. У меня были времена, когда я чувствовал, что становился проводником воли божьей. Часто я был так нечист, так исполнен страстями личными, что свет этой истины затемнялся моей темнотой, но все-таки иногда эта истина проходила через меня, и это были счастливейшие минуты моей жизни. Дай бог, чтобы прохождение их через меня не осквернило этих истин, чтобы люди, несмотря на тот мелкий нечистый характер, который они получили от меня, могли бы питаться ими.

В этом только значение моих писаний. И потому меня можно только бранить за них, а никак не хвалить. Вот и все.

Думал за это время:

[...] 8) Я часто сознаю в себе ослабление стремления к совершенству. Происходит это от двух причин: оттого, что точно ослабеваешь, и оттого, что достиг того, к чему стремился, и стремление останавливается на время, как когда ступишь на ступень и занесишь ногу на другую.

9) Наследственность царей доказывает то, что нам не нужны их достоинства.

[...] 12) Один из главных соблазнов, едва ли не основной, это представление о том, что мир стоит, тогда как и мы и он, не переставая, движемся, течем.

[...] 16) Безумие наследственности властителей подобно тому, чтобы вручить управление кораблем сыну или внучатному племяннику хорошего капитана. [...]

Нынче 6 апреля 1895. Москва. Ни посещений, ни писем особенно интересных не было. Нешто два молодые крестьянина: один звенигородский, другой нижегородский. Они встретились у меня с Колосниковым (он очень хороший) и увезли его к себе беседовать. Начал лечение у Синицына и не знаю, хорошо ли или дурно делаю. Нет, знаю – дурно. Но, живя в городе и в семье, трудно воздержаться. Очень тягочусь дурной, праздной, городской роскошной жизнью. Я думаю быть полезным Соне в ее слабости. Но непростительно, что я не пишу, если уже больше этого ничего не могу делать.

Одно оправдание, что я физически все это время очень слаб. Постарел на десять лет. Любовное настроение ослабевает. Но, слава богу, я еще не выступил из состояния общей любви. И мне в этом отношении хорошо. Насколько может быть хорошо паразиту, сознающему свой паразитизм. За это время написал несколько писем, одно Венгеру с предисловием к Бондареву, и прочел прекрасную birthdaybook Рёскина и отметил.

Думал за это время:

[...] 12) Очень легко знать, что добро и что зло само по себе, но очень трудно решить это для людей, запутавшихся в добре и зле.

13) Наибольшее число страданий, вытекающих из общения мужчин и женщин, происходит от совершенного непонимания одного пола другим. Редкий мужчина понимает, что значат для женщины дети, какое место они занимают в их жизни, и еще более редкая женщина понимает, что значит для мужчины долг чести, долг общественный, долг религиозный.

14) Один из самых трудных переходов – это переход от жизни хорошенькой к жизни хорошей. [...]

10 апреля 1895. Москва. Все это время – всю святую – продолжаю быть в необыкновенной слабости: ничего не делаю, мало думаю: так только среди мрака и тумана вдруг изредка выплывают островки мысли и оттого, вероятно, кажутся особенно важными. Соня все больна. Было поправилась и, к сожалению, стала входить в прежний раздражительный и властный тон – мне так жалко было видеть утрату того любящего настроения, которое проявилось после смерти Ванечки, но третьего дня началась головная боль и опять жар, хотя и небольшой, но сильная апатия, слабость. Помоги мне, отец, делать и чувствовать то, что должно.

Вчера ходил по улицам и смотрел на лица: редкое не отравленное алкоголем, никотином и сифилисом лицо. Ужасно жалко и обидно бессилие, когда так ясно спасение. Бараны прыгают в воду, а ты стоишь отмахиваешь, а они все так же прыгают, и представляется, что они-то делают дело, а ты мешаешь им. Ужасно задирает меня написать об отношении общества к царю, объяснив это ложью перед старым, но болезнь и слабость Сони задерживает.

Думал за это время:

1) Естественный ход жизни такой: сначала человек ребенком, юношей только действует, потом, действуя, ошибаясь, приобретая опытность, познает и потом уже, когда он узнал главное, что может знать человек, узнал, что добро, начинает любить это добро: действовать, познавать, любить. Дальнейшая жизнь (также и наша теперешняя жизнь, которая есть продолжение предшествовавшей) есть прежде деятельность во имя того, что любишь, потом познание нового, достойного любви и, наконец, любовь к этому новому, достойному любви. В этом круговорот всей жизни.

2) Человек считается опозоренным, если его били, если он обличен в воровстве, в драке, в неплатеже карточного долга и т. п., но если он подписал смертный приговор, участвовал в исполнении казни, читал чужие письма, разлучал отцов и супругов с семьями, отбирал последние средства, сажал в тюрьму. А ведь это хуже. Когда же это будет? Скоро. А когда это будет, конец насильственному строю. [...]

Сегодня 14 апреля 95. Москва. Еще думал:

Продолжаю быть праздным и дурным. Нет ни мыслей, ни чувств. Спячка душевная. И если проявляются, то самые низкие, эгоистические чувства: велосипед, свобода от семейной связи и т. п. Устал ли я от пережитого в последнее время, или пережил ступень возраста, вступив в давно желанный мною старческий, чистый возраст? не знаю, но сплю. По утрам даже не читаю, а делаю пасьянсы. Здоровье Сони не улучшается, скорее ухудшается.

[...] Думал за это время:

1) Шел подле Александровского сада и вдруг с удивительной ясностью и восторгом представил себе роман – как наш брат образованный бежал с переселенцами от жены и увез с кормилицей сына. Жил чистою, рабочею жизнью и там воспитал его. И как сын поехал к выписавшей его матери, живущей всю роскошную, развратную, господскую жизнью. Удивительно хорошо мог бы написать. По крайней мере, так показалось.

[...] 3) Читал журнал, статьи М. Ковалевского, Пыпина, Соловьева, повесть Ожешко, Бурже и т. п. и вспомнил требование брата Сережи от литературы. Есть сердечная духовная работа, облеченная в мысли. Эта настоящая, и эту любит Сережа, и я, и все, понимающие. И есть работа мысли без сердца, а с чучелой вместо сердца, это то, чем полны журналы и книги.

За это время был в суде. Ужасно. Не ожидал такой неимоверной глупости. Возился с Хохловым. Не ожидал такой подлости и жестокости врачей. И болезнь Сони. Очень жалею и люблю ее. [...]

25 апреля 95. Москва. Вчера Соня уехала с приехавшей за ней Таней в Киев. Здоровье ее стало немного лучше – она поднялась, но вся разбита и нравственно все не находит точки опоры. Страшно трагично положение матери: природа вложила в

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

ней прежде всего неудержимую похоть (то же она вложила и в мужчину, но в мужчине это не имеет тех роковых последствий – рождения детей), последствием которой являются дети, к которым вложена еще более сильная любовь и любовь телесная, так как и ношение, и рождение, и кормление, и выхаживание есть дело телесное. Женщина, хорошая женщина полагает всю свою душу на детей, отдает всю себя, усваивает душевную привычку жить только для них и ими (самый страшный соблазн тем более, что все не только одобряют, но восхваляют это); проходят года, и эти дети начинают отходить – в жизнь или смерть – первым способом медленно, оплачивая за любовь досадой, как на привешенную на шею колоду, мешающую жить им, вторым способом – смертью, мгновенно производя страшную боль и оставляя пустоту. Жить надо, а жить нечем. Нет привычки, нет даже сил для духовной жизни, потому что все силы эти затрачены на детей, которых уже нет. Вот что надо бы высказать в романе матери.

За это время начал учиться в манеже ездить на велосипеде. Очень странно, зачем меня тянет делать это. Евгений Иванович отговаривал меня и огорчился, что я езжу, а мне не совестно. Напротив, чувствую, что тут есть естественное юродство, что мне все равно, что думают, да и просто безгрешно, ребячески веселит.

Состояние души Сони нехорошее – не может подняться над личными, для нее семейными интересами и найти смысл в жизни духовной. Маша уехала в Киев. Она, бедняжка, худа и слаба. У Сережи что-то делается с Маней. Трудно ему будет, и много надо будет ему себя переделать. И если переделает, ему будет хорошо. Лечение продолжается два раза в неделю. Как будто остановлюсь на 20 No.

За все это время отсутствие энергии, инициативы мысли. Только изредка вспыхивают – и особенно ярко художественные и не художественные образы, а целые задачи, замыслы художественных произведений.

Думал за это время:

[...] 2) Ездил с девочками – Саша и Н. Мартынова – в театр, и, возвращаясь оттуда, они стали говорить про то, какой будет скоро матерьяльный прогресс, как – электричество и т. п. И мне жалко их стало, и я им стал говорить, что я жду и мечтаю, и не только мечтаю, но и стараюсь, о другом единственно важном прогрессе – не электричества и летанья по воздуху, а о прогрессе братства, единения, любви, установления царства божия на земле. Они поняли, и я сказал им, что жизнь только в том и состоит, чтобы служить приближению, осуществлению этого царства божия. Они поняли и поверили. Серьезные люди – дети, "их же есть царство божие". Нынче читал еще мечтания какого-то американца о том, как хорошо будут устроены улицы и дороги и т. п. в 2000 году, и мысли нет у этих диких ученых о том, в чем прогресс. И намека нет. А говорят, что уничтожится война только потому, что она мешает матерьяльному прогрессу.

Теперь 11 часов. 26 апреля 1895. Москва. Е[сли] б[уд]у ж[ив]. Написал письмо шведу, Шмиту и Левитскому, надо писать Хилкову, Черткову, Страхову, Алехину.

Вчера ездил в манеже на велосипеде. Потом ходил к Сергею Николаевичу. Он в ужасном духе, и все его семейные страдают. Потом дома хотел посидеть один, пришел Иван Михайлович. Кажется, был ему полезен. Написал письмо Соне. Лег спать с тоской в душе беспричинной и встал нынче с такою же. Сейчас сел за письменный стол, хотел продолжать Коневскую, решительно не могу. Вот и взял дневник. Напишу хоть письма. Вчера видел свой портрет, и он поразил меня своей старостью. Мало остается времени. Отец, помоги мне употребить ее на дело твое. Страшно то, что чем старше становишься, тем чувствуешь, что драгоценнее становится (в смысле воздействия на мир) находящаяся в тебе сила жизни, и страшно не на то потратить ее, на что она предназначена. Как будто она (жизнь) все настаивается и настаивается (в молодости можно расплескивать ее – она без настоя) и под конец жизни густа, вся один настой. [...]

28 апреля. Москва. 95. Вчера с утра пошел к Хохлову. Он почти на свободе, говорит, что запутался. "Я и право стал сумасшедший". Не знаю, как помочь ему.

[...] Вчера думал:

[...] 2) Три есть средства облегчения положения рабочих и установления братства между людьми: а) не заставлять людей работать на себя, ни прямо, ни косвенно не требовать от них работы – не нуждаться в той работе, которая требует излишка

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

труда: во всех предметах роскоши. 2) Самому делать для себя (и если можешь, и для других) ту работу, которая тяжела и неприятна, и 3) собственно не средство, а последствие приложения второго: изучать законы природы и придумывать приемы для облегчения работы: машины, пар, электричество. Только тогда придумываешь настоящее и не придумываешь лишнего, когда будешь придумывать для облегчения своей - или, но крайней мере, лично испытанной работы.

И вот люди заняты только приложением 3-го средства, и то неправильно, потому что устраняются от 2-го и не только не хотят употребить настоящих средств 1-го и 2-го, но и слышать не хотят о них. Вчера написал письмо Черткову. Нынче хочу хоть несколько слов написать Хилкову.

4 мая 95. Москва. Все та же апатия, лень. Ничего не работаю. Велосипед. Приезжал Лева и уехал с Андрюшей в Ганге. Он [вымарано 1 слово] тяжелое испытание. Стараясь, ищу не с той уверенностью успеха, которая дает или успех или отчаяние, но и не с безнадежностью, а с упорством и уступчивостью по форме, но не по силе - воды. Слава богу, не вижу весны, не желаю ее. И как будто готов на дело божие, но не делаю еще его. Помоги, отец. Соня вернулась из Киева не лучше. Как бы сделать то, чтобы так же не досадовать на душевные искривления и калечество, как не досадуешь на физические, но и не проходить их мимо, а терпеливо, если не излечивать их, то помогать либо освобождению от них, либо жизни при них. Приехал Душкин. Много говорил с ним. [...]

7 мая 1895. Воскресенье. Москва. Утро. Нынче утром в первый раз после долгого тумана ясно понял, почувствовал, что жизнь служения людям открыта мне вполне, и захотелось этой жизни, только этой жизни. Но вошел в жизнь и как будто колеблюсь, - где служение: идти к Хохлову, облегчить его, к девице, о которой вчера просили студенты; или дома: домашние, прислуга, или встречи на улице? И отвечаю себе: и то, и другое, и третье, и четвертое. Записывать, что требуется вне дома, и делать. Помоги, отец! Так вдруг радостна, полна стала жизнь. За эти два дня было то же: (апатия). Начал писать о 17 января. Но без entrain [увлечения (фр.)], и не пошло дальше. Дурные эгоистические мысли. Написал много пустых писем. [...]

13 мая 1895. Москва. Лечение и велосипед, и упадок духовной жизни. На днях даже рассердился за то, что велосипед не готов, и оскорбил человека. Давно не помню в себе такого упадка духа. Сжался и сажу, жду. Так же мало эгоистического, как и божеского.

Нынче 15 мая 95. Москва. Всё то же. Немного светлее и деятельнее голова. Ночью спал всего четыре часа. Вчера устал на велосипеде. Ездил с Страховым. Проходит и велосипедное увлечение. Завтра ждут Маню из Лондона. Кажется, состоится женитьба Сережи. Это хорошо, как школа для Сережи и отвлечение для Сони. Нынче хочу кончить с лечением и завтра ехать к Олсуфьевым.

Думал за это время: 1) Часто тратишь свои душевные силы бесполезно. Это грех. Силы эти даны на служение. Только на это они и должны быть расходуются. А то из приличия, из тщеславия, из апатии тратишься так, что не остается сил и времени на служение.

2) Не надо смешивать: тщеславия с славолубием и еще менее желанием любви любвелюбием. Первое - это желание отличиться перед другими ничтожными, даже иногда дурными делами, второе - это желание быть восхваляемым за полезное и доброе, третье - это желание быть любимым.

Первое: хорошо танцевать, второе - прослыть между людьми добрым, умным, третье - видеть выражение любви людей. Первое - дурное, второе - лучше, что бы ни было, третье - законно. [...]

Сегодня, кажется, 18 мая 95. Москва. Очень тяжело живется. Все нет охоты работать, писать, все мрачное настроение. Третьего дня Андрюша без всякого повода наговорил мне грубостей. Я не мог простить. То не хотел здороваться с ним, то стал выговаривать ему, но он опять еще хуже стал говорить, и я не выдержал и ушел, сказав, что он мне чужой. Все это дурно. Надо простить, простить совсем и тогда помогать ему. Соня уехала на день к Мартыновым. Был Архангельский. Я боюсь за него. Хорошее письмо от Черткова. Файнерман пишет, что Алехин подлежит каторге 6 лет. Больно за него, если меня оставят. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Должно быть, 20 мая 95. Никольское у Олсуфьевых. Вчера собирались ехать Сережа и Маня. Говорил с ними. Сережа трогателен, сама жизнь заставила его строго нравственно отнестись к себе. Соня лучше. Ехал скучно. У меня, должно быть, лихорадка. Тоска. Нынче то же самое, ничего не могу делать. Вчера написал только несколько писем. Вчера полученная газета с статьей о клеветах и глупостях книжки Seigon, к стыду моему, огорчила меня. Но немного. Опровергать предлагает журналист. Да я ничего о себе не утверждал, поэтому нечего мне и опровергать. Я такой, какой есть. А какой я, это знаю я и бог. Никогда с такой силой не проявляются воспоминания, как когда в слабом душевном состоянии, как теперь. Думал у Олсуфьевых писать, но вот 12 часов, и я не сиделся.

Сегодня 26 мая. Никольское. 95. В тот же вечер писал. Потом захворал лихорадкой. День не писал, и потом еще вечер писал и довольно много, так что больше половины набросано. Странно складывается; нужно, чтобы Нехлюдов был последователь Генри Джорджа и вводил это, чтобы он ослабевал, примериваясь к дочери лежащей утонченной дамы – (Мэри Урусовой).

Была здесь Соня. Она была очень возбуждена из-за хинина. Слава богу, все хорошо, любовно кончилось. Нынче рано утром она уехала. Нынче мне лучше. Анна Михайловна умнее и гораздо добрее, чем я думал.

Думал:

На гулянье устроены мачты для влезания на них и доставания призов. Такой прием увеселения: чтобы манили человека часами – (пускай он погубит свое здоровье), или бег в мешках, а мы будем забавляться, смотреть, – мог возникнуть только при делении людей на господ и рабов. Все формы нашей жизни сложились такими, какими они сложились, только потому, что было это деление: акробаты, половые в трактирах, нужники, производство зеркал, карточек, все фабрики, все могло возникнуть таким, каким оно есть, только потому, что было деление на господ и рабов. А мы хотим братскую жизнь, удержав рабские формы жизни.

Теперь 7 час. вечера.

Нынче 29 мая 95. Никольское. Еще третьего дня мне стало лучше. Нынче тоже не было лихорадки, и если бы не нога, которая все еще не совсем подсохла, я бы считал себя совсем здоровым. Нынче писал немного и нехорошо – без энергии. Но зато уяснил себе Нехлюдова во время совершения преступления. Он должен был желать жениться и опроститься. Боюсь только que cela n'empiete sur le drame [чтобы это было не в ущерб драме (фр.)]. Решу, когда буду в более сильном состоянии. Ездил сейчас верхом и на велосипеде. Читаю все Полторацкого. Люблю эти воспоминания. Отношения с Соней не теплые, и это мне больно. Нет ничего вызывающего в письмах и внешней жизни.

Думал:

[...] 2) Специализация труда есть произведение рабства. Предела специализации нет. Для того, чтобы специализация была законна, она должна быть прежде всего свободна. А то люди вступили на путь специализации и поддерживают ее скрытым рабством.

[...] 4) Говорят: она не в силах понять. А если она не в силах понять, то зачем же она не слушается. А то хочет, не понимая жизни и зная, что жизнь эта осуждается, руководить ею.

Теперь 10 ч. веч. Иду ужинать.

4 июня 95. Москва. В Никольском во вторник делал себе операцию, и по ошибке Петр Васильевич сделал масло с 3% раствором, так что я... заболел. На другой день, однако, выехал вечером. Я совсем был болен. Приехав в Москву, застал Таню, Сережу, Маню. И в эту же ночь заболел жестокими желчными камнями. Во время болей ничего не мог думать, кроме желания прекращения боли. Причина боли, должно быть, разгорячение на солнце накануне. После этого вот пять дней хвораю, ничего не делаю, кроме чтения. Прочел прекрасную книгу Кастильона. Это был истинный христианин 16 века, и еще перевод Мэтью Арнольда. Потом виделся с посетителями. Интересен Дехтярев, был нынче.

Писать хочется – уяснилось важное для Коневской: именно двойственность

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
настроения – два человека: один робкий, совершенствующийся, одинокий, робкий реформатор и другой, поклонник предания, живущий по инерции и поэтизирующий ее.

Живу, несмотря на почти невольную праздность, не дурно – есть движение, смело скажу – больше люблю людей, естественнее становится любить и большее всякая нелюбовь. Был тут бедный Андрюша, постарался помочь ему, но мало.

Серезу с Маней мне стало вдруг жалко. Оба хотят выпутаться и выбраться на дорогу и сугубо запутываются и удаляются от дороги. Читал вчера об Ибсене, что он говорит, что, отрекшись от плотской любви, застынешь, что она приведет к истинной. Какое заблуждение! Только отрекшись от нее или пока не знаешь ее, знаешь истинное умиление любви.

О, как хорошо может выйти Коневская. Как я иногда думаю о ней. В ней будут два предела истинной любви с серединой ложной.

Думал: 1) Про то же, что строй жизни нашей рабский и что думать, что можно удержать этот строй жизни с братством, хотя с равенством и свободой, все равно что построить египетские пирамиды братской общиной. [...]

[8 июня] Нынче, должно быть, 7. Ясная Поляна. 95. Третьего дня приехал. Ехали с Буланже в отдельном вагоне. Очень неприятно. Я очень слаб и физически и духовно:

не мог подавить в себе недоброго чувства...

Вчера целый день ничего не делал. Начал было писать письма, но не мог.

[...] Летняя Москва: замазанные окна, чехлы, свобода дворников и оставшихся при домах и их детей, летние севшие одежды – ляжки, обтянутые старыми белыми штанами, и чудные сады у домов пустые, и на улице, на раскаленных камнях, в пыли мостовщики. И гулянья с папиросами, апельсинами и пьяным и распутным хохотом.

Теперь 12 часов. Надо служить, разоблачать соблазны и потому любить.

Нынче, должно быть, 12 июня 1895. Ясная Поляна. Дни на убыль. Два дня был тяжело болен. Было 40° и 0,1. Дочери очень, милые, перепугались. Как жаль, что неизбежно почти буду причиной их моей смертью. Не долгое горе и хорошее, но все-таки горе. Все время читал. То "Неделю", то "Русскую мысль". Все интересно, но все излишне. В Закаспийском крае процветают только те поселения, которые хозяйничают, как подгородные. Разве не то же самое и во всей России? Откуда же деньги в городах? С податей, с народа и с торговли, с народа же. Не проще ли было не обирать этих денег? Не было бы войска, чиновников, фабрик, перемещения товаров. Все это правда, но если бы не было рабства и не продолжали оставаться в рабстве земледельцы. От них в зависимости были бы устроители войска, чиновников, фабрик и торговли, а не наоборот, как теперь. [...]

Сопочько в тульской тюрьме. Я послал ему, что мог и чего он просил, сам не мог съездить.

Письмо от Маковицкого о Шкарване. Шкарван все сидит и тверд. И его всё свидетельствуют.

13 июня. 1895. Ясная Поляна. Здоровье все плохо. Очень слаб. Желчь наполняет желудок и мутит. Я боюсь, что начинаю вдаваться в лечение себя и слежение за собой, то самое, что я так осуждал в Лева. Вчера приехал Сереза с Маней. Они очень любовны, но боюсь, что, женясь, они делают то, что делают иногда, когда – положим, ключ не отворяет или дверь забухла: вертят и толкают в противоположную сторону. Сравнение не верно, но я хочу сказать, что каждый отдельно не может, не умеет прожить; давай же попробуем, связавшись вместо. Дай бог, чтобы это было ложное предсказание. Читал прекрасную статью о математике в "Русской мысли".

Говорил с Мишей и Митей. Кое-что уяснилось для Коневской повести. Главное же хорошо то, что весь день, входя в сношения с людьми, помнил, что это не они и не я, а бог. Помогите мне – всегда.

[...] Думал: 2) конкретные науки в противоположность абстрактным становятся тем менее точны, чем ближе предмет их приближается к человеческой жизни: а) математика, б) астрономия, в) химия, г) физика, д) биология (начинается

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
неточность), антропология (неточность увеличивается), социология (неточность доходит до тех пределов, что самая наука уничтожается). [...]

Нынче 15 июня 95. Ясная Поляна. 8 часов вечера. Уехал вчера Сережа. Я радуюсь, что говорил с ним хорошо и обещание доброе. Он ли размяк от любви, или я. И вчера же приехала Соня с детьми и Ильей. Утром было много просителей, беседовал с Курсинским. Он спрашивал, как ему ответить на требования консистории избрать священника для покаяния. Благодарю бога, до сих пор не забывал ни с Соней, ни с детьми того, что отношение не с людьми, а с богом. И очень хорошо. Нынче письмо от немца с выписками из вранья m-me Seuron. Было досадно. И теперь даже не пересилил. Нет, пересилил; Мое влияние. Это не мое дело, а дело божие; если нужно унижение личности моей, то, видно, так надо. А мне все-таки хорошо. Хорош был мужик из Деменки 79 лет, знающий, что он умирает, желающий этого страстно и все-таки шутящий. Одно возбудило его – воспоминание о том, сколько он работал в свою жизнь. "Редко кому удается столько поработать". Он до прошлого года один убирал два надела.

Нынче начал было писать сначала Коневскую, но не пошло. Все нездоров. Поехал на велосипеде, тоже не доехал – гроза заходила. За весь день, кроме личного общения, сделал только то, что обдумал среду, в которой живет Нехлюдов: нянюшка, почти невеста и мать, только что умершая. Очень это оживило его и все начало. [...]

17 июня 95. Ясная Поляна. Все то же желудочное нездоровье, и оттого тяжелое расположение духа и большая слабость. Вчера был тяжелый день. Соня была не в духе. И говорила только то, что больно: сочинения и доход с них, раздел, воровство, вегетарьянство. Я держался внешне, но внутренне не мог вызвать в себе того чувства сожаления к ней за то, что жизнь так тяжела для нее, которое должно. Помнил еще, что все мои отношения с людьми – это отношения с ним, но слабее первых дней. Не хочу ослабевать, хочу думать и чувствовать так до конца.

[...] Сейчас 10 часов утра, чувствую себя слабым, но именно от этого думал, что необходимо работать свое служебное дело в периоды слабости. Может быть, так будет до конца, и потому надо приучить себя, работая, служить среди слабости, уныния, даже страдания. За это время ничего не думал стоящего записи. Уясняется Коневская.

18 июня. Ясная Поляна. 95. Вчера был судья военный просить на школу. Я много с ним говорил и нехорошо, неубедительно и излишне. Начинаю забывать отношение к богу при общении с людьми. Вчера же получил от Дунаева вырезку из газеты о том, что девять солдат-духоборов отказались от военной службы и несколько запасных возвратили свои билеты. Удивительное дело, это не радует меня. О том, почему это так, после. Я не добр был с Соней и с Мишей. Ходил на Козловку. Вечером ездил верхом. Читал Herron'a – "Christian state", бездарно, холодно и неопределенно. Илюша с мальчиками уехал к себе. Здоровье все то же слабость. Надо приспособливаться к слабости. [...]

Нынче 28 июня 95. Ясная Поляна. Последние дни писал "Воскресение". И оно все больше и больше занимает меня и все больше уясняется. Много было народа: Чертков, Касаткин, Катерина Ивановна, Булыгин. Музыка. Начинаю забывать, что отношения не между людьми, а всегда между мной и богом. Думал за это время.

[...] 2) Для того чтобы в жизни политической был порядок, чтобы люди не отдавались своим страстям и самоуправству, не дрались бы, а разбирались бы по закону, для этого установлено правительство. Правительство это в конституционных странах состоит из представителей, депутатов. И вот эти самые депутаты, избранные для того, чтобы избавить людей от самоуправства, разрешают между собой разногласие дракой. Так было во французском, потом в английском, теперь то же произошло в итальянском парламенте.

3) Июня 20; накануне был дождь. На небе тяжелые, разбитые, низкие, темные облака. На меня по дороге и полю быстро бежит тень. Тень набежала на меня, стало прохладно, и в то же время впереди меня тень сбежала с волнующейся, казавшейся почти черной ржи, и рожь эта стала ярко-зеленою. Но это только на минуту. На меня набежал теперь свет, а на рожь опять тень тучки.

4) Наука, искусство – все прекрасно, но только при братской жизни они будут другие. А то, чтобы была братская жизнь, нужнее того, чтобы наука и искусство

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
оставались такими, какими они теперь.

5) Любовь настоящая только та, предмет которой непривлекателен.

Нынче 4 июля 95. Ясная Поляна. За эти дни было то, что раза два хорошо писалось. И я могу сказать, что подмалевка Коневской кончена. Третьего дня и вчера писал письма – написал более десяти, в том числе английское, в котором говорю, что думаю теперь. Косил два раза. Ездил в Тулу вчера на велосипеде. Тут был Сережа. И мне нехорошо было с ним. Решение быть всегда в отношениях с людьми – в отношении с богом начинает ослабевать. Все-таки стараюсь, и иногда оно помогает мне. Думал за это время:

1) Добро, обличающее людей в их зле, совершенно искренно принимается ими за зло. Так что милосердие, смирение, любовь даже представляется им чем-то противным, возмутительным. Ничто очевиднее этого явления не доказывает того, что главная деятельность человека – совершенствование его – состоит в уяснении сознания.

[...] 3) Читал забавный спор ученый Ельпе с каким-то профессором: научные рассуждения приводят к диаметрально противоположным заключениям.

Сейчас получил телеграмму, что приезжает Страхов.

12 июля 95. Ясная Поляна. За это время приехал Страхов. Я очень рад ему. Я писал Веселитской, что, когда мы знаем, что человек приговорен к смерти, мы добры к нему – любим. Как же мы можем кого-нибудь не любить, когда знаем, что все приговорены. Он – удивительное дело – не знает своего положения. Пишу почти каждый день. Подвигается. Точно так же, как узнаешь людей, живя с ними, узнаешь свои лица поэтические, живя с ними. Тоже довольно много работал – хотя чувствую, что ослабел от старости. Был у Давыдова, и он у нас. Записал от него ход дела. Постоянные гости тяготят. Нет тишины, летнего уединения.

Что-то хорошее думал, не записал и теперь забыл. Помню только пустяки:

1) В моем детстве водили, мучая их, медведей, теперь водят, мучая и губя их, по деревням детей в трико, акробатов.

2) Сколько раз замечал: вы относитесь к человеку с обычным презрением, не как к человеку, он не недоволен вами, не имеет к вам враждебного чувства; но только войдите с ним в немного человеческие отношения, не отдавшись ему совсем и серьезно, и он возненавидит вас.

Вчера отвозил сено в Овсянниково. Все наши ездили на свадьбу, теперь вернулись все, кроме Сони. И ее отсутствие беспокоит меня.

5 августа 95. Ясная Поляна. Почти месяц, что не писал. Месяц этот проведен не дурно. Немного работал в поле. Раз косил рожь. Довольно много писал Коневскую. Подвигается. За это время читал "Social Evolution" Kidd'a и статьи о себе из "Wahrheit" и др. Когда читаешь о себе, то может показаться, что тем, чем ты занят, занят и весь мир, но это неправда. Было письмо от Хилкова с описанием гонений на духоборов. Я написал письмо в английские газеты. Переводится теперь.

[...] С Соней стало хуже. Я ездил, опоздал в дождь, она больно язвила, и я оскорбился, – по старым ранам. Нынче она потребовала, чтоб дать ей переписывать. Я отказал, сказав, что из этого всегда были неприятности. Дурно сделал, не пожалев ее. Она измученная, больная душевно, и считаться с ней грех. Как жалко за нее, что она никогда не сознает своих ошибок. Впрочем, не мое дело. Мне надо сознавать свои, и мои ошибки не надо равнять с ней. Каждый грешит по мере того света, который есть в нем. Еще за это время огорчительны были мальчики. Особенно Андрюша. Совсем отбился и ошалел. Ничего не видит, не слышит, как вечно пьяный. За это время думал и записал:

1) Сажу в избе, у окна. Темно от тучи, мухи гудят и бьют в лицо. Баба стоит п, выглядывая в окно, лениво говорит в себя: батюшка, царь небесный, заходит тучка. Бог дождичека дает.

2) Думал, читая книгу Кидда. В чем прогресс? Прогресс, по мне, состоит во все большем и большем преобладании разума над животным законом борьбы, по эволюционистам же – в торжестве животной борьбы над разумом, потому что только

вследствие этой животной борьбы, по их понятиям, может совершаться прогресс.

3) Другое, что думал, читая книгу Кидда, это то, что наука тогда только наука, когда она исследует то, что должно быть. По учению же эволюционистов, наука должна исследовать то, что было и что есть, и объяснять, почему хорошо то, что есть. Так смотрят на пауку все эволюционисты. И потому у них выходит, что борьба есть необходимое условие прогресса и потому хороша.

4) По Вейсману, объяснение наследственности состоит в том, что в каждом зародыше есть биофоры, биофоры же складываются в детерминанты, детерминанты складываются в иды, иды же в идапты. Что за прелесть для комедии.

5) По Вейсману же, смертные существа потому остались жить, что все не смертные не выдержали борьбы с смертными, то есть бессмертные – померли. Неужели не удастся воспользоваться этой прелестью.

[...] 7) Был разговор о семейной жизни. Я говорил, что хорошая семейная жизнь возможна только при сознанном, воспитанном в женщинах убеждении в необходимости всегдашнего подчинения мужу, разумеется во всем, кроме вопросов души – религиозных. Я говорил, что это доказывается тем, что так было с тех пор, как мы знали жизнь людей, и тем, что семейная жизнь с детьми есть переезд на утлой лодочке, который возможен только тогда, когда едущие подчиняются одному. И таким одним признавался всегда мужчина, по той причине, что, не нося, не кормя, он может быть лучшим руководителем жены, чем жена мужа.

Но неужели женщина всегда ниже мужчины? Нисколько, как только тот и другая девственны – они равны. Но что же значит то, что теперь жены требуют не только равенства, но главенства? А только то, что семья эволюирует, и потому прежняя форма распадается. Отношения полов ищут новой формы, и старая форма разлагается. Какая будет новая форма, нельзя знать, хотя много намечается...

[...] 12) Застала меня буря в колпне. Я просидел у мужиков. Они богаты и ужинали: картошки, хлеб, огурцы было особенное угощение. Рахитические дети, измученные работой члены, без постели, мухи, нечистота. И ужаснее всего безнадежность душевного спасения. Не верят в будущую жизнь, не верят в возможность жить по Христу.

Больше месяца не писал. Нынче 7 сентября 1895. Ясная Поляна. За это время страдал от дурной жизни мальчиков: Андрюши и Миши. Пытался помогать им. Ездил на велосипеде и писал свое "Воскресение". Читал его Олсуфьевой, Танееву, Чехову и напрасно. Я очень недоволен им теперь и хочу или бросить, или переделать. Последние дни хожу по лесу, отбирая деревья для крестьян. За это время думал:

В последнее время очень близко чувствую смерть. Кажется, что жизнь матерьяльная держится на волоске и должна очень скоро оборваться. Все больше и больше привыкаю к этому и начинаю чувствовать – не удовольствие, а интерес ожидания – надежды, как в движении этой жизни.

За это время написал корреспонденцию в английские газеты о духоборах, но не послал, а Поша поехал на Кавказ и должен был приехать 1-го, а теперь 7, и его нет. Еще прочел интересное письмо от поляка о патриотизме и ответил ему начерно еще. Третьего дня был француз от Эртеля. Верит в материю, а не в бога. Я говорил ему, что это эпидемия душевной болезни. У нас живет Маша – сестра, Таня с Сашей у Сережи, Маша с Мишей в Москве. Завтра приезжают. Так думал за это время:

1) Смотрю на веселость, смелость, свободу, царственность молодых людей и еще больше детей. В нас, стариках, наши грехи смирили нас, застлали ту божескую силу, которая вложена в нас. Им же нельзя не быть самоуверенными и свободными, они должны быть такими, потому что носят в себе еще не загаженное жизнью божественное начало – все возможности.

2) Матерьяльный мир подлежит закону борьбы за существование, ему подлежим и мы, как матерьяльные существа. Но, кроме нашего матерьяльного существования, мы сознаем в себе еще и другое, не только независимое от закона борьбы начало, но противоположное ему начало любви. Проявление в нас этого начала есть то, что мы называем свободой воли.

[...] 5) Человек обидел тебя, ты рассердился на него и, разумеется, сдержался,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

не обидел его. И что ж? В сердце у тебя злоба, и ты не можешь относиться к этому человеку добро. Точно как будто дьявол, который стоит всегда у двери твоего сердца, воспользовался тем моментом, когда ты почувствовал к человеку злобу, и, открыв эту дверь, вскочил в твое сердце и сидит в нем хозяином. Вчера испытал это и должен был употребить большие усилия: смирение, ласки к обидевшему, чтобы выкурить из сердца этого мерзавца.

б) Заметил в себе, что я стал добрее с тех пор, как мало изменяю жизнь и подчиняюсь порядкам ложной жизни. И помню, как – когда я изменял свою жизнь, как я был недобр часто. Как все в жизни делается с двух концов, так и это: двинуть сначала жизнь, во имя добра изменив ее, потом утишить свое сердце, установить в себе доброту в новом положении. Потом опять двинуть в себе доброту в новом положении. Потом опять двинуть вперед. Как шаги, перекачиваясь, идешь с ноги на ногу. Многие так – почти все нужно делать с двух концов, любовь и дела.

[8 сентября] Веселый праздник. Я нездоров, – кашель и насморк очень сильный. Утром приехали Маша и мальчики. У меня жил в комнате Чертков. Он все возится с землей. Получил письмо от Меньшикова, показавшее его полное разномыслие со мной. И еще хорошее, милое письмо Сопозько. Сел за письма: написал письмо Меньшикову и поправил письмо поляку. Ни хорошо, ни дурно, ни то, ни другое. Потом приехал Поша. Читал свою статью о гонениях. Очень хорошо. Надо написать предисловие. Просмотрел прежнюю статью – она не годится. Теперь 9 часов. Что-то думал и забыл.

Нынче 22 сентября 1895. Ясная Поляна. За это время писал письма: поляку, Меньшикову и вновь статью по случаю гонения на духоборов. Поша приехал, привез сведения, но менее обстоятельные, чем бы я желал. Статья моя недурна. А может быть, ошибаюсь. Послал все нынче Кенворти.

Соня ездила в Москву, приехала. Она очень жалка и мне все милей. Я вижу яснее ее весь характер. Андрюша мучает меня тем, что не могу выработать отношения к нему. Таня мила, тиха, добра. Маша в Москве. Гастев, вчера был Буткевич Андрей. Он, как всегда, мне чужд. Трегубов нынче уехал. С ним мне всегда хорошо. Был нездоров и еще не вполне оправился, но вполне свеж головой. В повести вижу новые стороны и очень важные, которые я было упустил. Именно радость нарушения всех принятых законов и обычаев и сознание своей доброй жизни. За это время думал многое, многое и забыл.

1) Вот кто настоящая волшебница – это любовь. Стоит полюбить, и то, что любил, становится прекрасным. Как только сделать, чтобы полюбить, чтоб все любить? Не по хорошу мил, а по милу хорош. Как сделать? Одно знаю:

не мешать любви соблазнами и, главное, любить любовь, знать, что в ней только жизнь, что без нее страданье.

2) Вспомнил, как часто я, бывало, спорил с религиозными догматиками: православными, евангеликами и др. Как это нелепо. Разве можно серьезно рассуждать с человеком, который утверждает, что верит в то, что есть только одно правильное воззрение на мир и на наше отношение к нему, то, которое выражено 1500 лет тому назад собранными константином епископами в Никое, мировоззрение, по которому бог – Троица, 1890 лет [назад] пославший сына в девицу, чтобы искупить мир и т. д. С такими людьми нельзя рассуждать, можно их менажировать, жалеть, пытаться излечить, но на них надо смотреть, как на душевно больных, а не спорить с ними.

3) Недовольство собой есть трение, признак движения. [...]

[24 сентября] Вчера провел день хорошо, но мало работал. Написал Маше письмо. Думал: Вышел до завтрака пройтись по саду и вижу на липе новый недавно выросший гриб. Сбил его палкой. И подумал: он живой. Тоже явились условия, удобные для его существования, и он явился и живет. И подумал о всем том, что живет в бесконечном мире по тем же законам. И удивился на мудрость разумность – устройства мира. И потом опомнился, поняв, что удивляюсь я не на премудрость устройства мира, а на премудрость своего разума, который видит все так премудро. Ведь это все равно, что удивляться на правильность того полушара, который я вижу на небе, и круга около себя. Ведь это только закон моего зрения. А там законы моего разума, которые облекли все существующее в эту – удивляющую меня правильность.

Сейчас 1-й час 24 сентября 1895. Ясная Поляна. Начал писать Коневскую повесть, не пошло. Делал пасьянс и думал: думал о том, что надо не на словах, а на деле жить не для себя и для людей, а для бога. А чтобы действительно так жить, надо приучать себя к этому, как приучаешь себя жить для себя, потом для любимых людей. Правда, будет сначала неловко, не будет простоты, естественности, будешь срываться, но потом привыкнешь и будешь жить так, не думая. Буду стараться. Нарочно записал, чтобы заметить, что будет через месяц. Станешь писать, говорить, работать, есть, спать даже, и все можно делать для себя и для бога. И если приучиться делать только для бога, какое спокойствие и сила! [...]

Вечер 25 сентября. Писал утром Коневскую, пересматривал сначала. Довольно хорошо. По крайней мере, без отвращения. Все помнил о жизни – для бога, забыл только два раза по отношению Андрюши. Утром, когда слышал, что он вставал, не вышел к нему, и вечером, когда он вернулся. Он два дня – не был дома, и ему самому должно быть тяжело. Чем он гаже, тем больше надо его любить. Вот это – то я не исполнил. После обеда ходил с Гастевым рубить деревья для Филиппа и Андрияна и потом проехался на велосипеде. Получил письма от Бодянского и вырезку из статьи Визеви. [...]

[26 сентября] Тяжелый был день. Проснулся рано, не спал, думал. После завтрака ждал, когда встанет Андрюша. Мучался – войти, не войти. Входил, он закрывался, наконец, вижу, что не спит, стал говорить ему. Говорил мягко, добро, но не убедительно, робел и страдал. Он все молчал. Ни одного звука. Я ушел заниматься, и не прошло и часа, как слышу звуки гармоники, неумолкаемые в кухне. Не верилось своим ушам, заглянул в окошечко кухни. Он отстранился. Я не вытерпел, сказал: это хуже Хохлова. За обедом он не отвечал мне и озлобленный ушел. Мне стыдно, что я не выдержал. Очень стыдно. Огорчился эгоистично, что слова мои не подействовали, и забыл, что жить надо и можно только для бога. Писание тоже не шло. Переменял слишком много и запутался. И стыдно писать эти вымыслы. Правду пишет Бодянский, что не годится писать художественное иносказательное. Я всегда это чувствую и спокоен только, когда пишу всюю то, что знаю и о чем думаю. [...]

Думал утром очень важное и хорошее. Боюсь, что забыл теперь. Попытаюсь:

Пока человек не сознает себя, он не знает, живет ли он или нет, и потому не живет. Когда же он сознает себя живущим, он невольно задает себе вопрос: зачем он живет. Задав же себе этот вопрос, он ищет на него ответа, найдя же ответ, он не успокаивается до тех пор, пока не делает того, для чего он живет.

Нынче 29 сентября 95. Ясная Поляна. 8 часов вечера. Третьего дня встретился с Андрюшей за чаем и сделал усилие, чтобы говорить с ним. И был награжден, он был доволен и хотел говорить со мной, но вчера он приехал к обеду с запахом вина изо рта, и я не мог подавить в себе чувство досады молчал. Третьего дня и вчера писал Коневскую. Вчера ездил на велосипеде в Тулу, говорил с г-жой Керн недостаточно серьезно – забыл, зачем живу. Еще не помню, чтобы провинился. Получил письма от Маковицкого и Шмита.

Нынче только написал письма Маковицкому и Шмиту, посылаю корреспонденцию и статью. Все не отвечал Меньшикову. Не чувствую себя вполне расположенным.

Думал две вещи: 1) Чудесное слово сказал мне Гастев. Мы говорили с ним про впечатление, производимое на крестьян книгами. Трудно им угодить, потому что жизнь их очень серьезна. Вот это то важное слово. Кабы побольше людей нашего мира понимали его! 2) То, что я видел нынче во сне, что меня прибили по лицу, и я стыжусь, что не вызвал на дуэль, а потом соображаю, что я могу не вызывать, так как это доказывает мою последовательность – непротивления. Вообще соображения во сне бывают только самые низменные. Вот во сне действует ум, а разум, сила нравственного движения отсутствует.

Нынче 6 октября 95. Ясная Поляна. Были письма от Попова, Поши, Черткова, Шмита, Кенворти. Вчера всем ответил. Не писал. Написал длинные письма: Бодянскому и Меньшикову. Тут был Гастев. Девочки его раздражили и обидели. Он ушел. Хороший малый. Был Илья. Мало духовного. Приехал Андрюша. Вижу, как он скоро зачахнет и умрет. Был американец, разбогатевший рабочий – финляндец родом, социалист, коммунист. Очень невзрачный, но много рассказал интересного, гораздо больше, чем утонченные американцы. Главное, что он рассказал мне, что в Соединенных Штатах

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
из 60 миллионов работают руками только 6 миллионов, то есть 10 %, у вас же, я думаю, 50 или больше; что там один человек пашет на 18 лошадей плугами, которые хватают на сажень ширины, и обрабатывает один человек 10 акров в день и получает от 2 до 4 и более долларов в день. Что это значит? К чему ведет? Важно это чрезвычайно, но я еще не уяснил себе всего этого значения. Рабочий вопрос разрешается этим путем. Рабочих часов меньше, плата больше, работа легче. Вопрос только, что работать? Приходит мысль, что все дело в том, как сделать работу и жизнь рабочих приятно, travail attrayant [Труд привлекательным (фр.)]. Все дело как будто в этом. Тогда капиталисты захотят быть рабочими. Но как сделать труд привлекательным? Надо, чтобы условия его были приятны и чтобы не было в нем необходимости. Чувствую, что тут много нового и важного, но как это выразить, еще не знаю. Коли бог велит, обдумаю. Писанье мое опротивело мне. [...]

Сегодня, кажется, 9-е. Из книжечки записывать нечего. Был Сергеенко, льстив нехорошо. Я два дня порядочно писал. Ездил на велосипеде в Тулу и слишком устал. Таня уехала в Москву. Мне тяжело было с Соней. Но, разумеется, я виноват. Читаю Евангелие по-итальянски, написал письма Edwards'у и опять Шмиту. Осеннее приятное чувство. Ходил гулял и думал о двойственности Нехлюдова. Надо это яснее выразить.

12 октября 95. Ясная Поляна. Я один с Соней и Сашей. Читаю по-итальянски. Андрюша мучает. Вчера говорил с ним много. Чувствую, что тщетно. Тут Марья Александровна. Был Арсеньев. Получил итальянскую книгу. О преподавании христианства в школе. Прекрасна мысль о том, что преподавать религию есть насилие – тот соблазн детей, про который говорил Христос. Какое право имеем мы преподавать то, что оспариваемо огромным большинством. Троицу, чудеса Будды, Магомета, Христа? Одно, что мы можем преподавать и должны, это нравственное учение. Прекрасная мысль. Сейчас, раскладывая пасьянс, думал, как Нехлюдов должен трогательно проститься с Соней.

13 октября. Все эти дни видел, что что-то мучает Соню. Застал ее за письмом. Она сказала, что скажет мне после. Нынче утром объяснилось. Она прочла мои злые слова о ней, написанные в минуты [раздражения]. Я как-то раздражился и тотчас же написал и забыл. В глубине души чувствовал, что что-то сделал дурное. И вот она прочла. И, бедная, ужасно страдала и, милая, вместо озлобления написала мне это письмо. Никогда еще я не чувствовал себя столь виноватым и умиленным. Ах, если бы это еще больше сблизило нас. Если бы она освободилась от веры в пустяки и поверила бы в свою душу, свой разум.

Пересматривая дневник, я нашел место – их было несколько – в котором я отрекаюсь от тех злых слов, которые я писал про нее. Слова эти писаны в минуты раздражения. Теперь повторяю еще раз для всех, кому попадутся эти дневники. Я часто раздражался на нее за ее скорый необдуманный нрав, но, как говорил Фет, у каждого мужа та жена, которая нужна для него. Она – я уже вижу как, была та жена, которая была нужна для меня. Она была идеальная жена в языческом смысле – верности, семейности, самоотверженности, любви семейной, языческой, и в ней лежит возможность христианского друга. Я увидел это после смерти Ванечки. Проявится ли он в ней? Помогите, отец. Нынешнее событие мне прямо радостно. Она увидела и увидит силу любви – ее любви на меня. [...]

[24 октября] Пропустил много дней. Соня была в Петербурге и вернулась. Отношения продолжают быть лучше, чем хорошие. "Власть тьмы" – успех. Слава богу, не радуется. "Ищите того, чтобы имена ваши были записаны на небесах". Написал письмо Андрюше, который очень огорчал. И, к счастью, письмо хоть немного подействовало. Написал письмо Мише – длинное и слишком рассуждающее. Брался за "Воскресение" и убедился, что это все скверно, что центр тяжести не там, где должен быть, что земельный вопрос развлекает, ослабляет то и сам выйдет слабо. Думаю, что брошу. И если буду писать, то начну все сначала. Получил письмо от Шкарвана – хорошее; надо отвечать. Сейчас был Булыгин и Иван Дмитриевич. Хорошо говорили. [...]

2) Записано так: как только разум откинет соблазны, т. е. благо низшего порядка, так человек неизбежно начинает стремиться к истинному благу, т. е. к любви. Постараюсь выразить точнее.

Пока человек живет животной жизнью (в детстве всегда), у него только один путь. Но как только в нем проснулся разум, сознание своего существования, у него всегда два пути: либо подчинять свою животную природу разуму, либо разум заставить служить животной. Соблазны состоят, в том, чтобы заставить служить

разум животной природе. Если человек подчинит свою животную природу разуму, откинет соблазны, то разум откроет человеку другой, единственный путь, и человек будет стремиться к нему.

вчера было 24; нынче 25 октября 95. Ясная Поляна. Сейчас уехала Соня с Сашей. Она сидела уже в коляске, и мне стало страшно жалко ее; не то, что она уезжает, а жалко ее, ее душу. И сейчас жалко так, что насилу удерживаю слезы. Мне жалко то, что ей тяжело, грустно, одиноко. У ней я один, за которого она держится, и в глубине души она боится, что я не люблю ее, не люблю ее, как могу любить всей душой, и что причина этого – наша разница взглядов на жизнь. И она думает, что я не люблю ее за то, что она не пришла ко мне. Не думай этого. Еще больше люблю тебя, все понимаю и знаю, что ты не могла, не могла прийти ко мне, и оттого осталась одинока. Но ты не одинока. Я с тобой, с такою, какая ты есть, люблю тебя и люблю до конца, так, как больше любить нельзя. Продолжаю недописанное вчера. Думал:

[...] 4) Неделание важнее, чем – чем я сам думал – думают. В минуты упадка духа не заставляй себя делать. Только хуже: и испортишь прежде сделанное и помешаешь тому, что сделал бы после. В минуты энергии удерживай себя, чтобы иметь силы направить.

[...] 7) Часто меня поражали уверенные, красивые, внушительные интонации людей, говоривших глупости. Теперь я знаю, что чем внушительнее, импозантнее и звуки и зрелища, тем пустее и ничтожнее.

8) Консерватизм есть направление разума, долженствующего направлять движение на то, чтобы остановить его.

9) Осталось жить немного, а работы еще, кажется, пропасть. Осталось только два дня, а надо и обмолотить, и извезть, и свезти с поля снопы, и передвоить, и не знаешь, за что взяться. Так и я. Только бы делать самое, самое нужное.

28 октября 1895. Ясная Поляна. 11-й час. Как раз начинаю нынче тем, чем кончил два дня тому назад. Жить остается накоротке, а сказать страшно хочется так много: хочется сказать и про то, во что мы можем, должны, не можем не верить, и про жестокость обмана, которому подвергают сами себя люди – обман экономический, политический, религиозный, и про соблазн одурения себя – вина, и считающегося столь невинным табака, и про брак, и про воспитанье. И про ужасы самодержавия. Все назрело и хочется сказать. Так что некогда выделять те художественные глупости, которые я начал было делать в "Воскресении". Но сейчас спросил себя: а что, могу ли я писать, зная, что никто не прочтет, и почувствовал как бы разочарованье, но только на время почувствовал, что могу: значит, была доля славолюбия, но есть и главное – потребность перед богом. Получил от Сони прекрасное письмо. [...]

5 ноября 95. Ясная Поляна. Пропустил шесть дней. Казалось, мало делал за это время: немного писал, рубил дрова и хворал, но много пережил. А много пережил оттого, что, исполняя обещание Соне, перечел все дневники за семь лет. Как будто приближаюсь к ясному и простому выражению того, чем живу. Как хорошо, что я не кончил "Катехизиса". Похоже, что напишу иначе и лучше. Понимаю, почему нельзя этого сказать скоро. Если бы сказалось это сразу, то чем бы жить в области мысли? Дальше этой задачи уже мне не пойти.

Сейчас ходил гулять и ясно понял, отчего у меня не идет "Воскресение". Ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ о детях – "кто прав"; я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они предмет, они положительное, а то тень, то отрицательное. И то же понял и о "Воскресении". Надо начать с нее. Сейчас хочу начать.

За это время были письма от Кенворти, прекрасное от Шкарвана, от духовора из Тифлиса. Давно никому не писал. Общее недомогание и нет энергии. Были режиссер и машинист, студенты из Харькова, с которыми, кажется, не согрешил. Ив. Ив. Бочкарев, Колаша. С девочками хорошо. Таня обидела Машу. Мне было больно.

7 ноября 95. Ясная Поляна. Немного писал эти два дня новое "Воскресение". Совестно вспомнить, как пошло я начал с него. До сих пор радуюсь, думая об этой работе так, как начал. Немного рубил. Ездил в Овсянникове, хорошо беседовал с Марьей Александровной и Иваном Ивановичем. Был помощник Вальца и француз с

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
стихотворением – глупый. Радостное письмо от Сони. Неужели совершится полное духовное единение? Помоги, отец.

8, 9 ноября 95. Ясная Поляна. Писал "Воскресение" мало. Не разочаровался, но оттого, что слаб. Вчера приехал Дунаев. Много рубил вчера, переутомился. Нынче гулял. Заходил к Константину Белому. Очень жалок. Потом прошел по деревне. Хорошо у них, а у нас стыдно. Писал письма. Написал Баженову и еще три. [...]

10 ноября 95. Ясная Поляна. Очень дурно спал. Слабость и физическая, и умственная – и в чем виноват – и нравственная. Не прикасался писанья. Ездил верхом. Поша приехал. Письмо от Сони хорошее. Брошюра о войне прекрасная, французская. Да, надо двадцать лет, чтоб мысль стала общею. Болит голова и как-то бурлит и шумит. [...]

Нынче 15 ноября 95. Ясная Поляна. Все время был так слаб, что ничего не мог писать, кроме нескольких писем. Письмо Шкарвану. Были тут Дунаев, Поша, Марья Васильевна. Вчера уехали, вчера же я был у Марьи Александровны. Она больна. Нынче приехали тетя Таня и Соня. Я не спал ночь и потому не работал. Но записал к Коневской и кое-что в дневник. Читаю афоризмы Шопенгауэра. Очень хорошо. Только поставить: служение богу вместо познания тщеты жизни, и мы согласны. Теперь 2 часа. Записанное выпишу после.

7 декабря 95. Москва. Почти месяц не писал. За это время переехали в Москву. Слабость несколько прошла, и занимаюсь усердно, хотя и с малым успехом, изложением веры. Вчера написал статейку о сечении. Лег спать днем и только забылся, как будто толкнул кто, поднялся и стал думать о сечении и написал. За это время был в театре на репетициях "Власти тьмы". Искусство, как началось с игры, так и продолжает быть игрушкой, и преступной игрушкой, взрослых. Это же подтвердила музыка, которую много слышал. Воздействия никакого. Напротив, отвлекает, если приписывать то неподобающее значение, которое приписывается. Реализм, кроме того, ослабляет смысл.

Мальчики все нехороши, скрываются и тупы. Суллер отказался от военной службы. Я посетил его. Философов умер. Соня хорошо переносит свой критический период. Писал несколько ничтожных писем.

Думал за это время много – по значению. Многое не могу разобрать и забыл.

1) Я часто желал пострадать, желал гонения. Это значит, что я был ленив и не хотел работать, а чтоб другие за меня работали, мучая меня, а мне только терпеть.

[...] 7) Воспитание. Стоит заняться воспитанием, чтобы увидеть все свои прорехи. А увидав, начинаешь исправлять их. А исправление самого себя и есть наилучшее средство воспитания своих и чужих детей и больших людей.

[...] 11) Разум дан не на то, чтобы познать, что надо любить – этого он не покажет, – а только на то, чтобы указать, чего не надо любить.

12) Как во всяком мастерстве главное искусство не в том, чтобы правильно работать заново известные предметы, а в том, чтобы поправлять всегда неизбежные ошибки неправильной, испорченной работы, так и в деле жизни главная мудрость не в том, что делать сначала и как правильно вести жизнь, а в том, чтобы поправлять ошибки, освобождаться от заблуждений и соблазнов. [...]

Маша у Ильи, от нее нынче милое письмо. Нынче 23 декабря 95. Москва. Долго не писал. За [это время] приехали Чертковы. Два дня, как приехал Kenworthy. Он очень приятен. Сережа, сын, приехал – грустный, похудевший. Нынче говорил свою теорию. Я рад, что мне было только жалко его. Мне с ним хорошо. Андрюша поступил в полк. Нынче приехал солдат. Он добродушен и прост. Продолжал писать изложение – подвигаюсь. Нет-нет и обдумываю драму. Нынче всю ночь бредил о ней. Я нездоров – сильный насморк, инфлуэнца. Начал тоже, по случаю письма ко мне англичанина, письмо о столкновении Англии с Америкой. [...]

24 декабря 95. Москва. Е. б. ж. Вчера получил открытое письмо в газетах от Шпильгагена-социалиста за Дрожжина.

Дневник - 1896

23 января 1896. Москва. Ровно месяц не писал. За это время написал письмо о патриотизме и письмо Crosby и вот уже недели две пишу драму. Написал скверно три акта. Думаю набросать, чтобы образовалась charpente [остов (фр.)]. Мало надеюсь на успех. Чертковы и Kenworthy уехали 7-го. Соня уехала в Тверь к Андрюше. Нынче умер Нагорнов. Я опять немного нездоров. Записано за это время:

1) Истинное художественное произведение - заразительное - производится только тогда, когда художник ищет - стремится. В поэзии эта страсть к изображению того, что есть, происходит оттого, что художник надеется, ясно увидав, закрепив то, что есть, понять смысл того, что есть.

2) У всякого искусства есть два отступления от пути. пошлость и искусственность. Между обеими только узкий путь. И узкий путь этот определяется порывом. Есть порыв и направление, то минуешь обе опасности. Из двух страшнее: искусственность.

3) Нельзя заставить ум разбирать и уяснять то, чего не хочет сердце.

4) Дурно, когда ум хочет дать эгоистическим стремлениям значение добродетели.

Был Кудиненко, замечательный человек. Суллер присягнул и служит. Письмо от Маковицкого с статьей о назаренах.

25 января 96. Москва. За эти два дня главное событие смерть Нагорнова, всегда ново и значительно - смерть. Подумал: на театре изображают смерть. Производит ли она 1/10000 того впечатления, которое производит близость настоящей смерти.

Продолжаю писать драму. Написал 4 акт. Все плохо. Но начинает быть похоже на настоящее.

26 января 96. Москва. Е. б. ж. Я жив, но не живу. Страхов. Нынче узнал об его смерти. Нынче хоронили Нагорнова, и это известие. Я лег заснуть, но не мог заснуть, и так ясно, ярко представилось мне такое понимание жизни, при котором мы бы чувствовали себя путниками. Перед нами одна станция в знакомых, одних и тех же условиях. Как же можно пройти эту станцию иначе, как бодро, весело, дружелюбно, совокупно деятельно, не огорчаясь тому, что сам уходишь или другие прежде тебя уходят туда, где опять будем все еще больше вместе.

Нынче писал прибавление к письму Crosby. Хорошее письмо от Kenworthy. Неприятность с Manson'ом. Он журналист.

Чуть не месяц не писал. Сегодня 13 февраля. Москва. 96. Хотел ехать к Олсуфьевым. Соне было неприятно. Остался. Здесь очень суетно и отнимается много времени. Поздно сажусь за работу и оттого мало пишу. Дописал кое-как 5 акт драмы и взялся за "Воскресение". Прошел 11 глав и понемногу подвигаюсь. Поправил письмо Crosby. Событие важное смерть Страхова, да еще нечто разговор Давыдова с государем. К стыду моему, это веселит меня. Статья Эртеля о том, что либеральное поползновение полезно, и о том же письмо Шпильгагена задирают меня. Но нельзя, не следует писать - некогда. Письмо Сопоцько и Здзеховского о православии и католичестве с другой стороны задирают меня, но едва ли напишу. А вот вчера было письмо от матери Гриневич о религиозном воспитании детей. Это надо сделать. По крайней мере, надо положить все силы, чтобы сделать. Музыка очень много - бесполезно. Девочки - особенно Маша слабы. Как-то она выберется? Мало я их руковожу. Им нужно помогать. Мальчики чужды. В религиозном отношении я очень холоден все это время. Думал за это время. Много забыл и не записал. [...]

Нынче 22 февраля 96. Никольское у Олсуфьевых. Уже больше недели чувствую упадок духа. Нет жизни. Ничего не могу работать. [...]

Нынче 27 февраля. Никольское. Пишу драму. Идет очень туго. Даже не знаю, подвигаюсь ли. Из Москвы от Сони письма сдержанно недовольные. Мне же здесь очень хорошо - главное тишина. Читал Трильби - плохо. Написал письма Черткову, Шмиту, Kenworthy. Читал Corneille. Поучительно. Думал:

1) Записано о том, что есть два искусства. Теперь обдумываю и не нахожу ясного выражения своей мысли.

Тогда думал я то, что есть искусство, как верно определяют его, происшедшее от игры, от потребности всякого существа играть. Игра теленка прыжки, игра человека – симфония, картина, поэма, роман. Это одно искусство искусство и играть и придумывать новые игры – исполнять старое и сочинять. Это дело хорошее, полезное и ценное, потому что увеличивает радости человека. Но понятно, что заниматься игрою можно только тогда, когда сыт. Так и общество может заниматься искусством только тогда, когда все члены его сыты. И пока все члены не сыты, не может быть настоящего искусства. А будет искусство пресыщенных – уродливое и искусство голодных – грубое, жалкое; как оно и есть. И потому в этом первом роде искусства-игры ценно только то искусство, которое доступно всем, увеличивает радости всех. Если оно таково, то оно не дурное дело, в особенности если оно не требует увеличения труда угнетенных, как это происходит теперь. (Можно бы и нужно бы лучше выразить.)

Но есть еще и другое искусство, которое вызывает в людях лучшие и высшие чувства.

Сейчас написал это, то, что я говорил не раз, и думаю, что это неправда:

Искусство только одно и состоит в том, чтобы увеличивать радости безгрешные общие, доступные всем – благо человека. Хорошее здание, веселая картина, песня, сказка дает небольшое благо, возбуждение религиозного чувства любви к добру, производимое драмой, картиной, пением, дает большое благо.

2) Что я думал об искусстве, это то, что ни в чем так не вредит консерватизм, как в искусстве.

Искусство есть одно из проявлений духовной жизни человека, и потому, как если животное живо, оно дышит, выделяет продукт дыхания, так если человечество живо, оно проявляет деятельность искусства. И потому в каждый данный момент оно должно быть – современное – искусство нашего времени. Только надо знать, где оно. (Не в декадентах музыки, поэзии, романа.) Но искать его надо не в прошедшем, а в настоящем. Люди, желающие себя показать знатоками искусства и для этого восхваляющие прошедшее искусство – классическое и бранящие современное, этим только показывают, что они совсем не чутки к искусству.

[...] 5) Люди в борьбе с ложью и суевериями часто успокаиваются тем количеством суеверий, которые они разрушили. Это неправильно. Нельзя успокоиться до тех пор, пока не уничтожено все, что только противоречит разуму и требует воров.

6) Знание историческое того, как возникают различные мифы и верования в народах, в различных местах и в различное время, казалось бы, должно уничтожить веру в то, что те мифы и те верования, которые нам привиты с детства, составляют абсолютную истину, а между тем так называемые образованные люди в это верят. Как, значит, поверхностно образование так называемых образованных.

7) Сегодня был разговор за обедом о том, что с порочными наклонностями мальчика выгнали из школы и что хорошо бы его отдать в исправительное заведение. Совершенно то же, что делает человек, живущий дурно, вредной здоровью жизнью, который, когда его постигает болезнь, обращается к доктору, чтоб тот его вылечил, и в мыслях не имея того, что болезнь его есть данный ему благодетельный указатель о том, что его вся жизнь дурна и что надо изменить ее. То же и с болезнями нашего общества. Каждый больной член этого общества не напоминает нам того, что вся жизнь общества неправильна и надо изменить ее, а мы думаем, что для каждого такого больного члена есть или должно быть учреждение, избавляющее нас от этого члена или даже исправляющее его. Ничто так не мешает движению вперед человечества, как это ложное убеждение. Чем больше общество, тем больше учреждений для лечения симптомов и тем меньше забота об изменении всей жизни.

Теперь 10-й час вечера. Иду ужинать. Очень хочется работать, а нет умственной энергии, большая слабость. А страшно хочется работать. Если бы завтра бог дал.

Нынче 6 марта 96. Никольское. Все это время чувствую слабость и умственную апатию. Работаю над драмой очень медленно. Многие уяснилось. Но нет ни одной сцены, которой бы я был вполне доволен. Нынче задумал было – безумие написать вкратце изложение веры. Разумеется, не вышло. Тоже начал и бросил письмо итальянцам. [...]

Нынче 2 мая 96. Ясная Поляна. Почти два месяца не писал. Все это время жил в Москве. Событий важных было: сближение с писателем Новиковым, который изменил свою жизнь вследствие моих книг, полученных его братом лакеем за границей от своей барыни. Горячий юноша. Тут же его брат рабочий просил "В чем моя вера", и Таня направила его к Холевинской. Холевинскую взяли в острог. Прокурор заявил, что надо бы взяться за меня. Все это вместе заставило меня написать письма министрам внутренних дел и юстиции, в которых я прошу перенести их преследования на меня. Писал все это время изложение веры. Мало подвинулся. Был Чертков. Поша был и уехал. Отношения с людьми были хороши. Бросил ездить на велосипеде. Удивляюсь, как мог так увлекаться. Слушал Вагнера "Зигфрида". Много мыслей по этому случаю и других. Всех записано в книжечке 20.

Еще важное событие – это сочинение Африкана Спира. Я сейчас прочел то, что написано в начале этой тетради: в сущности, не что иное, как краткое изложение всей философии Спира, которой я не только не читал тогда, но о которой не имел ни малейшего понятия. Поразительно это сочинение осветило с некоторых сторон и подкрепило мои мысли о смысле жизни. Сущность его учения та, что вещей нет, есть только наши впечатления, в представлении нашем являющиеся нам предметами. Представление (Vorstellung) имеет свойство верить в существование предметов. Происходит это оттого, что свойство мышления, состоит в приписывании впечатлениям предметности, субстанционности, проектировании их в пространстве.

3 мая 96. Ясная Поляна. Запишу хоть что-нибудь. Нездоровится. Слабость и вялость физическая. Но думается и чувствуется хорошо. Вчера написал наконец хоть кое-как письма Spig, Шкарвану, Мясоедовой, Перфильевой, Свербееву. Все читаю Спира, и чтение это вызывает глубину мыслей. [...]

5 мая. Опять Андрюша и Миша на деревне. Та же общая отчаянность. И мне грустно. Причина одна: выставлено высшее нравственное требование. Во имя его отвергнуто все, что ниже его. А ему не последовано. Я 15 лет тому назад предлагал отдать большую часть имения, жить в четырех комнатах. Тогда бы у них был идеал. А теперь никакого. Они видят, что тот, который им ставит мать: somme il faut'ность не выдерживает критики, а мой перед ними осмеян – они и рады. Остается одно – наслаждения. Так и живут. Нельзя жить без – хоть самого низшего, честолюбивого, хоть корыстолюбивого идеала. [...]

Нынче 9 мая. Ясная Поляна. 96. До сих пор все еще не записал всего, что нужно. Все нездоровится. Несмотря на то, по утрам работаю. Нынче казалось, что я очень подвинулся. Наши уехали кто на коронацию, кто в Швецию. Мы одни – я, Маша. Она больна горлом. Мне хорошо.

Нынче 11 мая 96. Ясная Поляна. Приехала Соня из Москвы. Я продолжаю писать изложение веры. Как будто ослабляю. [...]

12 мая 96. Ясная Поляна. Троицын день. Холод, сырость, и нет листа на деревьях. Если б. ж.

Нынче уже 16 мая 96. Ясная Поляна. Утро. Не могу писать свое изложение веры. Неясно, философно, и то, что было хорошего, то порчу. Думаю начать все сначала или сделать перерыв и заняться повестью или драмой. Был Н. Н. Иванов. Это трудный экзамен любви. Я выдержал его только внешне и то плохо. Если бы экзаменатор прошел хорошенько вразбивку, я бы постыдно срезался. Прекрасная статья Меньшикова "Ошибки страха". Как радостно. Почти, да и совсем можно умереть. А то все кажется, что еще что-то нужно сделать. Делай, а там видно будет, коли не годишься уж на работу, сменят, пошлют нового, а тебя пошлют на другую. Только бы все повышаться в работе! [...]

17 мая 96. Ясная Поляна. [...] Буду записывать теперь 21 пункт из записной книжки.

[...] 14) Статью об искусстве надо начать с рассуждения о том, что вот за картину, стоившую мастеру рабочих дней, дают 40 тысяч рабочих дней, за оперу, за роман еще больше. И вот про эти произведения одни говорят, что они прекрасны, другие, что они совсем дурны. И критерия несомненного нет. Про воду, пищу, добрые дела нет такого разногласия. Отчего это?

[...] 20) Главная цель искусства, если есть искусство и есть у него цель, та,
Страница 307

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. От этого и искусство. Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям.

[...] 27) На Катюшу находят, после воскресения уже, периоды, в которые она лукаво и лениво улыбается и как будто забыла все, что прежде считала истиной, просто весело, жить хочется.

[...] 31) Читал о коронации и ужасался на сознательный обман людей. В особенности регалии. [...]

28 мая 1896. Ясная Поляна. 12 часов, полдень. Уж несколько дней бьюсь с своей работой и не подвигаюсь. Сплю. Хотел кое-как начерно довести до конца, но никак не могу. Дурное расположение духа, усиливаемое пустотой, бедной, самодовольной, холодной пустотой окружающей жизни. Был за это время в Пирогове. Самое радостное впечатление: в брате Сергее, несомненно, произошел переворот душевный. Он сам формулировал сущность моей веры (и, очевидно, признает ее истинной для себя): возвышать в себе духовную сущность и покорять ей животное. У него икона чудотворная, и его мучило неопределенное отношение к ней. Девочки очень хороши - серьезно живут. Маша заразилась ими. Потом дома был Саломон. Танеев, который противен мне своей самодовольной, нравственной и, смешно сказать, эстетической (настоящей, не внешней) тупостью и его *coq du vilIage*'ным положением [положением первого лица (фр.)] у нас в доме. Это экзамен мне. Стараюсь не провалиться.

Страшное событие в Москве, гибель 3000. Я как-то не могу, как должно, отозваться. Все нездоровится - слабею. В Пирогове шорник, умный человек. Вчера был из Тулы из рабочих, умный, кажется, революционер. Нынче семинарист трогательный. Очень, очень плохо подвигается работа. Письма довольно скучные, потому что требуют учтивых ответов. Написал Бондареву, Поше, еще кому-то. Да, был еще офицер Дунин-Барковский. Кажется, был полезен ему. Чудесные записки Шкарвана. Вчера письмо от бедного Суллера, которого загнали на персидскую границу, надеясь уморить его. Помогите ему бог. И меня не забудь. Дай мне жизни, жизни, то есть сознательного радостного служения тебе. За это время думал:

[...] 2) Стихотворения Малларме и других. Мы, не понимая их, смело говорим, что это вздор, что это поэзия, забредшая в тупой угол. Почему же, слушая музыку непонятную и столь же бессмысленную, мы смело не говорим того же, а с робостью говорим: да, может быть. Это надо понять, подготовиться и т. п. Это вздор. Всякое произведение искусства только тогда произведение искусства, когда оно понятно - не говорю всем, но людям, стоящим на известном уровне образования, том самом, на котором стоит человек, читающий стихотворения и судящий о них. Это рассуждение привело меня к совершенно определенному выводу о том, что музыка раньше других искусств (декадентства в поэзии и символизма и пр. в живописи) сбилась с дороги и забрела в тупик. И свернувший ее с дороги был гениальный музыкант Бетховен. Главное: авторитеты и лишенные эстетического чувства люди, судящие об искусстве. Гете? Шекспир? Все, что под их именем, все должно быть хорошо, и *on se bat les flancs* [хлопочут по-пустому (фр.)], чтобы найти в глупом, неудачном - прекрасное, и извращают совсем вкус. А все эти большие таланты: Гете, Шекспир, Бетховен, Микеланджело рядом с прекрасными вещами производили не то что посредственные, а отвратительные. Средние художники производят среднее по достоинству и никогда не очень скверное. Но признанные гении производят или точно великие произведения, или совсем дрянь: Шекспир, Гете, Бетховен, Бах и др. [...]

[8 июня] Кажется, 6 июня 1896. Ясная Поляна. Главное: за это время подвинулся в работе и подвигаюсь. Пишу о грехах, и ясна вся работа до конца. Дочел Спира. Прекрасно. Движение экономическое человечества тремя средствами: уничтожение земельной собственности Генри Джорджа. Налог на наследство, передающий накопленное богатство, если не в первом, то во втором поколении, обществу. И такой же налог на богатство, на излишек против рублей дохода на семью, или 200 на человека.

Приехали нынче Чертковы. Галя очень хороша. Третьего дня был жандарм-шпион, который признался, что он подослан ко мне. Было и приятно и гадко.

[9 июня] Нынче 9 июня 96. Я. П. Писал не много и не совсем хорошо. Кажется, что уясняется. Поутру беседовал с рабочим, пришедшим за книжками. [...]

19 июня 96. Ясная Поляна. Все время чувствую себя слабым и дурно сплю. Вчера приехал Поша. Хорошо рассказывал про Ходынку, но написал плохо. Очень праздная, роскошная наша жизнь тяготит меня. Приехал Злинченко. Чужой. Молод и не так понимает, как я, то, что понимает, хотя во всем согласен. Докончил 13 июня начерно. Теперь переделывал, но очень мало работаю. Сережа тут, и жалок и тяжел. Боролся с собой два раза и успешно. Ах, кабы всегда так!

Раз вышел за Заказ вечером и заплакал от радости благодарной – за жизнь. Очень живо представляются картины из жизни самарской: степь, борьба кочевого патриархального с земледельческим культурным. Очень тянет. Коневская не во мне родилась. От этого так туго. Думал:

1) Очень важное об искусстве: , что такое красота? Красота – то, что мы любим. Не по хорошу мил, а по милу хорош. Вот в том и вопрос, почему мил? Почему мы любим? А говорить, что мы любим потому, что красиво, это все равно, что говорить, что мы дышим потому, что воздух приятен. Мы находим воздух приятным потому, что нам нужно дышать. И так же находим красоту потому, что нам нужно любить: и кто не умеет видеть красоту духовную, видит хоть телесную и любит.

19 июля. Пирогово. Сегодня 19 июля 1896. Я в Пирогове. Приехали третьего дня с Таней и Чертковым. С Сережей, несомненно, произошел духовный переворот, он сам признает это, говоря, что он родился несколько месяцев тому назад. Мне очень радостно с ним. Дома за это время переживал много тяжелого. [...]

За это время подвинулся в "Изложении веры". Далеко не то, что нужно и что хочу, совсем недоступно простолюдину и ребенку, но все-таки высказано все, что знаю, связно и последовательно. За это время еще написал предисловие к чтению Евангелия и отчеркнул Евангелия. Были посетители: англичане, американцы никого значительного.

Буду выписывать, что записано:

1) Вчера иду по передвоенному черноземному пару. Пока глаз окинет, ничего, кроме черной земли, – ни одной зеленой травки. И вот на краю пыльной, серой дороги куст татарина (репья), три отростка: один сломан, и белый, загрязненный цветок висит; другой сломан и забрызган грязью, черный, стебель надломлен и загрязнен; третий отросток торчит вбок, тоже черный от пыли, но все еще жив и в серединке краснеется. Напомнил Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля, хоть как-нибудь, да отстоял ее.

2) Способен к языкам, к математике, быстр в соображении и на ответ, может петь, рисовать правильно, красиво, так же писать, но нет ни нравственного, ни художественного чутья и оттого ничего своего.

[...] 8) Вчера переглядывал романы, повести и стихи фета. Вспомнил нашу в Ясной Поляне неумолкаемую в четыре фортепьяно музыку, и так ясно стало, что все это: и романы, и стихи, и музыка не искусство, как нечто важное и нужное людям вообще, а баловство грабителей, паразитов, ничего не имеющих общего с жизнью: романы, повести о том, как пакостно влюбляются, стихи о том же или о том, как томятся от скуки. О том же и музыка. А жизнь, вся жизнь кипит своими вопросами о пище, размещении, труде, о вере, об отношении людей... Стыдно, гадко. Помогите мне, отец, разъяснением этой лжи послужить тебе.

9) Еду от Чертковых 5 июля. Вечер и красота, счастье, благо на всем. А в мире людей? Жадность, злоба, зависть, жестокость, похоть, разврат. [Вымарано 5 – 6 слов] Когда будет в людях то же, что в природе? Там борьба, но честная, простая, красивая. А тут подлая. Я знаю ее и ненавижу, потому что сам человек. (Не вышло.) [...]

26 июля 96. Ясная Поляна. Утро. Всю ночь не спал. Сердце болит не переставая. Продолжаю страдать и не могу покорить себя богу. Одно: овладел похотью, но – хуже – не овладел гордостью и возмущением, и не переставая болею сердцем. Одно утешает... я не один, но с богом, и потому, как ни больно, чувствую, что что-то совершается. Помогите, отец.

Вчера шел в Бабурине и невольно (скорее избегал, чем искал) встретил 80-летнего Акима пашущим, Яремичеву бабу, у которой в дворе нет шубы и один кафтан, потом

Марью, у которой муж замерз и некому рожь свозить, и морит ребенка, и Трофим, и Халявка, и муж и жена умирали, и дети их. А мы Бетховена разбираем, и молился, чтобы он избавил меня от этой жизни. И опять молюсь, кричу от боли. Запутался, завяз, сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь.

30 июля 1896. Ясная Поляна. Много еще страдал и боролся и все не победил ни того – ни другого. Но лучше. Была Анненкова и хорошо сказала: [вымарано 5 слов]. Испортили мне и дневник, пишу ввиду возможности чтения живыми. Поправило меня только сознание того, что надо жалеть, что она страдает и что моей вины нет конца. Сейчас сверху заговорили об Евангелии, и Танеев стал en ricanant [с усмешкой (фр.)] доказывать, что Христос советовал скопиться. Я рассердился – стыдно.

Ходил дня два назад к погорелым, не обедал, устал, а было хорошо. Таня уехала. Я ей советовал и жалею. Вчера был у адвоката, который хотел взять 100 рублей с нищей на свои украшения дома. То же и везде. За это время был в Пирогове, брат Сережа совсем пришел к нам. Радостная была поездка с Таней и Чертковым. Нынче в Деменке напутствовал умирающего мужика. В сочинении своем очень подвигаюсь. Попытаюсь записать теперь то, что вписано в книгу.

[...] 12) Балы, праздность, зрелища, процессии, увеселительные сады и т. п. дают страшное орудие в руки устроителей. Могут быть страшные влияния. И если что подчинять контролю, так это.

13) Я шел дорогой и думал, глядя на лес, на землю, на траву, какое смешное заблуждение: думать, что мир такой, каким он представляется мне. Думать, что мир такой, каким он представляется мне, значит: думать, что не может быть другого познающего существа, кроме меня с моими 6-ю чувствами. Я остановился и записывал это, Подошел Сергей Иванович. Я сказал ему, что я думал. Он сказал: да, одно верно, что мир не такой, каким мы его видим, и мы ничего не знаем так, как оно есть. Я сказал: нет, мы знаем нечто именно таким, какое оно есть. "Что же?" – То, что познает. Оно именно такое, каким мы его знаем.

14) Часто удивляются на то, что люди неблагодарны. Надо удивляться, как они могут быть благодарны за сделанное им добро. Как бы мало ни делали люди добро, они знают несомненно, что делание добра есть величайшее счастье. Как же людям благодарить других за то, что эти другие напились, когда в этом великое наслаждение?

15) Свободен только тот, кому никто и ничто не может помешать сделать то, что он хочет. Такое дело есть только одно: любить.

[...] 17) Эстетическое наслаждение есть наслаждение низшего порядка. И потому высшее эстетическое наслаждение оставляет неудовлетворенность. Даже, чем выше эстетическое наслаждение, тем большую оно оставляет неудовлетворенность. Все хочется чего-то еще и еще. И без конца. Полное удовлетворение дает только нравственное благо. Тут полное удовлетворение – дальше ничего не хочется и не нужно.

18) Ложь перед другими далеко не так важна и вредна, как ложь перед собой. Ложь перед другими есть часто невинная игра, удовлетворение тщеславия; ложь же перед собой есть всегда извращение истины, отступление от требований жизни. [...]

[31 июля] Жив. Сейчас вечер, 5-й час. Лежу и не могу заснуть. Сердце болит. Измучен. Слышу в окно, играют в теннис, смеются. Соня уехала к Шеншиным. Всем хорошо. А мне тоска, и не могу совладать с собой. Похоже на то чувство, когда St. Thomas запер меня и я слышал из своей темницы, как все веселы и смеются. Но не хочу. Надо терпеть унижение и быть добрым. Могу. [...]

Страшно подумать, сколько прошло времени: полтора месяца. Нынче 14 сентября 96. Ясная Поляна. За это время была поездка в монастырь с Соней. Было очень хорошо. Я не освободился, не победил, а только прошло. Написал о Хаджи-Мурате очень плохо, начерно. Все продолжал свою работу изложения веры. Чертковы уехали. Соня в Москве с 3-го. Нынче очень ждал ее и чуть было не огорчился. Приехал Лева с женой. Она ребенок. Они очень милы. Теперь тут все три сына с женами. Было письмо от голландца, отказавшегося от службы. Я написал к письму предисловие. Написал еще с очень резкими суждениями о правительстве письмо к Калмыковой. Все полтора месяца сжаты в этом. Да, еще был болен своей обычной болезнью и теперь

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
еще не окреп желудком.

Да, за это время было письмо от индуса Тода и прелестная книга индийской мудрости Joga's philosophy.

За это время думал:

[...] 4) Сначала поражаешься, почему людям глупым свойственны такие уверенные, убедительные интонации. Но так и должно быть. Иначе бы их никто не слушал.

[...] 7) Одно из самых сильных средств гипнотизации – внешнего воздействия на душевное состояние человека – это наряд. Это хорошо знают люди: от этого монашеская одежда в монастырях и мундир в войске.

8) Вспоминал два прекрасные сюжета для повестей:

самоубийство старика Персиянинова и подмена ребенка в воспитательном доме.

9) Когда меня мучила моя слабость, я искал средств спасения, и одно такое я нашел в мысли о том, что нет ничего стоячего, что все течет, изменяется, что все это пока и надо только потерпеть пока, пока живы мы, я и те. А кто-нибудь уйдет первый. Пока не значит жить кое-как, а значит не отчаиваться, дотерпеть.

10) Хотел сказать, что благодарен, для того, чтобы хорошо расположить и потом сказать правду. Нет, думаю – нельзя. Это припишется своим достоинствам, и правда еще менее будет приятна. Человек, не признающий своих грехов, это сосуд, герметически закрытый крышкой и ничего в себя не пропускающий. Смириться, покаяться это значит открыть крышку, сделать себя способным к совершенствованию – благу.

[...] 13) Отчего негодяи стоят за деспотизм? Оттого, что при идеальном правлении, воздающем по заслугам, им плохо. При деспотизме же все может случиться. [...]

Нынче 10 октября 96. Ясная Поляна. Почти месяц не писал, а казалось, что только вчера. За это время, хотя в очень дурном виде, но окончил изложение веры. За это время были японцы с письмом от Кониси. Они, японцы, к христианству несравненно ближе, чем наши церковные христиане. Очень я их полюбил. Лева слаб. С Соней хорошо, хотя и слабо, но борюсь любовью. Хочу все изложение веры писать сначала. Вчера хорошее письмо от Веригина Петра. [...]

Нынче 20 октября 96. Ясная Поляна (утром). Хочется записать три вещи.

1) В художественном произведении главное – душа автора. От этого из средних произведений женские лучше, интереснее. Женщина нет-нет да и прорвется, выскажет самое тайное души – оно-то и нужно, видишь, что она истинно любит, хотя притворяется, что любит другое. Когда автор пишет, мы читатель, прикладываем ухо к его груди и слушаем и говорим: дышите. Если есть хрипы, они окажутся. И женщины не умеют скрывать. А мужчины выучатся литературным приемам, и его уж не увидишь из-за его манеры, только и знаешь, что он глуп. А что у него за душой – не увидишь. (Не хорошо, зло.)

2) Хотел записать то, что вчера, потушив свечу, стал щупать спички и не нашел, и нашла жутость. "А умирать собираешься! Что ж, умирать тоже будешь со спичками?" – сказал я себе, и тотчас же увидел настоящую свою жизнь в темноте, и успокоился. Что такое этот страх темноты? Кроме страха невозможности справиться в случае какого-нибудь случая, это страх отсутствия иллюзий главного из чувств – зрения, это страх перед созерцанием своей истинной жизни. У меня уже нет теперь этого страха, напротив, то, что было страхом, стало успокоением, осталась только привычка страха, но у большинства людей страх именно перед тем, что одно может дать успокоение.

[...] 4) Утонченность и сила искусства почти всегда диаметрально противоположны.

5) Правда ли, что произведения искусства добываются усидчивым трудом? То, что мы называем произведением искусства, – да. Но настоящее ли это искусство?

6) Японцы запели – мы не могли удержаться от смеха. Если бы мы запели у японцев,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

они бы смеялись. Тем более, если бы им играли Бетховена. Индийские и греческие храмы всем понятны. Всем понятны и статуи греческие. Понятна и живопись наша лучшая. Так что архитектура, скульптура, живопись, дойдя до своего совершенства, дошли и до космополитизма, общедоступности. До того же дошло, в некоторых своих проявлениях, искусство слова – в поучениях Будды, Христа, в поэзии Сакиамуни, Якова, Иосифа. В драматическом искусстве – Софокл, Аристофан – не дошли. Доходят в новых. Но в музыке совсем отстали. Идеал всякого искусства, к которому оно должно стремиться, это общедоступность, а они, особенно теперь музыка, лезет в утонченность.

7) Главное же, что хотелось бы сказать об искусстве, это то, что его нет в том смысле какого-то великого проявления человеческого духа, в каком его понимают теперь. Есть забава, состоящая в красоте построек, в изваянии фигур, в изображении предметов, в пляске, в пении, в игре на разных инструментах, в стихах, в баснях, сказках, но все это только забава, а не важное дело, которому можно сознательно посвящать свои силы. Так всегда и понимал и понимает это рабочий, неиспорченный народ. И всякий человек, не удалившийся от труда и жизни, не может смотреть на это иначе. Надо бы, надо бы высказать это. Сколько зла от этой важности, приписываемой паразитами общества своим забавам!

[...] 9) когда страдаешь, нужно войти в себя, не искать спички, а потушить тот свет, который есть и который мешает видеть своего истинного я. Нужно перевернуть Ваньку-встаньку, который стоял на пробке, и поставить его на свинец, и тогда все станет ясно и прекратится большая доля страдания – вся та доля, которая не физическая.

10) Когда страдаешь страстью, то вот несколько рецептов паллиативов:

а) Вспомни, как прежде много раз ты страдал оттого, что соединял себя в своем сознании с своей страстью – похоти, корысти, охоты, тщеславия и вспомни, как все это проходило, и ты не находил уже того я, который тогда страдал. Так и теперь. Страдаешь не ты, а та страсть, которую ты неправильно соединил в одно с собою.

б) Еще, когда страдаешь, вспомни, что эта страдание не есть неприятность, от которой можно желать избавиться, а есть самый труд жизни, самое то дело, которое ты приставлен делать. Желая избавиться от нее, ты делаешь то, что сделал бы человек, подняв плуг там, где крепка земля, где именно она и должна быть разделана.

в) Потом вспомни в ту минуту, когда ты страдаешь, что если в тех чувствах, которые в тебе, есть злоба, то страдание в тебе. Замени злобу любовью, и страдание кончится. [...]

Нынче, должно быть, 23 октября 96. Ясная Поляна. Все эти дни разладился в работе. Написал вчера письмо иркутскому начальнику дисциплинарного батальона об Ольховике. Сейчас вечер, сажусь писать, потому что чувствую особенную важность и серьезность остающихся мне часов жизни. И не знаю, что мне должно делать, но чувствую назревшее во мне и просящееся наружу выражение воли бога. Перечел "Хаджи-Мурата", не то. За "Воскресение" я взяться не могу. Драма занимает. Прекрасная статья Carpenter'a о науке. Все мы ходим близко около истины и с разных сторон раскрываем ее.

26 октября 96. Ясная Поляна. Все так же нездоровится. И не пишется. Голова болит. Вчера приехал Сережа. Написал письма Соне и Андрюше. Но кажется мне, что за это время сомнений я пришел к двум, очень важным, положениям: 1) то, что я и прежде думал и записывал: что искусство есть выдумка. Есть соблазн забавы куклами, картинками, песнями, игрой, сказками и больше ничего. Ставить же искусство, как это они делают (то же делают и с наукой), на один уровень с добром, есть sacrilege [кощунство (фр.)] ужасный. Доказательство, что это не так, есть то, что и про истину (правду) я могу сказать, что истина добро (как бог приговаривал: добро зело, тейб), то есть хорошо, и про красоту можно сказать, что это хорошо; но про добро нельзя сказать, что оно красиво (оно бывает не красиво) или истинно (оно всегда истинно).

Есть только одно добро – хорошо и дурно, а истина и красота – это условия хорошие некоторых предметов. Другое очень важное – это то, что разум есть единственное средство проявления освобождения любви. Кажется, это важная мысль, пропущенная в моем изложении веры.

Нынче 1-е ноября 96. Ясная Поляна. Все время нездоровится и не работается. Написал только письма, в том числе в Кавказский дисциплинарный батальон. Вчера, ходя ночью в метель по снегу, натрудил сердце, и оно болит. Думаю, что я очень скоро умру. Затем и записываю. Думаю, что умру без страха и противления. Сейчас сидел один и думал о том, как удивительно, что живут отдельно люди: подумал о Стасове, как он сейчас живет, что думает, чувствует? О Колечке тоже. И так странно, ново стало знание того, что они, все они, люди, живут, а я не живу в них, что они закрыты от меня.

2 ноября 96. Ясная Поляна. Если буду жив. Жив. Мне немного лучше. Писал изложение веры. Думаю, что правда – холодно, оттого, что хочет быть непогрешимо. Метель. Отослал письма Шмиту и Черткову. Не послал письма Калмыковой. Думал нынче об искусстве. Это игра. И когда игра трудящихся, нормальных людей – она хороша; но когда это игра развращенных паразитов, тогда она – дурна; и вот теперь дошло до декадентства.

Нынче 5 ноября 96. Ясная Поляна. Утро. Вчера был ужасный день. Еще третьего дня я за обедом высказал горячо и невоздержно Леве мой взгляд на неправильное его понимание жизни и того, что хорошо. Потом сказал ему, что чувствую себя виноватым. Вчера он начал разговор и говорил очень дурно, с мелким личным озлоблением. Я забыл бога, не молился, и мне стало больно, и я слил свое истинное я с скверным – забыл бога в себе, и ушел вниз. Пришла Соня, как вчера, и была очень хороша. Потом вечером, когда все ушли, она стала просить меня, чтобы я передал ей права на сочинения. Я сказал, что не могу. Она огорчилась и наговорила мне много. Я еще более огорчился, но сдержался и пошел спать. Ночь почти не спал, и тяжело. Сейчас нашел в дневнике рецепты, прочел их, и мне стало легче: отделить свое истинное я от того, которое оскорблено и сердится, помнить, что это не помеха, не случайная неприятность, а самое мне предназначенное дело и, главное, знать, что если есть во мне нелюбовь к кому-нибудь, то, пока есть во мне эта нелюбовь, – я виноват. А как знаешь, что виноват, так – легко.

[...] Вчера написал восемнадцать страниц вступления об искусстве.

Нельзя говорить про произведение искусства: вы не понимаете еще. Если не понимают, значит, произведение искусства не хорошо, потому что задача его в том, чтобы сделать понятным то, что непонятно.

[6 ноября] Жив. Третий день продолжаю писать об искусстве. Кажется, хорошо. По крайней мере, пишется охотно и легко. Соня нынче уехала. И хорошо с ней и нехорошо. Лева уехал с женой к Илье. Мне стыдно, что мне легче. Получил письмо хорошее от Vanderveer, написал письмо еще начальнику батальона на Кавказе. Чертков прислал копию своего такого же письма. Нынче верхом ездил в Тулу, чудный день и ночь. Сейчас иду гулять навстречу девочкам. Думал:

1) Естественные науки, когда хотят определить самую сущность вещей, впадают в грубый материализм, то есть невежество. Таковы, кроме турбилюонов Декарта, и атомы, и эфир, и происхождение видов. Все, что могу сказать: это то, что представляется мне так. Точно так же, как представляется мне свод небесный круглым, но я знаю, что он не круглый, а представляется мне таким только потому, что мое зрение во все стороны хватает на один и тот же радиус.

16 ноября 1896. Ясная Поляна. Утро. Все так же плохо работается, и от этого тяжело. Послезавтра еду в Москву, если бог велит. Лева с женой уехали в Москву, мне с ним, к стыду моему, тяжело. За это время было странное письмо от испанца Занини с предложением 22 000 фр. на добрые дела. Ответил, что желаю употребить их на духоборов. Что-то будет? Послал Кузминскому о Витте и Драгомирове и третьего дня целое утро усердно писал опять о войне. Что-то выйдет?

Не переставая думаю об искусстве и об искушениях или соблазнах, затемняющих ум, и вижу, что к их разряду принадлежит искусство, но не знаю, как разъяснить. Очень, очень это занимает меня. Засыпаю и просыпаюсь с этой мыслью и до сих пор не пришел к решению. [...]

[17 ноября] Вчера почти ничего не писал. Один с дочерьми. Как хорошо с ними. Это баловство. Это теплая ванна для чувств. Письмо от Андрюши, очень хорошее. В газетах борьба из-за репинского определения искусства, как забавы. Как подходит к моей работе. Все не выяснилось вполне значение искусства. Ясно, и могу

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
написать и доказать, но не кратко и просто. До этого не могу довести. Вчера письмо от Ивана Михайловича. Опять о духоборах.

Забава хорошо, если забава не развратная, честная, и за забавы не страдают люди. Сейчас думаю.

Эстетика есть выражение этики, то есть по-русски: искусство выражает те чувства, которые испытывает художник. Если чувства хорошие, высокие, то и искусство будет хорошее, высокое, и наоборот. Если художник нравственный человек, то и искусство его будет нравственным, и наоборот. (Ничего не вышло.) Думал нынче ночью:

1) Мы радуемся на успехи наши технические – пар..., фонографы. И так довольны этими успехами, что если нам скажут, что успехи эти достигаются только при гибели человеческих жизней, то, пожимая плечами, говорим: надо постараться, чтоб этого не было: 8-ми часовой день, страхования рабочих и т. п., но из-за того, что несколько людей гибнут, нельзя отказываться от тех успехов, которых достигли, то есть fiat [да будет (лат.)] зеркало, фонограф и т. п., pereat [да погибнет (лат.)] несколько людей. Стоит только допустить этот принцип, и нет предела жестокости, и очень легко добывать всякие технические усовершенствования.

У меня был знакомый в Казани, который в свою вятскую деревню за 130 верст ездил вот как: он покупал на конной пару лошадей за 20 рублей (лошади были очень дешевы), запрягал их и гнал 130 верст до места. Иногда они добежали до места, и у него оставались лошади и стоимость проезда, иногда не добежали части пути, и он нанимал. Но все-таки ему обходилось дешевле, чем нанимать ямских. Еще Свифт предлагал есть детей. И это было очень выгодно. В Нью-Йорке компании железных дорог по городу давят каждый год несколько человек прохожих и не переделывают переезды так, чтобы не было возможности несчастий, потому что переделка эта стоит дороже, чем уплата семьям ежегодно раздавленных. То же происходит и в технических усовершенствованиях нашего века. Они делаются жизнями человеческими. А надо ценить каждую жизнь человеческую, не ценить, а ставить ее выше всякой цены, и делать усовершенствования так, чтоб жизни не гибли, не портились, и прекращать всякое усовершенствование, если оно вредит жизни человеческой.

22 ноября 96. Москва. Четвертый день в Москве. Недоволен собой. Нет работы. Запутался в статье об искусстве и не подвинулся вперед. Вчера получил письмо. Она хочет разъехаться с Сережей. Нынче написал ей длинное письмо: Писал от сердца, что думаю, и кажется – правду Нынче же сам снес в Петровско-Разумовское. Горбунов, Буланже, Дунаев. Сам был у Русанова. Очень хорошее впечатление. Читал Платона: эмбрионы идеализма. Вспомнил два сюжета, очень хороших.

1) Измена жены страстному, ревнивому мужу: его страдания, борьба и наслаждение прощения, и

2) Описание угнетения крепостных и потом точно такое же угнетение земельной собственностью, или, скорее лишением ее.

Сейчас играл Гольденвейзер. Одна фантазия fuga. искусственность ученая, холодная и претенциозная, другая *Vigature* Аренского: чувственно, искусственно, и третья баллада Chopin: болезненно, нервно. Ни то, ни другое, ни третье не может годиться народу.

Приставленный ко мне бес все при мне и мучает меня.

Нынче 25. Очень слаб. Желудок не работает. Пытаюсь писать об искусстве не идет. Одно хорошо. Нашел себя – свое сердце. Было столкновение с Соней или, скорее, огорчение. И жалость, любовь к ней превысила все, и стало хорошо. Письмо от Занини с предложением 31 500 франков. Тищенко хорошая повесть о бедности. Теперь 3-ий час, иду гулять.

Нынче 27 ноября. Москва. 1896. Очень слаб, плох во всех отношениях. И сейчас только как будто проснулся. Думал:

[...] 3) Искусство, становясь все более и более исключительным, удовлетворяя все меньшему и меньшему кругу людей, становясь все более и более эгоистичным, дошло до безумия – так как сумасшествие есть только дошедший до последней степени эгоизм. Искусство дошло до крайней степени эгоизма и сошло с ума.

Очень мне было дурно, уныло эти дни.

Нынче 2 декабря 96. Москва. Пять дней прошло, и очень мучительных. Все то же. Вчера ходил ночью гулять, говорили. Я понял свою вину. Надеюсь, что и она поняла меня. Мое чувство: я узнал на себе страшную, гнойную рану. Мне обещали залечить ее и завязали. Рана так отвратительна мне, так тяжело мне думать, что она есть, что я постарался забыть про нее, убедить себя, что ее не было. Но прошло некоторое время – рану развязали, и она, хотя и заживает, все-таки есть. И это мучительно мне было больно, и я стал упрекать, и несправедливо, врача. Вот мое положение.

Главное – приставленный ко мне бес. Ах, эта роскошь, это богатство, это отсутствие заботы о жизни матерьяльной, как переудобренная почва. Если только на ней не выращивают, выпалывая, вычищая все кругом, хорошие растения, она зарастет страшной гадостью и станет ужасна. А трудно – стар и почти не могу. Вчера ходил, думал, страдал и молился, и, кажется не напрасно. Был вчера у княжны Елены Сергеевны. Очень было приятно. Все не могу работать. Сейчас попробую. В книге ничего не записано. Писал письма: Кони, Кудрявцевой. Вчера были фабричные и новый, Медоусов, кажется.

12 декабря 96. Много перестрадал в эти дни и, кажется, подвинулся вперед к спокойствию и добру – к богу. Много читаю об искусстве. Уясняется. Даже и не сажусь писать. Маша уехала. Приехали Чертковы. Нынче написал послесловие к воззванию.

15 декабря 96. Москва. Сейчас 2 ч. утра. Ничего не делал. Болел желудок. Я спокоен: нет охоты писать. Странная потребность тревоги у Сони. Сейчас была у меня с вопросом, не пойти ли проведать Пелагею Васильевну. Странно.

Кое-что записано; не выписываю всего. Одно очень поразило меня: это мое ясное сознание тяжести, стеснения от своей личности, от того, что я – я. Это мне радостно, потому что это значит, что я сознал, признал хоть отчасти собою того не личного я.

Нынче 19 или 20 декабря. 20 декабря 96. Москва. Прошло пять дней, и чувство это – стеснения, тяжести своего тела и потом сознания существования того, что не тело, страшно усилилось. Хочется скинуть эту тяжесть, освободиться от этих пут и вместе с тем чувствуешь их. Тело – надоело. Все это время ничего не работаю и испытываю тяжелую тоску.

[...] Ничего за это время не делал и не могу. Живу дурно.

Записаны разные пустяки об искусстве:

1) Приводят в доказательство того, что искусство хорошо, то, что оно производит на меня большое впечатление. Да кто ты? На декадентов производят сильное впечатление их произведения. Ты говоришь, что они испорчены. А Бетховен, не производящий впечатления на рабочего человека, производит такое впечатление на тебя только потому, что ты испорчен. Кто же прав? Какая музыка несомненна по своему достоинству? А та, которая производит впечатление и на декадента, и на тебя, и на рабочего человека: простая, понятная, народная музыка.

2) Какое бы облегчение почувствовали все, запертые в концерте для слушания Бетховена последних сочинений, если бы им заиграли трепака, чардаш или тому подобное.

[...] 4) Ничто так не путает понятий об искусстве, как признание авторитетов. Вместо того, чтобы по ясному и точному понятию об искусстве определять, подходят ли произведения Софокла, Гомера, Данта, Шекспира, Гете, Бетховена, Баха, Рафаэля, Микеланджело под понятие хорошего искусства и какие именно, – по существующим произведениям признанных великими художниками определяют само искусство и его законы. А между тем есть много произведений знаменитых художников ниже всякой критики, и много ложных репутаций, случайно получивших славу: Данте – Шекспир.

5) Читаю историю музыки: из шестнадцати глав об искусственной музыке есть одна коротенькая глава о народной музыке, и о ней почти ничего не знают, так что

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

история музыки не есть история того, как зарождалась и распространялась и развивалась настоящая музыка – музыка мелодий, а история искусственной музыки, то есть того, как уродовалась настоящая мелодичная музыка.

6) Искусственная, господская музыка, музыка паразитов, чувствуя свое бессилие, свою бессодержательность, прибегает, чтобы заменить настоящий интерес искусственным, то к контрапункту, фуге, то к опере, то к иллюстрации.

7) Церковная музыка потому и была хороша, что она была доступна массам. Несомненно хорошо только то, что всем доступно. И потому наверное: чем более доступна, тем лучше.

8) Различные характеры, выражаемые искусством, только потому трогают нас, что в каждом из нас есть возможности всех возможных характеров (забыл).

9) История музыки, как и все истории, написана по тому плану, чтобы показать, как она понемногу достигала того положения, в котором находится то, чего пишется история, теперь. Теперешнее же состояние музыки или то, чего пишется история, предполагается высшим. А что, как оно не только низшее, но совсем уродливое, случайное уклонение в уродливость?

10) Вера в авторитеты делает то, что ошибки авторитетов берутся за образцы.

11) Говорят, музыка усиливает впечатление слов в арии, песне. Неправда. Музыка перегоняет бог знает насколько впечатление слов. Ария Баха. Какие слова могут с ней тягаться во время ее воспроизведения. Другое дело слова сами по себе. На какую музыку ни положи Нагорную проповедь, музыка останется далеко позади, когда вникнул в слова. Crucifixe фора. Музыка жалка подле слов. Совсем два разных чувства – и несовместимые. В песне они сходятся только потому, что слова дают тон. Неточно. Об этом в другом месте.

12) Как-то живо вспомнил Вас. Перфильева и других, кого видал в Москве, и так ясно стало, что, несмотря на то, что они умерли, они есть.

13) Харибда и Сцилла художников: или понятно, но мелко, вульгарно, или мнимо возвышенно, оригинально и непонятно.

14) Поэзия народная всегда отражала, и не только отражала, предсказывала, готовила народные движения – крестовые походы, реформация. Что может предсказать подготовить поэзия нашего паразитного кружка?.. – любовь, разврат; разврат, л f10 юбовь.

15) Народная поэзия, музыка, вообще искусство иссякло, потому что все даровитое переманивалось подкупами в скоморохов богатых и знатных: камерная музыка, оперы, оды...

16) Во всех искусствах – борьба христианского с языческим. Христианское начинает побеждать, и набегают новая волна 15-го века – Возрождения, и только теперь, в конце 19-го, опять поднимается христианство, и язычество, в виде декадентства, дойдя до последней степени бессмыслия, уничтожается.

17) Кроме того, что даровитейшие люди из народа подкупами переманивались в лагерь паразитов, причиной уничтожения народной поэзии и музыки были: сначала закрепощение народа, а потом самое главное – книгопечатание.

18) Чертков говорил, что вокруг нас четыре стены неизвестности: впереди стена будущего, позади стена прошедшего, справа стена неизвестности о том, что совершается там, где меня нет, и четвертая, он говорит, стена неизвестности того, что делается в чужой душе. По-моему, это не так.

Три первые стены так. Через них не надо заглядывать. Чем меньше мы будем заглядывать за них, тем лучше. Но четвертая стена неизвестности того, что делается в душах других людей, эту стену мы должны всеми силами разбивать стремиться к слиянию с душами и других людей. И чем меньше мы будем заглядывать за те три стены, тем больше мы будем сближаться с другими в этом направлении.

19) После смерти по важности и прежде смерти по времени нет ничего важнее, безвозвратное брака. И так же, как смерть только тогда хороша, когда она

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

неизбежна, а всякая нарочная смерть - дурно, так же и брак. Только тогда брак не зло, когда он непреодолим. [...]

21 декабря. Москва. 96. Плохо выучиваюсь. Все страдаю, беспомощно, слабо. Только в редкие минуты поднимаюсь до сознания всей своей жизни (не только этой) и своих обязанностей в ней.

Думал и (почувствовал). Есть люди, лишенные как эстетического, так и этического (главное, этического) чувства, которым нельзя внушить того, что хорошо, еще менее, когда они делают и любят нехорошее и думают, что это нехорошее - хорошо. Сейчас была Соня, говорили. Только еще тяжелее стало.

22 декабря. Москва. 96. Е. б. ж. Начинает быть очень сомнительно, не переставая болит сердце. Нет отдыха ни на чем почти. Нынче Поша один освежил. Гадко, что хочется плакать над собой, над напрасно губимым остатком жизни. А может быть, так надо. Даже наверное так надо.

25 декабря 96. Москва. 9 ч. вечера. Мне душевно лучше. Но нет работы умственной, художественной, и я тоскую. Сейчас испытываю это особенное святочное размягчение, умиление, поэтическую потребность. Руки холодные, хочется плакать и любить. За обедом грубые сыновья - были очень мучительны.

26 декабря 96. Москва. Все ничего не пишу, но как будто оживаю мыслями. Бес все не отходит от меня. Думал нынче о "Записках сумасшедшего". [...]

Дневник - 1897

5 января 1897. Москва. Все нечего записать хорошего о себе. Нет потребности работы, и бес не отходит. Был нездоров дней шесть.

Начал перечитывать "Воскресение" и, дойдя до его решения жениться, с отвращением бросил. Все неверно, выдуманно, слабо. Трудно поправлять испорченное. Для того, чтобы поправить, нужно: 1) попеременно описывать ее и его чувства и жизнь. И положительно и серьезно ее, и отрицательно и с усмешкой его. Едва ли кончу. Очень все испорчено.

Вчера читал статью Архангельского "Кому служить" и очень радовался.

Дописал записную книжку. И вот выписываю из нее.

[...] 2) (к "Запискам сумасшедшего" или к драме.) Отчаяние от безумия и бедственности жизни. Спасение от этого отчаяния в признании бога и сыновности своей ему. Признание сыновности есть признание братства. Признание братства людей и жестокий, зверский, оправдываемый людьми небратский склад жизни неизбежно приводит к признанию сумасшедшим себя или всего мира. [...]

Нынче 12 января. Москва. Рано утром. Не сплю от тоски. И не виновата ни желчь, ни эгоизм и чувственность, а мучительная жизнь. Вчера сижу за столом и чувствую, что я и гувернантка - мы оба одинаково лишние, и нам обоим одинаково тяжело. Разговоры об игре Дузе, Гофмана, шутки, наряды, сладкая еда идут мимо нас, через нас. И так каждый день и целый день. Не на ком отдохнуть. Таня бедная и желала бы когда-то, да слабая, с слабыми духовными требованиями натура. Сережа, Илюша... Бывает в жизни у других хоть что-нибудь серьезное, человеческое - ну, наука, служба, учительство, докторство, малые дети, не говорю уж заработок или служение людям, а тут ничего, кроме игры всякого рода и жрания, и старческий flirtation [флирт (фр.)] или еще хуже. Отвратительно. Пишу с тем, чтобы знали хоть после моей смерти. Теперь же нельзя говорить. Хуже глухих - кричащие. Она больна, это правда, но болезнь-то такая, которую принимают за здоровье и поддерживают в ней, а не лечат. Что из этого выйдет, чем кончится? Не переставая молюсь, осуждаю себя и молюсь. Помогите, как ты знаешь.

15 января 97. Москва. Рано утром. Почти всю ночь не спал. Проснулся оттого, что видел во сне все то же оскорбление. Сердце болит. Думал: все равно от чего-нибудь умирать надо. Не велит бог умирать ради его дела, надо так глупо, слабо умирать от себя, из-за себя. Одно хорошо, это то, что легко вытесняет из жизни. Не только не жалко, но хочется уйти от этой скверной, унижительной жизни. Думал и особенно больно и нехорошо то, что после того, как я всем божеским,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
служением богу жизнью, раздачей имения, уходом из семьи, пожертвовал для того, чтобы не нарушить любовь, – вместо этой любви должен присутствовать при унижительном сумасшествии.

[...] Нынче ночью думал, как надо написать памятку. Это теперь главное, и надо захватить, пока не умер.

4 февраля 97. Никольское у Олсуфьевых. Я здесь уже четвертый день. И невыразимая тоска. Пишу об искусстве плохо. Сейчас молился и ужаснулся на то, как низко я упал. Думаю, спрашиваю себя, что мне делать, сомневаюсь, колеблюсь, как будто я не знаю или забыл, кто я, и потому, что мне делать. Помнить, что я не хозяин, а слуга, и делать то, к чему приставлен. С каким трудом я добивался и добился этого знания, как несомненно это знание и как я мог все-таки забыть его – не то что забыть, а жить, не применяя его.

Соня без меня читала этот дневник, и ее очень огорчило то, что из него могут потом заключить о том, что она была нехорошей женой. Я старался успокоить ее – вся жизнь наша и мое последнее отношение к ней покажет, какой она была женой. Если она опять заглянет в этот дневник, пускай сделает с ним, что хочет, а я не могу писать, имея в виду ее или последующих читателей, и писать ей как будто свидетельство. Одно знаю, что нынче ночью ясно представил себе, что она умрет раньше меня, и ужасно стало страшно за себя. Третьего дня я писал ей, что мы особенно вновь и понемногу (что всегда бывает особенно твердо) начали сближаться лет пять или четыре тому назад и хорошо бы, чтобы это сближение все увеличивалось до смерти одного из нас, моей, которая, я чувствую, очень близка. Ну, довольно об этом. Выпишу, что думал за это время.

1) В конце концов, всегда властвуют те, над которыми производится насилие, то есть те, которые исполняют закон непротivления. Так женщины ищут прав, а они властвуют именно потому, что они подчинены и были и еще суть – силе. Учреждения во власти мужчин, а общественное мнение во власти женщин. И общественное мнение в миллион раз сильнее всяких законов и войск. Доказательство того, что общественное мнение в руках женщин, – то, что не только устройство жилищ, пищи определяются женщинами, – расходуют богатство, следовательно, руководят работами людей женщины; успехи произведений искусств, книг, даже назначение правителей определяется общественным мнением, а общественное мнение определяется женщинами. Хорошо кто-то сказал, что мужчинам надо искать эмансипации от женщин, а не наоборот.

2) (К воззванию.) Обличайте обманщиков, распространяйте истину и не бойтесь. Если бы распространять обман и убийство, то понятно, что было бы страшно, а то вы будете распространять освобождение от обмана и убийства. Кроме того, и нет основания бояться. Кого? Они, обманщики и убийцы, знают, что они обманщики и убийцы, и сами боятся. Помню, раз в деревне служивший у нас слабый и вялый 12-летний мальчик поймал на дороге и привел огромного здорового мужика-вора, унесшего из передней полушубок.

3) Поэты, стихотворцы выламывают себе язык так, чтобы быть в состоянии сказать всякую мысль всевозможными различными словами и чтобы из всяких слов уметь составлять подобие мысли. Таким упражнением могут заниматься только люди несерьезные. Так оно и есть.

[...] 5) Двадцать раз повторял, и двадцать раз, как новая, приходит мысль о том, что спасение от всех волнений, страхов, страданий, как физических, так в особенности духовных, в том, чтобы разбить в себе иллюзию единства своего духовного я. с физическим. И это всегда можно. Когда разбита эта иллюзия, то я духовный может страдать только оттого, что он связан с физическим, но уж не от голода, боли, печали, ревности, стыда и т. п. В первом случае, пока он связан, он делает то, чего хочет физический я, сердится, осуждает, бранит, бьет; во втором случае, когда он отделен от физического, он делает только то, что может освободить его от мучительной связи; а освобождает только проявление любви.

6) (К статье об искусстве.) Когда целью искусства признается красота, то искусством будет все то, что для известных людей представляется красотой, то есть все то, что нравится известным людям.

7) Записано: вред искусства, в особенности музыки, и хотел написать, что забыл, но куда писал, вспомнил. Вред искусства тот главный, что оно занимает время,

скрывает от людей их праздность. Знаю, что оно вредно я для производящих, и для воспринимających, когда оно поощряет праздность, но не вижу ясного определения того, когда оно позволительно, полезно, хорошо. Хотелось бы сказать, что только тогда, когда это есть отдых от труда, как сон; но не знаю еще, так ли.

8) (К воззванию.) Вы ошибаетесь, бедняки, если думаете устыдить, или растрогать, или убедить богача, чтобы он поделился с вами. Он не может этого сделать потому, что видит, что вы хотите того же, чего и он, что вы боретесь против него тем же средством, которым он борется против вас. Вы не только убедите его, но заставите его уступить вам только тем, что не станете искать того же, что он, не станете бороться с ним, а перестанете бороться, перестанете и служить ему.

9) Если искусства цель не добро, а наслаждение, то и распределение искусства будет иное. Если цель его – добро, то оно неизбежно распространится на наибольшее число людей; если цель его наслаждение, то оно сосредоточится в малом числе. (Неточно и еще неясно.)

10) Искусство есть (я написал пища) – но лучше сказать сон, необходимый для поддержания духовной жизни. Сон полезен, необходим после труда, но сон искусственный вреден – не освежает, не бодрит, но ослабляет.

11) Слушал контрапунктное пение а сарелла. Это уничтожение музыки, средство извращения ее. Нет мыслей, нет мелодий, и берется какая попало бессмысленная последовательность звуков, и из сочетаний этих последовательностей, ничтожных, составляется какое-то скучное подобие музыки. Самое лучшее, когда кончается последний аккорд. [...]

6 февраля. Никольское. 97. Утром приехал Горбунов;

вечером телеграмма, что Чертковы едут в четверг. Я собрался ехать с Соней. Поехали. Здоровье лучше.

7 февраля. Петербург. 97. Поехал к Чертковым. У них радостно. Потом у Ярошенко. Вечер дома с Соней. Нам хорошо. Молюсь, чтобы и здесь и везде не отступать от сознания посланничества, исполняемого добротой.

Нынче 11 февраля 1897. Петербург. Ничего, ничего, молчание. Был у Стасова, у Толстой. Дурного не делал, но и хорошего тоже. Скорее хорошее. Помогли бог не сглазить, а лучше. Ничего не думаю.

Опять у Олсуфьевых в Никольском. 16 февраля 1897. Вернувшись третьего дня утром, заболел. Вчера было лучше. Писал об искусстве хорошо. Нынче уехала Соня после огорчившего ее разговора. Женщины не считают для себя обязательными и не могут двинуться вследствие требований разума. У них не натянута этот парус. Они идут на веслах без руля. Мне опять нездоровится и очень умиленно грустно. Написал письма Чертковым и Поше. Ничего не работал.

17 февраля 97. Никольское. Нехорошо себя чувствую. Попытался писать об искусстве. Приехала Таня. Хорошая, ясная. Все высказал ей. Письма получил: переделка "О жизни" от американца. Написал два письма Соне: вчера и нынче, послал. Думал еще до Петербурга:

1) К воззванию: описать положение фабричных, прислуг, солдат, земледельцев в сравнении с богачами и показать, что все от обманов. 1-й обман, обман земли, 2-й обман, обман податей, таможен, 3-й обман, обман патриотизма, защита и, наконец, 4-й обман: голова всем, обман смысла жизни (религиозный) двух сортов: а) церковный и б) атеизм.

2) В средние века, в XI веке, поэзия была общая – народа и господ, *les courtois et les vilains* [благородных и низких (фр.)], потом разделилась и *les vilains* стали подделывать под господскую, а господа под народную. Надо, чтобы пришло опять соединение.

[...] 4) Почти каждый муж и жена упрекают друг друга в делах, в которых они не считают себя виноватыми. Но ни одна сторона не перестанет обвинять, ни другая никогда не оправдывается.

5) Ни за поэтом, ни за живописцем не бегают, как за актером и, главное,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
музыкантом. Музыка производит прямо физическое действие, иногда острое, иногда хроническое.

6) Мы совершенно ложно приписываем ум и доброту таланту, так же, как и красоте. В этом большой самообман.

7) Пришло в голову с удивительной ясностью, что для того, чтобы всегда было хорошо: всегда думать о других, в особенности, когда говоришь с кем. [...]

Нынче 20 февраля 97. Никольское, 7 часов вечера. Все так же дурно себя чувствую... Утром заснул, потом, и не пытаюсь работать, пошел ходить. Чрезвычайная слабость. Душой спокоен, только скучно, что не могу работать. Полон дом народа. Нынче получил письмо от Сони. Все это сблизило нас. И кажется, я освободился вполне. Вчера написал много писем. Ходил и думал:

1) Нет большей причины заблуждений и путаницы понятий, самых неожиданных и иначе необъяснимых, как признание авторитетов – то есть непогрешимой истинности или красоты лиц, книг, произведений искусства. Тысячу раз прав Мэтью Арнольд, что дело критики в том, что бы выделять из всего того, что написано и сделано, хорошее от дурного и преимущественно дурного из среды того, что признано прекрасным, и хорошего из того, что признано плохим или вовсе не признано.

Самый резкий пример такого заблуждения и страшных последствий этого, задержавших на века движение вперед христианского человечества, это авторитет священного писания и Евангелий. Сколько самых неожиданных, иногда нужных для своего оправдания, иногда ни на что не нужных и удивительных, наговорено и написано на тексты священного писания, иногда самые глупые или даже дурные. Вместо того чтобы сказать: а вот это очень глупо и, вероятно, или приписано Моисею, Исаяе, Христу, или перевернуто, начинаются рассуждения, объяснения, нелепые, которые никогда бы не появлялись на свет, если бы не было этих нелепых стихов, а они не признавались бы вперед священными и потому разумными. Стоит только вспомнить нелепый Апокалипсис. То же самое с греческими трагиками, Вергилием, Шекспиром, Гете, Бахом, Бетховеном, Рафаэлем и новыми авторитетами.

22 февраля. Должно быть, пропустил 21. Нынче, должно быть, 22, суббота. Никольское. Вчера не работал. Перечел первую редакцию об искусстве – не дурно. Поехал за платьем Юшковой. Хорошо проехался. Вечер говорил об искусстве, потом слушал приехавших Коносов, братьев. Все то же и скучно. Нынче немного лучше здоровьем, пошел на лыжах и почувствовал слабость сердца и жутость, когда зашел далеко. Теперь вечер. Хочется написать письма.

Думал к воззванию, глядя на бесчисленных сыновей Дормидона в пальтецах. Он их воспитывает, "производит" в люди. Зачем?

Вы скажете: вы живете так, как живете, для детей. Зачем? Зачем воспитать еще поколение таких же обманутых рабов, не знающих, зачем они живут, и живущих такою нерадостною жизнью?

[23 февраля] Сегодня целое утро бодро писал и, кажется, подвинулся в статье об искусстве. Потом ходил перед обедом. Все пропасть народа. Нет серьезного разговора. Вчера была музыка – скучно. Нынче спектакль. Таня с Михаилом Адамовичем очень хорошо сыграли. Теперь вечер. Обошлось почти без изжоги.

24 февраля. Никольское. 1897. Нынче встал вялый и после завтрака сейчас заснул. Во 2-м часу пошел навстречу катающимся. Доехал домой, обедал. Борюсь с изжогой успешно. Ходил вечером гулять. Читал и читаю Аристотеля (Benard) об эстетике. Очень важно. Думал за эти дни:

1) Думал: отчего некоторым людям (моим хозяевам и их гостям) нельзя даже и говорить про истину и добро – так они далеки от нее? Это оттого, что они окружены таким толстым слоем соблазнов, что уж стали непроницаемы. Они [не] могут бороться с грехом, потому что из-за соблазнов не видят грех. В этом главная опасность и весь ужас соблазнов.

[...] 3) Здешний гость, генерал, представительный, чистый, корректный, с густыми бровями и важным видом (и необыкновенно добродушный, но лишенный всякого нравственного двигающего чувства) навел меня на поразительную мысль о том, как и какими путями самые равнодушные к общественной жизни, к благу общему, именно

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

они-то вступают невольно в положение управителей людей. Я так и вижу, как он будет заведовать учреждением, от которого зависят миллионы жизней, и только потому, что он любит чистоплотность, элегантность, утонченную пищу, танцы, охоту, бильярд, всевозможные увеселения и, не имея средств, держится в тех полках, учреждениях, обществах, где все это есть, и понемногу, как добрый, безобидный, повышается и делается правителем людей – все, как Ф., и имя им легион. [...]

1 марта 97. Никольское. Приехавший Сережа сильно заболел жабой. Он мне очень жалок, и я только что хотел поговорить с ним, попытаться утешить и ободрить его.

Нынче совсем ничего не мог писать утром – заснул. А ходил гулять и утром и вечером. Было очень приятно. Думал две вещи.

1) То, что смерть теперь уже прямо представляется мне сменой: отставленным от прежней должности и приставлением к новой. Для прежней должности кажется, что я уже весь вышел и больше не гожусь.

2) Думал об Адаме Васильевиче, как типе для драмы – добродушном, чистом, балованном, любящем наслаждения, но хорошем и не могущем вместить радикальные нравственные требования. Еще думал:

3) Для твердости и спокойствия есть одно средство: любовь, любовь к врагам. Да вот мне задалась эта задача с особенной неожиданной стороны, и как плохо я сумел разрешить ее. Надо постараться. Помогите, отец.

[2 марта] Жив. Совершенно здоров. Нынче писал довольно хорошо. Вечером после обеда ходил в Щелково. Очень была приятна прогулка при лунном свете. Написал письмо Поше, открытое. Получил письмо от Трегубоса. Раздражается за то, что перехватывают письма. А я не досажую. Понял, что надо жалеть их, и истинно жалею. Завтра едем. Мы здесь целый месяц.

[4 марта] Вчера было 3 марта 1897. Москва. Утром почти не занимался. Запнулся над историческим ходом искусства. Гулял. После обеда поехал. Приехал в 10. Дома хорошо бы, да не дружно.

4 марта 97. Москва. Встал поздно. Разбирался в бумагах. Написал письма Поше и Накашидзе. Ходил в публичную библиотеку. Взял книги. Вечером были Дунаев и Буланже. Теперь поздно, иду спать. Соня в концерте.

Батюшки, сколько дней пропустил. Нынче 9 марта 97. Москва. Из этих четырех дней дня два писал об искусстве и нынче довольно много. Очень захотелось написать "Хаджи-Мурата" и как-то хорошо обдумалось – умирительно. От Поши письмо; написал Черткову и Кони о страшном событии с ветровой. [...]

Нынче 15 марта. Москва. 1897. Не дурно прожил. Вижу конец в статье об искусстве. Все то же спокойствие. Благодарю бога. Сейчас написал письма. Вечер. Иду в скучную гостиную.

Нынче 4 апреля 97. Москва. Почти месяц не писал (20 дней) и дурно прожил это время – тем, что мало работал. Все писал об искусстве – запутался последние дни. И теперь два дня не писал.

[...] Вчера думал очень хорошо о "Хаджи-Мурате" – о том, что в нем, главное, надо выразить обман веры. Как он был бы хорош, если бы не этот обман. Тоже чаще и чаще думаю о воззвании. Боюсь, что тема об искусстве заняла меня в последнее время по личным эгоистическим скверным причинам. Je m'entends [Я понимаю, что говорю (фр.)]. [...]

3) Церковные христиане не сами хотят служить богу, а хотят, чтобы бог им служил. [...]

5) (К воззванию.) Мы так запутаны, что каждый шаг в жизни есть участие в зле: в насилии, в угнетении. Не надо отчаиваться; а медленно распутываться из тех сетей, в которые мы пойманы, не рваться (этим хуже запутаешься), а осторожно распутывать. [...]

я в очень физически дурном состоянии, почти лихорадка и предшествующая

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
мрачность, но до сих пор духовное сильнее. Проводил Модовскую колонию. Иван Михайлович все еще на свободе. Все хорошо.

9 апреля 97. Москва. Был болен. Спокойно думал, что умру. Нынче хорошо писал об искусстве. Ивана Михайловича взяли, у Дунаева был обыск. У изгнанников хорошо. Я внешне совсем, но внутренне не совсем спокоен. Стоит помнить, что все на благо, и когда помню, как теперь, – хорошо.

Нынче 3 мая. 97. Ясная Поляна. Почти месяц не писал. Не хороший и не плодотворный месяц.

Работал довольно пристально над статьей об искусстве. Она теперь в таком положении, что можно понять, что я хотел сказать, но сказано все еще дурно и много *l'acine* [пробелов (фр.)] и неточностей. Вчера приехал сюда с Таней. Чувствую себя и физически, и умственно, и нравственно слабым. Нравственный человек начинает пробуждаться и недоволен. [...] Удивительная весна. Сейчас пришел с Козловки, принес кашки и ландыши.

Многое думал и не записывал. Ничего доброго не сделал. Капуа. Волоски лилипутов так связали меня, что скоро не двинусь ни одним членом, если не стану разрывать. Грустно, грустно и не от неудовлетворенности внешней. Ничего от жизни не хочу я, и не жаль мне прошлого ничуть, а на себя гадко, совестно, жаль своей души. [...]

9 мая 97. Ясная Поляна. Ночь, 12 часов. Пошел было спать, но сошел, чтобы записать удивительное душевное состояние: мучительная тоска и не добрая. Болезнь ли это, или душевная слабость, но я очень страдаю. Молюсь. Нынче приехали патровские молоканы, я написал начерно письмо царю. Хорошо бы.

16 мая. Письмо написал и послал, кажется, 11-го. Теперь, должно быть, подано. 13 приезжала Софья Андреевна. Вчера получил от нее письмо. Все то же. Всю ночь не спал. Никогда страдания не доходили до такой силы. Отец, помоги мне. Научи. Войди. Усились во мне. Не могу прийти ни к какому решению. Не думать? Нельзя. Решить же ничего не могу. Жалеть не могу, и противодействовать не могу по жалости. Боже, помоги.

17 мая. Е. б. ж., что очень сомнительно. Сердце ужасно болит. Слезы в горле. Только пуститься, и я разрыдаюсь.

Ошибся днем. Сегодня 18 мая. Все так же, не переставая, болит сердце. Три ночи не спал и чувствую, что не буду спать и нынче. Не могу ничего работать. Кажется, пришел к решению. Трудно будет исполнить, но не могу и не должен иначе. Вчера вернулись молоканы, бросив мое письмо в навоз. Было досадно. Сегодня же приехал Буланже. Переписал письма и послал с ним. От Черткова письма хорошие, но я ничего не вижу, не чувствую. Не живу. Сейчас уехал Лева с женой. [...]

Нынче 16 июля. Не месяц уже не писано, а два с половиной. Много пережито и очень тяжелого и хорошего. Был болен. Очень сильные боли, кажется, в начале июля. Работал все время над статьей об искусстве, и что дальше, то лучше. Кончил и поправляю сначала. Маша вышла замуж, а жалко ее, как жалко высоких кровей лошадь, на которой стали возить воду. Воду она не везет, а ее изорвали и сделали негодной. Что будет, не могу себе представить. Что-то уродливо неестественное, как из детей пирожки делать. Таня тоже нажила себе страдания. Миша мучается. В Пирогове тоже та же беда. Ужасно! Страсть, источник величайших бедствий, мы не то что утишаем, умеряем, а разжигаем всеми средствами, а потом жалуемся, что страдаем. Соню мне все последнее время жалко. От Черткова хорошие письма. Был киевский крестьянин Шидловский. Чувствую себя одиноким. То, что моя жизнь никому не только не интересна, но скучно, совестно им, что я продолжаю заниматься такими глупостями.

Думал за это время:

1) Тип женщины – бывают такие и мужчины, но больше женщины, – которые не могут видеть себя, у которых как будто шея не поворачивается, чтоб оглядеть себя. Они не то что не хотят каяться, они не могут себя видеть. Они живут так, а не иначе потому, что так им кажется хорошо. И потому, если они что сделали, то потому, что это было хорошо. Такие люди страшны. А такие люди бывают умные, глупые, добрые, злые. Когда они глупые и злые, это ужасно.

[...] 3) Второе условие искусства – новизна. Для ребенка все ново и потому много художественных впечатлений. Для нас же нова известная глубина чувства, та глубина, в которой человек достает свою отдельную от всех индивидуальность. Это для безразличного искусства. [...]

4) К драме. Приводят к столу оборвыша и смеются над несоответствием и его неловкостью. Возмущение

5) Когда бывает, что думал и забыл, о чем думал, но помнишь и знаешь, какого характера были мысли: грустные, унылые, тяжелые, веселые, бодрые, помнишь даже ход: сначала шло грустно, а потом успокоилось и т. п., когда так вспоминаешь, то это совершенно то, что выражает музыка.

6) Сюжет: страстного молодого человека, любящего душевно больную женщину. [...]

Пропустил 3 дня. Нынче 21 июля 97. Ясная Поляна. Работаю довольно хорошо. Даже доволен своей работой, хотя и много изменяю. Нынче все сосредоточилось и много выиграло. Пересматривал опять все сначала. Окружающая жизнь очень мизерна. Дети не радуют. Не знаю отчего: от желудка ли, от жары или от излишних физических движений – чувствую себя по вечерам очень слабым. Хорошая речь Крукса о том, как бы понимал мир микроскопический человек. Был вчера Новиков, принес прекрасные записки Михаила Новикова. Написал письма Сагус, Ивану Михайловичу. Письмо от Евгения Ивановича.

Нынче 7 августа 97. Ясная Поляна. За это время пропасть гостей: Гинцбург (приятный), Касаткин (менее), Гольденвейзер (не неприятный). Два немца декаденты. Наивный и глуповатый французик. Был Новиков – писарь (очень сильный) и Булахов, тоже силач нравственный и умственный. Очень плохо, слабо живу. Нынче еще приехали Стаховичи и Маклаковы. Очень мало доброты. Продолжаю работать над своей статьей об искусстве. И, странно сказать, – мне нравится. Вчера и нынче читал Гинцбургу, Соболеву, Касаткину и Гольденвейзеру. Впечатление производимое то самое, какое производит и на меня. От Crosby письмо с радостным письмом японца. От Черткова хорошие письма. Очень запущена переписка. Я совсем один и слабею. [...]

[8 августа] Был мужик с отбитой деревом рукой и отрезанной. Пашет, приделав петлю.

9 августа. Приехал Стахович. Читал статью. 10 глава нехорошо. Занимался порядочно, написал плохие письма. Надо писать Поше, Ивану Михайловичу.

Записано в книге: 1) Прислуга делает жизнь ложной и развратной: как только прислуга, так увеличиваешь потребности; усложняешь жизнь и делаешь ее тяжестью; из радости, когда делаешь сам, делаешь досады; а главное, отрекаешься от главного дела жизни, исполнения братства людей. 2) Эстетическое и этическое – два плеча одного рычага: насколько удлиняется и облегчается одна сторона, настолько укорачивается и тяжелеет другая сторона. Как только человек теряет нравственный смысл, так он делается особенно чувствителен к эстетическому. [...]

15 августа 97. Ясная Поляна. Продолжаю работать. Подвигаюсь. Был Ломброзо, ограниченный, наивный старичок. Маклаков. Приехал Лева с женой. Буланже милый. Написал все письма. И Поше, и Ивану Михайловичу, и Вандерверу. Был тяжелый Леонтьев.

Кое-что многое хотелось записать, но забыл. Сейчас Таня приехала со свиданья с Сухотиным. Позвала меня к себе. Мне очень жаль ее. А что я могу ей сказать? Да будет то, что будет. Только бы не было греха. Возмутительный отчет о миссионерском съезде в Казани.

1) Записано: женский характер, и помню, что было что-то очень хорошее; теперь забыл. Кажется, то, что особенность женского характера та, что руководит жизнью только чувство, а разум только служит чувству. Даже не может понять того, чтобы чувство могло быть подчинено разуму.

2) Но не только женщины, сколько мужчин есть таких, которые не слышат, не видят того, что неприятно, не видят так, как будто этого не существует.

3) Когда люди не в силах отделаться от суеверий, продолжают отдавать дань ему и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
вместе с тем видят, что другие освободились, то они сердятся на этих
освободившихся. За что же я страдаю, делаю глупости, а он свободен?

4) Искусство, то есть художники, вместо того чтобы служить людям, эксплуатирует их.

5) С тех пор, как я стал стар, я стал смешивать людей: например, детей: Сережу с Андреем, Мишу с Ильей, также я смешиваю чужих, принадлежащих или отмеченных в моем мозгу к одному типу. Так что я знаю не Андрея, Сережу, а знаю собирательное лицо, к которому принадлежат Андрей, Сережа.

6) Мы так привыкли к мысли, что все для нас, что земля моя, что, когда приходится умирать, нас удивляет то, что моя земля, некоторая моя принадлежность, останется, а меня не будет. Тут главная ошибка в том, что земля кажется чем-то приобретенным, приложенным ко мне, тогда как это я приобретен землею, приложен к ней.

7) Как хорошо бы было, если бы мы могли с тем же вниманием жить, делать дело жизни, главное, общение между людьми, с тем же вниманием, с которым мы играем в шахматы, читаем ноты и т. п.

Нынче 19 сентября. Больше месяца не писал. Все то же. И дело все подвигалось. И могло бы еще много подвинуться в смысле формы, но решительно некогда. Столько дела. Переписчица на ремингтоне переписывает набело. Дошел до 19 главы включительно. За это время важное, это высылка Буланже. Работу перебивало мне только письмо в шведские газеты по случаю премий Нобеля о духоборах. Соня боится. Очень жаль, но я не могу не сделать. Еще перебило нездоровье: страшный чирей на щеке. Я думал, что рак, и рад, что не очень неприятно было думать это. Получаю новое назначение, то, которое, во всяком случае, не минует меня.

Был St. John, джентльмен и серьезный, но боюсь, что больше для славы человеческой, чем для себя, для бога. Еще перебило работу приезд молокан из Самары – об отнятых детях. Хотел писать за границу и написал даже очень резкое и, мне казалось, сильное письмо, но раздумал. Перед богом не следовало. Надо еще попробовать. Нынче написал письма государю, Олсуфьеву, Heath'у и Л. И. Чертковой и отправил молокан. Хотел записать из книжечки, да поздно. Иду спать.

Нынче 22 сентября 97. Ясная Поляна. Вчера написал письмо Соне о том, что я не могу руководиться в своем писании ее суждениями. Писал от души и с добрым чувством. И с таким же чувством приняла и она. Вчера dokonчил перевод с Langlet. Нынче занят был искусством, но очень не пошло и потом прежнее не понравилось. Соня приехала нынче. [...]

Нынче 14 октября 1897. Ясная Поляна. Третий день, как приехала Соня. Мы одни с ней. Она переписывает. Очень помогает. Я пишу все еще об искусстве. Нынче поправлял 10-ю главу. И уяснил то, что было смутно. Надо выписать из записной книжки, боюсь, что много забыл.

1) Нет большего подспорья для эгоистичной спокойной жизни, как занятие искусством для искусства. Деспот, злодей непременно должен любить искусство. Записано что-то в этом роде, теперь не помню.

[...] 4) к "Хаджи-Мурату" подробности: 1) тень орла бежит по скату горы, 2) у реки следы по песку зверей, лошадей, людей, 3) Въезжая в лес, лошади бодро фыркают, 4) Из куста держидерева выскочил козел.

5) Когда люди восхищаются Шекспиром, Бетховеном, они восхищаются своими мыслями, мечтами, вызываемыми Шекспиром, Бетховеном. Как влюбленные любят не предмет, а то, что он вызывает в них. В таком восхищении нет настоящей реальности искусства, но зато есть полная беспредельность.

[...] 7) [...] вообще – не знаю отчего – нет у меня того религиозного чувства, которое было, когда прежде писал дневник ни для кого. То, что его читали и могут читать, губит это чувство. А чувство было драгоценное и помогавшее мне в жизни. Начну сначала с нынешнего 14 числа писать опять по-прежнему так, чтобы никто не читал при моей жизни. Если будут мысли, стоящие того – могу и выписывать и посылать Черткову.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[...] 9) Все попытки жизни на земле и кормления себя своим трудом были неудачны и не могут не быть неудачны в России, потому что для того, чтобы человеку нашего воспитания кормиться своим трудом, надо конкурировать с мужиком, он устанавливает цены, сбивает их своим предложением. А он поколениями воспитан к суровой жизни и упорной работе, а мы поколениями воспитаны к роскошной жизни и праздной лени. Из этого не следует, что не надо стараться кормиться своим трудом, но только то, что нельзя ожидать осуществления этого в первом поколении.

[...] 13) Как только неприятное чувство к человеку, так значит, ты чего-то не знаешь, а тебе нужно узнать; нужно узнать мотивы того поступка, который неприятен тебе. А как только ясно понял мотивы, то сердиться можно так же мало, как на падающий камень.

[...] 15) Служить надо другим, а не себе уже только и потому, что в служении другим есть предел и потому тут можно поступать разумно - построить дом неимущему, купить корову, одежду - а в служении себе нет предела - чем больше служишь, тем хуже.

[...] 18) Ехал мимо закут. Вспомнил ночи, которые я проводил там, и молодость и красоту Дуняши (я никогда не был в связи с нею), сильное женское тело ее. Где оно? Уж давно одни кости. Что такое эти кости? Какое их отношение к Дуняше. Было время, когда эти кости составляли часть того отдельного существа, которое была Дуняша. Но потом это существо переменяло центр, и то, что было Дуняшей, стало частью другого, огромного по величине своей, недоступного мне существа, которое я называю землей. Мы не знаем жизни земли и потому считаем ее мертвой, так же, как живущее один час насекомое считает мертвым свое тело, потому что не видит его движения.

[...] 20) Ужаснее всего: пьянства, вина, игры, корысти, политики, искусства, влюбленья. С такими людьми нельзя говорить, пока они не выспались. Страшно.

Письмо в Штокгольм напечатано.

Нынче 16 октября 97. Ясная Поляна. Вчера не писал. Здоровье совсем справилось. Соня все со мной много работает, помогая мне. От Ольги Дитерихс письмо, от Черткова. Очевидно, он, а оттого и они пережили тяжелое время. Вчера вечером и нынче хотел писать "Хаджи-Мурата". Начал. Похоже что-то, но не продолжал, потому что не в полном обладании. Не надо портить и насильно. "Петербургские ведомости" до сих пор не напечатали.

Записал: 1) Много у меня записано соображений, правил, которые если помнить, то будет хорошо жить. Да, правил слишком много, и все помнить всегда нельзя. То же, что с подделкой под искусство. Правил слишком много, и все помнить нельзя. Надо, чтобы шло изнутри, руководилось бы чувством. [...]

Нынче 21 октября. Ясная Поляна. Получил корректуры из "Северного вестника" Карпентера и начал писать предисловие. Поправлял "Искусство", получил письмо от Черткова и Буланже. Вчера не работалось. Ездил в Ясенки. [...]

Нынче 26 октября 97. Ясная Поляна. Престранное дело. Третий день не могу писать. Недоволен всем, что написал. Есть новое и очень нужное для "Искусства", и никак не могу ясно выразить. Письмо от Вандервера.

Теперь утро. Поеду на почту.

Нынче 10 ноября. Ясная Поляна. 97. Много пережито в эти две недели. Работа все та же. Кажется, что кончил. Нынче написал письма и, между прочим, Гроту, чтобы набирать. Была Соня, уезжала в Москву из Пирогова, куда мы вместе ездили. Там было хорошо. С тех пор как приехал, болит спина и по вечерам лихорадка. Александр Петрович у меня пишет. Нынче ездил с Левого в Ясенки, и он затеял комичный разговор о культуре. Он бы был не дурен, если бы не этот огромный знаменатель при очень маленьком числителе.

Нынче написал девять писем. Осталось одно письмо Хилкову. Ужасное его дело и положение. Был Михаила Новиков и еще крестьянин, поэт из Казани.

Думал: 1) Положение людей, одурманенных ложной религией, - все равно как в жмурках: завяжут глаза, да еще возьмут под мышки, да закрутят. А потом пустят. И

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
всех. Без этого не пускают. (К воззванию.)

[...] 3) Шел по деревне, заглядывал в окна. Везде бедность и невежество, и думал о рабстве прежнем. Прежде видна была причина, видна была цепь, которая привязывала, а теперь не цепь, а в Европе волоски, но их так же много, как и тех, которыми связали Гулливера. У нас еще видны веревки, ну бечевки, а там волоски, но держат так, что великану-народу двинуться нельзя. Одно спасенье: не ложиться, не засыпать. Обман так силен и так ловок, что часто видишь, как те самые, которых высасывают и губят, - с страстью защищают этих высасывателей и набрасываются на тех, кто против них. У нас царь.

[11 ноября] С утра писал "Хаджи-Мурата". Ничего не вышло. Но в голове уясняется. И очень хочется. [...]

[12 ноября] Нынче пришел Петр Осипов: "У нас стали продавать индульгенции". Владимирская, и ведено через старосту выгнать народ в церковь. Лева нашел руду и находит очень естественным, что люди будут жить под землей с опасностью жизни, а он будет получать доход. Третьего дня от Тани была телеграмма, что задержалась. Очень жду ее. Самое важное то, что решил писать воззвание: некогда откладывать. Нынче поправил о науке. Сейчас вечер. Взял две версии воззвания и хочу заняться.

14 ноября 97. Ясная Поляна. Недовольное письмо от Сони. И Таня пишет, что она недовольна, что я не еду. Хочу одного: сделать как лучше перед богом. Не знаю еще как. Ночью дурно спал - мысли нехорошие, недобрые. И апатия. Нет охоты заниматься. Поправлял предисловие о науке. Записано следующее:

1) Читал о действиях англичан в Африке. Все это ужасно. Но - пришло в голову - может быть, это неизбежно нужно для того, чтобы к этим народам проникло просвещение. Сначала задумался и подумал, что это так надо. Какой вздор. Почему же людям, живущим христианской жизнью, не пойти просто, как Миклухо-Маклай, жить к ним, а нужно торговать, спаивать, убивать.

[...] 3) думал в pendant [параллельно (фр.)] к "Хаджи-Мурату" написать другого русского разбойника - Григория Николаева, чтоб он видел всю незаконность жизни богатых, жил бы яблочным сторожем в богатой усадьбе с lawn tennis'ом [лаун-теннис (англ.)].

Нынче 17. 97. Ясная Поляна. Второй день думаю с особенной ясностью вот о чем:

1) Моя жизнь - мое сознание моей личности все слабеет и слабеет, будет еще слабее и кончится маразмом и совершенным прекращением сознания личности. В это же время, совершенно одновременно и равномерно с уничтожением личности, начинает жить и все сильнее и сильнее живет то, что сделала моя жизнь, последствия моей мысли, чувства; живет в других людях, даже в животных, в мертвой материи. Так и хочется сказать, что это и будет жить после меня. [...]

2) Еще думал нынче же совсем неожиданно о прелести - именно прелести зарождающейся любви, когда на фоне веселых, приятных, милых отношений начинает вдруг блеснуть эта звездочка. Это вроде того, как пахнувший вдруг запах липы или начинающая падать тень от месяца. Еще нет полного цвета, нет ясной тени и света, но есть радость и страх нового, обаятельного. Хорошо это, но только тогда, когда в первый и последний раз.

3) Еще думал о той иллюзии, которой все подвержены, а особенно люди, деятельность которых отражается на других, иллюзия, состоящая в том, что, привыкнув видеть действие своих поступков на других, этим воздействием на других поверяешь верность своих поступков.

4) Еще думал: для гипнотизации нужна вера в важность того, что внушается (гипнотизация всех художественных обманов). Для веры же нужно невежество и воспитание доверия.

Сегодня поправил предисловие к Карпентеру. Получил телеграмму от Грота. Хочу отправить 10 главу. От Буланже грустное письмо.

Нынче 20 - вечер. 97. Ясная Поляна. Писал предисловие к Карпентеру. Много обдумал "Хаджи-Мурата" и приготовил матерьялы. Все тон не найду. Письма были от Сони, одно неприятное. А нынче хорошее. С ужасом думаю о поездке в Москву.

Нынче ночью думал о том моем старинном тройном рецепте против горя и обиды: 1) подумать о том, как это будет неважно через 10, 20 лет, как теперь стало неважно то, что мучало 10, 20 лет тому назад; 2) вспомнить, что сам делал, вспомнить такие дела, которые не лучше тех, которые тебя огорчают. 3) Подумать о том, в сто раз худшем, что могло бы быть. Можно прибавить к этому еще то, чтобы вдуматься в положение, в душу огорчающего тебя человека, понять, что он не может поступать иначе.

[...] Вчера был раздраженный разговор слевой. Я много сказал ему неприятного, он больше молчал, под конец и мне стало совестно и жалко его, и я полюбил его. В нем много хорошего. Я забываю, как он молод.

Поправлял нынче корректуру перевода Карпентера. Желудок нехорош, и дурное расположение духа и слабость.

[21 ноября] Жив. Все обдумываю и собираю матерьялы "Хаджи-Мурата". Нынче много думал, читал, начал писать, но тотчас же остановился. [...]

[22 ноября] Видел во сне очень живо, что Таня упала с лошади, разбила себе голову, умирает, и я плачу о ней.

24 ноября. Ясная Поляна. 97. Таня нынче приехала благополучно. Маша все плоха. Но не огорчилась моим письмом. Очень люблю их обеих. Все их слабости мне понятны и трогательны. Таня завтра едет в Москву. Я обещал ехать слевой, но берет страх, как подумаю. Вчера и нынче готовил к отправке главы и Мооду и Гроту. Давно нет писем ни от Моода, ни от Черткова. Нынче милое письмо от Гали.

Прелестная погода; я ходил пешком далеко по Тульской дороге. Утром усердно работал над поправлением искусства. Вчера готовил "Хаджи-Мурата". Как будто ясно...

За это время думал:

1) Странная судьба: с отрочества начинаются тревоги, страсти, и думается: женишься, и пройдет. У меня и прошло, и был длинный период - лет восемнадцать - спокойствия. Потом стремление изменить жизнь, и отпор обратный. Борьба, страдания и, наконец, как будто гавань и отдых. Не тут-то было. Самое тяжелое начинается и продолжается и, должно быть, проводит в смерть. Это - смерть того или другого - при теперешних условиях страшнее всего. [...]

[25 ноября] Жив. Таня уехала. Очень мила - хороша. Я дурно сделал, что говорил с ней про свое положение. Поправлял "Искусство". Довольно хорошо написал письмо Мооду. От Гали хорошее письмо. Думал:

1) Нам всегда кажется, что нас любят за то, что мы хороши. А не догадываемся, что любят нас оттого, что хороши те, кто нас любит. Заметить это можно, если послушать то, что говорит тот жалкий и отвратительный и тщеславный человек, которого вы с великим усилием над собой пожалели: он говорит, что он так хорош, что вы и не могли поступить иначе. То же и когда тебя любят.

2) Раки любят, чтобы их варили живыми. Это не шутка. Как часто слышишь, да и сам говорил или говоришь то же. Человек имеет свойство не видеть страданий, которые он не хочет видеть. А он не хочет видеть страданий, причиняемых им самим. Как часто я слышал про кучеров, которые дожидаются, про поваров, лакеев, мужиков в их работе - "им очень весело". Раки любят, чтоб их варили живыми.

Нынче 28 ноября 97. Ясная Поляна. Два дня не писал. Все занят работой над искусством и предисловием к Карпентеру. От Сони огорченное письмо. Я дурно сделал, что сказал, а Таня дурно сделала, что передала. Нынче утром приехал Маковицкий, милый, кроткий, чистый. Много радостного рассказал про друзей. Я ездил в Ясенки: письмо от Моода хорошее и от Грота нехорошее. Нехорошо все эти дни на душе. В таком состоянии быть в Москве! Думал:

1) Часто, бывало, говоришь с человеком, и вдруг у него делается ласковое, радостное лицо, и он начинает говорить с вами так, что кажется, он сообщает вам нечто самое радостное для вас: оказывается, он говорит о себе. Захарьин о своей операции, Машенька о свидании с отцом Амвросием и его словах. Когда человек

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
говорит об очень близком ему, он забывает, что другой не он. Если люди не говорят об отвлеченном или духовном, они непременно каждый говорит о себе. И это ужасно скучно.

Нынче 2 декабря. Ясная Поляна. 97. Тоскливое, грустное, подавленное состояние тела и душевных сил, но я знаю, что я жив и независимо от этого состояния, только мало я чувствую это я. Нынче было письмо от Тани о том, что Соня огорчена отсылкой предисловия в "Северный вестник". Я ужасно боюсь этого. За эти дни было нелепое раздраженное письмо от Грота. До сих пор ничего не решено. Я занимался все время поправками, добавками в "Искусство". Главное, за это время был Душан, которого я еще больше полюбил. Он составляет с славянским "Посредником" центр маленькой, но думаю, что божеской работы. От Черткова все нет известий. Тоска, мягкая, умиленная тоска, но тоска. Если бы не было сознания жизни, то, вероятно, была бы озлобленная тоска. Думал:

[...] 2) Разговаривал с Душаном. Он сказал, что так как он невольно стал моим представителем в Венгрии, то как ему поступать? Я рад был случаю сказать ему и уяснить себе, что говорить о толстовстве, искать моего руководства, спрашивать моего решения вопросов – большая и грубая ошибка. Никакого толстовства и моего учения не было и нет, есть одно вечное, всеобщее, всемирное учение истины, для меня, для нас особенно ясно выраженное в евангелиях.

[...] Кажется, кончил "Искусство".

3 декабря. Моя работа над "Искусством" многое уяснила мне. Если бог велит мне писать художественные вещи – они будут совсем другие. И писать их будет и легче и труднее. Посмотрим.

Нынче 6 декабря 1897. Москва.

4-го ездил в Долгое. Очень умиленное впечатление от развалившегося дома. Рой воспоминаний. Два дня почти ничего не писал – только готовил главы "Искусства" и укладывался. От Сони самые тяжелые письма. 5 приехал. Ее нет. Она в страшном возбуждении уехала к Троице. Все наделала моя статья в "Северном вестнике". Я нечаянно ошибся. От Грота глупые письма. Он душевно больной. Был у Трубецкого. Уступил им. Вечером приехала Соня, успокоенная. Поговорили, и стало хорошо. Ничего не записано. Проснулся дурно.

[7 декабря] Вчера еще и еще говорили, и я слышал от Сони то, чего никогда не слышал: сознание своей вины. Это была большая радость. Благодарю тебя, отец. Что бы ни было дальше. Уж это было, и это большое добро. Был у Стороженко. Вечером был Касаткин. Спрашивал об образцах. Утром поправлял "Искусство". Ничего не записал – суетно. Здоровье хорошо.

Нынче 13. Утро. Написал письмо Чертковым. Кажется, очень хорошо исправил 10 главу. Вчера читал переписку St. John о половом вопросе и очень возмущился и неприятно поговорил с ним у Русанова. У Русанова голова Хаджи-Мурата. Нынче утром хотел писать "Хаджи-Мурата". Потерял конспект. Кое-что записано. Хочу записать теперь сюжеты, которые стоит и можно обработать, как должно.

1) Сергей. 2) Александр I. 3) Персиянинов.

4) Рассказ Петровича, мужа, умершего странником.

5) – следующие хуже – Легенда о сошествии Христа во ад и восстановлении ада. 6) "Фальшивый купон". 7) "Хаджи-Мурат". 8) Подмененный ребенок. 9) Драма христианского воскресения, пожалуй, и 10) "Воскресение", суд над проституткой, 11) Прекрасно. 11) Разбойник – убивающий беззащитных. 12) Мать. 13) Казнь в Одессе.

Дома тяжело. Но я хочу и буду радостен. [...]

Нынче 17 декабря 97. Москва. Все в очень дурном состоянии душевном; борюсь с недоброжелательством. Отдал статью. Телеграфировал в Англию. Еще нет ответа. Сейчас куча народа целый вечер. Нынче написал 12 писем. Но ничего не работал. Нынче думал самое старое: то, что надо совершенствоваться в любви, в чем никто помешать не может и что очень интересно. Любовь же не в исключительных привязанностях, а в добром, не злом отношении ко всякому живому существу. Письма

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
написал: 1) Ноше, 2) Маше, 3) Ивану Михайловичу, 4) кн. Вяземскому, 5) Бондареву, 6) Страхову, 7) учителю Робинзону, 8) священнику Долю, 9) Crosby, 10) Чижову, 11) Николаеву в Казань, 12)

Заканчиваю тетрадь в нехорошем настроении. Завтра начну новое. Недоволен нынче и статьей об "Искусстве".

Дневник 1897. 21 декабря. Москва. Начинаю новую тетрадь как будто в новом душевном состоянии. Вот уже дней пять ничего не делаю. Обдумывал "Хаджи-Мурата", но нет охоты и уверенности. Об искусстве напечатали. Чертков недоволен. И здесь тоже. Вчера получил анонимное письмо с угрозой убийства, если к 1898 году не исправлюсь. Дается срок только до 1898 года. И жутко и хорошо. Соня очень слаба, и мне ее ужасно жаль. В ней тоже происходит перелом. Бегаю на коньках. Признак недействительного состояния духа, что ничего не записано. Сейчас прочел рассказ Чехова "На подводе". Превосходно по изобразительности, но риторика, как только он хочет придать смысл рассказу. Удивительно прояснилось у меня в голове благодаря книге об искусстве.

26 декабря. 97. Москва. Я третьего дни заболел и теперь еще не поправился. Читаю много. Нехорошо на душе, вечер.

27 декабря. 97. Москва. Е. б. ж.

Жив. Нынче 29 декабря 97. Москва. Утро. Думал о "Хаджи-Мурате". Вчера же целый день складывалась драма-комедия: "Труп". Все 439 еще нездоровится. Вчера был у Берса. Получены угрожающие убийством письма. Жалко, что есть ненавидящие меня люди, но мало интересуют и совсем не беспокоит. Записал кое-что. [...]

Написал предисловие Черткову.

Дневник - 1898

Прошло два дня. 1-ое января 1898. Очень грустно, уныло, нездорово встречаю новый год. Не могу работать, и все болит живот.

Получил письмо от Федосеева из Верхоленьска о духоборах, очень трогательное. Еще письмо от редактора "The adult" о свободной любви. Если бы было время, хотелось бы написать об этом предмете. Должно быть, и напишу. Главное, показать, что все дело в выгораживанье для себя возможности наибольшего наслаждения без думы о последствиях. Кроме того, они проповедуют то, что уже есть и очень дурно. И почему отсутствие внешней restraint [сдержанности (англ.)] поправит все дело. Я, разумеется, против всякой регламентации и за полную свободу, но только идеал есть целомудрие, а не наслаждение.

Думал за это время только одно и, кажется, важное, именно:

1) Все мы думаем, что наша обязанность, призвание - это делать разные дела: воспитать детей, нажить состояние, написать книгу, открыть закон в науке и т. п., а дело у всех нас только одно: делать свою жизнь, сделать так, чтобы жизнь была цельным, разумным, хорошим делом. [...]

Нынче уже 4-ое. Мне немного лучше. Хочется работать. Вчера Стасов и Римский-Корсаков, кофе, глупый разговор об искусстве. Когда я буду исполнять то, что много баить - не подобаить. Получил вольно печатанную брошюру. [...]

Нынче 13 января 98. Москва. Больше недели не писал. И ничего почти не делал. Все нездоровится. Уныло. И то добр и спокоен, а то тревожен и не добр. Третьего дня было тоскливо. И пришли мужики: Балахов с Степаном Петровичем и два тульские. И так легко, бодро стало. Надо не поддаваться среде. Можно всегда вступить в среду - бога и его людей. Давно так нехорошо не было на душе. Письмо от Поши. Написал Поше, Ивану Михайловичу, Чертковым, Мооду и Буланже. Все пытаюсь найти удовлетворяющую форму "Хаджи-Мурата", и все нет. Хотя как будто приближаюсь. Вчера праздновали Танины именины - тяжело. Нынче телеграмма о статье "Что такое искусство?". Кой-что записано и, кажется, важное.

1) Огромной важности, и надо будет хорошенько изложить: организация, всякая организация, освобождающая от каких-либо человеческих, личных, нравственных

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
обязанностей. Все зло мира от этого. Засекают, развращают, одурачивают людей, и никто не виноват. В рассказ о восстановлении ада – это главное новое средство.
[...]

[3 февраля] Все так же умственно непроизводителен. Утром хватился, что пропущено в "Искусстве" место о троице, и, ничего не работая, пошел к Гроту, оттуда в редакцию; пришел в 3-м часу, почитал, лег, обедал. Пришли Тароватый, потом Меньшиков, Попов, Горбунов, еще один, Гуленко, Суллер. Читал "Пахаря" Ляпунова и очень тронут. Записано следующее:

[...] 8) Одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр, и наоборот. В этом величие человека. И от этого нельзя судить человека. Какого? Ты осудил, а он уже другой. Нельзя и сказать: не люблю. Ты сказал, а оно другое.

9) Говорят про царя, что не виноват он, а его окружающее – неправда: он один причиной всего. Жалеть его можно и должно, но нужно знать, где причина.

[...] 13) Сила в рабочем народе. Если он несет свое угнетение, то только потому, что он загнипнотизирован. Вот в этом-то все дело – уничтожить этот гипноз. [...]

Нынче 19 февраля 1898. Москва. Долго не писал. Сначала был нездоров. Дней пять, как лучше. За это время все исправлял и дополнял и портил последние главы об искусстве. Решилась отправка Карпендера с предисловием в "Северный вестник". Поправлял и это предисловие. Общее впечатление от этой статьи "о науке", так же как и от 20 главы, раскаяние. Чувствую, что это правда, что это надо, но больно, что оскорбляю, огорчаю много добрых заблудших. Очевидно, 0,999 не поймут, во имя чего я осуждаю нашу науку, и будут возмущены. Надо бы было сделать это с большей добротой. И в этом я виноват, но теперь поздно.

[...] Записано следующее:

[...] 2) Странно, Таня возится с дантистами, и ей выдернули не тот зуб, и это обстоятельство более всего мне подтвердило то, что я дурно поступил, отдав имение детям. Им бы было лучше. Только надо было уметь, не нарушая любви, сделать это. А я не умел.

[...] 5) Священнику, вообще духовному лицу, чтобы загладить свой грех, надо с амвона перед всем народом покаяться в обмане – сказать: простите, что обманывал вас... какая сильная сцена! и правдивая.

б) Наше искусство с поставкой потех для богатых классов не только похоже на проституцию, но есть не что иное, как проституция.

Нынче 25. Ничего не записано. Кое-что поправлял. Нынче писал письма. Больше семи писем. Но ничего не могу писать, хотя не перестаю думать о "Хаджи-Мурате" и воззвании.

Больше трех недель не писал. Нынче 19 марта 98. Москва. Кончил все свои письма. За это время написал серьезные письма: 1) В американскую колонию, 2) В "Петербургские ведомости" о духоборах, 3) В английские газеты о духоборах же и 4) Предисловие к английскому изданию "Что такое искусство?" – о цензурных изуродованиях.

Внутренняя жизнь моя та же. Как я и предвидел: новое сознание жизни для бога, для совершенствования любви, притупилось, ослабело и, когда понадобилось на днях, оказалось не действительным, но менее действительным, чем я ожидал. Главное событие за это время – разрешение духоборам выселиться. "Что такое искусство?", кажется, теперь совсем кончилось. Соня уехала вчера в Петербург. Она все так же неустойчива. Работал за все это время мало.

Записано довольно много, попробую выписать.

1) Одно из величайших заблуждений при суждениях о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все: все возможности, есть текучее вещество и т. д.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Это есть хорошая тема для художественного произведения и очень важная и добрая, потому что уничтожает злые суждения – рака – и предполагает возможность всего хорошего. Работники дьявола, уверенные в присутствии дурного в человеке, достигают великих результатов: суеверия, казни, войны. Работники божьи достигли бы больших результатов, если бы они более верили в возможность добра в людях. [...]

Нынче 21 марта 98. Москва. Продолжаю выписки. Мне очень нездоровится, слаб. Но, слава богу, спокоен – живу настоящим. Сейчас привел в порядок бумаги "Искусства".

[...] 13) Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текущность человека, то, что он, один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо.

14) Каждый человек, как и все, несовершенный во всем, все-таки в чем-нибудь одним более совершенен, чем в другом, и эти-то совершенства предъявляет как требование к другому и осуждает.

[...] 16) Есть такая игрушка английская реерshow [калейдоскоп (англ.)] под стеклышком показывается то одно, то другое. Вот так-то показать надо человека Хаджи-Мурата: мужа, фанатика и т. п.

[...] 20) Честолюбие служебное и корыстолюбие скупцов потому так заманчивы, что они очень просты. При всякой другой цели жизни надо многое соображать, думать, и никогда не видишь ясно результатов. А тут так просто: была одна звезда, стало две, был один миллион, стало два и т. д.

[...] 22) Говорил с Пешковой о женском вопросе. Вопросы женского нет. Есть вопрос свободы, равенства для всех человеческих существ. Женский же вопрос есть задор.

23) Чем виноватее сам перед своей, хотя бы и скрытой совестью, тем охотнее и невольно ищешь вины других и, в особенности, тех, перед которыми виноват.

[...] 25) Стал думать о себе, о своих обидах и своей будущей жизни и опомнился. И так мне естественно было сказать себе. Тебе-то что за дело до Льва Николаевича? И хорошо стало. Стало быть, есть тот, кому мешает подлый, глупый, тщеславный, чувственный Лев Николаевич. [...]

12 апреля 1898. Москва. В числе событий этого времени был приезд духоборов, заботы об их переселении, смерть Брашнаина. Занятия "Carthago delenda est" и "Хаджи-Мурат". Работал довольно мало: душевное состояние довольно хорошее. Посетители – больше из мужиков молодые – хорошие.

С вчерашнего дня состояние душевное очень тяжелое. Не даюсь, не высказываюсь никому, кроме бога. Я думаю, что это очень важно. Важно молчать и перетерпеть. То страдания перейдут к другим и заставят их страдать, а то перегорят в тебе. Это дороже всего. Много помогает мысль о том, что в этом моя задача, мой случай возвыситься – приблизиться немного к совершенству.

Нынче 27 апреля 1898. Гриневка. Третий день здесь. Мне хорошо. Немного нездоров. Соня нынче утром уехала – грустная и расстроенная. Очень ей тяжело. И очень ее жалко, и не могу еще помочь. За последнее время в Москве все кончал "Carthago delenda est". Боюсь, что не кончил, и она еще придет ко мне. Хотя порядочно. Здесь ничего не работал. Бедствие голода далеко не так велико, как было в 91 году. Так много лжи во всех делах в высших классах, так все запутано ложью, что никогда нельзя просто ответить ни на какой вопрос: например, есть ли голод? Постараюсь лучше раздать порученные деньги.

Вчера был разговор все о том же. Хороша ли исключительная любовь. Резюме такое: нравственный человек будет смотреть на исключительную любовь – все равно женатый или холостой – как на зло, будет бороться с ней; малонравственный человек будет считать ее добром и будет поощрять ее. Совсем безнравственный человек не понимает даже и это и смеется над ней.

"Русские ведомости" запретили из-за духоборов и меня – это жалко, и мне досадно.

1) Пословица. Хорошему сыну состоянье не заводи, дурному - не оставляй. [...]

Нынче 29, утро. Гриневка. 1898. Была большая слабость. Со вчерашнего дня лучше. Но ничего не мог писать. Ходил в Лопашино, переписывал, Читал Боккаччио. Начало господского безнравственного искусства. Нет писем. Был Сережа. Продолжаю: Думал:

1) Смотришь, вглядываешься в жизнь человека, особенно женщины - видишь, из какого мирозерцания вытекают его поступки, видишь, главное, как неизбежно отскакивают всякие доводы, противные этому мирозерцанию, и не можешь себе представить, как могло бы измениться это мирозерцание - вроде как косточка финиковая - как она прорастет, а есть условия, когда изнутри пойдет изменение и совершится. Живой человек всегда может родиться, семя прорасти.

[...] 4) Одна из настоятельнейших потребностей человека, равная, даже более настоятельная, чем еда, питье, похоть, и про существование которой мы часто забываем, это потребность проявить себя - знать, что это сделал я. Очень много поступков, иначе непонятных, объясняются этой потребностью. Надо помнить ее и при воспитании, и имея дело с людьми. Главное, надо стараться, чтобы это было деятельность, а не хвастовство.

5) Отчего дети и дурачки [поднимаются] на такую страшную высоту, выше большинства людей? Оттого, что разум их не извращен ни обманами веры, ни соблазнами, ни грехами. На пути к совершенству у них ничего не стоит. Тогда как у взрослых стоит грех, соблазн и обман. Первым надо только идти, вторым надо бороться.

[...] 7) Дети эгоистичны без лжи. Жизнь вся учит бесцельности, гибельности эгоизма. И потому старики достигают неэгоистичности без лжи. Два предела.

8) Стал соображать о столовых, о покупке муки, о деньгах, и так нечисто, грустно стало на душе. Область денежная, то есть всякого рода употребление денег, есть грех. Я взял деньги и взялся употребить их только для того, чтобы иметь повод уехать из Москвы. И поступил дурно.

[...] 10) Во сне нынче думал, что самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совершенствуется; задача человека участвовать в этом движении и подчиняться и содействовать ему.

Слабость все продолжается. Записал все очень плохо.

4 мая 1898. Гриневка, вечер. Вчера был полон дом гостей: Цуриковы, Ильинская, Стахович. Ничего не делал днем. Утром написал письма Черткову, Соне и еще кому-то. Третьего дня был в Сидорове и у Сережи. Утром читал Черткова статью. Очень хорошо. 1-го мая были Линденберг и учитель и ходили в Каменку. 30-го ездил в Губаревку. Огорчает меня то, что совсем как бы потерял способность писать. К стыду своему, не равнодушен к этому. На днях во сне живо думал о контрасте задавленного народа и давящих, но не записал. Нынче, да и в прежние дни, как будто уясняю себе "Хаджи-Мурата", но не могу писать. Правда, что мешают. Думал:

1) Как следит атлет за увеличением мускулов, так следи за увеличением любви или хоть, по крайней мере, за уменьшением злобы и лжи, и будет полная, радостная жизнь.

[...] Чудная погода, дружная, жаркая весна. Мне спокойно и хорошо.

Нынче 9 мая 98. Гриневка. За эти дни были посетители: Маша, Варя. Я езжу, каждый день где-нибудь открываю столовую. Ничего не пишу, чувствую слабость. Вчера был ливень. Я ездил в Бобрик. Нынче ходил в Никольское. Ездил в Губаревку и, возвращаясь лесом, думал: все вокруг так прекрасно, как должно быть. [...]

Нынче 15 мая. Утро. 98. Гриневка. Эти два дня ездил в Манцево, Кукуевку и вчера в Бастыево. Писал "Хаджи-Мурата" неохотно. Опять упражнялся - глупо, почти душевная болезнь. Написал письмо Поше нехорошо. Со всеми мне здесь приятно. Сейчас перечел этот дневник и остался не очень недоволен. Ах, если бы больше помнить свое переходное, служебное здесь положение! Ничего не записано. Здоровье хорошо бы, если бы не болели позвонки. Начал писать письма. И это не идет. Надо спокойно ждать и жить перед богом.

Нынче 27 мая 98. Гриневка. Утро. За это время писал "Воззвание" и написал статью о положении народа. [...]

Нынче, кажется, 12 июня. Ясная Поляна. 1898. Поехал с Соней к Цуриковым, Афремовым, Левицким. Очень приятное впечатление, полюбил многих; но заболел и не сделал дела, а наделал много хлопот и Левицким и домашним. Соня приехала сама больная и страшно возбужденная страхом за меня. Дня четыре, как приехал в Ясную, и хорошо поправляюсь. Написал много писем. Получил до 4000 рублей, которые не могу употребить в нынешнем году. Здесь Маша с мужем и Илюша. И Вестерлунды. Дора родила. Таня совсем собирается замуж. Жаль ее, а может быть, так надо для ее души. Нынче совсем неожиданно стал доканчивать "Сергия". Нет известий из Англии. Есть очень много записанного.

[...] 2) Хотя это и записано прежде, не могу не повторить: сила правительств в том, что у них в руках самопитающийся круг власти: ложное учение производит власть; а власть дает возможность распространять одно ложное учение, устраняя все противное ему, обличающее его.

3) Люди спокойно живут в таком устройстве, при котором не только матерьяльная власть в руках людей или человека, случайно заменяющихся одни другими, но в руках этих людей или человека власть над душами людей. Так что люди могут быть воспитаны и настроены так, как этого захочется случайно находящимся во власти, может быть, дурному, развратному человеку или людям. Если бы люди только поняли, чем они рискуют при этом, они ни минуты не могли бы жить при этих условиях.

[...] 12) Как странно и тяжело на меня действует вид детей моих, владеющих землей и заставляющих работать народ. Как угрызение совести. И это не рассуждение, а чувство, и очень сильное. Виноват я был, не отдав землю мужикам? Не знаю.

13) Лесков воспользовался моей темой, и дурно. Чудесная мысль моя была три вопроса: какое время важнее всего? какой человек? и какое дело?

Время сейчас, сию минуту, человек тот, с которым сейчас имеешь дело, и дело то, чтобы спасти свою душу, то есть делать дело любви. [...]

14 июня 1898. Ясная Поляна. Вечер. Оба дня писал "Отца Сергия". Недурно уясняется. Написал письма. Нынче были крестины. Все не могу быть вполне добр к Лева. Трудно. Но не унываю.

Нынче 22 июня 98. Ясная Поляна. 16-го заболел очень сильно. Никогда не чувствовал себя столь слабым и близким к смерти. Совестно пользоваться тем уходом, который окружающие дают мне. Ничего не мог делать. Только читал, записал кое-что. Нынче мне гораздо лучше. Ухтомский носился с статьей и все-таки отказался печатать. Телеграфировал Меньшикову, чтобы он попытался в "Вестнике Европы" и "Русском труде". Боюсь, надоем ему. Юношей прогнали. Запретили выдавать купленную муку. Лева заговорил о своей повести. Я сказал ему больно, что как раз некультурно (его любимое) то, что он сделал, не говоря о том, что глупо и бездарно. Нынче уехали его очень грубые и некультурные, но добродушнейшие beaux parents [родители жены (фр.)].

Получил письмо от Черткова, хорошее. Приехал Дитрихс. Был милый Дунаев. Рассказывают про большой бунт фабричных. Допишу после.

Нынче 28 июня 98. Ясная Поляна. Вечер. Только теперь поправился и испытываю наслаждение convalescence [выздоровления (фр.)]. Особенно ярко, живо чувствую природу, и большая ясность мысли... Писал немного воззвание. Нынче писал "Отца Сергия". И то и другое недурно. Писал довольно много писем. Вчера получил все неприятные, от Monet'a, а главное, от Гали с известием, что они перессорились. Поша уезжает в Швейцарию, а Буланже в Болгарию. Таня уехала к Маше, вчера приезжал Илья. Нынче приехал Миша и Саша. Миша очень беден духом. С левой было очень тяжело, разумеется, по моей вине. Особенно живо понял и почувствовал это, получив известие о ссорах в Англии. Только одно, одно настоящее дело нам задано: жить любовно с братьями, со всеми - нужно отрешение от себя. Писал об этом друзьям и буду для себя стараться. [...] Записано:

1) Paul Adam делает жестокую характеристику мужика, вообще рабочего: и грубый, и эгоист, и раб, и изувер - все может быть справедливо, но одно, что он без нас

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
будет существовать, а мы без него – все сгаснем. И потому нельзя нам его судить.
(Что-то не то.)

2) Мне бывает особенно неприятно, когда люди, мало жившие и думавшие, мне не верят и, не понимая меня, спорят в вопросах нравственных. Это от того же, от чего ветеринару было бы досадно, если бы с ним спорили люди, не сведущие в его искусстве. Разница только в том, что ветеринарное, поварское, самоварное, какое хотите искусство или знание признается искусством или знанием, в котором компетентны только изучавшие эту область; в деле же нравственности все считают себя компетентными, потому что каждому нужно оправдывать свою жизнь, а жизнь оправдывается только теориями нравственности. И каждый составляет себе их.

3) Я часто думал о влюблении, о хорошем, идеальном, исключаяем всякую чувственность – влюблении, и не мог найти ему место и значение. А место и назначение это очень ясное и определенное; оно в том, чтобы облегчать борьбу похоти с целомудрием. Влюбление должно у юношей, не могущих выдержать полного целомудрия, предшествовать браку и избавить юношей в самые критические годы от 16 до 20 и больше лет от мучительной борьбы. Тут и место влюблению. Когда же оно врывается в жизнь людей после брака, оно неуместно и отвратительно.

4) Меня часто спрашивают совета в вопросах владения землей. Я по старой привычке отвечаю, тогда как, в сущности, на такие вопросы так же неприлично отвечать, как было бы неприлично отвечать на вопросы о том, как воспользоваться владением или трудом, оброком крепостного раба. [...]

Нынче 30 июня 98. Ясная Поляна. Все нездоровится, и очень слаб. Но, кажется, поправляюсь и душевное состояние хорошее. Третьего дня получил письмо о ссоре в Англии. Писал им. Очень грустно и очень поучительно. [...] Меньшиков телеграфирует, что напечатает Гайдебуров с урезками. Эти дни писал "Сергия" – не хорошо.

Продолжаю записанное прежде.

[...] 9) Живо вспомнил, какой огромной важности дело – полная, до мелочей, во всем правдивость, избегание всяких внешних лживых форм. И решил держаться этого. It is never too late to mend [лучше поздно, чем никогда (англ.)].

[...] 16) (к воззванию.) Люди старательно свяжут себя так, чтобы один человек мог двигать ими всеми, потом веревку от этой своей связанной толпы отдадут кому попало. И удивляются, что им дурно. Удивительный обман. Люди сплачиваются, связываются сами собою перед опасностью для защиты. Но опасности нет никакой, и они продолжают связывать себя и отдаются в руки тем, которые хотят властвовать.

17 июля. Ясная Поляна. 98. Утро. Особенно ничего не было за эти одиннадцать дней. Решил отдать свои повести: "Воскресение" и "Отец Сергей" в печать для духоборов. Соня уехала в Киев. Внутренняя борьба. Мало верю в бога. Не радуюсь экзамену, а тягочусь им, признавая вперед, что не выдержу. Всю ночь нынче не спал. Рано встал и много молился. Нынче приехали Дитерихсы и Горбуновы. Мне было приятно с ними. Взялся за "Воскресение", и сначала шло хорошо, но с тех пор как встревожился – два дня ничего не мог сделать.

[...] Записано много. Сейчас едва ли успею.

1) Помыслы ведут к мечтаниям, мечтания к страстям, страсти к бесам. (Из "Добротолубия").

2) Эстетическое наслаждение, получаемое от природы, доступно всем. Все различно воспринимают его, но не на всех оно действует, так же должно действовать и искусство.

[...] 4) к "Отцу Сергию". Один хорош – с людьми падает. [...]

3 августа 98. Пирогово. Опять все по-старому. Опять так же гадка моя жизнь. Пережил очень много. Экзамена не выдержал. Но не отчаиваюсь и хочу переэкзаменовки. Особенно дурно держал экзамен потому, что имел намерение перейти в другое заведение. Вот эти мысли надо бросить, тогда будешь лучше учиться. За это время вернулась Соня, была милая Таня Кузминская. Работал над "Воскресением", идет очень плохо, хотя и кажется, что обдумал гораздо лучше.

Третий день в Пирогове. Дядя Сережа не так хорош, как бывал прежде, - не в духе. Марья Николаевна. Два дня ничего в голову не идет. За это время было тревожное известие о положении духоборов и о том, что М. Н. Ростовцеву посадили в тюрьму. Писем давно нет от Чертковых. Должно быть, перехватывают. Буду продолжать записывать незаписанное:

[...] 2) Есть два приема деятельности людских, и по тому, какого из этих двух родов деятельности они преимущественно держатся, и два рода людей: одни употребляют свой разум на то, чтобы узнать, что хорошо и что дурно, и поступают сообразно этому знанию; другие поступают, как им хочется, и потом уже употребляют свой разум на то, чтобы доказать, что то, что они сделали, хорошо, а чего не сделали, дурно.

3) Совершенно ясно, что выгоднее все делать сообща, но рассуждения для этого недостаточно. Если бы рассуждение было достаточно, то это давно бы уже было. То, что это видно по капиталистам, не может убедить людей жить сообща. Кроме рассуждения о том, что это выгодно, надобно, чтобы сердце было готово так жить (мировоззрение было такое, которое совпадало бы с указанием разума), а этого нет и не будет, пока не переменятся желания сердца, то есть мировоззрение людей.

[...] 14) Есть обычные, иногда умышленные, иногда неумышленные, недоразумения о моих взглядах, которые, признаюсь, раздражают меня:

1) Я говорю, что бог, сотворивший мир в шесть дней, пославший сына, сам этот сын, - не бог, а что бог есть то, что одно есть, непостижимое благо, начало всего; против меня говорят, что я отрицаю бога.

2) Я говорю, что не надо насилуем противиться насилу, против меня говорят, что я говорю, что не надо бороться со злом.

3) Я говорю, что надо стремиться к целомудрию, и на этом пути будет в первой степени девственность, во второй - чистый брак, в третьей - не чистый, то есть не единственный, но брак; против меня говорят, что я отрицаю брак и проповедую прекращение рода человеческого.

4) Я говорю, что искусство есть деятельность заражающая, и чем более заразительно искусство, тем оно лучше. Но что эта деятельность хороша или дурна независимо от того, насколько оно удовлетворяет требованиям искусства, то есть заразительности, еще и потому, насколько она удовлетворяет требованиям религиозного сознания, то есть нравственности, совести; против меня говорят, что я проповедую тенденциозное искусство и т. п.

[...] 19) к "Воскресению". Нельзя было думать и помнить о своем грехе и быть самодовольным. А ему надо было быть самодовольным, чтобы жить, и потому он не думал, забыл. [...]

Нынче 24 августа 98. Ясная Поляна. За это время не получал писем от Черткова и очень недоумеваю. Кажется, за это время были духоборы. Письма от Хилкова и Ивана Михайловича. Ответил всем. Нынче приехал Суллер. Все работаю над "Воскресением" и доволен, даже очень. Боюсь столкновений. Соня нездорова; но духом хороша. И мне хорошо. Полон дом народа: Машенька, Стахович, Вера Кузминская, Вера Толстая. Выписываю:

[...] 2) Люди живут в мире, не исполняя своего призвания, вроде того, как бы заводские рабочие заняты были только тем, как поместиться, питаться, гулять.

[...] 5) Ты хочешь служить человечеству? Хорошо. То, что ты хотел сделать, сделает другой. Доволен ли ты? Нет, недоволен потому, что важно для меня не то, что делается, а то, что я сделаю, то, что сделаю свое дело. Лучшее доказательство, что дело не в деле, а в своем движении к добру.

[...] 7) Эгоизм, вся жизнь эгоистическая, законен только до тех пор, пока не проснулся разум; как скоро он проснулся, то эгоизм законен только в той мере, в которой он нужен, чтобы поддержать себя, как орудие, нужное для служения людям. Назначение разума служить людям. В том весь ужас, что его употребляют на служение себе.

8) Человек отдается иллюзии эгоизма, живет для себя и страдает. Стоит ему начать жить для других, и страдание облегчается, и получается лучшее благо мира: любовь людей.

9) Как отучают себя от куренья, от дурных привычек, так можно и должно отучать себя от эгоизма. Захочешь увеличить свое удовольствие, захочешь выставить себя, вызвать любовь других, остановись. Если нечего делать для других или не хочется ничего делать, не делай ничего, но только не делай для себя.

10) Баварец рассказывал про их жизнь. Он хвалится высокой степенью свободы, а между тем у них обязательное и религиозное грубокатолическое обучение. Это самый ужасный деспотизм. Хуже нашего.

[2 ноября] Страшно посмотреть, сколько времени не писал – больше двух месяцев. И не только ничего не было дурного, но скорее все хорошее. Юбилей был не так противен и тяжел, как ожидал. Продажа повести и получение 12-ти тысяч, которые отдал духоборам, устроилось хорошо. Был недоволен Чертковым и увидел, что виноват я. Приезжал духобор из Якутска. Очень полюбил его. Сережа вполне близок делом и чувством. Нарочно не трогаю словами. С Соней очень хорошо. Люблю ее больше, чем прежде. Маша жалка своей слабостью, но духом все так же близка. Таня разорвала, но в очень неустойчивом положении. Андрюша женится на Дидрихс и очень сблизился. Чужды Миша и Лева. Но, слава богу и благодарность ему, что он пробудился, разгорелся во мне, и мне естественно или любить и радоваться, или любить и жалеть. И какое счастье.

Вчера был Archer, приехавший от Черткова, полюбил его. Дела очень много, но я весь поглощен "Воскресением", берегу воду и пускаю только на "Воскресение". Кажется, будет недурно. Люди хвалят, но я не верю. Кое-что записал – все очень важное. То запишу после, но сейчас хочется записать то, что сейчас вечером гулял по дорожке и ясно не только думал, но чувствовал.

1) Под ногами морозная твердая земля, кругом огромные деревья, над головой пасмурное небо, тело свое чувствую, чувствую боль головы, занят мыслями о "Воскресении", а между тем я знаю, чувствую всем существом, что и крепкая морозная земля, и деревья, и небо, и мое тело, и мои мысли – что все это только произведение моих пяти чувств, мое представление – мир, построенный мной, потому что таково мое отделение от мира, какое есть. И что стоит мне умереть, и все это не исчезнет, но видоизменится, как бывают превращения в театрах: из кустов, камней сделаются дворцы, башни и т. п. Смерть есть не что иное, как такое превращение, зависящее от другой отдельности от мира, другой личности: то я себя, свое тело с своими чувствами считаю собою, а то совсем иное выделится в меня. И тогда весь мир станет другим. Ведь мир такой, а не иной только потому, что я считаю собой то, а не другое. А делений мира может быть бесчисленное количество. Не совсем ясно для других, но для меня очень.

14 ноября. Опять не видал, как прошли одиннадцать дней. Очень увлеченно занят "Воскресением" и хорошо подвигаюсь. Совсем близок к концу. Был Сережа и Суллер и уехали оба на Кавказ с моим письмом к Голицыну. Вчера приехала Соня. Очень хорошо. Я себя давно так умственно и физически хорошо, бодро не чувствовал.

Не могу разобрать, что записано, что нет:

[...] 2) Жить для других кажется трудно так же, как кажется трудно работать. Но как и в работе, за заботу о других может быть лучшая награда: любовь других.

Может и не быть. Тогда как в работе награда внутренняя: наработался, устал и хорошо.

[...] 5) Женщины точно так же, как и мужчины, одарены чувством и умом, но разница в том, что мужчина, большей частью, считает обязательным и для себя и выше чувств веления ума (разум), женщина же считает обязательным для себя и выше разума – чувство. То же, но только на разных местах.

[...] 7) Думаешь, что ты один и страдаешь от одиночества, а ты не только в согласии, но ты один со всеми – только искусственные и устранимые преграды отделяют тебя. Устрани их, и ты один со всеми. Устранение этих преград по мере сил и есть дело жизни.

[...] 9) Смотришь на людей, целующих икону, подлезющих под нее, обожающих и боящихся ее. Если людей могли обмануть так, то нет обмана, на который бы они не поддались.

10) Записано, что тяжело оттого, что жизни нет, а есть только эгоистическое существование. Не могу вспомнить, что я еще разумел под этим.

11) Бог проявляется в нас сознанием. Пока нет сознания, нет бога. Только сознание дает возможность добра, воздержания, служения, самопожертвования.

Все зависит от того, на что направлено сознание.

Сознание, направленное на животное я, убивает, парализует жизнь; сознание, направленное на духовное я, возбуждает, возвышает, освобождает жизнь.

Сознание, направленное на животное я, усиливает, разжигает страсть, производит страх, борьбу, ужас смерти;

сознание, направленное на духовное я, освобождает любовь. Это очень важно, и если буду жив, напишу это.

[...] 15) Прогресс нравственный человечества происходит только оттого, что есть старики. Старики добреют, умнеют и передают то, что они выжили, следующим поколениям. Не будь этого, человечество не двигалось бы. А какое простое средство! [...]

Казалось, дня три не писал. А вот десять дней. Нынче 25 ноября. Ясная Поляна. 98. Соня тогда уехала с хорошим чувством, я обещал приехать 1 декабря. Миша мучает ее, и она тоскует. Хочется поскорее приехать к ней. Хочется тоже съездить в Пирогово. Мы одни: Таня, Маша, Коля. Только Лиза Оболенская. Я все так же усердно занимаюсь "Воскресением". Вчера ночью обдумывал статью о том, почему развращается народ. Нет никакой веры. Младенцем насильно окрестят, а потом считают уголовным преступлением всякое рассуждение о вере (сознание) и всякое отступление. Только и есть вера, что у сектантов. Может быть, введу это в воззвание. А жалко. Хорошо думалось ночью. "Воскресение" разрастается. Едва ли влезет в 100 глав. Записано следующее и, кажется, очень важное. Нужно бы в изложение веры.

1) Мы очень привыкли к рассуждениям о том, как надо устроить жизнь других людей - людей вообще. И нам такие рассуждения не кажутся странными. А между тем такие рассуждения не могли бы никогда [возникнуть] между религиозными и потому свободными людьми: такие рассуждения суть последствия деспотизма: управления одним человеком или людьми другими. Так рассуждают и сами деспоты, и люди, развращенные ими; говорят, если бы я имел власть, я бы сделал с другими то-то и то-то. Это заблуждение вредно не только потому, что оно мучает, уродует людей, подвергающихся насилию деспотов, но и ослабляет во всех людях сознание необходимости исправлять себя. Тогда как это одно единственно действительное средство воздействия на других людей. [...]

Дневник - Диалог

Нынче ночью был разговор и сцена, которая подействовала на меня еще гораздо более, чем последняя ее поездка. Для характеристики разговора надо сказать, что я в этот день только что приехал в 12-м часу ночи из поездки за восемнадцать верст для осмотра имения Маши. Я не говорю, что в этом был труд для меня, это было удовольствие. но все-таки я несколько устал, сделав около сорока верст верхом, и не спал в этот день. А мне 70 лет.

Под влиянием твоих разговоров, усталости и хорошего, доброго расположения духа я лег спать с намерением не говорить ничего о том, что было, и в надежде, что все это, как ты утешала меня, само собой сойдет на нет. Легли. Помолчали. Она начала говорить.

О. Ты поедешь в Пирогово, будешь меня бранить Сереже?

Я. Я ни с кем не говорил, ни с Таней, дочерью.

О. Но с Таней, сестрой, говорил?

Я. Да.

О. Что же она говорила?

Я. То же, что тебе... мне тебя защищала, тебе, вероятно, за меня говорила.

О. Да, она ужасно строга была ко мне. Слишком строга. Я не заслуживаю.

Я. Пожалуйста, не будем говорить, уляжется, успокоится и, бог даст, уничтожится.

О. Не могу я не говорить. Мне слишком тяжело жить под вечным страхом. Теперь, если он заедет, начнется опять. Он не говорил ничего, но, может быть, заедет.

Известие, что он приедет – как всегда бывало – может быть, а в действительности наверное – было мне очень тяжело. Только что хотел не думать об этом, как опять это тяжелое посещение. Я молчал, но не мог уж заснуть и не выдержал, сказал:

Я. Только что надеялся успокоиться, как опять ты будто приготавливаешь меня к неприятному ожиданию.

О. Что же мне делать? Это может быть, он сказал Тане. Я не звала. Может быть, он заедет.

Я. Заедет он или не заедет, неважно, даже твоя поездка не важна, важно, как я говорил тебе, два года назад говорил тебе, твое отношение к твоему чувству. Если бы ты признавала свое чувство нехорошим, ты бы не стала даже и вспоминать о том, заедет ли он, и говорить о нем.

О. Ну, как же быть мне теперь?

Я. Покаяться в душе в своем чувстве.

О. Не умею каяться и не понимаю, что это значит.

Я. Это значит обсудить самой с собой, хорошо ли то чувство, которое ты испытываешь к этому человеку, или дурное.

О. Я никакого чувства не испытываю, ни хорошего, ни дурного.

Я. Это неправда.

О. Чувство это так неважно, ничтожно.

Я. Все чувства, а потому и самое ничтожное, всегда или хорошие, или дурные в наших глазах, и потому и тебе надо решить, хорошее ли это было чувство, или дурное.

О. Нечего решать, это чувство такое неважное, что оно не может быть дурным. Да и нет в нем ничего дурного.

Я. Нет, исключительное чувство старой замужней женщины к постороннему мужчине – дурное чувство.

О. У меня нет чувства к мужчине, есть чувство к человеку.

Я. Да ведь человек этот мужчина.

О. Он для меня не мужчина. Нет никакого чувства исключительного, а есть то, что после моего горя мне было утешение музыка, а к человеку нет никакого особенного чувства.

Я. Зачем говорить неправду?

О. Но хорошо. Это было. Я сделала дурно, что заехала, что огорчила тебя. Но теперь это кончено, я сделаю все, чтобы не огорчать тебя.

Я. Ты не можешь этого сделать потому, что все дело не в том, что ты сделаешь - заедешь, примешь, не примешь, дело все в твоём отношении к твоему чувству. Ты должна решить сама с собой, хорошее ли это, или дурное чувство.

О. Да нет никакого.

Я. Это неправда. И вот это-то и дурно для тебя, что ты хочешь скрыть это чувство, чтобы удержать его. А до тех пор, пока ты не решишь, хорошее это чувство или дурное, и не признаешь, что оно дурное, ты будешь не в состоянии не делать мне больно. Если ты признаешь, как ты признаешь теперь, что чувство это хорошее, то никогда не будешь в силах не желать удовлетворения этого чувства, то есть видеться, а желая, ты невольно будешь делать то, чтобы видеться. Если ты будешь избегать случаев видеться, то тебе будет тоска, тяжело. Стало быть, все дело в том, чтобы решить, какое это чувство, дурное или хорошее.

О. Дурно я сделала, что сделала тебе больно, и в этом раскаиваюсь.

Я. Вот это-то и дурно, что ты раскаиваешься в поступках, а не в том чувстве, которое ими руководит.

О. Я знаю, что я никого больше тебя не любила и не люблю. Я бы желала знать, как ты понимаешь мое чувство к тебе. Как же бы я могла любить тебя, если бы любила другого?

Я. Твой разлад от этого-то и происходит, что ты не уяснила себе значения своих чувств. Пьяница или игрок очень любит жену, а не может удержаться от игры и вина и никогда не удержится, пока не решит в своей душе, хорошее ли чувство его любовь к игре и к вину. Только когда это решено, возможно избавление.

О. Все одно и то же.

Я. Да не могу я ничего сказать другого, когда ясно, как день, что все дело только в этом.

О. Ничего дурного я не делала.

Так с разными вариациями разговор приходил все к тому же. Она старалась показать, что чувство это очень неважное, и потому не может быть осуждаемо, и нет причин бороться с ним. Я все время возвращался к тому, что если в душе чувство признается хорошим, то от него нет избавления и нет избавления от тех сотен тысяч мелочных поступков, которые вытекают из этого чувства и поддерживают его.

О. Ну что же будет, если я признаю чувство дурным?

Я. То, что ты будешь бороться с ним, будешь избегать всего того, что поддерживает его. Будешь уничтожать все то, что было связано с ним.

О. Да это все к тому, чтобы лишить меня единственного моего утешения музыки. Я в ужасном cercle vicieux [заколдованном кругу (фр.)]. У меня тоска. Тоску эту я разгоняю только игрой на фортепьяно. Если я играю, ты говоришь, что это все в связи с моим чувством, если я не играю, я тоскую, и ты говоришь, что причиной мое чувство.

Я. Я одно говорю: надо решить, хорошее это или дурное чувство. Без этого наши мучения не кончатся.

О. Нет никакого чувства, нечего решать.

Я. Пока ты так будешь говорить, нет выхода. Но, впрочем, если у человека нет того нравственного суда, который указывает ему, что хорошо, что дурно, человек, как слепой, разобрать цвета не может. У тебя нет этого нравственного судьи, и потому не будем говорить - два часа.

Долгое молчание.

О. Ну вот, я спрашиваю себя совершенно искренно: какое мое чувство и чего бы я желала? Я желала бы больше ничего, как то, чтобы он раз в месяц приходил

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
посидеть, поиграть, как всякий добрый знакомый.

Я. Ну ведь вот ты сама этими словами подтверждаешь, что у тебя исключительное чувство к этому человеку. Ведь нет никакого другого человека, ежемесячное посещение которого составляло бы для тебя радость. Если посещение раз в месяц приятно, то приятнее еще раз в неделю и каждый день. Ты невольно этим самым говоришь про свое исключительное чувство. И без того, чтобы ты не решила вопрос о том, хорошо ли это, или дурно, ничего измениться не может.

О. Ах, все одно и одно. Мученье. Другие изменяют мужьям, столько их не мучают, как меня. За что? За то, что я полюбила музыку. Можно упрекать за поступки, а не за чувства. Мы в них не властны. А поступков никаких нет.

Я. Как нет? А поездка в Петербург, и туда и сюда, и вся эта музыка?

О. Да что ж особенного в моей жизни?

Я. Как что ж особенного? Ты живешь какой-то исключительной жизнью. Ты сделалась какой-то консерваторской дамой.

Слова эти почему-то ужасно раздражают ее.

О. Ты хочешь измучить меня и лишити всего. Это такая жестокость.

Она приходит в полуистерическое состояние. Я молчу довольно долго, потом вспоминаю о боге. Молюсь и думаю себе: "Она не может отречься от своего чувства, не может разумом влиять на чувства. У нее, как у всех женщин, первенствует чувство, и всякое изменение происходит может быть, независимо от разума, в чувстве... Может быть, Таня права, что это само собой понемногу пройдет своим особенным, непонятным мне женским путем. Надо сказать ей это, думаю я, и с жалостью к ней и желанием успокоить ее, говорю ей это, - то, что я, может быть, ошибаюсь, так по-своему ставя вопрос, что она, может быть, придет к тому же своим путем и что я надеюсь на это. Но в это время в ней раздражение дошло до высшей степени.

О. Ты измучил меня, долбишь два часа одной и той же фразой: исключительное, исключительное чувство, хорошее или дурное, хорошее или дурное. Это ужасно. Ты своей жестокостью доведешь бог знает до чего.

Я. Да я молился и желал помочь тебе...

О. Все это ложь, все фарисейство, обман. Других обманывай, я вижу тебя насквозь.

Я. Что с тобой? Я именно хотел доброе.

О. Нет в тебе доброго. Ты злой, ты зверь. И буду любить добрых и хороших, а не тебя. Ты зверь.

Тут уж начались бессмысленные, чтобы не сказать ужасные, жестокие речи: и угрозы, и убийство себя, и проклятия всем, и мне и дочерям. И какие-то угрозы напечатать свои повести, если я напечатаю "Воскресение" с описанием горничной. И потом рыдания, смех, шептание, бессмысленные и, увы, притворные слова: голова треснет, вот здесь, где ряд, отрежь мне жилу на шее, и вот он, и всякий вздор, который может быть страшен. Я держал ее руками. Я знал, что это всегда помогает, поцеловал ее в лоб. Она долго не могла вздохнуть, потом начала зевать, вздыхать и заснула и спит еще теперь.

Не знаю, как может разрешиться это безумие, не вижу выхода. Она, очевидно, как жизнью дорожит этим своим чувством и не хочет признать его дурным. А не признав его дурным, она не избавится от него и не перестанет делать поступки, которые вызываемы этим чувством, поступки, видеть которые мучительно, и стыдно видеть их мне и детям.

Дневник - 1899

2 января 1899. Ясная Поляна. Последний раз писал 25 ноября, стало быть месяц и неделю. Писал в Ясной Поляне, потом был в Москве, где ни разу не писал. В конце

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

ноября ездил в Пирогово. Первого вернулся и с тех пор не совсем здоров; болела и болит поясница, а последнее время было что-то вроде желчной лихорадки. Второй день лучше. За все это время занимался исключительно "Воскресением". Были сношения о духоборах и бесчисленное количество писем. Со мной Колечка Ге, с которым отдыхаю. В семье не радостно: Маша болела (вчера кончилось, выкинула). Таня тревожна и мертва. Миша ошалел. Андрюша сомнителен. С Соней живу хорошо. Я стариковски спокоен. Вот и все. Довольно много есть, что записать. Буду записывать на пропущенных страницах. В последнее время как будто ослабел интерес к "Воскресению" и радостно чувствую другие, более важные интересы - понимание жизни и смерти. Многое как бы ясно.

2 января 99. Записанное.

[...] 3) искусство наше есть то же, что соус к пище. Если есть один соус вкусно, но не будешь сыт и испортишь желудок.

[...] 9) физическая работа важна тем, что она мешает уму празднично и бесцельно работать.

10) Пожалуй, что важнее знать то, о чем не надо думать, чем знать то, о чем надо думать.

11) Женщины слабы и хотят не только не знать своей слабости, но хотят хвастаться своей силой. Что может быть отвратительней?

12) человек добрый, если только он не признает своих ошибок и старается оправдывать себя, может сделаться извергом.

13) вся забота правителей состоит не в том, как они говорят, чтобы утвердить религию в народе, а, напротив, в том, чтобы выхолостить народ от религии. И в России они почти достигли этого.

Писано 2 января.

Нынче 21 февраля. Более шести недель не писал. Я все в Москве. Сначала шло "Воскресение", потом совсем остыл. Написал письмо фельдфебелю и в шведские газеты. Дня три, как опять взялся за "Воскресение". Подвигаюсь. Студенческая стачка. Они все меня втягивают. Я советую им держаться пассивно, но писать письма им не имею охоты. Таня - слаба и духом и телом. Мне спине лучше. Живет интересный и живой француз Sinet. Первый религиозный француз. Очень многое нужно записать. Был в очень дурном духе, теперь хорошо.

26 июня 1899. Ясная Поляна. Четыре месяца не писал, не скажу, чтобы дурно провел это время. Усиленно работал и работаю над "Воскресением". Есть много, есть недурное, есть то, во имя чего пишется. На днях был тяжело болен. Теперь здоров. Соня уедет нынче к сыновьям. Она была тяжело больна и теперь еще слаба. Все продолжается критическое время. Часто очень нежно жалко ее. Так было нынче, когда она прощалась. Тяжелые отношения из-за печатания и переводов "Воскресения". Но большей частью спокоен. Запущена переписка. Все присылают деньги голодающим, а я ничего не могу, как только передавать их по почте. Колечка со мной, помогает в работе. Сережа всякий раз радуется, когда приезжает. Таня беспокоит своим легкомыслием, ушла в эгоистическую любовь. Она вернется, надеюсь. Продолжаю выписывать из книжечки.

[...] 17) Нам кажется, что настоящая работа - это работа над чем-нибудь внешним - производить, собирать что-нибудь: имущество, дом, скот, плоды, а работать над своей душой - это так, фантазия, а между тем всякая другая, кроме как работа над своей душой, усвоение привычек добра, всякая другая работа пустяки.

[...] 21) кажется странным и безнравственным, что писатель, художник, видя страдания людей, не столько сострадает, сколько наблюдает, чтобы воспроизвести эти страдания. А это не безнравственно. Страдание одного лица есть ничтожное дело в сравнении с тем духовным - если оно благое - воздействием, которое произведет художественное произведение.

[...] 27) Зло мира, причина его очень проста. Все ищут midi a 14 heures [полдень в 14 часов (фр.)]. То в экономическом, то в политическом устройстве. Сейчас читал рассуждение в немецком парламенте о том, как помочь тому, что крестьяне

бегут в города.

А разрешение всех вопросов одно, и никто не признает его и даже не интересуется им. А разрешение одно, ясно и несомненно: власть имеющие развратились, потому что имеют власть и составили себе учение религиозное, соответствующее их развращению. II это самое учение они усиленно с детства прививают народу.

Спасение одно: разрушение ложного учения. [...] 29) Нельзя выдумать для жестоких поступков более выгодных условия, как то сцепление чиновников, которое существует в государстве.

30) Будущего нет. Оно делается нами. [...] 33) Мы сердимся на обстоятельства, огорчаемся, хотим изменять их, а все возможные обстоятельства суть не что иное, как указания того, в каких сферах, как нужно действовать. Ты в нужде – работай, в тюрьме – думай, в богатстве – освобождайся... и т. п.

34) Пресса – это лживость with a vengeance [с мезтью (англ.)]. [...]

[...] 45) Все дело в мыслях. Мысль начало всего. И мыслями можно управлять. И потому главное дело совершенствования: работать над мыслью.

28 сентября 1899. Ясная Поляна. Все работал над "Воскресением". Теперь запнулся на 3-й части. Уже давно не иду вперед. Соня в Москве. Я выработал себе спокойствие, не нарушавшееся. Не говорить. И знать, что так надо, что в этих-то условиях и надо жить. Здесь Илья, Соня с детьми, Андрюша с женой. Маша с мужем. Все чаще и чаще думаю о философском определении материи пространства и времени. Нынче запишу, если успею.

Читал интересную книгу о том, что Христа никогда не было, а это миф. Вероятно за то, что это правда, столько же за, сколько против. Вчера с помощью Маши очистил все письма. Многие оставил неотвеченными. Думал за это время.

Все болею. Редкий день без болей. Недоволен собой и нравственно. Очень опустился: не работаю физически и занят собой – здоровьем. Как трудно покорно переносить болезнь – идти к смерти без противления, а надо.

[...] 3) Я сорвал цветок и бросил. Их так много, что не жалко. Мы не ценим этой неподражаемой красоты живых существ и губим их, не жалея – не только растения, но животных, людей. Их так много. Культура – цивилизация есть не что иное, как загубление этих красот и замещение их. Чем же? Трактиром, театром...

[...] 5) Дороже всего на свете добрые отношения между людьми, а устанавливаются эти отношения не вследствие разговоров – напротив, от разговоров портятся. Говорить как можно меньше, и в особенности с теми людьми, с которыми хочешь быть в хороших отношениях.

[...] 8) Братство естественно, свойственно людям. Не братство – разделение старательно воспитывают.

[...] 14) Люди, уверяющие других, что разум не может быть руководителем жизни, это те, разум которых так извращен, что ясно видят, что он заведет их в болото. [...]

Сегодня 2 октября 1899. Ясная Поляна. Все нездоров. Не страдаю, но чувствую постоянную угрозу. Нравственно лучше – больше помню бога в себе и смерть. Кажется, выбился из трудного места "Воскресения". Андрюша поразительно переменялся к лучшему. Может, ухудшится, но уж это было и оставит следы. Колечка уехал. Соня при-охала – нездорова. Продолжаю выписывать из записной книжки.

[...] 4) Совесть есть память общества, усвояемая отдельным лицом.

5) В старости чувствуешь то же, что в путешествии:

сначала мысли в том месте, из которого едешь, потом в самом путешествии, потом в том месте, куда едешь. Я испытываю это все чаще и чаще, думая о смерти. [...]

Нынче 13 октября 99. Ясная Поляна. Все не вполне здоров – так и надо. Но это не мешает жить, думать и двигаться к назначенному пределу. "Воскресение" плохо

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

двигается, послал четыре главы, кажется, нецензурные, но, по крайней мере, кажется, остановился на одном, и больше важных перемен делать не буду. Не переставая, думаю о брате Сереже, но от погоды и нездоровья не могу собраться поехать. Таня, кажется, окончательно решила выходить. Соня была в Москве и нынче едет опять. У меня нынче какой-то умственный праздник, и не нынче, а все последние дни: в "Воскресение" вдумал хорошие сцены. Об отдельности, представляющейся нам материей в пространстве и движением во времени, все чаще и чаще и яснее и яснее думаю. Еще получил брошюры Westrup'a из Америки о деньгах, которые поразили, мне уяснив все неясное в финансовых вопросах и сведя все, как и должно было быть, к насилию правительств.

Если успею – запишу. Еще важная радостная мысль, хотя и старая, но которая мне пришла как новая, и радует меня очень, а именно:

1) Главная причина семейных несчастий та, что люди воспитаны в мысли, что брак дает счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которое поддерживает общественное мнение и литература, но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человек платится за удовлетворение полового желания, страдание в виде неволи, рабства, пресыщения, отвращения, всякого рода духовных и физических пороков супруга, которые надо нести, – злоба, глупость, лживость, тщеславие, пьянство, лень, скупость, корыстолюбие, разврат – все пороки, которые нести особенно трудно не в себе, в другом, а страдать от них, как от своих, и такие же пороки физические, безобразия, нечистоплотность, вонь, раны, сумасшествие... и пр., которые еще труднее переносить не в себе. Все это, или хоть что-нибудь из этого, всегда будет, и нести приходится всякому тяжелое. То же, что должно выкупать: забота, удовлетворение, помощь, все это принимается как должное; все же недостатки, как не должное, и от них страдают тем больше, чем больше ожидалось счастья от брака.

Главная причина этих страданий та, что ожидается то, чего не бывает, а не ожидается того, что всегда бывает. И потому избавление от этих страданий только в том, чтобы не ждать радостей, а ждать дурного, готовясь переносить его. Если ждешь всего того, что описано в начале 1001 ночи, ждешь пьянства, вони, отвратительных болезней, то упрямство, неправдивость, пьянство даже можно не то что простить, а не страдать и радоваться, что нет того, что могло бы быть, что описано в 1001 ночи, нет сумасшествия, рака и т. п. И тогда все доброе ценится.

Не в этом ли и главное средство для счастья вообще? Не оттого ли люди так часто несчастны, особенно богатые? Вместо того, чтобы сознавать себя в положении раба, который должен трудиться для себя и для других и трудиться так, как этого хочет хозяин, люди вообразят себе, что их ждут всякого рода наслаждения и что все их дело в том, чтобы пользоваться ими. Как же при этом не быть несчастным? Все тогда, и труд, и препятствия, и болезни, необходимые условия жизни, представляются неожиданными страшными бедствиями. Бедные поэтому менее бывают несчастны: они вперед знают, что им предстоит труд, борьба, препятствия, и потому ценят все, что дает им радость. Богатые же, ожидая только радостей, во всех препятствиях видят бедствия и не замечают и не ценят тех благ, которыми пользуются. Блаженны нищие, ибо они утешатся, голодные – они насытятся, и горе вам, богатые...

27 октября 99. Ясная Поляна. Живем один – Таня (на последках и жалко), Ольга, Андрюша, Жули и Андрей Дмитриевич. Хорошо, но часто хвораю: больше больных дней, чем здоровых, и оттого мало пишу. Отослал девятнадцать глав, очень неконченных. Работаю над концом. Много думал, кажется, хорошего.

[...] 2) Война, суды, казни, угнетение рабочих, проституция и многое другое – все это необходимое, неизбежное последствие и условие того языческого строя жизни, в котором мы живем, и изменить что-либо одно или многое из этого невозможно. Что ж делать? Изменять самый строй этой жизни, то, на чем он стоит. Чем? Тем, чтобы, во-первых, не участвовать в этом строе, в том, что поддерживает его: в военщине, в судах, податях, ложном учении и т. п., и во-вторых, делать то, в чем одним человеком всегда совершенно свободен: в душе своей заменить себялюбие и все, что вытекает из него – злобу, корысть, насилие и пр., – любовью и всем тем, что вытекает из нее: разумностью, смирением, милосердием и пр. Как колеса машины нельзя повернуть силой, они все связаны с шестернями и другими колесами, а пустить и не пустить пар, который задвигает их, легко, так точно страшно трудно изменить самые внешние условия жизни, но быть добрым или злым легко. А это: быть добрым или злым – изменяет все внешние

условия жизни. [...]

20 ноября 1899. Москва. Много не записано. Я в Москве. Таня уехала зачем-то с Сухотиным. Жалко и оскорбительно. Я 70 лет все спускаю и спускаю мое мнение о женщинах, и все еще и еще надо спускать. Женский вопрос! Как же не женский вопрос! Только не в том, чтобы женщины стали руководить жизнью, а в том, чтобы они перестали губить ее. [...]

Нынче 18 декабря 1899. Москва. Почти месяц не писал. Пыл тяжело болен. Очень больно было сутки, потом отдых и слабость. И смерть стала больше, чем естественна, почти желательна. Так и осталось теперь, когда выздоравливаю. Это новая радостная ступень. Кончил "Воскресение". Нехорошо. Не поправлено. Поспешно. Но отвалилось и не интересует более.

Здесь Сережа, Маша с мужем, Марья Александровна. Мне хорошо. Ничего не начинал еще писать. Больше всего занимает философия, но ничего очень не хочется. Отдыхаю. Написал письма. Попытаюсь выписать записанное.

[...] 4) Материя есть все то, что доступно нашим чувствам. Наука заставляет нас предполагать, что есть материя, недоступная нашим чувствам. В этой области могут быть существа, составленные из этой материи и ощущающие ее - эту недоступную нашим чувствам материю. Я не думаю, чтобы такие существа были, я только думаю, что наша материя и наши чувства, ощущающие ее, есть только одна из бесчисленных возможностей жизни.

[...] 6) Читал о книге Энгельгарта. Эволюция прогресса жестокости. Я думаю, что тут есть большая доля правды. Жестокость увеличилась преимущественно потому, что совершилось, содействующее увеличению материального богатства людей, разделение труда. Все говорят о выгодах разделения труда, не видя того, что необходимое условие разделения труда, кроме омашинения человека, есть еще устранение условий, вызывающих человеческое нравственное общение людей. Если мы делаем одно и то же дело, как земледельцы, понятно, что между нами установится обмен услуг помощи, но между пастухом и фабричным ткачом не может быть общения. (Кажется, неверно. Подумаю.)

[...] 11) Обыкновенно говорят: это очень глубокомысленно и потому не вполне понятно. Это неправда. Напротив. Все то, что глубоко, то ясно до прозрачности. Как вода, которая бывает мутна на поверхности, а чем глубже, тем прозрачнее. [...]

Нынче 20 декабря 99. Москва. Здоровье нехорошо. Душевное состояние хорошее, готов к смерти. По вечерам много народа - устаю. В 51 Но не вышло "Воскресение", и мне было жаль. Дурно. Обдумываю философское определение жизни. Думал нынче о "купоне" - хорошо. Может быть, напишу. [...]

Дневник - 1900

7 января 1900. Москва. Сажу у себя в комнате, и у меня все, встречая новый год. Все это время ничего не писал, нездоровится. Много надо записать.

[...] 2) Если ребенку раз внушено, что он должен верить, что бог человек, что бог 1 и 3, одним словом, что $2 \times 2 = 5$, орудие его познания навеки исковеркано: подорвано доверие к разуму. А это самое делается над всеми детьми. Ужасно.

[...] 4) Вспомнил свое отрочество, главное юность и молодость. Мне не было внушено никаких нравственных начал - никаких; а кругом меня большие с уверенностью курили, пили, распутничали (в особенности, распутничали), били людей и требовали от них труда. И многое дурное я делал, не желая делать, только из подражания большим.

[...] 7) Сережа с Усовым говорили о различных пониманиях устройства мира: прерывности или непрерывности материи. При моем понимании жизни и мира: материя есть только мое представление, вытекающее из моей отдельности от мира. Движение же есть мое представление, вытекающее из моего общения с миром, и потому для меня не существует вопроса о прерывности или непрерывности материи.

8) Ехал наверху на конке, глядел на дома, вывески, лавки, извозчиков, проезжих,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
прохожих, и вдруг так ясно стало, что весь этот мир с моей жизнью в нем есть только одна из бесчисленного количества возможностей других миров и других жизней и для меня есть только одна из бесчисленных стадий, через которую мне кажется, что я прохожу во времени. [...]

8 января. Вечер. Несколько дней ничего не делал. Письмо духоборам оставил и исправлял только статью о 36-часовом дне. Нынче подвинулся к окончанию. Здесь Маша. (Вот хотел о них писать и остановился, потому что они прочтут.) Мне хорошо на душе, несмотря на то, что здоровье подорвано. Потуги смерти, то есть нового рождения. Не могу смотреть на них иначе. Особенно когда болен, и чем больнее, тем яснее и спокойнее.

Сейчас простился и уехал Стасов. Образцовый тип ума. Как хотелось бы изобразить это. Это совсем ново.

Нынче известие из Сызрани. Больно за Сережу. Записать немного.

1) читаю газеты, журналы, книги и все не могу привыкнуть приписать настоящую цену тому, что там пишется, а именно: философия Ницше, драмы Ибсена и Метерлинка и наука Ломброзо и того доктора, который делает глаза. Ведь это полное убожество мысли, понимания и чутья.

2) читаю о войне на Филиппинах и в Трансваале, и берет ужас и отвращение. Отчего? Войны Фридриха, Наполеона были искренни и потому не лишены были некоторой величественности. Было это даже и в Севастопольской войне. Но войны американцев и англичан среди мира, в котором осуждают войну уж гимназисты, ужасны. [...]

16 января 1900. Москва. Ничего не работал. Нездоровье скрытое. Душевно слаб, но не зол. И рад этому. Приехала Лизанька из Сызрани и Воробьев из Нальчика. Хуже уж, кажется, ничего не может быть. А неправда: может быть хуже. И потому не надо жалеть. Едва ли не всегда страдания физические и страдания самолюбия - гордости, тщеславия - не ведут к движению вперед духовному. Всегда особенно страдания гордости. А мы, дурачье, жалуемся. Получил письма от St. John и Sinet - хорошие.

Нынче думал, что мое положение несомненно мне - но всякое положение - на пользу. Волшебная палочка дана. Только умей ею пользоваться.

Записать надо:

Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа.

Какое у женщин удивительное чутье на распознавание знаменитости. Они узнают это не по получаемым впечатлениям, а по тому, как и куда бежит толпа. Часто, наверное, никакого впечатления не получила, а уж оценивает, и верно.

Записываю.

1) Нельзя быть достаточно осторожным в поощрении в себе тщеславия - любви к похвале. Если бы враг хотел погубить человека, то вернее чем спойть захвалить его. Развивается болезненная чувствительность - при похвале, ведущая к праздному расслаблению, при порицании - к озлоблению и унынию. Главное, увеличивает болезненность и уязвимость.

2) читал "Даму с собачкой" Чехова. Это все Ницше. Люди, не выработавшие в себе ясного мирозерцания, разделяющего добро и зло. Прежде робели, искали; теперь же, думая, что они по ту сторону добра и зла, остаются по сю сторону, то есть почти животные. [...]

27 января 1900. Москва. Почти две недели не писал. Ездил смотреть "Дядю Ваню" и возмутился. Захотел написать драму "Труп", набросал конспект.

Очень тяжело было от появления Г. Все расплата не кончена. Так ему и надо. Хотел записать из книжечки - не могу. Был здоров, хотя умственно не бодр. Дня два стало хуже.

13 марта 1900. Больше двух месяцев не писал. Маша уехала, потом уехал Андрюша с

Ольгой. Здоровье за это время значительно улучшилось.

Писал все 1) письмо духоборам, которое кончил и послал, 2) о патриотизме, которое много раз переписывал и которое ужасно слабо, так что вчера решил или бросить, или все сначала, и, кажется, есть, что сказать сначала. Надо показать, что теперешнее положение, особенно Гаагская конференция, показали, что ждать от высших властей нечего и что распутывание этого ужасного губительного положения если возможно, то только усилием частных отдельных лиц.

О 36-часовом дне, кажется, выйдет. Главное, будет показано, что теперешнее предстоящее освобождение будет такое же, какое было от крепостного права, то есть что тогда только отпустят одну цепь, когда другая будет твердо держать. Невольничество отменяется, когда утверждается крепостное право. Крепостное право отменяется, когда земля отнята и подати установлены; теперь освобождают от податей, когда орудия труда отняты. Отдадут - имеют намерение отдать рабочим орудия труда, только под условием обязательности для всех работы.

За это время были молокане из Карса - хотят переселяться, два духобора из Архангельска. Известие о пяти в Владикавказской тюрьме. Плутни Тверского, чтобы выманить духобор. Приехал милый Буланже и приятные люди: Суллер и Коншин. Колечка живет, помогает мне. Сережа с нами - добр, но, к сожалению, не вполне близок.

Стану выписывать:

[...] 4) Кабы женщины только понимали всю красоту девственности, до такой степени она вызывает лучшие чувства людей, они бы чаще удерживали ее. А то беспрестанно видишь страшное падение девственности или в грубую похоть со всем обманом глупой влюбленности, или раскаяние в своей высоте и красоте.

5) Видел во сне: один стоит на столбе и люди любят его и хвалят, другой, чтобы победить, превзойти его, пляшет на гвоздях. Третий просто добрый.

6) Искусство, поэзия: "Для берегов отчизны дальней" и т. п., живопись, в особенности музыка, дают представление о том, что в том, откуда оно исходит, есть что-то необыкновенно хорошее, доброе. А там ничего нет. Это только царская одежда, которая хороша только тогда, когда она на царе жизни - добре (что-то нехорошо, но так записано).

[...] 11) в работном доме священник, толкуя народу первую заповедь Нагорной проповеди, разъяснял, что гневаться можно и должно, как гневается начальство, и убивать можно по приказанию начальства. Это было ужасно.

Все можно простить, но не извращение тех высших истин, до которых с таким трудом дошло человечество.

12) Лессинг, кажется, сказал, что каждый муж говорит или думает, что одна на свете была дурная, лживая женщина и она-то моя жена. Происходит это оттого, что жена вся видна мужу и не может уже его обманывать, как обманывают его все другие. [...]

19 марта 1900. Москва. Мало, не успешно работаю, хотя здоров. В мыслях же идет работа хорошая. Читал психологию, и с большой пользой, хотя и не для той цели, для которой читаю.

Приехала Таня - довольна, счастлива. И я рад за нее и с ней. Жалею, что Сережа по взглядам чужд, от легкомыслия и самоуверенности, хотя добр, и оттого нет с ним того полного сближения, какое есть с Машей и Таней. [...]

При каждом бое часов вспоминать:

[...] 3) что лучше ничего не делать, чем делать ничего - ложь.

4) что присутствие всякого человека есть призыв к высшей осторожной и важной деятельности.

5) что униженным, смиренным быть выгодно, а восхваляемым, гордым обратное.

- 6) что теперешняя минута никогда не повторится.
- 7) что ничего неприятного тебе быть не может - если неприятно, то значит, ты спутался.
- 8) что всякое дурное, даже пустое дело вредно тем еще, что накатывает дорожку привычке, и всякое доброе дело - наоборот.
- 9) не осуждай.
- 10) Обсуживая поступки других людей, вспоминай свои.

Нынче 24 марта 1900. Москва. Вчера была страшная операция Тани. Я несомненно понял, что все эти клиники, воздвигнутые купцами, фабрикантами, погубившими и продолжающими губить десятки тысяч жизней, - дурное дело. То, что они вылечат одного богатого, погубив для этого сотни, если не тысячи бедных, - очевидно дурное, очень дурное дело. То же, что они при этом выучиваются будто бы уменьшать страдания и продолжать жизнь, тоже нехорошо, потому что средства, которые они для этого употребляют, таковы (они говорят: "до сих пор", а я думаю по существу), таковы, что они могут спасти и облегчать страдания только некоторых избранных, главное же потому, что их внимание направлено не на предупреждение, гигиену, а на исцеление уродств, постоянно непрестанно творящихся.

Пишу то "Патриотизм", то "Денежное рабство". И первое много улучшил, но вот второй день не пишу. Читаю психологию. Прочел Вундта и Кефтинга. Очень поучительно. Очевидна их ошибка и источник ее. Для того, чтобы быть точными, они хотят держаться одного опыта. Оно и действительно точно, но зато совершенно бесполезно, и вместо субстанции души (я отрицаю ее) ставят еще более таинственный параллелизм.

[...] Думал за это время:

[...] 5) Все наши заботы о благе народа подобны тому, что бы делал человек, топча молодые ростки, уродуя их и потом вылечивая каждое деревцо, травку отдельно. Это главное относится к воспитанию. Слепота наша к делу воспитания паразитична. [...]

6 апреля 1900. Москва. Сейчас вечер. Сережа играет, и я чувствую себя почему-то до слез умиленным, и хочется поэзии. Но не могу в такие минуты писать. Живу не очень дурно, все работаю ту же работу, загородившую мне художественную, и скучаю по художественной. Очень просится.

Был на лекции Оболенского, и странная случайность: обратился к его сыну. Такая же странная случайность: в тот вечер, как ехал к Олсуфьеву, чтобы передать прошение молочков, приехал миссионер американский с прошением государю о веротерпимости на Кавказе. Мне было неприятно обязываться перед Олсуфьевым, несмотря на его добродушие. [...]

Записано следующее:

1) Подошел к ломовым извозчикам и стал против головы молодого, добродушного, сильного, косматого, вороного жеребца и понял его характер и полюбил его. И так понятно и несомненно стало, что начало всего, первое знание, из которого исходят все другие, то, что я - отдельная личность и другие существа - такие же.

[...] 5) всякие внешние обязанности мешают, заслоняют важнейшие обязанности к самому себе. Несчастные цари воспитываются и поддерживаются в признании такого огромного количества внешних обязанностей, что не остается совсем места для обязанностей к себе. Я это заметил, когда говорил о том, что нашему царю надо главное исполнять требования нравственности - оказалось, что таких нет, кроме супружеской верности; он должен и казнить, и грабить, и развращать. [...]

7 апреля 1900. Москва, е. б. ж.

Да, не записал самого главного, того, что думал нынче на прогулке.

12) Меня уж давно тревожит мысль о том, какое значение при моем мировоззрении

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

получают положения о неисчезаемости материи и энергии. Материя есть предел, и потому всякие изменения материи только изменяют форму предела; то был лед, то вода, то пар, то кислород и углекислота. Но и то и другое и третье продолжают быть пределами между мной и земным шаром с его атмосферой. Но с энергией у меня не выходило этого же. Энергия, которую можно рассматривать, как движение, есть нечто действительное, а не кажущееся мне только, не есть только средство представления моего единства со всем миром. И потому мое прежнее положение о том, что движение есть только то, что соединяет меня со всем миром, – неверно. Движение есть сама жизнь.

Жизнь есть расширение пределов, в которых заключен человек. Пределы эти представляются человеку материей в пространстве. Пределы эти отделяют его от других существ, сами в себе заключают пределы между различными существами. Человек по аналогии с собой узнает в других существах эти пределы. Там, где он их не узнает, он называет эти пределы неорганической материей, т. е. признает, что он не видит, не познает то существо, которое граничит с ним. Так граничат с ним земля, воздух, светила.

Расширение этих-то пределов, которое мы не можем себе представить иначе, как движением, и составляет то, что мы называем жизнью. Такую жизнь мы сознаем в себе, такую видим во всех существах и такую поэтому можем предполагать в тех существах, которых мы не можем обнять и которые мы видим одной их мертвой стороной.

При этом мировоззрении мне показалось, что закон сохранения энергии получает объяснение. Закон сохранения энергии при этом мировоззрении относится только к мертвой материи, т. е. что там, где нет жизни, не может быть никакого усиления движения.

Может быть, выйдет после, но теперь устал и боюсь еще больше запутать.

2 мая 1900. Москва. Почти месяц не писал. Все время был занят двумя статьями. И хочется думать, что кончил. Было и тяжелое, было и хорошее. Больше хорошего. Мало думал вне работы. Работа все поглощала. Завтра еду к Маше.

В книжке записано:

1) Сердишься иногда на людей, что они не понимают тебя, не идут за тобой и с тобой, тогда как ты совсем рядом стоишь с ними. Это все равно, что, ходя по лабиринту (какие бывают в садах), требовать, чтобы человек, стоящий совсем рядом с тобой, только за стенкой, шел по одному направлению с тобой. Ему надо пройти целую версту, чтобы сойтись с тобой, и сейчас идти не только не в одном, но в обратном направлении, чтобы сойтись с тобою. Знаешь же ты, что ему надо идти за тобой, а не тебе за ним, только потому, что ты уж был на том месте, на котором он стоит.

2) Каждое искусство представляет свое отдельное поле, как клетка шахматной доски. У каждого искусства есть соприкасающееся ему искусство, как у шахматной клетки клетки соприкасающиеся. Когда верхняя поверхность клетки использована, – чтобы работать на ней, то есть чтобы произвести что-либо новое, надо идти глубже. Это трудно. Тогда люди захватывают соприкасающиеся клетки и производят этой смесью нечто новое. Но смесь эта – музыки с драмой, с живописью, лирикой, и обратно – не есть искусство, а извращение его.

[...] 4) Жизнь наша господская так безобразна, что мы не можем радоваться даже рождению наших детей. Рождаются не слуги людям, а враги их, дармоеды. Все вероятия, что они будут такими.

[...] 7) Мало того, что есть люди, которые не могут не поступать дурно, есть люди, которые не могут понять, что, поступая дурно, они поступают дурно. [...]

Нынче 5 мая. Пирогово. 1900. Приехал хорошо. Совершенно здоров. Ожил от деревни. Видел Сережу. Грустно, но правдиво хорошо. Таня уехала. Маша, кажется, опять выкинула.

Обдумал "новое рабство" сначала и нынче много изменил и улучшил.

Ничего не записано. Думал:

Счастливы и несчастливы те люди, которые не знают раскаяния. Сделав несчастье людей, они умрут с уверенностью, что они облагодетельствовали их. Понять же всю свою виновность им слишком было бы тяжело. Это раздавило бы их, а не исправило.

Думаю о крестьянском романе.

Нынче 13 мая 1900. Пирогово. Запишу хоть то, что мне очень, очень хорошо. 11 часов.

Нынче 17 мая. Пирогово. 1900. Проснулся от мыслей.

[...] Вчера написал 2-й акт "Трупа". Теперь 7 часов утра.

Начинаю новую тетрадь. 1900 г. 19 мая. Ясная Поляна.

Вчера приехал из Пирогова, где провел прекрасные пятнадцать дней. Кончил "Рабство" и написал два акта. Мне и здесь хорошо. Здоровье было испорчено. Теперь лучше. Перечел кучу писем. Ничего важного. Нынче писал последнюю главу.

Поздно. Завтра выпишу из книжечки.

23 июня 1900. Ясная Поляна. Больше месяца не писал. Провел эти тридцать пять дней не дурно. Были тяжелые настроения, но религиозное чувство побеждало. Все время, не переставая и усердно, писал "Рабство нашего времени". Много внес нового и уясняющего. Ужасно хочется писать художественное, и не драматическое, а эпическое – продолжение "Воскресения": крестьянская жизнь Нехлюдова. До умиления трогает природа: луга, леса – хлеба, пашни, покос. Думаю – не последнее ли доживаю лето. Ну, что ж, и то хорошо. Благодарю за все бесконечно облагодетельствован я. Как можно всегда благодарить и как радостно.

Были за это время американец Курти, Буланже, St. John. Я полюбил его. Здоровье хорошо. [...]

Нынче 12 июля. Ясная Поляна. Таня здесь. Жалкая. Все еще пишу каждый день "Рабство нашего времени" Два раза думал, что готово. Теперь третий раз думаю это.

Был нездоров. Вчера странно кружилась голова. Как хорошо жить, помня о смерти, помня о том, что ты идешь и должен работать на ходу.

Очень много надо записать, а не помню, на чем остановился.

[...] 2) Совесть и есть не что иное, как совпадение своего разума с высшим.

3) Кто видит смысл жизни в усовершенствовании, не может верить в смерть, в то, чтобы усовершенствование обрывалось. То, что совершенствуется, только изменяет форму.

4) Когда у человека очень много обязанностей, он пренебрегает обязанностями к себе, к своей душе; а они только важны. Бедные цари, воображающие себе так много и важных обязанностей.

[...] 15) Безнравственно живущим и желающим продолжать так жить людям невыгодно верить, что мир движется по ступеням идеи к добру, и они не верят в это.

[...] 26) Всякого ребенка из достаточных классов самым воспитанием ставят в положение подлеца, который должен нечестной жизнью добывать себе, по крайней мере, восемьсот рублей в год.

[...] 33) Я серьезно убежден, что миром управляют: и государствами, и именными, и домами – совсем сумасшедшие. Несумасшедшие воздерживаются или не могут участвовать.

[...] 37) Разрушаем миллионы цветков, чтобы воздвигать дворцы, театры с электрическим освещением, а один цвет репья дороже тысяч дворцов. [...]

7 августа 1900. Ясная Поляна. Таня заболела и теперь еще лежит. Я сильно болел:

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
ужасные боли, долго не поправлялся. Нынче лучше. Чувствую близость смерти, стараюсь встретить ее спокойно и, кажется, спокойно встречу ее; но пока здоров, как нынче, не могу живо перенестись в процесс перехода.

Кончил и отослал и "Рабство нашего времени" и о смерти Гумберта. Думаю, что сделал, что должно и что мог. Здесь теперь Меньшиков (в нем что-то задерживающее его, какая-то цепляющая рогатка) и Страхов Федор Алексеевич, весь ясный, - я люблю его.

Нынче написал сцену в "Труп". Теперь запишу из книжечки.

[...] 4) Как у глаза есть веко, так у дурака есть самоуверенность для защиты от возможности поранения своего тщеславия. И оба, чем более берегут себя, тем менее видят - зажмуриваются.

5) Наши чувства к людям окрашивают их всех в один цвет: любим - они все нам кажутся белыми, не любим - черными. А во всех есть и черное и белое. Ищи в любимых черное, а главное - в нелюбимых белое. [...]

15 августа. Все эти дни был совершенно здоров, писал "Труп" - окончил. И втягиваюсь все дальше и дальше.

Софья Андреевна уехала в Москву и в гости. Сознание необходимости любви помогает мне. Замечаю на Лева. Тане лучше. В книжечке записано. (Нынче хуже.)

Записано:

1) Между старыми и молодыми, если оба нормальны, происходит странное недоразумение. Человек 20 лет, обращаясь к 5-летнему, знает разницу понимания и сообразно с этим обращается с ребенком. Но человек 50 лет не так уже обращается с 35-летним и даже с 20-летним. А разница та же. Та же даже и между 80-летним и 65-летним. От этого-то надо уважать старость и старикам уважать самих себя и не становиться на одну ногу с молодыми - спорить. Недоразумению этому помогает еще и то, что все человечество идет вперед, и молодой человек, усвоив то, что свойственно его времени, думает, что он сам впереди старика и что ему нечему учиться у него.

2) Если хочешь узнать себя, то замечай, что ты помнишь и что забываешь. Если хочешь узнать, что считаешь важным и что нет, замечай, что забываешь, что помнишь. То, что помнишь, вот это-то может быть предметом художественного произведения. Например: отчего упоминание об одном человеке напоминает другого, одного события - другое или человека. Вот в этой связи самое важное в твоём мировоззрении. По этим признакам узнаешь сам себя.

[...] 4) Брак, разумеется, хорошо и необходимо для продолжения рода; но если для продолжения рода, то (прекрасная выписка из Ницше) надо, чтобы родители чувствовали в себе силы воспитать детей не дармоедами, а слугами людям и богу. А для этого нужно быть в силах жить не трудами других, а своими, больше давая, чем беря от людей. У нас же буржуазное правило, что жениться можно только тогда, когда крепко сидишь на шее людей, то есть имеешь средства. Нужно как раз обратное: может жениться только тот, кто может жить и воспитать ребенка не имея средств. Только такие родители могут хорошо воспитать детей. [...]

21 августа 1900. Ясная Поляна. Писал драму и недоволен ею совсем. Нет сознания, что это - дело божие, хотя и многое исправилось: лица изменились.

Все тот же экзамен и все та же практика. Немного лучше. Нынче поднялся старый соблазн. Александр Петрович ушел. Вчера был Буланже с редактором. Читал George Eliot и Ruskin'a и очень оценил.

Нынче все яснее и яснее представляется обличение неверия и разбойничьего царства. Это нужно писать.

В книжечке записано:

[...] 2) Почему помнишь одно, а не помнишь другое? Почему Сережу называю Андрюшей, Андрюшу - Сережей? В памяти записан характер. Вот это, то, что записано в памяти без имени и названия, то, что соединяет в одно разные лица,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
предметы, чувства, вот это-то и есть предмет художества. Это очень важно. Надо разъяснить.

[...] 6) Признак развратности нашего мира – это то, что люди не стыдятся богатства, а гордятся им.

7) Вдруг стало ясно, что как несправедливо, когда старик говорит: пожил, пора и умереть. Старик не имеет права говорить так. Он – плод, зерно. Былку можно затоптать, но зерно надо съесть. Это не значит то, что старику надо бояться смерти; напротив, надо, не боясь смерти, жить. И тогда только легко жить и жизнь полезна, когда не боишься смерти.

8) Странное мое положение в семье. Они, может быть, и любят меня, но я им не нужен, скорее encombrant; [неудобен (фр.)] если нужен, то нужен, как всем людям. А им в семье меньше других видно, чем я нужен всем. От этого: несть пророк без чести... [...]

Нынче 26. Все эти дни, хотя и здоров, не писал. Начал о безверии. Переменил кое-что в драме, и к лучшему, но ничто не привлекает к работе, хотя и то и другое нравится.

Попробую записать.

1) Тем нехороша умственная работа, что, пока не влечет к ней, испытываешь праздность. А за работу физическую – сапоги, не хочется браться – и потому, что тяжело, и потому, что покажется ненатуральным. Думал, что если не можешь работать ни умственно, ни телесно, то все силы, всевнимание употребляй на то, чтобы быть любовным. Это работа и высшая и всегда возможная, даже в одиночестве: думать о людях с любовью.

2) Есть люди, одаренные в сильной степени нравственным и художественным чувством, и есть люди, почти лишенные его. Первые как бы сразу берут и знают интеграл. А вторые делают сложные вычисления, не приводящие их к окончательным выводам. Точно как будто первые проделали все вычисления где-то прежде, а теперь пользуются результатами. [...]

30 августа 1900. Ясная Поляна. 72 года. Все эти дни ничего не могу работать. Нет охоты. Думается кое-что хорошо – слава богу и благодарение добро. [...]

Любовь – это стремление к благу, которое до тех пор, пока мы признаем смысл в своей отдельной жизни, признается за стремление к своему личному благу, но есть сама сущность жизни, которая стремится к благу всего. Разум это уяснение средств достижения блага, – пока жизнь в личности; достижения блага личности, когда жизнь во всеобщем благе, в достижении этого всеобщего блага.

Как-то спросил себя: верю ли я, точно ли верю в то, что смысл жизни в исполнении воли бога, воля же в увеличении любви (согласия) в себе и в мире и что этим увеличением, соединением в одно любимого я готовлю себе будущую жизнь? И невольно ответил, что не верю так в этой определенной форме. Во что же я верю? спросил я. И искренне ответил, что верю в то, что надо быть добрым: смиряться, прощать, любить. В это верю всем существом. [...]

7 сентября 1900. Ясная Поляна. Был нездоров, нынче лучше. Все борюсь с собой. Иногда лучше. Хуже не бывает. И то хорошо. Соня у Маши. Андрюша уезжает. Ужасно видеть шестнадцать нагруженных подвод. Salomon и Сережа здесь. Работа не идет никакая. Журнал не устраивается. Сейчас пытался писать драму не идет.

Записано следующее:

[...] 3) Андрюша едет один в коляске, и ему кажется (да и всем почти, глядящим на него), что если он едет и одет так великолепно, то он имеет и соответствующие великолепию достоинства. Я сам всегда на себе это чувствовал при хорошем платье, обстановке. Как же вредна для духовной жизни роскошь! Самое вредное: без основания увеличивает знаменатель.

[...] 5) источник всех бедствий, от которых страдают люди, в том, что они хотят предвидеть будущее: сначала для себя каждый и для него работать, потом для семьи, потом для народа. Человек может только делать то, что должно,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
предоставляя жизни складываться так, как того хочет высшая воля или судьба.
Человек ходит, бог водит.

Зачем же дана человеку способность предвидеть будущее? И не могу ответить. Вижу, что предвидение и деятельность в виду будущего – источник зла, и то, что это предвидение необходимо для жизни: необходимо, сея семена, предвидеть, что будет лето и осень и что они вырастут и т. п. Возвращусь к этому.

[...] 9) Ученые объяснения большей частью производят то впечатление, что бывшее ясно и понятно становится темно и запутанно.

[...] 11) К большой драме думал о том, как изобразить доброе, хорошее существо, совершенно лишенное возможности понять христианское мировоззрение.

[...] 13) Все в жизни очень просто, связно, одного порядка и объясняется одно другим, но только не смерть. Смерть совсем вне этого всего, нарушает все это, и обыкновенно ее игнорируют. Это большая ошибка. Напротив, надо так свести жизнь с смертью, чтобы жизнь имела часть торжественности и непонятности смерти, и смерть – часть ясности, простоты и понятности жизни.

14) К малой драме: умирая, Федя говорит:

а может быть, я ошибся. Ну да что сделано, то сделано. Несите.

Нынче 22 сентября 1900. Ясная Поляна. Все это время плохо работал. И работал-то дело пустое. Галя Черткова пишет, что не дам ли я напечатать два начала воззваний. Я начал пересматривать и все над этим работал. В одном вписал недурное о том, что у христианских народов нет никакой религии.

Все время в очень дурном, недобром расположении духа. Вспоминание о том, что во мне бог, уж не помогает.

Был у Маши и у брата Сережи. Очень хорошо был у Андрюши. Жду чего-то. А ждать нечего, кроме труда, хорошего, божеского труда, и смерти. Здоровье слабо. Последнее время тоска, знобит и жар. В эту минуту, 11 часов вечера, мне хорошо. Таня уехала. Нынче от нее милое письмо. Соня в Москве.

Записано следующее:

1) Мне кажется, что как есть критический половой возраст и многое решается в этом возрасте, так есть критический духовный возраст – около 50 лет, когда человек начинает серьезно думать о жизни и решать вопрос об ее смысле. Обыкновенно решение этого времени бесповоротно. Беда, если оно ошибочно. [...]

Нынче 5 октября 1900. Ясная Поляна. Все тем же занят. Одну, о земельном труде, послал. Над другой все работаю. Выл бодрый Буланже. Журнал не брошен. Что выйдет. Здоровье хорошо. Была тоска, но напрасно сказал, что сознание бога в себе не помогает. Помогает. Читаю китайских классиков. Очень важно. Написал десять писем. Есть кое-что записать, но нынче некогда.

9 октября. Здоровье продолжает быть хорошо. Было много посетителей, кроме Дунаева с дочерью и Ив. Ив. Бочкарева, все литературные: Веселитская (очень приятно), Тотомианц, молодой марксист, тоже приятный; вчера Поссе и Горький. Эти менее приятны. Состояние духа среднее.

[...] Все кончаю "неужели это так надо?". Кажется, нынче окончательно и завтра пошлю.

Читаю мало. В эту минуту малое напряжение мысли.

За эти дни важно было то, что я, не помню уж по какому случаю, кажется после внутреннего обвинения моих сыновей, – я стал вспоминать все свои гадости. Я живо вспомнил все, или, по крайней мере, многое, и ужаснулся. Насколько жизнь других и сыновей лучше моей. Мне не гордиться надо и прошедшим, да и настоящим, а смириться, стыдиться, спрятаться – просить прощение у людей. Написал: у бога, а потом вымарал. Перед богом я меньше виноват, чем перед людьми. Он сделал меня, допустил меня быть таким. Утешение только в том, что я не был зол никогда; на совести два-три поступка, которые и тогда мучали, а жесток я не был. Но все-таки

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
гадина я отвратительная. И как хорошо это знать и помнить. Сейчас становишься добрее к людям, а это главное, одно нужно.

[...] 2) Литераторам, их трудам приписывается неподобающее им значение и важность, потому что в руках литераторов – пресса, устанавливающая общественное мнение. Только этим можно объяснить эти странно серьезные рассуждения критиков о значении героев поэм, романов... Тем же объясняется и преувеличенное значение, придаваемое искусству. Они все одной клики.

[...] 4) Страшный, неразрешимый вопрос: как могут люди умные, образованные – католики, православные – верить в нелепости церковной веры, может быть объяснен только гипнозом. В детском возрасте и потом в минуты подавленного состояния людям внушаются идеи, и они так крепко засаживаются, что люди потом не в силах освободиться от них. Читая прошлого года книги о гипнозе, я не нашел в них ответа на вопрос: как освободиться от гипноза? Я думаю, что одно средство: нарушение связи с гипнотизатором, естественный образ жизни и главное подъем в область духовной самостоятельности.

Об этом надо подумать. Это ужасно важно.

Говорят: гипнотизаторы подлежат суду за внушение поступков противозаконных. А внушение в детском, восприимчивом к гипнозу возрасте всех ужасов церковной веры не только не запрещается, но запрещается невнушение. Это ужасно. [...]

[7 октября] Утром долго не мог взяться за работу, потом опять поправил конец и чувствую, что все еще не кончил. Погулял. Дождь.

Неприятное впечатление, которое в то время, как получил, не успел преодолеть: это Левине, переписываемое девочками какое-то писание. Tout comprendre... [Tout comprendre c'est tout pardonner. – Все понять – значит все простить (фр.)]

Ездил верхом далеко по тульской дороге и кое-что думал. Запишу прямо сюда, а не в книжку.

1) Если человек все говорит про поэтическое, знайте, что он лишен поэтического чувства. То же о религии, о науке (я любил говорить о науке), о доброте – тот зол. [...]

16 октября. Ясная Поляна. 1900. Завтра, если ничто не помешает, еду к Тане. Все это время был здоров. [...] Да еще дни три назад упал и повредил больную руку. Теперь лучше.

Несмотря на хорошее здоровье, за эти дни ничего не делал видного. Кончил: "Неужели так надо?" и, отослав, ни за что не брался. Здоров и умственно бездеятелен. Только третьего дня гулял, много хорошо думал – только не до конца. Немирович-Данченко был о драме. А у меня к ней охота прошла.

"Не убий" во всех газетах, даже в итальянских, с исключениями. Жду посетителей. [...]

[28 октября] Нынче 27 октября 1900. Кочеты. Я у Тани уже десять дней и не писал ни дневника, ничего, хотя здоровье хорошо. Нынче не 27, а 28.

[...] думал:

1) Жизнь есть постоянное творчество, то есть образование новых высших форм. Когда это образование на наш взгляд останавливается или даже идет назад, то есть разрушаются существующие формы, то это значит только то, что образуется новая, невидимая нам форма. Мы видим то, что вне нас, но не видим того, что в нас, только чувствуем это (если не потеряли сознания и не признаем видимого внешнего за всю нашу жизнь). Гусеница видит свое засыхание, но не видит бабочки, которая из нее вылетит.

2) Память уничтожает время: сводит во единое то, что происходит как будто врозь.

3) Сейчас ходил и думал: есть религия, философия, наука, поэзия, искусство большого большинства народа:

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

религия, хотя и прикрытая суевериями, вера в бога – начало, в неистребимость жизни; философия бессознательная: фатализма, матерьяльности и разумности всего существующего; поэзия сказок, жизненных истинных событий, легенд; и искусство красоты животных, произведений труда, вырезушек и петушков, песен, пляски. И есть религия истинного христианства: философия от Сократа до Амиеля, поэзия: Тютчев, Мопассан – искусство (не могу найти примеров живописи) – Шопен в некоторых произведениях, Гайдн. И есть религия, философия, поэзия, искусство толпы культурной: религия – евангелики, Армия спасения, философия – Гегель, Дарвин, Спенсер, поэзия – Шекспир, Дант, Ибсен. Искусство – Рафаэль, декаденты, Бах, Бетховен, Вагнер.

[...] 9) Есть аристократия не ума, но нравственности. Такие аристократы те, для которых нравственные требования составляют мотив поступков.

10) Думал о том, что если служить людям писанием, то одно, на что я имею право, что должен делать, это – обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат.

[30 октября] Начал утром писать послание китайцам. Мало и плохо написал начало. Разговаривал хорошо с Александром Михайловичем и с приехавшими Шепелевыми.

Все не совсем здоров – как будто лихорадка, но желудок хорош. Ничего не записал. Писем нет.

31 октября. 1900. Кочеты. Е. б. ж.

Пишу вечером. Ездил верхом. Утром получил письма, прочел и написал. Послезавтра хочу ехать. Все та же слабость и бездействие. Ничего не записал.

7 ноября 1900. Москва. Е. б. ж.

Мне очень было тяжело до тех пор, пока не сознал того, что это-то одно и нужно мне: нужно готовить не [к] будущей жизни себя, а, живя хорошо этой жизнью, готовить будущую жизнь.

[...] 2) думал о трех статьях: 1) письмо китайцам, 2) о том, что всё на убийстве, и 3) что у нас quasi-христиан нет никакой религии. Об этом много думал хорошего, гуляя нынче:

1) о могуществе человека дикого, смягчаемого патриархальным гостеприимством; 2) о страшном могуществе нашего мира, ничем не смягчаемом; 3) о том, что историческая судьба заставила принять христианство, и 4) главное, о том, что техника: порох, ружья, телеграфы дают подобие мира, скрывают постоянно убийство или угрозу его.

12 ноября 1900. Москва. (Утро.) Здоровье очень хорошо. Ничего не пишу, занимаюсь Конфуцием, и очень хорошо. Черпаю духовную силу. Хочу записать, как я понимаю теперь "великое учение" и "учение середины". [...]

2) Поразило меня известие, что княгиня Вяземская, квинтэссенция будто бы аристократии: упряжки а la Daumon, и французский лепет, и на ее имя в Тамбовской губернии 19 кабаков, приносящих по 2000 рублей. И они говорят – не о чем писать, и описывают прелюбодеяния. [...]

14 ноября 1900. Москва. Получил тяжелое известие от Маши. Написал письма Сереже, Маше, Марии Александровне. Занимаюсь Конфуцием, и все другое кажется ничтожным. Кажется, порядочно. Главное то, что это учение о том, что должно быть особенно внимательным к себе, когда один, сильно и благотворно действует на меня. Только бы удержалось в той же свежести.

18 ноября 1900. Москва. Утро. Здоровье лучше. Писать ничего не хочется. Обдумываю без лени кое-что. Вчера узнал, что журнал будет разрешен. Надо быть готовым бросить его равнодушно.

[...] Слышал разговоры о Лёвином сочинении и заглянул в книгу и не могу победить отвращения и досады. Надо учиться.

Опять пишу утром, 19 ноября 1900. Москва. Потому утром, что ничего не могу

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

делать. Стараюсь приучиться к этому и не роптать. Внутренняя работа идет, и потому не только не роптать, но радоваться надо. Удивительно устроен человек. Или здесь работай, или готовься для работы там. Самая же лучшая работа здесь тогда, когда готовишься для работы там.

Много ходил с Михаилом Сергеевичем. Я его начинаю просто любить. Был у Буланже. Он очень болен. Говорил с Филипповым о марксизме. [...]

23 ноября 1900. Москва. Продолжается все та же слабость, но, слава богу, продолжается и то же душевное спокойствие, по крайней мере, увеличение этого спокойствия и доброты.

Конфуция – учение о том, чтобы быть особенно внимательным к себе, когда один, все еще приносит плоды.

Думал за это время:

1) Песня Капказ; 2) Все забыл, а было 3. Помню только:

1) Мы, богатые классы, разоряем рабочих, держим их в грубом непрестанном труде, пользуясь досугом и роскошью. Мы не даем им, задавленным трудом, возможности произвести духовный цвет и плод жизни: ни поэзии, ни науки, ни религии. Мы все это беремся давать им и даем ложную поэзию – "Зачем умчался на гибельный Капказ" и т. п., науку – юриспруденцию, дарвинизм, философию, историю царей, религию – церковную веру. Какой ужасный грех. Если бы только мы не высасывали их до дна, они бы проявили и поэзию, и науку, и учение о жизни.

Нездоровится сейчас.

26 ноября 1900. Москва. Утро. Вот уже больше месяца, с переезда к Тане 18-го октября, что я ничего не пишу; мне, по крайней мере, кажется, что не могу работать: нет охоты, нет мыслей, нет веры в важность своих мыслей, в возможность выразить их связно. Радуюсь тому, что это не мешает мне работать нравственно и, кажется, что не совсем безуспешно: нет недоброжелательства. Успех в добре тем еще хорош, что нельзя гордиться, тщеславиться, даже утешаться им. Успех этот только тогда успех, когда он незаметен самому себе. [...]

28 ноября. Москва. 1900. Утро. Все та же апатия. Вчера читал статью Новикова и получил сильное впечатление: вспомнил то, что забыл: жизнь народа нужду, унижение и наши вины. Ах, если бы бог велел мне высказать все то, что я чувствую об этом. Драму "Труп" надо бросить. А если писать, то ту драму и продолжение "Воскресения". [...]

1 декабря. 1900. Москва. Все больше и больше привыкаю к своему состоянию и сознаю благотворность его. Вчера была куча посетителей. Все ничего не пишу и даже не отвечаю письма. Все болит и слабость.

1) Какое ужасное свойство самоуверенность, довольство собой. Это какое-то замерзание человека: он обрастает ледяной корой, сквозь которую не может быть ни роста, ни общения с другими, и ледяная кора эта все утолщается и утолщается. Навели меня на эти мысли мои отношения с многими людьми: это все, ужасно сказать, свиньи, перед которыми нельзя кидать жемчуга. Видишь, что он несчастен от заблуждения, в котором находится, живешь с ним, говоришь и знаешь то, что облегчит, спасет его – и не можешь сказать ему, а впрочем. [...]

8 декабря. За это время получил письмо из Канады о женах, желающих ехать к мужьям в Якутскую область, и написал письмо государю, но еще не послал.

[...] От Маши милое письмо. Как я люблю ее, и как радостна атмосфера любви, и как тяжела обратная.

За это время думал:

1) Всякое философское и религиозное учение есть только учение о том, что должно делать. И вот на эту мерку, если примерить учение Ницше?

Ах, как мне тяжело, тяжело, умильно тяжело. Если бы всегда оставалось так!

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

2) Один человек придумывает себе предлоги, чтобы спешить, не поспевать, делать торопливо, он весь суета; другой видит во всем повод злобы, третий – во всем повод своего возвеличения, четвертый – во всем повод печали, пятый – во всем повод любви. И все совершающиеся события, которыми пользуются эти люди для проявления себя, – ничто, одна иллюзия; важны же духовные свойства этих людей, их сочетания, взаимодействие. В этом одном жизнь, истинная реальность. [...]

Нынче 15. Событие то, что Давыдов одобрил письмо государю и взялся послать его. Стараюсь устранить в своем сознании себя от этого дела, только чтобы была забота о деле.

Соня в Ясной. Я был вчера нездоров, жар. Нынче совсем хорошо. Проезжал Лева. Мне было с ним лучше. Хотя пассивная гимнастика была, и очень сильная.

[...] 2) Прошел мимо лавчонки книг и вижу "Крейцерову сонату". И вспомнил: и "Крейцерову сонату", и "Власть тьмы", и даже "Воскресение", я писал без всякой думы о проповеди людям, о пользе, и между тем это, особенно "Крейцера соната", много принесло пользы. Не то ли и с "Трупом"?

[...] 5) Думал о том, что Шопенгауэра "Parerga und Paralipomena" гораздо сильнее его систематического изложения.

Мне не надо (да и некогда), главное, не надо писать систему. Из того, что я здесь записываю, выяснится мой взгляд на мир, и если он нужен кому, то им и воспользуются.

6) Сейчас Саша грубо сказала. Я огорчился, а потом постарался вызвать любовь, и все прошло. Как удивительно любовь все, все развязывает.

7) Очень важная дорогая мне мысль. Обыкновенно думают, что на культуре, как цветок, вырастает нравственность. Как раз обратное. Культура развивается только тогда, когда нет религии и потому нет нравственности (Греция, Рим, Москва). Вроде жирующего дерева, от которого незнающий садовод будет ждать обильного плода оттого, что много пышных ветвей. Напротив, много пышных ветвей оттого, что нет и не будет плода. Или толка яловая.

19 декабря. 1900. Москва. Все эти четыре дня был нездоров и очень слаб. Нынче лучше. Был Лева и начал разговор о своем писанье. Я огорчил его, сказав правду. Нехорошо. Надо было сделать мягче, добрее.

За это время много надо записать. Написал письма все.

Записываю следующее:

[...] 2) Художник для того, чтобы действовать ef7 на других, должен быть ищущим, чтоб его произведение было исканием. Если он все нашел и все знает и учит или нарочно потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках. [...]

Нынче 29 декабря 1900. Москва. У Левы умер ребенок. Мне их очень жаль. Всегда в горе есть духовное возмездие и огромная выгода. Горе – бог посетил, вспомнил... Таня родила мертвого и очень хороша, разумна. Соня в Ясной. Здесь Илья. Поразительно ребячлив.

Пришел старичок из Нижнего. Я все не работаю, слаб и по вечерам разбит. Духом хуже, чем был.

Записать надо следующее:

1) Читал об удивительных машинах, заменяющих труд и страдания человека. Но это все равно, как выдумать сложный аппарат, посредством которого можно сечь и убивать без труда и напряжения. Проще не сечь и не убивать. Так и машины, производящие пиво, вино, бархат, зеркала и т. п. Вся сложность нашей городской жизни в том, что придумают себе и приучат себя к вредным потребностям, а потом все усилия ума употребляют на то, чтобы удовлетворять им или уменьшать вред от удовлетворения их: вся медицина, гигиена, освещение и вся городская вредная жизнь. Прежде, чем говорить о благе удовлетворения потребностей, надо решить, какие потребности составляют благо. Это очень важно.

2) Читал Ницше "Заратустра" и заметку его сестры о том, как он писал, и вполне убедился, что он был совершенно сумасшедший, когда писал, и сумасшедший не в метафорическом смысле, а в прямом, самом точном: бессвязность, перескакивание с одной мысли на другую, сравнение без указаний того, что сравнивается, начала мыслей без конца, перепрыгивание с одной мысли на другую по контрасту или созвучию и все на фоне пункта сумасшествия - *idee fixe* [навязчивая идея (фр.)] о том, что, отрицая все высшие основы человеческой жизни и мысли, он доказывает свою сверхчеловеческую гениальность. Каково же общество, если такой сумасшедший, и злой сумасшедший, признается учителем?

3) Когда человек ищет благо во всем, кроме любви, он все равно как во мраке ищет пути. Когда же он познал, что благо и его и всего существующего - в любви, так солнце взошло, и он видит свой путь и не может уже хвататься за то, что не дает ему благо. [...]

31 декабря 1900. Москва. Все не пишу и очень нравственно низок. Сейчас получил письмо от господина, устраивающего библиотеку. Он как будто укоряет меня в корыстолюбии при продаже моих сочинений: налог на бедных и т. п.... И мне стало ужасно обидно, что он, не зная моего отношения к этому, подозревает, упрекает меня. Мало того, я почувствовал к нему ненависть и был в недоумении, как поступить: молчать, сказать, чтобы обратился в склад к жене. И все было нехорошо. Хотел подняться выше этого и не мог, до тех пор пока не догадался, что все дело в моем отношении к нему. Надо не ненавидеть, а любить его: разъяснить ему его ошибку, ему помочь. Да, только одна любовь развязывает все узлы. Думал:

1) О том, что дети это увеличительные стекла зла. Стоит приложить к детям какое-нибудь злое дело и то, что казалось по отношению взрослых только нехорошим, представляется ужасным по отношению детей: несправедливость сословий, еврейство, разврат, убийство...

2) Думал нынче о том, что главная неестественность драматических произведений есть то, что говорят все лица одинаково долго и их слушают. В действительности это не так: каждое лицо имеет возможность говорить и выслушивать по свойствам своего характера и ораторского искусства. Хотел так переделать свою драму. Да видно, мое сочинительство кончилось. Что ж, и то хорошо.

1 января нового года и столетия. Е. б. ж.

Дневник - 1901

[1 января 1901 г. Москва] Пишу утром, потому что ничего не делаю, кроме чтения. Читал "Six Systems of Indian Philosophy" и отчет министра финансов. И остаюсь равнодушен к тому и другому. [...]

9 января 1901. Москва. Ничего не писал все это время, кроме ничтожных писем. Последнее время был нездоров и теперь еще не хорош. От Черткова письма о неупотреблении денег и упреки за намерение участвовать в журнале. [...]

19 января 1901. Москва. Все это время был нездоров и слаб. В выдавшиеся хорошие дни написал длинное письмо к Серебренникову в Нижний. Душевное состояние довольно хорошо, если бы только поменьше празднословия.

За это время записано:

1) Люди живут - своими мыслями, чужими мыслями, своими чувствами, чужими чувствами (то есть понимать чужие чувства, руководствоваться ими). Самый лучший человек тот, который живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, самый худший сорт человека - который живет чужими мыслями и своими чувствами. Из различных сочетаний этих четырех основ, мотивов деятельности все различие людей.

Есть люди, не имеющие почти никаких, ни своих, ни чужих мыслей, ни своих чувств и живущие только чужими чувствами; это самоотверженные дурачки, святые. Есть люди, живущие только своими чувствами, - это звери. Есть люди, живущие только своими мыслями, - это мудрецы, пророки; есть - живущие только чужими мыслями, - это ученые глупцы. Из различных перестановок по силе этих свойств вся сложная музыка характеров.

[...] 5) Мужчина должен подняться до целомудрия женщины, а не женщина, как это происходит теперь, спуститься до распущенности мужчины.

[...] 8) Помочь нужде других можно только жертвой.

Жертва всегда тиха, легка и радостна. Люди же желают помогать, не жертвуя - через других. И для этого всегда нужен шум и усилия, и даже страдания. И люди, пытающиеся помогать так, всегда и хвастаются и жалуются.

9) Мы все - и это не сравнение, а почти описание действительности вырастаем и воспитываемся в разбойничьем гнезде, и только когда вырастем и оглядимся, то понимаем, где мы и чем мы пользуемся. И вот тут-то начинаются различные отношения к этому положению; одни пристают к разбойникам и грабят, другие думают, что они не виноваты, если только пользуются грабежом, не одобряя его и даже стараясь прекратить его, третьи возмущаются и хотят разрушить гнездо, но они слабы, и их мало. Что же надо делать? [...]

6 февраля. Москва. 1901. Как ужасно давно не писал. Все время не совсем здоров, или, стареясь, приближаюсь к смерти. За это время ничего не написал, кроме неважных писем. Немного ослабел в внимании к себе, но не могу жаловаться. Соблюдаю спокойствие и доброжелательство. Нынче должна приехать Таня. Была свадьба Миши. Боюсь, что она еще больше, чем большинство женщин, нерелигиозна. А может быть, и совсем обратное. Дай-то бог.

Записано довольно много и казалось важным.

1) Главное, надо стараться разрушить постоянно поддерживаемый правительством обман, что все, что оно делает, оно делает для порядка, для блага подданных. Все, что оно делает, оно и делает или для себя (грабит покоренных), или для того, чтобы leur donner le change [ввести в заблуждение (фр.)] и уверить их, что оно делает это для них.

[...] 6) Приспособления для ласкания внешних пяти чувств, как красивое убранство жилищ, утвари, а главное одежд, особенно женских, есть то, что разжигает похоть. Как музыка, духи, гастрономическая пища, гладкие, приятные на ощупь поверхности. Блеск, свет, красота солнца, деревьев, травы, неба, даже вид человеческого тела без искусственных украшений, пенья птиц, запахи цветов, вкус простой пищи, плодов, осязание природных вещей не вызывает похоти. Ее вызывают электрическое освещение, убранство, наряды, музыка, духи, гастрономические блюда, гладкие поверхности.

Нынче 8 февраля 1901. Москва. Вчера в первый раз понял, и понял на NN, сдержанном, холодном и хитром, как и отчего он и все те, кто не разделяет христианского взгляда на жизнь, ненавидят и должны ненавидеть, и не меня, а то, что я исповедую. Отделить же то, что я исповедую, от меня слишком трудно.

[...] 11) Задумался хорошо, свежо, снова о том, что такое время. И всем существом почувствовал его реальность или, по крайней мере, реальности того, на чем оно основано. Основано оно на движении жизни, на процессе расширения пределов, которое не переставая происходит в человеке. Пускай само время категория мышления, но без движения жизни его бы не было. Время есть отношение движения своей жизни к движению других существ. Не оттого ли оно идет медленно в начале жизни и быстро в конце, что расширение пределов совершается все с увеличивающейся и увеличивающейся быстротой? Мера скорости - в сознании расширения. В детстве я подвинусь на вершок в то время, как солнце обойдет свой годовой круг и месяц свои двенадцать и тринадцать кругов, а в старости я подвинусь на два вершка, пока солнце обойдет круг и месяц свои двенадцать. Так как мера во мне, то я и говорю, что скоро.

Быстрота расширения подобна падению - обратно пропорциональна квадрату расстояний от смерти. [...]

11 февраля. Москва. 1901. Жив, но очень слаб и, главное, дурен. Борюсь и не могу побороть недобрые чувства к людям. Не отдаюсь им, но и не одолеваю. Читаю книгу Чичерина: "Наука и религия". Точка зрения верна, но самоуверенность, туманность выражения, предвзятые мысли, - и оттого легкомысленно и sans portee [незначительно (фр.)]. Пропать писем, на которые не могу отвечать. Одно в моем

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
душевном состоянии хорошо, это то, что не только без ропота, но иногда с удовольствием смотрю на страдания и приближение смерти.

В книжечке ничего не записано.

Вчера был Янжул. Я спросил его о том, что он думает о смерти, об уничтожении или неуничтожении. Он не понимает так же, как не понимает корова. И сколько таких людей! А ты разговариваешь с ними и огорчаешься, что они не соглашаются! Тут ужасно трудно установление такого отношения, чтобы не презирать, а любить их, как любишь животных, не требуя от них большего, чем чего требуешь от животных. Главное то, что многие из них сами разрушают это отношение, вступая в споры о том состоянии души, которое недоступно им. Написал и думаю: как нехорошо то, что я написал. Это нарушает братство людей. Пускай они в том состоянии, в каком находятся теперь, как дети (а не животные), не понимают. Относись к ним всегда с уважением, как к понимающим. Это тебе тяжело, больно, что они оскорбляют самое дорогое тебе: Терпи. Ты не знаешь, когда они проснутся. Может быть, сейчас, и ты, твои слова – то самое, что пробудит их.

Читал речь на сельскохозяйственном съезде. Напыщенно, бессодержательно, глупо и самоуверенно. Мы все хотим помогать народу; а мы – нищие, которых он кормит, одевает. Что могут дать нищие богатым? Это надо понять раз навсегда, и тогда исправится наше отношение к народу. Только посторонитесь вы, пристающие к нему нищие, не мешайте ему, как нищие в Италии, и он все сделает, и не те глупости, которые вы предлагаете ему, а то, о чем вы и понятия не имеете.

Еще думал, что обращение к китайцам надо оставить. А прямо озаглавить: "Безбожное время" или "Новое падение Рима". И прямоначать с указания на отсутствие религии.

Прошел почти месяц. Нынче 19 марта. За все это время ничего не написал, кроме обращения к царю и его помощникам, и кое-какие изменения, и все скверные, в "Хаджи-Мурате", за которого взялся не по желанию.

За это время было странное отлучение от церкви и вызванные им выражения сочувствия, и тут же студенческие истории, принявшие общественный характер и заставившие меня написать обращение к царю и его помощникам и программу. Старался руководиться только желанием служить, а не личным удовлетворением. Еще не посылал. Как будет готово, пошлю. Все время болею и болями в ногах и теле, и желудком. Нынче лучше.

Записано в книжке следующее:

[...] 5) Пришел Александр Петрович, я его очень холодно принял, потому, что он бранил меня. Но когда он ушел, я лишился покоя. Где же та любовь, то признание целью жизни увеличение любви, которое ты исповедуешь? – говорил я себе; и успокоился тогда, когда исправил. Это иллюстрация того, как слабо укоренилось в душе то, что исповедуешь, но вместе с тем и того, что оно пустило корешки. Еще нет того, чтобы на всякий запрос был ответ любви, но уже есть то, что когда отступил от этого, то чувствуешь необходимость поправить. Не сразу отзывается, а fait long t'eu [медленно производит свое действие (фр.)].

б) У женщин только два чувства: любовь к мужчине и к детям, и выводные из этих чувств, как любовь к нарядам для мужчин и к деньгам для детей. Остальное все головное, подражание мужчинам, средство привлечения мужчин, притворство, мода.

[...] 12) что больше живу, то больше ужасаюсь на последствия алкоголя и никотина. Не говоря о тех явных, грубых последствиях увеличения преступности, заболеваний, страшной траты жизней, эти наркотики сбивают с людей (это особенно заметно в нашем кругу) верхи мыслей и чувств, самый главный и нужный цвет разума. От этого видишь людей, которые могут служить, писать книги, производить художественные вещи, но не могут понимать самого главного: смысла жизни, и даже полагающие, что этого совсем и не нужно. Какие-то духовные кастраты. И имя им легион. Я окружен ими.

Нынче 28 марта 1901. Москва. Третьего дня посланы обращения царю и другим. За это время писал ответ неизвестным корреспондентам и немного "Хаджи-Мурата". Записано только одно – то, что стало совершенно ясно, что все наше православие есть колдовство от страха. И корень всего – вера в чудесное. Хорошее письмо от

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Власова. Вчера вечером, сидя один, живо вообразил себе смерть: заглянул туда или, скорее, представил себе всю ожидающую перемену с такой ясностью, как никогда, и было немного жутко, но хорошо.

31 марта. Москва. 1901. Утро. "Ответ Синоду", кажется, кончил. Из Петербурга ничего. Написал маленький адрес петербургским литераторам. Продолжаются приветствия и ругательства. Здоровье хорошо. Хотел кончить "Хаджи-Мурата", но не работалось. Письмо от Черткова. Отвечал ему. Ничего интересного.

9 дней не писал. Нынче 8 апреля 1901. Москва. Несколько раз хворал. Кончил ответ, нынче написал письма. Больше ничего не делал. Собрал матерьял для "Памятки". Все продолжают адреса и приветствия.

Записано:

- 1) Главная причина религиозного консерватизма – это то, что хорошо живется – эгоизм.
- 2) Есть характеры, которые забывают все, что они сделали дурного другим, и хвастаются этим, и помнят все, что им сделали.
- 3) Скажи, как ты перешел от бдения к сну и в чем состоит этот переход? Также невозможно понять и сказать, в чем состоит переход от жизни к смерти.
- 4) Сколько труда для подавления и предупреждения восстаний: и тайная, и явная полиция, и шпионы, и тюрьмы, и ссылки, и войска! И как легко уничтожить причины восстания.
- 5) Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям. Это были: школы, посредничество, голодающие и религиозная помощь.

Вчера читал и смотрел картины мучений в французских дисциплинарных батальонах и разрыдался от жалости и к тем, которые страдают, и больше к тем, которые обманывают и развращают.

22 апреля 1901. Москва. Долго не писал. Все болен. Руки, ноги болят и слабость. Надо приучаться жить, то есть служить, и больному, то есть до смерти. "Ответ" производит, кажется, хорошее действие. Да это не мое дело. Ничего не писал. А нужно: 1) ответить письма; 2) написать Поше о воспитании; 3) к военным; 4) об отсутствии религии; 5) окончить "Хаджи-Мурата". Это все на мази, и надо делать. А я ничего не делаю.

Записано следующее:

[...] 7) Есть три отрасли педагогики, потому что есть три рода мышления: 1) логический, 2) опытный и 3) художественный. Наука, учение есть не что иное, как усвоение того, что думали до нас умные люди. Умные люди думали всегда в этих трех родах: или делали логические выводы из положения – мысли: математика и математические науки; или наблюдали и, отделив наблюдаемое явление от всех других, делали выводы о причинах и следствиях явлений; или описывали то, что видели, знали, воображали. Короче: 1) мыслили, 2) наблюдали и 3) выражали. И потому три рода наук: 1) математические, 2) опытные и 3) языки. [...]

29 апреля 1901. Москва. Здоровье лучше, но хуже, чем было. Рад, что могу работать. Пишу письмо о воспитании. Народную программу бросил. Душевное состояние хорошо, спокоен и большей частью добр. Запишу, что думал, после.

7 мая 1901. Москва. Завтра хотим уехать. Здоровье получше.

1) Ужасен тип людей, желающих быть всегда правыми. Они готовы осудить невинных, святых, самого бога, только бы быть правыми.

[...] 4) Видел во сне тип старика, который у меня предвосхитил Чехов. Старик был тем особенно хорош, что он был почти святой, а между тем пьющий и ругатель. Я в первый раз ясно понял ту силу, какую приобретают типы от смело накладываемых теней. Сделаю это на Хаджи-Мурате и Марье Дмитриевне.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[...] 7) Думал о требованиях народа и пришел к мысли, что главное свойство земли; что если бы было установлено отсутствие собственности земли, а принадлежность ее тому, кто ее обрабатывает, то это было бы самым прочным обеспечением свободы. Более прочным, чем habeas corpus [неприкосновенность личности (лат.)]. Ведь и habeas corpus не есть физическое обеспечение, а только нравственное, то, что человек чувствует себя вправе защищать свой дом. Точно так же и еще больше он должен чувствовать себя вправе защищать свою землю, ту, с которой он кормит семью.

Тут Таня милая. Получил от Черткова письмо о свободе печати и боюсь, что неприятно ответил. Написал длинное письмо о воспитании.

10 мая 1901. Ясная Поляна. Два дня, как приехал. Здоровье лучше, но не совсем. Не писал оба дня. Гулял и думал. Приятно уединение. Но я не добр, и оттого не радостно. Хотел записать много из книжечки, теперь 12 часов ночи, но болит живот и отложил. Завтра, е. б. ж.

С левой хорошо.

11 мая 1901. Ясная Поляна. Вечер. Записываю то, что в книжечке:

1) Вписать в предисловие о "Buttnerbauer'e", что Орлову есть что сказать, и он умеет сказать: А сказать ему есть то, что он любит мужика, того, кто кормит нас. От этого же обратили внимание на Горького. Мы все знаем, что босяки – люди и братья, но знаем это теоретически; он же показал нам их во весь рост, любя их, и заразил нас этой любовью. Разговоры их неверны, преувеличенны, но мы все прощаем за то, что он расширил нашу любовь.

[...] 10) Отыскивая причину зла в мире, я все углублялся и углублялся. Сначала причиной зла я представлял себе злых людей, потом дурное общественное устройство, потом то насилие, которое поддерживает это дурное устройство, потом участие в насилии тех людей, которые страдают от него (войско), потом отсутствие религии в этих людях, и, наконец, пришел к убеждению, что корень всего религиозное воспитание. И потому, чтобы исправить зло, надо не сменять людей, не изменять устройство, не нарушать насилие, не отговаривать людей от участия в насилии и даже не опровергать ложную и излагать истинную религию, а только воспитывать детей в истинной религии. [...]

Нынче, кажется, 13 мая 1901. Ясная Поляна. пишу утром. Ничего не работается второй день. Мы одни с Соней, мне хорошо. кое-что обдумываю, но не могу найти формы и подразделения предметов; кроме художественных работ: 1) о религии и отсутствии ее, 2) о воспитании, 3-е о требованиях народа земля (habeas corpus), 4-е – об открытых картах, что власть держится только войском. [...]

Нынче 8 июня. Не писал почти месяц. Здоровье получше. Отношения со всеми домашними хороши.

Пишу "к рабочему народу". Саша старательно переписывает. Записано около шестнадцати пунктов. Напишу теперь хоть несколько:

1) Работа физическая без напряжения сверх силы вызывает добродушное желание общения. Шел мимо сторожа. Он пашет, собаки набросились, а он добродушно хвалится собаками.

2) Все на свете растет, продолжительно изменяется, делая спиральные круги. Так, по крайней мере, нам кажется; и жизнь людей – круг спирали завершается в этой жизни, – так и животные, и растения, и планеты.

3) Ужасно одиноко положение того, кто не чувствует своего единения со всеми отдельными существами. Когда подумаешь о всех людях, существах, живущих отдельно, – ужас берет. Успокаивает и радует даже, когда их обнимаешь разумом и любовью. [...]

Нынче 9 июня. Ясная Поляна. 1901. Хочу записать:

1) Одно из самых вредных дел, в особенности для той самой цели, которой хотят достигнуть, есть обучение искусству, то есть тем образцам, которые считаются лучшими, тому вкусу, который царствует. Ничто так не задерживает развития

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
искусства. Разве мы не знаем, какие уродливые вкусы считались высшими и какие безобразия – образцами. [...]

16 июля. Ясная Поляна. 1901. Больше месяца не писал. Был тяжело болен с 27 июня, хотя и перед этим недели две было нехорошо. Болезнь была сплошной духовный праздник: и усиленная духовность, и спокойствие при приближении к смерти, и выражения любви со всех сторон...

Кончил "Единственное средство". Не особенно хорошо, слабо.

Записываю то, что давно записано.

[...] 3) Для того чтобы быть услышанным людьми, надо говорить с голгофы, запечатлеть истину страданием, еще лучше – смертью.

[...] 5) Страшная непобедимая сила в мирских делах – жестокость, непризнание обязательности своих обещаний и слов и наглая ложь.

6) Китайцы говорят: мудрость в том, чтобы знать, что ты знаешь то, что знаешь, – и знаешь, что не знаешь, чего не знаешь; я прибавляю к этому: еще большая мудрость знать, что нужно знать и чего можно не знать и что знать прежде и что после.

[...] 9) Женщин узнают только мужья. Только муж видит их за кулисами. От этого Лессинг и говорил, что все мужья говорят: одна была дурная женщина, и та моя жена. Перед другими же они так искусно притворяются, что никто не видит их, какие они в действительности, в особенности пока они молоды.

10) Главная способность женщин это – угадыванье, кому какая роль нравится, и играть ту роль, которая нравится.

11) Материнство – их настоящая жизнь и великое дело, а они воображают, что материнство мешает им жить, то есть притворяться, по вкусу избранных мужчин. [...]

18 августа 1901. Ясная Поляна. Ровно месяц не писал. За это время написал две памятки – не дурно. Хочется еще написать о религии, об отсутствии ее, и письмо Николаю. Тогда можно отдохнуть за художественным. Хотя драма христианская – наверное дело божие.

За это время решено ехать в Крым. Мне это скорее приятно. Здоровье очень ослабело: ослабело сердце. А сам поправляюсь и, к сожалению, потерял подъем, бывший во время болезни.

Маша здесь и Машенька. Продолжаю работать внутренне с малым успехом, но не унываю. "Не выполняя божественного служения в каждом добровольном поступке нашей жизни, мы совсем не выполняем его", – говорит Рёскин. Вот это надо делать и помнить.

Записано за это время:

1) Что было мне радостно и хорошо во время болезни, это то, что, умирая, я живу точно так же, как всегда. Нижнее глубокое течение истинной жизни не прерывается смертью. И что я чувствовал или, скорее: не чувствовал перерыва.

[...] 6) Часто слышишь, что молодежь говорит: я не хочу жить чужим умом, я сам обдумываю. Зачем же тебе обдумывать обдуманное. Бери готовое и иди дальше. В этом сила человечества. [...]

Страшно сказать: не писал почти два месяца. Нынче 10 октября 1901. Гаспра, на южном берегу.

Здоровье все так же плохо. То ухудшения, то улучшения, но слабые. Прежнее здоровье окончательно кончилось. И так хорошо, и не только и так хорошо, но именно хорошо. Приготовление к переходу.

Приехали сюда 8-го сентября с Буланже, Машей и Колей. Саша очень мила. Теперь здесь Сережа. Внутренняя работа как будто понемногу двигается.

Умер Адам Васильевич. И очень хорошо.

За все это время работаю над "Религией". Кажется, подвигается, но и умственно стал слабее, меньше времени могу работать.

За это время записано:

[...] 10) Одна из самых обычных и важных ошибок, которые делают люди в своих суждениях, та, что люди считают хорошим то, что любят.

[...] 13) Жизнь – серьезное дело! Ах, кабы всегда, особенно в минуты решений, помнить это!

[...] 16) Предприниматели (капиталисты) обкрадывают народ, делаясь посредниками между рабочими и поставщиками орудий и средств труда, также обкрадывают купцы, становясь посредниками между потребителями и продавцом. Тоже под предлогом посредничества между обиженными и обидчиками устанавливается грабеж государственный. Но самый ужасный обман – это обман посредников между богом и людьми.

[...] 18) Нет более ненужного дела, как приобретение себе, удержание или увеличение богатства. [...]

11 октября 1901. Гаспра. Е. б. ж.

Нынче 24 октября 1901. Гаспра. Слова: е. б. ж. все больше и больше получают значения. За это время писал "О религии". Здоровье все chancelante [колеблющееся (фр.)], под гору. Еще надо написать о революционной брошюре, полученной от Ивана Михайловича, и о праве иметь отношение с богом, по случаю речи Стаховича. Вчера нездоровилось животом. Нынче, особенно теперь вечером, в очень дурном настроении, которого не могу преодолеть. Тут Четвериков, Дунаев Саша, оба выпивши. И вся компания [вымарано 4 – 5 слов] очень чуждая. Саша очень мила. Было нехорошо, но теперь все прекрасно.

Записано кое-что, и важное, но теперь поздно, не буду писать.

29 ноября 1901 г. Гаспра. Опять почти два месяца не писал. Все время нездоров. Даже редко лучше. Главное ревматические боли и слабость. Кажется, с 14-го начал вспрыскивать мышьяк. Нынче чувствую себя более бодрым и потому пишу. Таня родила опять мертвого, перенесла хорошо.

Я думаю, что кончил "О религии". Как всегда, сомневаюсь в важности и доброте этого сочинения, но кажется теперь более основательно, чем в прежних случаях.

Дома хорошо. Машу мало вижу. Рад, что и Горький и Чехов мне приятны, особенно первый. Хорошие письма от члена суда, и приятное было сближение с Михайловым и штундистами.

Записывал мало. Вот что записано:

1) Когда ровно течет струя воды, то кажется, что она стоит. Так же кажется с жизнью своей и общей. Но замечаешь, что струя не стоит, а течет, когда она убывает, особенно когда каплет; так же и с жизнью.

2) Когда я буду умирать, я желал бы, чтобы меня спросили: продолжаю ли я понимать жизнь так же, как я понимал ее, что она есть приближение к богу, увеличение любви... Если не буду в силах говорить, то если да, то закрою глаза, если нет, то подниму их вверх.

[...] 7) Есть ужасные заслонки, замыкающие сердца и сознания людей и мешающие им принять истину. Как отворять их? Как проникать за них? Не знаю, а в этом величайшая мудрость.

[...] 9) Люди различаются еще тем, что одни прежде думают, потом говорят и делают, а другие прежде говорят и делают, а потом уже думают.

10) Другое различие людей то, что одни чувствуют прежде других, а потом себя, а

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

другие прежде себя, хотел сказать: а потом других, но большей частью такие люди ограничиваются тем, что чувствуют только себя. Это – ужасное различие.

[...] 12) Все люди закупорены, и это ужасно. Но они закупорены для одного человека, а для другого открыты. У каждого человека есть отверстие, через которое он может воспринять истину, но истина передается ему не со стороны отверстия. Одно средство – излить, если она есть в тебе, истину в мир, и она найдет отверстие. [...]

Нынче, кажется, 1 декабря. Вчера было очень хорошо. Написал письмо члену суда Полякову, записал дневник и подвинулся в 16-й главе "О религии". Нынче дурно спал – мало. Боли и слабость. Дурно писал и не кончил. Наши поехали на Учан-Су. Я один с Таней дома, и я не в духе. Прекрасная глава в романе Поленца, который очень подзадоривает меня – но напрасно – писать. Опять лучше, яснее, ближе смотрю на смерть.

26 декабря 1901. Гаспра. Стало было лучше, потом опять хуже. Поехал в Ялту ночевать и там заболел сердцем. Пробыл неделю у. Маши. Опять начинаю поправляться. Был милый Буланже. Нынче уехал. Кончил "О религии". Но, должно быть, пересмотрю еще. Дней десять писал о веротерпимости, и надоело. Слишком неважно. Впрочем, и письмо государю не очень хочется писать.

Кое-что думал:

[...] 3) Так ясно видна ближайшая задача жизни. Она в том, чтобы жизнь, основанную на борьбе и насилии, заменить жизнью, основанной на любви и разумном согласии. И огромный матерьял, который должен быть духовно переработан для этого, лежит нетронутым еще в рабочем народе всех рас и вер.

4) Всякий человек закован в свое одиночество и приговорен к смерти. "живи зачем-то один, с неудовлетворенными желаниями, старейся и умирай". Это ужасно! Единственное спасение – это вынесение из себя своего "я", любовь к другому. Тогда, вместо одной, две ставки, больше шансов. И человек невольно, стремясь к этому, любит людей. Но люди смертны, и если в жизни одного больше горя, чем радости, – то тоже и в жизни других. И потому положение все то же отчаянное. Только и утешения, что на миру смерть красна. Одно полное спасение была бы любовь к бессмертному, к богу. Возможна ли она? [...]

Дневник – 1902

Нынче 22 января 1902. [Гаспра] Почти все время был болен, то есть приближался к смерти. И довольно хорошо жил. За это время написал письмо государю и послал через Николая Михайловича. И письмо, и он нынче в Петербурге. Не знаю, передаст ли. Превосходная книга Мадзини и мысли Рёскина.

Нынче приехал Граубергер, говорит совершенно справедливо, что для христианина в наше время есть только одно приличное местопребывание – тюрьма. [...]

[23 января] Все слаб. Приехал Бертенсон. Разумеется, пустяки. Чудные стихи:

Зачал старинушка покряхтывать,

Зачал [Многоточие в подлиннике. Должно стоять: старинушка. (Примеч. ред.)]
покашливать,

Пора старинушке под холстинушку,

Под холстинушку да и в могилушку.

Что за прелесть народная речь. И картинно, и трогательно, и серьезно.

Думал:

Нет более явного доказательства ложного пути, на котором стоит наука, это ее уверенность в том, что она все узнает.

5 мая. Три с половиной месяца не писал. Был тяжело болен и теперь еще не справился. Хочу вписать то, что думалось и записалось в это время. [...]

30 января 1902.

1) Отобрали у рабочих все молоко, наделали пирожных и ванн, а потом с помощью науки хотят делать наипитательнейшим то далеко не достаточное количество, которое осталось для рабочих. Вот цель нашего ученого земледелия, техники, медицины. [...]

31 января 1902. 1 ч. дня.

[...] 2) Понятно, что в молодости ничтожная цель удовлетворения чувства кажется единой целью жизни, но это-то переставление нижней цели на место высшей есть источник всех бедствий людей. Если цель моя добыть и соблюсти чистую воду для питья для ближних и животных, я не полезу в этот источник с грязным сосудом, погами или одежде, только чтобы поскорее удовлетворить свою похоть.

[...] 5) Как ясно, когда стоишь на пороге смерти, что это несомненно так, что нельзя жить иначе. Ах, как благодетельна болезнь. Она, хоть временами, указывает нам, что мы такое и в чем наше дело жизни.

31 января 1902. 2 ч. дня.

1) Часто говорят про людей: эгоисты, самоотверженные, - это неверно: одинаково распределено и то и другое свойство. Скупой, художник, политический деятель направляет свое самоотвержение на то, что по существу эгоистично, и тогда представляется нам вполне эгоистом. Наоборот, врачи, сестры милосердия и т. п. Но бывает, что самоотвержение и эгоизм сталкиваются на одном предмете, и это бывает в мирской любви родных, друзей и в особенности матерей семейства.

2 февраля 1902.

Огонь и разрушает и греет. Так же и болезнь. Когда, здоровый, стараешься жить хорошо, освобождаясь от пороков, соблазнов, то это делаешь с усилием и то как бы приподнимешь одну давящую сторону, а все остальное давит. Болезнь же сразу приподнимает всю эту грязную чешую, и сразу делается легко, и так страшно думать, что, как это знаешь по опыту, как только пройдет болезнь, она опять наляжет всей своей тяжестью.

5 февраля 1902.

[...] 2) Один человек совершает самое ужасное преступление и мучается и сознает, что это дурно, что он мог не делать этого. Другой же совершает как бы ничтожный безнравственный поступок и оправдывает себя и живет весело, спокойно. Преступление первого производит только матерьяльное зло, часто обращающееся в духовное добро для себя и для других. Проступок же второго производит неисчислимы бедствия и для себя - тем, что открывает свободную дорогу другим худшим поступкам, и для других - примером спокойствия и довольства в зле.

[...] 5) (к письму.) И потому вы приходите к убеждению о неосуществимости этой идеи, тогда как осуществление идеи освобождения земли от права собственности без сравнения может быть легче осуществлено, чем восстановление отжившей идеи самодержавия, без всякой высшей цели, - самодержавия для самодержавия, того самого, чем занято теперь все правительство.

[Февраль]

1) De mortuis aut bene aut nihil [О мертвых говори хорошее или молчи (лат.)], - какое языческое, ложное правило! О живых говори добро или ничего. От скольких страданий это избавило бы людей, и как это легко. О мертвых же почему не говорить и худого. В нашем мире, напротив, установилось правило: с некрологами и юбилеями говорить о мертвых одни страшно преувеличенные похвалы, следовательно, только ложь. И это наносит людям ужасный вред, сглаживая и делая безразличным понятие добра и зла.

2) Надо проболеть тяжелой болезнью, чтобы убедиться, в чем жизнь: чем слабее тело, тем сильнее становится духовная деятельность. [...]

8 март.

1) Белинский без религии – из нижнего этажа. Гоголь религиозный – из верхнего.

[...] 2) Вересаев пишет, что после одушевления служения людям наступает разочарование, компромиссы. Он спрашивает: отчего? А только оттого, что это делалось по гипнозу, по кружковскому чувству, по славе людской, а не по установленному отношению к бесконечному. [...]

21 март 1902.

[...] 3) Три модные философии на моей памяти: Гегель, Дарвин и теперь Ницше. Первый оправдывал все существующее; второй приравнивал человека к животному, оправдывал борьбу, то есть зло в людях; третий доказывает, что то, что противится в природе человека злу – есть ложное воспитание, ошибка. Не знаю, куда идти дальше.

4) Говорят: вернитесь к церкви. Но ведь в церкви я увидел грубый, явный и вредный обман. "Продолжайте у нас покупать муку", – но ведь я знаю, что ваша мука – с известкой, вредна.

[...] 9) Жизнь, какая бы ни была, есть благо, выше которого нет никакого. Если мы говорим, что жизнь зло, то только в сравнении с другой жизнью, лучшей или воображаемой. В жизни может быть зло, а самая жизнь не может быть злом. Благо может быть только в жизни. И потому нельзя говорить, что отсутствие жизни может быть благо.

Здоровье может быть только в теле, и потому нельзя говорить, что отсутствие тела есть здоровье.

10 апрель 1902. Гаспра.

[...] 3) ("к рабочему народу".) Не имеете права требовать восьмичасовой день и пр. А требовать земли для пропитания имеете неотъемлемое право, даже обязанность по отношению ваших детей.

[...] 6) Говорят: прекрати существующий порядок – все погибнет. Все равно как сказать: растает река и все погибнет. Нет, пойдут корабли, начнется настоящая жизнь.

Нынче 22 мая 1902. Гаспра. Тиф прошел. Но все лежу. Жду третьей болезни и смерти. В очень дурном настроении. Есть кое-что записать, но откладываю. Сейчас молюсь. И молитва, как всегда, помогает.

23, 24 мая 1902. Гаспра. Вчера был очень слаб. Нынче лучше. Немного пописал "к рабочему народу". И начинает образовываться. Хотели снести на воздух, но холодный ветер. Стыдно, что недобро отнесся к Тане за то, что отсоветовала выходить. Перешел на кресло. Ног будто нет.

25, 26, 27 мая 1902. Гаспра. Три дня был на воздухе, сначала четыре, пять и нынче шесть часов. Понемногу оправляюсь. Это были потуги смерти, то есть нового рождения, и дан отдых. Нынче получил грустное известие об аресте Суллера. Был персиянин-разносчик, вполне просвещенный человек, говорит, что он бабист.

Теперь 7-й час. Понемногу работаю над обращением к народу (недурно).

Нынче 3 июня 1902. Продолжаю проводить дни на воздухе, работаю. Почти кончил обращение. Недурно. Поправляюсь, но вижу, что ненадолго. [...]

1 июля 1902. Ясная Поляна. Три дня, как приехали из Гаспры. Переезд был физически тяжел. Я поправлялся, но вчера опять жар и слабость. Я не обижаюсь. А готовлюсь или, скорее, стараюсь последние дни, часы прожить получше. Все исправлял: "к рабочему народу". Начинает принимать вид, и, кажется, кончил.

1) Как ни трудно скрыть необходимость делания добра, люди разными обходными, хитрыми путями достигают этого. Но добро может всякую минуту стряхнуть с себя закрывающие его покровы и привлечь к себе людей. И вот для того, чтобы этого не случилось, придумано средство наложить на покровы, скрывающие добро, камень такой, который бы оно не могло поднять. Камень этот смешное, *le ridicule*, –

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

установить такое общественное мнение, что делание добра (настоящего добра) est ridicule, смешно.

Устроить бал, базар для игры в благотворительность – можно, а выносить за собой горшок – смешно.

2) Точно так же, как я читал в Иене вывешенное у немца, профессора математики изречение, что дорога не истина, а процесс ее открытия: дорога не степень нравственного совершенства, до которой достигаешь, а процесс совершенствования.

[...] 8) Моя последняя болезнь была сильная потуга рождения, но теперь дан отдых, чтобы набраться силы для следующей, чтобы она была действительна.

9) Мы часто не ценим добрых поступков, несимпатичных нам людей именно потому, что они нам несимпатичны. Это большая ошибка. Нужно как раз обратное, для того чтобы вызвать в себе любовь там, где ее еще нет. [...]

Нынче 4 июля. Ясная Поляна. 1902. Кажется, кончил "к рабочему народу". Здоровье недурно. [...]

5 августа. Никак не ожидал, что так долго не буду писать. 22 июля послал "к рабочему народу" и с тех пор писал "Хаджи-Мурата", то с охотой, то с неохотой и стыдом. За это время были посетители – не помню. Четвертый день ничего не пишу. Расстрелялся мыслями о "Хаджи-Мурате". Теперь, кажется, уяснил. Здоровье вообще лучше.

1) Удивительное дело: я знаю про себя, как я плох и глуп, а между тем меня считают гениальным человеком. Каковы же остальные люди?

[...] 4) В музыке есть элемент шума, контраста, быстроты, прямо действующий на нервы, а не на чувство. Чем больше этого элемента, тем хуже музыка. То же и в других искусствах: в поэзии – декламация, в живописи яркость красок. [...]

8 августа 1902. Ясная Поляна. Ночью. Очень тяжелый день. Болит печень, и не могу победить дурного расположения.

Пишу "Хаджи-Мурата", и все совестно. Брошюра священника – больно. За что они ненавидят меня? Надо писать им любовно. Помогите мне.

Здесь Машенька, Лиза; была Глебова, Письма от Сережи.

20 сентября. Ясная Поляна. 1902. Полтора месяца не писал. Все время писал "Хаджи-Мурата". Здоровье поправляется. Душевым состоянием могу быть доволен. Нет недобрых чувств ни к кому. Много думалось. Много записать надо.

1) Если умели люди власти подкупить церковь, чтобы она оправдывала их положение, то как же им не подкупить науку.

[...] 7) Думал о безнравственности медицины. Все безнравственно. Безнравствен страх болезни и смерти, который вызывает медицинская помощь, безнравственно пользование исключительной помощью врачей, доступной только богатым. Безнравственно пользоваться исключительными удобствами, удовольствиями, но пользоваться исключительной возможностью сохранения жизни есть верх безнравственности. Безнравственно требование медицины скрывания от больного опасности его положения и близости смерти. Безнравственны советы и требования врачей о том, чтобы больной следил за собой – своими отправлениями, вообще жил как можно меньше духовно, а только матерьяльно: не думал бы, не волновался, не работал.

[...] 9) Гипноз предания, т. е. внушения людям повторения того, что делали их предки, есть главная преграда движения вперед – освобождения человечества.

10) Мое выздоровление похоже на то, что экипаж вытащили из трясины, в которой он завяз, не на ту сторону, куда неизбежно надо ехать, а на эту. Через трясины не миновать ехать.

23 сентября 1902. Ясная Поляна. Все поправлял "Хаджи-Мурата". Нынче утром писал немного "к духовенству".

[...] Нынче утром сейчас обдумывал статью о непонимании христианства и иррелигиозности, которая должна предшествовать статье "К духовенству". "Главная причина зла или бедствий нашего времени". Такое должно быть заглавие. [...]

26 сентября 1902. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. Оставил "Хаджи-Мурата", и нет охоты к продолжению "К духовенству", а как будто хочется писать художественное. Написал письмо Шмиту, посылаю деньги, и одному юноше, которому предстоит призыв.

За это время думал хорошо. Кое-что забыл.

1) Очень живо представил себе внутреннюю жизнь каждого отдельного человека. Как описать, что такое каждое отдельное "я"? А кажется, можно. Потом подумал, что в этом, собственно, и состоит весь интерес, все значение искусства - поэзии. [...]

27 сентября 1902. Ясная Поляна. Ничего хорошего не писал, только нынче как будто втянулся в "Обращение к духовенству". Лева живет у нас, и мне чрезвычайно радостны добрые, простые отношения с ним. Написал письма неважные. Были интересные черниговские посетители - один желает отказаться от воинской повинности. Написал. Здоровье хорошо. Хорошо и душевное состояние. Чувствую спокойно близость смерти. В книжечке ничего нет. Завтра, должно быть, закончу дневник.

29 сентября 1902. Ясная Поляна. Очень хорошо себя чувствую. "К духовенству" не ладится. И хочется, и много есть что сказать, а не вяжется.

[...] Кончаю эту тетрадь. Два года и четыре месяца. Много пережито, и все хорошее. Да, еще хотел записать:

[...] 2) Как радостно замечать в себе свободные, бессознательно почти совершаемые поступки, которые прежде были делом усилия. Ничто так не показывает роста, как заметка на стене.

6 октября 1902. Ясная Поляна. Вчера начал поправлять и продолжать "Фальшивый купон". Все пишу "К духовенству". Слабее, чем я ожидал. Был Горький и Пятницкий. Эпиктет говорит: укрепляй в себе довольство своею судьбой. С этим все победишь.

29 октября 1902. Ясная Поляна. Недели три болею печенью. Все поправляю "К духовенству". Кажется, кончил или близок к этому. [...]

Нынче 4 ноября 1902. Ясная Поляна. За это время важное: суд Афанасья, арест Новикова, смерть матери Михайлова и приезд Петра Веригина. Записать много есть чего. Запишу сейчас то, что думал:

1) читаю "Postscriptum de ma vie", V. Hugo. Об infini [бесконечном (фр.)] он расписывает расстояния звезд, быстроту, продолжительность времени и что-то в этом видит величественное. Меня никогда это не озадачивало, не пугало, я всегда видел в этом недоразумение и никогда не признавал реальности этих страстей величин пространства и времени.

[...] 3) Сознание стоит, события жизни движутся через него, а нам кажется, что движется сознание, как облака, бегущие мимо луны.

4) Эгоизм - сумасшествие. Сумасшествие - эгоизм.

5) Люди хотят свободы и для достижения ее входят в рабство учреждений, из которого никогда не выходят и не выйдут.

6): 1) Сознать христианскую истину - это первая ступень; 2) это попытка сейчас осуществить ее в жизни; 3) негодование, озлобление на врагов истины; 4) отчаяние; 5) попытки примирения; 6) все в себе, перед богом, не заботясь о последствиях.

То же записано иначе:

1) Восторг познания истины.

2) Желание и надежда сейчас осуществить се.

3) Разочарование в возможности осуществить ее в мире, надежда осуществить ее в своей жизни.

4) Разочарование и в этом, и отчаяние.

5) Все для души, не заботясь о последствиях.

(Это программа драмы.)

[...] 8) Читая Мережковского об Эврипиде, я понял его христианство. Кому хочется христианство с патриотизмом (Победоносцев, славянофилы), кому с войной, кому с богатством, кому с женской похотью, и каждый по своим требованиям подстраивает себе свое христианство. [...]

Нынче 30 ноября 1902. Ясная Поляна. Хотел записать многое, но поправлял об отдельности и запоздал. Здоровье хорошо. Рад, что не перестаю думать о смерти и чаще прежнего в жизни вспоминаю о своем отношении к пославшему. Много есть что записать, и недурное. Кончил легенду, взялся опять за "Хаджи-Мурата", и должно быть, е. б. ж., завтра кончу. [...]

11 декабрь 1902. 1) Мы знаем, что без физических усилий мы ничего не достигнем. Почему же думать, что в области духовной можно достигнуть чего-либо без усилия.

2) Любовь настоящая есть только любовь к ближнему, ровная, одинаковая для всех. Одинаково нужно заставить себя любить тех, которых мало любишь или ненавидишь, и перестать слишком любить тех, которых слишком любишь. Одно не дошло, другое перешло линию. От того и другого все страдания мира. [...]

13 декабря 1902.

1) Напрасно думают критики, что движение интеллигенции может руководить народными массами (Милюков). Еще более напрасно думал бы писатель сознательно руководить массами своими сочинениями. Пусть только каждый приводит свое сознание в наибольшую ясность и жизнь в наибольшее соответствие с требованиями этого сознания.

2) Если на вопрос: можете ли вы играть на скрипке? вы отвечаете: не знаю, я еще не пробовал, то мы сейчас же понимаем что это шутка. Но когда на такой же вопрос: можете ли вы писать сочинения? – мы отвечаем: "может быть, могу, я не пробовал", – мы не только не принимаем это за шутку, но постоянно видим людей, поступающих на основании этого соображения. Доказывает это только то, что всякий может судить о безобразии бессмысленных звуков поучившегося скрипача (найдутся такие дикие люди, которые найдут и эту музыку прекрасной), но что нужно тонкое чутье и умственное развитие для того, чтобы различать между набором слов и фраз и истинным словесным произведением искусства.

Дневник – 1903

6 января 1903 г. Я теперь испытываю муки ада. Вспоминаю всю мерзость своей прежней жизни, и воспоминания эти не оставляют меня и отравляют жизнь. Обыкновенно жалеют о том, что личность не удерживает воспоминания после смерти. Какое счастье, что этого нет! Какое бы было мучение, если бы я в этой жизни помнил все дурное, мучительное для совести, что я совершил в предшествующей жизни. А если помнить хорошее, то надо помнить и все дурное. Какое счастье, что воспоминание исчезает со смертью и остается одно сознание, – сознание, которое представляет как бы общий вывод из хорошего и дурного, как бы сложное уравнение, сведенное к самому простому его выражению: $x =$ равно положительной или отрицательной, большой или малой величине. Да, великое счастье уничтожение воспоминания, с ним нельзя бы жить радостно. Теперь же с уничтожением воспоминания мы вступаем в жизнь с чистой, белой страницей, на которой можно писать вновь хорошее и дурное.

5 февраля 1903. Ясная Поляна. Месяц не писал. Болел два месяца и теперь болен. Сердце слабо. И это хорошо. Очень живо напоминает о близкой смерти. За это время больше всего был занят своими воспоминаниями. Понемногу подвигаюсь. Но до сих пор – нехорошо. Еще начал писать послесловие [к обращению] к рабочему народу, но

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
не подвигаюсь. Занят тоже философским изложением истинной жизни. Неужели я заблуждаюсь. Очень уж ясно я чувствую, что тут есть что-то новое и полезное.

Нынче 12 февраля. Ясная Поляна. Все сердце слабо, но силы понемногу прибавляются. Послесловие все не годится. В воспоминаниях немного подвинулся. Философское изложение жизни все не уясняется. [...]

20 февраля 1903. Ясная Поляна. Здоровье немного лучше. Второй день ездю кататься. Не работается. Нет охоты.

Вчера получил статью Поссе об обращении "к рабочему народу". Очень они огорчены. Явно они загипнотизированы, верующие в теорию, не выдерживающую критики. [...]

1 марта 1903. Ясная Поляна. Читал статью Мечникова опять о том же: что если вырезать прямую кишку, то люди не будут более думать о смысле жизни, будут так же глупы, как сам Мечников. Нет, без шуток. Мысль его в том, что наука улучшит организм человека, освободит его от страданий, и тогда можно будет найти смысл - назначение жизни. Наука откроет его. Ну а как же до этого жить всем? Ведь и жили уже миллиарды с прямой кишкой. А что как, по вашей же науке, солнце остынет, мир кончится до полного усовершенствования человеческого организма? К чему же было огород городить.

Здоровье лучше - тверже, но ничего не работаю. Софья Андреевна в Москве. От Маши нет писем. [...]

9 марта 1903. Ясная Поляна. Здоровье шатко, приближаюсь к смерти. И спокойно. Душевное состояние очень хорошо - добро. Написал вчера письма. Прекрасная философская статья поляка. [...]

11 марта 1903. Ясная Поляна. Все пишу определение жизни и все недоволен. Писал третьего дня, и опять надо переизложить. Но прежде, чем это сделать, хочу записать отрывочные мысли этого времени.

Здоровье значительно лучше. Вчера приехал Лева. И я счастлив, что мне с ним хорошо. [...]

1) Мы живем только тогда, когда помним о своем духовном я. А это бывает в минуты духовного восторга или минуты борьбы духовного начала с животным.

2) Не совсем уясненное это то, что часто (а может быть, и всегда) наше довольство, недовольство жизнью, наше впечатление от событий происходят не от самых событий, а от нашего душевного состояния. И этих душевных состояний, очень сложных и определенных, есть очень много. Так, есть состояние стыда, состояние упрека, умиления, воспоминания, грусти, веселости, трудности, легкости. Как возникают эти состояния? Не знаю. Но знаю, что бываю в состоянии стыда, и тогда все стыдно, а если не к чему приложить стыд, то стыдно беспредметно. Тоже с состоянием упрека, с умилением, тоже с воспоминанием, как это ни странно. Все вспоминаешь, а нечего вспоминать, то вспоминаешь то, что сейчас есть, и то, что вспоминал это еще прежде; то же с грустью, веселостью... и много других состояний, которые надо определить и обдумать их происхождение.

[...] 4) Часто люди, либералы-государственники, вообще всякие доктринеры считают хорошим, борясь только с одним из проявлений лжи, допускать и не бороться с другими. Это все равно, что при наводнении останавливать только одну из заливающих вас струй воды, предоставив другим затапливать вас. [...]

13 марта 1903. Ясная Поляна. Опять все то, да не то. Надо сначала. Нынче встал с болью живота. Приехали Мимочка и Гольденвейзер.

Надо записать три вещи, кроме новой версии определения жизни.

1) Второй раз встречаю в жизни незаслуженную, ничем не вызванную ненависть от людей только за то, что им хочется иметь такую же репутацию, как моя. Они начинают любить, потом хотят быть тем, что любят, но то, что они любят, не они, и мешает им быть таким же, и они начинают ненавидеть: Меньшиков, Лева. Вот доказательство зла славы.

[...] я очень счастлив тем, что стал совсем по-настоящему веротерпим. И научили

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
меня неверотерпимые люди.[...]

14 марта. Здоровье недурно. Ноги болят.

[...] 4) Читал "Opinions sociales Anatole France'a". Как и все правоверные социалисты и поклонники науки и потому отрицатели религии, он говорит, что не нужно милосердие, любовь, нужно только justice [справедливость (фр.)]. Это справедливо, но для того, чтобы в действительности была justice, нужно, чтобы в стремлении, в идеале было самоотречение, любовь. Для того, чтобы был честный брак, нужно стремление к полному целомудрию. Для того, чтобы было истинное знание, нужно стремиться к познанию духовного мира. (Тогда будет знание матерьяльного. А иначе будет невежество.) Для того, чтобы было справедливое распределение услуг, надо стремиться отдать все, ничего не беря себе. (А иначе будет грабеж чужого труда.) Для того, чтобы попасть в цель, надо целить выше и дальше ее. Для того, чтобы подняться высоко на исполинских шагах, надо бежать прочь от столба. [...]

Сегодня 20 марта. Ясная Поляна. 1903. Вчера и нынче писал письма. Написал их 26. Здоровье получше, но не забываю близость перехода.

Записано в книжечке кое-что. А что-то очень важное написал на закладке и потерял.

1) Обыкновенно думают, что жизнь старика суживается, сходит на нет. Все зависит от того, как смотреть на жизнь. Если смотреть на жизнь, как на матерьяльную силу, сейчас на наших глазах видоизменяющую отношения ближайших предметов и людей, то жизнь молодого человека представляется могущественной, а жизнь старика – ничтожной; если же смотреть на жизнь, как на силу духовную, дающую духовное направление деятельности людей, то жизнь старика, чем он старше, тем могущественнее изменяет огромное количество отношений предметов и людей. [...]

14 апреля 1903. Ясная Поляна. Давно не писал. Духовно слаб все это время. Третий день нездоров: насморк, кашель. И нынче, слабый, читал Торо и духовно поднялся. [...] Впишу здесь то, что записано до 2 апреля.

1) Обыкновенно меряют прогресс человечества по его техническим, научным успехам, полагая, что цивилизация ведет к благу. Это неверно. И Руссо, и все восхищающиеся диким, патриархальным состоянием, так же правы или так же не правы, как и те, которые восхищаются цивилизацией. Благо людей, живущих и пользующихся самой высшей, утонченной цивилизацией, культурой, и людей самых первобытных, диких совершенно одинаково. Увеличить благо людей наукой цивилизацией, культурой так же невозможно, как сделать то, чтобы на водяной плоскости вода в одном месте стояла бы выше, чем в других. Увеличение блага людей только от увеличения любви, которая по свойству своему равняет всех людей; научные же, технические успехи есть дело возраста, и цивилизованные люди столь же мало в своем благополучии превосходят нецивилизованных, сколько взрослый человек превосходит в своем благополучии не взрослого. Благо только от увеличения любви. [...]

Продолжаю писать 29 апреля 1903. Ясная Поляна. За это время все пишу о послесловии. Кажется, кончаю. Стало порядочно. Написал письмо о кишиневском событии и телеграмму. Здоровье было хорошо. Простудился, были холода, но нынче лучше. Книга от Мечникова. Хочется написать о ней. [...]

[1 мая]

4) Все – живое. Все – организмы. Мы не признаем некоторых только потому, что они или слишком велики, как земля, солнце, или слишком малы, как частицы минералов, кристаллов.

5) Как молодости радостно сознание роста, так старости должно быть радостно сознание распадающихся ограничивающих пределов.

[...] 13) Кто-то спрашивает меня: судьба ли от человека или человек от судьбы? – Чем больше живешь духовной жизнью, тем независимее от судьбы; и наоборот.

14) В наш век существует ужасное суеверие, состоящее в том, что мы с восторгом принимаем всякое изобретение, сокращающее труд, и считаем необходимым

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
пользоваться им, не спрашивая себя о том, увеличивает ли это изобретение, сокращающее труд, наше счастье, не нарушает ли оно красоты. Мы, как баба, через силу доедающая говядину, потому что она досталась ей, хотя ей и не хочется есть и еда наверное будет ей во вред. Железные дороги вместо пешей ходьбы, автомобили вместо лошади, чулочные машины вместо спиц.

15) Приемы естественных наук, основывающих свои выводы на фактах, – самые ненаучные приемы. фактов нет. Есть наше восприятие их. И потому научен только тот прием, который говорит о восприятии, о впечатлениях. [...]

Нынче 13 мая 1903. Ясная Поляна. Здоровье нехорошо – печень. Но силы не слабеют. Послесловие кончил и послал. Здесь Таня с мужем и Страхов с своим ужасным делом. [...]

Кажется, 17 мая 1903. Ясная Поляна. Все нездоровится желудком. Нынче ночью увидал в глазах искру яркого света и почему-то вслед за этим не то что понял, а почувствовал всем существом призрачность (иллюзорность) всего того, что дают чувства и что мы считаем реальным миром.

Поправлял "Хаджи-Мурата". Дошел до Николая Павловича, и как будто уясняется.

Записать одно:

1) Доказательство того, что воспоминание есть сознание, и наоборот, есть то, что чем дольше живешь, тем более слабеет воспоминание и усиливается сознание.

26 мая 1903. Ясная Поляна. Здоровье недурно. Записал кое-что в книжечке. Здесь запишу следующее:

1) Здешняя жизнь не иллюзия и не вся жизнь, а одно из проявлений, вечных проявлений вечной жизни.

27 мая 1903. Ясная Поляна. Нынче еду в Пирогово. Все вожусь с Николаем Павловичем. Все нехорошо. Вчера зато много обдумал об определении жизни. Кажется, хорошо. [...]

29 мая 1903. Ясная Поляна. Вчера был в Пирогове. Благополучно съездил и благополучно нашел. NN очень неприятен мне. Борюсь с переменным успехом. Нынче записал маленькую прибавку к послесловию и послал. Нынче же, гуляя, думал очень важное, что и запишу. Саша уехала. Приехала Леночка. Вечером ходил и восторгался красотой природы. [...]

3 июня 1903. Ясная Поляна. Все желудок неладен. Все борюсь. Вчера хорошо писал о Николае. Нынче писал письма и записал следующее:

1) Всякая власть чувствует, что она существует только благодаря невежеству народа, и потому инстинктивно и верно боится просвещения и ненавидит его. Есть, однако, условия, при которых власть волей-неволей должна делать уступки просвещению; тогда она делает вид, что покровительствует ему, берет его в свои руки и извращает. Но есть и такие условия – так велика сила власти, при которых этого не нужно. В таких условиях был Николай – и понял это и так и действовал.

2) Николай считал всех людей такими же, как те, которые окружали его. А те, которые окружали его, были подлецы; и потому он всех людей считал подлецами. [...]

Сегодня 4-е июня 1903. Ясная Поляна. Мало спал. Все живот болит. Вчера дал Мише переписать мои дневники для Поши. Там много мне интересного. Нынче сел за работу: хотел продолжать воспоминания, но не мог, не берет. Вчера читал Николая I. Очень много интересного. Надо прежде, чем продолжать, – прочесть.

9 июня 1903. Ясная Поляна. Здоровье лучше. Немного подвигаюсь в Николае Павловиче. Задумал три новые вещи. Умирать пора, а я задумываю. 1) Рассказ о бале и сквозь строй; 2) Крик беса при приближении Христа, и 3) Кто я такой, описать себя сейчас со всеми слабостями и хорошим. [...]

18 июня 1903. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. Была дурная погода три дня, и я чувствовал себя очень слабым. Много ездю верхом. Посетители: Давыдов,

Абрикосовы, Маслов, Глебов.

Ничего или почти ничего не работаю. Решил Николая Павловича оставить почти как есть, а если понадобится, то писать отдельно.

[...] Задумал три новые вещи:

1) Крик теперешних заблудших людей: материалистов, позитивистов, нищееанцев, крик (Мар. 1, 24): "Оставь: что тебе до нас, Иисус Назарянин? ты пришел погубить нас. Знаю тебя, кто ты, святой божий". (Очень бы хорошо.)

2) В еврейский сборник: веселый бал в Казани, влюблен в Корейшу, красавицу, дочь воинского начальника – поляка, танцую с нею; ее красавец старик-отец ласково берет ее и идет мазурку. И наутро, после влюбленной бессонной ночи, звуки барабана, и сквозь строй гонит татарина, и воинский начальник велит больней бить. (Очень бы хорошо.)

и 3) Описать себя по всей правде, какой я теперь, со всеми моими слабостями и глупостями, вперемежку с тем, что важно и хорошо в моей жизни. (Тоже хорошо бы.)

Все это много важнее глупого "Хаджи-Мурата". [...]

[19 июня] Не писал. Большая слабость, но совсем здоров. Ничего не пишу. Записать надо две:

1) Все люди более или менее приближаются к тому или другому пределу: один – жизнь только для себя, другой – жизнь только для других.

2) Перечел Франциска Ассизского. Как хорошо, что он обращается к птицам, как к братьям! А разговор его с frere Leon о том, что есть радость?! [...]

23 июня. Ясная Поляна. 1903. Здоровье хорошо. Ем ягоды, езжу верхом много. Вялость умственная.

Записать одно:

1) Я очень дурной по свойствам человек, очень туп к добру, и потому мне необходимы большие усилия, чтобы не быть совсем мерзавцем. Как Юрий Самарин как-то очень хорошо сказал, что он – прекрасный учитель математики, потому что очень туп к математике. Я – совершенно то же в математике, но я, главное, то же в деле добра – очень туп, и потому не совсем дурной, – нет, смело скажу: хороший учитель.

4 июля. Ясная Поляна. 1903. Выписал мысли. Поправлял "Хаджи-Мурата". Здоровье недурно. Только слабее прежнего. Много задумываю писаний; очевидно, неисполнимых. Нынче читал, как обучались солдаты. Как бы хорошо, наивно рассказать это. [...]

Нынче, кажется, 10 июля 1903. Ясная Поляна. Все слабел и вчера совсем ослабел. Сердце болело. Приехали Маша с Колей, Андрюша, Лева. Нынче получше. На душе хорошо. Хорошо уясняется вопрос о жизни. Уяснил также Николая Павловича. [...]

21 июля 1903. Ясная Поляна. Здоровье все так же хорошо, живу все так же растительной жизнью. Пытался написать сказку, но не пошло.

[...] 2) думал о том, что для выражения всего моего отношения к власти недостаточны ни формы рассуждения, ни обращения, ни художественного произведения, а нужна новая форма. Может быть, я ищу ее.

3) Не могу достаточно повторять себе (и другим), что есть три двигателя жизни человеческой: а) чувство, вытекающее из различных общении человека с другими существами; б) подражание, внушение, гипноз, и в) вывод разума. На миллион поступков, совершающихся вследствие первых двух двигателей, едва ли один совершается на основании выводов разума. Распределение это происходит и в каждом человеке (то есть что человек из миллиона поступков совершает один по разуму) и в различных людях.

Папа – избрание и Серафим. Какая иллюстрация силы внушения.

25 июля 1903. Ясная Поляна. Написал три сказки. Еще плохо, но может быть порядочно. Думал три вещи. Постараюсь вспомнить.

1) Обращаются к царю, советуя ему сделать то-то и то-то для общего блага. И я делал это. От него ждут помощи, действий, а он сам чуть держится. Все равно, как человеку, который еле-еле руками, зубами держится за сук над пропастью, советовать помочь поднять бревно на стену. [...]

9 августа. Ясная Поляна. 1903. Все время здоров. Написал в один день "Дочь и отец". Не дурно. Сказки кончил. [...]

20 августа. Только нынче кончил сказки, и не три, а две. Недоволен. Зато "А вы говорите" недурно. Здоровье все хорошо. Нынче еду в Пирогово. [...]

27 августа 1903. Ясная Поляна. Ночь. Был в Пирогове. Сережа лучше, чем я ожидал. Рад был Маше. Прибавил третью, выпущенную сказку. Здоров, много ездю верхом; вчера был в Таптыкове. Все обдумывал Николая I. Надо кончать, а то загроможждает путь других работ. [...]

3 сентября 1903. Ясная Поляна. Жив, но нездоров, 29-го ездили верхом, лошадь наступила на ногу, и разлитие желчи, и весь нездоров, и нога не справляется. 28-е прошло тяжело. Поздравления прямо тяжелы и неприятны неискренно земли русской и всякая глупость. Щекотание тщеславия, слава богу, никакое. Авось нечего щекотать. Пора.

Думал очень важное, но не додумал до конца. Возвращусь после, а теперь запишу, как понимаю:

1) Часто смешиваю людей: дочерей, некоторых сыновей, друзей, неприятных людей, так что в моем сознании не лица, а собирательные духовные существа. Так что я ошибаюсь не тогда, когда называю одного вместо другого, а тогда, когда считаю каждого отдельным существом. Неясно. Но je m'entends [я понимаю, что говорю (фр.)].

2) О литературе. Толки о Чехове: разговаривая о Чехове с Лазаревским, уяснил себе то, что он, как Пушкин, двинул вперед форму. И это большая заслуга. Содержания же, как у Пушкина, нет. Горький - недоразумение. Немцы знают Горького, не зная Поленца.

Нынче 22 сентября 1903. Ясная Поляна. Пишу несколько дней (больше недели) предисловие о Шекспире. Здоровье хорошо. Нога заживает. Мало мыслей. Записать три вещи. Слава богу, спокоен и не зол.

Сегодня 6 октября 1903. Ясная Поляна. Здоровье немного разладилось, и все та же вялость и бедность мыслей. Все пишу предисловие к Кросби. [...]

Ясная Поляна. 14 ноября 1903. Пять недель не писал. Все время был занят Шекспиром, который все разрастался; кажется, пришел к концу. Не могу похвалиться за это время умственной энергией, но душевное состояние хорошо. Дня три тому назад заболел тяжелым желчным припадком.

Совершенно спокойно думал о смерти, только некоторое нетерпение, как бы не долго страдать. Разумеется, это неправда, самые страдания могут быть употреблены на то же вечное дело жизни. Отчасти понимал, что это возможно, но не всем существом.

Был в Пирогове. Кажется, 9-го. Очень радостно было с братом. Он разлагается, как и я, телом, и, как и я, растет духом, но только в нем это особенно радостно видеть, с его особенною простотой и правдивостью. Говоря о своем горе и болезни, он сказал: бог и на меня оглянулся, как говорят мужики.

В книжечке записано:

1) Когда жизнь людей безнравственна и отношения их основаны не на любви, а на эгоизме, то все технические усовершенствования, увеличение власти человека над природою: пар, электричество, телеграфы, машины всякие, порох, динамиты, робулиты - производят впечатление опасных игрушек, которые даны в руки детям.

[...] 3) Обыкновенно думают, что прогресс в увеличении знаний, в усовершенствовании жизни, – но это не так.

Прогресс только в большем и большем уяснении ответов на основные вопросы жизни. Истина всегда доступна человеку. Это не может быть иначе, потому что душа человека есть божеская искра, сама истина. Дело только в том, чтобы снять с этой искры божьей (истины) все то, что затемняет ее. Прогресс не в увеличении истины, а в освобождении ее от покровов. Истина приобретается, как золото, не тем, что оно приращается, а тем, что отмывается от него все то, что не золото.

[...] 9) Читал университетские очерки Гегидзе. Бедный, искренний юноша видит нелепость университетской науки и всей культуры и ужас того разврата, которому он подпадает. В одном месте, говоря о том, что делать, какую поставить себе цель в жизни, он, вперед решая, что такую целью, конечно, не может быть самосовершенствование, перебирает все другие цели, и все они не удовлетворяют его. Да простит бог тех, которые внушили и внушают нашим молодым поколениям, что нужна и похвальна внешняя деятельность, а что самосовершенствование, то единственное назначение человека, которое удовлетворяет всем требованиям и его души, и всех внешних условий, именно это самосовершенствование не только не нужно, но смешно и даже вредно.

Бедный юноша мечется, отыскивая достойную цель жизни, и естественно бедное, заблудшее существо останавливается на женской любви, наивно воображая, что в этой любви главное, высшее назначение человека. Не имея перед собою никакой духовной цели, ему, естественно, представляется, что то, вложенное в животную природу человека стремление к продолжению рода, выражающееся более или менее поэтической любовью, и есть высшее назначение человека. Хотелось бы напечатать несколько слов по этому поводу.

Нынче 24 ноября 1903. Ясная Поляна. Все копаюсь с предисловиями и к Шекспиру и к Гаррисону. Почти кончил. Здоровье хорошо, но умственно не боек. Сейчас думал, кажется мне, что очень важное, а именно:

1) Мы знаем в себе две жизни: жизнь духовную, познаваемую нами внутренним сознанием, и жизнь телесную, познаваемую нами внешним наблюдением.

Обыкновенно люди (к которым я принадлежу), признающие основой жизни жизнь духовную, отрицают реальность, нужность, важность изучения жизни телесной, очевидно, не могущего привести ни к каким окончательным результатам. Точно так же и люди, признающие только жизнь телесную, отрицают совершенно жизнь духовную и всякие основанные на ней выводы, отрицают, как они говорят, метафизику. Мне же теперь совершенно ясно, что оба не правы, и оба знания: матерьялистическое и метафизическое – имеют свое великое значение, только бы не желать делать несоответствующие выводы из того или другого знания. Из матерьялистического знания, основанного на наблюдении внешних явлений, можно выводить научные данные, то есть обобщения явлений, но нельзя выводить никаких руководств для жизни людей, как это часто пытались делать матерьялисты, дарвинисты, например. Из метафизических знаний, основанных на внутреннем сознании, можно и должно выводить законы жизни человеческой, – как? зачем? жить: то самое, что делают все религиозные учения, но нельзя выводить, как это пытались многие, законы явлений и обобщения их.

Каждый из этих двух родов знания имеет свое назначение и свое поле деятельности. [...]

Кажется, 30 ноября 1903. Ясная Поляна. Кончил предисловие – недурно. Написал несколько писем. Андрюшино несчастье. Все не кончил Шекспира, хотя и близится к концу. Здоровье было все время очень хорошо.

[...] Третьего дня видел во сне, что я сочиняю комический по форме рассказ крестьянина, набравшегося непонятных слов, но рассказ трогательный. И было очень хорошо. Вообще всю ночь была особенно оживленная деятельность мозга: представил себе еще три народных типа: один – силач, богатырь, медлитель, но подверженны eb4 и припадкам бешенства, где делается зверем. Другой – болтун, хвостун, поэт, нежный и самоотверженный минутами. Третий – эгоист, но изящный, привлекательный, даровитый и бабник.

Хочу каждый день писать хоть понемногу воспоминания.

2 декабря 1903. Ясная Поляна. Здоровье посредственно. Все вожусь с Шекспиром и решил перестать писать его по утрам, а начать новое или драму, или о религии, или кончить "купон". Если будет расположение по вечерам, то поправлять Шекспира и писать воспоминания. Два дня не писал. Было что-то хорошее записать, забыл.

19 декабря 1903. Ясная Поляна. Андрюшины поступки огорчают меня. Стараюсь сделать, что могу. Здоровье очень хорошо; но умственная деятельность все слаба. Стараюсь принимать это как должное и отчасти достигаю. Кончил заниматься Шекспиром и начал о значении религии. Но написал два начала, и оба нехороши. Немного написал воспоминания, но, к сожалению, не продолжал. Нет охоты. "Фальшивый купон" обдумал, но не писал.

Записано в книжечке кое-что:

[...] 2) Могу перенестись в самого ужасного злодея и понять его, но не в глупого человека. А это очень нужно.

[...] 4) Художник, поэт и математик или вообще ученый. Поэт не может делать дело ученого, потому что не может видеть только одно и перестать видеть общее. Ученый не может делать дело поэта, потому что всегда видит только одно, а не может видеть всего.

5) Бывают люди машинные, которые отлично работают, когда их приводят в движение, но сами не могут двигаться.

6) Истинно целомудренная девушка, которая всю данную ей силу материнского самоотвержения отдает служению богу, людям, есть самое прекрасное и счастливое человеческое существо. (Тетенька Татьяна Александровна.)

25 декабря 1903. Ясная Поляна. Начал писать "Фальшивый купон". Пишу очень небрежно, но интересует меня тем, что выясняется новая форма, очень sobre [умеренная (фр.)]. Записать надо кое-что - забыл. Одно помню, а именно:

1) Стараюсь заснуть и не могу именно потому, что спрашиваю себя: засыпаю ли я? то есть сознаю себя. Сознание и есть жизнь. Когда буду умирать, если я сознаю себя, то не умру.

29 декабря 1903. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. Морозы. Не пишу два дня. Обдумываю о религии. [...]

30 декабря. Ясная Поляна. 1903. Ездил верхом. 20 ° мороза. Здоровье хорошо; но нет сил работать, хотя многое обдумал.

Хочется написать: 1) Народный рассказ об ангеле, убившем ребенка; 2) О мужике, не ходившем в церковь; и 3) О раскольнике в тюрьме и революционере; 4) свое психическое, бестолковое, слабое состояние; 5) Что ты, Иисусе, сыне божий, пришел мучать нас. [...]

[СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СЮЖЕТОВ]

- 1) Купон.
- 2) Это ты.
- 3) Церковь, старик.
- 4) Измена жены
- 5) Ангел, убивший ребенка
- 6) Кормилица
- 7) Александр I
- 8) Разбойник кается
- 9) Кто важен, что важно, когда?

10) Барин и крестьянин. Труд, болезнь и смерть.

1) Труп

2) Своя драма.

3) Хаджи-Мурат.

4) Дети умней стариков

5) Мать.

6) Записки сумасшедшего

7) Персианинов

8) Самара. Башкиры и поселенцы

9) Кто я теперь

10) что ты пришел мучить нас

11) Бал и сквозь строй

Дневник - 1904

2 января 1904. Ясная Поляна. Написал в старом дневнике рассказ "Божеское и человеческое". Два дня был нездоров. Нынче лучше. Хорошо думается. [...]

3 января 1904. Ясная Поляна. Здоровье не совсем хорошо: желчь - печень. Ездил верхом, оттепель. Здесь Сережа и тетя Таня. Очень хорошо думается. Понемногу подвигаюсь в "фальшивом купоне". Но очень уж беспорядочно. Занят тоже исправлением "мыслей". Думал:

1) Боюсь ли я смерти? Нет. Но при приближении ее или мысли о ней не могу не испытывать волнения вроде того, что должен бы испытывать путешественник, подъезжающий к тому месту, где его поезд с огромной высоты падает в море или поднимается на огромную высоту вверх на баллоне. Путешественник знает, что с ним ничего не случится, что с ним будет то, что было с миллионами существ, что он только переменит способ путешествия, но он не может не испытывать волнения, подъезжая к месту. Такое же и мое чувство к смерти.

2) Я сначала думал, что возможно установление доброй жизни между людьми при удержании тех технических приспособлений и тех форм жизни, в которых теперь живет человечество, но теперь я убедился, что это невозможно, что добрая жизнь и теперешние технические усовершенствования и формы жизни несовместимы. Без рабов не только не будет наших театров, кондитерских, экипажей, вообще предметов роскоши, но едва ли будут все железные дороги, телеграфы. А кроме того, теперь люди поколениями так привыкли к искусственной жизни, что все городские жители не годятся уже для справедливой жизни, не понимают, не хотят ее. Помню, как Юша Оболенский, попав в деревню во время метели, говорил, что жизнь в деревне, где заносит снегом так, что надо отгребаться, невозможна. Теперь есть люди, и это те, которые считаются самыми образованными, которые удивляются не тому, как могли люди устроиться так, что для них нет ни метелей, ни темноты, ни жара, ни холода, ни пыли, ни расстояния, как живут городские люди, а удивляются тому, как это люди, живя среди природы, борются с ней. [...]

6 января 1904. Ясная Поляна. Здоровье немного лучше. Чудная погода. Составлял новый календарь. Нынче пишу "фальшивый купон". Записать надо:

1) Два ума: ум в области матерьяльной - наблюдения, выводы, рассуждения о наблюдаемом, и другой ум в области духовной: отношение к богу, к людям, другим существам, нравственные требования... Большой частью, даже всегда, чем больше один ум, тем меньше другой.

11 января 1904. Ясная Поляна. Был нездоров печенью дня четыре. Не писал. Вчера

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
кончил прибавку к Гаррисону и занимался календарем. Чувствую себя очень, очень хорошо. Очень определенно без усилия живу перед богом. И очень радостно. [...]

14 января 1904. Ясная Поляна. Проснулся нынче здоровый, физически сильный и с подавляющим сознанием своей гадости, ничтожества, скверно прожитой и проживаемой жизни. И до сих пор – середины дня – остаюсь под благотворным этим настроением. Как хорошо, даже выгодно чувствовать себя, как нынче, униженным и гадким! Ничего ни от кого не требуешь, ничто не может тебя оскорбить, ты всего худшего достоин. Одно только надо, чтобы это унижение не переходило в отчаянность, в уныние, не мешало стремлению хоть немного выпростаться из своей вонючей ямы, – не мешало работать, служить, чем можешь. Сейчас пришло в голову кое-что. И прежде записать:

1) Какое праздное занятие вся наша подцензурная литература! Все, что нужно сказать, что может быть полезно людям в области внутренней, внешней политики, экономической жизни и, главное, религиозной, все, что разумно, то не допускается. То же и в деятельности общественной. Остается забава детская. "Играйте, играйте, дети. Чем больше играете, тем меньше возможности вам понять, что мы с вами делаем". Как это стало несомненно ясно мне.

2) Всех людей можно себе представить придавленными огромным – ну, хоть дощатым полом – или, лучше, войлоком. И все лежат, скорчившись, согнувшись, и им тяжело, душно, и нужно и хочется расправиться. И вот каждый, вместо того чтобы по мере сил выпрямиться, стать во весь рост (стараться быть совершенным, как отец наш небесный), каждый прорывает войлок, выпрастывает руки, кладет на войлочный покров и сидит или лежит. Тем, которые не прорвали войлок и хотят выпрямиться, становится еще тяжелее, и возможность поднять весь покров вследствие дыр становится еще труднее. Все эти дыры – это всевозможные деятельности людские: и государственная, и общественная, и научная, и художественная. Нужна же одна деятельность: выпрямления. (Не вышло.)

16 января. Вчера писал о религии. Здоровье недурно. Нынче ничего не могу писать, не выспался. Соня приехала. Вчера был Буланже. Нынче все пытался работать над календарем, но не мог ничего сделать. Вчера думал:

1) Естественники, физиологи рассуждают о том, как получают человеком впечатления от внешнего мира, и исследуют глаз, волны света, источник колебания волн эфира и воздуха для слуха и нервов для осязания и т. п., а дело все в том, что человек и всякое живое существо неразрывно связано – есть одно со всеми существами мира и знает их так же, как себя, только несколько отдаленнее. И когда получает впечатления, познает их, только вспоминает то, что знает.

2) Как прав Амиель, что для всякого чувства и мысли есть свой зенит, на котором надо стараться удержать, запечатлеть чувство или мысль. Пропустишь – и не восстановишь. Так я думал о разбойничьей шайке правительств так сильно и ясно дня два тому назад, а теперь все холодно и не сильно.

18 января 1904. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. Вчера, гуляя, думал о смерти, чувствовал ее приближение с радостным, да, радостным спокойствием.

[...] Вчера немного добавил к Шекспиру и просмотрел "Купон" и "Камень". На душе хорошо.

22 января 1904. Ясная Поляна. Здоровье все хорошо, но смерть близка. Плохо работалось. [...]

27 января. Ясная Поляна. 1904. Три дня насморк и кашель, и три дня ничего не писал. И имею слабость думать, что это дурно. Кое-что записано в книжечку. [...]

28 января 1904. Ясная Поляна. Все не справлюсь. И печень и насморк. Нынче немного поправлял "Купон". И хорошо думал о войне, которая началась. [...]

Не знаю, как удастся. До сих пор же голова работает плохо. И то хорошо, как и все. Записано:

1) Точно так же для серьезного отношения к жизни нужно понимать и помнить, что я умру, как и то, что меня не было прежде.

[...] 4) У европейских народов 133 миллиарда долга. Кто кому должен? Бедняки, трудящиеся – богачам, владеющим бумагами. Может быть, когда-нибудь будет иначе, но до сих пор проценты на долги выплачивают трудящиеся рабочие; получают же эти проценты – богатые, владельцы бумаг.

Все болит печень, и нет энергии работать.

2 февраля 1904. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. Последнее время голова посвежее. Работаю над "Купоном", а о войне не пишется. [...]

19 февраля 1904. Ясная Поляна. Все время пишу о войне. Не выходит еще. Здоровье недурно. Но с некоторых пор сердце слабо. Никак не могу приветствовать смерть. Страха нет, но полон жизни, и не могу. Читал Канта, восхищался, теперь восхищаюсь Лихтенбергом. Очень родственен мне. Записать надо было о трех степенях сознания. Нынче написал об этом Черткову. Написал письма. Как важно было в голове о трех степенях сознания, и как бедно вышло в изложении. Но я еще вернусь к этому.

23 февраля 1904. Ясная Поляна. Пишу о войне, здоровье хорошо. Хочется написать продолжение "Божеского и человеческого", и мне очень нравится. [...]

25 февраля 1904. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. Все кончаю о войне.

[...] Нынче поправил Николая Павловича в "Хаджи-Мурате" и бросил. Если будет время, то напишу отдельно о Николае.

27 февраля 1904. Ясная Поляна. Еду нынче в Пирогово. Написал пропасть писем. Вчера поправлял "О войне". [...]

7 марта. Ясная Поляна. 1904. Очень хорошо съездил с Сашей в Пирогово. Маше, по письму, хуже. Не могу не жалеть. Все поправляю о войне. Кажется, кончил. Порядочно. Не хорошо, но порядочно. Довольно вяло работаю. Нет художественной охоты. Записать было чего-то два, и оба забыл. Помню, потому что записал, только вот что:

[...] 2) Прекрасная пословица: живой живое и думает, то есть что, пока человек жив, он не может весь не отдаваться интересам этого мира. От этого так страшна смерть, когда человек, полный жизни, думает о ней. Когда же приближается смерть раной, болезнью, старостью, человек перестает думать о живом и смерть перестает быть страшною.

3) Смерть – это захлопнутое окно, через которое смотрел на мир, или опущенные веки и сон, или переход от одного окна к другому.

4) Чем глупее, безнравственнее то, что делают люди, тем торжественнее. Встретил на прогулке отставного солдата, разговорились о войне Он согласился с тем, что убивать запрещено богом. – Но как же быть? – сказал он, придумывая самый крайний случай нападения, оскорбления, которое может нанести враг. – Ну, а если он или осквернит, или захочет отнять святыню?

– Какую?

– Знамя.

Я видел, как освящаются знамена. А папа, а митрополиты, а царь. А суд. А обедня. Чем нелепее, тем торжественнее.

5) Видел сон. Я разговариваю с Гротом и знаю, что он умер, и все-таки спокойно, не удивляясь, разговариваю. И в разговоре хочу вспомнить чье-то суждение о Спенсере или самого Спенсера, что тоже не представляет во сне различия. И это рассуждение я знаю и говорил уже прежде. Так что рассуждение это было и прежде и после. То, что я разговаривал с Гротом, несмотря на то, что он умер, и то, что рассуждение о Спенсере было и прежде и после и принадлежало и Спенсеру и другому кому-то – все это не менее справедливо, чем то, что было в действительности, распределенное во времени. Во сне часто видишь такие вещи, которые, когда их наяву распределяешь во времени, кажутся нелепыми, но то, что о себе узнаешь во сне, зато гораздо правдивее, чем то, что о себе думаешь наяву. Видишь во сне, что имеешь те слабости, от которых считаешь себя свободным наяву, и что не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
имеешь уже тех слабостей, за которые боишься наяву, и видишь, к чему стремишься. Я часто вижу себя военным, часто вижу себя изменяющим жене и ужасаюсь этого, часто вижу себя сочиняющим только для своей радости.

Сон, который я видел нынче, навел меня на мысль о том. Сновидения ведь это – моменты пробуждения. В эти моменты мы видим жизнь вне времени, видим соединенным в одно то, что разбито по времени; видим сущность своей жизни степень своего роста.

10 марта 1904. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. Ходил пешком. Приехал Щербаков и вечером Илья и Горчаков. Александр Петрович призвал меня к экзамену, и я сначала замялся, не мог победить недоброго чувства, но потом справился. Писал эпитафии и поправил конец. [...]

Пропустил день, нынче 12 марта 1904. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. Все поправляю "О войне" и недоволен. Ходил пешком. Вчера был Аренский, нынче Ольга приезжала советоваться. Жалко. И не знаю, что советовать. Читал о Николае I.

13 марта 1904. Ясная Поляна. Здоров. Ездил верхом. Чудная погода. Дополнял "О войне". Получше. Записать что-то было, забыл.

14 марта 1904. Ясная Поляна. Здоров. Приехали Буланже и Варенька. Поправлял "О войне" и немного "Божеское и человеческое". Ходил гулять. [...]

[15 марта] 14 марта 1904. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. По вечерам большая вялость. Не работается. Ездил верхом. Мы одни: Саша и Юлия Ивановна. Письмо от Тани. Писал "О войне". Все не кончил. Лучше. Кое-что надо записать, но нынче поздно. Думается хорошо.

День пропустил. Нынче 15.

16 марта 1904. Ясная Поляна. Е. б. ж. Очень нездоровится. Сердце слабо. Перебои и боль. Гулял. Холодно. Писал "О войне". Почти кончил. Читал "Maîne de Biran". Очень интересно мне.

17 марта. Ясная Поляна. Е. б. ж. 1904. Все пишу "О войне". Кажется, кончил. Здоровье лучше, но не совсем. Тяжесть в груди. Написал письма все. Ездил верхом. Есть что записать, но до другого раза.

18 марта. Ясная Поляна. 1904. Е. б. ж.

Пишу 19-го.

Вчера не записал. Ходил пешком. Лишнее съел. И нездоровилось. Думаю, что кончил "О войне" – дал переписывать.

[...] читал "Maîne de Biran" и Николая I. Ясно стало, что весь интерес Николая I в том, чтобы показать подлость тех, которые отстали от товарищей для успеха: Ростовцев, Шипов, Блудов. *Cette canaille, ces malfaiteurs* [Эта каналья, эти злодеи (фр.)].

20 марта 1904. Ясная Поляна. Не совсем здоров. Вчера написал 2-ю часть "Божеского и человеческого" недурно. Нынче поправлял и прибавлял "О войне". Тоже лучше. Вчера ездил верхом, нынче ходил пешком и очень устал. Читал письма и "Maîne de Biran".

21 марта 1904. Ясная Поляна. Здоровье лучше, ездил верхом. Плохо поправлял "О войне". Читал "Maîne de Biran". Записать все не удосужусь. К письму Наживину надо бы прибавить: дело христианина не судить, а любить.

29 марта 1904. Ясная Поляна. Утро. Все поправлял "О войне". Нынче поправил "Божеское и человеческое". Здоровье слабо. Так, как должно быть – разрушаются пределы. Записать надо:

[...] 4) живо представил себе тот внутренний мир тайный, одному владельцу его известный, какой есть во мне, во всех людях, в Машеньке-сестре, Соне, старике-раскольнике и др. [...]

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Не писал пять дней. Нынче 5-ое. Все время не болен, но слаб, и нет умственной охоты работать. Кроме того, были посетители: Кони и др. Ничего за все время не работал. Записать надо:

[...] 2) Нынче думал о Николае I, об его невежестве и самоуверенности и о том, какая ужасная вещь то, что люди с низшей духовной силой могут влиять, руководить даже высшей. Но это только до тех пор, пока сила духовная, которой они руководят, находится в процессе возвышения и не достигла высшей ступени, на которой она могущественнее всего.

Хочется писать декабристов.

3) Все думаю об объяснении гипноза. И не могу найти ясного определения.

4) Нынче читал философскую книгу об этике Спинозы: вызвала много мыслей. Обоснование этики возможно только на признании божественности природы того, что мы называем собою. Но как *beibringen* [передать (нем.)] эту мысль неразвитым людям? Внушение. Хотелось бы выяснить роль внушения в жизни общества.

Начал было писать "Камень угла", но не мог продолжать.

Александра Андреевна умерла. Как это просто и хорошо.

Мне очень хорошо.

7 апреля 1904. Ясная Поляна. Немного лучше. Начал писать заключение к "войне". [...]

29 апреля 1904. Ясная Поляна. Все это время писал еще прибавление к статье о войне. Нынче кончил и доволен ей. [...]

Нынче думал очень важное. Иногда мне кажется, что это – откровение истины, иногда кажется, что это – философский бред.

[...] 2) Человек познает что-либо вполне только своей жизнью. Я знаю вполне себя, всего себя до завесы рождения и прежде завесы смерти. Я знаю себя тем, что я – я. Это высшее или, скорее, глубочайшее знание. Следующее знание есть знание, получаемое чувством: я слышу, вижу, осязаю. Это знание внешнее; я знаю, что это есть, но не знаю так, как я себя знаю, что такое то, что я вижу, слышу, осязаю. Я не знаю, что оно про себя чувствует, сознает. Третье знание еще менее глубокое, это знание рассудком; выводимое из своих чувств или переданное знание словом от других людей – рассуждение, предсказание, вывод, наука.

Первое. Мне грустно, больно, скучно, радостно. Это несомненно.

Второе. Я слышу запах фиалки, вижу свет и тени и т. д. Тут может быть ошибка.

Третье. Я знаю, что земля кругла и вертится, и есть Япония и Мадагаскар, и т. п. Все это сомнительно.

Жизнь, я думаю, в том, что и третье и второе знание переходят в первое, что человек все переживает в себе. [...]

7 мая 1904. Ясная Поляна. 1) Третьего дня встретил оборванного просящего прохожего. Разговорился с ним: он бывший воспитанник Педагогического института. Он – нищезанец *sans le savoir* [сам того не зная (фр.)]. Да какой убежденный. "Служение богу и ближним, подавление своих страстей – это узость, нарушение законов природы. Надо следовать страстям, они дают нам силу и величие". Поразительно, как учение Ницше, эгоизм, есть необходимое следствие всей совокупности *quasi*-научной, художественной и, главное, *quasi*-философской и популяризаторской деятельности. Мы не удивляемся и не сомневаемся в том, что если в хорошо разработанную землю попали семена и при этом будет тепло, влага и ничто не затопчет посев, то вырастут известные растения. Возможно также верно определить, какие будут духовные последствия известных умственных, художественных, научных воздействий.

2) Мне все больше и больше кажется, что нужно и есть что сказать о причинах подавления духовной жизни людей и средствах избавления. Все то же старое:

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
причина всего – насилие, оправдываемое разумом насилие, и средство избавления: религия, то есть сознание своего отношения к богу. То же хочется выразить в художественной форме. Николай I и декабристы. Читаю много хорошего по этому.

[...] несколько дней здоровье нехорошо. Вял. Нет охоты работать. Отослал давно "О войне" и жду действия, хотя знаю, что никакого не будет и не следует ждать.

8 мая 1904. Ясная Поляна. Нынче получил письмо от матроса из Порт-Артура. Угодно ли богу, или нет, что нас начальство заставляет убивать?

Есть это сомнение, и я пишу о нем, но знаю тоже, что есть великий мрак в огромном числе людей. Но, как Кант говорит, как только ясно выражена истина, она не может не победить все. Когда? Это другой вопрос. Нам хочется скоро, а у бога лет как один час. Думается мне, что для того, чтобы кончились войны (и с войнами узаконенное насилие), нужны вот какие исторические события: нужно 1) чтобы Англия и Америка были в войнах разбиты государствами, введшими общую воинскую повинность; 2) чтобы они вследствие этого ввели общую воинскую повинность, и 3) что тогда только все люди опомнятся.

11 мая. Ясная Поляна. 1904. Здоровье лучше. Приехали Михайлов и Николаев, приезжают Мережковские. Все дни ничего не писал. Англичанин с письмом от Черткова. Душевное состояние хорошо. [...]

20 мая 1904. Ясная Поляна. Последние дни писал предисловие к статье Черткова. Кое-что добавил к войне. А перед этим дня два ничего не делал. Здоровье недурно, хотя чувствую убыстряющееся приближение к переходу. [...]

24 мая 1904. Ясная Поляна. Ничего не пишу. Здоровье хорошо. Соня больна. Невралгия. [...] Все читаю декабристов и Николая. Очень казалось бы нужно.

25 мая 1904. Ясная Поляна. Вчера писал "Божеское и человеческое". Здоровье хорошо. [...]

28 мая 1904. Ясная Поляна. Все поправлял "Божеское и человеческое". Здоровье со вчерашнего дня испортилось. [...]

30 мая 1904. Ясная Поляна. Третий день нездоров – печень, но нынче гораздо лучше. Немного прибавлял к "Божескому и человеческому". Кажется, не дурно. "Камень главы угла", то есть "О религии", я решил бросить то, что написано, и начать сначала. [...]

2 июня 1904. Ясная Поляна. Вчера писал письма. За работу ни за какую браться не хочется. Отпустил Brigs'a. Умный малый. Был Гегидзе. Напрасно. Здоровье получше. Война и набор в солдаты мучает меня. Думал:

1) Человек, взрослый человек, без религиозного мировоззрения, без веры, есть духовный, нравственный калека, он может делать то, что свойственно человеку, может жить только благодаря искусственным приспособлениям: забавы, искусство, похоть, честолюбие, корыстолюбие, любопытство, наука. И такой человек – как и калека – всегда во власти всех, с ним можно сделать все, что хочешь. И такова вся наша, вся европейская (и американская) интеллигенция. Эта интеллигенция-калека ни во что не верит, ничего не умеет делать, кроме пустяков, но знает, что ей надо жить. И жить она может только чужими трудами. Заставить же кормить, содержать себя она может только людей тоже без религии. И потому все усилия ее направлены на то, чтобы или извратить ту веру, которую имеет народ, или совсем лишить ее народ. Первым делом специально занято духовенство, вторым – ученые: наука, литература, искусство. [...]

4 июня 1904. Ясная Поляна. Несколько дней не пишется. Здоровье не совсем. Война – набор запасных, не переставая, страдаю. Попытался вчера писать воспоминания – не пошло. Думал:

[...] 2) война есть произведение деспотизма. Не будь деспотизма, не могло бы быть войны; могли бы быть драки, но не война. Деспотизм производит войну, и война поддерживает деспотизм.

Те, которые хотят бороться с войной, должны бороться только с деспотизмом.

6 июня 1904. Ясная Поляна. Вчера немного писал "Камень". Немного нездоровится.

[...] Несчастливые брошенные солдатки ходят. Читаю газеты, и как будто все эти битвы, освящения штандартов так тверды, что бесполезно и восставать, и иногда думаю, что напрасно, только вызывая вражду, написал я свою статью, а посмотришь на народ, на солдаток, и жалеешь, что мало, слабо написал. [...]

9 июня 1904. Ясная Поляна. Все та же слабость духовная. И то хорошо. Слава богу, продолжаю сознавать себя истинным собою. Ездил вчера в Тулу. Ничего не пишу. Посетители: Давыдов, Бестужев, Кун, Michael Davitt нынче.[...]

11 июня 1904. Ясная Поляна. Вчера записал дневник, написал несколько писем, и больше ничего. Здоровье лучше, но та же умственная бездеятельность. Ездил верхом. Все помню свое (не знаю, как ясно, коротко выразить) - свою истинную жизнь, что она в настоящем. И очень хорошо. Стоит вспомнить, и то, что тревожило - перестает, что сердило - перестает, что огорчало - радует. Саша идет - беспокоюсь. Да ведь это не моя жизнь. Что будет, то хорошо. Сердит то, что Ухтомский глупо пишет, да ведь он не знает, и опять это не я в настоящем. Из книги чужой листы пропали. Да ведь это так должно было быть. Твое дело отнести к этому как должно. [...]

13 июня 1904. Ясная Поляна. Все та же умственная слабость и нездоровится. Печень. Вчера поправлял Пошину биографию. Кое-что вписывал. Плохо. Ездил верхом. Дурно обошелся с офицером. Не забыл, но не умел иначе. Сейчас пойду к нему. Записать надо два: о боге и о посланничестве. Боюсь, что нынче я не в духе и дурно запишу. Еще что-то хорошее думал и забыл. Проводил Андрюшу. Удивительно, почему я люблю его. Сказать, что оттого, что он искренен, правдив, - не правда. Он часто неправдив (правда, это сейчас видно). Но мне легко, хорошо с ним, люблю его. Отчего?!...]

15 июня 1904. Ясная Поляна. Вчера только написал письмо Мооду. Физически в самом дурном духе, но без усилия держусь и часто, и когда нужно, вспоминаю о своем посланничестве. [...]

18 июня 1904. Ясная Поляна. Здоровье не совсем. Ничего не пишу. Думал о себе:

1) что не обманываю ли я себя, хваля бедность? Увидел это на письме к Молостовой. Вижу это на Саше. Жаль их, боюсь за них без коляски, чистоты, амазонки. Объяснение и оправдание одно: не люблю бедность, не могу любить ее, особенно для других, но еще больше не люблю, ненавижу, не могу не ненавидеть то, что дает богатство: собственность земли, банки, проценты. Дьявол так хитро подъехал ко мне, что я вижу ясно перед собой все лишения бедности, а не вижу тех несправедливостей, которые избавляют от нее. Все это спрятано, и все это одобряется большинством. Если бы вопрос был прямо поставлен, как бы мне больно ни было, я решил бы его в пользу бедности. Надо ставить себе вопрос прямо и прямо решать его. [...]

20 июня 1904. Ясная Поляна. Здоровье лучше, но не могу пристально работать, не хочется. Кроме того, много посетителей: Сухотины, Таня главное. Кое-что думаю и забываю, кое-что помню, а именно:

1) Эгоизм - самое дурное состояние, когда это эгоизм телесный, и самое вредное себе и другим; и эгоизм - сознание своего высшего "я" - есть самое высшее состояние и самое благое для себя и других. Стоит заботиться о себе телесном - и ряд неустрашимых трудностей и бед; стоит заботиться о себе духовном - и все легко, и все благо.

2) Чем больше живешь, тем становится короче и время и пространство: что время короче, это все знают, но что пространство меньше, это я теперь только понял. Все кажется все меньше и меньше, и на свете становится тесно.

3) Споры бывают только оттого, что спорящие не хотят воротиться к тем положениям, на которых они основывают свои выводы. Если бы они сделали это, они увидели бы или что положения, принимаемые ими за аксиомы, несогласимы, или то, что кто-нибудь один, а может быть, и оба делают неправильные выводы из верных основ. [...]

22 июня 1904. Пирогово. Вчера приехал в Пирогово. Брат в очень дурном состоянии,

не столько физическом, сколько духовном. Правда, положение очень тяжело, удар, рот на сторону, слюна и боли; но оно становится тяжелее оттого, что он не хочет покориться. В таком положении есть только два выхода: противление, раздраженной увеличением страданий, как это у него, или, напротив: покорность, умиление и уменьшение страданий, даже до уничтожения их.

[...] Вчера в "Русских ведомостях" суждение о моей статье в Англии. Мне было очень приятно, самолюбиво приятно, и это дурно.

24 июня 1904. Ясная Поляна. Письма Черткова и англичанина по случаю статьи "О войне". Боюсь, что вызвало раздражение тем, что там не с богом думано. И льстиво самолюбию, и сознание нехорошего поступка. Все можно сказать любя, с богом, а я не умел. Все еще помню и живу высшим сознанием. Маша здесь. И не только все так же, но еще больше близка мне, без разговоров. А она.

27 июня 1904. Вчера расстроился желудком, печенью. Вялость, сонливость и даже дурное расположение духа. Поймал себя на ворчании на Илью Васильевича. Стыдно. А остальное хорошо. Не забываю своего чина. За это время думал три вещи: две ясные, третья – только смутно представляющаяся. Вчера пробовал писать "Камень". Не пошло. Записать:

1) Николай Павлович распоряжается миллионами, посылает тысячи на военную бойню и иногда сам удивляется: как это его слушаются.[...]

28 июня 1904. Ясная Поляна. Нынче еще ночью умственно проснулся. Чего не коснусь, все, что вчера было темно и ненужно, – ясно и интересно.

[...] 5) Вспомнил военную выpravку при Николае Павловиче (Записки Розена, трех забей, одного выучи), вспомнил крепостное право и то испытанное мною отношение к человеку, как к вещи, к животному: полное отсутствие сознания братства. Это главное в том, что я хотел бы писать о Николае I и декабристах.

[...] 7) Избавиться совсем от желания славы людской невозможно. Слава людская, любовь людей не может не радовать. Надо только не искать ее, не делать ничего для нее.

2 июля 1904. Ясная Поляна. Вчера написал много писем, – Гришенко о свободе воли и Толь о статье. Вчера как будто проснулся, а нынче опять вял. Много думал о том же: движении, веществе, времени, пространстве...

[...] 2) Было время, когда анархизм был немыслим. Народ хотел обожать и покоряться, и правители были уверены в своем призвании и не думали об отвержении своей власти и не делали ничего для этого. Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы, правители же не делают то, что считают нужным для своей и народной славы, а заняты тем, чтобы удержать свою власть. Народы чувствуют это и не переносят уже власть, хотят свободы, полной свободы. С тяжелого вoза надо сначала скинуть столько, чтобы можно было опрокинуть его. Настало время уже не скидывать понемногу, а опрокинуть.

3) Разве мыслима разумная жизнь в государстве, где глава его торжественно благословляет иконами, целует их и заставляет целовать?

3 июля 1904. Ясная Поляна. Все не пишется и не думается. Вчера получил письма Евгения Ивановича и Черткова о предисловии, о том самом, что я писал им. И мне было очень приятно. Думал:

[...] 3) Екатерина II или Николай I, начиная царствовать, удивляются на то, как легко царствовать, как мало усилия нужно для того, чтобы быть великой царицей, великим царем.

7 июля 1904. Здоровье лучше. Переделал предисловие. Ездил к Булыгину вчера. Был Симонович. Он мне нравится. Нынче слепой и Бутурлин. [...]

12 июля 1904. Ясная Поляна. Все время не пишется и думается мало. Притом посетители. Нынче как будто посвежее. Переделывал предисловие. Кажется, порядочно о свободе. [...]

17 июля 1904. Ясная Поляна. Все так же мало пишется. Кое-что думаю и немного

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

работаю предисловие. Был в Пирогове. Сережа не спокоен, противится. И тяжело и ему и другим. Дорогой увидел дугу новую, связанную лыком, и вспомнил сюжет Робинзона – сельского общества переселяющегося. И захотелось написать 2-ю часть Нехлюдова. Его работа, усталость, просыпающееся барство, соблазн женский, падение, ошибка, и все на фоне робинзоновской общины. [...]

18 июля 1904. Ясная Поляна. Вчера нездоровилось, не обедал. Захватился, как говорил немец. Нынче хорошо. Сейчас сижу в своей комнате и издалека слушаю неумолкаемый разговор и знаю, что разговор этот идет с раннего утра и будет идти до позднего вечера, и шел и вчера, и третьего дня, и раньше, и всегда, и будет идти до тех пор, пока говорящим не нужно будет работать. И главное, все сказано, говорить нечего. Одно средство наполнять разговор – это говорить злое про отсутствующих или спорить зло с присутствующими. Ужасное бедствие праздность. Люди созданы так, чтобы работать, а они, создав рабов, освободились от труда, и вот страдают, и страдают не одной скукой и болтовней, но атрофией мускулов, сердца, отвычкой труда, неловкостью, трусостью, отсутствием мужества и болезнями.

Но это только те страдания, которые себе наживают праздные люди, а скольких лучших радостей они лишаются: труд среди природы, общение с товарищами труда, наслаждение отдыха, пища, когда она идет на пополнение затраченного, общение с животными, сознание плодотворности своего труда... Моя жизнь погублена, испорчена этой ужасной праздностью. Как бы хотелось предостеречь других от такой же гибели.

Ах, как бы хотелось написать II часть Нехлюдова!

Записать:

[...] 3) Мы постоянно забываем, что мы не стоим, а идем, и сами каждый отдельно в возрасте и все вместе с веком. Заблуждение это особенно сильно в детстве. Дети любят, чтобы все было по-старому, и не хотят верить тому движению, в котором они участвуют. Но с годами движение это убыстряется, как камень, падающий сверху, и старики видят уже быстрое явное движение. Для правильной жизни надо всегда помнить, что мы не стоим, а движемся, и не цепляться за то, от чего мы уходим.

21 июля 1904. Ясная Поляна. Здоровье держится. Погода – дождь и холод. Все понемногу поправлял предисловие, а нынче кончил. Записать:

1) Во сне кажется естественным то, что безумно, так и в этой жизни.

2) Говорят: жизнь наша – тайна. Нет никакой тайны для разумных вопросов. А для неразумных вопросов все тайна.

22 июля 1904. Ясная Поляна. Просится новая большая работа, нужная, важная, огромная. Не хочу даже здесь сказать, в чем она. Хотел начинать нынче, но не могу, нет охоты. Кончил предисловие. Все та же неохота, неспособность работать. Здоровье порядочно.

23 июля 1904. Ясная Поляна. Все то же – хорошо. Не пишу, но хорошо думается. Если бы написать, что думается, сказал бы: ныне отпускаеши... Хочу попытаться начать.

24 июля 1904. Ясная Поляна. Начал вчера и оставил. Не пошло. А все думаю. Нынче ночью думал о том же, и хорошо. Вчера ездил к погорелым в... (забыл) Городну. (Память очень слабеет.) Неприятно, фальшивая благотворительность. Дома хорошо. Без усилия добро. Нехорошо было, слушал "Божеское и человеческое" и волновался. Нынче думаю все-таки окончить "Камень". Чувствую, что должно. Прямо сознание обязанности сказать, чего не знают и в чем заблуждаются. Попытаюсь сделать это как можно кратче и проще. Записать:

1) Чем больше люди разъединены, тем возможнее, нужнее кажется деспотизм насилие. Теперь же, когда они все живут одной жизнью, деспотизм – *appendix* [придаток (лат.)] не нужный, вредный, губительный. У бабочки выросли крылья, и ей и тесно в куколке, и нужно расправить крылья, и куколка пересохла. [...]

29 июля 1904. Ясная Поляна. Все то же. Почти не пишу. Работал немного "Камень". Но, кажется, хорошо, плодотворно думаю. Дня два тому назад был в удивительном,

странном настроении: кротком, грустном, смиренном, покорном и умиленном. Хорошо.

Часто меня посещают, и четвертого дня я вздумал записать, кто да кто были? Были: 1) От Гиля убившийся в шахте крестьянин. Я послал его к Голднблатту. 2) Потом солдатка о возвращении мужа. Я написал ей прошение.

3) Потом ребята с железной дороги. Отобрал им книжки.

4) Потом барыня из Тифлиса о религиозном воспитании. Высказал ей, что думал. В понедельник, вторник тоже не меньше посетителей. Так что хорошо. Записать:

[...] 2) очень важное для статьи "Новая жизнь". Главная ошибка борющихся с существующим злом та, что хотят бороться извне. Перестроится мир не извне, а изнутри. И потому вся энергия на внутреннюю работу. [...]

2 августа 1904. Ясная Поляна. Все не пишется. Решил вчера сначала без поправок или почти без поправок писать о значении религии. И хорошо обдумал это. Съехались все сыновья провожать Андрюшу и Ольга. Война волнует, но меньше, потому что пар пошел в работу. Записать то, что вообще и что к статье о религии. Именно:

1) Слушая музыку и задавая себе вопрос: почему такая и в таком темпе, вперед как бы определенная последовательность звуков? я подумал, что это оттого, что в искусстве музыки, поэзии художник открывает завесу будущего показывает, что должно быть. И мы соглашаемся с ним, потому что видим за художником то, что должно быть или уже есть в будущем. То же - и в высшей степени - в нравственной проповеди, в пророчестве.

2) Пришло в голову восторженно блаженное состояние женщины-красавицы, знающей, что ею любуются, в то время как она слушает прекрасную музыку и знает, чувствует, что на нее смотрят.

3) Буду писать прямо в статью.

Жизнь никогда не стоит на месте, а всегда не переставая движется, движется кругами, как будто возвращающими все живущее, через уничтожение, к прежнему несуществованию; в сущности же эти самые круги в своем возникновении и исчезновении составляют новые, другие, большие круги, которые, также возникая и уничтожаясь, составляют еще большие круги, и так до бесконечности и вверх и вниз.

Знаем мы это прежде всего и яснее всего, несомненное всего по своей жизни, начинающейся рождением, продолжающейся усилением, доходящим до мертвой, неподвижной точки, и потом равномерно ослабевающей и кончающейся не ничем, а смертью. Отличие рождения и смерти от возникновения из ничего и уничтожения в ничто - то, что, хотя жизнь как бы возвращается к своему началу, она возвращается иная, чем та, которой началась. Там был ребенок, - при смерти старец.

Так что процесс жизни не бесцелен, каким бы он был при простом возникновении и исчезновении, а цель его, очевидно, сделать из ребенка юношу, мужа, старца. То же самое можем видеть мы и вверху или впереди. То же самое видим мы и внизу или позади в жизнях бесчисленных клеток, составляющих тело, возникающих и умирающих. Тела наши составляют частицы того большого круга, который совершает земля, солнце, которые также рождаются, стараются и умирают. Все, что мы видим, знаем, подлечит этому закону жизни - рождения и смерти. В микроскопических телах мы не видим этого потому, что процесс совершается слишком скоро, в телескопических не видим потому, что процесс для нас слишком медленен. Знаем мы твердо этот процесс только в себе. Для чего-то нужно всякому человеческому существу переделаться из ребенка в старика и во время этой переделки исполнить какое-то назначение. Если бы цель жизни состояла только в том, чтобы люди переделывались из детей в стариков, то люди не умирали бы до старости. Если же цель жизни состояла бы только в служении людей друг другу, людям совсем не нужно было бы умирать.

Так что жизнь человеческая есть и рост жизни и служение.

Закон этот рождения, роста и умирания относится не к одной телесной стороне жизни, но и к духовной. Духовная жизнь зарождается, растет и доходит до зенита

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
не на середине жизни, но на конце ее.

10 августа 1904. Ясная Поляна. Давно не писал. Дня четыре был нездоров. Все не работается, но думается хорошо. Составляю дня четыре новый календарь. Вчера приехала Таня из Пирогова, и, как всегда, смерть застаёт неготовым, заставляет все внимательнее и внимательнее вникать в жизнь и смерть.[...]

15 августа 1904. Пирогово. Три дня здесь. Понемногу заболел, и вчера было совсем худо: жар и, главное, изжога жестокая. У Сережи было очень тяжело. Он жестоко страдает и физически и нравственно, не смиряясь. Я ничего не мог ему сделать, сказать хорошего, полезного. Первый день переводил, вчера ничего не делал, нынче неожиданно нашел начало статьи о религии и написал 1 1/2 главы. Вдруг стало ясно в голове, и я понял, что мое нездоровье уж готовилось. Оттого тупость.

Заглавие надо дать: "Одна причина всего", или "Свет стал тьмою", или "Без бога".

Записать надо:

1) Люди придумывают себе признаки величия: цари, полководцы, поэты. Но это все ложь. Всякий видит насквозь, что ничего нет и царь - голый.

Но мудрецы, пророки?.. Да, они нам кажутся полезнее других людей, но все-таки они не только не велики, но ни на волос не больше других людей. Вся их мудрость, святость, пророчество ничто в сравнении с совершенной мудростью, святостью. И они не больше других. Величия для людей нет, есть только исполнение, большее или меньшее исполнение или неисполнение должного. И это хорошо. Так лучше. Ищи не величия, а должного. [...]

17 августа 1904. Пирогово. Нынче гораздо лучше; поправляюсь. Думаю идти к Сереже. Вчера сидел на воздухе, гулял. Кое-что записал. Сейчас думал о том, что решительно надо оставить мысль отделять свои сочинения. А надо писать то, что уясняется в голове, как сложилось по разным отделам: 1) мудрости религии - философии; 2) художественных вещей: а) "Воскресения", б) Декабристов, Николая, в) поправки ясные написанному художественному; 3) Воспоминания. Воспоминания непременно надо записывать, как вспомнится: какие времена, состояния, чувства живо вспомнятся и покажутся стоящими записи. Это очень бы было хорошо. Не знаю, удастся ли.

Записать:

1) Кошунство, возмущающее меня не умышленно, а непосредственно, не икона в помойной яме, не Евангелие вместо оберточной и всякой бумаги (хотя и тут испытываю что-то неприятное), но то, когда говорят шутя, играя, забавляясь софизмами, о нравственности, добре, любви, разуме, боге, как это делает Жером Жером, которого я читаю здесь, и как делают это многие и многие и научные, и журнальные, и художественные писатели и нарочно и нечаянно.

2) Гуляя, вспомнил живо свое душевное состояние в молодости, в особенности после военной службы. До этого еще было живо, чуть живо стремление совершенствоваться. Во имя чего, я не определял, не знал, но чувствовал - есть то, во имя чего это нужно. Но после военной службы я был совершенно свободен от всяких духовных уз, то есть совсем раб своего животного. Было одно, во имя чего я еще мог принести в жертву похоти животного и даже жизнь самого животного (война, дуэль, к которой всегда готовился), и только одно, а то все было возможно. И так было до 50 лет. Как бы я хотел избавить от этого людей! [...]

19 августа 1904. Пирогово. Нынче как будто лучше. Спал без болей и изжоги. Вчера Сергей Васильевич говорил, что Сережа боится умереть ночью. Сейчас пойду к нему. Читаю Тэна. Очень мне кстати.

1) Он описывает бедствия анархии 1780 - 90 годов. Едва ли они больше бедствий теперешней японской войны, происходящей при самом правильном государственном порядке.

2) Спор с колей, запишу после.

Говорил о том, что нет большего и меньшего материального блага, что во всем

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

компенсация, что крестьянка, питающаяся хлебом и квасом, после родов встающая, заедаемая нечистой и т. п., не несчастнее барыни со своими прихотями, капризами, нервами и действительными страданиями. Что как нельзя в одном месте поднять уровень пруда, нельзя дать себе или другому большего или меньшего блага.

"Если так, то зачем сострадать, помогать людям? Им так же хорошо, как и мне".

Но дело в том, что мне нехорошо, если я в числе тех, которые имеют избыток вещественных благ, если я держусь обмана того, что, отнимая от других или удерживая, можно увеличить свое благо. Мне дурно, и я не могу не стремиться избавиться от этого. Кроме того, и главное, если я знаю, что смысл моей жизни в любви, т. е. в перенесении себя в жизнь, интересы других, я буду помогать другому, потому что таково его желание, и желание не вредное, если он хочет пищи, отдыха, буду помогать, как я буду помогать ребенку, уронившему и сломавшему игрушку. [...]

20 августа 1904. Пирогово. Сегодня гораздо лучше. Вчера получил письма. Соня не очень ждет. Все-таки завтра хочу ехать, если велит бог. От Черткова приятное о предисловии и от Lucy Maury тоже. Много хожу. И все читаю Тэна. Очень для меня важно.

Читая историю французской революции, становится несомненно ясно, что основы революции (на которые так несправедливо нападает Тэн) несомненно верны и должны быть провозглашены, и что, как он говорит, воображаемый человек, то есть идеал человека, гораздо действительнее француза известного времени и места, и что руководиться этим воображаемым человеком для устройства жизни гораздо практичнее, чем руководиться соображениями о свойствах такого-то и такого-то француза; ошибка была только в том, что провозглашенные принципы предполагалось осуществлять так же, как и прежние злоупотребления: насилем. L'assemblée constituante [Учредительное собрание (фр.)] была бы совершенно права, если бы она объявила те же самые принципы, а именно: что никто не может владеть другим, не может владеть землей, никто не может собирать подати, никто не может казнить, лишать свободы; объявила, что отныне никто, то есть правительство, не будет поддерживать этих прав, и больше ничего. Что бы из этого вышло - не знаю, и никто не знает, что бы вышло и теперь, если бы это было объявлено; но одно несомненно, что не могло бы выйти того, что вышло в французской революции.

Частные люди никогда не побьют, не зарежут и не ограбят одной тысячной того числа, которое побьют и ограбят правительства, то есть люди, признающие за собой право убивать и грабить. Может быть, не было готово французское общество к такому перевороту тогда; может быть, оно не готово и теперь; но несомненно, что переворот этот должен совершиться, что человечество все более и более приготавливается к этому перевороту и что придет время, когда человечество будет готово к нему.

22 августа 1904. Ясная Поляна. Вчера вернулся из Пирогова. Сережа кончается. Я был не нужен ему. [...]

26 августа 1904. Пирогово. Сережа умер. Тихо, без сознания, выраженного сознания, что умирает. Это тайна. Нельзя сказать, хуже или лучше это. Ему было недоступно действительное религиозное чувство (может быть, я еще сам себя обманываю; кажется, что нет). Но хорошо и ему. Открылось новое, лучшее. Так же, как и мне. Дорога, важна степень просветления, а на какой она ступени в бесконечном кругу, безразлично.

Два дня работал над календарем, уясняется. Но еще трудно. [...]

27 августа 1904. Пирогово. Был совсем здоров. Расстроился объединением. Стыдно. Смерть все удивительней и удивительней. Был на похоронах, нес до церкви. Гриша хорош, спокоен. Я вял. Вчера переводил для календаря. [...]

1 сентября 1904. Ясная Поляна. Все это время переводил и читал для "Круга чтения" и написал предисловие. Работа подвигается, но очень ее много.

Записать надо:

1) По мере того, как открывается сущность жизни, т. е. что человек узнает свою безвременную, беспространственную природу, уничтожается, умаляется его

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
материальная природа, т. е. разбиваются пределы, отделяющие его от других
существ (земля, и в землю пойдешь). (Здесь я что-то забыл.)

2) Не только люди к старости, но животные добреют. Добреют ли растения? Что
делается в них, мы не знаем, но то, чем проявляются их жизни в старости, имеет
свойства добра: они роняют свои плоды, семена, служат другим и перестают
бороться (гниют), уступают место другим. [...]

15 сентября 1904. Ясная Поляна. Две недели не писал. Все время занят выписками
для "Круга чтения". Набралось, кроме полного одного года, еще, вероятно, целый
год. Не читаю газет, а читаю Амиеля, Карлейля, Мадзини, и очень хорошо на душе.
Здоровье не дурно. Душевное состояние - хочется похвалиться, но боюсь; все-таки
скажу, что очень радостно. Записать надо много:

[...] 2) Странная вещь: очень часто я по чувству влеком больше к
безнравственным, даже жестоким, но цельным людям (Вера, Андрюша и многие
другие), чем к либеральным, служащим людям и обществу людям. Я объяснил это
себе. Люди не виноваты, если они не видят истинного смысла жизни, если они еще
слепы - не как совы, но как щенята. Одно, что они могут делать хорошего, это не
лгать, не лицемерить, не делать того, что похоже на настоящую человеческую,
религиозную деятельность, но не есть она. Когда же они лицемерят, делают для
людей, но не для бога, оправдывают себя, они отталкивают.

[...] 8) Прекрасная сказка Андерсена о горошинах, которые видели весь мир
зеленым, пока стручок был зеленый, а потом мир стал желтый, а потом (это уже я
продолжаю) что-то треснуло, и мир кончился. А горошина упала и стала расти.

9) Несколько раз за это время охватывало чувство радости и благодарности за то,
что открыто мне. [...]

15 сентября 1904. Ясная Поляна. Начинаю эту тетрадь продолжением того, что надо
записать на 15 сентября

11) в старости отмирают способности, внешние чувства, которыми общаешься с
миром: зрение, слух, вкус, но зато нарождаются новые не внешние, а внутренние
чувства для общения с духовным миром, - и вознаграждение с огромным излишком. Я
испытываю это. И радуюсь, благодарю и радуюсь. [...]

22 сентября 1904. Ясная Поляна. Неделю не писал. Здоровье хорошо. Умственно
дремлю. Начал было писать "Свет во тьме", но нет охоты продолжать. Кое-что делал
для "Календаря". Надо выписать биографии. Читал Канта. Его бог и бессмертие, то
есть будущая жизнь, удивительны по своей недоказанности. Впрочем, он сам
говорит, что не снимает с одной чаши весов своего желания доказать бессмертие.
Основная же мысль о вневременной воле, вещи самой в себе, совершенно верна и
известна всем религиям (браминской), только проще, яснее выраженная. Остается
одна, но зато громадная заслуга: условность времени. Это велико. Чувствуешь, как
бы ты был далеко назади, если бы, благодаря Канту, не понимал этого.

Соня в Москве. Погода чудная.

Записать надо:

[...] 8) о, как бы хотелось написать катехизис (без вопросов и ответов)
нравственности, всем, главное, детям, понятный и убедительный! Вот когда сказал
бы: ныне отпускаеши.

[8 октября] 7 октября 1904. Ясная Поляна. Больше двух недель не писал. Очень
занят "Кругом чтения". Подвигается, еще много работы. Кое-что и, казалось,
важное записал. Здоровье в общем хорошо; но упорная боль в правой кишке. Может
быть, пустяки, а может быть - важное, к смерти. Думаю без противления. Здесь
Горбунов и Абрикосов. Теперь 1-й час ночи. Не стану записывать. А то дурно
запишу, а кажется, много важного.

22 октября 1904. Ясная Поляна. Сто лет не писал. Все время занят "Кругом
чтения". Много работал и много сделал. Но чем дальше, тем [больше] видишь, что
могло бы быть лучше. Не знаю, где остановлюсь. Приятно сознавать, что в этом
деле во мне есть только увлечение самой работой. Помогали Иван Иванович, новый
друг, очень славный, Федоров и милый Абрикосов. Записать надо пропасть и,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
кажется, не дурно. Сейчас, нынче было особенно важное:

1) Опять, что со мной так часто бывало, приходит мысль, кажущаяся странной, парадоксом; но приходит с другой стороны, другой, третий раз, начинаешь думать о предметах и мыслях, связанных с нею, и вдруг приходишь к убеждению, что это не только не парадокс, не случайная мысль, а самая основная, важная, которая открывает новую важную сторону жизни. Так это было со мной с мыслью о призвании человека совершенствоваться. Я осторожно, робко относился к этой мысли, потому что одним она кажется трюизмом, а другим чем-то неприятным, глупо смешным, против чего они озлобленно восстают. И вот я пришел к убеждению, что это мысль, разрешающая все сомнения, что в этом ясный и единственно доступный нам смысл жизни.

Зачем нужно (началу жизни, богу, или просто: зачем нужно) то, чтобы мы совершенствовались, я не знаю и не могу знать. Могу только догадываться, что это нужно для того, чтобы было осуществлено наибольшее благо как отдельных личностей, так и совокупностей их, так как ничто так не содействует благу и тех и других, как стремление к совершенствованию. Но если я не знаю зачем, я несомненно знаю, что в этом закон и цель нашей жизни.

Знаю я это по трем самым убедительным доводам: потому что, во-1-х, вся наша жизнь есть стремление к благу, то есть к улучшению своего положения. Совершенствование же есть самое несомненное улучшение своего положения. И стремление к совершенствованию не есть предписание разума, а есть свойство, прирожденное человеку. Всякий человек всегда сознательно или бессознательно стремится к этому. Это первое. Во-2-х, это одна единственная деятельность из всех человеческих деятельностей, которая не может быть остановлена и которая в стеснениях, страданиях, болезнях, самой смерти может совершаться так же свободно, как и всегда. Это второе. Третье доказательство того, что это есть назначение человека, то, что для человека, сознательно поставившего себе эту деятельность целью, исчезает все то, что мы называем злом, или, скорее, претворяется в добро. Гонения, оскорбления, нужда, телесные страдания, болезни свои и близких людей, смерти друзей и своя, все это такой человек принимает как то, что не только должно быть, но что нужно ему для его совершенствования.

Притча о талантах говорит это самое. Жизнь есть увеличение своей души, и благо не в том, какая душа, а в том, насколько человек увеличил, расширил, усовершенствовал ее. Зачем это? Никто не знает и не может знать. Но что это есть, это мы все, если не знаем, то смутно чувствуем и можем знать.

[...] 3) Всякое приобретенное знание не принадлежит тому, кто усвоил его, а всем тем, кому оно может быть нужно. Этому естественно следуют все владеющие знанием (всегда есть потребность сообщить его) и те, которые ищут его. Противодействуют этому общению только те, дела которых совершаются во мраке.

[...] 7) Если даже мирские радости и бедствия, которые могут постигнуть человека, одинаковы для добродетельного, самоотверженного и порочного, себялюбивого человека (хотя это не так, и для добродетельного всегда вероятней больше радостей и меньше бедствий), то все-таки добродетельный человек всегда будет в барышах, так как будет испытывать то особенное внутреннее благо, которое- дает добрая жизнь, благо, которого лишен человек порочный.

[...] 13) Мы можем знать о нашей жизни, назначении и смысле ее ровно, сколько это нам нужно для нашего блага.

14) Мы не любим людей не потому, что они злы, а мы считаем их злыми потому, что не любим их.

[...] 22) Спрашивают, зачем умирают дети, молодые, которые мало жили. Почему вы знаете, что они мало жили? Ведь это ваша грубая мерка временем, а жизнь меряется не временем. Все равно, что сказать: зачем это изречение, эта поэма, эта картина, это музыкальное произведение такие коротенькие, за что их оборвали и не растянули до величины самых больших речей, картин, пьес? Как к значению (величине) произведений мудрости, поэзии неприложима мерка длины, так и к жизни. Почему вы знаете, какой внутренний рост совершила эта душа в свой короткий срок и какое воздействие она имела на других.

Духовную жизнь нельзя мерять телесной меркой.

[...] 25) Сколько есть людей, всем недовольных, все осуждающих, которым хочется сказать: подумайте, неужели вы только затем живете, чтобы понять нелепость жизни, осудить ее, посердиться и умереть. Не может этого быть. Подумайте. Не сердиться вам надо, не осуждать, а трудиться, чтобы исправить то дурное, которое вы видите.

5 ноября 1904. Ясная Поляна. Не писал с 22 октября. Все занят "Кругом чтения". В достоинстве сомневаюсь. Скорее склоняюсь думать, что плохо. Немного писал "Камень", но главное то, что складывается: "Закон божий". Хочу начать так:

Людям дурно жить оттого, что они не только не сознают свое истинное положение в мире, но представляют себе это положение совсем не тем, что оно есть. Люди думают, что они живут телесно в этом мире, а между тем они не живут в нем, а только проходят через него. Живут люди духовно вне времени и пространства; жизнь же в этом мире есть только исполнение известного назначения. Сравнить заблуждение человека, думающего, что вся его жизнь жизнь здесь, можно с тем, что если бы человек...

5 ноября начал это. А нынче 21 ноября 1904. Ясная Поляна, и жалею, что не дописал. А надо, и могу. Все занят "Кругом чтения" и боюсь, что даром трачу остатные силы. Есть другие, более важные вещи.

[...] 1) Если только помнить то состояние не жизни, из которого я вышел и к которому иду, то как не ценить всех тех благ, которыми полна эта жизнь. Человек утопающий, всегда утопающий, не знающий другого состояния, вынырнул на мгновение в последний раз и недоволен тем состоянием, которое он испытывал. Помни всегда все то, что не только угрожает, но свойственно тебе: разрушение, страдания, смерти близких, своя смерть, и ты будешь ценить всякий час свободный от всего этого, и радость жизни будет самое естественное твое чувство. [...]

Нынче 24 ноября 1904. Ясная Поляна. В нерешительности и слабости, что писать. Нынче начал "Камень". Но плохо. Надо писать три вещи. Это самое необходимое: 1) Камень, 2) о государственной форме и 3) исповедание веры. Если будет время и силы по вечерам, то воспоминания без порядка, а как придется. Очень стал живо вспоминать. Не знаю, удастся ли живо выразить. [...]

1 декабря 1904. Ясная Поляна. Кончил пристально заниматься "Кругом чтения". Начал "кто я?". Очень хорошо на душе. Все лучше и лучше. [...] Записать надо:

1) Существующий строй до такой степени в основах своих противоречит сознанию общества, что он не может быть исправлен, если оставить его основы, так же, как нельзя исправить стены дома, в котором садится фундамент. Нужно весь, с самого низа, перестроить. Нельзя исправить существующий строй с безумным богатством и излишеством одних и бедностью и лишениями масс, с правом земельной собственности, наложения государственных податей, территориальными захватами государств, патриотизмом, милитаризмом, заведомо ложной религией, усиленно поддерживаемой. Нельзя всего этого исправить конституциями, всеобщей подачей голосов, пенсией рабочим, отделением государства от церкви и тому подобными пальятавами. [...]

7 декабря 1904. Ясная Поляна. Ничего не работается. Живу радостно. Особенно сильно чувствую временность жизни служения, и хорошо. Начал изложение веры и делаю кое-что для "Круга чтения".

11 декабря 1904. Ясная Поляна. Здоровье хуже. Боли в животе, и не работается. Остановился в изложении веры, два дня переводил Паскаля. Очень хорош. Спинозу прочел и выбрал. [...]

[12 декабря 1904] Духовно меньше хорошо, оттого что не могу привыкнуть к мысли, что моя деятельность кончена. Надо не только примириться, но радоваться. Значит, бог не хочет. Записать надо. Теперь 1-й час. Запишу завтра.

13 декабря 1904. Ясная Поляна. Е. б. ж.

Жив, но пропустил много дней. Нынче 22 декабря 1904. Ясная Поляна. Немного начал "Единое на потребу", и начал недурно, но не было охоты продолжать. Еще написал несколько писем. Боюсь, огорчил Молоствову. Работал над "Кругом чтения", вписал

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Спинозу. Записать надо многое, главное, то радостное, твердое, ясное, почти всегда любовное состояние, в котором нахожусь. Вот уж именно: откуда мне сие? За что, при моей гадкой жизни, так много счастья? [...]

Нынче 31 декабря 1904. Ясная Поляна. Все это время одолевает какая-то слабость. Кажется, сердце. Нет ни малейшего нежелания уйти (умереть). Одно: инерция движения жизни, мысли: как будто на быстром ходу остановился, и неловко и даже больно. Пытался писать "Единое на потребу", только напутал, ничего не вышло. Пытался продолжать воспоминания. Тоже плохо.

За эти дни вышло мое письмо к Николаю II. Чертков напечатал по переданному мною согласию через Душана. Мне было неприятно. Если бы против меня были приняты меры какие бы ни были, чем жесточе, тем лучше, это было бы мне приятно, но мне кажется, что я поступил не деликатно по отношению Николая II и Николая Михайловича. Мне было особенно неприятно потому, что я все эти дни в грустном (не недобром и не недовольном, но грустном) настроении от состояния тела. Как всегда, вспомнил все, что надо в этих случаях: 1) что было и забыл (это ничтожно), 2) что бывает настоящее горе (тоже не действует), 3) что это призыв к усилию, к тому, чтобы поступить как можно лучше, 4) что если это сделает, что обо мне люди будут дурно думать, то это-то и хорошо.

Записать надо:

[...] 3) Как легко избавиться от споров! Споры всегда только оттого, что хочешь быть прав, не хочешь признать своей ошибки перед людьми. А как легко сказать: впрочем, может быть, я ошибаюсь (цапли). И не только сказать, но и подумать. Решаются вопросы не в спорах, а в расследовании с самим собою, когда сам себе возражаешь всеми силами. Если в споре хорошо возражают, не спорь, а с благодарностью прими к сведению возражение и обдумай его один, сам с собою. Так легко: а может, я ошибаюсь.

4) Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм. Я воспитан в нем и несвободен от него так же, как несвободен от эгоизма личного, от эгоизма семейного, даже аристократического, и от патриотизма. Все эти эгоизмы живут во мне, но во мне есть сознание божественного закона, и это сознание держит в узде эти эгоизмы, так что я могу не служить им. И понемногу эгоизмы эти атрофируются. [...]

Дневник - 1905

[1 января 1905. Ясная Поляна] Бездна народа, и я устал от них. Но рад тому, что как появление письма, так и это неприятное скопление вызывает не неудовольствие, а поощрение к внутренней работе: поступить наилучшим образом по отношению к тому, что неприятно. Думал как раз об этом:

1) Мы гадаем, ищем, желаем счастья, то есть таких условий, при которых нам бы было хорошо, а между тем нам хорошо может быть только от нашего усилия побороть то, что нам нехорошо. Так что выходит совершенно обратное того, что мы думали: то самое, что мы называем счастьем: здоровье, богатство, слава, красота, все это - Капуи, все это ослабляет нашу энергию, устраняет возможность или, по крайней мере, не вызывает потребность проявить усилие, то самое, что дает истинное благо. И обратно: все, что считается несчастьем, вызывает эти усилия. На этом зиждется и то ужасное заблуждение, что внешние формы общественной жизни есть благо, и надо устраивать их. Хочется сказать парадокс, что чем лучше формы общественной жизни, тем ниже и умы и характеры людей (Америка до освобождения негров). Искать того, что называется счастливыми условиями жизни: богатства, славы, здоровья, красоты, привлекательности, - это все равно, что согреться у печки, а не здоровым трудом на свежем воздухе.

2) Устройство внешних форм общественной жизни без внутреннего совершенствования - это все равно, что переключивать без известки, но на новый манер разваливающееся здание из неотесанных камней. Как ни клади, все не будет защищено от непогоды и будет разваливаться. [...]

2 января 1905. Ясная Поляна. Здоровье лучше. Гости свалили. На душе радостно. [...]

20 января 1905. Ясная Поляна. Долго не писал. Все это время. И странное дело, все время борюсь с дурным, унылым, бездеятельным состоянием духа. Только и делал, что написал заметку о моей телеграмме и событиях. Все это мало интересует меня. Здоровье хорошо. Записать надо:

1) Живем мы только для того, чтобы пользоваться благом жизни. Весь смысл жизни, доступный нам, только в том, чтобы мы имели возможность участвовать в божеской жизни; и потому мы должны быть счастливы. Если мы несчастливы, то это значит только то, что мы делаем не то, что должно, или не делаем того, что должно. Так что не только благо есть следствие исполнения долга, но наш долг в том, чтобы мы испытывали благо.

2) Музыка есть стенография чувств. Вот что это значит: быстрая или медленная последовательность звуков, высота, сила их, все это в речи дополняет слова и смысл их, указывая на те оттенки чувств, которые связаны с частями нашей речи. Музыка же без речи берет эти выражения чувств и оттенков их и соединяет их, и мы получаем игру чувств без того, что вызывает их. От этого так особенно сильно действует музыка, и от этого соединение музыки с словами есть ослабление музыки, есть возвращение назад, выписывание буквами стенографических значков.

[...] 9) Общественный прогресс истинный – в большем и большем единении людей. Для единения людей нужны три вещи: 1) сила, которая заставляла бы людей соединяться, так же, как для того, чтобы камни сложились в здание, нужно, чтобы были люди-каменщики, которые соединяли бы эти камни. Эта сила есть помимо воли людей: их дело только не мешать проявлению этой силы любви, 2) что нужно, это то, чтобы люди для того, чтобы могли соединиться, не имели бы свойств, отталкивающих их друг от друга: пороков, страстей, себялюбия, так же, как для того, чтобы сложить здание из камней, надо обтесать их, чтобы в них не было неправильных форм. И третье, что нужно, это то, чтобы, соединившись, люди сознавали бы необходимость и благо этого соединения, и чтобы это сознание держало их вместе так же, как известь или цемент держит вместе камни здания. [...]

Пропустил больше недели. Нынче 29 января 1905. Ясная Поляна, пишу "Единое на потребу", и оттого ли, что я соединил два разные начала, или просто не в духе, пишу, но идет плохо. Был все время Поша. Очень люблю его. Саша уехала в Петербург. Соня в Москве. Сережа здесь, и мне тяжело с ним. Хочу победить себя, но еще не могу. Рад, что после одного, первого спора (не очень резкого) не пошел дальше. Нынче получил второе письмо от Гали – нехорошее. Есть задор и отсутствие серьезной внутренней религиозной работы. Спорить, доказывать тоже нельзя и потому не надо. Утром нынче было через Ледерле письмо от двух отказавшихся от службы матросов: они в Кронштадте в тюрьме. Хочу сейчас написать им и их начальнику. Поискал в календаре имя начальника – не нашел. Раздумал писать.

Утром был от Накашидзе милый человек Кипиани, который рассказал чудеса о том, что делается на Кавказе: в Гурии, Имеретии, Менгрелии, Кахетии. Народ решил быть свободным от правительства и устроиться самому. Душан записал. Надо будет изложить. Это – великое дело. Бывают разные состояния: что совестно, грустно, досадно, умиленно, а нынче состояние: все не важно, не интересно, не стоит.

Записать надо все-таки многое:

1) Слушал политические рассуждения, споры, осуждение и вышел в другую комнату, где с гитарой пели и смеялись. И я ясно почувствовал святость веселья. Веселье, радость – это одно из исполнений воли бога.

2) В последнее время я почувствовал, как я духовно спустился после той духовной, нравственной высоты, на которую меня подняло мое пребывание в общении с теми лучшими мудрейшими людьми, которых я читал и в мысли которых вдумывался для своего "Круга чтения". Несомненно можно духовно поднимать и спускать себя тем обществом присутствующих или отсутствующих людей, с которым общаешься.

3) Мы так привыкли к болтовне об общем благе, что уже не удивляемся на то, как человек, не делая никакого дела, прямого труда для общего блага, не высказывая никакой новой мысли, говорит о том, что, по его мнению, нужно делать, чтобы всем было хорошо. В сущности, ведь ни один человек не может знать хорошенько, что ему самому нужно для его блага, а он с уверенностью говорит о том, что нужно для всех. Это – особенная черта только нашего времени. Платон, Солон, Конфуций,

Сен-Симон, фурье, Овен высказывают новые идеалы и новые законы; рядовые люди работают для себя, своей семьи, своей общины, предлагая свои мнения о ближайших интересах; но что такое, какое значение всех этих разговоров и статей о всем известном и надоевшем? [...]

Нынче 1 февраля 1905. Ясная Поляна. Все пишу свою "Единое на потребу". Или плохо идет, или вовсе не идет, и продолжаю быть в состоянии "не стоит". Все яснее тщета и глупость политических интересов. С Сережей было неприятно. Я был недобр. И страдаю за это. Лева был у царя, и я рад этому. Странно сказать, что это совсем освободило меня от желания воздействовать на царя. Удивительные сведения из Гурии, как они упразднили правительство и освободились, одновременно стали вести лучшую жизнь и стали более свободны. Записать надо очень важное, не знаю, осилю ли. Два дня писал понемногу воспоминания. [...]

Все, что движется, мне представляется движущимся, в сущности же уже есть и всегда было и будет то, к чему, по направлению чего движется что-либо. Вся моя жизнь от рождения и до смерти – несмотря на то, что я могу находиться в начале или середине ее – уже есть; и то, что будет, также несомненно есть, как и то, что было. Также есть и все то, что будет с человеческим обществом, с планетой землей, с солнечной системой; я только не могу видеть всего, потому что я отделен от всего. Я вижу только то, что открывается мне по мере моих сил. Я живу и, переходя от одного состояния в другое, вижу (так сказать) внутренность жизни. И, кроме того, главное, имею радость творчества жизни. [...]

Не писал сто лет, то есть восемнадцать дней. Нынче 18 февраля 1905. Ясная Поляна. Был слаб умственно все это время. Печень. Нынче посвежее. Все писал "Единое на потребу". И все плохо. Все нет конца. "Круг чтения" мне не понравился. Страхов взял на себя работу. И я очень рад.

[...] 8) Вспомнил, как удивительно все события моей жизни отклоняли меня от честолюбивой, тщеславной карьеры. И Барятинский, и Левин, и философов, и... [...]

24 февраля 1905. Ясная Поляна. Начал писать "Корнея Васильева". Плохо. Все слаб. Занимался "Кругом чтения". Хочется записать о жизни. [...]

Нынче 28 февраля 1905. Ясная Поляна. Писал "Алешу", совсем плохо. Бросил. Поправил Паскаля и Ламенэ. Дописал "Корнея". Порядочно.

[...] 2) Большинство людей живут так, как будто идут задом к пропасти. Они знают, что сзади пропасть, в которую всякую минуту могут упасть, но не смотрят на нее, а развлекаются тем, что видят.

6 марта 1905. Ясная Поляна. живу очень счастливо. Поправил Паскаля и Ламенэ. Просмотрел "Единое на потребу" и, кажется, больше не буду править. Тут Маша и Коля. Написал кое-какие ничтожные письма. Записать надо как будто важное:

1) Как смешны люди, исследуя и большую и малую бесконечность своими телескопами и микроскопами. Это все равно, что человек, отыскивающий своих знакомых в доме, в котором, ему сказано, что никто никогда не жил и не может жить. Бесконечность есть только указание на то, что там, где предмет его изучения идет в бесконечность, как звезды и микробы, должна быть ошибка постановки вопроса, и изучение ни к чему не может привести.

2) Подумал о том, что преподается в наших школах, гимназиях: главные предметы: 1) древние языки, грамматика – ни на что не нужны; 2) русская литература, ограничивающаяся ближайшими, то есть Белинский, Добролюбов и мы, грешные. Вся же великая всемирная литература закрыта. 3) История, под которой понимается описание скверных жизней разных негодяев королей, императоров, диктаторов, военачальников, то есть извращение истины, и 4) венец всего бессмысленные, глупые предания и догматы, которые дерзко называют законом Божиим.

Это в низших школах. В низших школах отрицание всего разумного и нужного. В высших школах, кроме специальностей, как техника, медицина, сознательно уже преподается матерьялистическое, то есть ограниченное, узкое учение, долженствующее объяснять все и исключать всякое разумное понимание жизни.

Ужасно! [...]

9 марта 1905. Ясная Поляна. Писал "кто я". Ни хорошо, ни дурно. Живется очень хорошо. Все больше помню и приучаюсь жить для бога. Это не трудно. Дело привычки. Думаю, что возможно и для молодых. Записать хочется сейчас:

[...] 3) Как опасна жизнь для славы людской! Для себя, для своего эгоизма можно сделать много дурного, но для славы людской делается ужасное, такое, которое в сто, тысячу раз хуже всего того, что может сделать человек из эгоизма.

Нынче 18 марта 1905. Ясная Поляна. Дней пять живу не бодро, сплю и борюсь с мрачностью. Это хорошо. Надо внутреннее усилие. Вчера вспомнил с осуждением о нелюбимом человеке и поймал себя на разжигании недоброжелательства. Да, пли вовсе не думать о нелюбимых (естественно) людях, или, если думать, то только о том, что в них доброе, и меряя их дурное с таким же своим дурным. Свое всегда будет больше, хотя и в другом роде.

Поправлял вчера "Единое на потребу" и запнулся перед концом. Надо сделать лучше, что не трудно, потому что очень плохо.

[...] Записать надо одно:

1) Тургенев написал хорошую вещь: "Гамлет и Дон-Кихот" и в конце присоединил Горацио. А я думаю, что два главные характера – это Дон-Кихот и Горацио, и Санхо Панса, и Душечка. Первые большею частью мужчины; вторые большей частью женщины. Сыновья моя все Дон-Кихоты, но без самоотвержения, дочери все – Горации с готовностью к самоотвержению.

20 марта 1905. Ясная Поляна. Все нездоровится. Три дня ничего не писал, кроме писем. Нынче не выходил. Борюсь с славой людской. Письма укорительные, и не мог преодолеть неприятного чувства. [...]

22 марта 1905. Ясная Поляна. Нынче проснулся. Очень хорошо работал "Единое на потребу". И кажется, даже наверное, кончил. Хочется много работать. [...]

30 марта 1905. Ясная Поляна. Последние дни болею сердцем, и от этого ничего не работается, а очень хочется: и Хельчицкого, и Илюшин рассказ. И Фильку, и "несчастную девушку". И учение веры. Думал о смерти хорошо. Жизнь перед богом все еще держится. Написал письмо о перекувыркнутой телеге?. Исправил корректуры "Круга". Записать:

1) Нужнее всего мне две вещи: победить заботу о мнении людей и недоброе чувство к ним.

Для первого – пользоваться всяким случаем осуждения, непонимания тебя, не огорчаясь и не справляя.

Для второго очень важное: не позволять себе думать недобро о людях. Нынче был опыт с левой, и нынче опыт первого: письмо о сочинениях. [...]

3 апреля 1905. Ясная Поляна. Был нездоров сердцем. Все проще и проще, естественнее и естественнее смерть. Несмотря на нездоровье, кое-что сделал, именно: предисловие к "Сети веры" (и недурно) и выборки из "Сети веры" (8) и предисловие к учению XII апостолов. Хуже, но годится. И письмо о перекувыркнутой телеге.

1) Все время думаю о том, как бы приучиться жить совершенно независимо от мнения людского (исключая изучение того, что им (людям) нужно, чтобы можно было служить им), независимо даже от желания их любви к себе, а только для бога, для исполнения закона своей жизни. Я думаю и чувствую даже, что можно приучить себя к этому. При такой одинокой, с одним богом жизни, теряется энергическая побудительная сила славы, одобрения людского, но приобретает великое спокойствие, постоянство и твердое сознание верности пути. Надо, надо приучать себя к этому. Я думаю, что можно приучить и детей.

[...] 5) Назначение человека – благо. И благо, хотя и различное, свойственно ребенку, юноше, мужу, старцу.

[...] 7) Умственная мужская деятельность за деньги, в особенности газетная, есть

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
совершенная проституция. И не сравнение, а тождество.

6 апреля 1905. Ясная Поляна. Два дня (считая и нынешний) ничего не пишу. Вчера попробовал "Зеленую палочку". Не пошло. Все не то. Не могу соединить: всю истину, как я ее понимаю, с простотой изложения. Были Фельтен и Сергеенко, сын. Кажется, я вел себя хорошо. Записать надо:

[...] 3) Как нужно, нужно отвыкнуть от мысли о награде, похвал, одобрении. За все хорошее, что мы можем сделать, нам не может быть никакой отплаты. Плата вперед получена нами такая, что с самым большим усердием не отработаешь ее.
[...]

16 апреля 1905. Ясная Поляна. Вес это время болею сердцем. Прежде не замечал, а теперь чувствую: стеснение, перебои. И хорошо, серьезно. От этого и не мог работать. А очень хочется и изложение веры, и о Генри Джордже, которого прочел по Николаеву и вновь восхищен.

Бывает это последнее время такое – минутами – ясное понимание жизни, какого никогда прежде не было. Точно сложное уравнение приведено к самому простому выражению и решению. [...]

Нынче 21 (вечер) апреля 1905. Ясная Поляна. За это время лучше сердце. Начал писать "Народные заступники". Недурно. И Генри Джорджа. Вчера с Бутурлиным был у Петра Осипова, и он жестко упрекал меня за то, что я говорю, а скупаю землю. Было и больно и хорошо. Почувствовал, как полезно, укрепляюще осуждение, в особенности незаслуженное, и как пагубно, расслабляюще похвалы, и особенно незаслуженные (а они все незаслуженные). Записать надо:

[...] 4) Чем хуже становится человеку телесно, тем лучше ему становится духовно. И потому человеку не может быть дурно. Я долго искал сравнения, выражающего это. Сравнение самое простое: коромысло весов. Чем больше тяжесть на конце телесном, чем хуже телесно и в смысле славы людской (тоже телесное), тем выше поднимается конец духовный, тем лучше душе. 5) Все чаще и чаще думаю о памяти, о воспоминании, и все важнее и важнее, основное и основное представляется мне это свойство. Я получаю впечатление. Его нет в настоящем. Оно есть только в воспоминании, когда я начинаю, вспоминая, обсуждать его, соединять с другими впечатлениями и мыслями. Я получил радость или оскорбление. В настоящем нет ни радости, ни оскорбления, оно начинает действовать только в воспоминании. Из бесчисленного количества впечатлений, которые я получал, я очень многие забыл, но они оставили следы в моем духовном существе. Мое духовное существо образовано из них. [...]

Нынче 4 мая 1905. Ясная Поляна. Казалось, что недавно не писал, а вот прошло почти три недели. Нет, только две недоли. Не писал ни дневника, ни писем. Чувствовал себя очень хорошо, а нынче дурно: слабо, уныло, тупо. За это время окончил "Великий грех". Написал рассказ на молитву. Казалось хорошо, и умилялся во время писания, а теперь почти не нравится. Записать:

[...] 5) Для животного существа в человеке нужно счастье извне, для разумного, духовного существа нужно только усилие (усилие сознания) изнутри.

[...] 7) Саша от боли вспрыснула морфий. Няня не одобрила: пострадать надо, когда бог посылает. А Мечников хочет уничтожить не только страдания, но и смерть.

Разве он не жалкий, испорченный ребенок в сравнении с народной мудростью старушки? [...]

19 мая 1905. Ясная Поляна. Не писал больше двух недель. Здоровье все так же плохо: постоянная изжога, боль в желудке и печени. Но живу не очень дурно. Мысль о необходимости сознания жизни перед богом перестала действовать сильно, как новое, но, надеюсь, что проложила колею и часть ее (мысли) перешла в бессознательную деятельность. Поправлял вес это время "Великий грех" и все еще не кончил. Соня больна. Нынче у ней был сильный припадок болей. Записать надо:

1) Записано: сознание останавливает время, то есть. иллюзию.

Вчера получилось известие о разгроме русского флота. Известие это почему-то

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
особенно сильно поразило меня. Мне стало ясно, что это не могло и не может быть иначе: хоть и плохие мы христиане, но скрыть невозможно несовместимость христианского исповедания с войной. Последнее время (разумея лет 30 назад) это противоречие стало все более и более сознаваться. И потому в войне с народом нехристианским, для которого высший идеал – отечество и геройство войны, христианские народы должны быть побеждены.

Если до сих пор христианские народы побеждали некультурные народы, то это происходило только от преимущества технических военных усовершенствований христианских народов (Китай, Индия, африканские народы, хивинцы и среднеазиатские); но при равной технике христианские народы неизбежно должны быть побеждены нехристианскими, как это произошло в войне России с Японией. Япония в несколько десятков лет не только сравнялась с европейскими и американскими народами, но превзошла их в технических усовершенствованиях. Этот успех японцев в технике не только войны, но и всех матерьяльных усовершенствований ясно показал, как дешево эти технические усовершенствования, то, что называется культурой. Перенять их и даже дальше придумать ничего не стоит. Дорого, важно и трудно добрая жизнь, чистота, братство, любовь, то самое, чему учит христианство и чем мы пренебрегли. Это нам урок.

Я не говорю этого для того, чтобы утешить себя в том, что японцы победили нас. Стыд и позор остаются те же. Но только они не в том, что мы побиты японцами, а в том, что мы взялась делать дело, которое не умеем делать хорошо и которое само по себе дурно.

3) Не дописал 19-го и пишу нынче утром, 24 мая 1905. Ясная Поляна. Нынче приезжает Чертков. Все это время исправлял, дополнял "Великий грех". Кажется, кончил. Но последний разгром флота вызывает ряд мыслей, которые надо высказать.

[...] 5) Говорят о нечестности крестьян, о лживости, воровстве. Это-то и ужасно. Ужасно то, что мы, те, которые ограбили и грабим крестьян, – мы виноваты в этом. Какой честности, правдивости требовать от человека по отношению к разбойникам, которые ограбили и захватили его?

[...] 7) Стареясь, жалко молодых радостей: веселья, дружбы, любви... И не нужно лишаться их. Стареешься, живи этими радостями в молодых, переносясь в них, любя их, руководя ими.

[...] 9) Как мы не знаем жизнь трудового народа! Не знаем всех тех жертв жизнями, которые они несут ради своего труда. Все это я думал, глядя на то, как откапывали засыпанного Семена Владимировича. Самопожертвование, радость самопожертвования – видна в Алексее Жидкове, Герасиме. Удивительно. Надо бы выяснить это людям.

[...] 14) Очень важное: полезно заниматься особым родом молитвы. В мыслях перебирать людей нелюбимых, вникая в их душу и думая о них с любовью. У меня длинный список такого поминания. И у всех есть. Это очень полезно. [...]

15) Очень хочется вложить в Илюшин рассказ свою исповедь и откровение о мужиках. А то не успею. [...]

6 июня 1905. Ясная Поляна. Третьего дня уехал Чертков. Было очень, сверх ожидания, хорошо с ним. Был тяжелый разговор с С. (сыном). Трудное испытание. Я не выдерживаю его. Сократил "Великий грех", выбросил многое. Мне жалко. Поша милый приехал. Здоровье Сони нехорошо. Хотел написать: сомнительно, да боялся, что она прочтет. Оставляю, потому что точно сомнительно. Нынче приехал малеванец очень хороший, и жду с неудовольствием Долгоорукова.

Вчера сидело много народа: старые, молодые, мужья, жены, девушки, дети, и мне так ясно стало, что это все отверстия – окна, через которые я вижу бога. Все они равномерно открываются мне сниманием той пелены, которая покрывает их. И, понимая это, сердиться на них: требовать от них одинакового понимания.

Начал купаться четыре дня тому назад. [...] Хорошо. Часто прямо сознаю, что хорошо. Записать надо:

[...] 4) Чем старше я становлюсь, тем воспоминания мои становятся живее. И удивительно, вспоминаю только радостное, доброе и наслаждаюсь воспоминанием не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
меньше, иногда больше, чем наслаждался действительностью. Что это значит? То, что ничто не проходит, ничто не будет, а все есть. И чем больше открывается жизнь, тем резче выделяется доброе, истинное от дурного, ложного.

5) Пропать народа, все нарядные, едят, пьют, требуют. Слуги бегают, исполняют. И мне все мучительнее и мучительнее и труднее и труднее участвовать и не осуждать.

6) Аналогия церкви и науки подтверждается во всем: так же не доказывают, не объясняют, не вникают в несогласное, а утверждают, не слушают и сердятся.

[...] 8) Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую. То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это, или дурно. Это есть, - в нем жизнь. Как рост дерева. Но сук или силы жизни, растущие в суку, неправы, вредны, если они поглощают всю силу роста. Это с нашей лжецивилизацией.

9) Если гуляют и топчут хороший луг, я жалею, но не негодую, но когда под видом блага народа, любви к нему, в сущности же из корысти, славы людской и самых разнообразных целей, всковыривают луг и засевают абсянтом или портят, и он зарастает полынью, я не могу не негодовать. Знаю, что дурно, но не могу не негодовать против самодовольных либералов, которые делают это. [...]

12 июня 1905. Ясная Поляна. Было очень дурное расположение духа. Старался пользоваться им. Написал в два дня рассказ "Ягоды". Не дурно. Сейчас был Миша и разговаривал хорошо. Очень может быть, что в нем пробудится жизнь. Во всех должна пробудиться. Все больше и больше болею своим довольством и окружающей нуждой.

[...] Пишу и сплю. Так слабо себя чувствую. Хотел писать и "Силоамскую башню" и "Зеленую палочку" и ничего не могу.

18 июня 1905. Ясная Поляна. Больше недели чувствую себя физически очень дурно: желудок, кишки. Написал только вступление к "Великому греху" и несколько ничтожных писем. Записать надо несколько, кажущихся мне важными, вещей.

1) (к "Силоамской башне".) Это разгром не русского войска и флота, не русского государства, но разгром всей лжехристианской цивилизации. Чувствую, сознаю и понимаю это с величайшей ясностью. Как бы хорошо было суметь ясно и сильно выразить это. [...]

29 июня 1905. Ясная Поляна. Больше недели нездоров желудком. Почти ничего не делал. Лева здесь. Мне его всей душой жалко, но помочь ему невозможно. Может быть, так и нужно. И ему хорошо в его слепоте. Только нынче немного пописал "Силоамскую купель". Пошу чем больше вижу, тем больше ценю и люблю. Саша грубеет. Или нет идеалов, или очень низкие. Здоровье Сони не определено. Скорее вероятно, что нет дурного. С ней очень хорошо.

Записать надо: самое главное.

[...] 2) (к "Силоамской башне".) Изменение государственного устройства может произойти только тогда, когда установится новая центральная власть или когда люди местами сложатся в такие соединения, при которых правительственная власть будет не нужна. А вне этих двух положений могут быть бунты, но не перемена устройства.

3) Тоqueville говорит, что большая революция произошла именно во Франции, а не в другом месте, именно потому, что везде положение народа было хуже, задавленное, чем во Франции. *En detruisant en partie les institutions du moyen age on avait rendu cent fois plus odieux ce qui en restait* [Разрушая частично учреждения средних веков, сделали в сто раз более ненавистным то, что от них осталось (фр.)]. Это верно. И по той же причине новая, следующая революция освобождения земли должна произойти в России, так как везде положение народа по отношению к земле хуже, чем в России.

[...] 8) Революция только та благотворна, которая разрушает старое только тем, что уже установила новое (гурийцы). Не склеивать рапу, не вырезать ее, а

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
вытеснять ее живой клетчаткой.

9) Увеличение свободы есть просветление сознания.

10) Свобода есть освобождение от иллюзии, обмана личности.

11) Как французы были призваны в 1790 году к тому, чтобы обновить мир, так к тому же призваны русские в 1905.

3 июля 1905. Ясная Поляна. Немного лучше. Переделывал предисловие к "Великому греху". Не работается. Нынче живо думал: только бы смотреть на выработку в себе любви как на главное дело жизни, и дела всегда есть, и не будешь жалеть, что не пишется. Думал: нездоровье, боль, дурное расположение духа? Я этого нынче желал, чтобы в этих состояниях испытать себя и победить.

1) Павла Николавна, как и многие, говорит, что не любит принципов, потому что нельзя live to it [жить этим (англ.)]. Это - неспособность мыслить. Принципы - это сознание истины, добра, и вся жизнь есть приближение к ним. Как же жить без них. [...]

5 июля 1905. Ясная Поляна. Вся жизнь наша есть проявление сознания...

Начал выписывать мысли, но чувствую себя столь слабым, что отложу до другого раза. Все боль желудка. Не спал от боли. И опять утро не работаю.

Все хочется писать совет людям в теперешнее время, и все не в силах. Видно, не надо. И так хорошо, и дело, самое важное дело, есть. Записать:

1) Цивилизация шла, шла и зашла в тупик. Дальше некуда. Все обещали, что наука и цивилизация выведут нас, но теперь уже видно, что никуда не выведет: надо начинать новое. [...]

31 июля 1905. Ясная Поляна. Не писал 28 дней. Никак не думал, чтобы так долго. Все это время был физически довольно здоров, но духовно слаб: мало писал. Мало подвинулся в "Конце века". Но кажется, за это время было немало мыслей, может быть, и интересных. Сейчас запишу их. За все это время была большая лень, слабость и дурное расположение, но, слава богу, мало проявлявшееся. Записываю:

1) Записано так: пассивная революция началась в России.

2) В такие времена борьбы, как теперь в России, нужно, первое: воздерживаться от того, чтобы помогать той или другой стороне; второе: отыскивать средства примирения.

3) Интеллигенция внесла в жизнь народа в сто раз больше зла, чем добра.

4) Записано: Не прав ли Сютаев? А теперь не могу вспомнить, в чем.

5) Революция теперь никак не может повторить того, что было 100 лет назад. Революции 30, 48 годов не удались потому, что у них не было идеалов, в они вдохновлялись остатками большой революции. Теперь те, которые делают русскую революцию, не имеют никаких: экономические идеалы - не идеалы.

6) Революция плодотворная только та, которую нельзя остановить. [...]

14) Как хорошо, что я бываю и зол, и глуп, в гадов и знаю это про себя. Только благодаря этому я могу (к несчастью, только иногда) кротко, прощая, переносить злость, глупость, гадость других.

[...] 16) Ничто так не подвигает к добру, как сознание того, что тебя любят. Оно подвигает и тем, что радостно быть любимым, и делаешь то, что вызывает любовь, подвигает и прямо, непосредственно тем умилением, которое возбуждает любовь, возбуждаемая и испытываемая.

17) Слишком хорошо, легко бы было жить, если бы не было того, что тревожит, огорчает, испытует.

18) Все совершающиеся изменения в жизни людей, все существенные совершаются по

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
духовным причинам. Но это не только не значит того, что изменения эти произвольны, но, напротив, показывает, что они непроизвольны, так как изменения духовные вне власти человека – они сама жизнь.

19) Цивилизация лжехристианская завела христианские народы в такой тупик, из которого ясно, что нет никакого выхода, и надо идти назад, не всю дорогу назад, а ту часть дороги, которая завела в тупик.

20) Сидим на дворе, обедаем десять кушаний, мороженое, лакеи, серебро, и приходят нищие, и люди добрые продолжают есть мороженое спокойно.
Удивительно!!!!

[...] 24) Русская революция должна разрушить существующий порядок, но не насилием, а пассивно, неповиновением. [...]

Нынче 10 августа 1905. Ясная Поляна. Был в Пирогове. Два или три дня чувствовал себя особенно слабым, но после трех дней стало работаться, и почти кончил "Конец века". Было очень хорошо в уединении и у Маши. Вернулся 7-го, и здесь было хорошо. Вчера нагрешил, раздражился о сочинениях – печатании их. Разумеется, я кругом виноват. Хорошо ли, дурно это, но всегда после такого греха: разрыва любовной связи – точно рана болит. Спрашивал себя: что значит эта боль? И не мог найти другого ответа, как только то, что открывается (посредством времени) сущность своего существа. Считаешь его лучшим, чем оно есть.

Странное испытываю я теперь в хорошие минуты ощущение понимания смысла жизни, такого ясного, что становится жутко. Надо попытаться выразить. [...]

11 августа 1905. Ясная Поляна. Порядочно работал. На душе хорошо.

"Подмененный ребенок" хорошо бы.

27 августа 1905. Ясная Поляна. Писал все время "Конец века". Кажется, порядочно. Почти кончил. Все еще "почти". Вышли "Единое на потребу" и "Великий грех", и кажется, что "Великий грех" врезался в препятствие, и прет, и, может быть, ломает. Сейчас прочел критику американца. Очевидно, против шерсти, и больно. То же отношение в России: или молчание, или раздражение боли. Хорошо.

Как мне ясно определилась теперь история моих отношений к Европе: 1) радость, что меня, ничтожного, знают такие великие люди; 2) радость, что они меня ценят наравне с своими; 3) что ценят выше своих; 4) начинаешь понимать, кто те, которые ценят; 5) что они едва ли понимают; 6) что они не понимают; 7) ничего не понимают, что они, те, оценкой которых я дорожил, глупые и дикие. Сегодня получил критику на "Великий грех" жалкую и Questionnaire [Анкету (фр.)] редактора "Echo" о смертной казни, почему она необходима и справедлива. И фамилия редактора – Sauvage.

Просыпаюсь утром и спрашиваю себя: что у меня впереди? и отвечаю: ничего, кроме смерти. Ничего не желаю. Все хорошо. Что же делать? Как же жить? Наполнять остающуюся жизнь делами, нужными пославшему. И как легко! Как спокойно! Как свободно! Как радостно!

Записать:

1) Кто свободнее: монгол, раб Чингис-хана или богдыхана, который может отнять у него имущество, жену, детей, жизнь, или бельгиец, американец, посредством выборов управляющий будто бы сам собою?

[...] 7) В детстве желают всего, в юности и мужестве – чего-либо одного, в старости – ничего.

8) Жизнь есть умирание. Хорошо жить – значит хорошо умирать. Постарайся хорошо умирать. [...]

9 сентября 1905. Ясная Поляна. От Маши дурные известия. Очень жаль ее, и не могу утолить боль. Все время писал "Конец века" и редко бывал чем-нибудь так доволен. Кажется, что хорошо. Могло бы и должно бы быть много лучше, но и так ничего. Перед этим было почему-то очень грустно. Чувствую себя одиноким, и хочется любви. Разумеется, это неправда. И так очень хорошо. Все так же часто слишком

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

ясен смысл жизни и тяжела бессмысленная жестокая жизнь. Нынче был еврей, корреспондент "Руси". В конце разговора, вследствие моего несогласия с ним, он сказал: "Этак вы и убийство Плева признаете нехорошим". Я сказал ему: "Жалею, что говорил с вами", - и с раздражением ушел, то есть поступил очень дурно.

Записать надо:

1) Во мне два начала: духовное и телесное; они борются. И постепенно побеждает духовное. Борьбу этих начал я сознаю собой и называю своей жизнью.

[...] 6) Все революции были большее и большее осуществление вечного, единого, всемирного закона людей. [...]

19 сентября 1905. Ясная Поляна. Совсем кончил "Конец века" и редко был так доволен тем, что написал. Это поймут меньше, чем что-либо из того, что я писал, а между тем это оставит след в сознании людей.

Маша опять потеряла начавшегося ребенка. Таня еще держится. Очень жаль их. Все время относительно здоров и порядочно работаю по утрам. Хочется для "Круга чтения" заменить рассказ "Царь и пустынный". Очень противен он мне. Весь выдуман.

[...] читаю Канта. Очень хорошо.

20 сентября 1905. Ясная Поляна. Утром писал "Конец века". Все доволен. На душе тоска, которая не поборает меня, но которую не могу не чувствовать. Редко, кажется, никогда не испытывал такой тоски. Записать одно, очень важное:

1) Старо это. И много раз думал и говорил и писал, но нынче особенно живо чувствую: когда грустно, тяжело, стыдно, стоит только подумать, что это-то мне и нужно побороть, и все проходит, а иногда и радостно становится.

21 сентября 1905. Ясная Поляна. Унылое состояние. Начал думать, что это оттого, что никто меня не любит. Стал перечислять всех нелюбящих. Но вспомнил, за что меня любить? Именно не за что. Только бы мне любить, а это их дело. И любят меня много больше, чем я того стою.

Потом ночью много думал о себе. Я исключительно дурной, порочный человек.

1) Во мне все пороки, к в высшей степени: и зависть, и корысть, и скупость, и сладострастно, и тщеславие, и честолюбие, и гордость, и злоба. Нет, злобы нет, но есть озлобление, лживость, лицемерие. Все, все есть, и в гораздо большей степени, чем у большинства людей. Одно мое спасенье, что я знаю это и борюсь, всю жизнь борюсь. От этого они называют меня психологом. [...]

23 сентября 1905. Ясная Поляна. Кончил "Конец века". Маша вне опасности. Милое, духовное письмо. Сейчас - утро - письмо от интеллигентного сына крестьянина с ядовитым упреком, под видом похвалы "Великому греху", что я сам не отдаю свою землю. Ужасно стало обидно. И оказалось на пользу. Понял, что я забыл то, что живу не для доброго мнения этого корреспондента, а перед богом. И стало легко, и даже очень. Да, никогда не забывать всю серьезность жизни.

27 сентября 1905. Ясная Поляна. Был довольно дурно, тяжело, мрачно настроен. За это время думал: хорошо человеку не только физически, но и духовно пострадать. Жить в довольстве, согласии, любви со всеми людьми. Как же бы стал умирать тогда. Совсем кончил "Конец века" и примеряюсь к новой работе. Не знаю, что: учение или драму? [...]

6 октября 1905. Ясная Поляна. Продолжаю быть здоров, но работал за это время мало. Кончил "Конец века" и читал с отметками Александра I. Уж очень слабое и путаное существо. Не знаю, возьмусь ли за работу о нем.

Не помню, есть ли что записать. Одно, что есть: о значении старости, запишу отдельно, как предисловие к "Зеленой палочке" или учению о том, как жить и как воспитывать детей.

12 октября 1905. Ясная Поляна. Шесть дней не писал. Дня четыре нездоровится - печень. Ничего не писал. "Федор Кузмич" все больше и больше захватывает. Читал

Павла. Какой предмет! Удивительный!!! Читал и Герцена "С того берега" и тоже восхищался. Следовало бы написать о нем – чтобы люди нашего времени понимали его. Наша интеллигенция так опустилась, что уже не в силах понять его. Он уже ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их. Записать:

[...] 3) Совершенно ясно понял и почувствовал все безумие нашей, богатых, освобожденных от труда сословий, жизни и то, что оно не может быть иначе. Люди, не работая, то есть не исполняя один из законов своей жизни, не могут не ошалеть. Так шалют перекормленные домашние животные: лошади, собаки, свиньи. [...]

23 октября 1905. Ясная Поляна. Не писал долго. Все время поправлял, добавлял "Конец века". Продолжаю быть довольным. Кончил. Больше не буду. Чертков прислал корректуры "Божеского и человеческого", и мне очень не понравилось, а переделать хочется, но едва ли осилю: предмет огромной важности: отношение к смерти. Есть план, но как удастся исполнить. [...]

Мне тяжело среди окружающих. [...]

3 ноября 1905. Ясная Поляна. Почти две недели не писал. Нездоров последнее время – желчь: слабость и дурное расположение. Провинился вчера с Ильей. Спорил. Временами тяжело. Писал "Божеское и человеческое" недурно. Затеял обращение к народу. Нехорошо. Записано немного:

1) Ехал верхом и думал о своей жизни: о праздности и слабости большей ее части. Только по утрам исполняю свое назначение – пишу. Только это от меня нужно. Я орудие чье-то. [...]

22 ноября 1905. Ясная Поляна. За это время поправлял "Божеское и человеческое" и все недоволен. Но лучше. Начал Александра I. Отвлекся "Тремя неправдами". Не вышло. Здоровье – равномерное угасание. Очень хорошо. Великое событие – Таня родила. Приехала Маша с мужем. Очень хочется писать "Александра I". Читал Павла и декабристов. Очень живо воображаю. [...]

Пропустил эти страницы и пишу. 9 декабря 1905. Ясная Поляна. За это время закончил "Божеское и человеческое" Писал: "Свободы и свобода", как отдельную статью, и нынче включил в "Конец века" и послал в Москву и в Англию. Вероятно, поздно. Пускай по-старому. Вчера продолжал "Александра I". Хотел писать "Воспоминания", но не осилил. Все забастовки и бунты. И чувствую больше, чем когда-нибудь, необходимость и успокоение от ухода в себя. Как-то на днях молился богу, понимал свое положение в мире по отношению к богу, и было очень хорошо. Да, забыл, третьего дня писал "Зеленую палочку". Записать надо:

1) Как это люди не видят, что жизнь есть зарождение нового сознания, а смерть – прекращение прежнего и начало нового.

2) Когда наступит новый, разумный, более разумный склад общественной жизни, люди будут удивляться тому, что принуждение работать считалось злом, а праздность – благом. Тогда, если бы тогда было наказание, лишение работы было бы наказанием.

[...] 5) Переход от государственного насилия к свободной, разумной жизни не может сделаться вдруг. Как тысячелетия слагалась государственная жизнь, так, может быть, тысячелетия она будет разделяться.

16 декабря. Писал немного "Александра I". Но плохо. Пробовал писать воспоминания – еще хуже. Два дня совсем ничего не писал. Все нездоров желудком и был очень сонен умственно и даже духовно. Ничто не интересует. Такие периоды я еще не привык переносить терпеливо. В Москве продолжают ужасы озверения. Известий нет, поезда не ходят. Иногда думаю написать соответственно обращению к царю и его помощникам – к интеллигенции и народу. Но нет сильного желания, хотя знаю ясно, что сказать. Все борюсь с своей антипатией к NN и почти безуспешно. Вчера он не понял, начал из середины, не понимая, и у меня заколотило сердце. Colere gentree [Сдерживаемый гнев (фр.)] еще хуже. Надо, надо победить. От Черткова телеграмма. "Конец века" вышел 23, 10. Из Москвы ничего не знаю.

[...] Да, еще: ясно пришел в голову рассказ – сопоставление параличной старушки, радующейся на то, что может уже до печки дойти, с плешивым Потоцким: "Ah, que je

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
m'embete!" [Ах, как я бешусь от скуки (фр.)]

18 декабря 1905. Ясная Поляна. Немного лучше, но продолжается умственная слабость. Вчера ничего не писал.

Нынче начал писать "Александра I", но плохо, неохотно. Записать надо то, что видел во сне.

Кто-то говорит мне: вы хороший человек? Я говорю: сказать, что я хороший человек, будет несмирение, то есть что я не – хороший человек; сказать, что я дурной, будет рисовка. Правда в том, что я бываю и хороший и дурной человек. Вся жизнь в том проходит, что, как гармония, стягивается и растягивается и опять стягивается – от дурного до хорошего и опять к дурному. Быть хорошим значит только то, чтобы желать чаще быть хорошим. И я желаю этого.

23 декабря 1905. Ясная Поляна. Здоровье лучше, умственно свежее. Говорил о революции и увлекся писать все то же в краткой форме: "Правительство, революционеры, народ". Все эти дни писал это, и кажется, годится.

[...] Не дотрогивался в это время ни до "Александра I", ни до воспоминаний. А хочется. Записать:

[...] 2) Один из главных мотивов революции это – чувство, которое заставляет детей ломать свои игрушки, страсть к разрушению.

3) Теперь, во время революции, ясно обозначились три сорта людей с своими качествами и недостатками. 1) консерваторы, люди, желающие спокойствия и продолжения приятной им жизни и не желающие никаких перемен. Недостаток этих людей – эгоизм, качество – скромность, смирение. Вторые – революционеры хотят изменения и берут на себя дерзость решать, какое нужно изменение, и не боящиеся насилия для приведения своих изменений в исполнение, а также и своих лишений и страданий. Недостаток этих людей – дерзость и жестокость, качество энергия и готовность пострадать для достижения цели, которая представляется им благою. Третьи – либералы – не имеют ни смирения консерваторов, ни готовности жертвы революционеров, а имеют эгоизм, желание спокойствия первых и самоуверенность вторых.

Думал, что для воспоминаний – напишу ли я когда подробно – надо хотя бы из каждого возраста написать сцены, события, душевные состояния самые характерные.

27 декабря 1905. Ясная Поляна. Все эти дни исправлял "Правительство, революционеры и народ". Кажется, кончил, но не знаю, куда девать. Довольно хорошо себя чувствую и живу. Нынче – теперь утро – проводил Дунаева и Никитина, бездна Сухотинных, и чувствую себя слабым. Получил письмо от Великанова. Надо ответить наилучшим образом не только письмом, но и делом. Трудно. Тем лучше. Решай трудное. Поправил вчера корректуры "Круга чтения" за июль месяц. И мне очень не понравилось. Неприятное чувство остается от игры в карты, а все-таки несравненно лучше разговоров. Записать надо:

[...] 2) Дунаев ужасается на зверство людей. Я не ужасаюсь. Это кажется удивительно, но происходит это от б9f того, что тот ужас, который он испытывает теперь при проявившемся зверстве (причина которого в отсутствии религии), я испытал 25 лет тому назад, когда увидел себя вооруженным рассудком животным, лишенным всякого понимания смысла своей жизни (религии), и увидел кругом всех людей такими. Я тогда ужаснулся и удивлялся только тому, что люди не режут, не душат друг друга. И это не фраза, что я ужаснулся тогда. Я действительно ужаснулся тогда едва ли не более, чем люди ужасаются теперь. То же, что делается теперь, есть то самое, перед чем я ужаснулся и чего ждал. Я как человек, стоящий на тендере поезда, летящего под уклон, который ужаснулся, увидав, что нельзя остановить поезда. Пассажиры же ужаснулись только тогда, когда крушение совершилось.

[...] 6) Еще ясная пришла характеристика Александра I, если удастся довести хоть до половины. То, что он искренно, всей душой хочет быть добрым, нравственным и всей душой хочет царствовать во что бы то ни стало. Показать свойственную всем людям двойственность иногда прямо двух противоположных направлений желаний.

Сейчас ночь 31 декабря 1905, начало 1906. Все это время добавлял "Правительство,
Страница 403

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
революционеры, народ". Иногда кажется нужно, иногда слабо. Здоровье недурно. Но нет живости мысли. Записать только две:

1) Читая Строганова о Ромме, был поражен его геройством в соединении с его слабой, жалкой фигуркой. Напомнило Николеньку. Я думаю, что это чаще всего бывает так. Силачи, чувственные, как Орловы, бывают трусы, а эти - напротив.

Другое 2) Моя двойственность. То я поутру и ночью истинно мудрый и хороший человек, то я - слабое, жалкое существо, не знающее, что с собой делать. Разница в том, что первое - настоящее, а во втором состоянии я знаю, что я в тумане заблуждений.

3) Еще ясно пришла мысль о том, что жизнь есть прохождение духовной сущности через отделенную расширяющую форму.

Сейчас начало нового, 1906 года. Помогите, господа, исполнять твою волю. Не для того, чтобы что-то сделать, а только для того, чтобы делать, что должно.

Дневник - 1906

4 января 1906. Ясная Поляна. Все эти дни все поправлял и переделывал "Правительство, революционеры, народ", и все не кончил. "Народ" плохо оттого, что хотел внести неподходящее: "Три неправды". Надеюсь, что выйдет. И что будет полезно. Читаю "Мысли мудрых людей" ежедневно и с большой пользой для души. Эти последние два или три дня, не переставая, без людей, работаю над собой: не позволяю себе дурных мыслей, легкомысленных поступков, вроде гимнастики, гаданья. И хорошо. Кабы удержаться так до смерти! [...]

6 января 1906. Ясная Поляна. Все поправляю "Правительство, революционеры и народ" и, кажется, кончил или близок к концу. Очень мрачно себя чувствую. Стараюсь и не могу победить. Ничем не выражаю своей недоброты, но чувствую и мыслю недоброе. [...]

16 января 1906. Ясная Поляна. Отослал в Москву и Англию "Правительство, революционеры и народ" и последнее время поправлял "Круг чтения" и "Мысли мудрых людей". Это радостная работа. [...]

18 января 1906. Ясная Поляна. Все нездоровится. Занимаюсь понемногу "Кругом чтения".

Думал нынче о том, что мне, старику, делать? Сил мало, они слабеют заметно. Я несколько раз в жизни считал себя близким к смерти. И - как глупо забывал, старался забывать это - забывать что? То, что я умру, и что во всяком случае - 5, 10, 20, 30 лет, смерть все-таки очень близка. Теперь я уже по годам своим естественно считаю себя близким к смерти, и забывать это уже не к чему, да и нельзя. Что же мне, старому, бессильному, делать? спрашивал я себя. И казалось, что нечего, ни на что сил нет. И нынче так ясно понял ясный и радостный ответ. Что делать? Уже показано, что умирать. В этом теперь, в этом и всегда оно было, мое дело. И надо сделать это дело как можно лучше: умирать и умереть хорошо. Деле перед тобой, прекрасное и неизбежное, а ты ищешь дела. Это мне было очень радостно. Начинаю привыкать смотреть на смерть, на умирание не как на конец дела, а как на самое дело.

Читал вчера и нынче Максимова "Сибирь и каторга". Чудные сюжеты: 1) подносчика в кабаке, наказанного кнутом, чтоб скрыть стыд купеческой дочки; 2) чудный сюжет: "Странник".

22 января. Ясная Поляна. Здоровье хорошо. Делал "Круг чтения". Вчера и третьего дня писал рассказ из Максимова. Начало недурно. Конец скверно. Соня приехала из Москвы. "Правительство, революционеры, народ" очень, как и должно было быть, не понравилось всем и немисливо напечатать. Сейчас написал Саше длинное письмо. Живу довольно внимательно к себе. [...]

30 января 1906. Ясная Поляна. Здоровье было нехорошо: тупость мысли. Но вот 3-й день хорошо. Немного продолжал рассказ - лучше. "Круг чтения" и много, хорошо думал. Много - пока - забыл.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[...] 4) Видел во сне: живет человек и работает на земле, как Робинзон или русские крестьяне, и обстраивается, одевается, кормится с семьей. Приходят люди и говорят: дай часть твоего труда на то, что мы считаем для тебя нужным. По какому праву? И зачем ему отдавать?

2 февраля 1906. Ясная Поляна. Здоровье порядочно, с перерывами. Писал "За что?". Один день порядочно, но все не могу кончить. Очень хочется "Круг чтения" для детей и народа. Но все руки не доходят. [...]

Читал нынче Канта Religion in Grenzen blossen Vernunft. Очень хорошо, но напрасно он оправдывает, хотя и иносказательно, церковные формы.

6 февраля 1906. Ясная Поляна. [...] Нынче немного поправил "За что?". Порядочно. Утро было очень радостно. И все радости опасные, мирские, не для бога; письмо милое от Саши и "Круг чтения" и "О жизни". Fais ce que doit, advienne que pourra [делай что должно, пусть будет, что будет (фр.)].

Читал вчера или третьего дня прекрасную брошюру Д. Хомякова. Все хорошо. Горе в том, что он считает христианство и православие равнозначными и к духовным требованиям жизни причисляет быт. Это уже совсем неверно и явный софизм. [...]

10 февраля 1906. Ясная Поляна. Нездоровилось последние дни. Писал "За что?". Нехорошо. Живу, слава богу, порядочно. Помню. Несколько экзаменов было. В некоторых случаях 4, но нигде не провалился вполне. Кое-что думал, и, кажется, важное. Записать надо:

[...] 2) Особенно живо и ясно понял, лежа в темноте в постели, щупая свой череп, что то, что мне кажется крепким, как мой череп, только таким мне кажется. Вспомнил на оружейном заводе молот, легко, мягко продавливающий в блин толщиной стальные кружки. Для существа с органами такой же силы череп мой мягок, а есть существа, для которых паутина крепка. Гладко, шершаво, велико, мало, даже зелено, красно, коротко, долго и т. п., все это условно. Только скучно повторять, а надо бы всякий раз говорить: для меня. Само же по себе оно ничто. [...]

Нынче 18 февраля 1906. Ясная Поляна. Все время, то есть с 10-го, был в тяжелом (физически) настроении, но на душе очень хорошо. Все не теряю настроения жизни только для бога, для преумножения данного (таланта). Письма от дочерей и письма от Шеермана и Токи-Томи очень приятные. Были Сережа и Андрюша, и слава богу. Много есть что записать, и, кажется, стоящее того. Все исправляю "За что?". Медленно, но становится сноснее. Записать:

[...] 5) Трудно победить дурное расположение духа и недоброжелательство к человеку, но можно. И если хоть раз удастся, то испытаешь такую радость, что захочется испытать ее и другой раз.

[...] 9) Мы не помним прежней жизни потому, что воспоминание есть свойство только этой жизни.

[...] 13) в глубокой старости обыкновенно думают и другие и часто сами старики, что они только доживают век. Напротив, в глубокой старости идет самая драгоценная, нужная жизнь и для себя, и для других. Ценность жизни обратно пропорциональна в квадратах расстояния от смерти. Хорошо бы было, если бы это понимали и сами старики, и окружающие их. [...]

2 марта 1906. Ясная Поляна. Двенадцать дней не писал. И дурно и хорошо физически себя чувствовал; больше дурно. Живу кое-как. Работаю внутри себя, и, кажется, хорошо. В том-то и горе и то-то и хорошо, что как на баллоне летишь, но чувствуешь ни ветра, ни движенья, потому что движешься с ветром, не чувствуешь своего улучшения, потому что оно - только то, что должно быть, что есть. Чувствуешь ветер только, когда остановишься, то есть скверно живешь. Экзаменов было мало. Только вчера был очень в физически угнетенном состоянии и не мог преодолеть себя - не в наружном проявлении - в наружном я ничего не сделал, но в душе, в мыслях не мог победить недоброжелательство, не мог вызвать любви, вызвать в себе живое сознание своего отношения к богу. Поправлял за это время "За что?" и отослал набирать и корректуры второго тома "Круга чтения". Записать, кажется, много и недурно.

[...] 9) Говоря с Дориком о том, какая должна быть нравственная жизнь без роскоши, без прислуги, не богатая, а бедная, подумал, что надо бы объяснить ему, почему я не так живу. А потом подумал: зачем? Он, если правда то, что я говорю, несмотря на то, что я не делаю того, что говорю, будет жить, как я говорю; потому что найдет в этом благо. Меня же за то, что я не делаю того, что говорю, он осудит (и поделом, а если не поделом, то это на пользу мне), или сам без моего объяснения поймет, почему я не так живу, и оправдает.

10) Когда человек умен, он не знает, что он умен, - ему кажется так естественно, что он понимает, что понимает, что он не может приписывать этому значения. При том же ему так многое еще непонятно. То же - если человек силен телесно и даже духовно; то же особенно, когда человек истинно добр, он не видит своей доброты, как летящий на баллоне не чувствует своего движения.

[...] 13) Ехал верхом лесом, и было так хорошо, что думал: имею ли я право так радоваться жизнью? И отвечал себе: да, имел бы право на радость жизнью всякий человек, если бы не было греха, не было страданий, производимых одними людьми над другими. Теперь же, когда есть грех и ость жертвы его невольные, должны быть жертвы вольные, и мы не имеем права радоваться жизнью, а должны радоваться жертвой, вольной жертвою.

Людям дана возможность полного блага жизни. Если бы не было греха, они бы владели, пользовались им. Теперь же, когда есть грех, люди должны стараться жертвою исправить его. И в этом исправлении греха есть - при теперешнем состоянии мира (другого и не было, мир без греха только в идеале), в исправлении греха, в жертве - истинное благо жизни людей.

14) Философские системы - это плохо сложенные своды, замазанные известкой с тем, чтобы не видна была их непрочность. Свод из неотесанного камня, если держит, то наверное прочен. Мало того, свод самый прочный тот, который строился бессознательно, как природные пещеры. [...]

5 марта 1906. Ясная Поляна. Пишу утром. Эти дни ничего не писал существенного, кроме писем, и то ничтожные. Занят детским "Кругом чтения", то есть изложением закона божия. Плохо идет. Я слишком легко смотрел на это.

Вот это-то именно случай: Avoir le temps de la faire plus courte [Иметь время написать короче (фр.)]. Вчера ездил верхом по лесам, и очень хорошо думалось. Так ясен казался смысл жизни, что ничего больше не нужно. Боюсь, что это грех, ошибка, но не могу не радоваться спокойствию и доброте. [...]

1) Можно и должно приучить себя к любовному отношению ко всем людям, ко всем живым существам. Для этого надо не только в сношениях с людьми и животными быть добрым, любовным, а это будет только тогда, когда обо всех, всех, всех людях будешь думать любовно, не только о тех, с которыми живешь и с которыми встречаешься, но о тех, о ком слышишь, читаешь, о живых и умерших. Можно приучить себя к этому. И тогда какая радость!

[...] 3) Влюбленье настоящее, поэтическое только тогда, когда влюбленный не знает о различии и назначении полов.

9 марта. Дурное состояние. Только поправлял заметку о правительстве, о власти. Заглавие надо так:

Из дневника. О возникновении и самоуничтожении власти.

Нет, нехорошо. [...]

[10 марта] Целый день тупое, тоскливое состояние. К вечеру состояние это перешло в умиление - желание ласки - любви. Хотелось, как в детстве, прильнуть к любящему, жалеющему существу и умиленно плакать и быть утешаемым. Но кто такое существо, к которому бы я мог прильнуть так? Перебираю всех любимых мною людей - ни один не годится. К кому же прильнуть? Сделаться маленьким и к матери, как я представляю ее себе.

Да, да, маменька, которую я никогда не называл еще, не умея говорить. Да, она, высшее мое представление о чистой любви, но не холодной, божеской, а земной, теплой, материнской. К этой тянулась моя лучшая, уставшая душа. Ты, маменька, ты

приласкай меня.

Все это безумно, но все это правда.

10 марта 1906.

11 марта. Дня четыре ничего не пишу. Вчера особенно подавленное состояние. Все неприятное особенно живо чувствуется. Так я говорю себе; но в действительности:

я ищу неприятного, я восприимчив, промокаем для неприятного. Никак не мог избавиться от этого чувства. Пробовал все: и молитву, и сознание своей дурноты. И ничего не берет. Молитва, то есть живое представление своего положения, не доходит до глубины сознания, признание своей ничтожности, дрянности не помогает. Чего-то не то что хочется, а мучительно недоволен чем-то, и не знаешь чем. Кажется, что жизнью: хочется умереть.

К вечеру состояние это перешло в чувство сиротливости и умиленное желание ласки, любви; мне, старику, хотелось сделаться ребеночком, прижаться к любящему существу, ласкаться, жаловаться и быть ласкаемым и утешаемым. Но кто же то существо, к которому я мог бы прижаться и на руках которого плакать и жаловаться? Живого такого нет. Так что же это? А все тот же дьявол эгоизма, который в такой новой, хитрой форме хочет обмануть и завладеть. Это последнее чувство объяснило мне предшествующее состояние тоски. Это только ослабление, временное исчезновение духовной жизни и заявление своих прав эгоизма, который, пробуждаясь, не находит себе пищи и тоскует. Средство против этого одно: служить кому-нибудь самым простым, первым попавшимся способом, работать на кого-нибудь.

1) Читал записки Ашенбренера о Шлиссельбурге. Как ясно, что жизнь в себе, а границы внешней свободы, как бы ни казались одни тесны, а другие просторны, почти и даже совсем безразличны.

18 марта. Продолжается нездоровье – слабость, апатия и нынче даже особенно дурное расположение духа. Сейчас чуть было не огорчился за спор на Таню. С утра расстроила то прекрасное настроение, в котором я встал, какая-то глупая старушка, рассказывавшая мне про видения, свои воспоминания и про то, что меня ненавидят и ругают на станции Козловке. Это, к стыду моему, очень огорчило, гнетуще подействовало на меня. Прочел "Круг чтения" на 18 марта как раз на эту тему. Да, надо благодарить бога за это, за то, что проверяет меня, мою жизнь в боге. Очень все слаб я. В утешение могу сказать только то, что временами, а не всегда. Был фельтен. Мне скорее неприятно, чем приятно, распространение моих сочинений. Нынче поправил: "Революционеры". Записать немного, но, как думается, очень важное. Едва ли осилю теперь. Лучше до вечера, если буду жив.

19 марта 1906. Ясная Поляна. То же дурное, тяжелое состояние. Борюсь с ним. Кажется, победил чувство недоброты, упрека людям, но апатия все та же. Ничего не могу работать. Вчера ездил верхом и все время спорил сам с собой. Слабый, дрянной, телесный, эгоистический человек говорит: все скверно, а духовный говорит: врешь, прекрасно. То, что ты называешь скверным, это то самое точило, без которого затупилось, заржавело бы самое дорогое, что есть во мне. И я так действительно и уверенно говорил это, что под конец победил, и я вернулся домой в самом хорошем настроении. [...]

1) Думал о том, что нишу я в дневнике не для себя, а для людей, преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня, телесно, не будет, и что в этом нет ничего дурного. Это то, что мне думается, что от меня требуется. Ну, а если сгорят эти дневники? Ну, что ж? они нужны, может быть, для других, а для меня наверное – не то что нужны, а они – я. Они доставляют мне – благо. [...]

[...] 3) Вспомнил, как безрукий человек рассказывал мне о том, что он не может заснуть до тех пор, пока воображаемые пальцы на отсутствующей руке не сложатся в кулак, и что никакие личные усилия не могут содействовать этому. Неужели то же и с дурным расположением духа, и надо только терпеливо ждать, когда душа сложится в покойное состояние? И да и нет. Заставить себя работать духовно – не могу. Но быть довольным своим положением – могу, очень могу.

[...] 6) (Очень казалось мне важным.)

Помню, Страхов (Николай Николаевич) показывал мне какую-то материалистическую

Дневники. Лев Николаевич Толстой to|stoy|leo.ru
книгу, объясняющую душевную жизнь клеточек, в которой для недостающего объяснения вводилось понятие воспоминания, как явление самое простое и вполне понятное. Помню, что и тогда нелепость этого введения самого таинственного для объяснения самого простого поразила меня, теперь же уже вполне понял, что такое воспоминание, память.

Способность воспоминания, память, это то таинственное для нас явление, объясняющее все остальное, но ничем не могущее быть объяснено, посредством которого мы знаем то, что знаем, посредством или вследствие которого мы живем духовной жизнью, вследствие которого мы познаем себя и мир, доступный нам, вполне, без времени. Воспоминание происходит во времени, но познаем мы, благодаря воспоминанию, вне времени. Я познавал себя час за часом во времени, но знаю я теперь себя независимо от времени, всего, какой я есмь: и ребенок, и мальчик, и юноша, и муж, и стареющийся, и старик, все вместе в одном. Так же знаю и Россию, и Францию, и др., и род человеческий, и весь мир со всем, что я знаю об его изменениях. То, что мы называем разумом, есть только сжатое, концентрированное воспоминание или вывод из него. Правда, можно в разумной деятельности выделить способность делать выводы из воспоминаний, но все-таки основа и разума и всей духовной жизни есть способность воспоминания. (Не полно.) [...]

2 апреля 1906. Ясная Поляна. Пасха. Все последнее время (две недели) чувствовал себя дурно. Почти ничего не писал. Слабость и физическая тоска. -Но странное дело. В тех редких просветах мысли, которые находили, мысль работала глубже и яснее, чем в периоды постоянной работы мысли. Невольно приходит в голову, что раскрытие жизни совершается равномерно. Если мне и кажется, что жизнь стоит во мне, она не стоит, но идет подземно и потом раскрывается тем сильнее, чем дольше она задерживалась. Правда ли это, будет видно по тому, что я записал и теперь впишу за эти две недели. Записать:

1) Совершенно ясно стало в последнее время, что род земледельческой жизни не есть один из различных родов жизни, а есть жизнь, как книга - Библия, сама жизнь, единственная жизнь человеческая, при которой только возможно проявление всех высших человеческих свойств. Главная ошибка при устройстве человеческих обществ и такая, которая устраняет возможность какого-нибудь разумного устройства жизни, - та, что люди хотят устроить общество без земледельческой жизни или при таком устройстве, при котором земледельческая жизнь - только одна и самая ничтожная форма жизни. Как прав Бондарев!

2) Удивительное дело! Стоит только рассказать, как-нибудь раскрыть людям то доброе, которое чувствуешь, делаешь или хочешь делать, и тотчас же та внутренняя сила и радость, которую давало это сознание добра, - исчезает. Точно как выпущенный пар из паровика. Если делаешь для бога, то делай только для бога. Держи тайну с богом, и он поможет тебе. Как разболтал людям, он отворачивается от тебя. "Ты, мол, сказал людям, от них и жди помощи".

3) На эту тему хотелось бы написать рассказ "Сон": человек видит, как после смерти его судят и на весах вешают его дела. Он ждет, что принесут и положат его труды для народа, благотворительность, его научные труды, его семейные добродетели, их несут, и все это ничего не весит, иное производит обратное действие: весы поднимаются. Для славы людской. И вдруг несут то, что он забыл: как он подавил в себе досаду в споре, поднял игрушку девочке... (придумать надо лучше), - все то, что люди не знали, не ценили. Можно еще сопоставить двух юродивых: одного, признанного юродивым, профессионального юродивого, и другого, про юродство невольное которого никто не знает. И как первый не угоден, а только второй угоден богу.

[...] 13) Мир - высшее материальное благо общества людей, как высшее материальное благо личности - здоровье. Так всегда полагали люди. И мир возможен только для земледельцев. Только земледельцы кормятся прямым трудом. Горожане неизбежно кормятся друг другом. Среди них возникло государство и возможно и нужно. Земледельцам оно излишне и губительно.

14) Жизнь всех народов везде одна и та же. Более жестокие, бесчеловечные, гулящие люди кормятся насилием, войною, более мягкие, кроткие, трудолюбивые предпочитают терпеть. История есть история этих насилий и борьбы с ними.

15) Отчего это я испытываю совершенно новое, странное смешанное чувство

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
благоденствия, когда, потушив свечу, лежу в постели? Ничто не болит, тепло, тихо, спокойно. Мне радостно, хорошо и страшно, что я люблю жизнь и не перенесу без противления смерть. Отчего это?

16) Хотелось бы написать рассказ о том, как политический деятель, после 20, 30 лет труда в одном направлении, достигнув своей цели, вдруг хватился, что у него есть душа, которой надо бы служить и которую он оставил в небрежении, и она ссохлась, загубела и не отзывается и не дает и не воспринимает радостей. (Он заболел или в тюрьме.)

17) В книгах с важностью пишут, что там, где есть права, там есть и обязанности. Какой это смелый вздор – ложь. У человека есть только обязанности. У ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ ТОЛЬКО ОБЯЗАННОСТИ.

18) Говорят и спорят о системе Генри Джорджа. Дорога не система (хотя я не только не знаю, но не могу себе представить лучшей), но дорого то, что эта система устанавливает общее и равное для всех людей отношение к земле. Пускай найдут лучшее.

17 апреля 1906. Ясная Поляна. Должен повторить совершенно то же, что писал 2 апреля. Так же дурно физически себя чувствовал и так же не дурно духовно, хотя по времени много прошло без жизни. Все воюсь с "Две дороги". Плохо подвигаюсь. Но важность предмета все больше и больше выясняется и привлекает к себе внимание. Поправлял несколько недель "Круга чтения". Написал несколько писем. Нынче получил от Трегубова о преследовании за отказ от военной службы, и надо послать и написать от себя Записать много надо и, кажется, не ничтожное.

1) Возвеличиваемым людям – царям, героям – нельзя совершать обыкновенные человеческие отправления, нельзя резвиться. Выходит страшный, отвратительный контраст. Елисавета к Троице. Екатерина...

2) Западные народы бросили земледелие и все хотят властвовать. Над собой нельзя, вот они и ищут колоний и рынков.

3) Только при земледельческом труде всех может быть разумная, нравственная жизнь. Земледелие указывает, что самое, что менее нужно. Оно руководит разумной жизнью. Надо коснуться земли.

4) Умиление и восторг, которые мы испытываем от созерцания природы, это воспоминание о том времени, когда мы были животными, деревьями, цветами, землей. Точнее: это – сознание единства со всем, скрываемое от нас временем.

[25 апреля 1906. Ясная Поляна] Не дописал. Нездоровье очень долго продолжалось. Но не жалею на нездоровье. Ход мыслей, расцвет сознания продолжался. Не было достаточно силы внимания, чтобы писать. (Да и незачем, довольно написано), но урывками приходили мысли, как кажется, более важные или, по крайней мере, выкупающие с излишком остановку постоянной работы. Так что нездоровье для духовной жизни не вредно. Я начинаю приучаться не тяготиться нездоровьем, но не дошел еще – что нужно – до того, чтобы радоваться ему, как радуешься вообще жизни.

Нынче 25 апреля 1906. Ясная Поляна. Мне физически лучше, и как раз я давно, за все время нездоровья, не был в таком духовно слабом состоянии. Читаю газету о приеме Горького в Америке и ловлю себя на досаде. Читаю рассуждения и критику моих писаний Великанова, и мне неприятно. Затем присланную печатную статью о том, что чуть ли не я выписываю в Ясную Поляну казаков, и мне больно. Хорошо еще, что я чувствую, что это слабость, несвойственная мне. За это время поправил – плохо "За что?" и продержал плохо же корректуру "Круга чтения". Правда ли то, что во время нездоровья мысли были таковы, что выкупают отсутствие работы, покажет то, что надо записать:

1) Эпиктет говорит: ты не сердись на слепого за то, что он не видит... Да, но трудно не сердиться, когда слепой уверен, что он видит, а что ты слепой, и тянет тебя в яму. Надо не идти за ним, но все-таки сердиться незачем.

[...] 12) Нынче тоже ясно пришла мысль о том, что то свойство людей передавать власть, право насилия другим не есть черта добрая и христианская, и что поэтому плоды се: насилия, убийства – грехи еще худшие, чем при личном участии. Это

очень важно.

[...] 24) Видел сон, что я выгоняю сына; сын – соединение Ильи, Андрея, Сережи. Он не уходит. Мне совестно, что я употребил насилие, и то, что не довел его до конца. Тут присутствует Стахович, и мне стыдно. Вдруг этот собирательный сын начинает меня своим задом вытеснять с того стула, на котором я сижу. Я долго терплю, потом вскакиваю и замахиваюсь на сына стулом. Он бежит. Мне еще совестнее. Я знаю, что он сделал это не нарочно. Сына нет. Приходит Таня в сенях и говорит мне, что я не прав. И прибавляет, что она опять начинает ревновать своего мужа. Вся психология необыкновенно верна, а нет ни времени, ни пространства, ни личности. [...]

30 апреля. 1906. Ясная Поляна. Стараюсь по-прежнему работать, но силы оставляют. И прекрасно. Не жалуюсь и искренно доволен и даже часто радуюсь. Немного работал над "Две дороги" и ясно вижу все последующее, но не имею сил записать. Несколько дней был бодрее. Нынче очень слаб. Думается очень хорошо. Записать надо:

1) 300 лет тому назад пытки так же казались необходимы, как теперь кажется насилие. Как посредством пыток достигались скоро желаемые результаты, так же они достигаются и насилием.

2) Власть одного человека над другим губит прежде всего властвующего. Богатство, деньги есть такая же власть, как и прямая. Она так же губит прежде всего тех, кто обладает им, и губит хуже, потому что грех ее скрыт. [...]

Нынче 3 мая 1906. Ясная Поляна. Три дня очень тяжело болела печень по-новому; думал, что освобождение, и скорее был рад. Сожаления же не было нисколько. Боялся только резких страданий и вследствие их ослабления духовных сил. Боль печени готовилась за несколько дней, и был в очень дурном расположении, а тут сыновья Сергей и в особенности Илья с самоуверенностью, равной только его же невежеству, и я не выдержал и недобро говорил с ним. И как раз в то время, когда я только что твердил себе, что надо две: не думать о мнении людей и добро относиться к ним, сразу нарушил оба. Долго было больно и стыдно. Только нынче стала проходить резкая боль раскаяния. Хочу записать записанное, а кроме того, нудит совесть написать к народу о том страшном распутье, на котором он стоит. [...]

Нынче уже 22 мая 1906. Ясная Поляна. Все время был в дурном, слабом состоянии. Все писал, переделывал "Две дороги". И все не совсем ясно. За последнее время было много радостного: старичок из Коломны, еврей, отказывающийся от военной повинности, и юноша Офицеров, весь охваченный возрождением. Письма тоже были. Нынче от Мироновых из Самары. Боюсь, что воздействие на них Добролюбова не просто и не прочно. Письмо от Davidson Morisson и от Токи-Томи.

В это последнее время минутами находило тихое отчаяние в недействительности на людей истины. Особенно дома. Нынче все сыновья и особенно тяжело. Тяжела неестественность условной [близости] и самой большой духовной отдаленности. Иногда, как нынче, хочется убежать, пропасть. Все это вздор. Записываю, чтобы покаяться в своей слабости. Все это хорошо, нужно и может быть радостно. Но могу жалеть тех слепых, которые мнят себя зрячими и старательно отрицают то, что я вижу. [...]

29 мая 1906. Ясная Поляна. Очень мне тяжело от стыда моей жизни. И что делать, не знаю. Господи, помоги мне. Все копаюсь над "Двумя дорогами". Довольно хорошо изредка думаю и часто прямо желаю смерти. Это хорошо. Записать надо очень много:

[...] 7) Человек посредством сознания может избавиться от зла – все претворить в благо для себя и для мира.

8) Как я больно, мучительно чувствую нелюбовь людей, вроде как болит член тела. И как восторженно, радостно, умиленно чувствую любовь. Первое – хорошо, второе – дурно.

9) Все мы живем и грабежом, и милостыней, и трудом. Дело только в том, сколько чего %. Я весь живу милостыней и грабежом. И мучаюсь.

[...] 13) Смотрю, Верочка служит няней, работает, а мои болтаются, играют. Кто счастливее? Разумеется, нет сравнения.

[...] 16) Три главные черты в людях в разных долях составляют все различия характеров:

1) Разумность – знание, инстинкт того, что важно, о чем больше всего думать, и что не важно;

2) умственная ловкость, память, сообразительность и

3) чуткость, способность переноситься в другого и чувствовать за него.

17) Проповедовать христианство надо не столько рабочим, сколько неработающим господам.

18) Безумие теперешнего правительства, при свободе печати позволяющего себе репрессии. [...]

6 июня 1906. Ясная Поляна. Чувствую себя хорошо. Мало сплю и слаб: и это хорошо. Как будто подвигаются "Две дороги". Был корреспондент, и я кое-что и о Генри Джордже написал и ему сказал о Думе и репрессиях. Здесь Денисенки. Начал читать с оней "Круг чтения". Не глубоко, но хорошо думается и чувствуется. Со всеми сыновьями хорошо, любовно, с Андреем ужасно трудно. Какая язва их общая самоуверенность! Как они много лишаются от этого. Все борюсь с заботой о людском мнении и стараюсь установить прямое отношение к богу. Редко – могу.

Записать:

[...] 5) День не есть та минута, которую я переживаю, но есть все, что совершается от восхода до захода солнца дано мне это представление и опытом, и воспоминанием, и разумом. То же и представление о моем 40-летнем сыне. Это не тот плешивый человек, который сейчас рассуждает о политике, а это то существо, которое рожалось, играло, училось, заблуждалось, мужало и которое будет стареться и умирать. И так все.

6) Самое обычное заблуждение – что люди растут до 20, 25 лет одинаково и физически и духовно. Ошибка в том, что рост физический останавливается, но духовный не перестает до глубочайшей старости и смерти.

3 июля 1906. Ясная Поляна. Давно не писал. Болел желудком. Урывками работал "Две дороги". Духовное состояние очень радостное, свободное, в воле бога чаще всего. Записать:

[...] 4) Богатые землевладельцы осуждают рабочих, крестьян. Да ведь все, что они могут сделать дурного, все лучше того, что делаете вы. Вы своей жизнью, основанной на грабеже, разрушаете всякую нравственность в людях, а потом жалуетесь на их безнравственность.

[...] 13) Мы часто смотрим на древних, как на детей. А дети мы перед древними, перед их глубоким, серьезным, незасоренным пониманием жизни.

[...] 15) Если русский народ – нецивилизованные варвары, то у нас есть будущность. Западные же народы – цивилизованные варвары, и им уже нечего ждать. Нам подражать западным народам все равно, как здоровому, работающему, неиспорченному малому завидовать парижскому плешивому молодому богачу, сидящему в своем отеле. Ah, que je m'embete! [Ах, как я бешусь от скуки! (фр.)]

Не завидовать и подражать, а жалеть.

[...] 21) Индусы покорены англичанами, а они свободнее англичан: они могут жить без англичан, а англичане не могут жить без них.

22) Какая ужасная привычка приказывать! Нет ничего более развращающего, нарушающего отношение естественного, доброго, разумного человека к человеку. Бедные и подвластные не знают этого греха; и это незнание с избытком искупает невыгоду их положения. Надо всем отвыкнуть приказывать. [...]

Нынче 30 июля 1906. Ясная Поляна. Очень давно не писал. Думаю, что кончил статью "Две дороги", и кажется, что не дурно. Даже был очень доволен. Как фет "Двумя

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
липками". Здесь Чертков, и мне очень приятно. Решил отдать с изменениями
"Правительство, революционеры, народ". Много есть чего записать.

[...] Записать надо:

1) Есть ли бог? Не знаю. Знаю, что есть закон моего духовного существа.
Источник, причину этого закона я называю богом.

2) Чем больше служишь другим (с усилием), тем радостнее; чем больше служишь себе
(без усилия), тем тяжелее жизнь.

3) Дело, предстоящее русскому народу, в том, чтобы развязать грех власти,
который дошел до него. А развязать грех можно только тем, чтобы перестать
участвовать во власти и повиноваться ей.

[...] 6) Люди малообразованные бывают часто дерзки и упорны в мыслях. Это
оттого, что они не знают, какими разными путями может работать мысль. [...]

24 августа 1906. Ясная Поляна. Двадцать четыре дня не писал. Провел это время
хорошо. Да теперь, слава богу, все лучше и лучше. За это время при ездил
Чертков. Я ездил с ним к Маше. Чертков очень был приятен, но боюсь, что много
оттого, что он очень высоко ценит меня. Был и Меньшиков и, слава богу, совсем с
другой стороны был настолько приятен, что с удовольствием вспоминаю об отношении
с ним. Хотел написать, что Маша мне очень мила, да все читают мои дневники. Да и
лучше.

Много работал над "Двумя дорогами" и, кажется, совсем кончил. Думаю, что нужно,
может быть полезно. Но знать не могу. А знаю, что мне нужно было написать.
Состояние сознания раба божия немного не ослабело, а потеряло новизну, но
укоренилось, и, слава богу, живу им. Часто или на прогулке, или когда потушу
свечу, лежа в постели, испытываю новое, радостное чувство жизни, благодарности,
спокойного довольства. Замарал: спокойного, потому что чувство не беспокойное,
но очень живое, сильное. Записать:

[...] 2) Прочел у Менделеева, что назначение, идеал человека размножение. Ужасно
нелепо. Вот глупость (не свойство, а поступок слова) последствие
самоуверенности. Животные поедают друг друга, и потому им надо размножаться, и
размножение может быть идеалом кроликов. Поедание и размножение взаимно
ограничиваются. У людей же, освободившихся от поедания другими животными,
размножение ничем не может быть ограничено, кроме сознанием добра,
совершенствованием. Совершенствование включает целомудрие. Оно-то и
ограничивает. Как ужасно безнравственно и просто глупо менделеевское
размножение. Ведь если люди выдумают химическую пищу, то размножение все-таки
дойдет до того, что будут стоять плечо с плечом. Поедание и размножение животных
есть экилибри [равновесие (от фр. - *équilibre*)], устанавливаемый в области
эгоистической телесной жизни. В области духовной жизни - любовь, приручение и
целомудрие.

[...] 7) Думал о том, что теперь делать правительству, и стало совершенно ясно,
что главное прекратить все репрессии, согласиться на все требования, и не для
того, чтобы стало лучше (хуже не будет, и очень может быть, что станет лучше),
но для того, чтобы не участвовать в зле, не быть в необходимости сдерживать,
качать.

[...] 14) Меня причисляют к анархистам, но я не анархист, а христианин. Мой
анархизм есть только применение христианства к отношениям людей. То же с
антимилитаризмом, коммунизмом, вегетарьянством. [...]

1 сентября. Ясная Поляна. 1906. Не писал шесть дней.

Болезнь Сони все хуже. Нынче почувствовал особенную жалость. Но она трогательно
разумна, правдива и добра. Больше ни о чем не хочу писать. Три сына: Сережа,
Андрюша, Миша здесь и две дочери: Маша и Саша. Полон дом докторов. Это тяжело:
вместо преданности воле бога и настроения религиозно-торжественного - мелочное,
непокорное, эгоистическое. Хорошо думалось и чувство шлось. Благодарю бога.

Я не живу, и не живет весь мир во времени, а раскрывается неподвижный, но прежде
недоступный мне мир во времена. Как легче и понятное так! И как смерть при таком

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
взгляде не прекращение чего-то, а полное раскрытие...

2 сентября 1906. Ясная Поляна. Нынче сделали операцию. Говорят, что удачно. А очень тяжело. Утром она была очень духовно хороша. Как умиротворяет смерть! Думал: разве не очевидно, что она раскрывается и для меня, и для себя; когда же умирает, то совершенно раскрывается для себя. - "Ах, так вот что!" Мы же, остающиеся, не можем еще видеть того, что раскрылось для умирающего. Для нас раскроется после, в свое время.

Во время операции ходил в елки. И устал нервами. Потом пописал о Генри Джордже - нехорошо. Записать.

[...] 9) Западные народы далеко впереди нас, но впереди нас на ложном пути. Для того чтобы им идти по настоящему пути, им надо пройти длинный путь назад. Нам же нужно только немного свернуть с того ложного пути, на который мы только что вступили и по которому нам навстречу возвращаются западные народы. [...]

5 сентября 1906. Ясная Поляна. Ужасно грустно. Жалко ее. Великие страдания и едва ли не напрасные. Не знаю, грустно, грустно, но очень хорошо.

15 сентября. Здоровье Сони хорошо. Видимо, поправляется. Много пережито.

Кончил и статью, и о земле, и начал письмо китайцу, все о том же.

Хочется писать совсем иначе. Правдивее. Записывать много есть чего. Но не буду нынче. Ездил далеко в лес по метели. Состояние не бодрое, но хорошее, доброе. До завтра.

24 сентября 1906. Кончил все начатые работы и написал предисловие к Генри Джорджу. Последнее время был не совсем здоров желудком, и мало и лениво думается. Начал "Круг чтения", но лениво идет и не хорошо. Даже нынче кажется, что не могу. Написал ядовитое письмо в ответ на запрос о приезде англичан и рад, что не послал. Вот этого-то нет во сне: нет нравственного усилия. Так, нынче видел длинный сон и не помню о чем, солгал и потом вспомнил, что не надо было лгать, но не мог удержаться. Наяву же всегда можно удержаться. И в этом вся жизнь и отличие бдения от сна.

Написать надо:

[...] 12) Насколько дело жизни - прямого отношения с людьми дороже, важнее писания. Тут ты прямо действуешь на людей, видишь успех или неуспех, видишь свои ошибки, можешь поправить их, там ты ничего не знаешь, может быть, подействовал, может быть, нет; может быть, тебя не поняли, может быть, ты не так сказал, - ничего не знаешь.

13) Тайна в том, что я всякую минуту другой и все тот же. То, что я все тот же, делает мое сознание; то, что я всякую минуту другой, делает пространство и время.

30 сентября 1906. Ясная Поляна. Просмотрел привезенные корректуры. Начал было рассказ о священнике. Чудный сюжет, но начал слишком смело, подробно. Не готов еще, а очень хотелось бы написать. философский, метафизически-религиозный вопрос нудит и требует выражения более ясного. И кажется, что нынче, если не нашел решения, то приблизился очень к нему.

Читаю Гете и вижу все вредное влияние этого ничтожного, буржуазно-эгоистического даровитого человека на то поколение, которое я застал, - в особенности бедного Тургенева с его восхищением перед "фаустом" (совсем плохое произведение) и Шекспиром, - то же произведение Гете, - и, главное, с той особенной важностью, которая приписывалась разным статуям Лаокоонам, Аполлонам и разным стихам и драмам. Сколько я помучался, когда, полюбив Тургенева - желал полюбить то, что он так высоко ставил. Из всех сил старался и никак не мог. Какой ужасный вред авторитеты, прославленные великие люди, да еще ложные!

Записано:

[...] 2) Что такое порода? Черты предков, повторяющиеся в потомках. Так что всякое живое существо носит в себе все черты (или возможность их) всех предков

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
(если верить в дарвинизм, то всей бесконечной лестницы существ) и передает свои черты, которые будут бесконечно видоизменяться, всем последующим поколениям. Так что каждое существо, как и я сам, есть только частица какого-то одного, временем расчлененного существа – существа бесконечного. Каждый человек, каждое существо есть только одна точка среди бесконечного времени и бесконечного пространства. Так я, Лев Толстой, емь временное проявление Толстых, Волконских, Трубецких, Горчаковых и т. д. Я частица не только временного, но и пространственного существования. Я выделяю себя из этой бесконечности только потому, что сознаю себя.

3) Есть большая прелесть, соблазн в восхвалении, в пользовании славой, но едва ли не большая еще есть радость в самоунижении. Я как-то по глухоте не расслушал и сделал глупый вопрос и совершенно искренно сказал: я, кажется, от старости стал и глух и глуп. И, сказав это, мне стало особенно приятно, весело. Думаю, что это всегда так.

4) Записано; о ложном пути народов, устраивающих свою телесную жизнь. Совсем было забыл, что это значило, и сейчас вспомнил всю эту мысль, которая, и когда записал ее, и теперь, кажется мне особенно, необыкновенно важной.

Мысль эта в том, что мне думается, что люди пережили или переживают длинный, со времен не только о Рима, но Египта, Вавилона, период заблуждения, состоящего в направлении всех сил на материальное преуспевание, в том, что люди для этого преуспевания жертвовали своим духовным благом, духовным совершенствованием. Произошло это от насилия одних людей над другими. Для увеличения своего материального блага люди поработили своих братьев. Порабощение это признали законным, должным, и от этого извратилась мысль, наука. И эту ложную науку признали законной. От этого все бедствия. И мне думается, что теперь наступило время, когда люди сознают эту свою ошибку и исправят ее. И установится или, скорее, разовьется истинная, нужная людям наука духовная, наука о совершенствовании духовном, о средствах наиболее легких достижения его. [...]

1 октября 1906. Ясная Поляна. Второй день ничего не пишу, чувствую слабость, сонливость, но на душе хорошо, даже очень. Читаю Гете. Соня слаба и жалка тоже очень. [...]

2 октября 1906. Ясная Поляна. Сейчас было тяжелое испытание с слепым. Приехал и стал упрекать меня, что не отдал землю, не выкупаю ее теперь, уверяя, что у меня есть деньги. Я ушел от него. Можно было мягче. И я не выдержал вполне испытания. Продолжаю быть в усталом состоянии, но думается хорошо, и кажется, что уясняется определение жизни. [...]

10 октября 1906. Ясная Поляна. Желания своего не исполнил. Поразил разговор на большой дороге с ломинцовским молодым крестьянином-революционером, и на другое утро чтение газет с двадцатью двумя казненными, и я начал писать об этом. И вышло очень плохо, но я три дня писал понемногу об этом, и все плохо. Хочется ответить на вопрос: что делать?

Записать надо многое:

[...] 5) Записано так, после очень тяжелого настроения: Уж очень отвратительна наша жизнь: развлекаются, лечатся, едут куда-то, учатся чему-то, спорят, заботятся о том, до чего нет дела, а жизни нет, потому что обязанностей нет. Ужасно!!!! Все чаще и чаще чувствую это.

6) Ходил гулять. Чудное осеннее утро, тихо, тепло, зелена, запах листа. И люди вместо этой чудной природы, с полями, лесами, подои, птицами, зверями, устраивают себе в городах другую, искусственную природу, с заводскими трубами, дворцами, локомотивами, фонографами... Ужасно, и никак не поправишь...

7) Очень важное. Люди нашего времени гордятся своей наукой. То, что они гордятся так ею, лучше всего показывает то, что она ложная. Истинная наука тем и познается, или, скорее, несомненный признак истинной науки – сознание ничтожности того, что знаешь, в сравнении с тем, что раскрывается. А что наука ложная, в этом нет никакого сомнения. Не в том, что то, что она исследует, неверно, а в том, что это не нужно: некоторое относительно, в сравнении с тем, что важно и не исследовано, а многое и совсем не нужно. И я твердо уверен, что люди поймут это и начнут разрабатывать единую истинную и нужную науку, которая

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
теперь в загоне – НАУКУ О ТОМ, КАК ЖИТЬ.

Хорошо бы посвятить остаток жизни, чтобы указать на это людям. [...]

11 октября 1906. Ясная Поляна. Пишу о революции. Но плохо идет.

[...] Записать:

1) Дурно отнесся к нищему или еще что-то сделал дурное – не помню, но стало совестно, больно, почувствовал раскаяние. Особенно по-старому больно, что нельзя поправить, что тот, с кем надо было обойтись хорошо, ушел, и уже не догонишь. Это ложное чувство. Не в том дело, что непоправимо последствие моего поступка (оно может быть и поправимо); а в том, что непоправим самый поступок, что время, в котором он совершен, не возвратится. Но поправим я сам. Я могу, сознав свой грех, быть осторожным в повторении его. Важны не последствия, а поступок, дающий привычку злую или добрую.

[...] 4) Надо бы "Круг чтения" составить так, чтобы в каждом дне была одна мысль религиозная, метафизическая, определяющая положение человека в мире, а другая – правило полезное, помогающее жить доброй жизнью.

5) Иногда ставят истину идеалом. Это неверно: истина ость только отсутствие лжи.

[...] 11) Хотел написать о перенаселении и спасении от него в свойственном разумному человеку целомудрии.

12) Ничто не может помешать каждому существу делать предназначенное ему дело (последствия дела могут быть не те, которые мы предполагаем, но делу ничто помешать не может). Ничто не может помешать грибу расти, мыши плодиться, яблоне цвести и человеку делать свойственное разумному существу дело: разумное добро. Ничто не может помешать человеку быть добрым, любить.

13) Человек несвободен только, когда действует противно своей разумной природе. [...]

[...] 15) Что такое та особенная живость воспринимания мысли, которую я иногда испытываю, в особенности во время прогулок? Бывает, что понял мысль, передал ее, считаешь ее справедливою – и остаешься холоден к ней; или вдруг она охватит тебя всего, чувствуешь, что это не слова, а дело, что ты должен жить по ней, ею. И это бывает очень радостно.

16) Мы удивляемся перед растением (как мухоловка), которое проявляет признаки разума. Так же удивительно, когда разумное существо проявляет только признаки жизни животной или растительной.

17) Время дает возможность свободы отдельному существу.

14 октября 1906. Ясная Поляна. Еще три дня писал под впечатлением встречи на большой дороге, и мало, и плохо, и нынче, кажется, решил бросить. Все эти дни чувствую себя очень слабым: плохо движусь и еще хуже мыслю.

[...] Вчера был милый Иван Иванович. Перечел свои печатающиеся статьи с удовольствием. И о воспитании и учении. Неприятно было письмо Черткова, его отзыв обо мне. Нездорово это, и прямо чувствую боль – вред. [...]

20 октября 1906. Ясная Поляна. [...] Здоровье все хуже. Все это время возился с заключительной главой. И так плохо, что бросил. Читал Чамберлена об евреях. Нехорошо, хотя много мыслей вызывает. Очень хочется писать и художественное и религиозно-метафизическое. [...]

10) (Очень важное.) Я по старой привычке ожидаю событий извне, своего здоровья, и близких людей, и событий, и успеха. И все это не только глупо, но вредно. Перестань только думать, заботиться о внешнем, и ты невольно перенесешь все силы жизни на внутреннее, а оно одно нужно и одно в твоей власти.

11) Рассердился на собаку (она погналась за овцами) и хотел побить ее. И почувствовал, как поднялось во мне злое чувство, и подумал: всякая потачка, попустительство злему, похотливому чувству – хотел сказать: не только, но надо

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

сказать: только тем и дурны, что усиливают то, от чего надо избавляться. Всякая такая потачка подобна тому, что сделаешь, отстранив препятствие, задерживающее падение предмета.

23 октября 1906. Ясная Поляна. Последний раз записал, что продолжаю радоваться сознанию жизни, а нынче как раз должен записать противное: ослабел духовно, главное, тем, что хочу, ищу любви людей – и близких и дальних. Нынче ездил в Ясенки и привез письма, все неприятные. То, что они могли быть неприятны, показывает, как я сильно опустился. Две дамы-рассудительницы, неясные, путанные и прилипчивые (и к ним можно и должно было отнестись любовно, как я и решил, подумав), и потом фельетон в харьковской газете, того маленького студента, который жил здесь летом. [...] Он осуждает меня за то, в чем я не виноват. Но если бы он знал все те гадости, которые были и есть у меня в душе, то справедливо осудил бы меня много раз строже. Если же мне досадно за то, что он осуждает, в чем я не виноват, и судит ложно, то можно только жалеть его, как жалел бы, если бы он ошибался и говорил неправду о другом человеке. Ах, ах, как хорошо бы никогда не терять этого прямого отношения к богу, исключаяющего всякий интерес к людским суждениям. И это можно. Можно быть в сильном и слабом состоянии, в состоянии бездействия, но надо не поддаваться соблазну желания любви к себе. Это страшный соблазн, зачинающийся в первом детстве и до сих пор держащий меня или, скорее, постоянно подчиняющий меня своей власти. Сейчас я свободен благодаря фельетону. Но надолго ли?

Все это время возился с Послесловием, и все кажется то плохо, то порядочно, и не могу решить. И в этом деле только отрешись от всякого соображения о мнениях и чувствах людей, и решение просто.

За все это время очень дурное, желчное физическое состояние, настраивающее на раздражение, нелюбовь. Радуюсь тому, что не пропускаю этого себе и в мыслях борюсь с недобрыми суждениями – останавливаю их. Очень хочется писать священника, но опять думаю о том, какое он произведет впечатление. [...]

24 октября 1906. Ясная Поляна. Получил гору писем, и одно здоровое ругательное от Великанова, и опьяняющих письма два хвалебные. Точно стакан вина. Не пью. Хорошее настроение. Кажется, что кончил "Послесловие". Ездил верхом Саломасова и через Засеку домой. Очень хорошо. Как будто помню свое дело и работу в мыслях. Какой сложный процесс жизни. Если бы описать то, что никто не высказывает, иногда и не знает. Теперь 12 часов, ложусь.

Нынче 26 октября 1906. Ясная Поляна. Окончил все дела. Послесловие плохо, но послал. Письма все написал, даже отографы. Вчера огорчила Саша, и до сих пор тяжело, потому что не соберусь поговорить с ней. Сейчас вечер, и очень дурное расположение. Хочу и не могу вызвать живого сознания своего духовного начала. Думал, вспоминая свое прошедшее, о страшной слепоте молодости. Я осуждаю Андрюшу, Сашу. А что был я в 27 лет? Это Кавказ, турецкая война, Севастополь. А уж что я был в 22 года? Это игра, Чулково, охота. Да, жизнь есть делание, совершение себя, и оно идет, пока может, в этой форме. А есть предел. Прodel – полное самоотвержение, а оно невозможно для человека животного. И потому надо умереть, то есть перейти в другую форму. Да так ли?

Очень хочется написать все, что думается человеком; хоть в продолжение шести часов, но все. Это было бы страшно ново и поучительно. [...]

Нынче 9 ноября 1906. Ясная Поляна. Был несколько дней нездоров – животом. И была большая слабость физическая – душевное состояние изрядно. Писал письмо Sabatier – нехорошо, но решил послать перед богом. Слава богу, не иду назад. Записать:

[...] 3) Грех богатства, не только богатства, но излишка, а тем более большого богатства, кроме своего внутреннего греха пользования трудом, отнимания для себя труда других людей, еще и в том – и ужасный грех – в возбуждении зависти и нелюбви людей.

4) Мысль только тогда движет жизнью, когда она добыта своим умом или хотя отвечает на вопрос, возникший в своей душе; мысль же чужая, воспринятая только умом и памятью, не влияет на жизнь и уживается с противными ей поступками.

5) Братство, равенство, свобода – бессмыслица, когда они понимаются, как требования внешней формы жизни. От этого-то и была прибавка: "ou la mort" [или

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
смерть (фр.)]. Все три состояния – последствия свойств человека: братство это любовь. Только если мы будем любить друг друга, будет братство между людьми. Равенство – это смирение. Только если мы будем не превозноситься, а считать себя шике всех, мы все будем равны. Свобода – это исполнение общего всем закона бога. Только исполняя закон бога, мы все наверно будем свободны. (Хорошо.)

[...] 7) Как можно приучить себя класть жизнь в чинах, богатстве, славе, даже в охоте, в коллекционерстве, так можно приучить себя класть жизнь в совершенствовании, в постепенном приближении к поставленному пределу. Можно сейчас испытать это: посадить зернышки и начать следить за их ростом, и это будет занимать и радовать. Вспомни, как радовался на увеличение силы телесной, ловкости; коньки, плавание. Так же попробуй задать себе хоть то, чтобы не сказать в целый день, педелю ничего дурного про людей, и достижение будет также занимать и радовать.

[...] 10) Человек упорно держится своих мыслей, главное, потому, что он дошел до этих мыслей сам, и может быть, очень недавно, осудив свое прежнее. И вдруг ему предлагают осудить это свое новое и принять еще более новое, то, до чего он не дошел еще. А тут еще одно из самых смешных и вредных суеверий, что стыдно изменять свои убеждения. Стыдно не изменять их, потому что во все большее и большее понимание себя и мира – смысл жизни, а стыдно не переменять их.

[...] 12) Да, как атлет радуется каждый день, поднимая большую и большую тяжесть и оглядывая свои все разрастающиеся и крепнущие белые (бисепсы) мускулы, так точно можно, если только положишь в этом жизнь и начнешь работу над своей душой, радоваться на то, что каждый день, нынче, поднял большую, чем вчера, тяжесть, лучше перенес соблазн. Только любоваться нельзя, да и не на что, потому что всегда остается так много недоделанного.

[...] 17) Удивительно, что люди не видят того, что и внутренняя глубокая причина и последствия совершающейся теперь в России революции не могут быть те же, как причины и последствия революции, бывшей больше ста лет тому назад. [...]

Сегодня 10 ноября. Было досадно, что не вышла статья. Вот и не поднял гирю.

17 ноября 1906. Ясная Поляна. Целая неделя. Написал "что видел во сне" (порядочно) и поправлял корректуры присланного "что делать?" и немного серьезнее с Дориком. Живется хорошо. Сознание смысла жизни в исполнении не проходит, а скорее усиливается. Ох, боюсь похвастаться. Чертков болен, и мне было очень страшно потерять его. Неужели и это забота о себе? Умилившее меня письмо Суцкого. Начал нынче было писать "Отца Василия", но скучно, ничтожно. Все больше и больше думается о значении дилеммы, разрешаемой революцией. Очень хочется написать. Записать:

1) Что сновидения – воспоминания, видно из того, что не знаешь, что было прежде и что после. Связываешь же все воспоминания в последовательный ряд событий в момент пробуждения. От этого и кажется, что длинный сон кончается и сливается с звуком действительным, пробуждающим.

[...] 7) Понятны верования буддизма о том, что, пока не дойдешь до полного самоотречения, будешь возвращаться к жизни (после смерти). Нирвана – это есть не уничтожение, а та новая, неизвестная, непонятная нам жизнь, в которой не нужно уже самоотречения. Не прав только буддизм в том, что он не признает цели и смысла этой жизни, ведущей к самоотречению. Мы не видим его, но он есть, и потому эта жизнь так же реальна, как и всякая другая.

18 ноября 1906. Ясная Поляна. До сих пор не очень дурно. Нет доброты. Ничего не хочется работать. Написал два ничтожные письма, и Дорику плохо, и теперь записываю:

1) Все заблуждения философов – от построения объективных. А несомненно только субъективное, не субъект ивана, Петра, а субъективное общечеловеческое, познаваемое не одним разумом, но разумом и чувством – сознанием.

2) Надо приучаться спокойно переносить дурные, превратные о тебе суждения, даже не переносить, а быть совершенно равнодушным. [...]

21 ноября 1906. Ясная Поляна. [...] Вчера написал для "Родника" "К юношам".

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Порядочно. Не поправлял еще. Нынче интересная статья о революции в японском журнале, а вчера в индийском о желтой и белой цивилизации.

23 ноября 1906. Ясная Поляна. В очень хорошем душевном состоянии любви ко всем. Читал Иоанна послание. Удивительно. Только теперь вполне понимаю. Нынче было великое искушение, которое так и не преодолел вполне. Догнал меня Абакумов с просьбой и жалобой за то, что его за дубы приговорили в острог. Очень было больно. Он не может понять, что я, муж, не могу сделать по-своему, и видит во мне злодея и фарисея, прячущегося за жену. Не осилил перенести любовно, сказал Абакумову, что мне нельзя жить здесь. И это не добро. Вообще меня все больше и больше ругают со всех сторон. Это хорошо. Это загоняет к богу. Только бы удержаться на этом. Вообще чувствую одну из самых больших перемен, совершившихся во мне именно теперь. Чувствую это по спокойствию и радости и доброму чувству (не смею сказать: любви) к людям. Все почти мои прежние писания последних лет, кроме Евангелия и некоторых, мне не нравятся по своей недоброте. Не хочется давать их.

Маша сильно волнует меня. Я очень, очень люблю ее.

Да, хочется подвести отделяющую черту под всей прошедшей жизнью и начать новый, хоть самый короткий, но более чистый эпилог.

[27 ноября 1906] 26 ноября 1906. Ясная Поляна. Сейчас, час ночи, скончалась Маша. Странное дело. Я не испытывал ни ужаса, ни страха, ни сознания совершающегося чего-то исключительного, ни даже жалости, горя. Я как будто считал нужным вызвать в себе особенное чувство умиления горя и вызывал его, но в глубине души я был более покоен, чем при поступке чужом – не говорю уже своим – нехорошем, не должном. Да, это событие в области телесной и потому безразличное. Смотрел я все время на нее, как она умирала: удивительно спокойно. Для меня – она была раскрывающееся перед моим раскрыванием существо. Я следил за его раскрыванием, и оно радостно было мне. Но вот раскрывание это в доступной мне области (жизни) прекратилось, то есть мне перестало быть видно это раскрывание; но то, что раскрывалось, то есть. "Где? Когда?" – это вопросы, относящиеся к процессу раскрывания здесь и не могущие быть отнесены к истинной, внепространственной и вневременной жизни. Записать надо:

[...] 5) как в минуты серьезные, когда, как теперь, лежит не похороненное еще тело любимого человека, ярко видна безнравственность и ошибочность и тяжесть жизни богатых. Лучшее средство против горя – труд. А у них нет необходимого труда, есть только веселье. А веселье – неловко, и остается невольной фальшивая, сантиментальная болтовня. Только что получил фальшиво сочувственные письма и телеграммы и встретил дурочку Кыню, она знала Машу. Я говорю: слышала наше горе?

– "Слышала", – и тотчас же: "копеечку дай".

Как это много лучше и легче.

29 ноября 1906. Ясная Поляна. Сейчас увезли, унесли хоронить. Слава богу, держусь в прежнем хорошем духе. С сыновьями сейчас легче. [...]

23 декабря. Ясная Поляна. 1906. Несколько дней нездоров, хорошо думается, радостная готовность к смерти. [...]

28 декабря 1906. Ясная Поляна. Нездоровье прошло, но осталась сердечная слабость. Сильные перебои. И хорошо. Очень серьезно хорошо. Странно, только теперь, когда я накануне смерти, я начинаю жить настоящей жизнью:

для себя, для бога, независимо от людей. И какая это сила. Я не вполне еще овладел ею, но чувствую со временами. Писал за это время: исправленный "Круг чтения" и закон божий для детей. Очень трудно, но если бог позволит – могу сделать. Много нужно записать, и хорошего, но сейчас не могу – поздно, вечер.

Живу и часто вспоминаю последние минуты Маши (не хочется называть ее Машей, так не идет это простое имя тому существу, которое ушло от меня). Она сидит, обложенная подушками, я держу ее худую милую руку и чувствую, как уходит жизнь, как она уходит. Эти четверть часа – одно из самых важных, значительных времен моей жизни.

29 декабря 1906. Ясная Поляна. Здоровье тела слабо, душевное хорошо. Вышло "что же делать?". Неприятно, слабо, а несомненно правда. Хотел не писать больше статей, а статья о значении революции и письмо офицера и нынче заметка о "что же делать?" требуют. Главное, надо написать о том, что все их теории историко-экономические, все это только оправдание скверной жизни, все это только топтание в тупике, из которого нет выхода. Записать:

[...] 2) Ужасно, когда человек, вообразивший свою жизнь в теле, видит, что тело это разрушается, да еще с страданиями! Для человека, понимающего свою жизнь в духе, разрушение тела есть только усиление духа; страдания же необходимые условия этого разрушения.

3) Записано: "Спартанство и изнеженность..." Не помню, должно быть, что в нашем обществе потеряно сознание греха изнеженности. Все или большая часть изобретений, которыми мы гордимся, от железных дорог до телефонов, направлены на усиление изнеженности.

4) То, что в нашем мире считается единственной и самой важной наукой: естественные науки, политико-экономика, история (как она изучается), юриспруденция, социология и пр., совершенно такие же ненужные и большей частью ложные знания, какова в старину была "наука", включавшая в себе богословие, алхимию, аристотелевскую философию, астрологию.

[...] 8) Как кажется несомненным то, что богатым жить лучше, чем бедным, а между тем как это несомненно несправедливо. И несправедливо не только до известной степени, но всегда и до конца: самая большая бедность лучше небольшой бедности, и самое большое богатство хуже среднего. Всем совершенно равно, и потому тому, кто понимает это, незачем изменять свое положение. Как вода везде на одном уровне, так и возможность счастья людей в зависимости от богатства или бедности.

[...] 11) Часто удивлялся на путаницу понятий таких умных людей, как Владимир Соловьев (сказал бы: Булгаков, если бы признавал в нем ум), и теперь ясно понял, отчего это. Все от того же (как и во всей теперешней науке) признания государства, как чего-то независимо от воли людей существующего, predetermined, мистического, неизменного.

12) Я огорчаюсь тем, что не увижу при жизни последствий своей деятельности, а вместе с тем огорчаюсь тем, что не нахожу в жизни случая такой деятельности, при которой я бы был совершенно уверен, что мною не руководит желание славы людской. У меня есть то самое, что мне нужно, а я жалею.

13) В современной литературе нам с одинаковой притягательностью предлагается все, что производится. Чем дальше назад, тем меньше предлагаемое: большая часть отсеяна временем; еще дальше - еще больше. Оттого так важны древние. Предлагаемая литература имеет вид конуса вершиной книзу. Близко к этой вершине браминская мудрость, китайская, буддизм, стоицизм, Сократ, христианство; дальше, расширяясь, идут Плутарх, Сенека, Цицерон, Марк Аврелий, средневековые мыслители, потом Паскаль, Спиноза, Кант, энциклопедисты, потом писатели XIX века и, наконец, современные. Очевидно, и среди современных есть такие, которые останутся, но трудно попасть на них, во-1-х, потому, что их так много, что нельзя пересмотреть всех, а во-2-х, потому, что так как толпа всегда глупа и безвкусна, выставляется на вид только самое плохое.

[...] 16) Для детского закона божия записывал простые правила: 1) Не осуждать. 2) Не объедаться. 3) Не разжигать похоти. 4) Не одурманиваться. 5) Не спорить. 6) Не передавать недоброго о людях. 7) Не лениться. 8) Не лгать. 9) Не спорить. 10) Не отнимать силой. 11) Не мучить животных. 12) Жалеть чужую работу. 13) Обходиться добром со всяким. 14) Старых людей уважать. 15)

[...] 28) Как трудно различить, служишь ли людям для их блага (ради внутреннего стремления любви), или для благодарности, похвалы от них. Поверка одна: будешь ли делать то же, зная, что никто не узнает. При каждом поступке не животного побуждения, спроси: для кого?

29) Можно так определять характеры.

1) Чуткость большая, меньшая и до... тупости.

- 2) Ум – большой, меньший и до... глупости.
- 3) Страстность большая, меньшая и до... апатии, холодности.
- 4) Смирение большее, меньшее и до... самоуверенности.

Можно присоединить еще правдивость и лживость, хотя это свойство не такое основное. И характеры определять проводимыми чертами.

30) Человеку свойственно стремиться к увеличению. Это может быть увеличение количества рублей, картин, лошадей, увеличение чинов, мускулов, знаний, а увеличение одно только нужно: увеличение доброты. [...]

31 декабря 1906. Ясная Поляна. 12-ый час. Все болею, и все хорошее состояние. Нынче было испытание – письмо Великанова. Ясно стало, что надо быть благодарным, так очевидно показало тщету заботы об мнении людей. Писал детский закон божий. Не дурно. [...]

Дневник – 1907

14 января 1907. Ясная Поляна. Все эти две недели был нездоров и сейчас еще не поправился. Все это время читал: Плутарха, Montaigne, Вальшевского, вчера о Павле и нынче окончил Memorabilia. Очень интересно сличить высоту нравственного понимания с простотой жизни, с малой степенью развития технической стороны. Теперь эта сторона так далеко ушла, а нравственная так отстала, что безнадежно восстановить правильное отношение. Кое-что записывал за это время, но ничего не мог работать. Начатый и детский и большой новый "Круг чтения" кажутся мне непосильной взятой на себя работой. Записать надо много и, кажется, порядочного.

1) Нынче думал о том, что невозможно спокойно жить с высоким о себе мнением, что первое условие и спокойной и доброй жизни это – то, что говорил про себя франциск, когда его не пустят. И нынче все утро был занят этим уменьшением своего знаменателя. И, кажется, не бесполезно: живо вспомнил в себе все то, что теперь осуждаю в сыновьях: игрецкую страсть, охоту, тщеславие, разврат, скупость... Главное, понять, что ты – самый ниже среднего уровня по нравственности, слабости, по уму, в особенности по знаниям, ослабевающий в умственных способностях человек, и не забывай этого, и как легко будет жить. Дорожить оценкой бога, а не людей. Признавать справедливость низкой оценки людей.

[...] 6) Ошибаюсь или нет, но мне кажется, что только теперь – хороши ли, дурны ли? – но созрели плоды на моем дереве.

[...] 11) Не хотелось бы умереть, не выразив того, что нынче особенно ясно чувствовал и понимал. Смешно писать такую всем известную истину в конце жизни, а истина эта для меня, как я ее теперь понимаю, скорее, чувствую, представляется совершенно новой. Истина эта в том, что надо всех любить и всю жизнь строить так, чтобы можно было всех любить. Хотелось бы написать такой закон божий для детей.

[...] 17) Глядел на портреты знакомых писателей 1856 года, всех умерших, живо представил себе, что это все тот один он, который во мне, который проявлялся различно во всех их, который проявляется теперь во всех людях, встречающихся мне, и в Великанове, и в Shaw. Ах, если бы всегда не только помнить, но чувствовать это!

18) По мере старения все менее и менее чувствуешь реальность людей. В детстве все люди, которых я знал, были, казалось, неизменны, такие, какие были, но по мере движения жизни они все более и более изменяющиеся духовные проявления. И теперь для меня маленькая Танечка есть уже не определенное существо, а изменяющаяся форма проявления духа. [...]

16 января 1907. Ясная Поляна. [...] Читал статейку, присланную Walton Hall'ом о непротивлении. Автор говорит, что нарушает свойственное людям единство, единение отдельная воля каждого, что надо отречься от своей воли (и в этом он прав) и не только не противиться, но исполнять все то, что от тебя требуют, потому что предъявляемые к тебе требования, это – требования жизни мира. А жизнь знает, что

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
ей нужно. И в этом он не прав, потому что жизнь мира есть жизнь существ, руководящихся свойственными каждому – органами. В числе органов человека высший есть разум, и человек не может, не должен отказаться от него, так как жизнь мира складывается из деятельности людей, руководимых разумом. Единение людей совершится не отказом людей от разума, а признанием всеми его законов.

2 февраля 1907. Ясная Поляна. Не писал больше полмесяца. Был нездоров – и теперь не поправился вполне. Вчера было письмо от сына Льва, очень тяжелое. Я прочел только начало и бросил. Я написал было ответ серебряных слов, но, успокоившись, предпочел золотые. Ездил верхом и только тогда опомнился. Именно на эти-то случаи и нужна любовь к богу – добру, правде, и если не любовь, то не нелюбовь к людям. Удивительное и жалостливое дело – он страдает завистью ко мне, переходящей в ненависть. Да и этому можно и должно радоваться, как духовному упражнению. Но мне оно еще не под силу, и я вчера был очень плох – долго не мог (да и теперь едва ли вполне) побороть недоброго чувства, осуждения к нему. Соблазн тут тот, что мне кажется главным то, что он мешает мне заниматься моими "важными делами". А я забываю, что важнее того, чтобы уметь добром платить за зло, ничего нет. Заботиться о том, чтобы исправить его, даже помочь ему, нельзя и не нужно. Одно нужно: не чувствовать к нему недоброго чувства, вызвать простое, независимое от его поступков доброжелательство. И это я, к счастью, сейчас, но только сейчас (после 24 часов) испытываю.

За это время написал очень много писем": воlлон Hall'у. родным Crosby, Uanic]'am и Baba Varaty (которому не послал еще) и много небольших русских писем. [...]

Нынче 13 февраля 1907. Ясная Поляна. Я, кажется, не записал о том, что написал длинное письмо Baba Varaty. Боюсь, что он славолюбив. За это время пробовал писать уроки для детей, и все неудачно. Вчера читал им два урока и обоими очень недоволен. Написал письмо Рейхелю. Перевел Душан Петрович. Не знаю, пошлю ли? Не отчаиваюсь в законе божием для детей и рад, что при этой работе не имею никаких внешних целей. Только хочу, как умею, наилучше употребить данную мне в этом мире отсрочку. Записать надо многое:

[...] 14) Суди о других, как о себе же. Ведь это – ты же. И потому будь в их дурных делах так же снисходителен, как ты бывал и бываешь к себе. И так же, как в своих грехах, надейся на их раскаяние и исправление.

15) Видел во сне, что мы приготавливаемся к изданию несуществующего журнала нравственности. 1-й отдел. Религиозно-метафизические учения. Истории и обзор религии. 2-й отдел: а) правила жизни, относящиеся к одному себе, б) к людям. 3-й отдел: воспитание детей.

[...] 18) Почему мы стремимся вперед, все вперед? – потому что жизнь только в раскрытии.

14 февраля 1907. Ясная Поляна. Писать Ясная Поляна, должно быть, не нужно. Мало вероятно, чтобы я уехал куда-нибудь до смерти. Вчера был очень недоволен и запутан уроком с детьми. Необходимо начать с метафизики.

17 февраля 1907. Ясная Поляна. Здоровье хуже. Хорошо приближаюсь к переходу. Занят Лабрюером. Вчера прочел о Шекспире – Le Nazaren, le grand corrupteur de l'humanité. Сейчас Таня говорила про Ивана, что он ненавидит господ, завидует. И мне так мучительно стало больно, грустно. Как жить под такой ненавистью?!

17 марта 1907. Ясная Поляна. Очень давно не писал, но многое записано в книжечках. За это время был занят только детскими уроками. Что дальше иду, то вижу большую и большую трудность дела и вместе с тем большую надежду успеха. Все, что до сих пор сделано, едва ли годится. Вчера разделил на два класса. Нынче с меньшим классом обдумывал. За это время были разные посетители и хорошие письма. [...]

Записать надо очень много:

1) Странная вещь, неслышанная мной, это – причина нелюбви сыновей к отцам (разумеется, в нехристианских семьях): это – зависть и соперничество сыновей с отцами.

[...] 5) чувствую благо старости и болезней, освобождающих меня от заботы о

мнению людском. Помогает этому и то, что меня теперь больше бранят, чем хвалят.

6) Только в области сознания человек свободен. Сознание же возможно только в моменте настоящего.

[...] 8) Благотворительность подобна тому, что бы сделал человек, который, иссушив сочные луга водосточными канавами, потом поливал бы эти луга в тех местах, где они представлялись бы особенно сухими. У народа отберут то, что ему нужно, и тем лишат его возможности кормиться своим трудом, а потом стараются поддержать его слабых, распределяя между ними часть того, что у него отобрано.

[...] 13) Как должно бы быть мучительно тем, у кого много денег. У них много просят, и как им разобрать, кому дать? Одно средство – отдать все.

14) Себя забыть хорошо бы, да нельзя, и потому надо хоть равнять: поступать с другими, как хочешь, чтоб поступали с тобой.

15) Если заметил, что в споре человек защищает свое внешнее положение, поскорей прекрати разговор.

16) Трудно молодому пренебречь толом. И не надо стараться сразу. Сначала не делать дурного, потом делать хорошее, потом отдать себя.

[...] 19) Вспомнил так живо милого мальчика Николашу, что мне представилось, что я – он, что я улыбаюсь его улыбкой, блещу его глазами. Так это бывает, когда любишь. Разве это не явное доказательство того, что во всех нас живет один дух и что любовь уничтожает разделение.

[...] 22) Живут истинной жизнью только старики и дети, свободные от половой похоти. Остальные только завод для продолжения животных. Оттого так отвратителен разврат в стариках и детях. А люди думают, что вся поэзия только в половой жизни. Вся истинная поэзия всегда вне ее. [...]

5 апреля 1907. Ясная Поляна. Не писал больше полмесяца. Жил за это время порядочно. Был сильный насморк, и теперь чувствую себя очень слабым. Детские уроки и приготовление к ним поглощает меня всего. Замечаю ослабление сил и физических и умственных, но обратно пропорционально нравственным. Хочется многое писать. Но многое уже навсегда оставил неоконченным и даже не начатым. Записать: едва ли успею нынче.

1) Рассказ о заваленных в шахте двух врагах.

[...] 5) написать жизнь человека, прожившего все три искушения Христа в пустыне.

[...] 10) Вся разница между человеком и животным та, что человек знает, что он умрет, а животное не знает. Разница огромная.

11) Благотворительница довольна собой, что она сжалась и дала бедной. А бедная только о том думает и тем довольна и хвалится, что она хорошо умеет выпрашивать. "От меня не отвертится".

12) Есть память своя личная, что я сам пережил; есть память рода – что пережили предки и что во мне выражается характером; есть память всемирная, божия – нравственная память того, что я знаю от начала, от которого изшел.

[...] 15) Насмешка, особенно умная, представляет насмехающегося выше того, над чем он смеется; а большей частью (всегда даже) насмешка есть верный признак непонимания человеком того предмета, над которым он смеется.

[...] 18) Для того, чтобы простить, надо забыть, желать забыть то, за что прощаешь, и начинать отношения сначала.

[...] 20) Читал письмо Веригина и подумал об ужасном вреде осуждения. Да, лучше 100 раз ошибиться, считая дурного за хорошего, чем один раз разлюбить одного.

Очень слабым чувствую себя.

9 апреля 1907. Ясная Поляна. Вчера испытал, только что вставши, странное

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
радостное ("радостное" мало), блаженное чувство спокойствия, уверенности старости. Je m'entends [Я понимаю, что говорю (фр.)]. Уверенности в том, что жизнь моя в духе, а не в теле; и потому свободы, удовлетворения... И тут же очень дурно целый день чувствовал себя физически. Нынче неприятное было отношение с женой засыпанного Володькиного. Я не выдержал. К Леве лучше чувствую. С Таней радостно. С мальчиками понемногу идет дело, но я недоволен и далеко не уверен. [...]

11 апреля 1907. Ясная Поляна. Третий день испытываю какое-то новое, радостное чувство живого сознания своего духовного существа и вытекающее из него бесстрашие, спокойствие, любовь и жизнерадостность.

16 апреля 1907. Ясная Поляна. Прошло пять дней, и нынче в совсем другом настроении. Не могу преодолеть недовольства окружающим. Тоскливо, хочется плакать. Все кажется тяжело. Сейчас после обеда и урока с детьми, - пришли только двое, - сидел один и думал, что только теперь совершенно, вполне предаюсь воле бога. Будь что будет. Нечего ни желать сделать какое-либо дело: написать закон божий для детей, ни что бы то ни было, а совершенно отдаться ему, соблюдая только в себе любовь к нему в себе и людях... и вдруг пришла Соня, начался разговор о лесе, о том, что воруют, что дети продали вдвое дешевле, и я не мог победить досады. Как будто мне не все равно. Господи, помоги мне. Помоги. Мне жалко и гадко себя.

22 апреля 1907. Ясная Поляна. Казалось, на днях записал, а прошло одиннадцать дней. Очень хорошее, радостное, спокойное настроение за все время. Хочется только благодарить и радоваться. Занимался Евангелием, детским "Кругом чтения" и уроками. Вчера странное состояние ночью в постели. Точно кто-то на меня дунул. Почувствовал свежее дыхание, и поднялось бодрое настроение вместе с сознанием близости смерти. Не могу сказать, чтобы было страшно, но не могу сказать, чтобы был спокоен.

Все больше и больше уясняется художественная работа "Три века". Хорошо бы работать над этим. [...]

Нынче 30 апреля 1907. Ясная Поляна. Весь промежуток этот жил очень хорошо. Занимался все тем же. Художественной работы хочется, но едва ли я теперь способен к ней. Впрочем, главное дело - не желать ничего для себя. Детский "Круг чтения" есть достаточное служение. Нынче очень дурно, слабо чувствую себя. Записать:

1) Время - это одна из форм проявления истинной жизни, та форма, в которой нам, людям, доступна эта жизнь.

2) Живут истинной жизнью более всего дети, вступая в жизнь и не зная еще времени. Они всегда хотят, чтобы ничто не переменялось. Чем дальше они живут, тем больше подчиняются иллюзии времени. К старости иллюзия эта все слабеет время кажется быстрее, и, наконец, старики все больше и больше вступают в жизнь безвременную. Так что наиболее живут настоящей жизнью дети и старики.

Люди же, живущие половой жизнью, больше готовят материал жизни истинной, чем сами живут ею.

3) Осуждают эгоизм. Но эгоизм - основной закон жизни. Дело только в том, что признать с воин "его": [я (лат.)] свое сознание или свое тело, или, вернее, свое духовное или телесное сознание.

[...] 7) У каждого человека есть высшее, то, до которого он дошел, мирозерцание, во имя которого он живет. Изменяет же мирозерцание он сам. И всякий человек способен воспринять только то, что согласно с его мирозерцанием. Все же несогласное, как бы он ясно ни понимал сказанное, прочитанное, проходит через него, не оставляя никакого следа. Есть такое мирозерцание: хороша жизнь высших светских людей с украшениями влюбления, искусств, роскоши. Другое такое: хорошо участие в благоустроенности, как в Европе. Еще другое: хорошо быть приятным, веселым. Еще: хорошо всех удивить. Все это не то. Всякое мирозерцание надо ясно и подробно выразить.

8) Бедные испытывают больше счастья, чем богатые, потому что удовлетворение нужды, - одежда, когда ее не было, пища, когда голодал, дом, когда не было

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
крова, – без сравнения радостнее, чем удовлетворение прихотей богатых.

[...] 11) Записал шесть тем рассказов для детей:

- 1) О жестоком помещике, которого пожалела старуха;
- 2) О неунывающем весельчаке в бедствиях;
- 3) Об Агафьи Михайловниной жалости к собакам, кошкам, мышам, тараканам;
- 4) О заваленных врагах в шахте;
- 5) Перемирие на войне;
- 6) Три искушения.

[...] 20) Читал о Думе и прямо сожалел о том, что все эти люди умны и образованны. Гораздо бы было меньше греха, если бы они были глупы и безграмотны.

21) Думал о свободе воли. Та свобода, которую мы имеем изменять течение нашей жизни, не может изменить общего хода жизни. Как когда мы высыпем рой пчел, каждая пчела может изменить свое положение, но общее последствие высыпания будет неизменно. То же и с людьми, не подчиняющимися общему закону. Свобода в том, что человек может иметь радость сознательного подчинения высшему закону своей жизни.

[...] 23) Не солнце движется, а земля поворачивается к нему; также не время идет, а мир, скрытый временем, открывается сам себе. NB.

24) Как все таинственно для старых людей и как все ясно детям!

25) какая удивительная тайна пришествие нового человека в мир.

26) Избегай всего, что разъединяет людей, и делай все то, что соединяет их.
[...]

Нынче 22 мая 1907. Ясная Поляна. Почти месяц ничего не записывал. За этот месяц продолжал уроки с детьми и приготовления к ним. Кроме того, почти только набросал о Павле, как исказителе христианства. Ил посетителей был Добролюбов. Вчера Лойцен, "свободный христианин". Очень занят воздействием. Милый Николаев и его мальчики. Тяжелое дело Андрея. Убийство доброго Вячеслава. Вчера вечером прегадко спорил с Колей, нынче, спасибо, попросил у него прощения. Написал вчера о Сковороде. Еще дело: составить жизнеописания Эпиктета, Сократа, Паскаля, Руссо, кроме Будды и Конфуция. Это – старческая разбросанность. Более двух недель нездоров, кашель, и не выхожу дня три и слаб. [...]

28 мая 1907. Ясная Поляна. Нездоров и потому просил Сашу записать за несколько дней. [...] 1)

Сегодня, 13 мая, проснувшись, испытываю странное новое душевное состояние: как будто все забыл – не могу вспомнить, есть ли Юлия Ивановна или нет, не могу вспомнить: какое число? что я пишу? А между тем не столько представления, сколько чувства нынешних сновидений представляются особенно ярко.

2) Воспользоваться свободой революции для того, чтобы избавиться от суеверия необходимости власти. "Но люди не готовы". Тут cercle vicieux [заколдованный круг (фр.)]. Люди не будут готовы, пока будет развращающая их власть.

3) Как опекун считает всегда неготовым воспитанника, так же и кандидаты в опекуны. Анархисты видят зло власти, но верят в нее – в ее средства.

4) Можно любить всякого человека. Только, чтобы любить так человека, надо любить его не за что-нибудь, а ни за что. Только начни любить так – и найдешь, за что.

5) Что прежде, что после? Прежде надо освободить людей от рабства, а потом уже облегчать машинами работу. А не так, как теперь – когда изобретение машин только усиливает рабство.

6) То, что ученые историки все дальше и дальше проникают в древность,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
показывает, что и прошедшее открывается нам так же, как и будущее, но
открывается другим процессом и так же неполно.

[...] 8) Вред медицины в том, что люди больше заняты телом, чем духом. Жизнь
сложилась так, что гибнут миллионы молодых, сильных, здоровых, детей гибнет
жизнь, а старательно и искусно лечат старых, ненужных, вредных. Главное,
приучает людей – даже народ – больше заботиться о теле, чем о душе.

Если бы не было ее совсем, не было бы этого соблазна заботы о теле, люди больше
думали бы о душе, и в общем положение людей было бы много лучше. Прекрасное
выражение в народе, когда болен: помираю. Болезнь заставляла бы думать о смерти,
а не об аптеке.

А живи люди более духовной жизнью, не было бы браунингов, войн, голодных детей и
матерей, уничтожающих плод.

[...] 11) Две науки точные: математика и нравственное учение.

Одно – самое поверхностное, другое – самое глубокое. Точны и несомненны эти
науки потому, что у всех людей один и тот же разум, воспринимающий математику, и
одна и та же духовная природа, воспринимающая (учение о жизни) нравственное
учение.

7 июня 1907. Ясная Поляна. Давно не писал. Прежнее нездоровье прошло, но
начинается как будто новое. Нынче очень, очень грустно. Стыдно признаться, но не
могу вызвать радости. На душе спокойно, серьезно, но не радостно. Грустно,
главное, от того мрака, в котором так упорно живут люди. Озлобление народа,
безумная роскошь наша. Горбунова рассказала про ужасный детский разврат. Вчера
было хорошее чувство о письме Андрея. Испытал радость уединения с богом. Нынче
пересматривал детский "Круг чтения". Дети не приходили. Письмо от Сутковского, и я
написал ему о добролюбовцах. Грустно, грустно. Господи, помоги мне, сожги моего
древнего, плотского человека. Да, одно утешенье, одно спасенье: жить в вечности,
а не во времени. Потерял записную книжку у кровати. Жалко. Записать:

[...] 4) Какая обворожительная черта лица – прелесть улыбки!

Не могу найти той книжки.

Был у Марьи Александровны. Она взволнована скуратовскими мужиками, а я не могу
не видеть и в них отсутствия того главного – внутренней работы, которая одна
может спасти людей. Думал о том, как вредно писать статьи, составлять статьи, а
не излагать мысли, чувства, как они приходят.

9 июня 1907. Ясная Поляна. Нынче пробудился. Хорошо на душе. Вспомнил о том, что
Николаев в своей книге высказывает мои мысли о том, что человек есть отделенное
духовное существо, сознающее свою отделенность пространством и временем, и мне
сделалось неприятно. И опять точно так же, как от письма Андрея, когда я
прикинул этот вопрос к делу жизни, к отношению к богу, сейчас не только прошло,
но из тяжелого, неприятного чувства перешло в радостное, высокое. [...]

10 июня 1907. Ясная Поляна. Физически слаб. На душе хорошо. Любовное отношение
становится привычкой. Ах, коли бы с детства приобреталась эта привычка! Возможно
ли это? Я думаю: да. Записать кое-что:

1) Все больше и больше почти физически страдаю от неравенства: богатства,
излишеств нашей жизни среди нищеты; и не могу уменьшить этого неравенства. В
этом тайный трагизм моей жизни. [...]

16 июня 1907. Ясная Поляна. Чертковы приезжают. Очень меня радует. Мало пишу,
мало думаю. Был в очень дурном духе дня два тому назад. Более или менее
держался. Кажется, опять простудился. Записать надо кое-что из книжечки. Теперь
записываю кое-что прямо:

[...] 3) Самоуверенные и потому ничтожные люди всегда импонируют скромным и
потому достойным, умным, нравственным людям именно потому, что скромный человек,
судя по себе, никак не может себе представить, чтобы плохой человек так уважал
себя и с такой самоуверенностью говорил о том, чего не знает.

4) В человеке сердце и разум: то есть желания и способность находить средства их удовлетворения. Но это не весь человек. Человек вполне – это еще способность сознавать себя (вне времени): свои желания и свой разум. [...]

27 июня 1907. Ясная Поляна. Приехали Чертковы, прожили у нас три дня. Очень было радостно. Живет Нестеров – приятный. Был Сергеенко. Вчера были восемьсот детей. Душевное состояние хорошо.

[...] 1) Так ясно почувствовал преимущество косца работника в росистом лугу рано утром, пускай и в жар полдня, и бедственность его хозяина за раздражающей его газетой и кофеем, с озлоблением, тоской и геморроем.

[...] 5) Есть нечто непреходящее, неизменяющееся, короче: непространственное, невременное, и не частичное, а цельное. Я знаю, что оно есть, сознаю себя в нем, но вижу себя ограниченным телом в пространстве и движением во времени. Мне представляется, что были за тысячу веков мои предки люди и до них их предки животные к предки животных – все это было и будет в бесконечном времени. Представляется тоже, что я моим телом занимаю одно определенное место среди бесконечного пространства и сознаю не только то, что все это было и будет, но что все это и в бесконечном пространстве, и в бесконечном времени все это я же.

В этом кажущееся сначала странным, но, в сущности, самое простое понимание человеком своей жизни: я есмь проявление всего в пространстве и во времени. Все, что есть, все это – я же, только ограниченное пространством и временем. То, что мы называем любовью, есть только проявление этого сознания. Проявление это естественно более живо по отношению более близких, по пространству и времени, существ.

6) Живо думал о том, чтобы правдиво написать всю свою мерзость, ничтожество, не прошедшие только, а теперешние.

[...] 8) Одни люди поднимаются в обществе людей, другие спускаются.

[...] 10) Все страсти – только преувеличение естественных влечений законных: 1) тщеславие – желание знать, чего хотят от нас люди; 2) скупость бережливость чужих трудов; 3) любострастие – исполнение закона продолжения рода; 4) [Гордость –] сознание своей божественности; 5) злоба, ненависть к людям – ненависть к злу.

[...] 12) как легка и радостна становится жизнь, освобожденная от страстей, в особенности от славы людской. [...]

7 июля 1907. Ясная Поляна. Все слабею. Ничего не могу работать. Кое-что делал для "Круга чтения". С детьми два дня не занимаюсь. Много задумываю, но сил нет. На душе очень хорошо. [...]

20 июля 1907. Ясная Поляна. Сто лет не писал, то есть больше месяца. За это время много было внешних событий: дети, убийство Звегинцевских людей, главное, Чертковы. Радостное общение с ними, и бездна посетителей. Детские уроки сошли "на нет". Приезд Тани с мужем, приезд Андриши: хороший.

[...] За это время здоровье порядочно, "по грехам нашим" слишком хорошо. Оставил "Круг чтения" и по случаю заключения в тюрьму фельтена писал брошюру "Не убий никого". Вчера, хотя и не кончил, прочел ее Черткову и другим. Теперь хочется написать письмо Столыпину и "Руки вверх", пришедшее мне в голову во время игры Гольденвейзера. Очень уже что-то последнее время мной занимают, и это очень вредит мне. Ищу в газете своего имени. Очень, очень затемняет, скрывает жизнь. Надо бороться. Записать надо:

1) Как хорошо быть виноватым, униженным и уметь не огорчаться. Это можно. И как это нужно. И как дурно считать себя правым, возвышенным перед людьми и радоваться этому! Очень дурно, и я испытываю это. Это губительно для истинной жизни.

[...] 4) Любовь нечего вызывать; только устрани то, что мешает проявлению ее, т. е. себя, истинного себя.

5) Старость уже тем хороша, что уничтожает заботу о будущем. Для старика

будущего нет, и потому вся забота, все усилия переносятся в настоящее, т. е. в истинную жизнь.

6) Мы все оправдываем себя, а нам, напротив, для души нужно быть, чувствовать себя виноватым. Надо приучать себя к этому. А чтобы было возможно приучить, надо радоваться случаю, когда можешь признать себя виноватым. А только поищи, и случай этот всегда найдется.

[...] 10) Нравственность не может быть ни на чем ином основана, кроме как на сознании себя духовным существом, единым со всеми другими существами и со всем. Если человек не духовное, а телесное существо, он неизбежно живет только для себя, а жизнь для себя и нравственность несовместимы.

[...] 12) Не успел оглянуться, как соблазнулся, стал приписывать себе особенное значение: основателя философско-религиозной школы, стал приписывать этому важность, желал, чтобы это было, как будто это имеет какое-нибудь значение для моей жизни. Все это имеет значение не для, а против моей жизни, заглушая, извращая ее. [...]

6 августа 1907. Ясная Поляна. Сто лет не писал. Нынче отдал Черткову "Не убий никого" и надеюсь, что кончил, и не дурно. Сейчас взялся за детский "Круг чтения" для Ивана Ивановича. Много что есть записать и о жизни, и из книжечек. [...]

Нынче 8 августа 1907. Ясная Поляна. Чувствую значительное ослабление всего, особенно памяти, но на душе очень, очень хорошо. Кончил статью и теперь займусь, кроме писем и дневника, детским "Кругом чтения". Общение с Чертковым очень радостное. Нынче очень хорошо думал.

[...] 3) Дело жизни, кроме внутреннего, есть только одно: увеличивать в людях любовь делами и словами, убеждением.

4) Странник мне говорил: жить нельзя стало. Помещики совсем сдавили народ. Деваться некуда. И попы. Они как живут. Сироту, вдову обдирают – последнюю копейку. А кто за правду, за народ идет, тех хватают. Сколько хорошего народа перевешали.

Ходит он – и тысячи ему подобных, чтобы кормиться, а это – самое сильное средство пропаганды.

[...] 6) Молодое поколение теперь ко только не верит ни в какую религию, но верит, именно верит, что всякая религия – вздор, чепуха.

[...] 9) Ум возникает только из смирения. Глупость же – только из самомнения. Как бы сильны ни были умственные способности, смиренный человек всегда недоволен – ищет; самоуверенный думает, что все знает, и не углубляется.

10) В телесном своем состоянии – хочется есть, спать, весело, скучно человек один; в поступках, общении с людьми ты соединяешься с немногими существами; в мыслях ты соединяешься со всеми людьми прошедшего и будущего.

[...] 15) Кант считается отвлеченным философом, а он – великий религиозный учитель.

[...] 19) Дама с ужасом говорит, содрогается от мысли об убийстве, а сама требует поддержания той жизни, которая невозможна без убийства. [...]

22 августа 1907. Ясная Поляна. Не скажу, чтобы был в слабом душевном состоянии, скорее напротив, но очень слаб нервами, слезлив. Сейчас приезжает Таня. Вчера простился с Малеванным, и он и его спутники – и Дудченко и Граубергер – не скажу, чтобы дурное произвели на меня впечатление, но не нужное. Нынче хорошо обдумал последовательность "Круга чтения". Может быть, еще изменю, но и это хорошо. Все больше и больше освобождаюсь от заботы о мнении людском. Какая это свобода, радость, сила! Помогите бог совсем освободиться.

Сейчас читал газету об убийствах и грабежах с угрозой убийств. Убийства и жестокость все усиливаются и усиливаются. Как же быть? Как остановить? Запирают, ссылают на каторгу, казнят. Злодейства не уменьшаются, напротив.

Что же делать? Одно и одно: самому каждому все силы положить на то, чтоб жить по-божьи, и умолять их, убийц, грабителей, жить по-божьи. Они будут бить, грабить. А я, с поднятыми по их приказанию кверху руками, буду умолять их перестать жить дурно. "Они не послушают, будут делать все то же". Что же делать? Мне-то больше нечего делать. Да, надобно бы хорошенько сказать об этом. Записать:

1) К старости проходит интерес к будущему и прошедшему, уничтожается память и воображение, но остается, разрастается жизнь в настоящем, сознание этой настоящей жизни.

[...] 7) Ничто так не больно, как дурное мнение о тебе людей, а ничто так не полезно, ничто так не освобождает от ложной жизни. [...]

7 сентября 1907. Ясная Поляна. Просмотрел записную книжку с 22 августа. Занимался только "Кругом чтения". Мало сделал видимого, но для души хорошо. Утверждало особенно в борьбе с суждением людей. Об этом нынче думал очень важное. Запишу после. Получил тяжелое письмо от Новикова и отвечал ему. Все так же радостно общение с Чертковым. Боюсь, что я подкуплен его пристрастием ко мне. Вчера посмотрел "Свод мыслей". Хорошо бы было, если бы это было так полезно людям, как это мне кажется в минуты моего самомнения. За это время скорее хорошее, чем дурное, душевное состояние. Сейчас почувствовал связанность свою в писании этого дневника тем, что знаю, что его прочтут Саша и Чертков. Постараюсь забыть про них.

Последние два-три дня тяжелое душевное состояние, которое до нынешнего дня не мог побороть, оттого, что стреляли ночью воры капусты, и Соня жаловалась, и явились власти и захватили четырех крестьян, и ко мне ходят просить бабы и отцы. Они не могут допустить того, чтобы я - особенно живя здесь - не был бы хозяин, и потому все приписывают мне. Это тяжело, и очень, но хорошо, потому что, делая невозможным доброе обо мне мнение людей, загоняет меня в ту область, где мнение людей ничего не весит. Последние два дня я не мог преодолеть дурного чувства.

Известие о Буланже. Надеюсь и верю, что он бежал. Сейчас был губернатор, tout le tremblement [и все прочее (фр.)]. И отвратительно и жалко. Мне было полезно тем, что утвердило в прямом сострадании к этим людям. Да: составил подлежащее исправлению объясненное подразделение "Круга чтения". Познакомился за это время с Малеванным. Очень разумный, мудрый человек. [...]

5) Особенно живо понял сегодня, что все растет, уходит и проходит. Удивительно, как люди могут не понимать этою: переносят свои желания на будущее, не думая о том, что будущее не остановится и так же пройдет, как все прошедшее.

Нынче 11 сентября 1907. Ясная Поляна. Все больше и больше усложняется жизнь и заявляет требования. За эти четыре дня было чего-то много. Тюремный священник. Врач из Красноярска. Бессарабец. Нынче странник и юноша и Соня-невестка. [...]

15 сентября. Оба дня писал беседы с молодежью. Вышло ни то ни се. Был тяжелый разговор с Соней. Истинно жалко ее. Записать надо:

[...] 3) Настоящая, серьезная жизнь только та, которая идет по сознаваемому высшему закону; жизнь же, руководимая похотями, страстями, рассуждениями, есть только преддверие жизни, приготовление к ней, есть сон.

[...] 7) Женщины нашего круга, людей достаточных, имеют перед мужчинами этого круга огромное преимущество, которого не имеют деревенские, вообще трудящиеся женщины: это то, что они, рожая и выкармливая детей, делают несомненно нужное, определенное высшим законом, настоящее дело. Мужчины же наши большей частью проживают всю жизнь в штабах, профессорство, судах, администрации, торговле, не только не делая никакого настоящего дела, но делая скверные, глупые, вредные дела. Зато и женщины бездетные, если только они не святые, не отдаются делам любви, а берутся за мужское безделье, бывают еще гаже, глупее и самодовольнее в своей гадости самых извращенных мужчин неработающих классов.

[...] 11) какое счастье жизнь! Иногда теперь, все дальше и дальше подвигаясь в старости, я чувствую такое счастье, что больше его, кажется, не может быть. И пройдет время, и я чувствую еще большее, чем прежде, счастье. Так чувствую я

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
это теперь, записывая сейчас, 15 числа, этот дневник в 12 часов дня.

26 сентября 1907. Ясная Поляна. Немного стеснен в писании тем, что Репин пишет мой портрет – ненужный, скучный, но не хочется огорчить его. Живется хорошо. Долго было состояние сознания своего великого блага. Дня четыре вследствие болезненного состояния была тоска и борьба. Слава богу, ни в чем особенно не приходится каяться.

Все составлял новый "Круг чтения" и окончил очень начерно. Очень много посетителей. Я в моде теперь. И это тяжело. Ноша был. Очень люблю его. Жалею об Черткове. Был Репин-общинник – горячий и потому опасный. Хорошо думается. Хочется написать о женщинах и о сумасшествии устройства мира. И интересные письма ответить. Записать надо:

- 1) Отчего безграмотные люди разумнее ученых? Оттого, что в их сознании не нарушена естественная и разумная постепенность важности предметов, вопросов. Ложная же наука производит это нарушение.
 - 2) Требования семьи не могут оправдать противные нравственности поступки, так же как взятый на себя подряд не может оправдать бесчестных расчетов с поставщиками.
 - 3) Требования семьи – это мои требования для семьи.
 - 4) Нужда для семьи нужнее, чем роскошь.
 - 5) Мне, богатому человеку, надо дать воспитание детям: как одевать их, кормить? Как их учить? Для человека в нужде вопросы эти решены, и всегда лучше, чем для человека богатого.
- [...] 7) NN не любит хорошего человека, вредит, бранит его. Но человек умирает, и неловко бранить, особенно оттого, что все жалеют. И вот NN уверяет, что он всегда очень любил.
- 8) Наше воспитание людей похоже на выведение таких плодов (яблок и т. п.), в которых все почти была бы одна оболочка (вкусная) семени. Чтобы семени, если можно, совсем бы не было. Воспитывать людей так, чтобы души было как можно меньше, а было бы одно тело. [...]

10 октября 1907. Ясная Поляна. Давно не писал, за это время был один день в тоскливом состоянии из-за стражников, которые тревожат крестьян. Тут тетя Таня и Михаил Сергеевич и две Танечки. Была неприятна неожиданная и неприятная брань за мое письмо о том, что у меня нет собственности. Было обидное чувство, и, удивительное дело, это прямо было то самое, что мне было нужно: освобождение от славы людской. Чувствую большой шаг в этом направлении. Все чаще и чаще испытываю какой-то особенный восторг, радость существования. Да, только освободиться, как я освобождаюсь теперь, от соблазнов: гнева, блуда, богатства, отчасти сластолюбия и, главное, славы людской, и как вдруг разжигается внутренний свет. Особенно радостно. За это время работаю над детским "Кругом чтения", вводя его в подразделения большого. Работа, требующая большого напряжения, но идет порядочно. Записать:

- 1) Жизнь не шутка, а великое, торжественное дело. Жить надо бы всегда так же серьезно и торжественно, как умираешь.
 - 2) Когда люди говорят, то кажется, что всякое говоренье есть одно и то же дело. А между тем этих говорений есть два совершенно различных, и по причинам, вызывающим говоренье, и по последствиям. Большею частью люди говорят только для того, чтобы дать ход всем своим чувствам. Это говоренье праздное; и второе, говорят тогда, когда хотят передать свою мысль другому для его пользы. Это говоренье хорошее...
- [...] 6) как хорошо, облегчительно чувствовать и признавать себя виноватым. Все запутанное и трудное сразу объясняется и облегчается.
- 7) Задумался о том, правда ли, что благо человека – только в увеличении в себе любви. Отчего же этого нет теперь во всех людях? А оттого же, отчего этого не было во мне 30 лет тому назад. Как человек растет, так и человечество.

[...] 9) Человек не знает, что хорошо, что дурно, а пишет исследование об упавшем аэролите и о происхождении слова "куколь"!

12 октября. Ясная Поляна. 1907. Здоровье – хорошо, а на душе – рай – почти рай. Все больше и больше входит в жизнь то, чтобы, не думая о себе для себя (тела) и о себе в мнении других, жить любя. И удивительно радостно. Должно быть, от возраста, освободившего от страстности: в гневе, похоти, славе людской; но думаю, что возможно и всем. Много получаю писем, и очень хороших. Письмо Иконникова таково, что, слушая его, расплакался, как старушка. И хорошо. Очень хорошо. Записать надо одно не из книжечки:

1) Говорят, говорю и я, что книгопечатание не содействовало благу людей. Этого мало. Ничто, увеличивающее возможность воздействия людей друг на друга: железные дороги, телеграфы, – фоны, пароходы, пушки, все военные приспособления, взрывчатые вещества и все, что называется "культурой", никак не содействовало в наше время благу людей, а напротив. Оно и не могло быть иначе среди людей, большинство которых живет безрелигиозной, безнравственной жизнью. Если большинство безнравственно, то средства воздействия, очевидно, будут содействовать только распространению безнравственности.

Средства воздействия культуры могут быть благодетельны только тогда, когда большинство, хотя и небольшое, религиозно-нравственно. Желательно отношение нравственности и культуры такое, чтобы культура развивалась только одновременно и немного позади нравственного движения. Когда же культура перегоняет, как это теперь, то это – великое бедствие. Может быть, и даже я думаю, что оно бедствие временное, что вследствие превышения культуры над нравственностью, хотя и должны быть временные страдания, отсталость нравственности вызовет страдания, вследствие которых задержится культура и ускорится движение нравственности и восстановится правильное отношение.

Все занят, и очень усердно, детским "Кругом чтения", и хотя медленно, но подвигаюсь. Нынче думал, что сделаю три "Круга чтения". Один – по отделам, детский; другой – такой же для взрослых. Третий – без отделов, но исправленный старый.

20 октября 1907. Ясная Поляна. Запнулся в своей работе. И два дня ничего не делал. Очень не нравится мне перечисление грехов и соблазнов. Нынче как будто немного распутываюсь. За это время был нездоров и теперь еще не справился – желудком. Были посетители: Заболотнюк, отказывается от военной службы, и нынче Новичков. Получаю телеграммы угрожающие и страшно ругательные письма. К стыду своему должен признаться, что это огорчает меня. Осуждение всеобщее и озлобление, вызванное письмом, так и осталось для меня непонятно. Я сказал то, что есть, и просил напрасно не тревожиться и меня оставить в покое. И вдруг... Удивительно и непонятно. Одно объяснение – что им приятно думать, что все, что я говорил и говорю о христианстве, ложь и лицемерие, так что можно на это не обращать внимания. Был Сутковой – едет в Самару. [...]

26 октября 1907. Ясная Поляна. Долго – недели три, если не больше – был в низком состоянии духа. Не было больше радости жизни и теснившихся радостных и нужных и важных (для меня) мыслей и чувств. За это время особенно дурного ничего не сделал. Все работал над "Кругом чтения". Нынче решил изменить в нем многое. Дней шесть, как возобновил уроки с детьми. Не особенно хорошо. Хуже, чем я ожидал. Гусева арестовали. Были посетители: Новичков, Лиза, нынче Олсуфьев, Варя, Наташа. Нынче первый день я проснулся духовно, поднялся на прежнюю ступень, может быть, даже немного выше. [...] Записать надо еще:

4) Со временем идет духовный рост, освобождение духовного начала, как в отдельном человеке, так и во всем человечестве. И двигаются вперед люди если не боками, то мозгами, а то и тем и другим вместо. Разумеется, и приятнее и успешнее двигаться мозгами, чем боками. И потому усилия людей, желающих ускорить движение, должны быть направлены на деятельность разумную, сознательную, а не на стихийную, бессознательную.

5) Жизнь это непрерывающийся рост духовный. Но в детстве, юности, когда вместе с духовным ростом совершается рост телесный, люди легко принимают рост телесный за всю жизнь и отдаются ей, забывая жизнь духовную. Ошибка обозначается, когда тело начинает разрушаться, но исправление ее бывает трудно от силы инерции, привычки.

[...] 8) Странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня людьми и говорить только с теми далекими по времени и месту, которые будут слышать меня.

8 ноября 1907. Ясная Поляна. Казалось, что недавно записывал, а почти две недели. Дня три тому назад был в Крапивне у Гусева. Очень тяжелое и значительное впечатление. Хочется писать об этом и еще драму о Булыгине-сыне. Очень радостное впечатление от их жизни. Вчера были посетители: Соломко, бывший депутат - ничтожный, и Широков, раздраженный, но искренний человек. Записать:

1) Чем больше себялюбие, тем труднее понять другого, перенестись в другого, а в этом все. И наоборот.

2) Всякий дурной поступок, а также и добрый оставляет главные последствия в себе; последствия: усиления дурной или доброй привычки.

[...] 10) Самое трагикомическое в нашем христианстве то, что оно вводится и распространяется между бедными и слабыми - сильными и богатыми, теми самими, существование которых отрицается христианством.

[...] 13) Отчего неразумны так называемые - образованные? Оттого, что головы их набиваются ненужными пустяками, выдаваемыми им за самое важное.

22 ноября 1907. Ясная Поляна. Очень хорошо, умиленно радостно себя чувствую и - удивительная вещь - забыл все - забыл, кто Гусев, за что он сидит. С утра встал и умиленно думал и чувствовал об Андрюше и написал ему письмо. Искал и не мог найти записанный план своей статьи. Так казалось хорошо и важно, а теперь ничего не помню. Все думается о драме. Хорошо бы.

Все это время - напряженно занят "Кругом чтения". Начерно кончил, но работы бездна. Если в день составлять - то есть исправлять пять, шесть изречений, то работы больше, чем на год, на четвереста дней. А почти уверен, что этого не проживу. Чем ближе смерть, тем сильнее чувствую обязанность сказать то, что знаю, что через меня говорит бог. И тем больше чувствую это необходимым, что тут уже нет личного, славы людской. Записать:

[...] 5) Жалуешься на жизнь, а только вспомни, сколько людей любят тебя.

6) Любить - благо, быть любимым - счастье.

[...] 8) Да, праздность - мать всех пороков, в особенности умственных: ложных рассуждений: политика, наука, богословие.

9) Если богатый совестлив, то он стыдится богатства и хочет избавиться от него; а избавиться от него почти так же трудно, как бедному разбогатеть. Трудность главная - семья. Привычки можно преодолеть, но - семья.

10) Упрекать в гордости можно и должно только себя. А то всякое несогласие представляется гордостью.

[...] 12) Видел во сне, что устраиваю чью-то спальню, и что для устройства ее мне нужно спросить кого-то на той же улице. Я иду, захожу в дом; меня не узнают, но я дохожу до хозяина; он спрашивает, что мне нужно? И я, к досаде, чувствую, что забыл. Делаю усилия вспомнить. И эти усилия будят меня. И я в бдящем состоянии стараюсь вспомнить и не могу. И я понимаю, что то, зачем я шел во сне, я и не знал, но увидел во сне только то, что "я забыл". Все, что я видел, как мне казалось перед этим, все это было без времени. Только просыпаясь, я все это расположил во времени. Не то ли мы делаем в нашей жизни? Все, что мы (как нам кажется) переживаем, все это уже есть, а мы только располагаем это во времени. То, что все есть, и ничего в нашей жизни не происходило, не двигалось, мы узнаем, когда будем умирать (просыпаться), как я узнал, проснувшись, что я не забыл, а только видел во сне, что забыл. (В записной книжке записано: "неясно". Но я не согласен.)

[...] 15) Правительство русское знает и не может не знать, что у нас все держится на религии, и себя основывает на религии, но та религия, на которой оно основывает себя, была нетверда и прежде; теперь уже совсем не держит. [...]

29 ноября 1907 Ясная Поляна. Только неделю не писал, а кажется ужасно долго. Так

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

полна жизнь. Записать нужно довольно много, но нынче не буду. Запишу только самое существенное, то, что испытываю сейчас уже благотворность той душевной деятельности, которой я отдался. В самом телесно дурном состоянии и расположении духа – мне хорошо. Мало того, что хорошо, – радостно. Как удивительно, de gaiete de с?ur [с легким сердцем (фр.)] губят свои жизни люди, попуская себя на раздражение. Все в "табе", как говорил Сютяев. Смотри с любовью на мир и людей, и он так же будет смотреть на тебя. Все занят "Кругом чтения" и, кажется, подвигаюсь. Сережа, Маша, Андрюша – со всеми мне хорошо. Записать из книжки денной:

- 1) Сначала кажется странным, почему человек, сделавши злое дело, становится еще злее. Казалось бы, ему надо успокоиться: он сделал то, что хотел. А это оттого, что сознание, совесть упрекает его, и ему надо оправдаться, если не перед другими, то перед самим собою, и для оправдания он делает зло новое with a vengeance [с мстью (англ.)].
- 2) Пища только тогда законна, когда возможны и желательны последствия ее труд. Точно так же и половое общение – только тогда, когда возможны и желательны последствия его – дети.
- 3) Насколько животные целомудреннее людей: только до оплодотворения.
- 4) Лиха беда начать. Целомудренный стыд – могучее средство предохранения. А наше искусство притупляет, уничтожает его.

Сейчас примусь за первый отдел "Круга чтения".

Здесь Сережа и Маша.

Страшно давно не писал. Нынче, 16 декабря 1907. Ясная Поляна. 29 ноября упал с лошади, зашиб руку. Теперь проходит. За это время много было, все больше и больше, хороших писем. Нисколько не увлекаюсь и не желаю распространения, как бывало прежде, а просто рад, что мог и могу служить людям хоть чем-нибудь. Как странно, что вместе с добротой приходит смирение скромность. Мне теперь не нужно, как прежде, притворяться смиренным. Как только работа в себе, так сейчас видишь, что не только гордиться, но радоваться не на что. Радуюсь только на то, что мне незаслуженно хорошо, и что ближе к смерти, то все лучше и лучше.

Все занят "Кругом чтения". Главное – порядок отделов. Кажется, теперь близко к концу распределение, редакция же самых мыслей – еще огромная работа. Переписаны только три. Был Андрей с новой... Очень было тяжело, хотя старался, как мог, и ничем не провинился. С Сережей, со всеми хорошо, даже со стражниками. "Радуйся, если тебя ругают". Записать надо, кажется, очень многое. Гусева все не выпускают, хотя давно, с 22 обещали и в Туле и в Петербурге. [...]

[...] 21) Грехи свои человек чувствует, как зло, и страдает от них, соблазны он уже не чувствует, а суевериями гордится.

22) Для общего дела наверное лучше делать каждому, что ему ведено, а не то, что ему кажется хорошим.

23) Как только человек забыл или пропустил мимо ушей то, что ему ведено, он непременно делает то, что было сделано им или людьми вокруг него, воображая себе, что он делает то, что сам выдумал.

24) Человеку ведено увеличивать любовь (он веление это носит в сердце), а он устраивает удобства жизни. Все равно, как работнику ведено сеять, сажать, а он забыл это или пропустил мимо ушей, а помнит то, что он ровнял поле, пахал, боронил, укатывал, и он пашет, боронует, укатывает поле с всходящей уже зеленью. Ему кажется, что его дело только в этом.

25) Дело жизни не в том, чтобы быть великим, богатым, славным, а в том, чтобы соблюсти душу. [...]

30 декабря 1907. Ясная Поляна. Две недели не писал. Важного только то, что Гусева выпустили. Здесь Сережа с женой. Все продолжаю получать радостные письма. Нынче очень хорошее письмо Молочникова к Столыпину. Написал об этом Олсуфьеву. Все занят "Кругом чтения", и, слава богу, все уясняется и уясняется. Второй раз

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
поверяю отделы. Всех 31. И, кажется, не нарочно вышло 4 греха, 4 соблазна, 4 обмана. Вчера очень горячо – дурно спорил с Сережей о науке. Поразительна вера в науку и полная аналогия ее с церковью. [...]

Дневник – 1908

Нынче новый, 1908 год, 1 января. Ясная Поляна. Дописываю из книжечки. Все так же занят "Кругом чтения" и, кажется, подвигаюсь. Андрей и Сережа с женами. Я борюсь с своими чувствами к...

Дописываю из книжечки, как раз кончившейся к новому году.

[...] 9) В первый раз с необыкновенной, новой ясностью сознал свою духовность: мне нездоровится, чувствую слабость тела, и так просто, ясно, легко представляется освобождение от тела, – не смерть, а освобождение от тела; так ясна стала неистребимость того, что есть истинный "я", что оно, это "я", только одно действительно существует, а если существует, то и не может уничтожиться, как то, что, как тело, не имеет действительного существования. И так стало твердо, радостно! Так ясна стала бренность, иллюзорность тела, которое только кажется.

[...] 11) То, что жизнь только в усилии нравственном, видно из того, что во сне не можешь сделать нравственного усилия и совершаешь самые ужасные поступки.

12) Жизнь людей без нравственного усилия – не жизнь, а сон.

13) У меня выбита рука, я слежу за ее выздоровлением. Но вот она справилась, и мне чего-то недостает. Не за чем следить. А ведь вся жизнь есть такое слежение за ростом: то мускулов, то богатства, то славы. Настоящая же жизнь есть рост нравственный, и радость жизни есть слежение за этим ростом. Какое же ребяческое, недомысленное представление – рай, где люди совершенны и потому не растут, стало быть, не живут.

14) Люди много раз придумывали жизнь лучше той, какая есть, но, кроме глупого рая, ничего не могли выдумать.

15) Казалось бы, как легко по своему эгоизму понять эгоизм других. Но мы никогда хорошенько не понимаем этого, а если и понимаем, то не помним.

[...] 19) – Как вам нравятся стихотворения NN?

– Что же, кормится.

13 января 1908. Ясная Поляна. Не писал двенадцать дней. Кончил начерно "Круг чтения" и написал отделы. Живу не дурно, только третьего дня заблудился в Засеке и очень устал, и нынче болит сердце. Дурно спал. И написал письма все очистил. Жду Черткова послезавтра. Записываю из книжечки. Второй день думаю о драме. Едва ли достанет интереса, чтобы написать. Записываю:

[...] 4) Все почти технические усовершенствования удовлетворяют либо эгоистическим стремлениям к личному наслаждению, либо семейной, сословной, народной, государственной гордости (войны).

[...] 8) В газете: "Мне говорят: будь целомудрен, а я говорю: если это не вредит моему здоровью". Какой ужас: во-1-х, нарушение целомудрия гораздо больше угрожает здоровью, чем соблюдение его, а во-2-х, главное, здоровье и нравственный закон – два несоизмеримые условия жизни. Нарушать нравственный закон для здоровья – все равно как разламывать дом, в котором живешь, чтобы топить им.

9) Для успешности усилия надо поступить так, как будто ты уже имеешь те чувства, которые желал бы иметь.

10) До тех пор не заимствуй от других ответы на вопросы, пока вопросы не возникли в тебе самом.

[...] 14) Люди все стоят перед великой тяжестью, которую им нужно поднять. У

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

каждого в руках уже введенный под эту тяжесть рычаг. И вот, вместо того, чтобы налечь на рычаг и, насколько есть сил, содействовать подъему тяжести, люди бросают рычаг, вскакивают на тяжесть, своим весом увеличивая ее, и, стоя на ней, цепляются за нее руками, стараясь поднять ее.

[...] 17) Нет ничего хуже оглядывания на свое приближение к совершенству. Попробуй идти и думать о том, сколько осталось. Сейчас покажется трудно. Тоже и с движением к совершенству.

[...] 19) какое странное и верное слово: что муж и жена (если они живут духовно) не двое, а одно существо. [...]

20 января 1908. Ясная Поляна. Чертков здесь и пропасть народа, все приятно. Впрочем, я в таком духе, слава богу, что мне все приятно. Абрикосовы, Гусев, Плюснин. Вчера приехал Поша. Софья Андреевна в Москве. Был вчера Андрей. Жалкий, жалкий по своей непрошибаемой самоуверенности. Пишу и не жалею. Может быть, если прочтет после моей смерти, хоть немножко пробьет эти латы самодовольства. Начал писать статью. Об упадке, безверии и непротивлении. Не очень дурно, но слабо. Сам я вообще слаб. Должно быть, близко смерть. И приближаюсь к ней, как приближаюсь на езде к цели путешествия. Сравнение не верно, потому что по мере приближения улучшается езда. Кончил отделы. Записать:

[...] 8) Гораздо более возмутительная несправедливость была бы в том, если бы, как думают ученые люди, человек мог бы не знать смысла жизни и своего руководства в ней без требующего досуга изучения сложных и трудных наук, чем то, что у одного миллионы, а у другого нет сапог.

[...] 11) простота – необходимое условие и признак истины.

31 января 1908. Ясная Поляна. Начал исправлять старый "Круг чтения". И оказалось работы больше, чем думал, и работа не дурная. Кончил восемь месяцев не совсем – надо переместить, дополнить, но главное сделано. Саша долго в Москве. Стараюсь не бояться за нее. Со всеми очень хорошо. Вчера был Стахович Михаил. Я хорошо поговорил с ним. Но не могу говорить о душевном без слез. Нынче поправлял детское изложение Евангелия по желанию милой Марьи Александровны. Написал за это время два длинных письма: одно Столыпину, другое, вероятно, поляку – Задаго. Оба, кажется, не дурны, по крайней мере, писал от сердца. [...]

Записать:

[...] 5) Как бы хорошо и как нужно для жизни не забывать, что звание человека настолько выше всех возможных человеческих званий, что нельзя не относиться одинаково к царице и проститутке и т. п.

6) Всегда обещают и ждут за добрые дела награду в будущем, в вечности. Она – награда – и есть в вечности, в настоящем, в вневременном моменте.

7) Я узнал благо и учение жизни на исходе своей и потому сам уже не могу воспользоваться этим знанием. И потому нужно, я обязан передать то, что знаю, людям. В первый раз живо почувствовал это обязательство.

[...] 14) Ясно, живо понял бедственность людей богатства и власти, как они понемногу введены в эту ужасную жизнь. Нищий бродяга много свободнее и несравненно менее несчастлив.

[...] 18) Читал Shaw. Он поразителен своей пошлостью. У него не только нет ни единой своей мысли, поднимающейся над пошлостью городской толпы, но он не понимает ни одной великой мысли прошлых мыслителей. Вся его особенность в том, что он самые избитые пошлости умеет высказывать самым изысканно извращенным, новым способом, как будто он говорит что-то свое, новое. Главная черта его это ужасающая самоуверенность, равняющаяся только его полному философскому невежеству.

[...] 20) Я нынче все больше и больше начинаю забывать. Нынче много спал и, проснувшись, почувствовал совершенно новое освобождение от личности: так удивительно хорошо! Только бы совсем освободиться. Пробуждение от сна, сновидения это образец такого освобождения.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

9 февраля 1908. Ясная Поляна. За это время занят был переработкой "Нового круга чтения". Исправление старого кончил, хотя придется еще поработать. Был Буткевич с юношей учителем, и хорошие письма. Душевное состояние все лучше и лучше. Духовная жизнь, внутренняя, духовная работа все больше и больше заменяет телесную жизнь, и все лучше и лучше на душе. То, что кажется парадоксом: что старость, приближение к смерти и сама смерть - хорошо - благо, несомненная истина. Испытываю это. Письмо от Гр. Петрова, просится приехать. Постараюсь видеть только брата, сына божия. Здоровье недурно.

[...] 4) Спрашивал себя: зачем я пишу это? Нет ли тут личного желания чего-либо для себя? И уверенно могу ответить, что нет, что если пишу, то только потому, что не могу молчать, считал бы дурным делом молчать, как считал бы дурным не постараться остановить детей, летящих под гору в пропасть или под поезд.

5) (Тоже к воззванию.) Можно бы было относиться равнодушно к тому, что я говорю, если бы я говорил что-нибудь мною придуманное, такое, что может быть и может не быть, но ведь та погибель, о которой я говорю, не может не быть, неизбежно будет. Можно бы было задумываться, сделать ли или не сделать то, что я говорю, если бы для этого нужно было что-нибудь опасное, трудное, стыдное, унижительное, несогласное с человеческой природой; а тут напротив, то, к чему я призываю, и безопасно, и легко, и благородно, и согласно и с сознанием своего достоинства, и с природой человека.

[...] 18) Думал ночью как будто заново о смысле жизни. И опять все то же, что должен и можешь делать то, чего требует от тебя твое духовное сознание. И не то что должен перед кем-нибудь, а неизбежно поощряем к этому тем, что одна только эта деятельность дает истинное благо. Если же спрашивать, зачем? То ein Narr kann mehr fragen als tausend Weisen antworten [один глупец может больше спросить, чем тысяча мудрецов ответить (нем.)]. Зачем - не мое дело и мне не нужно и не дано знать. Нет и органов для того, чтобы понять это.

19) Наша жизнь и наше призвание в ней подобно вот чему: что-то хорошее, нужное для людей делается какою-то непонятной для них силой. Представим себе, что строится что-то. Люди не могут понять, что и зачем, но знают, что им надо в известном направлении носить, возить материал: камни, песок, известь, лес, железо. И если люди делают это - им легко и хорошо. Они и делают это: некоторые, зная, что строится что-то, другие - не зная даже и этого. Есть между людьми ленивые, которые просто не делают то, что нужно, и им бывает худо. Есть и усердные, но самоуверенные, которые думают, что знают, зачем идет работа, и или возят материал не туда, куда ведено, или сами начинают строить не то, что нужно.

20) Вчера, читая мистические книги и находя в них хорошее, но неясное, с неприятным чувством подумал о том, что то же может показаться и в моих писаниях. Как въелось тщеславие! Что мне за дело о том, как будут смотреть. Делай, что должно, а о мнении других...

[...] 23) Удивляешься на решительность суждений глупых, недумających людей. А разве это может быть иначе? Тот, кто думает, знает, как сложно всякое умственное утверждение и часто как сомнительно. [...]

10 марта 1908. Ровно месяц не писал. Занят был за письменным столом статьей. Не идет, а не хочется оставить. Работа же внутренняя, слава богу, идет, не переставая, и все лучше и лучше. Хочу написать то, что делается во мне и как делается; то, чего я никому не рассказывал и чего никто не знает. Много писем, посетителей. Особенно важных не было. Затеяли юбилей, и это мне вдвойне тяжело: и потому, что глупо и неприятно лесть, и потому, что я по старой привычке соскальзываю на нахождение в этом не удовольствия, но интереса. И это мне противно. Был Чертков. Мне особенно хорошо с ним было. С неделю тому назад я заболел. Со мной сделался обморок. И мне было очень хорошо. Но окружающие делают из этого fuss [суматоху (англ.)]. Читал вчера чудную статью индуса в переводе Наживина. Мои мысли, неясно выраженные.

Живу я вот как: встаю, голова свежа, и приходят хорошие мысли, [...] записываю их. Одеваюсь, с усилием и удовольствием выношу нечистоты. Иду гулять. Гуляя, жду почту, которая мне не нужна, но по старой привычке. Часто задаю себе загадку: сколько будет шагов до какого-нибудь места, и считаю, разделяя каждую единицу на 4, 6, 8 придыханий: раз и а, и а, и а; и два, и а, и а, и а... Иногда по старой привычке хочется загадать, что если будет столько шагов, сколько предполагаю,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

то... все будет хорошо. Но сейчас же спрашиваю себя: что хорошо? и знаю, что и так все очень хорошо, и нечего загадывать. Потом, встречаясь с людьми, вспоминаю, а большей частью забываю то, что хотел помнить, что он и я одно. Особенно трудно бывает помнить при разговоре. Потом лает собака Белка, мешает думать, и я сержусь и упрекаю себя за то, что сержусь. Упрекаю себя за то, что сержусь на палку, на которую спотыкаюсь. Да, забыл сказать, что, умываясь, одеваясь, вспоминаю бедноту деревни и больно на свою роскошь одежд, а привычка чистоты. Возвращаясь с прогулки, берусь за письма. Просительные письма раздражают. Вспоминаю, что братья, сестры, но всегда поздно. Похвалы тяжелы. Радостно только выражаемое единение. Читаю газету "Русь". Ужасаюсь на казни, и, к стыду, глаза отыскивают Т. и Л. Н., а когда найду: скорее неприятно. Пью кофе. Всегда не воздержусь – лишнее, и сажусь за письма.

Когда-нибудь продолжу это описание, а теперь 21 марта 1908. Ясная Поляна. Все время, не все время, а дней пять нездоровилось, но на душе продолжало быть очень хорошо. Последний день, вчера было очень слабо. Нынче спал до 9 часов и, несмотря на нездоровье, писал статью очень хорошо. Все, что было неясно, уяснилось, и, гуляя, думал, и кажется все ясно, и допишу. За последнее время работал над новым изданием "Круга чтения" (Гусев так хорошо, любовно помогает) и еще над любимым милой Марьей Александровной детским Евангелием, как мы его называем. И работа и та и другая были очень приятные, особенно над Евангелием. С детьми стал заниматься по утрам, но часто пропускаю. За это время неприятные заботы об юбилее, не мои – мои только о том, как бы прекратить его. Сейчас получил по этому случаю ругательное письмо. Хочу исполнить желание пишущего послать в газету и при этом случае ясно и определенно высказаться. Вот и все. Саша выписывает из книжечек. Выпишу кое-что и я.

1) В знании важно не количество знаний, даже не точность их (потому что совершенно точных знаний нет и никогда не будет), а разумная связность их: то, чтобы они со всех сторон освещали мир. Вроде того, что бывает в постройках. Постройка может быть великолепна или бедна: зимний дворец и шалаш, но и то и другое – разумные постройки только тогда, когда они защищают со всех сторон от непогоды и дают возможность жить в них и зимой и летом; но самые великолепные три стены без четвертой или четыре без крыши или без окон и печи много хуже бедной хаты, в которой можно укрыться и не задыхаться и не мерзнуть. То же и в научных знаниях, теперешних знаниях ученых в сравнении с знаниями безграмотного крестьянина-земледельца. Эта истина должна быть основой воспитания и образования. Расширять знания надо равномерно.

23 марта. Если бы было известно, что смерть ухудшает наше положение, жизнь в виду неизбежной смерти была бы ужасна. Если же бы мы наверно знали, что смерть улучшает наше положение, мы пренебрегали бы жизнью.

[...] живо почувствовал грех и соблазн писательства; почувствовал его на других и перенес основательно на себя.

Нужно два: любовь и правда. Первое я знал. Надо работать над вторым. Нет, три: воздержание, правда и любовь.

[...] Закон жизни прекрасно изображается пальцами в перчатке: отдели их, воображая увеличить тепло каждого пальца, – и всем холодно, и чем лучше отделены, тем холоднее; откинул перегородки, соединил – всем хорошо. [...]

31 марта 1908 г. 1) Я прежде думал, что разум (разумение) есть главное свойство души человеческой. Это была ошибка, и я смутно чувствовал это. Разум есть только орудие освобождения, проявления сущности души – любви. (Очень важно.)

2) Знаю я, что я не увижу последствий этого моего воззвания, но знаю так, знаю вернее смерти, что последствия эти будут. Будут не в том смысле, что сложится такой или иной мною предвидимый и желаемый строй жизни, а будут в том, что уничтожится то безумие и зло, в котором живут теперь люди христианского мира. Это будет, я вернее смерти знаю, что это наверно, неизбежно будет (к статье).

4 апреля. Женщина делает большое дело: рождает детей, но не рождает мыслей, это делает мужчина. Женщина всегда только следует тому, что внесено мужчиной и что уже распространено, и дальше распространяет. Так и мужчина только воспитывает детей, а не рождает.

8 апреля. 1) Революция и особенно подавление ее изобличило отсутствие веры в христианство.

2) Учение жизни написать.

3) Высший нравственный закон только тогда закон и что-нибудь, когда никакой закон не может быть признан выше – обязательнее его.

10 апреля 1908. Ясная Поляна. Были сыновья. Со всеми очень хорошо. Все пишу статью. Подвигаюсь. [...]

12 апреля 1908. Ясная Поляна. Здоровье – желудок очень плох. Не сплю, и дурное расположение духа, с которым борюсь более или менее успешно. Сейчас хочу записать.

1) Если бы мужчины знали всех женщин, как мужа знают своих жен, они никогда бы не спорили с ними и не дорожили бы их мнением.

2) Хороший работник не бросает работу, если и знает, что не увидит ее в деле и не получит награды. То же с работой жизни до самой последней минуты смерти.

19 апреля 1908. Ясная Поляна. Здоровье лучше. Статья подвигается, но слаба. Записать есть много. Сейчас запишу следующее, очень хорошее:

1) Верный признак того, что вся моя деятельность пустая, то, что на меня не только нет гонений, но меня восхваляют. Хорошо для смирения.

Чувствую большую тяжесть от глупой благотворительности внешней в соединении с безумной роскошью жизни своей.

Был Семенов. Он еще не готов сам для себя. Много хорошего в общении с людьми. Не хочу называть...

28 апреля 1908. Ясная Поляна. Меня старательно лечат. Был Щуровский. Усердие большое, но, как и все, хочет знать и верить, что знает, но ничего не знает. Несколько дней, да и почти всегда нехорошо... Вчера, кажется, что кончил статью.

Нынче, лежа в постели, утром пережил давно не переживавшееся чувство сомнения во всем. В конце концов, остается все-таки одно: добро, любовь – то благо, которое никто отнять не может. Вчера получил укорительное по пунктам письмо от юноши-марксиста, и, к стыду своему, мне было тяжело. Все еще далеко от жизни, только для души (бога), и все еще тревожит слава людская. Да, как вчера говорит Паскаль, есть только одно истинное благо, то, которое никто ни отнять, ни дать не может. Только бы уметь его приобретать и жить для него!

2 мая. 1) Разве не ясно, какой полный невежда этот профессор Геккель. Каковы же его ученики? Возражать не стоит: возражение в Евангелии, но они не знают его, безнадежно не знают, решив, что они выше его.

А если люди так невежественны, что могут по закону убивать, то что же закон? И все рушится.

2) Нельзя спрашивать: переменить ли жизнь? Переменить надо жизнь только тогда, когда нельзя не переменять. И тогда нечего спрашивать. А для того, чтобы прийти в такое положение, надо внутренне, духовно измениться.

6 мая 1908. Ясная Поляна. Все занят статьей. Дня четыре посвятил для воспоминаний о солдате для Поши. Не очень дурно, но задорно. Нынче не письма, а разговор о праве на мои сочинения после смерти. Трудно перенес. Записать много есть в книжечках, а теперь хочется записать:

1) то, что в первый раз сейчас, гуляя, ясно вполне понял благодетельность осуждений, укоров, стыда людского. Понял, как это загоняет в себя, разумеется, если есть в себе то, куда уйти. Прямо хорошо, желательно.

2) Умереть – значит уйти туда, откуда пришел. Что там? Должно быть, хорошо, по тем чудесным существам детям, которые приходят оттуда.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

12 мая 1908. Ясная Поляна. Со мной случилось нынче что-то новое, необыкновенное, не знаю, хорошее или дурное, должно быть хорошее, потому что все, что было, есть и будет, все только хорошо: случилось то, что я проснулся с небольшой головной болью и как-то странно забыв все: который час? что я пишу? куда идти? Но, удивительная вещь! рядом с этим особенная чуткость к добру: увидел мальчика, спящего на земле, – жалко; бабы работают – мне особенно стыдно. Прохожие – мне не досадно, а жалко. Так что совсем не к худшему, а к лучшему.

Прочел местами свою работу "Закон насилия и закон любви", и мне понравилось, и я кончил ее. Вчера мне было особенно мучительно тяжело от известия о двадцати повешенных крестьянах. Я начал диктовать в фонограф, но не мог продолжать.

[...] Запел соловей под окном, до слез радостно. Сейчас только вспомнил, что я нынче, гуляя перед чаем, забыл молиться. Все забыл. Удивительно! Сейчас читаю свое письмо Анатолию Федоровичу и не могу вспомнить, кто это.

14 мая 1908. Ясная Поляна. [...] Вчера, 13-го, написал обращение, обличение – не знаю, что – о казнях, и еще о Молочникове. Кажется, то, что нужно. Был Муравьев, много рассказывал мучительного. Вчера были сыновья Андрей и Михаил, жалкие и очень далекие. Саша приехала. Ходил пешком, хорошо думал. [...]

15 мая. К "не убий". И все это делается для нас, для мирных жителей. Хотим мы или не хотим этого, нас делают участниками этих ужасов.

И все это делается среди тех людей и теми людьми, которые говорят, что поклоняются и считают богом того, кто сказал: "Вам сказано... Все братья... Любить всех, прощать всем не семь, а семьдесят раз семь, кто сказал про казнь, что пусть тот, кто без греха, бросит первый камень". В этом страшное дело, это самое ужасное, запрещенное дело делается наиболее почитаемыми людьми и с участием учителей этой веры.

Делается там, где в народе считается долгом помочь несчастеньким.

Вижу, как с улыбкой презрения прочтут это европейцы. То ли дело у нас, скажут англичане и другие. У нас все это так устроено, что одно удовольствие. Все по машине. Ничего не видно, и только флаг.

20 мая 1908. Ясная Поляна. Возбужденно радостное состояние прошло, но не скажу, что дурно. Хорошо то, что не только нет противления смерти, но хочется. Здесь Стахович. Соня в Москве и Петербурге, с Сашей очень радостно. Все поправлял о казнях. Кажется, недурно, и кажется, что нужно.

Были добродушловцы два из Самары – не совсем хорошее впечатление. В них отсутствует драгоценное для меня свойство простоты. Их добрая жизнь деланная, и я чувствую, что пахнет и клеем и лаком. Сознание нужно, необходимо, но я думаю, что оно нужно только для проверки себя, а не для подделки себя. Не умею ясно сказать, а знаю.

Думал нынче 1) то, что моя жизнь хороша тем, что я несу всю тяжесть богатой ненавидимой мной жизни: вид трудящихся для меня, просьбы помощи, осуждение, зависть, ненависть, – и не пользуюсь ее выгодами, хоть том, чтобы любить то, что для меня делается, чтоб помочь просящим, и др.

2) Забыл.

21 мая 1908. Ясная Поляна. Давно не чувствовал себя так нездорово, как вчера. Слабость и мрачность. Но, слава богу, не дурно. Были 120 детей железнодорожного училища. Очень милы. Писал немного "Казни", с отвращением читал Фигнер.

Нынче утром был старик–нищий 82 лет. Зашел после 18 лет, кроткий, спокойный, и потом два студента. Один – литератор, другой – революционер. Революционер прямо поставил вопрос: если бы я мог при повешении двадцати сделаться палачом и, повесив одного, спасти девятнадцать, следовало ли бы повесить этого одного? Очевидно, вопрос этот важен ему, и мое мнение об этом тревожит его. Приводил еще другие, подобные же примеры. Когда я сказал ему, что надо делать свое, не делать дурного, он сказал: а не будет ли того, что этот не делающий дурного будет, несмотря на страдания вокруг него, ходить, высоко подняв голову: "Какой, мол, я хороший!" Я сказал ему, что у нас каждого слишком много грехов всяких, чтобы, не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

делая греха компромисса, чувствовать себя безгрешным. Да, это служение народу, делание добра другим есть страшное зло; надо написать об этом особенно. И все зло правительства, и все зло революционеров, и все зло воспитания, экономическое – все на этом.

29 мая 1908. Ясная Поляна. То, что записано о нездоровье, с 21 мая продолжается до сих пор. Никогда не чувствовал себя до такой степени слабым. И нет худа без добра: в такие времена, чувствуя свою близость к смерти, только радуюсь этой близости. Посетителей и писем так много, что нельзя успеть всего записать. Начинаю чувствовать распространение своей известности, которое, как всегда, возбуждает и добрые, и соответственно добрым – злые чувства.

Вчера был очень тяжелый К.. Зато дня три, как приехали очень приятные Стамо с сыном. Радуюсь очень приезду Черткова, он в Петербурге. Саша была у Тани, нынче приехала. Боюсь за нее. Были еще Стаховичи. Соня была в Петербурге, приехала. За это время кончил "О смертных казнях" и писал письмо крестьянину о земле, и во время писания убедился, что при существовании государственного насилия нет средств, которые могли бы улучшить чье-либо положение. Об этом вчера был хороший разговор с Николаевым и Стамо.. Забыл записать о приезде за это время милых Николаевых и посещения Сони-невестки с Унковской. Были еще фотогафы: Прокудин-Горский и Кулаков, и американец с женой, и еще чета милых... Записать надо многое. Прежде, чем записывать из книжечки, запишу то, что сейчас думал:

1) Мы хотим устроить счастливую, справедливую жизнь людей, но с тех пор как мы знаем жизнь людей и знаем, что они всегда стремились к этому, мы знаем, что они никогда не достигали этого. Всегда за достигнутой ступенью блага тотчас же открывалась другая, следующая, столь же настоятельно необходимая, какую казалась и та, которая только что достигнута; и так продолжалось до теперешнего времени, начиная с людоедства и до национализации земли. И потому естественно не только предположить, но быть уверенным, что так и будет всегда.

Так и будет, так и должно быть. Положение человека, идущего вперед к благу, которое все отодвигается от него, подобно тому, что, как говорили мне, делают с упрямыми лошадьми. К оглоблям впереди их утверждают кусок хлеба с солью так, что лошадь чует его, но не может достать. И она тянется и движется, желая достать хлеб, но это самое движение отодвигает хлеб, и так до бесконечности. То же и с людьми: благо никогда не достигается, потому что при достижении одного блага сейчас же представляется новое. А благо – совершенство бесконечное, как бог.

Какой же из этого вывод?

А только тот, что человек может и должен знать, что благо его жизни не в достижении стоящей перед ним цели, а в движении для цели высшей, недоступной ему.

[...] 6) Нужно не переставая помнить три требования добра: воздержание, правду и любовь.

3 июня. Ясная Поляна. 1908. Третьего дня получил письмо с упреками за мое богатство и лицемерие и угнетение крестьян, и, к стыду моему, мне больно. Нынче целый день грустно и стыдно. Сейчас ездил верхом, и так желательно, радостно показалось уйти нищим, благодаря и любя всех. Да, слаб я. Не могу постоянно жить духовным "я". А как не живешь им, то все задевает. Одно хорошо, что недоволен собой и стыдно, только бы этим не гордиться.

Кончил "Не могу молчать" и отослал Черткову. Кончил почти и ту, большую. Был припадок. Хорошо, что приближение к смерти не печалит, скорее не то что радует, а желательно. Думается хорошо, сильно. Хочется и новый "Круг чтения", и художественное – революцию.

10 июня. Несколько дней был слаб, а нынче хорошо выспался и писал о Молочникове и приговоре. Кажется, недурно. Начал письмо к индусу, да запнулся. Чертков прекрасно поправил. Кажется, кончено. Отдал переписывать большую статью. Здесь два Сережи, графиня Зубова. Есть хорошие письма и люди хорошие: Картушин. Записать:

1) Нынче утром обхожу сад и, как всегда, вспоминаю о матери, о "маменьке", которую я совсем не помню, но которая осталась для меня святым идеалом. Никогда

дурного о ней не слышал. И, идя по березовой аллее, подходя к ореховой, увидел следок по грязи женской ноги, подумал о ней, об ее теле. И представление об ее теле не входило в меня. Телесное все оскверняло бы ее. Какое хорошее к ней чувство! Как бы я хотел такое же чувство иметь ко всем: и к женщинам и к мужчинам. И можно. Хорошо бы, имея дело с людьми, думать так о них, чувствовать так к ним. Можно. Попытаюсь.

13 июня. Два дня почти ничего не писал. Пропать народа у нас. Не могу без слез говорить о моей матери. Молостков выписывал из ее дневников. Вчера страшный ливень. Думал кое-что, записал в книжечках. [...]

Говорят: есть три времени: прошедшее, настоящее, будущее. Какая грубая и вредная ошибка. Есть два вида времени: прошедшее и будущее; настоящее же вне времени. И жизнь истинная, свободная вне времени, т. е. в настоящем. Как это важно знать. Можно жить только настоящим, т. е. свободно. Сейчас не могу так записать, как думалось. Знаю только, что это очень, очень важно. Вел и воду себя в смысле истинной жизни, т. е. любви в настоящем, довольно хорошо.

17 июня 1908. Ясная Поляна. Написал за это время статейку о приговоре Молочникова и занялся опять большой статьей. Вчера писал, и нынче очень хорошо - так кажется - написал о непротивлении и вообще исправил.

Читаю о Герцене. Автор - узкий социалист.

Было столкновение за столом. Очень жаль. Не могу вызвать доброго чувства, и тяжело это. Вчера был у Марьи Александровны и с милым Николаевым исправлял корректуры. Сейчас застал Сою в гневе за порубленный лес. И зачем, зачем она мучает себя? Так жалко ее, а помочь нельзя.

Все сильнее и сильнее стыжусь своего положения и всего безумия мира. Неужели это мой обман чувства и мысли, что продолжаться это не может? Нет, не может.

19 июня 1908. Половину ночи не мог спать - от головной боли. Боль эта быстро усиливается. Не она ли приведет к концу. Что же, это хорошо. Стараюсь, когда слаб, как нынче, так же хорошо, спокойно, даже радостно думать о смерти, как думаю, когда силен и бодр. Вчера Булыгин рассказывал странную и трогательную историю с сыном. Кончил Герцена. Сейчас вдруг кольнуло голову так, что сморщился. О насилии написанное плохо.

21, 22 июня 1908. Ясная Поляна. Чертков тут. Очень радостно. Здоровье уходит. Слава богу, нет ни малейшего противления. Только, грешен, хочется кончить задуманное. А потом вспомнишь, как это все ничтожно, игрушечно в сравнении с готовящейся переменой. Сейчас застал себя не на мысли, а на сознании о том, что дневник этот читают, и, пиша, имею в виду читающих. Забуду, освобожусь. [...]

23 июня 1908. Ясная Поляна. Немного лучше, даже много, кажется. Мало спал, но на душе особенно любовно радостно. Если бы так всегда до смерти было! Сейчас просители, Илья Васильевич, Ваня, старуха демонская - все, что раздражало иногда, только умиляет. А слепой с девочкой? - захотелось сойтись, обласкать.

Записал: себялюбие, т. е. любить себя больше всего, - и величайшее заблуждение и высшее совершенство. Заблуждение, когда любишь больше всего свою личность, и высшее совершенство, когда любишь больше всего то духовное начало, которое живет и проявляется во мне.

24 июня 1908. Ясная Поляна. Очень сильная боль головы мучала ночью, и я дурно, очень дурно перенес, - стонал, разбудил Юлию Ивановну и Душана. Главное, не мог найти блага в жизни с страданием. Говорил себе: это случай учиться терпеть, и то, что это приближает к освобождению, и то, что есть благо во всем. И не мог преодолеть тяжесть страдания.

Не думал о том, что это - то трение, которое движет к благой цели освобождения. А это главное. Сейчас болит, хотя не так, как ночью. Постараюсь не ослабеть. Можно. Начал писать к альбому Орлова, может быть, будет хорошо.

26 июня. 1908. Вчера не писал. Провел ночь очень хорошо и пожалел, что не болею, не было случая поправить вчерашнюю слабость. Ничего не писал. Попытался Орлова, и не пошло. Был американец, корреспондент. Хорошо поговорил с ним. Разговор с

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Кузминским – непроницаемый мрак. Я все-таки сказал.

Ночь провел дурно. Была боль. Я держался хорошо, без ропота. Но и боль была слабая. Последнее время испытываю очень радостное сознание: как только в чем-либо сомнение: сказать – не сказать, пойти – не пойти, большей частью для похоти или славы людской, или пожалеешь о чем, – скажешь себе: а тебе что за дело? Жизнь только для бога в себе и вне себя, и сейчас уничтожается сомнение, и спокойно, хорошо, радостно. Записываю утром, только что встал.

Сейчас думал:

Плохо, что камень крепок, когда хочешь рубить его, а если нужен камень, чтоб точить на нем, – тогда чем он жестче и крепче, тем лучше. Так и с тем, что мы называем горестями.

Очень хорошо было на душе, и теперь хорошо, а только болит очень голова. "А тебе что за дело?" Писал порядочно об Орлове. Почувствовал нынче в первый раз возможность, как говорит Вивекананда, чтобы все вместо "я" сделалось "ты", – почувствовал возможность самоотречения не во имя чего-нибудь, а во имя здравого смысла. Трудно отвыкнуть от табаку, пьянице от вина, а труднее и вместе с тем нужнее всего отучиться от этого ужасного пьянства собою, своим "я". А я начинаю – теперь, перед смертью – чувствовать возможность такого отречения. Не велика заслуга.

30 июня 1908. Ясная Поляна. Третьего дня был слепой, бранивший меня. Вчера я ходил к нему к Николаеву и сказал, что я люблю его 1) за то, что он ищет божьей истины, 2) за то, что он – тот ненавидящий, обижающий, которого должно любить, и 3) за то, что я, может, могу быть нужен ему, и простился с ним, пожав его руку. Он перед отъездом хотел видеть меня. Я обрадовался. Он сказал: я нечаянно пожал руку, я не могу жать руку подлецу, мерзавцу, фарисею, лицемеру... Софья Андреевна велела ехать, но я успел сказать, и искренно, что я люблю его. О, если бы так со всеми! [...]

2 июля 1908. Ясная Поляна. Вчера тяжелый разговор. Все я плох. Одно хорошо, что знаю и чувствую это. Благодетельность телесных страданий еще не умею понимать и чувствовать, а знаю, что она есть. Зато благодетельность оскорблений, укоров, клевет, даже злобы и знаю и даже чувствую. Нынче поправил Морозова и немножко статью. Передаю ее вполне Черткову. Как я рад, что ни малейшего желания успеха и похвалы. Здоровье хорошо. Но мрачность. Надо держать себя в руках.

4 июля 1908. Ясная Поляна. Вчера как будто кончил статью. Пора. Душевное состояние лучше, хотя телесное хуже. Читал статью Вивекананда о божественной статье. Надо перевести. Сам думал об этом же. [...]

9 июля 1908. Ясная Поляна. Пережил очень тяжелые чувства. Слава богу, что пережил. Бесчисленное количество народа, и все это было бы радостно, если бы все не отравлялось сознанием безумия, греха, гадости роскоши, прислуги и бедности и сверхсильного напряжения труда кругом. Не переставая, мучительно страдаю от этого, и один. Не могу не желать смерти. Хотя хочу, как могу, использовать то, что осталось. Пока довольно.

Кажется, 11 июля 1908. Ясная Поляна. Все письма сочувствия о статье "Не могу молчать". Очень приятно. Нынче чувствую себя очень хорошо. Приезжала Таня. Менее близка, чем думал. Все пропасть народа. Нынче Бутурлин, Беркенгейм, Михаил Сергеевич. [...]

20 июля 1908. Записано 11 июля: "письма сочувствия о статье". Теперь письма ругательные, и довольно много. И грустно. Здесь Верочка и Мария Александровна. Очень хорошо с обеими С. (читающий да понимает). Нога болит все хуже и хуже. Все чувствую близость смерти. [...]

Нынче 5 августа 1908. Ясная Поляна. Все лежу. Ноге лучше. На душе хорошо, даже очень хорошо. Работаю "Круг чтения" новый, дошел до 26-го. Еще много работы. Умилялся на Черткова и других друзей работу над сводом. И думаю, и сомневаюсь, что это стоит того. Но мне приятно – приятно это сплочение моего духовного я. Ругательные письма за "Не могу молчать" усиливаются. Читаю Диккенса "Our Mutual Friend" ["Наш общий друг" (англ.)], очень плохо. Вивекананда тоже мало удовлетворяет. "Дюже умен". Была два раза музыка Сибора и Гольденвейзера.

В последний раз много думал во время игры, а именно: определял всякую вещь известным чувством, настроением, перенося ее в область словесного искусства, и оказалось, что было: то умиление, то веселость, то страсть, то тревога, то любовь-нежность, то любовь духовная, то торжественность, то грусть и многое другое, но одного не было – не было ничего недоброго: злобы, осуждения, насмешки и т. п. Как бы так художественно писать? [...]

11 августа 1908. Ясная Поляна. Тяжело, больно. Последние дни непрерывающийся жар, и плохо, с трудом переношу. Должно быть, умираю. Да, тяжело жить в тех нелепых, роскошных условиях, в которых мне привелось прожить жизнь, и еще тяжелее умирать в этих условиях: суеты, медицины, мнимого облегчения, исцеления, тогда как ни того, ни другого не может быть, да и не нужно, а может быть только ухудшение душевного состояния. Отношение к смерти никак не страх, но напряженное любопытство. Об этом, впрочем, после, если успею.

Хотя и пустяшное, но хочется сказать кое-что, что бы мне хотелось, чтобы было сделано после моей смерти. Во-первых, хорошо бы, если бы наследники отдали все мои писания в общее пользование; если уже не это, то непременно все народное, как-то: "Азбуки", "Книги для чтения". Второе, хотя это и из пустяков пустяки, то, чтобы никаких не совершали обрядов при захоронении в землю моего тела. Деревянный гроб, и кто хочет, снесет или свезет в Заказ против оврага, на место зеленой палочки. По крайней мере, есть повод выбрать то или другое место.

Вот и все. По старой привычке, от которой все-таки не освободился, думается, что еще сделал бы то бы да это, странно – преимущественно один художественный замысел. Разумеется, это пустяки, я бы и не в силах был его исполнить хорошо.

Да, "все в тебе и все сейчас", как говорил Сютяев, и все вне времени. Так что же может случиться с тем, что во мне и что вне времени, кроме блага.

17 августа 1908. Ясная Поляна. (Художественное.)

- 1) Ребенок в богатой буржуазной семье атеистической, научно-либеральной передается церковности. Он через пятнадцать лет революционер-анархист.
- 2) Кроткий, искренний сын священника, хорошо учится и в школе и в семинарии, его женят и посвящают. Дочь его соседа-прихожанина дает матушке, тщеславной интеллигентке, книгу. Он читает Толстого, и пробуждаются вопросы.
- 3) Мальчик, шестой сын слепого нищего, вызывает сочувствие жены первого либерала атеиста. Его берут, отдают в школу, блестящие способности, выводят его в магистры науки. Он едет на родину, встречается с товарищами, ужасается, передумывает все и отрицает науку и истину одну и спасение видит в вере в бога.
- 4) Один из товарищей начал торговать, нажил миллион и, либеральничая, живет трудами рабочих.
- 5) Сын аристократической семьи ведет к сводне, потом филантропия, потом отречение от всего.
- 6) Сын разорившегося полуаристократа, тщеславный, делает карьеру женитьбой, сын сдержанный делает карьеру – вешает. Он льстил первому, теперь важничает.
- 7) Такой же, сын буржуа, аристократический писатель живет журналистикой, чувствует гадость и не может.

21 августа. Не писал с 12 числа. Здоровье все так же, ноге лучше, общее состояние хуже, то есть ближе к смерти. Нынче ночью испытал без всякой внешней причины особенно сильное и мало сказать: приятное, а серьезное, радостное чувство совершенного отпадения не страха даже, а несогласия со смертью. Очень радуюсь этому, потому что это чувство, я знаю, не случайное, проходящее, а оно может, не будучи испытываемо беспрестанно, оставаться в глубине души, и это очень хорошо. Чувство это подобно тому, что бы испытал человек, узнав неожиданно для себя, что там, где он считал себя вдали от дома, он подле него, и что то, что он считал чем-то странным и чуждым, есть самый дом его.

Все занимаюсь с Николаем Николаевичем "Кругом чтения". Не скажу, чтобы очень

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

доволен, но и не доволен. Чувствую приближение 28-го по увеличению писем. Буду рад, когда это кончится, хотя рад тоже тому, что совершенно равнодушен к тому или к другому отношению людей ко мне, хотя и все более и более неравнодушен к моему отношению к ним.

Написал письмо М. и не раскаиваюсь.

24 августа. 1) Все живое имеет сознание. В сознании себя отдельным существом и жизнь, и всякое живое существо сознает себя подчиненным общим и своим законам: камень – и тяготения, и непроницаемости; растение – и тяготения, и роста, и воспроизведения; животное – и тяготения, и роста, и воспроизведения, и общения с себе подобными; человек – и тяготения, и роста, и воспроизведения, и разумного нравственного поведения.

26 августа 1908. Ясная Поляна. Мне лучше, но все еще ложу. Работал над "Кругом", и что дальше, то больше и больше вижу недостатков и исправляю. Дошел до 8 числа. Шумят по случаю юбилея, и я рад, что чувствую себя спокойным совсем. Недоброе письмо и незаслуженно недоброе письмо гораздо больше тревожит меня, чем все, что делается ради юбилея. На душе хорошо, думаю, что подвигаюсь. Гад работе над "Кругом". Помогает уяснению многого. А какая радость – друзья, и какие! Устал, ничего больше писать не хочется.

3 сентября 1908. Ясная Поляна. Поправляюсь. На душе, скучно повторять, все лучше и лучше.

Хочется писать художественное, и намечается, но боюсь, буду не в силах.

1) Я все забыл и забываю, так что прошедшее исчезает для меня. Так же, еще больше, исчезает будущее. Как это хорошо! Вся сила жизни – а сила эта страшно умножилась – переносится в настоящее. Я сознаю это. Как это радостно!

14 сентября. Понемногу выздоравливаю. Юбилей – много приятного для низшей души, но трудное сделал для высшей души. Но жаловаться на себя не очень могу. Все понемногу выкарабкиваюсь. Нынче взял тетрадь именно для того, чтобы записать то, что утром и ночью а первый раз почувствовал, именно почувствовал, что центр тяжести моей жизни перенесся уже из плотской в духовную жизнь: почувствовал свое равнодушие полное ко всему телесному и неперестающий интерес к своему духовному росту, то есть своей духовной жизни.

[...] Нынче был приезжий тяжелый юноша. Оставил тяжелое впечатление. Сейчас придут тульские революционеры.

28 сентября 1908. Ясная Поляна. Нога лучше, но общее состояние тела желудка – дурно. В душе хорошо. Идет работа. Только теперь настоящая работа, только теперь, в 80 лет, начинается жизнь. И это не шутка, если понимать, что жизнь меряется не временем. Все "Круг" работаю. Не совсем хорошо. Но, может быть, на пользу. Кое-что художественное и важное напрашивается. Много писем, и хороших. Как хорошо, что не увидишь последствий! Тут-то и жизнь: приготавливать последствия добрые – по крайней мере, с желанием доброго, которых не увидишь. [...]

26 октября 1908. Ясная Поляна. Почти месяц не писал Все занят "Кругом чтения". Хочу назвать: "Учение жизни". И на душе очень хорошо, все ближе к смерти, встречаемой, как все представляющееся в будущем, как благо. Начал художественное. Но едва ли не только напишу, но едва ли буду продолжать. Начал тоже письмо сербке. Все хочется короче и яснее выразить ошибку жизни христианских народов. Получил вчера книгу от китайца. Заставляет думать. Много думается. Записать хочу пустяки.

1) Получаю письма от юношей, вдребезги разбивающие все мое мирозерцание. Прежде я досадовал на легкомысленную самоуверенность и ограниченность, потом хотелось показать ему всю его глупость, теперь же почти не интересуется. То есть интересуется, пока я ищущий, нет ли справедливого упрека, но потом оставляю. Ведь только подумать о том, как в моей семье никакие доводы, никакая близость, даже любовь не могут заставить людей перестать утверждать, что $2 \times 2 = 5$; как же хотеть переубедить чужих, далеких людей? Как вчерашнего социалиста или озлобленного христианина-крестьянина. Да, великое слово Франциска Ассизского: когда будет радость совершенная. Да, много из моих последователей берут из христианства

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
только его отрицающую зло сторону. Истинное христианство не сердится на нехристианские поступки людей, а старается только самому не поступать не христиански – сердиться.

2) какое удивительное сумасшествие: убивать людей для их блага!

3) как я прекрасно забыл все прошедшее и освободился от мысли о будущем. Да, начинаю в этой жизни выходить из нее, из главного условия ее: времени.

Буду почаще писать, если буду жив. Несколько дней очень нездоровится. Изжога и слабость и зябкость. Слава богу, не мешает жить.

28 октября 1908. Ясная Поляна. Вчера очень тяжело болел. Слабость и сон. Так ясно было, что такова смерть: уничтожение сознания этой жизни, то есть этого проявления жизни. И так хорошо!

[...] Да, вчера было очень хорошо. Также и нынче. Нынче с особенной ясностью и силой чувствую истинную, вневременную жизнь.

2) Какая ни с чем не сравнимая, удивительная радость – и я испытываю ее любить всех, все, чувствовать в себе эту любовь или, вернее, чувствовать себя этой любовью. Как уничтожается все, что мы по извращенности своей считаем злом, как все, все – становятся близки, свои... Да не надо писать, только испортишь чувство.

Да, великая радость. И тот, кто испытал ее, не сравнит ее ни с какой другой, не захочет никакой другой и не пожалеет ничего, сделает все, что может, чтобы получить ее. А для того, чтобы получить ее, нужно одно небольшое, но трудное в нашем извращенном мире, – одно: отучить себя от ненависти, презрения, неуважения, равнодушия ко всякому человеку. А это можно. Я сделал в этом отношении так мало, а уже как будто вперед получил незаслуженную награду.

С особенной силой чувствую сейчас – или, скорее, чувствовал сейчас на гулянье эту великую радость – любви ко всем.

Ах, как бы удержать ее или хоть изредка испытывать ее. И довольно.

30 октября 1908. Ясная Поляна. Вчера мало спал и с утра усердно писал о сербах. Кажется, плохо. Потом слабо очень себя чувствовал. Записать:

1) "жажда знания", "помогите" – в письмах. И это больше ничего, как самая грубая корысть и тщеславие – залезть повыше на шею своего же брата. [...]

31 октября. Ясная Поляна. 1908. Вчера просмотрел, поправил сербское. Кажется, выйдет сносно. Нынче еще поправлял. Письмо от индуса. Надо отвечать почти то же. "Кругом чтения" чуть-чуть занялся. [...]

Пропустил день. Нынче 2 ноября 1908. Ясная Поляна. Вчера занимался статьей сербской. Кончаю. Не плохо и не хорошо, средне. Вчера было на душе или, скорее, на теле тоскливо, потому что не поддавался. Нынче утро, и хочется записать вот что:

1) Гуляю, сижу на лавочке и смотрю на кусты и деревья, и мне кажется, что на дереве большие два как бы ярко-оранжевые платка; а это на вблизи стоящем кусте два листка. Я отношу их к отдаленным деревьям, и это два большие платка, и ярко-оранжевые они оттого, что я отношу цвет этот к удаленному предмету. И подумал: весь мир, какой мы знаем, ведь только произведение наших внешних чувств: зрения и осязания... и наших соображений. Как же верить в реальность, единую реальность мира, каким мы его представляем себе? Какой он для блох? Какой для Сириуса, для неизвестного мне существа, одаренного неизвестными мне чувствами? И пространство и время – это все мною построено. То, что я называю бесконечно малыми существами, нисколько не меньше меня. И то, что я называю моментом, нисколько не меньше того, что я называю вечностью. Одно, одно есть, то, что сознает, а никак не то, что оно познает и как.

2) О чувстве меры в искусстве: то, что отсутствие меры выставляет на вид производителя искусства, и оттого уничтожается иллюзия того, что я не воспринимаю, а творю.

15 ноября 1908. Ясная Поляна. Вчера до 12 часов играл в карты. Совестно, гадко. Но подумал: люди скажут: "Хорош учитель, играет в винт три часа сряду". И по-настоящему подумал: это-то и нужно. В этом-то настоящее, нужное для доброй жизни смирение. А то генерал должен держаться, как генерал, посланник как посланник, а учитель – как учитель. Неправда. Человек должен держаться как человек. А человеку свойственно прежде всего смирение, желать быть униженным. Это не значит, что надо играть в карты, если можешь делать другое, нужное людям, но значит, что не надо бояться суждений людей, а, напротив, хорошо уметь переносить их sans sourcilier [не поведя бровью (фр.)]. [...]

28 ноября. Ясная Поляна. Никак не думал, что так давно не писал. Дня три только, как немного проснулся, а то спал, и не было хорошей душевной жизни. Все пишу письмо индусу. Все повторения. Здоровье тела плохо, на душе и в сонном состоянии хорошо, а в бдѣщем всегда умиление и радость.

Вчера приехал Миша с женой и юношей Вяземским. Я позвал их и читал им "Круг чтения" и говорил. И рад этому. Эта чета Миши с женой мила мне становится все больше и больше. Сейчас записал в индусское письмо. Не знаю, что буду писать, окончив. Едва ли художественное. Было поползновение и прошло.

29 ноября. Ясная Поляна. Телесно – хотел сказать: нехорошо, но это неправда – слабость, но это хорошо. Вчера подвинулся в "Письме индусу" и целый вечер читал Сандерленда, чтобы ответить на письмо. Ночью видел во сне, что я отчасти пишу, сочиняю, отчасти переживаю драму Христа. Я – и Христос и воин. Помню, как надевал меч. Очень ярко. Соня уехала в Москву. Одну художественную мысль, очень мне понравившуюся, забыл и не мог вспомнить. Надо записывать. Затем надо, что хочу попробовать, могу ли художественное писать. Если не могу, то не огорчусь. Попробовать надо на небольшом. [...]

3 декабря 1908. Ясная Поляна. Очень хорошее душевное состояние. Много спал. Начал с того, что увидел в себе всю свою мерзость, преобладание славы людской над настоящими требованиями жизни. Увидел это (что и давно чуял) и при тяжелом чувстве от письма какой-то женщины, упрекающей меня за письмо, и по тому, с каким интересом, читая газеты, искал глазами слово "Толстой". Как еще я далек от чуть-чуть порядочного, как плох. Сейчас пишу это и спрашиваю себя: и это пишу я не для тех, кто будет читать этот дневник? Пожалуй, отчасти. Да, работать надо над собой – теперь, в 80 лет, делать то самое, что я делал с особенной энергией, когда мне было 14, 15 лет: совершенствоваться; только с той разницей, что тогда идеалы совершенства были другие: и мускулы, и вообще то, что нужно для успеха среди людей. Ах, если бы приучиться всю, всю энергию класть на служение богу, на приближение к нему. А приближение к нему невозможно без служения людям. [...]

4 декабря 1908. Ясная Поляна. Вчера был деятелен: писал дневник, написал об Эртеле и поправил предисловие к новому "Кругу чтения". Тяжелый разговор с Соней. Мне и во время разговора было жалко ее, а после умирительно. Записал очень важное:

1) При мысли о предстоящих поступках и, если можешь, при совершении самых поступков, спрашивай себя: для чего ты делаешь то, что делаешь: для себя ли, для бога, для своей совести, или для людей, для их одобрения. Спрашивай себя: будешь ли делать то же, что делаешь, если бы ты не только знал, что никто никогда не узнает про это, но что это доброе для оценки твоей совести дело останется для людей поводом осуждения тебя.

Надо приучать себя к этому. Это – единственно важное дело в жизни и для 14-летнего мальчика, и для меня, 80-летнего старика.

Не могу иногда не видеть благотворность моих добрых поступков и не могу не умиляться, не радоваться. Но помни, что главные последствия не видны тебе, а есть.

2) На свете нет ничего великого, есть правильное и неправильное только. А все одинаково бесконечно велико или бесконечно мало.

Нынче 6 декабря 1908. Ясная Поляна. [...] Все копаюсь над "Письмом к индусу". Кажется, дребедень и повторение. Надо кончить и оторваться. Художественное хочется, но не начинаю, потому что нет такого, что бы приспичило, такого, что не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
могу не писать, так же как жениться только тогда, когда не могу не жениться.

Хочу для фонографа приготовить настоящее, близкое сердцу.

[...] 2) как я особенно счастлив. Если меня и ненавидят, не зная меня, многие, как много людей не по заслугам любят меня. Люди, которые по своим quasi-религиозным взглядам, которые я разрушаю, должны бы были ненавидеть, любят меня за те пустяки – "Война и мир" и т. п., которые им кажутся очень важными.

Вышло сербское письмо в "Голосе Москвы", и очень мне приятно.

Нынче вечер 14 декабря 1908. Ясная Поляна. Целые шесть дней не писал. Кончил "Письмо индусу", слабо, повторения. Написал кое-какие письма. Соня в Москве. Последние дней четыре или пять слаб телом. Душевно был не очень дурен, но нынче вешанье, мученье людей вызвало негодование, недоброе, злое чувство к вешателям. Думаю о художественном, и как будто нарождается. [...]

18 декабря 1908. Ясная Поляна. Не писал три дня. Соня вернулась. Приехали Репин с Нордман. Все так же слабо себя чувствую. Перебираю художественное. Казалось бы, могу. Написал очень озлобленное предисловие и не годящееся начало. Духовно слаб. Вчера вечером получил письмо недоброе о том, что наживаюсь сочинениями, и был так слаб, что огорчился и отвечал (бросил письмо).

Нынче перебирал переписанное в дневнике, но писать ничего не могу. Сейчас проводил Репина. Соня нездорова. Выпишу, что есть, из записной книжки.

[...] 3) Большая ошибка думать, что все изобретения, увеличивающие власть людей над природой в земледелии, в добывании и химическом соединении веществ, и возможность большого воздействия людей друг на друга, как пути и средства сообщения, печать, телеграф, телефон, фонограф, есть благо. И власть над природой, и увеличение возможности воздействия людей друг на друга будут благом только тогда, когда деятельность людей будет руководима любовью, желанием блага другим, и будут злом, когда она будет руководима эгоизмом, желанием блага только себе. Выкопанные металлы могут пойти на удобства жизни людей или на пушки, последствие увеличения плодородности земли может дать обеспеченное питание людям и может быть причиной усиленного распространения и потребления опиума, водки, пути сообщения и средства сообщения мыслей могут разносить хорошие и злые влияния. И потому в безнравственном обществе, каково наше мнимое христианское, все изобретения, увеличивающие власть человека над природой, и средства общения – не только не благо, но несомненное и очевидное зло. [...]

27 декабря 1908. Ясная Поляна. Много дней пропустил. Было много посетителей и хороших писем. Занимался все время статьей о статье Столыпина, и, кажется, напрасно. Художественная работа в голове ясна, но нет охоты писать.

[...] Вчера на прогулке встретил меня юноша со слезами, но говорил так несвязно, непонятно о том, что ему нужно, что с недобрим чувством и даже словами ушел от него. И слава богу, тотчас же стал мучаться, искал его. На счастье, он не уходил, и я прекрасно поговорил с ним.

Приехали петербургские студенты с адресом. Трудно. А надо помнить вечное, одно дело: сейчасной любви.

28 декабря 1908. Ясная Поляна. Отдал Черткову статью, хотел писать "Погибшие", но не пошло. А есть, есть что сказать. На душе хорошо. Все учусь понемногу не мыслить нелюбовного. В этом все дело. Можно привыкнуть. Помоги бог, который в "табе". Были студенты. Тяжело было. Забывал, что надо с богобоязненностью обращаться. А все-таки подвигаюсь. Да беда, что l'esprit de l'escalier [задним умом (фр.)]. Но подвигаюсь, подвигаюсь.

Сегодня 29 декабря 1908. Ясная Поляна. Очень хорошо себя чувствую. В первый раз хотя и плохо, но охотно писал – не знаю, как назвать? Может быть: "Нет виноватых". Могу себе представить, вижу возможность и с удовольствием. [...]

30 декабря. Ясная Поляна. 1908. Приехал Николай Николаевич. Получил трогательное 53d письмо от Петровой, сидящей в тюрьме. Отвечал ей. Нынче проситель-крестьянин о разделе, потом студент с удивительным вопросом о требовании курсистки, чтобы он взял ее в жены. Потом Андрей с денежными делами, потом сумасшедший, потом

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

письмо от студента с требованием того, чтобы жизнь была злом. Вчера было очень хорошо на душе, радостно, любовно, нынче хуже, но, слава богу, все же радостно и благодарно. Начал было писать "нет виноватых", но не пошло. Готовят маскарад. Мне жалко. [...]

"ТАЙНЫЙ" ДНЕВНИК 1908 ГОДА

2 июля 1908. Ясная Поляна. Начинаю дневник для себя - тайный.

Положение мое было бы мучительно, если бы не сознание того, что все это на пользу душе, если только положить жизнь в душе.

Если бы я слышал про себя со стороны, - про человека, живущего в роскоши, с стражниками, отбивающего все, что может, у крестьян, сажающего их в острог, и исповедующего и проповедывающего христианство, и дающего пяточки, и для всех своих гнусных дел прячущегося за милой женой, - я бы не усомнился назвать его мерзавцем! А это-то самое и нужно мне, чтобы мог освободиться от славы людской и жить для души.

Исправлял Василия Морозова рассказ.

Мучительно тяжело на душе. Знаю, что это к добру душе, но тяжело.

Когда спрошу себя: что же мне нужно - уйти от всех. Куда? К богу, умереть. Преступно желаю смерти.

После того как я написал это - непонятно грубая, жестокая сцена из-за того, что Чертков снимал фотографии. Проходит в голову сомнение, хорошо ли я делаю, что молчу, и даже не лучше ли было бы мне уйти, скрыться, как Буланже. Не делаю этого преимущественно потому, что это для себя, для того, чтобы избавиться от отравленной со всех сторон жизни. А я верю, что это-то перенесение этой жизни и нужно мне.

Помоги, господи, помоги, помоги!!!!

Уйти хорошо можно только в смерть.

3 июля. Все так же мучительно борюсь, но плохо борюсь. Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду - стыд и страдание. То грумондские мужики в остроге, то стражники, то старик В. Суворов, который говорит: "Грешно, граф, ох, грешно, графиня обидела". То эта безумно и гадко корыстная, несправедливая дорога. Трудно, не знаю: оттого ли, что я не в духе, или я не в духе от всех этих ужасов. О, помоги, помоги мне, во мне.

4 июля. Немного лучше, но все еще тяжело. С Сашей говорил хорошо. Как странно передается - мужчинам ум отца, характер матери, и наоборот.

6 июля. Мучительно тяжело испытание или расплата за любоэстрастно. Ужасно тяжелая расплата. Сейчас Чертков рассказал бывший с ней разговор: "Он живет, пользуется роскошью и говорит... все фарисейство... и т. д. Я, я жертвую собой"..

Помоги мне, господи. Опять хочется уйти. И не решаюсь. Но и не отказываюсь. Главное: для себя ли я сделаю, если уйду. То, что я не для себя делаю, оставаясь, это я знаю.

Надо думать с богом. Так и буду.

7 июля. Очень было мучительно вчера. Считал деньги и соображал, как уйти. Не могу без недоброго чувства видеть ее. Нынче лучше.

Как на ней видно весь ужас телолюбия, себялюбия, доведенного до потери обязательности духовной. Ужасно и для других, и для нее. Жалеть надо. Попытаюсь получше написать - говорить нельзя.

Это об ней. А о себе забываю. Я плох, очень плох. Не мог вчера не думать о себе, об отвратительном себе.

Да, я - тело - это такой отвратительный нужник - только сними, приоткрой крышку

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
духовности, и смрад и мерзость.

Постараюсь нынче жить для души.

А о спарже она права. Учись жить.

9 июля. Думаю написать ей письмо. Недоброго чувства, слава богу - нет. Одно все мучительнее и мучительнее: неправда безумной роскоши среди недолжной нищеты, нужды, среди которых я живу. Все делается хуже и хуже, тяжелее и тяжелее. Не могу забыть, не видеть.

Все пишут мою биографию - да и все биографии - о моем отношении к седьмой заповеди ничего не будет. Не будет вся ужасная грязь рукоблудия и хуже, с 13, 14 лет и до 15, 16 (не помню, когда начался разврат в распутных домах). И так до связи бс8 с крестьянкой Аксиньей - она жива. Потом женитьба, в которой опять, хотя я и ни разу не изменил жене, похоть по отношению жены скверная, преступная. Этого ничего не будет и не бывает в биографиях. А это очень важно, и очень важно как наиболее сознаваемый мной, по крайней мере, порок, более других заставляющий опомниться.

14 июля. Все очень тяжело несущу, переношу несчастный характер Сони. Эгоизм, исключаящий все, что не я, доходящий до комизма, тщеславие, самодовольство, всезнайство, осуждение всех, раздражение. Надо написать. Жалко ее. Никто ей не говорит, и она думает, что она верх совершенства.

18 июля. Недоброе чувство кончилось. Отвлёкся мыслями. Вчера были беглые два матроса. Дал денег, пожалел. Хорошо думается. Саша вернулась со свадьбы милая, хорошая. Я не хорошо ее - исключительно люблю. Нога болит. И совершенно все равно.

Дневник - 1909

1 января 1909. Ясная Поляна. Очень, очень хорошо. Неперестающая радость сознания все большего и большего соединения со всем - любовью. Вчера еще понял грубую ошибку, начав описывать лицо нелюбимое. Много хотел сказать, но и посетители, и письма растрепали. [...]

3 января 1909. Ясная Поляна. Дня два нездоровится, но душевное состояние спокойно и твердо. Все чаще и чаще думаю о рассказе, но сейчас утро, сижу за столом, примериваюсь и чувствую, что буду выдумывать. А как нужно, нужно написать, и, слава богу, нужно, признаю нужным не для себя. За это время поправлял конец о Столыпине. Кажется, порядочно.

Да, здоровье нехорошо, а душевное состояние как будто определилось с новым годом.

Записать:

1) В старости это уже совсем можно и даже должно, но возможно и в молодости, а именно то, чтобы быть в состоянии не только приговоренного к смертной казни, но в состоянии везомого на место казни. Как хорошо:

"Я семь - смерти нет. Смерть придет - меня не будет". Мало того, чтобы быть готовым не удивляться тому, что есть смерть, ничего не загадывать; хорошо, главное, то, что вся жизнь становится торжественна, серьезна. Да, жизнь - серьезное дело.

[...] (Мне портит мой дневник, мое отношение к нему то, что его читают. Попрошу не читать его.) [...]

Кажется, все записал. Получил письмо от Копыла и не умею, как поступить. Самое трудное общение - это общение с вполне сумасшедшим, менее трудное - с не вполне сумасшедшим. Не надо, нельзя освобождать себя от любовного общения признанием сумасшествия. Напротив. Тут и узнаешь могущественность "меча любви". Не люблю метафор, но эта мне очень нравится. Именно меч, все разрубающий. Нет такого тяжелого, запутанного, затруднительного положения, которое не разрешалось бы проявлением любви без всяких соображений о прошедшем и будущем, а любви сейчас,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
в настоящем. Сейчас испытаю на деле Копыла.

6 января 1909. Ясная Поляна. Вчера показалось, что могу писать художественное. Но не то. Нет охоты. Нынче совсем не могу. Да и не надо.

[...] Третьего дня был настоящий интеллигент, литератор Гершензон, будто бы с вопросами о моих метафизических основах, в сущности же с затаенной (но явной) мыслью показать мне всю бессосновность моей веры в любви.

[...] Вчера читал чертковскую переписку с Эртелем. Опять та же самоуверенная, несерьезная интеллигентная болтовня со стороны Эртеля и ясное, твердое понимание Черткова.

Одно, что вынес из этих двух впечатлений, это – сознание тщеты рассуждений. Ах, если бы только отвечать, когда спрашивают, и молчать, молчать. Если не было противоречием бы написать о необходимости молчания, то написать бы теперь: "Могу молчать". "Не могу не молчать". Только бы жить перед богом, только любовью. А вот сейчас писал о Гершензоне без любви – гадко. Помоги, помоги... не могу назвать.

8 января 1909. Ясная Поляна. Здоровье сносно. Второй день ничего не работаю. Написал вчера несколько писем, пытался продолжать "Павлушу". Не пошло. Нынче – теперь 12 часов – все утро ничего не делал. Чудная погода. Ходил утром и встретил болгара-офицера – нервно возбужденный. Было тяжело. Письмо от Льва Рыжего, написал ответ, но не пошлю. Чертков настаивает на моем особенном значении. Не могу и не могу верить, да и не желаю. [...] Записать два:

[...] 2) Ночью думал о том, как бы хорошо ясно определить те злодейские должности, которые не только христианин, но просто порядочный человек – не злодей, желающий чувствовать себя не злодеем, – исполнять не может. Знаю, что торговец, фабрикант, землевладелец, банкир, капиталист, чиновник безвредный, как учитель, профессор живописи, библиотекарь и т. п., живет воровским, грабленным, но надо делать различие между самим воров и грабителем и тем, кто живет воровским. И вот этих самих воров и грабителей надо бы выделить из остальных, ясно показать греховность, жестокость, постыдность их деятельности.

И таких людей имя – легион. 1) Монархи, министры: а) внутренних дел, с насилием полиции, казнями, усмирениями, б) финансов – подати, в) юстиции суды, д) военные, е) исповеданий (обман народа), и все служащие, все войско, все духовенство. Ведь это миллионы. Только бы уяснить им, – что они делают. [...]

10 января 1909. Ясная Поляна. Вчера писал почти с охотой, но плохо. Не стоит того, чтоб делать усилия. Нынче совсем нет охоты и вчерашнее кажется слабым, просто плохим. Третьего дня разговор с Андреем, очень для меня поучительный. Началось с того, что они, все братья, страдают безденежьем.

Я. Отчего?

Он. Да все дороже стало, а живем в известной среде.

Я. Надо жить лучше, воздержное.

Он. Позволь возразить.

Я. Говори.

Он. Ты говоришь, что надо жить так: не есть мяса, отказываться от военной службы. Но как же думать о тех миллионах, которые живут, как все?

Я. Совсем не думать, думать о себе.

И выяснилось мне, что для пего нет никакого другого руководства в жизни, кроме того, что делают все. Выяснилось, что в этом – всё, что, за крошечными исключениями, все живут так, не могут не жить так, потому что у них нет другого руководства. А потому и упрекать их, и советовать им другое бесполезно и для себя вредно, вызывая недоброе чувство. Человечество движется тысячелетия веками, а ты хочешь годами видеть это движение. Двигается оно тем, что передовые люди понемногу изменяют среду, указывая на вечно далекое совершенство, указывая путь

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
(Христос, Будда, да и Кант, и Эмерсон, и др.), и среда понемногу изменяется. И те опять как все, но иначе.

Интеллигенты – это те, которые так же, "как все", интеллигенты.

Ничего нынче не делал и не хочется. Пишу вечером, 6 часов. Проснулся, и две вещи стали особенно, совершенно ясны мне: 1) то, что я очень дрянной человек. Совершенно искренно говорю это, и 2) что мне хорошо бы умереть, что мне хочется этого.

Очень я зол нынче. Может быть, живу я еще затем, чтобы стать хоть немного менее гадким. Даже наверное за этим. И буду стараться. Помогите, господа.

11 января 1909. Ясная Поляна. [...] Записать нынче имею или слишком много, или ничего. Казненных пропасть, и убийства. Да, это не звери. Назвать зверями – клевета на зверей, а много хуже.

Чувствую потребность что-то сделать. Неудержимое требование, а не знаю еще, что. Вот когда от души говорю: помогите, господа! Хочу, ничего не хочу для себя. Готов на страдания, на унижения, только бы знать сам с собой, что делаю то, что должно. Какое легкое или страшно трудное слово: что должно. Кажется, ничего больше не нужно и не хочется писать.

Нынче в 2 часа обещал быть у Чертковых.

12 января 1909. Ясная Поляна. Сегодня хорошо очень себя чувствую. Но до 12-го часа ничего не делал, кроме пасьянса. Вчерашняя музыка очень взволновала меня. Был у Чертковых. Очень приятно – не приятно, а гораздо больше равенство общения со всеми. Разумеется, и там неполное, но нет мучительного присутствия "прислуги", подающих сладкие кушанья, которых им не коснуться. Все тяжелее и тяжелее жизнь в этих условиях.

[...] Сейчас много думал о работе. И художественная работа: "Был ясный вечер, пахло..." – невозможна для меня. Но работа необходима, потому что обязательна для меня. Мне в руки дан рупор, и я обязан владеть им, пользоваться им. Что-то напрашивается, не знаю, удастся ли. Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь. А я мучительно сильно чувствую ужас, развращаемость нашего положения. Хочу написать то, что я хотел бы сделать, и как я представляю себе, что я бы сделал. Помогите бог. Не могу не молиться. Жалею, что слишком мало молюсь. Вчера с Соней нехорошо, нынче с просителем. Да, помогите, помогите мне.

14 января 1909. Ясная Поляна. Вчера начал писать: не знаю, как озаглавлю. Горячо желаю, но написал слабо. Но возможно. Приезжает Ландовска, сам не знаю, хорошо ли. Хочу Ивану Ивановичу мысли для детей собрать.

15 января 1909. Ясная Поляна. Вчера приехала Ландовска. Впечатление слабое. Устал очень. Хорошо ходил. Ничего не писал. Как-то стыдно, стыдно, все стыдно. Дурно спал. Письмо от Божьего Полка. [...]

16 января 1909. Ясная Поляна. Как-то совестно за отношения с Ландовской, и музыка. Вообще душевное состояние недовольства собой, но не тоскливое, а напротив. *Fais ce que doit...* [Делай, что должно... (фр.)] и хорошо. Важное письмо от Божьего Полка. Нынче посетитель, с которым дурно поступил, но поправился. Не пишется, а хочется и думается. Может быть, и выйдет. Очень, очень хочется сказать, душит потребность. [...]

17 января 1909. Ясная Поляна. Очень дурно спал. Слабость, и все утро ничего не делал. Думал, и, кажется, на пользу. Очень себе гадок. Весь в славе людской. Занят последствиями. Прочел отчет об Альманахе и увидел все свое ничтожество: как меня всего занимает суждение людей. Слава богу, благодарение ему – опомнился. Кстати и "Круг чтения" нынешний как раз об этом.

[...] Затеянная мною вторая вещь может быть страшной силы. Это не значит, что я ожидаю ее действия на людей, видимого действия, а страшной силы обнаружения его закона. Очень хочется писать, но не приступаю нынче, потому что чувствую себя слабым. [...]

18 января 1909. Ясная Поляна. [...] День пропустил. Очень был физически слаб вчера целый день и ни вчера, ни нынче ничего не писал. Нынче написал только маленькую прибавку к статье о Столыпине, прибавку о царе, с тайной целью вызвать против себя гонения. И цель не совсем хороша, а уже совсем нехорошо нелюбовное отношение к нему. Надо будет исправить. А поправил немного статью и улучшил. Слава богу – славу людскую, кажется, победил.

Вчера ночью очень нездоровилось, но испытал очень приятное чувство ожидания смерти без желания ее, но и без малейшего противления, а отношение к ней, как ко всякому естественному и разумному поступку или событию. Кажется мне, что, во всяком случае, она – смерть – скоро – то есть неделями, много месяцами должна наступить. Нынче все утро делал пасьянс, но не принимался за работу, чувствуя свою слабость. А темы очень уж хороши, не хочется их портить. Пришла в голову новая тема. Это – отношение к газете, к тому, что написано в газете, человека свободного, то есть истинно религиозного. Показать всю степень извращения, рабства, слабости людей – отсутствия человеческого достоинства. Очень хорошо думалось. Не знаю, как удастся написать. Может быть, завтра. Теперь вечер. Жду Черткова, ничего не буду затевать.

19 января. Е. б. ж.

Был жив и 19, и нынче, 20 января 1909. Ясная Поляна, но очень слаб. Давно не был так слаб и телесно и умственно. Не скажу, чтобы духовно. Только бы не проявляться.

В этом воздержании главное дело духовной жизни в периоды слабости.

[...] Вчера было много народа и надо было говорить. И разумеется, все не нужно было говорить, что говорил. Постараюсь воздерживаться. Вчера же, вследствие этой слабости, болтовни и невоздержности особенно живо почувствовал недостаточное памятование о том, что жизнь только в настоящем. Загадывания, предположения, желание видеть распространение своих мыслей, увеличение числа единомышленников, желание написать такое, что вызвало бы сочувствие, похвалу все это губит жизнь. [...]

[...] Вчера, читая газету, живо представил себе отношение ко всем этим известиям человека религиозного, свободного, знающего свое назначение, и живо представилась статья об этом. Нынче хотел писать, но не в силах. Так у меня на верстаке три работы. Едва ли сделаю хоть одну. [...]

Вчера узнал, что архиерей хотел заехать ко мне. Утром сходил в школу и сказал учительнице, чтобы она передала ему, что прошу заехать.

Мне всегда жалки эти люди, и я рад этому чувству.

Кончаю тетрадь, думал, что не допишу, а вот прошло 2 1/2 года – и дописал.

Не помню, записал ли то, что было ночью дня три тому назад: почувствовал близость, совсем близость смерти, сейчас, и было спокойно, хорошо, ни радостно, ни грустно, ни страшно.

22 января 1909. Ясная Поляна. Начинаю новый дневник в очень телесно слабом состоянии, но душевно не так дурно – помню себя и свое дело, хоть не всегда, но большей частью.

Вчера был архиерей, я говорил с ним по душе, но слишком осторожно, не высказал всего греха его дела. А надо было. Испортило же мне его рассказ Сони об его разговоре с ней. Он, очевидно, желал бы обратить меня, если не обратить, то уничтожить, уменьшить мое, но их – зловредное влияние на веру в церковь. Особенно неприятно, что он просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я "покаялся" перед смертью. И потому заявляю, кажется, повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью, я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении, ложь. Говорю это потому, что, если есть люди, для которых, по их религиозному пониманию, причащение есть некоторый религиозный акт, то есть проявление стремления к богу, для меня всякое такое

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
внешнее действие, как причастие, было бы отречением от души, от добра, от учения Христа, от бога.

Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы оно не воняло.

[...] Читал Лозинского. Необыкновенно хорошо. Только жалко, что слишком бойко, газетно-журнально. Предмет же настолько важный, что требует самого серьезного, строгого отношения.

24 января 1909. Два дня не писал, нездоровилось, да и теперь не похвалюсь. Соня уехала в Москву. Вчера был в тяжело раздраженном состоянии. Боролся. И то спасибо. Хорошие письма. Сейчас читал "Fellowship". Много хорошего. Бегай очень интересны. Нынче, гуляя, думал о двух: "Детская мудрость" и о воспитании, о том, что как мне в детстве внушено было всю энергию мою направить на молодечество охоты и войны, возможно внушить детям всю энергию направлять на борьбу с собой, на увеличение любви.

[...] Читал два дня Лозинского и очень одобрял. Написал ему письмо.

Сейчас кинул книгу на полку, она соскользнула, упала на пол, я рассердился и выбранил книгу. Так же должна быть ясна и стыдна злоба на человека, не делающего того, чего мне хочется.

2 февраля 1909. Ясная Поляна. Шесть дней не писал. Кое-что работал по двум письмам, которые, кажется, кончил. Нездоровилось. Нынче совсем плох, целый день лежал. Сейчас 11-й час, только встал и пишу, но очень слаб.[...]

4 февраля 1909. Ясная Поляна. Вчера был очень плох физически. Ничего не делал. Боролся с недобрыми чувствами. Читал Арцыбашева. Талантлив, но та же неблаговоспитанная литературная небрежность, в особенностях в описаниях природы. Маленькие и большие таланты, от Пушкина и Гоголя, работают: "Ах, не ладно, как бы лучше". Нонешние: "Э! не стоит, и так сойдет". [...]

Приезжал вчера из "Русского слова" об архиерее, я продиктовал, нынче корректура. Отослал. Подписал письмо старообрядцу. Интересные письма, особенно одно о неверии в народе.

1) По ощущению того, как это неприятно терпеть, понял - смешно сказать: в 80 лет - то, что не надо говорить с другими о том, что тебя занимает, а ловить то, что их занимает, и об этом говорить, если есть что.

[...] 3) Еще хотел записать то, что я волей-неволей принужден верить, что мне сделали какую-то несвойственную мне славу важного, "великого" писателя, человека. И это мое положение обязывает. Чувствую, что мне дан рупор, который мог бы быть в руках других, более достойных пользоваться им, но он *volens potens* [волей-неволей (лат.)] у меня, и я буду виноват, если не буду пользоваться им хорошо. А я последнее время, кажется, больше для пустой болтовни, повторения старого пользуюсь им. Будем стараться.

Еще 4) слышу и получаю письма, вероятно и в печати, упрекающие меня за то, что я не отдал землю крестьянам. Не могу не признать, что было бы лучше, не боясь упреков семьи, отдать землю крестьянам (каким?), но можно было как-нибудь устроить, но дурно ли, хорошо, я не сделал этого, но никак не потому, что дорожил этой собственностью. Я двадцать лет и больше ненавижу ее и не нуждаюсь и не могу нуждаться в ней и благодаря моим писаниям, и если не писаниям, то моим друзьям. Единственная выгода того, что я не отдал землю, та, что меня за это осуждали, ругали, осуждают и ругают.

Теперь же после моей смерти я прошу моих наследников отдать землю крестьянам и отдать мои сочинения, не только те, которые отданы мною, но и все, все в общее пользование. Если они не решатся исполнить обе мои посмертные просьбы, то пускай исполнят хоть одну первую, но лучше будет - и для них если они исполнят обе.

13 февраля. Читал Croft Hiller'a. Неверно, искусственно допущение насилия для восстановления прав бога. Только любовь, а любовь - только без насилия любовь. Главное же, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.

14 февраля 1909. Ясная Поляна. Вчера нездоровилось, но счастлив, не могу не благодарить. Ничего не писал. Был Николаев милый. Письма все хорошие. Не выходил перед обедом, а лежал.

Отрываюсь, после допишу.

И нынче чувствую себя слабым, в особенности для писания: ничего не хочется. А между тем нынче утром думал очень, кажется важное, именно:

[...] 2) Часто отдаешься унынию, негодованию о том, что делается в мире. Какая это непростительная ошибка! Работа, движение вперед, увеличение любви в людях, сознание ее возможности, ее применения, как закона жизни, растет в человечестве и положительным путем – признание ее благодетельности, и отрицательным – признание все ухудшающегося и ухудшающегося положения людей вследствие признания закона насилия. Да, надо видеть этот двоякий рост, а не отчаиваться.

3) Смертные казни в наше время хороши тем, что явно показывают то, что правители – дурные, заблудшие люди, и что поэтому повиноваться им так же вредно и стыдно, как повиноваться атаману разбойничьей шайки.

15 февраля 1909. Ясная Поляна. Вчера нехорошо говорил вечер с Зосей осуждал, зло. Здоровье хорошо, говорил с Ваней. Не могу без слез. Нынче поутру думал как будто новое – думал так радостно, что:

1) Осуждать за глаза людей подло – в глаза неприятно, опасно, вызовешь злобу. И потому одно возможное, разумное, а потому и хорошее отношение к людям, поступающим дурно, – такой для меня был Столыпин с своей речью, сожаление и попытка разъяснить им их ошибки, заблуждения. [...]

18 февраля 09. Ясная Поляна. Вчера не писал. Целый день был вял – хуже, был грустен, почти зол. Как вспомнишь о чем-нибудь, так кажется, что это мне неприятно, и неприятно не то, о чем думал, а то, как думаю, чем окрашена мысль. Поправлял "Слово", и все не хорошо. Вечером был Булыгин, рассказывал поразительное о смерти жены. Нынче с утра не думается, не работается. И хорошо. Чего же еще?

[...] Не знал и не знаю ни одной женщины духовно выше Марьи Александровны. Она так высока, что уже не ценишь ее. Кажется, так и должно быть и не может быть иначе.

19 февраля 1909. Ясная Поляна. Хорошо спал. Поправил "Непонятное", начал "Детскую мудрость". Просмотрел "Дьявола". Тяжело, неприятно. Хорошо думал во время верховой езды. [...]

20 февраля. Ясная Поляна. Все так же, как вчера, тяжелое физическое состояние. Вероятно, печень, и ничего не могу работать. Взял было "Павла", перечитал. Могло бы быть недурно, но нет охоты. Нет охоты и к "Детскому". Письмо от Петрова – не совсем. Надо отвечать. Тут Миша с женой и свояченицей. Очень приятны. Записать нечего. Едва ли буду в состоянии писать художественное.

Поправил "Номер газеты" – нехорошо. Вчера и третьего дня с Чертковым хорошо говорили. Но к вечеру страшно слаб.

21 февраля 1909. Ясная Поляна. Вчера хорошо гулял пешком, и среди недуманья вдруг мысль, и хорошая, и очень хорошая. Запишу. Попробовал "Павла". Вижу возможность. С Чертковым хороший разговор. Нехороший, задорный разговор с Зосей об искусстве. [...]

25 февраля 1909. Ясная Поляна. Третьего дня, то есть 23, совсем не помню. Кажется, ничего не писал, кроме писем о непротивлении и о школе. Очень холодно. 23-го, кажется, ходил пешком. Зося за мной ездила. 24-го хорошо писал "Павла". Может выйти. Очень много хорошего и полезного можно сказать. [...] Читал V. Hugo. Прекрасно – проза, но стихи не могу.

Нынче с утра писал застарелые письма – очень бодро и охотно написал не менее пятнадцати. Ходил до поручика. Слаб, но хорошо. С радостью чувствую освобождение от славы людской. [...]

27 февраля 1909. Ясная Поляна. Вчера чувствовал себя совсем больным, ничего не ел, и слабость телесная, но духовное состояние – напротив. Продиктовал кое-что не дурно. Не выходил. Вечером, как всегда, хорошо с Чертковым, были еще Фельтен и Страховы.

Чувствую близость смерти, и если умирать – это то, что я чувствовал вчера и отчасти нынче, то это одно из лучших состояний, испытанных в этой жизни.

Саши, несмотря на то, что мы мало говорим с ней, мне недостает.

Только бы быть в любви со всеми.

1 марта 1909. Ясная Поляна. Вчера не писал, но был здоров. Утром читал и записал "детскую мудрость". Верно, лишнее ходил, и нога заболела. Вечером картины Индии у Чертковых. Очень хорошо. [...]

Нынче 2 марта 1909. неподвижно сидел вчера от ноги, так же сижу и нынче. Вчера совсем ничего не делал, кроме чтения. Были с индийскими картинами. Поправлял английский перевод "Письма к индусу". Вечером был замечательно религиозно сильный человек из Тулы – как всегда, бывший революционер – Михаил Перепелкин. Читал Грабовского "Geistige Liebe". Много очень глубокого и хорошего. Надо вникнуть. Переписать из записной книжки:

1) Смертная казнь хороша тем, что показывает ясно, что правители злые, недобрые люди, и повиноваться им так же стыдно и вредно, как повиноваться атаману шайки разбойников. [...]

5 марта. Никак не думал, что четыре дня не писал. За эти четыре дня оказалась болезнь ноги, усадившая меня в кресло и поставившая в зависимость от помощи других. Не похваюсь духовным состоянием, особенно по вечерам. Но не слабею, знаю, что плох. Недоволен тем, что нет радостного любовного состояния. Вчера целый день только написал два No "детской мудрости" и все читал Гоголя. О Гоголе записано в книжке. Саша впишет сюда:

1) Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце и слабый, то есть несмелый, робкий ум.

Лучшее произведение его таланта – "Коляска", лучшее произведение его сердца – некоторые из писем.

Главное несчастье его всей деятельности – это его покорность установившемуся жерелигиозному учению и церкви и государства, какое есть. Хорошо бы, если бы он просто признавал все существующее, а то он это оправдывал, и не сам, а с помощью софистов-славянофилов и был софистом, и очень плохим софистом своих детских верований. Ухудшало, запутывало еще больше склад его мыслей его желание придать своей художественной деятельности религиозное значение. Письмо о "Ревизоре", вторая часть "Мертвых душ" и др.

Отдается он своему таланту – и выходят прекрасные, истинно художественные произведения, отдается он нравственно религиозному – и выходит хорошее, полезное, но как только хочет он внести в свои художественные произведения религиозное значение, выходит ужасная, отвратительная чепуха. Так это во второй части "Мертвых душ" и др.

Прибавить к этому надо то, что все оттого, что искусству приписывает несвойственное ему значение. [...]

6 марта 1909. Ясная Поляна. Очень – хотел сказать:

дурно, – не дурно – хорошо, – а слабо себя чувствую: сердце сжимается, и не могу ничего последовательно думать. И нога хуже. Не знал, что делать? И спросил себя: что перед богом, перед хозяином делать? И сейчас ясно стало, по крайней мере, то, чего не надо, не стоит делать.

1) Читал газету и о казнях, и о злодействах, за которые казни, и так ясно стало разращение, совершаемое церковью, – скрыванием христианства, извращением совести, и государством – узаконением, не только оправданием, но и возвеличением

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

гордости, честолюбия, корыстолюбия, унижения людей и, в особенности, всякого насилия, убийства на войне и казни. Казалось бы, так несомненно ясно это, но никто не видит, не хочет видеть этого. И они – и церковь, и государство, хотя и видят все увеличивающееся зло, продолжают производить его. Происходит нечто подобное тому, что бы делали люди, умеющие только пахать и имеющие только орудия пахоты и только своей работой, пахотой могущие существовать, если бы эти люди пахали бы поля, на которых уже взошли всходы.

Если могли быть нужны в свое время дела церкви и государства, они явно губительны в наше время и продолжают совершаться.

7 марта 1909. Грустное известие вчера. Черткова высылают. Он приехал больной, слабый, взволнованный. Как мне ни больно лишиться его, мне было жалко только его – разрушения всех его не личных планов. Но это ему испытание и наверно на благо, на истинное благо. Вчера чувствовал себя очень, очень слабо. Ничего не писал, что редко со мной бывает. Соня написала письмо и возмущена. Ах, если бы она умела подниматься над собой... Попытался вчера писать комедию – нейдет и не хочется.

Много думал о Гоголе и Белинском. Очень интересное сопоставление. Как Гоголь прав в своем безобразии, и как Белинский кругом не прав в своем блеске, с своим презрительным упоминанием о каком-то боге. Гоголь ищет бога в церковной вере, там, где он извращен, но ищет все-таки бога, Белинский же, благодаря вере в науку, столь же, если не более нелепую, чем церковная вера (стоит вспомнить Гегеля с его "alles, was ist, ist vernunftlich" [все, что существует, разумно (нем.)]), и несомненно еще более вредную, не нуждается ни в каком боге. Какая тема для нужной статьи! Записать надо:

1) Хорошо бы написать о том, как наша жизнь, богатых классов, есть непрерывное воровство, грабеж, которые смягчаются хотя отчасти для тех, кто родился, воспитан в этом грабеже, но которые для тех, кто увеличивает грабеж получением мест у капиталистов, у правительства, есть подлость. Для всех же есть лицемерие. [...]

9 марта 1909. Вчера не писал сюда, да и вообще не писал. Только продиктовал недурное письмо священнику. Черткову отсрочил по просьбе его матери государь. Он слаб физически, отчасти и духовно – ему жалко и семьи, и дела. Но он знает себя. А это главное. Выписал из дневника, что нужно. Саша выписала.

Был вечером Мих. Новиков. Написал о "Новой вере". Очень много хорошего, но длинно, однообразно. На душе хорошо. Здоровье лучше. Нынче думал с больным раскаянием о письме, которое я написал для Андрея Тимирязева. Надо в приемах жизни выражать свою расценку людей: сострадательное отвращение к П. Столыпиным и всяким Гершельманам и министрам, и уважение к мужику, и сострадательное уважение к рабочему босяку. И вчера и нынче с большой яркостью и силой пробегают мысли, но не могу сосредоточиться. Попытался комедийку, попытался "Детскую мудрость". Ни то, ни другое нейдет. Буду ждать. Я уже и так разболтался. Записать нечего.

10 марта 1909. Ясная Поляна. 1) Все бедствия от предания, инерции старины. Кофточка разлезлась по всем швам, так мы из нее выросли, а мы не смеем снять ее и заменить такой, какая впору, и ходим почти голые все от любви к старине.

2) Тип Попова, крестьянина, пришедшего к своим убеждениям, Сютаева, Федота Дмитриевича, Новикова и многих. [...]

4) Важность, значительность последствий наших поступков нам не дано знать. Доброе слово, сказанное пьяному нищему, может произвести более важные и добрые последствия, чем самое прекрасное сочинение, верно излагающее законы жизни. И потому руководиться в выборе своих поступков нельзя предполагаемыми последствиями, а только нравственным для себя достоинством поступка.

12 марта 1909. [...] 3) Хорошо бы описать наше устройство жизни, как оно есть, некоторых властвующих над многими посредством обмана мысли: религии, науки, внушения, опьянения, насилия, угроз. Да, ужасно!

16 марта 1909. Как ни совестно признаться, вчера, 15 марта, я ждал чего-то, самого вероятного – смерти. Она не пришла, но здоровье все плохо, все жар. Только нынче немного лучше. Ничего не пишу. Очень много хочется писать: и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
"Стражника", и "Павла", и "Старца", и "Детскую мудрость". Записать надо:

1) Довольно одного благословения церковью такого брака, как Андреев, чтобы обличилась вся подлость и лживость церкви.

[...] 4) Мужик думает своим умом о том, о чем ему нужно думать, интеллигент же думает чужим умом и о том, о чем ему совсем не нужно думать. Но думает мужик так только до тех пор, пока он дома, в своей среде; как только он приобщился [к] интеллигенции, так он думает уже совсем чужим умом и говорит чужими словами.
[...]

Нынче 20 марта 1909. Несколько дней не писал, чувствовал себя телесно очень дурно и душевно подавленным, но не злым, слава богу. Писал пустые письма и читал. Приехали милые Поша, Иван Иванович и Николаев. Нынче чувствую себя так хорошо, как давно не было. Чертков подавлен, и мне больно и за него и за себя. Все живее и живее чувствую потребность писать для grand monde., и только для него. Иван Иванович с своими маленькими книжечками очень подсушил это желание. Нынче все утро читал легенду о Кришне. И то самое, что я отверг, имея в виду наш круг, превосходно для народа: легенда, подобная христианской, среди другого, чуждого народа. Мы решили: 1) Очерк Индии, ее истории и теперешнего положения, 2) Легенда Кришны и 3) Изречения Кришны. Можно потом 4) Изречения новейших - Рамакришны и Вивекананды. Потом 5) Обзор Китая и три религии, 6) Буддизм, 7) Конфуцианство, 8) Таосизм, 9) Магомета изречения, 10) Бабизм.

Завтра возвращается Саша и пять Сухотиных - радость. Вчера были два посетителя: интеллигент-калмык, литератор, возвращающийся к земле, и революционерка - просила тысячу рублей для освобождения брата 15-ти лет, [осужденного] на 12 лет каторги.

21 марта 1909. Нынче слаб, стеснение в груди, и нет непосредственной доброты и благодарности. Приехала Таня с своими. Очень приятно. Не могу побороть недоброго чувства. Когда вспомню, что это материал для работы, тогда лучше. Рад Саше. Вчера так легко казалось писать художественное для народных книжечек. А нынче нет охоты, а потому и силы.

[...] Сейчас сидел в унынии за пасьянсами, и вдруг мне стало ясно, ясно до восторга и умиления то, что нужно бы сделать. Стало мне ясно то, что в существующем зле не только нельзя обвинять никого, но что именно обвинения-то людей и делают все зло. Вспомнил Марка Аврелия или Эпиктета (не помню), который говорит, что на делающего зло не только нельзя, не должно сердиться, но его-то и жалеть надо. А тут сердятся на людей, воспитанных в том, что хозяйственность (как говорит Тарас) - добродетель, что хорошо наживать, хорошо не промотать отцовское, дедовское, - сердятся и готовы убивать их за то, что они делают то, что считают должным, и мало того: стараются владеть этим как можно безобиднее, делают всякие уступки, лишая себя. И их считают врагами, убивают те, которые и не подумают сделать этого. Убивают и тех, которые воспитаны на том, что стыдно не занимать в обществе то же положение, которое занимают отцы, деды, я занимают эти места, стараясь смягчить свою власть. И убивают те, которые желают власти не менее, [не имея] для этого даже и повода наследственности. Одним словом, надо и хочется сказать то, что надо войти в положение людей и не судить их по их положению (которое образовалось не ими, а по тысячам сложнейших причин), а по их доброте. Т. е. внушить то, что все мы знаем, что мы все люди, все братья, и нам надо судить себя, а не других. Положение же улучшиться может никак не наказаниями (т. е. мстью, злыми чувствами и делами), а только добротой.

22 марта. Вчера вечером был очень вял. Нынче тоже не похваюсь. Был корреспондент "Русского слова". О Гоголе написал и дал. Может быть, это отвлекло от работы. Ничего не мог писать. Только письма. Был Чертков. На душе было очень хорошо утром и потом, когда читал и отвечал письма, и все время, за исключением того, когда говорил с корреспондентом, а это жалко. А как радостно, когда живешь перед богом. Записать есть много. После.

24 марта 1909. Вчера написал длинное воззвание. Кажется, недурно. Хочу продолжать. Художественное не идет. И не надо. Были Николаев и Страхов. Оба очень приятны. На душе хорошо - тихо. Нога не совсем.

26 марта 1909. Вчера не писал. Здоровье все хорошо. И душевное состояние. Читал Канта: "Религия в пределах только разума". Очень близко мне. Нынче читал то же.

[...] Вчера написал плохонькую "Детскую мудрость". Нынче писал "Революцию сознания" – недурно. Утром было особенно хорошо с Соней, – как радостно. Нехорошо в мыслях с Л.. Надо, надо победить. "Так помоги мне, господи".

[27 марта 1909. Ясная Поляна] Жив. Встал очень рано. Утром Чертков делал портреты. Это не помешало писать. Поправил "Революцию". Все не знаю, как назвать. Выбрал прекрасные эпитафии. [...]

29 и 30 марта. Третьего дня после обеда пересматривал составленное Страховым изложение. Казалось очень хорошо. А вчера утром смотрел – и показалось очень плохо. Вчера писал порядочно "Старое и новое".

[...] То, что читают и списывают мои дневники, портит мой способ писания дневника. Хочется сказать лучше, яснее, а это не нужно. И не буду. Буду писать, как прежде, не думая о других, как попало.

1 апреля 1909. Вчера уехал Чертков. Я хотел ехать проводить, но был очень слаб и ничего не писал, начал и бросил. Был в очень дурном духе, и теперь не похваюсь. Мучительна мне эта безумная (больше, чем безумная, рядом с бедной на деревне) [жизнь], среди которой уже сам не знаю как обречен доживать. Если ни в чем другом, так в этом сознании неправды я явно пошел вперед. И роскошь мучительна, стыдна, отравляет все, и тяжелы сыновья своей чуждостью и общей всей семье самоуверенностью исключительной, – то же у дочерей. [...]

Еще думал, как губительна, развращает детей гимназия (Володенька Милютин бога нет), как нельзя преподавать рядом историю, математику и Закон божий. Школа неверия. Надо бы преподавание нравственного учения.

Читал вчера "Корнея Васильева" и умилялся.

3 апреля 1909. Вчера хорошие письма: Краснова. Отвечал ему и другим. Немного писал. Все нехорошо. Заглавие – "Новая жизнь". Вечер как-то совестно с картами. Роскошь жизни, объедание все мучает. Нынче опять хорошие письма. Отвечал. И писал "Новую жизнь" немного. Слаб. Соня уехала в Москву. Хочется написать в "Детскую мудрость" о наследстве. И Ивану Ивановичу две книжечки и "Павла".

8 апреля 1909. Ночью выпал снег. Никак не думал, что так долго не писал. За это время был нездоров, кажется 5-го, ничего не ел полтора суток. И было очень хорошо. Письма опять хорошие. Ils m'en diront tant [Они мне наговорят столько (фр.)], что я точно поверю, что я очень важный человек. Нет, не надуют. Они надувают, да я пока еще выпускаю дух. Вчера да и третьего дня порядочно писал "Новую жизнь". Но все это старое, старое, только забытое и другими людьми, и мною. Вчера занимался тоже конфуцием. Кажется, можно написать. [...] Много, кажется, нужно записать и одно главное, что подчеркну.

[...] 3) Выбора нет людям нашего времени: или наверное гибнуть, продолжая настоящую жизнь, или de fond en comble [сверху донизу (фр.)] изменить ее.

4) Все растет и, вырастая, изменяется. Неужели неизменно одно то, на основании чего живет человечество?

5) Приучать себя думать о себе, как о постороннем; а жалеть о других, как о себе.

[...] 8) И теперь самое для меня дорогое, важное, радостное; а именно:

Как хорошо, нужно, пользительно, при сознании всех появляющихся желаний, спрашивать себя: чье это желание: Толстого или мое. Толстой хочет осудить, думать недоброе об NN, а я не хочу. И если только я вспомнил это, вспомнил, что Толстой не я, то вопрос решается бесспоротно. Толстой боится болезни, осуждения и сотни и тысячи мелочей, которые так или иначе действуют на него. Только стоит спросить себя: а я что? И все кончено, и Толстой молчит. Тебе, Толстому, хочется или не хочется того или этого – это твое дело. Исполнить же то, чего ты хочешь, признать справедливость, законность твоих желаний, это мое дело. И ты ведь знаешь, что ты и должен и не можешь не слушаться меня, и что в послушании мне твое благо.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Не знаю, как это покажется другим, но на меня это ясное разделение себя на Толстого и на Я удивительно радостно и плодотворно для добра действует.

Нынче ничего не писал. Только перечитывал Конфуция.

11 апреля. Два дня не писал. Здоровье нехорошо. На душе уже не так хорошо, как было. Толстой забирает силу надо мной. Да врет он. Я, Я, только и есть Я, а он, Толстой, мечта, и гадкая и глупая. Холод, снег. Письма хорошие вчера. Так радостно! Отвечал кое-какие. Все не могу, как хочется, ответить Булгакову. Постараюсь написать нынче. С дочерьми – хорошо. С Николаевым поправлял Кришну. Сегодня хотел и хочу заняться китайцами, Конфуцием. [...]

12,13 апреля. Вчера писал несколько писем, нездоровится. Разделение менее ясно и радостно, но есть. Как всегда, движение оставляет след, и след чувствительный. Писал статью и вчера, и сегодня. И не дурно. Подвигается. Хочется "Детскую мудрость". Хороший вчера был разговор о воспитании. Нынче я очень не в духе. Все раздражает. Держусь, и слава богу, деление помогает.

14 апреля 1909. Все нехорошо себя чувствую телесно. Душевно не могу жаловаться. Вчера, несмотря на дурное расположение духа, был лучше, чем третьего дня. Разделение чувствовал. Нынче проснулся в 5 и не мог спать; занялся статьей, и кажется, недурно.

Вчера не писал, нынче 17 апреля 1909. Очень был слаб вчера и раздражителен. Держался кое-как. Просители и личные и письменные раздражали. Дело это надо обдумать. Был Николаев, милый, всегда добрый, всегда серьезный. Вчера прекрасное письмо от отказавшегося. И я говорил Мише о солдатстве безнадежно. Ездил к Гале, она расплакалась. Добрая, умная. Ничего не работал. Одну главку в статье. Кажется, вся статья – напрасно. Саша огорчительна своей раздражительностью. Нынче первый день спал достаточно и бодрее. [...] Утром встал бодро, писал письма и статью, слабо. Статью, кажется, брошу. Общее состояние дурное. Сердце слабо, и тоскливое, недоброе настроение. Получил письмо о Петражицком и о "праве". Хочется написать. В общем же, как ни стыдно признаться, хочется умереть.

20 апреля. Сейчас вышел на балкон, и осадили просители, и не мог удержать доброго ко всем чувства. Вчера поразительные слова Сергея: "Я, говорит, чувствую и знаю, что у меня такая теперь сила рассудительности, что я могу все верно обсудить, решить... Хорошо бы было, если бы я к своей жизни прилагал эту силу рассудительности", – прибавил он с удивительной наивностью. Во всей семье – мужской особенно – самоуверенность, не знающая пределов. Но у него, кажется, больше всех. От этого неисправимая ограниченность. Нарочно пишу, чтобы после моей смерти он прочел. А сказать нельзя. Вчера же получилось в "Русских ведомостях" письмо к индусу. Я прочел, с волнением переживая те мысли; и тотчас вслед за нею воспоминания актера Ленского. Не мог не расхохотаться. Так резок контраст. Ездил верхом. Был француз – приятный. Черткова письмо умно, хорошо, но лучше бы не писать. Написал вчера утром о "Вехах" и письме крестьянина. Нездоровится, голова болит. Хотелось писать вчера. Начал о труде в "Детскую мудрость".

23 апреля. Два дня не писал. Вчера 22-е. Вечером был Николаев, читал Кришну. Ездил с Михаилом Сергеевичем и Таней к милой Гале. Утром читал Михаилу Сергеевичу о воспитании и поправлял. Третьего дня вечером был Страхов, рассказывал об Орлове, играл с девочками. Утром поправлял "О Вехах". "О Вехах", кажется, ненужно. Недобро.

Очень тронуло записанное в "Круге чтения" о том, что с людьми нельзя иначе обращаться, как с любовью. До сих пор не забывал этого, вспоминаю при общении, и очень хорошо. Разделение себя слабее чувствую. Но чувствую иногда. Все радостные письма. Нынче очень нездоровится. Все утро ничего не делал. Читал "Вехи". Удивительный язык. Надо самому бояться этого. Не русские, выдуманные слова, означающие подразумеваемые новые оттенки мысли, неясные, искусственные, условные и ненужные. Могут быть нужны эти слова только, когда речь идет о ненужном. Слова эти употребляются и имеют смысл только при большом желании читателя догадаться и должны бы сопровождаться всегда прибавлением: "ведь ты понимаешь, мы с тобой понимаем это".

Странное дело, рассказы Страхова вызвали во мне желание художественной работы;

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
но желание настоящее, не такое, как прежде – с определенной целью, а без всякой цели, или, скорее, с целью невидной, недоступной мне:

заглянуть в душу людскую. И очень хочется. Слаб.

Нынче 26 апреля. Третьего дня начал писать художественное и много написал, но не хорошо и не переписывал. Но не разочаровался и хочу и знаю, как исправить. Вчера поправил "Право". Думал, что кончил, но нынче поправил гораздо лучше. Поправил тоже об образовании. Теперь лучше гораздо. Читал вчера Лозинского. Очень хорошо отрицание, хотя натянуто, но заключение очень плохо. [...]

27 апреля 1909. Нынче могу написать со смыслом:

"Если буду жив", потому что чувствую себя слабо очень, спал десять часов прекрасно, но чувствую близость – не смерти (смерть скверное, испорченное слово, с которым соединено что-то страшное, а страшного ничего нет) – а чувствую близость перехода, важного и хорошего перехода, перемены. [...] Такое состояние близости к перемене очень, смело скажу, радостно. Так ясно видишь, что нужно делать, чего не нужно. О "вехах" совсем пустое. О праве ничего, и о воспитании можно. Художественное и да и нет. А о революции очень, очень нужно. Ну, прощай, до завтра, е. б. ж.

28 апреля 1909. Вчера целый день не ел и был очень слаб, но духовно очень хорошо. Поправил о праве, вписал кое-что. Нынче спал тоже хорошо и, просыпаясь, думал хорошо. Вчера был славный мальчик-малоросс. Тоже письма хорошие.

[...] Был американец мало интересный, уехал милый Михаил Сергеевич. Соня ездила в Москву и сейчас вернулась. [...]

29 апреля. Опять спал очень хорошо и для 80 лет очень здоров. На душе хорошо. Вчера хороший разговор с Марьей Александровной. Какая невидная нам работа идет в душах людей (там, где она идет). Чертков вызывает Таню в Петербург. Я рад за Таню. О последствиях не думаю. Добрые письма. [...]

30 апреля. Мало спал, но здоров. Вчера, кажется, совсем кончил о воспитании. Нынче утром еще поправил по совету Гусева. Вчера в середине дня было состояние умиления до слез, радости сознания жизни, как части проявления божества и благодарности кому-то, чему-то великому, недоступному, благому, но сознаваемому. Вчера же Соня говорила мне, огорчаясь, о том, как в дневниках моих она видит мое недовольство ею. Я жалею об этом, и она права, что я in the long run [в конце концов (англ.)] был счастлив с нею. Не говоря уже о том, что все хорошо. Хорошо и то, что я жалею, что огорчал ее. Она просила написать о вымарках в дневнике, что они сделаны мною. Очень рад сделать это.

Пока записать нечего. Нешто то, что очень хорошо, радостно на душе.

1 мая. Вчера приехал Пастернак с женой и Могилевский. Могилевский превосходно играл. Я плакал не переставая. Утром отдал статью, кажется, недурно.

[...] чудная погода, спал мало. Да, забыл то, что вчера пришел Молочников. Очень рад был ему. Не записал самое, самое вчерашнее главное: это то, что уехала милая Таня. С умилением провожал и с радостной любовью и умилением думаю о ней.

2 мая. Вчера почти не работал. Статью подписал. Чувствовал себя хорошо, но не мог работать. Ездил к Чертковым, был у милых Николаевых. Вечером приехал Сережа и пришел Николаев с Молочниковым. Хорошо. Саша нехороша. И я нехорош. Не говорю с ней серьезно. Спал мало. Хочется работать. Надо было записать что-то хорошее – забыл.

3 мая. Много работал над статьей. Очень подвинулся. Кажется, недурно. Написал разговор "Детской мудрости". Тяжело, то есть я дурно себя веду с обоими С., не любящими друг друга именно потому, что очень похожи друг на друга. Надо тем мягче быть, чем они жестче. Пришли Молочников, Страхов, обоим рад, но усталый вошел от работы и напрасно не сказал им. Ездил приятно верхом. Марья Александровна, Оля с детьми. Вечер читал и разговаривал. Опять было тяжело. И с Сашей на балконе поговорил. Боюсь, что она непроницаема... еще.[...]

4 мая 1909. Вчера порядочно поработал над статьей и "Вехи". Не совсем дурно. Ел

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

лишнее – стыдно. И весь вечер изжога. Приехала Таня милая. Дело плохо. Но духовное все хорошо. В письмах ничего особенного. Сейчас приехал нарочно из Харькова крестьянин. Весь переродившийся. Такая радость. Не мог без слез слушать. Чувствую себя очень слабым. Мало спал. Записать нечего. Пока. Жалко Черткова очень. Молочников уехал. Я вижу, он производит на моих близких не привлекающее впечатление. Я это понимаю, но не разделяю. Одно боюсь слишком быстрого движения и потом назад. А умен очень.

5 мая. Вчера плохо работал. Даже ничего. Готовил для Ивана Ивановича Конфуция и Лаотце. Неопределенно. Ездил с Душаном к Марье Александровне хорошо. Спал. Приехал серб очень приятный. Целый день был не в духе. Боролся. Все не умею быть – не казаться, а быть любовным ко всем. Хорошие письма. Тоскливое состояние – недовольство – очевидно внутреннее, потому что во сне то же самое состояние – во сне все чего-то не выходит. Очень значительно было для меня чтение Лаотце. Даже как раз гадкое чувство, прямо противоположное Лаотце: гордость, желание быть Лаотце. А он как хорошо говорит: высшее духовное состояние всегда соединяется с самым полным смирением.

Сейчас вышел на террасу. Девять человек просителей, нищих, самых несчастных, и Курносенкова. И сейчас же не выдержал доброты со всеми. Пора, кажется бы, выучиться, а все плохо подвигаюсь, не то что выучиться. Когда проснулся в постели, так хотелось писать, а теперь ничего уж не хочется, кроме пасьянса. А должно быть, это-то и хорошо. Ну и довольно. Записать нечего. [...]

6 мая. Вчера поправлял "вехи" и половину статьи – не хорошо и не дурно средне. [...]

7 мая. Поправлял статью и отложу. Все нехорошо. Тоже и "вехи" плохо. Приехал семеновский офицер – как бы действовавший противоположно семеновцам. Дай бог, чтоб была правда. С ним говорил хорошо. Ездил к Гале и Оле. Как всегда, хорошо. И она, Галя, несет хорошо свою долю.

Дома Успенский, вечером письма и недобрая брошюрка Восторгова.

[...] Приехал Иван Иванович. Сейчас буду беседовать с ним.

Особенно дурного ничего не было. Занимался статьей и "вехами". Dans le doute abstiens-toi [В сомнении воздерживайся (фр.)]. "вехи" бросаю. Ездил верхом с Душаном хорошо. Кажется, не нарушал или очень мало таинство любви. Немного только с Соней по случаю чтения Куприна "Ямы". Есть движение. И то хорошо. Чувствую себя слабым. Хочется написать о том, в чем истинное христианство и почему церковная вера извращает его, уничтожает все это значение для жизни. Хочется и "нет в мире виноватых" писать. Холод. Саша уехала во Мценск. Много суетливой работы я набрал, надо освобождаться и делать то, что нужнее перед богом. Времени уж остается мало. [...]

9 мая. Проснулся очень рано. На душе хорошо. Вчера. Поправлял статью (нехорошо, особенно конец). Проводил милых Ивана Ивановича и Марью Александровну. Был крестьянин-баптист, проситель. Держался. Ездил далеко верхом с Душаном. Вечером читал статью и Куприна. Очень плохо, грубо, ненужно грязно. Идет снег и вчера и нынче. Саша с Варварой Михайловной уехали. Записать две:

1) Смотрю на весеннее выступление жизни – силы жизни одной и той же во всем: и в траве, и в почках деревьев, и в цветках, и в насекомых, и птицах. И подумал, что мы, люди, имеем свойство, отчасти подчиняясь этой силе, сознавать ее в себе. (Не могу ясно выразить.) И другого не помню.

Вспомнил, что надо записать – именно:

2) живо представил себе повесть или драму, в которой нет злых, дурных, все добрые для себя и все невиноватые. Как бы было хорошо и как ярко выступила бы из-за этой доброты, невиновности людей недоброта и виновность устройства жизни.

Не знаю, приведет ли бог сделать это, а очень бы хотелось.

Нынче кончил все текущие дела, письма и поправил "О вехах", но брошу.

10, 11 мая. Вчера не записал. Третьего дня не помню. Вспомнил: писал о любви.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Ничего ни особенно дурного, ни хорошего не делал. Ездил к Гале. Черткову грубый отказ. Почувствовал гнев – зло к Столыпину, но, слава богу, удержался, и перешло в искреннюю жалость. Вечером прекрасный разговор с Николаевой. Был Трегубов.

Вчера встал очень рано. Написал пустяк Трегубову. Но думал очень, очень важное.

Во-первых, то, что надо написать письмо, которое Саша передаст, в котором просить о том, чтобы подумала о своей душе, об истинной жизни во-вторых, о том, чтобы не давать дневника и не писать для издания при жизни. Исключение делаю теперь для того, что пишу о любви. Это нужно. Ошибаюсь я или нет, но это огромной важности. [...] Записать:

1) Человечество и каждый человек переходит от одной поры (saison) к другой, следующей, от зимы к весне, сначала ручьи, верба, трава, береза и дуб пробрался, а вот цветы, а вот и плод. Как будто чувствую и в себе, и в человечестве созревание плода.

[...] 5) Пишет жене: Прости меня. Я же простил тебе, но не могу не сказать хоть из-за гроба того, чего не решался сказать живой, чтобы не раздражить, и потому не успеть и даже навсегда не успеть помочь тебе, не решался сказать, что ты живешь дурно, для себя дурно, мучая себя и других и лишая себя лучшего блага – любви. А ты способна – и очень – ко всему самому лучшему. Я много раз видел эти зародыши в тебе. Помоги себе, милая. Только начни – и увидишь, как ты сама, твое лучшее, истинное я поможет тебе.

б) Все дело в том, чего человек хочет достигнуть – в чем его идеал: хочет он богатства, почестей, славы, удовольствий – будет одна жизнь; хочет любви своей ко всем людям – будет совсем другая. Все в идеале. Хочет человек богатства, почестей, славы, удовольствий – и будет он обдумывать, как отобрать побольше от других себе, как бы поменьше расходовать, давать другим; хочет почестей – будет потакать, услуживать, покоряться тем, кто во власти, будет горд, будет отделяться от людей, будет презирать тех, кто не нужен ему для успеха. Хочет славы – будет всем жертвовать, и чужой, и своей жизнью, для успеха. Хочет удовольствий – будет придумывать средства увеличения наслаждений, переменяя и придумывая наиболее сильные.

Если же хочет человек любви своей ко всем людям, то будет он, когда без дела один сам с собою, вспоминать о том, как он в прежней жизни, вчера, нынче, не соблюл любви с человеком, как сделал, сказал, подумал недоброе, нелюбовное, и будет думать, что помешало ему в этом: какие пороки, соблазны, привычки, и будет думать о том, как избавиться от них. [...] Будет, главное, воздерживаться от всего того, что может нарушить благо других людей, что несовместимо с любовью. Если хочет человек любви, то будет он естественно и в делах, и в словах, и в мыслях воздерживаться от того самого, что для человека, живущего не по закону любви, представляет главную цель жизни, – будет воздерживаться от собирания и удерживания богатства, от достижения почестей, славы, от всех удовольствий, доступных не всем людям и приобретаемых всегда одними людьми в ущерб другим. Люди говорят: это трудно.

Но они говорят так только потому, что, не испытав радости любви, не знают ее и не верят в нее. [...]

[12 мая 1909] жив и даже здоров. [...] Вчера писал этот дневник, потом ездил к Гале. Зося неприятна мне, и надо усилие, чтобы быть в любви. И прекрасно: матерьял. Немножко поправил о любви. Все ужасно плохо в сравнении с замыслом и важностью предмета. Очень интересные письма. От студента о праве доброе. Записать пока нечего.

13 мая 1909. Вчера поправил о государстве и о любви. Мало и плохо. Ездил в волостное правление. С Зосей лучше, не сержусь. Вечером письмо ругательное от Великанова. Неприятно, но больше его жалко. Как я рад. Душевное состояние не от физических причин.

[...] Довольно много писал о любви. Недурно, подвигается. За завтраком Соня была ужасна. Оказывается, она читала "Дьявол" и в ней поднялись старые дрожжи, и мне было очень тяжело. Ушел в сад. Начал писать письмо ей то, что отдать после смерти, но не дописал, бросил, главное оттого, что спросил себя: зачем? сознал, что не перед богом для любви. Потом в 4 часа она вес высказала, и я, слава богу,

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
смягчил ее и сам расплакался, и обоим стало хорошо.

14 мая. Вчера вечер прошел, как обыкновенно. Приятные известия о Фельтене, его суде. Нынче встал рано, пошел в сад, написал письмо Молочникову. Подслушал разговор Копылова с прохожим – скверные слова и неправда, и какое удивительное, ужасное безверие. Тяжелое чувство испытал. Тяжелое чувство еще со вчерашнего. Лучше, чем прежде, но нет того радостного спокойствия, которое было вначале. Письма получил тоже тяжелые – Копыл и крестьянин обличающий. И просители. Хочется, хочется умереть. [...]

15 мая. Нет, нехорошо. Совсем нехорошо. Очень нравственно упал. Вчера целый день и вечер был плох. Приехал Эйрот, и пришел Николаев. Я им стал жаловаться на свою жизнь. Кроме того, два злые письма – одно от Копыла, другое от крестьянина-революционера, да еще стихи о земле, все это совсем победило меня.

[...] Сейчас вышел: одна – Афанасьева дочь с просьбой денег, потом в саду поймала Анистья Копылова о лесе и сыне, потом другая Копылова, у которой муж в тюрьме. И я стал опять думать о том, как обо мне судят. "Отдал будто бы все семье, а сам живет в свое удовольствие и никому не помогает" – и стало обидно, и стал думать, как бы уехать, как будто и не знаю того, что надо жить перед богом в себе и в нем и не только не заботиться о суде людском, но и радоваться унижению. Ах, плох, плох. Одно хорошо, что знаю, – и то не всегда, а только нынче вспомнил. Что ж – плох, постараюсь быть менее плохим. Сейчас не мог удержаться, чтоб не отослать с досадой Копылову, поймавшую меня, когда я начал писать дневник. Эйрот очень оригинальный и серьезный человек, скромный, простой, глубокий. Танечка занемогла – и на ноги всех докторов, и деньги швыряют, а на деревне мрут от нужды. Да, уехать нельзя, не надо, а умереть все-таки хочется, хоть и знаю, что это дурно, и очень дурно. Вчера поправлял статью "Революция" ...недурно. [...]

16 мая. Вчера вечером пришла почта. Письма незначительные, но в газетах мои письма: священнику и Трегубову. И как пьянице вино, так мне эти письма, и сейчас забота о суждении людей. Должно быть, оттого, что я не чувствую уже телесных похотей, я особенно болезненно чувствую тщеславие и не могу освободиться. Вчера, зная, что письма эти заставят меня говорить про них, подумал, что надо не говорить, особенно при сыне Сереже. Так что и воздержался от тщеславия ради той же заботы о мнении людей, ради тщеславия. [...] Человек десять просителей, я всем отказал, без досады, но можно было лучше. Потом пошел в сад поправлять корректуру "Нового круга чтения". Очень он не понравился мне. Поправил. Сейчас пью кипяток, но ничего не ем. [...]

Вчера, 18, не писал. Нынче 19 мая. То, чем кончил третьего дня, что привыкаю к сознанию своей зависимости только от бога и потому независимости от мнения людей, как раз вчера вечером и нынче оказалось неверным. Читал о себе глупую статью по случаю Эртеля – и стало неприятно, и не мог восстановить спокойствия и твердости в боге. Вчера день провел хорошо. Поправил письмо о религиозном воспитании и "Неизбежный переворот" недурно. Очень тяжелый разговор Сони о цене за отдаваемую ею землю. Я не говорил, но слушать было тяжело, а все оттого, что потеряна связь с ним. Был два раза милый Николаев. Какой удивительный работник по Генри Джорджу, да и вообще какой хороший. Ездил верхом, говорил по телефону с Грушецким, читал Гете и газеты. [...]

20 мая. Вчера поправил о воспитании, "Переворот" и письмо американцу. Письмо все еще не то, что могло бы быть. Ездил в Телятинки. Вечер как обыкновенно. Читал письма. Очень гонял близких мне людей. Статья Рузвельта обо мне. Статья глупая, но мне приятно. Вызвала тщеславие, но вчера было лучше. [...]

21 мая. [...] Вчера поправил письмо американцу и "Переворот". Нынче с утра, не одеваясь, переделал все письмо американцу – не переделал, а поправил. Вчера утром был корреспондент "Русского слова". Я рассказал и продиктовал ему о "Вехах". Особенно худого нет, но лучше было бы не делать. Письмо мужика уж очень – и законно – хочется сделать известным. Приехала Лина с детьми. Душан вернулся, опасность миновала "пока". Вечером, кажется, огорчил Лину, говоря о детском религиозном воспитании – дурно. Весна чудная. Теперь 11-й час. На душе хорошо, но нет охоты писать. И прекрасно. Вчера был очень интересный человек, пришедший пешком из Симбирска. Много он сказал хорошего, но лучше всего то, что по его мнению: Главное, в чем нуждается теперь народ – это в духовной пище.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

22 мая. Вчера пачкал письмо американцу и о любви. Веду себя недурно, но нет при общении с людьми памяти о богопочитании бога в человеке. Всякий раз esprit de l'escalier [задним умом (фр.)]. Московский рабочий бойкий, говорун, но говорящий, но не слушающий. Ездил в Телятинки. У Николаевых. У Гали. У обоих очень хорошо. Дома Лина, Маша, дети. Вечером Сережа огорчил меня разговором о праве. Письма хорошие. Сегодня встал рано. Ходил по саду. Сел отдохнуть, вижу - идет баба ко мне. Вспомнил хорошо, что идет в ней бог. Оказалась Шураева, бедная, у ней умерла внучка, просит денег, я постарался войти ей в душу, в основе которой тот же бог, какой во мне и во всем, и так хорошо стало. Помогай бог. Всегда бы так.

1) Чествование мое плохой признак. Навело меня на эту мысль чествование Мечникова. Оба мы, очевидно, очень пустые люди, если так потрафили толпе. Утешает меня немного то, что меня ругают - не завистники, а серьезно ругают и революционеры, и духовенство, церковники.

[...] 7) Говорить серьезно о праве, когда есть право земельной собственности, все равно, что говорить о праве на владение рабами, о порядке продажи их.

23 мая. Вчера поправил о любви, не дурно. Запутался в письме американцу. Недоброе чувство к Сереже за право. Потом прошло. Ездил верхом. Да, забыл. Трогательный купец полуслепой. Мы с ним оба расплакались от хорошего умиления. Вечер ничего не делал. Письмо Черткова хорошее и др. Нынче томский купец старообрядец. Трогателен его отец, сочувствующий мне. Что-то будет нынче. На душе хорошо.

24 мая. Опять кое-что писал о любви и о воспитании. Мало. Ездил к Чертковым. Нехорошо поступил с расследователем чертковского дела, не подал руки, а потом не сумел сказать, что нужно. Михаил Сергеевич приехал - как всегда, приятный. Вечером опять купец Летышев. Долго говорил о своей теории, мистически объясняющей таинства. Потом Калачев и милый Николаев. Очень я устаю мозгом.

Нынче встал не рано. Соня приехала. Все заботы и недобрые чувства. Поленова прекрасный альбом. Писал и "О любви" и американцу, кажется, не совсем дурно. Здоровье хорошо. И на душе так же. [...]

25 мая. Вчера как будто кончил и "О любви" и американцу. Приехала Соня. Очень жалка она. Поехал верхом в Тулу на бега. Съездил хорошо. Дома Михаил Сергеевич, дал ему прочесть "неизбежный переворот". Он сделал верные замечания. Гольденвейзер. Сегодня встал не рано, ходя по саду, думаю о быстроте, а главное, об однообразии времени: день, ночь, и опять, и опять, и пролетают года, десятилетия. [...]

26 мая. Вчера продолжал писать "никто не виноват", и - порядочно. Но нынче не пошло. Вчера приезжал Пунга и Оля. Написал письмо Черткову. С Соней тяжелый разговор о хозяйстве. Я жалею, что не сказал о грехе земли. За обедом тоже она, бедная, запуталась. Интересное существо она, когда любишь ее; когда не любишь, то слишком просто. Так и со всеми людьми. Ездил верхом. Вода выше брюха лошади. Не спал перед обедом, был слаб. Нынче немного пописал "никто не виноват" и бросил, нехорошо. И нет настоящей охоты писать. И баста. Записать нечего.

27 мая. Вчера вечером очень трогательное общение с студентом, приехавшим для свидания с Кавказа. Гусев сказал, что, кажется, проситель. Он подал мне конверт, прося прочесть. Я отказывался, потом стал читать с конца. О монизме и Геккеле. Я недобро стал говорить ему. Он страшно взволновался. Потом я узнал, что он чахоточный, безнадежный. Он стал уходить и сказал, что чтение "О жизни" было для него событием. Я удивился и попросил остаться. Я прочел его записку. Оказалось, совсем близкий человек. А я оскорбил, измучил его. Мне было и больно и стыдно. Я просил его простить меня. Он остался в деревне ночевать. Нынче утром пришел, и мы умиленно говорили с ним. Очень трогательный человек. Я полюбил его.

Нынче думал, что не буду писать. А взял и написал довольно много. Может быть, что-нибудь и выйдет. Только не знаю подробностей. Потом ездил верхом к Гале и Оле и видел Николаева и Гольденвейзера. Очень приятно было у них. Записать только одно:

1) Наша особенная, исключительная любовь к ближним только затем и нужна, чтобы показать, как надо бы любить всех. В проститутках видеть дочерей и так же, как

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
за любимую дочь, страдать за них.

Иду обедать.

28 мая. Приехал Лев. Мне тяжело с ним. Слава богу, не изменил требованиям любви, но не могу не сторониться, не молчать, слушая его. Не молчал только два раза: когда он говорил о своем недовольстве жизнью – я сказал, что я думаю о необходимости жить духовной жизнью, и другой раз выразил свое отвращение, когда он высказал сочувствие, оправдание убийствам Столыпина. Вечером он говорил очень глупо. Я все молчал. Пришел мальчик портной. Один из тех, которые хотят сразу изменить жизнь. Нынче ночью очень болела задняя левая часть головы, и не спал. Должно быть, от этого не пишется. Теперь 1-ый час. Был Евдокимов, сапожник. Единомышленник. Вчера, к стыду своему, было неприятное письмо, осуждающее меня за мое распоряжение имуществом.

29 мая. Встал здоров. Вышел. Тульские просители. Опять забыл и недобро говорил с ними, отказывая. Пошел в сад и очень хорошо думал. Запишу. Вчера хорошее письмо Черткова к Кузьмину. Нынче чуть-чуть поправил "Нет в мире виноватых" и занялся "О любви". Недурно поправил. Ездил хорошо в Колпну. Записать:

[...] 2) Люди, мало мыслящие и занятые своими целями, не могут переноситься мыслью в других. А это-то и важно.

[...] 4) Очень хотелось бы в "Нет виноватых" показать, как все люди живут одним своим и глухи ко всему остальному.

Милый Иван Иванович огорчился на Черткова. Письма довольно приятные. Написал о женщинах письмо и ответ на осуждения. Поразительная история Кашинской. Спор о вегетарьянстве Николаевой с (забыл). Я вмешался и огорчил, вероятно, NN. И мне больно стало.

30 мая. Мало спал, встал рано. Приехал Мечников и корреспонденты. Мечников приятен и как будто широк.

Не успел еще говорить с ним. Приходил безногий проситель. И я хорошо, помня о нем, обошелся с ним, помня о том, что

1) Надо, обращаясь с людьми, не думать о своих желаниях, а помнить о желаниях тех, с кем имеешь дело; но не думать о суждении о себе тех, с кем имеешь дело; а думать о том суждении, которое будешь иметь о своем отношении к этим людям.

2) Надо было усилие, чтобы вспомнить о моем отношении к безногому. А это потому, что это отношение было такое, какое должно быть, т. е. хорошее. Радовать нас не могут и не должны наши хорошие поступки. Радость, благо не в поступках, а в том спокойствии, в той свободе, которую они дают.

Теперь 12 часов, полдень.

31 мая. Продолжение 30 мая. Мечников оказался очень легкомысленный человек – а религиозный. Я нарочно выбрал время, чтобы поговорить с ним один на один о науке и религии. О науке ничего, кроме веры в то состояние науки, оправдания которого я требовал.

О религии умолчание, очевидно, отрицание того, что считается религией, и непонимание и нежелание понять того, что такое религия. Нет внутреннего определений ни того, ни другого, ни науки, ни религии. Старая эстетичность гегелевско-гетевско-тургеневская. И очень болтлив. Я давал ему говорить и рад очень, что не мешал ему. Как всегда, к вечеру стало тяжело от болтовни. Гольденвейзер прекрасно играл.

Встал поздно, с вечера не спал. Видел ужасный сон... Складывается тип и ученого и революционера. Хотел писать, но стал поправлять "Единую заповедь" и проработал все утро. Приезжал репортер, и неприятно было, фальшиво. Приехала Вера пироговская. Тяжело вспоминать ее положение. Вел себя недурно. Не было недоброго чувства ни к кому. Но безумие людское и самоистязание удручает. Иду обедать.

[1 июня] После обеда три посетителя: рабочий "Союза русского народа", выпивший, уговаривал меня вернуться в церковь, добродушный, но совершенно безумный, потом

женщина с двумя огромными конвертами, требующая, чтоб я прочел... "крик сердца". И тщеславие, и мания авторства, и корысть. Я огорчился - надо было спокойнее. Потом репортер "Раннего утра". Как я рад, что с Левой мне перестало быть тяжело. У Веры так и не осилил спросить об ее ребенке. Как это случилось?

1 июня. Проснулся в 5-м часу и записал много важного, хорошего: к "Нет в мире виноватых", и к "Единой заповеди", и еще о боге. Еще конспект беседы с курсистками. Очень ясно, живо понял, странно сказать, в первый раз, что бога или нет, или нет ничего, кроме бога. Начал писать очень хорошо "Единой заповедь", но скоро, к 12-му часу ослаб умом и оставил. Был издатель вегетарьянского журнала. Ездил верхом немного. [...]

2 июня. Вчера вечером читал письма. Мало интересных. Нынче спал много и встал таким свежим, каким давно, давно не чувствовал себя. Телеграмма от сына Генри Джорджа, потом из "Русского слова" с корректурами о Мечникове. Поправил корректуры и написал о Генри Джордже и послал в "Русское слово". Верно, не напечатает. Потом просмотрел весь "Неизбежный переворот". Все, до 8-й главы хорошо. Над концом надо поработать. Писал до 3-х, не завтракал и не ездил верхом, походил по саду. Дождь. Теперь 5 часов. Ложусь. Записать:

1) Жестокость не свойственна человеку и объясняется только узостью цели, сосредоточенностью усилий жизни на цели. Чем уже эта цель, тем возможнее жестокость. Любовь целью ставит благо других и потому, исключая цель, несовместима с жестокостью.

4 июня. 2 вечером не помню. Разболелась нога. Забинтовал. Вчера. Утром писал немного "Единой заповедь", становится лучше. Хорошее письмо от Черткова. Провел весь день в кресле. Вечером были Николаевы. Прекрасные его укоры за то, что, говоря о Генри Джордже, обращаюсь к правительству, ожидаю чего-либо от правительства. Сами виноваты. Та же мысль, как в письме Черткова. Письма не интересные. Сонечке читал о вере. Не то. Нынче ноге лучше, но весь слаб. Приехал Трояновский. Ничего не писал, попробовал молитву Сонечке, письмо на вопросы, во что я верю, и немного "Единой заповедь". Общее состояние нехорошо. Иду обедать.

5 июня. Очень приятно играл вчера Трояновский. Были Чертков и Гольденвейзеры. Здоровье все плохо. Нынче ничего не делал: чуть-чуть поправил "Единой заповедь" и статью о Джордже. Приехал сын Джорджа с фотографом. Приятный. [...]

6 и 7 июня. Вчера написал письма довольно серьезные, особенно одно о Геккеле и самоубийстве. Кажется, немного "Единой заповедь". Опять вечером играл Трояновский. Нынче встал немного бодрее. Очень много работал над "Единой заповедью" с большим напряжением. Послал телеграмму Тане, что едем с Софьей Андреевной завтра. [...]

8 июня. [Кочеты] Встал рано и поехал. Путешествие хорошо. Беседа с предводителем мценским - православным, консерватором, непромокаемым. Милая Таня и Миша и least not last [в последнюю очередь, но не на последнем месте (англ.)] маленькая Танечка. Особенно живо чувствовал безумную безнравственность роскоши властвующих и богатых и нищету и подавленность бедных. Почти физически страдаю от сознания участия в этом безумии и зле. Здесь же меня поместили в безумную роскошь и привезли сам четверт: доктор, секретарь, прислуга. И на беду, 9 июня весь "Круг чтения" на эту тему. [...]

10 июня. [...] Вчера гулял по парку с большим напряжением. Но мысль работает. Говорил с копачами. Старый толпыга. По двадцать пять под рожь. Земля у господ. То же вопиющее рабство. Как бы хотелось написать то художественное, что начал, и все проникнуть этим. [...]

11 июня. Поправка "о любви" плоха. Надо еще работать. С утра в постели писал молитву Сонечке. Все нехорошо. Ничего не работалось. Читал 41 письмо с недобрим чувством. Ездил верхом, очень устал. Главное же, мучительное чувство бедности, - не бедности, а унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров. Потом за обедом Свербеева, французские языки и теннис, и рядом рабы голодные, раздетые, забитые работой. Не могу выносить, хочется бежать.

Читал Бакунина о Мадзини. Как много, много кажется, что нужно сказать. Помогите, господа, делать то, что перед тобой нужно. Не могу и тут писать.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Есть несколько хороших писем. Иду к чаю.

14 июня. Не писал три дня. Нынче очень хорошо работал над "Единой заповедью". Потом ездил верхом, говорил с мужиками. Вечное недовольство своей жизнью.

Вчера, 13-го, все утро не работал. Только уже поздно немного занялся "Заповедью любви". Молодые люди – игра в теннис – недоброе чувство и несправедливое осуждение. Очень интересная книга о Персии. Теоретически земля не может быть предметом собственности. Шах есть угнетатель и признается дурным человеком. Солдаты вербуются добровольно, и практически земля отнята, шах властвует и почитается, солдаты набираются, и правительственные власти на откуп.

Третьего дня, стало быть, 12-го, кажется, ничего не делал, если не писал "Единую заповедь". Не ездил верхом. Все мрачное от телесных причин настроение. Интересный вечером разговор с Дашкевичем. Записать очень много надо.

[...] 9) Устроили Анну Кашинскую. Наказывают за мошенничество в подмеси к муке и т. п. А это страшное мошенничество спокойно совершается. [...]

15 июня. Утром походил. Начал писать, но скоро оставил, не кончив. Все уясняется и усиливается. Помогай бог кончить. Кажется, не заблуждаюсь, что важно. Нездоровится, болит голова и желудок. Написал письмо каторжному. Письма неинтересные. На душе очень хорошо. Записать нечего. Читаю буддийский катехизис. Все подвигаюсь в внутренней работе. Никогда не поверил бы, что это возможно в 81 год. Все большая и большая строгость к себе и оттого все большее и большее удовлетворение. [...]

16 июня. (Вчера.) Очень нездоровилось. И целый день все хуже и хуже. Утром опять поработал над "Единой заповедью". Кажется, подвигаюсь. Не дурно. Продиктовал и подписал несколько писем. Ходил через силу. Соня уехала. Не читал "Круга чтения". Записать:

[...] 2) Когда я задался задачей подавлять в себе всякое чувство недоброжелательства, мне дело это казалось не важно, главное, потому, что я не верил в возможность его исполнения. Так мне казалось и первые дни. И вот прошло, я думаю, около двух месяцев, и я нынче думал на прогулке о том, к кому у меня есть недоброе чувство, стал вспоминать и – удивленье и радость перебирал, кого мог, и не нашел никого.

Подумал, что, может быть, это – хорошее расположение духа, в котором я нынче. Но нет, и во времена самого дурного расположения духа у меня уже нет этого недоброжелательства, хотя и нет той любви ко всем, какую испытываю теперь. Главное при этом нужное и действительное: это ловить себя в недоброжелательстве в мыслях и подавлять, разъясняя.

Как бы хотелось научить этому людей. Да не поверят или подумают, что это то, что одно нужно на свете – не нужно им.

Вчера приехал Михаил Сергеевич, привез рассказ о Парфении и царе и статью в "Русских ведомостях". Вот с чем надо бороться: это с удовольствием, испытываемым от похвал, признания значения. Скверно это. Буду стараться. [...]

17 июня. Встал гораздо лучше здоровьем. Очень слаб, походил, напился кофе, записал дневник и сам не знаю, что буду делать. Художественное не тянет. В этом тоже, слава богу, стал лучше. Не придумываю, что писать и писать ли вообще, а отдаюсь побуждению и думаю, что оно верно, если нет других.

19 июня. Вчера, кажется, немного работал над "Единой заповедью". Ходил много. Спал, к обеду много народа. Пустота разговора тяжела. Вечером, спасибо Любови Дмитриевне, пришлось серьезно поговорить с девочками. Мальчишки боятся. Нынче много ходил. Теперь 10 часов. Хочется много работать.

1) Человек ограбил все селение и сложил в кучу ограбленное и сторожит. Пришел раздетый и утащил рубаху. Грабитель поймал и по закону, который сам составил, наказал. Разве не то же самое со всеми богачами среди бедных и в особенности с земельными собственниками: не переставая грабят тысячи людей на миллионы. У них взяли корм с земли для коровы, лошади – судят и казнят не грабителя, а взявшего необходимое с земли, которая его по самым неоспоримым актам.

Прежде чем составлять законы, запрещающие воровство хомута, дерева, сена, надо бы составить законы, запрещающие грабеж самой законной собственности людей - земли.

20 июня. Вчера ничего не работал, если не считать поправки в "Единую заповедь". Славно поговорил с Базилевскими девочками. Как жалко всех таких. [...]

Не допишу. Теперь 10-й час. Походил, голова лучше.

21 июня. Попытался прочесть и продолжать художественное. Могу, но едва ли успею из-за других дел. Ничего не делал больше. Ездил верхом - на хуторе беседовал с мужиками. Очень, очень устал. [...]

22 июня. Сколько помнится, ничего не делал вчера, если не поправлял "Единую заповедь", и несколько писем, из которых одно обратительное бросил. Потом поехал с тремя Танями в лес. Пошел оттуда и набрел на косцов - вся деревня. Говорил о многом с ними, о земле, о солдатчине, о том, что сами себя поработают. О том, что трудно освободиться от бедности, а еще труднее от богатства. Что жить надо для души, и все будет хорошо. Обедал, читал. Чувствовал себя сравнительно бодро. [...]

[23 июня 1909] Случилось неожиданное то, что я прочел вслух "Единую заповедь". Ответ - молчание и явно скука.

23 И. Спал очень хорошо. Проснувшись, думал и о вчерашнем. Пора понять, что если хочешь служить людям, то работай для grand monde - рабочего народа и его имей перед собой, когда пишешь. Наш брат в огромном большинстве безнадежен. А те жаждут.

Записать:

1) Дурное расположение духа не только не вредно, но всегда полезно для работы над собой.

2) Нельзя ли вместо того, чтобы думать, что мысль плохо работает от прилива крови к мозгу, или на душе мрачно оттого, что печень не в порядке, думать, что недостаточно прилива крови к мозгу и печень не в порядке от слабости работы мысли и от мрачности души. Одно нераздельно с другим. Что причина и что следствие. Признаем же мы обыкновенно вещество причиной духовного потому, что внимание наше направлено на вещественные изменения, а не на духовные.

3) Когда человек один, ему легко быть хорошим. Только сойдись с другими и он становится дурен. И чем больше людей сходится вместе, тем труднее им удержаться от дурного. От этого-то так важна, нужна любовь. Только с нею, не делаясь хуже, могут сходиться люди.

[...] Теперь 11-й час. Сажусь за работу.

24 июня. Все ничего не пишу, кроме поправок "Единой заповеди" и писем. Вчера начал поправлять, упрощая язык и форму. Но повело это только к перестановке глав и исправлениям. Ходил гулять. Нога не хужеет. Вечер со всеми. Голицына. Тяжело говорить без цели. Нынче только проснулся - известие о Черткове. Отказ. Написал ему и Гале письма. Опять занялся "Единой заповедью", погулял и теперь поеду в Велью к старику. Получил Июнь "Круга чтения". На душе очень хорошо. [...]

26 июня. Совершенно неожиданно пропустил день. Третьего дня опять поправлял "Единую заповедь". Читал "новый круг чтения". Недурно. Ходил пешком недалеко. Приехала Зося. Я ходил встречать и встретил Василия Панюшкина. Долго гуляя, говорил с ним. Прекрасный юноша. В этих, только в этих людях надежда на будущее. Да хоть ничего не выходи из них, хорошо и для них, и для меня, и для всех, что они есть. Вчера 25. Опять то же. Все больше и больше просится "Казнь Евдокима". Ходил по парку. Большая слабость, сонливость. После обеда ходил к Ефрему. Только ограниченность большая и еще большее самомнение. Нынче ошибся часом и встал в 6. Погулял, начал новое "нет в мире виноватых" и кое-что сделал. [...]

Нынче 29. Встал рано. Казалось, спал хорошо. Пошел гулять, хорошие мысли, нужные, но на половине прогулки ослабел, насилу дошел. И дома ничего не мог

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
делать путного. Поправлял "Единую заповедь". От Черткова известие, что он не приедет. Это лучше. Слабость все хуже и хуже. Спал днем от 2 до 4-го часа. Теперь 5-й, встал и все-таки слаб.

30 июня. Вчера вечер ничего не делал. Прошелся. Немного свежей. Сегодня хорошо спал. Чертков приезжает. Поеду в час. Гулял. Написал новую главу о чудесах недурно. Хорошие письма от мужиков и Молочникова. Письмо Александра. [...]

2 июля. Страшно слаб. Чуть-чуть приписал к "О науке" и ничего не делал. На душе недурно. Отложил отъезд. Как нарочно вчера играла со мной в карты воспитанница Сухотина, директриса гимназии, с белыми руками, сытая, хорошая, выхолненная - крестьянская сирота, которой дали образование...

Нынче встал рано, слаб, но хочу все-таки поехать. Записано что-то, чего не могу ни разобрать, ни вспомнить.

3 июля. Два дня пропустил. 30 июня. Поехал к Черткову. Радостное свидание с ним. Вечером опять к нему. 1 июля. Утром писал очень недурной ответ крестьянину об образовании. Не кончил еще. Поехал на ярмарку. Хорошо было, но ожидал большего. Вечером к Черткову. Опять хорошо очень было. Он сделал замечания об "Единой заповеди." верные.

5 июля. [Ясная Поляна] Поехал 3-го, как решил. Был у милого Абрикосова. Таня провожала до Мценска. Поехал в третьем классе, и очень приятно - жандарм и переселенцы. Те люди, с которыми обращаются, как с скотиной, а которые одни делают жизнь и историю (если она кому-нибудь интересна). Дома хорошо. Саша все такая же и хорошая. Вчера, 4. Читал кучу писем. Есть хорошие. Ездил к Гале проститься. Писал "О науке" немного. После обеда пришел милый Николаев. Хорошо говорили, и поправил по его совету места в "Неизбежном перевороте". Здоровье недурно. На душе очень хорошо. [...]

Записать:

1) Самый трудный, критический возраст - это когда человек перестает телесно расти, сильнеть... я думаю, около 35 лет. Развитие, рост тела кончается, и должно начинаться развитие, рост духовный. Большею частью люди не понимают этого и продолжают заботу о росте телесном, и ложное взятое направление бывает губительно.

8 июля. Третьего дня, 6-го. Не помню, кажется, поправлял немного о науке. Ходил по саду. Ничего больше не помню. На душе хуже. Но не падаю. Иван Иванович милый был, хорошо говорили. Вчера совсем ничего или почти ничего не писал. Ездил к Марье Александровне. Олсуфьевы. Вечером Андрей. Мало борюсь с отвращением к нему. Хочу и буду бороться. Соня больна рукою. Олсуфьевы и Маша приятны. Читал Маше о науке.

Нынче, 8-го, писал очень недурно. Да, забыл, вчера был бестолковый разговорщик, я недобр был. Ездил верхом один тихо. Сашины дела кончились. Стражника нет больше.

Нынче 11 июля. Нынче очень хорошо доканчивал "О науке". Ездил с Онечкой к Чертковым. У нас Денисенки, которые мне очень приятны. Сейчас Леночка рассказала мне историю Веры. Я рад был узнать.

Вчера тоже писал письма вечером, а потом "О науке" и, главное, кажется, кончил "Единую заповедь" и письма. Третьего дня помню только, что ездил верхом. Не помню. Устал. Решил ехать в Штокгольм. На душе хорошо.

12 июля. Очень мало спал. С утра дурно обошелся с глупым малым, просившим автограф. Два раза начинал говорить с ним серьезно, оба раза он перебивал меня, прося "на память". Вчера вечером было тяжело от разговоров Софьи Андреевны о печатании и преследовании судом. Если бы она знала и поняла, как она одна отравляет мои последние часы, дни, месяцы жизни! А сказать и не умею и не надеюсь ни на какое воздействие на нее каких бы то ни было слов.

С утра до кофе взялся за "О науке" и поправил, но весь вышел. Усталость мозга. Утром в постели записал кое-что для конгресса. [...]

13 июля. Встал слабый. Но работал. "О науке" недурно. Гулял слабый. Вечером Николаев, Гольденвейзер. Сон лучше.

14 июля. Встал слаб. Кое-что записал ночью. Опять все утро занимался письмом "О науке". Все еще не совсем кончил. Ездил с Онечкой в Засеку. Очень приятно. Заснул. Встал очень слабый. Соне хуже. Много думал - не важного, но хорошего, даже очень. Теперь 9-й час. [...]

19 июля. Четыре дня не писал. Все эти дни все писал письмо "О науке". Вчера, помню, был Давыдов. Я ходил пешком. 17-го ездил верхом с Онечкой, был, кажется, Андрей. Вел себя хорошо - я. 16-го не помню. Нынче с утра ходил, хорошо думал;

[...] Нынче писал "О науке", потом колпенские мужики, потом милые юноши, рабочие из курсов Тиле. Хорошо поговорили. Ездил верхом. Соня все так же хворает. Был с ней сначала тяжелый, а потом хороший, умиленный разговор. Записывать есть что, буду завтра. 12-й час, ложусь спать.

20 июля. Вчера ночью получена телеграмма от Поповой, матери судимого, о том, что она едет. Нынче утром, проснувшись, стал думать о том, что я мог бы для нее сделать, и написал письмо Столыпину, кажется, недурное. Чувство было хорошее. А теперь 1-й час дня, а ее все нет. [...] Два дня читал понемногу Мечникова книгу и ужасался на ее легкомыслие и прямо глупость. Хотел написать недоброе. Нынче решил, что если напишу, то напишу любовное. Записать:

[...] 3) Первая мысль при известии о перелете Ламанша - как применить аэропланы к войне, к убийству.

Хотел здесь вписать пришедший в голову рассказ, да не осилю сейчас, здесь. Начну отдельно.

[...] Сейчас для Штокгольма перечитывал и письмо к шведам, и "Царство божие". Все как будто сказано. Не знаю, что еще сказать. Кое-что думаю, что можно и должно. Видно будет.

Читая же это свое старое писанье, убедился, что теперешние мои писанья хуже, слабее. И слава богу, не огорчаюсь этим. Напротив: буду удерживаться от писанья. Другая, более важная и нужная работа предстоит мне. Помоги, бог мой.

21 июля. С вечера вчера Софья Андреевна была слаба и раздражена. Я не мог заснуть до 2-х и дольше. Проснулся слабый. Меня разбудили. Софья Андреевна не спала всю ночь. Я пошел к ней. Это было что-то безумное. Душан отравил ее и т. п. Письмо Стаховича, про которое я должен был сказать, потому что она думала, что что-то скрываю от нее, вызвало еще худшее состояние. Я устал и не могу больше и чувствую себя совсем больным. Чувствую невозможность относиться разумно и любовно, полную невозможность. Пока хочу только удалиться и не принимать никакого участия. Ничего другого не могу, а то я уже серьезно думал бежать. Ну-тка, покажи свое христианство. *C'est le moment ou jamais* [Теперь или никогда (фр.)]. А страшно хочется уйти. Едва ли в моем присутствии здесь есть что-нибудь, кому-нибудь нужное. Тяжелая жертва, и во вред всем. Помоги, бог мой, научи. Одного хочу - делать не свою, а твою волю. Пишу и спрашиваю себя: правда ли? Не рисуюсь ли я перед собой? Помоги, помоги, помоги.

[...] Записано одно:

Считать свою жизнь центром жизни есть для человека безумие, сумасшествие, аберрация.

22 июля. Вчера ничего не ел и не спал, как обыкновенно. Очень было тяжело. Тяжело и теперь, но умиленно хорошо. Да, - любить делающих нам зло, говоришь. Ну-ка, испытай. Пытаюсь, но плохо. Все больше и больше думаю о том, чтобы уйти и сделать распоряжение об имуществе. [...]

23 июля. [...] Решил отдать землю. Вчера говорил с Иваном Васильевичем. Как трудно избавиться от этой пакостной, грешной собственности. Помоги, помоги, помоги.

Писал вчера утром. В продолжение дня ничего путного не сделал. Продиктовал пустые письма и диктовал заявление в конгресс мира (плохо очень). Ездил в

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Телятинки. Таня милая приехала. Милая, но все-таки чуждая, не до такой степени, как сыновья, но милая, ищущая близости, не борющаяся с истиной. Читал прекрасный рассказ о казнях. Очень мало спал и опять умиленно взволнован. Ходил много. Теперь 10 часов. Едва ли что буду работать. Записать:

1) Записано так: считать одну свою жизнь жизнью – безумие, сумасшествие. Неверно. Этого не бывает. Сказать лучше: чем большую долю жизни признаешь в своей жизни, тем меньше жизни; и наоборот.

[...] 4) В то время, как мыслящие люди нашего времени заботятся о том, как бы освободиться от собственности вообще и самой преступной – земельной собственности, у нас заботятся об утверждении чувства собственности. Вроде того, как если бы в половине прошлого века у нас заботились бы о том, чтобы укрепить, утвердить чувство рабовладения и рабства.

24 июля. Вчера, как и предвидел, ничего не работал. Кое-какие неважные письма. Приехали Гинцбург и Поссе. Поссе – образец "интеллигенции". Кажется, хороший, даже наверно. Ездил с Онечкой. После обеда говорил с милой Таней очень хорошо. Она указала мне на мой прежний грех – верно. Вечером дети и все веселились, плясали. Соне немного лучше, но она очень жалка. Вот где помочь, а не отворачиваться, думая о себе. Спал немного. Все та же слабость и умиление. Думал много, но разбросанно. От Черткова очень хорошее, радостное письмо. [...]

25 июля. [...] Почитал "Круги". Потом начал писать для конгресса мира. Лучше, но слабо. Попался томик французских моих писем. Очень хорошо переведено и хорошо по содержанию. Я, очевидно, стал умственно слабее. Надо не писать глупостей.

26 июля. Вчера приехал шурин Ал. Берс с семьей. Никак не мог удержать не выражения, но в себе отвращения. Дурно. Стал слаб в общении с людьми. Ездил немного верхом. Написал несколько ничтожных писем. [...] На душе хорошо. Софья Андреевна уж говорила, что я ей обещал не ехать в Швецию. Здоровье ее лучше. Немного писал о войне и письмо французское Стыку. [...]

Да, это хорошее определение любви: Etre un homme n'est rien; etre homme est quelque chose; etre l'homme voilà ce que m'attire. – Amiël [Быть одним из людей – это ничто; быть просто человеком – это уже нечто; быть вполне человеком – вот то, что меня привлекает. – Амиель (фр.)].

Приехали к обеду сын Сергей и Бутурлин, и утром еще Маклакова. После обеда заговорил о поездке в Швецию, поднялась страшная истерическая раздраженность. Хотела отравиться морфином, я вырвал из рук и бросил под лестницу. Я боролся. Но когда лег в постель, спокойно обдумал, решил отказаться от поездки. Пошел и сказал ей. Она жалка, истинно жалею ее. Но как поучительно. Ничего не предпринимал, кроме внутренней работы над собой. И как только взялся за себя, все разрешилось. Целый день болел живот. Письма ничтожные. Интересный разговор с Бутурлиным. Иван Иванович все растет и все ближе и ближе мне.

27 июля. Спал мало, но встал без боли. Ходил гулять, молился и умилялся до слез от внутренней радости и благодарности. И теперь есть отзвуки этого чудного чувства. Вернулся. Написал письмо Мечникову и французское Стыку. Немного поправил шведское. [...]

29 июля. Вчера не писал. Третьего дня вечером много народа: Сергей, Раевский, Гольденвейзер. Неприятный спор с Сергеем. Разумеется, кругом виноват я. Говорил ему неприятности. Вчера почти не спал. Ночью написал в дневник представление о людях и их жизни. Делать ничего не делал. Началось опять мучительное возбуждение Софьи Андреевны. Мне и тяжело и жалко ее: и слава богу, удалось успокоить. Приехала Машенька, очень приятно. Нынче ничего не делал. Шведскую речь начал, но не пошло. Есть что записать, но некогда. Иду завтракать.

30 июля. Вчера ездил верхом в Колпну и к Чертковым. Был в дурном духе сердился даже на лошадь. Вечером Гольденвейзер. Разговор с Софьей Андреевной. Как будто лучше. Записать о музыке.

В новой, господской музыке пошло в употребление украшение, состоящее в том, чтобы, перебив ритмическое выражение мелодии, делать антимилодические и антиритмические отступления, самые чуждые мелодии, и потом, чтобы rehausser [возвысить (фр.)] прелесть мелодии, из этих отступлений возвратиться к мелодии.

Со временем же стали в этих отступлениях полагать смысл музыки.

Нынче очень хорошо спал, приехал корреспондент Спиро. Я дал ему сведения и закончил статью на конгресс. Гусев удивительно хорошо изложил "О науке". Прочел Бутурлину из дневника. Разговор с Софьей Андреевной, как всегда, невозможный. Теперь 2 часа, поеду верхом.

1 августа. Ездил третьего дня в Колпну. Ошибся. Кажется, никуда не ездил. Вечером Бутурлин и Гольденвейзер. Вчера переводил "конгресс" и ездил верхом с Сашей. Вечером прочел вслух речь конгрессу – нехорошо. Нынче поправил. Лучше. Очень тяжело. Должно быть, даже наверное, сам виноват. Нынче лучше. Все не раздумал план. [...] Записать:

[...] 2) как ни странно это кажется, самые твердые, непоколебимые убеждения, это самые поверхностные. Глубокие убеждения всегда подвижны.

2 августа. Вчера ходил по дождю d'une humeur de chien [в скверном настроении (фр.)]. Худо не сделал, но на душе нехорошо, нет любви по чувству. Вечер сидел со всеми. Нынче проснулся в 5 и думал хорошо. Об истинной вере в бога, той, при которой не нужно чудес и не интересна природа и ее изучение. Потом думал о конгрессе и записал, не одеваясь. Потом походил, написал два письма крестьянам. Прочел письма. Пришла Софья Андреевна, объявила, что она поедет, но все это, наверное, кончится смертью того или другого, и бесчисленные трудности. Так что я никак уже в таких условиях не поеду. [...]

5 августа. Прошло два дня незаписанных. Вчера вечером приехали разбойники за Гусевым и увезли его. Очень хорошие были проводы: отношение всех к нему и его к нам. Было очень хорошо. Об этом нынче написал заявление. Пропасть писем. Много просительных, прекрасные письма Александра. Теперь скоро час. Вчера, 4-го, исправлял "конгресс" и, кажется, почти хорошо. Ездил с Онечкой верхом. Читал всем "Единую заповедь". Онечка понимает. Третьего дня, 3-го. Приехала Вера. Ездил верхом с Онечкой далеко в Засеку, плутал. Утром тоже "конгресс". Вот и все.

[...] Софья Андреевна готовится к Стокгольму и, как только заговорит о нем, приходит в отчаяние. На мои предложения не ехать не обращается никакого внимания. Одно спасение: жизнь в настоящем и молчание.

8 августа. Опять прошло два дня. 6 августа был важный день. Я, как обыкновенно, гулял, потом сел за работу "О войне", пришла Софья Андреевна и объявила, что конгресс отложен. То же сообщил и Александр Стахович. Говорил с ним, и его самоуверенная, развязная и добродушная ограниченность раздражают меня. Вел себя дурно, слушал себя. Важное-то было не 6-го, а 5-го вечером. Приехали полицейские за Гусевым и увезли его в тюрьму, а потом в Чердынь. Все это прошло очень хорошо. И он держал себя хорошо, как это и свойственно ему, и все высказали ему заслуженную им любовь и уважение.

Стахович приехал уже на другой день. Тот день, в который уезжали Денисенки. Я ездил с Сашей верхом. Дома Миташа. Он умен, но Стахович несносен. Я был очень мрачен. 7-го, вчера. Вернувшись с прогулки, застал двух:

один юноша, другой грузин политический, возвращающийся из ссылки. Сначала принял холодно. Разговорился и, слава богу, полюбил. Юноша сказал мне, что меня обвиняют за то, что я отдал имущество фиктивно семье. Это, к стыду моему, огорчило меня, хотел просить кого-нибудь написать об этом. Плох я, забываю, что жизнь только перед богом и в себе и вне себя. Потом докончил о войне и о Гусеве. О Гусеве плохо, но пошлю. Ездил верхом. Вечером сидел со всеми. Физически дурное настроение. Вел себя не совсем хорошо, но и не дурно совсем. Записать:

1) Не люблю я говорить с людьми, которые, слушая вас, делают вид, что они знают то, что вы скажете, и вперед соглашаются с вами. Мы, мол, понимаем друг друга, и все. Крестьяне свои почти всегда слушают и говорят так.

2) Любовь к себе – своему телесному я и ненависть к людям и ко всему одно и то же. "Люди и все не хотят меня знать, мешают мне, как же мне не ненавидеть их?"

3) Наша вся жизнь подобна сновиденью одной ночи в котором забыто все, что было до этого сновидения.

10 августа. Вчерашний день пропустил, а он был интересный. Утром ничего особенного не делал. Гулял, но немного, был слаб. Перед обедом привезли Гусева. И я не мог удержаться от смеха, как допускали к нему Сашу и Душапа и Марию Александровну поодиночке. Он очень взволнован, но хорошо.

Нынче г утра пришел Засосов, крестьянин, ездивший к духоборам и теперь отказывающийся от воинской повинности. Очень мне понравился. Помоги ему бог (в нем). Я ничего не писал, кроме письма, продиктованного Саше. Было одно письмо грубо ругательное. С точки зрения распространения истины – радостно, а просто по душе грустно, – за что и зачем ненавидят. Записать:

1) Очень важное и старое, но в первый раз ясно понятное: то, что для того, чтобы жизнь была радостна (чем она должна быть), надо (точно, не на словах, а на деле) полагать свои цели ни в себе, Льве, а в делах любви, и дела любви все всегда вне меня в других. Я в первый раз понял, что это можно. Буду учиться. [...]

11 августа. Утром получена телеграмма, что статья о Гусеве будет напечатана. Потом телеграмма от Matin о Гусеве же. Читал Канта, думаю все о движении и веществе, пространстве и времени. Ездил верхом в Ясенки. Здоровье получше, иду обедать. Был милый юноша, идущий в Иерусалим, и еще раз Засосов, очень радостное впечатление.

12 августа. Встал очень рано, совсем здоров. Вчера еще появилась моя статья почти полностью. Утром хорошо думал и дома и на прогулке. Немного читал Канта. Получил письма скорее неприятные. От социалиста Антонова и Великанова. Зато и хорошие, трогающие меня очень. Набросал ответы. Слава богу, отменил письмо об отдаче имущества, – как бываешь слаб временами!

13 августа. Вчера прочел свою статью. Приехали Стахович Александр и Струве. Малоинтересны и тяжелы, особенно Струве. Читал им напрасно "О науке" и напрасно говорил. Нынче очень мало спал и слаб. На душе недурно.

15 августа. Вчера вечер – скучно. Нынче, посоветовав Машеньке ехать к обедне, встал в 6 и ездил к попу. Чудное утро. Как много мы теряем, просыпая утра. Читал "Новую философию". Как искусственно, ненужно. Получил письма, и опять от Великанова, и опять тяжело. За что? Письма от Гусева. Ему было тяжело. Ездил верхом с Зосей. Грустно. Особенно гадкого ничего. Иду обедать. Ничего не писал. Даже записать нечего.

16 августа. Очень скучно было весь вечер. Так я далек от того, чем живут все окружающие меня.

[...] Нынче спал лучше. Но проснулся слабым и умиленно добрым.

И как-то радостно,

И так все хочется плакать.

В объятья вечности

Так бы и кинулся.

[...] Думал о славе людской. Есть в этой потребности доброго мнения о тебе – любви к тебе людей что-то непреодолимое и законное. И сейчас мне пришло в голову то, что насколько ложно, преступно желание похвалы, любви людей при жизни, настолько хорошо, добро, законно желание продолжения своей жизни в душах других людей после своей смерти. В этом желании нет ничего потакающего личности, нет ничего исключительного; а есть одно желание участия в общей, всемирной, духовной жизни, участия в деле божием, бескорыстное, безличное. Кажется, что это верно.

[17 августа] Ничего не писал вчера. Даже письма не мог писать – так чувствовал себя слабым, но, слава богу, не злым. Приехали Иван Иванович и Мария Александровна. Ездил верхом с Зосей. Очень приятно лесами. После обеда прогоняли пришедших, а оказались милые ребята. В письмах ничего особенного. Вечером Гольденвейзер играл очень хорошо. Нынче спал не мало, а все слаб. [...]

18 августа. Вчера ездил с Сашей верхом. Все слаб. Вечером отдал все письма.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Соня сказала неприятное, я упрекнул мягко, она промолчала. Да, надо уметь. То же было с Копыловым, призываемым на суд за дубы. Я сказал, она сделала. Сегодня рано встал, мало спал. Ничего не работал. Читал Менция и полученные письма. Приехал Димочка, письмо от Черткова, и был Заболоцкий, очень возбужденный, но милый. Написал письмо Черткову. Приехали дубенские. Она ужасающе глупа. Объявила мне, что ее мальчик-сын ненавидит меня и любит царя. Иду завтракать и ко всем гостям.

Испытал на прогулке особенно радостное, веселое чувство любви ко всем, ко всему и подумал, от всей души подумал и пожалел тех людей, которые лишают себя этого, которые думают устраивать себе увеселения внешними средствами.

20 августа. Вчера ничего не делал, кроме коротких ответов на письма.

Ездил в Овсянникове. Буланже еще нет. Разговор с Тенишевым об едином налоге. Спокойно, кротко на душе. Вечером с Михаилом Сергеевичем приятно. Все слаб.

Сегодня проснулся все слабый и не бодрый умом. Ходил навстречу лошадям и дорогой думал только одно и практически очень важное, именно то, что я, должно быть, всем надоел своими не переставшими писаниями все об одном и том же (но крайней мере, так это должно казаться большой публике), вроде Croft Hiller'a, и что надо молчать и жить; а если писать, и то если очень захочется, то только художественное, к которому меня часто тянет. И, разумеется, не для успеха, а для того, чтобы более широкой аудитории сказать то, что имею сказать, и сказать, не навязывая, а вызывая свою работу. Помоги бог. [...]

21 августа. Вчера ответил неважные письма. Ездил с Михаилом Сергеевичем и с Сашей в Телятинки. Дама с проектом о воспитании. Во время обеда приехали Боткины – скучно. Говорил с Гольденвейзером и Николаевым о едином налоге. Сегодня проснулся рано. Очень, очень слаб. Начал читать Photer о Китае. Хорошие, добрые письма, которых не стою. Ничего не хочется писать. [...]

[...] Было пшеничное зерно, оно лежало тысячи лет в египетских гробницах, и оно ничего не знало про себя. Для него самого – для зерна – было все равно, что его не было. Ученые раскапывали гробницы и, найдя в них зерна пшеничные, чтобы испытать их, взяли несколько и покрыли землей и стали поливать водой. И вот зерно, которое было, но ничего не знало про себя, вдруг узнало про себя, что оно есть, и есть в одно и то же время и зерно, и росток.

Не могу продолжать, очень слаб.

Может быть, и выйдет. Иду к рабочему и завтракать.

22 августа. Рабочий милый, но просил денег. Ездил верхом. Очень слаб был до вечера. Вечером лучше. Сегодня встал свежее. Душан принес письмо польке. Немного поправил. Гулял хорошо. На душе хорошо, но слаб, и мысль не работает. E sempre bene [А все-таки хорошо (ит.)]. Как бы хорошо не писать. Думал о зерне дальше, но писать не могу. С пользой и наслаждением читал "Круги чтения". Как для того, чтобы зерно получило жизнь, нужно закрыть его землей, так и для того, чтобы душа жила, нужно, чтобы она была закрыта телом. Теперь 12-й час. Ничего не делаю и не буду делать. Слабость, слабость, слабость. Стал замечать за собой поступки и мысли, вызываемые славой людской. Прежде не замечал их.

Вечером Андрей с женой, Гольденвейзер милый, Николаев. Хороший с ними разговор. Ночь спал мало, но мысль начала работать. Гулял по Заказу, чудное утро. Как облачко с неопределенными очертаниями с одной стороны, месяц высоко в ярко-голубом, над зеленым морем леса, небе. Очень хорошо. Думал много и хорошо, но не хочу записывать. [...]

24 августа. Ходил приятно далеко. Думал о том, что в жизни истинно есть. Записал в книжечке. Опять ничего не писал. Читал Евангелие, очень хорошо. О Гоголе тоже хорошее чувство. Особенно понравилось, как готов обнять человечество, но не человека .

[...] Обед, как обыкновенно. Вечером читал Конфуция и говорил много и хорошо с Иваном Ивановичем об изданиях и книг о религиях и копеечных изданиях "На каждый день".

25 августа. Встал довольно бодро, вышел - и первый блин комом: мужик новосильский просит помощи, и я спешил идти и недобро поговорил с ним. И сейчас же стало стыдно. И так радостно было, когда он догнал меня, и я поговорил с ним по-братски, попросил у него прощения. Сел на дороге кое-что записать и вижу - идет человек с девочкой. Этого я уж принял без ошибки и хорошо поговорил с ним. Он с дороги увидел меня и хотел повидать. Он читал кое-что, но церковным дорожит, говорит, что нужна торжественность. Потом встретил юношу, учителя. Тоже поговорил недурно. Он приехал за советом.

Дома составлял первую книжечку: "Для души". Надо 12 книг. 1) Для души. 2) Весь закон в любви. 3) Бог в тебе. 4) Бойся греха. 5) Бойся соблазна. 6) Бойся ложной вранья. 7) Один закон для всех. 8) Истинная наука. 9) Истинная свобода. 10) Жизнь в том, чтобы приближаться к богу. 11) Нет смерти. 12) Все благо. Такие заглавия или вроде этого. Письма маловажные. Спор с Машенькой о том, что бывают святые, поборовшие все человеческое. Я отстал, но спорил. И то плохо. Плохо и то, что прочел статью Меньшикова и почувствовал неприятное. Записать:

[...] 2) очень важное. Хотя это и очень нескромно, но не могу не записать того, что очень прошу моих друзей, собирающих мои записки, письма, записывающих мои слова, не приписывать никакого значения тому, что мною сознательно не отдано в печать. Читаю Конфуция, Лаотзи, Будду (то же можно сказать и об Евангелии) и вижу рядом с глубокими, связными в одно учение мыслями самые странные изречения, или случайно сказанные, или перевернутые. А эти-то, именно такие странные, иногда противоречивые мысли и изречения - и нужны тем, кого обличает учение. Нельзя достаточно настаивать на этом. Всякий человек бывает слаб и высказывает прямо глупости, а их запишут и потом носятся с ними, как с самым важным авторитетом. [...]

26 августа. Встал как обыкновенно и так же гулял одиноко. [...] Занимался тем, чтобы составить другие полные книжечки "На каждый день". Начинаю все больше и больше подумывать о художественной работе трех поколений. Очень бы хорошо. Тяжело то, что всегда тяжело. Ездил с Душаном. Проезд царя. Уже не пропустят. Хочется тоже в письме к польке высказаться о грубости, очевидности насилия и обмана.

[...] 1) думал о том, как я стрелял птиц, зверей, добивал пером в головы птиц и ножом в сердце зайцев без малейшей жалости, делал то, о чем теперь без ужаса не могу подумывать. Разве не то же самое с теми людьми, которые теперь судят, заточают, приговаривают, казнят. Неправильно думать, что такие люди знают, что дурно то, что они делают, и все-таки делают. Они, так или иначе, доходят до неведения того, что дурно то, что они делают. Так это было со мной с зайцами.

Вечером пришел человек хорошо одетый, с чемоданом: сначала о своих сочинениях, потом о том, чтобы я дал денег доехать до Гомеля, а если не дам, он останется здесь на лавочке. Я отказал и ушел. Потом подумал, что вот случай приложения непротivления, и пошел к нему и с помощью Душана обошелся с ним без зла.

27 августа. Встал очень рано. Кроме "Круга чтения", читал "Христианское учение" и обдумывал исправление его. Написал еще письмо Павлову. Ездил к Ивану Ивановичу. Очень хорошо было видаться с Буланже. Дома Таня, и вечером очень скучная болтовня. Много думается и о "Нет в мире виноватых", и о письме польке, и о проекте для Маклакова. Попробую сказать. Да, написал еще письмо Гусеву. Записано ночью:

Я чувствую, что ко мне отношение людей - большинства - уже не как к человеку, а как к знаменитости, главное, как к представителю партии, направления: или полная преданность и доверие, или, напротив, отрицание, ненависть. Сейчас 10 часов вечера. Иду в гостиную.

28 августа. Вчера вечером не было ничего особенного.

Проснулся рано. Ходил. Кажется, ничего не записал. С утра приехали Маклаков, Цингер, Семенов. Я позвал Маклакова и говорил с ним о том, чтобы он поднял вопрос в Думе. Он говорит, что ничего не знает о Генри Джордже и что вопрос не может не только пройти, но и вызвать суждения. Он практически очень умен, но совершенно плотно заткнут для всех настояще нужных людям вопросов как и очень, очень многие. Доканчивал поправку "Христианского учения". Я думаю, что все-таки немного лучше. Приехали Дима, Гольденвейзер, Марья Александровна, Иван Иванович.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Обед, и ужасно, ужасно мучительно тяжело. Содействовали тяжести письма из Берлина по случаю письма Софьи Андреевны и статьи "Петербургских ведомостей", в которых говорится, что Толстой обманщик, лицемер. К стыду своему, но радовался тому, что ругают, а было больно. И весь вечер мучительно тяжело. Уйти? Чаще и чаще задается вопрос. Только с Цингером хороший, для меня полезный разговор о математике, высшей геометрии, и с наивным Митечкой об уголовном праве. Очень уныло, грустно, слабо ложился спать.

29 августа. Вчера вечером приехал милый Булыгин. Смотрит твердо на ожидающий его сына отказ от воинской повинности. Сейчас, проходя в передней, услышал его громкий голос, говоривший: "нельзя жить той зверской жизнью, которой мы живем", и голос сына Сергея, говорящий: что "точно наша жизнь теперь не хороша, но что вообще в устройстве жизни нет ничего нехорошего". И я в первый раз ясно понял мирозерцание этих людей, увы, называемых образованными. [...]

Сегодня спал так, как не помню, чтобы спал давно. Встал в девять, и голова радостно свежа. Думал о Машеньке, Дундуковой и всех обращающих меня:

Как они не хотят видеть того, что я, стоя одной ногой в гробу и все силы не ума только, а души употребивший на ответ: во что верить и как жить, и знающий все то, что они знают, de gaiete de с?ur [умышленно (фр.)] гублю себя. Удивительно, как это не больно бы было им, если бы сказать им это. Их забота обо мне доказывает только их не полную веру в свое. Я не хочу обращать их. Сейчас сажусь за письма и работу.

30 августа. Письма вчера прочел, но работы никакой не делал. Да и не помню, что было. Ездил с Сашей верхом в Ларинское. Милый Димочка с ребятами и мужички праздничные. Дома все то же и, скорее, тяжело. Письмо от Шмита, ответил. Приехал милый Булыгин и Гольденвейзер. Лег спать, как обыкновенно. Да, простился с очень милой Таней. Сейчас сломал ноготь, и немного больно. И подумал, как мало мы, здоровые и не страдающие, ценим свое здоровье и сострадаем чужой боли.

Сегодня проснулся очень поздно, в девять, и нездоровится, и все хочется спать. Прочел письма, ответил. Говорил с бывшим революционером Пономаренко и дал ему с товарищем 20 р. Потом опять спал, говорил с Булыгиным хорошо, делал пасьянс. Поговорил с Сашей (без эпитетов). Теперь 6 часов, ничего не ел и не хочется, а на душе хорошо, и в голове чрезвычайно ясно.

31 августа. Вчера был не добр в душе и даже на словах с Сережей (сыном). Вот уже именно cercle vicieux; [заколдованный круг (фр.)] как только не в духе, так не любишь людей, а чем больше позволяешь себе не любить, тем больше и больше становишься не в духе.

[...] Вчера продиктовал Саше письмо к Столыпину, - едва ли кончу и пошлю. Нынче утром был псаломщик, с которым я, только что узнал, что он проситель, отказал, и потом стало стыдно. Потом был в высшей степени интересный человек скопец 30 лет, сильный мужчина. Спрашивал мое мнение об оскотлении, и я не мог дать убедительного доказательства неправильности этого. Он говорит, что в послесловии к "Крейцеровой сонате" есть подтверждение этого. Потом он говорил с Сашей, удивляясь на роскошь жизни, в которой он нашел меня.

Много думал, но ничего и в книжку не записал, от слабости. Иду обедать. [...]

1 сентября. Встал рано, гораздо бодрее. Но ничего не работал. Кажется, читал. На душе все стыдно. Потом приезжие из Киева - парикмахер и глухонемой Миллер, богатый. Глухонемой читал и хочет жить по-христиански. Очень интересен. Ездил верхом в Телятинки. Вечер, как всегда, тяжелый.

Записываю за два дня и потому не помню. Нынче 2-е сентября.

Вчера утром ходил. Говорил немного с Берсом. Ни на ком, как на очень неумных людях, не очевидно то разрушение, devastation всего духовного и замена всего нужного неразберимой кашей. Писал письмо польке. Кажется, порядочно. Пришли опять киевский и Миллер, и мне было больно слышать рассказ киевского о том, как он встретил бабу, у которой загнали лошадь и требовали рубль, и как она ругала меня и всех нас чертями, дьяволами. "Сидят, лопают, черти..." Кроме того, говорил и про то, что мужики уверены, что я всем владею и лукавлю, прячась за жену. Очень было больно, к стыду моему. Я даже оправдывался. Потом поехал с

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Сашей верхом и дорогой справлялся. Да, это – испытание, надо нести. И на благо. Впрочем, то, что это на благо, я понял, почувствовал только нынче, и то не совсем.

Обед. Гольденвейзер хорошо очень играл. Иван Иванович. Да, вчера продиктовал Саше письмо Дундуковой. Встретил на прогулке возвращающихся из ссылки революционеров. От души говорил с ними.

Сегодня мало спал, но свеж. Только вышел – баба, у которой загнали двух коров и второй день не выпускают. Очень тяжело. Но нынче легче. Признаю это испытанием, посланным на благо, для освобождения от тщеславия.

Ночью и поутру нашло, кажется, никогда не бывшее прежде состояние холодности, сомнения во всем, главное, в боге, в верности понимания смысла жизни. Я не верил себе, но не мог вызвать того сознания, которым жил и живу. Только нынче с утра опомнился, вернулся к жизни. Все это казнь за недобрые, нелюбовные чувства, на которые я попустил себя в предшествующие дни. И поделом. Как ни странно это сказать: знание бога дается только любовью. Любовь есть единственный орган познания его.

Сейчас вернулся с длинной прогулки. Надеюсь поработать. Завтра собираюсь поехать к Чертковым.

Сегодня 3 сентября. Очень мало спал. Желудок расстроен, но все-таки еду. Вчера приводил все в порядок. Калачов был. Колебался, ехать ли? Приехали синематографчики, несмотря на отказ. Я допустил, но без моего участия. Теперь 10-й час. Собираюсь.

4 сентября. Москва. Вчера хорошо доехали. Долго ждал. Дорогой было бы хорошо, если бы не любопытство и лесть – раздражающая, развращающая пассажиров. Доехали хорошо. Спиро, которому я высказал слишком резко о Сытине. Милые Чертковы, потом Иван Иванович. Рад был, что между ними хорошо, как и должно быть. К вечеру очень ослаб. Спал хорошо. Пошел гулять по городу. Очень сильные впечатления детей. Ох, хорошо бы художественное описание не для себя, а для служения. [...] Ходил по улицам и ужасался на разврат, – не на разврат, а на явное отсутствие нравственно религиозного сдерживающего начала. А очень, очень многие крестятся, проходя мимо церквей. Записать:

[...] 5) Произведение искусства только тогда истинное произведение искусства, когда, воспринимая его, человеку кажется – не только кажется, но человек испытывает чувство радости о том, что он произвел такую прекрасную вещь. Особенно сильно это в музыке. Ни на чем, как на этом, не видно так главное значение искусства, значение объединения. "Я" художника сливается с "я" всех воспринимающих, сливающихся в одно.

Сейчас 10 часов. Идет Чертков звать к Цимерману. [5 сентября. Крекшино] Были у Цимермана. Очень хороша музыка. Потом ходил по Кузнецкому, потом на поезде приветствия, – пища тщеславию – соблазн. Но не слишком поддавался. Приехали в Крекшино. Очень радостно всех увидеть. Все веселые, добрые, не говорю уже про отношения ко мне. Очень нездоровилось к вечеру.

5 сентября. Проснулся бодрое. Погулял, сел за работу Лаотзе. Недурно поправлял. Был очень серьезный, милый голландец. Потом ездили в деревню к токарю. Я ехал верхом. Вечером музыка и королевы. Скучный разговор. Как избавиться? Вспоминал о необходимости не заботиться о мнении людском, но плохо. Надо не переставать учиться. Сейчас 12-й час. Ложусь.

6 сентября. Если буду жив.

[6 сентября] жив. Проснулся бодро. Пошел гулять. Порядочно писал польке. Кое-что записал в книжке, кое-что хорошее забыл. Приходили крестьяне Крекшина и привезли от Цимермана "Миньон". Обедал со всеми, слушал музыку. Поеду верхом. [...]

8 сентября. Вчера ночью много потерял крови. Сначала было дурно, но спал хорошо и совсем бодр. Ходил гулять. Соня приезжает в два часа, чему очень рад. Поправил, кажется, окончательно письмо польке.

[...] Написал письмо Гусеву и сейчас напишу Ламанскому и даме в Пермь.

Мало работал. Слушали музыку. Пришло много народа: трое молодых крестьян, один евангелик, как всегда, упорный. Я беседовал с ними приятно. Потом еще молодой крестьянин очень серьезный. Вечером я прочел Калачеву крестьянское управление и нашим "Польской женщине" и рассказ Чехова. Было приятно, и плохого не делал: вспомнил и об осуждении, и о том, чтоб не заботиться о мнении людском. [...]

9 сентября. Спал мало. Рано вышел. На душе очень хорошо. Все умиляло. Встреча с калуцким мужичком. Записал отдельно. Кажется, трогательно только для меня. Потом встретил одного возчика, другого пешего; на лицах обоих озлобление и ненависть за то, что я барин. Как тяжело! Как хотелось бы избавиться от этого. А видно, так и умрешь. Дома записал встречу, потом просмотрел "Польской женщине", кончил, потом Лаотзе – тоже кончил. Вписал в доклад. И вот сейчас дописываю дневник. Иду обедать. Все прекрасно, говорит Саша, и я то же чувствую. Проводил Софью Андреевну. Все хорошо, но в середине дня чувствовал себя слабым. [...]

10 сентября. Спал хорошо. Походил. Зашел в мертвую, прекрасно обставленную школу, говорил с кормилицей Галиной дочери. Почитал Галины воспоминания. Очень хорошо. Перечел "Круг чтения". Ничего не хочется писать. И прекрасно. На душе очень, очень хорошо.

Все думаю: за что мне такое счастье. Все, что мне нужно, есть у меня; и что важнее всего, знаю, что это – то, что одно нужно мне, есть у меня, а именно, сознание своей жизни в очищении, проявлении, освобождении духа. Была величайшая помеха – забота о славе людской, и на меня навалился такой излишек этой славы и в таком пошлом виде славы перед толпой, что внешним образом, отталкивая – лечит. Так что борьба легка и радостна даже. [...]

10 сентября. Злоба происходит от бессилия, сказал Руссо. Как это верно!

Злится тот, кто хочет сделать то, что вне его власти, встречается препятствия и злится. А все вещественное вне власти человека. Не знает препятствий человек только в деятельности духовной. Что хочу, то делаю. А если не осиливаю, то сержусь на себя (а к себе всегда более снисходителен, чем к другим), да и сердиться не так больно, а главное, не бесполезно. Есть только один выход деятельности, не встречающей препятствий, это деятельность духовная – любви, подобно тому, как бы запертое животное билось в запертом помещении, тогда как есть дверь, но дверь, открывающаяся на себя (нехорошо сравнение).

2) Ищу радости в похвале людской: иногда достигаю, иногда случается совсем обратное – ругают. Когда же и достигаю, не получается полного удовлетворения: хочется еще и еще. Когда же удается вспомнить вовремя о губительности заботы о славе людской и подавить ее, всегда радостно, и радость эту никто не может уничтожить. И ничего больше не хочется.

11 сентября. Здоров. Записал разговор с крестьянами. Ходил – встретил студентов-евангеликов. Ездил потом с Чертковым. Ничего, кроме разговора с крестьянами, не записал. Ложусь, 12-й час.

12 сентября. Хорошо спал. Встал бодро, на душе очень твердо, хорошо. Ничего не хочется писать. И не стал писать. Читал, пасьянсы и написал два письма. Посетитель из "Русских ведомостей", Беленький, Молочников. Все идет напряженная внутренняя работа. Ездил верхом с Чертковым. Вечером пришли вязёмские крестьяне. Старший очень умный. Хорошо говорил о том, что недовольство в темном народе страшное. Царь и мужики, а остальное все стереть с лица земли. [...]

13 сентября. Все здоров, поздно встал. Думал о том, что сказать учителям. Но ничего не думалось ни об этом, ни о чем-либо другом. И целое утро ничего не писал. Вышел, и много народа: Димочка, Саламатин старик с сыном, потом дамы с мужчиной хотели руку целовать. Потом кинематограф Черткова с Тапселем, потом целая масса народа: Соня Илюшина, музыканты, Гольденвейзер с женой, Сибор, Могилевский, Тищенко, и еще и еще неизвестные. Соня повредила ногу, и очень болит. Дома угощение крестьянам, человек 200. Чертков *suffit a tout* [хватает на все (фр.)]... (для него). Потом еще народы. Обедали. Письма малоинтересные. Не успел заснуть до обеда. Играли трио Аренского, Бетховена, Гайдена превосходно. [...]

14 сентября. Встал раньше. Хочется много писать. Написал письмецо Петерсону.

[...] Много писал для учителей и поправил разговор проезжего с крестьянином. Приехали Соломахины с женами, Линева с мужем, завтракал – иду гулять. 3-ий час.

Приходили дети с учительницами из Хамовников. Соне получше. Спал много. После ужина песни Линевой. Потом вязёмские два крестьянина. Потом учителя, хорошая, серьезная беседа с ними до поздней ночи. Да, еще был Клечковский. И с ним, несмотря на его доброту, не добрый с моей стороны разговор.

17 сентября. Встал бодро. Встретился фотограф и кинематографщик. Неприятно и то, что вызывает сознание себя не божественного, а пакостного Льва Николаевича. Дорогой записал кое-что. Говорил с Чертковым о намерении детей присвоить сочинения, отданные всем. Не хочется верить. [...]

[...] Дома неприятные известия, что Соня взволновалась предложением ехать до Москвы врозь. Пошел к ней. Очень жаль ее, она, бедная, больна и слаба. Успокоил не совсем, но потом она так добро, хорошо сказала, пожалела, сказала: прости меня. Я радостно растрогался. Опять ничего не писал. Пошел ходить, забрел далеко. Чертков выручил, приехал на лошади. Сон, обед. Музыканты. Музыка не удовлетворила.

18 [сентября]. Спал мало. Пошел гулять. Не хотел проститься с музыкантами, совестно стало, вернулся и глупо, неловко сказал, и стыдно стало, и ушел. Опять чуть не заблудился. Опять пришел Чертков. Сейчас дома прибавил к первому разговору и хочу переделать второй.

Суета отъезда. Хочется домой. Как мне ни хорошо здесь, хочется спокойствия. Записать или ничего, или очень многое.

[20 сентября. Ясная Поляна] Ехали хорошо. Я прошел пешком. Кинематографщик и фотографы преследовали. В Москве узнали и приветствовали – и приятно, и неприятно, потому что вызывает дурное чувство самомнения. Обед, вечер спокойно. Дунаев, Семенов, Маклаков. Пошел в кинематограф. Очень нехорошо.

19 сентября. Спал мало. И слаб. Походил. Написал письма Наживину и Иконникову. Анучин, еще кто-то, Кописси. Поехали. Толпа огромная, чуть не задавила. Чертков выручал, я боялся за Соню и Сашу. Чувство опять то же, и неприятное сильнее, потому что явно, что это уже чувство толпы. [...]

20 сентября. Сегодня проснулся в 10 очень слабый. Много писем. Два очень ругательных. Написал о ругательных письмах письмо в газеты. Два раза ходил гулять. Слаб. Все думается – и хорошо – о письме государю и свидании с ним, думаю, что напишу. Теперь 5 часов, сделаю операцию и лягу в постель.

Заснул, обедал неохотно. Вечером Иван Иванович и не помню кто.

21 сентября. Спал лучше. Приятно ходил гулять. Много писал, статью о ругательных и письма отвечал и читал. Были Александри, Попов, Димочка. Скучно. Ездил верхом, наслаждался. На душе что-то странное, новое, радостное, спокойное, близкое к смерти. А сейчас ложусь спать, и что-то грустно, очень грустно. [...]

22 сентября. [...] Ходил далеко гулять. Занялся поправлением статьи о ругательных письмах и прочел и написал письма. Радостное чтение "Круга чтения". Ездил в Телятинки. Тяжело особенное внимание ко мне. Далеко ездил. Вечером ничего не делал. Надо много записать, но сейчас 12-й час – ложусь спать.

23 сентября. Здоров. Ходил. Встретил посетителей. Один, Ерофеев, умный, но, очевидно, славолюбивый и даровитый. Дома не неприятно, просто. Письма малоинтересные. Ничего не могу делать. На душе недурно. Не принуждаю себя. Ездил верхом на Рвы, встретил Андрея с женой. С ним тяжело. Обед с шампанским, дорогие блюда. Тяжело. Утром просители, тоже очень тяжело. И не совсем хорошо себя вел. Сейчас вечер, ложусь спать, не берусь за запись из книжки. Не хочется писать.

24 сентября. Мало спал. Гулял. Писал письмо индусу и получил приятное письмо от индуса из Трансвааля. Письмо индусу очень слабо. Приехал Моод. Тяжело это занятие людей мною. Кинематографщики. Вчера поразительны по своей наивной бесчувственности рассуждения Андрюши о том, как выгодно стало владение именами: хлеб, рожь стала вдвое дороже, работа стала на 20 % дешевле. Прекрасно. Чего же

делать? Нынче письмо от бати. Хорошее. Сейчас ложусь спать и опять не дописываю из книжечки.

25 и 26 сентября. Пойду назад. Сейчас 8 часов вечера 26-го. Ходил приятно, спокойно по елочкам. Перед этим беседовал с милым приехавшим П. И. Бирюковым, а перед этим писал довольно много: "Анархизм". Не знаю, выйдет ли и буду ли издавать. В первый раз нынче после нескольких дней охотно писал. Перед этим читал письма. Первое же пробуждение было неприятно известием, сообщенным Беркенгеймом, что пришел беглый человек от Гусева. Беркенгейм сам распорядился им, и когда я искал его, его уже не было. Утром погулял по саду. 25-го вечером хорошо говорил с Моодом. Он жалеет о своем разрыве с Чертковым и, вероятно, чувствует себя не совсем правым, но хорошо, что Черткова ни в чем не обвиняет. Ездил далеко – в Горюшино верхом. Утром ничего не делал. Написал письмо индусу. Начал было "Разговор", но бросил. Моод переводит письма к индусам. Вот и все.

27 и 28 сентября. 27-го вчера. Не выходил. Ноге хуже, посидел на балконе. Прочел и ответил письма и потом очень много писал и охотно "Анархизм". Может быть, и годится. [...] Записать:

1) Обдумываю письмо государю о земле, самой, кажется, первой важности, и в это время приходит мысль о том, что сказать Софье Андреевне о желании Ильи Васильевича получить прибавку жалованья. Одно дело – благо русского народа, обсуждаемое с царем, другое: прибавка жалованья лакею. Но второе важнее первого, потому что это второе требует моего участия и решения, первое же я сам предпринимаю. [...]

29 и 30 сентября. 29-го не сходил вниз, писал и очень много написал к "Анархизму". Кажется, недурно. Но тяжело осуждение. Но как-то само собой выливается. Опять разговор с Клечковским. Поехал кататься с Пошей. Очень мне хорошо с ним. Я его всего понимаю и люблю. Был у Марьи Александровны. Видел Буланже, и мне тяжело с ним. Нет того, что с Пошей: полного общения без задержки. Как всегда, спал, обедал. Просмотрел Конфуция Буланже. Опять хорошо говорил с Пошей. Простился с Д. В. Никитиным. Он совещался. Неестественно. Он уехал. Мало очень спал.

30-го. Проснулся рано. Восемь оборванцев. Чувствовал в них людей, но не мог обойтись с ними по-человечески. Тарас, с ним хорошо поговорил. Потом сел за работу, за "Разговор" и много и, кажется, порядочно писал. Был Буланже, говорил с ним о Конфуции. [...]

2 октября. Совсем не записал вчерашний день. День был малосодержательный. Ничего не работал, только ответил недлинно, но недурно на письма. Ездил в шарабане в Судаково. Мысль о старой жизни отца с Телятинками и Судаковым. Разумеется, не напишу – некогда.

[...] Одно несомненно, что никогда род человеческий или общества людей не разделятся на два лагеря: одних – диких зверей, а других – святых. В действительности везде как было, так и есть: весь род человеческий стоит на постепенных в духовном совершенстве состояниях, и между дикими и святыми много промежуточных ступеней, все приближающихся к совершенству любви.

3 и 4 октября. Вчера видел кошмарный сон о герцогине Ольденбургской, и как меня бросили "под сводами", и как я жалуясь и сержусь на всех тревожащих меня. Письма мало интересные. Немного поправил "Разговор". Ходил до Козловки. Соня и Андрей с женой приехали за мной. Андрей и она очень жалки мне, и, слава богу, нет к ним недоброго чувства. Простился с Пошей милым. Сегодня 4 октября. Много писал. Одно письмо серьезное, и поправил окончательно "Разговор" и "Анархизм".

5, 6, 7, нынче 8 октября. Вчера 7. Очень дурно себя чувствовал. Утром ходил к лесничему, говорил с Гольденблатом о телятинских мужиках. Дома ничего не делал.

Читал Андреева и Челышева, которые оба приезжают. Вечер тоскливо. Хочется умереть. Спрашивают: что же тебе дурно? Не дурно, а там лучше. [...]

9 октября. Вчера был Челышев. Соединение ума, тщеславия, актерства, и мужицкого здравого смысла, и самобытности, и подчинения. Не умею описать, но очень интересный. Много говорил. Его мысль о влиянии на Европу регулированием вывоза и вместе передачи крестьянам тех торговых выгод, которые теперь в руках купцов, –

очень умна. Она груба, антирелигиозна, патриотична, но может связаться с единым налогом. Я дал ему письмо к Николаеву. [...]

10 октября. Душан болен. Я ходил к нему. Как всегда, кроткий, спокойный. Ничего не делал, кроме писем неважных. Ходил Саше навстречу. Бил камни и хорошо поговорил с отцом и сыном ясенецкими. Вечером читал Андреева. То же впечатление очень определенное. Ранние рассказы хороши, позднейшие ниже всякой критики. Записать, кажется, нечего. Был тяжелый проситель. Я сначала дурно обошелся, но потом справился. Вообще не могу приучить себя вспоминать о боге при общении. Вспоминаю после. Буду учиться.

11 октября. Вторую ночь хорошо сплю, но слаб. Только вышел - четверо безработных. Потом четверо от Черткова: Гусаров, С. Попов, Перевозников и Беленький. Пошел ходить, но надо с ними поговорить.

Ничего не писал, кроме ничтожных писем. Ездил с Душаном в Казначеевку. Мучительно положение живущего в достатке среди нищеты. Все просят, и все жалки, и сам гадок. [...]

14 октября. Два дня пропустил и совсем не заметил этого: так был слаб последние дни. Нынче как будто посвежее, но утром ничего не делал, кроме изменения ответа Струве и нескольких писем. Чтение Андреева живее заставило меня думать о художественной работе. Хочется, но нет неудержимой потребности. Третьего дня, 10-го, кажется, поправлял окончательно "Разговор", написал несколько писем, ходил пешком. Захлодало. Никто не приезжал. Читал Андреева, и ничего, стоящего внимания, не помню. Был мальчик, сначала ничего не просил, я навязал ему рубль, на другой день пришел просить 14 р. Больших отступлений не помню. Начинаю привыкать: быть настороже при общении с людьми. Вчера 13-го. Встал все слабый, написал ядовитую заметку на статью Струве и письма. Ходил пешком. Очень слаб. Кончил Андреева. Знаменатель несоразмерно велик с числителем. Записать надо:

[...] 2) Произведение искусства только тогда настоящее, когда воспринимающий не может себе представить ничего иного, как именно то самое, что он видит, или слышит, или понимает. Когда воспринимающий испытывает чувство, подобное воспоминанию, - что это, мол, уже было и много раз, что он знал это давно, только не умел сказать, а вот ему и высказали его самого. Главное, когда он чувствует, что это, что он слышит, видит, понимает, не может быть иначе, а должно быть именно такое, как он его воспринимает. Если же воспринимающий чувствует, что то, что ему показывает художник, могло бы быть и иначе, видит художника, видит произвол его, тогда уже нет искусства.

3) Есть искусства двойные: музыка, драма, отчасти живопись, в которых мысль - задача искусства - и исполнение разделяются: в музыке композиция и исполнение, так же и в драме - сочинение пьесы и исполнение, отчасти и в живописи, вообще в пластическом искусстве, замысел и исполнение, и уже вполне - иллюстрация. И в этих двойных искусствах чаще всего встречается фальшивое искусство: ложная, пустая мысль и прекрасное исполнение музыкантами, или актерами, или живописцами. Особенно в драме и музыке. Есть драматурги (Андреев принадлежит к ним) и композиторы, которые, не заботясь о содержании, о значительности, новизне, правдивости драмы, музыкального сочинения, рассчитывают на исполнение и к удобству, эффектам исполнения подгоняют свои произведения.

Сейчас иду завтракать, 2-й час.

Ездил верхом очень приятно. После обеда читал Vedic Magazine. Надо бы написать индусу благодарность за его прекрасное изложение о Майа. Ма - это мера, майа - измеренное, ограниченное. Все это иллюзорно. Поздно вечером играл в 4 руки с Софьей Андреевной. Руки не ходят.

15 октября. Много спал. Ходил и ясно понял, как я плох, желая отвечать Струве, как далек от божеской, для души, жизни. Бросил.

Много писем хороших. Одно ругательное. Пошлю в "Русь".

Все больше и больше хочется художественной работы, но нынче умственно слаб. Ходил по саду. Заснул. Иду обедать.

18 октября. Опять два дня не писал, нынче третий. Да, прежде еще, вечер 15-го.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Не помню, вечером что-то читал. 16-го. Приехал Семенов. И уверил меня, что нельзя отказаться от фонографа, что я обещал. Мне было очень неприятно. Надо было согласиться. Получил письмо ругательное по случаю разговора с Чельшевым, что надо вешать и вешать. Я написал письмо в газеты, но потом, обдумав, не послал. С Семеновым было приятно. Он и умен и образован самобытно, по-мужицки, то есть по-хорошему. Потом приехала полька, врач из Парижа. Сначала она мне была смешна со своей научностью и *Hygiene morale* [Моральная гигиена (фр.)], но потом увидел в ней умную женщину. Они с Семеновым перечисляли и писателей выдающихся, и тем имя легион, а второстепенных, третьестепенных? Какое скверное и пустое занятие. И какой оно имеет успех. Ездил верхом с Душаном очень приятно.

Вчера начал было "Детскую мудрость", но ничего не успел сделать: раскидываюсь. Ездил с Душаном на телефон, говорил с Ольгой. Вечером приехали с граммофоном и фонографом шесть человек. Очень было тяжело. Нельзя было отказаться, и надо было приготовить, что мог.

Нынче утром очень рано проснулся, нервно возбужден, Готовил к говорению в фонограф и говорил, и слава богу, мне всё равно, как будут судить, одно побуждало: если уж попал, то хоть что-нибудь сказать, что хоть кому-нибудь, как-нибудь может пригодиться.. Держал себя хорошо. [...]

19 октября. [...] Нынче встал не рано. Пошел ходить. Болит спина, и большая слабость. Но на душе твердо, ясно. Благодарю. Сейчас почитал "Круг чтения", письма, ответил на конвертах, и ничего не хочется писать, и слава богу. Перечитал по случаю фонографа свои писания: "О смысле жизни", "О жизни " и др., и так ясно, что не надо только портить того, что сделано. Если уже писать, то только тогда, когда не можешь не писать. 1 час.

Ездил с Иваном далеко верхом. Вечер Андрей с семьей. Легче переносу. Читал "Русскую мысль": "Конь Белый", "Березка" и стихи. Без преувеличения: дом сумасшедших, а я дорожу мнением этих читателей и писателей. Стыдно, Лев Николаевич.

20 октября. Много спал, слаб. Хорошо думалось, кое-что запишу. Но днем ничего, кроме "Кругов чтения" и писем, не делал. Но и то хорошо, если делаешь перед ним. Нет, поправил еще разговор с учителями. Нехорошо. Приехал Иван Иванович, привез и вышедшие книги, и планы новых. Приятно работать с ним. Видел во сне очень живо Гусева и написал ему. Потом приехал из Воронежской губернии нарочно совсем серый и сырой крестьянин. И курит, и пьет еще, и осуждает, и уличает духовенство, но самобытен, и мне очень полюбился. Взял книги, портрет и уехал. Да, в них одна надежда, если позволять себе надежды и мысли о будущем. Я не позволяю. Ольга с детьми. Приятно. Да, еще прочел Никифору (из Воронежа) "Разговор" и заметил в нем недостатки и хочу исправить.

[...] Да, забыл записать: неприятный разговор с Софьей Андреевной по случаю черкеса и попытки ограбления в Таптыкове. Можно было мягче. Но ничего.

После обеда беседа с Иваном Ивановичем о предстоящих работах. Очень хорошо. Теперь 10 часов. Софья Андреевна сейчас уезжает.

21 октября. Софья Андреевна вчера вернулась, испугавшись брошенного на дороге автомобиля. Спал мало, но хорошо думалось на прогулке. Фридман приехал ненужный. Начал писать "Записки священника". Могло бы быть очень хорошо. Может быть, и напишу. Хотелось бы это и "Записки лакея".

[...] Сейчас с Сашей говорил. Она рассказывала про жадность детей и их расчеты на мои писанья, которые попадут им после моей смерти, следовательно, и на мою смерть. Как жалко их. Я отдал при жизни все состояние им, чтобы они не имели искушения желания моей смерти, и все-таки моя смерть желательна им. Да, да, да. Несчастливы люди, то есть существа, одаренные разумом и даром слова, когда они и то и другое употребляют для того, чтобы жить, как животные. Нехорошо, сужу их. Если так живут, то, значит, иначе не могут. А я сужу. Да, хочется художественной работы. Можно все высказать, облегчить себя, никого не осуждая. [...]

22 октября. Проснулся рано. Душан пришел с известием, что скрипач с женой. Я сошел вниз. Вероятно, еврей; хотел играть, я поручил решить дочерям. Они отказали.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Сам я пошел на деревню и испытал одно из самых сильных впечатлений, поплакал. Были проводы ребят, везомых в солдаты. Звуки большой гармонии залихватски выделывают барыню, и толпа сопутствует, и голошение баб, матерей, сестер, теток. Идут к подводам на конце деревни и заходят в дома, где товарищи. Всех шестеро. Один женатый. Жена городская, нарядная женщина, с большими золотыми серьгами, с перетянутой талией; в модном, с кружевами платье. Толпа, больше женщин и, как всегда, снующих оживленных, милых ребятишек, девчонок. Мужики идут около или стоят у ворот с строгим, серьезным выражением лиц. Слышны причитания - не разберешь что, но всхлипывания и истерический хохот. Многие плачут молча. Я разговорился с Василием Матвеевым, отцом уходящего женатого сына. Поговорили о водке. Он пьет и курит. "От скуки". Подошел Аниканов, староста, и маленький, старенький человечек. Я не узнал. Это был рыжий Прокофий. Я стал, указывая на ребят, спрашивать, кто кто? Гармония не переставала - заливалась, все идем, на ходу спрашиваю у старичка про высокого молодца, хорошо одетого, ловко, браво шагающего: - А этот чей? - "Мой", - и старичок захлюпал и разрыдался. И я тоже.

Гармония не переставая работала. Зашли к Василию, он подносил водку, баба резала хлеб. Ребята чуть пригубливали. Вышли за деревню, постояли, простились. Ребята о чем-то посовещались, потом подошли ко мне проститься, пожали руки. И опять я заплакал. Потом сел с Василием в телегу. Он дорогой льстил: "Умирайте здесь, на головах понесем".

Доехали до Емельяна. Никого, кроме ясенских, нету. Я пошел домой, встретил лошадь и приехал домой.

Теперь 12-й час. Видел прекрасный сон о том, как я горячо говорил о Генри Жорже. Хочу записать.

[...] Ничего не писал. Чуть-чуть поправил Разговор. Ездил верхом с Душаном. Перед обедом пришла Саша объявить, что все вернулись - и музыканты, и Фридман. Что ж делать. Казались мало симпатичны. К обеду приехали ксендз с французом. Француз грубо льстил. Ксендз, очевидно, не верит, но хочет себя уверить. Софист своих преданий. И нужно ему не мое мнение, а мне высказать свое. Потом стали играть. Превосходно. Он цыганской породы. Я особенно был тронут Nocturne'ом Шопена. И оказались очень милые люди.

23 октября. Спал хорошо. Все хочется писать. Пошел гулять. Слаб. Болит поясница. Вернулся, сначала не хотелось, а потом написал сон свой о Генри Джордже. Не совсем хорошо, но и не совсем дурно. Ездил за нашими в Телятинки в шарабане. Поспал. Сейчас идти обедать. Записать:

1) Одна из главных причин ограниченности людей нашего интеллигентного мира - это погоня за современностью старание узнать или хоть иметь понятие о том, что написано в последнее время. "Как бы не пропустить". А пишется по каждой области горы книг. И все они, по легкости общения, доступны. О чем ни заговори: "А вы читали Челпанова, Куна, Брединга? А не читали, так и не говорите". И надо торопиться прочесть. А их горы. И эта поспешность и набивание головы современностью, пошлой, запутанной, исключает всякую возможность серьезного, истинного, нужного знания. А как, казалось бы, ясна ошибка. У нас ость результаты мыслей величайших мыслителей, выделившихся в продолжение тысячелетий из миллиардов и миллиардов людей, и эти результаты мышления этих великих людей просеяны через решето и сито времени. Отброшено все посредственное, осталось одно самобытное, глубокое, нужное; остались веды, Зороастр, Будда, Лаодзе, Конфуций, Ментце, Христос, Магомет, Сократ, Марк Аврелий, Эпиктет, и новые: Руссо, Паскаль, Кант, Шопенгауэр и еще многие. И люди, следящие за современностью, ничего не знают этого, а следят и набивают себе голову мякиной, сором, который весь отсеется и от которого ничего не останется. [...]

24 октября. Вечер вчерашний прошел праздно. [...] Читал Горького. Ни то, ни се. Прошел по саду. Тяжелое впечатление от черкеса получил, и Ольга. И мне тяжело было стало. Одно хорошо было нынче: это поразительно ясное сознание своего ничтожества всячески: и временно, и умственно, и, в особенности, нравственно. Очень хорошо, и не только не ослабляет мою веру, но усиливает се. В общем же успокаивает, - хорошо. [...]

25 октября. Вечер вчера читал "Мещане" Горького. Ничтожно. Сегодня встал столь же слабый. Пошел гулять, насилу хожу. Читал "На каждый день", маленькие книжечки "Посредника" и письма. Ни за что не брался - так слаб. Но на душе хорошо.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Приехал Цингер, и я с ним говорил о науке вообще и о физике, потом читал о физике в Брокгаузе и нашел подтверждение своих мыслей о пустяжности "науки" и физики с своими гипотезами эфира, атомов, молекул. Иду обедать. Не скажу, чтобы было лучше.

Основание всей физики (как и других естественных наук) только одно - это изучение законов познания предметов посредством внешних чувств. Основное чувство - осязание, подразделенное на виды его: зрение, слух, обоняние, вкус. Первые два разработаны. Об остальных и речи нет.

То, что должно бы быть основой всех знаний, если не единственным предметом знания - учение нравственности - стало для некоторых не лишним интереса предметом, для большинства "образованных" - ненужной фантазией отсталых, необразованных людей.

26 октября. Не спал до 3-х, и было тоскливо, но я не отдавался вполне. Проснулся поздно. Вернулась Софья Андреевна. Я рад ей, но очень возбуждена. Вчера нашел письмо Леонида Семенова. Нынче ходил бодрее. Написал письма Леониду, Кони, Толстому, Наживину. Приехал Страхов. Ничего не делал утром. Хорошее письмо Черткова. Он говорит мне яснее то, что я сам думал. Разговор с Страховым был тяжел по требованиям Черткова, потому что надо иметь дело с правительством. Кажется, решу все самым простым и естественным способом Саша. Хочу и прежние, до 82. Ездил верхом с милым Душаном. Потом молодой человек, медленно мыслит, но разумно. Хочется еще поговорить с Гусаровым. Не мог заснуть. Слаб, но лучше. Иду обедать.

Вечер. Еще разговор с Страховым. Я согласился. Но жалею, что не сказал, что мне все это очень тяжело, и лучшее - неделание.

27 октября. Здоровье не худо. Ходил. Ничего не записал. С особенной впечатлительностью читал "Круг чтения". Два хороших письма. Пришел Л. Семенов с крестьянином. Совсем опростился. И я не могу не радоваться на него, но не могу и не бояться. Нет ясности, простоты. Но я рад ему и люблю его. Ездил с Душаном в Телятинки. Говорил с Гусаровым очень хорошо. Дома - как всегда, и Саша чувствует, что не то. Что-то выйдет?

Одно хотел записать, это - мое ясное сознание своего ничтожества во всех отношениях.

1 ноября. Никак не думал, что два дня пропустил. Вчера вернулся Леонид. Очень трогает он меня своей серьезной религиозностью. Я чувствую, что он молится почти всякую минуту. Ничего не писал. Приехала Зоя Стахович. Писем немного ответил и читал Рамакришна. Слабо. Вечером почти простился с Леонидом. Третьего дня почти то же, или забыл. Михаил Сергеевич чужд. Да, к обеду приехал Сережа, тоже, к несчастью, чужд. Сегодня приехали Гольденвейзер и Страхов, привезли от Черткова бумаги. Я все переделал. Довольно скучно. Простился с милым Леонидом и писал и читал письма.

Забыл, третьего дня была очень интересна поездка в волостной суд. Встретился там с Василием Морозовым, Тарасом. Говорил с ними серьезно. [...]

2 ноября. Спал хорошо, а все слаб. Кажется, что я отписался (художественной работы). Нет сосредоточения на одном. А многое хочется. Вчера ничего, кроме писем, не делал. Довольно легкомысленно беседовал за столом. Вечером с Булыгиным, Страховым, Гольденвейзером приятно. Нынче тоже писал письма и читал "Ужасы христианской цивилизации". Не так хорошо, как я ожидал, - узко. Но как форма превосходно. I..]

4 ноября. Пропустил вчерашний день. Вчера ничего не работал, читал и отмечал в ней места в книге Ламы. Очень сильно. Попытался писать предисловие не пошло. На душе весь день было умиленно грустно хорошо, - как ни странно это сказать - радостно.

Вечером 2 ноября очень важное. Я сказал про то, что Чертков, если я приеду в Крекшино, обещает устроить так переезд через Москву, что меня не увидят. Софья Андреевна вдруг вышла из себя. Очень было тяжело. Я, слава богу, удержался в добре. [...]

Записать:

[...] 3) Часто в письмах спрашивают у меня: хорошо ли, нужно ли жениться, выходить замуж. Думаю, что такой ответ ясно выразит то, что я думаю и чувствую по этому вопросу:

Всегда лучше воздержаться, если можешь, - уничтожить в себе пол, если можешь, то есть быть ни мужчиной, ни женщиной, а человеком. Это первое. Если же не в силах и не можешь видеть мужчину в женщинах - сестер, а женщина в мужчинах - братьев, если половое чувство нарушает главное дело жизни братское, равно духовное, любовное отношение ко всем людям, то женись, сойдясь неразрывно, на всю жизнь с одним или одной, разумеется, стараясь найти в том или той, с кем сходишься, наибольшее согласие с своим жизнепониманием, и, вступая в такое половое общение, знай, что ты этим общением берешь на себя обязательство растить и воспитывать детей, - естественное, оправдывающее последствие брака.

5 ноября. Вчера ездил с Зосей верхом. Вечер читал книги об индусской вере. Одна превосходная книга о смысле жизни.

[...] Написал впечатление отправляемых рекрутов - слабо. Несколько приятных писем, отвечал, ездил с Душаном, морозно, снежно. Спал, и после сна исчезло радостное настроение. [...]

[7 ноября] Не только 6-е, но и 7-е - нынче.

Вчера утром получил прекрасное письмо от Полилова о Генри Джордже и отвечал ему и еще что-то приятное, - педагогика Толстого по-болгарски. Поправлял "Рекрутов". Вышло порядочно. Вечер тоже занимался поправками письма Полилову и "Рекрутами". [...]

9, 10 ноября. [...] Вчера, 9-го. Ходил по саду, потом очень много относительно писал "Сон" и письма. "Сон" может быть не дурен. Приятно с домашними, спокойно, любовно. Все интерес к мнению людей не могу победить. Ездил с Душаном в Телятинки. Говорил с Алексеем об убийстве человека. Менее интересно, чем ожидал. Сон, обед, чтение Горького. Сегодня проснулся в 6-м часу и много хорошо думал и оттого ничего не писал. И не дотрогиваюсь до бумаги. Только письма. Теперь позавтракал, еду к Марье Александровне.

[...] Хорошо ездил. Приятно у Марьи Александровны. Дома вечер кончил читать Горького. Все воображаемые и неестественные, огромные героические чувства и фальшь. Но талант большой. И у него, и у Андреева нечего сказать. Им бы надо писать стихи или то, что и выбрал Андреев, - драмы. В стихах спасет допускаемая неясность, а в драме обстановка и актеры. То же было у Чехова, но у него есть комизм.

Вечером было неприятно, и я напрасно не высказался о "Кавказском пленнике" и "Поликушке", чтобы отдать их в общую пользу.

11 ноября. Спал хорошо до 5, потом бессонница, к утру заснул. Прекрасно гулял. Но работы нет. Думаю о статье о безработных с предложением учредить помощь им. Хорошо бы. Но нынче ничего не мог писать. Только кое-какие письма ответил. [...]

[17 ноября] Был жив, но очень был слаб. Прочел и ответил несколько писем. Были интересные. Ездил к Марье Александровне с Сашей. Было очень приятно. Вечером почувствовал себя дурно, проспал обед, до 10-го часа. И потом дурно себя чувствовал. Был Булыгин, я так ослабел, что забыл про его сыновей, забыл, сколько им лет. Ночь спал тяжело. Еще вчера было так тоскливо просыпаться и начинать день, что я записал где-то: неужели опять жить!

Сегодня 17 ноября. Очень был слаб, лежал в постели до 12-ти. Встал, читал письма, журнал теософии, газету, как всегда, "На каждый день" в 3-х изданиях. Утром же записал но в "Детскую мудрость" не совсем хорошо. И начал писать о правительстве. Не кончил, но думаю дописать. Поел немного. Теперь свежее. Теперь 8-й час. Софья Андреевна едет в Москву.

[18 ноября] жив. и даже очень хорони" себя чувствую. Однако утром ничего не писал, кроме просмотра и исправления "Детской мудрости" да нескольких писем.

[...] Приходил телятинский крестьянин. Его сына отдали в солдаты и судят за то, что он сказал, что иконы – доски. Очень много хочется писать, да разбрасываюсь. Ну да что могу. Хочу не для себя (в лучшее время). Да, какое чудное сознание проходящего через меня и составляющего мое "Я" духовного начала, которое я могу сознавать собою. [...] Да, получил ругательное письмо при статье Меньшикова: старый фигляр. И к стыду моему, это огорчило меня. Но хорошо, поправился.

[19 ноября] Жив. Мало спал, но приятно возбужден. Но опять совсем ничего не работал. Во-первых, получил двадцать восемь писем, во-вторых, пришел проститься милый Гусаров, и в-третьих, ночью еще записал о сознании и переpravлял. Получил второе и третье письмо с осуждением за статью о науке, и все от одинакового типа людей: людей, "верующих" в науку, как в религию, поставивших себе идеалом достижение этой науки, достигших известной степени ее обладания, и вдруг... неверующий позволяет себе отрицать эту единственную святыню. Кроме того, это все люди партий. Тут на сцене и то, что это на руку "Союзу русского народа", и что это против программы и т. п.. [...]

20-го ноября. Приехали музыканты. Я жалел, что пригласил их. Очень уж это все искусственно. Даже утонченно искусственное возвращение к старому. Все французы, очень милые, льстивые, и Гольденвейзер. Музыка очень физически волнует. Смешно заботился о французском языке. Читал и писал письма и ничего, кажется, не работал. Ездил с Гольденвейзером верхом. Обед, опять музыка.

Сегодня 21 ноября. Видел во сне музыкантов вчерашних. Все мало сплю и очень слезлив. С утра приехала из Москвы девушка с вопросами. Бедняжка ищет, но говорит молодость и похоть в виде влюбленье; потом Лопатин, сидевший за меня в тюрьме, приятный человек, приехал только поблагодарить. Хорошо, – не хорошо, а не совсем дурно – писал с начала разговор за обедом. Потом читал вслух с Буланже письма Соловьева. И я слушая разревелся. Такая удивительная сила у этого человека. Тоже Иконников. Еще не читал.

Ездил с Душаном к сиротам в Новую Колпну. Дорогой застал на кладбище пьяный народ. После обеда читал прекрасную работу Буланже о Конфуции и поправлял. Много нужно записать.

Продолжаю 21 ноября то, что нужно записать.

Теперь 12-й час, а записать нужно много и хорошего, потому откладываю до завтра.

23 ноября. Вчерашний день пропустил. Встал бодро. Прохожий милый, с первых слов признается, что вина – вино. Очень много таких, едва ли не большая часть. Утром немного занимался письмами, потом взялся за предисловие к "На каждый день", и оказалось очень много работы. Надо было сличать с тем, что напечатано. И тут разница, и я путался и очень устал. Ходил по саду. Спал хорошо. Вечером поправлял "Конфуция" Буланже. На душе хорошо. Сегодня встал вялый. Хотел заняться предисловием, но нет сил. Перечитал письма и вот хочу записать:

1) Как невозможно удержать кашля – сколько ни удерживай, он вырвется, хотя бы это было при слушании слов самого великого человека или при самой прекрасной и торжественной музыке, так невозможно удержаться теперь у нас, в России, от высказывания, от крика боли при созерцании тех ужасов, которые так спокойно совершаются.

[...] Вчера прочел обвинительный акт Горбунова. Это что-то ужасное, поразительное. C'est le cas ou jamais de dire [Теперь или никогда – случай сказать (фр.)] не могу молчать. Это так же неудержимо, как кашель во время музыки. Нынче чувствую себя очень вяло и угрюмо, но знаю, что это случайность, нормальное же – то умиленно любовное, которое испытывал вчера.

Ездил к Марье Александровне. Поговорил с Буланже. Очень слаб.

Читал после обеда о Горьком. И странно, недоброе чувство к нему, с которым борюсь. Оправдываюсь тем, что он, как Ницше, вредный писатель: большое дарование и отсутствие каких бы то ни было религиозных, то есть понимающих значение жизни убеждений, и вместе с этим поддерживаемая нашим "образованным" миром, который видит в нем своего выразителя, самоуверенность, еще более заражающая этот мир. Например, его изречение: веришь в бога – и есть бог; не веришь в бога – и нет его. Изречение скверное, а между тем оно заставило меня задуматься. Есть ли тот

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

бог сам в себе, про которого я говорю и пишу? И правда, что про этого бога можно сказать: веришь в него – и есть он. И я всегда так думал. И от этого мне всегда в словах Христа: любить бога и ближнего – любовь к богу кажется лишней, несовместимой с любовью к ближнему, несовместимую потому, что любовь к ближнему так ясна, яснее чего ничего не может быть, а любовь к богу, напротив, очень неясна. Признавать, что он есть, бог сам в себе, это – да, но любить?.. Тут я встречаюсь с тем, что часто испытывал, – с раболепным признанием слов Евангелия.

Бог – любовь, это так. Мы знаем его только потому, что любим; а то, что бог есть сам в себе, это – рассуждение, и часто излишнее и даже вредное. Если спросят: а сам в себе есть бог? – я должен сказать и скажу: да, вероятно, но я в нем, в этом боге самом в себе, ничего не понимаю. Но не то с богом любовью. Этого я наверно знаю. Он для меня все, и объяснение и цель моей жизни.

Теперь 10. Иду в залу. Завтра приезжает Соня. Помоги быть с тобою.

25 ноября. Пропустил день. Вчера. Я встал бодро. Очень приятно встретил ее. Опять ничего, кроме писем, не писал даже и не брался писать. Нет, неправда: поправлял предисловие "На каждый день" и недурно.

Ездил верхом в Новую Колпну. Пьяный Федотов, старшина, сироты. Очень хорошо себя чувствовал. Все руки не доходят писать. Стараюсь не огорчаться. Кажется, ничего плохого не было. Помню бога. Обед, вечер бессодержательно. Читал немного Достоевского и "L'immoie". Все яснее и яснее становится безумие жизни всей и, в особенности, русской, и как будто готовлюсь высказаться. Ночью очень болел живот и изжога. Проснулся поздно.

[...] Ходил по саду и пруду. Приехали Daniel и Алеша Сергеенко. Тяжело спал. Обедал, с трудом говорил по-английски. Daniel умный, холодный человек. Все нездоровится. Согрешил с просительницей, пристававшей поутру. Написал подполковнику о боге недурно. Сейчас ложусь спать.

26 ноября. Лучше себя чувствую. Письма прочел и написал и занялся предисловием "На каждый день". Подвинулся. Но не кончил. Ездил с Ольгой, Даниелем и детьми кататься. Телеграмма от печатников. Неловко. Как не желать освободиться – в пустыню или умереть. Впрочем, может быть, все это нужно. Записать. Было два раза желание записать, а теперь забыл.

Нынче два сочувствующие письма о науке. Одно от Колечки. Он послал статью Ивану Ивановичу.

29 ноября. Встал очень бодр. Не одеваюсь, начал работать над предисловием к "На каждый день". Вышел – женщина, по дурной привычке хотел отказать. Вышла, напротив, радость. Постараюсь в другом месте описать. Работал исключительно споро. Кое-как кончил предисловие. Ездил с Душаном в Крыльцово. Застал в избушке на печи хозяина-старика в агонии. [...]

30 ноября. Записываю только, чтобы не запускать. И писать нечего и не хочется. Встал усталый. Просители по продаже для податей. Чуть-чуть занялся предисловием. Ездил в Новую Колпну. Там писарь рассказал, как собирают подати. Был Андрей. Я не мог взять на себя, чтобы любовно говорить с ним. Также и дома был не добр, хоть и не сделал ничего дурного. Обедал без Андрея. Читал "L'immoie". Удивительно описание чуда, совершенного Lourd'ской божьей матерью. Читал о Руссо в лексиконе. Профессор "разобрал и осудил его". Глупость людская все больше и больше ужасает меня. [...]

Ошибаются, думая, что можно заставить себя любить. Можно и нужно только удержать себя от того, что мешает любить: побороть грех, понять соблазны, распутать суеверия, и любовь, любовь ко всем, сознание не одной своей, а всей жизни, будет.

1 декабря. Ходил утром к Курносенковой, заходил и к Шинтякову. Положение голопузых у Курносенковой ужасно. Очень хочется написать "Три дня в деревне". Работал над предисловием. Письмо об имени, переведенном на жену, к стыду моему, огорчило меня, и очень. Ездил верхом к Марье Александровне. Приехал Иван Иванович. Спал, иду обедать.

3 декабря. Вчера пропустил. Ходил на деревню к старосте. Просители обманывают.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Все так же жалко. Хорошо работал над предисловием. Как будто кончил. Ходил на каток. Сашей любовался. (Будешь переписывать, помни, что любоваться хочу в тебе такой же духовной энергией.) Иван Иванович, Елена Евгеньевна, Буланже. Так хорошо, просто, близко, дружно. Вечер увлекся поправкой Ми-Ти. Может быть хорошо. Сегодня спал очень мало с кошмаром. Встал поздно. Ходил по саду. Пропасть нищих. Не хватает на всех внимания. Одному отказал. Записать:

1) Чтобы быть художником слова, надо, чтоб было свойственно высоко подниматься душою и низко падать. Тогда все промежуточные ступени известны, и он может жить в воображении, жить жизнью людей, стоящих на разных ступенях.

2) Не люблю, даже считаю дурным поэтически, художественное, драматическое третирирование религиозно-философски-этических вопросов, как "Фауст" Гете и др. Об этих вопросах надо или ничего не говорить, или с величайшей осторожностью и вниманием, без риторики фраз и помилуй бог - рифм. [...]

[...] Вчера получил письмо Черткова и выписки дневника его. Поразительно, как мы духовно работаем на одной и той же плоскости.

Вечер. Ходил по дороге. Сел к бабе, вывалился из саней. Телятинские мужики просили у меня дорогу. Было тяжело. Сказал Соне хорошо, мягко, и она сделала. Очень приятно. Вечер чувствовал себя особенно слабым, сонным. Читал L'immoie. Он верит в католицизм и рассчитывает на большой круг читателей, тоже верующих. Письмо от Трегубова. Надо ответить.

6 декабря. Встал рано. Ходил далеко. Дома хорошо исправил о науке. Написал письма. Ходил на деревню. У Морозова восемь сирот, больная старуха. У Резунова Семенова гость. Когда я сказал, что умру охотно, он сказал:

что ж вам умирать, у вас капиталу хватит, хлеба и на вас хватит. Ездил в сопровождении большой компании в двух санях. Сейчас ложусь спать до обеда.

Вечером Душан принес "Анархизм" с своими замечаниями. Последнее очень верное, что конец слаб, я принял к сведению, поправлял, но пришел все-таки к решению не публиковать. Недобрая статья - не надо.

7 декабря. Все нездоровится, хотя нельзя жаловаться. Письма не читал. Писал Орлова. Немного подвинулся. Ездил к Марье Александровне. На душе хорошо. Слабо, но не дурно. Ложусь спать до обеда.

9 декабря 1909. [...] Вчера вечером читал Поссе. Нынче встал не поздно, здоровье лучше. Прекрасная погода. Ничтожные письма. Поправил добавление. "О науке", начал поправлять "Разговор за обедом", не кончил. Ездил верхом. Саша записала то, что в постели думал. Очень уж много я набрал работы. Иду обедать.

12 декабря. Все по-старому, по-обычному. В постели записал только письмо фиалко, революционеру, рассудителю о религии. Письма. Трогательное, длиннейшее от Копыла. Все за что-то сердится, язвит. Я не читал всего, но рад, что ни малейшего зла не чувствую, но прямо жалко. Он, верно, больной. Поправлял "Сон". Еще придется поработать. Но форма эта может быть удачная. [...]

13 декабря. По-обычному. Письма. От Черткова. Работал над "Сном". Подвигается. Ездил к Марье Александровне. Прекрасная погода. Иду обедать. Все так же нет прежней твердости и радости.

Интересно нынче и очень полезно для освобождения от заботы о славе людской: прислана статья в "Русском знамени", где говорится о том, что я проповедник матерьялизма (sic), отрицающий все духовное, и в книге Джемса то, что я меланхолик, близкий к душевной болезни. Очень полезно, сейчас чувствую хорошее влияние. Надо помнить. Иду обедать. Записать:

1) Дети тем особенно милы, что живут всегда в настоящем. Даже их мечты сеть жизнь в настоящем и не нарушают ее. [...]

[14 декабря] Проснулся с ознобом, все сильнее и сильнее, и дошло до чрезвычайной тряски озноба, потом жар 42°, и я все забыл. Ночью видел Андрея, какого-то доктора, Буланже. Всю ночь было плохо, но очухался, и на душе так хорошо, как только могу. желать. Не нужно усилия для любви ко всем. Правда, когда окружен

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
одними любящими, это легко. Утром пришли и Михаила, и Сергей, они все были в Туле.

[...] Весь вечер провел болея. Приехала Софья Андреевна. Очень нехорошо. И не терпеливо переносу. И все так же слабо чувствую то, что чувствовал три дня назад, что я работник, и нужно только его одобрение, которое всегда знаю в душе, и знаю, когда не заслуживаю его. Читал книгу Джемса. Неверное отношение к предмету – научное. Ох, это научное!

15 декабря. Ночь почти не спал. Изжога такая, какой никогда не испытывал. Оделся и сижу на кресле. Продиктовал письма. Думал о "Сне" – кажется, хорошо, но не в силах писать.

Теперь 2-й час. 20 часов ничего не ел, и не хочется. Не могу не видеть грубого суеверия медицины; но сказать это людям, живущим во всех смыслах ею, нельзя. Теперь 1/2 2.

От Репиной трогательное письмо, отвечал.

[...] Сейчас 6 часов, мне получше.

[16 декабря] Вечер провел свежее. Читал, кажется, газеты. Хорошо говорил с Таней.

16 декабря. Опять очень тяжелая ночь. Бессонница, изжога. Встал; интересный разговор с Никитиным о медицине.

[...] Немного обедал со всеми. Читал японскую книгу. Замечательно явно наивное разращение для своих целей народа посредством монополии воспитательного воздействия. У нас то же, только более скрыто. Вечер лучше. Спал лучше всех последних ночей.

17 декабря. Встал в 8. кое-что записал в дневник (попрошу Сашу переписать). Пил кофе с неохотой. Письма малоинтересные. Отвечал. Тоже не интересный американец-фотограф. Поправлял немного "Разговор". Не хорошо, но приближается. Просмотрел и приписал к "Нищенство и народ" конец. Недурно. Читал статью Меньшикова о "Круге чтения". Совершенно вроде статьи "Русского знамени" о моем матерьялизме: владеет языком, даже талантом писателя и отчасти благодаря этому совершенно не рассуждают, не боятся неправды и даже не интересуются вопросом о том, правда ли, неправда то, что пишут. И это очень успокоительно. [...]

18 декабря. Нынче судят Ивана Ивановича. Все больше и больше становится непонятным безумие жизни и явно бессилие высказать свое понимание его. Встал поздно. Походил. Жалкая жена учителя. Не ошибся с ней. Дома, кроме писем, ничего не делал. Читал Сметана. Хорошо. Приехал саратовский мужик, старик. Продал лошадь, чтобы приехать по душе побалакать. Из беглопоповцев, совсем серый мужик. Ходил и ездил с ним. Саша возила. Заснул. Теперь 6 часов, иду обедать.

1) Тип человека: отлично, внимательно, честно делает все житейские дела: служит, хозяйничает, так же, даже еще более внимательно, играет в шахматы, в карты. Но как только вопрос о жизни, так равнодушие или отыскивание поверхностного, смешного, очевидное признание того, что жизнь должна быть осуждена рассуждением, и потому избегание рассуждений о жизни, не только невнимательность, но полное равнодушие.

19 декабря. Встал совсем бодро. Опять, к большой моей радости, твердое и успокаивающее сознание своего работничества. Очень хорошо. Вернулась Софья Андреевна. Ходил гулять. Ответил письма серьезно, с сознанием работничества; поздно взялся за работу. Но все-таки недурно успел просмотреть обе статьи. И близко к концу. Особенно радостно при сознании работничества – это спокойствие, неторопливость, отсутствие желаний сделать скорее то-то и то-то...

[...] Ходил и ездил с саратовским гостем. Все так же хорошо. Он хочет перейти в "мою" веру, а я ему внушаю, что у меня "моей" веры нет никакой. Рассказывал страшную историю убийства и казни.

Спал. После обеда читал пустую "научную" книгу Гюю. Плачут денешки, 2 1/2, и время моего вечера. Прочитал саратовскому на прощанье "Разговор с проезжим".

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Хорошо. Гулял утром, думал о том, что пора бросить писать для глухих "образованных". Надо писать для grand monde – народа. И наметил около десяти статей: 1) о пьянстве, 2) о ругани, 3) о семейных раздорах, 4) о дележах, 5) о корысти, 6) о правдивости, 7) о воле руках, побоях, 8) о женщинах, уважении к ним, 9) о жалости к животным, 10) о городской чистой жизни, 11) о прощении. Не так думал. Теперь не помню.

Саратовский рассказал страшный рассказ. От Колечки опять прекрасное письмо. Теперь 12-й час.

20 декабря. Ходил гулять. Встретил казака жалкого, говорит, сослан за распространение моих книг. Дал ему книг. Дунаев – чужд. Кончил письма, прочел Черткова прекрасную статью, как всегда, со всех сторон обдуманно. Теперь 12 часов. Сажусь за работу.

Писал статью о безработных. Недурно. Ездил верхом. Дунаев. Перед поездкой пришел Лев Рыжий. Я говорил с ним нехорошо. Он был прав. Я не прав. Он только не умеет выражаться. Дунаев верит только в науку, в цивилизацию и в меня, насколько я часть цивилизации.

21 декабря. Поздно встал, метель, ходил немного. Слава богу, я сам себе гадок и ничтожен до последней степени. "Сон" скверно. Я все выкинул и оставил один сон. [...]

22 декабря. Нынче утром продолжал разговор с Сережей Булыгиным – нынче о возможности полного спокойствия совершенства. Тут, я думаю, что я прав, говоря, что человек всегда в грехах, всегда понемногу выбирается и приближается, но никогда не приблизится, и что в этом приближении жизнь и ее благо. Письма. Потом "Сон", и все не кончил. Ездил верхом. Вечером опять исправлял "Сон". Разговор с Андрюшей. Я совсем плохо вел себя. Все то же можно было сказать, только с любовью. Теперь ложусь спать. Очень противен сам себе.

23 декабря. Много просителей. Приехал Булгаков, составивший изложение моего мирозерцания. Опять поправил обе статьи, ответил письма. Неприятное письмо от рабочих. Не умел быть равнодушным. Простился с Марьей Александровной. Ездил в Деменку. Ужасная нищета. Спал. После обеда читал работу Булгакова. В общем плохо, не его, а моя работа.

24 декабря. Проснулся с тем же чувством недовольства, стыда. Что ни вспомни, все дурно, все стыдно.

[...] С утра пришел Кондратьев, юноша, желавший идти в "колонии". Я, гуляя, говорил ему, что это не нужно. Потом, с помощью Булгакова, он согласился. Потом пришел крестьянин из Воронежа не совсем ясный.

Прочел, написал письма. Опять переправил "Сон" и "Бродячие". Видно, "откупался". [...]

Видел во сне отрицание бога и еще возражение на свое представление об общем лучшем устройстве жизни вследствие отказа от борьбы.

[...] 3) Чем больше мы уверены в том, что полное совершенство достижимо в этой жизни, тем труднее и меньше мы движемся к достижению наибольшего, доступного нам совершенства.

22 декабря. "Круг чтения" Амиель в эпитаф.

25 декабря. Вечер. Вчера вечером читал Эпиктета. Играл в карты. Сегодня проснулся поздно. Ночь до 3-х не спал. Письма: одно укорительное о моей передаче имени жене. Написал ответ. Не думаю, чтоб это было дурно. Хотя лучше бы оставить без ответа – юродство. Еще далек я от этого. Опять исправлял "Сон". Немного лучше. Сонливость и слабость. Странное чувство. Испытываю нечто особенное, новое, сложное, которое хочется выразить. И скорее художественное, образное. Читал "Sentimental Journey". Напоминает юность и художественные требования. Сейчас вечер. На душе хорошо.

26 декабря. Проснулся бодрее. Записал для "Сна", погулял, письма. "Сон", кажется, окончательно поправил. Ушел воронежский мужичок. Мне совестно. Был

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

слесарь, старик из Тулы. Его товарищ сидит. Должно быть, за книги. Приехал Андрей, добродушный, веселый. Мне приятно было с ним. Вечер ничего не читал. Сейчас ложусь спать. Опять чувствую свое положение его работника. Главное же, чувствую то, что можно и должно жить только – или насколько можно – только настоящим, безвременным настоящим. Насколько живешь настоящим, настолько живешь вечной жизнью, неподвижной жизнью. Жизнь, события, твоя старость, смерть бегут мимо тебя, а ты стоишь. Ложусь спать. 11 часов.

27 декабря. Опять 8ф6 писал только "Сон". Приехал Сережа с семьей и Берсы. Ездил верхом. Приехал Димочка. Письма от Черткова о печатаньи. Мне, слава богу, совершенно все равно. Думал очень хорошо, скорее чувствовал, чем думал, то, что можно и надо переносить сознание своей жизни в настоящее. Играл в карты. Сейчас 11 часов, ложусь спать. Менее стыдно, и больше помню о своем положении работника.

28 декабря. Спал много. Встал нездоровый. Ничего не ел целый день. Только утром походил. Зато хорошо просмотрел "Сон". Можно так оставить. И недурно. Вчера приехал Сережа с женой сам пят. Нынче Ванда Ландовская. Я просмотрел и "Бродячие" – тоже годится. Музыка меньше трогала. Слабость и изжога. Теперь 12 часов, ложусь спать. Письма малоинтересные.

29 декабря. Спал хорошо, проснулся почти здоровый. Погулял. Письма хорошие. Написал "Бедноту". Слабо. Ну да отделаться. Димочка приезжал, ездил с ним верхом. Он рассказывал про Льва с его отцом. Как надо и как хочу стараться: понимать людей, мотивы их поступков и не осуждать. Теперь 6 часов. Иду обедать.

Вечер играла Ландовская. Мне было скучно. Особенно неприятна ее лесть. Надо сказать ей.

30 декабря. Встал рано. Кое-что, казавшееся мне важным, записал в постели. Походил. Письма интересные, хорошо ответил Семенову и приятелю Гусева. Потом поправил "Сон". Ходил около дома. Оттепель. Готовят елку. Мне очень хорошо на душе. [...]

Дневник – 1910

Пропустил два дни. Нынче 2-е 1910. Вчера все, как обыкновенно. Опять поправлял "Сон". Уехали Ландовски. Ездил верхом. Был у Марьи Александровны и Буланже. Не переставая стыдно за свою жизнь. В смысле воздержания от недобрых чувств хоть немного двигаюсь.

Димочка приехал проститься. Длинное деловое письмо от Черткова. Не успел ответить. Вечером разговор о земле с Сережей. У всех у них свои теории. Играл с милым Адамычем в шахматы и карты.

Третьего дня, 31. Утром, кажется, что-то поправлял. Ездил в волостное правление. Народ негодует. Ландовски несколько тяжелы, но он поправился мне. Приехал вечером Олсуфьев. Встреча Нового года с безумной роскошью мучительна и сама собой, и своим участием.

2-е января 1910. Ходил по прекрасной погоде. Привезли больную жалкую женщину после родов. Дети, голод. Ох, тяжело. Сажусь за письма и кофе. Приехал француз Marchand. Говорил с ним горячо, отвечая на вопросы. Поправлял "Сон". Ездил верхом с Душаном. Обычный вечер и француз.

3 января 1910. Здоров. Интересные, хорошие письма. Поправлял "Народную бедноту" и "Сон". Письма. Ездил с Олсуфьевым верхом. Он православный из приличия, и потому с горячностью защищает. Да, если религия не на первом месте, она на последнем. Отстаивают горячо только неподвижную, то есть религию доверия.

Вечер ничего особенного. Скучно.

5 января. Рано проснулся. Ходил по саду. Все тяжелее и тяжелее становится видеть рабов, работающих на нашу семью.

[...] Иду обедать. Вечером читал "Сон" всему обществу. Много возражений. Но я думаю, что хорошо. Винт, и все грустно и стыдно.

6 января. Много писем, малоинтересных. Приехал кинематограф. Немного поправил "Сон" и "Бедноту" и решил послать Черткову, как есть. Вообще надо перестать и писать, и заботиться о писанном. [...]

7 января. Душевное состояние немного лучше. Нет беспомощной тоски, есть только неперестающий стыд перед народом. Неужели так и кончу жизнь в этом постыдном состоянии? Господи, помоги мне, знаю, что во мне; во мне и помоги мне. Поздно встал. Пошел навстречу саням с Козловки. Кинематографчики снимали. Это ничего. [...]

Прочел письма. Одно – неприятное по выражаемому согласию в убеждениях, с просьбой 500 р. для распространения христианства. Ничего не хочется писать. Теперь 1-й час.

Так ничего и не делал. Ездил с Душаном. Был Егор Павлович из Ясенков. О покупке крестьянами земли. Обед, милый Булыгин. Простился с Олсуфьевым. Кинематограф опять. Скучно. И сделалась слабость, пора на покой.

8 января. Оправился, но очень слаб. Крестьянин Волынской губернии хочет быть книгоношей. Да, хотелось бы в пустыню. Письмо от Гусева хорошее, и Саше от Черткова. Какие они оба... ну, да все хорошо, что хорошо кончается. А письмо Черткова такое сердечное и серьезное. И Саша может понять и почувствовать то, что он говорит о главном, независимом от моей личности. Дай бог. Только ответил кое-какие письма. Начал писать о податях, да бросил: не хотелось. Ходил, гулял. Теперь 5-й час, ложусь на постель.

Вечером читал интересный альманах "Соенобиум" – интересный тем, что чувствуется недовольство своим духовным состоянием всех более или менее передовых людей. Вечером винт. Вчера не писал.

9 января. Утро, встал очень рано и написал прибавление к письму Шмиту о науке. Потом письма, потом кончил о податях, порядочно. Вечером читал.

10 января. Сегодня встал рано, опять написал прибавление к письму Шмиту об астрономии. Пошел гулять. Все не могу вспомнить о признании "я" в том человеке, с которым сходишься: забыл с деминской женщиной. Вспомнил потом. Сажусь за кофе и работу. 11-й час.

Прочел и ответил письма. Много недобрых. Немного перечитал 2-й и 3-й "День в деревне". Записать очень важное.

[...] Для жизни необходим идеал. А идеал – только тогда идеал, когда он СОВЕРШЕНСТВО. Направление только тогда может быть указано, когда оно указывается математически, не существующей в действительности, прямой.

12 января. Мало спал. И умственно бодр. Приехал Наживин. Он мне приятен. Марья Александровна и Буланже. Письма неинтересные. Поправил 2 и 3 день. Ездил немного верхом. Согрешил с бабой издалека – отказал. Обед и вечер приятно и дельно, и с Наживинным, и с Буланже. Буланже о Будде прекрасно. Записать что-то есть, но до завтра. Саша с Душаном в Туле на концерте.

13 января. Обычные письма. Перечитал все "Три дня". И, кажется, кончу. Ездил верхом с Филиппом. Иду обедать. Надо записать кое-что. Баба, у которой муж убил ее насильника.

[...] Иду обедать. После обеда пошел к Саше, она больна. Кабы Саша не читала, написал бы ей приятное. Взял у нее Горького. Читал. Очень плохо. Но, главное, нехорошо, что мне эта ложная оценка неприятна. Надо в нем видеть одно хорошее. Весь вечер был очень слаб. [...]

15 января. Все так же нездоровится. Письма малоинтересные и работа над "На каждый день". Сделал кое-как

5 или 6 дней. Никуда не ездил. Немного походил. Записать:

1) Живо вспомнил о том, что сознаю себя совершенно таким сейчас, 81-го года, каким сознавал себя, свое "я", 5, 6 лет. Сознание неподвижно. От этого только и

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

есть то движение, которое мы называет временем. Если время идет, то должно быть то, что стоит. Стоит сознание моего "я". Хотелось бы сказать то же и о веществе и пространстве: если есть что-либо в пространстве, то должно быть что-либо невещественное, непространственное. Не знаю еще, насколько можно сказать последнее.

Иду обедать. Вечером ничего особенного.

16 января. Проснулся бодро и решил ехать в Тулу на суд. Прочел письма и немного ответил. И поехал. Сначала суд крестьян, адвокаты, судьи, солдаты, свидетели. Все очень ново для меня. Потом суд над политическим. Обвинение за то, что он читал и распространял самоотверженно более справедливые и здравые мысли об устройстве жизни, чем то, которое существует. Очень жалко его. Народ собрался меня смотреть, но, слава бога, немного. Присяга взволновала меня. Чуть удержался, чтобы не сказать, что это насмешка над Христом. Сердце сжалось, и оттого промолчал. Дорогой с Душаном хорошо говорили о Масарике. Вечером отдохнул и не могу удержаться от [радости по поводу] выхода в Одессе "Круга чтения". Теперь 9 часов. Записать нечего.

17 января. Пропустил. Был целый день в мрачном духе, приехал Булгаков с письмом и поручениями Черткова. Ничего не мог делать. Ездил со всеми детьми по Засеке. Марья Александровна, Буланже.

18 января. Еще мрачнее. Обидел тульскую попрошайку. Кроме писем написал кое-как дней 8 или 9 и переговорил с Булгаковым. Хорошо только одно: что я сам себе гадок и противен, и знаю, что того и стою. Теперь 5-й час. Вечером ничего особенного.

19 января. Встал бодрее. Гуляя, думал о том, что хорошо бы было завести опять школу: передавать то, что знаю о вере, и самому себя проверять. Потом письма малоинтересные, и недурно сделал дни до 20-го. Ездил с Таней. Сашей и детьми на свой круг по Засеке. Была трогательная дама из Севастополя. Я не дурно говорил с ней, сказал, что мог. Теперь 5-й час.

Вечер как обыкновенно. Немного занялся "На каждый день".

21 января. Проснулся с странным чувством, ничего не помню, так что не узнал детей. Болела голова и большая слабость. Ничего не мог делать, но думалось хорошо о близкой смерти и кое-что записал. Были три Бул: - гаков, ыгин, - анже. Много спал и нынче.

22 января немного лучше, по крайней мере, память возвратилась. Была жалкая девушка и Андрюша. Читал интересные письма и многие ответил. Особенно одно замечательное, несмотря на ужасающую безграмотность, глубиной и серьезностью мысли человека, явно отрицающего уже все, вследствие явно ложных религиозных утверждений, принятых им прежде. Иду обедать.

Вечером чувствовал себя лучше. Немного поправлял "На каждый день".

23 января. [...] Взялся за "На каждый день", немного поработал. Но чем больше занимаюсь этим, тем это все дело мне противнее. Надо скорее освободиться, признав то, что все это глупо и ненужно. Чувствую себя и телесно и духовно хорошо. Иду обедать. После обеда работал над опротивевшим мне "На каждый день". Винт.

24 января. Спал мало. Записал кое-что в постели. Написал письма. Потом немного "На каждый день". Ходил и утром и в полдень. Думал хорошо о "настоящем". Еще не готово. Записать:

[...] 3) Думал о том, что какая бы хорошая, нужная и великой важности работа была бы - народный самоучитель, с правильным распределением знаний по их важности и нужности.

25 января. Был вчера Илюша. Слава богу, было с ним хорошо. Они становятся жалки мне. Нельзя требовать того, чего нет. Утро как обыкновенно: письма. А писать ничего не могу. И хочется, но нет упорства, сосредоточенности. Особенно живо думал о жизни вневременной в настоящем, посвященной одной любви. Кое-что из этой мысли отзывается и на жизни. 4-й час, иду гулять. На душе хорошо, но так же

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
гадок сам себе, чему не могу не быть рад.

Вечером пришли Булгаков и милый Скипетров, и хорошо беседовали. Буланже читал очень хорошую работу о Будде. Приехал Сережа. Вечер, как обыкновенно. На душе хорошо.

26 января. Встал рано. Гулял.

[...] Занимался "На каждый день". Ездил верхом. Во время обеда приехал Сергеенко с граммофоном. Мне было неприятно. Да, забыл: были интересные письма. Потом Андрюша с женой. Я держался без усилия хорошо, любовно с ними. Целый вечер граммофон.

27 и 28 января. Спал хорошо. Ходил гулять. Сажусь за кофе и письма. Поправляю "На каждый день". Почти кончил. Очень недоволен. Вчера, кажется, было письмо от Черткова с исправлением "Сна". Как хорошо! Ездил с Душаном. Хорошие, как всегда, письма. Буланже, хорошая мысль о самоучителе, но надо подумать. Вечер, как обыкновенно. Софья Андреевна уехала в Москву. Слава богу, хорошо.

30 января. Утром встретил на гулянье Шапке. Начал по письму Ивана Ивановича переделывать "На каждый день". Хорошо работал. Письма малоинтересные. Приехали Граубергер и Токарев. Токарев – молоканин свободный. Хорошо говорил с ним. Ездил с Душаном. Вечером Долгоруков с библиотекой. Ложусь, 12 часов.

31 января. Утром Поша. Все такой же серьезный, простой, добрый. Приехали корреспондент и фотограф. Я начал новую работу для книжечек "На каждый день" и сделал первую: "О вере". Потом надо было идти в библиотеку. Все очень выдуманно, ненужно и фальшиво. Речь Долгорукова, мужики, фотография. [...]

1 февраля. Хорошо сплю, бодро встал, но поздно. Думал что-то не совсем до конца, но очень важное и хорошее. Постараюсь вспомнить. Письма. Потом начал февраль до 19-го. Ходил пешком. Нехорошо обошелся с женой убийцы. Спал. Иду обедать. Вечер, как всегда. Не помню.

5 февраля. Много спал. Лучше. [...] Заходил к Душану в лечебную. Завидно. Сделал кое-как 5-ую книжку: "Любовь". Ходил пешком. Очень занимает мысль высказать свою боль о жизни. К стыду, было неприятно письмо курсистки о "переведенном имуществе". Иду обедать.

Пропустил два дня. Нынче 8 февраля. Третьего дня не помню. Знаю, что написал 6-ую книжку. Вчера был Шмельков из Кавказа. Религиозный человек. Был Булыгин. Трогательное письмо от Фельтена. Нездоровится, но написал 7-ую книжку; кажется, будет хорошо. Нынче написал 8-ю. Будто бы моя статья очень глупая. С Сашей объяснение, трогательное. Сейчас приехал от Марьи Александровны, ложусь перед обедом.

Опять пропустил два дня. Нынче 11 февраля. Знаю только то, что за эти два дня был в дурном духе. Но все-таки работал и оба дня писал, и нынче даже сделал 2 дня. Был 3-го дня Буланже. Надо написать ему предисловие к Будде. И еще много кое-чего нужно. Главное же, все сильнее и сильнее просится наружу то страдание от грехов людских, – моих в том числе, – разделяющих и мучающих людей. Нынче яснее всего думал об этом виде "Записок лакея". Как могло бы быть хорошо! Перечитывал Достоевского, – не то.

В доме все больны: Дорик, маленькая Танечка и Саша. Привет от d'Estournel'я, моя искалеченная статья и ругательные письма. Софья Андреевна едет в Москву.

[...] Софья Андреевна уехала. Я говорил ей вчера о моем желании и неприятности за то, что "Книги для чтения" продаются дорого; она стала говорить, что у нее ничего не останется, и решительно отказала. [...]

12 февраля 1910. Ночь очень нездоровилось. Болел бок. Изжога и кашель. Мало спал. Погода дурная, ветер, немного походил, написал плохо письмо для Буланже о Будде. Исправил кое-как одну книжечку и написал – составил 13-ую. Много писем и очень интересных. Ответил несколько. Не выходил перед сном, заснул, и вот иду обедать. На душе хорошо. Очень жалкий был бродячий мальчик из типографии, сосланный. Вечером написал еще шесть писем. Болело горло, но очень хорошо. Саше лучше.

[15 февраля] Встал не рано. Написал письмо Хирьякову. Приходил рабочий, желающий сесть на землю. Хочет влиять на людей. Вчера был хороший разговор с Булгаковым об ожидающем его призыве. Перечитал малоинтересные письма, сажусь за работу. Записать:

1) Мне дурно жить потому, что жизнь дурна. Жизнь дурна потому, что люди, мы, живем дурно. Если бы мы, люди, жили хорошо, жизнь была бы хорошая, и мне было бы не дурно жить. В числе людей есмь я. И если я и не могу всех людей заставить жить хорошо, – я могу сделать это с собой и этим хотя немного улучшить жизнь людей и свою. Подтверждает такое рассуждение в особенности то, что если бы все люди усвоили это рассуждение, а рассуждение это неотразимо справедливо, то и для меня, и для всех людей жизнь была бы хороша. [...]

16 февраля. [...] Был Буланже. Недоволен моей статьей. Немного тяжело, не имея никаких практических интересов, иметь сношения с людьми, руководимыми преимущественно этими интересами. [...]

[17 февраля] Жив. Получил трогательное письмо от киевского студента, уговаривающее меня уйти из дому в бедность. Здоровье лучше. Все утро поправлял письмо о Будде и отвечал письма. Саше не лучше. Креплюсь. Сейчас 6-й час. Немного походил и поспал. Вечером тоже занимался. И все неясно распределение.

18 февраля. Не мог заснуть до 3-го часа. Нынче с утра писал книжечки "О жизни". И все путаюсь в распределении. Мало интересных писем. Да, немного поправил статью о Будде. Немного походил. Саше лучше, но не перестаю бояться. Что-то очень нужное думал, стараюсь вспомнить. Теперь 12-й час, ложусь.

19 февраля. Пишу слабый, перед сном. Усердно составлял книжки. Ездил верхом. Миташа. Не могу преодолеть недоброго чувства... Был у Марьи Александровны.

[20 февраля] Саша мила, хороша и тем более страшна в дурные минуты – не ее, а мои. Жив. Все усердно работаю над книжечками. Кончил 28. "О настоящем", мне нравится. Письмо от Черткова. Датский еврей, очень интересный. Ездил верхом с Душаном. Потом Гольденблат. Немного поправил письмо Поссе. Ложусь спать. Саше совсем лучше – хорошо.

[21 февраля] Жив. Теперь 12-й час, ложусь спать. Хорошие письма. Закончил все книжки. Ездил верхом. Саша все плоха. Думал об избавлении. Вечер с Молоствовыми.

[24 февраля] Два дня пропустил. [...]

22. Утром встретил матроса политического. Я направил его в Телятинки и написал Черткову. Кажется, поправлял письмо Поссе. Обед и вечер с Молоствовыми. Все не могу забыть о мнении людей. Ездил с Павлычем в Телятинки.

23-го. Далеко ходил навстречу филе. Кажется, поправлял письмо Поссе и письма. Ездил в Овсянникове.

Вечером закончил письмо Поссе. Вечером читали статью о "Barricade". Написал письма Lehr'у и о Масарике. Заболела нога.

Сегодня, 24-го, очистил все письма и окончательно Поссе. Написал письма. Нездоровится, но держусь. Теперь 4 часа. Вечером читал о Бурже и написал письмо Гальперину.

25 февраля. Очень дурно спал. Удивительное состояние – точно молодой во сне. Встал рано. Ходил. Хорошо говорил с пьяницей, который признавался, что обманывает баб – смывает порчу и все пропивает. Целый день d'une humeur de chien [в скверном настроении (фр.)]. Написал целый рассказ "Ходынка", очень плохо. В постели написал ответ Мельникову. Не выходил днем. Вечером читал философию и, по совету Душана, написал письмо чехам. Теперь 12 часов, ложусь спать.

26 февраля 1910. Очень слабо себя чувствую. Ничего не ел. Готовлюсь к смерти, но плохо. Не равнодушен. Поправлял "О боге". Нехорошо поправлял, но книжечка хороша. Утром гулял. Еврей просил рекомендовать его литераторам. Немного разгорячилось. Тоже за обедом не удержался. Записал в книжечке, но не переписал, две мысли и одну аллегория, которую видел во сне. Сашу не видал. Ложусь спать

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
немного посвежей. Будет писать. Откупался.

27 февраля. Встал бодрее. Пошел ходить. Приехавшие казаки: хочет установить царство небесное на земле: смешение религиозного с мирским. И слава людская, и устроительство. Но трогательные. Приехали нарочно. Занимался книжечками: "Бог и грехи", "Соблазны и суеверия" – нехороши. Письма от Черткова и других интересные.

Ответил: Лапшину, редактору "Новой Руси". Не выходил, поспал перед обедом и теперь иду обедать. [...]

28 февраля. Встал довольно бодро. Много ходил. Писал письма. Проводил казаков и матроса, а также и хохла-алкоголика с женой. Саша встала. Поеду в санях покататься, только позавтракаю.

Ездил с Леной. Вечером приятно у Саши. Читал Super Tramp. Плохие английские шуточки, тоже и в предисловии Шо.

2 марта. Встал рано. Очень слаб. Написал письма. Кое-как поправил одну книжечку. Заснул в 3 от слабости. Ездил на Козловку. Обедал. Приехал Шестов. Малоинтересен – "литератор" и никак не философ. [...]

3 марта. Все то же: такая же слабость, хотя немного лучше, но все так же не работает. Одну книжку плохо поправил. Письмо одно незначительное написал. Ездил с Булгаковым далеко верхом. Записать:

1) Одни люди думают для себя и потом, когда им кажется, что мысли их новы и нужны, сообщают их людям, другие думают для того, чтобы сообщить свои мысли людям, и когда они сообщили свои мысли людям, особенно если люди хвалят их, считают эти мысли истиной.

Иду обедать. Дурно поступил с малым, пришедшим из Тулы, которому Иванова не добыла место. Вместо того, чтобы поговорить с ним, придумать что-нибудь, я – это было при возвращении домой – так устал, что ничего не сделал.

4 и 5 марта. Вчера было хуже всех дней. Немного работал. Написал письма. Ездил к Марье Александровне. Очень замечательный Андрей Тарасов из Тамбова, мужик. Умен и тверд. Еще письмо от Досева. Вечером Гольденвейзер. К стыду своему, волнуется игра.

Нынче лучше. Писал письма и 10-ю книжку. Ездил в Телятинки с Андреем Тарасовым и радостно говорил с ним и с Сережей Поповым. Вечером читал интересный роман "Esse sacerdos". Сейчас ложусь спать.

6 марта. Встал еще бодрее вчерашнего. Ходил далеко, потом письмо. Одно, исповедь бывшего революционера, очень порадовавшее и тронувшее меня. Видишь кое-когда радостные плоды, и очень радостные. Потом поправил две книжки, 12-ю и 13-ю. Ездил верхом, очень приятно и немного. Сейчас ложусь спать перед обедом. Приехал Стахович. Очень уж чужда эта и политика, и роскошь, и quasi-аристократизм. Ложусь спать. Уехали Сухотины и Булгаков. То ли дело Андрей Тарасов и Сережа Попов, а не Стахович.

7 – 8 марта. Вчера написал, кажется, два письма. Ездил верхом с Душаном. Читал записки Александры Андреевны и испытал очень сильное чувство: во-первых, умиления от хороших воспоминаний, а второе, грусти и ясного сознания того, как и она, бедная, не могла не верить в искупление *et tout le tremblement* [и все прочее (фр.)], потому что, не веря, она должна была осудить всю свою жизнь и изменить ее, если хотела бы быть христианкой, иметь общение с богом. Люди нерелигиозные могут жить без веры, и потому им незачем нелепая вера, но ей нужна была вера, а разумная вера уличала ее. Вот она и верила в нелепую, и как верила! Третье, еще то испытал, это сознание того, как внешнее утверждение своей веры, осуждение других – как это непрочно, неубедительно. Она с такой уверенностью настаивает на своей и так решительно осуждает; в-четвертых, почувствовал и то, как я часто бывал не прав, недостаточно осторожно прикасаясь к чужой вере (хотя бы в науку).

Вечером с Стаховичем. Сказал ему об его роскоши. Но его тоже не проберешь с его какой-то композицией веры из аристократизма, художества, православия. А милый

малый.

Сегодня встал свежее прежних дней. Письма, Одно очень хорошее, мужицкое; потом книжку: суеверие наказания.

Приехали Иван Иванович и милый Николаев. Приходили Сережа Попов и Андрей Тарасов. Я слаб бываю нервами. Все хотелось плакать и при чтении Будды, и прощаясь с Тарасовым. Большое хорошее письмо Черткова. Ездил с Душаном. Спал очень немного, иду обедать.

Вечер опять читал с умилением свои письма к Александре Андреевне. Одно о том, что жизнь – труд, борьба, ошибка – такое, что теперь ничего бы не сказал другого. С Иваном Ивановичем решили печатать.

9 марта. Очень рано встал. Обдумал письмо японцу. Письма. 15 000 куда определить. Ездил верхам. Кончил 15 книжку. Очень на душе сильно сознание того, какой должна быть жизнь. Не умею, как сказать: сильно сознание истины и служения ей. Записать:

1) О безнравственности во сне...

Вечер малоинтересно с Зосей Стахович и Буланже, но с Иваном Ивановичем очень хорошо поговорил. Отдал для набора 5 книжек.

10 марта. Встал также рано. Встретил Таню с мужем. Письма: одно ужасное от юноши, готового убить старика, чтобы экзамен зрелости. Немного занялся 16-й книжкой. Письмо от Черткова. Написал ответ японцу, и письмо об "Ужасах христианской цивилизации", и ответ о 15 000. Ездил с Душаном. Ложусь спать. Обед, шахматы, болтовня, карты, граммофон, и мне стало мучительно стыдно и гадко. Не буду больше. Буду читать.

11 марта. Встал очень бодро и рано, прошелся по чудной погоде. Пять просителей. Один жалкий, но мне жалкий оттого, что я поговорил с ним. Все бы были жалки, если бы со всеми обошелся, как с Сашей. Записать:

[...] 2) Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидел несправедливость своего положения. Это – сказка о царе в новом платье. Ребенком, который сказал то, что есть, что царь голый, была революция. Появилось в народе сознание претерпеваемой им неправды, и народ разнообразно относится к этой неправде (большая часть, к сожалению, с злобой); но весь народ уже понимает ее. И вытравить это сознание уже нельзя. И что же делает наше правительство, стараясь подавить неистребимое сознание претерпеваемой неправды, увеличивает эту неправду и вызывает все большее и большее злобное отношение к этой неправде. [...]

Бодрость была ошибочная. Почти ничего не работал. Только письма. Ездил верхом. Вечер не помню. Да, читал письма к Александре Андреевне.

12 марта. Совсем нездоров. Спал до 10 часов. Письма. Кое-что поделал над письмом японцу и то не кончил. И опять спал. Вечер чтение писем, которые очень трогают меня. Книга о браманизме превосходная и вызвала много мыслей. [...]

Пропустил три дня, нынче четвертый, 4 часа 17 марта. Все эти три дня был нездоров. Плохо работал над письмом японцу, предисловием к "На каждый день" и 14-го марта – XVI книгу. [...] Кажется, предисловие лучше. Но вообще вся эта работа "На каждый день" становится тяжела мне. Какой-то педантизм, догматизм. Вообще гадко. Два сильных впечатления, и одинакового характера, были чтение писем Александры Андреевны и мыслей Лескова.

Записать, кажется, много:

1) Если бы человек ничего бы не знал о жизни людей нашего христианского мира и ему бы сказали: вот есть такие люди, которые устроили себе такую жизнь, что самая большая часть их, 0,99 или около того, живет в непрестанной телесной работе и тяжелой нужде, а другая часть, 0,01, живет в праздности и роскоши; что, если эта одна сотая имеет свою религию, науку, искусство, каковы должны быть эти религия, наука, искусство? Думаю, что ответ может быть только один: извращенные, плохие и религия, и наука, и искусство.

[...] 5) Жизнь для мужика – это прежде всего труд, дающий возможность продолжать жизнь не только самому, но и семье и другим людям. Жизнь для интеллигента – это усвоение тех знаний или искусств, которые считают в их среде важными, и посредством этих знаний пользоваться трудами мужика. Как же может не быть разумным понимание жизни и вопросов ее мужиком, и не быть безумным понимание жизни интеллигентом. [...]

Нынче 19 марта. Вчера пропустил. Здоровье все хуже; но, слава богу, живется хорошо. Вчера ничего не помню значительного. Все переделываю предисловие и письма. Отослал письмо японцу – плохое. Читал письмо Бодянского. Тяжело ответить отказом. Ездил к Прокофию, и можно было поступить мягче. Все думаю о людях, их суде, а не о нем и его суде. Вечером читал.

Сегодня встал рано, мало спал, чудная погода. Походил. Насморк, кашель, простуда и бездействие желудка. Опять поправлял предисловие. Прочел письмо свое индусу и очень одобрил. А японцу скверно. Но хорошо, что это мне не важно. Написал Гусеву. У него обыск. Записать, кажется, нечего.

[21 марта] 20 и 21. Вчера был очень слаб, насморк и кашель, жар. [...] Приятно было думать, что мысль о том, что это может быть смерть, не была нисколько тяжела мне. Не выходил. Писал письма и поправлял книжки. Вечером здоровье хуже.

Нынче то же. Тяжело было утром, потом лучше. Опять писал письма, интересные. Потом Эрнефельт. Драма его – драма мало мне интересная.

Сейчас 10-й час, мне немного лучше. Саша опять хворает, но хороша. У меня на душе очень хорошо. Хороша ясность мысли. Хочется выразить ее; а и не выражу – и то хорошо. Таня очень мила и приятна мне.

23 марта. Здоровье – хорошо. Письма. Очень скучна работа с книжками. Писал письмо о самоубийстве. Тоже не нравится. Хотелось бы написать пьесу для Телятинок. Иду обедать. Тут приехал цимбалист, очень симпатичный.

24 марта. Цимбалиста музыка неважная. Нынче встал хорошо. Но все мало доволен своей работой. Недоволен систематичностью. Постараюсь избавиться. Интересные письма, ответил. Немного занялся предисловием. Хочется написать для Димочки пьесу. Но нет потребности. Не будет, не надо. От Молочникова трогательное письмо с ужасными подробностями о тюрьме. Все не успевал написать то, что думал.

25 марта. Ходил далеко. Встретил Дунаева. Грустно. Волнуют мысли. Или не имею силы, или не нахожу формы выразить их. Сильная статья Короленко о смертной казни. Ездил верхом. Тяжело провел вечер за картами. Надо перестать. Ложусь спать.

26 марта. [...] Ходил больше часа гулять. Хорошо.

Поправил предисловие. Иду завтракать. Трогательное письмо священника о Христе. Вечером читал статью Короленко. Прекрасно. Я не мог не разрыдаться. Написал письмо Короленко.

27 марта. Проснулся рано, поправил письмо Короленко и два места в предисловии. Ходил гулять.

Прочел и написал письма. Ничего больше не мог делать. Слабость. Не мог ничего делать, но на душе очень хорошо.

28 марта. Вчера вечером читал. Ничего не ел. Сегодня встал в 8, походил и, вернувшись, почувствовал большую слабость. Ответил лениво кое-какие письма и опять марал предисловие. О самоубийстве тоже начал. Представляется важным. Ездил верхом, сейчас вернулся, ложусь спать. Слаб, но меньше. Неужели то, что зреет во мне и даже просится, останется невысказанным. Вероятно и наверно – хорошо.

[30 марта] Пропустил два дня. Вчера 29. Утром на гулянье встретил Страхова и потом Масарика. Оба мне приятны, особенно Масарик. 28-го приехали Стаховичи. Довольно скучно. Очень уж чужд он. Вчера хорошо два раза говорил с Масариком. Ездил в Овсянниково. Набрал комедию: может выйти. Масарик все-таки профессор и верит в личного бога и бессмертие личности. [...]

31 марта. Все так же телесно слаб, и не скучно, не дурно, а грустно и хорошо. На опыте вижу, как велика радость – не радость, а благо внутренней работы. Нынче почувствовал в первый раз и с полной ясностью мой успех в освобождении от славы людской. Все были маленькие делишки: не смущаться о том, что осудят, что пью вино, играю в карты, что живу в роскоши, а смотришь чувствуешь свободу неожиданную. Думаю, что не ошибаюсь.

[...] Ходил утром. Ко мне обратился из Панина крестьянин-революционер, и отец его такой же. Оба сидели, оба знают меня. Но нужен я им только в той мере, в которой они видят во мне революционное. Дал ему книги. Дурно вел себя, объяснив ему свое положение. Все-таки, кажется, не для славы людской. Он попросил денег. Это было тяжело. Потом начал писать пьесу. Не пошло. Приехал журналист из Финляндии. Я принял его и много, горячо говорил, и хорошо. Потом Беленький привез письмо от Молочникова. Я распустил слюни, прося уезжавшую Рыздзевскую. Потом кое-что читал, спал. Соня уехала в Москву. Саша уехала в Тулу на концерт. Иду обедать. [...]

1 апреля. Вчера приехал Димочка, рассказывал мне повесть Семенова, очень хорошо. Я взял Семенова и читал весь вечер. Очень хорошо. [...]

3 апреля. Два дня пропустил. 1 апреля не помню, что делал. Знаю только, что был очень слаб и ничего не работал. Вчера то же самое. Незначительные письма ответил и больше ничего. Нынче тоже. Сплю много, но слабость все усиливается. Теперь 6-й час. Только что проснулся. Много было писем. Отвечал некоторые. С утра хотел написать о своих похоронах и о том, что прочесть при этом. Жалею, что не записал. Все ближе и ближе чувствую приближение смерти. Несомненно то, что жизнь моя, а также, вероятно, и всех людей становится духовнее с годами. То же совершается и с жизнью всего человечества. В этом сущность и смысл жизни всей и всякой, и потому смысл моей жизни опять только в этом одухотворении ее. Сознывая это и делая это, знаешь, что делаешь предназначенное тебе дело: сам одухотворяешься и своей жизнью хоть сколько-нибудь содействуешь общему одухотворению – совершенствованию.

Как-то гораздо лучше, яснее чувствовал это во время гулянья. И сейчас непреодолимая слабость: глаза слипаются, и пошевелиться тяжело.

5 апреля. Встал бодро. Ходил навстречу Софье Андреевне. В постели записал кое-что недурно. Потом письма. Поправки корректуры октября. "На каждый день" и книжечки 19 и 20 пересмотрел, а писать комедии не пришлось. Вечером тоже работал. Саша все болеет. Ложусь спать. [...]

7 апреля. Опять пропустил день вчерашний. Встал рано. Писем немного, отвечал. Писать не хочется ничего нового. Et je m'en trouve bien [и я чувствую себя хорошо (фр.)]. Ездил с Душаном далеко и очень приятно. Безумно приятная весна. Всякий раз не веришь себе. Неужели опять из ничего эта красота. Вечером Сережа. Он мне понятен стал. И я рад. Димочка с Булгаковым и Сергеенко [с] мальчиком. Написал ответ Градовскому.

Нынче:

Ходил навстречу пролетке, возившей Михаила Сергеевича и Сережу. Потом писал немного. Саша лежит. Ездил с Душаном по лесам. Поправлял книжки, все не знаю, как назвать. Потом философов. Мертвый как почти все. Хорошо письмо от мужика. Полусумасшедшая девица. Да, забыл, вчера два крестьянина, один-нижегородский, другой екатеринославский. Оба нарочно приезжали, и оба надеялись на помощь.

[...] Теперь 10 часов. Хочу еще приготовить к переписке книжечки. Теперь уже 25-я.

[9 апреля] 8, 9 апреля. Вчера ничего не помню. Поправлял мысли "О жизни". Письма написал плохо. Ничего не хочется делать. Ездил с Душаном. Уныло и даже недобро.

Нынче то же. Саше хуже. Ее отправляют в Крым. Записать:

[...] 2) Одно из самых тяжелых условий моей жизни, это то, что я живу в роскоши. Все тратят на мою роскошь, давая мне ненужные предметы, обижаются, если я отдаю их. А у меня просят со всех сторон, и я должен отказывать, вызывая дурные

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
чувства. Вру, что тяжело. Тяжело оттого, что я плох. Так и надо. Это хорошо. Очень хорошо. Целый день d'une humeur de chien [собачье настроение (фр.)] особенно, где надо быть добрым. [...]

10 апреля. Продолжаю быть в самом дурном настроении. И думать не могу о какой-нибудь самостоятельной работе. Поправлял мысли "О жизни". Встретил Николаева. Получил корректуры от Ивана Ивановича. Саша едет. Она грустна. Я хорошо поговорил с ней. Оба расхлюпались. Только вписал:

1) Если сердиться на людей, то подумай, не оттого ли, что сам плох. Если сердиться на животных, то все вероятия за то, что плохота в тебе. Если же сердиться на вещи, то знай, что все в тебе и надо взять себя в руки.

[...] 3) какой большой грех я сделал, отдав детям состояние. Всем повредил, даже дочерям. Ясно вижу это теперь.

12 апреля. Утро, 2 часа. Все так же неработоспособен. Письмо о смерти Петражицкого. Одно хорошо. Чувствую движение вперед в равнодушии к суждению людей и большое уважение к человеку, как я говорю: благодарность за радость возможности общения. Утром письма и поправил вчерашнее письмо. Еду верхом.

Не обедал. Мучительная тоска от сознания мерзости своей жизни среди работающих для того, чтобы еле-еле избавиться от холодной, голодной смерти, избавить себя и семью. Вчера жрут пятнадцать человек блины, человек пять, шесть семейных людей бегает, еле поспевая готовить, разносить жранье. Мучительно стыдно, ужасно. Вчера проехал мимо бьющих камень, точно меня сквозь строй прогнали. Да, тяжела, мучительна нужда и зависть, и зло на богатых, но не знаю, не мучительней ли стыд моей жизни.

Нынче 13 апреля. Проснулся в 5 и все думал, как выйти, что сделать? И не знаю. Писать думал. И писать гадко, оставаясь в этой жизни. Говорить с ней? Уйти? Понемногу изменять?.. Кажется, одно последнее буду и могу делать. А все-таки тяжело. Может быть, даже наверное, это хорошо. [...]

14 апреля. Очень было тяжело вчера. Ходил вчера к Курносенковой, к Шинтякову – забыл, как зовут. Ничего не делал, кроме пустого письма. Ездил верхом. Тяжело, а не знаю, что делать. Саша уехала. И люблю ее, недостает она мне – не для дела, а по душе. Приезжали провожать се Гольденвейзеры. Он играл. Я по слабости кис.

Ночью было тяжело физически, и немного влияет на духовное. Встал поздно. Бодянская о муже, приговоренном по Новороссийской республике. Написал Олсуфьеву. Вел себя хорошо и с нищими, и с просителем. Ездил в Овсянниково. Читал свои книги. Не нужно мне писать больше. Кажется, что в этом отношении я сделал, что мог. А хочется, страшно хочется.

Вечером поправлял мысли "О жизни". Теперь 12 часов. Ложусь. Все дурное расположение духа. Смотри, держись, Лев Николаевич.

15 апреля, е. б. ж. Жив – не очень. Встал бодрее. Опять суета. Просители. Со всеми хорошо, помня о благодарности за радость общения, кроме пьяницы-женщины, которой нехорошо отказал. Письма. Шоу и об обществе мира. Нехорошо. Корректуры. И все-таки ничего не писал. Соломахин очень приятен, а вечером из Самары железнодорожник. Сейчас немного знобит. Написал Саше.

16 апреля. Е. б. ж. Пора. Жив. Встал поздно. Пил воды. Ходил к Суворову. Много народа. Очень хорошо было с стариком. Увидел его, и неприятное чувство досады. Вспомнил, что это возможность единения, то, за что надо быть благодарным. Разговорился с ним, исполнил его желание, и так хорошо стало, радостно. Потом учитель с юга. Совсем близкий человек.

Поправлял мысли "О жизни" и очень недоволен. Письма малоинтересные. К стыду своему, было неприятно меньшиковское рассуждение обо мне.

С Булгаковым ездил в Телятинки. Приятно говорил с ним. Вечером читал изречение Талмуда. Все такое же дурное расположение духа. Так же и еще больше неприятно было, чем меньшиковская недоброта, ругательство мужика, которому я не дал 5 копеек. Записать:

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

1) Не помню кто, Досев или киевский студент, уговаривали меня бросить свою барскую жизнь, которую я веду, по их мнению, потому что не могу расстаться со сладкими кушаньями, катаниями на лошади и т. п. Это хорошо. Юродство. [...]

17 апреля. Казалось, нельзя хуже. А нынче еще хуже всех дней - настроение. С трудом борюсь. Хорошее письмо от Черткова и журнал китайской передовой прогрессистской партии. Очень занимает меня. Никуда не ездил. После обеда просматривал книжечки. Надо все изменить, записать нечего.

19 апреля. Вчера было несколько лучше. Утром поправлял мысли "О жизни". И недурно. Был в Овсянникове. Вечером поправлял корректуру. Нынче совсем лучше.

Вчера посетитель: шпион, служивший в полиции и стрелявший в революционеров, пришел, ожидая моего сочувствия. И еще такой, что, очевидно, желал подделаться тем, что попов бранит. Очень тяжело это, что нельзя, то есть не умею по-человечески, то есть по-божьи, любовно и разумно обойтись со всяким. Сейчас, нынче два юноши меня поучали и обличали: один требовал, чтобы я "боролся" бомбами; другой: зачем я передал право собственности на сочинения до 80-го года. И тоже не умел кротко, без иронии обойтись с ними.

[...] Нынче утром приехали два японца. Дикая люди в умилении восторга перед европейской цивилизацией. Зато от индуса и книга и письмо, выражающие понимание всех недостатков европейской цивилизации, даже всей негодности ее. [...]

20 апреля. Е. б. ж. Все еще жив. Встал не рано. Ходил по елочкам; занимали муравьи. Записал кое-что. Опять полковник с, очевидно, недобрым чувством ко мне. Поправил две книжечки по корректурам: "Грехи, соблазны, суеверия" и "Тщеславие". Недурно. Ездил с Булгаковым. Мало интересных писем. Вечером читал Ганди о цивилизации. Очень хорошо. Записать:

1) Движение вперед медленно, по ступеням поколений. Для того, чтобы двинуться на один шаг, нужно, чтобы вымерло целое поколение. Теперь надо, чтобы вымерли бары, вообще богатые, не стыдящиеся богатства, революционеры, не влекомые страданием несоответствия жизни с сознанием, а только тщеславием революции, как профессии. Как важно воспитание детей, - следующих поколений.

2) Японцы принимают христианство, как одну из принадлежностей цивилизации. Сумеют ли они так же, как наши европейцы, так обезвредить христианство, чтобы оно не разрушило того, что они берут в цивилизации?

3) Огромное большинство живет одной животной жизнью; в вопросах же человеческих слепо подчиняется общественному мнению.

4) Усилие мысли, как семя, из которого вырастает огромное дерево, не видно; а из него вырастают видимые перемены жизни людей.

21 апреля. Встал поздно в очень дурном духе. Крестьянин о земле. Я дурно поступил с ним. Потом дама с дочерьми. Говорил с ней, как умел. Читал книгу о Gandhi. Очень важная. Надо написать ему. Потом Миша, потом приехал Андреев. Мало интересен, но приятное, доброе обращение. Мало серьезен. О Саше нехорошие вести. Сейчас хочу написать ей. Вечер читал о самоубийствах. Очень сильное впечатление. Ложусь спать, 12-й час. Записать нечего. От Черткова письмо.

[22 апреля] Жив. Пошел гулять один, отказал Андрееву и приезжему из Архангельска. Потом поговорил с Андреевым. Нет серьезного отношения к жизни, а между тем поверхностно касается этих вопросов. Письма. Поправил два месяца "На каждый день". Очень мне понравилось. Ходил гулять. Приехали Гольденвейзеры. Все борюсь. Написал Саше письмо. Ложусь спать перед обедом. От Саши очень тронувшее меня письмо. Сильно волновала музыка. Прекрасно играл.

27 апреля. Встал очень бодро. Довольно хорошо работал над предисловием. Кончил начерно. Ходил на Козловку. Не устал. Чудная погода. Вечером восхищался рассказом Семенова, Сергеенко отпустил. Написал Саше. Об ней хорошее письмо. Ложусь спать. Записывать нынче не буду.

28 апреля. Здоровье хуже. Ничего не делал утром. И не хочется. Ходил до Козловки, застал дождь, вернулся верхом с Булгаковым. После обеда исправлял предисловие. Вейнберг из Ташкента. Письма писал. На душе невесело. Хочется

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
одинокости, с людьми тяжело.

29 апреля. Е. б. ж. [29 апреля] Жив, но нездоров. Ночью было плохо. Сонливость, слабость. Хорошие письма. Приятный очень Плюсин. Ложусь спать. [...]

[1 мая] [...] Сейчас 8-й час утра. Ночь очень мало спал, едва ли 4 часа. Слаб. Приезжает Соня. Одеваюсь и иду гулять.

Теперь вечер. Соня приехала. Укладывался, ходил гулять, смотреть на автомобили. Милые ребята, реалисты, двадцать человек. Поговорил с ними хорошо. Потом милый Димочка хорошо говорил. Ложусь спать. Ничего не делал. Пачкал предисловие. Бросил письмо детям. Прямо нехорошо.

2 мая. [Кочеты] Собрался ехать и выехал в 7. Было тяжело. Любопытство людей. Милые Таня и Михаил Сергеевич. Заблудился вечером в парке. Нездоровится.

3 мая. Встал вяло. Ничего не работал. Ходил по парку, читая Масарика. Слабо. Поправлял предисловие. Думал о самоубийстве и перечитал начатое. Хорошо. Хорошо бы написать. Написал Масарику, Саше, Соне. Ложусь спать, 12 часов.

4 мая. Перед обедом ходил по лесу и радовался на жизнь, на "незримые усилия". Видел удивительные по психологической верности сны. Думал, что напишу о самоубийстве, но сел за стол, и слабость мысли и неохота. Опять мучительно чувствую тяжесть роскоши и праздности барской жизни. Все работают, только не я. Мучительно, мучительно. Помоги... найти выход, если еще не наступил главный, верный выход. Впрочем... надо и за это благодарить и благодарю. [...]

5 мая. Опять сонливость, слабость мозга. Ничего не писал и не брался. Читал старинных французов: La Voetie, Montaigne, Laroche Foucauld. [...]

6 мая. Вчера ночью телеграммы: от Саши и от Черткова. Чертков приезжает 7-го, завтра.

Дождь, холод, совсем нездоров, слабость, изжога, головная боль. Походил. Письма - мало, но хорошее, трогательное от Черткова, от Сиксне - брата и еще хорошие. [...]

7 мая. Сегодня получше. Большая радость: приехал Чертков. Два раза гулял. Довольно хорошо работал над предисловием. Записать есть кое-что, после. 11-й час, ложусь спать.

8 мая. И сегодня немного лучше. Немного писал о самоубийстве. Может быть, и выйдет. Но предисловие все не идет. Надо сократить. Записать есть кое-что, но поздно, не стану. От Саши хорошее письмо.

9 мая. Опять поздно, и пишу только несколько слов. Есть что записать. Много ходил. Переделывал, сокращал предисловие. О безумии жизни слагается все яснее и яснее. Приехала Соня с Андреем. С Андреем был нехорошо резок. С Соней в первый раз высказал отчасти то, что мне тяжело. И потом, чтобы смягчить сказанное, молча поцеловал ее - она вполне понимает этот язык.

10 мая. 9 часов вечера. Встал гораздо лучше, хотя мало спал. Будили мысли, и записывал рано утром. Потом гулял, насилу ходил от телесной слабости, а мысли бодрые, важные, нужные, разумеется, мне. Ясное представление о том, как должно образоваться сочинение "Нет в мире виноватых" и еще кое-что. Общий разговор, потом с Чертковым об неприятном ему письме и нехорошем, Градовского.

Все яснее и яснее безумие, жалкое безумие людей нашего мира. [...]

11 мая. Опять сонливость и слабость. Чуть двигаюсь, ничего не хочется писать. Но, гуляя, записал, кажется, важное и, слава богу, не зол и легко не грешить. Чертков переписал мне и пересмотрел предисловие. Не хочется этим заниматься. Если бог велит, напишу, буду писать: и "Безумие", и "Нет в мире виноватых". [...]

[12 мая] Жив. Утром ходил гулять и хорошо думал. А потом слабость, ничего не делал. Только читал: "О религии". Узнал кое-что новое о китайской религии. И вызывает мысли. Ездил верхом с Булгаковым. Дома по некоторым причинам тяжело.

Письмецо от Саши. Разговоры с лавочником и урядником. Записать:

1) Как легко усваивается то, что называется цивилизацией, настоящей цивилизацией и отдельными людьми, и народами! Пройти университет, отчистить ногти, воспользоваться услугами портного и парикмахера, съездить за границу, и готов самый цивилизованный человек. А для народов: побольше железных дорог, академий, фабрик, дредноутов, крепостей, газет, книг, партий, парламентов – и готов самый цивилизованный народ. От этого-то и хватаются люди за цивилизацию, а не за просвещение – и отдельные люди, и народы. Первое легко, не требует усилия. и вызывает одобрение; второе же, напротив, требует напряженного усилия и не только не вызывает одобрения, но всегда презираемо, ненавидимо большинством, потому что обличает ложь цивилизации. [...]

13 мая. Записать:

1) Только сказать про то, что большинство людей, как милости, ждут работы, чтобы ясно было, как ужасна наша жизнь и по безнравственности, и по глупости, и по опасности, и по бедственности.

2) В медицине то же, что и во всех науках: ушла далеко без поверки; немногие знают ненужные тонкости, а в народе нет здоровых гигиенических понятий. [...]

14 мая. Болел бок. Встал бодро. Много гулял. Ничего не записал. Дома читал Вересаева и Семенова. После завтрака ходил в Желябуху. Приятно прошелся. Чертков пришел. Таня приехала. С мужиками хороший разговор. Больше шутливо-ласковый. Дома спал. Горбов – цивилизованный купец. Очень скучно.

1) Как бы хорошо быть в состоянии искренно ответить на вопрос: как твое здоровье? Не знаю, это меня не касается.

Хорошее письмо от Саши. Ложусь спать, только напишу ответ Леониду Семенову.

15 мая. Весь день слаб. Ничего не работал. Даже книжку не растворял. Много говорил с народом. Был скучный господин. Все домашние очень милы. Что-то хотел записать не важное, но забыл. Чертков и Таня требуют, чтобы я им дал комедию, но никак не могу – так плохо.

17 мая. Нынче немного лучше. Хорошее письмо от Саши. Немного утром походил, читал Revilie'a. Интересно. Вызывает мысли. Обедал в зале. Вечером гости, играл в карты. Скучно. Письма малоинтересные, а требующие ответов и забот. Ложусь в 11.

18 мая. Нынче чувствую себя совсем хорошо и телом, и духом. Походил. Поправил пьесу, но все плохо. Получил милое письмо, трогательное, Угрюмовой и написал ей длинное письмо. Спал перед обедом. И вечер, как обыкновенно. [...]

19 мая. Последний день в кочетах. Очень было хорошо, если бы не барство, организованное, смягчаемое справедливым и добрым отношением, а все-таки ужасный, вопиющий контраст, не перестающий меня мучить.

Поправлял пьесу и больше ничего. Здоровье хорошо. Снятие портретов. Кое-что записано, но не стану записывать: поздно и устал. Спал ночью едва ли 3 часа. А весь день очень свеж.

20 мая. Е. б. ж. Жив. Но опять спал часа три, даже меньше, но головой свеж и бодр. Далеко ходил гулять. Много думал ночью и кое-что записал. Просматривал комедию. Все плохо. [...] Записать:

[...] 2) Крестьяне считают нужным лгать, предпочитают при равных условиях ложь правде. Это оттого, что их приучили к этому, так как всегда лгут, говоря с ними и о них.

[...] 6) Какое высоконравственное условие жизни то, что происходит во всех крестьянских семьях: что возросший человек отдает весь свой заработок на содержание старых и малых.

22 [мая. Ясная Поляна]. Ходил гулять. Думал:

I) Общась с человеком, заботься не столько о том, чтобы он признал в тебе любовное к нему отношение, сколько о том, чувствуешь ли ты сам к нему истинную любовь. (Очень важно.)

II) Все дело ведь очень просто. Завоеватели, убийцы, грабители подчинили рабочих. Имея власть раздавать их труд, они для распространения, удержания и укрепления своей власти призывают из покоренных себе помощников в грабеже и за это дают им долю грабежа. То, что делалось просто, явно в старину, - ложно, скрытно делается теперь. Всегда из покоренных находятся люди, не гнушающиеся участием в грабеже, часто, особенно теперь, не понимая того, что они делают, и за выгоды участвуют в порабощении своих братьев. Это совершается теперь от палача, солдата, жандарма, тюремщика до сенатора, министра, банкира, члена парламента, профессора, архиерея и, очевидно, никаким другим способом не может окончиться, как только, во-первых, пониманием этого обмана, а во-вторых, настолько высоким нравственным развитием, чтобы отказаться от своих выгод, только бы не участвовать в порабощении, страданиях ближних. [...]

21 мая пропустил. Все так же хорошо себя чувствовал. Мало работал. Ездил верхом. Бабы жаловались. Я сказал Соне. Вечером Андрей и Сережа. Я рано ушел.

Сегодня 22 мая. Рано проснулся. Записал то, что переписал Булгаков. Ходил по Засеке, заблудился, вышел к поручику. Очень устал. Поправлял пьесу. Немного лучше, но все еще плохо. Бездна просителей. Кажется, не очень дурно обходился, применяя правило заботиться не об его мнении, а о своем душевном состоянии. К обеду Иван Иванович с корректурами и потом замечательный Тульского уезда отказавшийся, пострадавший 8 1/2 лет. Просил Булгакова записать его рассказ. Дал ему 10 рублей, Фокин.

Был с Соней неприятный разговор. Я был нехорош. Она сделала все, о чем я просил. 11 часов. Ложусь спать.

[24 мая] Вчера 23 мая не записал, а день был интересный. Работал над "книжечками". Ездил к Ивану Ивановичу. За обедом Андрей и Миташа. Вечером пришел готовый отказываться, серьезный, умный, потом Булыгин, Гольденвейзер, Алеша Сергеенко, Скипетров, Николаев. И мне было просто тяжело. Мучительно говорить, говорить... по обязанности.

Нынче 24. Встал рано, и сейчас 7 часов. Записать:

1) Приходят к человеку, приобретаемому известностью значительностью и ясностью выражения своих мыслей, приходят и не дают ему слова сказать, а говорят, говорят ему или то, что гораздо яснее им, или нелепость чего давно доказана им. [...]

25 мая. Здоров. Немного походил. Мысль слабо работает. Старательно поправлял и просматривал книжки, и недурно. Свез к Ивану Ивановичу. Написал одно письмо. Получил письмо от Гусева и книгу "Christenthum" и "Monistische Religion". Все к одному. Не хочу думать. Чувствую себя очень плохим, слава богу. От Саши письмо. Приехал Сережа. Нечего записывать, признак слабости мысли. Да, был утром юноша учитель, угрожавший самоубийством. Дурно вел себя с ним.

26 мая пропустил. Нынче 27 мая. Вчера рано встал. Помню, что дурно вел себя с просителями. Довольно много работал над книжками. Сделал пять окончательных и две дальнейшие. Ездил немного верхом с Душаном. Саша приезжает. Вечером читал хорошую статью Випера о Риме. Хочется писать о солдате, убившем человека. Рано утром, нет, ночью вчера проснулся и записал очень сильное и новое чувство:

1) В первый раз живо почувствовал случайность всего этого мира. Зачем я, такой ясный, простой, разумный, добрый, живу в этом запутанном, сложном, безумном, злом мире? Зачем?

2) (О суде.) Если бы только понимали эти несчастные, глупые, грубые, самодовольные злодеи, если бы они только понимали, что они делают, сидя в своих мундирах за накрытыми зеленым сукном столами и повторяя, разбирая с важностью бессмысленные слова, напечатанные в гадких, позорящих человечество книгах; если бы только понимали, что то, что они называют законами, есть грубое издевательство над теми вечными законами, которые записаны в сердцах всех людей. Людей, которые без всякого недоброежелательства стреляли в птиц в месте, которое называется церковью, сослали в каторгу за кощунство, а эти, совершающие не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
переставая, живущие кощунством над самым святым в мире: над жизнью человеческой. Царь обучает невинного сынишку убийству. И это делают христиане. Бежал солдат, который не хочет служить потому, что это ему не нужно. Ох, как нужно и хочется написать об этом.

27. Приехала Саша. Мы оба расплакались от радости. Она слишком бодра. Боюсь. Не в духе я. Не работал, как умел. Иду завтракать. Ездил с Булгаковым верхом. Спал. Письмо Черткова об Орленеве. Надо будет постараться кончить пьесу. Колечка Ге. Приятен. Слушал его вечером. Саша хороша. Иду спать в 11.

28 мая. Е. б. ж.

Жив и пропустил весь день. Нынче 29. Вчера мало спал. Ходил и записывал. Работал над книжками. Не очень доволен. Мало писем. Уехал Булгаков. Вечер, как обыкновенно. Сереже надо победить свое нехорошее чувство.

Нынче также рано встал, в 6. Очень слаб был. С Соней разговор. Она взволновалась. Я боялся, но, слава богу, обошлось. Приехал Трубецкой. Очень приятен. Тоже работал недурно. Кончил все книжки, сдал Ивану Ивановичу. [...]

30 мая. После гулянья поправлял пьесу и предисловие. И то, и другое очень плохо. Ездил верхом с Трубецким. Очень самобытно умный человек. Кажется, нечего записывать. Вечером интересный разговор с Николаевой. Ложусь, 12-й час.

Опять день пропустил. Нынче 1 июня. Вчера был не в хорошем духе. Кажется, ничего плохого не было, хотя было много просителен. Писем мало. И к стыду моему, мне это неприятно. Опять все то же поправление и пьесы и предисловия. Опять поездка с Трубецким в Телятинки. Пропать народа: Ге, Зося Стахович. Вечером они уехали. Димочка...

Нынче много спал и, кажется, недурно поправил. Трубецкой ездил со мной, и мне немножко подозрительна его лесть и неприятна. Сейчас вернулся и лягу спать. Что-то утром хорошее надо было записать. Забыл. Вечер 11, ложусь спать. Саша радуется. Читал Чернышевского. Очень поучительна его развязность грубых осуждений людей, думающих не так, как он. Очень приятное, доброе чувство к Соне - хорошее, духовно-любовное. На душе хорошо, несмотря на бездеятельность.

[3 июня] 2 и 3 июня. 2-го. Спал много и слабость. Но кое-как работал опять над двумя самыми противоположными вещами: предисловием - изложением моей веры, чем я живу, и глупой, пустой комедией. Немножко подвигается и то и другое. Ездил верхом с Трубецким, очень приятно по езде, но скучно от него и его лести. Обед. Недоброе чувство к Сереже, с которым (не с Сережей, а с чувством) недостаточно борюсь. Но зато очень хорошее чувство к Соне. Помогай бог. Вечером приехала совсем дикая дама с нефтяным двигателем и упряжкой a l'anglaise и tout le tremblement [по-английски и со всем прочим (фр.)].

Нынче, 3-го, встал рано и сейчас же взялся за обе вещи и, не одеваясь, поправил. Ходил гулять. Очень устал. Еще немного позанялся обеими вещами. [...]

4 июня. Встал рано. Очень хорошо обошелся с просителями, гулял. Потом письма. Одно серьезное по ответу на эпидемию писательства. Стал заниматься комедией и бросил с отвращением. Предисловие поправил порядочно. Вышел после работы усталый; и десяток баб, и я дурно вел себя, не с ними, а с милым, самоотверженным Душаном. Упрекнул его. Все стало противно.

Поехал с Душаном. Ездил хорошо. Вернулся и застал черкеса, приведшего Прокофия. Ужасно стало тяжело, прямо думал уйти.

[5 июня] И теперь, нынче, 5-го утром не считаю этого невозможным.

Пришла милая, милая Танечка. Я всхлипнул, говоря с ней. И этим я был гадок. [...]

1) Человеку говорят, чтобы он работал, а он говорит: я не хочу. А если вы говорите, что все должны работать, так пусть все эти богачи, которые ничего не делают, покажут мне пример. Они станут работать, и я стану, а без них не хочу.

2) В "детскую мудрость", как нечаянно пирожное съел и не знал, что делать, и как

научила покаяться. [...]

Нынче 5 июня. Утро. Встал рано, слаб. Записал это. Помоги, помоги, господи.

Очень был плох целый день. Ничего не работал и целый день сам себе жалок, хотелось, чтоб меня жалели, хотелось плакать, а сам всех осуждал, как капризный ребенок. Но все-таки держался. Одно, что за обедом сказал о том, что хочется умереть. И точно очень хочется, и не могу удержаться от этого желания. Вечером играл Гольденвейзер, хорошо, но я остался холоден. Ездил верхом и для Трубецкого сидел.

Нынче 6 июня. И опять то же состояние грусти, жалости к себе. Пошел в Заказ. Встретил малого, спрашивает, можно ли ходить, а то черкес бьет. И так тяжело стало! Хорошо очень думается, но все несвязно, растрепано. Поработал над предисловием. Над комедией не мог. От Черткова хорошее письмо. После завтрака пришли рабочие Пречистенских курсов. Очень хорошо с ними говорил. Потом Дима с телятинскими. Пляска и опять хороший разговор с крестьянками. Вечером Гольденвейзер. С Сережей лучше. Лег поздно. Очень тяжело. Какое-то странное душевное состояние. Как будто что-то в мозгу. И все та же слабость. Все хочется себя жалеть. Нехорошо.

7 июня. Дурно спал, очень мало. Поправлял предисловие. Потом сказал Софье Андреевне о черкесе, и опять волнение, раздражение. Очень тяжело. Все хочется плакать. Ездил верхом к поручику. Баба, мать убийцы. Написал письмо в газеты. Вечером Николаев. Очень бестолково спорил. Никитин.

8, 9, 10 июня. Два дня пропустил. Был нездоров и чрезвычайно слаб, особенно 8-го. Так просто, близко к смерти. 8-го ничего не делал, кроме пустых писем. Приехала девушка на костылях, как всегда, с неопределенными от меня требованиями. Неприятны мне были доктора, особенно Никитин с своей верой в свое суеверие и с своим желанием уверить в нем других. Написал очень плохо в газеты о невозможности помогать деньгами. Но не пошлю. Не надо. Был Орленев. Он ужасен. Одно тщеславие и самого низкого телесного разбора. Просто ужасен. Чертков верно сравнивает его с Сытиным. Очень может быть, что в обоих есть искра, даже наверно есть, но я не в силах видеть ее.

10-го было получше, мог заниматься опять предисловием и много читал о бехаизме с дурным чувством, обращенным на себя. [...]

11, 12 июня. Третьего дня опять поправлял предисловие. Ничего не было такого, что бы стоило помнить. Ездил верхом с Булгаковым. Вчера тоже. Тяжелые отношения с двумя девицами – жалкими, но не подлежащими никакой помощи, а отнимающими время.

Решено ехать к Чертковым. Саша собралась, потом раздумала.

[Отрадное] Нынче 12-го поехала и Саша. Боюсь за нее. Легко проехали. Сейчас 12 часов ночи. Пишу у Чертковых. Саша подле. Целый день ничего не делал. Записать есть многое. Да: утром ходил к девицам, но не освободился, и к Николаеву, чтобы загладить свой спор.

13 июня. Хорошо спал. Утром опять предисловие. Ходил утром и середь дня в Мещерское. Очень приятно. Саша и нездорова, и скучает, бедняжка. Очень поразительно здесь в окрестностях – богатство земских устройств, приютов, больниц, и опять все та же нищета. Вечером опять поправлял предисловие. На душе хорошо. [...]

14 июня 1910. Начинаю новую тетрадь у Чертковых. Ходил по полям. Занимался предисловием. Посмотрел старый дневник. Уже семь месяцев я вожусь все с одним этим. Неужели это все по пустякам. Письма. Мало интересных. Ходил в Лебучане к сумасшедшим. Один очень интересный. "Не украл, а взял". Я сказал: "На том свете".

Он: "Свет один". Много выше этот сумасшедший многих людей, считающихся здоровыми. Спал. Обед. Вечером еще позанялся. Потом чех с вопросами о педагогии. Хорошо говорили. Только стеснительно записывание. Ложусь спать.

15 июня. Ходил гулять, а потом ослабели целый день почти ничего не делал: поправил "декабрь", попачкал предисловие и читал "Записки лакея". Все больше и

больше сознаю тщету писаний, всяких и особенно своего. А не сказать не могу. [...]

16 июня. Встал не рано, все та же слабость. Гулял, ласковый народ. [...] В три часа пошел в Мещерское к сумасшедшим. Чертков довез. Ходил по всем палатам. Не разобрался еще в своих впечатлениях и потому ничего не пишу. И впечатления менее сильные, чем ожидал. Немного занялся корректурой книжки: "Грехи, соблазны, суеверия". Очень хочется освободиться от этой работы. Саша лучше. Письма неинтересные. Читал Куприна. Очень талантлив. "Корь" не выдержано, но образность яркая, правдивая, простая...

18 июня. Спал мало, но, несмотря на то, работал немного лучше. Справил три книжечки. Продиктовал плохое письмо в Белград и просмотрел еще и, надеюсь, в последний раз предисловие. Ездил с Чертковым в Мещерское и Ивино, большие женщины. Приятный крестьянин-писатель. И женщины бодрые. Особенно одна, совсем, как все. Потом из Троицкого приглашение на кинематограф. Спал, обед, вечером шахматы. Написал Соне. Записать нечего. Одно хорошее письмо.

19 июня. Долго спал и возбужден. Придумал важное изменение в предисловии и кончил письмо в Славянский съезд. Теперь 2-й час. Записать:

1) Ужасно не единичное, бессвязное, личное, глупое безумие, а безумие общее, организованное, общественное, умное безумие нашего мира. [...]

Ездил с Чертковым в Троицкое. Необыкновенное великолепие чистоты, простора, удобств. Были у 1) испытуемых мужчин. Там экспроприатор, защищавший насилие, старообрядец, приговоренный к смертной казни и потом 20 годам каторжных работ за убийство, потом отцеубийца, 2) беспокойные, 3) полуспокойные и 4) слабые. То же деление у женщин. Особенно тяжелое впечатление женщин, испытуемых и беспокойных.

Дома известие, что Черткову "разрешено" быть в Телятинках во время приезда матери. Ванна. Песни - Саша.

20 июня. Встал бодрым. Поправил и "Славянам" и предисловие. И написал "Детскую мудрость". Хочу попытаться сознательно бороться с Соней добром, любовью. Издалека кажется возможным. Постараюсь и вблизи исполнить. Душевное состояние очень хорошее. [...]

21 июня. Сейчас пришел с гуляния. Хочется продиктовать Саше. А записать:

1) Нам дано одно, но зато неотъемлемое благо любви. Только люби, и все радость: и небо, и деревня, и люди, и даже сам. А мы ищем блага во всем, только не в любви. А это искание его в богатстве, власти, славе, исключительной любви - все это, мало того, что это не даст блага, но наверное лишает его.

Продиктовал свою встречу с Александром, как он сразу обещал не пить. Потом много занимался корректурами. Поправил три книжки - недурно. Приехали Страхов, еще скопец. С скопцом много говорил, скорее слушал. Еще Беркенгейм. Не ходил гулять. Прочел вслух "О самоубийстве". Да еще и это поправил. Коротко заснул. Орденос читал Никитина. Мне чуждо. Поехали в Троицкое. Там великолепие роскоши, кинематограф. Саша болела головой. Да и мне и тяжело и скучно было. Кинематограф гадость, фальшь.

[23 июня] Жив. Теперь 7 часов утра. Вчера только что лег, еще не засыпал, телеграмма: "Умоляю приехать 23" Поеду и рад случаю делать свое дело. Помогите бог.

[Ясная Поляна] Нашел хуже, чем ожидал: истерика и раздражение. Нельзя описать. Держался не очень дурно, но и не хорошо, не мягко.

24 июня. Ясная Поляна. Много записать нужно.

Встал, мало выспавшись. Ходил гулять. Ночью приходила Соня. Все не спит. Утром пришла ко мне. все еще взволнована, но успокаивается.

1) Вышел на прогулку после мучительной беседы с Соней. Перед домом цветы, босоногие, здоровые девочки чистят. Потом ворочаются с сеном, с ягодами. Веселые, спокойные, здоровые. Хорошо бы написать две картинки.

Перечитал письма. Написал ответ о запое. Ничего особенного вечером. Успокоение.

25 июня. Рано встал. Писал о безумии и письма. И вдруг Соня опять в том же раздраженном истерическом состоянии. Очень было тяжело. Ездил с ней в Овсянниково. Успокоилась. Я молчал, но не мог, не сумел быть добр и ласков. Вечером Гольденвейзер, и Николаева, и Марья Александровна. Как-то нехорошо на душе. Чего-то стыдно. Ложусь спать, 12-й час.

26 июня. Встал рано. Ходил, потерял шапку. Дома письма и только перечел "О сумасшествии" и начал писать, но не кончил. Поехал верхом, дождь. Вернулся домой. Соня опять возбуждена, и опять те же страдания обоих. [...]

28 июня. Мало спал. С утра прекрасное настроение Сони. Просила не ехать. Но письмо от Черткова. Хорошее письмо от Черткова. Но она все-таки возбуждена против него. Я поговорил с ним и пошел к Ясенкам вместо Козловки. Ахнул и побежал домой. Ехали хорошо. Не было лошадей, не отослали телеграмму. Ждали часа три. Приехали к Сереже. Неприятный рассказ газетчицы. Приятные разговоры с рабочими. У Сережи бездна народа и скучно, тяжело. Ходил к дьячку и говорил с бабами. Как мы можем жить среди этой ужасной, напряженной нужды?

30 июня 10 г. Ясная Поляна. Приехали 29-го в Ясную. Ничего особенного дорогой. Приятно прощался с Танек. Вообще все впечатление очень хорошее. Софье Андреевне лучше. Сам не совсем здоров, хотя не пожалуюсь на дурное расположение духа. Слабость, болит голова. Утром получил французскую книгу "Закон насилия, закон любви" и несколько хороших писем. Читал с большим интересом, и, признаюсь, одобрил. Полезно перечитывать, чтобы не повторяться в том, что пишешь. Надеюсь, что не будет повторения "О безумии" и вижу, что стоит это писать, но не знаю, суждено ли. Говорю о своих силах.

[...] Говорят, что нельзя без вина при покупках, продажах, условиях, а пуще всего на праздниках, крестинах, свадьбах, похоронах. Казалось бы, для всякой продажи, покупки, условия - хорошенько подумать, обсудить надо, а не дожидаться sprysku, выпивки. Ну да это еще меньшее горе. А вот праздник. Праздник значит - ручному труду перерыв, отдых. Можно сойтись с близкими, с родными, с друзьями, побеседовать, повеселиться. Главное дело - о душе подумать можно. И тут-то вместо беседы, веселья с друзьями, родными напиваются вином и вместо того, чтобы о душе подумать, - сквернословие, часто ссоры, драки. А то крестины. Человек родился, надо подумать, как его хорошо воспитать. А чтобы хорошо воспитать, надо самому себя улучшить, от плохого отвыкать, к хорошему приучать, и тут вместо - вино и пьянство.

То же и еще хуже на свадьбах. Сошлись молодые люди в любви жить, детей растить. Надо, казалось бы, пример доброй жизни показать. Вместо этого опять вино. А уж глупее всего на похоронах. Ушел человек туда, откуда пришел, от бога и к богу. Казалось бы, когда о душе подумать, как не теперь, вернувшись с кладбища, где зарыто тело отца, матери, брата, который ушел туда, куда мы все идем и чего никто не минует. И что же вместо этого? Вино и все, что от него бывает. А мы говорим: нельзя не помянуть, так стариками заведено. Да ведь старики не понимали, что это дурно. А мы понимаем. А понимаем, так и бросать надо. А брось год, другой, да оглянись назад, и увидишь, что, первое дело, в год рублей тридцать, пятьдесят, а то и вся сотня дома осталась, второе, много глупых и скверных слов, а также и плохих дел осталось несказанными и несделанными, в-третьих, в семье и согласия, и любви больше, и, четвертое, главное, у самого на душе много лучше станет.

В народе все растущая ненависть к угнетателям, к властям, но он сам служит угнетателям. Зачем он служит? А затем, что соблазнен, обманут религиозным и научным обманом. [...]

4 июля. Страшно сказать, три дня, если не четыре, не писал. Вчера и нынче поправлял корректуры книжечек. Третьего дня, не помню, кажется, ничего не делал, кроме не важных писем. Софья Андреевна совсем успокоилась. Приехал Лева. Небольшой числитель, а знаменатель бесконечность. Виделся с Лизаветой Ивановной Чертковой, и она была у нас. Очень приятна.

Сгорела Марья Александровна. Думается, что это несчастный Репин поджег. Говорил с ним. Он совсем больной. Проявляется нелепо, но чувствую в нем человека. Были

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Сутковой и Картушин. Как всегда, с ними что-то неполное, не до конца. Сейчас ночь 4-го. Постараюсь не пропускать дни, как эти последние. Чувствую себя слабым и плохим. И то хорошо.

5 июля. Пишу. 12-й час. Утром ходил, ничего не работал. Все слаб. Был у Черткова. Вечером Булыгин и Колечка. С левой немного легче. Соня очень опять взволновалась без причины. [...]

[7 июля] Жив, но дурной день. Дурной тем, что все не бодр, не работаю. Даже корректуру не поправил. Поехал верхом к Черткову. Вернувшись домой, застал Софью Андреевну в раздражении, никак не мог успокоить. Вечером читал. Поздно приехал Гольденвейзер и Чертков. Соня с ним объяснялась и не успокоилась. Но вечером поздно очень хорошо с ней поговорил. Ночь почти не спал.

Сегодня 8 июля. Немного бодрее, и хорошо думалось о необходимости молчания и неуклонного делания своего дела. Ездил с Булгаковым к Марье Александровне. На душе хорошо. Саша и хворает и мрачна. Теперь 5 часов. Ложусь. Обед спокойно. Вечер читал. Все лучше и лучше. Вечером Гольденвейзер и Чертков. Хорошо. Разговор с Сутковым. Он хочет "верить" в то, во что можно не верить.. Ложусь, 12-й час. Милый рассказ mille, "Repos hebdomadaire".

9 июля. Долго спал. С удовольствием после писал, занимался корректурой первых пяти книжек. Ездил с Львом. Держусь. Вернулся мокрый. Волнение. После обеда Николаев, Гольденвейзер, Чертков. Тяжело. Держусь.

10 июля. Проснулся в 5. Встал, но почувствовал себя слабым и лег опять. В 9 пошел на деревню. К Копылову. Дал денег. Очень просто и недурно. Прошел мимо Николаева. Он вышел, и опять разговор о справедливости. Я сказал ему, что понятие справедливости искусственно и не нужно христианину. Черту эту нельзя провести в действительности. Она фантастическая и совершенно не нужна христианину.

Дома написал длинное письмо рабочему в ответ на его возражение об "Единственном средстве". Ездил верхом с Чертковым. Он говорил о непротвлении - странно. Лег спать. Проснулся - Давыдов, Колечка и Саломон. Читал Саломона пустую, напыщенную статью "Retour de l'enfant prodigue" и прелестный рассказ Милля. Потом пришли проститься Сутковой и Картушин. Очень они мне милы.

[...] Сейчас разговор опять о Черткове. Я отклонил спокойно.

11 июля. Жив еле-еле. Ужасная ночь. До 4 часов. И ужаснее всего был Лев Львович. Он меня ругал, как мальчишку, и приказывал идти в сад за Софьей Андреевной. Утром приехал Сергей. Ничего не работал - кроме книжечки: "Праздность". Ходил, ездил. Не могу спокойно видеть Льва. Еще плох я. Соня, бедная, успокоилась. Жестокая и тяжелая болезнь. Помогите, господи, с любовью нести. Пока несую кое-как. Иван Иванович, с ним о делах. Теперь 11 часов. Ложусь.

12 июля. Все то же. Станный эпизод с Чертковым. По ошибке Фили его позвали, и опять взволновалась Софья Андреевна. Но прошло хорошо. Она, бедная, очень страдает, и мне не нужно усилия, чтобы, любя, жалеть ее. Ездил с Душаном. Вечером проводы Саломона. И лег, не дожидаясь Сухотиных. Приезжал Чертков. Я отдал ему письмо.

Нынче 13-ое. Сухотины. Писал книжку. Ездил с Михаилом Сергеевичем и Гольденвейзером. Соня все очень слаба. Не ест. Но держится. Помогите бог и ей и мне. Записал в книжку.

14 июля. Очень тяжелая ночь. С утра начал писать ей письмо и написал. Пришел к ней. Она требует того самого, что я обещаю и даю. Не знаю, хорошо ли, не слишком ли слабо, уступчиво. Но я не мог иначе сделать. Поехали за дневниками. Она все в этом же раздраженном состоянии, не ест, не пьет. Занимался книжками, сделал три. Потом ездил в Рудакове. Не могу быть добр и ласков с Львом, и он ничего не понимает и не чувствует. Привезла Саша дневники. Ездил два раза. И Соня успокоилась, благодарила меня. Кажется, хорошо. От бати тронувшее меня письмо. Ложусь спать. Все не совсем здоров и слаб. На душе хорошо.

15 июля, е. б. ж. Жив, но тяжело. Утром опять волнение о том, что я убегаю, что ключ от дневников дать ей. Я сказал, что сказанного не изменю. Было очень, очень

тяжело. Перед этим кончил корректуры книжек. Осталась часть одной. Ездил с Душаном. Вечером американец, и Чертков, и Гольденвейзер, и Николаев, Соня спокойна, но чувствуется, что на волоске. Ложусь спать. Кое-что записать после.

16 июля. Жив, но плох телом. Душой бодрюсь. Милый Миша Сухотин уехал и Таня. Потом и Соня. Она спала, но все угрожающе. Ходил гулять. [...] Американец - пишет, сочиняет и, кажется, пустое. Вернувшись с прогулки, наткнулся на него, потом учитель из Вятки с женою. Тоже пишет. Но очень милый. Поговорил с ним. Окончил последнюю корректуру. Хотел взяться за "О безумии", но не был в силах. Сейчас надо записать из книжки:

1) Мы живем безумной жизнью, знаем в глубине души, что живем безумно, но продолжаем по привычке, по инерции жить ею, или не хотим, или не можем, или то и другое, изменить ее.

2) Записано так: нынче 13-ое июля, во 1-х, освободился от чувства оскорбления и недоброжелательства к Льву, и 2-е, главное, от жалости к себе. Мне надо только благодарить бога за мягкость наказания, которое я несу за все грехи моей молодости и главный грех, половой нечистоты при брачном соединении с чистой девушкой. Поделом тебе, пакостный развратник. Можно только быть благодарным за мягкость наказания. И как много легче нести наказание, когда знаешь за что. Не чувствуешь тяготы. Ездил с Булгаковым верхом далеко. Устал. Сон, обед. Гольденвейзер, Чертков. Тяжелое настроение. Софья Андреевна не дурна. Гольденвейзер прекрасно играл. Гроза.

17 июля. Мало спал. Проводил милую Танечку. Ходил гулять. Вернувшись, ничего не мог делать. Читал письма и Паскаля. С Львом вчера разговор, и нынче он объяснил мне, что я виноват. Надо молчать и стараться не иметь недоброго чувства. Саша уехала в Тулу. Теперь 12 часов. Очень, очень слаб, ничего не работал. Читал чудного Паскаля. Потом ездил к Черткову. Довольно хорошо обошлось. Вечер и обед скучно. Гольденвейзер. Посидел у Саши приятно.

[18 июля] Жив, но плох. Все та же слабость. Ничего не работаю, кроме ничтожных писем и чтения Паскаля. Софья Андреевна опять взволнована. "Я изменил ей и оттого скрываю дневники". И потом жалеет, что мучает меня. Неукротимая ненависть к Черткову. К Лева чувствую непреодолимое отдаление. И скажу ему, постараюсь любя, *son fait* [всю правду (фр.)]. Был господин писатель тяжелый. Ездил в Тихвинское. Очень устал. Вечером были Гольденвейзер и Чертков, и Софья Андреевна готова была выйти из себя. Ложусь спать.

19 июля. Спал порядочно, но очень слаб, перебои. Писал ядовитую статью в конгресс мира, письма. Софья Андреевна с утра лучше, но к вечеру с приездом докторов хуже. Саша телом нехороша: и кашляет, и насморк. Больше писать нечего. Ложусь, 12-й час. Записать важное о девушках. Да, ездил к милым людям в Овсянникове.

20 июля. Очень дурно себя чувствую. Сидел на лавочке в елочках, писал письмо Черткову. Пришли доктора. Россолимо поразительно глуп по-ученому, безнадежно. Потом поправлял добавление в конгресс. Очень мрачно. Ничего не проявил, но дурно, что недоволен. Ездил с филей по Засеке верхом. [...]

21 июля. [...] 1) тип ученого, 2) тип честолюбца, 3) корыстолюбца, 4) верующего консерватора, 5) тип кутилы, 6) разбойника, в принятых пределах, 7) в непринятых, 8) правдивого человека, но в обмане, 9) славолюбца-писателя, 10) социалиста-революционера, 11) ухаля, весельчака, 12) христианина полного, 13) борющегося, 14)... Нет конца этим чувствуемым мною типам.

21 июля. Все так же слаб и то же недоброе чувство к Льву. Записал о характерах. Надо попытаться. Ничего не работал. Ездил хорошо с Булгаковым. Обед. Читал "Вестник Европы". Гольденвейзер, Чертков. Опять припадок у Софьи Андреевны. Тяжело. Но не жалею и не жалею себя. Ложусь спать. От Тани милое письмо о франциске.

22 июля. Очень мало спал. Ничего не работал. Заснул до завтрака. Ездил с Гольденвейзером. Писал в лесу. Хорошо. Дома опять раздражение, волнение. За обедом еще хуже. Я взял на себя, и позвал гулять, и успокоил. Был Чертков. Натянута, мучительно, тяжело. Терпи, казак. Читаю Лабрюйера.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

24 июля. Опять то же и в смысле здоровья, и в отношении к Софье Андреевне. Здоровье немного лучше. Но зато с Софьей Андреевной хуже. Вчера вечером она не отходила от меня и Черткова, чтобы не дать нам возможности говорить только вдвоем. Нынче опять то же. Но я встал и спросил его: согласен ли он с тем, что я написал ему? Она услышала и спрашивала: о чем я говорил. Я сказал, что не хочу отвечать. И она ушла взволнованная и раздраженная. Я ничего не могу. Мне самому невыносимо тяжело. Ничего не делаю. Письма ничтожные, и читаю всякие пустяки. Ложусь спать и нездоровым, и беспокойным.

25. Соня всю ночь не спала. Решила уехать и уехала в Тулу, там свиделась с Андреем и вернулась совсем хорошая, но страшно измученная. Я все нездоров, но несколько лучше. Ничего не работал и не пытался. Говорил с Львом. Тщетно. [...]

27 июля. Опять все то же. Но только как будто затишье перед грозой. Андрей приходил спрашивать: есть ли бумага? Я сказал, что не желаю отвечать. Очень тяжело. Я не верю тому, чтобы они желали только денег. Это ужасно. Но для меня только хорошо. Ложусь спать. Приехал Сережа. [...]

28 июля. Все то же нездоровье – печень и нет умственной деятельности. Дома спокойно. Приехала Зося. Ездил с Душаном, Сережа тут был. Слава богу, все было преувеличено. Да, у меня нет уж дневника, откровенного, простого дневника. Надо завести.

29 июля. Поша приезжает, я рад. Все ничего не работаю. На душе не дурно. Хороший юноша Борисов был. Ездил с Душаном. Сыновья, очень тяжело. Написал Черткову письмо. Зося приятна своей художественной, литературной чуткостью. Письма малоинтересные. Винт вечером., И хороший разговор с Николаевым. Думал хорошо о том, как надо отучать себя от мысли о будущем и еще о том – не помню.

30 июля. Здоровье немного лучше, много спал. Очень интересные письма. Ничего не делал, кроме писем. Ездил к Ивану Ивановичу, отдал корректуры. Дома обед. Поша с детьми, Гольденвейзер. С сыновьями так же чуждо. Думал хорошо о необходимости молчания. Буду стараться. Ложусь спать, проводив Зосю. Софья Андреевна огорчилась оттого, что не пригласили ее играть. Я ничего не говорил. Так и надо.

31 июля. Все не бодр, особенно умственно. Ничего не пишу – тем лучше. Письма неинтересные. Софья Андреевна хорошо говорила о вчерашнем, признавая свою чрезмерную чувствительность. Очень хорошо. Я ездил с Душа – ром. После обеда хотел читать, приехали Ладыженские и много говорили, и я много говорил лишнего. Получил письмо от Черткова и ответил ему несколько слов. Все хорошо. Ложусь спать.

1 августа. Е. б. ж.

[1 августа] Жив, но плох. Письма плохо отвечал. Корректуры от Ивана Ивановича плохи. Ездил в Овсянниково. Вялость ума и уныние. Довольно хорошо молчу. Саша опять слабеет здоровьем. Записать есть кое-что. После.

2 августа. Все так же тяжело на душе, и та же вялость. Ходил утром много. Мало писем. Поправлял корректуры слабо. От Тани письмо прекрасное. Она, бедняжка, за меня страдает. Ездил за рожью. Софья Андреевна выехала проверять. Вот кто страдает. И я не могу не жалеть, как ни мучительно мне. С Пошей хорошо говорил вечером. Сейчас ложусь.

3 августа. Е. б. ж. Жив, тоскливо. Но лучше работал над корректурами. Чудное место Паскаля. Не мог не умиляться до слез, читая его и сознавая свое полное единение с этим, умершим сотни лет тому назад, человеком. Каких еще чудес, когда живешь этим чудом?

Ездил в Колпну с Гольденвейзером. Вечером тяжелая сцена, я сильно взволновался. Ничего не сделал, но чувствовал такой прилив к сердцу, что не только жутко, но больно стало.

[5 августа] Записать: 1) Привычка – великое дело. Привычка делает то, что те поступки, которые прежде всякий раз требовали усилия, борьбы духовного с животным, уже перестают требовать усилия и внимания, которые могут быть употреблены на следующие в работе дела. Это – известка, которая скрепляет положенные камни так, что на них можно класть новые. Но та же благодетельная

сторона привычки может быть причиной безнравственности, когда борьба была решена в пользу животного: есть людей, казнить, воевать, владеть землей, пользоваться проституцией и т. п.

[...] 4) 1 августа. Слова умирающего особенно значительны. Но ведь мы умираем всегда и особенно явно в старости. Пусть же помнит старик, что слова его могут быть особенно значительны.

[...] 6) Какая ужасная, или, скорее, удивительная дерзость или безумие тех миссионеров, которые, чтобы цивилизовать, просветить "диких", учат их своей церковной вере.

[...] 11) Несчастен не тот, кому делают больно, а тот, кто хочет сделать больно другому.

12) Всякий человек всегда находится в процессе роста, и потому нельзя отвергать его. Но есть люди до такой степени чуждые, далекие в том состоянии, в котором они находятся, что с ними нельзя обращаться иначе, как так, как обращаешься с детьми, – любя, уважая, оберегая, но не становясь с ними на одну доску, не требуя от них понимания того, чего они лишены. Одно затрудняет в таком обращении с ними – это то, что вместо любознательности, искренности детей, у этих детей равнодушие, отрицание того, чего они не понимают, и, главное, самая тяжелая самоуверенность.

[6 августа] Жив. Ходил по елочкам. Прочел и написал письма. Думал писать о безумии. Не захотелось. Лежа пришла важная мысль – забыл. Приехал Короленко. Очень приятный, умный и хорошо говорящий человек. Авсе-таки тяжело говорить, говорить.

7 августа. Унылое состояние. Попытался писать. О безумии. Ничего не могу. Короленку пригласил походить со мной утром, и хорошо поговорили. Он умен, но под суеверием науки. Потом ездил верхом. Измок. Сушился у Сухининых. Дома Гольденвейзер, и тяжело. Саше дать выписать:

1) Редко встречал человека, более меня одаренного всеми пороками: сластолюбием, корыстолюбием, злостью, тщеславием и, главное, себялюбием. Благодарю бога за то, что я знаю это, видел и вижу в себе всю эту мерзость и все-таки борюсь с нею. Этим и объясняется успех моих писаний.

[...] 4) Трудно себе представить тот переворот, который произойдет во всей вещественной жизни людей, если люди не то что станут жить по любви, но только перестанут жить злобной, животной жизнью. [...]

8 августа. Только встал, выбежала Софья Андреевна, не спавшая всю ночь, взволнованная, прямо больная. Ходил потом ее искал. Ничего не мог писать. Ездил с Булгаковым. Пришли телятинские ребята. Но пять человек, обещавшие прийти, не пришли. Все это похоже на подвох. Слава богу, только жалко их. [...]

9 августа. Очень в тяжелом серьезном настроении. Опять и думать не могу о какой-нибудь умственной работе. Много ходил. Ездил к Марье Александровне. Милый народ. Дома ужасный фере, ужасный по своей непроницаемой, наивной буржуазности. Потом венгр. Я был нехорош с тем и другим. Саша опять столкнулась с Соней. Приезжает Таня. Ложусь, 12-й час.

11, 12 августа. Удивляюсь, как пропустил вчерашний день. Вчера было письмо, очень интересное. Я отвечал нынче. Вчера и нынче ничего не писал. Только ответил на важные письма. Нынче не выходил. Все очень слаб. Ложусь, сейчас 12-й час. [...]

[13 августа] Здоровье немного лучше. Проливной дождь, ходил по террасе. Подошел в одной рубахе промокший человек. Я не покормил его, вообще не по-братски обошелся с ним. Пожал руку. Глупая демонстрация. Письма довольно интересные, но все-таки нет охоты работать. И не надо. Хорошо на душе – добро. Была бывшая барыня, фельдшерица. Все то же служение людям и половая любовь. Записать:

Как хорошо бы развенчать хорошенько эту любовь. Показать суеверие этой любви.

15 августа. [Кочеты]. Проснулся нездоровый. Софья Андреевна едет с нами.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Пришлось встать в 6 часов. Ехал тяжело. Письма ничтожные. У Тани очень приятно. Сейчас ложусь, с тяжелым состоянием, и телесным и духовным. Читал книгу Страхова, Федора: "Искание истины". Очень, очень хорошо.

1) какая странность: я себя люблю, а меня никто не любит.

2) Вместо того, чтобы учиться жить любовной жизнью, люди учатся летать. Летают очень скверно, но перестают учиться жизни любовной, только бы выучиться кое-как летать. Это все равно, как если бы птицы перестали летать и учились бы бегать или строить велосипеды и ездить на них.

16 августа. Все то же состояние умственной слабости. С большой радостью читал Страхова "Искание истины" и написал ему письмо. Ходил два раза гулять. Опять дождь. Объяснение с Соней, слава богу, хорошо кончившееся. У Тани очень мило. Пропасть гостей и слишкомлюдно и роскошно. Ложусь.

17 августа. Спал хорошо, гулял. Кое-что записал, в "записник", но нехорошо. Пришел домой слабый умственно. Ничего не хочется писать. И хорошо. Сонливость, слабость. Приезжал скопец Андрей Яковлевич. О "батюшке" Петре Федоровиче. Опять гулял и молился очень горячо, хорошо. Спал. Обед, вечер. Софья Андреевна спокойна - первый день, но к вечеру немного возбуждена. Играл в карты, ничего не делал.

18 августа. Все то же, та же слабость умственная. Ничего не делал. Соня огорчилась известием о разрешении Черткову жить в Телятинках. Письма неинтересные. На душе довольно хорошо, хотя грустно. И это дурно. Приехал Сережа и Дмитрий Олсуфьев. Был на представлении в школе. Хорошо очень. Ездил верхом.

[21 августа] Более жив, чем вчера. Опять изменял предисловие. Поправил корректуру книжечки "Смирение", - хорошо. Не ездил верхом, а ходил в Веселое, говорил с старухой. Вечер винт. И совестно.

22 августа. Чувствую себя гораздо лучше. Все еще нет охоты заниматься, и, кроме того, занят был корректурами книжечек. Поправил все, кроме одной: "После смерти". [...]

23 августа. Бодро гулял и думал. Сочинял сказочку детям. И еще на тему: "Все равно", и тут же характеры. Наметил сказку. Ходил по парку. Докончил "книжечки". Вечером винт. Ложусь. Софья Андреевна спокойна.

24 августа. Продолжаю чувствовать себя здоровым. Утром читал "Le Bab [?]" . Очень интересно и ново для меня. Потом письма. Надо бы было писать сказку детскую. Танечка хорошо рассказала ее. Почему нет охоты писать. А надо бы. Ходил один к Александровке. Вечером дочитывал Баба. Ложусь. Софья Андреевна хороша. Если бы только не тревожилась, не подозревала.

Записать:

[...] 8) "Все равно" - заглавие очерков характеров.

9) Прежде правительство с помощью одной церкви обманывало народ, чтобы властвовать над ним, теперь то же правительство понемногу подготавливает для этого дела и науку, и наука очень охотно и усердно берется за это дело.

10) Духовенство и сознательно и преемственно бессознательно старается для своей выгоды не давать народу выйти из того мрака суеверия и невежества, в который оно завело его.

26 августа. Хорошо на душе. Сказка для детей не вышла. Получил письма и корректуры. Читал "Vedic Magazine". Очень хорошо изложение вед и "Agea Samaï". Ездил в Треханетово. Очень тяжела роскошь - царство господское и ужасная бедность - курных изб. Ложусь, поздно.

27 августа. Е. б. ж. Жив. Но все ничего не работаю. Целый день был занят Чепуриным, рабочим, ездившим в Англию, Америку, Японию. Читал его книгу в рукописи, очень плохо написанную, и говорил с ним .

29 августа. Опять пустой день. Прогулки, письма. Думать думаю, и хорошо, но не

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

могу сосредоточиться. Софья Андреевна была очень возбуждена, ходила в сад и не возвращалась. Пришла в 1-м часу. И хотела опять объяснения. Мне было очень тяжело, но я сдержался, и она затихла. Она решила ехать нынче. Спасибо Саша решила ехать с ней. Прощалась очень трогательно, у всех прося прощение. Очень, очень мне ее любовно жалко. Хорошие письма. Ложусь спать. Написал ей письмецо.

30 августа. Грустно без нее. Страшно за нее. Нет успокоения. Ходил по дорогам. Только хотел заниматься. Приехал Mavor. Профессор. Очень живой, но профессор и государственный, и нерелигиозный. Классический тип хорошего ученого. Письмо от Черткова. Присылает статьи английские. Ничего даже не читал. Вечером карты. Голова болит. От Саши телеграмма. Доехали хорошо. Ложусь. А обдумывал поутру работу о безумии и безрелигиозности – хорошо!

Нынче 1 сентября. Вчера не записал. Утром ходил, как всегда, кое-что путное думал и записал. Письма малоинтересные. Потом поехали к Матвеевым. Очень сильное впечатление контраста достойных уважения, сильных, разумных, трудящихся людей, находящихся в полной власти людей праздных, развращенных, стоящих на самой низкой степени развития – почти животных. Устал от них. Они все на границе безумия. [...]

Немного поработал. Написал после обеда письма Соне и Бирюкову. Приехали Мамонтовы. Еще более резко безумие богатых. А я играл с ними в карты до 11 часов, и стыдно. Хочу перестать играть во всякие игры. Ложусь усталый.

2 сентября. Рано встал, мало спал, забрел далеко и очень устал. Записал о неподвижности духовного я во времени, кажется, не дурно. Пришел усталый, читал Пошино описание ссылки, написал ему. Хочу перестать играть в карты, как-то совестно. Не брался за работу. Теперь два часа. Еду верхом. Тоже надо бы бросить. [...]

3 сентября. Вчера утром ходил, до Образцовки не дошел. Вернулся и начал писать с таким увлечением, какого давно не испытывал. Поехал верхом в Треханетово к мужику. Лошадь пала. Сильное впечатление, старик старше меня, у него молотят. Мамонтова. Саша приехала. Дома так же мучительно тяжело. Держись, Лев Николаевич. Стараюсь. Вечером не хотел играть, но сел за других.

4 сентября. Рано, мало спавший поехал в Треханетово и в Образцовку. Ужасающая бедность. Насилу держусь от слез. Письма. Одно ругательное. Ходил по парку. Поспал. Иду обедать. [...]

5 сентября 1910. Нынче встал не рано. Гулял по парку. Записал, кажется, недурно о движении, пространстве и времени. Потом пытался продолжать работу, но мало сделал, не пошло. По ужасной погоде, дождю, ездил к Андрею Яковлевичу. Он проводил меня домой. Приехала Софья Андреевна. Очень возбуждена, но не враждебна; Потом приехала С. Стахович. Ложусь. 11 часов.

6 сентября. Кочеты. Проснулся больной, вероятно, гангрена старческая. Приятно было, что не вызвало не только неприятного, но скорее приятное чувство близости смерти. Кроме того, слабость и отсутствие аппетита. Приятное известие из Трансвааля о колонии непротивленцев. Ничего не ел, теперь вечер, приехал кинематограф. Попробую пойти посмотреть. Говорил с Софьей Андреевной, все хорошо. [...]

[8 сентября] 7 – 8. Вчера здоровье было лучше. Только нога болит, и *pas roug cette fois* [только не в этот раз (фр.)]. Как определено свыше, пускай так и будет. Оно уже есть, только мне не дано видеть.

Только написал письма, одно индусу, одно о непротивлении русскому. Софья Андреевна становится все раздражительнее и раздражительнее. Тяжело. Но держусь. Не могу еще дойти до того, чтобы делать, что должно, спокойно. Боюсь ожидаемого письма Черткова. 7-го была милая чета Абрикосовых, кинематограф, и нынче 8-го все, кроме Михаила Сергеевича и Зоей, все уехали в Новосиль. Я походил на солнце. Софья Андреевна непременно хотела, чтобы Дранков снимал ее со мною вместе. Кажется, работать не буду. Не спокоен. Ничего не писал. Ходил по парку, записал кое-что. Получил письмо от Черткова и Софья Андреевна его письмо. Еще перед этим был тяжелый разговор о моем отъезде. Я отстоял свою свободу. Поеду, когда я захочу. Очень грустно, разумеется, потому, что я плох. Ложусь спать.

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

[9 сентября] жив, но плох. С утра началось раздражение, болезненное. Я же не совсем здоров и слаб. Говорил от всей души, но очевидно, ничего не было принято. Очень тяжело. Понемногу два раза ходил по парку. Вечером играл в карты. Скучно, дурно, а иногда странное чувство чего-то нового. Ложусь поздно, усталый.

10 сентября. Встал рано. Мало спал, но свежее вчерашнего. Софья Андреевна все так же раздражена. Очень тяжело. Ездил с Душаном немного верхом. Хорошее письмо от крестьянина о вере. Отвечал. И очень хорошее от итальянца в Риме о моем мировоззрении. Софья Андреевна второй день ничего не ест. Сейчас обедают. Иду просить ее пойти обедать. Страшные сцены целый вечер.

12 сентября. Софья Андреевна уехала со слезами. Вызывала на разговор, я уклонился. Никого не взяла с собой. Я очень, очень устал. Вечером читал. Беспокоюсь о ней.

13 сентября. Слаб сердцем. Ходил и почти ничего не записал. Думал о Гроте. Нельзя написать того, что думаю. Ездил с Душаном верхом. Холодный ветер. Хорошее письмо от Гусева. Глупое от Ададунова. Отвечал. Ложусь спать, усталый. E sempre bene [А все-таки хорошо (ит.)].

[14 сентября] жив и даже очень много сплю. Ничего не писал, кроме письма Гроту. Слабо. Ездил к Голицыной с Михаилом Сергеевичем. Очень много нужно записать, но поздно, ложусь спать.

1) Помнить, что в отношениях к Софье Андреевне дело не в моем удовольствии или неудовольствии, а в исполнении в тех трудных условиях, в которые она ставит меня, дела любви.

2) Мы всегда погоняем время. Это значит, что время есть форма нашего восприятия, и мы хотим освободиться от этой стесняющей нас формы.

15 сентября 10 г. кочеты. [...] 6) Материнство для женщины не есть высшее призвание.

7) Самый глупый человек это тот, который думает, что все понимают. Это особый тип.

8) Думать и говорить, что мир произошел посредством эволюции, или что он сотворен богом в шесть дней, одинаково глупо. Первое все-таки глупее. И умно в этом только одно: не знаю и не могу, и не нужно знать.

9) Вместо того, чтобы те, на кого работают, были благодарны тем, кто работает, - благодарны те, кто работают, тем, кто их заставляет на себя работать. Что за безумие!

10) Не могу привыкнуть смотреть на ее слова, как на бред. От этого вся моя беда.

Нельзя говорить с ней, потому что для нее не обязательна ни логика, ни правда, ни сказанные ею же слова, ни совесть - это ужасно.

11) Не говоря уже о любви ко мне, которой нет и следа, ей не нужна и моя любовь к ней, ей нужно одно: чтобы люди думали, что я люблю ее. Вот это-то и ужасно. [...]

Два дня пропустил: 16 и сегодня 17 сентября. Вчера поутру немного поправил письмо Гроту. И потом ничего особенного, кроме письма из Ясной, очень тяжелого.

Шестьдесят писем, большей частью ничтожных. Занимался опять поправкой письма Гроту. Выходит лучше. Ездил с Душаном. Письмо от Черткова. Перевод Gandhi. Письмо Mrs Mayo. Копия письма к Софье Андреевне. Все очень хорошо. Записать есть немного. Завтра.

20 сентября. Ни завтра 18, ни 19 ничего не писал. 18-го поправлял письмо Гроту и кое-какие письма. Нездоровилось - живот. Ходил немного. Вечером читал интересную книгу: "Ищущие бога".

19-го все нездоров, не трогал письма Гроту, но серьезнее думал о нем. Утром ходил. Интересный рассказ Кудрина об отбытии "наказания" за отказ. Книга

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Купчинского была бы очень хороша, если бы не преувеличение. Читал "Ищущие бога".
Телеграмма из Ясной, с вопросом о здоровье и времени приезда. [...]

22 сентября. Опять мало спал и возбужден. Не одеваясь, очень хорошо поправил
Грота. Записать пустяки:

1) Нигде, как в деревне, в помещичьей усадьбе, не видна так ясно вся греховность
жизни богатых.

[Ясная Поляна] Проехали очень хорошо. Заезжали к милым Абрикосовым. Жалел, что
не заехал в школу Горбова. Он вышел с ребятами. Дома застал Софью Андреевну
раздраженной: упреки, слезы. Я молчал.

23 сентября. Нынче с утра Софья Андреевна ушла куда-то; потом в слезах. Было
очень тяжело. Куча писем. Есть интересные. Саша раздражена и не права. Обедал,
читал Макса Мюллера "Индийскую философию". Какая пустая книга. Потерял маленькую
книжечку.

Был Николаев с милыми мальчиками. Ложусь. 12 часов.

Избегаю пасьянсы, хочу избегать игры. Жизнь только в настоящем.

24 сентября. Ходил к Николаеву и к калужским, валяют валенки. Дома книги:
немецкая Шмита о науке, письмо к индусу, о праве. Шмит пустобрех научный. Моод
тоже поучает. Ездил с Булгаковым. Милая Марья Александровна. Софья Андреевна
была неприятна. К вечеру прошло. Она больная, и мне жалко ее от души.

Да, немножко просмотрел "Нет в мире виноватых". Можно продолжать. Записать:

1) В первый раз ясно понял все значение жизни в настоящем: избегать всего, что
делаешь и думаешь, имея в виду будущее: игры, загадывания, забота от впечатлений
от моих поступков, и главное, в каждый момент, что теперь может и должно быть
хорошо, потому что в моей власти отнестись к тому, что совершается, как к работе
внутренней. Несколько раз испытывал и всегда с успехом.

2) Знание и наука – разница. Знание – все, наука – часть. Так же, как разница
между религией и церковью.

25 сентября. Встал, написал письмо. Гулял. Написал на гуляний другое письмо
Малиновскому о смертной казни. С почты корректуры Ивана Ивановича поправлял.
Недоволен. Не кончил. Неприятное снятие фотографий. Ездил с Булгаковым хорошо.
С Сашей хорошо поговорил. Весь вечер читал книгу Малиновского: много хорошего и
нужного материала. Ложусь, 12-й час.

26 сентября. Дурно спал, дурные сны. Встав, перевесил портреты по местам; ходил.
Начал писать чешским юношам, продолжал заниматься книжками "Для души". Немного
более доволен.. Студент Чеботарев. Ему предстоит воинская повинность. Он сам не
знает, как поступить. Искренний человек, понравился мне. Поехал верхом с
Душаном. Вернувшись, застал Софью Андреевну в волнении. Она сожгла портрет
Черткова. Я было начал говорить, но замолчал – невозможно понять. Вечером
Хирьяков и Николаев. Я очень устал. Софья Андреевна пыталась опять говорить. Я
отмалчивался. Сказал только до обеда то, что она перевесила в моей комнате мои
портреты, потом сожгла портрет моего друга, и я оказываюсь виноват во всем этом.
Продолжение дня было то, что Саша с Варварой Михайловной вернулись по вызову
Марьи Александровны. Софья Андреевна встретила их бурно, так что Саша решила
уехать.

27 сентября. С утра проводил Сашу, – она уехала совсем в Телятинки. Гулял,
записал прибавление к письму Гроту. Дома книжки и письма. Больше ничего. Ездил
верхом к Туле. Здоровье хорошо. Держусь. Кое-что записал. Был Хирьяков. Послал
книжки Горбунову и письмо Аншиной в газеты.

28 сентября. Е. б. ж. жив. Но нездоров, слаб. Приезжала Саша. Я ровно ничего не
делал и не брался за дело, кроме писем, и тех мало. Ездил к Марье Александровне.
Там Николаев. Возвращаясь, на выезде из деревни, встретил Черткова с
Ростовцевым. Поговорили и разъехались. Он явно был очень рад. И я также. Вечером
читал. Одна книга писателя из народа, соревнователя Горького, а интересная
книга: "Antoine le Guerisseur". Верное религиозное мировоззрение, только

нехорошо выраженное.

[...]

29 сентября. Встал рано. Мороз и солнце. Все слаб. Гулял. Сейчас вернулся. Прибежала Саша. Софья Андреевна не спала и тоже встала в 8-м часу. Очень нервна. Надо быть осторожнее. Сейчас, гуляя, раза два ловил себя на недовольстве то тем, что отказался от своей воли, то тем, что будут продавать на сотни тысяч новое издание, но оба раза поправлял себя тем, что только бы перед богом быть чистым. И сейчас сознаешь радость жизни. [...]

29 сентября 10 г. Ясная поляна. 1) Какой ужасный умственный яд современная литература, особенно для молодых людей из народа. Во-первых, они набивают себе память неясной, самоуверенной, пустой болтовней тех писателей, которые пишут для современности. Главная особенность и вред этой болтовни в том, что вся она состоит из намеков, цитат самых разнообразных, самых новых и самых древних писателей; Цитируют словечки из Платона, Гегеля, Дарвина, о которых пишущие не имеют ни малейшего понятия, и рядом словечки какого-нибудь Андреева, Арцыбашева и других, о которых не стоит иметь какого-нибудь понятия; во-вторых, вредна эта болтовня тем, что наполняя головы, - не оставляет в них места, ни досуга для того, чтобы познакомиться с старыми, выдержавшими проверку, не только десяти, ста, тысячи лет писателями.

[...]

30 сентября. Очень дурно, слабо себя чувствую. Ничего, кроме писем, не делал, и то плохо. Ездил с Душаном - приятно. Вечером читал свою биографию, и было интересно. Очень преувеличено. Была Саша. Софья Андреевна спокойна. [...]

1 октября. Все та же вялость. От Черткова письма Лентовской и его статья, и еще что-то. Читал это. Интересна его работа о душе и хороша. Писем мало и неинтересные. Немного пописал о социализме для чехов. Софья Андреевна говорила о том, чтобы видеться с Чертковым. Я говорил, что нечего говорить, надо просто перестать дурить, а быть, как всегда. Ездил верхом, с Булгаковым. С Гольденвейзером вечер. А еще читал Мопассана. "Семья" прелесть. [...]

2 октября. Встал больной. Походил. Северный, неприятный ветер. Ничего не записал, но ночью очень хорошо, ясно думал о том, как могло бы быть хорошо художественное изображение всей пошлости жизни богатых и чиновничьих классов и крестьянских рабочих, и среди тех и других хоть по одному духовно живому человеку. Можно бы женщину и мужчину. О, как хорошо могло бы быть. И как это влечет меня к себе. Какая могла бы быть великая вещь. И вот именно задумываю без всякой мысли о последствиях, какие и должны быть в каждом настоящем деле, а также и в настоящем художественном. О, как могло бы быть хорошо. Вчера чтение рассказа Мопассана навело меня на желание изобразить пошлость жизни, как я ее знаю, а ночью пришла в голову мысль поместить среди этой пошлости живого духовно человека. О, как хорошо! Может быть, и будет. [...]

3 октября. Вчера не дописал вечера. Хорошо говорил с Сережей и Бирюковым о болезни Сони. Потом прекрасно играл Гольденвейзер, и с ним хорошо поговорили. [...]

[...] 2) Музыка, как и всякое искусство, но особенно музыка, вызывает желание того, чтобы все, как можно больше людей, участвовали в испытываемом наслаждении. Ничто сильнее этого не показывает истинного значения искусства: переносишься в других, хочется чувствовать через них. [...]

5 октября. Два дня с 3-го был тяжело болен. Обморок и слабость. Началось это 3-го дня и 3-го октября. После дообеденного сна. Хорошее последствие этого было примирение Софьи Андреевны с Сашей и Варварой Михайловной. Но Чертков еще все так же далек от меня. Мне особенно жалко его и Галю, которым это очень больно. Было мало писем, на которые отвечал. Вчера же целый день лежал не вставая.

6 октября. Встал бодрее, но очень слаб, гулял. Кое-что записал. Саша переписет. Сейчас записать.

1) Гуляя, особенно ясно, живо чувствовал жизнь телят, овец, кротов, деревьев, - каждое, кое-как укоренившееся, делает свое дело - выпустило за лето побег;

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

семечко – елки, желуди превратились в дерево, в дубок, и растут, и будут столетними, и от них новые, и так же овцы, кроты, люди. И происходило это бесконечное количество лет, и будет происходить такое же бесконечное время, и происходит и в Африке, и в Индии, и в Австралии, и на каждом кусочке земного шара. А и шаров – то таких тысячи, миллионы. И вот когда ясно поймешь это, как смешны разговоры о величии чего-нибудь человеческого или даже самого человека. Из тех существ, которых мы знаем, да – человек выше других, но как вниз от человека – бесконечно низших существ, которых мы отчасти знаем, так и вверх должна быть бесконечность высших существ, которых мы не знаем потому, что не можем знать. И тут – то при таком положении человека говорить о каком-нибудь величии в нем – смешно. Одно, что можно желать от себя, как от человека, это только то, чтобы не делать глупостей. Да, только это. [...]

[7 октября] 6-го ничего не хотелось и не мог работать и не работал. Письма малоинтересные. На душе мрачно. Все-таки поехал верхом. Вечером много народа: Страхов с дочерью, Булыгин, Буланже. Мне тяжело и скучно говорить.

7 октября. Мало спал. Та же слабость. Гулял и записал о панибратстве с богом. Саша списала. Ничего не делал, кроме писем, и то мало. Таня ездила к Черткову. Он хочет приехать в 8, т. е. сейчас. Буду помнить, что надо помнить, что я живу для себя, перед богом. Да, горе в том, что когда один – помню, а сойдуся – забываю. Читал Шопенгауера. Надо сказать Черткову. Вот и все до 8 часов.

Был Чертков. Очень прост и ясен. Много говорили обо всем, кроме наших затрудненных отношений. Оно и лучше. Он уехал в 10-м часу. Соня опять впала в истерический припадок, было тяжело.

8 октября. Встал рано, пошел навстречу лошадям, отвозившим милую Танечку. Простился с ней. Саша с Варварой Михайловной тоже провожали, вернулся домой. Поправил "О социализме". Пустая статья. Потом читал Николаева. Сначала очень понравилось, но потом, особенно конспект первой части, менее. Есть недостатки, неточности, натяжки. Пришла Соня, я ей высказал все, что хотел, но не мог быть спокоен. Очень разволновался. Потом ездил с Душаном, спал, обедал. Вечером читал опять Николаева, конспект первой части, который мне не понравился. Теперь 11-й час, ложусь.

[9 октября] Здоровье лучше. Ходил и хорошо поутру думал, а именно:

1) Тело? Зачем тело? Зачем пространство, время, причинность? Но ведь вопрос: зачем? есть вопрос причинности. И тайна, зачем тело, остается тайной.

2) Спрашивать надо: не зачем я живу, а что мне делать. Дальше не буду выписывать. Ничего не писал, кроме пустого письма. На душе хорошо, значительно, религиозно и оттого хорошо. Читал Николаева – хуже. Ездил с Душаном. Написал Гале письмецо. Вечер тихо, спокойно, читал о социализме и тюрьмах в "Русском богатстве". Ложусь спать.

10 октября. Встал поздно, в 9. Дурной признак, но провел день хорошо. Начинаю привыкать к работе над собой, к вызыванию своего высшего судьи и к прислушиванию к его решению о самых, кажущихся мелких, вопросах жизни. Только успел прочитать письма и "Круг чтения" и "На каждый день". Потом поправил корректуры 3-х книжечек "Для души". Они мне нравятся. Ходил до обеда. Соня Илюшина с дочерью. Буланже и потом Наживин. Хорошо беседовали. Он мне близок. Ложусь спать. [...]

11 октября. Летят дни без дела. Поздно встал. Гулял. Дома Софья Андреевна опять взволнована воображаемыми моими тайными свиданиями с Чертковым. Очень жаль ее, она больна. Ничего не делал, кроме писем и пересмотра предисловия.

Ездил с Душаном очень хорошо. После обеда беседовал с Наживиным. Записать:

1) Любовь к детям, супругам, братьям – это образчик той любви, какая должна и может быть ко всем.

2) Надо быть, как лампа, закрытым от внешних влияний ветра – насекомых и при этом чистым, прозрачным и жарко горящим.

Все чаще и чаще при общении с людьми вспоминаю, кто я настоящий и чего от себя требую, только перед богом, а не перед людьми.

12 октября. Встал поздно. Тяжелый разговор с Софьей Андреевной. Я больше молчал. Занимался поправкой "О социализме". Ездил с Булгаковым навстречу Саше. После обеда читал Достоевского. Хороши описания, хотя какие-то шуточки, многословные и мало смешные, мешают. Разговоры же невозможны, совершенно неестественны. Вечером опять тяжелые речи Софьи Андреевны. Я молчал., Ложусь. 13 октября. Все не бодр умственно, но духовно жив.

Опять поправлял "О социализме". Все это очень ничтожно. Но начато. Буду сдержаннее, экономнее в работе. А то времени немного впереди, а тратишь по пустякам. Может быть, и напишешь что-нибудь пригодное.

Софья Андреевна очень взволнована и страдает. Казалось бы, как просто то, что предстоит ей: доживать старческие годы в согласии и любви с мужем, не вмешиваясь в его дела и жизнь. Но нет, ей хочется – бог знает чего хочется хочется мучать себя. Разумеется, болезнь, и нельзя не жалеть.

14 октября. Все то же. Но нынче телесно очень слаб. На столе письмо от Софьи Андреевны с обвинениями и приглашением, от чего отказаться? Когда она пришла, я попросил оставить меня в покое. Она ушла. У меня было стеснение в груди и пульс 90 с лишком. Опять поправлял "О социализме". Пустое занятие. Перед отъездом пошел к Софье Андреевне и сказал ей, что советую ей оставить меня в покое, не вмешиваясь в мои дела. Тяжело.

Ездил верхом. Дома г-жа Ладыженская. Я совсем забыл ее.

Спал. Приехал Иван Иванович. Хорошо говорил с ним и Беленьким. Читал свои старинные письма. Поучительно. Как осуждать молодежь и как не радоваться на то, что доживешь до старости.

15 октября. Встал рано, думал о пространстве и веществе, запишу после. Гулял. Письма и книжечка – полая похоть. Не нравится. Приехали Стахович, Долгоруков с господином и Горбунов, и Сережа. Софья Андреевна спокойнее. Ездил с Душаном. Хотел ехать к Чертковым, но раздумал. Вечером разговоры, не очень скучные. Ложусь спать.

16 октября. Не совсем здоров, вял. Ходил, ничего не думалось. Письма, поправлял "О социализме", но скоро почувствовал слабость и оставил. Сказал за завтраком, что поеду к Чертковым. Началась бурная сцена, убежала из дома, бегала в Телятинки. Я поехал верхом, послал Душана сказать, что не поеду к Чертковым, но он не нашел ее. Я вернулся, ее все не было. Наконец, нашли в 7-м часу. Она пришла и неподвижно сидела одетая, ничего не ела. И сейчас вечером объяснялась нехорошо. Совсем ночью трогательно просталась, признавала, что мучает меня, и обещала не мучить. Что-то будет?

17 октября. Встал в 8, ходил по Чепыжу. Очень слаб. Хорошо думал о смерти и написал об этом Черткову. Софья Андреевна пришла и все так же мягко, добро обходилась со мной. Но очень возбуждена и много говорит. Ничего не делал, кроме писем. Не могу работать, писать, но слава богу, могу работать над собой. Все подвигаюсь. Читал Шри Шанкара. Не то.[...]

18 октября. Все слаб. Да и дурная погода. Слава богу, без желания чувствую хорошую готовность смерти. Мало гулял. Тяжелое впечатление просителей двух не умею обойтись с ними. Грубого ничего не делаю, но чувствую, что виноват, и тяжело. И поделом. Ходил по саду. Мало думал. Спал и встал очень слабый. Читал Достоевского и удивлялся на его неряшливость, искусственность, выдуманность, и читал Николаева "Понятие о боге". Очень, очень хороши первые 3 главы 1-ой части. Сейчас готовлюсь к постели. Не обедал, и очень хорошо.

19 октября. Ночью пришла Софья Андреевна: "Опять против меня заговор". "Что такое, какой заговор?" – "Дневник отдан Черткову. Его нет". – "Он у Саши". Очень было тяжело, долго не мог заснуть, потому что не мог подавить недоброе чувство. Болит печень. Приехала Молостцова. Ходил по елочкам, насилу двигаюсь.

[...] Опять ничего не делал, кроме писем. Здоровье худо. Близка перемена. Хорошо бы прожить последок получше. Софья Андреевна говорила, что жалеет вчерашнее. Я кое-что высказал, особенно про то, что если есть ненависть хоть к одному человеку, то не может быть истинной любви. Разговор с Молостцовой, скорее

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
слушание ее. Дочитал, пробежал 1-й том "карамазовых". Много есть хорошего, но так нескладно. "Великий инквизитор" и прощание Зосима. Ложусь. 12.

20. Е. б. ж. Жив, и даже несколько лучше. Но все-таки ничего серьезно не работал. Поправлял "О социализме". Тяжелое впечатление от просителей. Ездил далеко с Душаном. Приехал Михаил Новиков. Много говорил с ним. Серьезно умный мужик. Пришел еще Перевозников и Титов сын, революционер. Утром простился с Молодцовою. Все спокойно.

21 октября. Ходил не думая. Дома много писем, отвечал. Попробовал продолжать "О социализме" и решил бросить. Дурно начато, да и не нужно. Будут только повторения. Потом пришли ясенские "лобовые". Говорил с ними. Слишком мы далеки: не понимаем друг друга. Ходил по саду. Обед. Вечером приехал Дунаев. Много говорит. Устал. Одиночества мучительно хочется. Что-то было записать, забыл. В таком состоянии, как теперь, хорошо и очень хорошо то, что чувствуешь презрение к себе. С Софьей Андреевной хорошо.

22 октября. Все ничего не работаю. Дунаев добрый, горячий, естественно притворный. От Черткова письмо хорошее. Не ездил, а ходил. Говорил с отходниками. Ничего не записал. В письме Досеву много правды, но не вся. Есть и слабость. Даже для писания дневника нет охоты. Николаева книга прекрасная.

23 октября. Письмо к Досеву для меня больше всего программа, от исполнения которой я так далек еще. Одни мои разговоры с Новиковым показывают это. Смягчающее вину – это печень. Да, надо, чтоб и печень не только слушалась, но служила. Je m'entends [я понимаю то, что хочу сказать (фр.)]. Записать.

1) Я потерял память всего, почти всего прошедшего, всех моих писаний, всего того, что привело меня к тому сознанию, в каком живу теперь. Никогда думать не мог прежде о том состоянии, ежеминутного памятования своего духовного "я" и его требований, в котором живу теперь почти всегда. И это состояние я испытываю без усилий. Оно становится привычным. Сейчас после гулянья зашел к Семену поговорить об его здоровьи и был доволен собой, как медный грош, и потом, пройдя мимо Алексея, на его здоровканье почти не ответил. И сейчас же заметил и осудил себя. Вот это-то радостно. И этого не могло бы быть, если бы я жил в прошедшем, хотя бы сознавал, помнил прошедшее. Не мог бы я так, как теперь, жить большей частью безвременной жизнью в настоящем, как живу теперь. Как же не радоваться потере памяти? Все, что я в прошедшем выработал (хотя бы моя внутренняя работа в писаниях), всем этим я живу, пользуюсь, но самую работу – не помню. Удивительно. А между тем думаю, что эта радостная перемена у всех стариков: жизнь вся сосредотачивается в настоящем. Как хорошо!

Приехал милый Булгаков. Читал реферат, и тщеславие уже ковыряет его. Письмо доброе от священника, отвечал ему. Немного подвинулся в статье "О социализме", за которую опять взялся. Ездил верхом. Весь вечер читал копеечные книжечки, разбирая их по сортам. Написал утром Гале письмецо. От Гусева письмо его о Достоевском, как раз то же, что я чувствую.

24 октября. Нынче получил два письма: одно о статье Мережковского, обличающее меня, другое от немца за границей, тоже обличающее. И мне было больно.

[...] Приехал Гастев и г-жа Альмединген. Читал письма и отвечал, больше ничего не делал. Утром обыскался.

Начал делать несвойственную годам гимнастику и повалил на себя шкаф. То-то дурень. Чувствую себя слабым. Но помню себя, и за то спасибо. Немного занялся "Социализмом". Гастев очень хорошо рассказывал о Сютаеве и казаке. Необходимо для народа руководитель в религиозной области и начальник в мирской.

1) Очень живо представил себе рассказ о священнике, обращающем свободного религиозного человека, и как обратитель сам обращается. Хороший сюжет. Ездил с Булгаковым. Вечер тяжело.

25 октября. Встал очень рано, но все-таки ничего не делал. Ходил в школу и к Прокофию, поговорил с его сыном, отданным в солдаты. Хороший мальчик, обещал не пить. Потом немного "О социализме". Ездил в школу с Альмединген и потом с Душаном далеко. Вечером читал Montaign'a. Приехал Сережа. Он мне приятен. Софья Андреевна все так же тревожна.

26 октября. Видел сон. Грушенька, роман, будто бы, Ник. Ник. Страхова. Чудный сюжет. Написал письмо Черткову. Записал для "О социализме". Написал Чуковскому о смертной казни. Ездил с Душаном к Марье Александровне. Приехал Андрей. Мне очень тяжело в этом доме сумасшедших. Ложусь.

27 октября. Встал очень рано. Всю ночь видел дурные сны. Хорошо ходил. Дома письма. Немного работал над письмом к Н и "О социализме", но нет умственной энергии. Ездил с Душаном. Обед. Чтение Сютаева. Прекрасное письмо хохла к Черткову. Поправлял Чуковскому. Записать нечего. Плохо кажется, а в сущности, хорошо. Тяжесть отношений все увеличивается.

28 октября. [Оптина пустынь] Лег в половине 12. Спал до 3-го часа. Проснулся и опять, как прежние ночи, услышал отворяние дверей и шаги. В прежние ночи я не смотрел на свою дверь, нынче взглянул и вижу в щелях яркий свет в кабинете и шуршание. Это Софья Андреевна что-то разыскивает, вероятно, читает. Накануне она просила, требовала, чтоб я не запираю дверей. Ее обе двери отворены, так что малейшее мое движение слышно ей. И днем и ночью все мои движенья, слова должны быть известны ей и быть под ее контролем. Опять шаги, осторожно отпирание двери, и она проходит. Не знаю отчего, это вызвало во мне неудержимое отвращение, возмущение. Хотел заснуть, не могу, поворочался около часа, зажег свечу и сел. Отворяет дверь и входит Софья Андреевна, спрашивая "о здоровье" и удивляясь на свет у меня, который она видит у меня.

Отвращение и возмущение растет, задыхаюсь, считаю пульс: 97. Не могу лежать и вдруг принимаю окончательное решение уехать. Пищу ей письмо, начинаю укладывать самое нужное, только бы уехать. Бужу Душана, потом Сашу, они помогают мне укладываться. Я дрожу при мысли, что она услышит, выйдет - сцена, истерика, и уж впредь без сцены не уехать.

В 6-м часу все кое-как уложено; я иду на конюшню велеть закладывать; Душан, Саша, Варя доканчивают укладку. Ночь - глаз выколи, сбиваюсь с дорожки к флигелю, попадаю в чашу, накальваясь, стучаюсь об деревья, падаю, теряю шапку, не нахожу, насилу выбираюсь, иду домой, беру шапку и с фонариком добираюсь до конюшни, велю закладывать. Приходят Саша, Душан, Варя. Я дрожу, ожидая погони. Но вот уезжаем. В Щекине ждем час, и я всякую минуту жду ее появления. Но вот сидим в вагоне, трогаемся, и страх проходит, и поднимается жалость к ней, но не сомнение, сделал ли то, что должно. Может быть, ошибаюсь, оправдывая себя, но кажется, что я спасал себя, не Льва Николаевича, а спасал то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мне. Доехали до Оптиной. Я здоров, хотя не спал и почти не ел. Путешествие от Горбачева в 3-м, набитом рабочим народом, вагоне очень поучительно и хорошо, хотя я и слабо воспринимал. Теперь 8 часов, мы в Оптиной.

29 октября. [Оптина пустынь - Шамордино] Спал тревожно, утром Алеша Сергеенко. Я, не поняв, встретил его весело. Но привезенные им известия ужасны. Софья Андреевна, прочтя письмо, закричала и побежала в пруд. Саша и Ваня побежали за ней и вытащили ее. Приехал Андрей. Они догадались, где я, и Софья Андреевна просила Андрея во что бы то ни стало найти меня. И я теперь, вечер 29, ожидаю приезда Андрея. Письмо от Саши. Она советует не унывать. Выписала психиатра и ждет приезда Сережи и Тани. Мне очень тяжело было весь день, да и физически слаб. Гулял, вчера дописал заметку в "Речь" о смертной казни. Поехал в Шамордино. Самое утешительное, радостное впечатление от Машеньки, несмотря на ее рассказ о "враге", и милой Лизаньки. Обе понимают мое положение и сочувствуют ему. Дорогой ехал и все думал о выходе из моего и ее положения и не мог придумать никакого, а ведь он будет, хочешь не хочешь, а будет, и не тот, который предвидишь. Да, думать только о том, чтобы не согрешить. А будет, что будет. Это не мое дело. Достал у Машеньки "Круг чтения" и как раз, читая 28, был поражен прямо ответом на мое положение: испытание нужно мне, благотворное мне. Сейчас ложусь. Помогите, господа. Хорошее письмо от Черткова.

30 октября. Е. б. ж. Жив, но не совсем. Очень слаб, сонлив, а это дурной признак.

Читал Новоселовскую философскую библиотеку. Очень интересно: о социализме. Моя статья "О социализме" пропала. Жалко. Нет, не жалко. Приехала Саша. Я очень обрадовался. Но и тяжело. Письма от сыновей. Письмо от Сергея хорошее, деловитое, короткое и доброе. Ходил утром нанимать хату в Шамордине. Очень устал. Написал письмо Софье Андреевне.

31 октября. [Астапово]. Все там в Шарапове [Описка: шамордине. (Примеч. ред.)]. Саша, и забеспокоились, что нас догонят, и мы поехали. В Козельске Саша догнала, сели, поехали. Ехали хорошо, но в 5-м часу стало знобить, потом 40 градусов температуры, остановились в Астапове. Любезный начальник станции дал прекрасные две комнаты.

[3 ноября. Астапово] Ночь была тяжелая. Лежал в жару два дня. 2-го приехал Чертков. Говорят, что Софья Андреевна. В ночь приехал Сережа, очень тронул меня. Нынче, 3-го, Никитин, Таня, потом Гольденвейзер и Иван Иванович. Вот и план мой. *Fais ce que doit, adv...* [Делай, что должно, пусть будет... (фр.)]

И все это на благо и другим и, главное, мне.

"ДНЕВНИК ДЛЯ ОДНОГО СЕБЯ"

1910, 29 июля. [Ясная Поляна] Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя. Нынче записать надо одно: то, что если подозрения некоторых друзей моих справедливы, то теперь начата попытка достичь цели лаской. Вот уже несколько дней она целует мне руку, чего прежде никогда не было, и нет сцен и отчаяния. Прости меня бог и добрые люди, если я ошибаюсь. Мне же легко ошибаться в добрую, любовную сторону. Я совершенно искренно могу любить ее, чего не могу по отношению к Льву. Андрей просто один из тех, про которых трудно думать, что в них душа божия (но она есть, помни). Буду стараться не раздражаться и стоять на своем, главное, молчанием. Нельзя же лишить миллионы людей, может быть, нужного им для души. Повторяю: "может быть". Но даже если есть только самая малая вероятность, что написанное мною нужно душам людей, то нельзя лишить их этой духовной пищи для того, чтобы Андрей мог пить и развратничать и Лев мазать и... Ну да бог с ними. Делай свое и не осуждай... Утро.

День, как и прежние дни: нездоровится, но на душе меньше недоброго. Жду, что будет, а это-то и дурно.

Софья Андреевна совсем спокойна.

30 июля. Чертков вовлек меня в борьбу, и борьба эта очень и тяжела, и противна мне. Буду стараться любя (страшно сказать, так я далек от этого) вести ее.

В теперешнем положении моем едва ли не главное нужное - это не делание, не говорение. Сегодня живо понял, что мне нужно только не портить своего положения и живо помнить, что мне ничего, ничего не нужно.

31 июля. Прошел вечер праздно. Приезжали Ладыженские, я слишком много болтал. Софья Андреевна опять не спала, но не зла. Я жду.

1 августа. Спал хорошо, но все-таки скучный, грустный, безжизненный, с тяжелым сознанием нелюбви вокруг себя и, увы, в себе. Помогите, господа! Саша опять кашляет. Софья Андреевна рассказывала Поше все то же. Все это живет: ревность к Черткову и страх за собственность. Очень тяжело. Льва Львовича не могу переносить. А он хочет поселиться здесь. Вот испытание! Утром письма. Дурно писал, поправил одну корректуру. Ложусь спать в тяжелом душевно состоянии. Плох я.

2 августа. Е. б. ж. Очень, очень понял свою ошибку. Надо было собрать всех наследников и объявить свое намерение, а не тайно. Я написал это Черткову. Он очень огорчился. Ездил в Колпну. Софья Андреевна выехала. проверять, подкарауливать, копается в моих бумагах. Сейчас допрашивала, кто передает письма от Черткова: "Вами ведется тайная любовная переписка". Я сказал, что не хочу говорить, и ушел, но мягко. Несчастливая, как мне не жалеть ее. Написал Гале письмо.

3 августа. Ложишься с тоской на сердце и с такой же тоской просыпаешься. Все не могу преодолеть. Ходил под дождем. Дома занимался. Ездил с Гольденвейзером. Мне с ним отчего-то тяжело. Письмо от Черткова. Он очень огорчен. Я говорю "да" и решил ждать и ничего не предпринимать. Очень хорошо то, что я чувствую себя дрянным. Вечером записка сумасшедшая от Софьи Андреевны и требование, чтобы я прочел. Я заглянул и отдал. Она пришла и начала говорить. Я заперся, потом убежал и послал Душана. Чем это кончится? Только бы самому не согрешить. Ложусь.

Е. б. ж.

4 августа. Нынче ничего не было тяжелого, но мне тяжело. Покончил корректуры, но ничего не писал. Погорячился с гимназистами и напрасно, принял и дал книгу студенту с женой. Очень много суеты. Ездил с Душаном к Ладыженским. Поша уезжает, а приезжает Короленко.

5 августа. Немножко светлее думал. Совестно, стыдно, комично и грустно мое воздержание от общения с Чертковым. Вчера утром была очень жалка, без злобы. Я всегда так рад этому – мне так легко жалеть и любить ее, когда она страдает, а не заставляет страдать других.

6 августа. Нынче, лежа в постели, пришла мысль, очень – мне показавшаяся, важной. Думал, запишу после. И забыл, забыл и не могу вспомнить. Сейчас встретил тут же, где записывал это, Софью Андреевну. Она идет скоро, страшно взволнованная. Мне очень жалко стало ее. Сказал дома, чтобы за ней посмотрели тайно, куда она пошла. Саша же рассказала, что она ходит не без цели, а подкарауливая меня. Стало менее жалко. Тут есть недоброта, и я еще не могу быть равнодушен – в смысле любви к недоброму. Думаю уехать, оставив письмо, и боюсь, хотя думаю, что ей было бы лучше. Сейчас прочел письма, взялся за "Безумие" и отложил. Нет охоты писать, ни силы. Теперь 1-й час. Тяжело вечное прятание и страх за нее.

7 августа. Беседа с Короленко.. Умный и хороший человек, но весь под суеверием науки. Очень ясна предстоящая работа, и жалко будет не написать ее, а сил как будто нет. Все смешивается, нет последовательности и упорства в одном направлении. Софья Андреевна спокойнее, но та же недоброта ко всем и раздражение. Прочел у Корсакова "паранойа" как с нее списано. Книга была у Саши, и подчеркнуты места, вероятно, ею. Короленко мне говорит: "А какой хороший человек Александра Львовна". А у меня слезы в горле от умиления, и не могу говорить. Когда оправился, говорю: я не имею права говорить, она слишком меня любит.

Короленко. Ну, так я имею право.

С Львом все так же тяжело, но слава богу, нет недоброго чувства.

8 августа. Встал рано. Много, много мыслей, но все разбросанные. Ну и не надо. Молюсь, молюсь: помоги мне. И не могу, не могу не желать, не ждать с радостью смерти.

Разделение с Чертковым все более и более постыдно. Я явно виноват.

Я как благая овца. Как гаркнет на нас.

Опять то же с Софьей Андреевной. Желает, чтоб Чертков ездил. Опять не спала до 7-и утра.

"с винополией – ехали".

У меня пропала память, да совсем, и, удивительное дело, я не только ничего не потерял, а выиграл и страшно много – в ясности и силе сознания. Я даже думаю, что всегда одно в ущерб другому.

9 августа. Все серьезнее и серьезнее отношусь к жизни. Опять волнение. Разговоры с Фере, с Сашей. Саша резка. Лева – большое и трудное испытание.

10 августа. Все так же тяжело и нездоровится. Хорошо чувствовать себя виноватым, и я чувствую. [...]

В первый раз вчера, когда писал письмо Гале, почувствовал свою виноватость во всем и естественное желание – просить прощение и сейчас, думая об этом, почувствовал "радость совершенную". Как просто, как легко, как освобождает от славы людской, как облегчает отношения с людьми. Ах, если бы это не было самообман и удержалось бы.

11 августа. Здоровье все хуже и хуже. Софья Андреевна спокойна, но так же чужда. Письма. Отвечал два. Со всеми тяжело. Не могу не желать смерти. Длинное письмо

Дневники. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

от Черткова, описывающее все предшествовавшее. Очень было грустно, тяжело читать и вспоминать. Он совершенно прав, и я чувствую себя виноватым перед ним. Поша был не прав. Я напишу тому и другому. Все это я пишу.

12 августа. Решил вчера все сказать Тане. Нынче с утра тяжелое чувство, недоброе к ней, к Софье Андреевне. А надо прощать и жалеть, но пока не могу.

Сказал Тане. Она рада и согласна. Чертков очень доволен моим письмом, по словам Саши. Не выходил весь день. Вечером Ге хорошо рассказывал о Швейцарии. Софья Андреевна очень взволнована и всегда в таком положении – очевидно больная – мне очень жалка. Ложусь.

13 августа. Все то же и так же тяжело, опасно с ней. От Черткова хорошее письмо – чтобы я не ездил прощаться, если это может помешать отъезду. Танечка – приятна, мила.

14 августа. Все хуже и хуже. Не спала ночь. Выскочила с утра. "С кем ты говоришь". Потом рассказывала ужасное. [...] Страшно сказать. [Вымарано 3 слова]

Ужасно, но, слава богу, жалка, могу жалеть. Буду терпеть. Помоги бог. Всех измучила и больше всего себя. Едет с нами. Варю как будто выгоняет. Саша огорчена. Ложусь.

15 августа. Дорогой в Кочеты думал о том, как, если только опять начнутся эти тревоги и требования, я уеду с Сашей. Так и сказал. Так думал дорогой. Теперь не думаю этого. Приехали спокойно, но вечером я брал у Саши тетрадь, она увидела: "Что такое?" – Дневник. Саша списывает.

16 августа. Нынче утром опять не спала. Принесла мне записку о том, что Саша выписывает из дневника для Черткова мои обвинения ее. Перед обедом я старался успокоить, сказав правду, что выписывает Саша только отдельные мысли, а не мои впечатления жизни. Хочет успокоиться и очень жалка. Теперь 4-й час, что-то будет. Я не могу работать. Кажется, что и не надо. На душе недурно.

17 августа. Нынче хороший день. Соня совсем хороша. Хороший и тем, что мне тоскливо. И тоска выражается молитвой и сознанием.

18 августа. Софья Андреевна, узнав о разрешении Черткову жить в Телятинках, пришла в болезненное состояние. "Я его убью". Я просил не говорить и молчал. И это, кажется, подействовало хорошо. Что-то будет. Помоги мне, бог, быть с тобою и делать то, что ты хочешь. А что будет, не мое дело. Часто, нет, не часто, но иногда бываю в таком душевном состоянии, и тогда как хорошо!

19 августа. Софья Андреевна с утра просила обещать прежние обещания и не делать портретов. Я напрасно согласился. Письмо от Черткова хорошее. Верно пишет о тех приемах, которые наилучшим образом действуют на больных. За обедом некстати рассказал об Arago tout court. И стыдно стало. И стыдно, что стыдно.

20 августа. Хорошо говорил с сторожем. Нехорошо, что рассказал о своем положении. Ездил верхом, и вид этого царства господского так мучает меня, что подумываю о том, чтобы убежать, скрыться.

Нынче думал, вспоминая свою женитьбу, что это было что-то роковое. Я никогда даже не был влюблен. А не мог не жениться.

21 августа. Встал поздно. Чувствую себя свежее. Софья Андреевна все та же. Тане рассказывала, как она не спала ночь, оттого что видела портрет Черткова. Положение угрожающее. Хочется, хочется сказать, то есть писать.

22 августа. Письмо от Россолимо, замечательно глупое о положении Софьи Андреевны и письмо от Б. очень хорошее.

Веду себя довольно хорошо.

23 и 24 августа. Понемногу оживаю. Софья Андреевна, бедная, не переставая страдает, и я чувствую невозможность помочь ей. Чувствую грех своей исключительной привязанности к дочерям.

25. Варвара Михайловна пишет о сплетнях у Звягинцевой. Сашу это раздражает. Мне, слава богу, все равно, но ухудшает мое чувство к ней. Не надо. Ах, если бы уметь мягко, но твердо.

26 августа. Софья Андреевна ночью говорила горячо с Таней. Она совершенно безнадежна своей непоследовательностью мысли. Я рад, что на ее вызовы и жалобы - молчал. Слава богу, не имею ни малейшего дурного чувства.

27 августа. Ужасно жалка и тяжела. Сейчас вечером стала говорить о портретах, очевидно, с своей болезненной точки зрения. Я старался отделаться. И ушел.

28 августа. Все тяжелее и тяжелее с Софьей Андреевной. Не любовь, а требование любви, близкое к ненависти и переходящее в ненависть.

Да, эгоизм - это сумасшествие. Ее спасали дети - любовь животная, но все-таки самоотверженная. А когда кончилось это, то остался один ужасный эгоизм. А эгоизм самое ненормальное состояние - сумасшествие.

Сейчас говорил с Сашей и Михаилом Сергеевичем, и Душан, и Саша не признают болезни. И они не правы.

29 и 30. Вчера было ужасное утро, без всякой причины. Ушла в сад, лежала там. Потом затихла. Говорили хорошо. Уезжая, трогательно просила прощения. Сегодня 30 мне нездоровится. Mavor. Саша телеграфировала, что хорошо. Что-то будет?

31 [августа], 1 [сентября]. Я написал из сердца вылившееся письмо Соне.

Сегодня - 2 сентября, получил очень дурное письмо от нее. Те же подозрения, та же злоба, то же комическое, если бы оно не было так ужасно и мне мучительно, требование любви.

Нынче в "Круге чтения" Шопенгауэра: "Как попытка принудить к любви вызывает ненависть, так..."

3 сентября и 4. Приехала Саша. Привезла дурные вести. Все то же. Софья Андреевна пишет, что придет. Сжигает портреты, служит молебен в доме. Когда один, готовлюсь быть с ней тверд и как будто могу, а с ней ослабеваю. Буду стараться помнить, что она больная.

Нынче 4-го была тоска, хотелось умереть и хочется.

5, 6, 7, 8. Приехала Софья Андреевна. Очень говорлива. но сначала ничего не было тяжелого, но с вчерашнего дня началось, намеки, отыскивание предлогов осуждения. Очень тяжело. Нынче утром прибежала, чтобы рассказать гадость про Зосю. Держусь и буду держаться, сколько могу, и жалеть, и любить ее. Помоги бог.

8, 9, 10. Вчера 9-го целый день была в истерике, ничего не ела, плакала. Была очень жалка. Но никакие убеждения и рассуждения неприемлемы. Я кое-что высказал и, слава богу, без дурного чувства, и она приняла, как обыкновенно, не понимая. Я сам вчера был плох - мрачен, уныл. Она получила письмо Черткова и отвечала ему. От Гольденвейзера письмо с выпиской В. М., ужаснувшей меня.

Нынче 10-го все то же. Ничего не ест. Я вошел. Сейчас укоры и о Саше, и что ей надо в Крым. Утром думал, что не выдержу, и придется уехать от нее. С ней нет жизни. Одна мука. Как ей и сказал: мое горе то, что я не могу быть равнодушен.

[11 сентября] К вечеру начались сцены беганья в сад, слезы, крики. Даже до того, что, когда я вышел за ней в сад, она закричала: это зверь, убийца, не могу видеть его, и убежала нанимать телегу и сейчас уезжать. И так целый вечер. Когда же я вышел из себя и сказал ей *son fait* [всю правду (фр.)], она вдруг сделалась здорова, и так и нынче 11-го. Говорить с ней невозможно, потому что, во-первых, для нее не обязательна ни логика, ни правда, ни правдивая передача слов, которые ей говорят или которые она говорит. Очень становлюсь близок к тому, чтобы убежать. Здоровье нехорошо стало.

12 сентября. Софья Андреевна после страшных сцен уехала. Понемногу успокаиваюсь.

[16 - 17 сентября] Но письма из Ясной ужасные. Тяжело то, что в числе ее

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

безумных мыслей есть и мысль о том, чтобы выставить меня ослабевшим умом и потому сделать недействительным мое завещание, если есть таковое. Кроме того, все те же рассказы обо мне и признания в ненависти ко мне. Получил письмо от Черткова, подтверждающее советы всех о твердости и мое решение. Не знаю, выдержу ли.

Нынче ночь 17-го.

Хочу вернуться в Ясную 22-го.

22 утро. Еду в Ясную, и ужас берет при мысли о том, что меня ожидает. Только *fais ce que doit...* [делай, что должно... (фр.)] А главное, молчать и помнить, что в ней душа - бог.

24 сентября. [Ясная поляна] Потерял маленький дневник. Пишу здесь. Начало дня было спокойно. Но за завтраком начался разговор о "Детской мудрости", что Чертков, коллекционер, собрал. Куда он денет рукописи после моей смерти? Я немного горячо попросил оставить меня в покое. Казалось, ничего. Но после обеда начались упреки, что я кричал на нее, что мне бы надо пожалеть ее. Я молчал. Она ушла к себе, и теперь 11-й час, она не выходит, и мне тяжело. От Черткова письмо с упреками и обличениями. Они разрывают меня на части. Иногда думается: уйти ото всех. Оказывается, она спала и вышла спокойная. Я лег после 12-ти.

25 сентября. Проснулся рано, написал письмо Черткову. Надеюсь, что он примет его, как я прошу. Сейчас одеваюсь. Да, все дело мое с богом, и надо быть одному. Опять просьба стоять для фотографии в позе любящих супругов. Я согласился, и все время стыдно. Саша рассердилась ужасно. Мне было больно. Вечером я позвал ее и сказал: мне не нужна твоя стенография, но твоя любовь. И мы оба хорошо, целуясь, поплакали.

26 сентября. Опять сцены из-за того, что я повесил портреты, как были. Я начал говорить, что невозможно так жить. И она поняла. Душан говорил, что она стреляла из детского пистолета, чтобы испугать меня. Я не испугался и не ходил к ней. И действительно, лучше. Но очень, очень трудно. Помогите господи.

27 сентября. Как комично то противоположение, в котором я живу, в котором без ложной скромности: вынашиваю и высказываю самые важные, значительные мысли, и рядом с этим: борьба и участие в женских капризах, и которым посвящаю большую часть времени.

Чувствую себя в деле нравственного совершенствования совсем мальчишкой, учеником, и учеником плохим, мало усердным.

Вчера была ужасная сцена с вернувшейся Сашей. Кричала на Марью Александровну. Саша сегодня уехала в Телятинки. И она преспокойная, как будто ничего не случилось. Показывала мне пугач-пистолет - и стреляла, и лгала. Нынче ездила за мной на прогулке, вероятно, выслеживая меня. Жалко, но трудно. Помогите господи.

28 сентября. Очень тяжело. Эти выражения любви, эта говорливость и постоянное вмешательство. Можно, знаю, что можно все-таки любить. Но не могу, плох.

29 сентября. Саша хочет еще пожить вне дома. Боюсь за нее. Софья Андреевна лучше. Иногда находит на меня ложный стыд за свою слабость, а иногда, как нынче, радуюсь на эту слабость.

Нынче в первый раз увидел возможность добром - любовью покорить ее. Ах, кабы...

30 сентября. Нынче все то же. Много говорит для говоренья и не слушает. Были нынче тяжелые минуты, от своей слабости: видел неприятное, тяжелое, где его нет и не может быть для истинной жизни.

1 октября. Ужасно тяжело недоброе чувство к ней, которое не могу преодолеть, когда начинается это говоренье, говоренье без конца и без смысла и цели. Черткова статья о душе и боге, боюсь, что слишком ум за разум. Радостно, что одно и то же у всех истинно самобытных религиозных людей. У Antoin'a le Guerisseur тоже.

2 октября. С утра первое слово о своем здоровье, потом осуждение, и разговоры

без конца, и вмешательство в разговор. И я плох. Не могу победить чувства нехорошего, недоброго. Нынче живо почувствовал потребность художественной работы и вижу невозможность отдаться ей от нее, от неотвязного чувства о ней, от борьбы внутренней. Разумеется, борьба эта и возможность победы в этой борьбе важнее всех возможных художественных произведений.

III

5 октября, 10 года. Отдал листки и нынче начинаю новое. И как будто нужно начинать новое: 3-го я после передобеденного сна впал в беспамятство. Меня раздевали, укладывали, [...] я что-то говорил и ничего не помню. Проснулся, опомнился часов в 11. Головная боль и слабость. Вчера целый день лежал в жару, с болью головы, ничего не ел и в той же слабости. Так же и ночь. Теперь 7 часов утра, все болит голова и печень и ноги, и ослаб, но лучше. Главное же моей болезни то, что она помирила Сашу с Софьей Андреевной. Саша особенно была хороша.

Варя приехала. Еще посмотрим. Борюсь с своим недобрым чувством к ней, не могу забыть этих трех месяцев мучений всех близких мне людей и меня. Но поборю. Ночь не спал, и не сказать, чтобы думал, а бродили в голове мысли.

[7 октября] Вчера 6 октября. Был слаб и мрачен. Все было тяжело и неприятно. От Черткова письмо. Он считает это напрасно. Она старается и просила его приехать. Сегодня Таня ездила к Чертковым. Галя очень раздражена. Чертков решил приехать в 8, теперь без 10 минут. Софья Андреевна просила, чтобы я не целовался с ним. Как противно. Был истерический припадок.

Нынче 8-ое. Я высказал ей все то, что считал нужным. Она возражала, и я раздражился. И это было дурно. Но может быть, все-таки что-нибудь останется. Правда, что все дело в том, чтобы самому не поступить дурно, но и ее не всегда, но большею частью искренно жалко. Ложусь спать, проведя день лучше.

9 октября. Она спокойна, но затевает говорить о себе. Читал истерию. Все виноваты, кроме нее. Не поехал к Чертковым и не поеду. Спокойствие дороже всего. На душе строго, серьезно.

10 октября. Тихо, но все неестественно и жутко. Нет спокойствия.

11 октября. С утра разговор о том, что я вчера тайно виделся с Чертковым. Всю ночь не спала. Но спасибо, борется с собой. Я держался хорошо, молчал. Все, что ни случается, она переводит в подтверждение своей мании - ничего...

12 октября. Опять с утра разговор и сцена. Что-то, кто-то ей сказал о каком-то моем завещании дневников Черткову. Я молчал. День пустой, не мог работать хорошо. Вечером опять тот же разговор. Намеки, выпытывания.

13 октября. Оказывается, она нашла и унесла мой дневник маленький. Она знает про какое-то, кому-то, о чем-то завещание - очевидно, касающееся моих сочинений. Какая мука из-за денежной стоимости их - и боится, что я помешаю ее изданию. И всего боится, несчастная.

14 октября. Письмо с упреками за какую-то бумагу о правах, как будто все главное в денежном вопросе - и это лучше - яснее, но когда она преувеличенно говорит о своей любви ко мне, становится на колени и целует руки, мне очень тяжело. Все не могу решительно объявить, что поеду к Чертковым.

15 октября. Было столкновение с Сашей и общее возбуждение, но сносно.

16 октября. Нынче разрешилось.

Хотел уехать к Тане, но колеблюсь. Истерический припадок, злой.

Все дело в том, что она предлагала мне ехать к Чертковым, просила об этом, а нынче, когда я сказал, что поеду, начала бесноваться. Очень, очень трудно. Помогите бог. Я сказал, что никаких обещаний не дам и не даю, но сделаю все, что могу, чтобы не огорчить ее. Отъезд завтрашний едва ли приведу в исполнение. А надобно. Да, это испытание, и мое дело в том, чтобы не сделать недоброго. Помогите бог.

17 октября. Слаб. Софья Андреевна лучше, как будто кается, но есть и в этом истерическая преувеличенность. Целует руки. Очень возбуждена, говорит не переставая. Чувствую себя нравственно хорошо. Помню, кто я. Читал Шри Шанкара. Основная метафизическая мысль о сущности жизни хороша, но все учение путаница, хуже моей.

18 октября. Все то же тяжелое отношение страха и чуждости. Нынче ничего не было. Начала вечером разговор о вере. Просто не понимает, в чем вера.

19 октября. Очень тяжелый разговор ночью. Я дурно перенес. Саша говорила о продаже за миллион. Посмотрим что. Может быть, к лучшему. Только бы поступить перед высшим судьей, заслужить его одобрение.

20 октября. Нечего записывать плохого. Плохо. Одно запишу, как меня радует и как мне слишком мила и дорога Саша.

21 октября. Очень тяжело несу свое испытание. Слова Новикова: "Походил кнутом, много лучше стала" и Ивана: "в нашем быту возжами", все вспоминаются, и недоволен собой. Ночью думал об отъезде. Саша много говорила с ней, а я с трудом удерживаю недоброе чувство.

22 октября. Ничего враждебного нет с ее стороны, но мне тяжело это притворство с обеих сторон. От Черткова письмо ко мне, письмо Досеву и заявление. Все очень хорошо, но неприятно нарушение тайны дневника. Дунаев хорошо говорил. Ужасно, что он рассказывал с ее слов ему и Марии Николаевне.

23 октября. Все так же тяжело обоюдное притворство, стараюсь быть прост, но не выходит. Мысль о Новикове не покидает. Когда я поехал верхом, Софья Андреевна пошла следить за мной, не поехал ли я к Черткову. Совестно даже в дневнике признаться в своей глупости. Со вчерашнего дня начал делать гимнастику - помолодеть, дурак, хочет - и повалил на себя шкаф и напрасно измучился. То-то дурак 82-летний.

24 октября. Саша ревела о том, что поссорилась с Таней. И я тоже. Очень тяжело, та же напряженность и неестественность.

25 октября. Все то же тяжелое чувство. Подозрения, подсматривание и грешное желание, чтобы она подала повод уехать. Так я плох. А подумаю уехать и об ее положении, и жаль, и тоже не могу. Просила у меня письмо Чертковой Гале.

26 октября. Все больше и больше тягочусь этой жизнью. Марья Александровна не велит уезжать, да и мне совесть не дает. Терпеть ее, терпеть, не изменяя положения внешнего, но работая над внутренним. Помоги, господи.

[27 октября] 25-го октября. Всю ночь видел мою тяжелую борьбу с ней. Проснусь, засну, и опять то же. Саша рассказывала про то, что говорится Варваре Михайловне. И жалко ее, и невыносимо гадко.

26-го октября. Ничего особенного не было. Только росло чувство стыда и потребности предпринять.

[28 октября. Оптиная пустынь] с 27 - 28 произошел тот толчок, который заставил предпринять. И вот я в Оптиной вечером 28. Послал Саше и письмо и телеграмму.

[29 октября] Приехал Сергеенко. Все то же, еще хуже. Только бы не согрешить. И не иметь зла. Теперь нету.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

Дневники. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!